ЛЕОНЕ КАЭТАНИ, КНЯЗЬ ТЕАНО. АННАЛЫ ИСЛАМА. ТОМ II

Части 1–7: 7–11 гг. х. (первая половина тома). Перевод с итальянского

Оглавление

Часть 1. Предисловие; 7 г. х.....3

Часть 2. 8 г. х., §§ 1–106: от обращения Амра и Халида до взятия Мекки.....69

Часть 3. 8 г. х., §§ 107–204: Хунайн, осада Таифа, аль-Джи‘рана, Бахрейн и Оман.....132

Часть 4. 9 г. х.: поход на Табук, обращение сакиф, посольства племён.....186

Часть 5. 10 г. х.....262

Часть 6. 11 г. х., §§ 1–185: смерть Магомета, избрание Абу Бакра, Ридда в Центральной Аравии.....412

Часть 7. 11 г. х., §§ 186–243: Йемен и восстание аль-Асвада, наследство Магомета и смерть Фатимы, происхождение арабского письма, составление Корана, некрологи...566

Часть 1. Предисловие; 7 г. х.

С 7-го по 12-й год хиджры. С тремя географическими картами, двумя планами, многочисленными иллюстрациями и алфавитным указателем к томам I и II. Часть I (7–11 гг. х.). Милан, Ульрико Хёпли, 1907. Перевод с итальянского.

Моему отцу в знак безмерной любви и вечной признательности

Nil aegrius est quam res secernere apertas ab dubiis, animus quas ab se protinus addit. [Нет ничего труднее, чем отделять очевидное от сомнительного, что разум тотчас добавляет от себя.]
Лукреций. *О природе вещей*, IV, 467

Предисловие ко второму тому

Первый том настоящего труда был издан осенью 1904 года в виде опыта, с целью выяснить, встретят ли его основной замысел и принятая система одобрение тех учёных, которым он был посвящён. Благосклонность, с которой был принят этот опыт, несмотря на некоторые несовершенства, неизбежные в первой попытке подобного рода, побудила меня продолжить выполнение моей программы; поэтому я с величайшим удовольствием пользуюсь настоящим случаем, чтобы поблагодарить тех превосходнейших лиц, которые удостоили меня ободрения и среди которых я почитаю за честь назвать на первом месте чтимое и славное имя моего учителя, профессора Иньяцио Гвиди. Я не исполнил бы, однако, долга признательности, если бы не упомянул и других знаменитых имён, таких как де Гуе, Нёльдеке, Гольдциэр, Захау, Пицци, Ле Стрейндж, Деранбур, отец А. Ламменс и другие, которые все соблаговолили отнестись благосклонно к моим скромным трудам и поощрить меня к их продолжению. Особенно я признателен профессору Теодору Нёльдеке и профессору Итало Пицци за многие полезные советы и ценные исправления, которые они мне сообщили. Да будет мне позволено принести здесь всем этим знаменитым ориенталистам публичную и сердечную благодарность, ибо без их авторитетной поддержки у меня, быть может, недостало бы мужества продолжать столь долгий, трудный и утомительный труд.

Настоящий том гораздо яснее первого покажет подробности принятой мною системы расположения исторического материала. В предыдущем томе, излагая предания о Магомете в виде введения и пояснения к великим историческим событиям, последовавшим за смертью Пророка Аравии, я должен был резюмировать и сжимать исторический и традиционный материал, представляя его в литературной и связной форме. Та же система, в более широком объёме, применена и в настоящем томе к последним четырём годам жизни Магомета; но, дойдя наконец до 11 г. х., с которого собственно и начинается мой труд, я должен был применить полностью задуманную мною систему, о которой я упоминал во Введении к первому тому. Здесь, однако, необходимы некоторые краткие общие пояснения, чтобы устранить возможные недоразумения или ложные толкования между читателем и автором.

Эти «Анналы» не притязают быть историей в высшем смысле этого слова, какими являются, например, труды Моммзена и Грегоровиуса по истории Рима, то есть труды синтетические и литературные. Эти «Анналы» — собственно не история мусульманских народов, а свод всего исторического материала и подготовительное его изучение, чтобы облегчить задачу историку будущего. Моей высшей целью было предоставить исследователю сырой материал таким, каков он в источниках, а не уже обработанным и видоизменённым историком и философом; я стремился к тому, чтобы добросовестный исследователь, который захочет составить собственное, независимое понятие о великих исторических проблемах ислама, мог найти в этом труде все элементы, необходимые для собственного суждения. Достижение этой цели представило, однако, огромные трудности из-за обилия материала, запутанности проблем и весьма различной ценности разных источников, и вынудило меня придумать новую систему, доселе никогда не испытанную в области исторических исследований, которую я теперь представляю на беспристрастный суд учёных, дабы другие, предупреждённые несовершенствами настоящего труда, могли легче продолжить изучение и сделать больше и лучше меня. Нет нужды подробно объяснять мою систему, ибо даже беглый просмотр настоящего тома, начиная со страницы 489, даст больше света, чем сухое теоретическое изложение. Должен, однако, прибавить, что настоящий том — не простая компиляция, а собрание исторического материала по строго научным принципам и по плану, долго обдумывавшемуся, после многих лет неудачных опытов. Достаточно сказать, что вся первая часть работы, то есть доходящая до конца 132 г. хиджры, была целых три раза полностью переделана, причём в огонь был брошен плод почти десяти лет непрерывного труда. Этот горький опыт показал мне, что самая трудная и самая тонкая часть подобных трудов — упорядочение материала, ибо от достоинства и ясности порядка зависит главная ценность таких сочинений, одновременно аналитических и синтетических.

Кому-нибудь, быть может, не понравится принятая мною летописная система, но многолетний опыт показал мне, что её неудобства меньше неудобств любой другой системы в труде подобного рода; поэтому я нисколько не сомневаюсь, что все, кто будет пользоваться настоящими «Анналами» как источником, ощутят все её преимущества. Небольшие неизбежные повторения и дробление повествования, хотя и досадные при последовательном чтении, — неудобства маловажные по сравнению с преимуществом иметь собранными в одном месте все сведения, касающиеся одного и того же года.

Следуя авторитетным советам, я счёл нужным ввести в настоящий том различные полезные улучшения. Прежде всего я предпослал ему несколько синхронистических таблиц важнейших событий и аналитический указатель содержания, которые очень облегчат поиски в такой груде сведений. Во-вторых, я составил при содействии г-на Р. Рамони полный алфавитный указатель имён и фактов, содержащихся в обоих ныне изданных томах; каждый из последующих томов будет иметь свой указатель. Это ничего не изменит в общем плане труда, ибо общий алфавитный регистр, который выйдет, если Судьба позволит мне завершить долгий путь, в конце «Анналов», составит своего рода энциклопедический репертуарий мусульманской истории и географии и

будет содержать, помимо слияния указателей отдельных томов, также очень много материала — как географического, так и биографического, исторического и филологического, — который по разным причинам невозможно было ввести в «Анналы».

Помимо указателей я счёл необходимым прибавить несколько фотографических воспроизведений знаменитых мест и памятников, а также предметов, которые могут иллюстрировать обсуждаемые вопросы, ибо ныне всеми признаётся пояснительная и убеждающая сила иллюстраций и ценная помощь, которую они оказывают исследователю. Желаю здесь выразить мою признательность знаменитому путешественнику, ориенталисту и страстному любителю ислама г-ну Уилфриду Скейвену Бланту за любезное разрешение опубликовать две редкие фотографии Медины, сделанные в 1880 году одним турецким офицером. Должен также поблагодарить учёного отца Анри Ламменса, любезности которого я обязан возможностью опубликовать в настоящем томе несколько весьма интересных фотографий. Другие — воспроизведения моих фотографий, сделанных во время долгого путешествия по Азии в 1894 году; остальные, наконец, происходят из прекрасного собрания Бонфиса в Бейруте, который любезно позволил мне их воспроизвести.

Для исторического труда подобного рода, в котором обсуждается столько запутанных географических проблем, были необходимы также несколько топографических карт, ибо опыт показал, что без них невозможно иметь точное и надёжное знание событий. Поэтому я счёл полезным опубликовать два знаменитых плана Медины и Мекки, начерченные в начале XIX века великим путешественником Буркхардтом, и три географические карты, составленные мною по данным восточных источников. Первая карта содержит ту область Аравии, в которой Магомет развернул свою военную и преобразовательную деятельность. Она основана — в части собственно географической — на открытиях редких путешественников (Даути, Юбер, Эйтинг и др.), которые отважились посетить эти почти неведомые края Аравии, а в части исторической — главным образом на источниках настоящего труда и отчасти также на географических и исторических исследованиях трудолюбивого Вюстенфельда. Разумеется, однако, что те названия, упоминаемые в «Анналах», которые ныне более не существуют, размещены лишь приблизительно, ибо указания арабских географов всегда очень неопределённы и по большей части также противоречивы и запутанны. Я удовольствовался тем, что нанёс лишь наиболее известные названия.

Вторая карта имеет целью графически изобразить взаимное расположение арабских племён в момент смерти Магомета. И эта карта по тем же причинам, что и предыдущая, не притязает на абсолютную точность, ибо скрупулёзная точность попросту невозможна при тех несовершенных данных, которыми мы располагаем. Кочевые племена находились в постоянном движении, и часто происходили изменения вследствие непрестанных братоубийственных столкновений; к тому же большая часть названий, которыми арабские географы и историки определяют границы пастбищ племён, — названия неизвестных мест, ныне более не существующих. Бо́льшая часть

Аравии всё ещё страна неисследованная; абсолютная точность поэтому невозможна. Во всяком случае можно сказать, что взаимное расположение племён верно, и при рассмотрении карты гораздо яснее станет история великой войны между племенами в 11 и 12 гг. х.

Третья карта служит для иллюстрации первых военных действий завоевания: поэтому на ней отсутствует большая часть названий, не относящихся к событиям 12 г. х. Наконец, я позволил себе в гипотетической форме, на географическом наброске, прибавить указание вероятного пути знаменитого похода Халида из Вавилонии в Сирию, когда он был призван на помощь объединённым войскам ислама против ветеранов Византии.

В последующих томах я намерен опубликовать много других карт, чтобы каждый том имел все те, которые могут понадобиться исследователю в каждом случае, без необходимости обращаться к предыдущим томам.

Я желал включить в этот том большее число лет; однако тщательное изучение источников выявило столько новых сторон исторических фактов, столько новых проблем и столько новых решений старых проблем, что я не поколебался изложить их со всей необходимой широтой, не заботясь о большом увеличении объёма материала. Труд от этого станет только полнее и полезнее. Я мог, в самом деле, заметить, что если биографы Магомета пренебрегли изучением тесной связи между событиями биографии и событиями последующей истории, то, в свою очередь, те, кто изучал мусульманскую историю от смерти Магомета и далее, не поняли всей ценной помощи, которую могло бы оказать тщательное изучение десяти лет пророческой деятельности в Медине. Результатом моих исследований, в которых я уделил особое внимание связи между двумя периодами, стало прояснение многих ошибочных представлений и весьма ощутимое изменение принятых доныне понятий как об объёме и подлинной природе преобразовательной деятельности Пророка Аравии, так и о событиях, непосредственно последовавших за его смертью. Некоторые выводы, быть может, покажутся неожиданными и удивительными, но я не сомневаюсь, что большинство учёных должно будет принять их если не целиком, то по крайней мере в общих чертах, ибо я не осмелился утверждать ничего, что не было бы основано на точных и надёжных данных, и для каждого моего утверждения привёл доказательства и документы.

Прежде чем закончить это длинное предисловие, должен с удовольствием сообщить, что в последнее время мне удалось привлечь к умному сотрудничеству нескольких молодых ориенталистов, которые ведут теперь по моему поручению разыскания в рукописях библиотек Лондона, Парижа, Берлина и других мест. Любезности д-ра Йозефа Горовица из Берлина, превосходного арабиста, ученика Захау и одного из издателей «Жизнеописаний» Ибн Са‘да, я обязан многими ценными извлечениями из рукописей Ибн Асакира и Ибн Хубайша, которые были мне весьма полезны в настоящем томе и в следующем, который выйдет, надеюсь, в будущем году. Наконец, здесь, в Риме, приношу особую благодарность д-ру Джузеппе Габриэли, библиотекарю Королевской академии деи Линчеи и даровитому ориенталисту, за

величайшее усердие и любезность, с которыми он пожелал выправить все корректуры настоящего тома. Ему я обязан многими полезными исправлениями и дополнениями.

В связи с этим должен прибавить, что отец А. Ламменс, превосходнейший арабист и, быть может, лучший знаток исламской истории начиная с завоеваний, любезно соблаговолил прочесть корректуры второй части настоящего тома, и многие его ценные замечания собраны в «Исправлениях и дополнениях». С истинным удовольствием публично повторяю здесь выражение моей признательности за его драгоценную помощь.

О других моих сотрудниках я не премину сказать в последующих томах, когда мне придётся публиковать извлечения, которыми я обязан их любезности. Параграфы, в конце которых стоит знак [Н.], — те, которыми я обязан д-ру Горовицу.

К этому предисловию я присоединил второй список источников, содержащий все новые, привлечённые при составлении этого и последующих томов.

Та же система будет соблюдаться в последующих томах; в конце труда я дам два полных списка всех источников: один алфавитный и один аналитический и хронологический.

Палаццо Каэтани — Рим, 31 января 1907 г.

[В настоящем издании перевода: дополнительный список источников (с. XV–XXIV оригинала) воспроизводится в приложении в оригинальной форме; аналитический указатель содержания (с. XXV–LIX), относящийся к обоим полутомам II тома, заменён оглавлением; синхронистическая таблица (с. LXI–LXVII) дана в приложении; «Исправления и дополнения» (с. LXIX–LXXVI) учтены непосредственно в тексте перевода, с указанием в примечаниях. Страница 489, упомянутая в предисловии, — начало 11 г. х. в оригинале. — *Прим. пер.*]

7 г. х. (11 мая 628 — 30 апреля 629)

Таблица соответствия дат, помещённая в оригинале перед текстом года, воспроизведена в пересчёте (1 мухаррама 7 г. х. = среда, 11 мая 628 г.; месяцы попеременно по 30 и 29 дней, зу-ль-хиджжа — 30 дней).

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
1	11 мая ср	10 июня пт	9 июля сб	8 авг. пн	6 сент. вт	6 окт. чт
2	12 мая чт	11 июня сб	10 июля вс	9 авг. вт	7 сент. ср	7 окт. пт
3	13 мая пт	12 июня вс	11 июля пн	10 авг. ср	8 сент. чт	8 окт. сб
4	14 мая сб	13 июня пн	12 июля вт	11 авг. чт	9 сент. пт	9 окт. вс
5	15 мая вс	14 июня вт	13 июля ср	12 авг. пт	10 сент. сб	10 окт. пн

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
6	16 мая пн	15 июня ср	14 июля чт	13 авг. сб	11 сент. вс	11 окт. вт
7	17 мая вт	16 июня чт	15 июля пт	14 авг. вс	12 сент. пн	12 окт. ср
8	18 мая ср	17 июня пт	16 июля сб	15 авг. пн	13 сент. вт	13 окт. чт
9	19 мая чт	18 июня сб	17 июля вс	16 авг. вт	14 сент. ср	14 окт. пт
10	20 мая пт	19 июня вс	18 июля пн	17 авг. ср	15 сент. чт	15 окт. сб
11	21 мая сб	20 июня пн	19 июля вт	18 авг. чт	16 сент. пт	16 окт. вс
12	22 мая вс	21 июня вт	20 июля ср	19 авг. пт	17 сент. сб	17 окт. пн
13	23 мая пн	22 июня ср	21 июля чт	20 авг. сб	18 сент. вс	18 окт. вт
14	24 мая вт	23 июня чт	22 июля пт	21 авг. вс	19 сент. пн	19 окт. ср
15	25 мая ср	24 июня пт	23 июля сб	22 авг. пн	20 сент. вт	20 окт. чт
16	26 мая чт	25 июня сб	24 июля вс	23 авг. вт	21 сент. ср	21 окт. пт
17	27 мая пт	26 июня вс	25 июля пн	24 авг. ср	22 сент. чт	22 окт. сб
18	28 мая сб	27 июня пн	26 июля вт	25 авг. чт	23 сент. пт	23 окт. вс
19	29 мая вс	28 июня вт	27 июля ср	26 авг. пт	24 сент. сб	24 окт. пн
20	30 мая пн	29 июня ср	28 июля чт	27 авг. сб	25 сент. вс	25 окт. вт
21	31 мая вт	30 июня чт	29 июля пт	28 авг. вс	26 сент. пн	26 окт. ср
22	1 июня ср	1 июля пт	30 июля сб	29 авг. пн	27 сент. вт	27 окт. чт
23	2 июня чт	2 июля сб	31 июля вс	30 авг. вт	28 сент. ср	28 окт. пт
24	3 июня пт	3 июля вс	1 авг. пн	31 авг. ср	29 сент. чт	29 окт. сб

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
25	4 июня сб	4 июля пн	2 авг. вт	1 сент. чт	30 сент. пт	30 окт. вс
26	5 июня вс	5 июля вт	3 авг. ср	2 сент. пт	1 окт. сб	31 окт. пн
27	6 июня пн	6 июля ср	4 авг. чт	3 сент. сб	2 окт. вс	1 нояб. вт
28	7 июня вт	7 июля чт	5 авг. пт	4 сент. вс	3 окт. пн	2 нояб. ср
29	8 июня ср	8 июля пт	6 авг. сб	5 сент. пн	4 окт. вт	3 нояб. чт
30	9 июня чт		7 авг. вс		5 окт. ср	

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
1	4 нояб. пт	4 дек. вс	2 янв. пн	1 февр. ср	2 марта чт	1 апр. сб
2	5 нояб. сб	5 дек. пн	3 янв. вт	2 февр. чт	3 марта пт	2 апр. вс
3	6 нояб. вс	6 дек. вт	4 янв. ср	3 февр. пт	4 марта сб	3 апр. пн
4	7 нояб. пн	7 дек. ср	5 янв. чт	4 февр. сб	5 марта вс	4 апр. вт
5	8 нояб. вт	8 дек. чт	6 янв. пт	5 февр. вс	6 марта пн	5 апр. ср
6	9 нояб. ср	9 дек. пт	7 янв. сб	6 февр. пн	7 марта вт	6 апр. чт
7	10 нояб. чт	10 дек. сб	8 янв. вс	7 февр. вт	8 марта ср	7 апр. пт
8	11 нояб. пт	11 дек. вс	9 янв. пн	8 февр. ср	9 марта чт	8 апр. сб
9	12 нояб. сб	12 дек. пн	10 янв. вт	9 февр. чт	10 марта пт	9 апр. вс
10	13 нояб. вс	13 дек. вт	11 янв. ср	10 февр. пт	11 марта сб	10 апр. пн
11	14 нояб. пн	14 дек. ср	12 янв. чт	11 февр. сб	12 марта вс	11 апр. вт
12	15 нояб. вт	15 дек. чт	13 янв. пт	12 февр. вс	13 марта пн	12 апр. ср
13	16 нояб. ср	16 дек. пт	14 янв. сб	13 февр. пн	14 марта вт	13 апр. чт
14	17 нояб. чт	17 дек. сб	15 янв. вс	14 февр. вт	15 марта ср	14 апр. пт
15	18 нояб. пт	18 дек. вс	16 янв. пн	15 февр. ср	16 марта чт	15 апр. сб
16	19 нояб. сб	19 дек. пн	17 янв. вт	16 февр. чт	17 марта пт	16 апр. вс

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
17	20 нояб. вс	20 дек. вт	18 янв. ср	17 февр. пт	18 марта сб	17 апр. пн
18	21 нояб. пн	21 дек. ср	19 янв. чт	18 февр. сб	19 марта вс	18 апр. вт
19	22 нояб. вт	22 дек. чт	20 янв. пт	19 февр. вс	20 марта пн	19 апр. ср
20	23 нояб. ср	23 дек. пт	21 янв. сб	20 февр. пн	21 марта вт	20 апр. чт
21	24 нояб. чт	24 дек. сб	22 янв. вс	21 февр. вт	22 марта ср	21 апр. пт
22	25 нояб. пт	25 дек. вс	23 янв. пн	22 февр. ср	23 марта чт	22 апр. сб
23	26 нояб. сб	26 дек. пн	24 янв. вт	23 февр. чт	24 марта пт	23 апр. вс
24	27 нояб. вс	27 дек. вт	25 янв. ср	24 февр. пт	25 марта сб	24 апр. пн
25	28 нояб. пн	28 дек. ср	26 янв. чт	25 февр. сб	26 марта вс	25 апр. вт
26	29 нояб. вт	29 дек. чт	27 янв. пт	26 февр. вс	27 марта пн	26 апр. ср
27	30 нояб. ср	30 дек. пт	28 янв. сб	27 февр. пн	28 марта вт	27 апр. чт
28	1 дек. чт	31 дек. сб	29 янв. вс	28 февр. вт	29 марта ср	28 апр. пт
29	2 дек. пт	1 янв. вс	30 янв. пн	1 марта ср	30 марта чт	29 апр. сб
30	3 дек. сб		31 янв. вт		31 марта пт	30 апр. вс

Разбой Абу Басира

§ 1. — Строгое исполнение условий, установленных договором в аль-Худайбии, стало причиной многих затруднений; самым тягостным условием было несправедливое обращение с мекканскими перебежчиками, из-за которого тотчас возникли некоторые досадные осложнения. Абу Басир Усайд б. Хариса ас-Сакафи, союзник бану Зухра в Мекке, решив принять мусульманскую веру, вскоре после аль-Худайбии покинул Мекку и пешком бежал в Медину. Племя бану Зухра пожелало воспользоваться правом, данным договором, и потребовать выдачи беглеца; два вождя племени, аль-Ахнас б.

Шарик и Азхар б. Абд Ауф, поручили Хунайсу б. Джабиру аль-Амири отвезти Пророку в Медину письмо с требованием выдать Абу Басира; с Хунайсом отправился также вольноотпущенник по имени Каусар. Оба посланца, прибыв в Медину через три дня после самого беглеца Абу Басира, вручили письмо Магомету, требуя выдачи перебежчика. Магомет, выслушав письмо, прочитанное вслух его секретарём Убаййем б. Ка‘бом, без промедления приказал передать беглеца в руки обоих мекканцев. Абу Басир прибегал к самым отчаянным мольбам и протестам, чтобы побудить Пророка изменить решение, но условия договора были ясны, и Магомет объявил, что не может поступить иначе. Чтобы утешить его, Пророк, однако, прибавил, что Бог не преминет оказать ему помощь и спасти его от язычников. Когда Абу Басира уводили, мусульмане, сочувствовавшие беглецу, кричали ему, чтобы он не падал духом, ибо Бог непременно даст ему выход: праведный человек, говорили они ему, стоит больше тысячи других. Наконец ему шепнули на ухо: «Действуй!» Абу Басир, поняв, на что намекали мединцы, решил последовать совету. Дойдя со своими двумя стражами без происшествий до Зу-ль-Хулайфы, он заявил, что желает совершить в тамошней мечети полуденную молитву: его просьба была уважена. Прислонившись затем к стене мечети и принявшись есть финики, которые он взял с собой, Абу Басир постарался войти в доверие к обоим стражам, дружески с ними болтая и настаивая, чтобы они разделили его припасы. Так ловко сумел он внушить обоим мекканцам столько доверия, что обменивался с ними даже хлебом, пока они беседовали о разных предметах. Когда все подозрения улеглись, Абу Басир навёл разговор на меч Хунайса и в конце концов попросил его посмотреть. Мекканец, ничего не подозревая, взял оружие за ножны и протянул рукоять Абу Басиру; тот, схватив рукоять и обнажив меч, не теряя ни мгновения, одним ударом убил неосторожного стража. Другой курайшит, вольноотпущенник Каусар, охваченный великим страхом, бегом бросился к Медине, куда прибыл, едва кончилась послеполуденная молитва. Ворвавшись к Пророку, с лицом, ещё искажённым волнением, он рассказал ему о случившемся. Немного спустя явился и Абу Басир, задержавшийся, чтобы завладеть добычей, снятой с убитого амирита, и навьючить всё на верблюда. Абу Басир утверждал теперь, что Пророк исполнил обязательства по договору и может отпустить его на свободу; надеясь тронуть его и другими доводами, он предложил ему пятую часть добычи, взятой у Хунайса аль-Амири. Однако Пророк, не желая брать на себя никакой ответственности за совершённое злодеяние, не только отказался от предложенной пятины, но и спросил Каусара, не желает ли тот снова взять беглеца под стражу; перепуганный вольноотпущенник отверг это предложение. Тогда Магомет объявил Абу Басира свободным идти куда угодно, дав ему, однако, понять, что предпочёл бы видеть его подальше от Медины, ибо не желал выглядеть соучастником убийства Хунайса и нарушителем договора аль-Худайбии. Абу Басир направился тогда к побережью Красного моря, в область аль-Ис, где проходил путь караванов, шедших в Сирию. Поначалу у беглеца была лишь горсть фиников, которой он поддерживал жизнь три дня; затем он питался рыбой, выброшенной на берег моря. Перебиваясь так кое-как, он сумел наконец собрать вокруг себя некоторое число мусульман (семьдесят человек), бежавших из Мекки, с которыми начал всячески досаждать курайшитам, нападая на все их караваны, проходившие в тех местах. После разных происшествий шайка Абу

Басира захватила наконец караван в целых тридцать верблюдов с таким количеством товаров, что каждому из разбойников досталось в долю добычи по тридцати динаров. Сподвижники Абу Басира хотели предложить пятую часть Пророку, но Абу Басир предупредил их, что предлагать бесполезно, ибо известно, что Магомет её отвергнет. Абу Басир приобрёл большую власть над своими товарищами-разбойниками, став их судьёй во всех делах, как мирских, так и духовных, и встречая у всех беспрекословное послушание. Действие грабежей этой шайки мнимых мусульман, терпимой Магометом, вскоре дало себя почувствовать в Мекке, где теперь раздались громкие жалобы: некоторые, как Сухайль б. Амр, глава бану Амир б. Луайй, утверждали, что Магомет ответствен за такое положение дел, и настаивали на уплате выкупа за кровь амирита, убитого Абу Басиром. При этих обстоятельствах Абу Суфьян, ссылаясь на мир, пожелал, чтобы решение щекотливого вопроса было отложено до другого, более благоприятного времени, освободив пока род бану Зухра, к которому принадлежал Абу Басир, от уплаты выкупа за кровь бану Амир б. Луайй. Курайшиты, не зная, как избавиться от Абу Басира, написали Магомету, прося его принять шайку Абу Басира в число своих приверженцев, лишь бы положить конец грабежам. Магомет принял просьбу и написал Абу Басиру, приглашая его прийти в Медину. Приказ пришёл слишком поздно, ибо Абу Басир получил письмо Пророка на смертном одре и испустил последний вздох с письмом в руке. Товарищи вырыли ему могилу и построили над ней мечеть; затем все вместе переселились в Медину (Хишам, с. 751–753; Вакиди — Велльхаузен, с. 261–262; Табари, I, с. 1551–1553; Асир, II, с. 157; Халдун, II, Прил., с. 35; *Хамис*, II, с. 26–28; Халаби, III, с. 137–138).

§ 2. — К письму, посланному Магометом шайке Абу Басира, следует, несомненно, отнести текст, сохранённый Ибн Са‘дом и приписываемый Магомету. Ибн Са‘д рассказывает, что в горах Тихамы собралось много разбойников из племён кинана, музайна, аль-Хакам и аль-Кара, а также много беглых рабов, и что эта шайка сильно досаждала караванам, проходившим по той части страны. Когда утвердилась военная власть Магомета в Медине, посольство этих разбойников явилось к нему, и Пророк после беседы с ними составил следующее послание:

«[Во имя Бога милостивого, милосердного]: это — послание от Мухаммада-Пророка, Посланника Божия (*Расуль Аллах*), рабам Божиим в аль-Кике. Если они уверуют в Бога, если будут совершать молитву и если будут платить милостыню (*закят*), то рабы, находящиеся среди них, все свободны, и Мухаммад — их покровитель. Те же из них, кто принадлежит к племенам (то есть свободные люди), не будут принуждены вернуться в свои племена: кровь, которую они пролили, и имущество, которое они взяли (читай: похитили), будут им подарены. Те же, у кого есть долги, обязаны будут уплатить их, а взамен никто не будет вправе чинить им несправедливость или проявлять к ним вражду. И в этом им покровительство (*зимма*)

Бога и покровительство Мухаммада. Мир вам!»[1] Написал Убайй б. Ка‘б (Са‘д, с. 18, § 46).

Воссоединение Зайнаб с её мужем Абу-ль-Асом

§ 3. — Говорят, что в месяце мухарраме этого года Пророк возвратил свою дочь Зайнаб её мужу Абу-ль-Асу б. ар-Раби‘у (Табари, I, с. 1591; Асир, II, с. 172; ср. 6 г. х., § 9).

Недомогание Пророка; колдовство иудеев

§ 4. — Существует предание, что в этом году Магомет стал жертвой колдовства иудеев. Предание могло возникнуть из какого-нибудь недомогания, перенесённого Пророком, и вероятно, что преданные приверженцы впоследствии истолковали болезнь как злое действие иудеев. У нас есть и другие косвенные указания на то, что Пророк начал чувствовать себя уже не так хорошо, как прежде. Это головные боли, *аш-шакика* (Табари, I, с. 1579), от которых ему пришлось страдать затем во время похода на Хайбар; к этому прибавим эпизод с отравленной овцой (ср. § 38), эпизод, который также следует толковать как благочестивое искажение желудочного расстройства, перенесённого Магометом вследствие какой-нибудь нездоровой или слишком обильной трапезы. Если к этим указаниям прибавить настоящее недомогание, мы получим доказательство того, что Пророк в течение нескольких месяцев страдал неким недугом. Рассказывают, в самом деле, что он чувствовал себя больным сорок дней, по одним, или шесть месяцев, по другим, или даже год, по словам некоторых, которые, однако, не заслуживают доверия. Тексты, в которых рассказывается этот случай, помещают события между походом в аль-Худайбию и походом на Хайбар, но точная хронология для нас не имеет значения, ибо из всех источников следует, что в течение этого года здоровье Магомета было уже не таким хорошим, как в прошлом, когда, несмотря на беспокойную и трудную жизнь, он всегда пользовался удивительной невосприимчивостью ко всяким болезням. Подробностей о болезни довольно много, но разные источники не согласны в их изложении, ибо все они, и в особенности наиболее поздние, внесли туда много баснословного. Дело, следовательно, в том, что Магомет начал чувствовать себя нехорошо и чахнуть настолько, что уже не был в состоянии разделять ложе с жёнами: отсюда тревога как самого Пророка, так и столь преданных

[1] Этот документ представляет большой интерес: самая его необычность — достаточное доказательство его подлинности, даже если какая-нибудь фраза или какая-нибудь подробность (например, заголовок) могла быть изменена позднейшей рукой при передаче. Перед нами примечательный факт: Магомет ведёт переговоры с отрядом убийц, воров и разбойников, составленным из худшего сорта людей, называет их «рабами Божиими», прощает им по политическим причинам все совершённые злодеяния, принимает их в лоно ислама на равных условиях с прочими мусульманами и гарантирует их неприкосновенность. Этот отряд находился в окрестностях Медины и никогда не досаждал мусульманам; вероятно поэтому разбойники смотрели на Магомета и его приверженцев как на шайку разбойников, находившихся в тех же условиях, что и они сами, и понятно, почему разбойники Тихамы выдвинули предложение соединиться с мединскими, чтобы действовать сообща с большей уверенностью в успехе. Поведение Магомета по отношению к курайшитам до договора в аль-Худайбии ничем не отличалось от поведения разбойников Тихамы. Если это письмо действительно то самое, о котором говорится в предыдущем параграфе, мы должны констатировать, что события, рассказанные в том параграфе, не могли произойти так, как их передаёт предание, и что Абу Басир не основал шайку, а присоединился к уже существовавшей; вероятно, Абу Басир мог быть посредником при соглашении между Магометом и этими разбойниками.

ему верующих. Все искали причину недуга, но никто не мог её объяснить. Так сложилась легенда, будто его околдовали иудеи, а именно следующим образом. У Магомета был слуга-иудей, который, дав себя подкупить дочерям одного иудея по имени Лабид б. аль-А‘сам, добыл для них несколько зубьев гребня, которым пользовался Пророк, с запутавшимися в них его волосами. Иудейки совершили над ними свои заклинания, завязали волосы одиннадцатью узлами, прикрепив их к ветви мужской пальмы, а затем зарыли всё это в колодце, называемом Би’р Зу Арван, или Зарван, который находился в квартале (*маназиль*) бану Зурайк, вблизи мединской мечети, со стороны киблы. Они завалили всё множеством камней и стали ждать последствий колдовства. Пагубное действие не замедлило сказаться: Магомет таинственным образом начал чахнуть и терять здоровье, а никто не мог найти тому причину или средство, и состояние его стало столь тяжёлым, что в конце концов пришлось вмешаться самому ангелу Гавриилу, дабы открыть Магомету две суры, CXIII и CXIV Корана, состоящие вместе из одиннадцати стихов, то есть столько же, сколько было узлов, завязанных дочерьми Лабида на волосах Магомета. По мере того как Гавриил читал Магомету стихи, узлы из волос один за другим роковым образом развязывались, и к Магомету возвращалось прежнее доброе здоровье. Есть также предание, что Магомет, вернув себе здоровье, узнал о колдовстве и покарал виновных смертью; по другой версии, он простил слугу и дочерей Лабида (*Хамис*, II, с. 45–46).

Мьюир (IV, с. 80–81), упоминая эти предания, высказывает предположение, что они возникли из последнего стиха суры CXIII, где говорится о «зле, исходящем от женщин, дующих на узлы», то есть об одной из традиционных форм колдовства, которую народное мнение приписывало ведьмам. Странно сказать, но это суеверие об узлах из волос, завязываемых ведьмами, было весьма распространено в средние века и в Европе (ср. *The Koran*, transl. by George Sale, London, 1889, с. 460, прим. r).

Общий вид Медины (фотография 1880 г.; иллюстрация оригинала, с. 8–9)

Поход на Хайбар

§ 5. — Хайбар — название области, которая находится, говорит Якут (II, с. 503, стр. 21), в восьми переходах (*бурд*) (около 150 км) от Медины, если идти в сторону Сирии. Она включала семь замков, много засеянных полей и очень много пальм,

славившихся обилием урожая, и была населена одними иудеями. Названия семи замков были (по Якуту): Хисн На‘им, Хисн Абу-ль-Хукайк, Хисн аш-Шикк, Хисн ан-Натат, Хисн ас-Суламим, Хисн аль-Ватих и Хисн аль-Катиба. Название Хайбар охватывало всю область, которую называли также Хаябир (мн. ч. от Хайбар), ибо, по Якуту, Хайбар на наречии населявших её иудеев значило «замок». Страна была также зловеще известна злокачественностью своих лихорадок, порождаемых болотами, лежавшими на дне долин (Якут, II, с. 503–505; у Вюстенфельда, *Med. Hauptstr.*, с. 15, упоминаются также замки аль-Камус и Ваджда, а у Йа‘куби, II, с. 56, — ещё два, аль-Касара (?) и аль-Марбата, которые в других источниках не встречаются). Эти названия обозначают, однако, не отдельные крепости, а группы укреплённых домов, отделённых друг от друга.

§ 6. — Многочисленные и подробные эпизоды похода на Хайбар, хотя, вероятно, в большой части апокрифические, всё же должны представлять какое-то легендарное воспоминание о действительно происшедших событиях. Поэтому для этого особого момента военной политики Пророка весьма интересно прочесть описание Хайбара, каков он ныне, сделанное единственным европейцем, когда-либо ступавшим туда, — Даути, который пробыл там с ноября 1877 по март 1878 года (*Travels in Arabia Deserta*, II, с. 77–226). Хайбар — группа широких долин, богатых родниковыми водами (см. план у Даути, II, с. 182): конфигурация страны в целом похожа по форме на пальмовый лист, то есть это множество коротких, почти параллельных друг другу долин, которые все сходятся в центральную долину (Даути, II, с. 92). Долины — это глубокие трещины в коре чёрных вулканических пород (*харра*); у них болотистое дно, полное болотных растений, с источниками слегка сернистой воды, и они окружены соляными налётами (Даути, II, с. 183). Поэтому страна, несмотря на своё плодородие, производит на путешественника зловещее впечатление, особенно из-за мрачного чёрного цвета скал, окружающих пальмовые рощи. Чёрная лава, громоздящаяся обломками, угловатые базальты, торчащие со всех сторон и загромождающие почву, придают области погребальный и пустынный вид, который, говорит Даути (II, с. 79, посл. стр., и 91, посл. стр.), внушает ужас. Ещё и ныне страна полна воспоминаний о знаменитом походе Пророка, но места, указываемые местным народным преданием, должны быть в большой части гипотетическими. Названия различных мест совершенно изменились, и из тех, что собрал Даути, ни одно не напоминает названий, употреблявшихся в 7 г. х., и они не проливают никакого света на стратегические фазы похода. Сохранились ещё следы древних цитаделей (иудейских?) (Даути, II, с. 91), а также развалины многих деревень (там же, II, с. 98–99, 101, 103 и т. д.), но фигура, которая и ныне господствует над страной, — цитадель, или крепость, аль-Хисн, возвышающаяся на природной базальтовой башне (см. иллюстрацию: Даути, II, с. 95), и она непременно должна была и во времена Магомета быть главной крепостью Хайбара. Из контекста традиционного повествования невозможно определить, какая из семи упомянутых цитаделей — та, что ныне единственная; можно было бы, однако, предположить, что это как раз цитадель первого приступа, ибо вблизи неё стоит так называемая мечеть Али, на месте, где он, говорят, убил иудея Мархаба (ср. § 21). Ныне страну возделывают негры, происходящие, вероятно, от африканских рабов, ввезённых в Хайбар для обработки

земли, когда Хайбар был отнят у иудеев при халифе Умаре и стал собственностью мусульманских латифундистов. Велика ныне бедность жителей, но мала и охота трудиться, так что многие земли лежат невозделанными и заброшенными. Тем не менее урожай Хайбара всё ещё очень значителен и по своему обилию служит пропитанием для большей части кочевых племён окрестностей, которые являются совладельцами земли вместе с жителями страны (Даути, II, с. 115). Последних ныне осталось лишь около тысячи душ (там же, II, с. 134), но, принимая во внимание заброшенные земли и большее благосостояние в древности, мы можем, пожалуй, исчислить жителей во времена Магомета много более чем в 5000, учитывая также, что площадь под обработкой тогда должна была быть гораздо больше нынешней. Помимо развалин многочисленных деревень, это засвидетельствовано и остатками многих больших плотин, построенных некогда для сбора воды в целях орошения (Даути, II, с. 181). Тогда повсюду было благоденствие и богатство; теперь же всё — упадок, бедность и разорение, следствие в большой части презренного негритянского населения, занявшего место трудолюбивых иудеев, и одряхлевшего турецкого правления — язвы, быть может, ещё большей, чем насилие и анархия кочевых племён.

§ 7. — Источники молчат о причинах похода[2], но несомненно, что Магомет решил напасть на иудейскую общину и уничтожить её исключительно по соображениям политической выгоды, а не по какой-либо иной особой причине. Это было произвольное нападение, для которого мусульманские историки даже не потрудились искать оправдания. Их молчание об этом предмете — одно из самых красноречивых. По Ибн Исхаку, поход начался в месяце мухарраме; у Вакиди же мы находим упоминание месяцев мухаррама, сафара и раби‘ I, без указания на большую вероятность одного или другого из них[3] (Хишам, с. 755; Табари, I, с. 1575–1586; Вакиди — Велльхаузен, с. 264; Асир, II, с. 165–166, принял месяц мухаррам как дату выступления; *Хамис*, II, с. 47, говорит, что Магомет пробыл в Медине всего 20 дней между аль-Худайбией и Хайбаром).

§ 8. — Нелегко дать себе отчёт в ходе похода против Хайбара, если не иметь в виду особых условий местности и поведения иудеев, которое, конечно, не было ни энергичным, ни согласным. Трудность состоит в том, что весьма скудны сведения о политическом и нравственном состоянии иудеев, которые жили между собой не в полном согласии и нередко доходили до кровавых взаимных столкновений, как доказывает одно место у аль-Вакиди (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 269 и прим. 1). Быть может, по этой причине, но, вероятнее, также из-за местных условий и

[2] Истинные чувства, с которыми мусульмане двинулись на завоевание Хайбара, а следовательно, и истинные чувства Пророка, чувственно, но откровенно выражены в предании, сохранённом аль-Бухари: передают, что Аиша, вдова Пророка, сказала: «Когда был взят Хайбар, мы сказали: теперь мы сможем наесться фиников досыта!» — иначе говоря, они стремились к завоеванию, чтобы утолить голод. См. также ниже молитву Пророка в § 13 (Бухари, III, с. 132, стр. 7; ср. *Хамис*, II, с. 61–62, посл. стр.).

[3] Из косвенных намёков преданий мы знаем, однако, что осада Хайбара происходила во время зелёных плодов и незрелых фиников, и хотя это указание всё же несколько неопределённо, время года, на которое оно намекает, можно отнести приблизительно к промежутку между мартом и июнем; это указание для нас драгоценно, ибо оно устанавливает время похода на Хайбар. В самом деле, мухаррам 7 г. х. охватывает май и июнь, тогда как джумада I приводит нас к осени, к сентябрю и октябрю, когда финики уже созрели и их собирают. Нет поэтому сомнения, что мухаррам следует предпочесть как точное время похода (Вакиди — Велльхаузен, с. 18–19; ср. также Халдун, II, Прил., с. 38, примечание на полях).

потребностей земледелия, иудеи жили не собранными в одном центре, а рассеянными по всем долинам, небольшими группами домов, укреплённых наподобие крепостей, взобравшихся на скалистые вершины местности или находившихся посреди пальмовых рощ и пшеничных полей. Каждая из этих групп имела особое название, но упоминание их с обычной беспорядочностью передатчиков легко порождает путаницу из-за нашего незнания топографического расположения мест. По-видимому, вся долина естественно делилась на три различные области, а именно: ан-Натат, аш-Шикк и аль-Катиба. Эти три названия не имели, однако, никакого значения помимо географического, ибо, насколько явствует из преданий, они не отражали никакого отдельного политического устройства; поведение иудеев заставляет даже предполагать, что у них вовсе отсутствовало какое-либо политическое устройство и что каждая семья или род защищались сами по себе. У нас нет надёжных сведений ни о каком совместном действии иудеев, тогда как известно, что разные роды позволили одолеть себя один за другим, держась всё время лишь обороны; неизвестно даже, каковы были названия различных иудейских племён. Весьма вероятно, что Магомет имел точные сведения о внутреннем состоянии иудеев Хайбара и об их великой политической и военной слабости, ибо иначе он не отважился бы на столь большое удаление от Медины, чтобы попытаться покорить столько крепостей, если бы знал, что встретит там упорное сопротивление. Мы знаем, кроме того, что он осаждал и покорял крепости одну за другой, никогда не опасаясь нападения с тыла или внезапных действий других врагов. У Магомета было всего 1600 человек, то есть число, недостаточное для одновременного покорения всех крепостей, тогда как мы ничего не знаем о числе иудеев и о силах, которыми они располагали для сопротивления. Хотя вероятно, что иудеи превосходили числом нападавших, число убитых мусульман (не более двух десятков) доказывает, что столкновение, несмотря на то что длилось более месяца, вовсе не было кровопролитным. Мы должны отвергнуть преувеличения того предания, согласно которому Хайбар защищали 10 000 воинов (ср. § 9); треть этой цифры была бы гораздо ближе к истине. Хотя, как мы заметили, нападение Магомета было совершенно неоправданным и вызванным весьма нечистыми политическими побуждениями, иудеи, со своей стороны, своим поведением безумной апатии перед энергией Пророка и полным отсутствием политического единства заслужили жестокий конец, который им уготовил Магомет. История беспощадна к непредусмотрительным, и иудеи разделили их участь. Время похода было также выбрано с расчётом, ибо договор в аль-Худайбии обеспечивал Магомета от всякого нападения со стороны курайшитов, а то, что он заключил договор на равных условиях с этими гордыми и могущественными купцами, придавало имени Магомета особый престиж: ни одно другое арабское племя не осмелилось бы в тот момент попытаться напасть на него. Наконец, в рядах приверженцев Магомета договор в аль-Худайбии вызвал живое недовольство, ибо обманул многие надежды. Удачный поход с обильной и богатой добычей был лучшим средством изгладить эти недавние огорчения.

§ 9. — Магомет после своего возвращения из аль-Худайбии, происшедшего в течение месяца зу-ль-хиджжа (по Ибн Исхаку) или к концу 6 г. х. (по аль-Вакиди), оставался в Медине до того дня, когда решил выступить на Хайбар, то есть в

промежутке между мухаррамом и джумадой I, но вероятнее всего — в первые дни нового года. Пребывание в Медине было поэтому очень кратким, и решение двинуться на Хайбар было принято так внезапно, что мусульмане смогли подойти почти врасплох под стены иудейских крепостей. Когда был объявлен приказ о выступлении, многие арабы из окрестностей Медины, сознавая верный и прибыльный исход похода, пожелали присоединиться к нему, но Пророк строго исключил из всякого участия в будущей добыче всех, кто не принимал участия в походе к аль-Худайбии. Кочевники могли идти как простые бойцы и показать рвение к вере, но не имели права ни на какую долю добычи. Это известие выдаёт истинную природу похода, сводившегося к произвольному ограблению нескольких родов, о которых все знали, что они не смогут сопротивляться и легко попадут во власть нападающего. Участие в походе на Хайбар было объявлено наградой и вознаграждением для участников похода к аль-Худайбии. Рассказывают, однако, что иудеи, ещё жившие в Медине под защитой договоров с Пророком, были весьма недовольны задуманным нападением на их единоверцев в Хайбаре и выказывали большое недоброжелательство, настаивая перед мусульманами-должниками на возвращении данных взаймы сумм. Некоторые из них, как Абдуллах б. Абу Хадрад аль-Аслами, обратились за помощью к Пророку в надежде, что он установит какое-нибудь особое облегчение для уплаты, но Магомет после зрелого размышления не пожелал сделать никакой уступки и заставил своих приверженцев полностью выполнить все их обязательства. Эти иудеи, не имея возможности задержать мусульман такими мелкими притеснениями, захотели по крайней мере попытаться их запугать, утверждая, что Хайбар защищают 10 000 воинов; этим они вызвали со стороны мусульман гневные протесты и обвинения в тайном сговоре с врагами ислама, хотя и жили под защитой мусульманской общины. Иудеи Хайбара уже довольно давно подозревали намерения Магомета, но обольщались силой своих укреплённых домов и были убеждены, что у мусульман никогда не хватит ни смелости, ни средств напасть на них. Они много рассчитывали также на союз с гатафан и позаботились распространить известие о нём и в Медине в надежде запугать и отговорить Магомета. Тем не менее они так и не узнали достоверно, каковы были планы Пророка, и беспечно убаюкивали себя ложными надеждами. Аль-Харис, отец Зайнаб, предложил иудеям Хайбара принять меры обороны на случай нападения и пожелал, чтобы перед крепостями был устроен укреплённый лагерь, дабы противостоять мусульманам в открытом поле и не дать загнать себя и одолеть в крепостях, как единоверцы в Медине. Такие советы не были благосклонно приняты иудеями, которые утверждали, что их крепости отличаются от мединских, ибо стоят на вершинах скалистых высот и их легче защищать. Мысль аль-Хариса заключалась, несомненно, в том, чтобы соединить в одно целое все военные силы иудеев, но те не пожелали признать ценность его доводов и продолжали оставаться разделёнными по крепостям, пока Магомет внезапно не появился под их стенами (Хишам, с. 755–756; Вакиди — Велльхаузен, с. 264–265; Табари, I, с. 1575; Йа‘куби, II, с. 56, утверждает, что Хайбар защищали 20 000 воинов (!); по *Хамис*, II, с. 47, Магомет взял с собой жену Умм Саламу; Халаби, III, с. 144).

§ 10. — Итак, Магомет внезапно решил выступить из Медины: он назначил своим наместником в Медине, по Ибн Исхаку, Нумайлу б. Абдуллаха аль-Лайси или, по аль-

Вакиди, Сиба‘а б. Урфуту аль-Гифари, и, собрав приверженцев, всего около 1600 человек, выступил, имея проводниками двух арабов из рода бану ашджа‘[4], а именно Хусайля б. Хариджу и Абдуллаха б. Ну‘айма. Ибн Исхак называет лишь три местности, через которые прошёл Магомет на пути из Медины в Хайбар, а именно Иср, ас-Сахба и долину ар-Раджи‘; аль-Вакиди же даёт больше подробностей и говорит, что он прошёл через Санийят аль-Вада‘, аз-Загабу, Накаму, аль-Мустанах, Иср и ас-Сахбу[5]. Придя в ас-Сахбу, Магомет оставался там от послеполуденной молитвы до вечерней и ел там *савик* (сладкую кашу из муки, Snouck Hurgronje, *Mekka*, I, с. 81, прим. 3) и финики. Затем он приказал проводнику Хусайлю вести отряды по гребню горы, так чтобы можно было подойти к Хайбару с северной стороны. Во время похода они прошли через место, откуда расходилось несколько дорог; Магомет велел назвать ему имя каждой и пожелал выбрать ту, чьё имя звучало для него наиболее благоприятным предзнаменованием, ибо он, как человек весьма суеверный, всегда любил добрые приметы и питал отвращение к зловещим именам. Во главе похода шёл Аббад б. Бишр с всадниками передового отряда, которые захватили теперь иудейского лазутчика, араба-ашджа‘ита. Аббад попытался заставить его говорить, но поначалу без успеха, ибо араб утверждал, что иудеи готовы и вооружены и ждут их, и что гатафан, их союзники, тоже в Хайбаре, придя на помощь иудеям с внушительными силами. Однако, подвергнутый ударам плети, лазутчик заговорил иначе и, получив заверение, что его пощадят и оставят в живых, признался, что жители Хайбара в великой тревоге из-за того, что Магомет замышляет против них, хотя мединские единоверцы и держали их в курсе того, что происходило в Медине, и описывали мусульман как малочисленных, слабых и плохо вооружённых. Лазутчик признался также, что среди арабских племён велико любопытство увидеть исход борьбы, начатой Магометом с иудеями, и что в племенах уже образовались две партии: одна благоприятная Пророку, другая ещё верная старому порядку вещей. Аббад привёл лазутчика к Пророку, и Умар тотчас высказал мнение, что ему следует отрубить голову, но Магомет, взяв его под своё покровительство, держал его пленником во время осады Хайбара; когда же наконец он предложил ему обратиться в ислам, араб некоторое время не хотел соглашаться, но когда Магомет дал ему понять, что лишь немедленное обращение спасёт его от скорого конца на виселице, араб не поколебался стать мусульманином. Проводник Хусайль вёл

[4] Ашджа‘ обитали как раз в области, лежащей между Мединой и Хайбаром; ср. 6 г. х., § 94.

[5] Мьюир (IV, с. 62–63 и прим.), толкуя, быть может, несколько произвольно текст Ибн Хишама, утверждает, что Магомет совершил переход из Медины всего за три форсированных перехода. Три названия местностей, данные Ибн Исхаком, означают вовсе не стоянки, где мусульмане ночевали, а в общем виде обозначают пройденный путь. Эти три названия, как мы сказали, — Иср, Сахба и Раджи‘; что они не были точными этапами мусульман, доказывает аль-Вакиди, от которого мы узнаём, например, что в ас-Сахбе Пророк остановился лишь на несколько часов после полудня. Невозможно принять толкование текста, которое придавало бы многочисленному отряду людей с оружием и поклажей скорость гонца. Несомненно, однако, что, каково бы ни было число дней, потраченных арабами, они шли с великой поспешностью и подошли почти внезапно для иудеев. По *Хамис* (II, с. 48, стр. 13), ас-Сахба была в одном переходе, *барид*, от Хайбара. По Халаби (III, с. 143), Хайбар отстоял от Медины на восемь переходов (*бурд*): каждый *барид* состоит из четырёх *фарсахов*, а каждый *фарсах* — из трёх арабских миль; следовательно, Хайбар отстоял от Медины на 96 арабских миль. Даути (II, с. 122) утверждает, что турецкие войска, быстро идя из Медины в Хайбар, тратили пять дней; в другом месте (с. 126) он говорит, однако, что очень спешащий гонец может покрыть это расстояние за 24 часа; ср. также с. 180. Ср. Самхуди, с. 231, стр. 23 и Вюстенфельд, *Med. Hauptstr.*, с. 16–18, где имеется более подробное описание переходов между Мединой и Хайбаром (восемь стоянок и три дня пути).

отряды по гребню гор, пока не дошёл до места между Хасом и ас-Сурайром; оттуда он спустился к аль-Харасе, затем, снова поднявшись, пришёл в самый Хайбар, между аш-Шиккой и ан-Нататом, ещё до рассвета и прежде, чем иудейские работники вышли из крепостей на полевые работы (Хишам, с. 757; Вакиди — Велльхаузен, с. 266–267; Бухари, III, с. 120; *Хамис*, II, с. 47–48. Передовым отрядом мусульман командовал Уккаша б. Михсан аль-Асади, ибо Али б. Абу Талиб страдал столь сильным воспалением глаз, что не мог принять никакого начальства в начале похода; там же, II, с. 48, вместо Иср даёт название Аср, или Асар, где, как сказано, Магомет построил мечеть).

§ 11. — Несомненно, иудеи уже давно были обеспокоены передвижениями Магомета и приняли некоторые меры предосторожности против нападения с его стороны, наученные участью, постигшей их мединских единоверцев. Аль-Вакиди утверждает, что иудейские воины числом 10 000 собирались каждое утро перед крепостями, чтобы упражняться в военных упражнениях, предвидя нападение Магомета. Это известие заслуживает, однако, мало доверия не только потому, что число 10 000 — очевидное преувеличение позднейших времён, но и потому, что ему противоречит уже одно предыдущее место того же Вакиди, где рассказывается, как иудеи отказались принять совет аль-Хариса соединить все свои силы в одно целое. К этому прибавим, что из последующих событий явствует, что среди иудеев царило величайшее разъединение; наконец, молчание Ибн Исхака по этому вопросу вполне подтверждает наши подозрения. Сознавая свою слабость, иудеи уже довольно давно обратились за помощью к старым союзникам, то есть к тем гатафан, которые признавали своим вождём Уяйну б. Хисна аль-Фазари, и в ответ получили формальные заверения в поддержке на случай опасности или нападения со стороны Магомета. В последнее же время, если верить аль-Вакиди, самый влиятельный вождь иудеев Хайбара, Кинана б. Абу-ль-Хукайк, с 14 другими товарищами объехал гатафан, чтобы освежить в памяти заключённые договоры и подкрепить их предложением половины урожая фиников Хайбара. По тому же аль-Вакиди, иудеи были извещены одним арабом-фазаритом, приходившим в Медину обменять кое-какие товары, что Магомет снаряжает поход против них (Вакиди — Велльхаузен, с. 267; по *Хамис*, II, с. 48, Абдуллах б. Убайй б. Салуль, глава «лицемеров», был тем, кто тайно предупредил иудеев, чтобы они готовились противостоять предстоящему нападению Магомета).

§ 12. — Один из тёмных пунктов этого похода — поведение гатафан, ибо источники не согласны в том, что они делали: хотя они и были союзниками иудеев, в предании заметна тенденция скрыть истину и оправдать вероломное поведение гатафан, быть может, ввиду их последующего соединения с мусульманами. По аль-Вакиди, гатафан, откликнувшись на призыв иудеев, пришли в Хайбар под начальством Уяйны б. Хисна и числом 4000 человек заняли позицию перед одной из крепостей за три дня до прихода Магомета. Всё по той же версии аль-Вакиди, гатафан находились в Хайбаре в момент прихода Магомета, и Пророку пришлось начать с ними переговоры в надежде удалить их. Говорят, в самом деле, что он отправил послом в арабский лагерь своего верного приверженца Са‘да б. Убаду, но что иудеи не позволили мусульманскому послу войти в крепость Мархаба, в которой расположился вождь

гатафан Уяйна б. Хисн, и заставили Уяйну выйти из крепости, чтобы вести переговоры с мединцем. Са‘д от имени Пророка предложил Уяйне целый урожай фиников Хайбара, если гатафан уйдут и оставят Пророка наедине с иудеями. Уяйна, говорят, не принял предложения, и переговоры были прерваны. По тому же аль-Вакиди, некоторые утверждают, что предложение Магомета составляло лишь половину урожая Хайбара (см. также сходство с 5 г. х., § 36), но разные источники согласно указывают, что Уяйна отверг все предложения и что уход гатафан был вызван таинственным голосом сверхъестественного происхождения, который трижды прокричал, возвещая неминуемую опасность внезапного нападения на арабский лагерь в Хайфе, где арабы оставили стада и семьи без защиты посреди пустыни. Довольно было, говорят, этого голоса, чтобы вызвать панику среди арабов, которые, поспешно покинув Хайбар, бросились к своему лагерю в Хайфе, думая найти там разорение и опустошение (Вакиди — Велльхаузен, с. 270). По тем же авторитетам, гатафан, прибыв в лагерь Хайфа, нашли, напротив, что всё там в полнейшем порядке и что никто и не думал тревожить женщин и скот. Тогда они решили вернуться в Хайбар и снова двинулись в путь. По дороге Уяйне б. Хисну приснился сон, в котором ему показалось, что Пророк дарит ему Зу-р-Рукайбу, одну из гор Хайбара. Придя в Хайбар, гатафан нашли, что Магомет уже покорил всю страну, и Уяйна потребовал долю добычи, утверждая, что содействовал победе своим отступлением, отнявшим у обороны Хайбара целых 4000 человек. Магомет ответил, как говорит предание, что хорошо знает истинную причину его внезапного ухода из Хайбара, но в конце концов согласился подарить ему гору Зу-р-Рукайба. Уяйна отправился тогда к иудеям и стал горько упрекать их за то, что они проявили такую трусость при защите Хайбара, и иудей Са‘лаба б. Салам б. Абу-ль-Хукайк, которого товарищи и родственники считали помешанным, ответил ему в тон, сказав, что измена гатафан была главной причиной падения Хайбара и иудеев. Уяйна пытался свалить всю вину на хитрость Магомета, заставившего поверить в нападение на лагерь в Хайфе, но объяснения Уяйны не были приняты, и ему пришлось наконец удалиться, кусая ногти от злости, подавленным обвинениями в измене и язвительными упрёками иудеев и даже одного гатафанита, открыто обвинявшего его в двуличии и лжи (Вакиди — Велльхаузен, с. 275, 279–280). Гораздо короче и правдоподобнее версия Ибн Исхака: гатафан, узнав о походе Магомета на Хайбар, собрались и двинулись на помощь своим союзникам, но, когда проходили через ущелье, услышали позади сильнейший шум, доносившийся с того места, где они оставили семьи и имущество, и предположили, что враг напал на них с тыла. Поэтому они вернулись назад и остались при своих семьях и имуществе, предоставив Магомету полную свободу действий против иудеев Хайбара (Хишам, с. 757–758; Табари, I, с. 1575–1576; Халаби, III, с. 172–173).

К этим двум версиям следует прибавить известие, данное Ибн Исхаком, что Магомет расположил лагерь в Хайбаре так, чтобы отрезать сообщение между иудеями Хайбара и гатафан и тем помешать последним прийти им на помощь (Хишам, с. 757; Табари, I, с. 1575). Из совокупности стольких противоречивых и неправдоподобных известий вытекает первый неоспоримый вывод: предания составлены не столько для передачи истины, сколько для сокрытия действительного хода событий и оправдания

отпадения гатафан, которые, подкупленные Магометом, предали иудеев и в награду получили часть добычи[6]. Обращение (или, лучше, подчинение) гатафан, происшедшее вскоре после взятия Хайбара, побудило мусульманских передатчиков сколько возможно затушевать неблаговидную сторону их действий, когда они, будучи ещё язычниками, помогли Магомету. Прибавим, что мусульманское предание, проникнутое ненавистью к иудеям, всегда склонно смягчать или преуменьшать гнусность любого злого дела, совершённого им во вред. Известно, что поведение иудеев в Аравии было таково, что возбуждало весьма мало симпатий и много антипатий; но хотя предание изобилует смутными обвинениями в преступлениях и нарушениях договоров, ими совершённых, конкретные, точные и надёжные пункты обвинения совершенно отсутствуют. История отношений между мусульманами и иудеями — длинный ряд гнусностей, несправедливостей и подлинных преступлений, совершённых приверженцами Магомета во вред сынам Израиля. Мы должны, однако, признать, что чувство жалости, возбуждаемое в нас жестокой участью этих несчастных, жертв беспощадной политики Магомета, немало ослабляется их малодушным поведением перед лицом великой и неминуемой опасности. Войны с ними всегда были краткими осадами укреплённых домов, со столкновениями почти бескровными, и во многих случаях единственной пролитой кровью была кровь пленных, зарезанных свирепым победителем, который становился тем кровожаднее и беспощаднее, чем более бездеятельными и малодушными находил врагов.

§ 13. — Есть предание, по которому Магомет незадолго до прихода в Хайбар, остановив движение своих приверженцев, в присутствии всех громко обратился к Богу с молитвой, в которой заклинал Его даровать ему владение всем добром, находящимся в стране, на которую он собирался напасть. У Ибн Хишама мы имеем текст молитвы с обращением к Богу земель, дьяволов и ветров; быть может, это позднейшее сочинение, но оно имеет некоторую историческую ценность, ибо, по крайней мере, собирает отдалённое эхо истинных чувств мусульман и чувств, приписываемых мусульманами их Пророку, наместнику Бога на земле, основателю истинной веры: «Мы молим Тебя даровать нам всё доброе этого места и его жителей и доброе всего, что это место содержит, и прибегаем к Тебе от всякого зла этого места и его жителей и от зла всего, что оно содержит. Вперёд! во имя Бога!» Подобная молитва затем повторялась при нападении на каждое селение (Хишам, с. 756–757; Вакиди — Велльхаузен, с. 267; Асир, II, с. 166; *Хамис*, II, с. 49). Иными словами, для огромного большинства новых верующих вера, проповедуемая Магометом, была равносильна дозволению отнимать у неверующего ближнего всё, чем он владел. Ср. § 7, прим. 1.

§ 14. — Как уже сказано (ср. § 10), Магомет пришёл к Хайбару ночью, когда иудеи ещё спокойно спали в своих домах. Поскольку ничего не просочилось, на рассвете обычные работники собрались спуститься на поля с мотыгами и корзинами.

[6] В *Хамис* (II, с. 48, стр. 7) сказано, что общий лагерь гатафан отстоял от Хайбара лишь на сутки пути: измена этих арабов, следовательно, очевидна. Далее тот же автор (*Хамис*, II, с. 60, стр. 27), цитируя Мусу б. Укбу [† 141 г. х.], рассказывает, что бану фазара, ветвь гатафан, явились к Магомету, едва началась осада замков Хайбара, и, ссылаясь на то, что они союзники иудеев, показали вид, будто хотят присоединиться к ним, но Магомет отговорил их, обещав им часть добычи по окончании похода. Нейтралитет бану фазара был, таким образом, куплен ценой горы Зу-р-Рукайба, возвышавшейся в округе Хайбара.

Выходя из стен замков ан-Натата, люди внезапно оказались лицом к лицу с отрядами мусульман и, тотчас догадавшись, что произошло, стремглав вернулись назад, поднимая тревогу словами: «Мухаммад и войско!» (*Мухаммад ва-ль-хамис*)[7]. Пока иудеи лихорадочно готовились к обороне домов, рассеянных по долине, Магомет тотчас, на рассвете, лучше осмотрев местность, двинулся с места, где остановился, придя к Хайбару, и расположил лагерь под защитой скалы, где позднее поднялась мечеть, видимая ещё во времена аль-Вакиди [† 207 г. х.]. Утром второго дня аль-Хубаб б. аль-Мунзир указал Пророку, что выбранная позиция нехороша, ибо слишком близка к крепостям иудеев и открыта обстрелу стрелами из ан-Натата; кроме того, он обратил его внимание на то, что место низкое, сырое, среди пальм и болот, а потому весьма нездоровое. Аль-Хубаб предложил перенести лагерь в место более открытое и проветриваемое, за Харру, то есть на край пустыни, где сухая и твёрдая почва гораздо больше подходила для большого военного лагеря. Магомет принял предложение[8] и поручил Мухаммаду б. Масламе отыскать новое место для лагеря. День между тем прошёл в сражении с иудеями с того места, где остановился Магомет, и лишь к вечеру лагерь был снят и перенесён в ар-Раджи‘[9]. В тот день мусульмане сражались отрядами (*рая*, «знамёна») с боевым кличем *Йа мансур, амит!* (Хишам, с. 757; Вакиди — Велльхаузен, с. 267; Асир, II, с. 166; Бухари, III, с. 121; *Хамис*, II, с. 49–50; Халаби, III, с. 155, стр. 14).

§ 15. — Нелегко дать себе отчёт в продвижении мусульманского оружия под Хайбаром и в том, как развивались наступательные действия одних и оборонительные других. Мы знаем, что Магомет потратил около полутора месяцев[10] на покорение всего округа Хайбара (Вакиди — Велльхаузен, с. 275) и что, поскольку область очень обширна, ему было невозможно с имевшимися в его распоряжении силами покорить её всю за один раз. Насколько можно понять из косвенных намёков преданий, тактика Магомета состояла в том, чтобы нападать одна за другой на различные укреплённые дома иудеев, заставлять жителей постепенно отступать в ещё нетронутые и таким

[7] Велльхаузен (Вакиди — Велльхаузен, с. 267, прим. 2), предполагая, что *хамис*, по арабским передатчикам, должно быть еврейским словом, приводит еврейский текст Исхода XIII, 18. Ср. Dozy, *Suppl. Dict. Ar.*, I, с. 406, где сказано, что слово означает часть войска и ещё употребляется в этом смысле в Марокко. Казалось бы, однако, правильнее понимать слово *хамис* как равнозначное «acies» — всё войско в боевом порядке, состоящее из пяти частей, то, что Феодорит называет «пятичастным» [греческое слово в скане оригинала неразборчиво. — *Прим. пер.*]. Ср. Gesenius, *Handwörterbuch*, Mühlau–Volck, 9-е изд., с. 275.

[8] Есть, однако, и другая версия, данная также Вакиди, согласно которой Магомет переменил первый лагерь под Хайбаром потому, что нездоровое место вызвало злокачественные лихорадки среди приверженцев, которые, злоупотребляя к тому же зелёными и незрелыми плодами, которых тогда было в изобилии в садах иудеев, страдали кишечными недугами, сопровождавшимися приступами лихорадки. Было тогда, говорит аль-Вакиди, время незрелых плодов (Вакиди — Велльхаузен, с. 268): упоминаемые плоды — финики, ещё незрелыми висевшие на деревьях и годные для сбора лишь в конце лета. В самом деле, в другом месте аль-Вакиди (там же, с. 273) сказано: «Мы пришли в Хайбар во время полузрелых фиников (*балах*), и страна была очень склонна насылать лихорадки, и было очень жарко».

[9] На новом месте, избранном для лагеря, Магомет во время своего пребывания в Хайбаре велел построить маленькую мечеть, в которой любил ежедневно совершать предписанные молитвы. Эта мечеть стояла как раз там, где позднее, во времена ад-Диярбакри [† 966 г. х.], ещё стояла Масджид аль-А‘зам, или великая мечеть Хайбара. Иса б. Муса [† 167 г. х.] полностью восстановил древнюю постройку Пророка и перестроил её заново, потратив на неё огромные суммы денег и окружив обширный двор длинными сомкнутыми аркадами (*Хамис*, II, с. 49–50). Быть может, это та же мечеть, о которой только что упоминалось.

[10] Балазури (с. 23) говорит, что осада хайбарских укреплений длилась около месяца, а в другом месте (с. 26) приводит иные авторитеты, чтобы показать, что весь поход длился от 20 до 30 дней.

образом, собрав наконец всех жителей в нескольких определённых пунктах, принудить их к переговорам о сдаче. Ещё менее ясно поведение иудеев при обороне, ибо они, по-видимому, никогда не оказывали серьёзного сопротивления, позволяя Магомету нападать поодиночке на различные крепости, никогда не задумывая общего плана обороны и никогда не пытаясь контратаковать. Мусульмане в самом деле всегда были нападающими, и им никогда не приходилось опасаться никаких беспокойств в различных лагерях, которые они занимали. Неспособность и бездеятельность иудеев совершенно непонятны, если только не считать, что они были немногочисленны, несогласны между собой и рассеяны по долине и что, не имея общего укреплённого центра и лишённые всякой отваги, они пассивно позволили себя одолеть. Настоящих осад в нашем смысле слова не было, ибо Магомет, расположив лагерь в нескольких безопасных и здоровых местах, ежедневно выдвигался нападать на замки, возвращаясь в лагерь на ночь. Правильных осадных машин не применяли, хотя, быть может, и использовали некоторые первобытные средства, чтобы выломать ворота замков и силой проникнуть в некоторые укреплённые дома: такой почин был уже большой новостью в мусульманском военном искусстве. Настоящие приступы были, однако, исключительными случаями[11]: нападающие большей частью довольствовались тем, что пускали стрелы в защитников, всячески им досаждая; они опустошали поля в окрестностях, отрезали доступ к питьевой воде и мало-помалу делали жизнь защитников и владельцев крепостей невозможной, пока те, наконец уступая, не покидали наиболее угрожаемые пункты и не отступали в другие, соседние, или не вступали в соглашение с Пророком. Таков был в общем ход действий; но подробности темны, неопределённы и противоречивы, ибо мы ничего не знаем о топографии упоминаемых мест и невозможно дать себе отчёт, в чём состояли эти укреплённые дома, или твердыни, или замки.

§ 16. — Уже в первый день нападений на замки был убит один мусульманин, но не слишком славным образом. Так как было очень жарко, Махмуд б. Маслама расположился днём в тени замка иудея На‘има в ан-Нататe, полагая, что в замке нет иудеев, а только припасы. Пока он отдыхал, иудей Мархаб сбросил на него с высоты стен один из камней, которыми вручную мелют зерно. Жёрнов упал Махмуду на голову, вдавив шлем в череп; Магомет пытался помочь сподвижнику, натянул всю кожу, отставшую со лба, вернув её на место, и перевязал ему голову; но, хотя к вечеру его перенесли в лагерь ар-Раджи‘, он так и не оправился от раны и, промучившись долгую неделю, наконец скончался[12]. Говорят также, что в первый день был довольно

[11] Халдун (II, Прил., с. 39, стр. 6) говорит, что некоторые замки были взяты мусульманами приступом, но гораздо бóльшая часть сдалась на условиях. Другие же источники утверждают, что все замки Хайбара были взяты приступом, кроме лишь двух — аль-Ватиха и ас-Суламима (Халаби, III, с. 159, стр. 18). Авторитет Ибн Халдуна имеет, однако, гораздо больший вес.

[12] Рассказывают, что Махмуд б. Маслама, мучительно борясь со смертью в лагере ар-Раджи‘, помимо мук от раны в голову терзался ещё и мыслью о дочерях, которых оставлял сиротами и одинокими на свете. По тогдашним законам всё наследство переходило к брату Мухаммаду, и дочери Махмуда в случае смерти отца оставались без средств к жизни. Брат, узнав о тревогах Махмуда, пытался его успокоить, обещая содержать дочерей достойным образом. Через три дня после ранения Махмуда Пророк послал Джу‘аля б. Сураку возвестить умирающему, что Бог сообщил ему откровение (имеются в виду, быть может, стихи IV, 1–18 [ниспосланные между 3 и 5 гг. х.; ср. Нёльдеке, *Qur.*, с. 145–146] или II, 37; ср. также 3 г. х., § 62 и прим.), устанавливавшее долю дочерей в отцовском наследстве, и вместе с тем сообщил ему об убиении Мархаба, ранившего его иудея; Махмуд получил, таким образом, два великих утешения незадолго до того, как

оживлённый бой с перестрелкой и что целых пятьдесят мусульман были ранены стрелами иудеев. Магомет ежедневно повторял нападения на крепости ан-Натата, двигаясь против них как из низа долины, так и с более возвышенной стороны местности, но каждый вечер возвращался в лагерь ар-Раджи‘, унося с собой раненых; Усману б. Аффану было особо поручено охранять и стеречь лагерь во время отсутствия Пророка (Хишам, с. 758; Вакиди — Велльхаузен, с. 268; Табари, I, с. 1576; Асир, II, с. 166, у которого по ошибке Махмуд б. Салама вместо Махмуда б. Масламы; *Хамис*, II, с. 51; Халаби, III, с. 149, говорит, что взятие замков ан-Натата длилось семь дней).

§ 17. — Взятие различных замков ан-Натата потребовало более недели, и Магомет, раздражённый упорством иудеев, не уступавших с желаемой им быстротой, приказал срубить пальмы в окрестностях; дело уничтожения было предпринято с такой энергией, что в короткое время около четырёхсот пальм пало наземь. Варварский приказ был дан Магометом по совету аль-Хубаба б. аль-Мунзира, но, прежде чем был нанесён больший ущерб, вмешался мудрый Абу Бакр, указав Пророку, сколь вредно для самих мусульман варварское и бесполезное уничтожение драгоценного достояния, и тотчас было приказано прекратить рубку (Вакиди — Велльхаузен, с. 267–268; *Хамис*, II, с. 51).

§ 18. — Во время осады, или, если угодно, нападения на замки группы ан-Натат, произошли разные случаи. Во время нападений на крепость, называемую замком На‘има[13], в ан-Натате, Магомет, весьма дороживший дисциплиной среди своих, дал приказ, чтобы никто не отваживался сражаться с иудеями, не получив на то разрешения. Тем не менее один араб-ашджа‘ит, сражавшийся в рядах мусульман, дал себя выманить из рядов и без разрешения вступил в бой с одним иудеем и был убит, когда на помощь товарищу подоспел иудей Мархаб. Магомет тотчас поспешил объявить, что ашджа‘ит не стяжал пальмы мученичества и не войдёт в рай, куда не входит ни один ослушник (Вакиди — Велльхаузен, с. 269). Один раб-абиссинец по имени Ясар, принадлежавший иудею Амиру, явился в мусульманский лагерь со всем стадом своего хозяина, но Магомет, хотя и принял его обращение и оставил его при себе, пожелал, чтобы овцы были удалены из лагеря и отогнаны к жилищу законного владельца (Вакиди — Велльхаузен, с. 269).

§ 19. — У Ибн Хишама сказано, что Магомет выступил против Хайбара с одним белым знаменем, которое было вверено Али. У аль-Вакиди же мы находим, что мусульмане сражались уже не как прежде под одним знаменем, *лива*, а под тремя *рая*. *Лива* Магомета всегда была белой, теперь же знамя, *рая*, Магомета было чёрного цвета, носило имя аль-Укаб и было сделано из ткани, принадлежавшей некогда Аише. Это мрачное знамя, по аль-Вакиди, постоянно нёс Али, тогда как два других были вверены попечению аль-Хубаба б. аль-Мунзира и Са‘да б. Убады (Вакиди — Велльхаузен, с. 269–270; Хишам, с. 756; *Хамис*, II, с. 50).

испустил последний вздох. Тело Мархаба было погребено в пещере вместе с телом Амира б. Синана (о смерти которого ср. §§ 21 и 24) (Вакиди — Велльхаузен, с. 272).

[13] Этот замок На‘има был взят первым, но путаница в известиях такова, что невозможно связать с его взятием ни один из следующих анекдотов (Хишам, с. 758; *Хамис*, II, с. 51; Халаби, III, с. 155–156).

§ 20. — Во время нападений на различные замки ан-Натата иудеи, укрывшись за стенами, пускали тучи стрел в мусульман, когда те приближались к крепостям, прикрываясь щитами, тесно сомкнутыми вокруг Пророка, который, сидя на коне ат-Тирф и всегда находясь среди своих, лично руководил действиями. Однажды Пророк оказался в значительной опасности. Отряд иудеев под начальством аль-Хариса, отца Зайнаб, сделал вылазку, но был отброшен мединцами за стены замка, из которого вышел. Однако внезапно подоспел другой отряд иудеев под начальством Усайра и ударил с такой стремительностью, что мединцы были отброшены назад и вынуждены в большом смятении отступить до того места, где находился Пророк. Иудеи наседали и тоже дошли до этого места; знаменосец мединцев Са‘д б. Убада был ранен. Когда иудеи отступили, Магомет объявил, что желает отомстить за понесённую неудачу, вверив знамя и начальство в схватке более доблестным людям. Его выбор пал на Али, и на следующий день, когда бой возобновился, мусульмане наконец победили благодаря его доблести: он убил предводителя иудеев аль-Хариса, брата Мархаба. Мархаб, правда, пытался прийти на помощь брату, но вынужден был отступить перед натиском Али и его людей, которые сумели проникнуть за первые ворота замка и были остановлены лишь вторыми воротами, за первыми, выдержавшими все усилия их выломать. Рассказывают даже, что при этом, то есть при нападении на крепость, называемую замком Мархаба, Али лишился щита и, увлечённый пылом боя, воспользовался вместо щита одними из сорванных с петель ворот крепости. Предание затем разработало эту тему и сочинило, будто довольно долгое время спустя, когда некоторые верующие захотели унести эти ворота, они нашли их столь тяжёлыми, что даже восемь человек не в силах были их поднять (Хишам, с. 761–762; Вакиди — Велльхаузен, с. 270–271; по Табари, I, с. 1579, нападение на замки, отражённое иудеями, произошло под начальством Умара б. аль-Хаттаба, а не Са‘да б. Убады, в качестве знаменосца; в другом месте, там же, с. 1579–1581, дана другая версия: Магомет иногда страдал сильными головными болями, *шакика*, которые заставляли его лежать спокойно день или два; эти боли вернулись к нему, когда он был в Хайбаре, и, вынужденный пару дней оставаться в лагере для лечения, он передал начальство над нападениями один день Абу Бакру и другой день Умару. Оба были отбиты иудеями; тогда Магомет вверил знамя Али и т. д., и замок был взят. Али убил при этом иудея Мархаба; ср. также *Хамис*, II, с. 53–55; Асир, II, с. 168–169; Бухари, III, с. 125, у которого помимо предыдущей версии есть и более простая и, быть может, более подлинная версия об участии Али в бою; Йа‘куби, II, с. 56; Халаби, III, с. 150 и сл.).

§ 21. — Во время одного из этих приступов произошёл поединок между Мархабом и сподвижником Пророка Мухаммадом б. Масламой, который хотел отомстить за брата Махмуда, убитого, как мы сказали, жерновом, брошенным иудеем. Во время поединка оба противника искали защиты от ударов друг друга за ветвями куста *ушар* (*Asclepias gigantea*), росшего на том месте, но столько ударов нанесли они друг другу по ветвям, что растение, вскоре всё изрубленное, не имело уже ни одной части, которая давала бы укрытие. Наконец Мухаммаду б. Масламе удалось повалить противника ударом меча, отсёкшим ему обе ноги. Мухаммад хотел оставить несчастного иудея мучительно изнывать, чтобы тот вкусил всю горечь железа, и отказался прекратить его мучения

смертью, как молил его иудей. Тогда с другой стороны подбежал Али и зарезал лежащего, прежде чем Мухаммад успел его остановить (Хишам, с. 760–761; Вакиди — Велльхаузен, с. 271–272; Табари, I, с. 1576–1577; Асир, II, с. 167–168).

§ 22. — Другой иудей, Ясир, брат покойного Мархаба, тоже вышел вызвать мусульман и был убит в поединке аз-Зубайром б. аль-Аввамом, тогда как Мухаммад б. Маслама убил, также в единоборстве, другого иудея, Усайра; Али, сражавшийся в том же самом месте, убил ещё одного иудея по имени Амир. Помимо этих иудеев, самых известных в Хайбаре, было много других, о которых не сохранилось памяти, погибших во время нападения на замки На‘има в ан-Нататe (Хишам, с. 761; Вакиди — Велльхаузен, с. 272; Табари, I, с. 1578; Асир, II, с. 168).

§ 23. — Среди различных замков ан-Нататa был так называемый замок Са‘ба б. Муаза, принадлежавший Салламу б. Мишкаму и защищаемый, говорят, 500 воинами; к тому же он был обильно снабжён съестными припасами, тогда как мусульмане терпели большой недостаток провианта. По преданию, сохранённому аль-Вакиди, мусульмане начали ощущать нехватку пищи с первого же дня прихода в Хайбар, и страдания их всё возрастали, ибо, говорит этот источник, в первые десять дней не было взято ни одной крепости, и мусульмане были вынуждены пропитываться лишь припасами, привезёнными из Медины. Больше всего страдали асламиты, последовавшие за Магометом в поход, так что эти арабы решили послать Асму б. Харису к Пророку просить у него позволения одним напасть на замок Са‘ба б. Муаза, как наилучше снабжённый провиантом, и пополнить таким образом свои запасы добычей, которую они оттуда возьмут. Магомет дал позволение, и асламиты под предводительством аль-Хубаба б. аль-Мунзира ударили на замок Са‘ба б. Муаза с такой стремительностью, что через три дня овладели им, перебив нескольких защитников (Хишам, с. 759; Вакиди — Велльхаузен, с. 273; Табари, I, с. 1576–1577; *Хамис*, II, с. 52–53)[14].

§ 24. — Во время нападений на замок Са‘ба б. Муаза произошли и другие случаи, которые передатчики рассказывают нам со многими подробностями. Прежде всего один мусульманин по имени Амир б. аль-Аква‘ (Синан) во время вылазки защитников вступил в бой с одним иудеем и отсёк ему ногу, но, замахнувшись своим мечом, ранил и самого себя столь тяжело, что вскоре умер от раны. Усайд б. Худайр и многие другие мусульмане полагали, что Амир б. аль-Аква‘ напрасно погубил свою жизнь, ибо убил себя сам, но Магомет вмешался в спор и объявил, что покойный наравне с другими вошёл в рай и пользуется полным воздаянием за услуги, оказанные делу ислама

[14] Помимо противоречия между этим рассказом и тем, что рассказывается далее, описание нападений на замки можно принять лишь в весьма неопределённом смысле. Это были не нападения или осады, подобные осадам позднейших времён, когда арабы научились у византийцев и персов настоящему военному искусству; это были лишь стычки. Это доказывает эпизод, рассказанный древнейшими источниками: во время нападения, так сказать, асламитов иудеи выгоняли овец пастись за пределы замков. И вот случилось, что однажды вечером, когда иудеи загоняли стада обратно в замки, Абу-ль-Ясар аль-Аслами сумел догнать животных, поймать двух собственными руками и принести их в мусульманский лагерь, где они были тотчас зарезаны и съедены изголодавшимися верующими (Вакиди — Велльхаузен, с. 273; Хишам, с. 762–763). Этот эпизод, который по своей безобидной природе нет причины подвергать сомнению, заставляет нас подозревать, что мусульмане находились у Хайбара как организованная шайка разбойников и грабителей, пытавшихся чинить всякого рода притеснения и грабежи, но вовсе не вели правильной завоевательной войны. Весьма вероятно, что для того, чтобы дойти до истины, надо сделать большую скидку со всех рассказов об ожесточённых боях и убийствах иудеев — защитников замков.

(Хишам, с. 756; Вакиди — Велльхаузен, с. 271; Асир, II, с. 166; Бухари, III, с. 120–121; *Хамис*, II, с. 49; Халаби, III, с. 144–145). В другой раз, во время приступов, из замка (Са‘ба б. Муаза) выбежало около двадцати или тридцати домашних ослов, которых поймали мусульмане; так как припасов недоставало, животных без промедления убили, разрубили на части, и мясо поставили вариться в котлах. Но прежде чем мясо было готово к ужину, Магомет, узнав о случившемся, издал приказ, запрещавший употребление мяса ослов, мулов и коней: все приверженцы должны были опрокинуть котлы на землю и отказаться от ослиного мяса. Не сохранилось памяти ни о каком протесте против приказа Пророка, хотя он должен был быть весьма неприятен голодным мусульманам: столь совершенной была уже дисциплина, внушённая Магометом приверженцам (Хишам, с. 758; Вакиди — Велльхаузен, с. 273–274; Асир, II, с. 167; Халдун, II, Прил., с. 39; Бухари, III, с. 121–122: причина, по которой не ели ослиного мяса, была лишь та, что Магомет считал его нечистью (*ридж*); там же, III, с. 126, сказано, что было запрещено и употребление чеснока (*ас-сум*), ср. также там же, с. 127–128; *Хамис*, II, с. 52; Халаби, III, с. 164, 165–166).

§ 25. — Если верить преданию, которое, как утверждают, восходит к сподвижнику Пророка Джабиру б. Абдуллаху, присутствовавшему при только что рассказанных военных действиях, замок Са‘ба б. Муаза был взят лишь после оживлённого боя, после трёх дней кровопролитной борьбы, в которой асламиты и гифар, предводимые аль-Хубабом б. аль-Мунзиром, совершили подвиги великой доблести и не раз должны были отступать перед стремительными вылазками иудеев. Утверждают, что в этих столкновениях пали три мусульманина, а именно Абу Дайях, Ади б. Мурра б. Сурака и аль-Харис б. Хатиб. Гибель всего трёх человек за три дня приступа заставляет подозревать, что в рассказе много преувеличений. Предание в самом деле, хотя и утверждает, что мусульмане вошли в замок с оружием в руках во время приступа, отразив вылазку и выломав входные ворота, тщетно защищаемые иудеями, и хотя и говорит, что много иудеев было убито, признаёт, однако, что бóльшая часть защитников отступила в ближайший замок, называемый Кал‘ат аз-Зубайр (Вакиди — Велльхаузен, с. 274).

§ 26. — Взятие замка Са‘ба б. Муаза было событием большой важности, ибо, поскольку он был обильно снабжён съестными припасами и всеми вещами, в которых мусульмане сильно нуждались, в лагерь Магомета после многих дней голода и лишений наконец вернулось изобилие. Много сосудов, полных спиртных и опьяняющих напитков, было по приказу Магомета вылито на землю; лишь один мусульманин, не желая подчиниться запрету, выпил изрядное количество вина; когда на него донесли Пророку, тот ударил его между лопатками собственной сандалией и приказал присутствующим сделать то же. Мусульманин, которого звали Абдуллах и который за свой порок пьянства носил ещё прозвище аль-Хаммар, или «винопийца», тем не менее продолжал нарушать запреты Пророка и даже во времена халифа Умара [† 23 г. х.] должен был неоднократно подвергаться побоям, будучи застигнут пьяным от вина. Необычные обстоятельства момента заставили Магомета распорядиться особым образом относительно добычи из замка Са‘ба б. Муаза. Количество припасов было таково, что их хватило мусульманам на всё время похода на Хайбар, то есть более чем

на месяц; и Магомет должен был издать приказ, по которому все верующие воины имели право брать то, что им нужно, без всякого учёта, то есть временно приостановив постановление, требовавшее неизменного деления добычи на пять равных частей. Каждый был волен потреблять те припасы, которые ему требовались, но каждый был ответствен за аккуратный возврат прочих, несъедобных предметов, которыми пользовался: строжайшие кары были возвещены тем, кто под предлогом взять какой-нибудь предмет взаймы прятал его и утаивал от окончательного раздела. Взятые взаймы предметы следовало затем вернуть в хорошем состоянии, животных — в добром теле и не исхудавшими, а ткани, покрывала и прочие вещи — не испорченными и не обесцененными от употребления. В самом деле, в замке мусульмане нашли, помимо множества домашней утвари, также овец, коров, ослов, оружие, военные машины, двадцать больших тюков (*‘икм*) ткани, тканной в Йемене, тысячу пятьсот плащей, называемых *катифа*, и ещё много другого добра (Хишам, с. 759; Вакиди — Велльхаузен, с. 275, 282).

§ 27. — После падения замка Са‘ба б. Муаза иудеи сосредоточили свои силы в так называемом замке аз-Зубайра, стоявшем на вершине скалистого пика, в почти неприступном положении, и целых три дня Магомет тщетно пытался произвести впечатление на защитников, которые, находясь в безопасности от него, смеялись над всеми его попытками. Тогда явился один иудей по имени Газзаль, который, получив обещание, что жизнь и имущество его и его близких будут пощажены, открыл, что иудеи Кал‘ат аз-Зубайра снабжаются водой через некие подземные ходы, перерезав которые, можно было бы заставить защитников сдаться, чтобы не умереть от жажды. Благодаря этой измене мусульмане смогли лишить осаждённых запаса воды, и иудеи, не желая умирать от жажды, пробились сквозь ряды мусульман и укрылись в других замках, оставив на поле десять убитых; несколько мусульман тоже было убито в этой схватке. С падением Кал‘ат аз-Зубайра Магомет становился хозяином последнего замка области ан-Натат и мог перенести лагерь из ар-Раджи‘а на то место, где расположил его вначале и которое после покорения всего ан-Натата уже не было открыто стрелам иудеев. Пророк обратил теперь все свои силы на покорение второй области Хайбара, называемой аш-Шикк. Так рассказывает аль-Вакиди (Вакиди — Велльхаузен, с. 276), противореча, однако, рассказу, который мы прибавляем в следующем параграфе и который также находится у аль-Вакиди. Какая из двух версий верна, относятся ли они к двум разным фактам или это две независимые версии одного и того же события, сказать с уверенностью невозможно; во всяком случае, это два драгоценных документа, доказывающих, что взятие так называемых замков Хайбара было обязано не столько доблести мусульманских воинов, лишённых всяких материальных средств и практических знаний для взятия укреплённых мест, сколько содействию иудеев-изменников.

§ 28. — Пассивное сопротивление иудеев в ан-Натате продлилось бы, быть может, ещё гораздо дольше, если бы измена не ускорила завоевательного дела Магомета. Один иудей явился однажды ночью в мусульманский лагерь в ар-Раджи‘ и попросил охранную грамоту, которая была ему дана. Приведённый к Пророку, он попросил полной безопасности для жизни и имущества себя и своей семьи и объявил, что готов

взамен открыть способ легче покорить иудеев ан-Натата. Иудей рассказал, что его товарищи в ан-Нататe, встревоженные настойчивостью мусульман, начали бежать по ночам из замков ан-Натата в замки аш-Шикка, где считали себя в большей безопасности, и между тем устроили большой подземный склад оружия и припасов. Он предлагал показать, где спрятаны оружие и припасы, и научить мусульман обращению с осадными машинами[15], которые иудеи зарыли вместе с оружием. На вопрос Магомета, почему женщины и дети были переведены из замков ан-Натата в замки аш-Шикка и аль-Катибы, изменник, которого звали Симак, ответил, что иудеи желали оставить в ан-Нататe лишь мужчин, способных его защищать. Сведения, данные иудеем, были весьма полезны мусульманам[16], которые, снабдив себя новым оружием и более мощными орудиями, смогли действовать гораздо успешнее против замков ан-Натата и быстро покорить их все. Этим военным делом Магомет приобретал первое решающее преимущество над иудеями, которые доселе убаюкивали себя ложными надеждами на стойкость своих замков, полагая, что они неприступны для мусульман, несведущих в сложном искусстве взятия укреплённых мест (Хишам, с. 758; Вакиди — Велльхаузен, с. 268–269; Хаджар, II, с. 257, № 7059, называет иудея Симаком аль-Хайбари и, ссылаясь на аль-Вакиди, рассказывает, что он был взят в плен мусульманами и был бы обезглавлен, если бы не обещал «показать наготу» иудеев ан-Натата, *фа-даллаху ‘ала ‘аураатихим*. Впоследствии иудей стал мусульманином и получил в дар от Пророка жену).

§ 29. — Взятие замков ан-Натата дало мусульманам [средства] продолжать кампанию с ещё большей энергией и с большей уверенностью в победе. В области аш-Шикк, на которую теперь напал Магомет, иудеи поначалу пытались оказать то же

[15] Упоминание осадных машин среди орудий иудеев (как справедливо замечает Велльхаузен, Вакиди — Велльхаузен, с. 269, прим. 1) следует связать с добавлением аль-Вакиди, что иудеи пользовались ими в своих внутренних распрях и в столкновениях, нередко вспыхивавших между различными семьями. Это известие драгоценно, ибо показывает нам, что среди иудеев существовали серьёзные соперничества, ревность и семейная вражда, которые держали их силы разобщёнными и слабыми и потому делали их тем менее способными противостоять совершенному единству и строгой дисциплине, установленным Магометом среди его приверженцев посредством новой религии. Раздор одних перед сплочённостью других не мог оставлять никакого сомнения в конечном исходе борьбы.

[16] Нелегко понять, в чём состояла услуга, оказанная иудеем-изменником, помимо открытия подземного склада оружия и припасов. Одно это открытие не могло быть достаточным для немедленного покорения замков ан-Натата, как прямо говорит аль-Вакиди (Вакиди — Велльхаузен, с. 268). Если случай правдив, Пророк должен был быть обязан измене иудея Симака открытием какой-то другой тайны. Полагаю, что можно попытаться дать объяснение. Система обороны иудеев, насколько можно понять, состояла в том, чтобы засесть в своих замках и пассивно сопротивляться, рассчитывая на разлагающее действие времени, на скудость припасов у мусульман, которые не могли снабжаться из далёкой Медины, и, наконец, на усталость и недовольство, вызванные недостатком пищи, которые разрушили бы сплочённость отрядов Магомета и вынудили бы его отступить, точно так же как курайшиты вынуждены были отступить от Медины после неудачной попытки осады двумя годами ранее. Вероятно, иудеи, убеждённые, что мусульмане никогда не попытаются предпринять настоящий вооружённый приступ, ибо несведущи в осадной науке, плохо охраняли замки, оставляя некоторые даже без защитников. Поэтому можно предположить, что иудей открыл Магомету, какие замки он может атаковать с уверенностью в успехе, и тем ускорил покорение лучше защищённых пунктов, ибо те уже не имели поддержки других замков. Иначе я не мог бы объяснить двусмысленное выражение «нагота иудеев» (*Blösse der Juden*), которое мы находим в тексте Вакиди, переведённом Велльхаузеном, который, однако, не даёт арабского соответствия этого выражения. Ничего точного не знаем мы о значении этой «наготы», открытой иудеем мусульманам и ускорившей завоевание ан-Натата. Неясно даже, в чём состояло взятие многих замков ан-Натата, и весьма вероятно, что оно сводилось к занятию без единого удара различных позиций, оставленных иудеями. Полное молчание мусульманского предания всегда означает действие мало славное или плохо поддающееся славным преувеличениям.

сопротивление, что и прежде, но из контекста преданий с очевидностью явствует, что мусульмане встречали всё меньшие трудности из-за всё возраставшего уныния иудеев. В аш-Шикке первыми подверглись нападению так называемые замки Убаййа, и в особенности крепость Сумран, стоявшая на вершине утёса. Иудеи в первые дни часто выходили из-за стен и пытались помериться силами в поединках с мусульманами, среди которых особенно отличились аль-Хубаб б. аль-Мунзир и Абу Дуджана. После нескольких неудач иудеи пали духом и уже не показывались за стенами, ободрив тем самым мусульман своим робким и трусливым поведением к попытке приступа. Он удался под начальством Абу Дуджаны, и иудеи, прыгая со стен, как газели, укрылись в других замках аш-Шикка, и в особенности в замке ан-Низар. Вокруг него мусульмане теперь сосредоточили все свои усилия, и иудеи, защищавшись некоторое время камнями и стрелами, вынуждены были наконец сдаться в плен. Краткость текста не позволяет сказать, весь ли гарнизон замка попал в плен к мусульманам или части его удалось спастись. Странно сказать, при взятии этого замка мы не находим упоминания о резне пленных: это заставляло бы предполагать, что предание — по невольной ли ошибке или по преднамеренному умолчанию — опустило какую-то подробность, скрыло тот факт, что ан-Низар сдался на каких-то особых условиях, гарантировавших жизнь сдавшимся. Взятие замка ан-Низар окончательно сломило сопротивление иудеев, которые отныне думали уже не о сопротивлении, а лишь о том, чтобы обеспечить себе выгодные условия мира. Все остальные замки аш-Шикка были оставлены иудеями, которые укрылись в аль-Катибе, аль-Ватихе и ас-Суламиме (Хишам, с. 758, 763, где замок ан-Низар назван вместо того аль-Камус; Вакиди — Велльхаузен, с. 276).

§ 30. — Одной из причин, по которым иудеи были столь потрясены падением ан-Низара, было горькое разочарование оттого, что они не смогли легко защитить этот замок: считая его почти неприступным, они укрыли в нём очень много женщин и детей. Когда мусульмане стеснили его со всех сторон, женщины и дети уже не могли бежать и все были взяты в плен. Во всех предыдущих случаях иудеи всегда спасали семьи, прежде чем мусульмане овладевали местом. Среди пленниц, взятых в ан-Низаре, была знаменитая Сафия, прекрасная иудейка, лишь несколько дней как жена могущественного вождя Кинаны б. Абу-ль-Хукайка. Так как завоевание Хайбара ещё не было окончено и добыча ан-Низара должна была оставаться нетронутой до окончательного раздела, Магомет приказал соблюдать некоторые особые правила по отношению к захваченным женщинам, чтобы оградить их от похоти приверженцев. Прежде всего он приказал, чтобы ни один истинно верующий не поливал своей водой чужое семя, разумея, что не дозволено ложиться с пленницами, которые беременны. К этому приказу он присоединил и другой — не прикасаться к прочим женщинам, пока у них не пройдут месячные, чтобы удостовериться, что они не беременны (Хишам, с. 759; Вакиди — Велльхаузен, с. 282). Сафия бинт Хуяйй б. Ахтаб б. Яхья б. Ка‘б ан-Надари была, как мы сказали, женой Кинаны б. ар-Раби‘а б. Абу-ль-Хукайка и была взята вместе с двумя двоюродными сёстрами. Магомет оставил Сафию себе, а двух двоюродных сестёр отдал Дихье б. Халифе аль-Кальби, который сначала просил себе саму Сафию (Хишам, с. 758–763, утверждает, однако, что Сафия была взята в замке аль-Камус, а не в ан-Низаре. Из Вакиди — Велльхаузен, с. 277, мы узнаём затем, что

аль-Камус был главной крепостью области аль-Катиба. Возможно поэтому, что аль-Вакиди впал в ошибку, отнеся пленение Сафии к взятию замка ан-Низар; Вакиди — Велльхаузен, с. 276–277; ср. Табари, I, с. 1576–1578; Са‘д, VIII, с. 87–88; Асир, II, с. 166–167; Халдун, II, Прил., с. 38–39, утверждает, что Сафия была сначала подарена Магометом Дихье аль-Кальби, а затем выкуплена им за семь голов (*ар’ус*) скота; Бухари, III, с. 122, приводит, напротив, предание, по которому Сафия будто бы принадлежала Дихье, *сарат иля Дихья*, прежде чем перешла в руки Магомета. Это неясно, ибо раздел добычи был произведён лишь по окончании похода. В *Хамис*, II, с. 51–62, сказано, что при жеребьёвке добычи Сафия досталась Дихье аль-Кальби, а Магомет купил её у него (см. выше); Халаби, III, с. 161–164).

§ 31. — Все беглецы-иудеи из ан-Натата и аш-Шикка оказались теперь скопившимися в области, называемой аль-Катиба, к которой, вероятно, принадлежали и две другие упомянутые крепости — аль-Ватих и ас-Суламим. Скопление перепуганных и упавших духом беглецов должно было теперь сильно повлиять на скорую сдачу оставшихся замков, когда Магомет двинулся против последних замков Хайбара. Иудеи некоторое время сидели спокойно за стенами, нигде не показываясь и никогда не вступая в бой с мусульманами, и Магомет терпеливо выжидал целых четырнадцать дней, не нападая на них прямо и ожидая, чтобы время произвело желаемое действие. Затем, однако, видя, что иудеи всё так же пассивно сопротивляются, он приказал установить осадные машины. Это убедило наконец иудеев, что всякое сопротивление отныне бесполезно, и начались переговоры о сдаче. Кинана ибн Абу-ль-Хукайк послал иудея Шаммаха в мусульманский лагерь начать переговоры, и Магомет после разных обсуждений постановил, что иудеи должны отказаться от всего своего имущества, сохранив лишь одежду, которая на них, женщин и детей. Всё остальное должно было стать собственностью мусульман, которые взамен позволяли иудеям уйти, сохранив жизнь. Если же обнаруживался иудей, укрывавший какую бы то ни было часть того, что причиталось победителям, виновный терял все преимущества, которыми пользовались остальные, и мог поэтому быть предан смерти. Добыча была очень богата: она состояла из 100 кольчуг, 400 мечей, тысячи копий и 500 арабских луков с колчанами. К этому прибавилось большое количество другого добра, особенно драгоценностей и ценных предметов. Лишь иудеи, взятые в плен в замке ан-Низар, считались военнопленными; прочие, сдавшись правильным образом по особому договору, не могли быть обращены в рабство, и мы знаем даже, что, несмотря на прямые условия сдачи, иудеи сумели найти способ скрыть добрую часть своих наличных денег и впоследствии, когда личные вещи побеждённых были выставлены на публичные торги, тоже участвовали в аукционе и даже способствовали повышению цен (Хишам, с. 764; Вакиди — Велльхаузен, с. 277–278; Балазури, с. 23–25; Табари, I, с. 1582–1583; Асир, II, с. 169; Йа‘куби, II, с. 56; *Хамис*, II, с. 53, 57).

§ 32. — По окончании сдачи замков, как рассказывает предание, иудеи просили Магомета оставить их на землях Хайбара уже не как господ, а как простых поселенцев и земледельцев и предложили взамен навсегда уступать половину урожая. Магомет принял предложение и позволил иудеям остаться в Хайбаре, «доколе угодно будет Богу», уплачивая половину годового урожая как с пальм, так и с посевов и огородов, в

качестве арендаторов и работников за счёт хозяев-мусульман. Управление всеми этими имениями и регулярный сбор доходов во время урожая были поручены сначала Ибн Раваха, а после его смерти — Абу-ль-Хайсаму б. ат-Тайихану, или Джаббару б. Сахру, или Фарве б. Амру. Эти условия оставались неизменными до халифата Умара (ср. 13 г. х.) (Хишам, с. 773–775, 777, 779; Табари, I, с. 1589–1590; Балазури, с. 23, 24, где прямо сказано, что просьба иудеев была сделана после убиения Кинаны (ср. ниже, § 35); Асир, II, с. 169; *Tanbīh*, с. 256; Бухари, III, с. 132; *Хамис*, II, с. 61–62).

§ 33. — Не думаю, чтобы можно было без некоторого сомнения принять утверждение, будто иудеи просили, а Магомет великодушно предоставил им аренду земель Хайбара за половину урожая. По преданию, восходящему к Ибн Шихабу аз-Зухри, в условия сдачи было включено, что иудеи должны все выселиться и оставить свои земли и всё имущество, как сделали бану ан-Надир в Медине. Неопределённость выражений в тексте как Ибн Исхака, так и аль-Вакиди делает законным подозрение, что это неточно и что речь никогда не шла об изгнании иудеев: вероятно, напротив, что одним из условий сдачи было как раз обязательство, наложенное на иудеев, навсегда уступать половину дохода, сохраняя за собой собственность на землю: Магомет разделил доходы, а не земли. В самом деле, весьма неправдоподобно, чтобы под конец всего, после взятия всей добычи, после заключения условий сдачи, иудеи получили значительное улучшение условий, которого они никоим образом не заслужили. Следует, напротив, предполагать, что вопрос о землях Хайбара, бóльшей и лучшей части всей добычи, был решён в переговорах о сдаче первым, а не последним. Басня о просьбе иудеев и уступке Магомета должна была быть выдумана позднее, чтобы представить условие о половине дохода не как дань, лежащую на иудеях — собственниках земли, а как арендную плату или издольщину (*му‘амала*), дабы мусульмане выглядели истинными собственниками. Этим преднамеренным искажением предания имели в виду особенно сделать логичным и справедливым то, что халиф Умар совершил впоследствии во вред тем же иудеям, произвольно изгнав их из Аравии. Вероятно, следовательно, что Магомет считал иудеев истинными собственниками земли, обременённой вечной повинностью в половину урожая, и что лишь впоследствии это понятие изменилось в умах последующих поколений и понятие собственности сместилось, так сказать, целиком в пользу мусульман. Ср. ниже, под 13 г. х., другие акты недобросовестности, сильно подрывающие достоверность предания о владении Хайбаром. Во всех наших источниках явна тенденция очернить иудеев как настоящих злодеев, и всё предание проникнуто глубокой ненавистью к ним и потому стремится затушевать и оправдать действия, тираническую алчность Умара в 13 г. х.[17]. Во всём предании сквозит сознание несправедливого акта произвольного ограбления и желание скрыть его истинный характер. Если бы Магомет действовал исходя из того,

[17] Всё с тем же намерением очернить иудеев приводится множество известий, имеющих целью показать, что хайбарские иудеи каждый год пытались подкупить Абдуллаха б. Раваху, когда он приезжал в Хайбар, делал свою оценку, *хирс*, дохода и устанавливал количество продуктов, которые иудеи должны были сдать. Не исключено, что это иногда случалось, но, с другой стороны, мы читаем с большим скептицизмом гордый протест, который предание вкладывает в уста Абдуллаха б. Равахи (ср. Балазури, с. 24, и Вакиди — Велльхаузен, с. 286). Из того же источника нам известно, в самом деле, что иудеи приносили Пророку жалобы на произвольные требования оценщика и на несправедливость его оценок (Балазури, с. 24, стр. 12, и с. 26).

что земля остаётся собственностью отдельных мусульман, он разделил бы землю, а не доходы. Если во времена Умара возникла необходимость разделить землю, это значит, что прежде не существовало точного, истинного понятия собственности, а лишь коллективное право на доход. Всякое сомнение по этому вопросу устраняется ясным и точным текстом Балазури (с. 26, стр. 4 и 5): Магомет разделил доход, *ма ахраджа Аллаху минха*, а Умар — собственность на землю, *ракабат аль-ард* (арабский термин, служащий для выражения владения участком, *dominium soli*, в противоположность доходу, *ususfructus*; ср. также Балазури, *Glossarium*, с. 46, под словом *raqaba*). Бухари (указ. место) весьма краток в своём указании и говорит лишь, что Магомет дал (*а‘ma*) иудеям Хайбар, чтобы они его возделывали и засевали, с уступкой половины урожая; больше он ничего не прибавляет, то есть обходит щекотливый вопрос, было ли это условием сдачи или милостивой уступкой после сдачи, как хотели бы другие источники[18].

§ 34. — Из предыдущих замечаний позволительно прийти лишь к одному надёжному выводу. А именно: Магомет удовольствовался тем, что установил фактические условия и правильным и окончательным образом обеспечил себе обильные доходы Хайбара; но как человек практический, чуждый формулированию отвлечённых понятий и общих принципов, он никогда не думал определить, каково было истинное правовое положение побеждённых. Он не позаботился, то есть, уточнить, были ли иудеи собственниками, обременёнными повинностью, или лишь арендаторами за плату в половину урожая. Всё, что не требовало немедленного решения, Магомет всегда оставлял в неопределённой и неясной форме: эта система, представлявшая для Пророка много практических выгод, оставила в наследство систематическим изъяснителям исламских учений в последующих поколениях много труднейших, если не неразрешимых, проблем. Поэтому нам ещё не раз придётся впоследствии возвращаться к этому предмету, ибо из владения Хайбаром развились все господствующие понятия финансового и политического управления арабо-мусульманского государства в завоёванных провинциях вне Аравии (ср. поэтому 13 и 15 гг. х.)[19].

Обращение даус; переговоры с гатафан

§ 35. — В последний период похода, то есть пока длилась осада замков аль-Катибы, в Медину прибыл из Йемена впоследствии знаменитый сподвижник и

[18] Причина, по которой Магомет согласился сдать Хайбар в аренду иудеям за половину урожая, по объяснению источников, состоит в том, что в те времена у мусульман недоставало рук для обработки земли и что поэтому была необходимость оставить иудеев на их землях (Балазури, с. 25, стр. 19). Это известие драгоценно, ибо соответствует неоспоримой истине и необходимо подразумевает, что Магомет мог угрожать иудеям изгнанием, но наверняка никогда не думал изгонять единственных работников, имевшихся для этих земель. В самом деле, впоследствии, «когда мусульмане стали сильнее», говорит текст (Балазури, с. 25–26), то есть когда в Медине рабочая сила упала до ничтожнейшей цены из-за несметного количества военных рабов, получатели доходов с Хайбара убедились, что, обрабатывая эти земли рабами на собственный счёт, они могут извлечь чистый доход больший, чем половина валового. Отсюда произошло изгнание иудеев в халифат Умара.

[19] Шпренгер утверждает, что Магомет заключил с иудеями договор, в котором уплата ими половины урожая была не арендной платой, а податью. Халиф Умар, изгоняя иудеев из Аравии, нарушил, следовательно, договор Пророка (Шпренгер, III, с. 279, прим. 1).

передатчик преданий Абу Хурайра[20] с приблизительно восемьюдесятью семьями бану даус под предводительством ат-Туфайля б. Амра ад-Дауси; не застав Пророка в городе, даус отправились к нему в Хайбар, где и оставались с ним до конца похода, быть может, в надежде получить долю добычи; среди переселенцев был также Абдуллах б. Узайхир (Вакиди — Велльхаузен, с. 265, 282; Бухари, III, с. 123, 124; *Хамис*, II, с. 61; Са‘д, с. 73, § 137; Шпренгер, III, с. 256 и сл.). И не одни даус поспешили сюда в надежде на добычу теперь, когда победа несомненно улыбалась Магомету. Подоспели также гатафан под предводительством Уяйны б. Хисна аль-Фазари и выставили всю цену совершённой ими измены во вред иудеям, благодаря которой они избавили Магомета от столкновения ещё с 4000 арабов. Пророк не мог отрицать справедливость притязаний Уяйны и гатафан и уступил им во владение гору Зу-р-Рукайба, то есть часть территории, принадлежавшей прежде иудеям Хайбара (ср. § 12). Это известие лишь мимоходом упоминается хронистами, хотя относится к факту немалой важности, ибо, несмотря на то что гатафан были ещё явными и твёрдыми язычниками, Магомет уступил их требованиям, вступил с ними в переговоры и даже допустил их — дело доселе неслыханное — к участию в добыче. Молчание источников об этом щекотливом пункте даёт материал для многих размышлений об истинной природе замыслов Пророка (Вакиди — Велльхаузен, с. 279–280; Халаби, III, с. 172–173). Примечательно также, что это соглашение не оказало никакого влияния на отношения между Магометом и гатафан: ср. сказанное ниже в § 66.

Убиение Кинаны и брак Магомета с Сафией

§ 36. — Магомет, однако, не остался доволен найденной добычей: быть может, уже имея виды на прекрасную Сафию и желая избавиться от её мужа, он велел позвать Кинану б. ар-Раби‘а б. Абу-ль-Хукайка и потребовал от него выдать знаменитое сокровище из драгоценностей семьи Абу-ль-Хукайк, которое, хранимое в верблюжьей шкуре, переходило из поколения в поколение. Кинана заявил, что всё истратил на запасы оружия и провианта для обороны Хайбара, и как Кинана, так и его брат торжественно поклялись в истинности этих утверждений. Тогда Магомет объявил, что, если их клятва окажется ложной, он будет считать себя свободным от всякого обязательства по отношению к ним обоим и вправе осудить их на смерть. Говорят, что оба иудея согласились на это и что Магомет велел позвать четырёх сподвижников и десять иудеев засвидетельствовать уговор. Случилось так, рассказывает предание, что у

[20] Обращение Абу Хурайры — великое событие в истории мусульманского предания, ибо он был одним из создателей всей мусульманской системы преданий, и его имя — одно из тех, что чаще всего появляются в великих сборниках преданий. Хронисты с благосклонным эвфемизмом утверждают, что он был из всех сподвижников Пророка наделён самой большой и цепкой памятью (*ахфаз ас-сахаба*), но мы можем с уверенностью утверждать, что он был одним из самых плодовитых и бесстыдных сочинителей преданий. Характер всех преданий, восходящих к нему, — особого рода, делающего их особенно подозрительными и малодостоверными. У самих мусульман возникали сомнения в достоверности всех басен, распространённых этим ловким и наглым мистификатором: даже при его жизни не было недостатка в тех, кто пытался предостеречь слушателей, обвиняя его в преувеличениях, ибо не смели произнести слово «ложь» в отношении сподвижника Магомета, прожившего целых три года в повседневном общении с Пророком. Абу Хурайра весьма энергично защищался от таких инсинуаций и утверждал, что, далёкий от преувеличений, он ограничился рассказом лишь весьма малой части тех воспоминаний, которые мог бы передать потомству. «Если бы я рассказал всё, — прибавил он, — меня побили бы камнями!» (*Хамис*, II, с. 46; ср. Введение, §§ 26 и сл.).

Кинаны был слабоумный племянник по имени Са‘лаба б. Салам б. Абу-ль-Хукайк и что именно к нему обратился Пророк за сведениями. Племянник ответил, что не знает, где спрятано сокровище, но что, если оно существует, оно, вероятно, находится в одной развалине, куда Кинана имел обыкновение ходить каждое утро. Эти указания показались Пророку подозрительными, и он тотчас приказал аз-Зубайру б. аль-Аввам отправиться на место с Са‘лабой. Догадки Магомета полностью подтвердились: в указанном месте нашли сокровище, которое было объявлено именно тем, что искал Магомет, и которое Кинана, как говорили, спрятал в ночь сдачи замков ан-Натата. Магомет ни мгновения не медлил с исполнением только что упомянутой угрозы мщения и, схватив несчастного Кинану, подверг его жестоким пыткам, чтобы заставить признаться, не зарыта ли где-нибудь ещё другая часть сокровища. Аз-Зубайр б. аль-Аввам лично исполнял приказы Пророка и, не сумев вырвать у несчастного иных сведений, прожёг ему грудь горящими поленьями и передал умирающего Мухаммаду б. Масламе, который, мстя за смерть брата Махмуда, положил конец мучениям Кинаны. Его брат был также с большой жестокостью подвергнут пыткам и затем выдан в руки родственников Бишра б. аль-Бара’а, которые, желая отомстить за смерть родича, прикончили иудея. Было конфисковано всё имущество семьи, в том числе и недвижимое, и все её члены были обращены в рабство[21]. Едва оба несчастных испустили дух, Магомет послал за женщинами, и Билал, получивший это поручение, грубо пожелал провести их мимо места казни, наслаждаясь пронзительными воплями муки и ужаса этих несчастных, когда они поняли, что их близкие мертвы. Магомет резко осудил жестокое и варварское поведение абиссинца. Когда женщины предстали перед Пророком, он посмотрел на них, набросил свой плащ на Сафию и приказал увести остальных. Все верующие поняли, что Магомет избрал прекрасную иудейку для себя. Предание рассказывает затем, что ещё до прихода Магомета Сафии приснился сон, в котором ей показалось, что луна, придя со стороны Медины, спустилась к ней на колени, и что Кинана, узнав об этом и угадав его смысл, ударил её по лицу так сильно, что след остался до того самого дня, когда Сафия действительно перешла в руки Пророка. После взятия ан-Натата иудеи укрыли женщин и детей в замках, которые считали наиболее надёжными, и Кинана избрал для жены замок ан-Низар. Таким образом, она попала в руки Магомета прежде, чем сдался Кинана, и в течение тех примерно четырнадцати дней, что прошли между взятием ан-Низара и сдачей всех

[21] Какое бы объяснение ни давать поведению Магомета, трудно представить в выгодном свете весь этот эпизод, в котором мы видим, как Пророк пускает в ход всякие средства, чтобы избавиться от неудобного человека и насладиться его женой, с самым явным пренебрежением к приличиям. Мусульманские хронисты, хотя и рассказывают эти факты, не осмеливаются прибавить к ним комментариев или привести какие-либо оправдания и оставляют эпизод таким, каким мы его рассказали, ничего не прибавляя и не убавляя. Самое большее, они стараются создать впечатление, будто это был честный и законный поступок, и рассказывают, как Умм Сулайм бинт Мильхан, мать впоследствии знаменитого Анаса б. Малика, наряжала и готовила невесту, прежде чем оставить её наедине с Магометом, и как в брачную ночь верный сподвижник Абу Айюб Халид б. Зайд добровольно стоял на страже вокруг шатра Пророка с обнажённым мечом, «потому что, — сказал Абу Айюб, — я тревожился за тебя из-за этой женщины, у которой ты только что убил мужа, брата и родных и которая ещё недавно была неверной!» (Хишам, с. 766). И с нашей стороны всякий комментарий излишен, ибо поступок Пророка таков, что заслуживает строжайшего осуждения, и достаточно лишь отметить, какую огромную разницу в мыслях и поступках произвели уже в душе этого человека краткий период политических триумфов и наслаждение абсолютной властью, с каждым днём всё более обширной: в Магомете — победителе Хайбара мы почти уже не узнаём кроткого апостола чистой веры, мишень ненависти и оскорблений всего лишь семь лет тому назад.

иудеев в аль-Катибе, Магомет, заметивший великую красоту иудейки, начал ухаживать за ней под предлогом обращения её в ислам. Умная женщина поняла всю выгоду, которую могла извлечь из брака с Пророком, и не стала противиться обращению, хотя и изображала некоторое сопротивление ради соблюдения приличий. В тот же самый вечер, когда умер Кинана (ср., однако, иную версию в § 48), Пророк велел позвать Сафию в свой шатёр, приказал ей покрыться покрывалом и, объявив, что она станет не наложницей, а законной женой, провёл с ней ночь, нетерпеливый ко всякой отсрочке и нарушив собственный приказ, изданный несколькими днями ранее, — щадить вражеских женщин, пока у них не пройдут месячные. Его свадебным даром был дар её свободы. Влюблённость Магомета была столь сильна, что, когда снимали лагерь, чтобы начать обратный путь в Медину, Пророк по-рыцарски пожелал помочь супруге сесть на верблюда, встав одним коленом на землю и подставив ей другое как ступеньку, чтобы подняться в седло. Впоследствии, в Медине, другие жёны Магомета, ревнуя к новой сопернице, встретили прекрасную Сафию весьма надменно и называли её служанкой-иудейкой (ср. также Са‘д, VIII, с. 90, стр. 15 и 21) и сумели довести её до слёз; наконец пришлось вмешаться Магомету, который, повысив голос, заставил жён замолчать и наложил на них молчание[22] (Хишам, с. 763, — по версии Ибн Исхака, сокровище, которое искал Магомет, было сокровищем бану ан-Надир; Вакиди — Велльхаузен, с. 278–279, 291–292; Са‘д, VIII, с. 86–92; Табари, I, с. 1581–1582; Балазури, с. 23–24, 27, где казалось бы, что смертная казнь постигла всех бану Абу-ль-Хукайк и что Магомет покарал их простым обезглавливанием и без пыток; Асир, II, с. 169; Бухари, III, с. 125–126; *Хамис*, II, с. 51, 62–63).

Попытка отравить Пророка

§ 37. — В конце похода и прежде, чем начался обратный путь в Медину, произошёл весьма неприятный случай, который мог иметь тягчайшие последствия для Магомета и для дела ислама. Одна иудейка, Зайнаб бинт аль-Харис, жена Саллама б. Мишкама, принесла однажды вечером, после предпоследней дневной молитвы, жареную овцу и поднесла её в дар Магомету. Она заранее разузнала, какую часть овцы Пророк предпочитает, и, узнав, что лопатку, пропитала её сильнейшим ядом; вместе с тем она намазала ядом и прочие части жареного мяса. Магомет принял дар и накрыл стол для себя и для ближайших сподвижников, бывших при нём. Он тотчас взял кусок лопатки, но, почувствовав с первого же куска ядовитый вкус, выплюнул его на землю, не проглотив. Бишр б. аль-Бара’, евший с Пророком, тоже почувствовал неприятный вкус, но, не смея выплюнуть из уважения к хозяину, проглотил яд. Бедный Бишр тотчас побелел и побледнел, и его охватили сильные боли, которые — одни говорят, через несколько дней, другие — через год — наконец его убили. Разгневанный Магомет послал за Зайнаб и спросил её о причине её вероломного поступка; на что она смело

[22] Во время обратного похода (ср. § 48 и сл.), когда мусульмане увидели издали стены Медины, все они пришпорили своих верблюдов. То же сделал и Магомет, ехавший на одном животном с Сафией; но верблюд споткнулся о камень и упал, опрокинув на землю Пророка с супругой. Бывшие рядом сподвижники из скромности отвели взоры, пока Магомет не привёл в порядок одежду свою и жены; он даже заслонил её плащом, пока она не кончила приводить себя в порядок. Когда наконец, всё уладив, Магомет снова сел на верблюда с супругой и прибыл в своё жилище, все женщины вышли посмотреть на новую супругу Пророка, и все не скрывали своего удовольствия от падения прекрасной соперницы (Са‘д, VIII, с. 88–89).

ответила, что считает себя вправе пытаться отравить того, кто был причиной смерти её отца, дяди и мужа и кто причинил её народу тягчайшее и непоправимое бедствие. Кроме того, прибавила Зайнаб, если Магомет истинный Пророк, он тотчас заметил бы яд, если же он не более чем царь, жаждущий власти, то иудеи избавились бы от своего угнетателя. Относительно окончательной участи Зайнаб источники не согласны: одни утверждают, что Магомет велел предать её смерти и затем распорядился повесить её тело, тогда как другие утверждают, что Пророк, поражённый словами иудейки, даровал ей жизнь. Трое других сотрапезников, отведавших мяса, но не проглотивших его, по совету Магомета сделали себе кровопускание из затылка и совершенно оправились от лёгкого недомогания. Сам Магомет велел Абу Хинду пустить себе кровь в месте под левым плечом (Хишам, с. 764–765; Вакиди — Велльхаузен, с. 280–281; Табари, I, с. 1583–1584; Асир, II, с. 170; *Tanbīh*, с. 257–258; Халдун, II, Прил., с. 39; Бухари, III, с. 132–133; *Хамис*, II, с. 57–58; Халаби, III, с. 177)[23].

Раздел хайбарской добычи

§ 38. — Добившись сдачи Хайбара, Магомет и сподвижники первым делом подумали о разделе добычи, которая была исключительной ценности. В ходе похода, пока ещё кипела схватка вокруг замков, Магомет вверил охрану всей добычи Фарве б. Амру аль-Баяди и держал её сложенной в одном из замков ан-Натата. Мы уже сказали в другом месте (ср. § 26), что особые условия похода на Хайбар вызвали необходимость особого распоряжения, по которому продовольствие, корм и кожи предоставлялись сподвижникам во время осады замков без учёта выданного количества и без мысли засчитывать их стоимость при окончательном разделе. Магомет пожелал, однако, чтобы добыча считалась общим добром, нераздельной собственностью всех мусульманских воинов, и держался этого правила весьма строго, приказав всем вернуть нетронутыми предметы, взятые взаймы во время кампании, когда мусульмане снабдили себя многими недостававшими им военными принадлежностями. Всё оружие и все животные, удержанные сподвижниками, должны были быть аккуратно возвращены и собраны в одну кучу. Из этой кучи теперь был произведён обычный раздел на пять частей, из которых одна, как доля Бога, была отдана Пророку, а всё остальное было выставлено на торги и продано тому, кто предложит больше. За два дня всё было продано, ибо за добро шёл оживлённый спор и было большое соперничество. Священные Писания иудеев, однако, не были выставлены на торги, а по приказу Магомета возвращены владельцам. Понятие о том, что добыча — общая собственность и потому неприкосновенна, строго соблюдалось и уважалось. Хранитель добычи Фарва б. Амр, руководивший и торгами, взял из кучи полосу ткани, чтобы повязать голову для защиты от солнца, и забыл вернуть её, когда торги закончились. Он слишком поздно заметил свою оплошность и пошёл к Пророку признаться в невольной забывчивости.

[23] С явной целью представить Пророка мучеником за дело веры хронисты утверждают, что пагубное действие этого яда ускорило смерть Магомета в его последней болезни, плеврите. Умм Бишр, пришедшая навестить его в последние минуты, удивилась силе жара, и Магомет ответил ей: «Я чувствую теперь, как бьётся у меня сердечная жила, и это следствие того куска отравленного мяса, который я отведал вместе с твоим братом Бишром в Хайбаре». И мусульмане могут поэтому заключить, торжественно говорит Ибн Исхак, что Бог пожелал, чтобы Магомет умер мучеником, после того как почтил его божественной миссией пророка (Хишам, с. 765; Вакиди — Велльхаузен, с. 281; Табари, I, с. 1584; *Хамис*, II, с. 58).

Магомет безжалостно ответил ему, что эта повязка — пояс адского огня. Один негр по имени Каркара, обычно державший коня, когда Магомет садился в седло, попытался скрыть плащ, входивший в добычу; хотя он умер несколько дней спустя, убитый во время следующего похода в Вади-ль-Кура, Магомет причислил его к осуждённым в ад из-за утаённой одежды. При разделе добычи Магомет дал распоряжение, что не дозволено обменивать золото или серебро в слитках (*тибр*) на чеканное золото или серебро (*захаб, фидда*) иначе как точно взвесив оба количества, или же обменивая необработанное золото на чеканное серебро и необработанное серебро на золотую монету, и строго запретил обмен на простой глаз (Хишам, с. 759, 765; Вакиди — Велльхаузен, с. 281–282; Табари, I, с. 1584, стр. 16 и сл.; Хаджар, I, с. 1060, № 2652, где убитый раб-негр назван Мидгам [в других источниках: Мид‘ам], а не Каркара; III, с. 803, № 1968; Балазури, с. 34; Асир, II, с. 170; Бухари, III, с. 129–130; *Хамис*, II, с. 60–61, 65).

§ 39. — При разделе добычи Магомет пожелал, чтобы долю получили все, кто сопровождал его в походе к аль-Худайбии[24], быть может, в вознаграждение за лишения того похода и за спокойное и послушное поведение, проявленное всеми перед лицом горьких разочарований, испытанных при этом. Тем не менее и другие, не участвовавшие в аль-Худайбии, и среди них около десятка мединских иудеев и два раба, сражавшиеся вместе с мусульманами, получили подарки по щедрости Пророка. В походе участвовали некоторые мусульманские женщины, всего двадцать, и одна из них, жена Асима б. Ади, даже родила в Хайбаре дочь. Главной целью этих женщин, пришедших в Хайбар, было ухаживать за ранеными, зашивать бурдюки и заниматься делами мужей и братьев; среди упоминаемых имён мы находим имя Умайи бинт Кайс ибн ас-Сальт, которая проделала часть пути из Медины в Хайбар на одном верблюде с Магометом и, если верить преданию, даже запачкала ему седло своими месячными, внезапно наступившими во время похода (Хишам, с. 768; Вакиди — Велльхаузен, с. 283). Другие женщины, о которых упоминается, были жена Абдуллаха б. Унайса, Умм аль-Аля аль-Ансарийя, Умм Синан и Умм Умара, каждая из которых оставила предания о своих личных переживаниях во время кампании. Все эти женщины получили подарки от Пророка, но не имели права на доли в добыче (Вакиди — Велльхаузен, с. 284; Табари, I, с. 1586; *Хамис*, II, с. 59).

§ 40. — Когда наконец дошло до действительного раздела денег, вырученных от продажи с торгов всей добычи, составили, как обычно, число долей, равное числу воинов, считая одну долю на каждого пешего и три доли на каждого, кто привёл с собой коня[25]. Людей было всего 1400, коней — 200, а не 300, как утверждали некоторые. Зайд б. Сабит руководил самой выдачей каждому его доли; всего было

[24] Единственный человек, присутствовавший при договоре в аль-Худайбии, но не в походе на Хайбар, — Джабир б. Абдуллах б. Харам, но и ему Пророк назначил долю, как всем остальным (Табари, I, с. 1589).

[25] Примечательно, что при назначении долей владельцам коней строго принималась во внимание чистота крови самих коней и что не допускался к получению трёх долей тот, кто явился не на коне чистой арабской крови. Некоторые, однако, утверждают, что до великих завоевательных войн в Аравии не было иных коней, кроме чистокровных арабских (Вакиди — Велльхаузен, с. 286).

роздано 1800 долей[26] (Вакиди — Велльхаузен, с. 285; Бухари, III, с. 128, где в тексте по ошибке число 114; *Хамис*, II, с. 61; Халдун, II, Прил., с. 38).

§ 41. — Закончив раздел движимой части, Магомет приступил к разделу по жребию (дохода) богатых земель Хайбара. Они были также разделены на 1800 долей приблизительно равного дохода, и над каждой сотней долей был поставлен надсмотрщик. Раздел распространялся, однако, лишь на земли ан-Натата и аш-Шикка, ибо Магомет решил, что все земли аль-Катибы[27] будут составлять пятину, и оставил их себе. Восемнадцать участков по сто долей каждый были затем известны под следующими названиями[28]: (1) Асим б. Ади; (2) Али; (3) Ибн Ауф; (4) Тальха; (5) бану Са‘ида; (6) бану ан-Наджжар; (7) бану Хариса; (8) бану аслам и бану гифар, в котором семьдесят долей досталось первым и тридцать — вторым; (9 и 10) бану салима, надзирателем над которыми был Муаз б. Джабаль; (11) Убайда; (12) бану Убайд; (13) бану аус, носивший также название Лафиф и купленный на торгах Умаром; (14) аз-Зубайр; (15) Усайд б. Худайр; (16) бану аль-Харис, надзирателем над которым был Ибн Раваха; (17) бану Баяда, надзирателем над которым был Фарва; (18) На‘им, названный так по имени своего прежнего владельца-иудея На‘има, бывшего также хозяином замка На‘има, упомянутого в ходе кампании (ср. § 16). Кто хотел, имел право продать свою долю, и этим облегчением воспользовались немало людей. Помимо целого участка № 13, купленного Умаром б. аль-Хаттабом, Магомет купил долю одного гифарита, а Мухаммад б. Маслама скупил доли асламитов (Вакиди — Велльхаузен, с. 285; Табари, I, с. 1588; Балазури, с. 26, даёт лёгкий вариант: Магомет разделил всё на 36 участков по 100 долей каждый: половину их он назначил жителям Хайбара и мусульманским наместникам, *нава·иб*, а другую половину разделил между мусульманами. Пророк получил свою долю, как и прочие, в группе долей ан-Натата и аш-Шикка; аль-Катиба же была признана *вакфом* (*вукифат*), то есть обращена в казённое владение, или в «мёртвую руку»; Асир, II, с. 171; ср. предыдущие §§ 33 и 34 и 13 г. х.).

§ 42. — Вся территория аль-Катибы целиком была взята Магометом как причитавшаяся ему пятина. Доход с этой территории был весьма значителен по понятиям того времени в Аравии, то есть считалось, что она даёт около 8000 *васков* фиников, 3000 *са‘* зерна и 1000 *са‘*[29] *нава* (финиковых косточек? ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 286, прим. 1); из всего этого Магомет получал половину. На этот доход

[26] Источники не говорят, какова была стоимость каждой отдельной доли; её можно, однако, вычислить. Если пятина, взятая Магометом, стоила 8000 чистых центнеров в год (ср. § 42, прим. 1), то остальные четыре пятых должны были составлять около 32 000 центнеров продуктов, то есть около 18 центнеров в год на каждую долю, и, считая центнер примерно в 40 франков, мы получили бы на каждую долю чистый годовой доход почти в 800 франков, что для тех времён и тех мест равнялось более чем десятикратной этой сумме в наше время в Европе.

[27] По Балазури (с. 25), в пятину аль-Катибы входил ас-Суламим. В другом месте у Балазури (с. 26, стр. 3) сказано, что аль-Ватих и ас-Суламим входили в четыре пятых, предназначенные мусульманам, и, следовательно, засчитывались вместе с ан-Нататом и аш-Шиккой.

[28] Мы переписали список в том виде, в каком он находится в тексте аль-Вакиди, но следует прибавить, что он, несомненно, находится здесь не на своём месте: это территориальный список, составленный во времена Умара: Магомет разделил по жребию лишь доходы, как ясно утверждает Балазури (с. 26, стр. 4–5), тогда как Умар разделил собственность на землю, *ракаба* (ср. Балазури, *Glossarium*, с. 46, под словом *raqaba*). Порядок, в котором расположены эти доли, и их наименования поэтому, вероятно, восходят к халифу Умару (ср. 13 г. х.). Ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 285, прим. 2, где Велльхаузен соглашается, что смысл аль-Вакиди приводит к выводу, что Хайбар рассматривался как *фауда*, или общее достояние мусульман, и что поэтому делились лишь доходы. О происхождении названий отдельных участков источники ничего нам не сообщают.

Магомет оказывал помощь всем своим родственникам, сиротам и бедным вообще. В источниках у нас есть и перечень раздач, сделанных Пророком при этом; в форме ежегодной пенсии каждая его жена получила 80 *васков* фиников и 20 *васков* зерна, но, по Ибн Исхаку, Аиша в особенности получила 200; дядя аль-Аббас получил 200 *васков* фиников, зять Али — 100 *васков* зерна, а Фатима, его жена и дочь Магомета, — 200 *васков* (ср. Са‘д, VIII, с. 17, стр. 20); Усама б. Зайд получил, по одним, 150, по другим, 250 *васков*, из которых 50 зерна и 50 финиковых косточек, а остальное фиников; Умм Румайса бинт Умар б. Хашим б. аль-Мутталиб получила 5 *васков* зерна, или, по Ибн Исхаку, 40; аль-Микдад б. Амр получил 15 *васков* зерна, и земля, дававшая этот доход, была впоследствии куплена Муавией за 100 000 *дирхамов*; Абу Бакр получил 100 *васков*; Акиль б. Абу Талиб — 140 *васков*; сыновья Джа‘фара б. Абу Талиба — 50 *васков*; Раби‘а б. аль-Харис б. Абд аль-Мутталиб — 100 *васков*; Абу Суфьян б. аль-Харис — 100 *васков*; Абу Кайс ас-Сальт б. Махрама б. аль-Мутталиб б. Абд Манаф — 30 *васков* (Хаджар, II, с. 508, № 8585); его брат Абу Набика — 50 *васков*; его брат аль-Касим — 50 *васков*; его брат Кайс — 50 *васков*, или 30 *васков* по Ибн Исхаку; Рукана б. Абд Язид — 50 *васков*; Мистах б. Усаса б. Аббад и его сестра Хинд получили 30 *васков*; Ибн Ильяс получил 50 *васков*; Сафия бинт Абд аль-Мутталиб — 40 *васков* (ср. Са‘д, VIII, с. 27, стр. 24); Бухайна бинт аль-Аратт (бинт аль-Харис, по Ибн Исхаку) б. аль-Мутталиб (*sic*) получила 30 *васков*; Сана‘а бинт аз-Зубайр б. Абд аль-Мутталиб — 40 *васков*; её сестра Умм Хакам — 30 *васков*; аль-Хусайн, Хадиджа и Хинд, дети Убайды б. аль-Хариса, получили 100 *васков*; Умм Хани бинт Абу Талиб — 40 *васков*; её сестра Джумана — 30 *васков*; Умм Талиб — 30 *васков*; Абу Аркам — 50 *васков*; Абд ар-Рахман б. Абу Бакр — 40 *васков*; Абу Басра — 40 *васков*; Ибн Абу Хунайс — 30 *васков*; Абдуллах б. Вахб и его два сына — 50 и 40 *васков*; Нумайла аль-Кальби из бану лайс — 50 *васков*; Умм Хабиб бинт Джахш — 30 *васков*; Малку, или Малкан б. Абда — 30 *васков*; Мухайиса б. Мас‘уд — 30 *васков*; дочери Убайды б. аль-Хариса и одна дочь Хусайна б. аль-Хариса получили 100 *васков*; сыновья Убайда б. Абд Язида — 60 *васков*; один сын Ауса б. Махрамы — 30 *васков*; Ну‘айм б. Хинд — 30 *васков*; Уджайр б. Абд Язид — 30 *васков*; Умм аль-Аркам — 50 *васков*; Хамна бинт Джахш — 30 *васков*; Умм аз-Зубайр — 40 *васков*; наконец, говорит Ибн Исхак, собственным жёнам Магомет пожаловал 700 *васков*[30] (Хишам, с. 775–776; Вакиди — Велльхаузен, с. 287;

[29] Вес одного *са‘* — около 2,11872 кг (ср. Sauvaire, *J. A.*, 1886, т. VII, с. 394 и сл.), а *васка*, равного 60 *са‘*, — около 192,8 кг (ср. Sauvaire, *J. A.*, 1886, т. VIII, с. 273 и сл.): обе — меры ёмкости. Общий доход аль-Катибы равнялся, следовательно, в наших мерах приблизительно 15 425 центнерам фиников, около 64 центнеров зерна и 21 центнеру финиковых косточек. Так как половина шла иудеям, Магомет располагал немногим менее чем 8000 центнерами продуктов в год. Никто никогда в Центральной Аравии не обладал столь огромным доходом (ср. § 46).

[30] Мы составили этот список, слив в один список Ибн Исхака и список аль-Вакиди, но оба перечня не одинаковы: в каждом есть имена и цифры, не вполне соответствующие другому: список Ибн Исхака даёт итог в 2830 *васков*, тогда как список аль-Вакиди даёт 2850 *васков*, а наш, сливающий оба предыдущих в один, даёт итог в 3250, или 3270, или 3370, или 3405, смотря по тому, какие варианты принимать. Мы знаем затем, что чистый доход аль-Катибы составлял 4000 *васков* и 2000 *са‘*, так что, как видим, у Пророка оставался значительный излишек, несмотря на многочисленные розданные пенсии. Ибн Исхак сохранил также копию документа о передаче доходов Хайбара в пользу жён и других лиц — документа, который в разных подробностях противоречит предыдущему списку пенсий (ср. Хишам, с. 776, стр. 8). Небесполезно, наконец, заметить, что в несомненно более древнем списке Ибн Исхака отсутствует имя аль-Аббаса, которое находится в списке аль-Вакиди, где сильнее ощутимы аббасидские влияния II века хиджры. Известно ведь, что Аббас стал мусульманином лишь через год после взятия Хайбара.

Балазури, с. 25–28, кратко упоминает о пенсиях, включая в короткий перечень и имя аль-Аббаса и прибавляя, что Пророк сделал пожалование бану аль-Мутталиб письменным и подлинным документом (*катаба китабан сабитан*)[31].

Са‘д, VIII, с. 31, стр. 11, прибавляет: (1) Умайма бинт Абд аль-Мутталиб, тётка Пророка, получила 40 *васков*; там же, стр. 20, (2) Дуба‘а бинт аз-Зубайр б. Абд аль-Мутталиб, двоюродная сестра Пророка, получила 40 *васков*; там же, с. 32, стр. 1, (3) Умм аль-Хакам, сестра предыдущей, получила 40 *васков*; там же, стр. 5 и 9, (4) Сафия и (5) Умм аз-Зубайр, сёстры двух предыдущих, получили каждая по 40 *васков*; там же, стр. 14 и 20 и с. 33, стр. 2, (6) Умм Хани, (7) Умм Талиб и (8) Джумана, дочери Абу Талиба, получили каждая по 40 или 30 *васков*)[3233].

---

[31] Просматривая этот перечень имён, мы констатируем тот факт, что Магомет по своим личным причинам приписывал особые преимущества членам своей семьи, как будто божественная миссия распространяла своего рода особое право и на прочих членов семьи. Мы видим, таким образом, заложенными первые основы того династического понятия, чуждого демократическим наклонностям арабов, которому, однако, суждено было однажды восторжествовать в мусульманском мире и привести к власти Аббасидов. Поведение Магомета уже в те времена породило надежды и притязания, превышавшие то, что сам Пророк желал уступить родственникам. Аль-Вакиди сообщает нам, в самом деле, драгоценную подробность: аль-Фадль б. аль-Аббас и Абд аль-Мутталиб б. Раби‘а б. аль-Харис по тайному наущению своих отцов явились к Пророку и попросили управления налогом для бедных, *ас-садакат*, который по тому, как им распоряжались, составлял весьма доходную должность для того, кто им управлял, и мощное орудие подкупа и не слишком честных барышей. Просьба двух родственников показалась столь бесстыдной самому Магомету, что он, при всей своей слабости к собственной семье, не пожелал на неё согласиться; он сурово отозвался о двух юношах и сказал, что общественные должности не могут считаться пребендами или бенефициями его семьи. Он, однако, повысил голос больше, чем чувствовал, и, желая всё же вознаградить или насытить жадность своих, нашёл двум юношам двух жён и установил их приданое из хайбарской пятины. Аль-Фадль взял дочь Махмии аз-Зубайди, а Абд аль-Мутталиб — дочь Абу Суфьяна б. аль-Хариса. Так он надеялся уладить всё дело (Вакиди — Велльхаузен, с. 288). Этот факт следует, однако, отнести, быть может, к несколько более позднему времени.

[32] Прирождённая алчность арабской расы весьма явно выходит на свет в связи со взятием Хайбара, и в особенности в известиях о пользовании упомянутыми доходами; поэтому передатчики пожелали сохранить некоторые подробности о них и объяснить, что Абу Бакр, Умар и Али посвящали доходы Хайбара одним лишь благотворительным целям, а не собственному употреблению. Однако уступка этих доходов, взятых из пятины Пророка, была произвольным актом с его стороны, не подкреплённым божественной санкцией, так что впоследствии её соблюдали из вполне естественного благоговения перед всеми распоряжениями, оставленными Пророком, какого бы рода они ни были; но контекст преданий показывает, что в последующие времена не умели точно определить, что это было за владение или право. Мы знаем, например, что Умар пытался побудить Ибн Аббаса и других отказаться от доходов Хайбара, но безуспешно, ибо все настаивали на законности своего права, опираясь на поведение самого Пророка, продолжавшего выплачивать хайбарские пенсии и наследникам своих умерших родственников. Трём халифам — Абу Бакру, Умару и Усману — пришлось поэтому принять ту же систему и считать хайбарские пенсии подлинным неотчуждаемым владением первых пользователей. Есть, однако, некоторые предания, по которым Умар не желал признавать неотчуждаемости пенсии и, когда умирал кто-либо из её получателей, изымал её в пользу казны и отнимал у наследников (Вакиди — Велльхаузен, с. 288–289). Эти противоречия доказывают, сколь неопределёнными бывали подчас распоряжения Пророка, который находил удобным для своих целей действовать произвольно, не давая объяснений или оправданий, когда мог без них обойтись. Откровения появлялись лишь тогда, когда общественное мнение, взволнованное каким-нибудь событием, требовало божественного подтверждения решений, принятых Пророком.

[33] Йа‘куби (II, с. 57) приводит известие, отсутствующее в более древних источниках и потому принимаемое с несколько большей осторожностью: а именно, Магомет, заканчивая раздел хайбарской добычи, узнал, что в Мекке царит великая нужда из-за долгой засухи и недостатка продовольствия. Поэтому он собрал остаток добычи, вверил его Амру б. Умайе ад-Дамри и приказал ему отправиться с ним в Мекку и передать всё трём курайшитским вождям — Абу Суфьяну б. Харбу, Сафвану б. Умайе б. Халафу и Сахлю (Сухайлю?) б. Амру, — чтобы те разделили добро между самыми нуждающимися. Сафван б. Умайя и Сахль б. Амр не пожелали принять дар Пророка, но Абу Суфьян б. Харб не стал чинить никаких затруднений, принял всё приношение Магомета и лично позаботился о раздаче помощи беднейшим из курайшитов.

Список мусульман, убитых при Хайбаре[34]

§ 43. — Во время похода на Хайбар погибли следующие сподвижники (список Ибн Исхака):

(1) **Абу Язид Раби‘а б. Акдам (Аксам) б. Сахира (Сахбара) б. Амр б. Лукайз б. Амир б. Ганм б. Дудан б. Асад б. Хузайма аль-Асади**, *халиф*, или союзник, бану Умайя, присутствовавший в битве при Бадре во 2 г. х. и во всех последующих походах, был убит при взятии одной из крепостей ан-Натата. Его убийцей был аль-Харис аль-Яхуди. Когда он умер, ему было тридцать лет (Хишам, с. 768; Хаджар, I, с. 1036, № 2677; Асир, *Усд*, II, с. 165–166).

(2) **Сакиф б. Амр б. Сумайт** принадлежал к племени бану Ганм б. Дудан б. Асад б. Хузайма и был *халифом* бану Умайя; присутствовал при Бадре вместе с двумя своими братьями, Мудлиджем и Маликом; был убит иудеем Усайром б. Ризамом. Аль-Вакиди называет его Сакаф (Хаджар, I, с. 412, № 955; Хишам, с. 768; Асир, *Усд*, I, с. 246, где сказано, что, по некоторым, он погиб, напротив, при Ухуде).

(3) **Рифа‘а б. Масрух (или Масмух, или Мусамрах) аль-Асади**, из племени бану Асад б. Хузайма, *халиф* бану Абд Шамс (Хишам, с. 768; Хаджар, I, с. 1063, № 2664; Асир, *Усд*, II, с. 185).

(4) **Абдуллах б. аль-Хубайб (или аль-Хабиб) б. Ухайб (или Вухайб) б. Сухайм б. Гияра, из бану Са‘д б. Лайс**, *халиф* бану Асад, мать которого принадлежала именно к бану Асад. Ибн Исхак говорит, что он убит при Хайбаре, но аль-Вакиди причисляет его к убитым при Ухуде вместе с его братом Абд ар-Рахманом б. аль-Хубайбом (Хишам, с. 768–769; Хаджар, II, с. 909–910, № 9373; Асир, *Усд*, III, с. 207).

(5) **Бишр б. аль-Бара’ б. Ма‘рур б. Сахр б. Синан**, из бану Салима б. Са‘д, ветви хазрадж Медины, присутствовавший на встрече в Акабе вместе с отцом (ср. Введение, § 344, № 80), сражавшийся при Бадре и совершивший все походы Магомета. Он умер в Хайбаре от яда, проглоченного, когда ел отравленное мясо овцы (ср. выше § 37) (Хишам, с. 769; Хаджар, I, с. 304–305, № 650; Асир, *Усд*, I, с. 183–184).

(6) **Фудайль б. ан-Ну‘ман аль-Ансари ас-Салими**, по Ибн Исхаку, погиб при Хайбаре, но аль-Вакиди не нашёл его имени в генеалогиях бану Салима и потому предположил, что это может быть ошибка вместо ат-Туфайль б. ан-Ну‘ман б. Ханса’ б. Синан. Этот последний (Туфайль) в самом деле упоминается Мусой б. Укбой среди сподвижников, присутствовавших при Хайбаре (Хишам, с. 769; Хаджар, III, с. 414–415, № 1121; Асир, *Усд*, IV, с. 184).

(7) **Мас‘уд б. Са‘д б. Кайс б. Халада (или Джалада) б. Амир б. Зурайк аль-Ансари аз-Зураки**, по Мусе б. Укбе, присутствовал в битве при Бадре, и Ибн Исхак с этим согласен; его смерть при Хайбаре, утверждаемая Ибн Исхаком,

[34] Шпренгер (III, с. 273) говорит, что убитых иудеев было 93, но, как обычно, не указывает источников. [В оригинале — «903»; вероятно, опечатка вместо 93. — *Прим. пер.*]

оспаривается, однако, аль-Вакиди, который говорит, что он погиб у Би’р Ма‘уна (ср. 4 г. х., § 5) (Хишам, с. 769; Хаджар, III, с. 837, № 2060; Асир, *Усд*, IV, с. 358).

(8) **Махмуд б. Маслама б. Салама б. Халид б. Маджда‘а аль-Ансари аль-Ауси аль-Хариси**, брат знаменитого Мухаммада б. Масламы [† 46 г. х.] и *халиф* бану Абд аль-Ашхаль; он присутствовал в битве при Ухуде, при осаде Медины и в походе к аль-Худайбии. Он был убит, как известно, жерновом, сброшенным ему на голову иудеем Мархабом у крепости На‘им в Хайбаре. Он умер после трёх дней страданий, ибо камень раздробил ему кости головы. Похоронен в одной могиле с Амиром б. аль-Аква‘ (Хишам, с. 768–769; Хаджар, III, с. 787–788, № 1934; Асир, *Усд*, IV, с. 333–334; ср. § 16).

(9) **Абу Дайях б. Сабит б. ан-Ну‘ман б. Умайя б. Имру’улькайс**, из бану Амр б. Ауф (ансары): присутствовал при Бадре, Ухуде и в прочих походах (Хишам, с. 769; отсутствует у Хаджара; по Асиру, *Усд*, V, с. 233, его имя было ан-Ну‘ман (или Умайр) б. Сабит б. ан-Ну‘ман б. Умайя б. Имру’улькайс аль-Ансари аль-Ауси).

(10) **Аль-Харис б. Хатиб** находится в списке Ибн Исхака (Хишам, с. 769) и аль-Вакиди (Вакиди — Велльхаузен, с. 289) как один из бойцов Бадра, принадлежавший к племени бану Амр б. Ауф, но у Хаджара (I, с. 564–566, № 1386, 1387) и у Асира, *Усд* (I, с. 322, 323), мы находим двух аль-Харисов б. Хатиб, оба умерших много лет спустя после Магомета: один будто бы был курайшитом, а другой сражался при Сиффине в 37 г. х. Здесь, следовательно, какая-то ошибка в именах.

(11) **Урва б. Мурра б. Сурака**, из бану Амр б. Ауф (Хишам, с. 769; Хаджар, II, с. 1136–1137, № 9889; отсутствует, однако, у Асира, *Усд*).

(12) **Аус б. аль-Ка’ид (или Фа’ид, или Фатик, или Факих)**, из бану Амр б. Ауф (Хишам, с. 769; Хаджар, I, с. 171–172, № 345; Асир, *Усд*, I, с. 148).

(13) **Унайф б. Хубайб**, из бану Амр б. Ауф (Хишам, с. 769; Хаджар, I, с. 153, № 299). Вакиди — Велльхаузен (с. 289) называет его Унайф б. Ва’иль и говорит, что он пал убитым перед замком На‘им (ср. Асир, *Усд*, I, с. 136, где упоминаются Унайф б. Хубайб и Унайф б. Ва’ила, оба убитые при Хайбаре).

(14) **Сабит б. Асла аль-Ансари аль-Ауси**, из бану Амр б. Ауф (Хишам, с. 769; Хаджар, I, с. 385, № 866).

(15) **Тальха**, из бану Амр б. Ауф (Хишам, с. 769; Хаджар, II, с. 693, № 8768).

(16) **Умара б. Укба б. Хариса аль-Гифари**, убит стрелой (Хишам, с. 769; Хаджар, II, с. 1228, № 10086, и с. 1229–1230, № 10088).

(17) **Амир б. Синан б. Абдуллах б. Кушайр аль-Аслами, прозванный Ибн аль-Аква‘**, дядя по отцу Саламы б. Амра б. аль-Аква‘. Умер от раны, нанесённой самому себе во время схватки. Был поэтом (Хишам, с. 756, 769; Хаджар, II, с. 621–622, № 8870; Асир, *Усд*, III, с. 82).

(18) **Аль-Асвад ар-Ра‘и**, или чёрный пастух, которого звали Аслам (Хишам, с. 769; Хаджар, I, с. 71, № 130; Асир, *Усд*, I, с. 76).

(19) **Мас‘уд б. Раби‘а б. Амр б. Са‘д б. Абд аль-Узза аль-Кари**, из бану-ль-Кара, называемый также Мас‘уд б. Амир б. Раби‘а, обратился в ислам в самые первые времена, прежде чем Магомет вошёл в дом Дар аль-Аркам (ср. Введение, § 263); бежал в Медину, был соединён узами братства с Убайдом б. ат-Тайиханом (ср. 1 г. х., § 50) и присутствовал при Бадре. По Абу Ма‘шару, однако, он умер в 30 г. х. Ибн Хишам, дополняя список Ибн Исхака, говорит, однако, что он умер при Хайбаре, утверждая, что он был *халифом* бану Зухра (Хишам, с. 769; Хаджар, III, с. 836, № 2055, где не знают о его смерти при Хайбаре; то же у Асира, *Усд*, IV, с. 357, который говорит, что он умер в 30 г. х.).

(20) **Аус б. Катада**, из бану Амр б. Ауф (ансары), добавлен к списку Ибн Исхака Ибн Хишамом; Ибн Хаджар говорит, что он умер при Хайбаре, со ссылкой на Ибн Исхака (Хишам, с. 769; Хаджар, I, с. 172, № 346; отсутствует у Асира, *Усд*).

Тот же список находится и у Вакиди — Велльхаузен, с. 289, со следующими добавлениями и изменениями:

(21) **Ади б. Мурра б. Сурака аль-Балави**, *халиф* ансаров (ср. также Хаджар, II, с. 1123–1124, № 9856; Асир, *Усд*, III, с. 398). (22) **Аус б. Хабиб**, быть может, иная версия № 12. (23) **Раб-негр Ясар**, быть может, иная версия № 18. (24) **Один человек из бану ашджа‘**. В списке аль-Вакиди недостаёт, однако, №№ 11, 12, 14, 15, так что, как видим, оба согласны в том, что число убитых мусульман в походе на Хайбар составило около двух десятков. Так как весь поход длился более полутора месяцев (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 275), мы можем заключить, что сопротивление иудеев было весьма мало кровопролитным и сравнительно легко преодолимым.

§ 44. — В биографическом своде Ибн Хаджара мы находим упомянутыми ещё следующих сподвижников, погибших при Хайбаре:

(1) **Джудайй б. Мурра б. Сурака аль-Балави**, *халиф*, или союзник, бану Амр б. Ауф (ансары), погиб вместе со своим отцом в походе на Хайбар (Хаджар, I, с. 468, № 1108; быть может, то же лицо, что № 21 предыдущего §; отсутствует у Асира, *Усд*).

(2) **Рифа‘а б. Абд аль-Мунзир б. Рифа‘а б. Занбар б. Зайд б. Умайя аль-Ансари аль-Ауси, или Рифа‘а б. Занбар**, брат Мубашшира [† 2 г. х.] и Абу Лубабы Башира и иногда смешиваемый некоторыми с этим последним; присутствовал на знаменитой встрече в Акабе, в битве при Бадре и в последующих походах, но нашёл смерть во время похода на Хайбар (Хаджар, I, с. 1059, № 2650; с. 1061, № 2655; Асир, *Усд*, II, с. 183, не знает о его смерти при Хайбаре).

(3) **Сулайм б. Сабит б. Вакш аль-Ансари**, по Ибн аль-Кальби [† 206 г. х.], был одним из присутствовавших в битве при Ухуде, при осаде Медины и в походе на Хайбар, где и нашёл смерть (Хаджар, II, с. 248, № 7024; Асир, *Усд*, II, с. 347).

(4) **Са‘лаба б. Анама б. Ади б. Наби б. Амр б. Савад б. Ганм аль-Ансари ас-Салими аль-Хазраджи** сражался при Бадре, присутствовал в Акабе и был одним из тех, кто разбил идолов бану Салима. По одним, он был убит Хубайрой б. Абу Вахбом при осаде Медины (*аль-Хандак*), но другие утверждают, что он погиб в походе на Хайбар (Хаджар, I, с. 408, № 944; Асир, *Усд*, I, с. 244, называет его Са‘лаба б. Ганама и говорит лишь, что он умер во время Осады, за два года до Хайбара).

(5) **Унайф б. Васила** был убит в походе на Хайбар (Хаджар, I, с. 153, № 301); быть может, то же лицо, что № 13 предыдущего §.

Последствия взятия Хайбара

§ 45. — За столкновением вокруг Хайбара с живейшим интересом следили во всей Западной Аравии, и особенно в Мекке, где исход похода имел также большое и непосредственное значение для будущего, поскольку мог повлиять на новые замыслы Пророка. Если верить преданиям, приводимым аль-Вакиди, мекканцы даже заключали пари об исходе борьбы, и не было недостатка в таких, кто утверждал вероятность победы иудеев и их союзников. Сохранилась, однако, память о том, что Абу Суфьян, самый прозорливый и истинный вождь курайшитов, не сомневался в торжестве Магомета. Смелость и благоприятная удача весьма помогли теперь мусульманскому делу и увеличили число его приверженцев. Среди знаменитых обращений этого периода было обращение аль-Хаджжаджа б. Илята ас-Сулами аль-Бахзи, который явился к Магомету, когда тот был ещё в Хайбаре, и стал мусульманином, но попросил и получил позволение держать своё обращение в тайне, чтобы иметь возможность взыскать многочисленные свои долги в Мекке. У него было, в самом деле, некоторое количество золота, происходившего из золотоносных рудников страны сулайм, и он держал его на хранении у жены, Шайбы бинт Умайр б. Хашим. Чтобы скрыть своё истинное намерение, аль-Хаджжадж явился, стало быть, в Мекку и с притворным ликованием объявил, что Магомет потерпел полное поражение при Хайбаре; пока событие обсуждали и толковали на разные лады, аль-Хаджжадж с ловкой поспешностью собрал свои долги, забрал всё золото и был уже в пяти днях пути от Мекки, когда туда пришло истинное известие о взятии Хайбара. Это предание, сохранённое у Вакиди — Велльхаузен (с. 289–290) с большим обилием подробностей, имеет очевидную цель показать, что аль-Аббас, дядя Пророка, был тайно мусульманином и, хотя жил в Мекке, следил с живым и любящим участием за судьбой своего прославленного племянника. Поэтому сказано, что ложное известие, данное аль-Хаджжаджем, опечалило мусульман в Мекке, и этим хотят намекнуть на аль-Аббаса; затем рассказывается, что аль-Хаджжадж тайно открыл ему правду о Хайбаре. Такие следы позднейших переделок сильно снижают ценность подробностей предания (Хишам, с. 770–772; Вакиди — Велльхаузен, с. 289–291; Табари, I, с. 1586–1588; Асир, II, с. 170–171; Йа‘куби, II, с. 57–58; *Хамис*, II, с. 59–60; Халаби, III, с. 173–175).

Доходы Пророка (ср. § 40, прим. 2; § 42 и прим. 1 и 2)

§ 46. — Шпренгер (III, с. 278) вычисляет, что после похода на Хайбар и покорения иудейских общин Вади-ль-Кура, Таймы и Фадака (ср. следующие §§) Пророк имел теперь в своём распоряжении годовой доход, который мог составлять около 20 000 или, быть может, даже 30 000 *васков* (то есть почти 60 000 центнеров) [в OCR оригинала — «80,000»; по смыслу (≈ 60 000 центнеров) — 30 000. — *Прим. пер.*]. Поскольку один *васк*, то есть почти два центнера фиников и зерна[35], может прокормить человека три месяца (так утверждает Шпренгер), следует заключить, что Пророк был в состоянии содержать от 5000 до 6000 человек. Такой доход был поэтому весьма действенным орудием для увеличения его военного могущества и для покупки покорности многих искателей приключений, стекавшихся в Медину из всех племён окрестностей. Таковы были средства, которые более всего способствовали распространению ислама в Аравии. Сухие степи Аравии — самая бесплодная почва для богословских теорий, и без материальной помощи стольких богатств и без военного и нравственного влияния, которое они давали Пророку, ислам никогда не одержал бы победы над древним язычеством.

Подчинение Фадака

§ 47. — Помимо материальных выгод завоевания, Магомет косвенно извлёк из него и другие, как материальные, так и нравственные, — следствия с каждым днём возраставшей славы и грозного могущества своего оружия. В самом деле, уже с первых дней своего прихода к Хайбару, уверенный, быть может, в исходе похода, он обратил алчный взор и на другую иудейскую колонию — Фадак[36] — и отправил туда послом Мухайису б. Мас‘уда, приглашая жителей принять ислам, — приглашение, которое в этом случае было равносильно приказу с угрозой расправы в случае неисполнения. Поначалу иудеи Фадака весьма дурно приняли предложения Мухайисы, но затем известие о взятии замка На‘има охладило их горячие головы. Тогда иудеи поспешили осыпать Мухайису мелкими подарками, чтобы побудить его забыть и не передавать Пророку их непочтительных речей. После долгих переговоров, напуганные наконец известиями из Хайбара, они отправили к Магомету посла, который, по одному преданию, принял условия полной конфискации всего имущества иудеев и изгнания из их страны, сохранив лишь жизнь и свободу. По другой версии[37], поскольку Мухайиса между тем известил Пророка, что иудеи Фадака столь слабы, что не могут противостоять даже сотне мусульман, Магомет извлёк из этого положения всю возможную выгоду и наложил на иудеев вечную уступку половины дохода. Тогда как

[35] Из цифр, приведённых в § 42 и примечаниях, следует, однако, что этот расчёт Шпренгера, должно быть, преувеличен, ибо Хайбар, дававший 8000 центнеров чистого дохода, был богатейшей из всех областей и давал наибольший доход. Поэтому я полагаю, что общий чистый доход Магомета, если сложить вместе и доходы Таймы, Фадака и Вади-ль-Кура, не мог превышать 32 000 центнеров продуктов. По ценам того времени это должно было равняться нынешнему доходу в полтора миллиона франков золотом.

[36] По Якуту (III, с. 855), Фадак был селением в двух или трёх днях пути от Медины, в пределах Хиджаза, богатым обильным источником воды и большим числом пальм.

[37] В этом предании, помимо двух противоречащих друг другу версий об условиях сдачи Фадака, мы имеем важное известие, что Умар признавал иудеев собственниками половины земель; ср. сказанное по поводу Хайбара, §§ 33, 34.

доходы Хайбара считались общей собственностью всех мусульман, доходы Фадака были объявлены личным достоянием Магомета[38], ибо Пророк утверждал, что уступка их произошла в его пользу без того, чтобы против страны Фадак был предпринят поход (Хишам, с. 764; Вакиди — Велльхаузен, с. 291; Табари, I, с. 1583, 1589; Балазури, с. 29, по которому посольство Мухайисы в Фадак имело место после Хайбара, и который утверждает, что главой, *ра'ис*, иудеев был некто Юша‘ ибн Нун аль-Яхуди. Магомет посвятил доходы Фадака *абна ас-сабиль*, или странствующим путникам; Якут, III, с. 856–857; Асир, II, с. 171–172; *Tanbīh*, с. 258; *Хамис*, II, с. 57, 64, где сказано, что Фадак находился в двух или трёх переходах от Медины; Халаби, III, с. 171–172; ср. 18 г. х.).

Возвращение в Медину; поход на Вади-ль-Кура[39]

§ 48. — Наконец Магомет собрался покинуть Хайбар и вернуться в Медину через Вади-ль-Кура. Уже в ас-Сибаре[40], всего в шести милях от Хайбара, Пророк, сгорая желанием, хотел осуществить брак с Сафией (ср., однако, в § 36 иную версию), и его удержали лишь отсутствие шатров, где можно было бы возлечь с иудейкой, и просьба её самой отложить соединение до места, несколько более удалённого от её родины. Брак состоялся тогда в ас-Сахбе, в двенадцати милях от Хайбара[41], и таков был пыл старого влюблённого, что он не пожелал ждать прибытия шатров, а велел соорудить себе нечто вроде временного укрытия из покрывал и ковров, под которым и скрылся с женщиной. Брак был отпразднован пиршеством, на котором подали множество фиников, *хайса* и *савика* на большой кожаной скатерти[42]. Из ас-Сахбы Магомет прошёл через Бурму в направлении Вади-ль-Кура[43], имея в виду покорение иудеев, обитавших в

[38] Поскольку Пророк оставил себе все доходы Фадака, его дочь Фатима после его смерти притязала именно на наследство Фадака и по поводу этой собственности имела хорошо известный спор с халифом Абу Бакром (ср. 11 г. х., §§ 193 и сл.). Впоследствии же, когда арабские завоевания так расширились, халиф Умар счёл справедливым вернуть собственность наследникам Пророка, каковыми были Али б. Абу Талиб и аль-Аббас б. Абд аль-Мутталиб. Эти двое затеяли между собой тяжбу о владении землёй: Али утверждал, что Пророк назначил её для единственного пользования дочери Фатимы; аль-Аббас утверждал, напротив, что законный наследник — он. Тогда они обратились к халифу Умару, чтобы он рассудил их, но тот отказался быть судьёй между двумя равными ему людьми: «Вы лучше кого бы то ни было знаете свои дела: мне довольно того, что я передал вам наследство!» Тогда оба претендента поделили имения пополам. Позднее, когда халифом стал Умар б. Абд аль-Азиз (в 99 г. х.), он приказал своему наместнику в Медине передать все имения Фадака потомкам Фатимы (Алидам); немного спустя халиф Язид б. Абд аль-Малик [† 105 г. х.] конфисковал всё у Алидов, и Омейяды оставались во владении Фадаком до падения династии. Аббасидский халиф Абу-ль-Аббас ас-Саффах передал земли в руки аль-Хасана б. аль-Хасана б. Али б. Абу Талиба, который позаботился об их разделе между Алидами. Во время восстания Алидов при халифе аль-Мансуре [† 158 г. х.] имения Фадака были снова конфискованы и оставались собственностью Аббасидов до халифа аль-Махди [† 169 г. х.], который вернул их Алидам. Халиф аль-Хади [† 170 г. х.] конфисковал их ещё раз, и лишь аль-Ма'мун [† 218 г. х.] вернул их Алидам по их просьбе (Якут, III, с. 856); см. продолжение, 210 г. х.

[39] Вади-ль-Кура («долина селений») — большая долина, тянущаяся вдоль пути из Медины в Сирию, — была усеяна иудейскими селениями во времена Магомета; затем она вошла в административный округ Медины (Якут, IV, с. 878).

[40] Ас-Сибар — то самое место, где годом ранее Абдуллах б. Унайс убил иудея Усайра б. Разима (Якут, I, с. 916, стр. 11 и сл.; ср. 6 г. х., § 20).

[41] Ас-Сахба находилась в одном переходе (*рауха*) от Хайбара (Якут, III, с. 437, стр. 5).

[42] Подробности о соединении с Сафией не вполне совпадают с данными только что в § 36. Такие повторения и противоречия весьма часты в мусульманских хрониках.

[43] Во время обратного похода в Медину произошло, если верить преданию, переданному Асма' бинт Умайс, знаменитое чудо закатившегося солнца, которое вернулось на горизонт через несколько минут после того, как скрылось, чтобы позволить Али вовремя совершить молитву. Пророк остановился в ас-Сахбе, одной из стоянок между Хайбаром и Мединой, и, внезапно охваченный божественным откровением, должен был лечь

этой области и союзных некоторым арабским племенам окрестностей. Иудеи поначалу сделали вид, что хотят сопротивляться, и стрела, пущенная с одной из башен Вади-ль-Кура, убила раба-негра Рифа‘ы б. Зайда аль-Джузами. Магомет выстроил своих в боевой порядок, вверив своё знамя Са‘ду б. Убаде, а три других знамени — аль-Хубабу, Сахлю б. Хунайфу и Аббаду б. Бишру. Первый день под Вади-ль-Кура прошёл в поединках между иудеями и мусульманами, в которых особенно отличились аз-Зубайр, Али и Абу Дуджана, и все противники-иудеи были убиты. На следующее утро крепость рано пала в руки нападавших, которые взяли обильную добычу. Иудеи добились позволения остаться в стране, обрабатывая землю как арендаторы (*му‘амала*, то есть аренда)[4445]. Довольно было известия об этом новом торжестве мусульманского оружия, чтобы смирились и иудеи Таймы[46], которые тотчас покорились и уплатили подушную подать (*аль-джизья*, которую в данном случае следует, однако, понимать как простую «дань» [ср. 12 г. х., § 39, прим. 6. К этому предмету нам придётся вернуться впоследствии; ср. 15 г. х.]). Во времена Умара иудеям Фадака и Хайбара пришлось выселиться, но жители Вади-ль-Кура и Таймы были оставлены на своих местах, ибо эти два места считались тогда частью Сирии, а Хиджаз начинался к югу от Вади-ль-Кура (Вакиди — Велльхаузен, с. 291–292; Хишам, с. 766; Табари, I, с. 1584; Балазури, с. 33–34, 35, относит покорение Вади-ль-Кура к джумаде II 7 г. х.; Бухари, III, с. 129; Якут, IV, с. 878, стр. 3 и сл., подтверждает, что завоевание произошло в джумаде II; так же и в *Хамис*, II, с. 64–65).

§ 49. — Пророк вверил управление Вади-ль-Кура Амру б. Са‘иду б. аль-Аси (Асу) б. Умайе, а позднее, после взятия Мекки, отдал управление ею Язиду б. Абу Суфьяну, обратившемуся в день подчинения Таймы (Балазури, с. 34).

§ 50. — После четырёхдневной остановки в Вади-ль-Кура Магомет направился наконец обратно в Медину. По поводу этого возвращения, которого после столь долгого отсутствия пламенно желали все мусульмане, рассказывают, что Пророк

на землю и положить голову на колени Али; откровение приходило медленно и мучительно, и так прошло время, пригодное для совершения предпоследней дневной молитвы, которую должно совершить прежде, чем скроется солнце. Когда Пророк обнаружил, что Али, чтобы ухаживать за ним, не помолился, он приказал солнцу, закатившемуся в тот момент, вновь появиться на горизонте. Солнце вернулось назад, остановилось над горизонтом и, когда Али окончил молитву, снова погрузилось на западе (*Хамис*, II, с. 64). Это предание — отражение библейского рассказа о Иисусе Навине (Ис. Нав. X, 13; ср. также Ис. XXXVIII, 8; Авв. III, 11). См. Basset, *La Bordah du cheikh El Bousiri*, 1894, passim; Marraccius, *Prodromus ad Alcoranum*, II, с. 270–272.

[44] Говорят, что Пророк пожаловал в лен (*акта‘*) Хамзе б. ан-Ну‘ману б. Хаузе аль-Узри, главе, *сайиду*, бану узра, участок Вади-ль-Кура размером в полёт стрелы, ибо он первым из жителей Хиджаза явился к Пророку с налогом, *ас-садака*, бану узра (Балазури, с. 35). Этот факт, если он верен, должен относиться к несколько более позднему времени.

[45] Халиф Муавия [† 60 г. х.] купил у одного иудея часть территории Вади-ль-Кура и уделял ей особое попечение, велев её возделывать и введя там много улучшений. Когда он умер и владение перешло в руки его сына Язида б. Муавии [† 64 г. х.], тот не занимался этим имением и довёл его до упадка; вследствие такой небрежности доходы с участка значительно уменьшились. Тогда вмешался принц Абд аль-Малик б. Марван [† 86 г. х.], которому позднее суждено было стать халифом: он явился к Язиду, указал ему на упадок имения в Вади-ль-Кура и попросил в виде особой милости отдать ему его под надзор и в пользование. Язид со своей обычной расточительностью согласился. Балазури (с. 35), сообщая нам это известие, косвенно подтверждает, что во времена Муавии некоторые иудеи ещё владели землёй в Вади-ль-Кура и что, следовательно, халиф Умар не изгонял их из этой области.

[46] Тайма — большое селение с богатыми пальмовыми рощами в пустыне между Вади-ль-Кура и сирийской границей (Якут, I, с. 907–908). Её дважды посетил Даути в 1877 году: ср. Doughty, *Arabia Deserta*, т. I, гл. X и XIX.

наказал своим не опережать поодиночке общего движения и не пытаться застать жён врасплох, ибо они рисковали попасть в неприятные положения. Магомет даже расположил лагерь в аль-Джурфе накануне своего вступления в город и провёл там ночь, строго запретив всем отправляться к жёнам в Медину. Этот запрет бросает мало благоприятный свет на нравственность мединских женщин: рассказывают, в самом деле, что один мединец, не пожелавший соблюсти приказ Пророка и заставший жену врасплох, пережил одно из самых неприятных испытаний (Хишам, с. 767; Вакиди — Велльхаузен, с. 292–293; Табари, I, с. 1585; *Хамис*, II, с. 65).

Прибытие аш‘аритов

§ 51. — Пока Пророк сражался с иудеями Хайбара, морем с юга Аравии прибыли и высадились в Джудде (Джидде) около пятидесяти арабов из племени аш‘ар, среди которых был впоследствии столь знаменитый Абу Муса аль-Аш‘ари (ср. § 54, № 10), несколько его братьев и два члена племени акк. Прибыв затем в Медину и найдя, что Магомет ещё в отлучке у Хайбара, они отправились к нему: там они присягнули ему на верность и исповедали мусульманскую веру (Са‘д, с. 70, § 132; ср. Шпренгер, II, с. 164).

Обращение некоторых бану хушайн[47]

§ 52. — Когда Магомет ещё готовился к походу на Хайбар, в Медину явился юноша лет двадцати по имени Абу Са‘лаба аль-Хушани, который, обратившись в ислам, проделал весь поход. Некоторое время спустя прибыли ещё семь человек из хушайн, которые остановились в доме Абу Са‘лабы в Медине и, также обратившись, присягнули на послушание Магомету, а затем вернулись домой (Са‘д, с. 56, § 112). Абу Са‘лаба же поселился в Медине на постоянное жительство и построил там себе дом — тот самый, в котором он затем принимал других членов своего племени, когда они приходили обращаться.

Возвращение переселенцев из Абиссинии

§ 53. — Событием, которому мусульманские хронисты придают большое значение, было возвращение в Аравию тех мусульман, что оставались в Абиссинии со времени знаменитого переселения туда, о котором говорилось в другом месте (ср. Введение, §§ 266–279; 282–283). Мы рассказали под предыдущим годом (ср. 6 г. х., § 53) о мнимом посольстве Амра б. Умайи ад-Дамри к Негусу, или царю Абиссинии, с видимой целью обратить этого государя в мусульманскую веру и коснулись также брака по доверенности, заключённого Магометом с вдовой Убайдуллаха б. Джахша, Умм Хабибой Рамлой. Этот случай стал поводом к возвращению всех прочих переселенцев, которые прибыли в Медину, когда Магомет был ещё занят осадой замков Хайбара: переселенцы догнали Пророка там в тот самый день, когда иудеи сдавались. Магомет, увидев вновь двоюродного брата Джа‘фара после стольких лет разлуки, обнял его и поцеловал между глаз, сказав, что не знает, чему больше радуется — свиданию с

[47] Шпренгер (III, с. 254) говорит, что род хушайн входил в состав узра (ср. Вюстенфельд, *Gen. Tab.*, табл. 2, стр. 17) и жил среди христиан, владея землёй на южной границе Каменистой Аравии, где велась обильная торговля рыбой.

ним или завоеванию Хайбара (Хишам, с. 144, 781; Вакиди — Веллхаузен, с. 282; *Хамис*, II, с. 61; Халаби, III, с. 168–169; Халдун, II, с. 39, сообщает, что часть переселенцев пришла в Медину за два года до Хайбара, а в 7 г. х. прибыли все остальные, остававшиеся в Абиссинии. По Ибн Халдуну, было, следовательно, три возвращения из Абиссинии: 1) в Мекку до бегства; 2) в Медину за два года до Хайбара, то есть в 5 г. х.; 3) во время похода на Хайбар; ср. по этому вопросу Введение, §§ 266 и сл.).

Перечень вернувшихся из Абиссинии

§ 54. — (1) Джа‘фар б. Абу Талиб (убитый впоследствии при Муте), с (2) Асма’, его женой, дочерью Умайса; (3) его сын Абдуллах б. Джа‘фар, родившийся в Абиссинии; (4) Халид б. Са‘ид б. аль-Ас (убитый при Мардж ас-Суффаре в правление Абу Бакра) с (5) Умайной, его женой, дочерью Халафа б. Ас‘ада; (6) Са‘ид б. Халид и (7) Амат бинт Халид, двое его детей, оба родившиеся в Абиссинии; (8) Амр б. Са‘ид б. аль-Ас (убитый при Аджнадайне в 13 г. х.; Фатима, его жена, дочь Сафвана б. Умайи, умерла в Абиссинии); (9) Муайкиб б. Абу Фатима, *хазин ‘аля бейт аль-маль*, или казначей халифа Умара; (10) Абу Муса аль-Аш‘ари (Абдуллах б. Кайс), *халиф* рода (*аль*) Утбы б. Раби‘и (этому противоречит содержание § 51!); (11) аль-Асвад б. Науфаль б. Хувайлид аль-Асади; (12) Джахм б. Кайс; (13) Амр б. Джахм б. Кайс; (14) Хузайма б. Джахм б. Кайс, двое его сыновей (его жена, Умм Хармала бинт Абд аль-Асвад, умерла в Абиссинии); (15) Амир б. Абу Ваккас; (16) Утба б. Мас‘уд, *халиф*; (17) аль-Харис б. Халид б. Сахр (его жена, Райта бинт аль-Харис б. Джубайла, умерла в Абиссинии); (18) Усман б. Раби‘а б. Ухбан; (19) Махмия б. аль-Джаз, *халиф*; (20) Ма‘мар б. Абдуллах б. Надла; (21) Абу Хатиб б. Амр; (22) Малик б. Раби‘а, с (23) Амрой, его женой, дочерью ас-Са‘ди (Хишам, с. 781–783; Табари, I, с. 1198, где сказано, что мужчин было шестнадцать). На двух кораблях, предоставленных Негусом возвращавшимся, были привезены также вдовы мусульман, умерших в Абиссинии (Халдун, II, Прил., с. 39–40).

§ 55. — Перечень тех мусульман, которые не вернулись на двух кораблях, данных Негусом, а умерли в Абиссинии или прибыли в Аравию сами по себе после битвы при Бадре: (24) Убайдуллах б. Джахш б. Ри’аб аль-Асади (умер в Абиссинии); (25) его жена, Умм Хабиба Рамла бинт Абу Суфьян; (26) его дочь, Хабиба бинт Убайдуллах б. Джахш; (27) Кайс б. Абдуллах; (28) его жена Барака бинт Ясар; (29) его дочь Умайя бинт Кайс, сопровождавшая Умм Хабибу (№ 25); (30) Язид б. Зама‘а б. аль-Асвад, убитый впоследствии в битве при Хунайне в 8 г. х.; (31) Амр б. Умайя б. аль-Харис, умер в Абиссинии; (32) Абу-р-Рум б. Умайр б. Хашим; (33) Фирас б. ан-Надр б. аль-Харис б. Калада; (34) аль-Мутталиб б. Азхар б. Абд Ауф, умер в Абиссинии; (35) Рамла бинт Абу Ауф б. Дубайра; (36) её сын Абдуллах б. аль-Мутталиб, который, говорят, был первым мусульманином, когда-либо унаследовавшим от отца, ибо его отец был первым умершим мусульманином; (37) Амр б. Усман б. Амр, убитый при аль-Кадисии в 15 г. х.; (38) Хаббар б. Суфьян б. Абд аль-Асад, убитый при Аджнадайне в 13 г. х.; (39) его брат Абдуллах б. Суфьян, убитый при Ярмуке в 15 г. х.; (40) Хишам б. Хузайфа б. аль-Мугира; (41) Хатиб б. аль-Харис б. Ма‘мар (умер в Абиссинии), (42) Мухаммад и (43) аль-Харис, его сыновья; (44) его дочь, дочь аль-Мухаллаля, которая, овдовев,

прибыла с двумя сыновьями в Аравию на двух кораблях Негуса (?!); (45) Хаттаб б. аль-Харис, брат Хатиба (№ 41), тоже умерший в Абиссинии; (46) его жена Фукайха бинт Ясар, вернувшаяся на одном из двух кораблей (?!); (47) Суфьян б. Ма‘мар б. Хабиб; (48) Джунада и (49) Джабир, его сыновья, все трое умершие в халифат Умара; (50) Хасана, жена Суфьяна; (51) Шурахбиль б. Хасана, сын предыдущей и единоутробный брат двух, отмеченных №№ 48, 49; (52) Абдуллах б. аль-Харис б. Кайс, поэт, умер в Абиссинии; (53) Кайс б. Хузафа б. Кайс; (54) Абу Кайс б. аль-Харис б. Кайс, убитый впоследствии в битве при аль-Ямаме в 11 г. х.; (55) Абдуллах б. Хузафа б. Кайс, посол Пророка к персидскому царю Хосрову Парвизу (ср. 6 г. х., § 54); (56) аль-Харис б. аль-Харис б. Кайс; (57) Ма‘мар б. аль-Харис б. Кайс; (58) Бишр б. аль-Харис б. Кайс; (59) единоутробный брат предыдущего, Са‘ид б. Амр, убитый в битве при Аджнадайне; (60) Са‘ид б. аль-Харис б. Кайс, убитый в день Ярмука; (61) ас-Са’иб б. аль-Харис б. Кайс, раненный впоследствии при Таифе в следующем году и убитый в битве при Фихле в Сирии; некоторые утверждают, напротив, что он погиб при Хайбаре, и о его конце царит большая неопределённость; (62) Умайр б. Ри’аб б. Хузайфа, убитый впоследствии при Айн ат-Тамре, под начальством Халида б. аль-Валида, в 12 г. х.; (63) Урва б. Абд аль-Узза б. Хурсан, умер в Абиссинии; (64) Ади б. Надла б. Абд аль-Узза, умер в Абиссинии; (65) его сын ан-Ну‘ман, который вернулся с остальными в Аравию и, прожив в Медине до времён Умара, был назначен им наместником Майсана в провинции Басра (Нижняя Вавилония), но затем смещён за то, что сочинял стихи, воспевавшие вино и любовь с певицами и плясуньями (Хишам, с. 782; Якут, IV, с. 715); (66) Салит б. Амр б. Абд Шамс, посол Пророка к Хаузе аль-Ханафи (ср. 6 г. х., § 55); (67) Усман б. Абд Ганм б. Зухайр; (68) Са‘д б. Абд Кайс б. Лакит; (69) Ияд б. Зухайр б. Абу Шаддад.

Итак, подводя итог, те мусульмане, которые не вернулись в Мекку к Магомету до хиджры, не присутствовали в битве при Бадре, но присоединились к Пророку в Медине, совершив путь сами по себе, а не на двух кораблях, данных Негусом, были числом, говорит Ибн Исхак, 34 мужчины, не считая женщин. В предыдущем перечне, также данном Ибн Исхаком, имеется, однако, лишь 30 мужских имён тех, кто прибыл в Медину сам по себе; недостаёт, следовательно, четырёх имён (Хишам, с. 783–787; Хаджар, II, с. 594, № 8774, ссылаясь на аз-Зубайра б. Баккара, помещает среди умерших в Абиссинии также (70) Тулайба б. Азхара б. Абд Ауфа б. Абд аль-Хариса б. Зухру б. Килаба аль-Кураши аз-Зухри)[48].

Перечень мусульман, умерших в Абиссинии во время изгнания

§ 56. — (1) Убайдуллах б. Джахш б. Ри’аб, умерший христианином, отрёкшись от ислама; (2) Амр б. Умайя б. аль-Харис; (3) Хатиб б. аль-Харис; (4) Хаттаб б. аль-Харис;

[48] В более поздних источниках утверждается, что с Джа‘фаром б. Абу Талибом, помимо упомянутых мусульман, прибыли также семьдесят человек, одетых в шерстяные одежды, *ас-суф*, из которых шестьдесят два абиссинца и восемь сирийцев. Говорят, что они не были мусульманами, а *асхаб ас-савами‘*, то есть монахами, жившими в кельях в пустыне. Известия о числе и народности этих посетителей различны и полны противоречий. Одни говорят, что их было всего сорок, другие — восемьдесят, третьи — что сорок были из Наджрана и тридцать два из Абиссинии и т. д. (Халаби, III, с. 169). Все они обратились в ислам, едва услышали, как Пророк в Медине читает одну из сур Корана (Халаби, III, с. 170).

(5) Абдуллах б. аль-Харис б. Кайс; (6) Урва б. Абд аль-Узза б. Хурсан; (7) Ади б. Надла; (8) Муса б. аль-Харис б. Халид.

Перечень женщин, бежавших и умерших в Абиссинии, всего 16, кроме их (пяти) дочерей, родившихся в той стране: (9) Рукайя, дочь Магомета (ср., однако, 2 г. х., §§ 76 и 85, А, № 13); (10) Умм Хабиба бинт Абу Суфьян; (11) её дочь Хабиба; (12) Умм Салама бинт Абу Умайя; (13) её дочь Зайнаб, родившаяся в Абиссинии; (14) Райта бинт аль-Харис б. Джубайла, умершая в пути; (15) Аиша и (16) Зайнаб, обе дочери Райты, родившиеся и умершие в Абиссинии (Муса б. аль-Харис, их брат, умер на пути от какой-то нездоровой воды, выпитой по дороге); (17) Фатима, ещё одна её дочь, была единственной, кто вернулся в Аравию; (18) Рамла бинт Абу Ауф б. Дубайра; (19) Лайла бинт Абу Хасма б. Ганим; (20) Сауда бинт Зама‘а б. Кайс; (21) Сахля бинт Сухайль б. Амр; (22) дочь аль-Мухаллаля; (23) Амра бинт ас-Са‘ди б. Вакдан; (24) Умм Кульсум бинт Сухайль б. Амр; (25) Асма’ бинт Умайс б. ан-Ну‘ман аль-Хас‘амийя; (26) Фатима бинт Сафван б. Умайя б. Мухаррис аль-Кинанийя; (27) Фукайха бинт Ясар; (28) Барака бинт Ясар; (29) Хасана, мать Шурахбиля (Хишам, с. 787–788).

Перечень родившихся в Абиссинии

§ 57. — (1) Абдуллах б. Джа‘фар б. Абу Талиб; (2) Мухаммад б. Абу Хузайфа; (3) Са‘ид б. Халид б. Са‘ид; (4) его сестра Ама бинт Халид; (5) Зайнаб бинт Абу Салама б. Абд аль-Асад; (6) Абдуллах б. аль-Мутталиб б. Азхар; (7) Муса б. аль-Харис б. Халид; (8) его сестра Аиша бинт аль-Харис; (9) Фатима бинт аль-Харис; (10) Зайнаб бинт аль-Харис (Хишам, с. 788).

Брак Умм Хабибы с Магометом

§ 58. — Мы уже рассказали под предыдущим годом (ср. 6 г. х., § 53), как Пророк поручил своему послу Амру б. Умайе ад-Дамри договориться с Негусом Абиссинии о его браке с Умм Хабибой Рамлой бинт Абу Суфьян; как Негус подарил невесте 400 *дирхамов* и как Халид б. Са‘ид б. аль-Ас в качестве доверенного Пророка увёз с собой невесту, тогда женщину лет тридцати. По возвращении Магомета из Хайбара брак был осуществлён, несмотря на то что Пророк лишь несколько дней назад пополнил свой гарем прекрасной Сафией. Умм Хабиба оставалась с Пророком до его смерти и пережила его на много лет, скончавшись в 42 или в 44 г. х. в Медине или в Сирии (*Хамис*, II, с. 65–66; Халаби, III, с. 170 и сл.).

Убиение Хосрова Шируйе

§ 59. — По аль-Вакиди, цитируемому ад-Диярбакри, в этом году был убит персидский царь Хосров Шируйе, в ночь на вторник 10 джумады II, или джумады I, в шестом или седьмом часу. Едва взойдя на престол, он предал смерти целых семнадцать своих дядей, не заботясь о том, что это были люди больших заслуг и великой доблести. Он не смог, однако, долго удержать власть, которую хотел обеспечить себе столь кровавыми средствами, и умер — одни говорят, через восемь, другие — через шесть месяцев после убийства отца, Хосрова Парвиза, в возрасте всего двадцати двух лет

(*Хамис*, II, с. 68; ср. Табари, I, с. 1060, стр. 15; Нёльдеке, *Perser*, с. 382, прим. 2, даёт днём смерти Шируйе (Siroe) 29 февраля 628 г., то есть 17 шавваля 6 г. х.). Ср. также Justi, *Alt. Pers.*, с. 237–238; Nöldeke, *Aufsätze*, с. 128; Geiger, *Grundriss*, II, с. 544.

Поход в Неджд

§ 60. — Мы рассказали в другом месте (ср. 6 г. х., § 31), как Пророк во время переговоров в аль-Худайбии послал своего приверженца Усмана б. Аффана вести переговоры с курайшитами и как Усман, приближаясь к городу, встретил Абана б. Са‘ида и отдался под его покровительство. Этот Абан был так поражён событиями в аль-Худайбии, что вскоре после заключения договора решил оставить дело язычников и открыто присоединиться к Магомету. Так он и сделал, и Пророк в награду вверил ему начальство над небольшим походом в Неджд перед выступлением на Хайбар. Ничего более мы не знаем о цели и последствиях этого похода и знаем лишь, что Абан окончил военное поручение в Неджде прежде, чем Магомет завершил завоевание Хайбара, и что поэтому он отправился к нему туда. Мы знаем также, что Пророк не позволил Абану и его людям принять никакого участия в хайбарской добыче (*Хамис*, II, с. 40; аль-Вакиди и Ибн Исхак о нём не упоминают; *Хамис*, II, с. 67, говорит, что, по некоторым, этот поход тот же, что поход на Джинаб и Юмн; ср. ниже § 66; *Хамис*, II, с. 67, стр. 28).

Поход на Турбу[49] (ша‘бан)

§ 61. — Вернувшись из Хайбара, Магомет уже не выходил из Медины до срока, назначенного для паломничества, то есть оставался там два месяца раби‘, две джумады, раджаб, ша‘бан, рамадан и шавваль. В течение этих восьми месяцев[50] он послал несколько небольших походов в соседние области, первым из которых был поход на Турбу, вверенный Умару б. аль-Хаттабу. Умар двинулся против так называемого «Крупа хавазин», то есть Ауджз Хавазин[51], но нашёл, что бедуины покинули стоянки. Во время обратного похода, когда они шли по так называемой неджданской дороге, проводник мусульман, араб из рода хилаль, предложил повести отряд туда, где паслись рассеянные стада бану хас‘ам, и угнать их взамен не захваченных у хавазин. Но Умар отверг предложение, сказав, что не получал приказаний на подобное дело (Хишам, с. 788, 973; Вакиди — Велльхаузен, с. 297; Табари, I, с. 1561–1562; Асир, II, с. 172; *Хамис*, II, с. 66; Халаби, III, с. 360).

---

[49] Турба, или, быть может, вернее, Тураба, была богатейшей долиной, принадлежавшей бану хилаль и бану Амир б. Раби‘а, которая от гор ас-Сарат близ Таифа простиралась на большое расстояние (одни говорят — на три дня пути, другие — даже на двадцать) к юго-востоку. Кругом возвышались высокие горы (Ясум, Фаркад, Ма‘дан аль-Бурам и два Саванана), покрытые обильной растительностью, особенно виноградом, сахарным тростником и другими местными растениями. Якут (II, с. 834, стр. 19) говорит, что долина находилась в двух днях пути от Мекки (ср. также Якут, III, с. 60, стр. 8 и сл.). В *Tanbīh* (с. 261) сказано, что Тураба была областью аль-Абли, в четырёх или пяти милях от Мекки, на дороге, ведущей в Сан‘у и Наджран в Йемене.

[50] Пребывание Магомета в Медине длилось восемь месяцев, если принять хронологию Ибн Исхака, которая относит взятие Хайбара к месяцу сафару. Мы упоминали в другом месте (ср. 7 г. х., § 7) о других хронологиях, быть может, менее вероятных, которые отодвигают взятие Хайбара примерно на три месяца позже и, следовательно, сократили бы на столько же пребывание Магомета в Медине до паломничества.

[51] Шпренгер (III, с. 282), упоминая этот поход, впадает в недоразумение, полагая, что речь идёт о роде Ауджз, и не зная, что название Ауджз Хавазин охватывает четыре больших рода, а именно бану Са‘д б. Бакр, бану Джушам б. Муавия б. Бакр, бану Наср б. Муавия и бану сакиф (ср. также *ZDMG*, 1881, XXXV, с. 596, и Вакиди — Велльхаузен, с. 297, прим. 1).

Другой поход в Неджд (ша‘бан)

§ 62. — Через несколько дней после предыдущих событий Пророк послал Абу Бакра с небольшим отрядом в Неджд, и на этот раз мусульманам удалось застать врасплох и разграбить стоянку бану хавазин, обитавших в пустыне к востоку от Мекки[52] (Вакиди — Велльхаузен, с. 297; Табари, I, с. 1592, который утверждает, что этот поход — тот самый, о котором уже рассказано под 6 г. х., § 18, и который окончился казнью Умм Кирфы; Табари, I, с. 1558, стр. 6; аль-Вакиди же считает их двумя совершенно различными событиями; *Хамис*, II, с. 66, говорит, что поход был направлен против бану килаб в направлении Дарийи (или Дарьи) или же против бану фазара; Халаби, III, с. 361, который, однако, признаёт недостоверность известия).

Поход на Фадак (ша‘бан)

§ 63. — В том же месяце Магомет послал Башира б. Са‘да (отца ан-Ну‘мана б. Башира) с тридцатью людьми против бану мурра в Фадаке. От нескольких пастухов, гнавших на пастбище стадо овец, Башир узнал, что бану мурра удалились на зиму в свою долину, или *вади*, покинув источники, у которых жили летом. Тогда Башир, изменив планы похода, удовольствовался тем, что угнал множество животных, найденных рассеянными по пустыне, и собрался вернуться с добычей в Медину. Но прежде чем он со своими добрался до безопасного места, бану мурра ночью напали врасплох на его лагерь, и мусульмане были перебиты или рассеяны во все стороны; сам Башир был тяжело ранен в лодыжку и оставлен на поле как мёртвый. Оправившись, однако, от ночной прохлады, он смог подняться и укрыться в Фадаке, где был принят и вылечен иудеями, пока не оказался в состоянии вернуться в Медину. Весть о поражении принёс Пророку Ульба б. Зайд аль-Хариси, один из немногих уцелевших в резне и первым пришедший в Медину. Магомет тотчас приказал снарядить новый поход, чтобы наказать бану мурра, и дал начальство над ним аз-Зубайру б. аль-Аввам; но в те дни в Медину вернулся из удачного набега (какого набега?) Галиб б. Абдуллах, и тогда Магомет отнял начальство у аз-Зубайра и вверил его Галибу. Тот выступил, взяв с собой и Ульбу, уцелевшего в предыдущем бедствии (Хишам, с. 975; Вакиди — Велльхаузен, с. 297; *Хамис*, II, с. 67; Табари, I, с. 1592; Асир, II, с. 172–173; Халаби, III, с. 361).

---

[52] Там было взято несколько пленных, среди которых одна женщина некоторой красоты, доставшаяся по жребию Саламе б. аль-Аква‘. Когда отряд вернулся, Пророк заметил красоту женщины и, дважды встретив её на мединском рынке с Саламой, пытавшимся её продать, спросил его, не жена ли она ему. Салама понял, что невольница понравилась Пророку, и предложил её ему в дар. Магомет принял, взял её себе, а затем отослал её в Мекку, сумев уступкой её выкупить нескольких мусульман, бывших в плену у курайшитов (*Хамис*, II, с. 66–67). Шпренгер (III, с. 283) придаёт большое значение этому последнему известию и замечает, что оно открывает нам существование мусульманских пленных в Мекке, а стало быть, и несомненность многих поражений, о которых передатчики умолчали, заботясь лишь о сохранении памяти о подвигах и славных делах, но не о поражениях своего Пророка. Мне кажется, однако, что заключению предания следует дать иное толкование: оно, вероятно, было добавлено, чтобы прикрыть новый акт старческого сладострастия Пророка, который, хотя и заключил в те дни два брака, всё же гонялся за каждой приглянувшейся ему девицей. Пленных в Мекке не было, ибо между Пророком и курайшитами царил мир в силу договора в аль-Худайбии, и при взятии Мекки, приблизительно через год после этих событий, мы не находим ни малейшего намёка на мусульман, освобождённых из заключения. Сочинитель заключения допустил анахронизм, забыв о договоре, заключённом несколькими месяцами ранее.

§ 64. — С 200 людьми под своим начальством Галибу удалось ночью застать врасплох стоянку бану мурра и одолеть её. Добыча, состоявшая из женщин, детей и скота, была весьма значительна, и каждая доля стоила приблизительно десять верблюдов. Затем Галиб привёл своих со всей добычей обратно в Медину, не тревожимый врагом (Вакиди — Велльхаузен, с. 297–298; Асир, II, с. 173)[53].

Поход на аль-Майфа‘у (рамадан)

§ 65. — В месяце рамадане этого года состоялся поход Галиба б. Абдуллаха из бану Кальб б. Ауф б. Лайс против племён бану Увал и бану Абд б. Са‘лаба. Уже давно, после похода на аль-Кудр (! *sic* в тексте; ср. 3 г. х., § 1)[54], Ясар твердил Пророку, что знает, как проучить бану Абд б. Са‘лаба, и по этой причине Магомет снарядил теперь поход из 130 человек, дав начальство Галибу и поставив Ясара проводником. Тот, ведя отряд через пустынную местность без следов дороги, углубился в столь малоизвестные края, что мусульмане начали питать дурные подозрения в измене с его стороны. Наконец однажды ночью они пришли к месту, где незадолго перед тем прошёл разлив дождевого потока, обогнули обрывистый базальтовый холм и внезапно обрушились на врага, стоявшего лагерем у источника аль-Майфа‘а[55]. Нападение вполне удалось, и было захвачено много верблюдов, но не сказано, были ли взяты пленные (Вакиди — Велльхаузен, с. 298; Табари, I, с. 1592–1593. Майфа‘а находилась за Батн Нахлем, в направлении ан-Накры, в одной из областей Неджда, в восьми переходах от Медины; там же, с. 1592, прим. с; там же цитирует аль-Вакиди и кратко рассказывает о походе против Абд б. Са‘лаба, не упоминая названия Майфа‘а; Асир, II, с. 173; *Хамис*, II, с. 67, говорит, что Майфа‘а находилась в Неджде в восьми переходах от Медины; Халаби, III, с. 361–362).

---

[53] Аль-Вакиди чётко отличает этот поход от следующего (на аль-Майфа‘у); Ибн Исхак же, опираясь на предание, переданное Абдуллахом б. Абу Бакром [† 135 г. х.], сливает в один оба похода под начальством Галиба и говорит, что поход на аль-Майфа‘у был направлен против бану мурра. Поэтому Ибн Исхак не упоминает в походе на аль-Майфа‘у ни бану Увал, ни бану Абд б. Са‘лаба (Табари, I, с. 1592; см. также следующий параграф). Наши источники перепутали факты и внесли некоторый беспорядок в известия. Шпренгер (III, с. 284), не замечая этой путаницы, буквально следует аль-Вакиди; следует, однако, иметь в виду, что авторитет Ибн Исхака более достоин доверия; ср. также Вакиди — Велльхаузен, с. 11–16. *Хамис* (II, с. 67) так же смешивает факты, помещает убиение Нахика б. Мирдаса в последующий поход на аль-Майфа‘у, а поход на Фадак рассказывает под 8 г. х.

[54] Это упоминание о походе на аль-Кудр, событии, происшедшем за несколько лет до того (ср. 3 г. х., § 1), в соединении с примечаниями к предыдущему параграфу, порождает подозрение, что рассказанное в предыдущем параграфе не заслуживает большого доверия и что здесь возникли путаница и недоразумения. В походе на аль-Кудр мы имеем захват слуги по имени Ясар, пасшего овец сулайм и гатафан, и нет причины сомневаться, что именно на него намекает аль-Вакиди в предыдущем параграфе. Но этот Ясар имел дело лишь с сулайм и гатафан, а не с Абд б. Са‘лаба. Это последнее название племени мне неизвестно, и я не мог бы сказать, к какой ветви арабского рода его отнести. Возможно, однако, найти решение затруднения в одном месте Табари (I, с. 1364), переписанном Ибн аль-Асиром (II, с. 108). Там мы читаем сразу после рассказа о походе на аль-Кудр: «После возвращения Магомета в Медину из похода на аль-Кудр он послал Галиба б. Абдуллаха аль-Лайси против бану сулайм и бану гатафан: они убили некоторых из них, угнали множество скота, но потеряли трёх человек, убитых в схватке. Они вернулись в Медину 15 шавваля». Этих известий нет в тексте аль-Вакиди под 3 г. х., и мы находим их лишь под 7 г. х., как сказано выше. Вероятно, два с виду различных факта относятся на самом деле к одному и тому же событию, которое беспорядочность и небрежность хронистов раздвоили. В таком случае версия аль-Вакиди, вероятно, ошибочна.

[55] По Якуту (V, с. 31, стр. 1–2), следовало бы говорить Мифа‘а, а не Майфа‘а: она находилась по ту сторону Батн Нахля, к ан-Накире, в области Неджд, в восьми переходах от Медины. В *Tanbīh* же (с. 262) название передано как аль-Майфа‘а.

Поход на аль-Джинаб и Юмн (шавваль)

§ 66. — На месяц шавваль того же года приходится поход, называемый походом на аль-Джинаб. Хусайль б. Нувайра аль-Ашджа‘и, бывший проводником Пророка в его походе на Хайбар, пришёл теперь сообщить, что гатафан собрались весьма многочисленными толпами у аль-Джинаба и имеют наступательные намерения против мусульман, ободрённые к тому же открытым содействием и поддержкой Уяйны б. Хисна аль-Фазари, старого и грозного врага ислама. Магомет тотчас созвал на совет Абу Бакра и Умара и, выслушав их мнение, приказал немедленно выступить 300 людям под начальством Башира б. Са‘да; Хусайль снова должен был служить проводником. Они прошли к югу от Хайбара, остановившись по пути в Салахе; затем сильно приблизились к врагу и выслали вперёд на разведку проводника Хусайля, который вернулся с известием, что часть вражеского скота находится поблизости. Такова была у мусульман жажда добычи, что они не смогли сдержаться и бросились на скот, не подумав о том, что такое несвоевременное нападение выдаёт врагу их присутствие и срывает цель похода. В самом деле, гатафан, едва получив тревогу, обратились в поспешное бегство и укрылись в безопасности среди горных вершин, заставив тем самым мусульман отступить, не исполнив приказаний Пророка. На обратном пути Башир, захватив в Салахе лазутчика Уяйны б. Хисна, предал его смерти; немного спустя ему удалось внезапно напасть на самого Уяйну в его лагере и после краткой схватки легко обратить его в бегство. Уяйна ускользнул, но некоторые из его людей были взяты в плен и приведены в Медину. Магомет, однако, отпустил всех на свободу, как только они исповедали мусульманскую веру, стремясь привлечь к себе симпатии больших и могущественных племён Неджда (Хишам, с. 975; Вакиди — Велльхаузен, с. 298–299; Табари, I, с. 1593; Асир, II, с. 173, который называет проводника Джубайль б. Нувайра аль-Ашджа‘и; *Хамис*, II, с. 67, говорит, что Джабар (а не Джинаб) была землёй гатафан или же фазара и узра; у Халаби, III, с. 363, много неуверенности в названиях: Ямн, или Юмн, или Аман; затем Джабар, или Джибар, — долина вблизи Хайбара; *Tanbīh*, с. 262, говорит, что поход был направлен на Юмн и Джубар, два места близ аль-Джинаба в области между Хайбаром и Вади-ль-Кура).

§ 67. — Рассказывают, что Уяйна б. Хисн, убегая на быстром коне от мусульман, встретился с аль-Харисом б. Ауфом аль-Мурри, который хотел его остановить; но таков был страх, охвативший Уяйну, что, видя в собственном воображении отряды врагов, наседающие сзади, он не хотел останавливаться. Аль-Харис заметил, что Уяйну уже никто не преследует; он догнал его, показал ему его ошибку и убедил наконец остановиться и поговорить с ним. Аль-Харис попытался теперь убедить Уяйну полностью стать на сторону Магомета и принять его дело. Но тот не принял совета, ибо опасался, что причинил Пророку столько неприятностей, что никогда не сможет оказаться с ним на одной ноге с прочими сподвижниками. Тогда аль-Харис указал ему, что курайшиты ещё не примирились с Магометом и что, присоединившись к Пророку раньше курайшитов, он получил бы над ними первенство, которым не следует пренебрегать. Поэтому они вместе решили отправиться в Медину и присоединиться к Магомету. По дороге они встретили, однако, Фарву б. Хубайру аль-Кушайри, шедшего в паломничество в Мекку, который убедил их отложить всякое решение, пока он не

выяснит истинное настроение курайшитов. Фарва, отправившись в Мекку, нашёл, что курайшиты всё ещё весьма враждебно настроены к Магомету, но уже не смеют действовать против него энергично; не имея в мыслях нарушать условия договора, они не находили в себе смелости избавиться от хуза‘а, которые, как всем было известно, действовали как постоянные лазутчики Пророка. Он вынес впечатление, что курайшиты убеждены в близком торжестве Магомета, но не знают, что им следует делать: если делали шаг одной ногой, то убирали другую и так никогда не продвигались вперёд (Вакиди — Велльхаузен, с. 299, где не сказано, какое действие произвёл на Уяйну б. Хисна рассказ кушайрита; Табари, I, с. 1593).

Убийство в Хайбаре

§ 68. — Незадолго до *‘умрат аль-када* (ср. § 69), то есть в месяце шаввале, группа мусульман, среди которых Мухайиса, его брат Хувайиса и Абдуллах б. Сахль, отправилась посетить Хайбар и задержалась там на несколько дней, проводя время весьма приятно благодаря великой прелести мест, где и во времена большой засухи всегда было вдоволь чистой воды, а потому в этом краю не было недостатка в плодах даже в самый сильный голод. Однажды один из спутников, а именно Абдуллах б. Сахль, отойдя от товарищей, больше не появился, и все поиски и расспросы, произведённые у тамошних иудеев, не дали никакого результата. Наконец, однако, насторожённые роем мух вокруг устья колодца, мусульмане увидели на его дне своего несчастного товарища убитым. Вернувшись в Медину, они открыто обвинили иудеев в убийстве Абдуллаха б. Сахля, но не смогли привести свидетелей, чтобы подтвердить утверждение под присягой. Иудеи со своей стороны протестовали, отрицая свою вину в злодеянии. Тогда Магомет прибегнул к древнему языческому обычаю, называемому *аль-касама*, или клятва, и предложил иудеям привести пятьдесят свидетелей, которые поклялись бы в невиновности иудеев, а мусульманам — найти столько же, которые поклялись бы, что иудеи виновны в убийстве. Ни одна из сторон не смогла представить требуемого числа своих свидетелей, и Магомет, исходя из того, что злодеяние было совершено на территории иудеев, осудил их на уплату выкупа за кровь в 100 верблюдов, сам, однако, оказав им помощь взносом тридцати верблюдиц (Хишам, с. 777–778; Вакиди — Велльхаузен, с. 293–294).

‘Умрат аль-кадийя, или *‘умрат аль-када,* или *‘умрат аль-кисас*[56] (зу-ль-ка‘да)

§ 69. — Наступило наконец заранее установленное время паломничества, и согласно уже данным Пророком приказам выступление в Мекку произошло 1 зу-ль-ка‘да: приказ выступать получили все, кто принимал участие в походе к аль-Худайбии, но к ним присоединились и другие, новые паломники, общее число которых возросло

[56] Название, данное этому паломничеству, гораздо позднее самих событий и было придумано, чтобы отличать друг от друга различные паломничества, в которых участвовал Пророк. Первое название означает паломничество, совершённое согласно условленным условиям, второе — паломничество, совершённое для восполнения неполного паломничества прошлого года. Первое название, лучше соответствующее истине, употребляется чаще. Третье название происходит от стиха Корана II, 190 и означает «паломничество возмездия» (ср. Хишам, II, с. 181, схолии к с. 788).

таким образом примерно до 2000 человек. Как известно, в силу условий, согласованных с курайшитами годом ранее, Магомет мог в этом году совершить паломничество и посещать Каабу в течение трёх дней, с тем чтобы по истечении этого срока удалиться со всеми своими; паломники не должны были брать иного оружия, кроме того, что дозволено обычаем простому путнику, то есть меча в ножнах, подвешенного на плече. Магомет сделал большие приготовления к этому паломничеству, которое было для него настоящим торжеством над его врагами, курайшитами, столь ожесточённо противившимися ему двадцать лет. Прежде всего он собрал шестьдесят или семьдесят верблюдов для принесения в жертву во время обычных обрядов малого паломничества, называемого *‘умра* в отличие от большого паломничества, *хаджж*, которое можно было совершать лишь в месяце зу-ль-хиджжа. Верблюды были вверены попечению Наджии б. Джундаба аль-Аслами и четырёх других арабов того же племени. По другим источникам, среди сторожей жертвенных верблюдов были Абу Рухм и Абу Хурайра. Магомет взял с собой также всякого рода оружие и около 100 коней, из которых составил вооружённый передовой отряд для защиты каравана. Уже из Зу-ль-Хулайфы, первой стоянки от Медины, Магомет выслал вперёд конницу под начальством Мухаммада б. Масламы, а за ней двинул верблюдов, нагруженных оружием, под руководством Башира б. Са‘да. Некоторые хотели напомнить Магомету, что по прямому условию, согласованному в аль-Худайбии, он обязался не брать с собой никакого оружия, кроме оговорённого в договоре. Магомет ответил, что будет верно соблюдать условия и оставит оружие за пределами священной территории, *аль-Харам*, но хочет иметь его поблизости и под рукой на любой непредвиденный случай. Он облачился в одеяние паломника, называемое *ихрам*, тотчас за пределами мечети (Медины или Зу-ль-Хулайфы?) и пошёл по дороге аль-Фуру‘[57], а не аль-Байда, как в прошлом году. Выступление произошло ровно через год после выступления в неудавшееся паломничество прошлого года, и это — по прямому желанию Пророка[58]. В Медине наместником остался Увайф б. аль-Адбат ад-Ди’ли (Хишам, с. 788–789; Вакиди — Велльхаузен, с. 300–301; Табари, I, с. 1593–1594, 1596–1597; *Хамис*, II, с. 68, говорит, что выступление произошло через шесть месяцев и десять дней после возвращения из Хайбара; Халаби, III, с. 187 и сл.).

[57] Аль-Фуру‘, или аль-Фур‘, было селение в округе аль-Рабаза, слева от ас-Сукьи, в восьми или четырёх переходах от Медины по дороге в Мекку, где было обилие пальм и колодцев с водой (Якут, III, с. 878, стр. 4–5).

[58] Топографический интерес представляет следующее описание дороги паломников из Медины в Мекку (какой она была в конце III века хиджры), которое мы берём у Ибн Русте (с. 177–178). Выйдя из Медины в сторону Мекки, через шесть миль приходят в аш-Шаджару — место, где мединские паломники обычно останавливаются, чтобы облачиться в одеяние *ихрам*: вода там обильна. От аш-Шаджары до ас-Саялы 31 миля, от ас-Саялы до ар-Рувайсы 34, от ар-Рувайсы до ас-Сукьи 36: в ас-Сукье много садов, жителей и пальм, и там было многолюдное селение на расстоянии суток пути от морского берега. От ас-Сукьи до аль-Абвы 29 миль. От аль-Абвы до аль-Джухфы 27 миль, и в аль-Джухфе было много жителей, рынок и вода в изобилии: до морского берега восемь миль; это было место сбора, *микат*, паломников из Сирии, где они облачались в *ихрам*. От аль-Джухфы до аль-Кудайда 28 миль: Кудайд был многолюдным селением недалеко от моря. От Кудайда до Усфана 24 мили, и в Усфане многочисленные жители. От Усфана до Батн Марра 34 мили, и в Батн Марре было красивое и многолюдное селение с множеством пальм, засеянными полями и проточной водой, стекавшей с гор. Приближаясь к Мекке, в 4 милях от Батн Марра, была гробница Маймуны, жены Пророка, и в 6 милях далее — мечеть, называемая мечетью Аиши, *Масджид Аиша*: оттуда до Мекки оставалось всего 6 миль. Всего от Батн Марра до Мекки 16 миль, а священная территория начиналась тогда в 6 милях от города. Ср. также Вюстенфельд, *Med. Hauptstr.* (с. 18–46), где дано ещё более подробное описание дороги и мечетей, воздвигнутых позднее вдоль неё.

§ 70. — Соблюдая порядок, в котором выступили, мусульманские всадники под начальством Мухаммада б. Масламы и верблюды, нагруженные оружием, под начальством Башира б. Са‘да пришли в Марр аз-Захран, вблизи Мекки, раньше остального каравана, ведомого самим Магометом, и встретили там нескольких курайшитов, которые в испуге бежали в Мекку и возвестили о близком прибытии Магомета с многочисленным отрядом приверженцев и с обильным запасом оружия. Мекканцы были сильно встревожены известиями, не будучи в состоянии объяснить себе, как это Магомет собирается начать войну, и не чувствуя за собой вины ни в каком нарушении согласованных условий. Магомет, придя в Марр аз-Захран, велел сложить всё оружие в низине Батн Яджидж, откуда были видны пограничные камни Харама, и оставил там 200 человек для охраны склада под начальством Ауса б. Хаули. Продвигаясь со всеми своими к Мекке, у самой границы территории Магомет встретил Микраза б. Хафса и других курайшитов, которые пришли протестовать и напомнить Пророку, что он может войти в Мекку лишь с оружием путника, то есть с мечом в ножнах. Магомет дал самые широкие заверения в честности своих намерений, и посланцы вернулись в город с ответом, успокоившим опасения всех: курайшиты тотчас же стали полностью освобождать город и удаляться на вершины гор вокруг Мекки. Когда курайшиты ушли, Магомет наконец вступил на священную территорию, сидя на своей знаменитой верблюдице аль-Касва, окружённый со всех сторон своими приверженцами, вооружёнными одними мечами, которые теперь принялись громогласно выкрикивать древнейший возглас: *Лаббайка! Лаббайка!*[59] Абдуллах б. Раваха, взяв верблюдицу Пророка под уздцы, провёл её через Зу Тува, куда уже пришли жертвенные верблюды, и вышел так в виду города, пройдя через возвышенность аль-Хаджун. Паломники, увлечённые радостью великого события, продолжали оглашать окрестные скалы криками *лаббайка!*, пока не пришли к *‘урус*, или деревянным лавкам торговцев, вблизи святилища (Вакиди — Велльхаузен, с. 301; Табари, I, с. 1597; *Хамис*, II, с. 68–69, где сказано, что Пророк, чтобы прийти в Мекку, перешёл Санийят аль-Када, или подъём аль-Хаджун, находящийся с верхней стороны Мекки, по которому приходят к гробницам, *аль-Макабир*, по дороге Дарб аль-Ма‘ля, соединяющей Мину с низинами Мекки, аль-Абтах).

§ 71. — По преданию, сохранённому Ибн Исхаком, Магомет вошёл пешком на открытую площадь, окружающую Каабу, и пешком же совершил и прочие обряды паломничества; но авторитеты, на которых основано предание, не заслуживают большого доверия, и надёжнее держаться предания, данного аль-Вакиди, которое рассказывает, что Магомет даже не сошёл с верблюдицы, а продвигался между двумя сомкнутыми рядами своих приверженцев до самого святилища и коснулся камня посохом, ни разу не сойдя на землю. На том же животном он совершил положенные

[59] О значении и языческом происхождении этого тёмного слова, *лаббайка*, можно с интересом прочесть то, что пишет Дози (*Die Israeliten zu Mekka*, с. 106 и сл.), где знаменитый ориенталист доказывает, что это слово халдейского происхождения, и высказывает несколько остроумных гипотез о его значении. Это слишком спорный предмет, чтобы рассматривать его в примечании. Во всяком случае, слово весьма древнее, и, быть может, уже во времена Магомета не было никого, кто понимал бы его значение и смысл. Дози хотел бы перевести его «Твоё облако!» и связать с культом Ваала и с дымом священного огня на алтарях во время жертвоприношений. Кремер (*Culturg.*, II, с. 15) принимает, напротив, без обсуждения значение и этимологию арабских лексикографов и филологов: «Всегда готов к Твоим услугам!»

обходы, всего семь, вокруг Каабы, *таваф*, а затем семикратный бег между ас-Сафой и аль-Марвой. Приверженцы же совершили оба эти обряда пешком, и при *тавафе* первые три обхода сделали бегом, а остальные четыре — более медленным шагом. Наконец, Магомет, остановившись у Марвы, приказал заколоть там приведённых для жертвоприношения животных, объявив, что для этого годится любое открытое место, *фаджж*. Те, у кого было достаточно средств, привели верблюдов из Медины для предписанной жертвы; другие, менее состоятельные, купили баранов или коров у многочисленных бедуинов, сбежавшихся туда для продажи. Затем Магомет велел разбить свой шатёр в аль-Абтахе, в непосредственной близости от храма, установив тем самым обычай не спать под кровлей, пока совершается паломничество. По окончании обрядов, всё так же сообразуясь с древнейшими обычаями, Магомет велел обрить себе голову — одни говорят, Хирашу б. Умайе, другие — Муаммару б. Абдуллаху аль-Адави, — и именно у Марвы, по окончании жертвоприношения (Хишам, с. 789; Вакиди — Велльхаузен, с. 301–302; Табари, I, с. 1594; Асир, II, с. 173–174; Бухари, III, с. 134, 135, приводя разные предания об обходах, совершённых паломниками вокруг Каабы, рассказывает, что первые три обхода были сделаны очень быстрым шагом, *ярмулюн*, с целью показать курайшитам, что климат Медины их не ослабил. Курайшиты смотрели на зрелище с возвышенности Ку‘айки‘ан; *Хамис*, II, с. 69–70).

§ 72. — Предание, сохранённое аль-Вакиди, гласит: «По окончании священных обрядов паломничества Магомет пошёл к Каабе и оставался там, пока Билал, взобравшись по приказу Пророка на её кровлю, не призвал верующих к полуденной молитве». Эти слова, взятые в буквальном смысле, означают, что все обряды, о которых мы только что упоминали, были совершены в течение утра первого дня, что вполне можно принять, не придавая большого значения замечаниям Мьюира (IV, с. 87), который хотел бы, чтобы Магомет потратил более одного дня на совершение обрядов и жертвоприношения. С высот вокруг Мекки наиболее враждебные Магомету курайшиты с большим вниманием следили за действиями мусульман, но, когда увидели, что Билал поднимается на кровлю, Икрима б. Абу Джахль возблагодарил Бога, что его отец не дожил, чтобы видеть зрелище подобного осквернения; другие курайшиты, как Сафван б. Умайя, Халид б. Усайд, Сухайль б. Амр и ещё другие, закрыли лица, чтобы не видеть (Вакиди — Велльхаузен, с. 302).

§ 73. — По другому преданию, сохранённому аль-Вакиди, курайшиты держали Каабу запертой и не позволили Магомету войти в маленькую прямоугольную часовню, в одном из углов которой был вделан знаменитый Чёрный камень. Тот же источник утверждает, что курайшиты ответили решительным отказом на все настояния Пророка допустить его внутрь, где в яме хранились сокровища и обетные дары, принесённые святилищу. Это предание, хотя на первый взгляд кажется выдуманным, чтобы выставить курайшитов в дурном свете, имеет, однако, сильный привкус подлинности и большую вероятность быть верным. Вход внутрь маленького святилища издревле был привилегией Господина Мекки, у которого одного были ключи (ср. Введение, §§ 76–77, 79). К тому же этот вход не имел никакой связи с обрядами паломничества, которые все совершались на открытом пространстве вокруг Каабы и между аль-Марвой и ас-Сафой; поэтому курайшиты имели полное право отказать в разрешении. То же предание прямо

прибавляет, что это известие совершенно верно и что Билал лишь однажды призвал верующих к молитве с кровли Каабы. Это заставляет предполагать, что поступок Билала вызвал живые протесты среди курайшитов и что их представления побудили Пророка изменить приказы и более не позволять Билалу подниматься на кровлю Четырёхугольного Дома (Вакиди — Велльхаузен, с. 302).

§ 74. — Во время пребывания в родном городе Пророк не оставался бездеятельным, и, хотя источники этого не говорят, весьма вероятно, что он вёл интриги среди менее враждебных ему и его учению курайшитов, чтобы создать в общественном мнении Мекки благоприятное для себя течение. Это предположение оправдывается всеми последующими событиями (ср., например, 8 г. х., § 2) не только во время краткого пребывания Магомета там, но и в последующие месяцы. В самом деле, Пророк попросил теперь руки Маймуны бинт аль-Харис, сестры Умм аль-Фадль, жены аль-Аббаса. Маймуна, весьма польщённая предложением Магомета и не смущаясь тем, что ему было за шестьдесят, доверила всё дело своей сестре Умм аль-Фадль, бывшей некогда её опекуншей, а та в свою очередь попросила мужа, аль-Аббаса, устроить дело. Брак был слажен без всякого промедления, и аль-Аббас отправил невесту Пророку с приданым в 400 или 500 *дирхамов* (Хишам, с. 790; Вакиди — Велльхаузен, с. 302; Са‘д, VIII, с. 94–98, где обсуждается вопрос, дозволено ли брать жену во время священных обрядов паломничества; Табари, I, с. 1595; Асир, II, с. 174; Бухари, III, с. 135; *Хамис*, II, с. 70–71).

§ 75. — Жила тогда в Мекке девочка Аммара бинт Хамза, дочь знаменитого дяди Пророка Хамзы, убитого при Ухуде, которая по причинам, которые предание старательно от нас скрывает, никогда не следовала за отцом в изгнание и всегда оставалась в Мекке. Вероятно, это было обязано влиянию её матери Сальмы бинт Умайс, тоже оставшейся на родине, верной языческому обряду. Теперь вмешался Али б. Абу Талиб, который попросил у Пророка позволения вырвать девочку из среды язычников и увезти её как жену в Медину. Против этой просьбы возразил Зайд б. Хариса, объявив себя братом и наследником Хамзы (ср. 1 г. х., § 50 и там же прим. 2) и, следовательно, тем, кто имеет наибольшие права на девочку. Наконец, притязания заявил и Джа‘фар б. Абу Талиб не только как племянник Хамзы, но и как муж сестры матери Аммары, то есть как муж Асма’ бинт Умайс, утверждая, что по этим причинам у него самые веские основания взять девочку под своё покровительство и дать ей необходимое воспитание. Магомет принял доводы Джа‘фара предпочтительно перед доводами других, но вместе с тем запретил ему вступать с ней в брак из-за двойного родства, в котором он уже находился с девочкой (ср. Коран, IV, 27). Джа‘фар принял решение Пророка с ликованием, несмотря на наложенные ограничения, и, говорят, от радости плясал, подпрыгивая, *хаджаля*, вокруг Пророка, как абиссинцы обычно делают вокруг Негуса. Позднее Магомет выдал девочку Аммару замуж за Саламу б. Абу Саламу (Вакиди — Велльхаузен, с. 302–303; Бухари, III, с. 133–134).

§ 76. — Около полудня четвёртого дня, проведённого Магометом в Мекке, к Пророку явились курайшитские вожди Сухайль б. Амр, Хувайтиб б. Абд аль-Узза и другие мекканцы и застали его на собрании с главными из его мединских приверженцев. Курайшиты напомнили Пророку, что три дня, согласованные в договоре

аль-Худайбии, уже прошли и что пора удалиться от святилища. Магомет попытался убедить курайшитов дать ему отсрочку, приглашая их также присутствовать на свадебном пиршестве, которое он намеревался устроить по случаю своего предстоящего брака с Маймуной. Но те ответили ему с надменной гордостью: «Нам не нужно твоего пиршества! Уходи!» Надменное поведение курайшитов раздражило приверженцев Магомета, и рассказывают, что мединец Са‘д б. Убада вскочил со своего места и обрушился на Сухайля б. Амра: Магомет остановил его и дал приказ, чтобы до захода солнца в Мекке не оставалось более ни одного мусульманина. Вместе с тем он установил, что следующий лагерь будет разбит в Сарифе и что там должны собраться все приверженцы: он сам подал добрый пример, опередив других. Вскоре его догнал его вольноотпущенник Абу Рафи‘, сопровождавший невесту Маймуну, и, хотя он прибыл поздней ночью, Магомет не пожелал ждать дольше и в том месте осуществил свой новый брак. Рассказывают, что Абу Рафи‘, сопровождая невесту, подвергся нападкам наглой мекканской черни и даже подвергался некоторой опасности, оказавшись в безопасности лишь тогда, когда пришёл в Батн Яджидж, где стража из 200 человек, приставленная к охране сложенного там оружия, взяла его под защиту и проводила до Сарифа. Магомет вернулся наконец в Медину в течение месяца зу-ль-хиджжа. При этом, говорят, был ниспослан стих Корана XLVIII, 27 (Хишам, с. 790–791; Вакиди — Велльхаузен, с. 303; Табари, I, с. 1595–1596; Са‘д, VIII, с. 95, стр. 12 и сл.; Асир, II, с. 174; Халдун, II, Прил., с. 40; Бухари, III, с. 133, 134–135, где сказано, что Маймуна впоследствии умерла именно в Сарифе, где провела первую ночь с Пророком; *Хамис*, II, с. 70: Сариф был в семи или десяти милях от Мекки, другие говорят — в шести, или девяти, или двенадцати милях; там же, с. 71–72: Маймуна умерла в 38 г. х.).

Поход против бану сулайм (зу-ль-хиджжа)

§ 77. — Тотчас по возвращении из Мекки, в том же месяце зу-ль-хиджжа, Магомет послал Ибн Абу-ль-Ауджа’ ас-Сулами против бану сулайм с отрядом в пятьдесят человек. Лазутчик племени, случайно находившийся в Медине, проведав о приготовлениях, успел предупредить своих о грозящем нападении, и бану сулайм, собравшись в силе, приготовились встретить мусульман, окружили их со всех сторон и одолели. Почти все мусульмане погибли, сражаясь как храбрецы, а Ибн Абу-ль-Ауджа’, тяжело раненный и павший как мёртвый среди трупов товарищей, с трудом сумел прийти в себя и спастись в Медину (Вакиди — Велльхаузен, с. 303; Табари, I, с. 1597; Асир, II, с. 174; *Хамис*, II, с. 72; Халаби, III, с. 363–364).

Возвращение посольства в Египет (ср. 6 г. х., § 49)

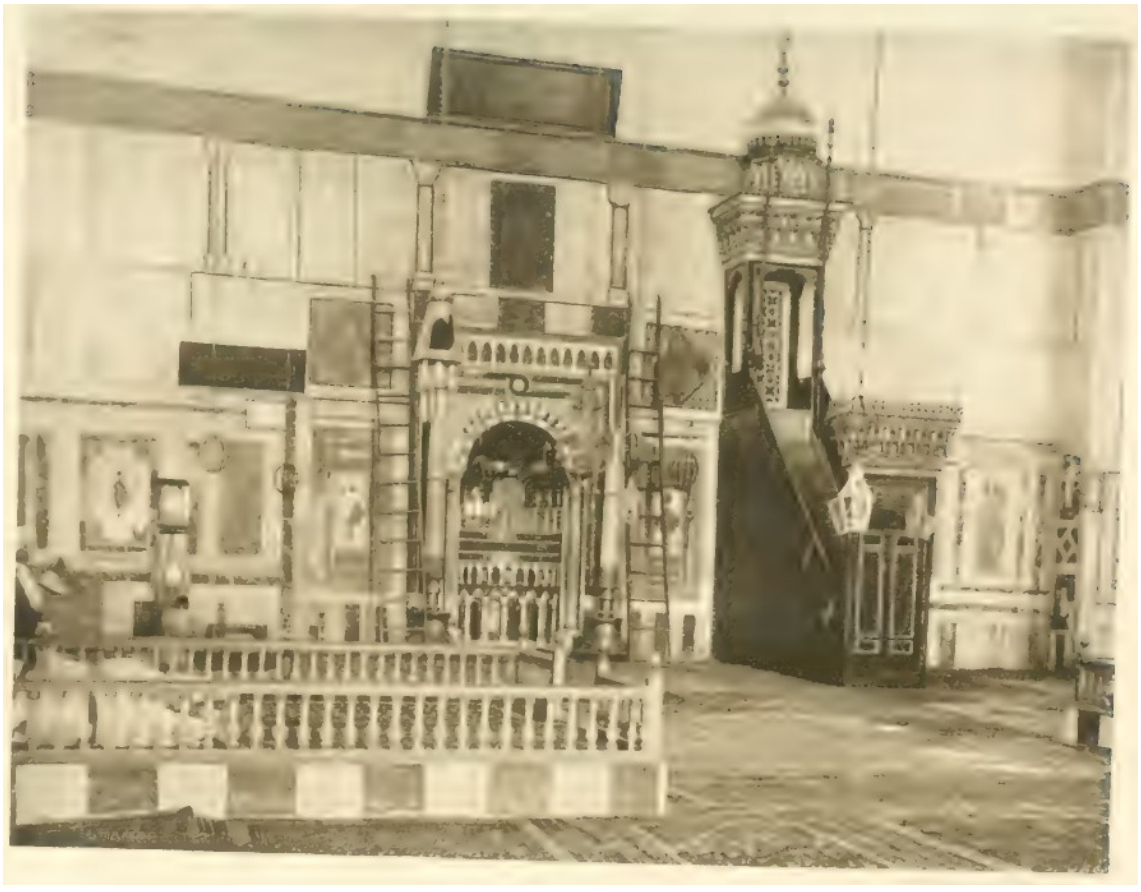
§ 78. — В этом году, неизвестно в каком месяце, но, разумеется, после похода на Хайбар, в Медину вернулся из Египта Хатиб б. Абу Балта‘а с подарками для Магомета, присланными Мукаукисом[60]. Эти подарки состояли из двух наложниц, Марии и её

[60] Мукаукис назван в некоторых источниках «царём Александрии и Мисра», Джурайдж б. Мина; эти источники прибавляют и следующие подробности: помимо Марии и Ширин, Мукаукис прислал ещё двух невольниц, евнуха по имени Ма’бур, обратившегося в ислам несколько лет спустя, ещё до смерти Пророка; затем большой хрустальный сосуд, много одежд, *кабати*, то есть из египетского льна, тысячу *мискалей* золота, мёд и коня по имени Лизаз (*Хамис*, II, с. 68). В другом месте (ср. 6 г. х., §§ 45 и 49) мы упоминали о

сестры Ширин, мула Дульдуля, осла Я‘фура и множества плащей, *куса*. С двумя женщинами прибыл также евнух, *хаси*, по имени Мабур, брат Марии. Во время пути Хатиб б. Абу Балта‘а позаботился проповедовать и объяснять обеим женщинам мусульманскую веру и сумел обратить обеих в ислам прежде, чем они прибыли в Медину. Велев отвести их в дом Умм Сулайм бинт Мильхан, Магомет избрал для себя Марию, которая была очень красива, и дал ей жилище в Алии, или верхнем квартале Медины; затем он подарил сестру, Ширин, Хассану б. Сабиту, которому она впоследствии родила Абд ар-Рахмана б. Хассана (Табари, I, с. 1591; Са‘д, VIII, с. 153, стр. 4 и сл., прибавляет и другие подробности о жилище Марии; Асир, II, с. 172).

Сооружение минбара

§ 79. — В этом году Пророк велел построить себе *минбар*, или деревянную кафедру, с которой он имел обыкновение обращаться к верующим в мечети: кафедра имела две ступени и сиденье, *мак‘ад*. Некоторые относят это нововведение к следующему, 8 г. х., но Табари утверждает, что вернее что *минбар* был воздвигнут в 7 г. х. (Табари, I, с. 1591; Асир, II, с. 172). Утверждают, что его построил плотник-копт или грек по имени Бакум, или Бакуль (Хаджар, I, с. 277; *Хамис*, I, с. 129).

Кибла и минбар мечети в Дамаске (иллюстрация оригинала, с. 64–65)

вероятно апокрифическом характере посольства в Египет и о вероятном прибытии невольниц-христианок за несколько лет до того.

Посольство к гассанидскому князю Джабале[61]

§ 80. — В том же году Пророк отправил письмо Джабале б. аль-Айхаму, последнему царю (?) Гассана, приглашая его принять ислам. Джабала благосклонно принял предложения Магомета, стал мусульманином и отправил Пророку ответное письмо, в котором рассказывал ему о своём обращении и извещал о посылке богатых даров (Са‘д, с. 7, § 12; *Хамис*, II, с. 67; Йа‘куби, II, с. 84, упоминает об отправке Аммара б. Ясира гонцом к аль-Айхаму б. ан-Ну‘ману аль-Гассани — быть может, он имеет в виду то же, что выше; *Агани*, XIV, с. 4, стр. 16, выражается так, что можно подумать, будто обращение Джабалы произошло лишь во времена Умара, то есть между 13 и 23 гг. х. Это, несомненно, наиболее верная версия, а настоящее посольство — лишь вымысел передатчиков, подобный другим, рассмотренным нами в иных местах: ср. 6 г. х., § 46, и ниже § 81, прим. 1).

§ 81. — Источники не согласны в том, что последовало далее. По версии Ибн Са‘да, Джабала оставался добрым мусульманином[62] до времён Умара, когда, однако, один араб из музайна публично дал ему пощёчину на дамасском рынке. Араба схватили и привели к мусульманскому наместнику Абу Убайде, который приказал дать виновному пощёчину, как тот сделал гассаниду. Джабала остался весьма недоволен таким приговором и потребовал по крайней мере отсечения руки за столь тяжкое оскорбление. Но Абу Убайда отказался назначить наказание большее, чем совершённая вина, ссылаясь на закон возмездия, утверждённый исламом. Если Джабала хотел удовлетворения, он мог дать арабу пощёчину, но не более. Джабала с отвращением пробормотал, что плоха та религия, которая приравнивает его лицо к лицу первого попавшегося араба из музайна. Поэтому он отрёкся от ислама и, бежав в Малую Азию, снова стал христианином. Умар, узнав об отступничестве Джабалы, весьма огорчился, а когда поэт Хассан б. Сабит, раздражённый, быть может, надменными и оскорбительными манерами гассанидского князя, выразил удовольствие, что какой-то араб дал ему пощёчину, халиф рассердился на Хассана и, поднявшись с места, ударил его своей знаменитой воловьей плетью (Са‘д, с. 7, § 12; ср. также *‘Икд*, I, с. 140 и сл.). Иначе рассказывает дело ад-Диярбакри (*Хамис*, II, с. 67–68), переписывая *Агани*, XIV, с. 4–5. Джабала пришёл однажды в Мекку для совершения обрядов паломничества, и, когда он был занят обычными обходами вокруг Каабы, один араб-фазарит прошёл рядом с ним, не выказав никакого почтения к достоинству князя. Привыкший к этикету византийского двора, Джабала сильно оскорбился грубым поведением бедуина и ударил его по лицу с такой силой, что у того пошла кровь из носа и сломалось несколько зубов. Фазарит побежал жаловаться к халифу Умару, который, вызвав Джабалу и выслушав обе стороны, объявил, что фазарит может либо простить, либо нанести Джабале то же оскорбление, какое князь нанёс ему. Джабала энергично

[61] Об этом гассанидском князе ср. Нёльдеке, *Ghassân*, с. 45–46. Гассанидское княжество было упразднено персами во время вторжения в Сирию в 616 г., и не доказано, что Ираклий в 629 г. н. э. восстановил княжество; ср. 13 г. х., по поводу арабского вторжения в Сирию.

[62] По другим, лучшим известиям, Джабала не обратился в этом году, а несколько лет спустя сражался при Ярмуке против мусульман и встал на их сторону лишь после этого знаменитого сражения. Нёльдеке справедливо считает, что вовсе не достоверно, принимал ли Джабала вообще когда-либо ислам (Нёльдеке, *Ghassân*, с. 46, прим. 1; Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 106, прим. 1).

протестовал против приговора, приравнивавшего его, князя, к простолюдину, *сукы*. Но Умар ответил ему: «Ислам уравнял вас обоих, и ты можешь стать лучше его, лишь больше боясь Бога». Джабала рассердился пуще прежнего и воскликнул: «Если в этой религии я равен этому бедуину, то я хочу стать христианином!» — «А я отрублю тебе голову!» — ответил Умар. Тогда Джабала попросил у халифа одну лишь ночь на размышление, прежде чем подвергнуться оскорблению, и Умар согласился. В ту ночь Джабала, собрав своих ближайших приверженцев и родственников, удалился из Мекки с такой быстротой, что догнать его оказалось невозможно; и, благополучно прибыв в Константинополь, стал христианином. По некоторым, прибавляет ад-Диярбакри, он впоследствии раскаялся и умер добрым мусульманином (ср. также Балазури, с. 136, 164; Кутайба, с. 316; Шпренгер, III, с. 263–264, у которого несколько иная версия).

Первое посольство бану накха‘

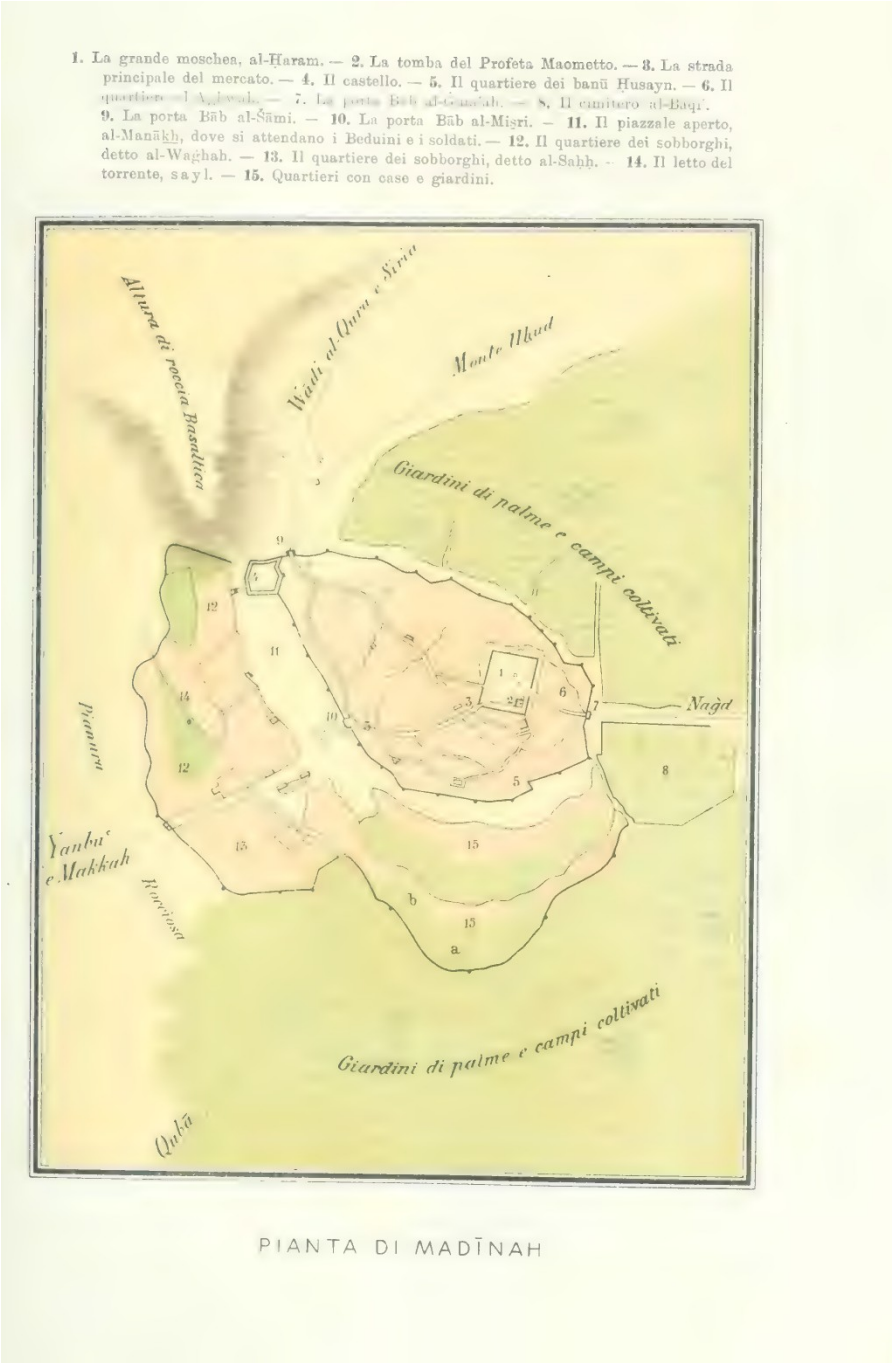
§ 82. — До завоевания Мекки, по Ибн аль-Кальби, из Йемена в Медину прибыли два посла от накха‘, одной из многочисленных ветвей мазхидж (йеменцев); имена двух представителей таковы:

(1) Артат б. Шурахбиль б. Ка‘б, из бану Хариса б. Са‘д б. Малик б. ан-Накха‘;

(2) аль-Джухайш, настоящее имя которого было аль-Аркам, из бану Бакр б. Ауф б. ан-Накха‘.

Это были два человека прекрасной наружности и столь любезных и учтивых манер, что они очень понравились Магомету, который пожелал узнать, есть ли в племени другие, подобные им. Послы ответили, что в племени есть ещё семьдесят, лучших их во всех отношениях. Когда оба посла приняли ислам[63], Магомет благословил их и пожаловал Артату знамя, которое тот взял с собой, когда участвовал во взятии Мекки в 8 г. х. Артат погиб затем в битве при аль-Кадисии в 15 г. х. Его брат Дурайд поднял знамя на поле битвы, а когда пал убитым и он, знамя перешло в руки Сайфа б. аль-Хариса из бану Джазима (б. Са‘д б. Малик), который принёс его обратно в Куфу после победы арабов (Са‘д, с. 68–69, § 129) (о большом посольстве накха‘ см. 11 г. х., § 1).

[63] Заметим, что предание не упоминает об обращении племени: похвалы, высказанные накха‘, — позднейшее добавление той эпохи, когда все племена желали доказать преданиями более или менее подлинными, что их хвалил и им благоволил Пророк. Поэтому вероятно, что оба посла стали тайными агентами и миссионерами и убедили наконец некоторых из своего племени прийти с посольством в Медину три года спустя. Действительное обращение всех накха‘ было событием, последовавшим за смертью Пророка (ср. по этому вопросу 10 г. х., § 120 и сл.).

PIANTA DI MADĪNAH

План Медины (по Буркхардту; иллюстрация оригинала, с. 72–73). 1 — Великая мечеть, аль-Харам; 2 — гробница Пророка Магомета; 3 — главная рыночная улица; 4 — замок; 5 — квартал бану Хусайн; 6 — квартал аль-Агват (?); 7 — ворота Баб аль-Джум‘а; 8 — кладбище аль-Баки‘; 9 — ворота Баб аш-Шами; 10 — ворота Баб аль-Мисри; 11 — открытая площадь аль-Манах, где располагаются лагерем бедуины и солдаты; 12 — пригородный квартал аль-Вага; 13 — пригородный квартал ас-Сахх; 14 — русло потока, сайль; 15 — кварталы с домами и садами. Надписи на карте — итальянские: Monte Ohud — гора Ухуд; Giardini di palme e campi coltivati — пальмовые сады и возделанные поля; Yanbu’ e Makkah — дороги на Янбу‘ и Мекку; Quba — Куба.

План Медины (по Буркхардту; иллюстрация оригинала, с. 72–73). 1 — Великая мечеть, аль-Харам; 2 — гробница Пророка Магомета; 3 — главная рыночная улица; 4 — замок; 5 — квартал бану Хусайн; 6 — квартал аль-Агват (?); 7 — ворота Баб аль-

Джум‘а; 8 — кладбище аль-Баки‘; 9 — ворота Баб аш-Шами; 10 — ворота Баб аль-Мисри; 11 — открытая площадь аль-Манах, где располагаются лагерем бедуины и солдаты; 12 — пригородный квартал аль-Вага; 13 — пригородный квартал ас-Саххх; 14 — русло потока, *сайль*; 15 — кварталы с домами и садами. Надписи на карте — итальянские: Monte Ohud — гора Ухуд; Giardini di palme e campi coltivati — пальмовые сады и возделанные поля; Yanbu’ e Makkah — дороги на Янбу‘ и Мекку; Quba — Куба.

Часть 2. 8 г. х., §§ 1–106: от обращения Амра и Халида до взятия Мекки

8 г. х. (1 мая 629 — 19 апреля 630)

Таблица соответствия дат, помещённая в оригинале перед текстом года, воспроизведена в пересчёте (1 мухаррама 8 г. х. = понедельник, 1 мая 629 г.; месяцы попеременно по 30 и 29 дней).

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
1	1 мая пн	31 мая ср	29 июня чт	29 июля сб	27 авг. вс	26 сент. вт
2	2 мая вт	1 июня чт	30 июня пт	30 июля вс	28 авг. пн	27 сент. ср
3	3 мая ср	2 июня пт	1 июля сб	31 июля пн	29 авг. вт	28 сент. чт
4	4 мая чт	3 июня сб	2 июля вс	1 авг. вт	30 авг. ср	29 сент. пт
5	5 мая пт	4 июня вс	3 июля пн	2 авг. ср	31 авг. чт	30 сент. сб
6	6 мая сб	5 июня пн	4 июля вт	3 авг. чт	1 сент. пт	1 окт. вс
7	7 мая вс	6 июня вт	5 июля ср	4 авг. пт	2 сент. сб	2 окт. пн
8	8 мая пн	7 июня ср	6 июля чт	5 авг. сб	3 сент. вс	3 окт. вт
9	9 мая вт	8 июня чт	7 июля пт	6 авг. вс	4 сент. пн	4 окт. ср
10	10 мая ср	9 июня пт	8 июля сб	7 авг. пн	5 сент. вт	5 окт. чт
11	11 мая чт	10 июня сб	9 июля вс	8 авг. вт	6 сент. ср	6 окт. пт
12	12 мая пт	11 июня вс	10 июля пн	9 авг. ср	7 сент. чт	7 окт. сб
13	13 мая сб	12 июня пн	11 июля вт	10 авг. чт	8 сент. пт	8 окт. вс
14	14 мая вс	13 июня вт	12 июля ср	11 авг. пт	9 сент. сб	9 окт. пн
15	15 мая пн	14 июня ср	13 июля чт	12 авг. сб	10 сент. вс	10 окт. вт
16	16 мая вт	15 июня чт	14 июля пт	13 авг. вс	11 сент. пн	11 окт. ср
17	17 мая ср	16 июня пт	15 июля сб	14 авг. пн	12 сент. вт	12 окт. чт

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
18	18 мая чт	17 июня сб	16 июля вс	15 авг. вт	13 сент. ср	13 окт. пт
19	19 мая пт	18 июня вс	17 июля пн	16 авг. ср	14 сент. чт	14 окт. сб
20	20 мая сб	19 июня пн	18 июля вт	17 авг. чт	15 сент. пт	15 окт. вс
21	21 мая вс	20 июня вт	19 июля ср	18 авг. пт	16 сент. сб	16 окт. пн
22	22 мая пн	21 июня ср	20 июля чт	19 авг. сб	17 сент. вс	17 окт. вт
23	23 мая вт	22 июня чт	21 июля пт	20 авг. вс	18 сент. пн	18 окт. ср
24	24 мая ср	23 июня пт	22 июля сб	21 авг. пн	19 сент. вт	19 окт. чт
25	25 мая чт	24 июня сб	23 июля вс	22 авг. вт	20 сент. ср	20 окт. пт
26	26 мая пт	25 июня вс	24 июля пн	23 авг. ср	21 сент. чт	21 окт. сб
27	27 мая сб	26 июня пн	25 июля вт	24 авг. чт	22 сент. пт	22 окт. вс
28	28 мая вс	27 июня вт	26 июля ср	25 авг. пт	23 сент. сб	23 окт. пн
29	29 мая пн	28 июня ср	27 июля чт	26 авг. сб	24 сент. вс	24 окт. вт
30	30 мая вт		28 июля пт		25 сент. пн	

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
1	25 окт. ср	24 нояб. пт	23 дек. сб	22 янв. пн	20 февр. вт	22 марта чт
2	26 окт. чт	25 нояб. сб	24 дек. вс	23 янв. вт	21 февр. ср	23 марта пт
3	27 окт. пт	26 нояб. вс	25 дек. пн	24 янв. ср	22 февр. чт	24 марта сб
4	28 окт. сб	27 нояб. пн	26 дек. вт	25 янв. чт	23 февр. пт	25 марта вс
5	29 окт. вс	28 нояб. вт	27 дек. ср	26 янв. пт	24 февр. сб	26 марта пн
6	30 окт. пн	29 нояб. ср	28 дек. чт	27 янв. сб	25 февр. вс	27 марта вт

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
7	31 окт. вт	30 нояб. чт	29 дек. пт	28 янв. вс	26 февр. пн	28 марта ср
8	1 нояб. ср	1 дек. пт	30 дек. сб	29 янв. пн	27 февр. вт	29 марта чт
9	2 нояб. чт	2 дек. сб	31 дек. вс	30 янв. вт	28 февр. ср	30 марта пт
10	3 нояб. пт	3 дек. вс	1 янв. пн	31 янв. ср	1 марта чт	31 марта сб
11	4 нояб. сб	4 дек. пн	2 янв. вт	1 февр. чт	2 марта пт	1 апр. вс
12	5 нояб. вс	5 дек. вт	3 янв. ср	2 февр. пт	3 марта сб	2 апр. пн
13	6 нояб. пн	6 дек. ср	4 янв. чт	3 февр. сб	4 марта вс	3 апр. вт
14	7 нояб. вт	7 дек. чт	5 янв. пт	4 февр. вс	5 марта пн	4 апр. ср
15	8 нояб. ср	8 дек. пт	6 янв. сб	5 февр. пн	6 марта вт	5 апр. чт
16	9 нояб. чт	9 дек. сб	7 янв. вс	6 февр. вт	7 марта ср	6 апр. пт
17	10 нояб. пт	10 дек. вс	8 янв. пн	7 февр. ср	8 марта чт	7 апр. сб
18	11 нояб. сб	11 дек. пн	9 янв. вт	8 февр. чт	9 марта пт	8 апр. вс
19	12 нояб. вс	12 дек. вт	10 янв. ср	9 февр. пт	10 марта сб	9 апр. пн
20	13 нояб. пн	13 дек. ср	11 янв. чт	10 февр. сб	11 марта вс	10 апр. вт
21	14 нояб. вт	14 дек. чт	12 янв. пт	11 февр. вс	12 марта пн	11 апр. ср
22	15 нояб. ср	15 дек. пт	13 янв. сб	12 февр. пн	13 марта вт	12 апр. чт
23	16 нояб. чт	16 дек. сб	14 янв. вс	13 февр. вт	14 марта ср	13 апр. пт
24	17 нояб. пт	17 дек. вс	15 янв. пн	14 февр. ср	15 марта чт	14 апр. сб
25	18 нояб. сб	18 дек. пн	16 янв. вт	15 февр. чт	16 марта пт	15 апр. вс
26	19 нояб. вс	19 дек. вт	17 янв. ср	16 февр. пт	17 марта сб	16 апр. пн
27	20 нояб. пн	20 дек. ср	18 янв. чт	17 февр. сб	18 марта вс	17 апр. вт
28	21 нояб. вт	21 дек. чт	19 янв. пт	18 февр. вс	19 марта пн	18 апр. ср
29	22 нояб. ср	22 дек. пт	20 янв. сб	19 февр.	20 марта	19 апр. чт

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
				пн	вт	
30	23 нояб. чт		21 янв. вс		21 марта ср	

Обращение Амра и Халида (сафар)

§ 1. — Уже под 5 г. х. мы привели известия Ибн Исхака о смятении, произведённом в душах некоторых курайшитов удачными успехами оружия Магомета, и в особенности отражением, которое потерпели союзные отряды перед Рвом (ср. 5 г. х., § 56). Амр б. аль-Ас, смущённый тем, что произошло во время осады Медины, удалился в свои имения в аль-Вахте близ Таифа, воздерживаясь от всякого деятельного участия в политической жизни Мекки: поэтому он ничем не участвовал в договоре в аль-Худайбии. Когда он узнал, что Магомет выговорил в условиях право прийти на следующий год в Мекку и пробыть там три дня для обрядов паломничества, Амр б. аль-Ас был ещё более удручён и счёл необходимым удалиться ещё дальше от родного города, ища убежища в Абиссинии, где жизнь казалась ему легче и спокойнее. Отправившись, стало быть, к африканскому берегу в обществе нескольких членов своей семьи, на которых он имел большое влияние и которые думали так же, как он, он прибыл в Абиссинию одновременно с Амром б. Умайей ад-Дамри, послом Магомета к Негусу (ср. 6 г. х., § 53), и попытался интриговать против посланца перед абиссинским царём. Если можно верить преданию, Амр даже просил Негуса выдать мусульманского посла, чтобы предать его смерти. Негус не только не дал хитрому арабу соблазнить или обмануть себя, но (говорит предание; ср. § 1, прим.)[64] говорил с ним так, что сам Амр был потрясён и почувствовал, что стал в сердце мусульманином и что у него нет больше ничего общего с товарищами и родными. Оставив поэтому их в Абиссинии, он вернулся сам по себе в аш-Шу‘айбу на арабском берегу, купил себе верблюда и направился в Медину. Миновав Марр аз-Захран, когда он направлялся к аль-Хадбе, он встретил двух человек, ехавших в том же направлении, и Амр весьма удивился, узнав в них двух других весьма влиятельных курайшитских вождей, а именно знаменитого Халида б. аль-Валида и Усмана б. Тальху аль-Абдари. Те признались ему, что едут в Медину присоединиться к Магомету, ибо, сказал Халид, всякий здравомыслящий человек переходит теперь на сторону Пророка. Три курайшита вместе явились к Пророку в Медине, в мечети, вскоре после послеполуденной молитвы 1 сафара 8 г. х., объявили, что пришли стать мусульманами, и попросили прощения совершённых грехов и заблуждений. Магомет, обрадованный новыми присоединениями, которые стоили для него не меньше выигранной битвы, ответил, что обращение в ислам и бегство в Медину смывают все прежние вины (Хишам, с. 716–718; Вакиди — Велльхаузен, с. 303–305; Табари, I, с. 1601–1604; Хаджар, III, с. 1–2, № 1, упоминает и другие версии, однако более позднего происхождения: Амр вступает в столкновение со своими товарищами в Абиссинии из-за своего обращения; товарищи избивают его,

[64] Христианский Негус, стало быть, обращает язычников в ислам! Вымысел берёт начало в желании доказать, что Амр обратился по религиозному убеждению, а не по политическим мотивам и материальным интересам.

отнимают у него всё и т. д.; Амр обращается за помощью к Джа‘фару б. Абу Талибу и т. д., и разные другие подробности в явном противоречии с другими историческими фактами. Одна позднейшая версия восходит к Зубайру б. Баккару, а другая — к Умару б. Исхаку, *таби‘и*; Асир, II, с. 175–176; *Хамис*, II, с. 73–74).

§ 2. — Не слишком иначе изображается обращение Халида б. аль-Валида: уже известный как превосходнейший воин, он отличился в разных стычках с мусульманами, а при Ухуде решающим образом повлиял на исход столкновения. При осаде Медины и в ходе последующих событий он наблюдал отрицательный результат всех военных действий против Магомета, и потому в нём родилось убеждение, что Пророк в конце концов победит. Это убеждение ещё прочнее овладело его душой во время долгих переговоров в аль-Худайбии, ибо, видя, с одной стороны, мусульман единых и сплочённых под начальством Магомета, он должен был констатировать, что в собственном лагере, среди курайшитов, царит величайшая неуверенность — роковой признак слабости и всё более сильный довод в пользу Пророка. Халид оставил теперь всякую надежду восстановить судьбу своих единокровных и обратил взоры к Медине, высматривая благоприятный случай сделать великий шаг и открыто стать мусульманином. Когда Пророк пришёл в Мекку в зу-ль-ка‘да 7 г. х., чтобы совершить условленное паломничество, среди мусульман был и брат Халида, а именно аль-Валид б. аль-Валид, который по указаниям, полученным от Магомета, написал брату, заклиная его прийти присоединиться к Пророку и уверяя, что Магомет придаст его обращению особое значение. Халида тогда не было в Мекке, но предложения Пророка произвели сильное впечатление на его душу, ибо он был польщён ценой, которую Магомет придавал его содействию. Сон, сулящий удачу, помог ему решиться на последний шаг; однако, не желая бежать из Мекки один и ища спутников, он попытался склонить сначала Сафвана, затем Икриму (б. Абу Джахля) присоединиться к нему, но оба, не отказав ему решительно, не осмелились решиться. Он уже решил было отправиться в Медину один, когда случайно узнал, что Усман б. Тальха тоже расположен стать мусульманином. Халид не думал обращаться к нему, ибо Усман потерял отца в войнах против мусульман, и потому следовало полагать, что в Усмане сильнее чем когда-либо горит желание мести. Оба, обнаружив, что питают одни и те же замыслы, условились встретиться в Яджидже и вместе тайно и незаметно отправились в Медину. Мы уже рассказали в предыдущем параграфе, как они встретились с Амром б. аль-Асом и вместе с ним прибыли в Медину (Вакиди — Велльхаузен, с. 305–306; Хишам и Табари не упоминают об этом предании; ср. *Хамис*, II, с. 72–73)[65].

[65] Таковы вкратце два предания, рассказанные передатчиками от первого лица, в которых притязают дать подлинную версию обращения двух людей, более многих других способствовавших политическому торжеству ислама. Великое историческое значение этих двух людей пробудило впоследствии живое желание знать, почему и как они стали мусульманами; поэтому мусульманская традиция была вынуждена дать пространную и многословную версию, подлинность которой недостоверна, ибо она стремится доказать, что обращения произошли по религиозному убеждению: наша версия — смесь лжи и правды. Подробности мы должны принимать с большим скептицизмом, но общие тенденции, которые они раскрывают, принимать с уверенностью. К нашему счастью, мусульманские передатчики, простодушные и лишённые критического духа, многое выдумали, но не всегда утаивали всю правду. Так, в двух предыдущих преданиях, переданных, чтобы объяснить поведение двух столь знаменитых людей, мы имеем простодушное признание великой истины, а именно что Амр и Халид стали мусульманами лишь потому, что были убеждены, что Магомет восторжествует над всеми врагами. Истинность божественной миссии Магомета, подлинность и содержание его учений не вошли в решения этих двух людей, одних из сильнейших умов Аравии, даже как

Поход против бану мулаввих в Кадид[66] (сафар)

§ 3. — В месяце сафаре Пророк послал Галиба б. Абдуллаха аль-Лайси с небольшим отрядом примерно в десять человек ограбить бану мулаввих (ветвь бану лайс) в стороне аль-Кадида. Во время похода, у Кудайда (место вблизи Мекки, Якут, IV, с. 42, стр. 11), мусульмане встретили аль-Хариса б. Малика б. аль-Барса’ аль-Лайси, и, хотя тот объявил, что желает обратиться, Галиб не поверил ему и, крепко связав его верёвками, вверил его охране Сувайда б. Сахра с приказом ждать на том месте возвращения отряда и безжалостно убить пленника, если тот попытается бежать или случится что-нибудь новое. Придя в аль-Кадид к закату, мусульмане спрятались в одном углу долины, где их не было видно, и Джундаб б. Макис аль-Джухани по приказу Галиба поднялся на вершину холма, чтобы высмотреть расположение врага, которого они хотели застать врасплох. Как ни осторожно действовал Джундаб, ползя по земле, чтобы его не увидели, он всё же не смог обмануть бдительность врага. Бедуины стояли лагерем в низине по ту сторону холма, и один из них, стоя перед шатром, заметил тёмную массу мусульманского лазутчика на холме; чтобы удостовериться, вещь это или человек, он пустил в ту сторону две стрелы. Обе стрелы попали в цель, но Джундаб мужественно не шелохнулся, несмотря на боль, и бедуин успокоился, сказав жене, стоявшей рядом: «Если бы это был лазутчик, он бы пошевелился; обе мои стрелы вонзились, и завтра утром ты пойдёшь их вытащить!» — с этими словами он вернулся в шатёр. Джундаб вытащил обе стрелы, но не захотел двигаться, пока не увидел, как весь скот вернулся с пастбища, был подоён и напоен. Когда весь лагерь затих, глубокой ночью Джундаб вернулся к товарищам и повёл их прямо к арабскому лагерю. Застигнутые во сне бедуины не могли оказать никакого сопротивления, а те немногие, кто захотел пустить в ход оружие, были убиты. Захватив нескольких женщин с детьми, Галиб без промедления собрался вернуться в Медину с пленными и со всем захваченным скотом. Между тем была поднята тревога, и известие о нападении дошло до большого лагеря племени. Многочисленный отряд бедуинов пустился в погоню за мусульманскими грабителями, которые были столь малочисленны, что не смогли бы избежать полного истребления, если бы им не помогло их Провидение. Разразилась, в самом деле, сильная гроза с таким обильным дождём, что переполнились все низины, а пересохшие долины превратились в потоки. Бедуины в погоне оказались поэтому остановлены потоком, большим, чем другие, и уже не смогли его перейти, хотя и видели вдали мусульман, удалявшихся с женщинами и скотом. На обратном пути мусульмане нашли Ибн аль-Барса’ с его стражем и с обоими благополучно прибыли в Медину (Хишам, с. 973–975; Вакиди — Велльхаузен, с. 307–308; Табари, I, с. 1597–1600; Асир, II, с. 174–175; *Хамис*, II, с. 74; Халаби, III, с. 364–365).

второстепенные факторы. Мы указываем на этот факт, ибо он отмечает начало нового мусульманского класса, а именно авантюристов-приспособленцев, ставших хозяевами ислама и мира. Отныне бо́льшая часть обращений будет определяться духом приспособления, желанием богатства и славы, а не подлинным религиозным чувством. Примечательно в этом предании признание тайных интриг Магомета и отсутствия единства среди курайшитов.

[66] Кадид был местом в Хиджазе в 42 милях от Мекки, между Усфаном и Амаджем; его произносили также Кудайд (Якут, IV, с. 246).

Поход на Зат Атлах[67] (раби‘ I)

§ 4. — В месяце раби‘ I Пророк послал пятнадцать человек под начальством Ка‘ба б. Умайра аль-Гифари в направлении Зат Атлаха в Сирии (аш-Шам), в одном дне пути от аль-Балки, по ту сторону Зат аль-Кура (Якут, I, с. 311, стр. 9). По-видимому, враг проведал о мусульманах и застал их врасплох со столь превосходящим числом вооружённых, что совершенно одолел их и перебил всех. Говорят, однако, что один из мусульман[68], упав тяжело раненным и оставленный на поле как мёртвый, затем, придя в себя от ночной прохлады, сумел спастись и добраться до Медины, чтобы принести весть о бедствии (Вакиди — Велльхаузен, с. 308; Хишам, с. 983; Табари, I, с. 1601, у которого Амр б. Ка‘б аль-Гифари, что ошибочно; Хаджар, III, с. 21, № 62; там же, с. 605, № 1540, подтверждает, что его звали Ка‘б б. Умайр, и не иначе; Табари, I, с. 1601, стр. 9, ссылаясь на аль-Вакиди, говорит, что нападавшие арабы принадлежали к племени куда‘а и ими командовал вождь по имени Садус. Этих известий нет в тексте аль-Вакиди, переведённом Велльхаузеном; существовали, следовательно, и другие версии того же Вакиди, быть может, более пространные, чем та, которую мы имеем; Асир, II, с. 175 и 209; *Хамис*, II, с. 77; Халаби, III, с. 366).

Поход на ас-Сийф[69] (раби‘ I)

§ 5. — В том же месяце Магомет послал 24 человека под начальством Шуджа‘а б. Вахба против группы бану хавазин, находившейся в ас-Сийе, в стране бану Амир (б. Са‘са‘а). Поход имел счастливый исход, ибо мусульмане застали бедуинов врасплох, собрали обильную добычу и вернулись в Медину с таким количеством награбленного, что каждому досталось на долю равное 15 верблюдам или 150 овцам. Поход длился в общей сложности 15 дней. Говорят, что были захвачены и несколько женщин, но, когда в Медину явились послы племени просить их возвращения, Магомет дал согласие, как только удостоверился, что племя приняло ислам. Рассказывают, однако, что одна красивая девушка предпочла не покидать Шуджа‘а б. Вахба, во власть которого она попала, и действительно осталась с ним как его жена до того дня, когда Шуджа‘ был убит в великой битве при аль-Ямаме. Она не родила ему ни одного ребёнка (Вакиди — Велльхаузен, с. 308; Табари, I, с. 1601, без указания месяца; Асир, II, с. 175; *Tanbīh*, с. 264–265; *Хамис*, II, с. 77).

---

[67] По аль-Мас‘уди, Зат Атлах («место акаций, дающих камедь») находится по ту сторону Вади-ль-Кура, между Табуком и Азру‘атом, в провинции Дамаск, в Сирии (*Tanbīh*, с. 265). Это известие, однако, замечает де Гуе (*Conquête de la Syrie*, 2-е изд., с. 5, прим. 5), должно быть неверно. Де Гуе (указ. место) соединяет этот случай с походом на Муту, но во всех источниках оба похода чётко различаются. Самое большее, этот неудачный поход мог быть одной из причин похода на Муту. Так справедливо утверждает Мьюир, IV, с. 96.

[68] Из текста Табари (указ. место) можно было бы заключить, что уцелевшим в резне был сам начальник Амр б. Ка‘б (Ка‘б б. Умайр), что противоречит тексту аль-Вакиди, из которого, по утверждению Табари, он почерпнул известие, хотя и рассказывает факты иначе. Это подтверждает, следовательно, что существовали две различные версии того же аль-Вакиди.

[69] По аль-Мас‘уди, ас-Сийф находился в стороне Рукбы, в направлении Турабы: Рукба же находилась по ту сторону Ма‘дан бану сулайм, в пяти ночах пути от Медины (*Tanbīh*, с. 265). У Якута же (III, с. 223, стр. 8 и сл.) ас-Сийф находится на большой дороге, ведущей из Мекки в Басру, между аш-Шубайкой и аль-Ваджрой. Наконец, по ас-Суккари, ас-Сийф — название области между Зат Ирком и Ваджрой, в трёх переходах от Мекки по пути в Басру, а лежащая рядом Харрат Лайла принадлежала бану сулайм.

Поход на Муту (джумада I)

§ 6. — Ибн Исхак не говорит, какова была причина этого злополучного похода; такое молчание делает законным сомнение в причинах, рассказанных аль-Вакиди, которые не подтверждаются, даже косвенно, другими известиями, а некоторыми даже опровергаются. Аль-Вакиди рассказывает, стало быть, что Пророк послал аль-Хариса б. Умайра аль-Азди из рода бану лихб с письмом к князю Бусры (христианскому гассанидскому князю), но что посланец так и не смог исполнить своего поручения, ибо в Муте[70] был задержан, брошен в темницу и затем, когда обнаружилось, что он гонец Пророка, обезглавлен как злодей. Виновником злодеяния будто бы был Шурахбиль б. Амр аль-Гассани (Вакиди — Велльхаузен, с. 309). Версия аль-Вакиди заслуживает мало доверия, если мы принимаем предание о посольстве Шуджа‘а б. Вахба аль-Асади к аль-Харису б. Абу Шамиру аль-Гассани (ср. 6 г. х., § 51), ибо тогда у нас было бы два посольства к одному и тому же князю и непонятно было бы, почему Магомет без всякой видимой причины чаще обращался к гассанидскому князю, чем ко всем прочим. О посольствах к гассанидским князьям вообще царит большая неопределённость, ибо источники многое перепутали и, быть может, также удвоили известия. Примем во внимание и то, что сомнительно даже существование гассанидского княжества после персидского завоевания Сирии (ср. Нёльдеке, *Ghassân*, с. 33 и 45). Убиение посла было таким преступлением даже в те варварские времена, что нас удивляет, если история аль-Вакиди верна, как мог Ибн Исхак полностью о ней умолчать. Молчание этого биографа Магомета — всегда сильный довод против подлинности предания; но во всяком случае, даже если убиение аль-Хариса аль-Лихби достоверно, нет причины непременно считать, что он был послом к гассанидскому князю. Де Гуе (*Conquête de la Syrie*, 2-е изд., с. 5) полагает, что, вероятно, одной из причин похода на Муту, предпринятого теперь Пророком, была ощущавшаяся ввиду предстоящего нападения на Мекку необходимость сделать хороший запас тех драгоценных сабель, называемых *машрафийя*, которые изготовлялись в Муте и в других местах гористой страны куда‘а, в древности называвшейся Моав и Аммон, которой арабы давали собирательное имя Машариф аль-Балка, или плоскогорья Балки (Бакри, с. 56). Наиболее правдоподобна гипотеза Мьюира, IV, с. 95 и прим., о которой мы уже упоминали (ср. § 4, прим. 1), что Магомет стремился отомстить за резню у Зат Атлаха и что убиение мнимого посла — то же событие, что и упомянутая резня.

§ 7. — Пророк, так рассказывает предание, желая отомстить за тягчайшее оскорбление, снарядил теперь большой поход, самый большой из всех, когда-либо организованных в Медине[71], ибо мусульман, принявших в нём участие, было три

[70] Подозрительно, кроме того, совпадение, не случайное, что в Муте был предан смерти посол Пророка и там же произошло бедствие. Восточные люди любят подобные совпадения, в которых видят руку Божию, но которые именно поэтому подозрительны в отношении подлинности.

[71] Заслуживает быть отмеченным, что это был самый многочисленный поход, снаряжённый доселе Пророком, и удивительно, что он не принял над ним начальства. Важные причины должны были побудить Магомета остаться в Медине, и полное молчание источников о причинах этого также примечательно. Из слов аль-Вакиди можно было бы лишь заключить, что Пророк медлил с решением, кому вверить начальство, ибо мусульмане собрались в аль-Джурфе прежде, чем было объявлено назначение. Быть может, Пророк уже не чувствовал себя столь сильным: его здоровье было, несомненно, подорвано любовными излишествами трёх новых браков, осуществлённых в течение одного года, в возрасте около шестидесяти лет, когда его гарем и без того был обильно снабжён женщинами. Не будет неуместно также отослать читателя к преданию о

тысячи человек; странно сказать, однако, Пророк даже отдалённо не намекнул на то, что будет их сопровождать. Мусульмане, приглашённые принять участие в походе, собрались, как обычно, к северу от Медины, в аль-Джурфе, ещё прежде, чем стало известно, кто примет начальство. После полуденной молитвы Пророк публично объявил, что начальство дано Зайду б. Харисе, его приёмному сыну и одному из любимейших его сподвижников; затем он установил, что, если Зайд падёт, начальство должно перейти к Джа‘фару б. Абу Талибу, а затем к Абдуллаху б. Равахе; если погибнут все трое, войско само должно избрать себе начальника. Так рассказывают тексты, но вероятно, что точнее было бы сказать, что порядок имён был иерархическим порядком начальства и что трое упомянутых занимали три высшие военные должности в походе. Передатчики, желая внушить, что Магомет предвидел бедствие, выразили этот факт иначе. Зайду б. Харисе Пророк вручил белое знамя, знак верховного начальства, и выразил пожелание, чтобы он вернулся с грузом добычи. Самому Зайду Магомет дал особые наставления: он должен был приглашать врага принять ислам — либо переселившись всем скопом в Медину, и в этом случае обращённые имели бы те же права и обязанности, что и Переселенцы, либо, обратившись, могли остаться дома, как прочие исламизированные арабские роды, но в этом случае они исключались бы из всякого участия в прибылях тех походов, в которых не примут участия в будущем. Если же племена захотят остаться в прежней вере, пусть платят подушную подать (*джизья*); если откажутся и от этого, их следует покорить мечом. Наконец, было наказано не заключать капитуляций или договоров во имя Бога и Пророка, а лишь от собственного имени и имени своего отца: «Так на вас будет меньше вины, если вы не сможете соблюсти условия!» — сказал в заключение Пророк[72] (Вакиди — Велльхаузен, с. 309; Табари, I, с. 1610; Асир, II, с. 178).

§ 8. — Магомет пожелал проводить отряд на коротком отрезке пути, а именно до так называемого Холма Прощания, Санийят аль-Вада‘, где он остановился и в последний раз обратился с речью к уходящим, приказав сносить мечами надменные тонзурованные головы, но щадить смиренных отшельников; не убивать женщин, стариков и детей, не рубить деревьев и не разрушать домов (Вакиди — Велльхаузен, с. 309–310; Табари, I, с. 1610).

колдовстве, рассказанному в другом месте (ср. 7 г. х., § 4). Возможно, однако, что политические причины и возросший престиж, увеличивая число и значение всякого рода дел, лишали его возможности сопровождать столь далёкий поход. Не лишено значения, наконец, отметить, какое незаметное положение занимал в этом походе великий полководец Халид б. аль-Валид. Магомет, быть может, не пожелал обидеть других сподвижников слишком поспешным возвышением, но военный гений великого воина должен был быстро заставить всех с собой считаться.

[72] Эти наставления напоминают те, что впоследствии халифы давали полководцам, выступавшим на великие завоевания (ср. 11 г. х., § 46), и здесь, если поход был походом мести и кары за величайшее злодеяние против всеобщего права народов, они кажутся нам неуместными. Магомет был не тот человек, чтобы советовать умеренность, когда необходимо было назначить примерную кару. В наставлениях нет ни малейшего упоминания о наказании, которому следует подвергнуть убийц, и потому, если они подлинны, эти наставления следовало бы рассматривать как довод против версии аль-Вакиди, по которой целью похода было именно наказание убийц аль-Хариса. И последующие факты подтверждают это заключение. Подозрителен также намёк на пользование добычей со стороны племён, не участвовавших в походах. Господствующее понятие о пенсиях, раздаваемых всем мусульманам, развилось лишь впоследствии, в период великих завоеваний.

§ 9. — Войско наконец двинулось на север, полное надежд на добычу и добрых предзнаменований; но один из помощников начальника, Абдуллах б. Раваха, не чувствовал себя столь же весёлым и счастливым, как другие, и предание сохранило память о его зловещих предчувствиях. Он отправлялся с мыслью, что в этом походе стяжает пальму мученичества; и во время долгих ночных переходов его спутник, Зайд б. Аркам, ехавший с ним на одном верблюде, часто слышал, как он пел стихи, полные мрачных предчувствий, моля Бога о прощении и выражая пожелание, чтобы однажды тот, кто пройдёт мимо его могилы, мог сказать, что он жил и умер на прямом пути, указанном Аллахом. Такие известия весьма похожи на правду, ибо иначе было бы непонятно, почему из трёх начальников лишь самый незаметный и наименее дорогой Пророку оставил память о своих предчувствиях. Если бы передатчики хотели их выдумать, они приписали бы их либо Зайду, приёмному сыну Пророка, либо Джа‘фару, его двоюродному брату (Хишам, с. 791–792, 793; Вакиди — Велльхаузен, с. 310; Табари, I, с. 1610–1611, 1613; Хаджар, II, с. 449–450, № 9044; Асир, II, с. 178–179).

§ 10. — Мы не знаем с какой-либо точностью, каковы были фазы кампании до решающего столкновения, ибо, по обыкновению, источники обходят молчанием или весьма кратко рассказывают о неудачах и ошибках и сообщают лишь те подробности, которые могут выставить в выгодном свете личную доблесть некоторых сподвижников, создавая им апофеоз или изображая их мучениками в ореоле славы. Факт в том, что поход угрожал границам Византийской империи и что движение мусульман было известно племенам, жившим в пустынных степях к востоку от Иордана и к югу от Палестины. Если можно довериться преданию, враг уже некоторое время ждал мусульман, которые уже в Вади-ль-Кура встретились с отрядом в пятьдесят вражеских всадников под начальством Садуса б. Амра аль-Азди, высланных на разведку его братом Шурахбилем б. Амром аль-Азди. Небольшой вражеский отряд был легко обращён в бегство, а начальник его убит. Тогда Шурахбиль послал другого своего брата, Вабра б. Амра, наблюдать за передвижениями мусульман, а сам робко оставался запертым в своей крепости в безопасности. Когда мусульмане пришли в Ма‘ан (Му‘ан, по Ибн Исхаку) в Сирии, распространилось известие, что император Ираклий (Хиракл) стоит лагерем в Мааве (Ма’аб), в стране Балка, со ста тысячами человек, собранных из племён бахра’, ва’иль, бакр, лахм и джузам, под начальством араба из рода бали по имени Малик. Так рассказывает аль-Вакиди, тогда как Ибн Исхак ещё менее точно говорит, что у Ираклия было с собой сто тысяч греков и, кроме того, столько же арабов-христиан, союзников упомянутых племён (лахм, джузам, аль-Кайн, бахра’ и бали), всего, стало быть, двести тысяч человек[73]. Ибн Исхак прибавляет, что начальником

[73] Мусульманское предание хотело бы внушить, что греческое войско ждало мусульман на границе в подавляющем числе, почти давая понять, что сам Ираклий командовал греками против мусульман. Эта часть предания, несомненно, апокрифична: не имея возможности умолчать о бедствии, передатчики пожелали поднять событие на высоту позднейших великих военных дел и создать таким образом связь между бедствием при Муте и громкими триумфами при Аджнадайне и Ярмуке пять лет спустя. Они как бы хотели представить позднейшие великие победы как месть за поражение при Муте, где поэтому и выводят на сцену греков, императора Ираклия и сотни тысяч вооружённых людей. Вероятный ход событий был, быть может, следующим: мусульмане совершили набег вдоль границ Сирии, тревожа греческие передовые посты; гарнизоны арабов-христиан, расставленные вдоль границы для её охраны, соединившись между собой, обрушились в значительно превосходящем числе на неосторожных грабителей пустыни и разбили их. Гибель трёх из начальников показывает, что схватка должна была быть весьма кровопролитной.

арабов-союзников был некий Малик б. Зафила аль-Балави аль-Ираши. Эти известия, которым предшествовала мировая слава непобедимых войск Ираклия, только что вернувшегося после великих триумфов над персами, смутили мусульман, которые поэтому остановились на два дня в Ма‘ане, чтобы посовещаться. Поначалу возобладала мысль написать Магомету за новыми наставлениями или за подкреплением, но затем под влиянием Абдуллаха б. Равахи победили менее благоразумные советы, и было решено попытать счастья в битве, двинувшись против врага. Мусульмане продвинулись до Машарифа, на границе аль-Балки, но здесь, встретив перед собой все соединённые отряды греков Ираклия и арабов-союзников, отступили до Муты[74], преследуемые врагом, который теперь шёл по их следам (Хишам, с. 792, 794; Вакиди — Велльхаузен, с. 310–311; Табари, I, с. 1611–1612, имеет Малик б. Рафила [следуя в этом также Дурайду, с. 322, стр. 10, где Малик б. Рафила назван убийцей Зайда б. Харисы при Муте], там же, с. 1614; Асир, II, с. 179; Халдун, II, Прил., с. 41, даёт вождю арабов-христиан имя Малик б. Зафила аль-Ираши; ср. *Tanbīh*, с. 265, где сказано, что император Ираклий находился тогда в Антиохии, что полководца, командовавшего греками, звали Тиядукус (Феодок) аль-Батрик и что арабы-христиане были под начальством Шурахбиля б. Амра аль-Гассани; ср. Caussin de Perceval, III, с. 211 и сл., у которого, напротив, следуя греческим источникам, полководцем греков назван Феодор; Абульфеда, I, с. 142, говорит, что Мута находилась к югу от Карака).

§ 11. — По греческим историкам, намерением Магомета было напасть на арабские христианские племена границы, и с этой целью он назначил четырёх ἀμηραίους (греческая передача арабского термина *амир*). Арабы-мусульмане будто бы продвинулись до самого селения Μουχέων (Маав), где пребывал Феодор-викарий, и намеревались напасть на византийских арабов в день праздника жертвоприношений (εἰδωλοθυσίαι)[75]. Об этом замысле, однако, викарий был извещён неким арабом из рода (?), называемого Κορασηνός (курайшит?), по имени Κουτάβ (Кутайба?); поэтому греческий начальник Феодор имел время собрать всех воинов гарнизонов на границах аравийской пустыни и, зная также от этого сарацина день и точный час, когда мусульмане решили напасть на селение Мухеон, выступил навстречу врагу и, вместо того чтобы дать застать себя врасплох, сам застал его врасплох у Μόθους (Мута) и разбил с большим уроном, убив также трёх из ἀμηραῖοι, или мусульманских начальников. Лишь один из них, ὁ Χάλεδος (Халид б. аль-Валид), называемый мечом Божиим, μάχαιρα τοῦ Θεοῦ (*Сайф Аллах*), смог спастись от резни. Феофан, с. 514–515, который, однако, относит эти события к 6123 году от сотворения мира, то есть к 10 г. х., ошибаясь в расчёте на целых два года. Он в самом деле полагает, что Магомет умер в год Муты, ибо под следующим годом (6124 по александрийской эре от сотворения

[74] Местность Мута находилась на границе заиорданской провинции Балка, недалеко от юго-восточного угла Мёртвого моря, приблизительно на полпути между Ма‘аном на юге и Маавом на севере (de Goeje, *Conquête de la Syrie*, 2-е изд., с. 7).

[75] Упоминание этого праздника жертвоприношений заставляет де Гуе (указ. место) думать, что речь идёт о языческом празднестве, а не о христианском, как следовало бы заключить из греческого текста, говорящего лишь об арабах-христианах. В самом деле, εἰδωλοθύσια — собственно «жертвоприношение» в честь идолов. Божеством, в честь которого языческие арабы границы готовились торжественно совершить жертвоприношения, был бы, по де Гуе, тот, кого называли аль-Укайсир, истинное имя которого неизвестно (ср. Wellhausen, *Reste*, с. 62 и сл.). Эти арабы должны были быть куда‘итами и, хотя лишь отчасти христианами, должны были находиться в тесных отношениях с греческими гарнизонами границы.

мира) говорит об Абу Бакре, Ἀβουβάχαρος, как уже наследовавшем Магомету. Де Гуе рассматривает (*Conquête de la Syrie*, с. 6–7) термин Мухеон, употреблённый Феофаном, и полагает, что греческий хронист хотел указать на Маав, но, будучи плохо осведомлён, написал Мухеон — приблизительное греческое соответствие Ма‘ан, или Му‘ан. Феофан, однако, ошибается, ибо Ма‘ан находится далеко к югу от Муты, тогда как Маав, к северу от Муты, — как раз место боя, указываемое и мусульманским преданием (de Goeje, указ. соч., с. 7, который цитирует стих, приписываемый Абдуллаху б. Равахе; Табари, I, с. 1612, стр. 13; Якут, IV, с. 377, стр. 22; с. 571, стр. 16, откуда мы получаем доказательство, что целью мусульман было напасть на Маав).

§ 12. — Иным является мусульманский рассказ. У Муты, неизвестно по какой причине, мусульмане перестали отступать и повернулись лицом к врагу; Ибн Исхак даёт нам и их боевой порядок, утверждая, что правым крылом командовал «человек из бану узра» по имени Кутба б. Катада, левым — один из ансаров, Абайя б. Малик, или Убада б. Малик, а в центре стоял Зайд б. Хариса со знаменем Пророка[76]. Чтобы ещё больше воодушевить своих, Зайд пожелал спешиться и стать с товарищами в первых рядах, ибо, говорит аль-Вакиди, в тот день все начальники сражались пешими. Эти известия, если они подлинны, склоняли бы к мысли, что мусульмане вступили в битву с сознанием, что находятся в великой опасности из-за подавляющего числа и стратегических движений врагов. Зайд сражался с великой доблестью, но битва с самого начала складывалась неблагоприятно для мусульман из-за натиска вражеской конницы, состоявшей из арабов-христиан (и язычников), которые ринулись «с грозным видом, окутанные тучами пыли» (Хишам, с. 793, стр. 8; Табари, I, с. 1612, стр. 14, стихи, приписываемые Абдуллаху б. Равахе), и положение стало опасным. Зайд пал как храбрец, пронзённый копьём, и знамя перешло в руки Джа‘фара б. Абу Талиба, который, также спешившись, развернул знамя на ветру и попытался ободрить своих. Попытка не удалась, и вскоре пал и он, почти разрубленный надвое страшным ударом меча, нанесённым ему одним греком. На его теле, говорят, насчитали потом более семидесяти ран. Тогда подбежал Абдуллах б. Раваха, третий по начальству, и взял знамя сам; но вся его доблесть послужила лишь к увеличению числа жертв, пока не пал и он, изрешечённый ранами. Его смерть была сигналом к разгрому, и, по преданию, мусульмане обратились теперь в постыдное бегство, упав духом от последовательной потери трёх начальников. Известия о том, что произошло затем, неясны, ибо предания не сходятся в подробностях. Кажется очевидным, что положение спас военный гений Халида б. аль-Валида, который теперь фактически принял начальство как единственный, кто не потерял голову; но что он сделал и как провёл своё дело спасения остатков разбитого войска, из источников нам неизвестно, а некоторые из них доходят даже до утверждения, что он бежал сломя голову, как все прочие, но лишь после того,

[76] Известия, сообщаемые Ибн Исхаком о начальстве над двумя крыльями мусульманского войска, даже если они не вполне верны, имеют значение, ибо раскрывают тот факт, что в походе на Муту участвовали не столько мединские сподвижники Пророка, сколько, вероятно, сброд кочевых арабов всякого рода, стремившихся лишь урвать добычу и следовать за оружием того, кому чаще улыбалась победа. Взятие Хайбара возбудило аппетиты многих племён, и они начинали стекаться к Магомету в надежде на добычу, а вовсе не по какому-либо религиозному убеждению. Последнее уже не должно было входить в расчёт того, кто хотел стать мусульманином в Аравии, ибо надежда на добычу была единственной великой движущей силой массовых обращений. Не исключено, что и самый состав людей, из которых состоял поход, повлиял на решение Магомета не покидать Медину и не принимать над ним начальства.

как догадался унести с собой упавшее на землю знамя Пророка. По некоторым, однако, знамя было подхвачено из рук умирающего Абдуллаха б. Равахи Сабитом б. Акрамом, который, собрав вокруг него всех мединцев, передал знамя Халиду, когда тот подоспел к угрожаемому месту, где сражались ожесточённее всего. Кажется, однако, что Халиду удалось собрать рассеянные отряды своих, привести их в порядок и даже на короткое время возобновить схватку с врагом. Некоторые из мусульман, как Утба б. Амир, в момент наибольшей опасности всё же проявили великое мужество и, вместо того чтобы бежать и дать убить себя ударами в спину, повернулись лицом и умерли как храбрецы с оружием в руках и лицом к врагу. Утверждают далее, что Халид сумел так хорошо привести в порядок своих, что смог провести ночь на поле битвы и возобновить бой на следующее утро, изменив построение отрядов так, чтобы внушить врагу, будто получил новые подкрепления, и обратив наконец греков в полное бегство. Эти последние известия, которые мы находим лишь в тексте аль-Вакиди, кажутся малодостоверными и составленными позднее, чтобы уменьшить позор поражения[77] (Хишам, с. 794–795; Вакиди — Велльхаузен, с. 311–312; Табари, I, с. 1614, 1616–1617, где рассказывается, что Кутба б. Катада аль-Узри, командовавший правым крылом мусульман, убил Малика б. Рафилу, *ка'ид аль-муста'риба*, или вождя арабов — союзников греков; Асир, II, с. 179–180).

§ 13. — Ибн Исхак отдаёт Халиду б. аль-Валиду всю заслугу исправления бедствия: это он взял знамя из рук Сабита б. Акрама, когда тот предложил войскам провозгласить Халида главнокомандующим. Это Халид отбросил врага, защитил своих и нашёл способ отступить в добром порядке на глазах у врага, который, поражённый гордым поведением мусульман, тоже отступил, и Халид смог отвести войско к Медине, более не тревожимый (Хишам, с. 795; Табари, I, с. 1615–1616). Из предания же, восходящего к Абу Катаде (Табари, I, с. 1616, стр. 17), можно было бы заключить, что в момент бедствия Халид б. аль-Валид принял начальство по собственному почину: «Он сделал себя *амиром* сам».

§ 14. — Бедствие при Муте произвело сильное впечатление на мусульман того времени, ибо было как бы предостережением Провидения, что им не следует слишком полагаться ни на собственные силы, ни на мнимую божественную миссию своего Пророка: она не всегда была верным залогом победы и добычи. Чтобы уменьшить позор поражения, были выдуманы предания, имеющие целью показать, как Магомет, одарённый сверхъестественными средствами восприятия, наблюдал с *минбара*, или кафедры, мединской мечети за ходом битвы и рассказывал слушателям, задыхавшимся от волнения, о фазах столкновения, о последовательной гибели начальников и о бегстве

[77] Поражение, понесённое мусульманами, было весьма тяжёлым, но преданий о нём мало: весьма немного эпизодов рассказывается о личных судьбах сражавшихся, тогда как их, напротив, много по поводу других столкновений, как при Бадре и Ухуде. В этих двух сражениях были задействованы гораздо меньшие силы с обеих сторон, но так как они принадлежат к героической эпохе ислама, они — предмет особого культа, которого нет у бедствия при Муте, память о котором осталась заглушённой огромным грохотом последующих событий. Из предания, сохранённого у аль-Вакиди (Вакиди — Велльхаузен, с. 314), следует, что сражавшиеся арабы были поражены великолепием вооружения некоторых греков, явившихся на поле битвы в позолоченных латах и в шлемах, украшенных наподобие гиацинтов, с позолоченными уздечками и прочими великолепиями, к которым грубые кочевники пустыни не были привычны. Из того же предания мы косвенно узнаём затем, что в греческом войске находилось много арабов-куда'а и других христианских родов.

мусульман, не забыв, однако, прибавить, что каждому из убитых обеспечен вход в рай (Хишам, с. 796; Вакиди — Велльхаузен, с. 311; Табари, I, с. 1616–1617; Асир, II, с. 180–181). Предание описывает также с обилием подробностей трогательную сцену того, как Пророк на следующий день после битвы пришёл в дом Джа‘фара б. Абу Талиба и заплакал, видя, как жена Джа‘фара, Асма’ бинт Умайс, не зная о постигшем её несчастье, занимается домашними делами, и как женщина, удивлённая слезами Пророка, спросила о их причине и по осторожному ответу Магомета догадалась о гибели мужа[78] (Хишам, с. 796; Вакиди — Велльхаузен, с. 313; Асир, II, с. 181).

Перечень мусульман, павших при Муте

§ 15. — (1) **Джа‘фар б. Абу Талиб** был двоюродным братом Пророка и братом Али; он был одним из первых, принявших ислам (по одним, двадцать пятым, по другим, тридцать первым обратившимся). Его называли также Абу-ль-Масакин, ибо он любил бедных и несчастных и помогал им. Он переселился в Абиссинию, и утверждают, что под его влиянием и Негус стал мусульманином. Он был на десять лет старше брата Али. О его возвращении из Абиссинии ср. 7 г. х., §§ 53, 54 (Хаджар, I, с. 486–488, № 1161; Хишам, с. 801; Вакиди — Велльхаузен, с. 315; Асир, *Усд*, I, с. 286–289).

(2) **Зайд б. Хариса б. Шурахбиль аль-Кальби** был поистине одним из любимых сподвижников Пророка, гораздо более, чем Али б. Абу Талиб. Поэтому его имя часто встречается в «Анналах» (ср. указатель), где мы видим, что Пророк дал ему много доверительных поручений. Отношения между ними были самыми близкими, как доказывает случай с женой Зайнаб (ср. 5 г. х., § 20). Магомет усыновил его и обращался с ним как с сыном (Хаджар, II, с. 44–48, № 2875; Хишам, с. 801–802; Вакиди — Велльхаузен, с. 315; Асир, *Усд*, II, с. 224–227).

(3) **Мас‘уд б. аль-Асвад б. Хариса б. Надла** принадлежал к курайшитскому роду бану Ади б. Ка‘б и был поэтому близким родственником Умара б. аль-Хаттаба. Его называли также Ибн аль-Аджма’, по аль-Аджма’ бинт Амир б. аль-Фадль ас-Сакуни (Салули?), его матери (Хишам, с. 802; Вакиди — Велльхаузен, с. 315). Ибн Хаджар, причисляющий его к сподвижникам (Хаджар, III, с. 833, № 2049), не знает, однако, что он погиб при Муте, и даже утверждает, что после смерти Магомета он поселился на некоторое время в Медине, хотя, прибавляет он, Ибн Хиббан ошибается, говоря, что Мас‘уд затем переселился в Египет (Асир, *Усд*, IV, с. 355).

(4) **Вахб б. Са‘д б. Абу Сарх**, из племени фихр (курайш), присутствовал при Бадре и в прочих походах Пророка. Магомет соединил его узами братства (ср. 1 г. х., § 50) с Сувайдом б. Амром, и, по аль-Вакиди (цитируемому Ибн Хаджаром), он был убит вместе со своим названым братом Сувайдом в битве при Муте в возрасте 40 лет (Хишам, с. 802; Хаджар, III, с. 1322, № 8672). Примечательно,

[78] Биографы Пророка не заметили, что первое из двух преданий делает невозможным второе, ибо обе версии противоречат друг другу. Быть может, обе выдуманы, но возможно, что Магомет раньше всех получил известие о бедствии и что он первым сообщил его мусульманской общине. Отсюда, быть может, и происхождение легенды. Существуют и другие версии события, но нет нужды приводить их все, ибо они не имеют никакой исторической ценности.

однако, что имени этого Сувайда нет среди убитых в тексте Вакиди, каким мы его имеем (Асир, *Усд*, V, с. 95); то есть всего четверо мекканцев-переселенцев, помимо следующих мединцев:

(5) **Сурака б. Амр**, из ансарского племени бану-ль-хазрадж, был одним из бойцов Бадра и принимал участие во всех последующих походах. Его матерью была Усайла бинт Кайс (Хаджар, II, с. 133–134, № 4008; Хишам, с. 802; Вакиди — Велльхаузен, с. 315; Асир, *Усд*, II, с. 264).

(6) **Аль-Харис б. ан-Ну‘ман**, из ансарского племени бану-н-наджжар, сражался при Бадре, Ухуде и во всех последующих делах (Хаджар, I, с. 597, № 1489; Хишам, с. 802; Вакиди — Велльхаузен, с. 316; Асир, *Усд*, I, с. 349, стр. 12).

(7) **Абдуллах б. Раваха**, знаменитый сподвижник Пророка, даровитый поэт, из мединского племени бану-ль-хазрадж, неоднократно упоминаемый в «Анналах» (ср. указатель) (Хишам, с. 802; Вакиди — Велльхаузен, с. 315; Хаджар, II, с. 748–751, № 9044; Асир, *Усд*, III, с. 156–159).

(8) **Аббад б. Кайс**, или, по аль-Вакиди, **Убада б. Кайс**, мединец из племени бану-ль-хазрадж, присутствовавший в битве при Бадре (Хаджар, II, с. 667, № 8964; Хишам, с. 802; Вакиди — Велльхаузен, с. 315; Асир, *Усд*, III, с. 103).

К этому перечню восьми убитых, в котором согласны Ибн Исхак и аль-Вакиди, первый (Хишам, с. 802) прибавляет ещё следующих со ссылкой на Ибн Шихаба аз-Зухри [† 124 г. х.]:

(9) **Абу Кулайб б. Амр б. Зайд б. Ауф б. Мабзуль**; (10) **Джабир**, брат предыдущего. Их нет ни у Ибн Хаджара, ни у Асира, *Усд*.

(10) **Амр б. Са‘д б. аль-Харис б. Аббад б. Са‘д б. Амир б. Са‘лаба б. Малик б. Афса**. Ср. Хаджар, II, с. 1278, № 10240; отсутствует, однако, у Асира, *Усд*. Имя Амра упоминается в статье о его брате Амире (Асир, *Усд*, III, с. 81).

(11) **Амир**, брат предыдущего. Ср. Хаджар, II, с. 620, № 8862; Асир, *Усд*, III, с. 81[79].

Возвращение в Медину

§ 16. — На долю Халида б. аль-Валида выпала неблагодарная задача привести уцелевших от резни обратно в Медину, и он встретил там весьма мало благосклонный приём, ибо верующие вышли навстречу вернувшимся до аль-Джурфа и бросали им в

[79] Этот перечень всего двенадцати убитых заставляет подозревать, что в отчёте о битве может быть какое-то преувеличение и что мусульманские хронисты, описывая её, дали волю своему воображению. Нелепо, чтобы победоносное войско в сто или двести тысяч человек, выиграв битву, убило лишь дюжину бойцов. Прежде всего, в известиях подобного рода числа вражеских сил — не точные указания факта, а конкретная числовая форма для выражения впечатления, что врагов было так много, что их нельзя было сосчитать. Во-вторых, мы должны напомнить только что упомянутый факт, что мусульманское войско уже не было того рода, что первые, шедшие под начальством Магомета против курайшитов, то есть отряд избранных людей, лично известных Пророку каждый в отдельности. Это был сброд неведомых людей, большей частью искателей приключений в поисках добычи и лёгких триумфов, которые лишь по имени и по виду переменили веру, оставаясь ещё язычниками в глубине души, в образе мыслей и действий, во всём. Поэтому возможно, что в перечень включены лишь имена тех первоначальных сподвижников Пророка, которые погибли в столкновении, и что никак не учтены те неведомые искатели приключений сомнительного происхождения и ещё более сомнительной веры, павшие на поле Муты жертвами не мусульманской веры, а лишь обманутой надежды на добычу.

лицо землю, осыпая их упрёками и позором. Рассказывают, что настроение мединцев было столь мало сочувственным к уцелевшим участникам похода, что в некоторых семьях не желали больше принимать вернувшихся из Муты, и вернувшимся пришлось обратиться к Пророку, прося его заступничества[80]. Магомет положил конец оскорблениям и унижениям, взяв их под своё высокое покровительство и объявив, что они не беглецы (*фуррар*), а, если Богу угодно, снова возьмутся за оружие против врага (*куррар*)[81] (Хишам, с. 797–798; Вакиди — Велльхаузен, с. 313; Табари, I, с. 1617–1618; Якут, IV, с. 677).

§ 17. — Битва при Муте подробно рассказана также у следующих авторов: Йа‘куби, II, с. 66–67; Халдун, II, Прил., с. 40–41; *Хамис*, II, с. 77–82; Халаби, III, с. 194–200; Табари — Зотенберг, III, с. 117–120; Шпренгер, III, с. 291–295; Мьюир, IV, с. 94–101; Caussin de Perceval, III, с. 211–216; Мюллер, I, с. 149.

Посольство бану Амир б. Са‘са‘а[82]

§ 18. — Если принимать расположение рассказа в тексте Ибн Хишама и за хронологический порядок событий, то в 9 г. х., после посольства бану тамим, в Медину прибыло посольство бану Амир б. Са‘са‘а. Из текста же Вакиди — Велльхаузен, с. 306 (см. также следующий §), следует, что настоящее посольство было до джумады II 8 г. х. Так как об этом эпизоде упоминают разные предания, и каждое независимо от других даже по содержанию, неизвестно, было ли одно посольство, представлявшее всё племя, или несколько небольших частных посольств. Последнее предположение, впрочем, наиболее правдоподобно. Среди бану Амир б. Са‘са‘а, пришедших повидать Пророка в Медину, передатчики ставят на первое место трёх могущественных вождей-амиритов: Амира б. Туфайля б. Малика б. Джа‘фара б. Килаба, Арбада б. Раби‘у б. Малика б. Джа‘фара и, наконец, Джаббара б. Сульму б. Малика б. Джа‘фара, которые, если верить преданиям, отнюдь не пришли в Медину с мирными намерениями, а замышляли даже убить Магомета. Амир, всё по преданию, попросил у Магомета частной аудиенции,

[80] Умм Салама, жена Пророка, вскоре после возвращения арабов из бедствия при Муте встретила однажды жену Саламы б. Хишама б. аль-Мугиры и с удивлением спросила её, что же такое случилось, что её муж Салама более не присутствует в мечети с Пророком и с другими мусульманами в час молитвы. Жена Саламы ответила просто: «Клянусь Богом! он не может выйти; всякий раз, как он выходит, люди кричат ему вслед: вы бежали, когда сражались на пути Божием! Поэтому он сидит дома и больше не выходит» (Табари, I, с. 1618; Хаджар, II, с. 238, № 6092).

[81] Стихи, приписываемые Кайсу б. Мусаххару аль-Я‘мари и приводимые Ибн Исхаком, справедливо истолкованы им как доказательство того, что в мусульманском войске царила весьма слабая дисциплина и что поражение было вызвано ошибками самих мусульман (ср. Хишам, с. 798, стр. 10–18). С другой стороны, мы не можем оказать никакого доверия утверждению Ибн Шихаба аз-Зухри, будто Халид б. аль-Валид, едва став начальником отрядов, превратил поражение в победу (Хишам, с. 798, стр. 18–19). Быть может, это позднейшее добавление времени, когда утверждали, что Халид никогда не стоял во главе побеждённого войска.

[82] Бану Амир б. Са‘са‘а обитали в области в самом сердце Аравийского полуострова, к востоку от дороги, ведущей из Медины в Мекку, по ту сторону округа ад-Дарийя, и на их территории лежал колодец Би’р Ма‘уна, печально памятный резнёй мусульман, происшедшей там около четырёх лет назад (ср. 4 г. х., § 5). Самый видный из амиритов, Амир б. Туфайль, явившийся теперь к Магомету, был главным палачом мусульман и истинным виновником резни. Примечательно в этом отношении уступчивое поведение Пророка, который ничем не тревожит убийцу стольких своих приверженцев. Из событий 4 г. х. понятна, однако, тенденциозная окраска предания, содержащегося в этом параграфе (ср. Вюстенфельд, *Register*, с. 64). Это посольство к Пророку представляло лишь ничтожную часть великого рода бану Амир, ибо под 9 г. х. (ср. 9 г. х., §§ 74–80) мы имеем ещё семь посольств стольких же больших ветвей амиритов.

намереваясь его убить, но Пророк не пожелал её дать, пока тот не исповедует мусульманскую веру, на каковое условие Амир наотрез отказался. Открытая беседа между двумя людьми касалась лишь политических предметов, ибо Амир даже косвенно не обсуждал вопроса об исламе, а, напротив, настаивал на получении значительных политических и материальных уступок, прежде чем присоединиться к Пророку: утверждают даже, что он просил Магомета признать его своим преемником и наследником во власти над кочевниками Аравии. Магомет отказался рассматривать подобные предложения и предложил ему ислам на условиях, одинаковых с условиями прочих обращённых; но Амир б. Туфайль гордо отверг их и удалился со своими двумя родственниками, одного из которых, рассказывает предание, он ещё и сурово упрекнул за то, что тот во время беседы с Магометом не улучил благоприятного момента, чтобы его зарезать. Утверждают, что Магомет проклял уходивших и что вскоре Амир б. Туфайль, ещё не дойдя до дома, умер от опухоли в горле, которая его задушила. Арбад умер вскоре после того, убитый молнией, и на его смерть сочинил много длинных элегий великий поэт Лабид, его брат, из которых немало стихов приводится в тексте Ибн Хишама. О судьбе Джаббара б. Сульмы Ибн Исхак не говорит ни слова, а Ибн Са‘д даже не упоминает его (Хишам, с. 939–943; Табари, I, с. 1745 и сл.; *Агани*, XV, с. 138, стр. 21 и сл.; Са‘д, с. 42, § 96; Шпренгер, III, с. 401).

По Ибн Са‘ду, в том же посольстве с тремя предыдущими находился и Абу Мутарриф Абдуллах б. аш-Шиххир, который объявил себя мусульманином, сказав, между прочим, Магомету: «О Посланник Божий, ты наш князь и имеешь власть над нами». На это заявление, слишком явно и исключительно политическое, Пророк счёл уместным ответить: «Князь — Бог, а не я! Не давайте увлечь себя жажде власти!» (Са‘д, с. 42, § 96). Упоминаются и другие амириты, приходившие повидать Пророка: Алкама б. Улиса б. Ауф б. аль-Ахвас б. Джа‘фар б. Килаб вместе с Хаузой б. Халидом б. Раби‘ой, с сыном Хаузы и одним внуком; все четверо стали мусульманами, и Хауза объявил Магомету, что исповедует веру также от имени своего родственника Икримы б. Хасафы (Са‘д, с. 42–43, § 96; Шпренгер, III, с. 401). Упоминается, наконец, ещё один амирит, Абу Джухайфа ас-Суваи, утверждавший, что видел Пророка и расспрашивал его в аль-Абтахе (в Мекке, а стало быть, быть может, во время Прощального паломничества в следующем году)[83] (Са‘д, с. 43, § 96).

§ 19. — Вероятно, позднее того времени, о котором теперь идёт речь, Пророк написал также письмо аль-Адда’у б. Халиду б. Хаузе и тем, кто следовал за ним из Амир б. Икрима, пожаловав им территорию между аль-Масба‘ой (или Мисба‘ой), аз-Захом и Лаваба. Документ написал Халид б. Са‘ид (Са‘д, с. 13, § 32).

Письмо хуза‘а (джумада II)

§ 20. — В месяце джумада II Магомет послал письмо бану хуза‘а, племени, которое, хотя уже давно было другом Пророка и не раз оказывало ему действенную помощь, было обращено в ислам лишь отчасти. Предание хотело бы внушить, что после

[83] Об этих амиритах упоминается и в документе, приводимом Ибн Са‘дом (с. 13, § 32) и адресованном князьям бану Амр (хуза‘а) (см. ниже § 20), где точные хронологические указания устанавливают и время настоящего посольства.

договора в аль-Худайбии все хуза‘а стали мусульманами; но этому противоречит самый текст письма, приводимого ниже, и прямые утверждения Ибн Халдуна (II, Прил., с. 41, стр. 18–19). Хуза‘а, объявив себя союзниками Магомета после аль-Худайбии, совершили акт чисто политический, лишённый религиозного характера. Письмо же, написанное в этом году, имело целью положить конец аномалии союзников Пророка, не являющихся мусульманами. Бóльшая часть племён, обитавших вокруг стоянок хуза‘а, оставались ещё упорными язычниками, но некоторые уже подавали признаки желания обратиться. В те дни, в самом деле, произошло обращение Алкамы б. Улисы и двух сыновей Хаузы[84], которые пришли в Медину нарочно, чтобы исповедать веру перед Пророком. Магомет, обольщаясь надеждой, что такой пример может побудить многих других последовать ему, захотел ковать железо, пока горячо. Поэтому он послал своим союзникам, хуза‘а, следующее письмо: «Во имя Бога милосердного! От Мухаммада, Посланника Божия, к Будайлю, и Бишру, и вождям (*сарават*), сыновьям Амра. Мир вам; я воздаю хвалу Богу, тому Богу, кроме которого нет никакого бога. Впрочем, я никогда надменно не пренебрегал вашей преданностью и никогда не обходился с вами без уважения. Вы для меня на первом месте среди жителей Тихамы, как и ближе всех мне по родству, вы и ваши сторонники из аль-Мутайябун (ср. § 21, прим. 3 и 4). Я предоставляю тем из вас, кто переселится ко мне, те же права, какими пользуюсь я сам, даже если они захотят вернуться домой, лишь бы не задерживались в Мекке в сроки, не предписанные для паломничества. Я поистине не презираю вас теперь, когда заключил мир [с вами]; вы не должны меня бояться и не должны тревожиться. Впрочем, Алкама б. Улиса обратился одновременно с двумя сыновьями Хаузы; оба переселились в Мекку (*sic!* ошибка вместо Медины) и присягнули на верность от имени тех, кто следует за ними из рода Икрима. Тому из вас, кто последует за мной, я дам те же права, что имею я сам; мы принадлежим друг другу всегда и везде. Клянусь Богом, я не считаю вас лжецами, и ваш Господь вас любит» (Вакиди — Велльхаузен, с. 306–307).

§ 21. — Небесполезно, полагаю, привести и другую версию этого документа, представляющего большой интерес, как она существует в своде писем, написанных Магометом, составленном Ибн Са‘дом (ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 114–115, и Са‘д, с. 13, § 32): «Магомет написал Будайлю, Бусру (*sic*) и князьям, *сарават*, бану Амр (то есть хуза‘а). И затем: я не нарушил договора, который имею с вами, и не подстрекал никого против ваших боков[85]. Вы среди жителей Тихамы мне дороже всех и теснее всех связаны [*акрабухум*][86], вы и те, кто следует за вами из аль-Мутайябун. И затем: я

[84] Имеется в виду посольство бану Амир б. Са‘са‘а, рассказанное в предыдущем параграфе.

[85] Чтобы обосновать этот перевод арабского выражения *ада’а би-джанибихим*, Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 114, прим. 5) приводит другие параллельные места у Асира (III, с. 371, стр. 12; там же, с. 444, стр. 11; там же, IV, с. 65, стр. 10) и Табари (III, с. 329, стр. 18; там же, с. 572, стр. 3).

[86] Такое заявление Магомета, утверждающее его тесное родство с хуза‘а, нельзя понимать в буквальном смысле, ибо все имеющиеся у нас генеалогии помещают хуза‘а среди йеменских племён, никак не связанных родством с исмаилитскими, к которым, как утверждают, принадлежал Пророк (ср. Вюстенфельд, *Gen. Tab.*, 1). Уместно отметить этот пункт, ибо он косвенно подтверждает сказанное нами во Введении (§ 31 и прим.) о малой ценности великих арабских генеалогий и объясняет, как из подобных неопределённых выражений родства, которые первоначально употреблялись, быть может, как выражения симпатии, часто возникали в школах передатчиков I и II веков хиджры воображаемые родственные связи или вымышленные генеалогические отношения.

предоставил тем из вас, кто совершил переселение [*аль-мухаджирун*], те же привилегии, какие предоставил самому себе, даже если бегство совершилось в их собственной стране (то есть они не бежали в Медину, а остались дома), лишь бы они не поселялись в Мекке, а лишь проходили через неё для совершения *умры* или *хаджжа*. Я не строил козней за вашей спиной с тех пор, как заключил с вами договор: не опасайтесь ничего с моей стороны и не тревожьтесь. И затем: Алкама б. Улиса и два сына Хаузы приняли ислам, переселились в Медину и принесли присягу также от имени тех, кто следует за ними, из бану Икрима. Поистине, мы связаны друг с другом в дозволенном и в недозволенном [*фи-ль-халяли ва-ль-харами*]; и, клянусь Богом! я вам не лгал, и ваш Господь любит вас!»[87] (Са‘д, с. 13, § 32)[88].

Новые переговоры с аслам (ср. 6 г. х., §§ 23, 24)

§ 22. — В другом месте аль-Вакиди (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 320, прим. 1) возводит отношения между семьёй Магомета и хуза‘а ко временам деда Пророка, Абд аль-Мутталиба, давая даже мнимый текст союзного договора, *хильф*, между хашимитской семьёй и племенем хуза‘а, к которому принадлежали аслам. Он рассказывает затем, что Магомет признал договор, заключённый дедом, и продолжил его, объявив, что всякий *хильф*, заключённый в язычестве, действителен и в исламе. Он прибавляет также следующие известия: когда Магомет находился в Гадир аль-Аштате[89], тот самый Бурайда б. аль-Хусайб, который, говорят, помогал Пророку и во время бегства из Мекки, пришёл ходатайствовать перед Магометом за своё племя аслам. Он рассказал, что часть его единокровных переселилась в Медину, а остальные остались в своей стране, продолжая жить по-старому (*фи мавашихим ва ма‘ашихим*), и пожелал узнать, какое обращение Магомет обещает этим последним. Пророк ответил, что аслам, оставшихся дома, он приравнивает к Переселенцам, не делая для них никакого

[87] В схолии к тексту Ибн Са‘д даёт следующие пояснения и добавления: «Магомет не написал в этом документе обычного заключения *ва-с-салям*, ибо оно было ему открыто лишь впоследствии. Алкама — это Алкама б. Улиса б. Ауф б. аль-Ахвас б. Джа‘фар б. Килаб. Два сына Хаузы были аль-Адда’ и Амр, сыновья Халида б. Хаузы, из бану Амр б. Раби‘а б. Амир б. Са‘са‘а. Следовавшие за ними из Икрима — это Икрима б. Хасафа б. Кайс б. Айлан. Те из аль-Мутайябун, что следовали за хуза‘а, были бану Хашим, бану Зухра, бану-ль-Харис б. Фихр, Тайм б. Мурра и Асад б. Абд аль-Узза».

[88] Этот документ не во всех подробностях совпадает с тем, что содержится в тексте аль-Вакиди, переведённом Велльхаузеном (ср. § 20); но можно с уверенностью считать, что речь идёт об одном и том же документе. Различия следует приписать обычной неточности восточных людей в устной передаче. Письмо предполагает заключение ещё более древнего договора между Магометом и хуза‘а, заключённого в самые первые времена прибытия Пророка в Медину, ибо в войнах между ним и курайшитами хуза‘а всегда были хорошо расположены к Магомету и держали его в курсе того, что замышляли курайшиты (ср. 3 г. х., § 19; 5 г. х., § 26; 6 г. х., §§ 23, 24). Письмо настоящего параграфа имеет много черт подлинности и заслуживает сохранения как подлинное выражение чувств Пророка. Приглашение принять ислам сделано в мягких и прикрытых выражениях и с предложением исключительных условий, в особенности признания простого присоединения равноценным оставлению родины ради дела веры. Мы имеем косвенное известие, что по неизвестным причинам возникли недоразумения между Пророком и хуза‘а, и можно предположить, что враги Магомета вели против него пропаганду среди племён: поэтому Магомет не раз повторяет, что заключение мира с курайшитами нисколько не умаляет великой цены, которую имело для него содействие племени. Примечательно, что он предостерегает хуза‘а от общения с курайшитами, отговаривая их от пребывания в Мекке и раскрывая тем самым происхождение недоразумений, которые он стремится рассеять письмом. Наконец, стоит заметить, как Пророк вспоминает и принимает узы древнего союза аль-Мутайябун, который, как отсюда видно, продолжал существовать до того дня (ср. Введение, § 86).

[89] Признаю, что это упоминание о Гадир аль-Аштате могло бы относиться и к прохождению через это место в год аль-Худайбии и что поэтому документ мог бы относиться к 6, а не к 8 г. х. (ср. 6 г. х., § 28 и прим.).

различия, пришли ли они в Медину или остались на своих землях. Затем он продиктовал аль-Аля’ аль-Хадрами следующий документ: «Это — грамота (*китаб*) Мухаммада, посланника (*расуль*) Божия, для аслам. Те из них, кто верует в Бога и признаёт, что нет иного божества и что Мухаммад — раб и посланник Божий, могут быть уверены в безопасности (*аман*) Божией и находятся под покровительством (*зимма*) Бога и Его Пророка (*наби*). Мы действуем сообща против всех нападающих; рука одна и помощь одна. Кочевая часть их племени (*ахль* бадийятихим*) равна той, что имеет постоянное жительство (*ахль карарриxим*); они считаются Переселенцами, где бы ни находились»[90]. Из аль-Вакиди (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 342) следует, что аслам считали себя ветвью хуза‘а. И Балазури, с. 35, стр. 19, подтверждает существование древнего договора между дедом Магомета и хуза‘а; Шпренгер, III, с. 259[91].

[90] В перечне писем, написанных Магометом к племенам, составленном Ибн Са‘дом (ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 113, и Са‘д, с. 12, § 29), мы находим тот же документ почти в тех же словах. Документу предпослано: «И Магомет написал аслам, ветви хуза‘а». Затем следует: «Тем из них, кто верует в Бога, совершает молитву, платит милостыню (*закят*), проявляет искренность чувства в религии Божией, должно оказывать помощь против всякого, кто несправедливо на них нападёт. Они же обязаны оказывать помощь Пророку (*наср ан-наби*), когда он того потребует. Членам их племени, кочующим в пустыне (*ахль бадийятихим*), предоставлены те же права и вменены те же обязанности, что и имеющим постоянное жительство (*ахль хадиратихим*). Они считаются Переселенцами (*мухаджирун*), где бы ни находились. Документ написал аль-Аля’ б. аль-Хадрами, который был также свидетелем». Как видим, оба текста — две версии одного и того же факта и показывают, в каком смысле следует принимать так называемые документы, написанные Пророком для племён полуострова, которые все мы приводим ниже. А именно: мы имеем настоящие изложения документов, но не точную их формулировку, кроме, быть может, некоторых исключительных случаев. В тексте Ибн Хишама (с. 833, стр. 4) мы читаем стихи, приписываемые Буджайду б. Имрану аль-Хуза‘и, в которых с гордостью упоминается грамота (*китаб*), данная Магометом, «превосходнейшим из диктующих и пишущих», и подтверждается, что Пророк причислил хуза‘а к *мухаджирун*: «наше переселение (*хиджратуна*) совершается в нашей стране, у нас». Этот стих был бы непонятен, если бы у нас не было в качестве комментария текста договора. Из такого параллелизма стихов и текста я прихожу к заключению, что как договор, так и стихи следует считать подлинными в том смысле, что они *не* апокрифичны: стихи устанавливают и хронологию договора, то есть до взятия Мекки (Шпренгер, III, с. 102, прим., даёт иную версию договора, но, по обыкновению, не говорит, откуда её почерпнул).

[91] Если соединить эти известия с другими из предыдущего параграфа, можно заключить, что, быть может, оба относятся к одному и тому же факту и являются воспоминаниями о первых особых соглашениях, заключённых Пророком с племенами полуострова с целью как можно шире распространить своё политическое влияние; поэтому он делал даже самые широкие почётные уступки, лишь бы они не противоречили его религиозным и теократическим принципам. Так, мы видим, что Пророк с чувством, которое можно назвать неблагодарностью, приравнивает весь сброд бедуинов и искателей приключений — новых последователей — к избранному отряду своих самых верных сподвижников, следовавших за ним в самых тяжёлых испытаниях прошлого. Предоставить этим пришельцам те же привилегии, что и прочим сподвижникам, было актом великой политической прозорливости, против которого старые сподвижники не могли протестовать, принимая основные принципы ислама, что все люди равны перед Богом. Темнее слова, приписываемые Бурайде, из которых можно было бы почти вывести факт, что бóльшая часть аслам продолжала жить как язычники (пренебрегая, следовательно, ежедневными молитвами) и всё же хотела считаться мусульманами и была приравнена в правах к Переселенцам. Если такой вывод верен, он раскрыл бы одну из самых необычных сторон великого движения, которое начинало обозначаться и должно было затопить Переднюю Азию; а именно, что если не большинство, то по крайней мере весьма многочисленная доля завоевателей была вовсе не мусульманской, а чисто языческой. Эта догадка, по-видимому, подтверждается одним местом Ибн Халдуна (II, Прил., с. 41, стр. 18–19), откуда мы узнаём, что многие из хуза‘а всегда оставались язычниками и что тем не менее Магомет заключил с ними союз. — Хорошо, впрочем, помнить, что поход на аль-Мурайси‘ (ср. 5 г. х., § 8 и сл.) был направлен как раз против одной ветви хуза‘а. В заключение мы должны, однако, заметить, что оба мнимых документа содержат лишь права, приобретённые хуза‘а вообще и аслам в частности, но не содержат никакого условия о немалых тяготах, которые налагал ислам и ради несения которых Пророк как раз и делал все упомянутые уступки; и тут я имею в виду в особенности ежедневные молитвы и в особенности самую ненавистную для арабов обязанность — налог *ас-садака* (ср., однако, 6 г. х., § 23). Такое умолчание весьма странно и подтверждает подозрение, порождаемое другими документами, которые мы приведём ниже, что не все племена были одинаково

Обращения среди бану сулайм[92]

§ 23. — Пока происходили все большие и малые военные дела, рассказанные в предыдущих §§, имя Пророка всё больше распространялось по Аравии, и обращения с каждым днём умножались. Известия, которые мы имеем о процессе обращения арабских племён, немногочисленны, отрывочны или неполны, и поэтому невозможно составить себе полную картину процесса проникновения ислама в разные роды, населявшие пустыню. Одним из наиболее значительных для Магомета «обращений» было (частичное) обращение бану сулайм. Один человек из этого племени, Кайс б. Нусайба ас-Сулами, пришёл в Медину, расспросил Пророка, запечатлел в памяти все полученные ответы и, наконец, когда Магомет пригласил его принять новую веру, согласился и стал мусульманином. Вернувшись в своё племя, он говорил с восхищением о Магомете и его речах, заявляя, что они превосходят всё, что он когда-либо слышал как от греков, так и от персов, от поэтов и прорицателей арабов и даже от князей Химьяра (*макавиль Химьяр*, быть может, буквально: ораторы Химьяра). Кайс б. Нусайба стал, таким образом, миссионером ислама, и, быть может, главным образом его трудами от 700 до 1000 человек бану сулайм присоединятся к Магомету в Кудайде, когда Пророк двинется на Мекку. Бану сулайм даже попросят при этом получить красное знамя, *лива ахмар*, и войти в передовой отряд под начальством своих вождей аль-Аббаса б. Мирдаса ас-Сулами, Анаса б. Аббаса б. Ри‘ля ас-Сулами и Рашида б. Абда (или Абд Раббихи) (Са‘д, с. 40, § 94, со ссылкой на «одного из сулайм»; Хаджар, III, с. 520–523, № 1355, называет его Кайс б. Нушба ас-Сулами, говорит, что Кайс приходил повидать Магомета после осады Медины, *аль-Хандак*, и поэтому относит рассказанные о его обращении факты к 5 или 6 г. х.; Хаджар, II, с. 670–671, № 8986, содержит также подробности об аль-Аббасе б. Мирдасе ас-Сулами, отец которого [муж поэтессы аль-Ханса’, которая, говорят, тоже явилась в Медину, Асир, *Усд*, V, с. 441], как утверждают, был убит джиннами; ср. также Кутайба, с. 174).

§ 24. — Хишам б. Мухаммад Ибн аль-Кальби, цитируемый Ибн Са‘дом, даёт несколько иную версию об отношениях между Магометом и бану сулайм. Некий Кидр б. Аммар ас-Сулами пришёл в Медину, увидел Пророка, поговорил с ним и в заключение обещал прийти, когда его позовут, с тысячей всадников-суламитов ему на помощь. Когда впоследствии Магомет созвал племена, чтобы двинуться на Мекку, Кидр, верный своему обещанию, собрал тысячу человек и собрался присоединиться к Пророку. Сто всадников в последний момент не захотели идти из опасения давней

подчинены обрядовым и налоговым обязанностям ислама.

[92] Племя сулайм, как мы видели во многих предыдущих случаях (ср. 3 г. х., §§ 1, 8; 4 г. х., §§ 5–6; 5 г. х., § 23; 7 г. х., § 77), всегда было одним из наиболее упорно враждебных Магомету и исламу, и его неумолимой и воинственной вражде была обязана смертью многих мусульман. Они были жестокими виновниками варварской резни у Би’р Ма‘уна в 4 г. х. (ср. 4 г. х., §§ 5–6). Соседи бану Амир б. Са‘са‘а, они тоже обитали в сердце Аравийского полуострова, охватывая своей обширной территорией часть Неджда и Хиджаза: их пастбища простирались, с одной стороны, почти до округа Медины, а с другой — до округа Мекки. Описание их территории занимает около трёх страниц у Вюстенфельда, *Register* (с. 427–430). Воинственная природа этих племён была впоследствии весьма полезна делу ислама, когда новая вера взялась за вооружённое завоевание арабских племён, оставшихся ещё языческими. — Странно, что в этом предании речь идёт не об «обращении», а лишь об участии в военном походе. То же следует сказать и о следующем параграфе. Это представляет большой интерес для того, что нам предстоит изложить далее о степени исламизации племён при жизни Магомета (ср. 10 г. х., § 114 и сл.).

вражды с кинана, и Кидр выступил всего с 900 людьми. Во время похода Кидр скончался и оставил начальство над бану сулайм трём своим товарищам: аль-Аббасу б. Мирдасу ас-Сулами, Джаббару б. аль-Хакаму, называемому аль-Фаррар аш-Шариди, и аль-Ахнасу б. Язиду ас-Сулами, каждый из которых должен был командовать 300 людьми. Магомет, заметив, что недостаёт ста человек до числа, обещанного покойным Кидром б. Аммаром, настоял, чтобы пришли и сто отступников, заверив, что никто не причинит им зла. Сто человек пришли наконец под начальством аль-Мунакка‘а б. Малика б. Умайи б. Абд аль-Узза б. Ммайлана б. Амра б. Ка‘ба б. аль-Хариса б. Бахсы б. Сулайма и присоединились к Магомету в аль-Хадде (Са‘д, с. 40–41, § 94).

§ 25. — Эти бану сулайм приняли затем участие в походе на Мекку, в битве при Хунайне и в осаде Таифа. Чтобы вознаградить их за присоединение к своему делу, Пророк сделал различные пожалования их вождям (неизвестно, однако, до похода на Мекку или после). Рашиду б. Абду (или Абд Раббихи) он пожаловал территорию в Рухате длиной в два полёта стрелы и шириной в бросок камня, запретив кому бы то ни было притязать на какие-либо права на это владение. Дарственную грамоту написал Халид б. Са‘ид. Этот Рашид б. Абд Раббихи звался прежде Гави б. Абд аль-Узза и был хранителем (*кана ясдун*, то есть был жрецом) одного идола бану сулайм; увидев однажды, как лисица мочится на идола, он потерял всякое уважение к изваянию, сбросил его наземь и, придя к Магомету, стал мусульманином: Пророк переменил ему имя на Рашид б. Абд Раббихи. Рашид проделал с Магометом всю кампанию при Хунайне и пользовался у него величайшим уважением: поэтому ему было вверено знамя бану сулайм (Са‘д, с. 14, § 34, и с. 40, § 94; Хаджар, I, с. 1011–1012, № 2505, рассказывает те же факты, но утверждает на авторитете Абу Ну‘айма, что идолом был Сува‘, а место, где стоял идол, — аль-Фулат; по Шпренгеру, III, с. 287, хранителем идола [*садин*] был Ади б. Залим, а не Рашид, и Магомет будто бы дал ему имя Рашид б. Абдуллах. На текст Ибн Хаджара нельзя полагаться, а Фулат — место, неизвестное арабским географам: *фалат*, как известно, значит «пустыня». Авторитеты Ибн Хаджара (Абу Ну‘айм [† 430 г. х.]) мало надёжны. Быть может, Фулат — ошибка переписчика вместо Рухат?)[93].

[93] Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 149, прим. 3) предполагает, что идол, низвергнутый Рашидом, мог быть изображением аль-Уззы (см. ниже) и что Рашид, или Гави, был жрецом Рухата, то есть того священного места, которое с его обращением в ислам и уничтожением идола перестало быть святилищем. Может быть, Рашид как наследственный жрец места мог бы притязать на права на владение этим местом. Письмо Пророка узаконило ему присвоение святилища в личное пользование. Чтобы избежать всех трудностей, возникающих при рассмотрении других источников (ср. нижеследующее), Велльхаузен предполагает, что было два разных Рухата: один — у хузайль, посвящённый культу Сува‘, и другой — у сулайм, посвящённый Уззе; но это предположение не подтверждается ни одним источником. Посмотрим лучше, что говорят нам лучшие источники. Из одного места Якута (III, с. 181), приведённого и переведённого также у Велльхаузена, *Reste* (с. 18 и сл.), следовало бы, что идол, бывший в Рухате, был идолом божества Сува‘, что он принадлежал хузайль и что жрецами были бану лихьян. Эти известия восходят к Хишаму б. Мухаммаду Ибн аль-Кальби [† 206 г. х.] и к его знаменитому, к сожалению утраченному, сочинению *Китаб аль-аснам*, или «Книга идолов»; известия основаны, стало быть, на хорошем авторитете, известном как древнейший и достовернейший во всём, что касается идолопоклоннического культа доисламской Аравии. О точном местоположении Рухата царит, однако, большая неопределённость. Якут (указ. место) помещает его вблизи Янбу‘а, близ Медины, а несколькими строками ниже (противореча себе?) утверждает, что он находился в низине Батн Нахла, «далеко от Мудара» (фраза, смысл которой тёмен). В первом случае, то есть близ Янбу‘а, местность Рухат находилась бы уже не на территории хузайль, а скорее между джухайна и гифар, а не на территории сулайм. В самом деле, аль-Хамдани (с. 171, стр. 6) помещает один Рухат в округе джухайна. Батн Нахла же — долина близ Мекки, и там он находился бы в округе хузайль и бану лихьян, то есть отвечал бы другим указаниям Ибн аль-

Письма различным членам рода бану сулайм (бану Хариса)

§ 26. — (Письмо Салиме б. Малику ас-Сулами; ср. также § 29). Магомет написал письмо Салиме б. Малику б. Абу Амиру ас-Сулами из рода бану Хариса, пожаловав ему Мадфу‘ и объявив, что никто не имеет права оспаривать у него владение: единственное действительное право принадлежит Салиме (Са‘д, с. 14, § 34; Хаджар, II, с. 235, № 6083).

§ 27. — (Письмо Аббасу б. Мирдасу ас-Сулами). Равным образом Магомет написал Аббасу б. Мирдасу ас-Сулами, пожаловав ему Мадфу‘ и отрицая за кем бы то ни было право на него. Документ написал аль-Аля’ б. Укба, который был и свидетелем[94] (Са‘д, с. 14, § 34).

§ 28. — (Пожалования различным суламитам). Магомет пожаловал, кроме того: Хаузе б. Нубайше ас-Сулами из бану Усайя — всё, что находится вокруг аль-Джафра; аль-Аджаббу ас-Сулами — территорию Фалис. Документ написал аль-Аркам. Хараму б. Абд Ауфу ас-Сулами он пожаловал территорию Изам и то, что к ней относится из Шавака. Документ написал Халид б. Са‘ид (Са‘д, с. 14, § 34; Шпренгер, III, с. 287; Ибн Хаджар не упоминает среди сподвижников ни аль-Аджабба, ни Харама, а называет лишь Хаузу б. аль-Хариса б. Баджру и т. д. ас-Сулами, которого звали также Ибн аль-Хумама; Хаджар, III, с. 1263, № 8521).

§ 29. — Магомет пожаловал также территорию Салиме б. Малику ас-Сулами (ср. § 26) документом следующего содержания: «Вот что Посланник Божий жалует Салиме б. Малику ас-Сулами: он пожаловал ему участок земли между аль-Ханази и Зат аль-Асавид. Никто не может оспаривать у него этого права. Свидетели: Али б. Абу Талиб и Хатиб б. Абу Балта‘а» (Са‘д, с. 24, § 65).

Кальби. Несмотря на это противоречие, мы видим, что Рухат никогда не входил в земли сулайм. Бакри (с. 426, стр. 21) говорит, что Рухат находился в трёх милях от Мекки, что мало правдоподобно. В самом деле, Якут в другом месте (II, с. 878, стр. 10) утверждает, что Рухат был в трёх ночах пути от Мекки; он прибавляет, однако, что есть и селение Рухат вблизи Мекки на дороге в Медину (и, следовательно, не в долине Нахла, лежащей к востоку, в направлении Таифа), расположенное в долине Вади Гуран, вблизи аль-Худайбии: селение было небольшим и входило в пастбища, принадлежавшие бану Са‘д и бану Масрух. У первых, которые составляют ветвь хавазин (бану Са‘д б. Бакр б. Хавазин), как говорят, вскармливался младенец Магомет (см. Введение, §§ 126 и сл.), и Якут прибавляет, что это происходило именно в окрестностях Рухата. В конце статьи Якут снова противоречит себе, говоря, что идол Сува‘ находился в Рухате близ Янбу‘а (то есть к северо-западу от Медины). Тот факт, однако, что Амр б. аль-Ас уничтожил идола Сува‘, принадлежавшего хузайль, после взятия Мекки, доказывает, что идол должен был находиться в окрестностях этого города, а не к северу от Медины. Близость к Мекке подтверждается и другим местом Якута (III, с. 781), где описывается долина Гуран близ Мекки, в которой находится Рухат. В другом месте (ср. ниже § 100) сказано, что Магомет после взятия Мекки послал Амра б. аль-Аса низвергнуть идола Сува‘ и тот нашёл там жреца. В этом предании, по словам аль-Вакиди (с. 350), идол принадлежал хузайль, и жрец, предположительно, был из того же племени. Из этого лабиринта противоречивых указаний можно по крайней мере заключить, что идол сулайм, низвергнутый Рашидом, был не Сува‘, а изображение аль-Уззы, божества, почитавшегося курайшитами, жрецами которого были члены одной семьи сулайм, бану Шайбан б. Джабир, союзники, *хуляфа’*, курайшитов, а именно бану аль-Харис б. Абд аль-Мутталиб б. Хашим (см. Wellhausen, *Reste*, с. 35). Изображений Уззы было много, рассеянных по Аравии, как справедливо заметил Велльхаузен (указ. место, с. 37).

[94] Сравнивая этот параграф с предыдущим, видно, что известия Ибн Са‘да должны быть краткими изложениями более длинных документов, ибо в обоих документах мы имеем мнимое пожалование одного и того же места двум лицам. На самом же деле оба пожалования относятся к двум разным земельным участкам в одной и той же местности, называемой Мадфу‘.

Поход на Зат ас-Саласиль (джумада II)

§ 30. — В месяце джумада II Пророк узнал, что группа арабов из родов бали и куда‘а собралась в направлении Сирии с враждебными намерениями против него (ободрённые, быть может, поражением при Муте, обнаружившим слабые стороны мусульманских сил). Против нового врага Пророк снарядил поход из трёхсот человек и тридцати всадников, избранных из самых знатных Переселенцев и мединцев. Он вверил начальство новообращённому мусульманину Амру б. аль-Асу, вручив ему белое знамя, *лива*, и чёрный стяг, *рая*. Причина такого выбора — в том, что во время похода Амр должен был просить подкреплений у тех же племён бали, узра и балькайн; это было легко Амру б. аль-Асу, ибо его бабка принадлежала как раз к одному из племён бали. Мусульмане выступили в направлении Сирии и дошли до территории бану джузам, до источника ас-Сальсаль, по которому затем и получил название поход. Источник лежал в непосредственной близости от врага, и так как стояла глубокая зима и было очень холодно, воины хотели развести костры, но Амр б. аль-Ас энергично воспротивился из страха выдать врагу своё присутствие; один видный Переселенец, хотевший, несмотря на это, развести огонь, получил от Амра резкий выговор, принудивший его к послушанию. Амр б. аль-Ас обнаружил, однако, что враг так многочислен, что напасть на него с надеждой на успех невозможно; поэтому он немедленно послал Рафи‘а б. Макиса аль-Джухани в Медину просить подкреплений. Магомет собрал ещё двести человек, среди которых были и Абу Бакр и Умар, и поставил их под начальство Абу Убайды б. аль-Джарраха. По прибытии подкреплений вспыхнул спор между Амром б. аль-Асом и Абу Убайдой б. аль-Джаррахом, ибо последний притязал на верховное начальство или по крайней мере на начальство над отрядами, которые привёл с собой. Амр же весьма энергично утверждал, что он истинный начальник похода и что ополченцы, только что пришедшие из Медины, — лишь подкрепления, присланные ему на помощь, а не новый поход. Абу Убайда, найдя Амра твёрдо решившим отстаивать свои права, вспомнил советы Пророка избегать всякого повода к раздорам и со своим кротким и склонным к уступкам нравом не стал чинить иных затруднений. Амр обнаружил теперь впервые свои выдающиеся качества искусного полководца твёрдого и сильного характера, способного к великим начальствам и великой ответственности. Так случилось, что Амр руководил молитвой всех пятисот мусульман похода (Хишам, с. 984–985; Вакиди — Велльхаузен, с. 315; Табари, I, с. 1604, вместо ас-Сальсаль имеет ас-Саласиль и говорит, что бабка Амра принадлежала к куда‘а; Хаджар, III, с. 2; Асир, II, с. 176–177; Йа‘куби, II, с. 80; ср. *Tanbīh*, с. 265: Зат ас-Саласиль была по ту сторону Вади-ль-Кура, в десяти днях пути от Медины; *Хамис*, II, с. 83; Халаби, III, с. 366–367; Якут, III, с. 111).

§ 31. — С этими отрядами Амр открыто двинулся теперь против врага, идя и днём и ночью через всю страну бали, узра и балькайн; но всюду, куда он приходил в надежде застать врага врасплох и напасть на него, он находил, напротив, лагерь пустым или противников бежавшими. Он упорствовал в погоне, дошёл до крайних пределов страны, занимаемой этими племенами, и, заставив наконец не слишком многочисленную группу этих арабов повернуться лицом, после лёгкого боя обратил их в бегство. Во время краткой остановки на том месте всадники захватили некоторое

количество скота, но взятых животных было так мало, что их едва хватило, чтобы снабдить мусульман мясом на обратный путь. Затем Амр вернулся в Медину со всеми своими (Вакиди — Велльхаузен, с. 316).

§ 32. — Предание передало разные эпизоды, относящиеся к этому походу, и мы их приводим, ибо они, быть может, имеют под собой основание истины. Пока подходили подкрепления, один араб-христианин из племени тайй, который, приняв ислам, переменил своё имя Саргис (Сергий) на Рафи‘ б. Абу Рафи‘ ат-Таи, желая лучше изучить мусульманское учение, присоединился к Абу Бакру и попросил его во время похода объяснить и растолковать ему учения и основные начала ислама. Абу Бакр охотно взялся наставлять грубого бедуина и научил его началу абсолютного единства Бога, способам молитвы, обязанности милостыни, поста в месяце рамадане, паломничества в Мекку, омовения от всякой нечистоты и, наконец, наказал ему никогда не стремиться стать начальником даже над двумя мусульманами. Бедуин добросовестно усвоил наставления, данные ему почтенным сподвижником, который выделялся среди всех также крайней простотой своего образа жизни: араб в самом деле заметил, что у Абу Бакра был с собой лишь один шерстяной плащ, *аба*, из фадакской ткани; когда они были в пути, Абу Бакр держал его застёгнутым на плечах несколькими деревянными булавками, а когда делали остановку на ночь или чтобы дать отдых животным, расстилал его на земле как ковёр[95]. Этот самый араб несколько лет спустя, когда Абу Бакр был избран халифом, не смог устоять перед искушением прийти к нему и спросить, почему он сам нарушил последнее наставление никогда не начальствовать даже над двумя мусульманами, и Абу Бакр, оправдываясь, ответил ему: «Я не мог поступить иначе, ибо боялся, что народ Мухаммада разделится надвое» (Хишам, с. 985–986; Вакиди — Велльхаузен, с. 315–316).

§ 33. — Другой характерный эпизод — случай с Амром б. аль-Асом. Рассказывают, что на обратном пути у него было ночное извержение семени, и на следующее утро перед молитвой он не совершил полного омовения, как предписывает мусульманский закон, а удовольствовался тем, что обмыл срамные части. Магомет, узнав об этом нарушении закона, потребовал у Амра объяснения его некорректного поведения; Амр с обычной своей насмешливой живостью, вместо того чтобы скрыть дело, откровенно признал его и воскликнул: «Я замёрз бы до смерти от великого холода, а написано (Коран, IV, 33), что никто не должен лишать себя жизни!» Магомет рассмеялся и не сделал ему никакого другого упрёка (ср. 2 г. х., § 14; Вакиди — Велльхаузен, с. 316).

Поход на Сиф аль-Бахр, или аль-Хабат (раджаб)

§ 34. — В месяце раджабе Магомет отправил поход из трёхсот человек под начальством Абу Убайды б. аль-Джарраха и приказал ему идти на берег Красного моря, в Сиф аль-Бахр, чтобы наказать одно племя джухайна, чинившее беспокойства. Уходившим Магомет дал запас фиников, но поход затянулся гораздо дольше, чем

[95] Абу Бакр стал затем широко известен своим обыкновением пользоваться плащом двояко — как ковром и как накидкой; поэтому его прозвали также «человеком плаща», или *Зу-ль-‘абая*; во время великого восстания 11 г. х. жители Неджда говорили: «Неужели мы должны присягать на верность носителю плаща?» (Хишам, с. 985).

предполагалось, и поэтому продовольствия не хватило: продержавшись некоторое время на урезанных пайках, мусульмане остались наконец совсем без пищи. Гонимые голодом, они стали есть зелёные веточки растений, пускавших первые весенние побеги. Тронутый страданиями товарищей, Кайс б. Са‘д б. Убада б. Дулайм, подражая щедрости отца, обещал два *васка* фиников в Медине всякому, кто доставит ему тут же на месте верблюда для забоя на пищу мусульманам. Предложение было столь выгодно для продавца верблюдов, а особа Кайса была столь надёжной гарантией уплаты, что один джуханит, то есть араб из тех же врагов, явился и предложил пять верблюдов на этих условиях. Однако через три дня, в течение которых Кайс содержал на свой счёт маленькое мусульманское войско, Умар б. аль-Хаттаб, один из свидетелей купчей, не пожелал более давать своего свидетельства, заявив, что у Кайса ничего нет и он не вправе разорять свою семью, отчуждая имущество, принадлежащее отцу. Так как без свидетельства Умара узаконить новые сделки купли-продажи было уже невозможно, бедуин удалился. И начальник мусульман воспротивился продолжению обмена, грозившего стать незаконным. Когда они вернулись в Медину по окончании похода (так и не найдя врага), отец Кайса, Са‘д б. Убада, не только полностью признал обязательство, принятое сыном, и аккуратно уплатил бедуину всё, что обещал Кайс, но и подарил своему сыну четыре пальмовых сада, чтобы тот впредь был в состоянии принимать обязательства под залог собственного имущества и распоряжаться им как сочтёт нужным (Хишам, с. 992; Вакиди — Велльхаузен, с. 317–318; Табари, I, с. 1605, называет этот поход аль-Хабат, то есть [поход] листьев, сорванных с растений, *хабат*, которые служили обычно кормом верблюдам; там же, с. 1606–1607; Асир, II, с. 177; *Хамис*, II, с. 83; Халаби, III, с. 368–370).

§ 35. — Щедрости Кайса не хватило бы, чтобы спасти мусульман от голодной смерти, если бы, придя на берег моря, они не нашли огромную рыбу (вероятно, какого-то кита), величиной с гору, выброшенную на берег: мясом рыбы, говорит предание, они питались двенадцать дней; рёбра были так велики, что, поставленные на землю и прислонённые друг к другу, могли образовать арку, под которой свободно проходил верблюд с всадником; а в глазной впадине мог сидеть человек (Хишам, с. 992; Вакиди — Велльхаузен, с. 318; Табари, I, с. 1605–1606, где сказано, что морское животное называлось *аль-‘анбар*; там же, с. 1606–1607, говорится, что кусок рыбы был принесён в Медину и съеден Пророком: эта история выдумана, чтобы снять подозрение, будто мусульмане, поедая мясо павшего животного, нарушили повеления Пророка и Бога. Мусульмане ведь могут есть лишь мясо животных, заколотых по особому обряду).

Поход на аль-Габу

§ 36. — Абдуллах б. Абу Хадрад аль-Аслами, сподвижник Пророка, без памяти влюбился в дочь Сураки б. Харисы ан-Наджжари, павшего при Бадре, но, не будучи в состоянии собрать свадебный дар, *садака*, в двести *дирхамов*, который он обещал, желанный брак всё ещё не мог состояться. Ибн Абу Хадрад обратился за помощью к Пророку, но Магомет признался ему, что не имеет достаточных средств, чтобы подарить ему столь большую сумму (? ср. 7 г. х., § 46), и посоветовал ему подождать удобного случая обогатиться добычей, взятой у врага. Желанный случай представился в

месяце ша‘бане этого года, когда Рифа‘а б. Кайс, или Кайс б. Рифа‘а, из племени бану Джушам б. Муавия, пришёл с несколькими семьями своего рода в аль-Габу близ Медины, пытаясь возбудить бану кайс к войне против Магомета. Пророк, предупреждённый о таких происках, позвал Ибн Абу Хадрада и послал его с двумя другими мусульманами устранить докучливого джушамита. Три мусульманина, вооружённые мечами и стрелами, приблизились к небольшому лагерю Рифа‘и б. Кайса в аль-Габе и сговорились устроить засаду. Ибн Абу Хадрад пошёл спрятаться с одной стороны лагеря, а двух товарищей послал на противоположную сторону, условившись с ними, что по крику *Аллаху акбар* они все вместе бросятся на лагерь и одолеют его внезапностью. Три мусульманина оставались в засаде до захода солнца, когда Рифа‘а б. Кайс, не видя возвращения своего пастуха с животными, посланными на пастбище, захотел пойти поискать отсутствующего. Товарищи пытались отговорить его идти одного, ночью, далеко от шатров, но Рифа‘а, не слушая благоразумных советов, покинул лагерь: проходя мимо засады Ибн Абу Хадрада, он пал, пронзённый насмерть стрелой в сердце, не успев даже вскрикнуть; тогда Ибн Абу Хадрад возвысил голос и, издав условленный клич *Аллаху акбар*, ворвался в лагерь джушамитов. Двое других мусульман сделали то же, и джушамиты, напуганные криками и опасаясь нападения многочисленных отрядов, обратились в поспешное бегство, унося что могли и увлекая с собой женщин и детей, но оставив много верблюдов и много овец во владении трёх отважных мусульман. Ибн Абу Хадрад, отрубив голову Рифа‘е, вернулся в Медину с кровавым трофеем и с угнанными животными. Пророк, обрадованный удачным исходом, подарил ему тринадцать верблюдов из захваченных, и с ними он смог жениться на столь пламенно желанной женщине[96] (Хишам, с. 989–991; Табари, I, с. 1607–1609; Асир, II, с. 177–178; *Хамис*, II, с. 84).

§ 37. — Версия аль-Вакиди весьма отлична, так что, быть может, мы имеем в данном случае одно из обычных смешений двух различных фактов. Аль-Вакиди тоже содержит рассказ от первого лица влюблённого Ибн Абу Хадрада, просящего Пророка помочь ему денежной суммой, чтобы заключить брак, и тот же ответ Пророка; но остальное совершенно иное. Чтобы помочь Ибн Абу Хадраду собрать деньги, необходимые для *садаки*, Пророк приказал ему принять участие в походе под начальством Абу Катады, состоявшем из 16 человек, которые должны были двинуться в направлении Хадиры, области Неджда, примерно в двадцати милях от Медины, близ Бустан Амира, которая, как показывает само название, должна была быть «зелёной и плодородной страной». Задачей похода было напасть на отряд гатафан. Мусульманам удалось ночью застать врасплох вражеский лагерь, расположенный у источника воды, и обратить арабов в бегство, взяв весьма обильную добычу. В ходе столкновения и

[96] Мусульманские передатчики совершают подчас самые наивные нескромности. В данном случае они забыли отметить, что бану Джушам б. Муавия, к которым принадлежал Рифа‘а, были ветвью бакр (ср. Вюстенфельд, *Gen. Tab.*, табл. F, стр. 11 и сл.), то есть союзников курайшитов; так что рассказанное в предыдущем параграфе убийство, если оно верно во всех подробностях, было бы тягчайшим нарушением договора аль-Худайбии со стороны Пророка. Если сопоставить это предание с тем, что рассказывается далее о причинах, побудивших Магомета к походу и к взятию Мекки, невольно возникает подозрение, что в нарушении условий аль-Худайбии Пророк не так невинен, как хотело бы внушить нам предание. Версии Ибн Исхака противоречит следующая версия аль-Вакиди, но добросовестное изучение источников биографии Магомета даёт в результате, что авторитет Ибн Исхака, даже в редакции Ибн Хишама, надёжнее авторитета аль-Вакиди в его *Магази* (см. также Вакиди — Велльхаузен, с. 11 и сл.).

преследования Ибн Абу Хадрад догнал и убил одного из врагов, а на обратном пути наткнулся на его жену и захватил её — красивую женщину, которая, когда обнаружила, что Ибн Абу Хадрад — убийца её мужа, разразилась горькими слезами[97]. Всего было захвачено 200 верблюдов и 1000 овец, помимо множества пленных; после изъятия пятой части каждый участник похода получил на свою долю двенадцать верблюдов или 120 овец[98], и так Ибн Абу Хадрад смог собрать 200 *дирхамов* и заключить желанный брак. Поход длился 15 дней, и в добыче было четыре женщины и несколько детей. Одна из этих женщин была исключительно красива, и Абу Катада хотел было оставить её себе, но потом должен был уступить её, когда Пророк, вняв настойчивым просьбам Махмии б. Джаза аз-Зубайди, постановил отдать её ему (Вакиди — Велльхаузен, с. 318–319; Табари, I, с. 1609, кратко излагает версию аль-Вакиди, показывая тем, что придаёт больший вес версии Ибн Исхака; Халаби, III, с. 370–372).

Взятие Мекки (письмо Урвы)

§ 38. — Приступая теперь к рассказу о падении Мекки во власть мусульман, отметим прежде всего источник особой важности, по времени самый близкий к самому событию, сохранённый нам Табари (I, с. 1633, стр. 18 — с. 1636, стр. 4), а именно копию записки, написанной известным Урвой б. аз-Зубайром [† 94 г. х.] для халифа Абд аль-Малика [† 86 г. х.] о взятии Мекки и о поведении Халида б. аль-Валида при этом. Нам уже приходилось упоминать о другом подобном документе по поводу битвы при Бадре (ср. 2 г. х., §§ 30, 31), и вероятно, что настоящий принадлежит к той же серии записок, написанных Урвой о первых событиях ислама по приказу Абд аль-Малика. Документ имеет особую ценность как одно из древнейших литературных сочинений исторического содержания в арабской литературе: стиль его груб, первобытен и запутан, с повторениями фактов, без заранее установленного порядка материала и без хронологических указаний. Подлинность документа бросается в глаза всякому, кто сравнит его текст с текстом всех прочих мусульманских преданий (приводимых ниже, в §§ 40 и сл.), составленных и переданных письменно в эпоху, когда писатели стали уже гораздо искуснее в обращении с материалом. Документ не даёт никакого важного известия, отличного от тех, что мы находим в других преданиях; тем не менее, по своей древности и по особой природе предмета, он заслуживает того, чтобы привести здесь его перевод целиком.

---

[97] Эта вторая версия имеет много элементов, делающих её похожей на предыдущую, но так как обе, по-видимому, вдохновлены, так сказать, рассказом о любовных муках Ибн Абу Хадрада и о том, как с помощью Пророка он сумел добиться исполнения своих желаний, в обеих есть нечто искусственное, делающее их подлинность подозрительной. В обеих, в самом деле, очевидна цель показать, как Ибн Абу Хадрад собрал 200 *дирхамов*; остальное столь второстепенно, что упоминается лишь косвенно. Во всяком случае, версия Ибн Исхака содержит более точные географические и личные известия.

[98] Как обычно, аль-Вакиди с небрежностью, свойственной нашим источникам, не позаботился проверить свои утверждения простым арифметическим расчётом раздела добычи. Если вычесть пятину из тысячи овец и двухсот верблюдов, у нас останется 160 верблюдов и 800 овец, которые, будучи разделены между шестнадцатью участниками похода, составляют шестнадцать долей по 10 верблюдов и 50 овец каждая, что по арабскому способу оценки равно либо 15 верблюдам, либо 150 овцам, а не тому, что говорит аль-Вакиди (120 овец или 12 верблюдов).

§ 39. — Ат-Табари [† 310 г. х.] от Абд аль-Вариса б. Абд ас-Самада б. Абд аль-Вариса [† около 250 г. х.][99], от своего отца Абд ас-Самада б. Абд аль-Вариса [† 207 г. х.], от Абана аль-Аттара [† 160 г. х.], от Хишама б. Урвы [† 146 г. х.], от своего отца Урвы б. аз-Зубайра [† 94 г. х.] слышал, что Урва написал Абд аль-Малику б. Марвану следующее:

«А затем: ты написал мне, спрашивая меня о Халиде б. аль-Валиде, применял ли он оружие в День Завоевания (то есть Взятия Мекки) и по чьему приказу применял оружие; так вот, дело Халида б. аль-Валида в День Завоевания было следующее. Он был с Пророком, когда Пророк пришёл в Батн Марр [аз-Захран], направляясь на Мекку. Курайшиты между тем послали Абу Суфьяна и Хакима б. Хизама, чтобы они вышли навстречу Посланнику Божию, а когда посылали этих двоих, они не знали, куда направляется Пророк — на них или на Таиф: и это были дни Взятия Мекки (букв. завоевания). И вот Абу Суфьян и Хаким б. Хизам пожелали, чтобы Будайль б. Варка последовал за ними, и выразили желание, чтобы он их сопровождал: и не было никого, кроме Абу Суфьяна, Хакима б. Хизама и Будайля. Сказали им [курайшиты], когда посылали их к Пророку: „Мы не пойдём за вами, ибо не знаем, с кем хочет иметь дело Мухаммад — хочет ли он нас, или хавазин, или сакиф”. Был тогда между Пророком и курайшитами мирный договор, заключённый в день аль-Худайбии, с особыми условиями (*‘ахд*) и на установленный срок (*мудда*), в котором договоре бану бакр были с курайшитами (ср. 6 г. х., § 35). И случилось столкновение между отрядом бану ка‘б и отрядом бану бакр. А было между Посланником Божиим и курайшитами в этом договоре, который они заключили, [условие], чтобы не было тайного нарушения (*ля иглаля ва ля ислаля*, букв. „ни обмана, ни подкупа”; ср. также Вакиди — Велльхаузен, с. 257, прим. 1, это подлинные слова договора). [Вместо того чтобы остаться нейтральными,] курайшиты пришли с оружием на помощь бану бакр; бану ка‘б заподозрили курайшитов, и отсюда произошло то, что Посланник Божий двинулся против жителей Мекки. И вот в этом походе он встретил Абу Суфьяна, Хакима и Будайля в Марр аз-Захране, которые не знали, что Пророк уже расположился лагерем в Марре, пока не оказались близ него. Когда они увидели его в Марре, Абу Суфьян, Хаким и Будайль вошли в жилище (*манзиль*, то есть шатёр) Пророка в Марр аз-Захране и принесли ему изъявление покорности и подчинения. Когда они его провозгласили, Пророк послал их перед собой к курайшитам, чтобы пригласить их принять ислам. И мне сообщили, что [Пророк] сказал: „Кто войдёт в дом Абу Суфьяна, тот в безопасности, — а дом находился в верхней части Мекки, — и кто войдёт в дом Хакима, — который находился в нижней части Мекки, — тот в безопасности; и кто запрёт свою дверь и удержит руки [от оружия], тот в безопасности”. [И мне сообщили, что,] когда Абу Суфьян и Хаким вышли от Пророка, направляясь в Мекку, [Пророк] послал по их следам аз-Зубайра, вручил ему своё знамя (*рая*) и дал ему начальство над конницей мухаджиров и ансаров и приказал ему водрузить знамя в верхней части

[99] Дата смерти, приписываемая Абд аль-Варису б. Абд ас-Самаду, то есть 250 г. х., гипотетична и выведена из сравнения с тождественным иснадом, который мы имеем в других местах Табари, уже приведённых нами, где вместо Абд аль-Вариса б. Абд ас-Самада назван другой ученик Абд ас-Самада, а именно Али б. Наср б. Али аль-Джахдами, умерший, как мы знаем от Захаби (IX, с. 11), в 250 г. х. Приблизительно к той же эпохе, следовательно, мы должны отнести смерть Абд аль-Вариса, который был его сверстником и тоже учеником отца, Абд ас-Самада (ср. также Табари, I, с. 1669, стр. 16 и сл.).

Мекки, у аль-Хаджуна. [Пророк] сказал аз-Зубайру: „Не покидай места, где я сказал тебе водрузить моё знамя, пока я не догоню тебя”. И после этого Посланник Божий двинулся [на город] и приказал Халиду б. аль-Валиду войти в Мекку с нижней стороны со всеми арабами из племён куда‘а, бану сулайм и аслам, которые приняли ислам, ибо обратились до этих событий. [В нижней части Мекки] находились как раз бану бакр, у которых курайшиты просили помощи: курайшиты приказали бану-ль-Харис б. Абд Манат и всем, кто принадлежал к племенам аль-Ахабиш, находиться в нижней части Мекки. На них двинулся Халид б. аль-Валид с нижней стороны Мекки. Мне рассказывали, что Пророк сказал Халиду и аз-Зубайру, когда послал их вперёд: „Не сражайтесь ни с кем, кроме тех, кто будет сражаться с вами”. Когда Халид предстал перед бану бакр и аль-Ахабиш в нижней части Мекки, он напал на них, и Бог обратил их в бегство. В Мекке не было иного столкновения, кроме этого; разве что Курз б. Джабир, один из бану мухариб, и Ибн аль-Аш‘ар, один из бану ка‘б, бывшие в коннице аз-Зубайра, поднялись [на холм] Када, и поднялись не по той дороге, по которой поднялся аз-Зубайр [и которая была той], по какой ему было приказано подниматься. Эти двое наткнулись на отряд курайшитов на склоне Када и были убиты. А с верхней стороны Мекки, перед аз-Зубайром, боя не было. Тогда явился Посланник Божий, и люди встали перед ним, чтобы провозгласить его, и народ Мекки обратился в ислам. Посланник Божий оставался у них полмесяца, и не более, таким образом, пока не пришли сакиф и хавазин и не расположились лагерем у Хунайна»[100].

Взятие Мекки (более поздняя версия; рамадан)

§ 40. — В этом году произошло взятие Мекки Магометом как следствие нарушения условий аль-Худайбии, совершённого бану бакр, союзниками курайшитов. Причины столкновения восходят ко временам до ислама, ибо уже в эпоху *джахилийи*

[100] Таков в своей первобытной простоте текст записки, написанной Урвой. Как уже заметил Шпренгер (ср. III, с. XLIII), стиль писем Урвы неисправен, части недостаточно связаны, и факты изложены неудовлетворительно. Шпренгер справедливо предполагает, что эти письма — своего рода резюме преданий, собранных Урвой, и что столь скудное и сухое содержание — следствие отсутствия опыта в писании. Историческая проза была тогда у мусульман в первом младенчестве. Сложный исторический рассказ вовсе не был в характере времени Урвы, когда всё знание выражалось в кратких фразах, а вся история была ещё лишь огромной грудой разрозненных анекдотов. Странно сказать, Шпренгер собрал два других отрывка из письменных записок Урвы (ср. Введение, § 269, и 2 г. х., § 31), но по какой-то неизвестной причине этот третий отрывок от него ускользнул. Текст Урвы имеет для нас значительную ценность, ибо мы можем рассматривать его как исторический авторитет первейшего разряда и ибо он даёт с голой скудостью ядро истины всех преданий, впоследствии раздутых, обширное резюме которых мы приводим ниже. Если сравнить содержание текста Урвы со всем остальным, мы найдём, что подлинного противоречия между двумя версиями нет, но зато можем изучить и наблюдать систему, по которой скудные воспоминания прошлого искусственно расширялись и расцвечивались множеством подробностей, подлинность которых установить невозможно. Весьма важны для нашего предмета два заключения, к которым мы можем прийти, строго толкуя текст Урвы. Первое — что взятие Мекки было вызвано второстепенным по значению столкновением между двумя племенами, одним — союзником Магомета, другим — курайшитов: слова Урвы в своей бесцветной форме совершенно умалчивают о происхождении этого столкновения и о вине за него и более чем когда-либо подтверждают подозрение, что предлог, выставленный Магометом, был из самых пустых и что вина была не только на курайшитах. Второй важный факт — что, по Урве, взятие Мекки было смелым внезапным ударом Пророка, в котором Абу Суфьян выступает почти предателем дела курайшитов, перейдя на сторону Магомета, когда был в особом поручении для наблюдения и разведки. Перемена позиции Абу Суфьяна и быстрые действия Магомета расстроили всякий замысел сопротивления, а великодушные условия Магомета притупили последнее сопротивление. Изложим теперь рассказ о взятии Мекки по совокупности всех прочих преданий.

существовала тяжёлая распря между бану хуза‘а, с одной стороны, и бану Бакр б. Абд Манат б. Кинана, и в особенности бану-д-Диль, с другой. Тогда некий Малик б. Аббад из бану-ль-Хадрами, союзник аль-Асвада б. Разна ад-Ди’ли, отправился по торговым делам в страну бану хуза‘а и подвергся нападению, был ограблен дочиста и убит. Чтобы отомстить за эту обиду, бану бакр напали тогда на одного хуза‘ита и убили его. Хуза‘иты приготовились к новым отмщениям и незадолго до ислама перебили трёх сыновей аль-Асвада б. Разна ад-Ди’ли, а именно Сальму, Кульсума и Зу’айба, в Арафе, у пограничных камней священной территории Мекки, *ансаб аль-харам*. Новое злодеяние было тягчайшим из всех предыдущих не только по числу жертв, но особенно по выдающейся знатности их, принадлежавших к славнейшей семье кинана. Аль-Вакиди говорит, что злодеяние произошло у Ураны, но всё же вблизи пограничных камней священной территории. Благодаря авторитетным влияниям на этот раз удалось избежать взрыва междоусобной войны между двумя племенами, и хуза‘а были побуждены уплатить большой выкуп за кровь, ибо, ввиду знатности жертв, внесли двойную против обычной сумму в сто верблюдов за каждого убитого. Злоба между двумя племенами из-за этих кровавых дел, казалось, таким образом улеглась, и тогда появился ислам, который, говорит предание, отвлёк умы и обратил внимание племён в другую сторону. Так прошло около двадцати лет до заключения договора в аль-Худайбии, после которого, как мы уже рассказали, племена в окрестностях Мекки разделились на два лагеря: одни объявили себя за Магомета, другие — за курайшитов. Хотя источники этого не говорят и хотели бы даже внушить нам противное, весьма вероятно, что это политическое разделение племён, вместо того чтобы усыпить соперничество и злобу, вновь их разожгло и освежило память о прошлых обидах. Бану бакр вступили в союз с курайшитами, а бану хуза‘а — с Магометом. Среди бану-д-Диль вновь вспыхнуло теперь желание отомстить за убиение трёх сыновей аль-Асвада б. Разна, несмотря на то что выкуп за кровь был уплачен: зная, что их поддерживают и защищают по прямому условию союза не только все бану бакр, частью которых они были, но и весь род союзных курайшитов, они решили напасть врасплох на группу хуза‘а, стоявшую лагерем вокруг источника аль-Ватир. Аль-Вакиди признаёт, однако, что поводом к нападению было новое насилие друзей Пророка, хуза‘а, ибо один из них, услышав, как Анас б. Зунайм ад-Ди’ли читает весьма оскорбительное сатирическое стихотворение в адрес Магомета, в порыве гнева избил дилита до крови и вновь открыл череду мщений между двумя враждебными племенами. Внезапный удар бакр был подготовлен в великой тайне Науфалем б. Муавией ад-Ди’ли, вождём бану нуфаса, в течение месяца ша‘бана, при тайном попустительстве всех бану бакр, за исключением бану мудлидж, не пожелавших быть клятвопреступниками, и части курайшитов, из которых некоторые лично участвовали в нападении. Ибн Исхак, быть может, ближе к истине, говорит вообще, что бану нуфаса были снабжены оружием курайшитами и что некоторые из последних лично присутствовали ночью, так, чтобы их не заметили. Аль-Вакиди, расширяя, по обыкновению, известия Ибн Исхака, в одном месте утверждает, что среди присутствовавших мекканцев были Сафван б. Умайя, Микраз б. Хафс и Хувайтиб б. Абд аль-Узза со своими людьми; но так как в другом месте он заменяет два последних имени именами Сухайля б. Амра и Икримы б. Абу Джахля, позволительно сомневаться во всех четырёх данных именах. Факт тот, что ночью заговорщики напали

на хуза‘а у аль-Ватира, источника вблизи горы Арафат, убили одного из арабов по имени Мунаббих и избили остальных, заставив их искать спасения в бегстве и на священной территории Мекки. Нападавшие были так возбуждены, что не посчитались со всеобщим в Аравии законом уважать священную территорию Мекки и пожелали преследовать беглецов и на самой этой территории, доведя их до такой крайности, что вынудили укрыться в домах Будайля б. Варки и Рафи‘а, их клиента, в самой Мекке, где они и заперлись. Курайшиты, принимавшие участие в столкновении, на рассвете тайком вернулись домой в надежде, что их не заметят, но бану нуфаса не перестали досаждать хуза‘а и, если можно верить источникам, даже подвергли правильной осаде два упомянутых дома, в которых хуза‘а искали убежища. Событие вызвало в самой Мекке величайший скандал, ибо, помимо нарушения священной территории, ни у кого не оставалось более сомнения, что явное нарушение условий позволяет Магомету потребовать сильнейшего возмещения и даёт ему право даже на объявление войны. Все источники согласно говорят, что Абу Суфьян, самый влиятельный вождь курайшитов, был совершенно невиновен в совершённом злодеянии и не имел никакого участия в нарушении условий. Неоднократно утверждается, что он впервые узнал о случившемся, когда бану нуфаса ворвались в Мекку по пятам хуза‘а и когда аль-Харис б. Хишам и Ибн Абу Раби‘а, два влиятельных курайшита, напуганные возможными последствиями злодеяния, энергично протестовали против него и побежали к Абу Суфьяну, чтобы он вмешался, удалил бану нуфаса и исправил совершённую ошибку. Протесты трёх мужей возымели желаемое действие — прекратили беспорядки, и арабы, сняв осаду с домов, удалились в пустыню, откуда пришли[101] (Хишам, с. 802–804; Вакиди — Велльхаузен, с. 319–320; Табари, I, с. 1618–1621; ср. Балазури, с. 36–37, из текста которого можно заключить, что убитых не было и что предание сильно преувеличило факты)[102].

[101] Очевидная цель предания — доказать, что враги Магомета были единственными виновниками нарушения условий аль-Худайбии, и все мелкие подробности имеют целью внушить, что хуза‘а были жертвами обширного заговора, в котором участвовали и курайшиты. Кто оправдывается, тот обвиняет себя, и в данном случае явное намерение как можно сильнее очернить репутацию курайшитов рождает подозрение, что предание сильно преувеличило вины немусульман, по обычной системе, чтобы сгладить всякое возможное возражение против последующего поведения Пророка. Причина, приводимая для объяснения столкновения, не кажется мне вполне естественной, а утверждение аль-Вакиди (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 320, стр. 2), что один хуза‘ит избил палкой Анаса б. Зунайма ад-Ди’ли, рождает законное подозрение, что нарушение условий следует приписать не только курайшитам и их союзникам, но и союзникам Магомета. Это подозрение подтверждается, кроме того, эпизодом с Ибн Абу Хадрадом (ср. § 36 и прим.). По древнейшему закону Аравии, закону неписаному, но от этого не менее действенному и признанному, всё племя отвечало за поступки и преступления каждого своего члена. Эта совокупная ответственность распространялась и на племена, соединявшиеся особыми условиями *хильфа*, или союза. Племя, даровавшее *хильф*, становилось ответственным за поступки всех своих *хуляфа’*, или союзников, с которыми, как показывает самое слово, было связано особой и торжественной клятвой. Таким образом, как курайшиты были ответственны за всякое бесчинство бану бакр, так и Магомет был равным образом ответствен за всякий поступок хуза‘а во вред бакр или курайшитам. Весьма вероятно, что разрыв договора в аль-Худайбии был следствием вин, распределённых по меньшей мере поровну между обеими сторонами. Передатчикам, однако, не подобало делать подобное признание, и они усложнили версию и затемнили истину так, чтобы враги Магомета выглядели единственными виновниками. На чьей бы стороне ни была неправота, две вещи кажутся несомненными: во-первых, что Магомет лично и прямо не был замешан в нарушении и что в худшем случае были замешаны лишь его союзники. Во-вторых, очевидно, что союзники Магомета потерпели урон и что этот факт сильно повлиял на решения Пророка, который мог выказать законный гнев и потребовать широкого возмещения.

[102] Ибн Исхак даёт просто известие об убиении одного хуза‘ита, тогда как аль-Вакиди с обычными преувеличениями утверждает, что убитых хуза‘итов было двадцать (Вакиди — Велльхаузен, с. 321, стр. 6).

По Мусе б. Укбе [† 141 г. х.], все напавшие на хуза‘а на склонах горы Арафат и тем давшие повод ко взятию Мекки были кинана (Фаси, с. 144).

§ 41. — События, последовавшие за нападением у аль-Ватира, не вполне ясны, ибо версии не вполне согласуются между собой, и в них есть тёмные подробности и пробелы. По-видимому, обе стороны, то есть курайшиты и хуза‘а, поспешили представить Магомету как обвинения и жалобы, так и объяснения и оправдания. Неправота была, несомненно, распределена в более или менее равной мере между обеими сторонами, и если, с одной стороны, хуза‘а желали обеспечить себе согласие и нравственную поддержку Пророка, то, с другой, мекканцы сильно опасались, что Магомет истолкует случившееся в неблагоприятном смысле и прибегнет к мерам возмездия в пользу своих союзников во вред курайшитам и их союзникам. Средства, которыми отныне располагал Магомет, были таковы, что нападение с его стороны составляло тягчайшую опасность для мекканской олигархии, чувствовавшей себя несогласной и почти бессильной перед всё возрастающим могуществом Пророка. Обе стороны поспешили, стало быть, изложить свои доводы ему, ставшему в силу самих условий времени и места вершителем судеб.

§ 42. — Если перейти к рассмотрению того, что представители обеих сторон пришли сказать Пророку в Медине, распутать нить из того, что сообщают тексты, совсем нелегко. Хуза‘а, говорят предания, пришли подать жалобу и обвинить курайшитов в нарушении перемирия в аль-Худайбии. Мекканский же представитель поспешил, чтобы «подтвердить договор и продлить его срок» и выманить у Магомета какое-нибудь компрометирующее заявление, прежде чем тот выслушает версию хуза‘а о том, как всё произошло (Хишам, с. 806, посл. стр.; Вакиди — Велльхаузен, с. 321). Трудно принять эти версии, ибо в них нет смысла. Договор был заключён обеими сторонами на десять лет, и просить его продления всего через двадцать два месяца было бы неуместной просьбой после возможного нарушения уже заключённых условий. Из текста Ибн Исхака мы не смогли бы понять, в чём состояло посольство Абу Суфьяна к Магомету; но аль-Вакиди, соединяя разные версии, даже противоречащие друг другу, даёт нам несколько больше света. Абу Суфьян пытался объяснить, как произошли события, и убедить Пророка или тех его приверженцев, которые соблаговолили его выслушать, что нарушение условий, если оно и неоспоримо, не влечёт ответственности курайшитской общины, ибо она отрицает всякую связь с виновными и отвергает всякое участие в происшедших насилиях. Насколько неясны были переговоры, станет ещё яснее из того, что мы рассказываем далее на основании преданий, сохранённых источниками.

§ 43. — Аль-Вакиди утверждает (Вакиди — Велльхаузен, с. 323, стр. 22), что насилия бану нуфаса длились в Мекке целых три дня и что три дня длилась осада домов Будайля б. Варки и Рафи‘а, прежде чем наиболее влиятельные курайшиты смогли побудить бедуинов прекратить их и удалиться из Мекки. Аль-Вакиди утверждает равным образом в том же месте, что курайшиты потратили ещё два дня на обсуждение того, что следует делать. Хуза‘а же не теряли времени и тотчас послали известить Пророка, дав ему первыми свою версию происшедшего. Ибн Исхак утверждает, с другой стороны, что хуза‘а известили Магомета двумя различными и

последовательными посольствами, одним под начальством Амра б. Салима аль-Хуза‘и из рода бану ка‘б, а другим — под начальством Будайля б. Варки (Хишам, с. 806–807). По аль-Вакиди, который в этом случае, быть может, ближе к истине, чем Ибн Исхак, отправилось лишь одно посольство бану хуза‘а под начальством Амра б. Салима, состоявшее из 40 хуза‘а, которые спешили к Медине с такой поспешностью, что прошли весь долгий путь всего за три дня (Вакиди — Велльхаузен, с. 322–323). Хуза‘а обвинили курайшитов как ответственных виновников нарушения условий аль-Худайбии, ибо они тайно потворствовали бану бакр. По аль-Вакиди, вождь Амр б. Салим прочёл перед Магометом в мединской мечети несколько стихов, прося помощи против бану бакр и принося также жалобы на языческого поэта Анаса б. Зунайма ад-Ди’ли за сатиру, сочинённую им против Пророка. Тот приказал хуза‘а сидеть смирно и разойтись по своим долинам; он не пожелал дать никакого заверения о своих замыслах на будущее и, резко удалившись в дом Аиши, ничем не дал понять, каково будет его окончательное решение. Хуза‘а не посмели настаивать и вернулись в Мекку (Хишам, указ. место; Вакиди — Велльхаузен, с. 322–323; Табари, I, с. 1621–1622). Это последнее известие, которым мы обязаны Ибн Исхаку, даёт понять, что, какова бы ни была причина ссоры, не существовало ещё никакой формы открытой вражды, так что хуза‘а могли ещё без всякого неудобства или беспокойства входить в Мекку и выходить из неё и даже жить там.

§ 44. — Аль-Вакиди даёт известие, что Магомет, выслушав жалобу хуза‘а, послал Дамру к мекканцам и предложил на выбор три условия в форме ультиматума: 1) или уплатить выкуп за кровь двадцати трёх убитых хуза‘а; 2) или отказаться от союза с бану нуфаса и оставить их, следовательно, одних ответственными за случившееся; 3) или, наконец, объявить о расторжении договора о перемирии и принять войну. Караза б. Абд Амр аль-А‘джами ответил от имени курайшитов, отвергнув все три условия, и Дамра вернулся в Медину с этим отрицательным ответом. Немного спустя курайшиты раскаялись в своём решении и послали Абу Суфьяна заключить с Пророком новый мир (Вакиди — Велльхаузен, с. 321–322). Это известие приходит к аль-Вакиди из малодостоверного источника, и сам аль-Вакиди утверждает, что оно было известно лишь одному передатчику и потому не имело достаточных гарантий, чтобы считаться подлинным и надёжным. Это доказывает, что сами биографы Магомета не дали себе отчёта в том, что произошло, и должны были выдумать или предположить то, чего недоставало в повествовании о фактах.

§ 45. — Тот же аль-Вакиди даёт другую версию, которая кажется более логичной и вероятной, хотя и происходит из того же ненадёжного источника. После событий у аль-Ватира курайшиты встревожились возможными последствиями и опасались нападения Магомета, чтобы отомстить за обиду или наказать виновных. Ибн Абу Сарх изложил курайшитам, что есть три пути: либо уплатить выкуп за кровь, либо порвать всякие отношения с бану нуфаса и исключить их из союза как клятвопреступников, либо, наконец, взять быка за рога и объявить Магомету войну. Сухайль б. Амр предложил принять второе предложение, но его слова были плохо приняты, ибо все подозревали, что он говорит, уступая личным семейным соображениям: его мать была в самом деле из рода хуза‘а. Шайба б. Усман аль-Абдари поддержал первое решение, а

Караза б. Амр защищал доводы в пользу третьего. Абу Суфьян предложил сделку: он утверждал, что следует признать, что нарушение перемирия было, но отвергнуть всякую ответственность за то, что некоторые лица самовольно совершили по собственному почину. Предложение Абу Суфьяна возобладало над прочими, и ему самому было поручено отправиться в Медину и вести переговоры в этом смысле с Пророком, чтобы избежать открытия военных действий (Вакиди — Велльхаузен, с. 322).

§ 46. — Абу Суфьян выступил всего через два дня после прекращения беспорядков в Мекке, ибо курайшиты желали, чтобы их посланец прибыл в Медину вовремя, чтобы изложением доводов курайшитов нейтрализовать впечатление, которое, быть может, произвела версия хуза‘а. Хуза‘а, однако, оказались проворнее и, как мы уже рассказали, прибыли в Медину гораздо раньше Абу Суфьяна и покинули этот город за несколько дней до его прибытия; Абу Суфьян даже встретил по дороге, ещё не дойдя до Медины, часть хуза‘а, побывавших у Пророка, а именно небольшую группу под начальством Будайля ибн Умм Асрама. Курайшит тотчас догадался, что они ходили донести о событии Магомету, и спросил Будайля, откуда он идёт; Будайль сочинил басню о каких-то трениях в нескольких хуза‘итских семьях, которые он будто бы уладил в соседней долине. Абу Суфьян не поверил ни одному слову хуза‘ита и, когда эта группа людей удалилась, рассмотрев помёт верблюдов, узнал в нём косточки мединских фиников: так он нашёл доказательство, что они шли оттуда, а не откуда-либо ещё (Хишам, с. 806–807; Вакиди — Велльхаузен, с. 323; Табари, I, с. 1622–1623).

§ 47. — Абу Суфьян прибыл в Медину и обратился к Пророку, но ничего не смог добиться, ибо Магомет ничего не сказал ему в ответ на его объяснения и, если верить Ибн Исхаку, даже отказался ему отвечать. В преданиях у нас много праздных подробностей о стараниях Абу Суфьяна вырвать у Пророка какое-нибудь мирное заверение; но так как текст преданий восходит к первым аббасидским временам, когда сильнее всего кипела ненависть к омейядской династии, родоначальником которой был как раз Абу Суфьян, мы должны оказывать им весьма мало доверия, ибо они внушены желанием выставить Абу Суфьяна в смешном виде. Нам рассказывают, стало быть, что он прежде всего отправился к своей дочери Умм Хабибе, жене Магомета, которую он не видел уже очень много лет (около шестнадцати лет, то есть со времени переселения в Абиссинию); но был принят весьма дурно, ибо она обошлась с ним как с нечистым язычником и не позволила ему сесть ни на ложе, ни на ковёр, а лишь на землю. Абу Суфьян затем последовательно, но без пользы советовался с Абу Бакром, Умаром, Усманом и Али, особенно настаивая перед последним, у которого застал Фатиму, дочь Магомета. Лишь Али позволил себе дать ему прикрытый совет, а именно: объявить виновников нарушения находящимися под его покровительством, побудить, если возможно, кого-нибудь из мединцев сделать такое же заявление и таким взаимным обязательством сделать для Магомета невозможным нападение на Мекку. Надежды Абу Суфьяна обратились особенно на Са‘да б. Убаду, но они совершенно не оправдались, и никто не посмел ни шевельнуться, ни сказать что-либо, пока не стало известно, что думает Пророк. По древнему обычному праву Аравии, если член племени брал какое-либо лицо под своё покровительство, всё племя покровителя было обязано

принять на себя покровительство, и эта обязанность распространялась на все племена, находившиеся в отношениях *хильфа*, или союза, с племенем покровителя. С исламом это изменилось: Магомет при обращении верующих требовал от них уступки права покровительства, и кто хотел войти под покровительство (*джи́вар*) мусульман, должен был обращаться прямо к Пророку. Затем место личности Магомета заступило государство, которое заменило отдельного человека в осуществлении права *джи́вара*. Поэтому ни один мусульманин не мог пойти на то, чего просил Абу Суфьян, которому не оставалось иного выхода, как объявить виновников нарушения находящимися под его покровительством в надежде, что Магомет уважит тех, кого Абу Суфьян берёт под своё личное покровительство, из уважения к договору в аль-Худайбии. Сам Абу Суфьян не питал большой надежды на действенность этой призрачной уловки, но всё же захотел её испробовать и открыто объявил своё покровительство над бану нуфаса. На что Магомет воскликнул в ответ: «Это говоришь ты один!» (Вакиди — Велльхаузен, с. 323–324; Хишам, с. 807–808; Табари, I, с. 1623–1624).

§ 48. — Огорчённый своей неудачей, Абу Суфьян вернулся в Мекку: его посольство длилось так долго, что мекканцы начали питать на его счёт подозрения, а именно опасались, что он перешёл на сторону Магомета, став *саби'* (сабием), как говорит текст, то есть объявив себя мусульманином (ср. Wellhausen, *Reste*, с. 236–242). Он прибыл в Мекку ночью, спрятался в доме, не замеченный никем, говорит предание, и лёг в постель жены Хинд, которая, однако, едва услышала от него о неудаче посольства, вместо того чтобы позволить ему обнять её, «как муж обнимает жену», упёрлась обеими ногами ему в грудь, выталкивая его с ложа, и крикнула: «Какой же ты плохой переговорщик!» На следующее утро Абу Суфьян отправился к двум идолам, Исафу и На'иле, обрил себе голову, принёс жертвы обоим божествам, помазал их головы кровью жертв и дал обет жить и умереть в служении им. Этим он стремился отвести подозрения курайшитов и предупредить обвинения в сообщничестве с Магометом. Окончив эти религиозные обряды, он представил мекканцам отчёт о своём посольстве, и курайшиты признали, что Абу Суфьян был побит и что Пророк своим последним ответом одержал верх (Вакиди — Велльхаузен, с. 324; Хишам, с. 808)[103].

§ 49. — Едва Абу Суфьян уехал, Пророк начал приготовления к походу против Мекки, но держал свой замысел в тайне, поручив пока жене Аише собирать припасы для кампании. В тайну было посвящено очень мало лиц, и Умару было поручено наблюдать за всеми дорогами, ведущими в Мекку, чтобы в этот город не дошли известия о вооружениях в Медине. Умар получил приказ не пропускать никого подозрительного вида. Сам Абу Бакр смог узнать о том, что замышляется, лишь после посещения дочери Аиши, жены Пророка, и после весьма настойчивых её расспросов. Сподвижники тоже получили приказ готовиться к походу, но никому не было сказано, куда они направятся и каковы планы Магомета: поэтому строили много догадок: одни

[103] Даже признавая общий факт посольства, все эти подробности носят аббасидский отпечаток осмеяния омейядского родоначальника и потому сомнительной подлинности, быть может, даже совершенно апокрифичны. Достойно, однако, внимания, что курайшиты подозревали тайное сообщничество между Магометом и Абу Суфьяном: вероятно, в этой поездке в Медину были заложены основы того соглашения или началась та комедия, которая разыгралась несколько дней спустя в Марр аз-Захране (ср. ниже § 67, и 10 г. х., § 107).

утверждали, что речь идёт о новом походе в Сирию, чтобы отомстить за поражение при Муте, другие думали, что предстоит выступить против сакиф или против хавазин. Чтобы ещё лучше скрыть свои истинные планы, Магомет отправил Абу Катаду аль-Хариса б. Риб‘и с восемью людьми, среди которых был и Ибн Абу Хадрад, в Батн Идам, в направлении Сирии. Во время этого похода произошёл весьма прискорбный случай: мусульмане встретили Амира б. аль-Адбата аль-Ашджа‘и, который приветствовал их по-мусульмански, обнаружив тем, что и он мусульманин; тем не менее один из участников похода, аль-Мухаллам б. Джассама б. Кайс аль-Лайси, движимый старой личной злобой, бросился на него, убил его и ограбил дочиста. Это преступление было будто бы поводом к ниспосланию кораничесого стиха IV, 96 (ср. также Нёльдеке, *Qur.*, с. 150–151). Ничего более достойного упоминания во время маленького похода не произошло, ибо врага не встретили, а когда пришли в Зу Хушуб, узнали, что Магомет идёт на Мекку, и отправились догонять его в ас-Сукью (Хишам, с. 808, 987; Вакиди — Велльхаузен, с. 325; Табари, I, с. 1609–1610, называет этот небольшой поход походом на Батн Идам и упоминает его как отдельный факт, не имеющий никакого отношения к задуманному походу против Мекки; вместо Мухаллам имеет Мухаллим; там же, I, с. 1625–1626; Хаджар, III, с. 747, № 1864; II, с. 616, № 8842; Асир, II, с. 178; Халаби, III, с. 372–374).

§ 50. — Несмотря на все эти предосторожности, размах приготовлений был таков, что вскоре в Медине стало пробивать себе дорогу мнение, что Пророк замышляет напасть на Мекку. Один из старейших сподвижников Магомета, Хатиб б. Абу Балта‘а, сражавшийся даже при Бадре, имел в Мекке сына и жену и, желая привлечь к ним симпатии курайшитов, написал письмо трём мекканцам — Сафвану б. Умайе, Сухайлю б. Амру и Икриме б. Абу Джахлю, — извещая о предстоящем приходе Магомета в Мекку с огромными силами. Он вверил письмо одной женщине по имени Сара аль-Музанийя, или Кануд, уроженке аль-Арджа, и за вознаграждение в один или десять *динаров* склонил её взяться доставить его в Мекку. Женщина спрятала письмо в косах и выехала из Медины, избирая необычные пути к востоку от дороги паломников, по горным тропам (*фулук*), и вернулась на обычную дорогу лишь в аль-Акике, где думала, что избежала всякого докучливого надзора. В этом, однако, она обманулась, ибо, если предание не преувеличивает, Магомет проведал о письме и поручил Али и аз-Зубайру пуститься в погоню и задержать посланницу; двое сподвижников в самом деле догнали её в аль-Халике. Женщину остановили, и её поклажа была подвергнута тщательнейшему осмотру, не давшему, однако, никакого результата. Убеждённый, что женщина что-то прячет, Али пригрозил раздеть её донага, если она не вынет того, что скрывает, и такой угрозой наконец заставил её отойти в укромное место, вынуть письмо из волос и отдать ему в руки; Али без промедления привёз его в Медину. Велико было всеобщее удивление, когда обнаружилось, что виновником этого шпионства был сподвижник Хатиб б. Абу Балта‘а; Пророк послал за ним и потребовал объяснений его поступка. Хатиб выказал великое раскаяние в том, что сделал, описал положение сына и жены в Мекке, столь нуждавшихся в поддержке и благосклонности курайшитов, и молил о прощении. Умар был того мнения, что ему следует отрубить голову как изменнику, но Магомет мудро принял иное решение, заявив, что то, что он был воином

при Бадре, отпускает ему грехи как прошлые, так и будущие, и оправдал виновного. При этом, весьма вероятно, было ниспослано место Корана LX, 1–9 (Хишам, с. 809–810; Вакиди — Велльхаузен, с. 325; Табари, I, с. 1626–1627, вместо Халика имеет аль-Хулайфа, Хулайфа Ибн Абу Ахмад; Йа‘куби, II, с. 58, говорит, что Сара спрятала письмо *фи фарджиха*, то есть в срамных частях; Нёльдеке, *Qur.*, с. 162).

§ 51. — Магомет пожелал приступить к великому предприятию со всеми имевшимися в его распоряжении средствами: быть может, его намерением было явиться перед Меккой со столь превосходящими силами, чтобы отбить у курайшитов всякую мысль о сопротивлении и одержать таким образом бескровную победу: по этой причине он послал представителей ко всем «ставшим мусульманскими» племенам, приглашая их явиться в Медину в месяце рамадане. Асма’ и Хинд, двое сыновей Харисы, были отправлены послами к аслам. Джундаб и Рафи‘, сыновья Макиса, — к джухайна. Айма (Има?) б. Рахада и Абу Рухм Кульсум б. аль-Хусайн — к гифар и дамра; Ма‘киль б. Синан и Ну‘айм б. Мас‘уд — к ашджа‘; Билал б. аль-Харис и Абдуллах б. Амр — к музайна; аль-Хаджжадж б. Илят ас-Сулами и Ирбад б. Сария — к сулайм; Бишр б. Суфьян и Будайль б. Варка — к ка‘б (то есть к хуза‘а); последние вместе с сулайм присоединились к Магомету в аль-Кудайде, тогда как все прочие, то есть гифар, аслам, музайна и ашджа‘, собрались в Медине до выступления Магомета[104]. Точным местом сбора был Би’р Абу Утба, где, по некоторым, Пророк и привязал знамёна к копьям. Другие утверждают, однако, что развёртывание знамён, бывшее сигналом начала кампании, произошло лишь в аль-Кудайде, недалеко от Мекки. В день выступления, 10 рамадана, Магомет двинулся во главе целых 10 000 воинов. Передовой отряд из 200 человек был вверен начальству аз-Зубайра; первый переход был до ас-Сальсаля. В Медине остался представителем Пророка и руководителем молитвы в отсутствие Магомета сподвижник Абу Рухм Кульсум б. Хусайн б. Утба б. Халаф аль-Гифари, только что вернувшийся из своего посольства к гифар. Так как шёл тогда месяц рамадан, в котором каждый мусульманин обязан не есть и не пить от восхода до заката солнца, Пророк издал распоряжение, что каждый волен во время похода соблюдать или не соблюдать пост, как ему угодно. Сам он соблюдал пост до аль-Кудайда и в пути так сильно страдал от жажды, что однажды велел полить себе водой голову и плечи в надежде хоть немного унять внутренний жар. Наконец в аль-Кудайде он сам подал публичный знак нарушить обязанность поста и приказал, чтобы никто его больше не соблюдал, ибо началась уже настоящая военная кампания (Хишам, с. 810–811; Вакиди — Велльхаузен, с. 326; Табари, I, с. 1627–1628, 1630; Йа‘куби, II, с. 59, говорит, что наместником, оставшимся в Медине, был Абу Лубаба б. Абд аль-Мунзир).

§ 52. — В аль-Ардже Пророка догнал пресловутый Уяйна б. Хисн аль-Фазари (ср. 7 г. х., §§ 66, 67)[105], который всего за два дня до того узнал о выступлении Магомета и, когда понял, что Пророк задумал военный поход, хотя истинный его замысел ещё не

[104] Йа‘куби (II, с. 58–59), не называя источника, из которого черпал, вместо имён гонцов, посланных Пророком к различным племенам, даёт имена вождей племён, к которым обратился Магомет, и точное место, где каждое племя должно было собраться, чтобы присоединиться к походу. Хуза‘и б. Абд Нухму, вождю музайна, он назначил место сбора в ар-Рауха; Абдуллаху б. Малику, вождю гифар, — в ас-Сукье; Кудаме б. Сумаме, вождю бану сулайм, — в Кудайде; ас-Са‘бу б. Джассаме, вождю бану лайс, — в аль-Кадиде. Ибн Исхак прибавляет, что в войске Магомета было 700 человек бану сулайм и 1000 музайна (Хишам, с. 810; ср. также Вакиди — Велльхаузен, с. 330).

был известен и строились лишь догадки, кусал себе руки от злости, что не взял с собой своих приверженцев, чтобы приобрести таким образом право на будущий раздел добычи. В ас-Сукье к Пророку присоединился также аль-Акра‘ б. Хабис ат-Тамими с десятью людьми (тамим). Уяйна и аль-Акра‘ больше не покидали Магомета и вместе с ним вошли затем в Мекку (Вакиди — Велльхаузен, с. 327; Табари, I, с. 1630).

§ 53. — Никто не знал в точности, куда направляется Магомет, ибо он ещё никому не открыл своих замыслов, за исключением, разумеется, тех сподвижников, о которых мы уже упоминали. Всеобщая неизвестность продолжалась и во время движения войска от аль-Арджа до ат-Талуба. На этом отрезке пути всадники передового отряда привели к Магомету лазутчика хавазин, который на допросе признался, что получил поручение присоединиться к мусульманам, сопровождать их до Батн Сарифа, не давая себя узнать, и выяснить в этом последнем месте, намерен ли Магомет напасть на Мекку или же свернёт на этом распутье на дорогу, ведущую в страны хавазин. Магомет узнал, таким образом, что хавазин собрались и вооружились и что к ним вот-вот присоединятся и сакиф. Начальство над хавазин было вверено Малику б. Ауфу, но не все племена присоединились к сбору, ибо, например, ка‘б, килаб и небольшая часть хилаль воздержались от участия в скоплении. Тот же лазутчик признался, что накануне, проходя через Мекку, заметил среди курайшитов большую тревогу и волнение из-за неудачи посольства Абу Суфьяна б. Харба, заставлявшей мекканцев опасаться, что они навлекли на себя гнев Магомета. Этому лазутчику затем удалось бежать, но, пойманный вновь Халидом б. аль-Валидом в Марр аз-Захране, он стал мусульманином, сражался при Хунайне и был убит при Аутасе (Вакиди — Велльхаузен, с. 327–328).

§ 54. — Магомет продолжал продвигаться к Мекке, и по пути всё новые люди спешили встать на его сторону не только из окрестных стран, но даже из Мекки, где многие были убеждены, что противостоять ему невозможно, и решили присоединиться к нему, чтобы не быть раздавленными вместе с проигрывающей партией. Одним из первых мекканцев, пришедших в лагерь Магомета, был Абу Суфьян б. аль-Харис, молочный брат и друг детства Пророка, который, когда Магомет начал проповедовать ислам, стал в ряды самых ожесточённых его врагов, ведя против него ожесточённую войну и высмеивая его колкими и оскорбительными сатирами: поэтому Пророк питал к нему особенную неприязнь. Абу Суфьян б. аль-Харис смиренно явился теперь в мусульманский лагерь в сопровождении жены и сына и, после того как двадцать лет был столь свирепым противником, пытался жалостными мольбами тронуть душу Пророка и вернуть его благосклонность. Магомет, памятуя о перенесённых насмешках, принял Абу Суфьяна весьма дурно и долгое время отказывался обращать какое-либо внимание на его мольбы, избегая даже смотреть на него: хотя Абу Суфьян никогда не покидал Пророка и не переставал пускать в ход всякие средства, чтобы добиться его милости, Магомет заставил его долго томиться; по некоторым, даже до битвы при Хунайне. По другой версии, Абу Суфьян б. аль-Харис явился к Пророку в Ник аль-Укаб вместе с Абдуллахом б. Абу Умайей и поначалу, хотя жена Пророка Умм Салама

[105] Известия, содержащиеся в этом параграфе, странны, ибо Уяйна был одним из самых давних и известных врагов Пророка и ислама, и он вдруг появляется теперь среди приверженцев Магомета, причём никто не говорит нам ни как, ни когда произошло его обращение. Мусульманское войско должно было поэтому включать много язычников-добровольцев, смешанных с настоящими мусульманами.

ходатайствовала за обоих, не мог получить аудиенции у разгневанного Пророка, помнившего все шутки и оскорбления, перенесённые от того самого человека, который теперь столь малодушно вверял себя его милосердию. Он дал Абу Суфьяну почувствовать всю тяжесть своего презрения и так унизил его, что тот объявил, что лучше пойдёт искать смерти в пустыне, чтобы никогда больше не возвращаться. Такое заявление наконец удовлетворило самолюбие Магомета, который тогда согласился на прощение (Хишам, с. 811; Вакиди — Велльхаузен, с. 328–329; Табари, I, с. 1628–1629).

§ 55. — Другие, ещё более видные лица также поспешили примкнуть к Магомету. Аль-Аббас, родной дядя Пророка, и Махрама б. Науфаль пришли присоединиться к нему в ас-Сукье. Странно сказать: хотя значение первого столь велико, предание весьма скупо на известия об этом событии и довольствуется рассказом о том, что аль-Аббас, едва прибыв, долго беседовал с Магометом в его шатре[106] (Хишам, с. 811; Вакиди — Велльхаузен, с. 329–330; Табари, I, с. 1628–1630). Встреча аль-Аббаса с Пророком произошла в аль-Джухфе, и поэтому говорят, что аль-Аббас был последним переселенцем из Мекки, ибо когда этот город оказался под властью Магомета, уже не могло быть «бегства» ради веры (Хишам, с. 811).

§ 56. — В аль-Кудайде, как уже было упомянуто, около 700 или 1000 человек бану сулайм, неся два *лива* и четыре чёрных *рая*, пришли присоединиться к Магомету вместе с двумя посланцами, которых Пророк им отправил: Магомет похвалил их за быстроту прибытия; а они сказали ему: «Ты держал нас вдали и не доверял нам, но тебе следовало бы помнить, что мы твои родичи по женской линии, и ты сможешь теперь испытать нас». (Атика бинт Мурра, мать Хашима и прапрабабка Пророка, была в самом

[106] Поведение биографов Пророка в отношении его дяди Аббаса обнаруживает старание обойти предмет, неприятный аббасидским государям, при которых все настоящие предания были собраны и распределены. Тогда как об обращении упомянутого выше Абу Суфьяна б. аль-Хариса у нас приторное обилие известий, для Аббаса мы находим едва три строки, в которых сказано лишь, что Магомет был очень рад его приходу. Краткость источников должна означать, что Аббас уже довольно давно состоял в тайных сношениях с Магометом и интриговал в его пользу, особенно начиная с паломничества предыдущего года, когда он помог племяннику заключить брак с Маймуной (ср. 7 г. х., § 74). Невозможно сказать, когда именно Аббас начал вести переговоры с Магометом, но всё заставляет думать, что это произошло весьма поздно, не ранее аль-Худайбии. Все апокрифические или интерполированные под аббасидским влиянием предания, которые хотели бы доказать тайное обращение и сообщничество Аббаса с Магометом начиная с битвы при Бадре, служат лишь к тому, чтобы выдать истину, а именно что Аббас по соображениям политического приспособленчества и экономического интереса не заботился о том, чтобы действовать заодно с Пророком, пока тот не стал истинным хозяином Хиджаза. Из других источников (ср. Халаби, II, с. 337, стр. 6) известно, что Аббас владел значительным денежным состоянием и занимался ремеслом банкира или ростовщика, ссужая деньги под проценты курайшитам. Кроме того, он имел доходную и почётную должность поить паломников (Хишам, с. 811): эти два занятия были столь существенны для его благосостояния, что он никогда не мог принять религиозные учения пылкого и беспокойного племянника. Чтобы не потерять клиентуру, он совершенно устранился от мусульманского движения и ни за что не хотел покидать Мекку. Когда же он увидел, что дело племянника торжествует над всеми врагами, он сумел ловко завязать с ним тайные сношения: с большим дипломатическим искусством, не компрометируя собственных интересов, он нашёл способ оказаться полезным чувственному племяннику, быстро доставив ему новую жену во время паломничества предыдущего года. Хитрый курайшит проницательно обнаружил слабую сторону племянника и использовал её к своей выгоде. Несомненно, что Аббас работал в Мекке как тайный агент Магомета и всячески старался сделать победу Магомета как можно более бескровной и надёжной, ослабляя интригами сопротивление курайшитов. В самом деле, встреча Аббаса и Магомета в ас-Сукье была встречей двух людей, уже договорившихся между собой, которым предстояло обсудить и тайно решить многие дела величайшей важности. Вполне естественно, что Аббасиды старались затушевать эти факты, предав их по возможности забвению, ибо они сильно умаляли услуги, которые хашимитская семья притязала оказать делу ислама.

деле суламиткой.) Магомет составил из бану сулайм передовой отряд, поставив их под начальство Халида б. аль-Валида (Вакиди — Велльхаузен, с. 330; Дурайд, с. 23).

§ 57. — Такова была быстрота Магомета в приготовлениях и в совершении похода до Марр аз-Захрана, и вместе с тем тайна похода была так хорошо сохранена, что в Мекку ещё не дошло о нём никакого точного известия; там смутно подозревали, что Пророк что-то замышляет против них, но ничего более известно не было, и никто не мог предположить, что он находится так близко от Мекки и со столь подавляющей массой вооружённых. Произошёл теперь случай, который Мьюир (Muir, *Mahomet*, IV, с. 115) справедливо называет несколько таинственным, ибо версия этого факта великой важности весьма неполна: он не может быть следствием простого совпадения, как хотело бы предание, а был, весьма вероятно, целой комедией, слаженной между Пророком, аль-Аббасом и Абу Суфьяном б. Харбом.

Рассказывают, стало быть, что, придя в Марр аз-Захран, Магомет велел разбить шатры, так что с заходом солнца 10 000 костров осветили тьму в мусульманском лагере, покрывая всю равнину на огромном пространстве. Утверждают, что аль-Аббас внезапно решил отправиться в Мекку, чтобы предупредить курайшитов о походе Магомета и, напугав их известием о громадных силах Пророка, побудить их сложить оружие и стать мусульманами, без того чтобы напрасно проливалась человеческая кровь. Поэтому он взял серого мула Магомета (аль-Байда, или аш-Шахба, или Дульдуль) и направился к дому. Пока аль-Аббас был в пути, в Мекке курайшиты, встревоженные ходившими слухами и узнав наконец, что многочисленное войско, неизвестно чьё, стоит лагерем в Марр аз-Захране, решили послать Абу Суфьяна навстречу ему, чтобы, если это войско Магомета, получить у Пророка личное покровительство (*дживар*). С Абу Суфьяном отправился и Хаким б. Хизам, а по просьбе обоих к ним присоединился и Будайль б. Варка, на которого оба курайшита очень рассчитывали, ибо знали, что он пользуется симпатией Пророка как покровитель хуза‘а в недавнем столкновении. Трое мужей направились, стало быть, ночью в сторону Медины, и, когда они увидели 10 000 костров мусульманского лагеря, сверкавших на равнине у Марр аз-Захрана, Абу Суфьян, говорят, был глубоко смущён, не будучи в силах объяснить себе, кто мог собрать столь великое войско. Когда он выражал такое удивление, представители курайшитов наткнулись, говорит предание, по чистой случайности на аль-Аббаса, искавшего какого-нибудь мекканца, чтобы предупредить курайшитов о близкой опасности. По Ибн Исхаку, аль-Аббас убедил Абу Суфьяна сесть на его мула и последовать за ним одному в мусульманский лагерь. У аль-Вакиди же мы имеем, что аль-Аббас убедил всех трёх мекканских послов прийти с ним к Магомету. Неважно, какая из двух версий верна, ибо факт в том, что Абу Суфьян, глава самой влиятельной семьи Мекки, явился в мусульманский лагерь под покровительством аль-Аббаса и был представлен им Пророку. При свидании Абу Суфьян, говорят, выставлял много затруднений против предложений Пророка: после долгих увёрток он согласился признать единство Бога, но колебался принять, что Магомет — Посланник того же Бога; рассказывают, однако, что Абу Суфьян уступил наконец увещаниям аль-Аббаса, когда тот дал ему понять, что, продолжая противиться, он рискует жизнью. Абу Суфьян попросил, однако, вознаграждения, и Пророк, радуясь его уступчивости, даровал его,

объявив, что всякий, кто в Мекке укроется в домах Абу Суфьяна, сохранит жизнь и имущество, и кто запрёт дом и сложит оружие, также будет в безопасности. С этим известием Абу Суфьян на рассвете собрался вернуться в Мекку, всё время сопровождаемый аль-Аббасом, который должен был охранять его, пока он не выйдет из мусульманских рядов[107] (Хишам, с. 812–814; Вакиди — Велльхаузен, с. 330–332; Табари, I, с. 1628, 1630–1633; ср. Балазури, с. 37, из которого следовало бы, что Абу Суфьян был схвачен мусульманами, когда шпионил, и спасён от смерти заступничеством Аббаса: предание, обнаруживающее иные аббасидские переделки).

§ 58. — Обращение Абу Суфьяна и предстоящая сдача Мекки составляют величайший триумф Магомета; понятно поэтому, что передатчики любили распространяться об этом предмете, стараясь украсить его описательными подробностями, которые мы, однако, можем принимать за истинные лишь в весьма

[107] Предыдущее предание имеет большое историческое значение, ибо, хотя оно и переделано и искажено позднейшими влияниями, стремившимися затушевать истину, оно содержит ещё столько подлинных зёрен, что нетрудно проследить, какова должна была быть истинная природа рассказанных событий. Прежде всего мы должны предпослать, что, так как в этом историческом эпизоде главным образом замешано лицо аль-Аббаса, предка той династии халифов, которые господствовали над мусульманским миром, когда собирались настоящие предания, могущественнейшие влияния трудились над тем, чтобы представить фигуру аль-Аббаса так, как более всего соответствовало чувствам халифов, царствовавших во II веке хиджры. Отсюда обязанность в поисках истины пренебречь всеми мелкими подробностями предания и держать в уме лишь общие линии рассказа. Для начала отметим тот факт, что аль-Аббас всего через один день после того, как явился к Магомету и официально принял ислам, был волен делать что ему угодно: он выходил из лагеря и входил в него без всякой помехи или стеснения. Следовательно, он действовал в полном согласии со своим прославленным племянником и Пророком. Во-вторых, мы имеем факт, неоднократно утверждаемый всеми преданиями, что Магомет держал в глубочайшей тайне свой замысел напасть на Мекку, и тем не менее аль-Аббас ночью покидает мусульманский лагерь верхом на муле, принадлежащем Пророку, в поисках какого-нибудь мекканца (так буквально говорит Ибн Исхак: ср. Хишам, с. 812, стр. 12), чтобы возвестить своим землякам о предстоящем нападении: иными словами, если бы аль-Аббас не действовал в согласии с Магометом, он замышлял бы настоящую измену. Наконец, следует самое нелепое и невероятное из всех утверждений, что встреча аль-Аббаса и Абу Суфьяна во мраке ночи была совершенно случайной. На основании этих соображений и других, которые легко можно было бы прибавить при более подробном разборе текста предания, полного мелких противоречий и ошибок, следует заключить, что истина была весьма отлична от той, которую желали представить передатчики, слишком почтительные к своим грозным багдадским государям. Весьма вероятно, что уже более года аль-Аббас был тайным агентом Магомета в Мекке, где деятельно трудился над подрывом основ курайшитского сопротивления, то подкупая обещаниями, то устрашая угрозами наиболее упорных. Встреча аль-Аббаса с Пророком в ас-Сукье, официальное его обращение, так сказать, случайная встреча с Абу Суфьяном, свидание Абу Суфьяна с Пророком и всё прочее были искусной комедией, подготовленной вместе этими тремя людьми, все трое — на редкость приспособленцы и необыкновенной ловкости и ума. Аль-Аббас, прежде чем прийти в мусульманский лагерь, уже обо всём договорился с Абу Суфьяном и с курайшитскими вождями и принёс Пророку их тайные условия бескровной сдачи. Затем аль-Аббас вернулся к курайшитам с окончательным ответом Пророка, а на заключительном свидании между Пророком и Абу Суфьяном были улажены последние разногласия. Обсуждались не религиозные вопросы, а лишь мирские, политического или экономического интереса (ср. 10 г. х., §§ 107 и сл.), и, когда Магомет дал формальное заверение, что курайшиты не понесут никакого урона, если присоединятся к политическим требованиям Пророка, соглашение было окончательно заключено. Среди мелких замечаний к тексту преданий есть одно, заслуживающее особого внимания, ибо оно немаловажно для нашего предмета. У аль-Вакиди мы имеем известие, что Абу Суфьян, отправляясь в мусульманский лагерь, пожелал, чтобы его сопровождал Будайль б. Варка. А этот последний не только был одним из гонцов, ходивших в Медину доложить о событиях у аль-Ватира, но затем был особым послом Пророка к хуза‘а, чтобы пригласить их собрать свои силы и стать под его начальство в Медине. Этот посол, стало быть, по тексту аль-Вакиди, исполнил своё поручение и вместо того, чтобы прийти и ему в Медину, как было бы логично и естественно, отправился в Мекку, присоединился к вождю курайшитов и сопровождал его до лагеря в Марр аз-Захране. Какое доказательство может быть убедительнее того, что обе стороны ловко играли, чтобы пустить пыль в глаза остальным мусульманам? Предоставляю биографу Магомета задачу проследить другие нити обмана, сплетённого сначала Пророком в согласии с дядей и с Абу Суфьяном, и другого, устроенного позднее аббасидскими передатчиками, чтобы стереть следы комедии в Марр аз-Захране из предания.

неопределённом и общем смысле. По приказу Магомета, так рассказывает предание, аль-Аббас, выводя Абу Суфьяна за мусульманские линии, остановился с ним на отроге горы и на рассвете заставил его присутствовать при торжественном прохождении многочисленных отрядов, собранных в Марр аз-Захране под начальством того самого человека, который всего восемь лет назад покинул родной город беглецом и изгнанником. Предание с особым удовольствием задерживается на рассказе о том, как Абу Суфьян остолбенел, видя столь многочисленные отряды людей под начальством Магомета, и был охвачен особым удивлением, когда аль-Аббас перечислил ему имена разных племён, сбежавшихся под мусульманское знамя[108]. В этом искусственном рассказе (который напоминает почти воинский смотр, или «тейхоскопию», обычную в индоевропейской эпической традиции) истинны, быть может, лишь слова, приписываемые Абу Суфьяну, когда, поражённый числом вооружённых людей, он воскликнул, обращаясь к Магомету: «Как можешь ты собирать столько людей против своей родины? Не лучше ли было бы обратить их против её врагов?» (Вакиди — Велльхаузен, с. 331, 332–333; Хишам, с. 814–815; Табари, I, с. 1633).

§ 59. — Магомет, успокоенный отныне относительно намерений курайшитов, уже не делал тайны из своих целей и приказал двигаться на Мекку в полном боевом снаряжении, с развёрнутыми знамёнами и в боевом порядке. Личное знамя Пророка было вверено, по одним, Али, по другим, мединцу Са‘ду б. Убаде. Чтобы, однако, дать курайшитам время смириться со своей участью, Магомет не торопил похода, а удовольствовался тем, что продвинулся до Зу Тува, где приказал разбить лагерь на ночь (Хишам, с. 816; Вакиди — Велльхаузен, с. 333).

Храм в Мекке (иллюстрация оригинала, с. 120–121)

§ 60. — Между тем Абу Суфьян спешил к Мекке и нёс встревоженным курайшитам последние условия Магомета, которые, хотя и не встретили полного одобрения самых непримиримых, были столь великодушны, что успокоили все опасения. Подавляющее число мусульман отняло всякую мысль о сопротивлении, и бо́льшая часть курайшитов и жителей Мекки поспешила выполнить условия,

[108] Из перечисления отрядов, прошедших перед глазами Абу Суфьяна, мы узнаём в тексте аль-Вакиди, что в походе на Мекку участвовали следующие племена: сулайм, гифар, аслам, Ка‘б б. Амр, музайна, джухайна, кинанские роды лайс, дамра и Са‘д б. Бакр и, наконец, ашджа‘ (Вакиди — Велльхаузен, с. 332).

поставленные Пророком: одни заперлись в своих домах, другие — в домах Абу Суфьяна, третьи, наконец, собрались вокруг храма. Самые непримиримые, как Сафван б. Умайя, Икрима б. Абу Джахль и Сухайль б. Амр, не пожелали, однако, так малодушно уступить Пророку, призвали друзей к оружию и попытались подготовить сопротивление. На призыв откликнулись некоторые курайшиты, бакр и хузайль, но они составляли меньшинство, которое не могло изменить участи города, уже отданного на милость Пророка (Хишам, с. 815; Вакиди — Велльхаузен, с. 333).

§ 61. — На следующее утро Магомет вновь двинулся вперёд со всеми своими отрядами, дав те распоряжения, которые считал необходимыми для достижения желаемого им бескровного триумфа. Он разделил отряды на четыре колонны, которые должны были одновременно направиться на город с четырёх разных сторон и тем успешнее убедить курайшитов в неодолимом превосходстве, которое давали Пророку число и дисциплина мусульман. Одна колонна была поставлена под начальство аз-Зубайра и получила указание спуститься на Мекку со стороны Куда; вторая, под начальством Са‘да б. Убады, сын которого Кайс нёс знамя, должна была войти через Када[109] (ср. также Якут, IV, с. 241); третья колонна, под начальством Халида б. аль-Валида, должна была войти со стороны аль-Лита; и, наконец, сам Пророк во главе четвёртой и последней колонны собрался вступить в Мекку со стороны Азахира. Вместе с тем он приказал щадить жизнь и имущество всех мекканцев, за исключением нескольких человек, которых он объявил вне закона и которых дозволено убить как изгнанных[110]. Пророк не встретил на своём пути никакого сопротивления, ибо совет, данный Абу Суфьяном вследствие условий, дарованных Магометом, был принят почти всеми мекканцами, которые заперлись в домах, сложив оружие и оставив улицы пустынными. Лишь в одном месте, в аль-Лите, где самые возбуждённые под начальством Сафвана, Икримы и Сухайля собрались с намерением оказать сопротивление, произошёл краткий бой, в котором Халид б. аль-Валид с отрядами из аслам, сулайм, музайна, джухайна и других племён легко обратил противников в бегство, убив, по Ибн Исхаку, 12 или 13 человек, а по аль-Вакиди, 24 курайшита и 4 хузайлита[111]. Беглецы бросились бегом до аль-Хазвары, а некоторые вскарабкались на

[109] Када было местом в верхней части Мекки в направлении Зу Тува, тогда как Куда находилось в нижней части, также в направлении Зу Тува, но близ дороги, называвшейся впоследствии Ши‘б аш-Шафи‘ийин (Якут, IV, с. 241). Неизвестно, следует ли писать Куда или Куда (ср. Табари, I, с. 1636, прим. f). Вступление в Мекку произошло, говорят, в пятницу 20 рамадана (Азраки, с. 80, стр. 17).

[110] Ср. ниже § 73 и сл. Есть также предание, из которого, если оно верно, можно было бы заключить, что отряды мусульман были одушевлены дикими вожделениями насилия и грабежа, которые Пророк должен был энергично обуздать, чтобы не поставить под угрозу желаемый исход похода: Са‘д б. Убада, продвигаясь на Мекку утром взятия города, принялся декламировать две строфы рифмованной прозы: «Сегодня день кровавой сечи; день, в который дозволено запретное!» Один Переселенец, услышав эти многозначительные слова и встревожившись намерениями вождя аль-хазрадж, побежал доложить Пророку, который обратился тогда к Али б. Абу Талибу и сказал: «Ступай скорее догони его, возьми знамя из его рук и будь ты тем, кто войдёт с ним в Мекку» (Хишам, с. 816; Табари, I, с. 1636).

[111] В стычке у Хандамы погибли лишь два или три мусульманина, а именно: (1) Курз б. Джабир б. Хисль б. Лахиб б. Хабиб б. Амр б. Суфьян б. Мухариб аль-Кураши аль-Фихри, бывший прежде одним из языческих вождей, воевавших против Магомета: его набег на территорию Медины стал причиной похода, называемого «первым Бадром» (ср. 2 г. х., § 19). Затем он обратился в ислам и не раз доблестно сражался (Хаджар, III, с. 582–584, № 1507; Асир, *Усд*, IV, с. 236–237); (2) Халид аль-Ашкар (или Аш‘ар) аль-Хуза‘и, дед Хизама б. Халида, убитый Ибн Абу-ль-Джиз‘ аль-Джумахи, оба из рода бану ка‘б (Хаджар, I, с. 855, № 2196; Асир, *Усд*, II, с. 84). Ибн Исхак называет № 2 Хунайс б. Халид аль-Аш‘ар б. Раби‘а и прибавляет, что из всадников Халида б. аль-Валида был убит также (3) Салама б. аль-Майля аль-Джухани. В стычке у аль-Хандамы

самые вершины гор. Многие же бросили оружие наземь и в последний момент, приняв совет Абу Суфьяна, заперлись в домах, где по условиям Пророка все были в безопасности. Среди них предание особо вспоминает Химаса б. Кайса б. Халида ад-Ди’ли, который утром хвастался перед женой, что приведёт ей в рабы мусульманина, а вместо того вернулся бегом, забился в дом и на насмешки супруги, называвшей его трусом, сумел ответить лишь двумя стихами в своё оправдание. Магомет весьма разгневался, услышав, что у Хандамы, со стороны аль-Лита, курайшиты пустили в ход оружие; но, узнав, как всё было, успокоился. Остальные колонны не встретили никакого противодействия и мирно дошли до аль-Хаджуна, где были водружены знамёна, а поблизости был разбит шатёр Пророка (Хишам, с. 816–818; Вакиди — Велльхаузен, с. 334–335; Табари, I, с. 1636–1637).

§ 62. — Не все мекканцы, впрочем, сидели запершись в домах из страха перед мусульманами; несколько курайшитов, полагаясь на близкое родство, связывавшее их с некоторыми сподвижниками Пророка, осмелились выйти навстречу войску Магомета. Как Ибн Исхак, так и аль-Вакиди приводят предание о старом и слепом Абу Кухафе, отце Абу Бакра, который приказал своей ещё совсем юной дочери Курайбе отвести его на вершину холма Абу Кубайс и описывать ему всё, что происходит. Когда девушка увидела, как долины почернели от множества мусульманских воинов, она испугалась и, дрожа, отвела старого отца обратно в город и не дала успокоить себя словам отца, напоминавшего ей, что её брат Абу Бакр находится в мусульманских отрядах. Но страхи девушки оправдались, ибо, прежде чем они вошли в дом, несколько мусульманских всадников настигли её и сорвали у неё с шеи серебряное ожерелье; впоследствии, несмотря на все старания и розыски Абу Бакра, так и не удалось обнаружить, кто совершил насилие, и ожерелье так и не нашлось (Хишам, с. 815–816; Вакиди — Велльхаузен, с. 334).

§ 63. — Никакой другой случай не омрачил вступления Пророка в его древнюю родину в качестве её неограниченного властителя[112]. Он велел поставить свой кожаный шатёр у аль-Хаджуна, в аль-Абтахе, ибо во все три посещения Мекки после Бегства он ни разу не пожелал спать под кровлей, довольствуясь всякий раз шатром, разбитым на одном и том же месте. Его дом, который он уступил двоюродному брату Акилю б. Абу Талибу, был тем даже продан, так что у Пророка не было больше в Мекке даже собственного дома. В этом походе Магомет вёз с собой двух жён — Умм Саламу и Маймуну (Вакиди — Велльхаузен, с. 335).

§ 64. — Мусульманские хронисты и законоведы оживлённо спорили между собой о том, к какому роду отнести взятие Мекки, то есть был ли священный город взят

погибли 24 курайшита (Хишам, с. 817–818; Вакиди — Велльхаузен, с. 335, 351; Табари, I, с. 1637–1638). Эти известия не согласуются с данными в письме Урвы (ср. § 39), из которого следовало бы, что оба мусульманина погибли в засаде с противоположной стороны Мекки, а не в рядах всадников Халида. Имя второго к тому же иное, а именно Ибн аль-Аш‘ар вместо аль-Ашкар. Если держаться более древней версии, вариант имени, данный аль-Вакиди, можно объяснить простой ошибкой переписчика.

[112] Среди второстепенных эпизодов вступления Магомета в Мекку рассказывается, как Умм Хани Хинд бинт Абу Талиб, сестра Али и жена Хубайры б. Абу Вахба аль-Махзуми, укрыла в своём доме Абдуллаха б. Абу Раби‘у и аль-Хариса б. Хишама, двух родственников своего мужа, как ходатайствовала за них перед Пророком и добилась наконец помилования для обоих, хотя её собственный брат Али пытался их убить. Вместо Абдуллаха Ибн Исхак даёт имя Зухайр б. Абу Умайя б. аль-Мугира (Хишам, с. 820; Вакиди — Велльхаузен, с. 335–336; о муже ср. следующий § 74).

Магометом силой оружия, приступом, или же по договору о капитуляции. Великий законовед аш-Шафи‘и [† 204 г. х.] высказался за взятие приступом, тогда как Абу Ханифа [† 150 г. х.], авторитет более древний, утверждал, что Мекка попала в руки Пророка по договору о капитуляции (Абульфеда, I, с. 150). Этот вопрос обсуждается также аль-Мас‘уди (ср. *Tanbīh*, с. 266).

Обряды в Мекке и проповедь Магомета

§ 65. — Едва закончив своё вступление в город до аль-Хаджуна, Пророк немного отдохнул, стёр с себя дорожную пыль, снова сел на верблюдицу аль-Касва и, вооружённый с головы до ног, направился к Каабе в сопровождении Абу Бакра, ехавшего рядом с ним. Ликующие отряды его выстроились по обеим сторонам пути, а всё пространство между аль-Хаджуном и Хандамой было морем людей, верблюдов и коней. Подойдя к Каабе, он, не сходя с верблюдицы, коснулся Камня посохом и выкрикнул *такбир*, который был повторён оглушительным голосом тысячами мусульман, теснившихся вокруг святилища, так что Пророк должен был приказать прекратить крики. Затем он совершил семь обходов вокруг храмика, всё так же сидя на верблюдице, которую вёл под уздцы Мухаммад б. Маслама, тогда как мекканцы толпами с вершин холмов вокруг Мекки внимательно наблюдали за Пророком и его сподвижниками. Вокруг Каабы, говорят, стояло триста шестьдесят каменных идолов, скреплённых свинцовыми швами, связывавшими камни вместе. Идол Хубаль, самый большой из всех, стоял против двери Каабы, а Исаф и На’ила возвышались там, где во времена аль-Вакиди закалывали жертвы. По мере того как Пророк обходил святилище, мановением своего длинного посоха он велел низвергать идолов одного за другим: предание утверждает даже, что по мановению посоха идолы сами падали наземь, но это позднейшая преувеличенная версия. Окончив семь обходов, Магомет сошёл с верблюдицы и пешком направился к *Макаму*, который тогда примыкал к Каабе, говорит аль-Вакиди; совершил там безмолвную молитву с двумя земными поклонами, а затем пошёл к колодцу Замзам, где — одни говорят, руками аль-Аббаса, другие — руками Абу Суфьяна б. аль-Хариса — ему подали немного воды в ведре. Возвращаясь затем к Каабе, он приказал низвергнуть идола Хубаля, лично наблюдая за работой разрушения. Остановившись посреди густой толпы приверженцев, любопытствовавших посмотреть, что он делает, он послал теперь Билала за Усманом б. Тальхой, у которого был ключ от Каабы, с приказом немедленно его выдать. Поначалу Усман, подстрекаемый женой, хотел было не отдавать его, но после минутного размышления, смущённый угрожающим видом мусульман, поспешил повиноваться и сам пожелал вручить его в руки Пророку. Рассказывают, что хитрый аль-Аббас жадно протянул руку, чтобы самому взять ключ и приобрести таким образом новую привилегию, а именно хранение святилища; но Магомет благоразумно воспротивился ненасытной жадности дяди и никогда не пожелал вверить ему ключ, даже впоследствии. Версии расходятся в том, что Магомет нашёл внутри святилища; по некоторым даже, не он, а Умар и Усман вошли внутрь и разбили находившихся там идолов. Голубь, сделанный из дерева алоэ, был, говорят, разбит в куски самим Пророком. На стенах внутри были изображены различные картины ангелов, и был даже мнимый портрет Авраама с

пучком стрел в руке. Магомет велел принести себе ведро воды и, окунув в него край своей одежды, стёр им все рисунки и изображения на стене. По некоторым, однако, утверждают, что он сделал исключение для портрета Авраама. Быть может, это известие неверно, но во всяком случае хорошо его отметить, чтобы показать, как глубоко язычество укоренилось в душах арабов. Закончив внутреннюю очистку величайшего святилища Аравии, Пророк заперся в нём с Усамой, с Билалом и с Усманом б. Тальхой, совершил там молитву с двумя земными поклонами, затем, вновь открыв дверь, коснулся руками обоих косяков, вложил на глазах у всех ключ от святилища в рукав и затем сделал знак, что желает говорить (Хишам, с. 820–822, 824–825; Вакиди — Велльхаузен, с. 336–338; ср. Балазури, с. 40, где казалось бы, что полное уничтожение идолов произошло не в день взятия, а заняло гораздо более долгое время и что это было поручено Аттабу б. Асиду, пока Магомет сражался при Хунайне и под Таифом; у Азраки, с. 111, стр. 3 и сл., у нас больше подробностей о живописи, найденной внутри Каабы, среди которой, говорят, были и изображения Иисуса Христа и Мадонны, которые Магомет будто бы не позволил стереть; ср. также там же, с. 112, стр. 15. В другом месте (Азраки, с. 112) у нас есть и нечто вроде плана Каабы, крыша которой, говорят, опиралась на шесть колонн, расположенных попарно; Бухари, I, с. 137, стр. 1 и сл.)[113].

[113] Балазури (с. 43, стр. 2) приводит предание, заслуживающее внимания, ибо, если оно верно, как кажется, оно имело бы значительный исторический интерес. От Шайбана, от Абу Хиляля ар-Раписи, от аль-Хасана: «Халиф Умар хотел конфисковать сокровище Каабы, чтобы истратить его на дело Божие, но Убайй б. Ка‘б аль-Ансари сказал ему: „О Повелитель верующих! До тебя были два твоих товарища (Пророк и Абу Бакр); если бы это показалось им справедливым, они сделали бы это прежде тебя”». Итак, Магомет нашёл в Каабе собрание ценных предметов и пощадил их, хотя это были обетные приношения язычников, не желая, быть может, слишком оскорблять чувства своих единокровных курайшитов. Абу Бакр, занятый совсем иными важными делами и во всём сообразуясь с тем, что сделал Пророк, сокровища не тронул, и лишь Умару пришла мысль упразднить этот последний остаток древнего язычества. Было ли возражение Убаййа убедительным для халифа? Казалось бы, что да, судя по молчанию предания, и сокровище, вероятно, продолжало существовать ещё некоторое время как доказательство смешения мусульманских и языческих понятий, сплетённых культом Каабы, который Магомет должен был признать основной частью новой религии, чтобы она восторжествовала в Аравии (ср. 10 г. х., § 110, прим.).

План Мекки (по Буркхардту; иллюстрация оригинала). 1 — аль-Марва; 2 — аль-Мас‘а; 3 — ас-Сафа; 4 — Макам Абу Талиба; 5 — гробница Хадиджи, жены Пророка; 6 — Великая мечеть, аль-Харам; 7 — гора Джабаль Хинд; 8 — гора Ку‘айки‘ан; 9 — гора Абу Кубайс; 10 — высочайшая вершина Мекки, аль-Хандама; 11 — гора Джабаль Умар. Надписи на карте: Monte ‘Arafah e Ṭā’if — гора Арафат и Таиф; Pianura sabbiosa — песчаная равнина; Giddah, Madinah, Yaman — дороги на Джидду, Медину и в Йемен.

§ 66. — Как Ибн Исхак, так и аль-Вакиди приводят текст речи, которую Пророк произнёс перед толпами, собравшимися вокруг Каабы; дословная подлинность обеих версий отнюдь не надёжна, но так как они составлены из исторических элементов и из более или менее точных воспоминаний о речах Пророка, мы приводим обе полностью, как они находятся в источниках. Версия Ибн Исхака: «Нет божества, кроме Бога: Он

единый, нет у Него сотоварищей, Его обещание исполнилось, и Его раб победил! Он один рассеял полчища (*аль-ахзаб*). Всякая наследственная привилегия, всякое право крови, всякое притязание на награбленное имущество теперь попрано под этими моими двумя ногами. Делаю исключение лишь для охраны Святилища (*сидана аль-бейт*) и права поить паломников (*сикая*). Как за всякое непреднамеренное убийство, хотя бы и похожее на умышленное, так и за убийство плетью или палкой должно платить высший сбор в сто верблюдиц, из которых сорок стельных. О народ курайшитов! Бог отнял ныне у вас гордыню язычества и спесь знатностью предков. Все люди происходят от Адама, а Адам произошёл из праха!» Затем Магомет прочёл стихи Корана XLIX, 13 и сл.: «О люди! Мы сотворили вас мужчинами и женщинами, расположили вас народами и племенами, чтобы вы признали, что вы наиболее облагодетельствованы у Бога лишь тогда, когда больше всех Его боитесь и т. д.». Он продолжал: «О люди курайшитов! Чего вы ждёте, что я с вами сделаю?» И присутствующие ответили хором: «Добра! Будь великодушным братом и великодушным двоюродным братом!» И Магомет заключил тогда: «Идите! Вы свободны!»[114] (Хишам, с. 821; Табари, I, с. 1642).

§ 67. — Версия аль-Вакиди, по краткому переводу Велльхаузена: опершись руками о косяки двери Каабы, Магомет произнёс следующую речь к народу, теснившемуся вокруг него[115]. Исходя из стиха Корана XII, 92: «Нет вам упрёка в этот день! Бог прощает вас, ибо Он милосерднейший из милосердных и т. д.», Пророк увещевал присутствующих простить и забыть претерпенные обиды. Все права, проистекающие из языческих времён, на уплату процентов или выкупа за кровь погашены; равным образом он объявил упразднёнными все привилегии язычества, за исключением охраны храма (*сидана*) и права поить паломников (*сикая*). За убийство (раба) палкой или плетью, преднамеренное или нет, следовало платить выкуп за кровь в сто верблюдиц, из которых сорок стельных. «Гордости предками Бог положил конец; все вы происходите от Адама, а Адам — из праха, и первый среди вас тот, кто больше всех боится Бога. Бог же сделал территорию Мекки священной для всех; никто до меня не мог нарушить священной территории, и никому не будет позволено после меня; даже мне это было дозволено лишь на краткое время. На этой территории запрещено охотиться на животных, рубить деревья ‘*идах*, закалывать заблудившихся в ней

[114] В тексте Ибн Исхака, изданном Ибн Хишамом, слова этой мнимой проповеди Пророка даны так, как их слышал Ибн Исхак «от одного учёного», без иного указания *иснада*: Табари тщательнее даёт нам *иснад*, из которого можно сделать некоторое заключение о достоверности проповеди. Ибн Исхак [† 151 г. х.] слышал её от Умара (или Амра) б. Мусы б. аль-Ваджиха, а тот — от Катады б. Ди‘амы ас-Садуси [† 117 г. х.]. Здесь *иснад* кончается, и из этого мы видим, что проповедь — литературное сочинение II века хиджры (ср. Goldziher, *Muh. Stud.*, I, с. 70 и сл.). Из каких элементов она была тогда составлена, сказать почти невозможно, но можно заключить, что источник был не из самых надёжных. Известно ведь, что Катада был учеником Анаса б. Малика [† 93 г. х.], то есть одного из тех, кто более всего способствовал обогащению преданий о времени Магомета известиями, в большой части апокрифическими (ср. Введение, § 26, прим. 1). Тем не менее не исключено, что текст речи был составлен по образцу тех, которые Магомет постоянно произносил перед сподвижниками и стиль которых должен был быть хорошо знаком самим сподвижникам, быть может, и Анасу б. Малику, хотя тот был ещё совсем юн, когда Пророк скончался.

[115] Хорошо напомнить в этом месте, что до времён халифа Умара храмик Каабы находился почти погребённым среди домов Мекки на весьма тесном пространстве и что площадь и ограда были сооружениями, позднейшими смерти Магомета (ср. Балазури, с. 46, стр. 3, и Азраки, с. 306 и сл.). Поэтому предания о жизни Пророка, в которых упоминается открытая площадь вокруг Каабы, ворота, ведущие на площадь, ограда и так далее, все интерполированы и подделаны передатчиками, полагавшими, что святилище во времена Пророка имело ту же форму, что и в позднейшую эпоху.

верблюдов и срезать зелень». — «Кроме *изхира*» (*Schoenanthum*, душистое растение), — перебил аль-Аббас, — «ибо он совершенно необходим, чтобы хоронить мёртвых и крыть кровли». — «Кроме *изхира*», — подтвердил Пророк, помолчав мгновение. Затем продолжал: «Право наследника независимо от завещания: ребёнок принадлежит брачному ложу, а прелюбодею — камень[116]. Жена может дарить своё имущество лишь с согласия мужа. Мусульманин — брат мусульманину; мусульмане — братья, они одна рука против всех прочих: они действуют сообща в деле пролитой крови: они связаны обязательством даже ради последнего из них, и ничтожнейший связывает их нерушимым обязательством. Неверному не дозволено предавать смерти мусульманина; то же относится и к иудеям и христианам, связанным с мусульманами особыми договорами. Последователи разных религий не могут наследовать друг другу. Налог десятины должен взиматься с мусульман в их домах и жилищах, и нет обязанности пригонять стада в место, удобное для сборщика налога. Не дозволено заключать браки между дядьями и племянницами. Доказательство лежит на обвинителе, а клятва — на обвиняемом, когда он отрицает обвинение. Путешествие в три дня дозволено женщине лишь в том случае, если её сопровождает родственник, с которым закон запрещает ей брак. Утреннюю и послеполуденную молитвы нельзя откладывать. В два дня запрещено поститься: в день жертвоприношения (10 зу-ль-хиджжа) и в конце рамадана. Два способа одеваться запрещены: завёртываться в один плащ, выставляющий срамные части на всеобщее обозрение, и завёртываться в *самма*. Думаю, вы меня поняли» (Вакиди — Велльхаузен, с. 338–339; Балазури, с. 42, стр. 3 и сл.)[117].

§ 68. — Окончив проповедь, Пророк сел, держа в руке ключ от Каабы; затем в торжественной форме вручил его Усману б. Тальхе в знак того, что дарует ему и его семье наследственное право охраны святилища. Вместе с тем он пожаловал своему дяде аль-Аббасу, также в торжественной форме, должность поить паломников (Хишам, с. 821; Вакиди — Велльхаузен, с. 339).

§ 69. — Окончив эти обряды, Пророк, сев на скалу ас-Сафа, пригласил людей принести ему признание и присягу и провозгласить его Посланником Божиим. Рядом с ним, ниже его сиденья, расположился Умар б. аль-Хаттаб, который от имени Магомета фактически принимал голоса населения Мекки. Люди клялись в безусловном послушании Богу и Его Пророку во всём, что они в состоянии сделать. Сначала прошли мужчины, а затем женщины, среди которых и знаменитая противница Пророка Хинд бинт Утба, жена Абу Суфьяна (ср. § 76). Хинд была в числе объявленных вне закона, но из уважения к мужу, могущественному Абу Суфьяну, Магомет дал себя уговорить помиловать её (Табари, I, с. 1643–1644).

---

[116] Иными словами, запрещено разыскание отцовства; рождённый ребёнок принадлежит тому, на чьём ложе он увидел свет; то есть мужчина не может отвергнуть сына, даже если подозревает, что он может быть плодом прелюбодейной любви. Прелюбодей же осуждается на побиение камнями (Вакиди — Велльхаузен, с. 338, прим. 5).

[117] Эта проповедь во многих пунктах похожа на знаменитую проповедь, произнесённую Пророком во время Прощального паломничества (ср. 10 г. х., § 77), и, вероятно, является её переделкой в предании. Так как документ отражает чувства, господствовавшие в мусульманском мире во II веке хиджры, особенно в том, что касается конфликта между арабами и неарабами, нам придётся вернуться к этому предмету со значительной обстоятельностью; поэтому не стоит излагать здесь то, что нам придётся повторить в будущем с большим удобством и ясностью.

§ 70. — Величие события побудило передатчиков сохранить некоторые легенды о чудесных происшествиях, отметивших конец язычества в Мекке. Как известно, древнее языческое предание утверждало, а ислам принял за истину, что в древние времена Исаф и На’ила, мужчина и женщина из рода джурхум, были превращены Богом в два камня за то, что назначили свидание внутри Каабы, чтобы удовлетворить там свою любовную страсть (ср. Введение, § 69). У этих двух камней курайшиты имели обыкновение молиться, брить волосы, приносить жертвы и совершать и другие религиозные обряды. Когда языческий культ в Мекке прекратился, из одного из камней внезапно вышла совершенно нагая женщина с седыми волосами, царапавшая себе лицо и горько плакавшая. Магомет увидел её и сказал: «Это На’ила, которая в отчаянии, что вы ей больше не поклоняетесь».

Утверждают равным образом, что Дьявол трижды за своё существование издал крик скорби: первый раз, когда был проклят Богом, второй — когда увидел, как Магомет молится в Мекке, и третий, последний раз — когда Мекка была взята Пророком и очищена от идолопоклоннического культа. При этом, говорят, он обратился к своим демонам и дал совет распространять поэзию (ср. Введение, §§ 193 и сл.) среди мусульман, ибо отныне уже нельзя было надеяться на возвращение язычества (Вакиди — Велльхаузен, с. 340–341).

§ 71. — Другой заботой Пророка, после того как он объявил территорию Мекки священной, было установить её границы. Предание утверждает, что первые межевые знаки были поставлены Авраамом по указаниям, полученным от ангела Гавриила, а затем обновлены Исмаилом и Кусайем. Магомет приказал теперь хуза‘иту Тамиму б. Асаду аль-Хуза‘и заново привести в порядок межевые знаки (Вакиди — Велльхаузен, с. 341).

Халиф Умар велел снова восстановить их комиссии, назначенной им и состоявшей из четырёх членов, а именно: Махрамы б. Науфаля, Азхара б. Абд Ауфа, Хувайтиба б. Абд аль-Узза (ср. § 75) и Са‘ида б. Ярбу‘а. Затем халиф Усман и халиф Муавия оба обновляли знаки, поручая это тем же четырём членам (Вакиди — Велльхаузен, с. 341)[118].

§ 72. — Когда настал час молитвы, Магомет приказал Билалу подняться на кровлю Каабы и призвать верующих к их обязанности. На этот раз, как и в прошлом году во время паломничества (ср. 7 г. х., § 72), поступок Магомета глубоко огорчил курайшитских вождей, и аль-Хакам б. Абу-ль-Ас, говорят, воскликнул: «Невыносимо слушать, как раб бану джумах (Билал) ревёт на строении Абу Тальхи!» — но другие, как Абу Суфьян, советовали наиболее непримиримым товарищам умерить язык (Хишам, с. 822; Вакиди — Велльхаузен, с. 343).

[118] Когда халиф Абд аль-Малик пришёл в паломничество в Мекку, он велел позвать старейшего из хуза‘а, из курайшитов и из бакр и приказал им обновить знаки священной территории. При расположении знаков соблюдалось следующее правило. Каждая долина священной территории имела сток своих вод в общую территорию, но ни одна долина (*вади*) общей территории не изливала своих вод в священную территорию, за исключением ат-Тан‘има (Вакиди — Велльхаузен, с. 341).

Наказания, наложенные на врагов ислама

§ 73. — Мы уже сказали в другом месте, что Магомет, прежде чем войти в Мекку, приказал своим не проливать курайшитской крови, за исключением объявленных вне закона, то есть десяти лиц, которых он объявил дозволенным убить[119]. Были, кроме того, и другие, принадлежавшие к партии непримиримых, которые, напуганные теперь лёгкой победой Магомета, искали спасения разными путями. Сухайль б. Амр после неудачной стычки у Хандамы бросился в свой дом и запер дверь, но с душой, удручённой страхами и угрызениями из-за своего злого поведения по отношению к Пророку. Тогда он послал своего сына Абдуллаха к Магомету просить покровительства и безопасности. Пророк весьма учтиво пригласил его явиться. Сподвижникам он сказал: «Никто не должен бросать упрекающего взгляда на Сухайля; такой человек, как он, умный и знатный, не останется чуждым исламу; он видит теперь, что все его прежние усилия ни к чему не послужили». Сухайль получил, таким образом, прощение и сопровождал Пророка к Хунайну, но обратился лишь позднее, в аль-Джи‘ране (Вакиди — Велльхаузен, с. 343).

§ 74. — Хубайра б. Абу Вахб аль-Махзуми и Ибн аз-Зиба‘ра вместе бежали в Наджран и не чувствовали себя в безопасности, пока не вошли в крепость. Рассказы двух беглецов так встревожили бану-ль-Харис б. Ка‘б, что те начали восстанавливать стены и собирать весь скот, готовясь к близкому нападению Пророка. Через некоторое время Ибн аз-Зиба‘ра, побуждённый несколькими стихами поэта Хассана б. Сабита довериться великодушию Пророка, вернулся домой и был принят Магометом с распростёртыми объятиями. Хубайра же, мучительно поражённый отступничеством друга и ещё более обращением собственной жены Умм Хани Хинд (ср. предыдущий § 63, прим. 1), выразил свою скорбь, сочинив стихотворение, и оставался в Наджране до смерти, всегда верный древнему языческому культу (Хишам, с. 826–828; Вакиди — Велльхаузен, с. 343).

§ 75. — Хувайтиб б. Абд аль-Узза (ср. § 71) бежал, чтобы укрыться, в сад Ауфа, где случайно нашёл его Абу Зарр, который, заверив его в добрых намерениях Пророка, по его просьбе проводил его до его дома. Пророк, узнав об этом, воскликнул: «Мы даровали полную безопасность всем, кроме изгнанных». Хувайтиб был помилован (Вакиди — Велльхаузен, с. 344).

§ 76. — Многие женщины, отличавшиеся в язычестве своей враждой к Магомету, приняли теперь ислам: среди них были Хинд бинт Утба, одна из объявленных вне закона, Умм Хаким, аль-Багум, Фатима, сестра Халида, и Хинд бинт Мунаббих; они вместе явились к Пророку в аль-Абтах, где стоял его шатёр, и объявили в присутствии его, его жены, его дочери и женщин рода Абд аль-Мутталиба, что переменили веру: Хинд говорила от имени всех товарок. Магомет прочёл им несколько отрывков Корана и взял их под своё покровительство, не подав, однако, как хотела Хинд, руки каждой.

[119] Лица, объявленные Магометом вне закона при вступлении в Мекку: (1) Икрима; (2) Хаббар; (3) Ибн Абу Сарх (Абдуллах б. Са‘д); (4) Микьяс б. Субаба аль-Лайси; (5) аль-Хувайрис б. Нукайз; (6) Абдуллах б. Хиляль б. Хаталь аль-Адрами; и четыре женщины: (7) Хинд бинт Утба; (8) Сара, клиентка Амра б. Хашима; (9) Курайна (Коринна?) и (10) Кариба, две певицы, принадлежавшие Ибн Хаталю, называемые некоторыми также Фартана и Арнаб (Вакиди — Велльхаузен, с. 334; Табари, I, с. 1639 и сл.; с. 1641–1642).

По одним, Пророк положил руку под край куска ткани, а женщины прошли, держась за другой конец той же ткани; по другим, он погрузил руку в сосуд с водой, и женщины одна за другой последовали его примеру (Вакиди — Велльхаузен, с. 344; Табари, I, с. 1642, 1643–1644; Хаджар, IV, с. 820–821, № 1095).

§ 77. — Среди объявленных Пророком вне закона был Икрима б. Абу Джахль, который после поражения у Хандамы бежал в Йемен, оставив в Мекке свою жену Умм Хаким бинт аль-Харис б. Хишам. Та, как мы рассказали в предыдущем параграфе, обратилась в ислам и благодаря этому обращению попросила и получила у Пророка прощение Икримы. Тогда она отправилась в сопровождении лишь одного слуги-грека на поиски мужа и в пути много натерпелась от злобы слуги, пытавшегося её изнасиловать. Сумев удержать его, пока не дошла до лагеря бану акк, она попросила арабов задержать его и держать под стражей до её возвращения. Продолжая путь, она наконец догнала мужа, севшего на корабль, и обещанием прощения от Пророка убедила его вернуться в Мекку. Магомет принял его с явными знаками радости и приказал сподвижникам не оскорблять памяти его отца Абу Джахля, «ибо оскорбления мёртвых вредят лишь живым!» (Хишам, с. 819, 826; Вакиди — Велльхаузен, с. 344; Табари, I, с. 1640–1641, 1645–1646).

§ 78. — Сафван б. Умайя, один из непримиримых вождей, тоже бежал после разгрома у Хандамы и в сопровождении слуги Ясара добежал до аш-Шу‘айбы (или до Джидды), на берегу Красного моря; когда его настиг там Умайр б. Вахб, он испугался, что тот пришёл с указаниями убить его; но он был приятно удивлён, когда Умайр сообщил ему о полном прощении, предлагаемом Магометом, если он вернётся в Мекку, и после некоторого колебания, ибо всё опасался обмана, дал себя убедить, когда Умайр показал ему тюрбан, который был на голове Пророка в день взятия Мекки и который Магомет вручил ему как доказательство своего поручения. Сафван вернулся, стало быть, в Мекку и имел с Пророком свидание у Каабы вскоре после послеполуденной молитвы. Сафван объявил Пророку, что ему нужно два месяца охранной грамоты, прежде чем решиться, хочет он или нет принять ислам, и Магомет ответил ему, что даёт ему даже четыре. Затем Сафван последовал за Пророком в походе против хавазин и сакиф и обратился лишь в аль-Джи‘ране, когда Магомет подарил ему столько верблюдов и столько овец, что он обратился, тронутый такой щедростью, из желания хоть как-то отплатить за обильный дар (и, следовательно, не по религиозному убеждению!) (Хишам, с. 825–826; Вакиди — Велльхаузен, с. 345; Табари, I, с. 1645; Хаджар, II, с. 497, где жена Сафвана ошибочно названа Наджия вместо Фахита бинт аль-Валид).

§ 79. — Одним из объявленных вне закона мекканцев, против которого Магомет питал особую злобу, был Абдуллах б. Са‘д б. Абу Сарх. Он принял ислам много лет назад и одно время был переселенцем в Медине вместе с Пророком, записывая кораничесие откровения; но, выполняя эту работу, позволял себе вносить в текст некоторые изменения. Например, когда Пророк диктовал ему слова *сами‘ун ‘алим* (эпитеты Аллаха: «всё слышащий и знающий»), он писал вместо того *‘алимун хаким*

(«всеведущий и мудрый»)[120]. Так как Магомет не замечал этих переделок и подделок, Ибн Абу Сарх начал сомневаться в различии между откровениями Пророка и собственными вставками. Поэтому он вновь стал неверным и вернулся в Мекку. При взятии этого города Магомет объявил его вне закона как отступника; и Ибн Абу Сарх в страхе укрылся у своего молочного брата Усмана б. Аффана, который как один из старейших сподвижников Пророка пользовался у него особым расположением. Поэтому он обратился к Усману, чтобы тот заступился за него перед Магометом. Усман стал настаивать на помиловании Ибн Абу Сарха и поначалу встретил большое сопротивление, ибо Магомет не хотел прощать; но Усман, многократно возвращаясь к этому предмету, напомнил о том, что изгнанник — его молочный брат, и повторил обет, данный некогда Пророком, никогда не свирепствовать против того, кто вскормлен молоком той же кормилицы. Магомет должен был наконец уступить назойливой настойчивости Усмана, но, когда тот предстал перед ним с Ибн Абу Сархом, раздосадованный Пророк обратился к окружавшим его сподвижникам и сказал: «Почему никто из вас не свалил этого пса?» Аббад б. Бишр, присутствовавший при сцене, ответил: «Я ждал твоего знака!» — а Магомет прибавил: «Я не убиваю знаками!» (Коран, XL, 20). Ибн Абу Сарх после этой сцены довольно долго избегал показываться, затем, вновь поручившись за него Усманом, получил наконец настоящее и полное прощение и пришёл приветствовать Пророка вместе со всеми прочими (Хишам, с. 818–819, где прибавлено, что Ибн Абу Сарх получил затем от халифа Умара, а впоследствии и от Усмана, важные должности в управлении империей; [ср. 27 г. х.]; Вакиди — Велльхаузен, с. 345–346; Табари, I, с. 1639–1640, у которого краткая версия Ибн Исхака; Хаджар, II, с. 772–773, № 9079; Балазури, с. 473).

§ 80. — Другим из объявленных вне закона был аль-Хувайрис б. Нукайз б. Вахб б. Абд б. Кусайй. По Ибн Хишаму, когда аль-Аббас увозил из Мекки Фатиму и Умм Кульсум, чтобы доставить их к Магомету в Медину, аль-Хувайрис учинил насилие над двумя женщинами и сбросил их на землю (Хишам, с. 819). Это известие не кажется заслуживающим доверия, ибо из всех прочих преданий (ср. 1 г. х., § 53) явствует, что женщин в Медину отвёз Зайд, а не аль-Аббас, который был тогда отнюдь не сторонником племянника-визионера. Мьюир (IV, с. 130, прим.) справедливо предполагает, что злоба Пророка на аль-Хувайриса могла происходить от его соучастия с Хаббаром в оскорблении Зайнаб (см. § 81). Аль-Хувайрис был убит по приказу Магомета Али, когда, убегая из собственного дома, искал убежища в другом (Вакиди — Велльхаузен, с. 346; Табари, I, с. 1640, упоминает об убиении, не входя в подробности; с. 1641).

§ 81. — Другим объявленным вне закона, предметом особой ненависти Пророка, был Хаббар б. аль-Асвад, который дурно обошёлся с Зайнаб, дочерью Пророка, когда она после битвы при Бадре переселялась из Мекки в Медину (ср. 2 г. х., § 82), и несчастная женщина вследствие претерпенных насилий выкинула. Магомет, сильно возмущённый этим подлым поступком, наказал всем, что если им удастся наложить

[120] Это известие, если оно верно, имело бы большое значение для истории Корана, ибо доказывало бы, что Пророк держал лиц, нарочно приставленных записывать откровения. Это один из тёмных пунктов изучения Корана (ср. 11 г. х., §§ 230 и сл.). Йа‘куби (II, с. 60, стр. 14 и сл.) прибавляет и другие подробности, но для этого периода он исторический источник сомнительной ценности.

руку на Хаббара, они должны бросить его живым в огонь или отрубить ему обе ноги и обе руки. При взятии Мекки Пророк объявил его вне закона, как и прочих, но не смог его схватить; Хаббар оставался на свободе до возвращения мусульман из аль-Джи‘раны, когда внезапно появился и исповедал мусульманскую веру. Магомет, смягчённый своими счастливыми успехами, помиловал его, запретив всем упрекать его за прошлое (Вакиди — Велльхаузен, с. 346).

§ 82. — Другой объявленный вне закона, Абдуллах б. Хаталь, из Тайм б. Галиб, был некогда сподвижником Пророка, и Магомет послал его собирать подати вместе с одним хуза‘итом или, по некоторым, с одним мединским ансаром. С ним был и слуга, который однажды в пути, вместо того чтобы приготовить ему ужин, лёг спать: Ибн Хаталь, рассердившись на такую небрежность, убил слугу ударами палки. Совершив преступление и не смея более показаться Пророку, он бежал в Мекку с суммой собранных податей. Поэтому он стал одним из самых ожесточённых противников Магомета и, сочинив несколько оскорбительных для него стихов, велел двум рабыням-певицам, Фартане и Арнаб, исполнять их в присутствии всех курайшитов, которые приходили к нему в гости пить вино в его доме. Когда Магомет двинулся на Мекку, Ибн Хаталь облачился в доспехи и, сев на коня с длинным хвостом, касавшимся земли, расхаживал по улицам города, хвастаясь, что Пророк не войдёт в Мекку, пока раны людей не станут подобны распоротым бурдюкам, теряющим воду. Внезапно, однако, его охватил страх, когда показались мусульманские отряды; он бросил коня, оружие и всё, что имел, и искал защиты под большим покровом Каабы. Но это нисколько не помогло ему, ибо, вытащенный оттуда Абу Барзой аль-Аслами, он был зарезан у Каабы, между святым Камнем и *Макамом*. На него, говорят, намекает Коран в стихах XC, 1–2. Другие, менее правдоподобные версии утверждают, что убийцей Ибн Хаталя был либо Са‘ид б. Хурайс аль-Махзуми, либо Аммар б. Ясир, либо Шурайк б. Абда аль-Аджлани. Из двух певиц, также объявленных вне закона, лишь одна была предана смерти, а другая помилована, ибо сумела бежать и некоторое время скрываться, пока Пророк не согласился её простить. Она умерла во времена Усмана от перелома ребра: тот, кто причинил ей смерть, должен был уплатить выкуп за кровь в 6000 *дирхамов* с добавкой в 2000 за отягчение наказания (Хишам, с. 819, 820; Вакиди — Велльхаузен, с. 346–347; Табари, I, с. 1640–1641; ср. Балазури, с. 40–41: имя Ибн Хаталя недостоверно, по некоторым, его звали Кайс).

§ 83. — Также была объявлена вне закона Сара, вольноотпущенница Амра б. Хашима, ибо пела стихи, оскорбительные для Пророка. Декламированные ею стихи были пересказаны Магомету и вызвали в нём живейшее негодование. Однажды Сара сумела оправдаться перед Магометом в Медине, доказав, что после битвы при Бадре курайшиты не хотели слышать иных стихов, кроме направленных против него; получив поэтому прощение, она была отпущена на свободу с богатыми подарками. Вернувшись, однако, в Мекку, она снова взялась за своё старое ремесло, и, когда Пророк овладел городом, он велел её схватить и предать смерти (Вакиди — Велльхаузен, с. 347; Табари, I, с. 1640–1641; Хишам, с. 820, даёт другую версию, а именно утверждает, что Магомет её помиловал и что она умерла при халифе Усмане от удара копытом коня. Здесь смешение её с певицей Ибн Хаталя; см. предыдущий параграф).

§ 84. — Последним из объявленных вне закона был Микьяс б. Субаба аль-Лайси. Его брат Хашим был по ошибке убит у аль-Мурайси‘а Аусом б. Сабитом, и Пророк уплатил Микьясу выкуп за кровь убитого брата (ср. 5 г. х., § 8): тем не менее Микьяс, не удовлетворившись, убил невольного убийцу брата и, отрёкшись от ислама, бежал в Мекку, поселившись там у бану сахм, своих родственников по матери. В день завоевания он предался кутежу с несколькими друзьями, но, обнаруженный Нумайлой б. Абдуллахом аль-Лайси, был им предан смерти, когда, пьяный от вина, уже не отдавал себе отчёта в том, что происходит (Хишам, с. 819, называет его Микьяс б. Дубаба; Вакиди — Велльхаузен, с. 347; Табари, I, с. 1640, 1641).

§ 85. — Утверждают, что среди объявленных вне закона был и отпущенный на волю раб Вахши, абиссинец, зловеще известный в летописях ислама как убийца героического Хамзы в битве при Ухуде (ср. 3 г. х., §§ 14 и 49). После этого знаменитого сражения хозяин Вахши даровал ему свободу, и Вахши поселился в Мекке, живя там до взятия города Магометом. Тогда в страхе он бежал в Таиф, опасаясь, что Пророк захочет выместить на нём убиение дяди; но, получив заверение, что Магомет расположен простить, внезапно явился к нему в Мекке и, прежде чем тот его узнал, исповедал мусульманскую веру и получил помилование. Магомет тем не менее попросил его больше не показываться, ибо ему было слишком тяжело видеть того, кто убил его любимого дядю (Хишам, с. 565; Вакиди — Велльхаузен, с. 348).

Происшествия во время пребывания в Мекке

§ 86. — Убиение разных объявленных вне закона повергло в некоторое смятение души многих курайшитов, совесть которых была не вполне спокойна. И вот когда поднялись вопли сожаления по преданным смерти, Абу Суфьян явился к Пророку и выразил ему тревогу курайшитов перед этими тяжкими наказаниями, налагаемыми за столь давние вины; он сумел таким образом добиться от Магомета формального и торжественного заверения, что никто более не будет предан смерти. Утверждают даже, что при этом Пророк прибавил: «Никогда более курайшиты не подвергнутся нападению за неверие» (Вакиди — Велльхаузен, с. 348).

§ 87. — Богатейшие из курайшитов получили, однако, полное помилование не иначе как принеся и некоторую денежную жертву значительной важности. Рассказывают в самом деле, что Магомет попросил у Сафвана б. Умайи взаймы 50 000 *дирхамов*, тогда как Абдуллах б. Абу Раби‘а и Хувайтиб б. Абд аль-Узза должны были ссудить каждый по 40 000 *дирхамов*. Магомет воспользовался этими суммами, чтобы помочь наиболее нуждающимся сподвижникам, которые из-за отсутствия добычи при взятии Мекки ничего пока не выиграли от похода. Доля этих бедных составила по пятьдесят *дирхамов* каждому, так что немногим более двух тысяч человек получили благодеяние от этой раздачи. Источники ничего не говорят нам о том, получили ли когда-нибудь три курайшита, ссудившие эти суммы, весьма значительные для того времени и места, их возмещение. Часть выручки была послана также джазима в уплату выкупа за кровь арабов, убитых Халидом (ср. ниже § 107; Вакиди — Велльхаузен, с. 348).

§ 88. — В языческие времена был среди хузайль некий Джунайдиб б. аль-Адла‘ (или аль-Асва‘, или аль-Аква‘), который задумал однажды напасть с несколькими соплеменниками на отряд аслам: среди последних находился некий Ахмар Ба’сан, человек весьма доблестный, с которым невозможно было сражаться, ибо он всегда побеждал. Ахмар обычно спал вне лагеря, ибо храпел так громко, что его легко было слышно даже на большом расстоянии: но когда его товарищи боялись или кто-нибудь приходил на них напасть, довольно было им крикнуть о помощи, чтобы Ахмар без промедления прибегал и, сражаясь как лев, всегда обращал в бегство всех нападавших. Хузайль, стало быть, приблизились к лагерю асламитов и, обнаружив, что Ахмар спит в стороне, бесшумно подкрались к нему: Джунайдиб пронзил его так во сне, проткнув насквозь мечом. Затем хузайль напали на аслам и учинили над ними резню, ибо на их тревожный крик уже не отозвался доблестный Ахмар. Пришёл ислам и заставил на время забыть ненависть, порождённую этим кровавым делом. Когда Магомет взял город Мекку, Джунайдиб с несколькими другими хузайлитами показался на улицах и на вопрос Джундаба б. аль-А‘джама аль-Аслами признал, что это он убил Ахмара Ба’сана. Асламит тотчас побежал к соплеменникам, рассказывая, что убийца Ахмара находится среди мусульман. Вся старая ненависть вспыхнула сильнее прежнего, и Хираш б. Умайя аль-Ка‘би, спрятав меч под плащом, пошёл искать Джунайдиба и, найдя его прислонившимся к стене и рассказывающим о своих славных подвигах, распорол ему живот ударом меча, выпустившим все внутренности. Магомет, весьма огорчённый новым преступлением, совершённым в самый день его вступления в Мекку, на следующее утро произнёс к народу вторую проповедь, вновь настаивая на святости места и на преступности применения в нём оружия. Пророк сказал: «О люди! Бог освятил Мекку в тот день, когда сотворил небеса и землю; она — священная территория (*харам*) и останется таковой до дня воскресения. Никому, верующему в Бога и в день воскресения, не дозволено проливать в ней кровь или рубить деревья. Это не было дозволено никому до меня и не будет дозволено никому после меня. Мне это было дозволено лишь в этот миг, ибо Бог гневался на народ Мекки, но теперь (эта земля) будет священной, как прежде. Пусть присутствующие сегодня среди вас возвестят это отсутствующим. Если некоторые скажут вам: Посланник Божий применял в ней оружие, — отвечайте, что Бог дозволил это Своему Пророку, но не дозволяет вам, о люди хуза‘а. Удержите ваши руки от убийства. Вы убили достаточно людей, если это было вам на пользу; вы совершили теперь убийство, и я на этот раз заплачу выкуп за кровь, но если кто-нибудь будет убит после этого, семья убитого сможет выбирать между смертью убийцы и выкупом за кровь» (Хишам, с. 822–824; Вакиди — Велльхаузен, с. 341–342; Табари, I, с. 1644). Магомет уплатил выкуп за кровь ста верблюдами и пожелал этим подавить опасный раздор, готовый вспыхнуть в рядах новых мусульман. Хирашу б. Умайе не было назначено никакого телесного наказания, ибо в его оправдание утверждали, что убитый хузайлит был язычником, ещё не обратившимся в ислам. Другие утверждают, однако, что выкуп за кровь заплатили бану ка‘б, а не Пророк (Хишам, с. 824; Вакиди — Велльхаузен, с. 342; Табари, I, с. 1644, говорит просто, что Пророк приказал хуза‘а заплатить).

§ 89. — В момент завоевания Мекки Магомет оказался в весьма щекотливом положении, ибо все с живейшим нетерпением ожидали узнать, что он теперь замышляет делать. С одной стороны, мединцы, столь действенно способствовавшие его торжеству как главные творцы его побед, начали теперь опасаться, что он замышляет покинуть их и снова поселиться в родном городе; с первых же дней среди ансаров распространились тревожные слухи, ибо они сочли бы пребывание Магомета в Мекке настоящей неблагодарностью, почти изменой или оставлением. Приближённые Пророка поспешили предупредить его о таких настроениях и опасениях среди самых верных его приверженцев и убедили его сделать какое-нибудь публичное заявление, которое успокоило бы подозрения и рассеяло недоразумения. Однажды Магомет отправился на ас-Сафу молиться с главными ансарами и спросил их о ходивших среди них слухах. Поначалу они всё отрицали, но, прижатые вопросами, признали наконец правду; тогда Пророк открыто объявил перед всеми, что слухи не имеют ни тени основания: «Я ищу прибежища у Бога и хочу жить и умереть с вами» (Хишам, с. 824. Странно сказать, у аль-Вакиди нет никакого упоминания об этом факте. Ср., напротив, Балазури, с. 40, по которому ансары открыто обвиняли Пророка в том, что он оказывает своим единокровным курайшитам особое благоволение).

§ 90. — С другой стороны, желая сохранить симпатии своих земляков, Магомет настаивал на великой цене, которую придавал территории Мекки, и ему приписывается следующее восклицание, обращённое к мекканскому *хараму*: «Ты лучшая земля Божия и самая дорогая мне земля Божия: если бы меня не изгнали из тебя, я никогда бы тебя не покинул» (Вакиди — Велльхаузен, с. 349).

§ 91. — И другими способами хотел Магомет дать почувствовать, что всегда помнит, что он мекканец, и не забыл страны, в которой родился и начал великую реформу. Рассказывают следующий характерный эпизод, хотя и не вполне достоверный: Са‘д б. Убада, один из самых богатых и влиятельных мединских вождей, видя проходивших мекканских женщин, с презрением заметил, что в конце концов курайшитские женщины не так красивы, как ему говорили. Абд ар-Рахман б. Ауф, другой старый и доблестный сподвижник Пророка, но уроженец Мекки, так рассердился на эти слова, что едва не бросился на Са‘да и не дошёл с ним до насилия. Испуганный Са‘д побежал жаловаться Пророку на поведение Абд ар-Рахмана, но был немало удивлён, обнаружив, когда рассказал о происшедшем, что попал прямо из огня да в полымя (Вакиди — Велльхаузен, с. 349).

§ 92. — Если, с одной стороны, Магомет показывал, что одушевлён по отношению к курайшитам лучшими намерениями, то и некоторые из бывших самых ожесточённых его врагов, или по крайней мере некоторые лица, которых предание описывает нам как самых свирепо враждебных Пророку, пожелали выказать ему лучшие чувства. Так, знаменитая Хинд, жена Абу Суфьяна, та, что, говорят, при Ухуде жевала кусок печени Хамзы и изуродовала тело дяди Пророка (ср. 3 г. х., § 49), явилась теперь к Магомету в аль-Абтах, поднеся в дар двух козлят и выражая сожаление, что из-за неблагоприятного времени года, сильно уменьшившего приплод коз, она не может поднести ему большее число (Вакиди — Велльхаузен, с. 350).

§ 93. — Есть у нас также известие, что во дни своего пребывания в Мекке Пророк встретился с некоторыми своими молочными родичами, а именно с бану Са‘д б. Бакр (ср. Введение, § 125); одна женщина из племени, где он был вскормлен и воспитан, принесла ему в аль-Абтах масло и сыр. Магомет принял дар после того, как женщина приняла ислам, и, задав ей несколько вопросов, узнал, что его старая кормилица Халима умерла, оставив детей в не слишком благополучном положении; узнал он также, что племя стоит лагерем у Занаб Аутас. Он отпустил женщину со многими подарками (Вакиди — Велльхаузен, с. 350).

§ 94. — Один раб, принадлежавший семье Абд ад-Дар, по имени Джабр, уже давно тайно обратился в ислам, но его положение оставалось неизвестным всем мекканцам, пока среди них не появился отступник Ибн Абу Сарх (ср. § 79) и не открыл курайшитам, что думает этот раб-иудей. Поэтому Джабр подвергся великим притеснениям и мучениям, пока «не сказал того, чего они хотели» (эвфемизм, обозначающий отступничество). После взятия Мекки раб принёс свои жалобы Пророку, который, сжалившись над его участью, дал ему достаточно денег, чтобы выкупиться, и Джабр впоследствии взял в жёны женщину из видной семьи (Вакиди — Велльхаузен, с. 349).

§ 95. — Рассказывают, что один мусульманин дал обет отправиться молиться в Иерусалим, если Магомету удастся установить в Мекке культ истинного Бога. Но Пророк, узнав об этом, сказал мусульманину, что обет нелеп, ибо одна молитва, совершённая в Мекке, стоит больше тысячи в ином месте (Вакиди — Велльхаузен, с. 349).

§ 96. — Подобный обет дала и Маймуна, одна из последних жён Пророка, но Магомет объяснил ей, что ей невозможно было бы отправиться в Иерусалим даже с покровителем (*хафир*): поэтому он предложил ей вместо того установить сумму, чтобы снабжать одну лампаду в Иерусалиме всем потребным маслом. Впоследствии, после завоеваний, Маймуна скрупулёзно соблюдала этот совет, посылая каждый год необходимые для того деньги, а после смерти оставила в завещании легат для продолжения взноса (Вакиди — Велльхаузен, с. 349).

§ 97. — Магомет возвращался на родину после почти восьми лет отсутствия человеком столь знаменитым, что его особа возбуждала живейшее любопытство, и женщины, в этом отношении любопытнее мужчин, сохранили память о впечатлениях, полученных при этом. Они заметили, что он был среднего роста и с очень белой кожей. Умм Хани, сестра Али б. Абу Талиба, очень восхищалась белизной его зубов и многочисленными складками на животе (*sic*), отмечая, что при взятии Мекки волосы Пророка были заплетены в четыре длинные косы (*дафа’ир*), которые сделала ему жена Умм Салама в Зу-ль-Хулайфе, чтобы волосы не спутались в пути. Эти же косы оставались в таком виде до самой битвы при Хунайне, когда он наконец распустил их, вымыв водой с *сидром* (Вакиди — Велльхаузен, с. 349–350). Как согласовать это известие с известием предыдущего года (ср. 7 г. х., § 71), по которому Пророк обрил голову по совершении обряда паломничества восемью месяцами ранее?

§ 98. — Во время пребывания в Мекке Магомет установил много законов общего порядка, а именно вновь прямо запретил употребление вина и велел вылить на землю то, которое некоторые хотели принести ему в дар. Затем он запретил продажу, помимо вина, также свиней, мяса павших животных и идолов, которых делали в Мекке и которыми некоторые мекканцы вели доходную торговлю. Равным образом он запретил давать вознаграждение прорицателям (*кухха́н*), и, хотя источники этого не говорят, этот запрет необходимо должен был включать и запрет советоваться с прорицателями, как всегда делалось в прошлом. Некоторые захотели узнать, дозволено ли по крайней мере употреблять жир павших животных, чтобы смазывать и сохранять бурдюки для воды в путешествиях. Из двусмысленного ответа Пророка можно заключить, что он выразил прикрытое порицание тем, кто им пользовался. Прибавляют, наконец, что при этом он запретил временный брак, *мут‘а*, по которому мужчина мог взять жену на определённое время и по истечении условленного срока совершенно расстаться с ней, как если бы никогда не был её мужем (Вакиди — Велльхаузен, с. 348–349; ср. также Goldziher, *Muh. Stud.*, I, с. 71, прим. 3, откуда видно, что в источниках есть смешение происшествий взятия Мекки и Прощального паломничества).

§ 99. — Одним из важнейших распоряжений, принятых Пророком в Мекке, был приказ, насколько это было для него возможно, об уничтожении идолопоклоннического культа. Глашатай обошёл город, крича: «Кто верует в Бога и в Его Пророка, пусть не оставляет идолов в своём доме, а разбивает их и сжигает: продавать их запрещено». Икрима б. Абу Джахль, ставший ревностным мусульманином, с большим рвением участвовал в уничтожении идолов. В каждом доме всякий выходящий или входящий имел древнейший обычай проводить по нему рукой, чтобы получить благословение. Абу Баграт, находившийся тогда в Мекке, изготовлял этих деревянных идолов и немало зарабатывал торговлей ими, весьма оживлённой с бедуинами окрестностей. Рассказывают в особенности, что не раз упомянутая Хинд, жена Абу Суфьяна, едва обратившись в ислам, вернулась домой и разбила на куски идолов своей семьи (Вакиди — Велльхаузен, с. 350)[121].

[121] Этими скудными известиями мы обязаны аль-Вакиди, тогда как Ибн Исхак, или, вернее, его редактор Ибн Хишам, не даёт никаких сведений об этом предмете величайшего интереса. Слова глашатая, как следует из предания, выражены в весьма мягких выражениях и не грозят никаким наказанием тем, кто захотел бы продолжать поклоняться идолам в собственном доме. Публичный языческий культ не был в действительности упразднён Магометом с его вступлением в Мекку, ибо язычники продолжали посещать святилище в два последующих паломничества 8 и 9 гг. х. Мы имеем, однако, весьма примечательный факт, что наши источники совершенно умалчивают о других распоряжениях, которые Магомет мог принять в отношении язычников, оставшихся в Мекке. Мы ничего не знаем о том, приказал ли он курайшитам принять ислам или терпел частное язычество некоторых лиц, как столь долго терпел его в Медине (ср., например, жён-язычниц сподвижников, отвергнутых после аль-Худайбии, 6 г. х., § 42). Глашатай Магомета пригласил курайшитов уничтожить идолов, но не издал подлинного категорического и общего приказа: он ограничился предупреждением тех, кто верует в Бога и в Его Пророка. О тех, кто не веровал, а их должно было быть много, не упоминается вовсе. Как вёл себя Магомет по отношению к ним? Полное молчание источников должно означать широкую веротерпимость, дарованную Пророком по весьма веским политическим причинам своим новым подданным, которым он не хотел поначалу дать почувствовать слишком тяжело бремя ига, наложенного оружием. Обладание Каабой было само по себе столь великим триумфом, что Магомет не пожелал пока налегать рукой и в делах веры, и его поведение с некоторыми курайшитами, как, например, с Сафваном б. Умайей (ср. § 78), открывает нам его истинный образ действий. Каждый был волен думать как ему угодно, лишь бы принимал светскую власть Пророка: выгоды обращения в ислам со временем стали бы для всех столь очевидны сами по себе, что обращения происходили бы самопроизвольно и не требуя никакого настоящего давления (ср. 10 г. х., §§ 108 и сл.). Почти несомненно, что Магомет применял к покорявшимся племенам те же методы, каких халифы Абу Бакр, Умар и Усман держались по отношению к

Уничтожение идолов в окрестностях Мекки

§ 100. — Официально упразднив языческий культ в Мекке, Магомет приступил к тому же в других святилищах окрестностей. Так, он послал ат-Туфайля б. Амра ад-Дауси уничтожить идола Зу-ль-Каффайн[122], принадлежавшего Амру б. Хумаме, и изображение этого божества, вырезанное из дерева, было полностью сожжено. Он послал Са‘да б. Зайда аль-Ашхали в аль-Мушаллаль[123] против идола Манат, который был низвергнут и уничтожен без затруднений. Затем он послал Амра б. аль-Аса свалить идола Сува‘, принадлежавшего хузайль[124]: жрец, служивший культу идола, ожидал, что божество отразит святотатцев-мусульман, но, когда увидел, что идол безнаказанно низвергнут и уничтожен, смутился и, признав свою ошибку, стал мусульманином. В сокровищнице Сува‘ не нашли ни одного обетного предмета (Вакиди — Велльхаузен, с. 350; Хишам, с. 254; Табари, I, с. 1648–1649; Асир, II, с. 199; Якут, IV, с. 653, стр. 15, где сказано, что идол Манат был уничтожен Али, который нашёл в святилище и взял себе два знаменитых меча, Михзам и Расуб, повешенных некогда по обету князем аль-Харисом б. Абу Шамиром аль-Гассани; Азраки, с. 79, стр. 20 и сл.; Якут, III, с. 665–667, содержит много подробностей о богине аль-Узза; Wellhausen, *Reste*, с. 34 и сл.).

Военные походы в окрестностях Мекки

§ 101. — Магомет равным образом послал несколько отрядов в окрестности Мекки, чтобы привести к повиновению некоторые племена, ещё не склонившиеся перед его властью: так, он послал Хишама б. аль-Аса с 200 людьми к Яламламу и ещё 300 человек под начальством Халида б. Са‘ида б. аль-Аса к Уране. Ничего не сказано нам об исходе этих двух походов, о которых у нас нет никаких подробностей (Вакиди — Велльхаузен, с. 350–351).

неарабским народам, то есть методы, внушённые самой широкой веротерпимостью, если те спокойно подчинялись политическому господству и без противодействия платили подати. Время должно было сделать всё остальное. Этот принцип высокой политической мудрости открыто отстаивали халифы, но передатчики не осмелились столь же откровенно приписать его Пророку из инстинктивного страха перед неизбежными выводами, которые могла бы извлечь из него строгая логика и которые, быть может, не подобали священной миссии Пророка. Факт, однако, в том, что Магомет никогда не приказывал никаких религиозных преследований и никогда не знал нетерпимости или непримиримости. Ислам запятнал себя этими пороками в века своего упадка, а не ранее.

[122] Об идоле Зу-ль-Каффайн мне не удалось собрать сведений, и Велльхаузен (*Reste*, с. 67) не знает иного упоминания, кроме известного места Ибн Хишама, приведённого нами.

[123] О Манат см. многочисленные известия и замечания, собранные Велльхаузеном (*Reste*, с. 26–29). Там переведены и прокомментированы и все места *Китаб аль-аснам* Ибн аль-Кальби об этом идоле, которые мы находим в тексте Якута. Манат была одним из древнейших женских божеств языческой Аравии, ввезённым, быть может, из Сирии, и некогда пользовалась весьма распространённым культом в Аравии. Идол стоял, или по крайней мере культ идола и главное святилище находились, у источника Кудайд, вблизи горы аль-Мушаллаль, недалеко от селения Ваддан, стоянки на дороге паломников между Меккой и Мединой, весьма часто упоминаемой в *хадисе* и расположенной ближе к Мекке, чем к Медине. Место святилища было на территории хузайль или хуза‘а, но, хотя и эти, и курайшиты почитали богиню, преданнейшими её служителями были великие племена Медины, аус и хазрадж, которые совершали к ней настоящие паломничества с обрядами, подобными обрядам Каабы, и с обычным бритьём всех волос по окончании церемоний. Весьма вероятно, как справедливо заметил Велльхаузен (указ. место, с. 29), что название мединского племени Аус-Аллах должно быть исправлением древнего и подлинного названия Аус-Манат, как следует из одного выражения в *Агани* (XV, с. 163, стр. 20).

[124] О Сува‘ и его культе см. Wellhausen, *Reste* (с. 18–19); ср. также предыдущий параграф (8 г. х., § 25, прим. 1) о месте Рухат, где, говорят, стоял идол Сува‘, в трёх ночах пути от Мекки, недалеко от аль-Худайбии.

§ 102. — Халид б. аль-Валид был послан с всего 30 всадниками уничтожить идола Уззу[125]; но утверждают, что в первый раз ему не удалось его отыскать. Получив выговор от Магомета, он вернулся на место во второй раз и, увидев, как из святилища выходит чёрная нагая женщина с распущенными волосами, заподозрив неладное, набросился на неё и ударом меча разрубил её надвое. И теперь он не нашёл идола, но Пророк объявил себя вполне удовлетворённым его действиями, ибо идола больше не существовало. Это, говорят, произошло 25 рамадана (Вакиди — Велльхаузен, с. 351; Табари, I, с. 1648).

Версия Ибн Исхака кажется подлиннее: идол Узза находился в Нахле, где ей было посвящено святилище, почитаемое курайшитами, кинана или всеми мудар. Бану шайбан, ветвь сулайм, были хранителями святилища и вместе с тем союзниками бану хашим. Глава семьи, узнав, что Халид идёт свалить идола, повесил на него меч, приглашая его защищаться самому. Тогда Халид смог уничтожить изображение, не встретив сопротивления (Хишам, с. 839–840; ср. также Табари, I, с. 1648; Асир, II, с. 198–199; Якут, III, с. 666, где со ссылкой на Ибн Аббаса сказано, что святилище Уззы состояло из трёх деревьев *самура*, росших в одном месте долины Нахла близ Мекки; Азраки, с. 80, стр. 1, и с. 81, стр. 17, подтверждает, что уничтожение идола Уззы произошло 25 рамадана; ср. также там же, с. 83, стр. 14).

Пребывание Магомета в Мекке

§ 103. — Некоторые утверждают, что Магомет вступил в Мекку 10 рамадана (известие, противоречащее другому, в § 61, прим. 1), и полагают, что он оставался в городе пятнадцать или двадцать дней. Во время своего пребывания он всегда совершал сокращённую молитву с двумя земными поклонами, показывая этим, что считает себя всё ещё в пути и что смотрит на Мекку как на чужую страну, а не как на своё постоянное местопребывание (Хишам, с. 840; Вакиди — Велльхаузен, с. 351).

Число мусульман, присутствовавших при взятии Мекки

§ 104. — Ибн Исхак утверждает, что общее число мусульман, принявших участие в завоевании Мекки, составляло 10 000 человек, из которых 700 или 1000 были из бану сулайм, 400 из гифар, 400 из аслам, 1003 из музайна, а остальное составляли курайшиты, ансары, их союзники и отряды бедуинов из родов тамим, кайс и асад (Хишам, с. 828; Табари, I, с. 1647).

[125] У Велльхаузена, *Reste* (с. 34–45), можно прочесть длинное и ценное исследование об этом древнем и знаменитейшем арабском божестве, которое в последние века перед исламом приобрело значительное преобладание над прочими языческими божествами и было некогда, говорят, предметом даже человеческих жертвоприношений. Для нашей цели достаточно напомнить, что самое знаменитое святилище Уззы (вероятно, Венеры, или утренней звезды арабов) находилось как раз в северной части долины Нахла, называемой Хурад, против аль-Гумайра, по правую руку от того, кто поднимается по долине, направляясь к Ираку, в девяти милях за Зат Ирком, по направлению к аль-Бустану (Якут, III, с. 665, стр. 11 и сл.). Велльхаузен заметил, однако, что в изложении Ибн аль-Кальби (Якут, указ. место) есть смешение различных мест, в которых праздновался культ аль-Уззы. Святилище, уничтоженное Халидом б. аль-Валидом, было святилищем в Нахле и содержалось бану Шайбан б. Джабир, ветвью сулайм, последним жрецом из которой был Дубайя б. Харма’. В одной боковой долине Хурада у курайшитов было, по-видимому, другое особое священное место (*хима*), которому они дали название Сукам, учреждённое в подражание Каабе. Неясно, однако, то же ли это место, что и хранимое бану шайбан в Нахле, в непосредственной близости от Хурада. Другие подробности см. у Велльхаузена (указ. место).

Обращение Аббаса б. Мирдаса

§ 105. — Взятие Мекки в величайшей мере способствовало новому обращению язычников в ислам, и среди прочих особо упоминается аль-Аббас б. Мирдас (ср., однако, §§ 23, 24 и 27)[126] как один из тех, кто теперь обратился в новую веру. Ибн Исхак рассказывает, что у отца Аббаса был каменный идол по имени Димар[127], к которому он постоянно обращал свои молитвы, и, умирая, он наказал сыну продолжать воздавать ему то же почтительное поклонение, сказав: «Сын мой! поклоняйся Димару, он может принести тебе пользу и вред». Однажды Аббас был у идола, когда внезапно услышал голос, исходивший изнутри него и возвестивший ему в стихах падение язычества и пришествие Пророка Мухаммада. Аббас тотчас обратился, разбил идола и, отправившись к Магомету, принял ислам (Хишам, с. 832).

Источники о взятии Мекки

§ 106. — Взятие Мекки с обильными подробностями рассказано также в следующих источниках: Асир, II, с. 182–194; Йа‘куби, II, с. 58–62; Балазури, с. 35–42; *Tanbīh*, с. 266–268; Абульфеда, I, с. 142–156; *Хамис*, II, с. 85–108; Халаби, III, с. 200–249; Фаси, с. 144–158; Бухари, III, с. 138–146; Шпренгер, III, с. 312–321; Мьюир, IV, с. 109–134; Caussin de Perceval, III, с. 219–242; Мюллер, I, с. 151–155; Гримме, I, с. 128–142.

[126] Полное имя Аббаса б. Мирдаса было: Абу-ль-Фадль, или Абу-ль-Хайсам Аббас б. Мирдас б. Абу Амир б. Хариса б. Абд б. Абс б. Рифа‘а б. аль-Харис б. Бахса б. Сулайм ас-Сулами. Его отец был товарищем Харба б. Умайи, и оба, то есть Мирдас и Харб, были убиты демонами, *аль-джинн*, в аль-Курайе (*Агани*, XX, с. 135; Бакри, с. 735). Аббас был одним из людей, отказавшихся от вина ещё в языческие времена (ср. 4 г. х., § 11, прим.) (Хишам, схолия к с. 832, 8, где рассказаны и другие предания об обращении Аббаса). Потомком Аббаса был Абд аль-Малик б. Хабиб, *факих* аль-Андалуса.

[127] Имя идола следовало бы собственно произносить Димари, как Хизами и Ракаши; так говорит заметка на полях Ибн Хишама, прибавляя, что причину этого следует искать в женском поле, приписывавшемся язычниками этому божеству, как и многим другим (аль-Лат, аль-Узза, Манат и т. д.), ибо язычники полагали, что эти идолы — ангелы женского пола, дочери Бога (*банат Аллах*) (Хишам, схолия к с. 832, 8, посл. том, с. 193–194).

Часть 3. 8 г. х., §§ 107–204: Хунайн, осада Таифа, аль-Джи‘рана, Бахрейн и Оман

8 г. х. (окончание)

Поход против бану джазима (рамадан?)

§ 107. — До этого момента всё развивалось корректно и с честью, и Магомет мудрой умеренностью по отношению к курайшитам и прощением, дарованным худшим его врагам, сделал большой шаг к желанному умиротворению душ; но произошёл теперь прискорбный случай, обнаруживший, что ислам был для многих мусульман лишь весьма тонким лаком, с трудом прикрывавшим языческую свирепость арабов и ещё не способным во многих обуздать кровожадные обычаи прошлого. После уничтожения идола Уззы Пророк послал беспокойного Халида б. аль-Валида удостовериться в покорности бану Джазима б. Амир б. Абд Манат б. Кинана. Что произошло в этом походе, не вполне достоверно, ибо предание, стремясь снять всякую ответственность с Пророка, исказило факты. Источники неоднократно говорят, что бану джазима уже были мусульманами; аль-Вакиди прибавляет, что они не только приняли ислам, но и воздвигли мечети и регулярно совершали молитвы. Ибн Исхак даёт затем странное известие, что бану джазима вышли навстречу Халиду с криком: *Саба’на! Саба’на!*, то есть «Мы стали сабиями! Мы стали сабиями!» (Хишам, с. 833, стр. 12) (ср. Wellhausen, *Reste*, с. 234–242). Оба (аль-Вакиди и Ибн Исхак) признают, что не было никакой причины применять насилие к племени, но вместе с тем не позаботились точно указать, в чём состояла задача Халида; поэтому они заставляют нас подозревать, что истина была скрыта из страха скомпрометировать Пророка. Весьма вероятно, что Магомет послал Халида в окрестности Мекки, не дав ему точных указаний, стремясь лишь обеспечить себе по меньшей мере нейтралитет, если не присоединение, соседних племён, из которых по неизвестным нам причинам бану джазима более всего заботили Пророка. Не исключена, однако, возможность, что Халид в своём походе занимался и другими племенами, но память о них утратилась из-за тяжести случая с бану джазима. Факт в том, что Халид и сопровождавшие его бану сулайм воспользовались удобным случаем, чтобы отомстить за старые обиды языческих времён, и убили безоружных людей без всякой справедливой причины, лишь чтобы утолить жажду мести. Это было, словом, повторение того, что случилось в Мекке в день взятия города, с той разницей, что на этот раз вся вина падала не только на одного из главных сподвижников Пророка, но косвенно и на самого Пророка, ибо он имел неосторожность приказать этот поход и вверить его самым ожесточённым врагам бану джазима. Перейдём теперь к рассказу о фактах, как их излагают источники.

§ 108. — Завершив уничтожение идола Уззы, Халид б. аль-Валид получил от Пророка приказ отправиться как миссионер, а не как завоеватель, в земли бану джазима, чтобы удостовериться в их покорности. Это племя обитало к югу от Мекки со стороны Тихамы, то есть у берегов Красного моря. Следует предпослать, что между этим племенем и курайшитами не было доброй крови из-за давних обид, следствий

давних преступлений как с той, так и с другой стороны. За много лет до того курайшитский караван отправился в Йемен по торговым делам, и в нём участвовали аль-Факих б. аль-Мугира б. Абдуллах б. Умар б. Махзум (дядя Халида б. аль-Валида), а также Ауф б. Абд Ауф б. аль-Харис б. Зухра (отец Абд ар-Рахмана б. Ауфа), Аффан б. Абу-ль-Ас и его сын Усман. На обратном пути, в стране бану джазима, караван подвергся их нападению под начальством Халида б. Хишама, одного из вождей этого племени, и был лишён большей части товаров: аль-Факих и Ауф были убиты, тогда как двум другим курайшитам удалось спастись. Абд ар-Рахман поспешил отомстить за отца, убив Халида б. Хишама, и напряжение умов стало таково, что одно время возникла опасность войны между двумя племенами. Тогда бану джазима поспешили отречься от всякого прямого соучастия своего племени с виновниками нападения, как с безумными и неосторожными товарищами, и предложили уплатить выкуп за кровь полностью. Курайшиты приняли предложение, и война была, таким образом, предотвращена, но в душе многих из них, и именно Халида б. аль-Валида, жажда мести ещё не угасла (Хишам, с. 835–836; Вакиди — Велльхаузен, с. 353; Табари, I, с. 1649–1650).

Пророк совершил, однако, неосторожность, послав с Халидом б. аль-Валидом и отряд бану Сулайм б. Мансур, и другой — бану Мудлидж б. Мурра: эти арабы питали давнюю злобу к кинана вообще и к бану джазима, ветви кинана, в частности из-за знаменитого поражения, понесённого в языческие времена в битве, называемой Бурза, в которой сулайм были разбиты кинана и потеряли своего предводителя Малика б. Халида б. Сахра б. аш-Шарида. За это поражение так и не было отомщено, и память о нём всё ещё жгла бану сулайм (Вакиди — Велльхаузен, с. 352; Якут, I, с. 564).

§ 109. — Выступив, стало быть, из Мекки с отрядом в 350 человек, из которых часть составляли мекканские Переселенцы, мединцы и их союзники, а остальное — упомянутые сулайм, Халид расположил лагерь в аль-Гумайса’. Хотя бану джазима были явно мусульманами, они поначалу не поверили мирным намерениям Халида и схватились за оружие, когда узнали, что он движется на них. Так они вышли навстречу курайшитскому полководцу, но заверили его в своём послушании Пророку. Тогда Халид прибегнул к открытому обману и дал знать бану джазима, что не имеет враждебных намерений и что они могут сложить оружие. Арабы, убеждённые такими заверениями, сложили оружие, несмотря на советы благоразумия некоего Джахдама, хотевшего предостеречь товарищей от чрезмерного доверия к мусульманам. Опасения Джахдама были не напрасны, ибо Халид, едва узнав, что джазима сложили оружие, внезапно напал на них, отнял у них много добра и захватил изрядное число пленных, которых распределил под охрану между приверженцами. Продержав их всю ночь крепко связанными, на следующее утро он приказал их обезглавить. Бану сулайм с мстительной поспешностью тотчас исполнили полученный приказ, тогда как, если верить аль-Вакиди, Переселенцы и мединцы в негодовании ослушались и не только не убили пленных, которых стерегли, но даже отпустили их на свободу. Однако тот же аль-Вакиди приводит предание, восходящее к Абдуллаху б. Абу Хадраду аль-Аслами, из которого необходимо следовало бы заключить, что и некоторые пленные, вверенные другим арабам, не сулайм, были преданы смерти. Варварская резня произвела

раздирающие сцены из-за присутствия женщин джазима, захваченных мусульманами. Одна из этих несчастных, видя, как обезглавливают её любимого, бросилась на изуродованное тело и продолжала целовать его, пока сама не умерла от горя и разбитого сердца (Хишам, с. 833–834, 837–838; Вакиди — Велльхаузен, с. 351–353; Табари, I, с. 1649, 1650, 1652–1653; Абульфеда, I, с. 156, где ошибочно напечатано Хузайма вместо Джазима; Халаби, III, с. 375, 379; *Агани*, VII, с. 26–27; Хаджар, II, с. 265, № 7077, говорит, что бану джазима подверглись нападению Халида, ибо вместо того, чтобы кричать: «Мы стали мусульманами!» (*асламна*), вышли ему навстречу со словами *саба'на*; известие о резне принёс Магомету уцелевший по имени ас-Сумайда' аль-Кинани из племени бану акрам).

§ 110. — Уже в самом мусульманском лагере поднялись протесты против резни, и сохранилась память о том, что Абдуллах б. Умар и Салим, вольноотпущенник Абу Хузайфы, особенно отличились, упрекая Халида в открытом нарушении наставлений о мире и согласии, данных Пророком, который всегда проповедовал, что его задача — попрать кровавое наследие язычества и раздавить его ногами. Волнение в лагере было весьма слабым в сравнении с тем, что разразилось в Мекке, когда туда пришло известие о резне. Все сподвижники были глубоко возмущены и огорчены; сам Магомет, чувствуя, что на нём лежит ответственность за злодеяние, поспешил перед лицом всех объявить, воздев руки к небу: «Боже! Я умываю руки от этого дела Халида!» Волнение достигло высшей точки, когда Халид прибыл в Мекку и был резко упрекнут Абд ар-Рахманом б. Ауфом за то, что убил мусульман! Халид энергично протестовал, отрицал, что знал, что бану джазима мусульмане, и утверждал, что имел от Пророка приказ напасть на арабов. Сподвижники обрушились на него, объявили его лжецом, и некоторое время среди мусульман в Мекке царило большое возбуждение, ибо все старались свалить друг на друга вину за случившееся. Магомет был вынужден течением общественного мнения отречься от Халида и отрицать всякое участие в преступлении, сделав Халиду публичный выговор; Магомет пожелал таким образом признать полную правоту своих старейших сподвижников, которые (быть может, из ревности к возрастающему благоволению, которым пользовался у Пророка Халид) были более всех озлоблены против пылкого курайшита (Хишам, с. 834–835; Вакиди — Велльхаузен, с. 353; Табари, I, с. 1650, 1651–1652). Поведение Магомета в этом деле не вполне ясно, ибо разные предания (ср. Хишам, с. 835, стр. 9; Табари, I, с. 1651, стр. 10 и сл.), казалось бы, указывают, что приказ напасть на бану джазима действительно исходил от Пророка.

§ 111. — Существует и другая версия событий, слегка отличная от предыдущих: Халид получил от Пророка приказ посетить бану кинана и удостовериться, стали ли они мусульманами и совершают ли молитву. Бану джазима вышли ему навстречу в полном вооружении и готовые сражаться; Халид простоял полдня перед ними, не делая никакого наступательного движения, но, когда заметил, что джазима никогда не совершают молитвы, убедился, что они ещё не стали мусульманами: напал на них, обратил в бегство, многих убил и взял немало пленных. Лишь тогда джазима объявили, что они мусульмане. Пророк, однако, не сделал Халиду никакого упрёка и оставил ему

начальство над передовым отрядом великого мусульманского войска, пришедшего завоевать Мекку (Вакиди — Велльхаузен, с. 354)[128].

§ 112. — Первой мыслью Магомета было исправить причинённое зло, возместив ущерб частью денег, взятых взаймы в Мекке (ср. § 87); но так как этого было недостаточно, он велел Абу Рафи‘у дать ему новую сумму. Затем он послал Али с деньгами к бану джазима, и тот не только уплатил выкуп за кровь за тридцать убитых из них, но и возместил стоимость всего добра, награбленного мусульманами; Али был так щепетилен, что уплатил даже стоимость нескольких сосудов, из которых они обычно поили собак. Оставшуюся после всех этих платежей сумму Али отдал арабам в дар. Пророк очень похвалил действия Али, вновь настаивая на том, что на нём нет никакой вины или ответственности за пролитую кровь. Уладив таким образом дело, Магомет снова стал любезен с Халидом, от которого держался в стороне в те дни, и вновь стал оказывать ему величайшие почести (Хишам, с. 834–835; Вакиди — Велльхаузен, с. 353–354; Табари, I, с. 1650–1651).

Битва при Хунайне (версия Урвы)

§ 113. — Ат-Табари [† 310 г. х.] от Али б. Насра б. Али аль-Джахдами [† 250 г. х.] или от Абд аль-Вариса б. Абд ас-Самада б. Абд аль-Вариса [† около 250 г. х.], от Абд ас-Самада б. Абд аль-Вариса [† 207 г. х.], от Абана аль-Аттара [† 160 г. х.], от Хишама б. Урвы [† 146 г. х.], от его отца Урвы б. аз-Зубайра [† 94 г. х.]:

«Пророк оставался в Мекке в год победы полмесяца, и не более того, пока не пришли хавазин и сакиф и не расположились лагерем у Хунайна. Хунайн — долина в стороне Зу-ль-Маджаза, и в тот день они имели намерение сражаться с Пророком и собрались уже раньше, а именно когда услышали о выступлении Пророка Божия из Медины, ибо думали, что он движется против них, когда он вышел из Медины. Когда они получили известие, что он остановился в Мекке, хавазин двинулись против Пророка и взяли с собой женщин, детей и имущество. Вождём хавазин в тот день был Малик б. Ауф, один из бану наср, и с ними выступили и сакиф, пока не остановились у Хунайна, всё время имея в виду Пророка. Когда Пророк, бывший в Мекке, узнал, что хавазин и сакиф расположились лагерем у Хунайна и что их ведёт Малик б. Ауф, один из бану Са‘д, и что он был в тот день их вождём, Пророк решил двинуться против них. Тогда он настиг их у Хунайна, и Бог обратил их в бегство, и произошло то, что сказал Бог в Книге (Коран, IX, 26–28). Всё, что они привели с собой, — женщины, дети и скот, — стало добычей, которую Бог даровал Своему Пророку. Поэтому он разделил их имущество (побеждённых) между теми из курайшитов, кто стал мусульманином» (Табари, I, с. 1654, стр. 5 — с. 1655, стр. 2).

[128] Не входя в дальнейшие подробности, в этих преданиях о событиях с джазима легко различить два течения предания: одно стремится очернить Халида и свалить на него всю вину, лишь бы оградить Пророка от всякого подозрения; другое старается, напротив, доказать, что Халид действовал в полном согласии с полученными указаниями и что вся вина лежала на джазима.

Поход на Хунайн (более поздняя версия)

§ 114. — События в Мекке не оставили равнодушными население, жившее по соседству, и уже со времени выступления Магомета из Медины во главе 10 000 человек племена к востоку от Мекки, то есть бану хавазин и бану сакиф, сильно встревоженные, собрались, чтобы противостоять возможному нападению мусульман. В одном месте аль-Вакиди (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 327–328) сказано, что хавазин собирались с оружием уже во время похода Магомета на Мекку, тогда как в другом месте (Вакиди — Велльхаузен, с. 354) утверждается, что соединение племён произошло после взятия Мекки. Ибн Исхак, по обыкновению, гораздо менее определённен в своих хронологических указаниях и говорит, что хавазин начали собираться, когда услышали о Пророке и о взятии Мекки. Вероятно, союз племён к востоку от Мекки сложился, пока Магомет выступал из Медины и во время его пребывания в Мекке, но лишь через некоторое время Магомет, извещённый об этом, решил напасть на соединённые племена: относительно истинных причин событий при Хунайне царит, однако, большая темнота. Главную группу союзников составляли бану хавазин, к которым присоединились бану сакиф из Таифа, быть может, из страха, что Магомет захочет упразднить их святилище, посвящённое богине аль-Лат, важнейшее после Каабы в Западной Аравии. К этим двум группам присоединились также бану наср, бану джушам и бану Са‘д б. Бакр, которые послали все наличные силы. Бану хилаль же участвовали немногими людьми, менее сотни, и были единственными из кайс айлан, принявшими участие в союзе; прочие держались в стороне. Не было ни одного из бану ка‘б или бану килаб, и это особенно под влиянием Ибн Абу-ль-Бара’. Вождём бану хавазин был молодой Малик б. Ауф ан-Насри, которому едва исполнилось тридцать лет и который не жалел денег на снаряжение своих; чтобы лучше воодушевить их, он приказал взять с собой и женщин, детей и скот. У бану сакиф же было два вождя, а именно Кариб б. аль-Асвад б. Мас‘уд, начальствовавший над союзниками, *ахлаф*, тогда как Зу-ль-Химар Субай‘ б. аль-Харис (или, по другим, аль-Ахмар б. аль-Харис) командовал бану Малик. Сакиф могли бы держаться за стенами Таифа и защищаться в нём против Магомета, но предпочли выйти из города и соединиться с хавазин в открытом поле. Они приняли, однако, совет Кинаны б. Абд Ялиля и велели восстановить стены, чтобы быть готовыми ко всякому случаю. Бану джушам были под начальством старого слепого Дурайда б. ас-Симмы б. Бакра б. Алкамы[129], который, хотя уже не в силах был сражаться из-за дряхлого возраста, имея, говорят, уже более ста лет (у Вакиди — Велльхаузен ему приписывается 160 лет), обладал, однако, таким опытом в военных делах, что пожелал прийти, чтобы помочь своими советами. Малик б. Ауф ан-Насри как вождь хавазин принял начальство над всеми соединёнными силами и расположил лагерь в Аутасе, обширной песчаной равнине, местность которой весьма благоприятствовала движению конницы, лучшего рода войск союзников. В самом деле, Дурайд б. ас-Симма весьма одобрил выбор места, но пытался убедить Малика б. Ауфа отослать в безопасное место женщин, детей и скот, справедливо замечая, что они составляют тягчайшую помеху,

[129] Полное имя Дурайда б. ас-Симмы было: Абу Курра Дурайд б. ас-Симма б. Бакр б. Алкама б. Хуза‘а б. Газийя б. Джушам б. Муавия б. Бакр б. Хавазин (Хишам, сходии 840, 11, посл. том, с. 195; Табари, I, с. 1657, стр. 11). Он был знаменитым воином и поэтом языческих времён, и о нём сохранилось много преданий (ср. *Агани*, IX, с. 2–20; XIV, с. 134–136; XVI, с. 141).

бесполезную как в случае победы, так и в случае поражения: в особенности он настаивал на опасности, что, если войско будет разбито, тыл окажется скован толпой безоружных людей — лёгкой и желанной добычей для победителя. Но Малик б. Ауф, упрямый и вспыльчивый, желая во что бы то ни стало поступить по-своему, так энергично протестовал, что хавазин последовали его советам, отвергнув советы старого Дурайда (Хишам, с. 840–842; Вакиди — Велльхаузен, с. 354–355; Табари, I, с. 1654, 1655–1658; *‘Икд*, I, с. 50, стр. 24 и сл.).

§ 115. — Магомет, услышав, что хавазин готовятся противостоять ему, и желая собрать более обширные и точные сведения, тайно послал Абдуллаха б. Абу Хадрада лазутчиком, чтобы разведать численность и намерения врага. Аль-Вакиди относит отправку Ибн Абу Хадрада к времени после выступления из Мекки, но предпочтительнее версия Ибн Исхака, как менее расширенная и более подлинного характера: Ибн Исхак рассказывает об отправке Ибн Абу Хадрада как о происшедшей до выступления Магомета к Хунайну. Ибн Абу Хадрад успешно исполнил поручение, проник во вражеский лагерь в Аутасе, пробыл там несколько дней и собрал все сведения, которых желал Магомет. Аль-Вакиди прибавляет, что Ибн Абу Хадрад присутствовал даже на собрании вражеских вождей и слышал, как Малик говорил: «До сих пор Магомет имел дело лишь с людьми, которые не умели сражаться». Он принёс известие, что враги могут обнажить 20 000 мечей. Умар не хотел верить, что союзники столь многочисленны, но Магомет полностью поверил словам Ибн Абу Хадрада и без промедления собрался двинуться против врага, грозившего стать самым могущественным и страшным из всех, кого мусульмане когда-либо встречали (Хишам, с. 842; Вакиди — Велльхаузен, с. 357; Табари, I, с. 1658).

§ 116. — Приняв, стало быть, решение напасть на хавазин и их союзников, Магомет набрал в свои отряды ещё две тысячи курайшитов, так что располагал теперь войском около двенадцати тысяч человек, самым большим, какое когда-либо имел под своим начальством. Он пожелал, чтобы все, как язычники, так и мусульмане, участвовали в приготовлениях: узнав, что Сафван б. Умайя, тогда ещё язычник, держит в доме хороший запас кольчуг и оружия, он настоял, чтобы тот ссудил их все для похода. Поначалу курайшит хотел отказать, но, так как Магомет обещал вернуть их в целости по окончании похода, Сафвану пришлось уступить, приняв на себя даже обязательство доставить их до Аутаса (Хишам, с. 842; Вакиди — Велльхаузен, с. 356; Табари, I, с. 1658–1659).

§ 117. — С Магометом выступило и много язычников из курайшитов, желавших присутствовать при том, что должно было произойти, и полных надежды кое-что заработать, если мусульманскому оружию удастся победить. Они шли частью пешком, а некоторые на верблюдах, следуя на расстоянии за мусульманскими отрядами. Одним из них был Абу Суфьян, который, подбирая всё оружие, упавшее на землю и брошенное войсками на марше, уже одним этим сделал себе хороший запас добра. С ним были также Сафван б. Умайя, Хаким б. Хизам, Хувайтиб б. Абд аль-Узза, Сухайль б. Амр, аль-Харис б. Хишам и Абдуллах б. Абу Раби‘а. Эти, особо отмечает аль-Вакиди, не питали никакого враждебного чувства к Магомету и вовсе не были против того, чтобы Магомет вышел победителем. Напротив, Сафван б. Умайя ясно сказал

одному, кто сообщил ему ложное известие о поражении Магомета: «Если бы мне пришлось согласиться признать господина, я всегда предпочёл бы одного из курайшитов одному из хавазин!» (Вакиди — Велльхаузен, с. 356, 357).

§ 118. — Дата прибытия Магомета в Мекку и дата его выступления для нападения на хавазин недостоверны. Есть такие, кто говорит, что он вступил в Мекку в пятницу (*sic*, читай: в четверг) 20 рамадана, пробыл там пятнадцать дней и двинулся к Аутасу в субботу 6 шавваля. Другое предание, данное аз-Зухри и потому авторитетное, относит его прибытие в Мекку к 13 рамадана, когда была ниспослана сура CX, 1–3. Во всяком случае кажется несомненным, что он прибыл в Мекку в месяце рамадане и после довольно краткого пребывания вышел из города во главе 12 000 воинов, чтобы двинуться на врага, в первые дни шавваля. Он оставил в Мекке Аттаба б. Асида б. Абу-ль-Иса б. Умайю руководить молитвами и дал ему в товарищи Муаза б. Джабаля, чтобы помогать ему в вопросах религиозного обряда и законоведения (Вакиди — Велльхаузен, с. 355–356; Хишам, с. 842, 843; Табари, I, с. 1653–1654, 1659; ср. Балазури, с. 40, который, ссылаясь на аль-Вакиди, относит выступление Магомета к Хунайну ко времени после окончания рамадана).

§ 119. — Насколько так называемые мусульмане, которых Магомет вёл с собой, оставались язычниками в душе и в образе чувств, ясно показывает следующий эпизод с Зат аль-Анват. Это имя курайшиты давали большому (вечно?) зелёному дереву, которое курайшиты и другие арабы-язычники имели обыкновение ежегодно посещать с большой торжественностью: они вешали на него оружие, приносили ему жертвы и проводили вблизи него целый день. Во время похода к Аутасу недавно обращённые сподвижники Магомета заметили у дороги большое зелёное лотосовое дерево (*сидра хадра'*) и закричали: «О Пророк Божий! дай нам Зат Анват (место, чтобы вешать обетные дары), как есть у других!» Магомет, возмущённый этой столь откровенно языческой просьбой, гордо отверг её, обвинив своих в том, что они такие же плохие верующие, как иудеи во времена Моисея, просившие идолов для поклонения, подобно язычникам. «Вы ещё в невежестве! Это языческие обычаи!» (Хишам, с. 844; Вакиди — Велльхаузен, с. 356; ср. также Азраки, с. 82, стр. 19 и сл.).

§ 120. — С предыдущим преданием тесно связано другое, сохранённое аль-Вакиди, а не Ибн Исхаком, которое мы тем не менее приводим, ибо оно полезно для показа происхождения подобных преданий. Неподалёку от Аутаса Пророк остановился под большим зелёным деревом, на которое повесил меч и лук. На некотором расстоянии сел сподвижник Абу Бурда б. Ниййар, занятый некоторыми своими особыми делами, когда внезапно услышал крики о помощи Пророка, звавшего его. Абу Бурда, поспешно прибежав, нашёл, что рядом с Магометом сидит незнакомец, о котором Магомет рассказал удивительные вещи. Пророк объявил, что, уснув под деревом, незнакомец пытался его убить. Абу Бурда в негодовании выхватил меч, чтобы расправиться с убийцей, которого считал вражеским лазутчиком; но Пророк остановил его и прибавил ещё категорический приказ не шуметь и не поднимать тревоги в лагере. «Страх Божий, — прибавил Пророк, — сделал человека безвредным: Бог хранит меня,

чтобы помочь мне добиться победы Его религии над всеми другими»[130] (Вакиди — Велльхаузен, с. 356).

§ 121. — Магомет пришёл к Хунайну, так утверждает аль-Вакиди, вечером во вторник (*sic*, читай: в среду) 10 шавваля, то есть через четыре дня после выступления из Мекки. В пути Пророк продвигался так поспешно, что оставил позади свои отряды; поэтому в час послеполуденной молитвы ему пришлось остановиться и подождать, пока все его люди соберутся вокруг него. Всадник, посланный дозорным на вершину горы, принёс теперь известие, что хавазин все собрались, чтобы противостоять Пророку, и Магомет, улыбаясь, ответил: «Если Богу угодно, всё это станет добычей мусульман!» Остановившись на ночь, он послал Унайса б. Абу Марсада аль-Ганави нести стражу верхом на коне на вершине холма, но сподвижник провёл всю ночь, не видя ничего подозрительного, и вернулся в лагерь вскоре после утренней молитвы, но до рассвета (Вакиди — Велльхаузен, с. 356, 357).

§ 122. — Вади Хунайн — долина Тихамы, полная оврагов и узких проходов, в которых легко было устроить засаду. Об этом и подумал Малик б. Ауф, вождь союзных племён, и ночью, расположив своих в долине, подготовил мусульманам внезапное нападение, когда те, по его расчётам, будут продвигаться в первые утренние часы, ничего не подозревая. Войско Магомета двинулось прежде, чем взошло солнце, вступив в долину, ещё не освещённую светом дня и столь тесную и извилистую, что невозможно было видеть, что находится впереди. Аль-Вакиди даёт следующее расположение мусульманских сил: белое знамя (*лива*) Переселенцев держал Али, тогда как Са‘д б. Абу Ваккас и Умар несли два стяга (*рая*). Знамя (*лива*) хазрадж нёс аль-Хубаб б. аль-Мунзир или, по некоторым, Са‘д б. Убада, а знамя аус было в руках Усайда б. Худайра; другие мединцы держали стяги (*рая*) подразделений, а именно: Абу На’ила имел *рая* Абд аль-Ашхаль, Абу Бурда — стяг бану Хариса, Катада — стяг Зафар, Джабр б. Атик — стяг Муавия, Хиляль б. Умайя — стяг Вакиф, Абу Лубаба — стяг Амр б. Ауф и Абу Усайд — стяг Са‘ида. Кроме того, Умара б. Хазм держал стяг Малик б. ан-Наджжар, Абу Салит — стяг Ади б. ан-Наджжар, Салит б. Кайс — стяг бану Мазин. (Список весьма неполон; см. Вакиди — Велльхаузен, с. 358, прим. 1.) Всего мекканских Переселенцев было 700 человек и 300 коней, а мединцев — 4000 человек и 500 коней[131]. Бану аслам насчитывали 400 человек и 30 коней и имели два стяга, которые несли Бурайда б. аль-Хусайб и Наджия б. Джундаб. Бану гифар насчитывали 300 человек, и стяг нёс Абу Зарр или Айма (*sic*) б. Рахада. Кинанские роды дамра, лайс и Са‘д б. Бакр имели 200 человек и один стяг, который нёс Абу Вакид аль-Харис б. Малик аль-Лайси. Другие утверждают, однако, что одни лайс выставили 250 человек с одним стягом, который нёс Са‘б б. Джассама. Ка‘б б. Амр имели 500

[130] Велльхаузен справедливо полагает, что эта неизвестная особа, будто бы хотевшая убить Пророка, тесно связана с языческим духом места или с древесным божеством Зат Анват. Мы находим, таким образом, у мусульманина твёрдую веру (доказываемую и другими предыдущими эпизодами, ср. §§ 70 и 102) в то, что языческие божества — не безличные или несуществующие отвлечённости, а реальные и злые существа, враги Бога и Его Пророка. Даже номинально обращаясь в ислам, арабы не освобождались от унаследованных и почти прирождённых суеверий.

[131] Эти числа, если они подлинны, показали бы, сколько чужаков и искателей приключений присоединилось к сподвижникам Магомета в качестве клиентов. Как известно из списка сражавшихся при Бадре, настоящих Переселенцев курайшитской крови было едва восемьдесят: остальные 600, упомянутые теперь, должны быть все клиентами. То же следует сказать и о мединцах.

человек и, по одним, два, по другим, три стяга, которые несли Бишр б. Суфьян, Абу Шурайх и Амр б. Салим. Музайна насчитывали 1000 человек и 100 коней с тремя стягами, которые несли Билал б. аль-Харис, ан-Нуʻман б. Мукаррин и Абдуллах б. Амр б. Ауф. Джухайна имели 800 человек и 50 коней с четырьмя стягами, которые несли Рафиʻ б. Макис, Абдуллах б. Язид, Абу Зурʻа Маʻбад б. Халид и Сувайд б. Сахр. Бану ашджаʻ было 300 человек с двумя стягами, которые несли Маʻкиль б. Синан и Нуʻайм б. Масʻуд. Бану сулайм, наконец, насчитывали 1000 человек с тремя стягами, которые несли аль-Аббас б. Мирдас, Хуфаф б. Надба и аль-Хаджжадж б. Илят[132] (Вакиди — Велльхаузен, с. 357–358).

§ 123. — Вся эта мощная рать людей двинулась теперь вверх по тесной долине Хунайна в неверном свете зари, не принимая никаких особых предосторожностей, так что передовой отряд, состоявший большей частью из суламитов, едва вступив в ущелье, был с великой стремительностью атакован вражеской конницей, сидевшей там в засаде, и обращён в бегство быстрее, чем можно сказать. Наступил момент великого смятения. Передовой отряд, охваченный безрассудной паникой, бросился на главные силы войска, шедшие за ним, и привёл их в самое плачевное расстройство, увлекая всех мусульман в бегство. Преследуя беглецов, хавазин готовы были вырвать у Магомета лёгкую и полную победу, если бы Пророк, видя тяжесть момента, не нашёл быстрого и действенного средства. Его белую мулицу держал аль-Аббас, обладавший, как было известно, звучным и сильнейшим голосом: он приказал дяде отвести его в сторону долины, чтобы выбраться из потока людей, бежавших в панике, и велел ему громко кричать и звать сподвижников. Могучий голос Аббаса прогремел по долине, был услышан всеми сподвижниками Пророка, и многие, встряхнутые призывом, перестали бежать, соскочили на землю с верблюдов, на которых ехали, и побежали к месту, где находился Магомет, ведомые громовым голосом аль-Аббаса, ни на миг не переставшего выкрикивать свой призыв о помощи. Вокруг Магомета образовалась, стало быть, группа храбрецов, которая, заслоняя Пророка от стремительной волны врагов, благодаря стойкости и примеру нескольких доблестных, сумела остановить бегство многих и предотвратить полный разгром мусульманского оружия. Горсть храбрецов, насчитывавшая вначале лишь около сотни, спасла исход битвы: она состояла из Переселенцев, ансаров и нескольких членов семьи Магомета. Были там Али, Аббас, Абу Суфьян Мугира б. аль-Харис, его сын Джаʻфар б. Абу Суфьян, Фадль б. Аббас, Рабиʻа б. аль-Харис, Усама б. Зайд, Айман б. Умм Айман (убитый в этой битве), Абу Бакр, Умар и разные другие, всего 33 Переселенца и 67 мединцев. Момент был столь тяжёл, что сам Пророк стал кричать, призывая к себе сподвижников, и его присутствие воодушевило их на подвиги великой доблести. Вражеская конница обрушилась с неистовейшим натиском, но её предводитель, державший чёрное знамя и сидевший на верблюде рыжей масти, был сражён и убит Али при помощи Абу Дуджаны: те же вместе убили и другого вождя хавазин, ехавшего на коне и размахивавшего красным знаменем. Усман, Али, Абу Дуджана, Айман б. Убайд (или б. Умм Айман) и Абу Суфьян б. аль-Харис особенно отличились, сражаясь на глазах

[132] Из этого перечня следует, что мусульман без курайшитов было 9260 человек с 980 конями. Достойно внимания, сколько коней имели уже Переселенцы и мединцы: это признак того, насколько возросло их богатство; тогда как, странно сказать, не упоминаются кони, принадлежавшие курайшитам.

Пророка. Подвиги их воспламенили и женщин, и предание сохранило память о доблестных делах Умм Салим, Умм Салит, Умм аль-Харис, Умм Умары (убившей вражеского знаменосца) и Умм Сулайм бинт Мильхан, жены Абу Тальхи, которая в самой гуще схватки, хотя и была тогда беременна Абдуллахом б. Абу Тальхой, пожелала с риском для жизни помогать мужу в бою и, подобрав и обернув одежду поясом вокруг бёдер, одной рукой твёрдо держала верблюда мужа и не давала ему бежать с другими животными, а в другой руке сжимала кинжал. То же рассказывают и об Умм аль-Харис аль-Ансарийя, и предание с удовольствием сообщает разные подробности о многих сподвижниках Пророка, благодаря доблести которых утреннее поражение было наконец превращено в великую победу (Хишам, с. 844–845, 846–847; Вакиди — Велльхаузен, с. 358–360, 360–361; Табари, I, с. 1659–1660, 1661–1663; Йа‘куби, II, с. 64, упоминает также следующие имена среди лиц, твёрдо стоявших вокруг Пророка во время первого смятения битвы: Науфаль б. аль-Харис, Раби‘а б. аль-Харис, Утба б. Абу Лахаб, Муаттаб б. Абу Лахаб и Абдуллах б. аз-Зубайр б. Абд аль-Мутталиб).

§ 124. — Одновременно Са‘д б. Убада и Усайд б. Худайр благодаря авторитету, которым пользовались, сумели вновь собрать своих рассеянных приверженцев из аль-хазрадж и аль-аус и поспешить на помощь Пророку. Как пчелиный рой, говорит предание, собрались мусульмане, раскаявшись в минутной слабости, и бросились теперь в бой с такой стремительностью и с таким желанием смыть позор бегства, что уже не знали никакой меры и сражались с удвоенным пылом: когда хавазин начали подаваться, они стали теснить их сильнее прежнего и, обратив наконец врагов в бегство, предались бесчинствам, избивая даже детей. Самому Пророку пришлось вмешаться. Предание хочет, чтобы победа была обязана двум чудесным фактам, а именно, во-первых, тому, что Магомет обратил врага в бегство, бросив в него, как при Бадре, горсть камней и песка, а затем тому, что ангелы спустились в чёрном облаке на врага и разбили его. Ангелы, говорят, отличались красными тюрбанами и серыми конями: в то же время долина наполнилась чёрными муравьями, что также было сочтено благоприятным знамением. Факт тот, что благодаря доблести горсти людей, сплотившихся на защиту Магомета, хотя некоторые мусульмане бежали назад до самой Мекки, бóльшая часть приверженцев Пророка имела возможность вновь собраться, повернуться лицом к врагу и со сравнительной лёгкостью обратить его в бегство. Победа была полной. Сакиф одними из первых пустились наутёк, и знаменосец Кариб б. аль-Асвад прислонил знамя к дереву и бежал раньше других *ахлаф*, или союзников. Бану Малик сражались доблестнее, и около ста из них пали, сражаясь вокруг знамени племени. Когда пал вождь, Зу-ль-Химар, знамя перешло к Усману б. Абдуллаху, который сражался, пока не был убит Абдуллахом б. Абу Умайей. Лишь два сакифита из *ахлаф* погибли в этой битве, а именно Вахб и Джуллах из бану гияра. Обращённые в бегство сакиф не переставали бежать, пока не оказались в безопасности за стенами своего города. Хавазин бежали в направлении Аутаса вместе со всеми союзниками, кроме бану гияра, которые направились, напротив, к Нахле. Между тем мусульманские всадники преследовали беглецов по направлению к Нахле, но благоразумно

воздержались от погони за другими, карабкавшимися на вершины гор (Вакиди — Велльхаузен, с. 361–362, 364; Хишам, с. 852; Табари, I, с. 1663–1664, 1665).

§ 125. — Раздражённые, быть может, утренней неудачей, победители несколько злоупотребили победой, и у нас есть известие, что мединцы в ярости преследования убивали даже детей: Пророку пришлось снова вмешаться, чтобы остановить варварскую резню. Усайд б. Худайр удивился заступничеству Магомета и воскликнул: «Да ведь это всего лишь дети язычников!?» Но Пророк закрыл ему рот, ответив: «Разве лучшие среди вас не тоже дети язычников? Всякий ребёнок рождается таким, каким его создал Бог, пока не научится говорить; это родители делают его иудеем или христианином» (Вакиди — Велльхаузен, с. 361).

§ 126. — Есть известие, что погибли и несколько женщин, а именно одна была убита передовым отрядом суламитов под начальством Халида б. аль-Валида, а другая — неизвестным, заявившим, что сделал это, защищаясь. Эти два случая привлекли много внимания, и любопытные сбегались смотреть на тело женщины, убитой воинами Халида б. аль-Валида. Магомет, едва узнав об этом, строго запретил подобные бесчинства, но оставил безнаказанными тех, кто их совершил, удовольствовавшись приказом похоронить тела (Вакиди — Велльхаузен, с. 363; Хишам, с. 856).

§ 127. — Пока в первых рядах мусульман сражались с яростным ожесточением и исход ещё оставался неясным, некоторое смятение распространилось в рядах тех ещё не обратившихся в ислам курайшитов, что следовали издали за походом Пророка. Поражение Магомета вызвало бы в Мекке многочисленные внутренние затруднения, тогда как некоторым курайшитам его падение доставило бы настоящую и великую радость. Один из них, Шайба б. Усман б. Абу Тальха, задумал отомстить за смерть отца, убитого при Ухуде, предав смерти Магомета; но предание утверждает, что Пророк был чудесным образом спасён божественным заступничеством. Рассказывают в самом деле, что, когда Шайба приблизился к Магомету в схватке, чтобы убить его, его охватило таинственное чувство бессилия что-либо сделать против Пророка Божия, и, глубоко потрясённый, он превратился из жаждущего мести врага в верного приверженца. Абу Суфьян предполагал, что мусульмане побегут до самого берега моря и что бедствие будет полным и роковым. Джабала б. аль-Ханбаль, один из самых ожесточённых противников Магомета в Мекке, возликовал при известии о неудаче передового отряда и воскликнул, что наконец колдовство утратило всю свою силу; но Сафван б. Умайя заставил его замолчать, заметив, что поражение, понесённое курайшитами, означало бы господство хавазин: всегда лучше переносить господство единокровного, чем чужеземца. Сухайль б. Амр высказал мнение и надежду, что мусульмане не смогут оправиться от первой неудачи; но Икрима б. Абу Джахль одёрнул его и сказал, что убеждён, что поражение в тот день ничего не изменило бы в окончательной победе мусульманского дела (Хишам, с. 845; Вакиди — Велльхаузен, с. 363; Табари, I, с. 1660–1661).

§ 128. — При окончательном разгроме хавазин погиб и старый знаменитый языческий воин и поэт Дурайд б. ас-Симма, который по своей дряхлой старости не мог уже ездить верхом и передвигался в носилках. Раби‘а б. Руфай‘ б. Ухбан, называемый

Ибн ад-Дугунна, погнался за верблюдом Дурайда, думая найти на нём женщину, но, обнаружив свою ошибку, раздражённый, выместил досаду на бедном старике, который не мог защищаться, и убил его. Утверждают даже, что первый удар ему не удался и что старик бесстрашно и насмешливо сказал ему, что не так владеют мечом и не туда надо разить оружием, чтобы прикончить врага. Второй удар Ибн ад-Дугунны не промахнулся, и старик рухнул мёртвым наземь. Когда тело раздели, обнаружилось, что его зад и внутренняя сторона бёдер были сплошной мозолью и без волос — следствие постоянной езды на голой спине коней. Предание, сохраняющее этот факт, надо сказать к чести истины, хотя и сохранено мусульманами, возлагает весь позор бесполезного убийства на мусульманина-убийцу и заставляет старого язычника умереть героем (Хишам, с. 852; Вакиди — Велльхаузен, с. 364–365; Табари, I, с. 1665–1666).

§ 129. — Во время бегства хавазин бану сулайм, входившие в передовой отряд Магомета и первыми обратившиеся в бегство в начале дня, вспомнили теперь о родстве, существовавшем между ними и хавазин, и вместо того, чтобы преследовать бегущих, как хотел бы Магомет, старались их щадить. Этот поступок весьма не понравился Пророку, который хотел, чтобы враг был разбит как можно полнее. Магомет особенно хотел убить одного са‘дита по имени Биджад, ибо тот убил мусульманина, изрубив, а затем сжёг его тело. Мединским всадникам удалось захватить Биджада, но с ним была и женщина, аш-Шайма бинт аль-Харис б. Абд аль-Узза, молочная сестра Пророка. Она дала себя узнать по шраму на руке, и Магомет, тронутый воспоминанием о своей ранней юности, тотчас освободил женщину, пожелал узнать от неё, как умерли её родители, и даровал ей, помимо разных подарков, и помилование Биджада (Хишам, с. 856–857; Вакиди — Велльхаузен, с. 363–364; Табари, I, с. 1668–1669).

§ 130. — Едва Магомет удостоверился в победе, он распорядился преследованием врага, приказав Абу Амиру аль-Аш‘ари и отряду сподвижников, среди которых был Салама б. аль-Аква‘, гнать бегущих и взять лагерь в Аутасе. Малик б. Ауф ан-Насри, главнокомандующий хавазин, пытался остановить преследование мусульман и прикрыть бегство пеших, заняв один из проходов и снова встав лицом к отрядам Магомета. Попытка была тщетной, ибо отряды бану Ка‘б б. Луайй (курайшиты) ринулись с такой стремительностью на товарищей Малика б. Ауфа, что обратили их в бегство, пробив себе путь до лагеря в Аутасе. Малику б. Ауфу пришлось спасаться, спрятавшись в кустарнике и перейдя пешком горы над Нахлой, пока он не смог добраться до своего замка в Лийе. Мусульмане, найдя таким образом путь открытым, бросились на вражеский лагерь в Аутасе; там, однако, многие беглецы, снова взявшись за оружие, попытались оказать последнее сопротивление. Вокруг лагеря вновь разгорелась довольно кровопролитная схватка, в которой после подвигов великой доблести погиб сподвижник Магомета Абу Амир аль-Аш‘ари, и его племяннику Абу Мусе пришлось самому схватить знамя и вести своих на приступ. Лагерь был взят, и победа мусульман стала отныне полной (Хишам, с. 853–857; Вакиди — Велльхаузен, с. 365; Табари, I, с. 1666–1667, 1667–1668).

§ 131. — В момент наибольшей опасности многие мусульмане, увлечённые пылом боя, не позаботились обобрать павших врагов: другие, шедшие следом,

воспользовались этим, чтобы присвоить себе добро убитых, по праву принадлежавшее убившим. Абу Катада, один из сподвижников, лишённых таким образом законной доли добычи, принёс на это жалобу Пророку, который, признав право убившего владеть оружием убитого, заставил похитителя вернуть добро законному владельцу. Абу Катада на возвращённое таким образом добро, которое он продал за 280 *дирхамов* Хатибу б. Абу Балта‘е, купил позднее в Медине, в квартале бану салима, небольшой пальмовый сад (Хишам, с. 848–849; Вакиди — Велльхаузен, с. 362–363).

§ 132. — Стоит отметить ещё одно предание о битве при Хунайне, ибо оно проливает свет на предмет, о котором известий мало, а именно на обрезание у арабов-язычников и на значение, придававшееся ему в арабской общественной жизни, как языческой, так и мусульманской. С Усманом б. Абдуллахом, знаменосцем бану Малик (сакиф), сражались и пали несколько его слуг и вольноотпущенников, среди которых был и голубоглазый христианин, не обрезанный. Когда Абу Тальха, который в тот день особенно занимался обиранием трупов на поле битвы, раздел и этого христианина и заметил, что тот не обрезан, он возвысил голос и пригласил присутствующих посмотреть и удостовериться, что сакифиты не обрезаются. Сподвижник Мугира б. Шу‘ба, сам сакифит, опасаясь, что этот слух распространится среди арабов, немедленно прибежал на место, раздел трупы других сакифитов и доказал, что утверждение Абу Тальхи неверно (Хишам, с. 849, где сказано, что Абу Тальха обобрал в тот день двадцать вражеских трупов, с. 850; Вакиди — Велльхаузен, с. 363; Табари, I, с. 1664–1665).

§ 133. — Добыча, взятая у побеждённых, была весьма обильна: она состояла из 6000 женщин с детьми, бесчисленного множества верблюдов (говорят, их было 24 000) и ещё большего числа (говорят, 40 000) овец. Так как Магомет хотел энергично продолжать кампанию и наказать также сакиф, он приказал собрать всю добычу в одном месте и затем отвести её в аль-Джи‘рану, чтобы держать там под охраной до окончания наказания, которое он намеревался наложить на сакиф. Затем он издал строжайшие приказы о добыче и настоял, чтобы все сдали в общую массу добро, взятое у врага, в ожидании окончательного раздела. Предание сохранило известия о том, с какой щепетильностью старейшие сподвижники Пророка исполнили полученные приказы, но вместе с тем даёт нам понять, что новые мусульмане, и в особенности союзники, вели себя не с такой же щепетильной честностью: многие спрятали и оставили себе то, что похитили на поле битвы или во вражеском лагере. Так, рассказывают, что Али б. Абу Талиб вернул иголку, взятую у врага и уже подаренную им одной из жён, Фатиме бинт аль-Валид б. Утба, сопровождавшей его в походе. Абдуллах б. Зайд аль-Мазини вернул лук, подобранный им в схватке и которым он пользовался в конце битвы. Среди кочевых союзников Магомета не было столь щепетильного соблюдения приказов Пророка, и сам Магомет должен был констатировать, что его повеления открыто нарушены. По особым обстоятельствам момента Магомет не счёл уместным наказывать виновных, а удовольствовался тем, что резко их выбранил и пригрозил тяжкими карами в иной жизни, где вина будет приравнена к краже; но, замечает аль-Вакиди, не велел в наказание сжечь поклажу виновного. Говорят, что при этом было ниспослано место Корана IV, 28, регулирующее

отношения мужчин с женщинами. Он запретил мужчинам ложиться с пленницами, если те беременны (ср. 7 г. х., § 30): дозволялось ложиться с ними лишь после того, как они родят или после того, как у них пройдут месячные. Вместе с тем он объявил, что *‘азль* (сношение с женщиной таким образом, чтобы помешать оплодотворению) не запрещён (Хишам, с. 877, 880; Вакиди — Велльхаузен, с. 366, 375; Табари, I, с. 1669; Йа‘куби, II, с. 65, упоминает о захвате 1000 коней и 12 000 верблюдов; Абу-ль-Фида, I, с. 164, добавляет, что в добыче было также 4000 *укийя* (унций) серебра).

§ 134. — Если мы можем принять расположение материала в тексте аль-Вакиди за хронологический порядок событий, то из одного его же предания, касающегося Мухаллима б. Джассамы, следовало бы, что битва при Хунайне закончилась уже до полудня и что Магомет мог после полуденной молитвы отдыхать в тени дерева. Пока он находился в том месте, явился Уйайна б. Хисн аль-Фазари и попросил у Магомета позволения отомстить за убийство Амира б. аль-Адбата аль-Ашджа‘и (ср. 8 г. х., § 49) и предать смерти убийцу Мухаллима б. Джассаму. Против этого притязания поднялось несколько голосов протеста, и аль-Акра‘ б. Хабис (или Хабит) защищал перед Магометом дело виновного. Пророк хотел принудить Уйайну принять цену крови в возмещение убийства, но Уйайна ответил твёрдым отказом. Другой из присутствующих, Мукайтал аль-Лайси, в свою очередь поднялся и пытался убедить Пророка удовлетворить требование Уйайны и выдать убийцу. Он просил Магомета оставить ещё в силе древний языческий закон, не налагавший на потерпевшую сторону никакой обязанности принимать возмещение за убийство члена племени: «Оставь сегодня старый закон, а измени его завтра!» Магомет, однако, остался твёрд в своём намерении и, торжественно подняв руку, произнёс приговор: виновный должен уплатить цену крови в сто верблюдов, из них 50 тотчас и 50 позднее в Медине. Он настаивал, пока Уйайна не был вынужден уступить. До этой минуты Мухаллим держался в стороне, с душой, полной тревоги за исход спора. Это был человек высокого роста, окрашенный в красный цвет *хинной*, и он надел праздничную одежду, чтобы достойно в ней умереть: сподвижники Пророка пошли теперь за ним и привели его, плачущего, к Пророку. Предание утверждает, что Мухаллим просил Магомета заступиться за него перед Богом и что Магомет трижды громко произнёс: «О Боже! Не прощай Мухаллима!» Мухаллим, услышав приговор, удалился, всё так же горько плача и утирая слёзы краем плаща[133] (Хишам, с. 988; Вакиди — Велльхаузен, с. 366–367).

§ 135. — Когда сбор всей добычи был закончен, Магомет приказал перевезти всё в аль-Джи‘рану и оставил Мас‘уда б. Амра аль-Кари, или аль-Гифари, стеречь пленных, скот и награбленное добро (Хишам, с. 857; Табари, I, с. 1669).

Согласно аль-Вакиди, пленные были отданы под надзор Будайля б. Варки аль-Хуза‘и, но не сказано, кто был поставлен стеречь остальную добычу. Отправка всей

[133] Ибн Исхак (Хишам, с. 989) говорит, что Мухаллим умер через семь дней после приговора, но другие предания относят его смерть ко временам — неясно, аз-Зубайра [† 36 г. х.] или, скорее, Ибн аз-Зубайра [† 73 г. х.]. Предание Ибн Исхака, восходящее к аль-Хасану аль-Басри [† 110 г. х.], сочинителю стольких басен, заслуживает мало доверия. Ему же принадлежит и легенда, будто в день погребения земля не захотела принять тело Мухаллима и трижды выбрасывала его из вырытой для него ямы. Тело пришлось оставить непогребённым, и его пожрали звери и хищные птицы (Вакиди — Велльхаузен, с. 367; Хишам, с. 989; Хаджар, III, с. 747, № 1864).

добычи состоялась прежде, чем Магомет двинулся против Таифа (Вакиди — Велльхаузен, с. 368).

§ 136. — После победы при Хунайне Магомет послал ат-Туфайля б. Амра с отрядом вооружённых против святилища, где хранился идол Зу-ль-Каффайн, принадлежавший Амру б. Хумаме, с приказом сжечь его дотла и набрать ещё людей в подкрепление в племени даус, ветви азд. Приказы Пророка были в точности исполнены, идол был сожжён, и ат-Туфайль прибыл к Таифу через четыре дня после Пророка, приведя с собой целых 400 аздитов, снабжённых также катапультой. Знаменосцем этого отряда был Ну‘ман б. аз-Зурафа аль-Лихби — тот самый, что был знаменосцем племени в языческие времена и получил от Пророка право сохранить эту должность, перейдя в мусульманскую веру (Вакиди — Велльхаузен, с. 368).

§ 137. — Битва при Хунайне описана также в следующих источниках: Асир, II, с. 199–203; Йа‘куби, II, с. 63–66; *Танбих*, с. 269–270; Абу-ль-Фида, I, с. 158–162; *Хамис*, II, с. 109–121; Халаби, III, с. 250–262; Коссен де Персеваль, III, с. 244–255; Шпренгер, III, с. 324–329; Мьюр, IV, с. 136–143; Мюллер, I, с. 155–156; Гримме, I, с. 143–146; Табари — Зотенберг, III, с. 142–152.

Мусульмане, павшие при Хунайне

§ 138. — В битве при Хунайне были убиты следующие сподвижники Пророка:

(1) **Айман б. Убайд**, называемый также Айман б. Умм Айман, из племени бану хашим. Говорят, что он был абиссинского происхождения и сыном той Умм Айман, которая была также матерью (от другого мужа) Усамы б. Зайда б. Харисы (Хаджар, I, с. 184–186, № 390; Асир, *Усд*, I, с. 161).

(2) **Язид б. Зам‘а б. аль-Асвад**, из племени бану асад б. абд аль-узза, которого во время битвы сбросил наземь испуганный конь (ср. § 168, № 3); по мнению некоторых, он был одним из древнейших мусульман и эмигрировал в Абиссинию. Это был человек, пользовавшийся большим уважением в Мекке, и в языческие времена люди стекались к нему за советом во всех своих делах. Некоторые, однако, утверждают, что он обратился лишь при взятии Мекки (Хаджар, III, с. 1351, № 8770; Асир, *Усд*, V, с. 110).

(3) **Сурака б. аль-Харис**, из племени бану-ль-аджлан, мединец, участвовавший в битве при Бадре, при Ухуде и в осаде Медины; по мнению некоторых, был убит в битве при Муте (ср. 8 г. х., § 16, № 5; Хаджар, II, с. 133–134, № 4008; Асир, *Усд*, II, с. 263).

(4) **Абу Амир аль-Аш‘ари**, дядя по отцу Абу Мусы аль-Аш‘ари [† 52 г. х.]; говорят, что он был одним из древнейших мусульман и эмигрировал вместе с другими в Абиссинию: пока он оставался язычником, был слеп, а обратившись, прозрел (Хаджар, IV, с. 227–228, № 685; Асир, *Усд*, V, с. 238).

(5) **Абу Сабит Рукайм б. Сабит б. Са‘лаба аль-Ансари**, который, как утверждают другие, умер при осаде Таифа (Хаджар, I, с. 1063, № 2673; Асир, *Усд*, II, с. 187).

(Хишам, с. 857; Вакиди — Велльхаузен, с. 368; Табари, I, с. 1669, опускающий № 5; ср. § 203 об имени ещё одного убитого; Хаджар, II, с. 1061, № 9074, говорит, что среди погибших был также Абу Убайд б. Зайд (или Умар) аль-Ансари.)

Предание не сообщает, сколько погибло среди союзников Магомета, но есть основание предполагать, что их потери были очень тяжелы, ибо именно им пришлось выдержать сильнейший натиск врага. Из других преданий мы косвенно узнаём, что некоторые племена, как, например, бану ри’аб (по Ибн Исхаку) или бану рикаб (по аль-Вакиди), были почти полностью истреблены, и когда кто-то пришёл сообщить об этом Магомету, тот воскликнул: «Боже! Исправь их беду!» (Хишам, с. 854; Вакиди — Велльхаузен, с. 365).

Поход на Таиф и его осада (версия Урвы)

§ 139. — Для этого знаменитого военного события, как и для битвы при Хунайне, мы располагаем текстом древнейшего и подлинного предания, которое, как и в других случаях, считаем нужным привести полностью, ибо оно служит полезным мерилом для сравнения с позднейшими распространениями.

Ат-Табари [† 310 г. х.], от Али б. Насра б. Али аль-Джахдами [† 250 г. х.], от Абд ас-Самада б. Абд аль-Варис [† 207 г. х.], от Абана аль-Аттара [† 160 г. х.], от Хишама б. Урвы [† 146 г. х.], от Урвы б. аз-Зубайра [† 94 г. х.]; или же с заменой второго звена *иснада* именем Абд аль-Вариса б. Абд ас-Самада [† ок. 250 г. х.]: «Пророк выступил немедленно в день битвы при Хунайне, то есть сразу по возвращении из Хунайна, и пошёл стать лагерем под Таифом[134]. Там полмесяца Пророк и сподвижники оставались, сражаясь с сакиф, которые со своей стороны сражались против них из-за стен крепости (*хисн*), причём ни один из них ни разу не вышел биться (в открытом поле). Между тем все люди, жившие в окрестностях сакиф, обратились в ислам и отправили посольства к Пророку Божию. Затем Пророк вернулся назад, осаждав город лишь полмесяца, и пошёл стать лагерем в аль-Джи‘ране, где находились все женщины и дети, взятые Пророком в плен в битве при Хунайне. Полагают, что число этих пленных, взятых у хавазин в тот день, составляло 6000 женщин и детей. Когда Пророк вернулся в аль-Джи‘рану, к нему явились послы хавазин, ставших мусульманами, и Магомет отпустил на свободу всех их женщин и всех их детей. Тогда он начал *умру*, „малое паломничество”, из аль-Джи‘раны, и это было в месяце зу-ль-ка‘да. Затем Пророк

[134] Мы уже приводили в другом месте описание окрестностей Таифа (ср. Введение, § 328, прим. 1), какими их видел Буркхардт в 1814 г.; теперь приведём его описание самого города: «Город Таиф расположен посреди большой песчаной равнины, обход которой занимает четыре часа пешком; равнина покрыта растениями, называемыми *шомб*, и замкнута невысокими горами, называемыми Джебаль Газуан [sic, т. е. Джабаль Газван в нашей транскрипции]… Таиф имеет форму неправильного четырёхугольника, и чтобы обойти его весь, нужно тридцать пять минут быстрого шага: он окружён стеной и рвом, недавно сооружёнными Усманом эль-Медхайфе (т. е. аль-Мадайфи). Стена имеет трое ворот и защищена несколькими башнями, но она гораздо менее прочна, чем стены Джидды, Медины и Янбу‘, ибо лишь в немногих местах толщина её превышает восемнадцать дюймов. С западной стороны, внутри города и составляя часть городской стены, на скалистой возвышенности стоит замок. Дома города большей частью небольшие, но хорошо построены из камня, и приёмные комнаты находятся на верхнем этаже… Улицы шире, чем в большинстве восточных городов. Единственная общественная площадь — перед замком, широкое открытое пространство, служащее рынком». Burckhardt, *Travels*, с. 84, где он добавляет, что во время вторжения ваххабитов в 1802 г. ещё существовал купол, который, как считалось, покрывал гробницу аль-Аббаса б. Абд аль-Мутталиба, и что ваххабиты его полностью разрушили. Город и поныне населён арабами бану сакиф (там же, с. 85–86).

Божий вернулся в Медину и оставил наместником над жителями Мекки Абу Бакра, и повелел ему возглавить для людей паломничество и учить их исламу; повелел ему даровать безопасность всем тем (язычникам), кто придёт на паломничество. Когда же он вернулся в Медину, по его прибытии к нему явились послы сакиф: тогда они заключили с ним договор[135], который был упомянут (тёмный намёк на долгие переговоры 9 г. х.), и объявили ему о своей покорности: и это — та грамота, что находится у них и что они написали по соглашению с ним» (Табари, I, с. 1669, стр. 16 — с. 1670, стр. 16).

Поход на Таиф и его осада (более поздняя версия)

§ 140. — После битвы при Хунайне Магомет продвинулся со всем войском до лагеря в Аутасе, оставленного врагами, а затем направился к городу Таифу. Из Аутаса он пошёл дорогой на Нахлу аль-Ямания, миновал Карн, аль-Мулайх и Бахрат ар-Ругу и пришёл в Лийю, где, как мы уже говорили, стоял частный замок Малика б. Ауфа ан-Насри, предводителя хавазин и их союзников. В Лийе он сделал привал, построил там мечеть и судил одного араба из племени лайс, виновного в убийстве хузайлита. Магомет велел выдать виновного в руки хузайлитов, которые предали его смерти. Это была первая смертная казнь, совершённая исламом. Затем Магомет обратил внимание на замок в Лийе, и так как Малик б. Ауф покинул его, бежав в Таиф, Пророк приказал его поджечь; здание горело с полудня до заката. Поблизости находилась гробница Абу Ухайхи Са‘ида б. аль-Аса, и Абу Бакр позволил себе осыпать проклятиями память покойного, прежнего владельца окрестной земли. Но присутствовали Амр и Абан, двое сыновей умершего, которые, раздражённые проклятиями Абу Бакра, отомстили, бросив столько же проклятий против его отца. Вмешался Магомет и положил конец малопристойной сцене, объявив, что оскорбления, бросаемые мёртвым, вредят лишь живым, и приказал обеим сторонам прекратить. Из Лийи Магомет пошёл дорогой, ведущей в Нахб, и, узнав, что дорога зовётся ад-Дайка, то есть «Тесная», пожелал, чтобы отныне её называли аль-Юсра, то есть «Лёгкая». В Нахбе он сделал привал под деревом *сидра*, называемым ас-Садира, близ сада, принадлежавшего одному сакифиту, которого Магомет позвал и пригласил присоединиться к нему против жителей Таифа; но так как владелец даже не показался, Магомет приказал разорить и сжечь сад. Продолжая поход, Пророк наконец пришёл под стены Таифа (Хишам, с. 869–870, 871–872; Вакиди — Велльхаузен, с. 368–369; Табари, I, с. 1670–1671).

§ 141. — Бану сакиф, жители Таифа, уже давно приняли многие меры предосторожности против возможного нападения Магомета, восстановив стены города, который по своему особому устройству и без того был весьма хорошо укреплённой крепостью всего с двумя воротами. Из текста аль-Вакиди можно было бы почти понять, что город был чем-то отдельным от цитадели, но текст Ибн Исхака и всё повествование показывают, что город и цитадель были одним целым. Чтобы лучше обороняться от врагов, бану сакиф уже давно послали двоих из своих вождей, Урву б. Мас‘уда и Гайляна б. Саламу, в Джураш в Йемене изучать искусство применения осадных машин и в особенности строить *ад-даббабат* (или *ад-даббаб*, осадные башни), *аль-маджаник*

[135] О выражении *кадайаху ‘ала-ль-кадиййа* ср. Балазури, с. 36, и там же, *Glossarium*, с. 90, и Бухари, III, с. 116.

(машины вообще, но, быть может, в данном случае это значит катапульты) и *ад-дубур* (переносные навесы для приступа к стенам)[136]. Но так как эти двое ещё не вернулись, они не присутствовали ни при Хунайне, ни при осаде Таифа. Кроме оружия, бану сакиф позаботились собрать в городе запасы продовольствия, достаточные, чтобы выдержать годичную осаду. Бану сакиф, стоявшие на стенах города в ожидании отрядов Магомета, когда те показались, привели старуху и, повернув её спиной к Пророку и его последователям, обнажили ей зад. Предание не говорит, каково было особое значение этого жеста презрения и почему его поручили совершить старой женщине, а не кому-либо другому (Хишам, с. 869–870; Вакиди — Велльхаузен, с. 368, где в немецком переводе Велльхаузена сказано: «Die Thaqif hatten sich in ihre bei der Stadt gelegene zweithorige Burg geflüchtet, die sie gut ausgebessert» и т. д., т. е., согласно аль-Вакиди, цитадель была отделена от города; Табари, I, с. 1669–1671; Балазури, с. 55).

§ 142. — Магомет не подозревал, что жители Таифа располагают весьма действенными средствами обороны, и неосторожно приблизился к стенам, разбив лагерь вблизи них. Эта неосторожность обошлась дорого, ибо бану сакиф по данному знаку обрушили на мусульман тучу стрел, убив многих последователей Пророка и вынудив его поспешно перенести лагерь. Аль-Хубабу б. аль-Мунзиру было поручено найти новое место (ср. также 7 г. х., § 14), и он выбрал холм, более удалённый от города, — точно на том месте, где позднее воздвигли мечеть в память об осаде, то есть там, где стоял шатёр Пророка. Рассказывают даже, что у Пророка были с собой две жены, Умм Салама и Зайнаб, и что, велев поставить два отдельных шатра, по одному для каждой жены, он имел обыкновение молиться в пространстве между ними. Мечеть, воздвигнутая позднее на том месте, была построена на средства Амра б. Умайи б. Вахба б. Му‘аттиба б. Малика[137] (Хишам, с. 872; Вакиди — Велльхаузен, с. 369; Табари, I, с. 1671).

§ 143. — Неизвестно точно, сколько длилась осада Таифа: одни говорят — всего пятнадцать дней, другие — 17, 18, 19 или даже 20; но каково бы ни было точное число дней осады, исход её был мало удачен, и Магомету пришлось отступить, понеся значительные потери и моральный урон, ибо он пустил в ход все известные средства, чтобы одолеть осаждённых. С обеих сторон сражались с великим ожесточением, и из косвенных признаний самих преданий следует заключить, что город Таиф успешно отразил приступы мусульман — не только потому, что Магомет и его люди мало или вовсе ничего не знали в науке осады, но также и в особенности потому, что жители, полагаясь на крепость стен и уверенные, что легко смогут обороняться, бились с

[136] В схолиях Ибн Хишама (схолия к 869, 19, последний том, с. 199) *ад-даббаба* описана как военная машина (*алат аль-харб*), служащая прикрытием для людей, когда они приближаются к стенам, чтобы пробить в них брешь; *ад-дубур* же — нечто вроде крышек корзин (*ру’ус аль-асфат*), обтянутых кожей, которыми люди прикрываются при приступе, когда хотят отступить от атакуемых стен. Ничего больше комментатор не говорит, чтобы лучше пояснить разницу между двумя орудиями; вероятно, однако, что первое было большей и более сложной деревянной машиной на колёсах, способной укрыть и защитить целый отряд людей, работающих над разрушением стены, тогда как *дубур* были меньших размеров, легче для переноски и служили, быть может, лишь для защиты одного-двух воинов, т. е. были своего рода щитом массивнее обычных. Ср. также Schwarzlose, *Die Waffen der Araber*, с. 319–322.

[137] Говорят, что в мечети Таифа, построенной Амром б. Умайей, была колонна, которая каждый день при восходе солнца издавала звук, *накид*, слышный целых десять раз. Считалось, что этот звук означает хвалу Богу (Вакиди — Велльхаузен, с. 369; Табари, I, с. 1671–1672).

великой доблестью и в уверенности в победе. С обеих сторон пустили в ход военные машины. У осаждённых были катапульты, метавшие камни на большие расстояния, и они употребляли всякого рода вещи, чтобы остановить натиск мусульман, когда те пытались идти на приступ. Перс Салман аль-Фариси построил для Пророка нечто вроде катапульты, которой крупные камни метались в крепость. Другие, напротив, утверждают, что катапульта, которой пользовался Магомет, была привезена из Джураша стараниями Язида б. Зам‘и, или ат-Туфайля б. Амра, или Халида б. Са‘ида; такое же происхождение, говорят, имели два переносных навеса, под прикрытием которых мусульмане пытались атаковать и разрушить крепость или пробить брешь в стенах. Но защитники бросали на навесы всякого рода вещи, и между прочим раскалённые лемеха плугов, которые, падая на деревянные переносные навесы, поджигали их. Мусульманам, находившимся под ними, пришлось бросить горящие машины и бежать, но, убегая, они оказались под смертоносным дождём стрел. В этой несчастной попытке погибло много последователей Магомета, ибо лучники Таифа были особенно искусны и редко промахивались. Самым знаменитым из вражеских лучников был Абу Михджан, о мастерстве которого в стрельбе из лука рассказывают разные эпизоды. День приступа с переносными навесами был назван днём аш-Шадха, или «раскалывания голов», с намёком на раскалённые железные лемеха, которые бросали на головы мусульман. Ибн Исхак утверждает, что Шадха — название места вблизи стен Таифа, а именно там, где мусульмане пытались идти на приступ (Хишам, с. 872–873, где переносные навесы названы *ад-даббаба*, т. е. подвижные осадные башни; Вакиди — Велльхаузен, с. 369, 370; Табари, I, с. 1672; Балазури, с. 55).

§ 144. — Магомет испробовал и пути примирения и послал Раби‘у б. аль-Асвада вести переговоры с бану сакиф: Раби‘а попросил и получил от осаждённых охранную грамоту, чтобы войти в город и вести с ними переговоры, но они предательски пустили в него стрелы, и мусульмане, желая отомстить за оскорбление, не знали никакой жалости, когда один из осаждённых попал им в руки. Случилось в самом деле, что Хузайль б. Абу-с-Сальт, брат знаменитого поэта Умайи б. Абу-с-Сальта, неосторожно отважившись выйти за стены, был схвачен и предан смерти Я‘кубом б. Зам‘ой б. аль-Асвадом (Вакиди — Велльхаузен, с. 369).

§ 145. — Всё в надежде склонить сакиф к сдаче Магомет совершил неосторожность, позволив пресловутому Уйайне б. Хисну аль-Фазари отправиться в цитадель сакиф, так как тот, будучи старым знакомым Абу Михджана, получил охранную грамоту. Уйайна смог, таким образом, в полной безопасности проникнуть в Таиф и иметь беседу с предводителями обороны. Но вместо того чтобы отстаивать дело Магомета, он, с обычным для бедуинов вероломством, посоветовал сакиф упорствовать в сопротивлении, ибо, сказал он, мусульмане уже устали и пали духом и желают снять осаду. Неверный араб вернулся в мусульманский лагерь как ни в чём не бывало; но правда вышла наружу, и нашлись такие, как Умар (как обычно!), которые просили Пророка позволить отрубить ему голову как предателю и лазутчику. Магомет, однако, не пожелал, чтобы бедуина тронули, и ограничился выговором (Вакиди — Велльхаузен, с. 371).

§ 146. — Магомет, несмотря на такие неблагоприятные случаи, тешил себя надеждой найти ещё средство склонить сакиф к своей воле и приказал начать уничтожение части богатых виноградников, покрывавших склоны гор и низины вокруг Таифа. Ущерб был очень значителен, и зрелище варварского опустошения опечалило сакиф, но не склонило их к сдаче. Предание не говорит, насколько обширным было уничтожение сакифитских виноградников, но есть основание предполагать, что оно было лишь частичным и вызвано желанием устрашить сакиф, а не намерением действительно уничтожить виноградники. Мы знаем в самом деле, что в самом мусульманском лагере поднялись голоса протеста и что Магомет, приняв совет Умара, велел никогда не трогать молодых лоз, ещё не плодоносивших. В мусульманском лагере было уже несколько сакифитов, как, например, Суфьян б. Абдуллах ас-Сакафи, Я‘ла б. Мурра ас-Сакафи и другие. Первый из названных весьма энергично протестовал против опустошения, которое он объявил вредным для всех, и вероятно, что Магомет, видя, что этими средствами не добивается желаемого, отказался от бесполезного варварства. Что он проявил большую умеренность и рассудительность, доказывает и другой эпизод этой осады. Абу Суфьян б. Харб и аль-Мугира б. Шу‘ба, попросив и получив у сакиф охранную грамоту, вошли в город и пытались уговорить нескольких курайшитских женщин, живших в Таифе, перейти в мусульманский лагерь и так избежать опасности попасть в плен при взятии города. Женщины, к которым они обратились, были: (1) Амина бинт Абу Суфьян, жена Урвы б. Мас‘уда (который, как мы знаем, тогда отсутствовал, находясь в Джураше) и мать Давуда б. Урвы; другие говорят, что вместо Амины это была Умм Давуд Маймуна бинт Абу Суфьян, жена Абу Хурры б. Урвы б. Мас‘уда и мать Давуда б. Абу Хурры; (2) аль-Фирасия бинт Сувайд б. Амр б. Са‘лаба, мать Абд ар-Рахмана б. Кариба; (3) Умайма аль-Фукаймия, дочь *ан-наси* (изменителя календаря, ср. 1 г. х., § 10) Умайи б. Кал‘а. Все три женщины, хотя и состояли в столь тесном родстве с курайшитами, а одна была даже дочерью Абу Суфьяна, отказались спуститься в мусульманский лагерь и покинуть Таиф. В тот момент, когда двое курайшитов собирались уходить, к ним явился один из бану-ль-асвад б. мас‘уд и просил их заступиться перед Пророком за виноградник его семьи, указывая на то, что он находится на весьма неблагодарной почве и требует дорогостоящей обработки. Если Пророк уничтожит этот виноградник, никто уже не сможет взять на себя расходы, чтобы восстановить его таким, каким он был, и это было бы разорением семьи. Говорят, что Абу Суфьян передал эту просьбу Пророку и что Магомет больше не тронул виноградника бану-ль-асвад б. мас‘уд, находившегося по ту сторону мусульманского лагеря, на некотором расстоянии от Таифа, в долине Вади аль-Акик (Хишам, с. 873; Табари, I, с. 1672; Вакиди — Велльхаузен, с. 370).

§ 147. — Рассказывают, что во время уничтожения виноградников на цитадели появился человек и начал поносить мусульман, называя их рабами Магомета и советуя им отступить, ибо, сказал он, уничтожение пары виноградников не приблизит Магомета к достижению его цели. Са‘д б. Абу Ваккас, не в силах стерпеть эти дерзкие речи, пустил в язычника стрелу так метко, что она поразила сакифита в горло и сбросила его мёртвым с высоты стен, к великой радости Пророка (Вакиди — Велльхаузен, с. 370–371).

§ 148. — Во время осады мусульмане понесли значительные потери, ибо сакиф умели пользоваться луком с великим искусством; невозможно было приблизиться к стенам, не будучи пронзённым. Абдуллах б. Абу Бакр был ранен стрелой, пущенной Абу Михджаном, лучшим лучником сакиф, и рана зажила так плохо, что Абдуллах так никогда от неё и не излечился; он продолжал страдать несколько лет, пока не умер от последствий той же раны, когда его отец был халифом (Вакиди — Велльхаузен, с. 371, где сказано, что Абу Бакр хранил стрелу, сгубившую его сына, и показал её Абу Михджану, когда тот пришёл навестить его в Медине).

§ 149. — Полезно будет вспомнить ещё один эпизод этой осады, ибо много лет спустя память о нём была вновь вызвана врагами Мугиры б. Шу‘бы, когда он был наместником Куфы во времена халифа Умара.

Аль-Мугира б. Шу‘ба во время осады Таифа услышал, как один музайнит, разговаривая с другим, говорил ему, чтобы при взятии города он не забыл завладеть женщинами семьи Кариб, ибо они из всех женщин города наиболее достойны того, чтобы их захватить. Так как эти речи не понравились аль-Мугире (быть может, потому, что он был родственником этой семьи), он предложил музайниту пустить стрелу в одного сакифита, видневшегося в тот момент на гребне стены. Музайнит, приняв совет, пустил стрелу, но промахнулся и не попал в сакифита. А это был как раз знаменитый и грозный лучник Абу Михджан, который, раздражённый попыткой музайнита, не мешкая ответил ему и смертельно его ранил. Когда аль-Мугира увидел, что его уловка удалась, как он и предвидел, он насмешливо сказал умирающему: «Так ты научишься разжигать в людях вожделение к женщинам Таифа!» Дело стало известно, и Абдуллах б. Амр б. Ауф аль-Музани пришёл в ярость, обвиняя аль-Мугиру в том, что он держит сторону врага, и заявляя, что, не будь ислама, он убил бы его. Аль-Мугира просил его замолчать и не поднимать скандала, но музайнит не пожелал слушать и наделал много шума. Память об этом эпизоде была вызвана вновь годы спустя, в царствование Умара, который, узнав о деле, объявил, как говорят, что аль-Мугира поэтому недостоин занимать общественную должность в мусульманской державе, и сместил его с управления Куфой (Вакиди — Велльхаузен, с. 371).

§ 150. — Другим средством, придуманным Магометом, чтобы сломить сопротивление сакиф, было объявление, что всякий раб, который выйдет из осаждённой крепости и присоединится к мусульманам, будет отпущен на свободу. Так по крайней мере рассказывает аль-Вакиди; в тексте Ибн Исхака мы имеем иную версию, но, быть может, более близкую к истине, ибо, по этому последнему, во время осады около десятка рабов бежали из Таифа и пришли в мусульманский лагерь, получив от Пророка в награду за переход дар свободы, как только обратились в ислам. Аль-Вакиди рассказывает, что десять рабов[138], бежавших из Таифа, были наставлены некоторыми

[138] Сохранилась память о некоторых из этих беглых рабов: (1) Абу Бакра Нуфай‘ б. Масрух, ставший одним из добрых сподвижников Пророка и умерший затем в Басре; (2) аль-Азрак, слуга аль-Хариса б. Калады аль-Мутатаббиба, или «лекаря»; этот слуга был, говорят, мужем знаменитой вольноотпущенницы аль-Хариса, Сумайи, матери впоследствии знаменитого Зияда б. Абихи [† 53 г. х.] и Саламы б. аль-Азрака; (3) аль-Мунба‘ис, слуга Усмана б. Амира б. Му‘аттиба, прежде носивший имя аль-Мустаджа‘, которое Магомет переменил ему на аль-Мунба‘ис (Хишам, схолия к с. 873, 3, последний том, с. 200; Кутайба, с. 131; ср. Балазури, с. 56: аль-Азрак — отец знаменитого Абу Нафи‘а б. аль-Азрака аль-Хариджи, основателя свирепой секты азракитов, или аль-азарика).

сподвижниками в мусульманском учении и что бегство этих первых было тяжёлым ударом для сакиф: после этого они установили строгий надзор за своими рабами и, опасаясь исхода всех остальных, мерами великой строгости помешали кому-либо ещё бежать в мусульманский лагерь. Утверждают, что позднее, когда сакиф приняли ислам, прежние хозяева просили Пророка вернуть бежавших рабов и что именно аль-Харис б. Калада представил эту просьбу Пророку. По аль-Вакиди, лишь двое были возвращены своим хозяевам, но Ибн Исхак утверждает, что Пророк ответил решительным отказом, сказав, что рабы стали вольноотпущенниками Бога (Хишам, с. 874; Вакиди — Велльхаузен, с. 371).

§ 151. — Магомет держал при себе слугу одной своей двоюродной сестры по имени Мани‘, или Хит (или Хинб), который был из так называемых *аль-муханнас*, неспособных ложиться с женщинами, или гермафродитов[139]. Пророк позволял ему входить и выходить в его женские покои в убеждении, что слуга по своему телесному сложению не придаёт значения тому, что услаждает мужчин, когда они находятся с женщиной. Но во время осады Таифа Магомет сделал неприятное открытие: он услышал, как слуга Мани‘, разговаривая с Халидом б. аль-Валидом, или, по другим, с Абдуллахом б. Абу Умайей б. аль-Мугирой, говорил ему: «При взятии Таифа не упусти красавицу Бадию бинт Гайлян б. Саламу ас-Сакафию[140]: у неё на животе четыре складки и ещё восемь сзади; бёдра у неё так полны, что, сидя на них, она может покачиваться». Магомет был возмущён тем, что слуга умеет так точно описывать и оценивать телесные прелести женщин, и не только запретил ему и ещё одному слуге отныне ступать в его дом, но и сослал его в Джаму, позволив возвращаться в Медину лишь по пятницам, чтобы просить немного милостыни[141]. Наложенное изгнание сохранялось, несмотря на его мольбы, до времён Усмана, который со своей обычной уступчивостью поддался настояниям и позволил слуге вернуться в Медину и жить там (Вакиди — Велльхаузен, с. 371–372; Хишам, схолия к с. 874, 3, последний том, с. 200; ср. также *Агани*, II, с. 172, стр. 3 и сл., где вместо Джамы сказано аль-Хима).

§ 152. — Бану сакиф не замедлили обнаружить, что пыл мусульман ослабевает, и потому стали ещё дерзче. Абу Михджан б. Хабиб б. Амр б. Умайр ас-Сакафи, искусный лучник, уже не раз упомянутый, принялся теперь с высоты стен поносить и унижать мусульман, называя их рабами Магомета и насмешливо советуя им отступить. Ему

---

[139] Говорят, что во времена Магомета было четыре слуги, называемых *аль-муханнас*, то есть неспособных к соитию, или гермафродитов. Их звали: Хит, Хидм, Мани‘ и Унна. Они никогда не совершали тяжкого греха похоти, но были известны своей крайней изнеженностью; они красили руки и ноги, как женщины, и забавлялись игрой в мяч (? *курдж*), игрой, которую арабы той эпохи считали признаком крайней изнеженности, ибо она была любима женщинами. Рассказывают, что халиф Умар однажды увидел, как кто-то играет с *курджем*, и воскликнул: «Если бы я увидел, как кто-нибудь играет этой вещью во времена Пророка, я изгнал бы его из Медины» (Хишам, схолия к с. 874, 3, последний том, с. 200).

[140] Эта Бадия бинт Гайлян была женщиной, известной своей изысканностью и богатством своих женских украшений. Она и аль-Фари‘а бинт Акиль слыли двумя наилучше одетыми и украшенными женщинами Таифа и возбуждали зависть равных им в других городах. На них намекает предание, приведённое в следующем параграфе. Бадия бинт Гайлян была женой Абд ар-Рахмана б. Ауфа и матерью аль-Джувайрии, ставшей женой передатчика преданий аль-Мисвара б. Махрамы (Хишам, с. 874; ср. также схолию там же, на с. 200 тома примечаний к Ибн Хишаму).

[141] Другие говорят, что Пророк сослал слугу-гермафродита в Рауда Хах и что, когда ему заметили, что в том месте слуга умрёт с голоду, он позволил ему приходить в Медину по пятницам просить милостыню на пропитание (Хишам, схолия к с. 874, 3, последний том, с. 200).

захотел ответить Умар, сказав, что найдётся ещё способ выгнать лису из норы, прежде чем подумают об отступлении. Но Абу Бакр отговорил его говорить подобное, ибо, добавил он, Пророку не было даровано взятие Таифа. Умар побежал к Магомету и получил от него подтверждение неприятной вести (Вакиди — Велльхаузен, с. 372).

§ 153. — Действительно, Пророк, удостоверившись, что взятие Таифа ввиду упорства жителей и прочности укреплений — дело невозможное, убедился в целесообразности скорого отступления от стен города. Предание утверждает, что Магомет пришёл к этому заключению разными путями. Рассказывают, что ему был открывающий сон: ему привиделось, будто чаша сливок опрокинута наземь ударом петушиного клюва; Абу Бакр, которому Пророк пожелал рассказать сон, истолковал его как предостережение, что Пророк пока не покорит бану сакиф. Поэтому Магомет тем более утвердился в мысли снять осаду, считая тщетной всякую попытку, ибо Бог не желал пока даровать ему обладание городом. Хувайла бинт Хаким б. Умайя б. Хариса б. аль-Аукас ас-Сулямия, жена Усмана б. Маз‘уна, женщина, известная своей страстью к нарядам, просила Магомета, когда он завладеет Таифом, подарить ей украшения и драгоценности, принадлежавшие прекрасной и всем известной Бадии бинт Гайлян или те, которыми владела аль-Фари‘а бинт Акиль. На эту просьбу Магомет будто бы ответил: «А если, о Хувайла, нам не будет дано покорить сакиф?» Хувайла, удивлённая ответом, пошла пересказать его Умару, который тотчас побежал спросить Пророка и получить подтверждение. Умар спросил: «Разве не дано никакой власти над сакиф?» — «Нет!» — ответил Магомет. — «Тогда, — воскликнул Умар, — позволь мне дать приказ к отступлению!» Так рассказывается, как Магомет пришёл к решению снять осаду. Предание, стало быть, хотело бы заставить поверить, что Магомет получил сверхъестественным образом известие, что взятие Таифа ему не дано; но эта легендарная версия в той форме, в какой она до нас дошла, позволяет предположить, что именно Умар убедил Магомета в тщетности осады и побудил его отказаться от предприятия. Необходимость отступить была очень горькой для Магомета и для всех последователей, рассчитывавших взять в Таифе богатую добычу, но убеждение в тщетности всякой попытки было заслугой не одних Умара и Пророка. Мы знаем в самом деле из другого предания, что, после того как мусульмане пятнадцать дней простояли под стенами Таифа, Магомет спросил хитроумного Науфаля б. Му‘авию ад-Ду’или и попросил его мнения о том, что следует делать. «Лиса в норе, — кратко ответил араб, — если ты её стережёшь, ты её поймаешь, а если отпустишь, она не причинит тебе никакого вреда»[142] (Хишам, с. 873–874; Вакиди — Велльхаузен, с. 372–373; Табари, I, с. 1672–1673).

§ 154. — По Ибн Исхаку, приказ об отступлении был исполнен мусульманами без всякого сопротивления; более того, текст Ибн Хишама обходит молчанием, опуская всякие подробности, то, как мусульмане сняли осаду. Иначе у аль-Вакиди, согласно которому мусульмане, весьма недовольные необходимостью отступать, подняли большой шум. Некоторые хотели, чтобы Магомет отменил приказ, прося Умара вмешаться и настаивая на попытке нового приступа. Умар, однако, не пожелал

[142] Под лисой разумеется Таиф, который, если Пророк будет держать его под наблюдением, попадёт ему в руки; если же он предпочтёт вовсе его оставить, тот не причинит ему никакого вреда.

ходатайствовать в желаемом мусульманами смысле, и они после нового тщетного приступа вернулись с такими потерями, что наконец смирились, сняли шатры и двинулись к аль-Джи‘ране, чтобы заняться разделом добычи Хунайна (Вакиди — Велльхаузен, с. 372, 373; Хишам, с. 874).

§ 155. — Истинные и добрые мусульмане испытывали чувство глубокой горечи, покидая стены Таифа, но их чувств разделяли не все сподвижники. Са‘д (или Са‘ид) б. Убайд б. Асид б. Амр б. Илладж ас-Сакафи, находившийся в рядах мусульман, не мог удержаться, чтобы не выразить свою гордость доблестной и удачной обороной своих единокровных, и воскликнул ликующим тоном: «Итак, наше племя будет существовать и дальше!» Уйайна б. Хисн аль-Фазари, присутствовавший при этой сцене, одобряя слова сакифита, добавил: «Да! конечно! со славой и честью!» Эти столь антимусульманские выражения не понравились новообращённому мусульманину Амру б. аль-Асу, который, как один из курайшитов, оскорблённый унижением, нанесённым его роду сакиф, упрекнул Уйайну за неосторожные слова: «Ты хвалишь врагов Пророка Божия, а между тем находишься здесь, чтобы помогать ему против них!» — «Нет! — ответил Уйайна, — я пришёл сюда лишь с целью добыть себе при взятии Таифа девушку-сакифитку и иметь от неё сына: сакиф — порода плутоватая!» Этот ответ, переданный Пророку, рассмешил его (Хишам, с. 874; Вакиди — Велльхаузен, с. 373; Табари, I, с. 1674).

§ 156. — Осада Таифа обстоятельно описана также в следующих источниках: Асир, II, с. 203–205; Абу-ль-Фида, I, с. 162–164; *Хамис*, II, с. 121–124; Халаби, III, с. 262–268; Коссен де Персеваль, III, с. 255–259; Шпренгер, III, с. 329–333; Мьюр, IV, с. 144–147; Мюллер, I, с. 156–157; Гримме, I, с. 146–147; Табари — Зотенберг, III, с. 152–154.

Список мусульман, погибших под Таифом

§ 157. — Список Ибн Исхака:

(1) **Са‘ид б. Са‘ид б. аль-Ас**, брат Халида б. Са‘ида [† 14 г. х.], обратился до взятия Мекки и после завоевания был назначен Магометом надзирателем рынков в Мекке (Хаджар, II, с. 192, № 5063; Асир, *Усд*, II, с. 309; Хишам, с. 876).

(2) **Урфута б. Джаннаб**, *халиф* предыдущего, называемый также Урфута б. Хубаб аль-Азди, был союзником бану умайя (Хаджар, II, с. 1131–1132, № 9878; Асир, *Усд*, III, с. 402; Хишам, с. 875).

(3) **Абдуллах б. Абу Бакр**, сын халифа Абу Бакра, был ранен при осаде Таифа, но умер от последствий раны лишь спустя три года, в шаввале 11 г. х. (Хишам, с. 876; ср. Хаджар, II, с. 696–697, № 8939; ср. 11 г. х., § 200).

(4) **Абдуллах б. Абу Умайя б. аль-Мугира** принадлежал к роду махзум из Мекки и был шурином Пророка через свою сестру Умм Саламу, жену Магомета. Родившись вскоре после Пророка, он много лет живо противился новому учению, выделяясь среди его злейших врагов. Наконец он обратился незадолго до взятия Мекки вместе с Абу Суфьяном б. аль-Харисом и, благодаря

заступничеству сестры Умм Саламы, был благосклонно принят Магометом, когда тот продвигался на Мекку: встреча произошла между аль-Арджем и ас-Сукьей (Хаджар, II, с. 680–683, № 6018; Асир, *Усд*, III, с. 118–119; Хишам, с. 875; ср. 8 г. х., § 64).

(5) **Абдуллах б. Амир б. Раби‘а**, из племени анз, *халиф* бану ади, сын одного из виднейших сподвижников Пророка: он погиб, сражённый стрелой под стенами Таифа. В тот самый день, когда он скончался, его мать родила его отцу другого сына, и Амир б. Раби‘а назвал Абдуллахом и новорождённого в память об убитом сыне; чтобы отличить одного от другого, новорождённого стали называть Абдуллах аль-Асгар, или «младший» (Хаджар, II, с. 799–800, № 9145; Асир, *Усд*, III, с. 190; Хишам, с. 876).

(6) **Ас-Са’иб б. аль-Харис б. Кайс**, курайшит из рода бану сахм, был одним из древнейших мусульман, эмигрировал в Абиссинию; некоторые, однако, со ссылкой на Ибн Шихаба аз-Зухри [† 124 г. х.], утверждают, что он погиб в битве при аль-Фихле в 13 г. х. (Хаджар, II, с. 113, № 3065; Асир, *Усд*, II, с. 250; Хишам, с. 876).

(7) **Абдуллах б. аль-Харис б. Кайс**, брат предыдущего. Он тоже эмигрировал в Абиссинию, и от него сохранились некоторые стихи, которыми мусульман побуждали к эмиграции. Некоторые, однако, утверждают, что он погиб в битве при аль-Ямаме в 11 г. х. (Хаджар, II, с. 716–717, № 8974; Асир, *Усд*, III, с. 189; Хишам, с. 875; ср. 11 г. х., § 255, № 11, А).

(8) **Джулайха б. Абдуллах**, из рода бану лайс б. бакр (Хаджар, I, с. 495, № 1178; Асир, *Усд*, I, с. 293; Хишам, с. 875).

(9) **Сабит б. аль-Джиз‘**, ансар из семьи бану салима, присутствовавший на великом собрании в Акабе (Хаджар, I, с. 386, № 868; Асир, *Усд*, I, с. 220; Хишам, с. 875).

(10) **Аль-Харис б. Сахль**, мединец из бану мазин б. ан-наджжар (Хаджар, I, с. 572, № 1416; Асир, *Усд*, I, с. 331; Хишам, с. 875).

(11) **Аль-Мунзир б. Абдуллах**, аль-Мунзир б. Абдуллах б. Науфаль, или же аль-Мунзир б. Абдуллах б. Кувваль б. Вакш, из мединского рода бану са‘ида (Хаджар, III, с. 944, № 5031 и 5032; Асир, *Усд*, IV, с. 418; Хишам, с. 875).

(12) **Абу Сабит Рукайм б. Сабит**, мединец из рода бану-ль-аус (Хаджар, I, с. 1065, № 2673; Асир, *Усд*, II, с. 187; Хишам, с. 875):

всего 12 сподвижников Магомета, из них 7 курайшитов, 4 ансара и один из бану лайс (ср. Табари, III, с. 2301–2302).

§ 158. — Список аль-Вакиди несколько отличается: (1) Са‘ид б. Са‘ид б. Умайя — тот же, что № 1 предыдущего §; (2) Урфута б. аль-Хубаб б. Хабиб, ср. предыдущий §, № 2; (3) Язид б. Зам‘а б. аль-Асвад, которого его конь Джана занёс к самым стенам Таифа, где он был убит стрелами сакиф. То же рассказывает и Ибн Исхак о Язиде, но с той разницей, что относит событие к битве при Хунайне, а не к осаде Таифа (ср. § 138, № 2). В списке аль-Вакиди номера (4), (6), (7), (8), (9), (10) и (11) тождественны номерам (3), (6), (7), (8), (9) и (10) предыдущего §; № (5) — Абдуллах б. Умайя б. аль-

Мугира — есть лёгкое видоизменение № 4 предыдущего §, а (12) — то же, что № 11 предыдущего §; № 12 списка Ибн Исхака аль-Вакиди, напротив, помещает среди погибших при Хунайне (ср. § 138, № 5) (Вакиди — Велльхаузен, с. 373).

Собрание в аль-Джи‘ране

§ 159. — Сняв осаду Таифа, Пророк прошёл через Дахну, Карн аль-Маназиль и Нахлу, прежде чем прийти в аль-Джи‘рану. В пути произошли разные мелкие случаи, которые стоит собрать здесь, ибо они описывают обращение Магомета со своими сподвижниками. Когда он ехал на своём верблюде, к нему приблизился сподвижник Абу Рухм аль-Гифари, который нечаянно задел ногу Пророка носком сапога так, что причинил ему боль, и Магомет в минуту раздражения ударил Абу Рухма по ноге плетью. Сподвижник, смущённый и опасаясь, что совершил тяжкий проступок, пытался спрятаться и больше не показываться Пророку; но тот, раскаявшись в поступке, совершённом в минуту гневного нетерпения, позднее, в аль-Джи‘ране, послал за Абу Рухмом и подарил ему несколько овец в возмещение нанесённого удара. Тот же эпизод рассказывается и об Ибн Абу-ль-Хадраде (Вакиди — Велльхаузен, с. 373–374). Велльхаузен добавляет затем (там же, прим. 1), что в эпизоде с Ибн Абу-ль-Хадрадом, опущенном им как повторение предыдущего, относящегося к гифариту Абу Рухму, есть примечательное добавочное известие, что между аслам и ансарами Медины не было доброго согласия. С эмигрантами же аслам были в превосходных отношениях, и Магомет всегда старался сохранять их дружбу, как доказывает предание о заключённом им с ними договоре (ср. 6 г. х., §§ 23, 24, и 8 г. х., § 22). Покровительствовать аслам и благоприятствовать им было также политикой первых халифов, и мы знаем, что это удалось настолько, что они с опорой на аслам могли сдерживать и устрашать ансаров в самой Медине.

§ 160. — Абу Зур‘а аль-Джухани, помогши Пророку в Карн аль-Маназиле сесть на верблюда, сел позади него. В пути Пророк неоднократно пускал в ход палку, чтобы погонять верблюда, но, ударяя животное за своей спиной, постоянно, сам того не замечая, попадал по сподвижнику Абу Зур‘е, который, однако, воздерживался от всякой жалобы. Наконец Магомет, заметив, что делал, и сожалея, что так обошёлся с Абу Зур‘ой, подарил ему в аль-Джи‘ране 120 овец (!). — Во время похода к аль-Джи‘ране к Пророку явился уже известный всадник Сурака б. Джу‘шум (Велльхаузен пишет Джа‘шам), тот самый, который, как говорят, тщетно пытался догнать и задержать Пророка во время Бегства из Мекки в Медину. Мединские всадники хотели помешать ему приблизиться к Магомету, но Сурака так добивался, что преуспел и смог, заявив, что он мусульманин и уплатил подать скотом, получить аудиенцию и иметь с Магометом разговор, которого жаждал. — Одному арабу из аслам, тоже остановившему Пророка в пути и поднёсшему ему в дар несколько овец, Магомет в аль-Джи‘ране подарил сто овец (Вакиди — Велльхаузен, с. 374–375; Табари, I, с. 1683).

§ 161. — В аль-Джи‘ране наконец состоялся столь долгожданный раздел добычи Хунайна, для которого все самые необузданные вожделения были пробуждены и обострены промедлением. Добыча Хунайна была, быть может, самой большой и обильной из всех, когда-либо попадавших в руки Магомета, но настолько же большим

было и число людей, между которыми добычу предстояло делить. Предание скупо на известия о том, что произошло, но несомненно, во всяком случае, что разыгрались отвратительные сцены насилия, в которых Магомет лишь с большим трудом смог сохранить свой престиж и заставить себе повиноваться. Неясно, как развивались события. Согласно Ибн Исхаку, сумятица поднялась в конце раздела; бедуины стали так недисциплинированны, что вызвали настоящий бунт: Пророка толпа кидала туда и сюда и наконец притиснула к дереву в разорванных одеждах; бедуины требовали раздела верблюдов и овец, и Магомету пришлось самым торжественным образом заверить, что он не удержал себе даже клока шерсти со спины верблюда. Ибн Исхак утверждает, что происшествие случилось после того, как пленные были возвращены хавазин, но до того, как приступили к разделу скота (Хишам, с. 880; Табари, I, с. 1679–1680).

Эта последняя версия совсем не согласуется с версией аль-Вакиди, у которого порядок обратный, но, если не ошибаюсь, с большим правдоподобием. Уже до прибытия в аль-Джи‘рану, так рассказывает аль-Вакиди, бедуины начали проявлять большую недисциплинированность в своих требованиях, а в аль-Джи‘ране дошли до того, что окружили Пророка, сорвали с его плеч плащ и притиснули его к дереву *самура* (так называемая египетская колючка). Магомет принялся кричать: «Отдайте мне мой плащ! Отдайте мне мой плащ! Если бы все эти кусты были верблюдами, я разделил бы их все между вами: вы не должны считать меня ни жадным, ни скупым, ни нарушителем слова!» При самом же разделе добычи он вырвал клок шерсти со спины верблюда и крикнул присутствующим: «Даже столько я не посмел бы взять себе: кроме пятой части, что мне причитается, я ничего не беру, и даже пятая часть вся возвращается потом к вам!» (Вакиди — Велльхаузен, с. 375).

§ 162. — Версия аль-Вакиди не согласуется с версией Ибн Исхака, ибо первый ясно говорит, что Магомет, всё ожидая посольства хавазин, отложил раздел пленных до последнего момента, то есть до окончания раздела скота. Поэтому он помещает сцену насилия в начале раздела. Во всяком случае, мало значения имеет точный момент этого бурного смятения, выдающего всю неистовую жадность бедуинов-«мусульман»; хотя предание не высказывается ясно о его причинах, их легко угадать, и главная из всех — подозрение, что Пророк не вполне честен и беспристрастен при разделе, и надежда самых беспокойных, что, подняв большой шум и запугав Пророка, они получат большую долю в ущерб другим, более смирным. Вероятно, раздел такой добычи между столь великой толпой был задачей, очень трудной для исполнения в порядке и по справедливости: государство было ещё в младенчестве, совершенно не было сословия должностных лиц и счетоводов; поэтому операция раздела совершалась попросту и с изрядной приблизительностью. Отсюда, быть может, опасения и подозрения, а затем и внезапное смятение, в котором на Магомете разорвали одежды, бывшие на нём, и ему пришлось искать защиты, прислонившись к дереву. Но Магомет был человеком, рождённым властвовать над толпами жестом, голосом и словом; едва миновал самый критический момент, он вновь сумел заставить с собой считаться и добиться должного уважения к своим решениям.

§ 163. — Мы уже сказали в другом месте, сколько составляла добыча Хунайна, а именно около 6000 женщин и детей, 24 000 верблюдов и бесчисленное множество овец (заметим: ни одного коня!). Пока длилась осада Таифа, по приказу Магомета в аль-Джи‘ране было построено несколько деревянных укрытий (*хаза’ир*), чтобы защитить женщин и детей от палящих лучей солнца. Буср б. Суфьян аль-Хуза‘и, также по приказу Магомета, отправился в Мекку и закупил там ткани, достаточной, чтобы покрыть или одеть всех женщин; согласно преданию, Пророк желал, чтобы с пленными обходились с величайшим вниманием: он надеялся получить от хавазин какой-нибудь акт покорности в обмен на всех женщин, бывших у него в руках, и Пророк хотел бы оставить женщин нетронутыми до дня возвращения хавазин. Он не смог, однако, осуществить весь свой замысел, ибо сподвижники шумно требовали и своей доли женщин. Не все они были из рода хавазин, так что Магомет смог удовлетворить некоторых самых нетерпеливых или самых любимых сподвижников, раздав им нескольких пленниц уже со дня Хунайна. Мы знаем в самом деле, что уже при Хунайне Пророк подарил эмигрантам и некоторым курайшитам некоторое число их: среди них упоминаются Абд ар-Рахман б. Ауф, Сафван б. Умайя, Али б. Абу Талиб (данную ему женщину звали Райта), Усман б. Аффан (получил некую Зайнаб, которая, однако, не позволила ему лечь с ней), Умар б. аль-Хаттаб, Джубайр б. Мут‘им, Тальха, Са‘д б. Абу Ваккас, Абу Убайда, аз-Зубайр и другие[143]. Умар уступил свою женщину собственному сыну Абдуллаху. Многие из этих женщин были потом возвращены прежним хозяевам, мужьям, отцам или родственникам, но почти все они должны были подвергнуться объятиям победителей (Вакиди — Велльхаузен, с. 375; Табари, I, с. 1676–1677).

§ 164. — Магомет поставил себе целью избавить большую часть пленниц от высшего поругания — попасть в объятия победителей, ибо всё ждал прибытия посольства хавазин для переговоров о выкупе пленных. Но хавазин медлили явиться, и Магомет, придя в аль-Джи‘рану, по необходимости должен был приступить к разделу добычи, но, всё с целью выиграть время, начал с раздела скота, стараясь затянуть дело. Количество добычи было таково, что Магомет усмотрел возможность при помощи причитавшейся ему пятой части смягчить сердца многих и приобрести многих обращённых — если не собственно в свою веру, то по крайней мере в своё политическое дело. Он в особенности имел в виду привлечь курайшитов, поддержкой которых дорожил превыше всякой другой. Вместе с тем щедрыми поступками он надеялся успокоить, немного насытить жадные вожделения всех, а затем по-хорошему склонить их к возвращению пленниц. Магомет сам наблюдал за разделом и велел собрать перед собой всё серебро, найденное во вражеском лагере. Абу Суфьян, видя

[143] Если мы можем принять приведённый список имён за подлинный, он проливает много света не только на нравственные условия времени, но и на политическую систему Магомета. Прежде всего мы имеем факт, справедливо отмеченный Мьюром (IV, с. 149), что Пророк дарит молодых невольниц отцу одной из своих жён и мужьям двух своих дочерей. Это ещё раз показывает, как мало ценилась женщина в те времена и насколько безразличны были даже отцы к характеру отношений между их замужними дочерьми и зятьями. Второе, что заслуживает внимания, — включение в список привилегированных даже язычника (Сафван б. Умайя ещё не принял ислама). Наконец, отметим, что эти привилегированные, по-видимому, нарушили строгие предписания *истибра*, то есть требование ждать, пока у женщины пройдут месячные, чтобы удостовериться, что она не беременна от кого-либо другого. Эти самые люди были потом теми, кто построил империю, и перешли к потомству как образцы всех добродетелей. Магомет умел расчётливо закрывать глаза на слабости своих последователей, когда того требовали обстоятельства.

весь этот драгоценный металл, сваленный перед Пророком, воскликнул: «Ты ныне богатейший из курайшитов, подари мне что-нибудь из твоего добра!» Магомет подарил ему 40 унций серебра и 100 верблюдов. Ободрённый, Абу Суфьян повторил просьбу за двух своих сыновей, Язида и Му‘авию, и получил для каждого из них также 40 унций серебра и 100 верблюдов. Хаким б. Хизам, глава бану асад, получил таким же образом в подарок, по Ибн Исхаку, 100 верблюдов, а по аль-Вакиди — 300 верблюдов, ибо, никогда не довольный, всё просил больше; Пророк, хотя и уступал просьбам, чтобы снискать расположение могущественного курайшита, не преминул упрекнуть его в чрезмерной жадности и сказать ему, что верхняя рука (то есть дающая) лучше нижней руки (то есть получающей).

Далее у нас есть следующий список лиц, получивших подарки от Пророка сверх того, что могло причитаться им как законная доля добычи: (1) ан-Нудайр б. аль-Харис, брат ан-Надра, получил 100 верблюдов; его звали также аль-Харис б. аль-Харис б. Калада, или Нусайр б. аль-Харис б. Калада. (2) Усайд б. Хариса — 100 верблюдов. (3) Аль-Аля б. Джария — по аль-Вакиди, 50, по Ибн Исхаку, 100 верблюдов. (4) Махрама б. Науфаль аз-Зухри — 50 верблюдов. (5) Аль-Харис б. Хишам — 100 верблюдов. (6) Са‘ид б. Ярбу‘ — 50 верблюдов. (7) Сафван б. Умайя — 100 верблюдов; в другом месте, однако (Вакиди — Велльхаузен, с. 345), сказано, что он получил гораздо большее количество животных, а именно целую долину, полную верблюдов и овец (ср. § 78). (8) Кайс б. Ади — 100 верблюдов; Ибн Исхак, напротив, называет его ас-Сахми, с добавлением, что имеется в виду Ади б. Кайс, и говорит, что он получил лишь 50 верблюдов. (9) Усман б. Вахб — 50 верблюдов. (10) Сухайль б. Амр — 100 верблюдов. (11) Хувайтиб б. Абд аль-Узза — 100 верблюдов. (12) Хишам б. Амр — 50 верблюдов.

Многие другие курайшиты получили подарки от Пророка, но в меньших количествах. Среди бедуинов, получивших значительные подарки, упоминаются: (13) аль-Акра‘ б. Хабис ат-Тамими, (14) Уйайна б. Бадр (или Хисн) и (15) Малик б. Ауф, каждый из которых получил 100 верблюдов. (16) Аббас б. Мирдас ас-Сулями — всего 4 верблюда; весьма недовольный скудным подарком, он сочинил на этот предмет несколько сатирических стихов, которые Абу Бакр услышал и повторил Пророку; тот, призвав Аббаса, попытался процитировать ему один из стихов, чтобы упрекнуть его за содержание; но, читая, исказил размер, переставив слова, и хотя Абу Бакр указал ему, что он ошибается и что надо сказать иначе, Магомет так и не понял (а быть может, притворился, что не понимает, ср. 1 г. х., § 34) разницы, так что вынудил Абу Бакра воскликнуть: «Как ни дорог ты мне, ты не поэт и не чтец, *равия*, да тебе это и не подобает!» (Коран, XXXVI, 69). Магомет в конце концов дал себя уговорить увеличить подарок Аббасу, чтобы, как он шутливо сказал, отрезать ему язык, и приказал выдать ему 50 (или 100) верблюдов. Среди курайшитов, получивших подарки, Ибн Исхак упоминает также (17) Умайра б. Вахба аль-Джумахи, которого нет в списке аль-Вакиди, где вместо него — Усман б. Вахб (ср. выше, № 9); в остальном оба передатчика согласны между собой (Хишам, с. 880–882; Вакиди — Велльхаузен, с. 375–376; Табари, I, с. 1679–1681).

§ 165. — В тексте Ибн Хишама мы находим также другой список лиц, получивших подарки в день аль-Джи‘раны; но он дошёл до Ибн Хишама не обычным

путём через Ибн Исхака, а от неназванного авторитета, утверждавшего, что узнал его от знаменитого передатчика аз-Зухри: (1) Абу Суфьян б. Харб; (2) Талик б. Суфьян б. Умайя; (3) Халид б. Асид б. Абу-ль-Ис; (4) Шайба б. Усман б. Тальха; (5) Абу-с-Санабиль б. Ба‘как б. аль-Харис б. Умайла; (6) Икрима б. Амир б. Хашим б. Абд Манаф; (7) Зухайр б. Абу Умайя б. аль-Мугира; (8) аль-Харис б. Хишам б. аль-Мугира; (9) Халид б. Хишам б. аль-Мугира; (10) Хишам б. аль-Валид б. аль-Мугира; (11) Суфьян б. Абд аль-Асад б. Абдуллах б. Умар б. Махзум; (12) ас-Са’иб б. ас-Са’иб б. А’из б. Абдуллах; (13) Мути‘ б. аль-Асвад б. Хариса б. Надла; (14) Абу Джахм Хузайфа б. Ганим; (15) Сафван б. Умайя б. Халаф; (16) Ухайха б. Умайя б. Халаф; (17) Умайр б. Вахб б. Халаф; (18) Ади б. Кайс б. Хузафа; (19) Хувайтиб б. Абд аль-Узза б. Абу Кайс; (20) Хишам б. Амр б. Раби‘а б. аль-Харис б. Хубайб; (21) Науфаль б. Му‘авия б. Урва б. Сахр б. Разн; (22) Алкама б. Уласа б. Ауф б. аль-Ахвас; (23) Лабид б. Раби‘а б. Малик б. Джа‘фар б. Килаб; (24) Халид б. Хауза б. Раби‘а б. Амр б. Амир б. Раби‘а; (25) Хармала б. Хауза б. Раби‘а б. Амр; (26) Малик б. Ауф б. Са‘ид б. Ярбу‘; (27) Аббас б. Мирдас б. Абу Амир; (28) Уйайна б. Хисн б. Хузайфа б. Бадр аль-Фазари; (29) аль-Акра‘ б. Хабис б. Икаль (Хишам, с. 882–883; Хаджар, II, с. 598, № 8782, причисляет к *аль-му’аллафа кулубухум*[144] также (30) Тулайка б. Суфьяна б. Умайю б. Абд Шамса).

§ 166. — Один из сподвижников Пророка, видя, как раздаётся столько подарков людям, заведомо не веровавшим в ислам, обратился в удивлении к Магомету и сказал ему: «Ты подарил сто верблюдов Уйайне и столько же аль-Акра‘у, а оставил в стороне Джу‘айля б. Сураку ад-Дамри». Пророк ответил ему: «Клянусь Тем, в чьих руках душа Мухаммада, Джу‘айль лучше всех прочих на земле. Все прочие подобны Уйайне и аль-Акра‘у, но этих двоих я осыпал подарками (*та’аллафтухума*), чтобы они стали добрыми мусульманами, тогда как в вере Джу‘айля я вполне уверен» (Хишам, с. 883; Табари, I, с. 1681–1682).

§ 167. — Откуда Магомет брал подарки для стольких людей, говорит аль-Вакиди, — вопрос спорный. Наиболее достойное доверия мнение — что он брал их из пятой части; другие, однако, говорят, что они происходили из излишка, *фари‘а*, добычи[145] (то есть из того, что осталось сверх после окончания раздела и что, если бы раздел совершился с математической точностью, должно было бы войти в розданные доли) (Вакиди — Велльхаузен, с. 376).

---

[144] Все эти видные язычники, которых Магомет склонил стать мусульманами, осыпая их подарками и милостями, остались знамениты в истории ислама под общим названием *аль-му’аллафа кулубухум*, или просто *аль-му’аллафа*, то есть «те, чьи сердца были завоёваны подарками». Это выражение употреблено уже в Коране, IX, 60, именно применительно к этим обращённым при помощи подарков (Табари, I, с. 1679; ср. Мьюр, IV, с. 154–155; De Goeje, *Mémoire sur la conquête de la Syrie*, с. 51).

[145] Если сопоставить эти слова с преданием, рассказывающим, как толпы помяли и потрепали Магомета во время раздела добычи, нетрудно прийти к заключению, что Магомет, пользуясь огромным размером добычи и сознавая, что никакой контроль над правильным разделом стольких вещей невозможен, действовал несколько произвольно и был, быть может, чересчур щедр за чужой счёт. Магомет чувствовал себя уже настолько могущественным, что не очень боялся минутных порывов народного раздражения, хотя предыдущие известия, как и последующие, показывают, что в этом случае произвольные действия Пророка вызвали живейшую критику и настоящие бурные вспышки народного недовольства. Предание, естественно, сдержанно в этом пункте, но сообщаемых им известий достаточно, чтобы показать, что Магомет оскорбил и раздражил многих людей в своём стремлении ещё более расширить основы своей власти, привлекая к себе тех, кто был его ожесточёнными врагами, можно сказать, до того самого дня.

§ 168. — Столько подарков, расточённых язычникам предпочтительно перед мусульманами, вызвали живое недовольство, и многие противники Магомета легко нашли веские доводы, чтобы осуждать его действия. Говорят, что один *мунафик*, или лицемер, а именно Му‘аттиб б. Кушайр аль-Амри, высказал мнение, что «этими подарками вовсе не ищут лика Божия». Магомет был очень смущён этим обвинением в чисто мирских побуждениях, но затем успокоился, воскликнув, что Моисею приходилось терпеть оскорбления ещё худшие (Вакиди — Велльхаузен, с. 377).

§ 169. — По этому поводу сохранилось предание, несомненно интерполированное и видоизменённое позднейшими влияниями, но заслуживающее того, чтобы привести его здесь, так как оно должно иметь основу истины и составляет тонкую и остроумную сатиру на крайности хариджитов, начиная с битвы при Сиффине (ср. 37 г. х.). Предание, о котором мы говорим, возникло из того факта, что один из вождей хариджитов, поднявших оружие против халифа Али в 37 г. х., был сподвижником Пророка, а именно хорошо известный Зу-ль-Хувайсира ат-Тамими. О нём рассказывают, что, когда Магомет сидел в аль-Джи‘ране и лично присутствовал при раздаче добычи, позволяя проходившим людям брать серебро, сваленное в плащ Билаля, к Пророку подошёл упомянутый Зу-ль-Хувайсира ат-Тамими и, порицая способ, каким производилась раздача, сказал Пророку: «Я видел, что ты сделал сегодня!» — «Ну и что ты об этом думаешь?» — спросил Магомет. — «Нахожу, что ты поступил несправедливо… Будь справедлив, о Пророк Божий!» Магомет, глубоко оскорблённый этим обвинением, публично брошенным ему в столь важный момент и в присутствии стольких недовольных, гневно воскликнул: «Горе тебе! Если я не справедлив, кто же другой может быть справедлив?» По преданию, Умар (как обычно!) вскочил с места и хотел отрубить голову дерзкому арабу, позволявшему себе так порицать поведение Пророка; но Магомет удержал его и сказал: «Оставь его! Однажды он найдёт последователей; в сравнении с их молитвами и постами ваши молитвы и посты покажутся совсем малыми. Они будут читать Коран вполголоса, не слишком напрягая горло. Они так глубоко войдут в вопросы веры, что выйдут с другой стороны, как стрела, пронзающая насквозь то, во что попадает, и пролетающая дальше с такой силой, что не уносит с собой никакого следа того, что пронзила, выходя без пятна крови или нечистоты. Затем они пойдут войной против части мусульман, и среди них будет чёрный человек, одна рука которого подобна женской, а другая — как кусок

трепещущего мяса»[146] (Хишам, с. 884; Вакиди — Велльхаузен, с. 376–377; Табари, I, с. 1682).

§ 170. — Подсчёт воинов и добычи был произведён по приказу Магомета Зайдом б. Сабитом, и когда произвели подсчёт и сопоставление добра и людей, между которыми надлежало делить, установили, что каждому человеку причитается в его долю 4 верблюда, или 40 овец, а всадникам втрое больше (Вакиди — Велльхаузен, с. 377; Табари, I, с. 1685). Самим распределением добра ведал и руководил Абу Хузайфа аль-Адави (Вакиди — Велльхаузен, с. 379).

§ 171. — Затягивая все эти операции, Магомет надеялся, что бану хавазин успеют прибыть в лагерь просить о возвращении женщин и детей прежде, чем начнётся их раздел. Хавазин же промедлили так долго, что Магомет, уступая нетерпению своих, должен был разделить и пленных: это очень огорчило Пророка, ибо он надеялся добиться обращения племени, предлагая в награду возвращение женщин и детей. К тому же у него была особая слабость к этому роду, ибо, говорят, в одной из его ветвей, а именно у бану са‘д б. бакр, он был вскормлен и провёл первые годы жизни (ср. Введение, § 125). Когда наконец прибыла делегация хавазин, женщины были уже отданы победителям. Один из четырнадцати послов хавазин был молочным дядей Пророка, по имени Абу Буркан, и когда он предстал перед Магометом, обращаясь к нему в защиту пленных, Пророк ответил ему: «Я долго и напрасно ждал вас, а теперь пленные уже разделены». Хавазин возвестили Магомету, что всё племя приняло ислам[147], и один из ораторов, Абу Сурад Зухайр б. Сурад, чтобы растрогать Пророка,

[146] Пророческая речь, вложенная в уста Пророка, — едкая и верная критика крайностей хариджитов, которые, преувеличивая начала и дух ислама, создали новый род религии, имевший очень мало общего с религией Магомета. Таков по крайней мере смысл иронического сравнения со стрелой. Мой перевод — слияние двух различных версий, Ибн Исхака и аль-Вакиди. Первая, как обычно, короче и правдоподобнее и не содержит последней фразы, весьма тёмной по смыслу. Это, быть может, намёк на какой-то недостаток или особый случай, произошедший с одним из вождей хариджитов, сражавшихся при Нахраване против Али в 37 г. х. Предание, несомненно, имеет основу истины, ибо сохраняет память о подозрении многих арабов, присутствовавших при разделе добычи в аль-Джи‘ране, что Магомет действует нечестно и благоприятствует одним в ущерб другим. Этот болезненный предмет, всплывающий в стольких различных преданиях, — неоспоримое доказательство того, как сильно в те дни умы были разгорячены этим подозрением, раз память об обвинении, быть может не вовсе неоправданном, смогла устоять против всей работы «исправления», которой передатчики подвергли воспоминания о Пророке, прежде чем передать их потомству. — В заметке на полях текста Ибн Хишама мы находим следующее пояснение: настоящее имя Зу-ль-Хувайсиры было Хуркус б. Зухайр ас-Са‘ди; он принадлежал к са‘д тамим и весьма отличился в войнах против персов в Ираке во времена халифа Умара. Его, однако, не следует смешивать с Зу-с-Судайей, которого убил Али при ан-Нахраване (Хишам, схолия 884, 6, последний том, с. 202).

[147] Предание хотело бы заставить поверить, что послы хавазин явились к Пророку, возвещая ему о совершившемся обращении всего племени и прося о возвращении женщин как о награде за эту добровольную покорность, ибо обращение в ислам было тогда синонимом политического подчинения Пророку. Такая версия весьма маловероятна и неправдоподобна. Может быть, напротив, что Магомет во время осады Таифа тайно послал предупредить хавазин, что готов вести переговоры о возвращении женщин, если племя примет ислам, и что послы пришли в аль-Джи‘рану с конкретными предложениями в этом смысле. Но я не думаю, чтобы они объявили себя мусульманами, прежде чем удостоверились, что Магомет сможет и захочет вернуть женщин. Арабы — слишком по-семитски торговцы, чтобы уступить что-либо, не будучи уверены в щедром возмещении за уступку, которую собираются сделать. Мне кажется, наконец, излишним настаивать здесь на характере обращения в ислам, которое в тех условиях, в каких оно совершалось, никоим образом не могло быть искренним: это было обращение, навязанное властной необходимостью, акт чисто политического подчинения, которым хавазин становились мусульманами по имени, а в действительности лишь подвластными и фактическими данниками Пророка. Отныне мусульманское движение совершенно изменило облик: это уже не стремление к высшему нравственному порядку, лучше удовлетворяющему потребностям души, а простой акт политического оппортунизма, совершаемый с единственной целью пользоваться

настаивал на том, что среди пленных много молочных родственниц, двоюродных сестёр и племянниц самого Пророка. «Если бы мы вскормили, — продолжал араб, — гассанидского князя аль-Хариса б. Абу Шамира или лахмида ан-Ну‘мана б. аль-Мунзира и если бы они оказались в твоём положении, мы бы всецело положились на их произвол и милость». Этими словами араб хотел провести сравнение, которое побудило бы Пророка действовать с известной щедростью этих двух арабских князей. Тогда начались переговоры: хавазин требовали возвращения не только добра, но и пленных. Магомет решительно заявил, что не может уступить и то и другое и что им следует выбрать между женщинами и добром. Хавазин после некоторого сопротивления согласились удовольствоваться одними женщинами и детьми. Договорившись об этом, Магомет распорядился так: поскольку пленные уже разделены между новыми хозяевами, единственный ещё открытый путь к их возвращению — просить об этом победителей как о милости. Просьба должна была быть представлена Пророку в присутствии всех верующих после полуденной молитвы, и Магомет обещал оказать им всю свою поддержку. На полуденном собрании, по окончании молитв, послы хавазин встали и, обратившись к присутствующим, сказали: «Мы просим Пророка Божия замолвить за нас доброе слово перед мусульманами и просим также мусульман замолвить за нас доброе слово перед Пророком Божиим». Тогда встал Магомет и от своего имени и от имени своей семьи бану абд аль-мутталиб объявил, что отказывается от своей доли пленных. Такое же заявление сделали и эмигранты, и мединцы, но у бедуинов предложенное возвращение встретило сильное сопротивление, и пришлось долго спорить и торговаться. Некоторые, как аль-Акра‘ б. Хабис, Уйайна б. Хисн и Аббас б. Мирдас, ни за что не хотели отказываться от доставшихся им по жребию женщин, и наконец Пророк был вынужден обратиться с речью к толпе и объявить, что тот, кто не желает вернуть пленных безвозмездно, получит возмещение по шести верблюдов за каждого пленного при ближайшем разделе добычи. После долгих переговоров и протестов бедуины наконец примирились с обещанием Пророка, и все женщины хавазин были отпущены на свободу и возвращены племени. Лишь одна женщина, доставшаяся по жребию Са‘ду б. Абу Ваккасу, не захотела вернуться в племя и предпочла остаться у своего нового господина. Аль-Вакиди добавляет, что большая часть пленниц вернулась домой, побывав в объятиях мусульман, и лишь очень немногие вернулись нетронутыми (Вакиди — Велльхаузен, с. 375, 377–378, 379; Табари, I, с. 1675–1676).

§ 172. — Ведя переговоры с послами хавазин, Магомет пожелал узнать, куда бежал их прежний предводитель Малик б. Ауф ан-Насри, и, узнав, что тот искал убежища в Таифе, поручил послам сообщить ему от его имени, что не только готово прощение, если он обратится в ислам, но что он может даже рассчитывать на полное возвращение всех своих женщин и на подарок в сто верблюдов, сверх полного возвращения всего имущества, которое Магомет отложил в сторону и не включил в общую добычу. Женщины, исключённые из раздела, были отданы под надзор одной родственницы Малика, некой Умм Абдуллах бинт Абу Умайи, в Мекке. Эти предложения убедили Малика открыто встать на сторону Магомета. Уже некоторое

выгодами нового порядка вещей, установленного Магометом в Аравии.

время, в качестве меры предосторожности, он держал на пастбище вблизи Таифа верблюда в месте, скрытом от сакифитов, опасаясь, что они, проведав о переговорах, помешают ему уйти из города. Благодаря этой предосторожности Малик смог покинуть Таиф и присоединиться к Магомету прежде, чем сакифиты заметили его бегство. Встреча Малика с Пророком произошла, по одним, в аль-Джи‘ране, но, по более вероятной версии, — в Мекке. Магомет сдержал все данные обещания, вернул ему всё полностью и назначил его князем подвластных ему хавазинских племён, а именно фахм, сумала и салама. Во главе этих племён Малик тотчас начал малую войну против окрестных языческих племён, и в особенности против сакиф, регулярно посылая Пророку пятую часть добычи, составлявшую порой сто верблюдов, порой тысячу овец. Урон, который он наносил сакиф, был так тяжёл, что жители Таифа оказались в весьма трудном положении — в конфликте именно со всеми теми племенами, ради помощи которым против Магомета они взялись за оружие (Хишам, с. 879; Вакиди — Велльхаузен, с. 379; Табари, I, с. 1678).

§ 173. — Столько уступок и подарков исключительно в пользу курайшитов-язычников или кочевых арабских племён раздражили мединских сподвижников, ансаров, не получивших ничего сверх общей для всех доли. Недовольство возросло ещё больше к концу раздела, когда из почтения к Пророку им пришлось даже вернуть часть законной добычи, а именно женщин хавазин; тогда жалобы приняли конкретную и живую форму. Ансары полагали, что Магомет по естественной склонности к курайшитам, своим единокровным, хочет оказать им предпочтение перед всеми прочими: возникло даже подозрение, что Магомет лелеет мысль совсем покинуть теперь мединских последователей и вновь поселиться на родине. Са‘д б. Убада, став выразителем этих недовольных, явился к Пророку в аль-Джи‘ране и подробно изложил ему чувства ансаров. Они, сказал он, весьма огорчены поведением Пророка при разделе добычи: Магомет оказал особое предпочтение своим единокровным курайшитам, сделал также большие подарки кочевым племенам, а ансарам не дал ничего. Всякий раз, как надо было сражаться, ансаров первыми призывали жертвовать собой за Пророка, а когда доходило до раздела добычи, плодами победы пользовались другие. Магомет, смущённый такими словами, пригласил ансаров на собрание, на котором хотел обратиться к ним с речью и объяснить своё поведение. Кроме немногих эмигрантов, никто больше не был допущен на собрание, проходившее в закрытой ограде, где Магомет со своим обычным искусством сумел растрогать и убедить слушателей, изгнав из их души всякий след недовольства. Он начал с перечисления всех услуг, оказанных им жителям Медины: «Что за речи ваши, что за огорчения проникли в вашу душу? Разве не пришёл я к вам, когда вы были в заблуждении, и Бог наставил вас? Разве не были вы бедны, и Бог обогатил вас? Разве не были вы врагами друг другу, и Бог соединил ваши сердца?» Ансары, растроганные этими словами, вызывавшими столько воспоминаний о славном прошлом, не нашлись что ответить, и Магомет, пользуясь их волнением, пошёл дальше, настаивая на нерушимых узах, связывавших его с верными сподвижниками, и перечисляя теперь все услуги, оказанные ансарами: «Разве не могли бы вы сказать мне: ты пришёл к нам как лжец, а мы поверили в тебя; ты был всеми оставлен, а мы защитили тебя; ты был изгнан из

своей страны, а мы приютили тебя; ты был без защиты, а мы поддержали тебя! Неужели же вы будете огорчаться из-за низменных мирских причин, из-за вещей, которые я уступил некоторым с целью склонить их к исламу, тогда как я верю лишь в вашу преданность? Разве вы не довольны, что другие уйдут с овцами и верблюдами, а вы — с Пророком Божиим? Клянусь Тем, в чьих руках душа Магомета, если бы не было Бегства, я хотел бы быть одним из ансаров, и если бы все люди пошли в одну сторону, а ансары в другую, я последовал бы за ансарами! Боже! Да снизойдёт милость Твоя на ансаров, на их сыновей и на их потомков!»[148] Слова Пророка убедили ансаров прекратить всякие жалобы, и волнение всех было таково, говорит предание, что люди принялись плакать горючими слезами, омочив все свои бороды. — «О Пророк Божий! Мы довольны своей долей и своей участью!» — Тогда Магомет удалился, и люди разошлись (Хишам, с. 885–886; Вакиди — Велльхаузен, с. 379–380; Табари, I, с. 1683–1685; *Агани*, XIII, с. 67, стр. 1 и сл.).

§ 174. — О происшествиях, связанных с разделом добычи в аль-Джи‘ране, см. также: Асир, II, с. 205–208; *Хамис*, II, с. 124–129; Коссен де Персеваль, III, с. 259–265; Шпренгер, III, с. 333–338; Мьюр, IV, с. 147–156; Мюллер, I, с. 157–159; Гримме, I, с. 147–149; Табари — Зотенберг, III, с. 154–161.

Паломничество в Мекку (зу-ль-ка‘да)

§ 175. — Магомет прибыл в аль-Джи‘рану в четверг 5 зу-ль-ка‘да, и все вопросы, касавшиеся добычи и пленных, потребовали для своего улаживания целых 13 дней; поэтому Пророк смог выступить в направлении Мекки лишь в среду (*sic*, читай: в пятницу) 18 зу-ль-ка‘да. Он намеревался совершить по этому случаю малое паломничество, *аль-умра*. Он облачился в *ихрам*, особую одежду для паломничества, в самой аль-Джи‘ране, а именно на месте молитвы, в северной части долины. Пророк совершил обряд, постоянно повторяя священное слово *лаббайка* с того момента, как двинулся из аль-Джи‘раны, до тех пор, пока не поцеловал Камень, или, по некоторым, пока не оказался в виду храма. У ворот[149], называемых воротами бану шайба, он поставил верблюда на колени, желая сойти и совершить пешком предписанные обходы Ка‘бы, как прочие паломники; затем, снова сев на верблюда, совершил на нём семь раз бег между ас-Сафой и аль-Марвой; наконец, велел обрить себе голову в аль-Марве, не принося на этот раз никакой жертвы. Его пребывание в Мекке было очень кратким, и в

[148] Речь Магомета едва ли может считаться подлинной во всех своих частях, но с некоторой долей уверенности можно полагать, что она приблизительно соответствует той, которую Магомет действительно произнёс перед своими при этом памятном обстоятельстве. В переводе я предпочтительно следовал версии Ибн Исхака, в которой меньше следов позднейших переделок. В версии аль-Вакиди Пророк предаётся также несомненно апокрифическим пророчествам. Следует, однако, ради истины сказать, что в обеих версиях прослеживаются литературные влияния той позднейшей эпохи, когда одним из излюбленных предметов было перечисление услуг, оказанных делу ислама как различными разрядами современников Пророка, так и последующими поколениями. См. длинную главу о добродетелях и заслугах ансаров, *Китаб манакиб аль-ансар*, в большом собрании преданий Бухари (изд. Krehl, т. III, с. 4–52).

[149] Упоминание ворот Баб бану шайба — явный анахронизм; как известно, Ка‘ба в ту эпоху стояла посреди открытого пространства, окружённого домами и лачугами, но не имела никакой ограды с входными воротами (ср. § 67, прим. 2). Замкнутый вид мечети ей придали в позднейшие времена. Кутб ад-Дин (с. 74, стр. 11) говорит, что до дней халифа Умара [13–23 г. х.] вокруг Ка‘бы никогда не было стены: дома курайшитов стояли со всех сторон вокруг святилища, образуя как бы ограду; между каждой группой домов был вход на площадку Ка‘бы.

тот же день, когда он посетил святилище, он вернулся в аль-Джи‘рану. На следующий день, в четверг (*sic*, читай: в субботу) 19 зу-ль-ка‘да, он наконец покинул аль-Джи‘рану и, пройдя через Сариф и Марр аз-Захран, вступил в этом месте на обычную дорогу, ведущую в Медину, и прибыл в этот город в пятницу (*sic*, читай: в воскресенье), третий от конца (27-й) день зу-ль-ка‘да. Пока Магомет совершал паломничество, весь обоз с добычей Хунайна шёл впереди Пророка до Маджанны близ Марр аз-Захрана, а оттуда сопровождал Пророка до Медины. В Мекке Пророк оставил своим наместником и правителем молодого Аттаба б. Асида[150] с содержанием в один *дирхам* в день на пропитание, дав ему в советники и товарищи Му‘аза б. Джабаля, который должен был наставлять людей в Коране и в вере (Хишам, с. 886–887, где приведены и другие версии прибытия Магомета в Медину, а именно либо 24 зу-ль-ка‘да, либо даже в первые дни зу-ль-хиджжа; Вакиди — Велльхаузен, с. 380; Табари, I, с. 1685, где сказано, что он прибыл в Медину в последние дни зу-ль-хиджжа; Асир, II, с. 208; *Хамис*, II, с. 129–130; Факихи, с. 40, стр. 19, утверждает, что Аттаб получал от Пророка жалованье в сорок *укийя* (унций) серебра [в год]).

§ 175, A. — В источниках есть разногласие относительно имени лица, которое Магомет избрал своим наместником, и, помимо версий, приведённых в предыдущих параграфах, у Фаси (с. 158–161) есть длинное рассуждение на эту тему, из которого следует, что, по Мусе б. Укбе [† 141 г. х.], Магомет, отправляясь к Хунайну, назначил своим наместником в Мекке сподвижника Му‘аза б. Джабаля с указанием учить курайшитов Корану. Другие утверждают, что Хубайра б. Шибль б. аль-Аджлани ас-Сакафи, сподвижник, обратившийся во время похода в аль-Худайбию, первым возглавил в Мекке публичное богослужение. Аль-Фаси пытается согласовать эти различные версии, утверждая, что Аттаб б. Асид, Му‘аз б. Джабаль и Хубайра находились все трое вместе в Мекке как агенты Пророка, каждый с разными обязанностями.

Брак с килабиткой (зу-ль-ка‘да; ср. §§ 193–194)

§ 176. — У нас есть известие, что в месяце зу-ль-ка‘да этого года Магомет заключил новый брак с женщиной из племени бану килаб (имя её неизвестно, существуют различные версии, быть может все апокрифические: ср. 10 г. х., § 139, № 11); но эта женщина в тот день, когда Магомет пожелал впервые лечь с ней, наотрез отказалась исполнить свои супружеские обязанности, и Пророк, раздосадованный, развёлся с ней. Чтобы извинить странное поведение женщины, не бросая тени на Пророка, передатчики утверждают, что она лишилась рассудка; добавляют, что она постоянно повторяла: «Я — несчастная!» — и принималась собирать верблюжий помёт. Другие утверждают, что у неё была проказа (*баяд… бихā*) (Са‘д, VIII, с. 101, стр. 5 и сл.; ср. § 194).

[150] В версии Урвы (ср. § 139) вместо Аттаба сказано, что Пророк оставил в Мекке сподвижника Абу Бакра.

Распространение ислама в Восточной Аравии: 1. Бахрейн. — Отношения между Магометом и племенами Бахрейна

§ 177. — Ниже мы собираем множество известий об отношениях между Пророком и племенами, жившими в Бахрейне, у границ Персидской державы, — известий, которые, будь они все несомненно подлинными, имели бы большую ценность, ибо именно они открывают нам путь к пониманию истоков великой войны против персов, последовавшей четыре года спустя. К несчастью, известия весьма отрывочны и состоят большей частью из бессвязных отрывков писем, более или менее подлинных по форме и содержанию; кроме того, передатчики, к сожалению, пренебрегли сообщить нам подробности, необходимые, чтобы хронологически упорядочить различные документы и объяснить их причины и следствия. Многие подробности к тому же весьма подозрительны. Шпренгер (III, с. 371 и сл.), смешав в одну кучу доброе и худое, попытался воссоздать ткань событий, но она отчасти произвольна и даже противоречит точным указаниям преданий; поэтому она не заслуживает безусловного доверия. Мы ограничимся тем, что соберём известия так, как они находятся в источниках.

§ 178. — Около этого времени, то есть между 7 и 8 г. х., согласно наиболее общепринятым известиям, учение ислама уже начало распространяться в самых восточных частях Аравийского полуострова, а именно вдоль берегов Персидского залива и в Бахрейне. Известия о первых обращениях в Бахрейне окутаны легендой. У аль-Ашадждха из рода абд аль-кайс (абукеи Птолемея) был другом аскет-отшельник (*рахиб*), живший в Дарайне (Дарине). Однажды аль-Ашаджж встретил отшельника в Зазе и узнал от него, что в Мекке должен явиться Пророк, который будет принимать подарки, но не станет употреблять десятины для собственных нужд. Между его плечами должна находиться печать пророчества, и ему суждено восторжествовать над всеми религиями. Рахиб умер, и впоследствии аль-Ашаджж послал своего племянника Амра б. Абд аль-Кайса в Мекку с караваном, гружённым финиками из Ябирина и плащами. Племяннику он велел собрать сведения об этом ожидаемом Пророке, и Амр отправился с проводником по имени Урайкит, который провёл его через степи и пустыни до Мекки. Караван прибыл туда в год Бегства, и его участники приняли ислам: Амр б. Абд аль-Кайс выучил наизусть первую и девяносто шестую суры Корана. Затем Амр вернулся в Бахрейн, а проводник Урайкит пожелал остаться в Мекке. Прибыв на родину, Амр рассказал всё своему дяде аль-Ашаджжу, который тотчас обратился, но скрывал свою веру. Так рассказывает Шпренгер (III, с. 371–372), не предупреждая, однако, что авторитеты, на которых основаны эти известия, почти не имеют никакой ценности: рассказанные факты — чистая легенда, а не история.

Обращение в ислам арабских племён Бахрейна

§ 179. — Около этой эпохи, то есть в последние месяцы 8 г. х. и в первые месяцы 9 г. х., произошло (согласно источникам) обращение части арабских племён Бахрейна, живших у границ Персидской державы и находившихся в своего рода номинальной зависимости от сасанидского правительства в аль-Мадаине (Ктесифоне). Бахрейн, называемый также Хаджар (отсюда греческое Герра), был областью, населённой двумя

различными народами: одним — оседлым в городах, другим — кочевым в сельской местности, или в пустынных степях, простиравшихся с одной стороны до самого сердца Аравии, а с другой — до берегов Евфрата, близ древнего Вавилона. В городах жило население, занимавшееся преимущественно ловлей жемчуга и торговлей и состоявшее большей частью из христиан арабского происхождения (бану абд аль-кайс), из персов — последователей религии Зороастра, называемых поэтому *маджус* (маги), — и, наконец, из евреев. В пустыне же кочевали чистые арабы, а именно многочисленные толпы абд аль-кайс, а также бакр б. ва’иль и тамим, но первые были многочисленнее всех. Среди этих кочевников проникла христианская религия, и было немало принадлежавших к восточным христианским церквам, хотя большинство оставалось чисто языческим. Каждое племя повиновалось своему *шейху*, или старейшине, но над всеми имел своего рода надзор, или покровительство, араб по имени аль-Мунзир б. Сава, по одним — тамимит, по другим — абдулькайсит. Он, согласно преданию, осуществлял своего рода юрисдикцию над кочевыми арабскими племенами, но в действительности его власть была весьма ограниченной и неопределённой: неарабское население городов зависело, напротив, от персидского правителя, или наместника, называемого арабами *сахиб*, а персами *марзубан*, по имени Сибухт, или Асбибухт, который имел местопребывание в Хаджаре и представлял персидского царя. Аль-Мунзир б. Сава тоже был своего рода уполномоченным персидского царя, но отношения между аль-Мунзиром и центральным правительством были гораздо менее тесными, чем между Сибухтом и правительством в аль-Мадаине, и истинный их характер неизвестен. Оба, однако, пользовались в тот момент известной широтой полномочий и известной фактической независимостью от персидского царя, позволявшими им действовать весьма свободно, пока они не вступали в конфликт с центральным правительством по какому-либо особому вопросу. Даже если бы они были фактически совершенно независимы, полное освобождение было невозможно, ибо в руках персидского правительства были плодороднейшие равнины по берегам Евфрата, куда кочевники Бахрейна гоняли пасти скот в самый разгар лета, когда солнце выжигало и уничтожало травы повсюду в пустыне. Чтобы пользоваться этой выгодой, кочевым арабам всегда было очень важно поддерживать добрые отношения с аль-Мадаином в период наивысшего процветания Персидского государства; в последнее время, однако, вследствие внутренних смут Сасанидской державы эти отношения сильно изменились, и пограничные арабы находились в непрерывном конфликте с персидским правительством, уже слишком слабым, чтобы карать их набеги (ср. 12 г. х.).

Миссия аль-Аля б. аль-Хадрами в Бахрейн (версия аль-Вакиди)

§ 180. — Вернувшись из аль-Джи‘раны, Магомет послал аль-Аля б. аль-Хадрами с письмом к аль-Мунзиру б. Саве аль-Абди в Бахрейн, приглашая его принять ислам. Аль-Мунзир ответил ему письмом, в котором объявлял, что принимает мусульманскую веру и признаёт его Пророком Божиим. Затем он сообщал Магомету, что велел прочесть его послание жителям Хаджара (! ср. § 181) и нашёл, что часть населения расположена принять ислам, но другие всё ещё остаются враждебны новому учению.

Вместе с тем он извещал его, что в Бахрейне много *маджус* (персов — последователей учения Зороастра) и много евреев, и хотел знать, как ему вести себя по отношению к ним. Магомет ответил аль-Мунзиру новым письмом, предполагаемый текст которого находится у Табари: «Во имя Бога милостивого и милосердного. От Мухаммада ан-Наби, Расуль Аллах, к аль-Мунзиру б. Саве: мир тебе! Я возношу за тебя хвалу Богу, кроме которого нет иного Бога». И далее: «Дошло до меня твоё письмо, и прибыли твои посланцы. Те, кто молится нашими молитвами, ест животных, заколотых по нашему обряду, и обращается в молитве к нашей *кибле*, — мусульмане, имеют все права мусульман и равным образом все обязанности мусульман. Кто отказывается подчиниться этим условиям, должен платить подать *аль-джизья*»[151].

Согласно Ибн Са‘ду, Магомет писал также *маджус* (персам) Хаджара, приглашая их в ислам; но они не пожелали принять его и должны были платить подушную подать, *аль-джизья*; с ними было заключено особое соглашение: было запрещено, чтобы их женщины вступали в брак с мусульманами; ни один мусульманин не должен был есть мясо животных, заколотых ими. С аль-Аля отправился в Бахрейн также хорошо известный Абу Хурайра, по особой рекомендации Пророка, который послал также аль-Аля точные письменные указания о способе взимания подати *ас-садака* с верблюдов, коров, овец, плодов (пальм) и движимого имущества (*амваль*): эти указания были прочитаны публично и затем приведены в исполнение (Табари, I, с. 1600; Са‘д, § 9, с. 42; Асир, II, с. 165, говорит, что мусульманская вера утвердилась в Бахрейне без кровопролития и без сопротивления: те, кто не принял ислама, подчинились на условиях договора и платили по динару с головы; Ибн аль-Асир, однако, впадает в ошибку, относя эти события к 6 г. х.; он же, II, с. 175; Йа‘куби, II, с. 84; ср. также Балазури, с. 80, где мы находим тот же текст письма Магомета к аль-Мунзиру, что и у Табари: Пророк, однако, называет себя просто Мухаммад *ан-Наби*; Хаджар, III, с. 943, № 5029, также приводит текст письма Пророка к аль-Мунзиру: в начале оно тождественно приведённому в этом параграфе, но затем, описав обязанности мусульман, продолжает: «…это истинные мусульмане: им принадлежит покровительство (*зимма*!) Бога и Его Пророка…» Любопытен этот случай употребления слова *зимма* применительно к мусульманам, ибо известно, что его относили лишь к немусульманам (ср. 8 г. х., § 22, где говорится о *зимме*, распространённой на мусульман). Ибн Хаджар добавляет со ссылкой на (сомнительный) авторитет Ибн Манды [† 396 г. х.], что Магомет приказал аль-Мунзиру ежегодно дарить по четыре *дирхама* и плащу всем тем беднякам, у которых не было никакой земли: аль-Мунзир назван там *‘амиль ‘аля Хаджар*, или правитель Хаджара от имени Пророка. Известно, что аль-Мунзир умер приблизительно в одно время с Магометом (ср. 11 г. х.).)

[151] Мы привели текст, сохранённый Табари, потому что он по виду полнее, хотя и он, и Ибн Са‘д черпают у аль-Вакиди. У Ибн Са‘да письмо Магомета короче и начинается *ex abrupto* следующими словами, отсутствующими в тексте Табари: «Пока ты будешь вести себя хорошо, мы не сместим тебя с твоего места; те, кто упорствует в иудействе, и т. д.». В тексте Ибн Са‘да царит большая путаница, и эта же мысль повторяется почти теми же словами и в другом месте (Са‘д, § 42, с. 118 перевода и с. 16, стр. 8 арабского текста), как если бы это было другое письмо. Все эти отрывки переписки содержат намёки на неизвестные нам более факты, и их согласование почти невозможно.

§ 181. — Аль-Мунзир б. Сава был, однако, господином лишь части Бахрейна. Город Хаджар зависел не от него, а от Асбибухта (по Ибн Са‘ду), или Сибухта (по Якуту, I, с. 508, стр. 17, и аль-Балазури, с. 78), б. Абдуллаха, марзубана Хаджара. Ибн Са‘д упоминает затем и некоего Хиляля, *сахиба* аль-Бахрейна, о котором неизвестно, кто он, и приводит текст двух писем, посланных Магометом как Асбибухту, так и Хилялю (Са‘д, §§ 41–42). Не сказано, какой ответ дал Хиляль на письмо Пророка, ни кто вручил Хилялю послание Пророка; можно, быть может, предположить, что подателем его был всё тот же аль-Аля б. аль-Хадрами, а Хиляль был одним из младших вождей, не обративших никакого внимания на предложения Магомета. Тогда как Хиляль был, несомненно, арабом и весьма вероятно язычником, Сибухт (Асбибухт) был, конечно, персом, как показывает его имя, или же персизированный араб. Из текста письма Магомета, приводимого Ибн Са‘дом, мы узнаём, что Сибухт отправил к Пророку посла по имени аль-Акра‘ (быть может, аль-Акра‘ б. Хабис?).

Следует письмо Пророка к Сибухту: «Прибыл ко мне аль-Акра‘ с твоим письмом и с просьбой о заступничестве за твой народ: я принял твоё заступничество и поверил тому, что твой посол аль-Акра‘ сказал мне о твоём народе; я радуюсь тому, о чём ты меня просишь, и прошу тебя сообразно твоим желаниям. С другой стороны, я счёл за благо назначить его правителем (*смысл малоясен, ибо имеется в виду неизвестный нам факт*) и чтобы ты пришёл повидаться со мной. Если придёшь ко мне, я окажу тебе все почести; но если останешься дома, я всё равно почту тебя. Впрочем, я никого не побуждаю делать мне подарки, но если ты пожелаешь мне что-либо поднести, я приму твой дар. Мои агенты довольны твоим положением (*макан*, страной?), и я наказываю тебе продолжать наилучшим образом молитвы, уплату податей-милостынь (*закят*) и оказание гостеприимства истинным верующим. Я дал твоему народу имя бану абдуллах: прикажи ему молитву и наилучшее поведение; радуйся, и мир тебе и твоему народу из верующих»[152] (Са‘д, § 42).

§ 182. — Бесспорный факт, что в Бахрейне возникли трудности; это доказывают число и содержание писем, которыми обменялись Пророк и наиболее авторитетные вожди этой страны. Поэтому мы помещаем следом посольство абд аль-кайс (ср. § 183), ибо можно вполне предположить как вероятное, что Пророк пригласил представителей племени прийти к нему именно для того, чтобы разъяснить недоразумения, возникшие, быть может, при применении мусульманских законов. Примечательно, что в рассказе о посольстве нет никакого упоминания о вождях — аль-Мунзире, Сибухте и Хиляле, — о

[152] Я привёл целиком текст этого письма, потому что он содержит фактические элементы, представляющие известный интерес и имеющие видимость подлинности. Письмо было написано после прибытия в Бахрейн послов Магомета и после того, как Сибухт отправил к Пророку посла с ответом, сообщая, вероятно, о каких-то совершившихся обращениях в народе. Намёк на назначение правителя тёмен, ибо относится к одному из предметов, затронутых в письме Сибухта; можно, быть может, заключить, что он касался наместничества, которое следовало назначить в Хаджаре на время возможного посещения Сибухтом Медины, — посещения, которое, как мы знаем, затем не состоялось. Это письмо показывает, кроме того, что применение общественных и хозяйственных законов ислама встретило некоторые трудности или известное противодействие в каком-то слое тамошнего населения. Из событий 11 г. явственно видно, что лишь небольшое меньшинство обратилось в ислам. Я не привёл текста письма Магомета к Хилялю, потому что он не представляет никакого особого интереса и содержит лишь нравственные и религиозные увещания. Шпренгер (III, с. 372) тоже не сумел объяснить себе причину этого последнего письма и его отношения к остальной переписке между Магометом и Бахрейном: текст его см. Са‘д, § 41, с. 117 перевода и с. 15 арабского текста.

которых мы говорили как о корреспондентах Магомета. Быть может, в этом следует видеть признаки малой власти, действительно имевшейся у этих вождей над подвластными им племенами; многие независимые племена, не доверяя официальным заявлениям названных вождей, избрали, быть может, собственную делегацию, чтобы та лично посоветовалась с Пророком и доложила его ответы о способе уладить трудности. Следует иметь в виду, как мы подробно изложим в другом месте (ср. 10 г. х., §§ 120 и сл.), что эти обращения были лишь частичными: большинство страны осталось равнодушным к предложениям Пророка. В письме Магомета к Сибухту, приведённом в предыдущем параграфе, упоминается о возможном посещении Сибухтом Медины: быть может, одно время обсуждался вопрос о том, чтобы Сибухт сопровождал посольство к Пророку; но неизвестные причины помешали исполнению этого замысла.

Посольство абд аль-кайс

§ 183. — Итак, Магомет написал жителям Бахрейна, — так рассказывает Ибн Са‘д, — чтобы они прислали к нему двадцать своих мужей. И действительно, пришли двадцать человек из абд аль-кайс в 8 г. х. под предводительством Абдуллаха б. Ауфа, называемого аль-Ашаджж, или «отмеченный», ибо он родился со знаком на лбу (уже упомянутого в § 178), и среди членов посольства был также аль-Мункиз б. Хайян, его племянник, сын сестры аль-Ашаджжа. Утверждают, что Пророк предсказал прибытие посольства, хваля абд аль-кайс за долготу пути, который им предстояло совершить, и за их добровольное обращение в ислам. Миссия, едва прибыв в Медину, ещё в пыльных дорожных одеждах, пошла представиться Пророку, находившемуся тогда в мечети. Магомет велел представить себе главу и заметил, что аль-Ашаджж отмечен на лбу. Абдуллах был человек некрасивый, но живого нрава, поэтому он не смутился замечаниями Пророка и остроумно ответил, что из человечьей кожи бурдюков для воды не делают: «в человеке важнее всего два самых малых органа — язык и сердце». Пророк принял замечание и ответил, что у аль-Ашаджжа, стало быть, два качества, угодных Богу. — «Какие?» — спросил аль-Ашаджж. — «Ум и добродушие». В миссии был некий аль-Джаруд[153] христианской веры, который, однако, по приглашению Пророка тотчас стал мусульманином. Магомет поместил послов в здании, называемом Дар ар-Рамла бинт аль-Харис, и задержал их на десять дней, в течение которых аль-Ашаджж просил и получил от самого Пророка много сведений о Коране и о законе. Магомет сделал также подарки всем членам миссии, но выказал своё предпочтение аль-Ашаджжу, подарив ему 12½ *укийя*, или унций серебра. Мункиза б. Хайяна он погладил руками по лицу (Са‘д, § 98; Асир, II, с. 227, относящий посольство к 10 г. х.; Якут, IV, с. 143, предпоследняя строка).

§ 184. — У Ибн Са‘да есть память и о другом документе, написанном Пророком жителям Хаджара, в котором ясно упоминается посольство абд аль-кайс; но примечательно, что в этом документе, обращённом прямо к народу, нет ни малейшего упоминания о племенных вождях, названных в предыдущих параграфах. Это молчание

[153] Об этом аль-Джаруде нам придётся говорить далее, в связи с войнами 11 и 12 г. х. Излюбленный приём передатчиков — вводить в более ранние события лиц, ставших знаменитыми в позднейшие времена. Это одно из излюбленных исторических искусств Сайфа б. Умара, нашего (увы!) главного источника для эпохи *ридды* (войн 11 г. х.) и *аль-футух* (завоеваний).

порождает подозрение, что либо подробности, рассказанные в предыдущем параграфе, апокрифичны, либо Магомет, чтобы добиться введения ислама в Бахрейне, обращался одновременно к различным партиям и пытался таким образом выяснить, какая из них лучше расположена принять его предложения и его учение. Из нижеследующего письма мы узнаём, что введение ислама вызвало интриги, трения и происки и что представители Пророка встретили немалые трудности и сильное противодействие. Во всяком случае видно, что большинство страны было против введения ислама и что ему благоприятствовало лишь меньшинство.

Новое письмо, приписываемое Магомету, следующего содержания. После нескольких кратких нравственных наставлений он пишет: «Ваше посольство (*вафдукум*) прибыло ко мне, и я встретил его лишь тем, что могло быть ему приятно. Если бы я пожелал употребить против вас все мои силы[154], я мог бы изгнать вас из Хаджара, но я принял заступничество за далёких отсутствующих и осыпал милостями присутствующих… Дошло до моего сведения то, что вы сделали; я не вменю добрым вины злых. Когда придут к вам мои начальники (*умара'и*), повинуйтесь им и помогайте им в деле и на пути Божием. Всякое благочестивое дело, совершённое кем-либо из вас, останется незабвенным у Бога и у меня» (Са'д, § 42; Балазури, с. 79, стр. 15 и сл.[155]; ср. также Йа'куби, II, с. 89–90).

§ 185. — В том же месте Ибн Са'да (Са'д, § 42) приводятся отрывки ещё трёх писем Пророка: первый, к аль-Мунзиру б. Саве, — простое повторение того, что Пророк уже сказал в предыдущем параграфе (ср. 8 г. х., § 180). Второй — отрывок нового письма к аль-Мунзиру б. Саве, где он сообщает ему, что послал к нему двух посланцев, Кудаму и Абу Хурайру, которым аль-Мунзир должен был передать подушную подать, *аль-джизья*: «Я послал к тебе Кудаму и Абу Хурайру[156], которым ты передашь сумму *джизьи* твоей страны, *ва-с-салям!*» Письмо написал Убайй. Третий отрывок обращён к аль-Аля б. аль-Хадрами, мусульманскому наместнику в Бахрейне, и Магомет говорит ему: «Я послал двух посланцев к аль-Мунзиру б. Саве, которые должны получить от него сумму подати *аль-джизья*, которую он собрал. Поторопи его

[154] Упоминание о том, что Пророк думал о возможном применении силы против племён Бахрейна, весьма значительно, но, если оно подлинно, должно, быть может, относиться к эпохе несколько более поздней, чем 8 г. х. Намёк на применение силы косвенно проливает свет по крайней мере на одну из причин, побудивших племена Бахрейна признать власть Пророка, который уже чувствовал себя настолько сильным и уверенным в себе, что мог действенно угрожать племенам, наиболее удалённым от Медины. Шпренгер истолковал эти известия иначе. Он утверждает, что вопросы, возникшие между Магометом и племенами, были хозяйственного порядка, а именно что вначале сумма податей, собранных в Бахрейне, перераспределялась агентами Пророка между бедными страны и ничего не отсылалось в Медину; впоследствии же, когда Магомет почувствовал себя достаточно сильным, чтобы поступать по-своему, он приказал, напротив, доставлять все деньги в Медину. Это распоряжение, по Шпренгеру, и было причиной недовольства, вызвавшего затем восстание 11 г. х. (ср. Шпренгер, III, с. 378–379).

[155] У Балазури почти тот же текст, что у Ибн Са'да, хотя порядок фраз несколько иной; поэтому следует привести и *иснад*, на котором Балазури основывает своё известие: от аль-Касима б. Саллама [† 224 г. х.], от Усмана б. Салиха [† 219 г. х.], от Абдуллаха б. Лахи'и [† 174 г. х.], от Абу-ль-Асвада [† 140 г. х.], от Урвы б. аз-Зубайра [† 94 г. х.]. По канонам передатчиков цепь авторитетов была бы превосходной: Урва мог справляться с какой-либо письменной записью.

[156] В предыдущем месте Ибн Са'д (ср. 8 г. х., § 180) говорит, что Абу Хурайра сопровождал аль-Аля ибн аль-Хадрами в Бахрейн; в этом же месте он упоминает об особом поручении, данном Абу Хурайре, когда аль-Аля был уже в Бахрейне. Может быть, Абу Хурайра, проводив аль-Аля в Хаджар, вернулся в Медину доложить Магомету о случившемся, и Пророк дал ему теперь новое поручение.

уплатить (то, что он взыскал), и вместе с тем передай моим двум посланцам то, что ты собрал из подати *ас-садака* и из десятин (*аль-‘ушур*), *ва-с-салям!*»[157] Письмо написал Убайй (Са‘д, § 42).

§ 186. — Ибн Са‘д приводит также ещё один документ, приписываемый Пророку и обращённый к аль-Акбару б. Абд аль-Кайсу, то есть к одному из племени абд аль-кайс, носившему имя и сан Акбар («старший»). Текст этого документа тёмен не только по цели, ради которой он был написан, но также, и в особенности, по буквальному смыслу слов. «От Мухаммада, Расуль Аллах, к аль-Акбару[158] б. Абд аль-Кайсу. Пусть они (абд аль-кайс) доверяют слову, данному Богом, и слову Пророка в том, что касается злых дел, совершённых в язычестве. На них лежит обязанность соблюдать условленный договор, а им гарантируется, что они не будут отрезаны от *тарик аль-мира* (сообщения с внешним миром, откуда шли припасы) и что им не будет отказано в *сауб аль-катр*[159] (или излиянии капель, намёк на пастбища в сезон дождей в пустыне), и что не будут у них отняты посвящённые (? *харим ас-симар*) плоды в пору их созревания[160]. Аль-Аля б. аль-Хадрами — доверенный (*амин*, Велльхаузен переводит: „der Beamte”) над их землёй, над их морем, над оседлыми племенами, над кочевыми племенами и над произведениями земли (так передаю *ва-ма хараджа минха*, что Велльхаузен, быть может, перевёл не вполне верно). Жители Бахрейна — ответственные защитники аль-Аля от всякой обиды, и его помощники против всякого злодея, и его пособники в потрясениях (*аль-малахим*, побоищах?). Они взяли теперь на себя обязательство перед Богом и заключили договор: они не смогут изменить ни единого слова, ни сделать малейшего добавления. По отношению к войску мусульман они имеют право на часть добычи, на беспристрастие в судах, окончательных для обеих сторон, и на

---

[157] Велльхаузен справедливо замечает по этому поводу (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 119, прим. 1), что из настоящих отрывков мы узнаём, что суммы обеих податей, *аль-джизья* и *ас-садака*, пересылались в Медину, тогда как в других случаях мы знаем, что Магомет приказывал распределять сумму между бедными страны (ср. § 190). Притом подать *ас-садака* собиралась в Бахрейне посланцами Пророка, а взимание *аль-джизьи* было оставлено аль-Мунзиру б. Саве, который заботился о том, чтобы взыскивать её с персов и евреев. Это заставляет предполагать, что подать *аль-джизья* взималась арабами с чужеземцев и раньше, и в особенности аль-Мунзиром, — лишь в собственных интересах, а не в чужих.

[158] Шпренгер (III, с. 376) рассматривает выражение «аль-Акбар б. Абд аль-Кайс» не как имя, а как сан, и переводит Акбар словом «Vorsteher», то есть начальник абд аль-кайс. У Шпренгера много вольных переводов и оригинальных утверждений, но он не всегда удостаивает их обоснованием.

[159] Значение некоторых фраз весьма тёмно: *тарик аль-мира* в сопоставлении с *сауб аль-катр* может, быть может, означать летние пастбища племён, которые, как известно, находились по берегам Евфрата и которыми они пользовались с соизволения персидских царей (ср. Шпренгер, III, с. 376); это предположение подтверждается смыслом *сауб аль-катр*, который может означать лишь зимние пастбища, порождаемые дождями в самых внутренних частях Аравии. Мы можем поэтому заключить, что те племена Бахрейна, которые входили в великую конфедерацию племён, навязанную Магометом, ставили условием, чтобы он гарантировал неприкосновенность пастбищ и не вовлекал их в конфликт с персами или с другими арабскими племенами, ибо такие конфликты, вероятно, лишили бы их пастбищ, необходимых для скота летом — на персидской территории или зимой — в сердце полуострова. Эти абд аль-кайс требовали, стало быть, чтобы Магомет не втягивал их в войны против соседей. Мой перевод слов *харим ас-симар* чисто произволен, ибо истинный смысл от меня ускользает. Из этих соображений можно было бы заключить, что документ — один из древнейших и связан с трудностями, которые Магомету пришлось уладить, чтобы добиться обращения племён.

[160] Шпренгер (III, с. 376) объясняет тёмное выражение *ля йухраму харим ас-симар ‘инда булугихи* так: «им не будут запрещены плоды растений, растущих в этой стране дикими и до сих пор считавшихся частной собственностью». Как обычно, Шпренгер не приводит источников, чтобы дополнить и обосновать свой, по-видимому, произвольный перевод.

справедливость в обращении с ними. Бог и Его Пророк — свидетели соблюдения договора» (Са‘д, § 57).

§ 187. — Здесь мы приводим полностью изложение событий в Бахрейне, как они рассказаны у Якута, который, черпая всегда из хороших источников, сохранил известия, заслуживающие внимательного рассмотрения. «Бахрейн был частью Персидской державы и был населён большим числом арабов из племён абд аль-кайс, бакр б. ва’иль и тамим, живших в пустынных степях страны (*бадия*). Представителем персов был тогда аль-Мунзир б. Сава б. Абдуллах б. Зайд б. Абдуллах б. Дарим б. Малик б. Ханзала б. Малик б. Зайд Манат б. Тамим, предок которого, Абдуллах б. Зайд, носил прозвище аль-Асбази[161], по одному селению в Хаджаре. Когда настал 8 г. х., Пророк послал аль-Аля б. Абдуллаха б. Имада аль-Хадрами, *халифа*, или союзника, бану абд шамс, в Бахрейн, чтобы пригласить народ страны принять ислам или платить подать *аль-джизья*. С ним он послал письмо к аль-Мунзиру б. Саве и письмо к Сибухту, марзубану Хаджара, приглашая обоих принять ислам или платить подать *аль-джизья*. Оба стали мусульманами, и с ними обратились все арабы страны и некоторые персы; но те жители страны, которые были *маджус* (последователями Зороастра), или евреями, или христианами, вступили в соглашение с аль-Аля и заключили с ним особый договор (*китаб*) (следующего содержания): „Во имя Бога милостивого и милосердного. Это договор, который заключил аль-Аля ибн аль-Хадрами с народом Бахрейна. Жители будут заниматься обработкой земли, а затем разделом урожая: кто не подчинится этому договору, навлечёт на себя проклятие Бога, ангелов и всех людей. Что же касается *джизьи ар-ру’ус* (подушной подати), она состоит в дани в один динар с каждого взрослого (*халим*)“.

Другие рассказывают (продолжает Якут), что Пророк Божий послал аль-Аля одновременно с другими послами к царям земли в 6 г. х. Есть предание, восходящее к аль-Аля, которое гласит: „Пророк послал меня в Бахрейн (или в Хаджар, говорят некоторые), и я дошёл до *аль-ха’ит байн аль-ухуввa* (до того, что стал стеной между братьями, т. е. посеял раздоры внутри семей?), чтобы взимать десятину (*аль-‘ушр*) с мусульман и поземельную подать (*аль-харадж*) с язычников”. Говорит Катада (один из послов, отправленных Пророком в Бахрейн): „В Бахрейне никогда не было никакого столкновения, но одни стали мусульманами, а другие заключили с аль-Аля особый договор на половину (*инсаф*) зерна (*аль-хабб*, т. е. урожая хлебов, или половину семян, посеянных в землю?) и фиников”. Говорит Са‘ид б. аль-Мусаййиб: „Пророк взял подать *аль-джизья* с *маджус* Хаджара, как затем взял её Умар с *маджус* Фарса, а Усман — с берберов Африки”. Аль-Аля ибн аль-Хадрами прислал Пророку из Бахрейна сумму денег, составлявшую восемьдесят тысяч (*дирхамов*?): ни тогда, ни прежде, ни после ему никогда не приходило из Бахрейна большей суммы. Часть этой суммы он подарил дяде

[161] Прозвище аль-Асбази происходит от селения Асбадх близ Хаджара в Бахрейне и имеет персидское происхождение: действительно, по-персидски *асп* (арабизованное *асб*) значит «конь», и Балазури (с. 78, стр. 10) говорит, что название селения произошло от племени асбазийун, которые именно поклонялись коню в Бахрейне. Эта этимология, однако, принимается не всеми (ср. Якут, I, с. 236–237, где обсуждаются различные происхождения, приписываемые этому прозвищу; ср. также *Lubb*, с. 12 и *Lubb Suppl. Ann.*, с. 13, где подтверждается, что название может происходить от культа коня).

аль-Аббасу» (Якут, I, с. 508–509; ср. Балазури, с. 78–79, где та же версия текста договора, 81).

§ 188. — Существует ещё отрывок другой версии письма, направленного Пророком народу Бахрейна и сохранённого аль-Балазури со ссылкой на следующий *иснад*: от Аббаса б. Хишама аль-Кальби [† 240 г. х.?], от его отца Хишама б. Мухаммада аль-Кальби [† 204 г. х.], от его отца Мухаммада б. ас-Са'иба аль-Кальби [† 146 г. х.], от Абу Салиха [† 100 г. х.?], от Ибн Аббаса [† 68 г. х.]. Пророк написал народу Бахрейна: «Итак: поистине, если вы будете совершать молитву, платить подать *аз-закят*, будете искренни с Богом и Его Пророком, будете платить десятую часть доходов с пальм и половину десятой (*нисф 'ушр*, т. е. двадцатую) урожая хлебов и не будете воспитывать своих детей в религии магов, — тогда вы будете иметь те права, ради которых заключили мир. Знайте же, что дом огня (*байт ан-нар*, т. е. ад) принадлежит Богу и Его Пророку (которые смогут распорядиться им вам в наказание), и если вы откажетесь подчиниться изложенным условиям, то должны будете платить подушную подать, *аль-джизья*» (Балазури, с. 79, стр. 1 и сл.).

Критический разбор мнимого обращения Бахрейна

§ 189. — Из рассмотрения всех этих более или менее подлинных фактов и документов весьма трудно извлечь достоверный рассказ о том, что в действительности произошло в Бахрейне[162]. Предания, собранные нами в предыдущих параграфах, содержат документы, обладающие многими признаками подлинности[163]: поэтому не может быть сомнения, что ещё при жизни Магомета и в Бахрейне некоторые отстаивали дело ислама. С другой стороны, однако, столь частые, по-видимому, сношения и столь тесные отношения (посылка представителей и сборщиков, взимание податей и т. д.) между Магометом и некоторым числом жителей Бахрейна составляют факт, который именно потому, что его нельзя справедливо подвергнуть сомнению, возбуждает наше удивление. В самом деле, достаточно взглянуть на карту Аравии, чтобы заметить, насколько Бахрейн простирается в положении совершенно изолированном от той области Аравии, над которой Магомет властвовал с диктаторскими полномочиями: с одной стороны — безбрежная пустыня Южной Аравии, Дахна, или «пустыня» по преимуществу, которую, по словам арабов, никто никогда не пересекал; с другой — независимые и воинственные племена ханифа в Ямаме держали Бахрейн в положении совершенной изоляции по отношению к Магомету. Добавим, что между Ямамой и Хиджазом простиралась к тому же вся центральная область Аравии, населённая большими и могущественными племенами (асад, гатафан, сулайм, тамим, амир б. са'са'а и т. д.), над которыми Пророк имел весьма малую власть или вовсе никакой. Бахрейн, стало быть, не имел ничего общего с Хиджазом: торговые и административные отношения между этой провинцией и

[162] Произвольная реконструкция Шпренгера, на которую мы уже намекали (ср. § 177), не имеет никакого научного основания: он принял всё за истину и, лишь бы получить связный рассказ, ошибочным историческим методом смягчил или стёр противоречия и расхождения, существующие между различными известиями. Поэтому мы не можем никак полагаться на его версию.

[163] Подлинными должны быть те документы (ср. §§ 180, 181, 184 и 186), в которых содержатся косвенные намёки на происшедшие или предстоящие события, о которых передатчики не дают нам сведений, ибо всякая память о них утрачена: такие намёки не могут быть вымыслом передатчиков.

соседней Персидской державой были, напротив, тесными и постоянными, и вся часть области, омываемая водами Персидского залива, могла считаться владением Сасанидского царства; с другой же стороны, сообщения между Индией и Бахрейном были гораздо легче и чаще, чем с Хиджазом (ср. Heyd, I, с. 6–9). Непонятно поэтому, какая причина могла побудить этих далёких арабов, которым, по-видимому, нечего было бояться и нечего выиграть от Пророка, принять его веру и добровольно, без видимой причины, подчиниться тяжким обязанностям, налагаемым исламом.

Факты, рассказанные в предыдущих параграфах, и в особенности тенденциозно искажённые предания о посольстве абд аль-кайс не были бы достаточны, чтобы осветить для нас вопрос, если бы события, развернувшиеся несколько лет спустя, во время всеобщего восстания племён в 11 г. х. (ср. 11 и 12 г. х.), не помогали различить смутный проблеск истины. Из одного предания Сайфа б. Умара (ср. Табари, I, с. 1958) мы узнаём, что накануне великого восстания единственной опорой ислама в Бахрейне был князь аль-Мунзир б. Сава и что поэтому, когда умер Магомет и умер также аль-Мунзир, вся страна, за исключением немногочисленного меньшинства, заявила о своей верности старым порядкам и верованиям, стремясь со свирепым ожесточением к уничтожению немногих сторонников покойного аль-Мунзира, которым предание даёт имя мусульман (ср. Ибн Исхак, Табари, I, с. 1960). Эти известия драгоценны: они позволяют проверить истинную ценность преданий, приведённых в предыдущих параграфах. Введение ислама в Бахрейне было, стало быть, фактом чисто политическим: это было не порождение добровольного порыва населения к новой вере, лучшей и более истинной, чем старая, а ненавистная обязанность, навязанная князем в политических целях меньшинству жителей Бахрейна в надежде одолеть сильную враждебную ему партию. Прельщённый, быть может, успехами и славой Магомета, аль-Мунзир вообразил, что получит какую-то большую материальную выгоду, вступив в союз с Пророком Медины, и так возьмёт верх над своими противниками. Чтобы упрочить свою политическую власть, попросив и получив моральную поддержку Пророка[164], он взамен сделал всё возможное, чтобы ввести в Бахрейне фискальные законы и обрядовые обязанности ислама. Он согласился даже на сборщиков, присланных из Медины, и на то, чтобы посылать Пророку суммы податей. Таким образом аль-Мунзир, по-видимому, достиг некоторой политической выгоды, длившейся, пока он оставался в живых; но, с другой стороны, те самые документы, которые мы привели, неоспоримо выдают тот факт, что нововведения аль-Мунзира вызвали в стране живое сопротивление[165], так что ислам утвердился там непрочно и в

[164] То, что имя Магомета и страх перед ним могли влиять на население, столь удалённое и изолированное от Медины, возбуждает наше удивление, ибо мы не знаем, как он мог бы непосредственно вмешаться во внутренние дела страны. Упоминание о возможном применении силы, имеющееся в документе в § 184, показывает, что Магомет возлагал многие надежды на великий ужас перед своим оружием, распространившийся по всей Аравии, даже в далёком Бахрейне: этот страх перед Пророком очевиден и из содержания следующего §. Сила антиисламской реакции в 11 г. х. — мера страха, внушавшегося его военной мощью, страха, быть может, преувеличенного, но всё же неоспоримо существовавшего. Это один из самых тёмных пунктов в истории отношений между Магометом и племенами в последние два года его пророческого поприща. Об этом мы поговорим подробнее под 10 г. х., когда будем изучать своеобразное явление посольств.

[165] Передатчики хотят заставить поверить, что он был господином всего арабского Бахрейна, но это не может быть правдой. Доказательство тому — число писем, посланных Пророком в Бахрейн и не адресованных аль-Мунзиру (ср. §§ 182, 184 и 186).

весьма ограниченной зоне, будучи принят лишь небольшим меньшинством. Представляется несомненным, в самом деле, что власть аль-Мунзира была весьма ограниченной и что эфемерное обращение Бахрейна ограничилось незначительной областью внутри страны и вовсе не проникло к прибрежному населению Персидского залива. Письмо Магомета к Сибухту (ср. § 181) показывает, что Пророк, обманутый, быть может, почином аль-Мунзира среди чистых арабов, обратился также к вождям смешанного арабо-арамейско-персидского населения, рассеянного по берегам моря; но то же письмо выдаёт также тот факт, что переговоры с Сибухтом не привели ни к какому результату. Когда в 11 г. х. вспыхнуло восстание, Сибухт исчез, не оставив по себе следа; стало быть, он не обратился, и та часть страны, которую он представлял, осталась столь совершенно равнодушной к предложениям Пророка, что в ней не нашлось никого, кто отстаивал бы его учение во время великой революционной бури 11 г. х. Поэтому смерти аль-Мунзира оказалось достаточно, чтобы рухнуло хрупкое здание ислама, воздвигнутое им в Бахрейне. Если мусульманские хронисты заботятся сообщить нам, что некоторые арабы под началом аль-Джаруда остались верны исламу, мы должны видеть в них не религиозную партию, а лишь остатки политической партии, сокрушённой реакцией, вспыхнувшей при смерти аль-Мунзира, главного представителя, так сказать, прогрессивной фракции. Свирепое ожесточение, с которым реакционеры пытались уничтожить партию аль-Мунзира (ср. Табари, I, с. 1957 и 1959), — полезный показатель для измерения силы местной политической ненависти и слабости так называемой мусульманской стороны. Аль-Джаруд, её глава, после смерти аль-Мунзира, оказавшись в беде, обратился за помощью к мусульманским полководцам, которые, соединившись с ним, завоевали провинцию и сделали её мусульманской безжалостной логикой меча. По этой причине партия, призвавшая на помощь мусульман, была названа передатчиками мусульманской, и поэтому они изображают нам товарищей аль-Джаруда единственными верующими, оставшимися верными исламу в Бахрейне, тогда как, быть может, и они действительно стали мусульманами лишь после завоевания, в 12 г. х. Мы можем поэтому с относительной уверенностью заключить, что в преданиях о мнимом обращении Бахрейна должно быть много преувеличения передатчиков и что в действительности происшедшие события были весьма скромных размеров и в весьма ограниченном кругу лиц.

Оман. — Миссия Амра б. аль-Аса в Оман (зу-ль-ка‘да)

§ 190. — В месяце зу-ль-ка‘да 8 г. х. Пророк послал Амра б. аль-Аса с письмом к двум арабским князьям азд, Джайфару б. Джуланде и его брату Аббаду б. Джуланде, которые правили аздитскими племенами в провинции Оман[166] как наместники

[166] Оман — гористая область, простирающаяся по всей крайней восточной оконечности Аравийского полуострова, там, где он своими мысами сжимает устье Персидского залива. Высокие горы области всегда приносили ту пользу, что во время муссонов изливалось много дождевой воды, так что во внутренних долинах всегда было обилие воды и растительности. Якут (III, с. 717, стр. 17) говорит, что в его время область была очень населена, богата селениями, пальмами и возделанными полями. Оман всегда был областью Аравии весьма малоизвестной и мало посещаемой: и сегодня он остаётся одной из почти неисследованных частей Аравии. Практически, за пределами побережья, мы ничего не знаем о внутреннем устройстве страны. Одна из причин этого, помимо её изолированного положения, окружённого наполовину пустыней, которую, быть может, ни один человек никогда не пересекал, — независимый и подозрительный нрав жителей, которыми никто никогда действительно не владел, даже халифы. Внутренняя часть страны всегда оставалась

персидских царей в аль-Мадаине. Своему послу Магомет вручил запечатанное письмо, которое тот должен был лично передать двум князьям и которое содержало приглашение принять ислам. Настоящим государем Омана был Джайфар, но брат его Аббад был известен кротостью своего нрава, и к нему первым обратился Амр б. аль-Ас как к более умному и доступному из двух братьев. Амр изложил ему суть своей миссии и попросил Аббада устроить ему аудиенцию у Джайфара, на которой он мог бы официально вручить письмо Пророка. Аббад обещал доставить ему этот случай и действительно, после нескольких дней ожидания, объявил ему день аудиенции. Амр предстал торжественно и официально перед двумя князьями и вручил письмо князю Джайфару, ибо тот решал всё. Джайфар сломал печати, прочёл письмо и передал его брату Аббаду. Амру показалось, что содержание произвело более глубокое впечатление на Аббада, чем на Джайфара. Тогда Джайфар известил Амра б. аль-Аса, что на следующий день даст ему ответ, и Амр удалился. Назавтра, когда Амр снова предстал перед князьями, Джайфар, взяв слово, сказал, что счёл бы себя слабейшим и подлейшим из арабов, если бы уступил другому власть, которую держит в руках. Амр ответил, что в таком случае он уедет на следующий день и вернётся в Медину с этим ответом, равносильным отказу. Джайфар надеялся, быть может, поторговаться и улучшить условия, но, увидев, что Амр говорит серьёзно и действительно собирается уезжать, изменил своё решение из опасения оскорбить Магомета, снова призвал к себе посланца Пророка и публично объявил, что стал мусульманином и признаёт политическую власть Магомета. Поэтому Амр б. аль-Ас остался в стране и с согласия обоих князей, ибо и Аббад стал мусульманином, собирал подать *ас-садака* с богатых и распределял её сумму между бедными и нуждающимися провинции. Амр оставался в Омане до тех пор, пока не получил известие о смерти Пророка (Табари, I, с. 1600–1601, 1686; Са‘д, § 8; Йа‘куби, II, с. 85; Шпренгер, III, с. 382 и сл., ошибочно даёт Ийяз вместо Аббад; Асир, II, с. 177, стр. 5; 208, стр. 19 и сл., называет обоих князей сыновьями аль-Джуланды: говорит, что жители городов были персы-*маджус*, с которых Амр б. аль-Ас взимал подать *аль-джизья*, тогда как арабы жили на равнинах вокруг городов. Он утверждает, однако, что миссия Амра, по некоторым, состоялась в 7 г. х. В другом месте Асир, II, с. 268, стр. 2–3, относит посылку Амра в Оман к 10 г. х., к возвращению Пророка из Прощального паломничества).

§ 191. — Версия Балазури несколько отличается, но её стоит привести полностью, ибо она дополняет и исправляет предыдущую. Провинция Оман была тогда населена многочисленными племенами, большинство которых принадлежало к роду азд; но были и другие роды, населявшие степи и пустынные области, *аль-бавади*. К этим племенам Магомет послал двух послов — Амра б. аль-Аса ас-Сахми и другого, Абу Зайда аль-Ансари аль-Хазраджи. Собственное имя последнего неизвестно, и о нём приводятся различные версии, а именно: по аль-Кальби [† 146 г. х.], его звали Кайс б. Сакан б. Зайд б. Харам, по другим же — Амр б. Ахтаб, и он был бы дедом Урвы б. Сабита б. Амра б. Ахтаба; есть, наконец, и такие, что называют его Сабит б. Зайд. Из двух послов

независимой. Мятежный, демократический, нетерпимый к господству нрав её жителей проявляется и в том, что в Омане гнездилась одна из древнейших и самых свирепых мусульманских ересей — ересь хариджитской секты ибадитов, о которых нам предстоит так много говорить в дальнейшем. Жаркий климат Омана так ужасен, что уже в те времена и среди тех народов вошёл в поговорку (Якут, III, с. 717, стр. 17).

первому, Амру б. аль-Асу, было поручено вести переговоры с двумя князьями, Абдом и Джайфаром, сыновьями аль-Джуланды, и вручить им письмо Пророка, в котором Магомет приглашал их принять ислам. Если предложения Магомета не встретят противодействия, Амр должен был взять на себя обязанности *амира*, тогда как Абу Зайд, как один из тех, кто собрал откровения Корана (*джама‘а аль-Куръан*) ещё при жизни Магомета и был поэтому весьма сведущ в мусульманском учении, должен был руководить молитвами, принимать от людей исповедание мусульманской веры, обучая Корану и обычаям, *ас-сунан*. Оба посла благополучно прибыли в Оман, нашли обоих князей, Абда и Джайфара, в Сухаре, на берегу Персидского залива, и вручили письмо Пророка. Оба князя приняли предложения Магомета, приняв ислам; затем, созвав арабов, пригласили их стать мусульманами и благосклонно обошлись с обоими послами. Амр б. аль-Ас оставался в Омане до смерти Пророка, тогда как Абу Зайд, говорят, вернулся в Медину ещё до того, как Пророк скончался (Балазури, с. 76)[167].

§ 192. — Нет причины сомневаться, что, за вычетом некоторых маловажных подробностей, приведённые предания в основном содержат рассказ об исторических фактах. Канва верна: исправить нужно лишь окраску. Посылка Амра б. аль-Аса в Оман была, конечно, предписана Пророком не иначе как по какому-то тайному приглашению двух глав семьи Джуланда. Известно, что Амр был известен и славился как один из хитрейших людей своего времени, и это, вероятно, объясняет выбор Пророка для весьма деликатной миссии в столь далёкую страну, где было бы невозможно покарать за оскорбление, нанесённое мусульманскому послу. Из контекста предания можно заключить, что оба царствующих брата, желая надёжной опоры против сильной народной партии, обратились за помощью к Пророку. Что почин должен был исходить от князей Омана, а не от Магомета, очевидно по тем же причинам, что и для Бахрейна. Была бы в самом деле непонятна эта попытка обратить столь отдалённую и совершенно изолированную страну, когда оставалась ещё столь большая часть Аравии, которую надо было обратить и покорить, прежде чем дойти до Омана, на самом удалённом от Медины краю Аравии. Вероятно поэтому, что два князя аль-Джуланда, обращаясь к Пророку в Медину, не знали условий, которых Магомет требовал от тех, кто домогался его поддержки. Радуясь возможности расширить своё влияние и не желая отпугивать добровольных сторонников, Магомет поручил именно хитрому Амру б. аль-Асу деликатную миссию изложить князьям, каким образом можно рассчитывать на помощь Пророка, а именно объявив себя мусульманами, и добиться принятия его условий. Они вызвали немало трудностей, но были наконец приняты, ибо, по-видимому, власть двух князей в Омане была далеко не прочной. Соглашение, заключённое между ними и Пророком, имело, однако, весьма малое действие, ибо народное антидинастическое движение всё больше крепло в Омане и вскоре всё смело. Около того времени, когда Магомет сошёл в могилу, народное движение приняло форму всеобщего восстания против двух князей, руководимого арабом неизвестного и тёмного происхождения, которому передатчики, быть может несправедливо, приписывают пророческие

[167] В другом месте того же Балазури приводится, однако, версия событий согласно тому, во что верили и что рассказывали в Омане во времена халифа ар-Рашида [† 193 г. х.]: а именно, в 6 г. х. Магомет послал Абу Зайда аль-Ансари с письмом к двум князьям-аздитам, а два года спустя, в 8 г. х., послал Амра б. аль-Аса, вскоре после его обращения в ислам (Балазури, с. 77, стр. 12).

притязания (ср. Табари, I, с. 1977–1980). Лёгкость, с которой, когда разразилась буря, два князя аль-Джуланда потеряли всё и, с трудом спасшись бегством, должны были и сами призвать помощь мусульманских войск, должна убедить, что мнимое обращение Омана следует свести к самым скромным размерам. Это были скорее не обращения, а политические интриги, затеянные Пророком в надежде воспользоваться внутренними расколами племён, чтобы ввести у них ислам и добиться торжества своих идей. Нет ведь никакого упоминания о посылке дани в Медину: подати, собранные в Омане, должны были оставаться в стране, говорят передатчики, а пребывание Амра б. аль-Аса там до смерти Пророка и его немедленный отъезд, едва умер Магомет, представляют Амра б. аль-Аса в его истинном свете — интригана-посла, а не представителя Пророка при мусульманской общине. Со смертью Магомета его обязанности в самом деле прекращались, и, не имея больше никакого дела, он вернулся в Медину. Иначе, раз он покинул Оман до того, как вспыхнуло восстание, его отъезд был бы дезертирством. Заметим также, что тот Абу Зайд, о котором говорит Балазури (ср. § 191) и который должен был обращать и наставлять арабов страны, вернулся в Медину гораздо раньше Амра б. аль-Аса: стало быть, он нашёл там весьма мало дела. Когда мусульманские войска подоспели для завоевания страны, мы имеем известие, что партия, благоприятствовавшая исламу, была так слаба и малочисленна, что не могла даже отважиться на вооружённое столкновение с антимусульманами. Поэтому, заключая, и для провинции Оман мы должны свести так называемое распространение ислама к самым скромным размерам, освободив его от всех тенденциозных узоров, добавленных тщеславием и благочестием передатчиков. Мнимое обращение азд Омана, упоминаемое в другом месте (ср. 10 г. х., § 55), — известие, основанное на предании, содержание которого далеко не подлинно: во всяком случае оно может намекать лишь на какое-нибудь единичное обращение[168].

Брак Магомета с Мулайкой

§ 193. — В этом году, после взятия Мекки, Пророк сочетался браком с Мулайкой бинт Давуд аль-Лайсией. Тогда одна из других жён Магомета, быть может ревнуя к новой сопернице, потому что та была очень молода, красива и свежа, пошла сказать ей: «Не стыдно ли тебе выходить замуж за человека, который убил твоего отца?» Отец Мулайки действительно погиб в стычке при взятии Мекки, и этот намёк так поразил молодую женщину, что она не позволила Пророку прикоснуться к себе: тогда он расстался с ней (Табари, I, с. 1647; Са‘д, VIII, с. 106, называет её «бинт Ка‘б» и приводит предание, согласно которому брак состоялся в месяце рамадан 8 г. х.; Асир, II, с. 198; *Хамис*, II, с. 130, называет Мулайку «аль-Киндия»).

§ 194 (ср. § 176). — Об этом браке у Табари, со ссылкой на аль-Вакиди (I, с. 1686, стр. 6), иная версия. А именно, Пророк, вернувшись в Медину из аль-Джи‘раны, сочетался браком с Фатимой бинт ад-Даххак б. Суфьян аль-Килабией: «тогда она, когда

[168] Шпренгер (III, с. 381, прим.), принимая предание буквально, впадает в некоторые затруднения, из которых не умеет как следует выпутаться. Во всём третьем томе своей знаменитой биографии Магомета Шпренгер (побуждаемый, быть может, желанием поскорее закончить свой труд) обнаруживает недостаток зрелого критического духа и, кажется, имеет в виду лишь составить приятный и связный рассказ. Составление первых двух томов биографии — работа гораздо более тщательная, добросовестная и талантливая.

ей был предоставлен выбор, предпочла богатства мира, и говорят, что она отказала Пророку в своих милостях, за что он с ней развёлся». Это происходило в зу-ль-ка‘да (и потому, вероятно, до прибытия в Медину, а не после) (Табари, I, с. 1686; Са‘д, VIII, с. 158, стр. 9–12 и с. 159, стр. 15 и сл.; Асир, II, с. 208, который следует Табари, не давая нам больше света)[169].

Ежегодное паломничество

§ 195. — В месяце зу-ль-хиджжа, как обычно, было совершено великое паломничество, которое Магомет позволил совершать и идолопоклонникам по древнему языческому обряду, несмотря на взятие города и уничтожение всех (?) идолов. Мусульмане и язычники приняли поэтому одновременно участие в празднествах, первые — под руководством Аттаба, который, стало быть, был первым мусульманином, возглавившим обряды после завоевания, — неизвестно, по той ли причине, что он был правителем города, или по особому поручению, полученному от Пророка. Великий ежегодный праздник прошёл без каких-либо происшествий, несмотря на изменившиеся условия и присутствие двух враждебных вер вокруг одного и того же святилища. Если верить аль-Вакиди, Магомет через своего правителя велел по этому случаю утвердить четыре постановления торгового права, а именно запретил четыре следующих приёма недозволенной торговли: (1) ставить в договорах два различных условия (условия, взаимно противоречащие друг другу и могущие поэтому быть причиной тяжб); (2) платить за товары вперёд, прежде чем получить их в своё распоряжение; (3) продавать вещь, которой не вправе распоряжаться; (4) искать прибыли от вещей, которыми не владеешь[170] (Хишам, с. 887; Вакиди — Велльхаузен, с. 380–381, см. прим. 3).

Рождение Ибрахима, сына Магомета

§ 196. — В настоящем году Мария, наложница-коптянка, родила в месяце зу-ль-хиджжа сына, которому Магомет дал имя Ибрахим. Пророк отнёс новорождённого к Умм Бурде бинт аль-Мунзир б. Зайд б. Лабид б. Хидаш ан-Наджжария, жене аль-Бара’а б. Ауса б. Халида б. аль-Джа‘да ан-Наджжари, чтобы она его вскормила. Во время родов Марии помогала Сальма, вольноотпущенница Пророка, которая, едва родился мальчик, побежала сообщить радостную весть своему мужу Абу Рафи‘у. Тот тотчас пошёл поздравить Пророка и получил от него в дар раба, *мамлюк*, ибо Магомет пожелал засвидетельствовать ему свою радость и отблагодарить за принесённую радостную весть. Все прочие жёны Магомета были смущены и разъярены, узнав, что Мария родила сына, которого им никогда не удавалось иметь (Табари, I, с. 1686; Са‘д, VIII, с. 153, стр. 16; Хаджар, I, с. 186, № 394; Асир, II, с. 208–209; Абу-ль-Фида, I, с. 168; *Хамис*, II, с. 130–131; о смерти Ибрахима см. 10 г. х., § 1).

[169] Табари смешивает её с килабиткой. Ибн Са‘д (VIII, с. 100, стр. 24 и сл.), напротив, чётко отличает эту женщину от Мулайки. Не исключена, однако, вероятность того, что вследствие ошибок и смешения преданий в этом случае произошло раздвоение лиц и что Мулайка предыдущего параграфа и килабитка § 176 — одно и то же лицо: тем более что подробности развода сходны.

[170] Отсюда мы имеем доказательство того, что ежегодное паломничество оставалось тем, чем было уже в эпоху *джахилии*: не только собранием с религиозными целями, но и во многих отношениях большой ежегодной ярмаркой.

Посольства племён

§ 197. — Уже в последние дни этого года, после возвращения из Мекки, начали прибывать посольства арабских племён, чтобы засвидетельствовать почтение и вести переговоры с Пророком (*Хамис*, II, с. 131).

Развод с Саудой

§ 198. — В этом же году Пророк развёлся с женой Саудой, но та несколько дней спустя остановила его на улице, когда он шёл в жилище Аиши, и заклинала взять её обратно: «Я не прошу, чтобы ты ложился со мной: я даже уступаю свою очередь Аише; но я хочу предстать в день воскресения как твоя супруга». На этих условиях Магомет согласился взять её обратно в свой гарем (Са‘д, VIII, с. 38, стр. 5 и сл.; *Хамис*, II, с. 130).

Обращение бану суда

§ 199. — (Аль-Вакиди.) После удачного похода на Мекку, едва вернувшись в Медину, в 8 г. х., Магомет, ободрённый своими счастливыми успехами, решил снарядить поход в Северный Йемен против племени бану суда’, ветви са‘д аль-ашира (мазхидж), и собрал для этого 400 человек под начальством Кайса б. Са‘да б. Убады. Пока эти люди собирались в Вади Канат, долине близ Медины, случайно проходил один судаит по имени Зияд б. аль-Харис ас-Суда’и, который, узнав о причине и цели похода, поспешно отправился к Пророку и просил его повременить и дождаться прибытия посольства, которое, как он сказал, собирается прийти в Медину, чтобы возвестить об обращении племени. Тогда Магомет приостановил поход. Зияд б. Харис, поспешно вернувшись к своим, собрал миссию из 15 человек и с нею снова явился к Пророку, принеся весть, что всё (?) племя подчинилось. Ислам распространился затем среди племени, и два года спустя, на Прощальном паломничестве, в Мекке явились целых сто человек[171] из племени суда’, чтобы принять участие в празднествах (Са‘д, с. 54–55, § 107; *Хамис*, II, с. 130; Шпренгер, III, с. 336–337).

Обращение бану са‘лаба (гатафан)

§ 200. — По возвращении Магомета с собрания в аль-Джи‘ране, ещё до конца 8 г. х., в Медину прибыли четверо послов бану са‘лаба б. са‘д б. зубьян, ветви гатафан, которые принесли Магомету акт покорности и обращения в ислам части своего племени (*ман халфана мин каумина*). Послы пробыли несколько дней в Медине, и при отъезде Пророк приказал вручить каждому из них обычный дар в пять *авак*, или унций серебра (Са‘д, с. 33, § 82).

Смерть Зайнаб, дочери Пророка

§ 201. — В этом году, согласно тому, что говорит аль-Вакиди, как полагают, скончалась Зайнаб, дочь Пророка (и его первой жены Хадиджи), жена Абу-ль-Аса б. ар-Раби‘а (Табари, I, с. 1597; Асир, II, с. 174).

[171] Видно, что упомянутое обращение было лишь частичным: действительно, в конце 10 г. х. мазхидж, ветвью которых были суда’, выступают как язычники, все вставшие под знамя лжепророка аль-Асвада.

Другие источники относят смерть к 7 г. х., а именно спустя семь лет и два месяца после того, как Пророк прибыл в Медину (Кутайба, с. 69, стр. 18; ср. *Хамис*, II, с. 131, относящий смерть к первым дням 8 г. х.; Табари, III, с. 2296, рассказывает, как в этом году Зайнаб, старшая по возрасту из дочерей Пророка, покидая Мекку, чтобы присоединиться к отцу, встретилась с Хаббаром б. аль-Асвадом и ещё одним человеком. Один из двух, говорят, толкнул её мимоходом так, что она упала (с верблюда?) на камень: от удара у неё случился выкидыш (*аскатат*); затем у неё началось сильное кровотечение, которое никто не смог остановить, и она умерла, истекши кровью; Ибн Са‘д, VIII, с. 22, стр. 17, говорит (по аль-Вакиди), что Зайнаб умерла в первые дни 8 г. х.). Ср., однако, выше § 81, из которого следовало бы, что выкидыш был событием гораздо более ранним, восходящим ко 2 г. х.

Сооружение *минбара* (ср. 7 г. х., § 74)

§ 202. — В этом году, по мнению некоторых, Пророк велел соорудить себе *минбар*, или кафедру, для мечети в Медине из тамарискового дерева (*асль*), взятого в долине аль-Габа. Другие, однако, как известно, относят это событие к 7 г. х., а иные — к 9 г. х. Прежде чем пользоваться *минбаром*, обращаясь с речью к верующим, Магомет имел обыкновение взбираться на пальмовый ствол, вкопанный в землю: отсюда и явилась потом мысль сделать себе кафедру. *Минбар* был сооружён, говорят, греком по имени Бакум, или Бакуль, тогда как другие утверждают, что этот грек был, напротив, строителем кровли Ка‘бы во время её перестройки курайшитами (ср. Введение, § 167); иные же говорят, что кафедра была работой араба, слуги Аббаса, или мединского слуги, занимавшегося плотницким ремеслом. *Минбар* был грубой кафедрой в три ступени, третья и последняя из которых была сиденьем, на котором сидел Пророк, упираясь ногами во вторую ступень. Добавляют затем, что, когда Пророк умер, халиф Абу Бакр садился на вторую ступень, упираясь ногами в первую, а позднее Умар, став халифом, садился на самую нижнюю ступень, упираясь ногами в землю (*Хамис*, II, с. 75)[172].

Смерть Хатима ат-Таи

§ 203. — К этому году Абу-ль-Фида ошибочно относит смерть знаменитого Хатима ат-Таи, славного поэта, прославленного во всей Аравии своей великой щедростью. Его полное имя было Абу Сафана Хатим б. Абдуллах б. Са‘д б. аль-Хашрадж, из рода бану тайй б. удад. Его дочь Сафана пришла потом к Пророку жаловаться на свою бедность, следствие расточительной щедрости отца. Другие, более вероятные известия относят, однако, смерть Хатима к восьмому году после рождения Пророка, а не после его Бегства (Абу-ль-Фида, I, с. 168; ср. с. 33–35, прим. 68, *Adnotationes Historicae* того же тома, где приведены текст и перевод стихотворения, приписываемого Хатиму; ср. также *Агани*, XVI, с. 96–110).

[172] Говорят, что халиф Усман шесть лет следовал примеру Умара; затем переменил мнение, поднялся на самую верхнюю ступень, где сидел только Пророк, и занимал это место во время проповедей до самого дня своей смерти. Не сказано, как поступал Али, став халифом. Му‘авия сделал себе новый *минбар*, выше, а именно в шесть ступеней, и пожелал перевезти из Медины в Дамаск исторический *минбар* Пророка, но был отвращён от этого солнечным затмением в 60 г. х. (у ат-Табари этот эпизод отнесён к 50 г. х. — *Прим. пер.*). Многие другие халифы, как Омейяды, так и Аббасиды, задумывали вывезти из Медины драгоценную реликвию, но их всегда отговаривало заступничество влиятельных и благочестивых лиц (*Хамис*, II, с. 75–76).

Абдуллах Аби-ль-Лахм

§ 204 (ср. § 138). — Абдуллах б. Абд аль-Малик б. Абдуллах б. Гифар Аби-ль-Лахм аль-Гифари, знаменитый сподвижник Пророка, превосходный поэт, передавший разные предания, собранные затем ат-Тирмизи [† 279 г. х.], ан-Наса’и [† 303 г. х.] и Муслимом [† 261 г. х.]: он присутствовал при битве при Хунайне вместе со своим вольноотпущенником Умайром; его прозвали Аби-ль-Лахм («отвергающий мясо»), потому что, говорят, он не желал есть мяса: жил он обычно в ас-Сафре. По другим, его имя было Халаф б. Абд аль-Малик, или Абдуллах б. Абдуллах б. Малик, или аль-Хувайрис б. Абдуллах б. Халаф б. Малик, или Абдуллах б. Абд аль-Малик: родился он в языческую эпоху. Он был одним из древнейших сподвижников Пророка и, по некоторым, погиб, сражаясь в битве при Хунайне в 8 г. х., но это известие не вполне достоверно (Хаджар, I, с. 17, № 1; Асир, *Усд*, III, с. 200). Если он передавал предания, то должен был пережить Пророка, — или же предания апокрифичны.

Часть 4. 9 г. х.: поход на Табук, обращение сакиф, посольства племён

9 г. х. (20 апреля 630 — 8 апреля 631)

Таблица соответствия дат, помещённая в оригинале перед текстом года, воспроизведена в пересчёте (1 мухаррама 9 г. х. = пятница, 20 апреля 630 г.; месяцы попеременно по 30 и 29 дней).

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
1	20 апр. пт	20 мая вс	18 июня пн	18 июля ср	16 авг. чт	15 сент. сб
2	21 апр. сб	21 мая пн	19 июня вт	19 июля чт	17 авг. пт	16 сент. вс
3	22 апр. вс	22 мая вт	20 июня ср	20 июля пт	18 авг. сб	17 сент. пн
4	23 апр. пн	23 мая ср	21 июня чт	21 июля сб	19 авг. вс	18 сент. вт
5	24 апр. вт	24 мая чт	22 июня пт	22 июля вс	20 авг. пн	19 сент. ср
6	25 апр. ср	25 мая пт	23 июня сб	23 июля пн	21 авг. вт	20 сент. чт
7	26 апр. чт	26 мая сб	24 июня вс	24 июля вт	22 авг. ср	21 сент. пт
8	27 апр. пт	27 мая вс	25 июня пн	25 июля ср	23 авг. чт	22 сент. сб

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
9	28 апр. сб	28 мая пн	26 июня вт	26 июля чт	24 авг. пт	23 сент. вс
10	29 апр. вс	29 мая вт	27 июня ср	27 июля пт	25 авг. сб	24 сент. пн
11	30 апр. пн	30 мая ср	28 июня чт	28 июля сб	26 авг. вс	25 сент. вт
12	1 мая вт	31 мая чт	29 июня пт	29 июля вс	27 авг. пн	26 сент. ср
13	2 мая ср	1 июня пт	30 июня сб	30 июля пн	28 авг. вт	27 сент. чт
14	3 мая чт	2 июня сб	1 июля вс	31 июля вт	29 авг. ср	28 сент. пт
15	4 мая пт	3 июня вс	2 июля пн	1 авг. ср	30 авг. чт	29 сент. сб
16	5 мая сб	4 июня пн	3 июля вт	2 авг. чт	31 авг. пт	30 сент. вс
17	6 мая вс	5 июня вт	4 июля ср	3 авг. пт	1 сент. сб	1 окт. пн
18	7 мая пн	6 июня ср	5 июля чт	4 авг. сб	2 сент. вс	2 окт. вт
19	8 мая вт	7 июня чт	6 июля пт	5 авг. вс	3 сент. пн	3 окт. ср
20	9 мая ср	8 июня пт	7 июля сб	6 авг. пн	4 сент. вт	4 окт. чт
21	10 мая чт	9 июня сб	8 июля вс	7 авг. вт	5 сент. ср	5 окт. пт
22	11 мая пт	10 июня вс	9 июля пн	8 авг. ср	6 сент. чт	6 окт. сб
23	12 мая сб	11 июня пн	10 июля вт	9 авг. чт	7 сент. пт	7 окт. вс
24	13 мая вс	12 июня вт	11 июля ср	10 авг. пт	8 сент. сб	8 окт. пн
25	14 мая пн	13 июня ср	12 июля чт	11 авг. сб	9 сент. вс	9 окт. вт
26	15 мая вт	14 июня чт	13 июля пт	12 авг. вс	10 сент. пн	10 окт. ср
27	16 мая ср	15 июня пт	14 июля сб	13 авг. пн	11 сент. вт	11 окт. чт
28	17 мая чт	16 июня сб	15 июля вс	14 авг. вт	12 сент. ср	12 окт. пт
29	18 мая пт	17 июня вс	16 июля пн	15 авг. ср	13 сент. чт	13 окт. сб

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
30	19 мая сб		17 июля вт		14 сент. пт	

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
1	14 окт. вс	13 нояб. вт	12 дек. ср	11 янв. пт	9 февр. сб	11 марта пн
2	15 окт. пн	14 нояб. ср	13 дек. чт	12 янв. сб	10 февр. вс	12 марта вт
3	16 окт. вт	15 нояб. чт	14 дек. пт	13 янв. вс	11 февр. пн	13 марта ср
4	17 окт. ср	16 нояб. пт	15 дек. сб	14 янв. пн	12 февр. вт	14 марта чт
5	18 окт. чт	17 нояб. сб	16 дек. вс	15 янв. вт	13 февр. ср	15 марта пт
6	19 окт. пт	18 нояб. вс	17 дек. пн	16 янв. ср	14 февр. чт	16 марта сб
7	20 окт. сб	19 нояб. пн	18 дек. вт	17 янв. чт	15 февр. пт	17 марта вс
8	21 окт. вс	20 нояб. вт	19 дек. ср	18 янв. пт	16 февр. сб	18 марта пн
9	22 окт. пн	21 нояб. ср	20 дек. чт	19 янв. сб	17 февр. вс	19 марта вт
10	23 окт. вт	22 нояб. чт	21 дек. пт	20 янв. вс	18 февр. пн	20 марта ср
11	24 окт. ср	23 нояб. пт	22 дек. сб	21 янв. пн	19 февр. вт	21 марта чт
12	25 окт. чт	24 нояб. сб	23 дек. вс	22 янв. вт	20 февр. ср	22 марта пт
13	26 окт. пт	25 нояб. вс	24 дек. пн	23 янв. ср	21 февр. чт	23 марта сб
14	27 окт. сб	26 нояб. пн	25 дек. вт	24 янв. чт	22 февр. пт	24 марта вс

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
15	28 окт. вс	27 нояб. вт	26 дек. ср	25 янв. пт	23 февр. сб	25 марта пн
16	29 окт. пн	28 нояб. ср	27 дек. чт	26 янв. сб	24 февр. вс	26 марта вт
17	30 окт. вт	29 нояб. чт	28 дек. пт	27 янв. вс	25 февр. пн	27 марта ср
18	31 окт. ср	30 нояб. пт	29 дек. сб	28 янв. пн	26 февр. вт	28 марта чт
19	1 нояб. чт	1 дек. сб	30 дек. вс	29 янв. вт	27 февр. ср	29 марта пт
20	2 нояб. пт	2 дек. вс	31 дек. пн	30 янв. ср	28 февр. чт	30 марта сб
21	3 нояб. сб	3 дек. пн	1 янв. вт	31 янв. чт	1 марта пт	31 марта вс
22	4 нояб. вс	4 дек. вт	2 янв. ср	1 февр. пт	2 марта сб	1 апр. пн
23	5 нояб. пн	5 дек. ср	3 янв. чт	2 февр. сб	3 марта вс	2 апр. вт
24	6 нояб. вт	6 дек. чт	4 янв. пт	3 февр. вс	4 марта пн	3 апр. ср
25	7 нояб. ср	7 дек. пт	5 янв. сб	4 февр. пн	5 марта вт	4 апр. чт
26	8 нояб. чт	8 дек. сб	6 янв. вс	5 февр. вт	6 марта ср	5 апр. пт
27	9 нояб. пт	9 дек. вс	7 янв. пн	6 февр. ср	7 марта чт	6 апр. сб
28	10 нояб. сб	10 дек. пн	8 янв. вт	7 февр. чт	8 марта пт	7 апр. вс
29	11 нояб. вс	11 дек. вт	9 янв. ср	8 февр. пт	9 марта сб	8 апр. пн
30	12 нояб. пн		10 янв. чт		10 марта вс	

Отправка представителей для сбора податей

§ 1. — В первый день мухаррама нового года Пророк послал своих представителей к различным племенам для взимания податей, причитавшихся со всех мусульман[173], но всем дал приказ действовать благожелательно, проявлять величайшую осмотрительность, чтобы не раздражать сверх меры кочевников ненавистностью налога, и не выбирать лучших животных при взимании десятин. Бурайда б. аль-Хусайб (по другим, Ка‘б б. Малик) был послан к бану аслам (ср. 6 г. х., § 23) и бану гифар (ср. 5 г. х., § 92); Аббад б. Бишр — к сулайм (ср. 8 г. х., §§ 23 и сл.) и музайна (ср. 5 г. х., §§ 16

[173] Этот список представляет известный интерес, ибо, если он подлинен (ср. следующее примечание), он давал бы названия тех племён, которые приняли ислам и уже заключили с Магометом особые договоры об уплате податей. У меня, однако, есть сомнения в подлинности этого списка. Примечательно, что опущены названия всех племён, принявших ислам в конце предыдущего года, то есть всех племён — союзников курайшитов и хавазин; отсутствуют также дамра (ср. 6 г. х., § 81) и ащджа‘ (ср. 5 г. х., § 94). Включены зубьян, об обращении которых нет ни одного предания, ибо они были ещё язычниками при смерти Магомета. Некоторые названия этих списков принадлежат племенам, обратившимся лишь в течение 9 г. Как бы то ни было, этот список подтверждает, что действительное господство Магомета охватывало ещё лишь небольшую часть Аравии, быть может едва десятую долю полуострова: ни одного названия из центра, с востока и с юга и почти ни одного с севера полуострова не встречается среди плательщиков исламской казны. Тем не менее группа, собравшаяся вокруг Пророка, была уже самой могущественной в Аравии.

и 17); Рафи‘ б. Макис — к джухайна (ср. 5 г. х., §§ 85 и сл.); Амр б. аль-Ас[174] — к фазара (ср. ниже § 71); ад-Даххак б. Суфьян аль-Килаби — к килаб (ср. 9 г. х., § 75); Буср б. Суфьян аль-Ка‘би (по другим, Ну‘айм б. Абдуллах ан-Наххам аль-Адави) — к ка‘б (хуза‘а) (ср. 8 г. х., §§ 20 и сл.); Ибн аль-Лутбия аль-Азди — к зубьян (гатафан), и наконец, один са‘дит — к са‘д хузайм (ср. 6 г. х., §§ 13 и сл.) (Вакиди — Велльхаузен, с. 385; Табари, I, с. 1722, упоминает о посылке представителей для взимания податей *садакат*, не называя имён)[175].

Поход против бану тамим (мухаррам)

§ 2. — У бану ка‘б (ветви хуза‘а) поселилась группа тамим, называемая бану амр б. джундаб, которая вместе с бану са‘д пользовалась водоёмом Зат аль-Ашталь близ Мекки. Когда представитель Пророка Буср б. Суфьян аль-Ка‘би пришёл взимать подати и нашёл арабов собравшимися у этого водоёма или, по другим, у Усфана, на пути в Мекку, хуза‘а весьма охотно собрали скот для уплаты десятинной подати, но тамим, ещё не принявшие ислама, взялись за оружие, двинулись против Буср б. Суфьяна аль-Ка‘би, сборщика податей Магомета, и вынудили его вернуться, не получив суммы подати. Вследствие этого происшествия возник раздор между тамим и хуза‘а, и последние вынудили первых удалиться. Магомет не пожелал стерпеть оскорбления, нанесённого его представителю, и приказал Уйайне б. Хисну аль-Фазари преследовать и наказать тамим. Во главе 50 всадников-бедуинов Уйайна преследовал тамим за аль-Арджем и ас-Сукьей до территории сулайм, где на равнине, *сахра*, беглецы-тамим разбили лагерь. Когда большая часть мужчин отсутствовала, находясь со скотом на пастбище, Уйайна обрушился на становище тамим, захватил 11 мужчин, 11 женщин и 30 детей и привёл их в Медину, где пленных заперли и поставили под стражу в здании, *дар*, Рамлы бинт аль-Харис (Вакиди — Велльхаузен, с. 385–386; Са‘д, с. 30, § 78, — Бишр, а не Буср б. Суфьян; Хишам, с. 983, называет их бану-ль-анбар, ветвью тамим; Асир, II, с. 209; *Хамис*, II, с. 131; Халаби, III, с. 380; Хаджар, II, с. 1153).

Бану тамим

§ 3. — Согласно теориям генеалогов, тамим принадлежали к роду мудар и во времена, предшествовавшие Магомету, распространились по Аравии от устьев Тигра и берегов Персидского залива до местностей в нескольких днях пути к востоку от Мекки и до области Тайман, отделявшей их от Наджрана в Йемене. Среди тамим жили, однако, и другие племена, ибо территория тамим была обширнейшей. Некоторые из наиболее восточных тамим жили в селениях и городах, другие же остались кочевниками и получили от персидских царей позволение пасти скот в сухое время года в Сифе, области близ устьев Тигра. В Центральной Аравии им принадлежала южная полоса великой пустыни Нефуд, которая здесь называется Дахна и из-за

[174] Из преданий предыдущего года (ср. 8 г. х., § 190) мы знаем, что Амр б. аль-Ас был в Омане! — Отсюда видно, как мало мы можем полагаться на правдивость этих списков: не только маловероятно, что перечень племён верен, но ошибочны и имена некоторых сборщиков; ср., например, § 6.

[175] Табари (I, с. 1722, стр. 3) добавляет, что в этом году был ниспослан стих Корана (IX, 104), предписывающий взимание подати *ас-садака*, и говорит, что поводом к откровению был случай с Са‘лабой б. Хатибом б. Абу Хатибом аль-Ансари, одним из тех, кто участвовал в постройке мечети *Масджид ад-дирар* (ср. ниже § 52; Хаджар, I, с. 402, № 923).

обладания которой у них впоследствии были споры с бану шайбан (ср. Са‘д, с. 49, § 102). Известно также, что некоторые из наиболее плодородных мест этих областей населялись и обрабатывались другими племенами, тогда как тамим кочевали по степям вокруг населённых центров и жили скотоводством. Тамим составляли главный контингент арабских вспомогательных войск персидских царей и сражались некогда за них как под начальством царей Хиры, так и под начальством правителя Бахрейна. Большая часть тамим была языческой, но среди живших в селениях у Тигра и Евфрата были христиане и маги, и даже в пустыне мы находим некоторых (аль-Акра‘ б. Хабис), которые поклонялись огню.

В стихах, приводимых ниже (в следующем параграфе) и прочитанных аз-Зибриканом, есть намёк на постройку христианских церквей у тамимитских племён. Вероятно, со стороны Хиры было много христиан, тогда как южнее, у берегов Персидского залива, преобладали последователи Зороастра и огнепоклонники (Шпренгер, III, с. 364, 365).

Посольство бану тамим

§ 4. — Набег Уйайны б. Хисна (ср. § 2) послужил теперь поводом к появлению в Медине посольства бану тамим, пришедшего выкупить пленных и вести переговоры с Магометом. Делегация состояла из десяти послов: (1) аль-Утарид б. Хаджиб б. Зурара; (2) аз-Зибрикан б. Бадр; (3) Кайс б. Асим, член бану са‘д; (4) Кайс б. аль-Харис; (5) Ну‘айм б. Са‘д; (6) Амр б. аль-Ахтам; (7) аль-Акра‘ б. Хабис; (8) Рабах б. аль-Харис б. Муджаши‘ (по Ибн Са‘ду: Рийях б. аль-Харис); (9) аль-Хутат б. Язид (Табари, I, с. 1711, стр. 2, и *Муштабих,* с. 139, стр. 3); и (как ни странно!) также (10) Уйайна б. Хисн б. Хузайфа аль-Фазари (ср. выше § 2). Одна версия утверждает, что миссия состояла из 80 или 90 человек. Посольство бану тамим держало себя весьма заносчиво и пыталось навязать свою волю Пророку, стараясь громкими криками вызвать его из покоев до полуденной молитвы и выказывая явные признаки нетерпения, возбуждённые видом пленных родственников и плачем женщин. Магомет ничуть не дал себя запугать этими шумными выходками и, появившись в мечети, с улыбкой отклонил настойчивые требования тамим: он не только пожелал сначала совершить молитву и обратиться с речью к верующим с величайшим спокойствием, как если бы тамим там не было, но затем даже вернулся домой, чтобы совершить там молитву в два земных поклона, прежде чем снова выйти во двор мечети и дать аудиенцию послам. Тогда наконец взял слово аль-Утарид, избранный оратор посольства, который в истинно арабско-языческом стиле напыщенно превозносил могущество и доблести тамим, самого благородного, самого зажиточного и самого многочисленного из племён Востока (*ахль аль-Машрик*). По приказу Магомета мусульманин Сабит б. Кайс ответил на похвальбу тамимита, воздав хвалу Пророку Божию и его последователям. Тогда поднялся другой тамимит, поэт аз-Зибрикан, и попытался посрамить мусульман, снова восхваляя тамим: «Мы благороднейшие, — сказал он между прочим, — и никакой другой род не может сравниться с нашим: у нас есть цари, и у нас строятся церкви». Чтобы ответить гордому тамимиту, выступил теперь любимый поэт Пророка, знаменитый Хассан б. Сабит, который продекламировал длинную *касыду* во славу эмигрантов и мединцев, читая её с

кафедры, воздвигнутой нарочно для него. Итог поэтического и словесного состязания, напоминавшего героическую эпоху древней Аравии, был тот, что тамим признали себя побеждёнными в споре, и вследствие этого признания, простодушно добавляет Ибн Исхак (стало быть, вовсе не по религиозному убеждению!), тамим стали мусульманами[176], и Магомет осыпал их подарками. Ибн Са‘д добавляет к этим известиям, что Магомет тогда велел освободить пленных и приказал Билялю вручить каждому из обратившихся подарок в 12½ *укийя* (серебра); юному Амру б. аль-Ахтаму, остававшемуся в лагере стеречь поклажу, Магомет велел дать 5 *укийя* серебра (Хишам, с. 933–939; Вакиди — Велльхаузен, с. 386–387; Са‘д, с. 30–31, § 78; *Агани*, IV, с. 8, стр. 5 — с. 10, стр. 7; Шпренгер, III, с. 365–369; Табари, I, с. 1710–1717; Асир, II, с. 209, 219–221; *Хамис*, II, с. 131–132; Халаби, III, с. 380–384; Хаджар, II, с. 1153).

§ 5. — Табари (I, с. 1762) говорит, что среди женщин тамим, взятых в плен и приведённых в Медину, были следующие: (1) Асма бинт Малик; (2) Ка’с бинт Ари; (3) Наджва бинт Нахд; (4) Джумай‘а бинт Кайс и (5) Амра бинт Матар. Он даёт также другой список тамимитских послов, а именно: (1) Раби‘а б. Руфай‘; (2) Сабра б. Амр; (3) аль-Ка‘ка‘ б. Ма‘бад; (4) Вардан б. Мухриз; (5) Кайс б. Асим; (6) Малик б. Амр; (7) аль-Акра‘ б. Хабис; (8) Ханзала б. Дарим; (9) Фирас б. Хабис, — опуская имя самого знаменитого: аз-Зибрикана б. Бадра.

Происшествие при сборе податей у бану-ль-мусталик

§ 6. — Когда аль-Валид б. Укба, сборщик податей от имени Магомета, явился к бану-ль-мусталик (ветви хуза‘а, жившей в окрестностях Мекки), арабы дружелюбно вышли ему навстречу отрядом в 20 человек: это был первый раз, что эти арабы видели представителя Пророка для сбора податей, и они радовались посещению (!). Аль-Валид, однако, испугался их, решив, что они устраивают ему засаду, и поспешно вернулся в Медину, где рассказал о случившемся, утверждая, что арабы помешали ему взимать подать, угрожая ему оружием. Магомет уже обдумывал поход против бану-ль-мусталик, чтобы наказать их за мнимую провинность, когда вовремя явилась их делегация, чтобы разъяснить недоразумение, в которое впал аль-Валид. По просьбе арабов Аббаду б. Бишру было поручено отправиться на их территорию собрать подать. Он действовал корректно и справедливо, научил арабов учению ислама и стихам Корана (стало быть, не все они ещё обратились: ср. 8 г. х., §§ 20–21) и вернулся в Медину всего после десяти дней отсутствия (Вакиди — Велльхаузен, с. 387; Хишам, с. 730–731; *Агани*, IV, с. 185, стр. 3–10; *Хамис*, II, с. 132, стр. 20, утверждает, что бану-ль-мусталик были добрыми мусульманами, всегда исправно плативши подать *ас-садака* и построившими в своей стране несколько мест богослужения, *масаджид*. Опасения аль-Валида б. Укбы происходили, однако, главным образом от воспоминания о том, что во времена *джахилии*, то есть до ислама, между аль-Валидом и бану-ль-мусталик существовали злоба и вражда, из-за которых аль-Валид теперь убедил себя, что арабы замышляют его убить. Рассказывают также, что Пророк тотчас послал отряд против

[176] События восстания 11 г. х. показывают, однако, насколько поверхностным было обращение тамим: можно даже предположить, что у тамим единственной действительно исполнявшейся исламской обязанностью была уплата подати *садака*, да и она совершалась нерегулярно. Нет ведь упоминания об особом договоре, какие у нас есть для многих других племён. Ср. также 10 г. х., § 123.

бану-ль-мусталик, вверив начальство Халиду б. аль-Валиду, с указанием выяснить истинные настроения арабов. Халид в точности исполнил приказ и нашёл, что арабы, как добрые мусульмане, прилежно совершают с надлежащей точностью ежедневные молитвы. Поэтому Халид привёл их делегацию в Медину, чтобы они сами дали Пророку необходимые объяснения).

Посольство бахила

§ 7. — После взятия Мекки пришёл (в Медину) Мутарриф б. аль-Кахин аль-Бахили в качестве посла (*вафид*) от своего народа[177]; он принял ислам и получил для себя и своих безопасность (*аман*). Тогда Пророк вручил ему следующую грамоту:

«От Мухаммада, Расуль Аллах, к Мутаррифу б. аль-Кахину аль-Бахили и к тем из бахила, кто живёт в Бише. Кто оживит мёртвую белую землю (т. е. возделает необработанную землю), где была стоянка и привал верблюдов, — эта земля принадлежит ему. Бахила обязаны давать одну корову в возрасте (*фарид*) с каждых тридцати голов крупного рогатого скота; с каждых сорока овец должны давать козла, а с каждых 50 верблюдов — взрослую овцу. Сборщик подати должен взимать её сумму лишь на местах пастбищ. И они в безопасности под защитой (*аман*) Бога» (Са‘д, с. 22–23, § 61; с. 39, § 93).

§ 8. — Также Нахшаль б. Малик аль-Ва’или из рода бахила пришёл (в Медину) послом от имени своего народа, принял ислам и получил от Пророка для себя и своих следующий документ:

«*Бисмика Аллахумма!*[178] Это писание от Мухаммада, Расуль Аллах, к Нахшалю б. Малику и к тем, кто с ним из бану ва’иль; к тем (то есть), кто принял ислам (стало быть, не ко всем!), кто совершает молитву, платит подать бедным (*аз-закят*), повинуется Богу и Его Посланнику, отдаёт пятую часть добычи и преимущественную долю (*сахм*) Пророка (*ан-наби*), кто приводит свидетелей, чтобы доказать своё обращение, и держится в стороне от идолопоклонников. Они в безопасности под защитой Бога, и Мухаммад отказывается (?) применять к ним какое-либо насилие. Они имеют право не платить десятины (*ля йухшару ва ля йу‘шару*)[179]: их глава, *‘амиль*, должен быть избран

[177] Бану бахила были кочевыми арабами, всегда пользовавшимися не очень доброй славой. Не вполне ясно, где были их жилища, но так как известно, что им принадлежал колодец Хуфайр в четырёх милях от Басры, вероятно, что в своих перекочёвках они проходили по арабской территории, граничившей с Персидской державой, вдоль нижнего течения Евфрата (Wüstenfeld, *Register*, с. 104). Большая часть, однако, жила в области к югу от тамим и ханифа, граничившей с единокровными им мазхидж. Действительно, бахила были йеменским племенем, ветвью са‘д аль-ашира (мазхидж); вероятно, их отношения с Магометом возникли из соглашения, состоявшегося между тамим и Пророком. Страх остаться в одиночестве и погибнуть перед ежедневно растущим могуществом Пророка был причиной, побуждавшей эти племена одно за другим бросаться в центростремительное исламское движение: весьма интересно видеть, как новые идеи, распространявшиеся из Медины, просачиваются сквозь плотную массу арабского народа и начинают уже распространяться по периферии, подготавливая великий переворот 11 г. х. Заметим, однако, что в настоящем документе упоминаются лишь подати и ни слова — о религиозных и обрядовых обязанностях!

[178] «Во имя Твоё, о Боже мой!» — это древнее выражение заслуживает внимания, ибо мы видим, что Магомет пользовался им и в последние времена своего апостольства (ср. Хишам, с. 747; Са‘д, с. 6, § 10; см. также 1 г. х., § 45, ст. 1, и приведённые там источники).

[179] Этот договор — известие большой важности: стало быть, было некогда время, когда существовали мусульманские племена, не платившие десятины; это прямо противоречит утверждениям позднейших эпох (ср. 2 г. х., § 12), когда установили, что одним из пяти основных столпов ислама была именно уплата подати *закят*: десятины же, *аль-‘ушр*, — это подать, налагаемая как *закят* на возделанные угодья (ср. Hughes, с. 700,

из их среды. Документ написал Усман б. Аффан» (Са‘д, с. 23, § 61; с. 39, § 93; Шпренгер, III, с. 322).

Обращение Ка‘ба б. Зухайра

§ 9. — Когда Магомет оставил Мекку, чтобы вернуться в Медину после похода на Таиф, Буджайр б. Зухайр б. Абу Сульма Раби‘а аль-Музани написал своему брату, славному поэту Ка‘бу б. Зухайру б. Абу Сульма Раби‘а б. Рияху аль-Музани, рассказывая ему о том, что произошло в Мекке, и особенно настаивая на том, что Магомет покарал смертью поэтов и певиц, осмелившихся в прошлом насмехаться над ним, но что теперь из курайшитских поэтов на свободе оставались лишь Ибн аз-Зиба‘ра и Хубайра б. Вахб и что, поскольку Магомет прекратил кары, можно было надеяться, что он благосклонно примет добровольную сдачу и обращение в ислам. Действительно, Ка‘б б. Зухайр прежде осмеял и упрекал своего брата Буджайра за то, что тот принял ислам, приспособившись к обычаям и обрядам, не бывшим обычаями предков; по некоторым, эти стихи Ка‘ба были прочитаны Магомету, который, разгневанный ими, приказал всякому, кто встретит поэта, убить его (ср. Хаджар, III, с. 593, стр. 3). Ка‘б б. Зухайр вследствие побед Магомета искал безопасности, держась вдали от Мекки и от стран, признававших уже власть Пророка; но когда он получил письмо брата и прочёл его стихи, в которых ему обеспечивались прощение и безопасность, если он придёт сдаться Пророку и примет новую веру, он, опасаясь быть в один прекрасный день убитым каким-нибудь последователем Магомета, решил, что единственное оставшееся ему спасение — покориться. Сочинив тогда оду, *касыду*, во славу Магомета, он тайно пришёл в Медину к одному своему другу из рода джухайна, с которым условился о том, как предстать перед Пророком и получить прощение. В сопровождении друга Ка‘б б. Зухайр явился на следующий день к дверям мечети и, велев указать себе, кто Пророк, приблизился к скамье, *ас-суффа*, на которой тот сидел, взял его за руку и попросил помилования для Ка‘ба б. Зухайра, раскаявшегося мусульманина. Магомет, не знавший Ка‘ба лично, не понял, кто был просящий, и объявил, что дарует помилование и прощение, если Ка‘б раскаялся и стал мусульманином. Тогда Ка‘б, успокоенный, воскликнул: «Да ведь это я и есть Ка‘б, о Пророк Божий!» Магомет взял его под свою защиту и не позволил никому из присутствующих трогать его: дело в том, что в стихотворении, которое Ка‘б сочинил во славу Магомета, он описал и восхвалил услуги, оказанные мекканскими эмигрантами делу ислама, но с презрением отозвался об ансарах, назвав их «чёрными коротышками, обращающимися в бегство». Это оскорбление глубоко задело ансаров, и один из присутствующих хотел теперь поразить мечом дерзкого и язвительного поэта. Магомет вмешался и сказал: «Оставь его! Он обратился и раскаялся». Впоследствии Ка‘б б. Зухайр сочинил также стихотворение во славу ансаров, объявив их наследниками подвигов предков, великими наследниками

стб. II). Приведённое нами арабское выражение буквально означает: «они не будут сгонять свой скот (для сборщика) и не будут облагаться десятиной». Отметим поэтому, что в настоящем документе бану ва’иль не платили подати ни со скота, ни с земель (ср. также 9 г. х., § 18, прим. 2): это противоречит сказанному в начале документа. Вероятно, однако, что перечисление обязанностей в начале — позднейшая интерполяция, сделанная, когда смысл последней фразы уже не понимали как следует по незнанию истинных условий первых времён ислама и потому, что изгладилась память об оппортунистической политике Пророка, менявшего по своему усмотрению свои правила сообразно обстоятельствам.

великих, ибо от превосходных людей могут родиться лишь превосходные (Хишам, с. 887–893, где со ссылкой на Ибн Исхака полностью приведены многие стихи, приписываемые Ка‘бу б. Зухайру, и вся знаменитая поэма во славу Пророка, называемая по первым словам первого полустишия «Банат Су‘ад»[180]; Хаджар, I, с. 280–281, № 587 и III, с. 592–595, № 1524, где между прочим сказано, что Магомет подарил Ка‘бу плащ, *бурда*: впоследствии халиф Му‘авия купил плащ у сына Ка‘ба, и все халифы (Омейяды, а также Аббасиды?) усвоили обычай надевать его в дни великих праздников (*фи-ль-а‘йад*); *Агани*, XV, с. 147–151, содержит длинную статью о Ка‘бе: эпизод его обращения рассказан на с. 149, стр. 1, но не содержит упоминания о плаще; Асир, II, с. 209–211, говорит, что плащ Пророка был куплен халифом Му‘авией у сыновей Ка‘ба б. Зухайра за 20 000 *дирхамов* и оставался во владении халифов до его времени (600 г. х.); *Хамис*, II, с. 134; Абу-ль-Фида, I, с. 170, утверждает, что знаменитый плащ, *бурда*, Ка‘ба, побывав в руках всех халифов, Омейядов и Аббасидов, попал во власть татар). Государь Хулагу велел сжечь его в металлической чаше и бросить пепел в Тигр в 656 г. х. (1258 г. н. э.; ср. Le Strange, *JRAS*, 1900, с. 299–300).

Убийство Урвы б. Мас‘уда в Таифе

§ 10. — Во время осады Таифа двое сакифитов, Урва б. Мас‘уд и Гайлян б. Салима, отсутствовали, находясь в Джураше, как мы рассказывали (ср. 8 г. х., § 141), чтобы научиться там искусству обращения с осадными машинами и самострелами (*аль-‘аррадат ва-ль-манджаник ва-д-даббабат*): они вернулись в Таиф лишь после ухода Магомета и, опасаясь нового возможного нападения Пророка, тотчас применили для обороны города те устройства, которые научились строить и монтировать во время пребывания в Джураше. Случилось, однако, что в те самые дни Урва почувствовал неодолимое влечение принять ислам, так что, внезапно покинув родной город, отправился в Медину, где из рук самого Пророка исповедал мусульманскую веру. По некоторым менее достоверным известиям, Урва будто бы даже догнал Пророка ещё до того, как тот прибыл в Медину, на обратном пути из Мекки, и, стало быть, стал мусульманином до конца 8 г. х. Хорошо усвоив исламское учение, Урва выразил желание вернуться на родину, чтобы проповедовать новую веру своим согражданам-язычникам; но утверждают, что Пророк, предвидя или опасаясь какого-нибудь несчастья от злобы сакиф, целых два раза сумел уговорить его отказаться от опасного намерения. Урва, однако, настоял ещё раз, в третий, и тогда Магомет, хотя и предсказав ему смерть, дал позволение уехать. Всего за пять дней Урва проделал путь из Медины в Таиф и, прибыв в этот город ночью, пошёл прямо в своё жилище. Сакифиты тотчас заметили, что Урва уже не тот человек, хотя и не знали, что он обратился в ислам: прежде всего они заметили, что он не отправился, как было принято, к святилищу ар-Рабба (Госпожи, т. е. богини аль-Лат) посетить божество и обрить голову у храма по древнему обычаю страны; они, однако, извинили этот проступок, приписав его

[180] Знаменитая поэма «Банат Су‘ад», полностью приведённая Ибн Хишамом, издана также отдельно с грамматическим комментарием Джамаль ад-Дина ибн Хишама нашим крупнейшим ориенталистом, проф. Иньяцио Гуиди, в Лейпциге в 1871–1874 гг. Стоит также ознакомиться с ценной работой д-ра Дж. Габриели, *Al Burdatân, ovvero i due poemi arabi del Mantello*, Флоренция, 1901, где на с. 6–29 есть прекрасное исследование о «Банат Су‘ад» нашего Ка‘ба.

усталости от долгого пути, и его друзья-язычники сбежались к нему домой приветствовать его и узнать новости. Тогда они были весьма удивлены, услышав, что он отвергает языческое приветствие и приглашает их всех принять ислам. Сакиф рассердились, горячо упрекая его в том, что он стал *саби* (ср. Wellhausen, *Reste*, с. 236–242), осыпали его множеством оскорблений и удалились, чтобы обсудить поведение своего согражданина. Ночью ничего нового не произошло, но когда на следующее утро Урва, поднявшись на крышу своего дома, смело возгласил оттуда мусульманский призыв к молитве и начал молиться по исламскому обряду, вспыхнуло смятение. Сакиф сбежались со всех сторон, и некто, неизвестно точно кто, пустил в Урву стрелу, которая вонзилась в артерию его предплечья, нанеся ему смертельную рану, ибо никто не смог остановить потерю крови. Некоторые утверждают, что ранившим Урву был некий Вахб б. Джарир из ахляф (или союзных племён сакиф), к которым принадлежал и сам Урва; но другие, более надёжные источники сообщают, что убийцей был некий Аус б. Ауф из племени бану малик. Это последнее известие подтверждается тем фактом, что, несмотря на различие веры, все ахляф тотчас сбежались с оружием, чтобы защитить Урву и отомстить за него, и в первую очередь Гайлян б. Салима, Кинана б. Абд Ялиль и аль-Хакам б. Амр б. Вахб. С другой стороны, сбежались и бану малик, чтобы защитить своего соплеменника-убийцу, и в самом Таифе готово было вспыхнуть кровавое братоубийственное столкновение. Тогда вмешался умирающий Урва и заклинал единокровных, ахляф, сложить оружие и отказаться от мести, объявив, что считает за честь для себя и своего племени умереть мучеником за веру[181]. Он попросил, однако, чтобы его положили на вечный покой рядом с могилами тех мусульман, которые скончались во время осады Таифа, и его желание было исполнено. Когда весть о его смерти дошла до Медины, Магомет, говорят, сравнил её со смертью Сахиба Ясина (упомянутого в Коране, XXXVI, 13 и сл.), которого точно так же предал смерти собственный народ за то, что он хотел обратить его к вере в Бога.

Сын убитого, Абу-ль-Малих б. Урва б. Мас‘уд, и его двоюродный брат Кариб б. аль-Асвад б. Мас‘уд вследствие этих событий покинули Таиф и, придя в Медину, стали мусульманами, отдавшись под защиту Бога и Пророка и вступив в мусульманскую общину как союзники (*хуляфа’*) своего дяди по матери Абу Суфьяна б. Харба. Они поселились у аль-Мугиры б. Шу‘бы и оставались там, пока не прибыли сакифитские делегаты в рамадане 9 г. х. (Вакиди — Велльхаузен, с. 381; Са‘д, с. 43, § 97; Хишам, с. 914–918; Табари, I, с. 1687–1688. Из другого места Табари, I, с. 1689, стр. 8, следовало бы, что Урва б. Мас‘уд отправился в Медину как посол сакиф и что те отреклись от его действий и предали его смерти, когда обнаружили, что вместо того, чтобы блюсти интересы племени, он обратился в ислам; Асир, II, с. 216; Хаджар, II, с. 1138).

§ 11. — Магомет между тем продолжал тайно интриговать в Таифе через Абу-ль-Малиха и Кариба б. аль-Асвада и, по некоторым источникам, дал теперь знать Малику

[181] Убийство Урвы б. Мас‘уда можно считать историческим фактом, но следует исключить подробности о смерти и прежде всего просьбу умирающего Урвы, чтобы племена не сражались из-за него: в этой просьбе слишком очевиден тенденциозный характер мусульманской богословской традиции, которая всеми способами старалась подавить и осудить соперничество племён и питала особую ненависть к чисто языческому духу, одушевлявшему и отравлявшему соперничество между различными арабскими родами (ср. Goldziher, *Muh. Stud.*, I, с. 13–18, 40 и 53 и сл.).

б. Ауфу, предводителю хавазин в битве при Хунайне, что если тот придёт в Медину и станет мусульманином, он вернёт ему всё имущество (отнятое у него при Хунайне) и подарит ему сверх того сто верблюдов. Другие источники, как известно (ср. 8 г. х., § 172), относят это обращение к более раннему времени. Как бы то ни было, когда Малик б. Ауф предложил свои услуги, чтобы сломить сопротивление сакиф, Магомет, приняв предложение, вверил Малику б. Ауфу начальство над теми из племени, кто принял ислам, и послал его вести войну против сакиф: Малик, угоняя скот, пасшийся в окрестностях Таифа, вскоре причинил жителям тягчайшие беспокойства и тягчайший урон (Са‘д, с. 44, § 97).

Подчинение части бану асад б. хузайма (мухаррам)

§ 12. — (Аль-Вакиди.) В первые дни 9 г. х. в Медину пришли десять человек из бану асад б. хузайма[182] и явились к Пророку[183]. Среди этих асадитов были следующие: (1) Хадрами б. Амир[184]; (2) Дирар б. аль-Азвар; (3) Вабиса б. Ма‘бад; (4) Катада б. аль-Ка’иф; (5) Салима б. Хубайш; (6) Тальха б. Хувайлид; (7) Нукада б. Абдуллах б. Халаф[185] и другие, не названные по имени. Хадрами взял слово и, обращаясь к Магомету торжественным тоном, сказал: «Мы пришли к тебе, хотя ты не посылал за нами: мы пришли в кромешной ночной тьме, где ничего не различишь, в пепельно-серый год голода». Эти напыщенные слова, по которым асадиты своим добровольным обращением чуть ли не притязали на то, что оказали Магомету услугу, были поводом к

[182] Асад б. хузайма были многочисленным и воинственным племенем, населявшим обширную область в центре Аравии между Мединой и Басрой. Они граничили с абс, гатафан, дабба, тайй и тамим. Они обратились в ислам лишь частично и были среди тех племён, которые наиболее энергично взялись за оружие против мединского правительства после смерти Магомета. Их «обращение» было следствием многочисленных других подобных «обращений», с возрастающей быстротой следовавших одно за другим по всему сердцу Аравии: все боялись разделить участь хавазин при Хунайне. Список гор, колодцев и населённых мест в округе асад находится у Wüstenfeld, *Register*, с. 86–87. Заметим, что в этом предании, собственно, не говорится об «обращении», и не сказано, представляли ли послы всё племя или лишь свои семьи и сторонников.

[183] Шпренгер (III, с. 397), не приводя, однако, своих источников, говорит, что многочисленный отряд асадитов, отличный от того, о котором говорит Ибн Са‘д, пришёл в Медину, ведя с собой всё, что у них было, — женщин, детей и скот. Обратившись в ислам, они взяли обыкновение являться каждый день к жилищу Пророка и получать еду утром и вечером, пожирая всё с такой жадностью, что съестное в Медине вздорожало; вдобавок они так загадили общественные площади, что стало невозможно выносить зловоние. Это известие тенденциозно окрашено злобой, вызванной в душе добрых мусульман поведением асад во время *ридды*, или «Отступничества», 11 г. х.

[184] У Хаджара (I, с. 700–702, № 1751), в биографической заметке об аль-Хадрами, мы находим другие подробности об этом асадите во время его пребывания в Медине; но так как они даны со ссылкой на малонадёжный авторитет Абу Хурайры, их нельзя принять без великого недоверия. Пророк написал для аль-Хадрами особый документ (*китаб*) и соизволил научить его целой суре Корана (LXXX, называемой «Абаса»). Аль-Хадрами дурно отплатил за благосклонное внимание Пророка, вставив в текст и отнеся к Аллаху неиспосланные слова: «Он, благосклонный к беременным женщинам», и опустив два других слова ниспосланного текста. Поэтому Магомету пришлось упрекнуть его и приказать ему не делать добавлений или изменений в его откровении (Хаджар, I, с. 701, стр. 8 и сл.). И эти известия родились из того факта, что впоследствии асадиты дали много последователей лжепророкам, соперникам Магомета, и приняли деятельное участие в великом восстании 11 г. х.

[185] Ибн Са‘д приводит также со ссылкой на Ибн аль-Кальби (как обычно, менее правдивого и более склонного к чудесному, чем аль-Вакиди) анекдот о дойной верблюдице, принадлежавшей Нукаде б. Абдуллаху, одному из членов асадитского посольства, которая, после того как Магомет коснулся её вымени, дала чудесное количество молока, так что насытились Пророк и все присутствовавшие сподвижники и ещё осталось с избытком (Са‘д, с. 30, § 77; Хаджар, II, с. 541, № 8664, приписывает владение дойной верблюдицей Дирару б. аль-Азвару).

ниспосланию стиха Корана (XLIX, 14–17), где между прочим сказано: «Они ставят тебе в заслугу то, что приняли ислам. Скажи: не ставьте мне в заслугу ваш ислам; скорее Бог оказал вам милость, наставив вас на веру и т. д.». С этими асадитами были некоторые из бану-з-зинья, то есть из бану малик б. малик б. са‘лаба б. дудан б. асад б. хузайма, которым Пророк хотел переменить имя, назвав их бану-р-ришда, но они не согласились, сказав: «Мы не хотим уподобиться бану-ль-мухаввала»[186] (Са‘д, с. 29–30, § 77; Хаджар, I, с. 700–702, № 1751; он же, II, с. 228, № 6060; он же, II, с. 541–543, № 8664, где между прочим рассказывается, что Дирар б. аль-Азвар был бит розгами во времена халифа Умара за то, что приобрёл пристрастие к вину; он же, с. 446, № 1187; он же, III, с. 449, № 1194; он же, III, с. 1179, № 8305; он же, III, с. 1289, № 8595; Табари, I, с. 1687, рассказывает, что асад просили Магомета послать к ним своего представителя и что по этому случаю были ниспосланы стихи Корана XLIX, 14–17; Асир, II, с. 219)[187].

Поход Кутбы б. Амира против бану хас‘ам (сафар)

§ 13. — В месяце сафар этого года Магомет послал Кутбу б. Амира с 20 людьми и 10 верблюдами против одного племени хас‘ам[188] в окрестностях Табалы. Проходя через Футук и прибыв в Батн Машаб (или Маша), мусульмане захватили одного человека и попытались заставить его говорить. Пленник притворился, что не понимает, и вместо ответов на заданные вопросы начал так кричать, что Кутба б. Амир, опасаясь поднять тревогу среди арабов, стоявших лагерем в низине у колодца Батн Машаб, приказал немедленно обезглавить пленника. Когда наступила ночь, мусульмане обрушились на лагерь, но встретили живейшее сопротивление, и так как на рассвете подошли многочисленные толпы хас‘амитов, мусульманам пришлось отступить: они смогли, однако, спасти добычу, а если вернулись в Медину без других происшествий, то лишь благодаря грозе, которая, образовав бурные потоки, отрезала путь преследовавшим их хас‘ам. Когда пятая часть добычи была передана Магомету, каждый из участников похода получил в свою долю 4 верблюда или 40 овец (Вакиди — Велльхаузен, с. 387; Халаби, III, с. 384–385; *Хамис*, II, с. 133, стр. 3, говорит, что поход был направлен в страну бану хас‘ам, в округе Биша, близ Турабы, в Меккской провинции).

---

[186] Намёк на бану абд аль-узза (гатафан), которым Пророк переменил языческое имя на бану абдуллах и которые поэтому стали презрительно известны у соседей как бану-ль-мухаввала, то есть «сыны превращённой (богини)» (*Хамаса*, с. 191, стр. 28; *Агани*, XVI, с. 93, стр. 29; Wellhausen, *Reste*, с. 9; Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 149, 182).

[187] Для одного асадита, Хусайна б. Надлы аль-Асади, Магомет будто бы продиктовал особый документ, объявив, что тот — законный владелец Ирама и Кассы. Документ написал аль-Мугира б. Шу‘ба (Са‘д, с. 15, § 38; Хаджар, I, с. 696, № 1737, говорит, что два владения, упомянутые Пророком в документе, назывались Мирбад и Кунайф).

[188] Хас‘ам населяли область к югу от Мекки, на дороге, ведущей в Йемен, а именно ту полосу земли, что лежит между Вади Биша в Тихаме и окрестностями Турабы. Часть их территории была в Хиджазе, и им принадлежало также селение в Наджране (Wüstenfeld, *Register*, с. 130–131).

Посольство некоторых племён узра (ср. 2 г. х., § 105)

§ 14. — (Аль-Вакиди.) Послы узра[189] пришли в Медину повидать Пророка в месяце сафар 9 г. х., и было их двенадцать человек: среди них упоминаются имена (1) Джамры б. ан-Ну‘мана аль-Узри, (2) Сулайма б. Малика, (3) Са‘да б. Малика и (4) Малика б. Абу Рияха. Послы остановились в доме, Дар Рамла бинт аль-Харис, а затем явились посетить Пророка, приветствуя его по-языческому. Они напомнили Магомету, что происходят от единоутробных братьев Кусайя (ср. Введение, § 76) и что именно они помогали Кусайю изгнать хуза‘а и бакр из Мекки, чтобы утвердить там своё господство. Послы, любезно принятые Пророком, пробыли в Медине пару дней, в течение которых задавали Магомету множество вопросов о религиозных предметах, но заявили, что не хотят становиться мусульманами, прежде чем обо всём доложат своим единокровным. При отъезде Магомет сделал им обычные подарки и, кроме того, подарил каждому из послов плащ (*бурда*) (Са‘д, с. 58, § 116, где упоминается также Замиль б. Амр аль-Узри, который пришёл в Медину сам по себе, стал мусульманином, сделался представителем Магомета у узра, сражался при Сиффине за Му‘авию в 37 г. х. и погиб в битве при аль-Мардже (Рахит? в 64 г. х.); Хишам, с. 75; Шпренгер, III, с. 426).

Поход ад-Даххака б. Суфьяна против аль-курата (раби‘ I)

§ 15. — В месяце раби‘ I 9 г. х. Магомет послал отряд людей под начальством ад-Даххака б. Суфьяна б. Ауфа б. Ка‘ба б. Абу Бакра б. Килаба аль-Килаби против племён аль-курата[190]. Эти племена назывались так потому, что происходили от трёх родоначальников — Курта, Карита и Курайта, сыновей Абда б. Абу Бакра б. Килаба: они были ещё язычниками, и Магомет хотел, чтобы они приняли ислам. Ад-Даххак пригласил кочевников от имени Пророка стать мусульманами, и когда они ответили отказом, произошла кровавая схватка, в которой язычники потерпели поражение. Среди мусульман был аль-Ашьяд б. Салама б. Курт б. Абд, который в схватке со своими единокровными язычниками встретил собственного отца Саламу: бой происходил в Неджде у пруда (*гадир*) в Задже, в окрестностях Дарии (к востоку от Медины), и аль-Ашьяд, бросившись на родителя, сбросил его с коня в пруд и удерживал его там, пока другой мусульманин, подоспевший ему на помощь, не убил его. Сам аль-Ашьяд (так

[189] Узра были наиболее могущественной ветвью рода са‘д хузайм и жили на севере Аравии между Вади-ль-Кура и границами Сирии (Wüstenfeld, *Register*, с. 349). Первые переговоры с узра восходят, однако, к первым временам Пророка в Медине (ср. 2 г. х., § 105). В этом предании мы имеем подтверждение тому, что никто из узра не стал мусульманином при жизни Магомета.

[190] У Вакиди мы находим и другое известие о ветви тех же племён: в начале раби‘ I этого же года, то есть одновременно с отправкой похода, Магомет послал через сподвижника Абдуллаха б. Аусаджу аль-Урани письмо бану хариса б. амр б. курайт, в котором приглашал их принять ислам. Арабы взяли листок (сделанный из куска кожи), вымыли его и залатали им дно ведра. Пророк, говорят, был поражён глупостью этих людей (Вакиди — Велльхаузен, с. 388; *Хамис*, II, с. 133, стр. 12; Са‘д, с. 19–20, § 52, уточняет, что письмо Пророка было адресовано Сим‘ану б. Амру б. Курайту б. Абду б. Абу Бакру б. Килабу и что Сим‘ан починил (*ракка‘а*) ведро куском кожи, на котором Магомет написал письмо. Поэтому его потомков прозвали бану ар-раки‘. Затем Сим‘ан обратился в ислам; Хаджар, II, с. 261–265, № 7073, где известие о том, что он был убит в походе Зайда б. Харисы на Вади-ль-Кура (ср. 6 г. х., § 15), должно быть ошибкой: ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, с. 123, прим. 3, об имени Сим‘ан). Килаб, ветвью которых были курата, принадлежали к амир б. са‘са‘а (роду хавазин) и жили в центре Неджда (Wüstenfeld, *Register*, с. 267). Победа при Хунайне, стало быть, усмирила лишь одну часть хавазин.

заботливо сообщает нам предание) не убивал своего отца[191] (Вакиди — Велльхаузен, с. 388, где Задж Лава; Якут, II, с. 918–919, который упоминает и другой Задж — Лувасы; *Хамис*, II, с. 133, стр. 7: племена аль-курата принадлежали к бану килаб; Халаби, III, с. 385).

Брак Магомета с Асмой аль-Киндией (раби‘ I)

§ 15, A. — В месяце раби‘ I 9 г. х., говорят, Магомет обручился с прекраснейшей киндиткой по имени Асма бинт ан-Ну‘ман (б. Абу-ль-Джаун) б. аль-Асвад б. Харис аль-Кинди, племя которой жило в Неджде близ аш-Шарабба: отец женщины сам пришёл в Медину предложить её Пророку, который уполномочил мединца Абу Усайда ас-Са‘иди как своего доверенного отправиться за женщиной, оставшейся вдовой после своего двоюродного брата. Асму, которую доверенный Пророка нашёл красивой, он привёз в Медину, где она, остановившись в доме бану са‘ида, была навещена женщинами племени, весьма восхищавшимися её чертами. Слава о ней разнеслась по всей Медине. Абу Усайд, едва прибыв, пошёл известить Пророка, который тотчас пешком отправился в жилище бану са‘ида, чтобы осмотреть предложенную ему невесту. Он нашёл её приятной и привлекательной, но она, охваченная неодолимым отвращением к старику, не позволила ему даже поцеловать себя, как он всегда делал с женщинами, на которых намеревался жениться. Магомет, раздражённый, отослал её тогда обратно к её племени. Некоторые предания, однако, утверждают, что отказ был следствием низкой интриги других женщин, ревновавших к красавице-киндитке. Прежде чем она встретилась с Пророком, эти женщины внушили ей, что, чтобы очень понравиться будущему супругу, надо отвергать его ласки весьма решительно и не позволять ему никаких вольностей. Так она и сделала, и Магомет, раздражённый, отослал её к её семье (Са‘д, VIII, с. 102–105).

Обращение бану бали (раби‘ I)

§ 16. — В месяце раби‘ I этого года произошло обращение племени бану бали (балиййй). Эти кочевники жили тогда в тех же областях, что и поныне, к северу от Медины, в полосе страны между великой Харрой (вулканической областью) Увайрид (Даути пишет её Aueyrid) и берегами Красного моря: область крайне засушливая и негостеприимная, граничившая на юге со страной, населённой джухайна, а на севере — с землёй джузам. Шпренгер (III, с. 431) говорит, что ныне бали насчитывают 37 000 человек, способных носить оружие, но не приводит своих источников. Невозможно принять этот преувеличенный подсчёт, который и сам Шпренгер находил весьма значительным; судя по тому, что говорит Даути (см. *passim* в т. I), их число должно быть гораздо меньше. Шпренгер добавляет, что во времена Магомета обработка земли (на дне долин) была гораздо обширнее, чем теперь, но что вся возделанная земля

[191] У древних семитов нет следов *patria potestas*; ср. Robertson [Smith], с. 142 и сл. У доисламских арабов к родителю питали весьма мало почтения, быть может потому, что общество во времена Магомета ещё не вполне вышло из первобытной фазы матриархата и полиандрии. К сожалению, и сегодня Даути (II, с. 411) нашёл у арабов мало привязанности к родителю. Поэтому в преданиях об индивидуальных обращениях арабов нет недостатка и в других случаях, когда сыновья-мусульмане безжалостно убивают своих родителей-язычников (ср., например, Хаджар, II, с. 627, стр. 1–4, и 767, стр. 13). Ислам, по свирепости тех, кто его основал, к сожалению, не нашёл ни одного слова порицания для этих выродков (ср. ниже § 26).

находилась в руках евреев. Присоединение этого племени к делу ислама было фактом большого значения, ибо обеспечивало и гарантировало Магомету доступ почти до границ Сирии (Шпренгер, там же; Doughty, I, с. 125, и во множестве других мест, для которых можно обратиться к указателю под именем Billi).

§ 17. — (Аль-Вакиди.) В месяце раби‘ I 9 г. х. в Медину пришли послы бану бали и остановились в жилище своего единокровного Рувайфи‘а б. Сабита аль-Джухани, который давно жил в Медине и поселился в квартале бану джадила. Когда Рувайфи‘ привёл и представил Пророку своих единокровных, глава посольства, некий Абу-ль-Дубаб аль-Балави, выступив вперёд, сел рядом с Магометом, который в тот момент (было утро) ещё сидел среди сподвижников, и долго беседовал с ним. Вследствие этой беседы бали приняли ислам, и другие члены племени расспрашивали Магомета о различных пунктах новой религии и об обязанностях и правах гостеприимства. Он дал всем удовлетворительные ответы, и когда Рувайфи‘ снова отвёл своих единокровных домой, у дверей внезапно появился Магомет с грузом фиников, чтобы помочь Рувайфи‘у в тяжёлых расходах по угощению послов. Пробыв три дня, послы простились с Магометом, получили от него также различные подарки, как было в обычае у Пророка, и наконец вернулись в свои края (Са‘д, с. 57, § 114; Хаджар, I, с. 1068, № 2683; он же, IV, с. 202–203, № 655 и 657, где вместо Абу-ль-Дубаб два чтения: Абу-ль-Дубайс и Абу-ль-Дубайб аль-Балави; Шпренгер, III, с. 431, даёт более пространную версию беседы между Магометом и послами, но не говорит, откуда её почерпнул: его версия, быть может, лишь пересказ версии Ибн Са‘да. Он совершает затем ошибку, говоря, что Рувайфи‘ спустя несколько лет был правителем Тараблуса и т. д. По Ибн Хаджару, I, с. 1068–1069, № 2684, это был другой Рувайфи‘, а именно ансар из бану малик б. ан-наджжар; Табари, I, с. 1687; Асир, II, с. 219).

Письмо к бану джу‘айль (бали)

§ 18. — Магомет написал бану джу‘айль, ветви бали, объявляя, что джу‘айль составляют часть курайшитов (*рахт мин Курайш*), а именно абд манаф[192]: поэтому у них те же обязанности и те же права, что у абд манаф, то есть они не обязаны собирать свой скот для уплаты подати и не должны платить десятин (*ля йухшаруна ва ля*

[192] Это объявление представляет известный интерес, ибо родство между бану джу‘айль и курайшитами, признанными здесь членами семьи Абд Манафа, не подтверждается никаким другим источником. Я полагал бы, если настоящий документ можно считать подлинным, что принятие бану джу‘айль в число бану абд манаф было даровано Магометом как особая политическая милость — не в смысле настоящего генеалогического родства, а как федерация или слияние двух племён. Позднее слияние стали считать настоящим единокровием, и таково происхождение многих племён (известно, что многие племена возникли из слияний и конфедераций (*махалуф*) различных единиц; ср. Goldziher, *Muh. Stud.*, I, с. 64 и сл.; Nallino, *Nuova Antologia*, 1893, вып. XX, 15 окт., с. 628): схолия Ибн Са‘да в конце параграфа подтверждает эти подозрения, ибо говорит, что абд манаф были союзниками (*хуляфа’*) бану джу‘айль, когда Пророк принял их в число бану абд манаф, то есть когда признал их членами собственной семьи, ибо Абд Манаф считался одним из предков Магомета. Если это письмо подлинно, оно имело бы также известную ценность для доказательства того, что Абд Манаф действительно существовал (ср. Введение, §§ 82 и сл.). Не слишком ли смело предположить, что Магомет рассматривал курайшитов как привилегированное сословие лиц и что он как курайшит имел право принимать в него кого хотел? Не были ли поэтому курайшиты изначально скорее членами политической федерации, нежели настоящей семьи? Не было ли дарование звания курайшита в первые времена аналогично дарованию права числиться среди *аль-мухаджирун*, или эмигрантов, на которое в этих письмах Магомета есть несколько намёков (ср. 8 г. х., §§ 20 и 22)? Ведь не доказано, что семьи, соединённые Кусайем при основании города Мекки (ср. Введение, § 76), были все одного происхождения.

йу‘шаруна)[193]: они могут сохранить владение имуществом, которым располагали в момент своего обращения в ислам, и приобретают право взимать подати (*си‘ая*)[194] с наср, с са‘д б. бакр, с сумала и с хузайль. Вследствие этой уступки пришли признать Пророка и присягнуть ему на верность следующие джу‘айлиты: (1) Асим б. Абу Сайфи, (2) Амр б. Абу Сайфи, (3) аль-Аджамм б. Суфьян и (4) Али б. Са‘д. Свидетелями этого акта были аль-Аббас б. Абд аль-Мутталиб, Али б. Абу Талиб, Усман б. Аффан и Абу Суфьян б. Харб (Са‘д, с. 11–12, § 28; Шпренгер, III, с. 361).

Поход Алкамы б. Муджаззиза к Шу‘айбе (раби‘ II)

§ 19. — В месяце раби‘ II последовал поход Алкамы б. Муджаззиза аль-Мудлиджи, предписанный Магометом, получившим известие об отряде абиссинцев, приблизившемся на нескольких кораблях с враждебными намерениями к местности Шу‘айба (месту посадки для тех, кто из Мекки хотел отправиться в Абиссинию, ср. Введение, § 274). По Ибн Исхаку, 300 мусульман под начальством Алкамы никого не встретили и вернулись в Медину, даже не увидев врага. Аль-Вакиди же сообщает, что мусульмане с боем вошли в морские воды, перешли вброд на остров близ берега и обратили абиссинцев в бегство[195] (Хишам, с. 998; Вакиди — Велльхаузен, с. 388; *Хамис*, II, с. 133, стр. 16; Халаби, III, с. 385–386).

Поход Али для уничтожения идола аль-Фальс (раби‘ II)

§ 20. — В том же месяце Магомет послал 150 человек, всех мединцев, со 100 верблюдами и 50 конями, под начальством Али б. Абу Талиба напасть на племя Хатима ат-Таи, оставшееся языческим, и уничтожить их (?) идола аль-Фальс (или аль-Фулус, или Фильс). Сахлю б. Хунайфу вручили чёрное знамя (*рая*), Джаббару б. Сахру доверили белый стяг (*лива*), а некий Хурайс аль-Асади был избран проводником. Они пошли дорогой на Файд и, прибыв в окрестности места, где находился стан племени и семьи Хатима ат-Таи, решили сделать привал, чтобы ночью напасть на соседние шатры. Придя днём, они нашли бы скот и пастухов рассеянными по равнине вокруг лагеря, и

[193] По этому пункту полезно пересмотреть сказанное нами в одном из предыдущих параграфов (ср. 9 г. х., § 8). В этом месте Ибн Са‘да (с. 12, § 28) у нас есть схолия, объясняющая выражение *ля йухшаруна ва ля йу‘шаруна*, которое, по Ибн Са‘ду, означало, что бану джу‘айль не были обязаны сгонять свои стада от колодца к колодцу для уплаты подати *ас-садака* (десятины) и не должны были подвергаться уплате десятины более одного раза в год. Как я уже сказал в другом месте, меня не убеждает это объяснение Ибн Са‘да, и я предпочитаю принять лишь буквальный смысл фразы, а именно что бану джу‘айль по особой милости были освобождены от уплаты податей, тяготевших над другими, менее благоприятствуемыми племенами. Нет, однако, нужды даже опровергать ошибочное предположение Шпренгера (III, с. 362, прим.), будто *ля йухшаруна* означало, что бану джу‘айль не были обязаны нести военную службу. Сгон стад и табунов верблюдов производился тогда, как производится и ныне, чтобы пересчитать скот, посмотреть, не недостаёт ли голов, и уплатить подати соразмерно общему числу животных.

[194] Ибн Са‘д в схолии к этому параграфу объясняет, что слово *си‘ая* означает в данном случае взимание подати *ас-садака* (ср. также Lane, *Arabic-English Lexicon*, с. 1366, и *Тадж аль-‘арус*, X, с. 177, стр. 26).

[195] К рассказу об этом походе присоединён эпизод, который кажется мне добавленным позднейшей рукой и который должен иметь апокрифическое и тенденциозное происхождение. Во время похода Алкама оставил позади отряд людей под началом Абдуллаха б. Хузафы ас-Сахми, который, говорят, любил забавляться за чужой счёт. Чтобы испытать послушание воинов, он велел развести огонь и приказал своим прыгнуть в него. В тот момент, когда некоторые подтягивали туники, чтобы повиноваться, Абдуллах остановил их и объявил, что отдал приказ лишь в шутку. Когда Магомет узнал о происшествии, он выказал неудовольствие и сказал, что не следует повиноваться тому, кто приказывает преступное (Хишам, с. 998; Вакиди — Велльхаузен, с. 388–389).

тайй были бы предупреждены об опасности прежде, чем мусульмане смогли бы на них напасть. Напав же ночью, они получали преимущество — застать арабов собранными вместе со всем скотом. Эти советы дал проводник Хурайс аль-Асади, и Али принял их. Когда мусульмане снова двинулись в путь, они встретили чёрного раба, принадлежавшего племени набхан, ветви тайй, который знал, где находится стан племени Хатима ат-Таи. Раб, которого звали Аслам, под угрозой смерти и за обещание свободы, если он приведёт мусульман к таитскому стану, послужил проводником и облегчил мусульманам нападение на стан и захват мужчин, женщин, детей и скота. Внезапность была полной, и среди пленных оказалась также Сафана бинт Хатим, дочь покойного Хатима ат-Таи. Пленных отдали под надзор Абу Катады, а остальную добычу вверили Абдуллаху б. Атику. Негр Аслам теперь попросил, согласно условию, заключённому с Али, отпустить его на свободу, но Али не захотел освободить его, пока тот не станет мусульманином. Негр отказался и предпочёл разделить участь прочих пленных. Тогда Али велел собрать всех мужчин и спросил каждого, желает ли он принять ислам: тем, кто соглашался стать мусульманами, тотчас давали свободу; остальным Али немедленно велел рубить головы. Когда дошла очередь до негра Аслама, тот сначала повторил отказ; но тогда один из его товарищей по плену обратился к нему и заметил, что если ему не дорога жизнь, то непонятно, почему незадолго перед тем страх быть убитым сделал его предателем, побудив служить проводником мусульманам к таитскому стану. Упрёк задел раба за живое, он переменил намерение, стал мусульманином и впоследствии доблестно сражался под начальством Халида б. аль-Валида в битве при Ямаме. После этих суровых мер Али разрушил идола аль-Фальс — красный скалистый выступ на чёрных склонах горы Аджа в Неджде. В доме (храме? святилище?) идола Али нашёл подвешенными в качестве обетных даров три меча и три панциря; нашёл также одежды, которые арабы тайй имели обыкновение надевать на идола. В Ракаке, на обратном пути, была разделена добыча, причём из раздела была исключена сама семья Хатима ат-Таи. Магомету, сверх пятой части, были даны в качестве почётной доли три меча, найденные в доме аль-Фальса. Когда мусульмане вернулись в Медину, дочь Хатима ат-Таи заперли в Дар Рамла бинт Харис. После неоднократных просьб Пророк согласился вернуть ей свободу и через неё побудил также её брата Ади б. Хатима, бежавшего в Сирию и ставшего христианином, прийти в Медину и принять ислам (см. 10 г. х., § 16). В награду за это Ади б. Хатим получил от Магомета должность сборщика податей у бану тайй (Хишам, с. 947–950; Вакиди — Велльхаузен, с. 389–390, где идол назван Фульс; Са‘д, с. 51–52, § 103; Якут, III, с. 911–913; Wellhausen, *Reste*, с. 51–53, много сведений об идоле аль-Фальс; Табари, I, с. 1706–1710, упоминает два меча, взятых в святилище аль-Фальса и носивших имена ар-Расуб и аль-Михзам; Асир, II, с. 217–219, ошибочно называет идола аль-Калас; *Хамис*, II, с. 133, посл. стр. и сл.; Халаби, III, с. 386–387).

Поход Уккаши к аль-Джинабу

§ 21. — В *Хамисе* (II, с. 134, стр. 7) мы находим упоминание о походе Уккаши б. Михсана по приказу Пророка, направленном к аль-Джинабу, местности в Хиджазе,

принадлежавшей, по одним, к территории узра и бали, по другим же — к территории фазара и кальб, но на которой и узра имели право пасти скот. Ничего, однако, не сказано ни о причинах похода, ни о его исходе.

Смерть Негуса Абиссинии

§ 22. — В этом году, в месяце раджаб, говорят, скончался ан-Наджаши (Негус Абиссинии), и Магомет возвестил верующим о его смерти, выразив своё сожаление (Табари, I, с. 1720; из этого известия следует, что это должен быть именно тот Негус, который приютил и защитил бежавших к нему мекканских мусульман и который, по мусульманскому преданию, даже сам тайно принял ислам; ср. Асир, II, с. 223; Хаджар, I, с. 218–220, № 469, говорит, что Негуса звали Асхама б. Абджар; *Хамис*, II, с. 155, стр. 1).

Мелкие происшествия жизни в Медине: ссоры между жёнами Пророка

§ 23. — Рассказывают, что в этом году Пророк, упав с коня, ободрал себе бок так, что не мог свободно двигаться, и поэтому был вынужден несколько дней сидеть на ступенях из пальмовых стволов, ведших на его *машраба*, или веранду, и в этом положении руководить молитвами (*Хамис*, II, с. 135, стр. 12; ср. также 5 г. х., § 58).

Другим, более серьёзным происшествием было весьма щекотливое дело, случившееся у Магомета с его женщинами. Как известно, он имел обыкновение жить поочерёдно в каморках каждой из своих жён, в правильной очерёдности, чтобы не возбуждать ревности. Случилось теперь, что, когда Пророк находился в каморке Хафсы, та попросила и получила позволение пойти навестить отца. Магомет, оставшись один, послал тогда за египетской наложницей Марией и лёг с ней в комнате Хафсы, пока та отсутствовала. Хафса, вернувшись к себе прежде, чем Мария ушла, застала наложницу с мужем и потому не захотела входить в свою комнату, пока Мария не выйдет. Когда коптянка ушла, Хафса вошла в комнату и устроила Пророку сцену ревности, осыпая его упрёками и горько рыдая. Чтобы успокоить её, Магомет обещал больше не иметь сношений с Марией, но поставил жене условие никому не упоминать о происшествии. Вместо того чтобы молчать, Хафса тотчас пошла рассказать всё Аише, своей большой подруге, которая, сама ревнуя к благосклонности, оказываемой Марии, обрадовалась случившемуся и воскликнула: «Так мы от неё избавимся!» Но обе женщины не сумели сохранить тайну и рассказали о происшествии стольким людям, что история обошла весь гарем. Магомет весьма разгневался на неделикатность женщин, объединившихся в заговоре против него, и, отделившись от всех, ушёл жить на двадцать девять дней исключительно с наложницей Марией, к великому смятению прочих жён и их семей. Дело приняло теперь такие размеры, что Магомет был вынужден сделать его предметом особого коранического откровения (LXVI, 1–5, 10–12), в котором объяснил причины своего поведения по отношению к женщинам, перечислил их провинности перед ним, обратился к ним с живыми упрёками и даже пригрозил развестись со всеми. Происшествие, поначалу чисто домашнее, грозило иметь серьёзные последствия, ибо и Умар, и Абу Бакр, отцы двух наиболее скомпрометированных жён Пророка, не могли быть довольны унижением, нанесённым

их дочерям. Чтобы сгладить дурное впечатление от этих домашних скандалов, предание утверждает, что тайна, доверенная Магометом Хафсе с запретом сообщать её другим, была предсказанием, что и Абу Бакр, и Умар станут его преемниками в верховной власти над мусульманами. Это известие, однако, несомненно апокрифично и придумано с единственной целью поднять причину долгой ссоры от унизительных дрязг гарема до высших государственных соображений. В конце концов дело было улажено мирно, и Магомет, говорят, по внушению ангела Гавриила простил всех жён и вернул мир в семью (Са‘д, VIII, с. 154, стр. 11 и сл.; *Хамис*, II, с. 135; Халаби, III, с. 538 и сл.; Nöldeke, *Qur.*, с. 162, который, однако, относит событие к 7 г. х.; ср. также Коссен де Персеваль, III, с. 268; Мьюр, IV, с. 157 и сл.).

Интриги против наложницы Марии

§ 23, А. — Красота египтянки Марии с первого дня её прибытия произвела большое впечатление на Пророка. По некоторым причинам, не сохранённым преданием, Пророк не пожелал, чтобы она жила вместе с прочими его женщинами, и сначала поселил её в доме Харисы б. ан-Ну‘мана, примыкавшем к мечети, где Магомет не раз просил гостеприимства для членов своей семьи (ср. Са‘д, III, ч. II, с. 52, стр. 17 и сл.; VIII, с. 14, стр. 5–11). Позднее он перевёл её в аль-Алию, или верхний квартал Медины, в принадлежавшее ему имение, которое затем стало известно под именем Машрабат Умм Ибрахим и где Мария родила сына Ибрахима (Са‘д, VIII, с. 153, стр. 11 и сл. и стр. 20 и сл.; ср. также 8 г. х., § 196). Многие порицали это, и ревнивые женщины всячески старались навредить ненавистной сопернице, более красивой и более счастливой, чем все они. Пророк установил, чтобы один копт (приехавший с ней из Египта) служил ей слугой, и тот каждый день носил наложнице воду и дрова для кухни. Ревнивицы тотчас начали порицать и сеять злословие, указывая, что неараб (‘*иль дж*) каждый день ходит к неарабке (‘*ильджа*), и сумели так коварно распространить клеветнический слух о прелюбодеянии, что он дошёл до Пророка: тот тотчас понял намёк, направленный против его наложницы и копта, которого он приставил к ней в услужение. Встревоженный намёком и опасаясь, что в нём есть доля правды, он приказал Али отправиться в имение, где жила Мария, и расследовать. Али, нагрянув врасплох в сад, нашёл копта взобравшимся на пальму; тот, едва увидев Али, приближающегося с мечом и с угрожающим видом, был охвачен таким страхом, что упал на землю, потеряв покрывавший его плащ. Подойдя ближе, Али смог увидеть, что копт, падая, обнажился, обнаружив, что он скопец; вернувшись назад, Али пошёл прямо доложить Пророку, который, весь сияя, воскликнул: «Присутствующий видит то, чего не видит отсутствующий» (Са‘д, VIII, с. 154–155).

Поход на Табук (раджаб — рамадан)

§ 24. — На месяц раджаб 9 г. х.[196] приходится поход на Табук, у границ Сирии, — последний большой военный поход, в котором принял участие уже старый Пророк. Нелегко распутать из спутанного клубка тенденциозных преданий, каковы были истинные события этого похода, какова цель и каковы последствия. Насколько можно понять, он был предписан по смутным и пустым поводам, тяготы были велики и мучительны, расходы разорительны, а последствия — никакие. Кажется также, что противодействие походу было в Медине весьма сильным и стало причиной многих дезертирств, ожесточивших отношения между различными слоями мединцев и ставших причиной бесконечных взаимных обвинений и упрёков. Магомет предписал поход вследствие ошибочных и сильно преувеличенных известий, и по великим приготовлениям и огромному числу людей, призванных к оружию, возникает подозрение, что он думал выступить против самого императора Ираклия. Стремительное возвышение военной мощи Магомета и слияние стольких племён под единым командованием было неслыханным делом в убогой и анархической Аравии; великая новость была предметом обсуждения из конца в конец полуострова и, несомненно, порождала всякого рода слухи и безрассудные тревоги в недрах различных ещё независимых племён, обеспокоенных за собственное существование. Пульс новой жизни, излучавшейся из Хиджаза, начинал биться с непривычной быстротой, и все чувствовали в воздухе близкое наступление великих событий: тревога распространилась по всему полуострову, и число делегаций, стекавшихся в Медину из самых отдалённых областей Аравии, — убедительнейшее доказательство всеобщего напряжения умов, которому предстояло затем достичь степени пароксизма, когда умер Пророк и вспыхнуло великое восстание племён в 11 г. х. В обществе, столь глубоко возбуждённом, среди людей, столь склонных к преувеличениям и подозрениям, не удивительно, что взятие Мекки, победа при Хунайне и великое торжество Магомета побудили многих обратить взор за пределы полуострова и предполагать близкое столкновение между новым властелином Аравии и знаменитым и грозным императором Ираклием, почивавшим теперь на лаврах великих побед над персами.

[196] Велльхаузен (с. 19–20) высказывает большие сомнения относительно традиционной даты похода: он утверждает, что период раджаб — рамадан, по таблицам Вюстенфельда, охватывал бы месяцы октябрь и ноябрь 630 г. н. э., а это не может согласоваться с другими известиями преданий, что тогда было время созревания фиников. Велльхаузен пространно доказывает, что время года, на которое предания намекают известиями о великой жаре и созревании фиников, должно быть разгаром лета, а именно июлем — августом. Стало быть, в хронологии источников была бы ошибка примерно на три месяца, и выступление Магомета на Табук, по Велльхаузену, следовало бы отнести к месяцу раби‘ II. Боюсь, что Велльхаузен захотел найти трудность там, где её нет. Он исходит из посылки, что период июль — август непосредственно предшествует сбору фиников, но, к сожалению, не говорит нам, откуда почерпнул это известие. Если мы обратимся к Даути, который провёл около двух лет в области между Табуком и Меккой, мы убедимся, что Велльхаузен впал в ошибку и что начало сбора фиников приходится на позднюю осень (ср. Doughty, т. I, с. 276, 507, 511, 518, 520, 522, 525, и особенно 557–558, где сказано, что в Тайме финики начинают собирать в первой половине октября). Хронологической ошибки аль-Вакиди либо не было, либо она не так велика, как хотел бы её изобразить Велльхаузен: если Магомет покинул Медину в первый день раджаба (14 октября 630 г. н. э.), работники как раз в эти дни вошли в пальмовые рощи собирать спелые плоды. Тексты к тому же не говорят прямо, что было лето, но лишь что жара была сильной и гнетущей, а таковы именно условия климата в Аравии на исходе летнего сезона. Следует, кроме того, помнить, что подробные известия преданий никогда нельзя принимать в их точном буквальном смысле, но всегда с известной широтой значения: в данном случае, чтобы извинить добрых мусульман, не пожелавших последовать за походом, и скрыть истинные причины стольких отпадений, передатчики, быть может, сочли удобным сгустить краски и преувеличить жару сезона.

Легко понять, как тщеславие арабов породило убеждение, что слава Пророка перешагнула границы Аравии и тревожит сон византийского государя; между тем вероятно, что Ираклий ничего достоверного не знал об исламе до тех пор, пока войска халифа Абу Бакра не перешли границы Палестины в 12 и 13 г. х. и не разбили одно за другим все войска, которые Ираклий посылал сразиться с ними. Мы знаем от аль-Вакиди (Вакиди — Велльхаузен, с. 175, 391), что в области, так сказать, нейтральной, между собственно Аравией и Палестиной, в той стране, некогда населённой и управлявшейся набатеями (Эдом, Моав и т. д.), жило население из семитов (арамеев), арабизированных переселениями могущественных арабских племён, пришедших с юга; оно посвящало всю свою деятельность торговле и держало в руках почти всю торговлю между Сирией и Аравией. Эти купцы, известные в Аравии под именем (быть может, и презрительным) *сакита*, посещали главные рынки Северной Аравии — Думат аль-Джандаль, Тайму и Медину — и привозили туда, помимо главных товаров, оливкового масла и тонкой муки, также важнейшие новости из Сирии: происшествия войн между греками и персами, военные приготовления императора и всю ту кучу новостей и сплетен, которая всегда занимает толпы праздных людей на всех рынках Востока. Непривычное присутствие императора Ираклия в Химсе, теперь, когда война с Персией окончилась, удивляло и разжигало любопытство кочующего населения купцов и искателей приключений. Так случилось, что разные купцы принесли в Медину весть, что император, пребывающий в Химсе (Эмесе), собирается снарядить исполинский поход против Аравии, собирая припасы на год и созывая людей подвластных империи арабских племён — лахм, джузам, гассан и амиля: место сбора, говорили, было в области, называемой аль-Балка, то есть на заиорданских равнинах, на краю Аравийской пустыни (Вакиди — Велльхаузен, с. 391), и те, кто слышал эти новости, были убеждены, что Ираклий намерен сокрушить Магомета. Тот поверил слухам, не позаботился проверить их истинность и решил не дожидаться нападения, а напасть на врага прежде, чем тот будет готов, и отомстить за поражение при Муте, всё ещё терзавшее душу всякого доброго мусульманина (ср. Балазури, с. 59).

§ 25. — Слава Ираклия после побед, одержанных им над персами, была велика и в Аравии, и никакого врага мусульмане не боялись больше (Вакиди — Велльхаузен, с. 391, стр. 13), ибо хорошо знали военную мощь Греческой империи по многочисленным поездкам, которые они совершали в Сирию. Магомет, решив предпринять поход, счёл необходимым сделать самые полные приготовления не только ввиду силы врага, но и из-за большого расстояния, которое предстояло пройти, прежде чем войти в соприкосновение с греками. В своих обычных набегах на арабские племена он всегда придерживался системы скрывать от всех цель похода, ибо и в пустыне вести бегут быстро, и величайшая тайна была необходима для удачи внезапных нападений. На этот раз, напротив, Магомету пришлось открыто сказать, какова цель похода, и призвать всех верующих содействовать ему не только личным участием, но и своим имуществом. Объявление было встречено весьма неблагосклонно большой частью верующих. Противодействие, проявившееся против замысла Магомета, составляет характерную черту похода и наиболее интересную его сторону, ибо в военном

отношении он не имел ни последствий, ни какого-либо значения. Поэтому необходимо войти в подробности приготовлений и отпадений, прославивших поход на Табук.

§ 26. — Магомет распространил приглашение, или, лучше сказать, приказ участвовать в походе не только на мединцев, но и на мекканцев и на все племена, принявшие ислам и политическую власть его основателя. Он послал Бурайду созвать аслам, находившихся тогда в аль-Фуру‘; Абу Рухма — к гифар; Абу Вакида — к лайс; Абу Са‘да ад-Дамри — к дамра, жившим на побережье Красного моря; Рафи‘а и Джундаба, сыновей Макиса, — к джухайна; Ну‘айма б. Мас‘уда — к ашджа‘; Будайля, Амра б. Салима и Бусра б. Суфьяна — к ка‘б; Аббада б. Бишра — к сулайм, и, наконец, других — к прочим племенам. Вместе с тем Магомет, чтобы ускорить и завершить приготовления, призвал верующих делать добровольные пожертвования в пользу похода. Так мы узнаём, что Абу Бакр первым сделал пожертвование и отдал всё, чем владел; Умар б. аль-Хаттаб дал половину своего имущества; Абд ар-Рахман б. Ауф дал 200 *укийя* серебра; Асим б. Ади дал 90 *васков* фиников; подобные пожертвования сделали аль-Аббас, Тальха, Са‘д б. Убада и Мухаммад б. Маслама. Источники единодушно говорят, что самым большим взносом был взнос Усмана, который, по Ибн Хишаму (с. 895, стр. 15), дал тысячу динаров, а по аль-Вакиди (с обычными преувеличениями!) снабдил всем необходимым треть войска (то есть удовлетворил нужды 10 000 человек!). Даже беднейшие из верующих собирали денежные суммы и покупали верблюдов для тех сподвижников, у которых не было необходимых верховых животных, чтобы последовать за походом. Женщины тоже пожелали внести свою долю, и рассказывают, что в домике, где жила Аиша, на плаще Пророка было собрано множество вещей, добровольно пожертвованных женщинами, большей частью женских украшений, которые должны были пойти на оплату припасов. Было тогда время, когда плоды (финики) созревали (конец лета и начало осени), и чрезмерная жара сезона делала предпочтительным остаться дома в тени пальм и присматривать за своим урожаем. Поэтому многие, несмотря на пример, поданный старшими сподвижниками, были побуждены просить освобождения от обязанности следовать за походом. Одному из своих последователей, по имени Абу Вахб аль-Джадд б. Кайс, известному как большой любитель женского пола, Магомет, чтобы убедить его выступить, посулил надежду обладать какой-нибудь красивой гречанкой, если тот пойдёт сражаться против бану-ль-асфар (сынов жёлтого, т. е. греков)[197]. Аль-Джадд объявил, что эта неверная перспектива недостаточно его соблазняет в сравнении с несомненностью огненного ветра и сильной жары сезона. Абу Вахб аль-Джадд продолжал настаивать, и Пророку пришлось наконец дать ему позволение остаться, хотя сын аль-Джадда, Абдуллах б. аль-Джадд, осыпал родителя горчайшими упрёками и, говорят, даже бросил ему в лицо сандалию (ср. 9 г. х., § 15, прим. 2). Абу Вахб аль-Джадд, не довольствуясь тем, что

[197] О выражении *бану-ль-асфар* мы находим в примечаниях к тексту Ибн Хишама (см. Хишам, II, с. 204, схолия к 894) некоторые генеалогические объяснения, не имеющие никакой ценности: бану-ль-асфар — это будто бы греки, получившие это имя потому, что происходили от Иса б. Исхака (Исава), который был бледен лицом (*ляху суфра*): стало быть, греки, по арабским генеалогам, тоже семиты! Попытку рационального объяснения сделал фон Эрдман (*ZDMG*, 1848, II, с. 237–241), который, как уже сказано в другом месте (ср. Введение, § 343, прим. 2), полагает, что выражение — отголосок императорской династии Флавиев, один из которых, Тит, разрушил Иерусалим и приобрёл печальную славу у евреев и у семитов вообще, особенно у тех племён полуострова, которые находились в постоянном соприкосновении с евреями.

освободился от тяжкой обязанности, принялся, к великому неудовольствию Пророка, подстрекать к сопротивлению и отказу участвовать в походе и всех тех других мединцев, которых предание называет лицемерами, *аль-мунафикун*, то есть людей из партии, противостоявшей Магомету. Аль-Джадд обращал свои наветы особенно к бану салима и всеми средствами пытался отвратить Джаббара б. Сахра и других от оказания какой-либо помощи вооружению: сам он не сделал никакого взноса на расходы. Магомет, раздражённый столькими коварными происками, ниспослал, говорят, по этому случаю два стиха (IX, 49, 82), в одном из которых пригрозил адским огнём (гораздо «более жарким, — добавляет он, — чем летний зной») тем, кто не хотел следовать за ним в поход[198]. В тексте Ибн Хишама мы находим затем рассказ о происшествии, которое, поскольку о нём умалчивают и Ибн Исхак, и аль-Вакиди, быть может, и не было в действительности, но всё же заслуживает упоминания. Говорят, что во время приготовлений к Табуку некоторые лицемеры часто собирались в доме еврея Сувайлима, близ аль-Джасума, и совещались между собой о том, как вести пропаганду против Магомета и против отправки похода. Магомет, узнав о таких интригах, послал Тальху б. Убайдаллаха с отрядом сподвижников, приказав поджечь крышу дома, пока лицемеры совещаются внутри. Так и было сделано, и собравшимся лицемерам пришлось опрометью выскакивать из дома кто как мог: один из них, Даххак б. Халифа б. Са‘лаба б. Ади аль-Ансари аль-Ашхали, перелезая через стену, сломал себе ногу (Хишам, с. 894–895; Вакиди — Велльхаузен, с. 391–392; Хаджар, II, с. 535, стр. 10, приводит факт поджога со ссылкой на Ибн Исхака (?) и говорит, что дом принадлежал Сувайкиру аль-Яхуди; Табари, I, с. 1692–1694).

§ 27. — Число этих лицемеров и отпадения даже добрых мусульман, устрашённых тяготами и лишениями далёкого и опасного похода, возбудили (быть может, в силу духа противодействия) с большей силой рвение других верующих. Предание благоговейно сохранило память о группе из семи человек, которые были слишком бедны, чтобы раздобыть средства для участия в походе, но, так желая последовать за Магометом в Табук, горько заплакали, когда Пророк в ответ на их просьбы сказал, что у него больше нет средств, чтобы купить им верблюдов и необходимые припасы. Магомет действительно установил, что выступить могут лишь те, у кого хорошие верховые животные, ибо огромное расстояние, которое предстояло пройти, не позволяло стеснять движение войска слабыми животными. Эти семеро плачущих впоследствии получили в истории прозвание «Плакальщиков», *аль-Бакка’ун*, и стали так знамениты, что предание сохранило их имена: (1) Салим б. Умайр из бану амр б. ауф (ср. Хаджар, II, с. 105, № 3043); (2) Ульба б. Зайд из бану хариса (Хаджар, II, с. 1189, № 10023); (3) Абу Ляйла Абд ар-Рахман б. Ка‘б из бану мазин б. ан-наджжар (Хаджар, II, с. 1007, № 9557); (4) Амр б. аль-Хумам б. аль-Джамух из бану салима (Хаджар, II, с. 1265, № 10217); (5) Абдуллах б. аль-Мугаффаль аль-Музани или, по

[198] Из одного пространного предания, которое не стоит приводить здесь полностью, мы узнаём, что отпадения были довольно многочисленны как среди эмигрантов, так и среди мединцев и что из кочевых племён больше всего дезертиров дали гифар и аслам. О других не упоминается (Хишам, с. 905, стр. 18 и сл.; Вакиди — Велльхаузен, с. 395, стр. 20 и сл.). В другом месте (Вакиди — Велльхаузен, с. 393, стр. 2) прямо сказано, что гифар просили освободить их и что Пророк отказал в позволении; стало быть, мы должны заключить, что многие из этих арабов, несмотря на отказ Магомета, осмелились, быть может, ослушаться приказа и остаться дома.

некоторым, Абдуллах б. Амр аль-Музани (Хаджар, II, с. 898–899, № 9340); (6) Харами (или Харим) б. Абдуллах из бану вакиф (Хаджар, III, с. 1239, № 8460); (7) Ирбад б. Сария аль-Фазари (Хаджар, II, с. 1128, № 9867). Таков список Ибн Исхака, аль-Вакиди же даёт следующий: (1) Салим б. Ауф из бану амр б. ауф (отсутствует у Хаджара); (2) Хурайр б. Амр из бану вакиф (отсутствует у Хаджара — быть может, это предыдущий № 6, Харами); номера (3), (4) и (5) совпадают с номерами (2), (3) и (4) Ибн Исхака; (6) Салама б. Сахр из бану зурайк (отсутствует у Хаджара); (7) соответствует номеру (7) Ибн Исхака[199]. Плач этих семерых тронул наконец одного обращённого еврея, Ибн Ямина б. Умайра ан-Надари, который подарил им верблюда и изрядное количество съестного; пример Ибн Ямина побудил тогда аль-Аббаса и Усмана своими средствами доставить то, чего ещё недоставало для снаряжения семерых Плакальщиков, и они смогли так присоединиться к остальным выступающим. Много было дезертиров среди бедуинов (ср. § 26, прим. 2); но Магомет не пожелал давать позволения и настоял, чтобы бедуины пришли все. Гифаритов, говорят, вследствие отпадений было всего 82 человека, среди которых находился Айма б. Рахаса. По аль-Вакиди, общее число лицемеров, оставшихся под пустыми предлогами в Медине с позволения Магомета, было около восьмидесяти человек (ср., однако, прим. 2 к настоящему §). К прежним надо добавить нескольких добрых мусульман, которые по причинам не вполне определённым, быть может, по недостатку мужества и по лени, остались в Медине без позволения Магомета. Таких мусульман было немало, но предание не говорит, сколько их было: мы знаем лишь, что четверых из них звали: (1) Ка‘б б. Малик из бану салима; (2) Мурара б. ар-Раби‘ из бану амр б. ауф; (3) Хиляль б. Умайя из бану вакиф; (4) Абу Хайсама из бану салим б. ауф: все добрые и храбрые мусульмане, которые, однако, увидев, что выступающих столько, что невозможно сделать перекличку по именам, потихоньку уклонились в надежде остаться незамеченными. Последний из четверых, Абу Хайсама, раскаялся затем в своём отпадении и отправился догонять Пророка в пути, соединившись по дороге с другим сподвижником, Умайром б. Вахбом аль-Джумахи, который, тоже по запоздалому раскаянию, спешил догнать Пророка прежде, чем тот прибудет в Табук[200] (Хишам, с. 895–896, 897–898, 907–909; Вакиди —

[199] В биографических трудах мы имеем также следующие имена Плакальщиков, или *аль-Бакка’ун*: (8) Сахр б. Сальман (Хаджар, II, с. 480, № 8620), (9) Сайфи б. Амр б. Зайд б. Джушам б. Хариса аль-Ансари, дядя по отцу Ульбы б. Зайда (Хаджар, II, с. 519, № 8607).

[200] Как обычно, предание полно противоречий и неясностей, подрывающих историческую ценность известий: с одной стороны, сказано, что Магомет противился стольким просьбам об отпуске и настаивал, чтобы все шли с ним; с другой — рассказывается, что он хотел лишь тех, кто мог раздобыть себе хороших верховых животных. Лишь богатые, естественно, были в состоянии добыть себе такие средства передвижения, и громадное большинство, несомненно, должно было зависеть от средств Пророка, чтобы иметь возможность последовать за походом. Мы ничего не знаем о тех, кто, вероятно, остался в Медине, потому что был недостаточно богат или потому что Магомет не смог снабдить их верховыми животными. История семерых плакальщиков заставляет подозревать, что число верующих, оставленных в Медине, было весьма значительным и что семеро упомянутых приобрели свою славу потому, что были *единственными* среди многочисленных людей, не обязанных идти, кто всё же желал этого настолько, что просил со слезами на глазах. Отметим лишь ещё одну странность предания: в этом параграфе мы привели известие аль-Вакиди, что лицемеров, оставшихся в Медине с позволения Магомета, было около 80 человек. В следующем параграфе мы увидим, что при выступлении лицемеры под предводительством Абдуллаха б. Убайя образовали отдельный лагерь и затем не выступили с Пророком. Вместе с тем нам сообщают, что лагерь лицемеров *ляйса би-акалль аль-‘аскарайн*, то есть лагерь лицемеров был не меньше лагеря Магомета: но то же предание говорит, что Магомет выступил с 30 000 (!) человек, так что лагерь Абдуллаха б. Убайя должен был вмещать столько же недовольных и инакомыслящих мединцев. Нелепость этих чисел такова, что их не стоит даже

Велльхаузен, с. 392–393, 394, 411–412; Табари, I, с. 1694–1695, 1696–1697; Йа‘куби, II, с. 69, причисляет к *аль-Бакка’ун* также (8) Абд ар-Рахмана б. Ка‘ба и (9) Сахра б. Сальмана).

§ 28. — Именами предыдущего параграфа число лиц, оставшихся в Медине, однако, не исчерпывается. Одним из них был, например, сам Али б. Абу Талиб, который по неизвестным нам особым причинам не последовал за походом. Чтобы извинить этот поступок, ленивый и по видимости неоправданный, предание заботится сообщить, что он не двинулся из Медины, когда выступил Магомет, по приказу, полученному от самого Пророка, который, говорят, хотел оставить кого-нибудь стеречь его семью. Причина, приводимая Ибн Исхаком, не кажется очень хорошей, ибо в трудном походе, как поход на Табук, Пророк, конечно, предпочёл бы оставить стеречь семью стариков и слабых и увести с собой сильных и смелых юношей, как его зять, будущий любимый герой большой части мусульманского мира. Предание почувствовало, что отговорка о необходимости стеречь семью недостаточно убедительна и достойна для Али, и тогда придумало дополнительную историйку: Али, оставшись в Медине после выступления Магомета, обнаружил, что лицемеры воспользовались его пребыванием в городе как предлогом для мятежных речей и обвиняли его в лености, будто он остался дома, чтобы уклониться от тягот похода. Раздражённый этим, рассказывает предание, Али схватил оружие и побежал догонять Магомета в Джурфе (аль-Джурф). Тогда Пророк обратился к Али с речью (ультрашиитского содержания), которая убедила Али не обращать внимания на злые языки Медины и вернуться туда, чтобы стеречь обе семьи — свою и Пророка (Хишам, с. 897; Табари, I, с. 1696). Не стоит останавливаться на этом эпизоде и показывать его неправдоподобие, ибо его апокрифический характер более чем очевиден.

Другим дезертиром, который потом раскаялся и последовал за Пророком, оправдываясь тем, что остался в Медине на два дня, чтобы дать отдых своему изнурённому верблюду, был впоследствии знаменитый Абу Зарр аль-Гифари, который, став затем одним из антиомейядских агитаторов и жертвой мнимых преследований, пользуется совсем особой славой в истории ислама (ср. 30 г. х.). О нём есть длинное предание о том, как он совершил переход, и о сердечном приёме, оказанном ему Пророком по его прибытии в мусульманский лагерь. Рассказывают также, что Абу Зарр в пути всё больше отставал, потому что у верблюда не хватало сил догнать Пророка, и что ему пришлось в конце концов бросить изнурённое животное и продолжать путь пешком, взвалив на собственные плечи всю поклажу. Несмотря на всё это, утверждают, что Абу Зарру удалось догнать Магомета и присоединиться к нему, заслужив даже хвалебное изречение Пророка (Хишам, с. 900–901; Вакиди — Велльхаузен, с. 394–395; Табари, I, с. 1700–1701). В историйке, как обычно, множество неправдоподобий, среди которых не последнее — пеший человек с поклажей, догоняющий поход, едущий на верблюдах и движущийся с величайшей быстротой через крайне засушливую страну, лишённую воды и съестного. Вероятно, вся сказка была придумана, чтобы служить вступлением к изречению Пророка, уже и самому по себе апокрифическому, который

обсуждать: население Медины составляло тогда всего несколько тысяч душ (быть может, 20 000; ср. 5 г. х., § 61).

будто бы сказал: «Да помилует Бог Абу Зарра! Он идёт один, умрёт один и один будет воскрешён!» (там же).

§ 29. — Наконец долгие приготовления были закончены, и в лагере, разбитом на уже знаменитом Холме Прощания, Санийят аль-Вада‘, стало собираться великое мусульманское войско, которое, если верить аль-Вакиди (с. 393, 395), насчитывало 30 000 человек и 10 000 коней. Рядом с этим лагерем образовался отдельный лагерь под начальством Абдуллаха б. Убайя, главы мединских лицемеров, и, если можно верить утверждениям как Ибн Исхака, так и аль-Вакиди, он не уступал по численности лагерю добрых мусульман (Хишам, с. 897; Вакиди — Велльхаузен, с. 393). Этот второй лагерь, составленный из *мунафикун* и *ахль ар-рийаб*, то есть из лицемеров и сомневающихся, стоял возле шатров мусульманского лагеря на склоне Зубаба, но едва Магомет отдал приказ выступать, остался позади. Когда прибыли все вспомогательные отряды (от кочевых племён), Пророк дал сигнал к выступлению. Управление и руководство молитвой он оставил заботам — неизвестно точно, Сиба‘а б. Урфуты или Мухаммада б. Масламы. Абу Бакр, который до дня выступления руководил как *имам* молитвами в лагере, получил теперь от Магомета главный стяг (*лива*) войска, тогда как главное знамя (*рая*) взял аз-Зубайр б. аль-Аввам. Как мединцы, так и бедуины шли, разделённые по своим различным племенам, и у каждого племени было своё знамя; главный стяг аус был вверен Усайду б. Худайру, а стяг хазрадж — Абу Дуджане или аль-Хубабу б. аль-Мунзиру. Мы знаем также, что Зайд б. Сабит нёс особое знамя малик б. ан-наджжар, Абу Зайд — знамя амр б. ауф, а Му‘аз б. Джабаль — знамя салима. Великое войско двинулось около полудня; но так как выступающих было так много, невозможно было отметить всех и внести в список, и произошла также некоторая неразбериха, во время которой кое-кто остался позади: лишь к вечеру последние выступающие покинули холм Санийят аль-Вада‘.

Из некоторых фактов, рассказанных затем, явствует, однако, что немало лицемеров последовали за Пророком, но передатчики весьма простодушно дают нам объяснение, что единственным побуждением их было желание добычи (Хишам, с. 896–897, 924–925, где объяснено, почему Абдуллах б. Убайй и аль-Джадд б. Кайс, лицемеры, остались в Медине; Вакиди — Велльхаузен, с. 391–392, 393, 395–396; Табари, I, с. 1695, добавляет, что среди известных лицемеров, оставшихся в Медине, были также Абдуллах б. Набталь из бану амр б. ауф и Рифа‘а б. Зайд б. ат-Табут из бану кайнука‘; он же, с. 1696).

§ 30. — Ибн Исхак и аль-Вакиди сохранили также перечень мест, в которых Магомет останавливался для молитвы (*масджид*), и мы приводим его здесь полностью, ибо его можно рассматривать как перечень путевых стоянок как на пути туда, так и обратно[201]: (1) Зу Хушуб, куда он прибыл наутро после выступления из Медины и где

[201] Расстояние между Мединой и аль-Хиджром, седьмой стоянкой Магомета, составляет около ста тридцати английских миль (Doughty, I, с. 128), и так как на карте Даути он находится на равном расстоянии от Медины и от Табука, всё расстояние между Мединой и Табуком можно исчислить в двести шестьдесят английских миль, то есть около 400 километров пути, которые Магомет будто бы прошёл за 19 переходов немногим более 20 километров каждый. И аль-Хиджр, и Табук существуют и поныне как караванные стоянки: первый — под современным названием Мадаин Салих, второй — под своим древним названием Табук. Оба места посетил Даути, который первым из европейцев ступил туда (см. первый том его драгоценной книги: *Travels in Arabia Deserta*).

остановился под пальмой породы *даума* (с раздельными ветвями). Его проводником был Алкама б. аль-Ваджжа’. Днём он не трогался из-за сильной жары и вновь выступил лишь к закату. Прочие *масаджид* были следующие: (2) аль-Файфа; (3) Зу-ль-Марва (Вакиди называет его просто Марва); (4) ар-Рук‘а в Шикк бану узра (Вакиди называет его лишь аш-Шикк); (5) Вади-ль-Кура, в древности называвшаяся просто аль-Вади; (6) Са‘ид; (7) аль-Хиджр; (8) Занаб Хауда (так у Вакиди; у Ибн Исхака нет); (9) Садр Хауда; (10) Зу-ль-Джифа; (11) Шикк Тара, близ Джаубара (?); (12) Занаб Кавакиб, со стороны аль-Батры (нет у Вакиди); (13) Ала’ (нет у Вакиди); (14) Зат аль-Хитми; (15) Самана (? нет у Ибн Исхака); (16) аль-Ахдар; (17) Зат аз-Зираб; (18) Санийят аль-Мидран (у Вакиди: аль-Мидран); (19) Табук (Хишам, с. 907; Вакиди — Велльхаузен, с. 394; *Марасид*, III, с. 94; ср. также Самхуди, с. 232, стр. 1, и Wüstenfeld, *Med. Hauptstr.*, с. 5 и сл., где отдельные молитвенные стоянки, или мечети, описаны подробнее).

§ 31. — В пути не произошло замечательных происшествий, ибо нигде не встретилось никакого сопротивления: тяготы и лишения долгих переходов в жару по стране, бедной кормом, съестным и водой, были не единственными невзгодами, постигшими мусульман. В войске было много лицемеров, и группа их начала весьма открыто ворчать о безумии похода против греков. Среди самых рьяных противников были Вади‘а б. Сабит, аль-Джулас б. Сувайд, Махши б. Хумайр и Са‘лаба б. Хатиб, и враждебность их была так велика, что они не соблюдали никакой меры в своих речах. Вади‘а, говорят, сказал: «Эти наши знатоки Корана — самые жадные из нас в том, что касается брюха, самые лживые в том, что касается языка, и самые трусливые в том, что касается битвы». К этим словам аль-Джулас будто бы добавил: «Эти люди теперь наши начальники и руководители! Поистине, Мухаммад прав: мы хуже ослов!»[202] Магомет, узнав об этих мятежных речах, послал Аммара б. Ясира выяснить, сколько в них правды, так что злоязычные встревожились из-за сказанных слов и, опасаясь навлечь на себя гнев Пророка, поспешили принести ему извинения и представить объяснения, которые Магомет великодушно принял (Хишам, с. 901–902; Вакиди — Велльхаузен, с. 396).

§ 32. — Когда Пророк остановился в Вади-ль-Кура, продвигаясь на Табук, явились сыновья еврея Арида и поднесли Пророку блюдо *харис*, то есть варёной пшеницы, смешанной с мелко-намелко раздробленными кусками мяса, всё хорошо перемешанное вместе. Желая выказать свою благодарность за такое подношение, Магомет установил для потомков Арида ежегодную пенсию в 40 *васков* фиников, которую, говорит аль-Вакиди, они продолжали получать до его времени (конец II века хиджры) (Вакиди — Велльхаузен, с. 397; см. ниже § 50, прим. 1).

§ 33. — Во время той же стоянки в Вади-ль-Кура к Пророку явился один из его последователей по имени Амр б. Хассан, ведя с собой своего союзника, *халифа*, по

[202] Речи этих двух лицемеров, которые мы привели по тексту аль-Вакиди, ибо версия Ибн Исхака гораздо менее язвительна, должны быть, несомненно, позднейшими интерполяциями какого-нибудь насмешливого ума омейядской эпохи, который под удобным покровом преданий о лицемерах захотел пустить в ход какой-нибудь солёный выпад против ортодоксальной религиозной партии, всегда столь враждебной делу омейядских халифов. Свирепость сатиры неуместна в мединский период, ибо знатоков Корана было мало и они ещё не составляли особого и воинственного разряда верующих, каким были, напротив, в первые времена империи.

имени Санбар аль-Ираши, и попросил для него пожалования земельного участка: Магомет согласился и написал документ, по которому этот Санбар аль-Ираши получал во владение Арджун (Хаджар, II, с. 272, № 8005).

§ 34. — Примерно на полпути между Мединой и Табуком мусульманскому войску пришлось сделать остановку в знаменитом месте, называемом аль-Хиджр[203], о котором упоминается и в Коране (XV, 80) как о самой сцене великой трагедии самуд, уничтоженных по велению Бога, когда они, упорствуя в своём развращении, не пожелали признать божественную миссию пророка Салиха и отказались принять истинную веру (Коран, VII, 71–77; XI, 64–71; XXVI, 141–158; LIV, 23–31; XCI, 1–14 и т. д.). До того дня, когда Даути первым посетил (декабрь 1876 — февраль 1877 г.) место аль-Хиджр, никто в Европе не отдавал себе отчёта, из чего родилась магометанская легенда о самуд, рассказанная Магометом в Коране. Поэтому Даути принадлежит заслуга первым обнаружить, что в аль-Хиджре существуют следы древней доисламской цивилизации в виде больших гробниц, высеченных наподобие пещер в высоких скалах гор, с набатейскими, минейскими или лихьянскими надписями и с варварскими скульптурными украшениями: надписи и украшения, которые компетентные археологи признали принадлежащими набатейскому населению периода между I веком до Р. Х. и II веком по Р. Х.[204] За более подробными топографическими сведениями отсылаем читателя к тому, что он найдёт в первом томе путешествий Даути (см. особенно гл. IV и заметки Ренана на с. 120 и маркиза де Вогюэ на с. 620), у Юбера (*Journal d'un voyage en Arabie, 1883–1884*, Paris, 1891, с. 407–451) и в *Bulletin de la Société de Géographie de Paris*, 1884, с. 516 и сл. Нам достаточно заметить, что эти исполинских размеров надгробные памятники (подобные знаменитым памятникам Петры, ср. Brünnow und Domaszewski, *Die Provincia Arabia*, Strassburg, 1904, т. I, с. 125–428) — последние остатки кладбища города, который в отдалённые времена должен был быть весьма населённым и о котором во времена Магомета не осталось уже никакой памяти. Присутствие до наших дней в этих пещерах множества человеческих костей, истлевших клочков погребальных покровов и кусков кожи показывает, что во дни Магомета такие жуткие останки должны были быть гораздо обильнее; а так как аль-Хиджр (26° 32′ с. ш.) находился на великом торговом пути, соединявшем Южную Аравию с Сирией, слава этих гробниц должна была распространиться по всему полуострову или по крайней мере повсюду, где, как в Мекке и Медине, проходили

[203] Этот город упомянут Птолемеем в его знаменитом географическом труде под именем Ἔγρα: Шпренгер (*Alte Geographie Arabiens*, с. 146, § 212), сказав, что местность лежала в долине Вади-ль-Кура, неверно добавляет: «Это самый большой из до сих пор открытых пещерных городов, жилища (!) которого, высеченные в камне, могли бы вместить всё население Дамаска, то есть около 100 000 душ!» Это ещё один пример поверхностности Шпренгера и ещё одно доказательство того, как осторожно следует принимать его утверждения, не проверив их предварительно.

[204] Быть может, даже до V века по Р. Х., ибо, по-видимому, столько продержалось в аль-Уле и аль-Хиджре последнее самудское царство племени бану лихьян. Ещё прежде самуд населяли Хиджаз и появляются в форме Та-му-ду в ассирийской надписи Саргона 715 г. до Р. Х. (ср. Delitzsch, *Wo lag das Paradies?*, с. 304); а ещё в более древнюю эпоху они занимали Южную Аравию, свою исконную родину (ср. D. H. Müller, *Epigraphische Denkmäler aus Arabien*, в *Denkschriften* Императорской академии в Вене, 1889). Тем, кто пожелает, указываем по истории самуд (Θαμυδῖται Птолемея, VI, 74) учёное реконструктивное изложение Глазера (*Skizze der Geschichte und Geographie Arabiens bis zum Propheten Muhammed*, Berlin, 1890, т. II [единственный вышедший], с. 98–127). Ср. также J. Euting, *Nabatäische Inschriften aus Arabien*, Berlin, 1885, и Hommel, *Aufsätze und Abhandlungen*, München, 1892, с. 1–51.

караваны купцов, шедшие из Сирии. У современников Магомета не сохранилось уже никакой памяти о древнем городе аль-Хиджр, и невежественные арабы не могли предположить, что в той стране некогда процветала замечательная цивилизация и что эти пещеры — гробницы, высеченные в скалах рукой человека. Они отдались, напротив, своей фантазии, вообразив их природными пещерами и решив, что там в незапамятные времена произошла какая-то чудовищная трагедия, страшными следами которой были человеческие кости. На таких элементах (невозможно установить, какая часть легенды народная и какая — вымысел или переработка Магомета) и возникло предание о пророке Салихе и об истреблении самуд. Из контекста преданий, однако, и из выражений Корана не удаётся даже установить, изложил ли Магомет в Мекке легенду о самуд по личным воспоминаниям, сохранившимся от посещения этих мест во время какого-нибудь возможного торгового путешествия, или же он основывался лишь на рассказах купцов и путешественников.

§ 35. — О прохождении мусульманского войска через местность аль-Хиджр у нас есть разные предания, описывающие чувства ужаса, проявленные Магометом и вызванные, быть может, желанием всё больше внушать последователям уважение к могуществу и гневу Божию. Мусульманское войско прибыло в аль-Хиджр к закату, и Магомет приказал, чтобы верблюдов не отпускали пастись, а чтобы они оставались крепко привязанными и удерживаемыми между шатрами: он отдал также приказ, чтобы никто не выходил из лагеря в одиночку, ибо предсказал, что ночью разразится великая буря. Двое из бану сa‘ида, ослушавшиеся приказа и вышедшие каждый сам по себе, были за это сурово наказаны: один из них, покинувший лагерь по естественной нужде, остался как бы задушенным и поправился лишь тогда, когда Пророк чудесно исцелил его силой молитвы. Другого, вышедшего из лагеря искать заблудившегося верблюда, буря унесла и забросила на горы тайй (Аджа и Сальма, возвышающиеся в двухстах пятидесяти километрах к востоку от аль-Хиджра). Впоследствии, однако, добавляет предание, тайй отослали его обратно в Медину. Наутро мусульмане поспешили набрать воды из колодца аль-Хиджра, чтобы запастись ею для питья, умывания, замешивания муки и варки пищи. Магомет внезапно издал приказ вылить всю набранную воду: никто не должен был в ней умываться, никто не должен был её пить, а уже готовое тесто следовало отдать верблюдам; вся вода, нужная лагерю, по приказу Магомета была набрана из колодца, называемого колодцем пророка Салиха, который был дальше от мусульманского лагеря. Утверждают, что по этому случаю Магомет рассказал своим, с новыми и большими подробностями, о плачевном конце самуд и запретил последователям входить в пещеры иначе как в сокрушённом виде и плача. Один человек явился к Пророку с перстнем, который он нашёл в погребальных камерах аль-Хиджра; но Магомет не пожелал его коснуться, закрыл глаза рукой, чтобы не видеть его, и приказал немедленно выбросить его. Проезжая затем мимо жилищ (*sic*) самуд, Пророк пожелал также закрыть лицо плащом и погнал верблюда быстрее. Некоторые предания, преувеличивая по обыкновению, утверждают, что он даже пустил верблюдов вскачь, чтобы как можно меньше оставаться близ тех мест, которые он считал или хотел заставить считать проклятыми Богом.

Колодец пророка Салиха не мог, однако, удовлетворить нужды великого войска[205], и мусульмане страдали от жажды: случилось так, что в тот же день разразилась великая дождевая буря (быть может, уже упомянутая выше) и так затопила низкие части долины, что мусульмане нашли всю нужную им воду. Верующие закричали о чуде и утверждали, что дождь был следствием молитв Пророка, но немалочисленные лицемеры[206] в лагере возражали против такого толкования, утверждая, что это было лишь совпадение и действие проходившей большой тучи. Этими лицемерами-рационалистами были Аус б. Кайзи, Зайд б. аль-Лусайт, Са‘д б. Зурара и Кайс б. Фихр (Хишам, с. 898–899; Вакиди — Велльхаузен, с. 397–398; Табари, I, с. 1697–1699, вместо Зайда б. аль-Лусайта даёт Зайда б. аль-Лусайба аль-Кайнука‘и).

§ 36. — Из аль-Хиджра Магомет двинулся на север до Табука, где, узнав, что слух о войске, собранном императором Ираклием, ложен, остановился на десять дней и не продвинулся дальше, готовясь, напротив, снарядить небольшой поход против Думат аль-Джандаля и собираясь вернуться в Медину с остальными силами. Во время стоянки в Табуке произошло несколько примечательных событий. Прежде всего утверждают, что колодец Табука давал так мало воды, что войско оказалось без питьевой воды: Магомету пришлось вмешаться и чудом восполнить недостаток природы (Хишам, с. 902–904; Вакиди — Велльхаузен, с. 399). Мусульманские передатчики любят затем рассказывать, что в Табуке скончался от болезни сподвижник Пророка по имени Абд аль-Узза (у Ибн Хишама имя уже исправлено на Абдуллах) б. Абд Нухм аль-Музани, знаменитый в мусульманской традиции под прозвищем Зу-ль-Биджадайн, то есть «человек с двумя покрывалами», ибо, чтобы бежать от своего племени и присоединиться к Пророку, ему пришлось оставить в руках дяди по отцу и племени всё своё имущество и прийти в Медину, одетым лишь в одно покрывало, подаренное ему матерью и разорванное на две части: одной он опоясал бёдра, другой прикрыл плечи. Этот бедуин верно сопровождал Пророка во всех походах, и Магомет так привязался к нему, что, когда тот умер, пожелал сам своими руками опустить его в простую могилу, вырытую близ лагеря в Табуке, с помощью Умара и Абу Бакра (Хишам, с. 904–905; Вакиди — Велльхаузен, с. 399–400; Хаджар, II, с. 821–823, № 9172). Аль-Вакиди утверждает, что Пророк простоял в Табуке целых двадцать дней, и рассказывает также различные эпизоды или происшествия, которых мы не находим в тексте Ибн Хишама. А именно, он рассказывает, что Магомет наутро после прибытия произнёс перед

[205] По плану аль-Хиджра, данному Даути (I, с. 112), невозможно установить, какие и где были два колодца — собственно колодец аль-Хиджра и колодец пророка Салиха.

[206] По поводу лицемеров в этом походе снова рассказывается как новый факт то, что мы уже нашли в преданиях о походе на аль-Мурайси‘ (ср. 5 г. х., § 12). А именно, Магомет теряет свою верблюдицу; лицемеры (Зайд б. аль-Лусайт) пользуются этим, чтобы осмеять Пророка как того, кто рассказывает о происходящем на небе, но не знает, где находится собственное животное; хулители, однако, посрамлены, когда Магомет предсказывает, где найдётся пропавшее животное, и посланные искать его люди находят его в том самом месте, которое описал Пророк (Хишам, с. 899–900; Вакиди — Велльхаузен, с. 398; Табари, I, с. 1699). Повторение этого предания в двух разных местах биографии Пророка заставляет меня думать, что оно имеет историческую основу: несомненно, неверующие и приземлённые арабы совершенно не отдавали себе отчёта в том, что такое пророк, и, будучи глубоко равнодушны к тому, что Магомет утверждал, будто узнал от Бога, не могли понять ничего, кроме полезных и практических сторон этого божественного внушения или вдохновения. Пророк должен был быть для кочевого араба своего рода прорицателем, знающим тайное, которому Бог сообщает, где находятся заблудившиеся в пустыне верблюды и что скрыто во чреве жерёбых верблюдиц (Хишам, с. 433; ср. также Goldziher, *Muh. St.*, I, с. 5).

последователями длинную речь и, стоя на том месте, где позднее воздвиглась мечеть Табука (существовавшая во времена аль-Вакиди, около 200 г. х.), обратил взор на юг, в сторону Йемена, и воскликнул, подняв обе руки: «Вера — йеменская!»[207] Затем, обратившись к востоку, сказал: «Бессовестность и жестокосердие в торге о цене крови — вот религия народов с шатрами из верблюжьей шерсти (*ахль аль-вабар*) на Востоке[208], где Сатана являет оба своих рога!»[209] (Вакиди — Велльхаузен, с. 401).

§ 37. — Утверждают, что император Ираклий, находившийся в те дни в городе Химсе (Эмесе), послал одного араба из гассан понаблюдать за Пророком и выяснить, есть ли у Магомета истинные признаки пророческой миссии. Гассанит пришёл в лагерь в Табуке и, внимательно рассмотрев Пророка и найдя в нём все признаки, требуемые и перечисленные Ираклием, принёс весть императору. Лишь страх перед своим народом, говорят передатчики, удержал тогда Ираклия от признания Магомета, и тем более далека была от его души всякая мысль воевать с Пророком (ср. 6 г. х., § 50). Передатчики хотели бы даже внушить, что если Магомет не встретил в Северной Аравии того греческого войска, которого ожидал, то это было обусловлено исключительно тайным обращением Ираклия в ислам. В планах Магомета было продвинуться ещё до границ Сирии; но когда удостоверились, что врага нет, Умар доказал неуместность дальнейшего продвижения и предложил вернуться назад (Вакиди — Велльхаузен, с. 401–402).

Один человек из куда‘а явился к Пророку в Табуке и подарил ему прекрасного коня: Магомет, хотя и подарил его, в свою очередь, одному сподвижнику, пожелал, чтобы новый владелец, мединец, держал коня привязанным у шатра Пророка, ибо тот объявил, что любит ржание коней. Позднее Магомет, не слыша больше ржания скакуна и огорчённый этим, пожелал узнать причину: ему сказали, что хозяин его оскопил. Магомет, говорят, так любил коней, что особенно заботился о своём собственном, по имени ат-Тирф, и даже имел обыкновение обтирать его собственным плащом. Утверждают также, что он горячо наказывал последователям обращаться с конями любовно, ибо Бог вознаградит в своё время всякое доброе дело, совершённое для одного из этих благородных животных: «за каждое зерно корма, которое мусульманин

---

[207] Передатчики приписывают в этом месте Магомету игру слов на двух созвучных выражениях, *иман* и *Йаман*, которая ему и не снилась в те дни, когда в Йемене ещё не было ни одного мусульманина. Предание совершенно апокрифично и отражает времена, когда особенно кипело соперничество между великими арабскими родами и когда йемениты и мудариты взаимно терзали друг друга в кровавых междоусобных войнах (ср. 64 г. х.). Автор предания был сторонником йеменской партии и вложил в уста Пророка грубый анахронизм.

[208] Намёк, несомненно, на арабов великого рода тамим, живших как раз к востоку от Табука, у границ Персидской державы, и, по генеалогам, принадлежавших к мударитскому роду, сопернику и врагу йеменского (см. предыдущее примечание).

[209] Относительно «рогов Сатаны» прочтите замечания Гольдциера (*Phil.*, I, с. 113 и сл.), где учёный арабист прослеживает в этом своеобразном выражении традиционный пережиток древнего культа солнца, превращённого позднейшим мусульманским благочестием в Сатану, чтобы по возможности затемнить память о древнейшем солнечном культе, столь распространённом по всему Востоку.

даст своему боевому коню, ему простится один грех!»[210] (Вакиди — Велльхаузен, с. 402).

Утверждают, кроме того, что Пророк сам взял большой камень, перенёс его издалека и, положив его как *киблу* на месте молитвы в Табуке, сказал после полуденной молитвы: «Этот камень обозначает границу между Сирией и Йеменом» (Вакиди — Велльхаузен, с. 402).

Договор с Юханной, царём Айлы

§ 38. — Из лагеря в Табуке Магомет послал поход против Думат аль-Джандаля (ср. ниже § 45) и вступил в переговоры с различными властителями Северной Аравии, напуганными наступательными действиями Пророка. Одним из них был Юханна б. Ру’ба, царь Айлы, который, обеспокоенный походом против Думат аль-Джандаля, лично пришёл в Табук вести переговоры с Магометом, согласившись на уплату дани *аль-джизья* в 300 динаров в год, из расчёта по динару с человека (не мусульманина). Вследствие этих соглашений был заключён мирный договор, текст которого, однако, мы находим в наших источниках в двух различных вариантах, которые могут быть либо двумя различными версиями одного документа, либо двумя отдельными документами[211]. Юханна явился к Пророку с золотым крестом на груди (стало быть, он

[210] К сожалению, вероятно, Магомет никогда не выражал этих чувств, которые, будь они истинны, делали бы ему честь; предание содержит, напротив, то, что передатчики хотели, чтобы Магомет сказал, — и это ради того, чтобы польстить рыцарским чувствам кочевых арабов и персов, страстных любителей коней и конских игр. Городские арабы не владели конями, ибо не имели средств их содержать: кочевники и сегодня любовно кормят их верблюжьим молоком (ср. Doughty, I, с. 261), ибо пустыня не даёт того, что нужно для их содержания. У некоторых племён нарочно держат несколько дойных верблюдиц для коней шейха (Doughty, там же). Упоминание передатчиком корма как пищи коней выдаёт происхождение (сирийское или иракское) предания, ибо в Аравии человек разорился бы, кормя своего скакуна зерном. В некоторых частях полуострова, на юге, их кормят и сегодня высушенной на солнце рыбой, варёным рисом, варёным мясом и даже овечьими мозгами! (ср. Yule, II, с. 340, 345, 348–349, 351, 450).

[211] Текст договора, по Ибн Исхаку, следующего содержания: «Во имя Бога милостивого и милосердного. Это охранная грамота (*амана*), дарованная Богом и Мухаммадом ан-Наби, Расуль Аллах, Юханне б. Ру’бе, народу Айлы, их кораблям и их караванам (*саййара*) на суше и на море: они имеют право на покровительство (*зимма*) Бога и Мухаммада ан-Наби, и (это покровительство распространяется также) на тех, кто находится среди них из людей Сирии, и людей Йемена, и людей заморских стран (*ахль аль-бахр*, быть может, неточно переведено Вейлем как „Bewohner der Küste”). Если же кто-либо совершит преступление (*ахдаса хадасан*), он не сможет выкупить свою жизнь ценой своего имущества, и оно — в распоряжении того, кто его возьмёт. Нельзя запрещать им черпать воду из колодцев, когда они того пожелают, и нельзя запрещать им дороги, по которым они захотели бы следовать, как по суше, так и по морю». К этим словам версия Ибн Са‘да добавляет: «Это писание Джухайма б. ас-Сальта и Шурахбиля б. Хасаны в силу полномочий, данных (*изн*) Пророком Божиим». Этот Джухайм, однако, не упомянут в другом документе, который мы приводим ниже (Хишам, с. 902; Са‘д, с. 27, § 74). Второй документ, гораздо более длинный, сохранён лишь Ибн Са‘дом: быть может, если он подлинен, он должен быть датирован раньше предыдущего, и тогда как тот был заключён Пророком лично, настоящий документ был заключён представителями Магомета. Но так как Ибн Исхак приводит один и не приводит другого, я отдал предпочтение первому в убеждении, что из двух предыдущий имеет, быть может, большую вероятность подлинности. «Пророк Божий написал Юханне б. Ру’бе и старейшинам (*сарават*) народа Айлы: с вами мир (*сильм антум*)» (ср. Балазури, *Glossarium*, с. 53; Асир, II, с. 299, 11; III, с. 223, 17; 241, 15; 305, 1; *Агани*, VII, с. 12, 17; Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 120). «Поистине, я возношу вам хвалу Богу, кроме которого нет иного божества. Я не собирался нападать на вас, пока не напишу вам; поэтому прими ислам или плати *джизью* и повинуйся Богу, Его Посланнику и посланцам Его Посланника, и почитай последних, и одень их в красивые плащи, а не в походную (т. е. затрапезную) одежду (ср. Wellhausen, там же, и Doughty, I, с. 131; II, с. 134), и одень Зайда в красивый плащ. То, что одобряют мои посланцы, одобряю и я. Известно, что такое (дань) *аль-джизья*. Если вы хотите, чтобы земля и море были безопасны, повинуйтесь Богу и Его Посланнику, и будут отведены от вас права (*хакк*) арабов и неарабов (‘*аджам*), за исключением прав Бога и прав Его Посланника. И поистине, если ты отвергнешь (моих

был христианином), и когда предстал перед Магометом, волосы на лбу у него были завязаны узлом (*ма‘куд ан-насия*): царь Айлы склонил голову (в знак почтения), и Магомет, дружески поговорив с ним, отвёл ему жильё у Биляля (Хишам, с. 902; Вакиди — Велльхаузен, с. 405; Табари, I, с. 1702; Са‘д, с. 27, § 74, добавляет, что у Юханны чуб на лбу был завязан узлом [как если бы он был пленником, ср. Goldziher, *Muh. St.*, I, с. 250]: на груди он носил золотой крест и, увидев Пророка, скрестил руки на груди и качнул головой, кланяясь. Пророк сделал ему знак поднять голову и поднёс ему в дар плащ из йеменской полосатой ткани; Са‘д, с. 28, § 75; Балазури, с. 59, утверждает со ссылкой на аль-Вакиди, что впоследствии, когда царствовал халиф Умар б. Абд аль-Азиз [† 101 г. х.], тот запретил облагать город Айлу данью больше 300 динаров. Это известие, стало быть, подтвердило бы мнение Велльхаузена [*Das Arabische Reich*, с. 173], что дань, называемая *аль-джизья*, которую номинально следовало взимать как подушную подать с немусульман, была вначале, напротив, постоянной ежегодной данью, не менявшейся с ростом или убылью немусульманских жителей; ср. Becker, II, с. 82 и сл. и ниже 9 г. х., § 40, прим. 2).

Договоры с жителями Джарбы, Азруха и Макны

§ 39. — Одновременно с Юханной пришли также в Табук вести переговоры с Пророком жители Джарбы, Азруха и Макны[212]. Они тоже заключили договоры с Магометом, но так как пожелали сохранить свою религию, были обязаны ежегодно платить денежную дань соразмерно числу жителей различных мест. Об этих договорах

делегатов) и не удовлетворишь их, я ничего не возьму с вас (в виде пени), пока не сражусь с вами, не возьму в плен детей и не убью взрослых. Ибо я поистине Посланник Бога и верую в Его Книги, и в Его пророков, и в аль-Масиха б. Марьям (Иисуса), (считая), что он — Слово Божие (*калимат Аллах*), и верую в него, что он — Посланник Божий. Приди, прежде чем тебя постигнет беда: я облёк моих посланцев властью над вами; дай Хармале три *васка ша‘ира* (ячменя), ибо он заступился за вас; и если бы этого не случилось и если бы не было Бога, я не послал бы вам никакого посольства, пока ты не увидел бы (моего) войска. И поистине, если вы будете повиноваться моим посланцам, то Бог, и Мухаммад, и его сподвижники будут вам покровителями (*джар*). Мои посланцы: Шурахбиль, Убайй, Хармала, Хурайс б. Зайд ат-Таи, и я уже одобрил всё, что они установят с тобой; и вы имеете право на покровительство (*зимма*) Бога, на покровительство Мухаммада, Расуль Аллах; и мир вам, если будете повиноваться. Снабдите припасами людей Макны, чтобы они могли вернуться в свои края» (Са‘д, с. 17–18, § 45). Если этот документ подлинен, было бы доказано, что Юханна, вопреки утверждению предания, не приходил в Табук и что мирные переговоры были завершены послами Магомета, отправившимися из лагеря в Табуке в Айлу для переговоров: последняя фраза с уверенностью устанавливает, что посылку посольства следует отнести ко времени после стоянки в Табуке, ибо мы знаем, что люди Макны пришли вести переговоры с Магометом в Табук (ср. § 40). Вероятно, предание о приходе царя Айлы — традиционный двойник прихода христианского царя Думы пред лицо Пророка (ср. § 45). Документ имеет многие признаки подлинности (ср. *Хамис*, II, с. 141, стр. 26). О критическом разборе этого договора ср. также Мёдников, *Палестина*, Петербург, 1902, т. I, с. 321–324. Айла лежала у северной оконечности Красного моря, в глубине Акабского залива: это был богатый и могущественный город, большой торговый склад; во времена римлян он назывался Айлат, или Элат (Αἰλάθ), и там стоял X легион (ср. *JA*, сер. II, т. XV, с. 44 и сл., XVI, с. 57; Макризи, *Хитат*, I, с. 184–186; Якут, I, с. 422).

[212] Аль-Джарба была местностью близ Аммана в Балке в Сирии, в окрестностях гор аш-Шарат со стороны Хиджаза, и зависела от Азруха (Якут, II, с. 46, стр. 14–15). Азрух лежал недалеко от аль-Джарбы у границ Сирии, принадлежал к области аш-Шарат и входил в провинцию аль-Балка (Якут, I, с. 174). Азрух был некогда стоянкой римского легиона и укреплённым пунктом на границе империи: до сих пор существуют величественные остатки римского лагеря, снабжённого башнями и массивными стенами. Ср. Brünnow u. Domaszewski, *Die Provincia Arabia*, I, с. 431 и сл., где можно видеть многочисленные фотографии развалин. Азрух был столицей округа аш-Шарат (Истахри, с. 58; Мукаддаси, с. 64; Le Strange, *Palestine*, с. 39, 384). Макна была местностью, населённой евреями, близ Айлы (Якут, IV, с. 610).

источники сохранили различные документы, вероятно подлинные[213] (Вакиди — Велльхаузен, с. 405[214]; Хишам, с. 902; Балазури, с. 59; Табари, I, с. 1702).

Договор бану джанба (Макна)

§ 40. — Несомненно, что с предыдущими договорами тесно связан договор, заключённый Магометом с иудейским племенем бану джанба и с жителями Макны, местности близ Айлы[215], — договор, которого Ибн Са‘д приводит следующую версию: «И Мухаммад написал бану джанба… и жителям Макны… Итак: ваши послы (*ая*), возвращаясь в ваше селение (*карья*), останавливались у меня (были мною приняты). Когда дойдёт до вас это моё писание, вы в безопасности, (ибо) будете иметь право на покровительство (*зимма*) Бога и на покровительство Его Посланника; и Посланник Божий (*расуль Аллах*) прощает вам ваши злые дела и все ваши провинности, и потому вы имеете покровительство Бога и покровительство Его Посланника. Против вас не должно совершаться ни несправедливого, ни враждебного дела: Посланник Божий — ваш покровитель (*джар*), который защитит вас от всего, от чего защищает сам себя. Посланнику Божию принадлежат ваши тонкие ткани (*базз*), и все рабы среди вас, и кони, и доспехи, кроме того, что уступит Посланник Божий или посланец Посланника Божия. И затем вы обязаны (отдавать) четвёртую часть дохода с ваших пальм, и четвёртую часть того, что добывают ваши рыболовные суда (*‘урук*), и четвёртую часть того, что соткут ваши женщины; и вследствие этого вы свободны от всякой дани

[213] Грамота для жителей Джарбы и Азруха была следующего содержания: «Это писание Мухаммада ан-Наби жителям Джарбы и Азруха: они в безопасности под миром Мухаммада, но (взамен) обязаны платить сто динаров доброй монетой (*вафия тайиба*) в каждый месяц раджаб: Бог — их поручитель (*кафиль*)» (Са‘д, с. 28, § 75). В этом документе примечателен пропуск выражения «Расуль Аллах», или «Посланник Божий»; примечательно также упоминание месяца раджаб как срока уплаты ежегодной дани, как будто этот месяц мог при известных обстоятельствах считаться началом года (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 20 и 405, прим. 2). У нас есть также грамота для одних жителей Азруха: «Во имя Бога милостивого и милосердного. Это писание Мухаммада ан-Наби жителям Азруха: они в безопасности под миром Бога и Мухаммада и (взамен) обязаны платить сто динаров доброй монетой в каждый месяц раджаб: Бог — их поручитель (*кафиль*). Они обязаны быть добросовестными и хорошо обходиться с мусульманами, особенно когда мусульмане приходят искать у них убежища из страха (обид) или из-за козней (против них), и (когда) сами они имеют причину опасаться чего-либо от мусульман. Они в безопасности, пока Мухаммад не введёт какого-либо новшества против них прежде, чем выступить (двинуться на них: смысл тёмен, но, кажется, означает: я предупрежу вас о всяком новшестве, прежде чем навязать его вам силой)» (Са‘д, с. 28, § 76). Оба эти документа имеют явные признаки подлинности. Есть у нас, наконец, грамота для жителей Макны, иудейской веры: «Они в безопасности под миром Бога и Мухаммада и должны (взамен) платить четвёртую часть своих плодов и четвёртую часть своих тканей (*гузуль*)» (Са‘д, с. 28, § 75). Иными словами, евреи Макны должны были давать ежегодно четвёртую часть урожая полей, большей частью фиников, и четвёртую часть доходов от своих промыслов, большей частью (шерстяных) тканей (см. следующий §; ср. также Балазури, с. 69, и Шпренгер, III, с. 422 и сл.).

[214] Аль-Вакиди (Вакиди — Велльхаузен, с. 405–406) добавляет, что Магомет пожаловал все доходы Макны, состоявшие из четвёртой части морских продуктов, урожая фиников и тканей, Убайду б. Ясиру б. Нумайру из са‘д аллах, который с одним джузамитом из бану ва’иль пришёл в Табук и обратился в ислам. Для коня Убайда Магомет выделил также сто полос травы (*дафира*), оставшихся затем собственностью бану са‘д и бану ва’иль до времён аль-Вакиди. Утверждают, что этот Убайд подарил Пророку жеребца по имени Муравих и что Магомет уступил его сподвижнику аль-Микдаду, чтобы тот свёл его с кобылой Сабха, которая была, однако, уже в летах. От этой случки родился жеребёнок, которому дали имя Зайййяль, весьма знаменитый во времена Умара и Усмана как превосходный скакун: Усман купил его у хозяина за 30 000 *дирхамов*.

[215] У Вакиди — Велльхаузена (с. 405) сказано, что жители Макны были евреями; поэтому вероятно, что бану джанба и жители Макны — два различных названия одних и тех же людей и что жители Макны были именно бану джанба. Этот документ — вероятно, тот самый в полном виде, который в другом месте приведён Ибн Са‘дом вкратце и который мы привели в прим. 2 к предыдущему параграфу, ибо возможно смешение имён Джарба и Джанба.

(*джизья*)[216] и от всякой принудительной работы (*сухра*). Если вы будете слушать и повиноваться, Посланник Божий обязуется быть щедрым к тому, кто щедр среди вас, и прощать тех из вас, кто согрешил. И затем: верующим и мусульманам (да будет сказано): кто придёт к жителям Макны, творя добро, тому будет и добро; кто выйдет им навстречу со злом, тому будет и зло. И поистине, над вами никто не начальник (*амир*), кроме кого-либо из вас или кого-либо из людей Посланника Божия (*мин ахль Расуль Аллах*)[217]. И привет!» (Са‘д, с. 16–17, § 44; Вакиди — Велльхаузен, с. 405; Балазури, с. 60, говорит, что документ был для бану хабиба и для народа Макны, заключая, что его написал Али б. Абу Талиб в 9 г. х.; Шпренгер, III, с. 419. О подробной критике этого и предыдущего договора ср. Мёдников, *Палестина*, т. I, с. 307–320).

Происшествия во время пребывания в Табуке

§ 41. — Во время стоянки в Табуке Пророк позволил сподвижникам заключать торговые сделки с местными жителями и с теми, кто сбежался в мусульманский лагерь: другие сподвижники, как Рафи‘ б. Хадидж, получили от Пророка позволение поохотиться верхом. Составился отряд из десяти человек, все верхом, среди которых был Абу Катада: охотники принесли пять диких ослов, или онагров, одного страуса и около двадцати газелей. Мясо было роздано в мусульманском лагере, и Магомет получил в свою долю газель, но на следующий день запретил повторять охоты, ибо опасался какого-нибудь нападения (Вакиди — Велльхаузен, с. 406).

Возвращение из Табука в Медину

§ 42. — Из различных преданий с праздными и пространными подробностями (Вакиди — Велльхаузен, с. 401, стр. 21, и 406–407) явствует, что пребывание в Табуке было далеко не приятным и что мусульмане страдали от голода и недостатка воды; Магомету пришлось употребить всю свою власть, чтобы помешать своим резать верблюдов, на которых им предстояло возвращаться, и, как обычно, предание придумало множество чудес умножения пищи (поздние отражения евангельского

[216] Примечательно в этом документе, что немусульманское население, подчинившееся исламу, освобождается от уплаты *джизьи*, то есть подати, налагаемой на неверующих по прямому повелению Бога (ср. Коран, IX, 29). Поэтому полезно вспомнить то, что написал Велльхаузен (*Das Arabische Reich*, с. 173), а именно, что в древнейших известиях об исламе не находится никакого различия в значении между *харадж* (поземельной податью) и *джизья*, которую можно назвать подушной данью неверующих. Под именем *джизья* вначале понималась военная дань, поскольку она была одновременно подушной и поземельной податью; лишь впоследствии арабская фискальная администрация, следуя нормам как римской, так и персидской древности, провела различие между подушной податью и поземельной, назвав первую *джизья*, а вторую *харадж*. В настоящем случае мы находим население, платящее четверть со всех своих главных доходов и потому объявленное освобождённым от уплаты *джизьи*: стало быть, мы должны понимать, что в этом случае *джизья* соответствовала, по понятиям Магомета, именно общей подати или дани, как бы военной контрибуции: если Магомет не налагал, сверх уже упомянутых податей, ещё и *джизью*, то потому, что обложил бы вторично те же источники дохода жителей. Поэтому мы должны видеть в этом документе новое подтверждение того, что поземельная подать и дань неверующих были в ту эпоху двумя синонимами одного и того же.

[217] Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 120, прим. 1) переводит не вполне правильно: «семья Пророка»; если бы Магомет хотел обозначить именно своих единокровных, он употребил бы выражение *Аль Расуль Аллах*, но здесь слово *ахль* следует понимать в общем смысле и, быть может, самое большее, оно могло бы означать курайшитов, хотя я держусь мнения, что имеются в виду лишь лица (курайшиты и мединцы), находившиеся в непосредственной свите Пророка. Династическое понятие совершенно чуждо образу мыслей Пророка, как и вообще всех жителей пустыни, и Велльхаузен поэтому справедливо удивляется смыслу, который он (ошибочно) извлекает из текста.

рассказа), чтобы утолить голод сподвижников. То же самое, говорят, он сделал, чтобы увеличить количество воды в колодцах са‘д хузайм. У этих историй в качестве авторитетов *иснада* подозрительные имена, как Абу Хурайра, Абу Хумайд ас-Са‘иди, Абу Зур‘а аль-Джухани и им подобные.

Когда было решено возвращаться (не дожидаясь отрядов, посланных к Думат аль-Джандалю?), мусульманское войско в пути неоднократно страдало от жажды, и, по-видимому, из текста следует, что эти страдания побудили некоторых (названных поэтому «лицемерами») ослушаться приказов Пророка, забегая вперёд, чтобы забрать всю воду в колодцах до подхода войска, так что мусульмане, придя, оказывались без необходимого запаса воды. Четверо «лицемеров» по имени Му‘аттиб б. Кушайр, аль-Харис б. Язид ат-Таи, Вади‘а б. Сабит и Зайд б. аль-Лусайт были особо прокляты Магометом; но то же предание не говорит, имело ли это проклятие какое-либо сдерживающее действие на «лицемеров» и употребил ли Магомет против них свою власть и как-либо наказал их. Молчание аль-Вакиди показывает, что, вероятно, не произошло ни того, ни другого. С другой стороны, предание утверждает, вдохновляясь, несомненно, известными библейскими легендами об Исходе евреев и о чудесах Моисея на Синае, что Магомет в трёх случаях, когда войско так страдало от жажды, восполнял недостаток чудесными средствами, заставляя воду бить из склонов гор. Утверждают, что это случилось в Вади-н-Нака, в Вади-ль-Мушаккак и в третьем, неопределённо указанном месте — «между Табуком и аль-Хиджром» (Вакиди — Велльхаузен, с. 408–409; Хишам, с. 904; Табари, I, с. 1703–1704).

§ 43. — Но и это были не единственные заботы Магомета: у аль-Вакиди (а не у Ибн Исхака, и потому позволительно сомневаться в истинности предания) мы имеем известие, что несколько «лицемеров», всего 12 или 13 человек, среди которых, однако, не было ни одного курайшита, задумали покушение на Пророка и замышляли сбросить его с верблюда в узком ущелье, *‘акаба*, через которое войско должно было пройти ночью, возвращаясь в Медину. Магомет был извещён об этом слухе и принял должные меры предосторожности, главной из которых был приказ войску идти более длинной дорогой, обогнув гору и не проходя через опасное ущелье. Желая, однако, узнать, кто были эти заговорщики, он отправился ночью к ущелью в сопровождении лишь Аммара б. Ясира и Хузайфы б. аль-Ямана; во время ночного пути трое действительно услышали шёпот каких-то людей, следовавших за ними, но когда встревоженный Магомет приказал Аммару б. Ясиру вернуться и выяснить, кто они, эти люди отступили и таинственно исчезли. Аммару показалось, что он узнал верблюдов, но он не был уверен, ибо у людей лица были закрыты, а глубокая ночная тьма не позволяла различить подробности. В пути к Пророку присоединился также аслямит по имени Хамза б. Амр аль-Аслами, который помог Пророку найти некоторые личные вещи, упавшие с его верблюда во время быстрой ночной езды. Замысел заговорщиков, говорят, состоял в том, чтобы перерезать подпруги седла на верблюде Магомета, когда тот будет проходить самое опасное место горы, и так сбросить Пророка в лежащую ниже пропасть; план не удался, и виновные благоразумно держались в стороне, так что никогда точно не узнали, кто были тринадцать заговорщиков. Утверждают, однако, что Магомет чудесным образом был извещён об их именах и сообщил их под великим

секретом Аммару б. Ясиру и Хузайфе: никто другой так и не узнал, кто были эти тринадцать, но говорят, что Магомет получил от Бога повеление не молиться над их гробами, когда они умрут. Позднее халиф Умар, когда умирал кто-нибудь, относительно кого у него были сомнения, призывал Хузайфу и спрашивал его, прежде чем молиться над гробом покойного, и если Хузайфа не хотел, Умар не совершал своих молитв (Вакиди — Велльхаузен, с. 409–410).

§ 44. — О походе на Табук ср. также: Асир, II, с. 211–214, 215; *Хамис*, II, с. 135–149; Бухари, III, с. 176–183; Халаби, III, с. 282–307; Йа‘куби, II, с. 69–70; Халдун, II, прил., с. 49–50; Шпренгер, III, с. 407 и сл.; Мьюр, IV, с. 182 и сл.; Мюллер, I, с. 163 и сл.; Гримме, I, с. 149 и сл.; Табари — Зотенберг, III, с. 163–170; Коссен де Персеваль, III, с. 282–287.

Поход на Думат аль-Джандаль (раджаб)

§ 45. — Из лагеря в Табуке Магомет послал отряд в 420 всадников против Думат аль-Джандаля, где, говорят, правил христианский князь Укайдир б. Абд аль-Малик аль-Кинди[218]. Поход был сопряжён с опасностями, ибо на долгом пути надо было пересечь всю ещё языческую страну бану кальб; но Пророк, рассчитывая на хорошо известную доблесть Халида б. аль-Валида, вверил ему начальство над походом, приказав продвигаться с величайшей поспешностью, чтобы застать врага врасплох. Замысел Магомета вполне удался, ибо Халид б. аль-Валид совершил переход через пустыню с такой быстротой, что подошёл к стенам Думат аль-Джандаля прежде, чем узнали о его движении, и застал князя Укайдира, когда тот охотился в окрестностях на диких коров и быков (*аль-бакар*, вероятно, те аравийские антилопы, которые открыл Даути)[219]. В стычке Хассан, брат Укайдира, и двое его слуг были убиты, а Укайдир был взят в плен. Тогда Халид смог явиться к замку Думы, наложить на жителей военную контрибуцию в 2000 верблюдов, 800 рабов, 400 панцирей и 400 копий и вменить Укайдиру и другому его брату, Мудаду, в обязанность прийти в Медину к Пророку, чтобы заключить с ним особый договор. Тогда мусульмане отпустили Укайдира на свободу и вернулись в Медину в сопровождении его и брата Мудада. Другие версии говорят, что Укайдир оставался пленником в руках Халида и как таковой был приведён к Пророку. Когда христианский князь предстал перед Пророком, на нём был плащ, *каба*, из шёлка, вышитого золотом, вызвавший удивление бедных мусульман Медины, не привыкших к подобной роскоши. Магомету пришлось вмешаться и объявить, что плащ, в который

[218] Аль-Мас‘уди (*Танбих*, с. 248, стр. 17; ср. также De Goeje, *Mém.*, с. 12) утверждает, что Укайдир состоял на службе у императора Ираклия и тревожил караваны мусульман. Его брат Бишр упоминается среди тех, кто ввёл в Мекке употребление арабского письма (Балазури, с. 471; Дурайд, с. 223; De Goeje, *Mém.*, с. 12).

[219] До путешествий Даути не знали о существовании в Аравии этого животного, называемого теперь арабами *вадыха* и, быть может, являющегося единорогом, упоминаемым в Библии. Это вид антилопы, по форме похожий на осла, с короткой белой шерстью, короткими ушами и двумя очень длинными и почти прямыми рогами: её, быть может, следует отождествить с *Oryx beisa* (а не с *Oryx leucoryx*; см. Brehm, *Säugethiere*, III, с. 368). Властитель Хаиля во времена Даути держал в своих садах двух таких живых животных. Арабы считают их самыми быстрыми бегунами пустыни. Другие подробности см. Lady Blunt, *A Pilgrimage to Nejd*, London, 1881, т. I, с. 224, и особенно Doughty, I, с. 327, где нарисован один из рогов, 562, 692 и т. д. Об охоте на этих животных см. цитаты из древних поэтов у Kremer, *Kulturg.*, II, с. 347 и 348, и полнее у Nöldeke, *Fünf Mo‘allaqât, übersetzt und erklärt*, *Sitzungsberichte* Венской академии, philos.-hist. Klasse, т. CXLII, 1900; II, *Die Mo‘allaqât ‘Antara’s und Labîd’s*, с. 76 и 77 оттиска.

облачён Са‘д б. Му‘аз в раю (ср. 5 г. х., § 53), гораздо прекраснее, и так он положил конец разговорам. Поверх плаща Укайдир носил золотой крест. Между ним и Пророком был заключён мирный договор, по которому Укайдир обязывался платить дань, *аль-джизья*[220] (Хишам, с. 903; Вакиди — Велльхаузен, с. 403–404; Табари, I, с. 1702–1703; Асир, II, с. 214–215; *Хамис*, II, с. 141–142; Халаби, III, с. 388–389).

Критика преданий о Думат аль-Джандале

§ 46. — Существование нескольких мест, носящих название Дума, породило у восточных авторов неразрешимую путаницу известий, внеся смятение в хронологию, топографию и историю арабских завоеваний. Поэтому полезно предпослать здесь несколько кратких сведений, которые послужат нам затем для изучения других событий высочайшей исторической важности, отчасти происшедших в Думе или её окрестностях, а отчасти ошибочно помещённых туда хронистами. У нас есть три места с одним и тем же названием Дума: одно близ Дамаска, второе близ Хиры в Ираке и третье в сердце Северной Аравии, которое было названо Думат аль-Джандаль («каменная»), чтобы отличать его от двух других. Хронисты, смешивая три названия, во многих случаях полагали, что речь идёт всегда об одной Думе, и, выбрав самую знаменитую из трёх, то есть Думат аль-Джандаль, нагромоздили на неё множество исторических фактов, которые следовало бы распределить между всеми тремя одноимёнными местами. Ошибки хронистов ввели и заслуженных западных писателей в ещё более тяжкие исторические и топографические заблуждения, и особенная заслуга превосходного арабиста М. де Гуе в его знаменитом *Mémoire sur la conquête de la Syrie*, 2-е изд., Лейден, 1900, с. 8 и сл., — в том, что он сделал первую систематическую и критическую попытку восстановить приблизительный порядок в хаосе путаных известий.

Город Думат аль-Джандаль, которым нам предстоит здесь особенно заняться, стоял некогда в обширной низине (*хабт*) на почве пустыни, примерно в семи (Якут, II,

[220] У Ибн Са‘да мы находим текст этого договора: Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 133, прим. 3, и Вакиди — Велльхаузен, с. 404, прим. 1) справедливо полагает, что большая часть документа подлинна, как показывают многие необычные слова и архаические выражения; но что он также отчасти подделан и интерполирован, ибо хотел бы заставить поверить, что Укайдир и жители Думы стали мусульманами, тогда как уплата *джизьи*, утверждаемая Ибн Исхаком и аль-Вакиди, показывает, что Укайдир и его люди остались христианами, ибо лишь немусульмане были обязаны платить эту подать, или подушную дань. Текст документа следующий: [«Во имя Бога милостивого и милосердного. Это писание Мухаммада, Расуль Аллах, Укайдиру, когда он принял ислам и отрёкся от ложных божеств и идолов, с Халидом б. аль-Валидом, Мечом Божиим, в Думат аль-Джандале и окрестностях.] Ему (Мухаммаду) принадлежат самые отдалённые водопои, необработанные земли, неогороженные, те, которыми никто не завладел, [припасы, оружие, кони и замки]: вам (жителям Думы) принадлежат пальмы близ поселений и возделанная и орошаемая земля, за вычетом, однако, пятой части (как военной добычи). Ваших пасущихся верблюдов не будут прогонять с пастбищ, ваших разбредшихся животных не будут сгонять для пересчёта, и никакая трава не будет огорожена, чтобы вас не допускать: десятина будет взиматься лишь с ваших старых пальм. Совершайте молитву в положенное время, честно платите подать бедным (*закят*): к этому вы обязаны договором и прямым соглашением, и за это вы имеете право на справедливость и правильное исполнение договора (с нашей стороны): Бог свидетель вместе с присутствующими мусульманами» (Са‘д, с. 26–27, § 73; Балазури, с. 61 и сл.; Хишам, II, с. 205, схолия к 903, стр. 15; Шпренгер, III, с. 418; *‘Икд*, I, с. 138). Слова в квадратных скобках — позднейшие добавления (ср. следующие §§). О другом подобном документе, данном одному кальбиту, см. ниже § 48, по поводу посольства кальб. Де Гуе (*Mém.*, с. 13, прим. 1) говорит, что в лейденской рукописи *‘Уйун аль-ахбар*, л. 168r, есть предание Мусы б. Укбы [† 141 г. х.], согласно которому Укайдир будто бы объединился с князем Айлы при заключении договора с Магометом. Я согласен со славным ориенталистом, что это известие не может быть верным.

с. 625, стр. 20; де Гуе, с. 10, говорит — в пяти) днях пути к югу от Дамаска и в 15 или 16 днях от Медины, в сердце Северо-Аравийского плоскогорья, но теснее связанный с Сирией, чем с Аравией (ср. *Хамис*, II, с. 141, предпосл. стр.). Обширная и плодородная низина, шириной около пяти *фарсахов* (Якут, II, с. 625, стр. 21), которая и поныне под названием аль-Джауф[221] является одним из важнейших населённых мест на Аравийском плоскогорье, была местом, занятым людьми с весьма отдалённой и доисторической эпохи. Ещё до времён Магомета там существовали значительные развалины замка, названного затем Марид, и мощной стенной ограды, всё построенное из больших камней особой формы, *джандаль*, вызывавших изумление кочевников этой области (Якут, II, с. 625–626). Кажется, что до времён Магомета место находилось в запустении (Якут, II, с. 626, стр. 15), — известие, косвенно подтверждаемое и другими преданиями: а именно, когда в языческие времена вспыхнули междоусобные войны между различными ветвями кальб, группа этих племён поселилась в низине, *хабт*, Думы, заняв и всю страну, простирающуюся от Думы к югу до двух гор Аджа и Сальма, принадлежавших бану тайй (Бакри, с. 33, стр. 15 и сл.; 34, стр. 1). Из другого предания, приведённого нами под 6 г. х., § 16, во время второго похода на Думат аль-Джандаль, мы узнаём, что властителем места был некий аль-Асбаг (или Асйа‘) аль-Кальби, который, говорят, вследствие мусульманского нападения согласился или был вынужден принять новую веру. Когда же мы переходим к известиям о третьем походе на Думат аль-Джандаль (ср. 9 г. х., § 45), предание утверждает, что страна сменила хозяина: из рук кальбитов власть перешла в руки некоего Укайдира б. Абд аль-Малика ас-Сакуни аль-Кинди. Причины перемены весьма темны: из одного места Якута (II, с. 627, стр. 22) мы узнаём, что этот Укайдир жил до того времени в Думат аль-Хира, близ Айн ат-Тамра, в области, граничащей с Вавилонией, но, имея обыкновение приезжать на охоту со своими дядьями по матери, кальб, в окрестности Думат аль-Джандаля, был привлечён древними памятниками, красотой и плодородием места и поселился там, украсив его множеством деревьев, олив и других растений и дав ему, наконец, имя Думат аль-Джандаль, чтобы отличить его от Думат аль-Хиры. То же повторяет Балазури (с. 63, стр. 8), который затем (там же, стр. 14) добавляет со ссылкой на превосходный авторитет аз-Зухри [† 124 г. х.], что жители Думат аль-Джандаля, когда их покорил Халид б. аль-Валид в 9 г. х., были все *‘ибад аль-Куфа* (так в тексте, но де Гуе правильно предполагает, что следует читать *‘ибад аль-Хира*, ибо *‘ибад* были свойственны Хире, а Куфа была основана лишь через несколько лет после смерти Магомета). Из этих различных известий де Гуе заключает (там же, с. 11–12), что Укайдир военной силой занял оазис Думат аль-Джандаль в период между 6 и 9 г. х. и, поселив там население, переселившееся из Вавилонии и состоявшее преимущественно из жителей княжества Хиры, отстроил крепость Марид. Де Гуе, однако, упускает из виду серьёзную трудность, которую нелегко устранить: из двух приведённых текстов Якута и Балазури, взятых в том буквальном смысле, в каком он их истолковал, следует

[221] Описание аль-Джауфа в наши дни см. J. Euting, *Tagbuch einer Reise in Inner-Arabien* (Leyden, I, с. 123–140), который посетил это место осенью 1883 г.; на с. 126 есть также набросок знаменитого замка Марид, а на с. 121 — общий вид оазиса. Wallin, *Narrative of a journey… to Medina and Mekka in 1845*, *Journ. R. Geogr. Society*, 1854, т. XXIV, с. 115–206, где на с. 138 и сл. — о Джауфе, а на с. 152–158 — о походе Магомета. Также Wallin, *Notes taken during a journey through a part of Northern Arabia*, *Journal of the R. Geogr. Society*, London, т. XX, с. 293; прил., с. 339: «list of Arabic authors and works quoted», с. 342; Niebuhr, *Arabien*, с. 344.

неизбежный вывод, что название Думат аль-Джандаль было дано месту Укайдиром в память о его родине Думат аль-Хире и что, стало быть, этого названия до прихода Укайдира не существовало. Каково же тогда было древнее название Думат аль-Джандаля? Если бы оно было иным, предание, несомненно, сохранило бы его, ибо невероятно, чтобы мусульмане приняли название, данное христианином между 6 и 9 г. х., упразднив древнее имя, под которым они знали это место в двух предыдущих походах. И даже если бы мусульмане сделали подобную необъяснимую уступку побеждённому и неверному врагу, как могли они совершенно забыть первоначальное название? Поэтому самая элементарная логика приводит к убеждению, что название Думат аль-Джандаль существовало задолго до Магомета и Укайдира и что никто не знал этого места под другим именем. Предание, основанное к тому же на слабейших авторитетах (ср. Балазури, с. 63, стр. 8), обнаруживает себя таким образом ложным или по меньшей мере неточным. Поэтому мы должны дополнить утверждения де Гуе, отметив, что известие о том, будто Укайдир дал месту название Думат аль-Джандаль, следует принимать с большими сомнениями. Поэтому я полагал бы, что название Дума должно быть весьма древним. Действительно, мы находим его в Книге Бытия, XXV, 14, в Паралипоменоне, I, 30 и у Исаии, XXI, 11, как наименование одного измаильского племени; а из первых двух библейских мест позволительно также заключить, что название Дума, быть может, не арабского, а арамейского происхождения и было дано месту первыми его неарабскими семитскими обитателями, которые оставили стране её название, когда пришли арабские племена, завладевшие областью[222]. Древность и неарабское происхождение названия Дума, по-видимому, подтверждаются также всеми преданиями о его происхождении, приводимыми Якутом (II, с. 625, стр. 16 и сл.) и Хаджаром (I, с. 256, стр. 10), которые признают еврейское происхождение названия и предполагают существование названия Дума, данного месту в эпоху, гораздо более раннюю, чем мнимый приход Укайдира. Заметим также, что приведённое место Исаии не помещает Думу в Аравию.

Параллелизм названий Думат аль-Хира и Думат аль-Джандаль был, полагаю, придуман арабскими хронистами-систематиками, сбитыми с толку сходством названий: оба места, быть может, с незапамятных времён носили название Дума, и возможно, что Укайдир (если правда, что он завоевал Думу в пустыне) пришёл не именно из Думат аль-Хиры, как искусственно придумали передатчики, любящие такие совпадения, а из какой-нибудь другой страны, быть может, из пограничной области Вавилонии. Когда географы и хронисты установили существование второй Думы в княжестве Хира, они сочинили всю сказку, связав Думат аль-Джандаль и Думат аль-Хиру с кратким появлением Укайдира в обоих этих местах, — приём, постоянно употребляемый в восточной хронистике. Но есть и другие причины сомневаться в сказке Якута. Другое предание, данное со ссылкой на столь же ненадёжный авторитет, что и то, которое приписывает Укайдиру наречение Думат аль-Джандаля, утверждает, что Укайдир, изгнанный Умаром (или Абу Бакром, по Ибн аль-Кальби у Хаджара, I, с. 253, стр. 17) из

[222] Дози (*Die Israeliten zu Mekka*, с. 60–65) утверждает, что древние жители Думы были евреями из колена Симеонова, переселившимися в Аравию во времена царя Саула: даже если теории и гипотезы Дози и недостоверны, из их контекста ясно следует, что Дума — древнейшее название и, быть может, неарабского происхождения.

владения Думат аль-Джандалем, поселился в бывшем княжестве Хира и основал там новую Думу (в память о потерянной) (Якут, II, с. 626, стр. 12–15, и Балазури, с. 62, стр. 6–7). Иными словами, у нас то же предание, что и прежде, но в обратном смысле. Сосуществование этих двух равных и противоположных преданий побуждает меня считать, что оба ложны. Действительно, надёжное правило в подобных случаях гласит, что два известия, резко противоречащие одно другому и обратные, как эти, не имеют исторической ценности, но просто выражают противоположные мнения передатчиков. Стало быть, оба места носили одинаковые названия в силу какого-то диалектного значения слова *дума*, соответствовавшего, быть может, положению или какой-то особой конфигурации, свойственной обоим местам, а вовсе не потому, что одно было названо в память другого. Это мусульманские хронисты и географы придумали связь между двумя названиями, будучи убеждены, что существование двух сходных названий должно быть следствием единого и личного происхождения.

§ 47. — Раз уж мы коснулись этого предмета, полезно будет добавить ещё несколько кратких соображений, которые де Гуе, имея в виду, быть может, более обширные исследования, не стал излагать, но которые, полагаю, теперь уместно собрать. А именно, нелишне будет несколько рассмотреть традиционную фигуру Укайдира, представляющуюся довольно загадочной и скрывающую, боюсь, ещё один из многих обманов передатчиков, против которых историк ислама должен постоянно быть настороже. Присутствие этого Укайдира, киндита, то есть уроженца Йемена (где жило племя кинда), среди кальб на севере Аравии в качестве властителя Думат аль-Джандаля — утверждение передатчиков, которое, будучи основано на столь слабых авторитетах, не может быть принято без законного подозрения и заслуживает более пристального рассмотрения. Действительно, первую трудность доставляет нам простое соображение. Как объяснить в 6 г. х. господство кальбита аль-Асбага в Думе, затем его ничем не объяснённое исчезновение в 9 г. х., когда его заменяет упомянутый Укайдир, а затем появление сына аль-Асбага, Имру’улькайса б. аль-Асбага, как властителя кальб в 11 г. х. во время великого восстания племён? (ср. 11 г. х., § 76; Табари, I, с. 1872, стр. 5 и 8; 2083, стр. 13; Асир, *Усд*, I, с. 115). И де Гуе (там же, с. 14) косвенно намекает на эту трудность, признавая, что во время мятежа 11 г. х. в Думе нет места для Укайдира. Чтобы выйти из этой путаницы, де Гуе вынужден принять за истинное второе предание, приведённое выше, будто Укайдир покинул Думу после поражения 9 г. х., поселился в княжестве Хира и основал там вторую Думу в память о покинутой в Аравии. Но в предыдущем параграфе мы указали некоторые причины, чтобы сомневаться во всех преданиях, искусственно связывающих основание одной из двух Дум с предсуществованием другой. Поэтому попытка объяснения де Гуе не устраняет трудности: она внутренне присуща делу и потому появляется и в других местах. Действительно, только что (ср. 9 г. х., § 45, прим. 3) мы привели текст договора, будто бы заключённого Магометом с Укайдиром, а ниже (ср. § 48) приводим другой, будто бы заключённый непосредственно с кальб. В обоих этих текстах договаривающиеся стороны выступают как мусульмане, и нет никакого упоминания о жителях Думы или кальбитах, оставшихся христианами или язычниками: иначе говоря, предполагается или подразумевается полное обращение жителей Думы и племени кальб. У аль-Вакиди

же (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 404, стр. 10–12) прямо сказано, что Укайдир и его люди остались верны своей религии и платили подать *аль-джизья*, налагаемую лишь на последователей других религий. Что Укайдир и его люди остались христианами, утверждает и Ибн Исхак (Хишам, с. 903, стр. 15), и потому в этом пункте у нас не может быть никакого сомнения. Но, приняв это, мы с необходимостью должны заключить, что в мнимом договоре между Магометом и Укайдиром, приводимом Ибн Са‘дом и Балазури и по веским причинам справедливо признанном подлинным Велльхаузеном (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 133, прим. 3), неизбежно должны быть серьёзные интерполяции. В этом убеждён и де Гуе (там же, с. 13). Рассматривая затем текст документа, в котором фигурирует имя Укайдира, мы ясно видим, в чём состоит интерполяция. Достаточно сравнить текст кальбитского договора, заключённого Магометом, с текстом мнимого договора между Магометом и Укайдиром, и мы увидим, что последний — не что иное, как выдержка из первого с приставным повествовательным прологом, не имеющим ничего общего с текстом, и с небольшой интерполяцией в самом тексте, чтобы согласовать его с ложным заголовком (ср. 9 г. х., § 45, прим. 3, где мы даём более точные указания). Де Гуе полагал, что мнимый договор Укайдира мог быть смесью подлинного договора с христианином Укайдиром и договора с жителями-мусульманами Думы. Не позволительно ли предположить, что здесь не смесь, а настоящий вымысел передатчиков, сделанный из подлинного текста договора кальб и приспособленный так, чтобы подойти к случаю Укайдира? Фальсификаторы ведь забыли, что Укайдир не принял ислама, и, обращаясь с ним как с мусульманином, выдали подлог. Этими соображениями и констатациями фактов мы серьёзно колеблем историческое положение Укайдира, ибо отнимаем у него последнюю подлинную связь с Думат аль-Джандалем, и приходим к мнению, что Укайдир — не историческое имя в подлинном смысле слова, а продукт какой-то путаницы или ошибки, а может быть, даже создание передатчиков, которые из истории между 10 и 20 г. х. сделали неразрешимую мешанину. В стихах, приводимых Балазури (с. 62, стр. 10) и Якутом (II, с. 626, стр. 17, и 627, стр. 19), упоминаются всё время носилки Акдара и его семья, Аль Акдар, но никогда прямо не говорится о лице по имени Акдар. Де Гуе даёт объяснение, что Укайдир — уменьшительное от Акдар (так утверждает Дурайд, с. 223, стр. 5) и что поэтому Акдар стихов — то же лицо, что Укайдир преданий[223]. Признаюсь, что это объяснение, данное восточными источниками, меня не убеждает: да будет мне позволено поэтому выдвинуть в порядке опыта гипотезу, которая, полагаю, могла бы прояснить тёмные стороны этой путаницы. А именно, я был бы склонен рассматривать имя Акдар как название семьи, быть может, уроженцев Думы, но не кальбитов, а Укайдира — как создание передатчиков. Фонетическое сходство имени Укайдир с именем божества аль-Укайсир, которому поклонялись арабские племена, жившие на севере Аравии в окрестностях Думы (ср. Wellhausen, *Reste*, с. 62–64, и De Goeje, там же, с. 7), быть может, не вполне случайно, побуждая меня думать, что название семьи послужило, быть может, для создания имени мнимого князя Думы путём созвучия, столь любимого арабами.

[223] Известно ведь, что арабы не употребляют безразлично имя и его уменьшительную форму: так, Умар и Умайр, Хасан и Хусайн и т. д. — имена совершенно различные и не равнозначные.

Но тогда мы с полным правом спрашиваем себя, какова могла быть причина вымысла этого лица. Полное объяснение подлога передатчиков невозможно, но есть факт, упомянутый превосходным авторитетом (Ибн Шихабом аз-Зухри) в предании почти несомненной подлинности, из которого, быть может, позволительно понять, откуда происходит путаница, или ошибка, или подлог, как угодно. Аз-Зухри (Балазури, с. 63, стр. 15) говорит, что жители Думат аль-Джандаля (*ахль Думат аль-Джандаль*) были все не чисто арабской национальности, то есть не были ни коренными жителями, ни кальбитами, а переселенцами из Вавилонии, а именно из княжества аль-Хира (*‘ибад аль-Хира*). *Ибад* были христианскими жителями Хиры, жившими в домах и резко отличавшимися от кочевников, танух, которые населяли сельскую местность вокруг Хиры (ср. Табари, I, с. 822; Халдун, II, с. 170; Дурайд, с. 7, стр. 13; Rothstein, *Die Dynastie der Lakhmiden in al-Hîra*, с. 18–22). Эти *‘ибад* не составляли племени и не притязали на общее происхождение, а состояли из сборища людей самого различного происхождения, связанных лишь общей верой — христианством, которого держались почти все. Стало быть, колония этих чужеземных горожан была поселена в Думе, и потому из указания аз-Зухри мы узнаём, что в Думе и окрестностях жили два различных разряда жителей: один состоял из кочевников (кальб), которым принадлежали все пастбища вокруг города и, быть может, добрая часть пальмовых рощ и возделанных полей оазиса. Другой разряд, резко отличный от первого, составляли чужеземцы, жившие в Думе, — быть может, купцы, домовладельцы, ремесленники, ткачи, золотых дел мастера, земледельцы и другие, которые поддерживали постоянную связь со своими собратьями и друзьями в Хире и были, быть может, относительно независимы от кальб.

Приняв это, мы гораздо лучше объясняем три похода Магомета против Думы: первый (ср. 5 г. х., § 4) имел, очевидно, отрицательный исход; мусульмане, как легко видеть из текста преданий, даже не дошли до окрестностей Думы, и вероятно, что большое расстояние и гораздо большее число враждебных племён, живших между Думой и Мединой, побудили мусульман к благоразумию и что, найдя какой-нибудь благовидный предлог, они вернулись домой, ничего не добившись. Во втором походе (ср. 6 г. х., § 16) Магомет добился непрочного подчинения кальбитских племён; но из некоторых двусмысленных выражений аль-Вакиди (Вакиди — Велльхаузен, с. 237, стр. 5 и сл.) мы понимаем, что мусульманский поход не предпринимал взятия города, а остановился вне его, довольствуясь заявлением аль-Асбага, князя кочевников, что он принимает ислам. Добрая часть населения, однако, осталась не только христианской и языческой, но и независимой от Магомета, так что ему пришлось предпринять третий поход в 9 г. х., чтобы добиться подлинного подчинения всех жителей. В этом случае мусульмане, по-видимому, проникли в самый город Думу и вошли в соприкосновение с жителями-чужеземцами, не коренными арабами, а переселенцами из Хиры, то есть с *‘ибад*, роскошь и богатства которых наполнили изумлением грубых воинов Медины. Вероятно теперь, что при этом мусульманский полководец привёл с собой в Медину одного из этих арабизированных арамеев Думы, который пышным богатством одежды поразил мусульман и дал начало слуху, будто он князь Думы, тогда как, быть может, он был лишь богатым купцом. Затем передатчикам было легко изобрести имя для этого

человека, Укайдир, вдохновившись древними стихами, о которых мы упомянули, и видоизменив его по сходству с местным именем Укайсир. Это предположение, как мне кажется, может найти подтверждение и в другом факте: передатчики говорят, что Укайдир был киндитом; а у племён юга Аравии, и именно у кинда (к которым, говорят, принадлежал Укайдир), царил обычай одеваться с большой роскошью, и могло случиться, что мысль поставить киндита властителем Думы родилась из такого совпадения. Известно ведь, что послы кинда, представляясь Магомету, были одеты в парчовые одежды с золотыми блёстками и щеголяли такой преувеличенной роскошью в одежде, что навлекли на себя открытое неодобрение Пророка (ср. Са‘д, с. 56, § 110). Так как предание описывает также непомерную роскошь мнимого Укайдира при приходе в Медину, возможно, что из этого совпадения родилась вся ошибка и что передатчики возвели богатого купца из Думы в сан князя города и члена пышного племени кинда, тогда как он не был ни тем, ни другим.

Понятно поэтому, как наиболее богатые и образованные жители Думы, будучи христианами, располагая большими средствами и более тонким воспитанием, чувствовали себя в Думе как в чужой стране и, вместо того чтобы принять варварскую религию, проповедуемую безвестным мединским авантюристом, предпочли покинуть Каменистую Аравию и вернуться в более цивилизованные страны, в Хиру, где их не тревожили и где им не нужно было платить унизительную дань общине варварских воинов: из этой эмиграции могла родиться сказка о переселении Укайдира из Думы и об основании новой Думы (аль-Хира) в Ираке. Этими соображениями, быть может, лучше устраняются все трудности, связанные с личностью Укайдира, и мы получаем объяснение тому, почему его имя не упоминается в двух первых походах и почему он снова исчезает в 11 г. х., когда мы находим, что верховная власть у кальб по-прежнему оставалась в семье Асбага. О других вопросах, касающихся Думат аль-Джандаля, ср. 12 г. х., по поводу мнимого вторичного завоевания оазиса Халидом б. аль-Валидом.

Посольство некоторых семей кальб

§ 48. — Вероятно, после похода на Думат аль-Джандаль к Пророку в Медину явились несколько членов великого рода кальб, которые, как известно, населяли северную область Аравии вокруг Думат аль-Джандаля. Ибн аль-Кальби, цитируемый Ибн Са‘дом, сообщает нам, что пришли среди прочих Абд Амр б. Джабала б. Ва’иль б. аль-Джулах аль-Кальби и Асим, член племени бану ракваш, ветви бану амир. Они обратились (?) в ислам вследствие беседы на религиозную тему, которую имели с Магометом. Пришли также Хариса б. Катан б. За’ир б. Хисн б. Ка‘б б. Улайм аль-Кальби и Хамаль б. Са‘дана б. Хариса б. Мугаффаль б. Ка‘б б. Улайм аль-Кальби. Первому, говорят, Магомет подарил знамя, которое тот потом употребил в битве при Сиффине (в 37 г. х.), сражаясь за Му‘авию; а Харисе б. Катану он дал следующую грамоту: «Это писание Мухаммада, Расуль Аллах, людям Думат аль-Джандаля и тех частей кальб, что граничат с ней, (посланное) через Харису б. Катана. Нам принадлежит внешняя часть земли, *аль-ба‘ль* (земли, получающие ежегодный период

дождей и поэтому не нуждающиеся в искусственном орошении)[224], а вам принадлежат пальмы, находящиеся близ населённых мест. За землю, орошаемую проточной водой, следует платить десятину (подати), а за орошаемую подземной водой (из колодцев) — половину десятины (т. е. двадцатую часть). Вы не обязаны сгонять свой скот (для уплаты подати) и сгонять скот, разбредшийся по пастбищу. [Вы должны совершать молитву в положенное время и платить подать бедным (*закят*) согласно обязанности.] Никакой травы у вас не отнимут оградами, и не будет взиматься десятина с вашей утвари и орудий. За это у вас особый договор и обязательство, а мы обязуемся перед вами давать правые советы, соблюдать договор и гарантировать вам покровительство (*зимма*) Бога и Его Посланника. Свидетели — Бог и присутствующие мусульмане» (Са‘д, с. 60, § 119; Шпренгер, III, с. 234; *‘Икд*, I, с. 134–135)[225]. Де Гуе (*Mém.*, с. 13, прим. 3) указывает также на одну лейденскую рукопись (Абу Убайд, *Гариб аль-хадис*, л. 114v) и на Замахшари, *Фа’ик*, II, с. 53 и 185, как на источники другой версии этого договора.

Договор с бану джанаб (кальб)

§ 49. — Магомет написал также бану джанаб, ветви кальб, следующее: «Это писание Мухаммада ан-Наби, Расуль Аллах, бану джанаб, их союзникам и внешним союзникам (*захирухум*) при условии, что они будут соблюдать молитву, платить подать бедным (*закят*) и оставаться верными вере и тщательному соблюдению договора. Они обязаны, однако, давать с каждых пяти свободно пасущихся верблюдов одну овцу без изъяна: вьючные верблюды, служащие для перевозки припасов, освобождены от податей (*ля гайя*: выражение тёмное и перевод неуверен; истинное значение было бы: „без ошибки”). Доверенный человек оценит воду, которую можно отвести на орошение, и земли, естественно орошаемые дождём. Платёж (*вазиф*) с земли не будет увеличен. И свидетелями были Са‘д б. Убада, Абдуллах б. Унайс и Дихья б. Халифа аль-Кальби» (Са‘д, с. 24, § 66).

---

[224] Об этом древнем семитском слове (*ба‘ль*) ср. Robertson Smith, *The Religion of the Semites*, London, 1901, с. 93 и сл., где ясно объяснено, как от первоначального значения «господин», а затем «бог» оно со временем связалось с понятием земель, орошаемых естественным образом, то есть, по первобытным представлениям древних семитов, божественной силой. К этому учёному изложению английского ориенталиста отсылаем тех, кто пожелает углубить своё знание религиозной эволюции первых семитских народов.

[225] Этот договор (подлинный отчасти, но, несомненно, интерполированный) касался лишь ничтожной части кальб, быть может, лишь соседей Думы; большинство племени осталось языческим и независимым. Примечательно, что ни одно из имён, упоминаемых в этих преданиях, не встречается среди тех, кто, как говорят, остался верен исламу во время *ридды* (ср. Табари, I, с. 1872, стр. 5 и сл.; 2083, стр. 13; ср. также 11 г. х., § 76). Странно, например, что нет упоминания о семье аль-Асбага, которая была одной из главных у кальб. Из этого договора в его более древней и неинтерполированной форме был составлен тот другой, приведённый нами в § 45, прим. 3, который передатчики приписали Укайдиру. Мы заключили в квадратные скобки одну из самых явных интерполяций, ибо она находится в открытом противоречии с предыдущей фразой (ср. сказанное в другом месте, § 18, прим. 2). В данном случае, кажется, эти кальбитские семьи платили, быть может, лишь поземельную подать, а не подать со скота: они были, быть может, семьями земледельцев. Кальбиты же следующего § были кочевниками и потому платили подать со скота. Если, наконец, признать интерполированной фразу в квадратных скобках, может даже возникнуть сомнение, идёт ли речь в этом документе об обращённом племени: оно могло быть и языческим, и предписанные подати могут относиться к взиманию *джизьи*, поскольку в ту эпоху ещё существовало смешение между подушной податью и поземельной.

Договоры с бану гадия и бану урайд

§ 50. — Гадия и Урайд — названия двух иудейских племён, с которыми Магомет заключил два договора, но о которых мы ничего не знаем: нам неизвестно даже, где они могли жить: ни в одном из имеющихся в моём распоряжении источников я не нашёл упоминания о них, разве что урайд — это арид, упомянутые в § 32. Вероятно, однако, что этих людей следует искать среди иудейских племён, населявших Северную Аравию, и поэтому мы добавляем здесь два их мнимых текста договоров к тем, что Магомет заключил с другими иудейскими племенами тех стран. Оба текста имеют признаки подлинности если не в точной форме, то по крайней мере по содержанию.

Договор с бану гадия составлен в следующих выражениях: «*Кира!*[226] Во имя Бога милостивого и милосердного: Это писание Мухаммада, Посланника Божия (*Расуль Аллах*), бану гадия: они имеют право на покровительство (*зимма*), но обязаны платить подать *аль-джизья*: с ними не должно обращаться враждебно, и их не должно изгонять (из их страны). Всякая ночь продлевает, и всякий день укрепляет (этот договор)». Документ написал Халид б. Са‘ид (Са‘д, с. 18, § 47).

§ 51. — Договор с бану урайд (или арид) следующего содержания: «Во имя Бога милостивого и милосердного: Это писание Мухаммада, Посланника Божия (*Расуль Аллах*), бану урайд: продовольственное пособие (*му‘ма*), даруемое Посланником Божиим, — десять *васков* пшеницы (*камх*) и десять *васков* ячменя (*ша‘ир*) в пору каждого урожая и пятьдесят *васков* фиников, выдаваемых полностью ежегодно в положенное время. Ни в чём им не будет учинена несправедливость»[227]. Документ написал Халид б. Са‘ид (Са‘д, с. 18, § 47; Шпренгер, III, с. 421).

---

[226] Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 122, прим. 1) объясняет необычное слово *Кира* как искажение греческого слова Κύριε, «Господи!»; это весьма вероятная гипотеза, и она служила бы подтверждением подлинности документа, уточняя, что эти евреи должны были жить по соседству с Византийской империей и отчасти употребляли греческие обороты и слова. Шпренгер (III, с. 421) в своём переводе договора совершенно опустил слово *Кира!*; он даже не упоминает о нём, пренебрегая, таким образом, подробностью немалого интереса. Одно место договора вызывает, однако, некоторое подозрение, а именно то, где Магомет обязуется не изгонять евреев: Магомет действительно изгнал евреев, живших близ Мекки, но далёких оставил пользоваться их землями. Поэтому упоминание кажется, быть может, отголоском изгнаний, предписанных халифом Умаром (ср. 13 г. х.). Да и стиль искусствен в своём лаконизме.

[227] Содержание этого документа весьма своеобразно: Велльхаузен отсылает к ежегодным продовольственным пенсиям, о которых мы упоминали в связи с Хайбаром и Фадаком (ср. 7 г. х., § 42); но в настоящем договоре мы имеем случай, отличный от этих пенсий: а именно, это не раздача доходов, отнятых у евреев и распределённых между мусульманами, а продовольственная пенсия, гарантированная Пророком из фонда мусульман и выплачиваемая им евреям. Это обращение — единственное в своём роде; Шпренгер (там же) перед лицом такой трудности исказил точный смысл арабского текста, заставив его сказать прямо противоположное: по Шпренгеру, это евреи обязаны доставлять Пророку меры фиников, ячменя и пшеницы. А именно, Шпренгер переводит: «Lieferungen an den Boten Gottes», тогда как следовало перевести «Lieferungen von dem Boten Gottes», ибо в тексте отчётливо стоит *му‘ма мин Расуль Аллах*. В этом договоре мы, несомненно, имеем отголосок какого-то особого обстоятельства, всякая другая память о котором утрачена: поэтому невозможно восстановить происхождение такого обращения дани. Вероятно, однако, что этот документ, приводимый Ибн Са‘дом, — тот самый, на который намекается в одном из предыдущих параграфов (§ 32) по поводу похода на Табук. Если бану арид, упоминаемые аль-Вакиди, — это бану урайд, или арид, Ибн Са‘да, можно было бы заключить, что бану гадия и бану урайд были двумя иудейскими племенами Вади-ль-Кура.

Уничтожение мечети *Масджид ад-дирар*

§ 52. — Возвращение Магомета в Медину после похода на Табук произошло в месяце рамадан (Вакиди — Велльхаузен, с. 414). По прибытии в город Пророку пришлось принять энергичные меры против некоторых инакомыслящих «лицемеров». Прежде чем он выступил в поход на Табук, несколько мединцев из племени бану салим (б. ганм б. ауф, хазраджитского рода, родственного бану амр б. ауф, жителям Кубы, предместья Медины) явились к Пророку, рассказали ему, что воздвигли особую мечеть, чтобы у слабых, больных и тех, кто не мог передвигаться, было место для молитвы, и объяснили, что в зимние дни, в дождь, и здоровым удобнее молиться в этом месте, нежели ходить в мечеть Кубы (ср. 1 г. х., § 29). Просители пригласили Магомета прийти однажды помолиться в избранном ими для богослужения месте и так дать ему желанное освящение. Магомет ответил неопределённо и отложил всякое решение до возвращения из похода, ссылаясь на то, что приготовления к нему поглощают всё его время. И аль-Вакиди, и Ибн Исхак мало определённы относительно точного содержания слов Пророка в ответ бану салим; но из аль-Вакиди следовало бы, что Магомет обещал прийти помолиться в новой мечети, как только вернётся в Медину. В постройке мечети участвовали, по Ибн Исхаку, 12, а по аль-Вакиди — 15 человек: Ибн Исхак даёт и их имена: (1) Хизам б. Халид из бану убайд б. зайд, из рода бану амр б. ауф, в доме (*дар*) которого была воздвигнута мечеть, названная *Масджид аш-шикак*, или Мечеть раскола; (2) Са‘лаба б. Хатиб из бану умайя б. зайд; (3) Му‘аттиб б. Кушайр из бану дубай‘а б. зайд; (4) Абу Хабиба б. аль-Аз‘ар из бану дубай‘а б. зайд; (5) Аббад б. Хунайф, брат Сахля б. Хунайфа, из бану амр б. ауф; (6) Джария б. Амир; (7) Муджамми‘ б. Джария б. Амир и (8) Зайд б. Джария б. Амир, сыновья предыдущего; (9) Набталь б. аль-Харис из бану дубай‘а; (10) Бахзадж из бану дубай‘а; (11) Баджад (у Табари — Биджад) б. Усман из бану дубай‘а; (12) Вади‘а б. Сабит из бану умайя б. зайд, из той же семьи (*рахт*), что и Абу Лубаба б. Абд аль-Мунзир[228]. Другие, как Абу Лубаба, тоже были причастны к постройке, доставив для неё материалы: Абу Лубаба дал балки, но утверждают, что он не знал истинных намерений строителей и был поэтому невиновен в тех проступках, за которые Магомет счёл затем нужным упразднить мечеть. Когда Пророк, возвращаясь из Табука, прибыл в Зу Аван, в часе пути от Медины, он узнал о том, что произошло в частной мечети, и немедленно решил её разрушить: ни Ибн Исхак, ни аль-Вакиди не уточняют, каковы были мотивы решения, и рассказывают лишь, что Магомет приказал двум сподвижникам, на которых мог положиться, хотя они и принадлежали к тому же племени, что и воздвигшие мечеть, а именно Малику б. ад-Духшуму, одному из бану салим, и Асиму б. Ади или его брату Ма‘ну б. Ади из бану-ль-аджлан, немедленно отправиться на место (в Кубу) и поджечь *Масджид ад-дирар*, или Мечеть противодействия[229]. Малик б. ад-Духшум с

[228] Аль-Вакиди (там же) говорит, что строителей было 15 человек, но даёт лишь одиннадцать различных имён и вполне ясным выражением (с. 411, стр. 5) включает в число строивших мечеть и тех двоих, которым Магомет приказал её разрушить. Ибн Исхак не включает их в свой список, но если известие аль-Вакиди верно, мы несколько лучше понимаем, что в действительности произошло. В перечне аль-Вакиди нет номера (10); номер (9) дан как Абдуллах б. Набталь б. аль-Харис, а номер (11) — как Наджжад б. Усман.

[229] Молчание источников о мотивах разрушения не в силах, однако, скрыть, каковы они были в действительности. Они ясно вытекают из того, на что намекается уже в Коране, и из того, что рассказывает аль-Вакиди (с. 411, стр. 22 и сл.) о мотивах, по которым лицемеры построили мечеть: видно, что среди

горящей пальмовой ветвью, взятой в жилищах его племени, побежал к мечети и поджёг её, когда люди ещё были в ней собраны. Никто не воспротивился приказам Пророка, мечеть была разрушена и сровнена с землёй: Абу Лубаба забрал свои балки и построил из них поблизости дом, но, говорят, в нём у него так и не родился сын, никогда не свил гнезда голубь и никогда не высиживала яиц курица. *Масджид ад-дирар* стала даже поводом к кораническому откровению (IX, 108–111, где говорится, что мечеть была построена с целью сеять раздоры между верующими и как «засада для того, кто прежде воевал против Бога и Его Пророка» [Вейль в своей «Жизни Магомета» предполагает, что здесь намёк на аскета Абу Амира ар-Рахиба (ср. 1 г. х., § 66; 3 г. х., §§ 18 и 31), который из Сирии поддерживал тайные сношения с некоторыми из *мунафикун*; ср. Rodwell, *The Koran*, с. 534, прим. 3]) (Хишам, с. 906–907; Вакиди — Веллхаузен, с. 410–411; Табари, I, с. 1704–1705; Асир, II, с. 215; *Хамис*, II, с. 144, стр. 11 и сл.).

Смерть Умм Кульсум (шаабан)

§ 53. — В этом году скончалась Умм Кульсум[230], дочь Пророка, в месяце шаабан, то есть когда он отсутствовал в походе на Табук: тело усопшей обмыли Асма бинт Умайс и Сафия бинт Абд аль-Мутталиб, тётка Пророка. Другие говорят, напротив, что тело обмыли женщины ансаров, среди которых одна по имени Умм Атийя, и что тело опустил в могилу Абу Тальха (который был, стало быть, одним из тех, кто не участвовал в походе на Табук) (Табари, I, с. 1722, со ссылкой на авторитет аль-Вакиди; Са‘д, VIII, с. 25, стр. 17; Асир, II, с. 222; *Хамис*, II, с. 155, стр. 11).

Обращение некоторых арабов кинана (ср. 6 г. х., § 35)

§ 54. — Прежде чем Магомет покинул Медину для похода на Табук, явился Васила б. аль-Аска‘ аль-Лайси, член великого племени кинана, жившего в окрестностях Мекки. Он обратился в ислам и, получив необходимые наставления от Пророка, вернулся в своё племя с намерением обратить его в новую веру. Но он встретил там столь сильное противодействие[231], что смог добиться лишь обращения сестры, тогда как

племён, живших в Кубе, быть может, из-за ислама, возникли досадные трения и что часть жителей этого предместья из вражды к другой задумала воздвигнуть себе собственную мечеть и быть поэтому избавленной от необходимости молиться вместе с теми, кого ненавидела. Магомет в момент выступления на Табук не отдал себе отчёта в этом факте, но во время пути двое из строителей мечети, быть может, имели возможность лучше разъяснить ему суть дела и открыть ему начало внутреннего раздора. Магомет понял, что нужно подавить сепаратистское движение, прежде чем оно успеет распространиться в недрах общины: причины были поэтому главным образом, а может быть, и исключительно политическими, а не религиозными: Магомет лишь принял суровую меру для поддержания общественного порядка и подавления опасных новшеств, которые могли поставить под угрозу целостность мусульманской общины. Если бы он допустил принцип, что каждое племя может иметь свою мечеть, он пробудил бы партикуляристский дух арабов, гибельную причину всех бед языческих времён.

[230] Согласно некоторым преданиям, Умм Кульсум была сначала женой своего двоюродного брата Утайбы б. Абу Лахаба, и это ещё до того, как Магомет начал проповедовать ислам. Когда же руки Абу Лахаба отсохли от знаменитого проклятия, произнесённого против него Пророком (ср. Введение, § 290), Утайба был побуждён развестись с женой как с дочерью того, кто погубил его отца. Умм Кульсум оставалась с Магометом в Мекке до Бегства и последовала за ним в изгнание, а когда скончалась её сестра Рукайя (ср. 2 г. х., § 86, № 1), Магомет, чтобы утешить своего зятя Усмана б. Аффана, отдал ему в жёны Умм Кульсум, которая оставалась со своим новым мужем до смерти (Са‘д, VIII, с. 25; *Хамис*, II, с. 155, стр. 11–14).

[231] Примечательно, что это племя, тесно связанное с курайшитами узами политическими и кровными и жившее у самой меккской территории, оставалось ещё языческим, несмотря на взятие Мекки и подчинение курайшитов.

отец объявил, что никогда больше не будет с ним разговаривать. Тогда Васила вернулся в Медину и нашёл, что Магомет уже выступил на Табук. Благодаря щедрости одного мусульманина, Ка‘ба б. Уджры, Васила получил верблюда, на котором форсированными переходами догнал Пророка и совершил с ним поход. Впоследствии он участвовал в походе на Думат аль-Джандаль под начальством Халида б. аль-Валида и своей долей добычи хотел теперь отплатить Ка‘бу б. Уджре за оказанную услугу; но тот отказался от всякого вознаграждения (Са‘д, с. 38–39, § 91; Вакиди — Велльхаузен, с. 404, называет его Васила б. аль-Аска‘; Шпренгер, III, с. 414–415).

Посольства арабских племён

§ 55. — «Говорит Ибн Исхак: когда Мухаммад завоевал Мекку и вернулся из Табука, и когда сакиф тоже обратились и присягнули ему на верность, тогда пришли делегации (*вуфуд*, посольства) со всех концов Аравии. Говорит Ибн Хишам: рассказал мне Абу Убайда, что это было в 9 г. х., который потому и назвали Годом делегаций (*санат аль-вуфуд*). Говорит Ибн Исхак: кочевые арабы ждали, прежде чем стать мусульманами, чтобы увидеть, каков будет исход борьбы между этим родом (*хайй*) курайшитов и Посланником Божиим, — и это потому, что курайшиты были вождями и руководителями людей, хозяевами святилища и священной территории, чистокровными (*сарих*) потомками Исма‘ила б. Ибрахима: и вожди арабов не отрицали этого, а курайшиты первыми стали воевать с Посланником Божиим и противиться ему. Поэтому, когда Мекка была завоёвана, и курайшиты покорились ему (Мухаммаду), и ислам их (курайшитов) смирил, арабы поняли, что у них нет средств воевать с Посланником Божиим и проявлять к нему вражду: тогда они вошли в религию Божию, как сказано в Коране, CX»[232] (Хишам, с. 933).

Посольство сакиф и их обращение в ислам (рамадан)

§ 56. — Состояние постоянной вражды с племенами, жившими вокруг Таифа и теперь подчинёнными Магомету и исламу, довело жителей этого города до крайней нужды: они не находили больше безопасного места, чтобы пасти скот, не могли выйти за стены, не подвергшись нападению, и не существовало больше тех тесных связей с Меккой, столь необходимых для их торговли и благосостояния. Обращение в ислам столь многих окрестных племён и непрерывные успехи Магомета в других частях Аравии способствовали тревоге сакиф, которые поняли, что, упорствуя в политике сопротивления, подвергаются тягчайшему риску и разорительным потерям людей и имущества. Поэтому по почину Амра б. Умайи, члена племени бану илладж и одного из хитрейших людей своего времени, и влиятельного Абд Ялиля б. Амра сакиф собрались

[232] Это подлинные слова Ибн Исхака, которые, однако, содержат различные неточности, между прочим, что арабы признавали курайшитов потомками Исма‘ила и вождями людей (*имам ан-нас ва хадийухум*): оба эти утверждения неверны и были лишь придуманы впоследствии мусульманскими передатчиками к вящей славе ислама, его основателя, меккской аристократии, господствовавшей в мусульманском мире в первом веке хиджры, и Аббасидов в Багдаде в последующие века. Очевидно, однако, что массовый приток посольств и делегаций в Медину (*афваджан*, многочисленными толпами, Коран, CX, 2) начался после похода на Табук и что постоянное пребывание Магомета в Медине почти полтора года было обусловлено именно многочисленными дипломатическими делами, которые Пророку пришлось улаживать. Примечательно, что название «Год делегаций» не употребляется Ибн Исхаком и, стало быть, относится к позднейшей эпохе.

на совет, чтобы обсудить, что лучше сделать. Убедившись уже в бесполезности продолжительного сопротивления, собравшиеся решили отправить в Медину делегацию для переговоров с Магометом об окончательном соглашении, которое урегулировало бы их отношения с ним.

По Ибн Са‘ду, сакиф снарядили настоящую экспедицию под начальством Абд Ялиля, который, кроме двух своих сыновей Кинаны и Раби‘и, взял с собой, говорят, также Шурахбиля б. Салиму, аль-Хакама б. Амра б. Вахба, Амра б. Абу-ль-Аса, Ауса б. Ауфа, Нумайра б. Хараша б. Раби‘у и семьсот вооружённых людей. Другие, более древние и надёжные версии сводят членов посольства всего к десяти людям, а по некоторым — всего к шести послам. По Ибн Исхаку, имена послов были следующие, а именно трое союзников (*ахляф*): (1) Абд Ялиль б. Амр, глава миссии и её оратор, (2) аль-Хакам б. Амр б. Вахб б. Му‘аттиб ас-Сакафи и (3) Шурахбиль б. Гайлян б. Салама б. Му‘аттиб ас-Сакафи; и трое членов племени бану малик, а именно: (4) Усман б. Абу-ль-Ас б. Бишр б. Абд Духман из племени бану ясар, (5) Аус б. Ауф из бану салим б. ауф и (6) Нумайр б. Хараша б. Раби‘а из бану-ль-харис. По другим версиям, к ним присоединился также (7) Суфьян б. Абдуллах. Послы покинули Таиф в рамадане и прибыли в Медину в том же месяце, когда Магомет уже вернулся из похода на Табук (Хишам, с. 914–915; Вакиди — Велльхаузен, с. 382; Са‘д, с. 44, § 97; Табари, I, с. 1688–1689, который даёт понять, что, по некоторым, посольство состоялось через несколько месяцев после убийства Урвы и, стало быть, до похода на Табук; Асир, II, с. 216–217; *Хамис*, II, с. 149).

§ 57. — Утверждают, что никто в Медине не проведал о решении сакиф вступить в соглашение с Пророком. Послы внезапно прибыли к Дар Харад в Вади Канат (аль-Вакиди говорит — в Зу Харад) и нашли там своего соплеменника аль-Мугиру б. Шу‘бу, которому в те дни выпала очередь стеречь пасущийся скот сподвижников. Предание хочет, чтобы эта встреча была случайной, но совпадение, что именно сакифит первым принёс весть в Медину, кажется подозрительным, и, быть может, мы должны считать, что отправке миссии предшествовали тайные интриги и что аль-Мугира, человек весьма хитрый, был посредником первых переговоров. Теперь он побежал сообщить новость Абу Бакру, а тот поспешил передать её Магомету, который выказал большое удовольствие и намерение быть щедрым и великодушным в условиях. Аль-Мугира принял соплеменников у себя дома, в имении в аль-Баки‘, которое подарил ему Пророк: для части послов, однако, Магомет пожелал, чтобы приготовили кожаный шатёр (другие версии говорят — три шалаша) в самом дворе мечети, с намерением, чтобы они привыкли к обычаям и богослужению мусульман и тем больше были побуждены обратиться. Тогда аль-Мугира устроил первую встречу послов с Магометом, которая должна была состояться в мечети: он хотел убедить сакиф приветствовать по мусульманскому обычаю «Мир вам», но послы упёрлись и настояли на древнем языческом приветствии *ни ‘м сабахан* (доброе утро!, собств. «да будет тебе хороша жизнь поутру!»). Магомет не обиделся на это, когда принимал их в мечети, и после первой официальной встречи начались переговоры. Трое из послов, трое членов племени бану малик, поселились в шалашах или шатрах, воздвигнутых в мечети; но так как переговоры длились очень долго, послы взяли обыкновение есть и умываться в

доме аль-Мугиры. Всегда подозрительные, сакиф никогда не хотели брать никакой пищи из той, что посылал им Магомет, если её прежде не отведал Халид б. Са‘ид б. аль-Ас, который по приказу Магомета взял на себя обязанности посредника во время переговоров. Все расходы на содержание нёс Пророк. Послы приходили каждый день беседовать с Магометом в мечеть, и Пророк умело затягивал дело и прождал несколько дней, прежде чем начать настоящие и правильные обсуждения условий соглашения. Не желая задеть чрезмерную обидчивость этого гордого арабского рода, в первой проповеди (*хутба*), которую он произнёс в их присутствии, он не стал настаивать на том, что он — Посланник Божий. Но сакиф не преминули заметить это упущение, и так как они заговорили о нём с другими, в следующей речи Магомет не упустил прямо заявить, какова его миссия и каковы его полномочия. Оратором послов был Абд Ялиль, говоривший от имени всех; но переговоры всегда велись через Халида б. Са‘ида и никогда непосредственно между Магометом и сакиф. В ходе переговоров самый младший из членов миссии, Усман б. Абу-ль-Ас, которого всегда оставляли стеречь верблюдов, имел обыкновение тайком ходить к Пророку или, если тот спал, навещал старого Абу Бакра, чтобы получать наставления в учении ислама и в Коране, так что он стал мусульманином гораздо раньше товарищей и без того, чтобы они имели о том малейшее подозрение (Хишам, с. 915–916; Вакиди — Велльхаузен, с. 382–383; Са‘д, с. 44, § 97; Табари, I, с. 1689–1691; Асир, II, с. 217; *Хамис*, II, с. 149–150).

§ 58. — Переговоры были долгими и трудными, ибо сакиф выдвинули большие притязания: они были готовы принять ислам, но требовали прежде всего грамоты или писания Пророка, которое защищало бы их от всякого насилия и гарантировало безопасность их лиц и их движимого и недвижимого имущества. На это Магомет был готов согласиться, но сакиф требовали ещё и другого, на что Магомет никоим образом не мог пойти: они хотели позволения на блуд (*аз-зина*)[233], ибо, как они говорили, им часто приходится подолгу отсутствовать из дома; они хотели отмены постановлений, запрещающих ссуду денег под ростовщический процент; они хотели позволения пить вино со своих больших и богатых виноградников и, наконец, — величайшая трудность из всех — позволения продолжать почитание ар-Раббы, или Госпожи, то есть божества аль-Лат. По этим четырём пунктам Магомет остался непреклонен, и обсуждения были

[233] Под словом *зина* мы не должны понимать продажную проституцию более новых времён, а древнейшую систему полиандрии, наследие доисторических времён, которая ещё держалась в различных частях Аравии и которая для араба-язычника не заключала в себе никакого позора ни для мужчины, ни для женщины, ни для детей, рождавшихся от таких случайных союзов (ср. Robertson [Smith], гл. IV и V, и особенно с. 161 и 168). Семейная нравственность древней Аравии именно вследствие существования в первобытную эпоху систем, известных под именем матриархата и полиандрии, была весьма неопределённой: в физических отношениях между полами можно сказать, что понятия нравственности вовсе не существовало. Лишь незадолго до Магомета наконец возобладало понятие происхождения по мужской линии над древним понятием происхождения по женской линии: и интереснейшие исследования Робертсона Смита показали, что во времена Магомета в Аравии ещё существовали многочисленные следы древней полиандрии. Брачная система, освящённая Магометом, который прежде всего обуздал крайнюю лёгкость развода, явилась большим прогрессом по сравнению с древней системой, равнозначной, по нашим понятиям, узаконенной проституции всех женщин; поэтому одним из пунктов, на которых Пророк особенно хотел настоять, было именно полное прекращение даже последних следов полиандрии, которую он назвал *зина* и которую последующие поколения, плохо понимая условия древней Аравии, сочли означающей продажную проституцию (ср. Robertson, там же, с. 165, прим. 1; см. также бесчисленные места из *Агани* и т. д., собранные со скудной критикой или без всякой критики других источников в труде Perron, *Femmes arabes avant et depuis l’Islamisme*).

медленными и утомительными. Сакиф оставили три первых притязания, но долго не уступали в последнем. Они просили позволить им по крайней мере продолжать почитание аль-Лат три года; затем сократили притязания до двух, наконец до одного года; пытались даже вырвать уступку в один месяц; но Магомет, не идя на сделку в этом пункте, в конце концов добился того, чего хотел. Единственной уступкой, сделанной Магометом, согласно преданию, было то, что он освободил сакиф от ненавистного поручения разрушить своё божество и приказал вместо этого Абу Суфьяну б. Харбу и аль-Мугире б. Шу‘бе позаботиться о низвержении идола. Выдвинутая послами просьба освободить жителей Таифа от тягостной обязанности пяти ежедневных молитв была также отвергнута Магометом, который ответил, что ничего не стоит религия без молитвы. Предание заботится сообщить нам, в каких пунктах сакиф уступили Магомету, но хранит полнейшее молчание о других предметах обсуждения, по которым тоже велись переговоры и по которым Пророк, вероятно, должен был пойти на уступки. Это молчание тем более примечательно, что, тогда как у нас изобилие ничтожных договоров, касающихся многих частей племён, до нас не дошло ни одной фразы договора, заключённого между Магометом и сакиф, несмотря на его великую важность. Предание тем не менее утверждает, что договор был заключён по всей форме, и сам Ибн Са‘д, хотя и подробно рассказывает о событиях, предшествовавших его заключению, опускает его текст[234]. Единственные уступки, которые можно проследить, — это, быть может, некоторые облегчения в соблюдении поста рамадана[235] и позволение сохранить священный и заповедный характер

[234] Ибн Са‘д довольствуется следующим лаконичным упоминанием: «И Мухаммад написал сакиф писание: что они имеют право на покровительство (*зимма*) Бога и на покровительство Мухаммада б. Абдуллаха (без упоминания его звания Пророка Божия!) согласно тому, что он для них написал». Документ, написанный Халидом б. Са‘идом при свидетелях Хасане и Хусайне, был вручён Нумайру б. Хараше (Са‘д, с. 23, § 62). Такая крайняя краткость Ибн Са‘да заставляет подозревать, что мусульманские передатчики по какой-то особой причине сочли уместным изгладить память о договоре и его текст. Быть может, Магомет сделал в нём какую-то уступку, которая впоследствии уже не согласовывалась с богословскими учениями позднейших систематиков. Подчинение сакиф было великим торжеством Магомета, и вероятно, что, лишь бы добиться его, он уступил в каком-то второстепенном пункте, который затем был отставлен и забыт, когда жители Таифа стали истинными и убеждёнными мусульманами и поняли все бесчисленные выгоды отказа от старых порядков и следования новым. Два имени, Хасан и Хусайн (первому было тогда 6 лет, Хаджар, I, с. 673, посл. стр., а второму всего 5 лет, Хаджар, I, с. 682, первая стр.), — интерполяции.

[235] Намёк на малоясные выражения анекдота, приводимого как Ибн Хишамом, так и Вакиди — Велльхаузеном, в котором, кажется, сказано, что Магомет позволил послам сакиф прерывать пост рамадана прежде, чем солнце зайдёт за горизонт, и продолжать есть ещё некоторое время после восхода солнца.

языческого святилища Вадж[236] (Са‘д, с. 44–45, § 97; Вакиди — Велльхаузен, с. 383; Хишам, с. 916–917; Табари, I, с. 1690–1691; *Хамис*, II, с. 150–151).

§ 59. — Когда наконец все переговоры были окончены, послы собрались уезжать, и Магомет установил, что Усман б. Абу-ль-Ас, хотя и самый младший из них, должен руководить молитвами, ибо из послов он выказал наибольшее рвение к исламу. При отъезде Магомет наказал Усману, чтобы он, руководя молитвами, не подвергал своих сограждан слишком суровому испытанию, а соразмерялся с мерой самых слабых (то есть тех, кто наименее охотно совершал молитвы): приказал также не брать *муаззина* за плату. По Ибн Исхаку, вместе с послами по приказу Пророка отправились также аль-Мугира б. Шу‘ба и Абу Суфьян б. Харб, которые должны были разрушить идола аль-Лат. У аль-Вакиди же другая версия: оба уполномоченных отправились после послов и прибыли в Таиф, когда сакиф уже знали условия договора и оставили всякую мысль отвергнуть соглашение, заключённое их послами. Версия аль-Вакиди о возвращении сакифитской миссии имеет несколько романический вид. Когда послы прибыли в окрестности Таифа, Абд Ялиль посоветовал товарищам представиться согражданам так, будто переговоры не удались, и открыть факты, как они действительно произошли, лишь тогда, когда упавшие духом сакиф выкажут нежелание бороться дальше против Магомета: Абд Ялиль предвидел, что, едва сакиф узнают о заключённых условиях, они предадутся порыву гнева против Пророка и что поэтому лучше подождать с полным докладом о деле, пока это ожесточение не испарится. Порешив так, они вернулись в Таиф с закрытыми лицами и с видом людей, не несущих добрых вестей; пройдя так в молчании через город, они совершили обычный акт почитания ар-Раббы (аль-Лат) (как будто они уже не стали мусульманами!). Затем они разошлись и вернулись каждый в лоно своей семьи, сообщая условия договора так, будто делегация не пожелала их принять, потому что они слишком тяжелы, и призывая всех готовиться к новой осаде по меньшей мере на два года, ибо, говорили они, Магомет не станет осаждать Таиф

[236] Об этой уступке у нас есть следующие известия: послы просили Магомета объявить священной (территорию) Вадж, и он согласился следующим писанием: «Это писание Мухаммада, Расуль Аллах, верующим. Пусть не рубят ни деревьев *‘иддах*, ни дичи Ваджа: кто будет пойман за этим, будет схвачен и приведён к Пророку (*наби*). Это приказ Пророка Мухаммада б. Абдуллаха, *расуль Аллах*. И написал это Халид б. Са‘ид по приказу Пророка Мухаммада б. Абдуллаха: и пусть никто не нарушает этого, ибо сделает это себе во вред, в отношении того, что приказал Мухаммад, Расуль Аллах» (Са‘д, с. 23, § 62). Версия аль-Вакиди несколько отличается: «Относительно священной заповедной ограды (*хима*) Ваджа Магомет выдал следующее писание: деревья *‘иддах* и дичь Ваджа не должны тревожиться, и кто будет пойман на проступке, получит удары и должен будет лишиться одежды; а кто поступит против этих приказов, будет арестован и приведён к пророку Мухаммаду и т. д.»; остальное — как в предыдущей. Хранителем *химы* Ваджа был назначен Са‘д б. Абу Ваккас (Вакиди — Велльхаузен, с. 386; ср. также Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 129, прим. 1, где уточняется, что лишение одежды было одним из обычных наказаний в языческие времена для нарушителей заповедных мест святилищ; Хишам, с. 918–919, даёт почти такую же версию; ср. также Асир, IV, с. 381 и сл. и III, с. 212, стр. 14; Шпренгер, III, с. 486; Якут, IV, с. 904. Вадж в мусульманские времена стал названием местности, но в языческие времена был именем божества, которое было «славой, заступником и опорой» сакиф. Ср. Якут, там же, предпосл. стр., стихи Абу-с-Сальта). Впоследствии вся долина, или низина, в которой стоял город Таиф, стала называться Батн Вадж (Wellhausen, *Reste*, с. 30), и, стало быть, документ Магомета даровал будто бы Таифу привилегию, равную той, что имела Мекка со своим *харамом*, или священной территорией. Такое положение вещей, однако, не подтверждается фактами, известными в исторические времена. О *химе* Ваджа царит большая неясность, и, вероятно, привилегия, дарованная Магометом из любезности к наиболее консервативным язычникам Таифа, вышла из употребления и была забыта, когда ислам слился с населением этих мест и не стало больше язычников, которым *хима* Ваджа могла быть приятна. Якут не упоминает об уступке Магомета (*Агани*, IV, с. 75, стр. 18, содержит выражение *аль-вади фи Вадж*; ср. также острые замечания Robertson Smith, *The Religion of the Semites*, с. 142 и прим.).

дольше этого срока. Сакиф сначала согласились с этим намерением и объявили себя готовыми вооружиться и вырыть ров вокруг стен, но через пару дней, когда прошло первое раздражение, пали духом. Когда это уныние успокоило Абд Ялиля насчёт собственной безопасности, он открыл, как проходили переговоры, и добился того, что сограждане приняли условия договора, покорившись и разрушению аль-Лат руками Абу Суфьяна и аль-Мугиры. Когда всё было теперь улажено, в Таиф пришли два уполномоченных Пророка, чтобы разрушить идола. Абу Суфьян не осмелился войти в город, а остался в своём имении Зу-ль-Хадм (Табари, I, с. 1692, стр. 1, даёт Зу-ль-Харм) в окрестностях и послал вперёд аль-Мугиру, у которого было много родственников в Таифе и который мог лучше его рассчитывать на защиту одного из племён. Аль-Мугира смело выступил вперёд в сопровождении двух сакифитов, Абу Малиха б. Урвы и Кариба б. аль-Асвада, и ещё восьми человек. Он переночевал у родственников в Таифе и, собрав то ядро единокровных, которого было достаточно, чтобы защитить его от любого нападения, принялся с топором за дело разрушения. Войдя рано утром в храм, он взобрался на голову идола и, замахнувшись для первого удара, притворился, что лишился чувств. Вокруг отряда бану му‘аттиб, стоявшего там, чтобы защищать его, теснилась многочисленная толпа мужчин, женщин и детей, пришедшая посмотреть на зрелище: когда аль-Мугира притворился, что лишился чувств и упал, толпа, сочувствовавшая идолу, подняла радостный крик, но вскоре была разочарована, когда аль-Мугира, разом поднявшись, открыл, что хотел посмеяться над ними; он высмеял также своих сограждан, сказав, что они не то, чем себя считают, то есть умнейшие из арабов, а глупейшие. Окончив краткую комедию, аль-Мугира начал наносить удары топором по идолу и совершенно разрушил его, уничтожив затем обломки огнём[237]. Аль-Мугира завладел сокровищем, принадлежавшим идолу, состоявшим из украшений, развешанных вокруг изображения, и из подземного тайника с золотом, драгоценными камнями, ценными одеждами, благовониями и серебром. Это добро было затем передано Пророку[238], который часть его подарил двум сакифитам, Абу-ль-Малиху и Карибу, часть — другим, а остальное посвятил благотворительным целям и покупке оружия (Вакиди — Велльхаузен, с. 384–385; Хишам, с. 917–918; Табари, I, с. 1691–1692; *Хамис*, II, с. 151–152).

Посольство царей Химьяра (в Йемене) (рамадан)

§ 60. — (Аль-Вакиди.) В рамадане 9 г. х. к Магомету в Медину явился некий Малик б. Мурара ар-Рухави, посол царей Химьяра (*расуль мулюк Химьяр*)[239], податель

[237] Об идоле аль-Лат и о культе, предметом которого он был, ср. Wellhausen, *Reste*, с. 29–34; Kremer, *Studien*, III, с. 3 и сл.; а о нынешнем состоянии гранитной глыбы, которую мусульмане ныне, быть может, с полным основанием показывают в Таифе иностранцам как древнего идола аль-Лат, ср. Doughty, II, с. 516. Если местное предание не ошибается, аль-Лат была, стало быть, каменной глыбой, которую аль-Мугира не мог ни разбить ударами топора, ни сжечь. Быть может, у идола было какое-то деревянное покрытие или часовня, как было, например, у идола Зу-ль-Халаса (ср. Kremer, *Studien*, III, с. 6).

[238] Следует заметить, что Ибн Исхак совершенно опускает всякое упоминание о возвращении сакифитских послов в Таиф и о хитрости, придуманной Абд Ялилем, чтобы, не подвергаясь опасности для жизни, склонить сограждан принять условия договора: вероятно поэтому, что вся историйка аль-Вакиди может быть вымышленной реконструкцией сцены и плодом фантазии передатчиков.

[239] О политическом и общественном устройстве Химьяра в доисламскую эпоху, как оно явствует из химьяритских надписей, ср. исследования D. H. Müller, *Südarabische Studien*, *Die Burgen und Schlösser Südarabiens nach dem Iklîl des Hamdânî* (*Sitzungsberichte d. K. K. Akad. d. Wiss.* в Вене, филол.-ист. класс, т. 94 и

письма от них, в котором возвещалось об их обращении в ислам. (Так называемыми царями Химьяра были, как следует из нижеприводимых известий, три химьяритских князя: аль-Харис б. Абд Кулял, Ну‘айм б. Абд Кулял и ан-Ну‘ман, князь (*кайль*) трёх племён — Зу Ру‘айн, Ма‘афир и Хамдан.)

Магомет приказал Билялю поместить посла, оказать ему все почести и снабдить всем, в чём он мог нуждаться. Вернувшись в те дни из похода против греков, в *Ард ар-Рум*, Пророк поспешил ответить трём князьям, поздравляя их с обращением и уточняя, что с новой религией главными обязанностями верующих являются: повиновение Богу и Его Пророку, молитва, подать бедным (*аз-закят*) и пятая часть военной добычи, отдаваемая Богу и Его Пророку, привилегия Пророка выбирать себе одну вещь до раздела добычи (*сафийй*) и уплата *садаки* (или законной милостыни) всеми верующими (Са‘д, с. 75–76, § 142; Хишам, с. 955; Табари, I, с. 1717; Асир, II, с. 221).

§ 61. — Хишам, с. 955 и сл., утверждает, что йеменского посла звали Малик б. Мурра ар-Рахави и что его послал Зур‘а Зу Язан с вестью, что он и другие князья химьяр, среди которых аль-Харис б. Абд Кулял, Ну‘айм б. Абд Кулял, ан-Ну‘ман, *кайль* (или князь) Зу Ру‘айн, ма‘афир и хамдан, все приняли ислам и отделились от идолопоклонников. Магомет ответил им следующим писанием:

«(Во имя Бога милостивого и милосердного.) От Мухаммада, Расуль Аллах, ан-Наби, к аль-Харису б. Абд Кулялю, к Ну‘айму б. Абд Кулялю и к ан-Ну‘ману, *кайлю* Зу Ру‘айн, Ма‘афира и Хамдана. Итак: я возношу за вас хвалу Богу, тому Богу, кроме которого нет иных. Итак: ваш посол встретил нас при нашем возвращении из страны греков (т. е. из похода на Табук), мы встретились с ним в аль-Медине, и он сообщил нам о том, ради чего вы его послали: он дал нам весть о ваших делах и возвестил нам о вашем обращении в ислам и о вашей войне с идолопоклонниками. Поистине, Бог повёл вас прямым путём, который Он указал, если будете поступать праведно: (а именно) если будете повиноваться Богу и Его Посланнику, если будете совершать молитву, если будете платить подать бедным (*закят*), если будете отдавать пятую часть добычи сверх доли (*сахм*) Посланника и его избранной доли (*сафийй*) и если (будете отдавать) из подати *ас-садака* то, что предписано верующим, (а именно) десятую часть того, что орошается колодезной водой, и десятую часть того, что орошается дождевой водой, а также половину (десятины) того, что орошается обильными ручьями (*гарб*: перевод Вейля ошибочен: „die durch Eimer getränkt werden”); (если будете давать) с каждых сорока верблюдов (*ибиль*) молодую верблюдицу двух-трёх лет (*ибнат лябун*), и с каждых тридцати верблюдов молодого верблюда мужского пола двух-трёх лет (*ибн лябун*), и с каждых пяти верблюдов овцу, и с каждых десяти верблюдов двух овец, и с каждых сорока коров корову, и с каждых тридцати коров отнятого от матери телёнка (*таби‘ джаза‘*), и с каждых сорока овец племенную овцу (*са’има*), пасущуюся самостоятельно. Таков взнос (*фарида*), наложенный Богом на верующих податью *ас-садака*. Кто платит больше, делает себе благо. Кто исправно повинуется этим предписаниям, кто может привести свидетелей в доказательство своего обращения в ислам и кто помогает истинным верующим против идолопоклонников, тот — истинный

97). Ср. также Lenormant, *Lettre à M. Jos. Halévy sur l’inscription himyaritique du temple du dieu Yat’â à Abian près Aden* (в т. II «Lettres assyriologiques», с. 43 и сл.).

верующий, пользующийся правами и несущий обязанности всех верующих: он имеет право на покровительство (*зимма*) Бога и на покровительство Его Посланника. И христиане, и евреи, обратившиеся в ислам, будут истинными верующими и будут иметь их права и обязанности. Если же те, кто следует иудейской или христианской религии, не захотят от неё отречься, они будут обязаны платить подать *аль-джизья* за каждого взрослого мужчину, или свободную женщину, или раба — полный динар по стоимости ма‘афирского, или ткань той же стоимости. Кто исправно платит это Посланнику Божию, будет иметь право на покровительство (*зимма*) Бога и на покровительство Его Посланника. Кто отказывается — враг Бога и Его Посланника. Итак: Посланник Божий Мухаммад ан-Наби посылает Зур‘е Зу Язану следующее послание: прибыли к вам мои послы, и я наказываю вам обходиться с ними благосклонно: (это) Му‘аз б. Джабаль, Абдуллах б. Зайд, Малик б. Убада, Укба б. Нимр, Малик б. Мурра и их товарищи. Соберите суммы податей *ас-садака* и *аль-джизья* с ваших округов (*махалиф*) и передайте их моим послам, начальником (*амир*) которых является Му‘аз б. Джабаль, чтобы они вернулись довольными. Итак: Мухаммад свидетельствует, что нет иного бога, кроме Бога, рабом и Посланником которого он является. Затем (говорит): Малик б. Мурра ар-Рахави рассказал мне, что ты был одним из первых среди химьяр, кто обратился в ислам и пошёл войной на идолопоклонников; так прими же благую весть! Обходись хорошо с химьяр! Не устраивайте обманов и не совершайте предательств! Посланник Божий — покровитель ваших богатых и ваших бедных. Подать *ас-садака* не обязательна ни для Мухаммада, ни для его семьи: поистине, это подать для бедных, которую следует распределять между бедными мусульманами и путниками. Малик принёс весть и сохранил тайну: обходитесь с ним хорошо! Я послал к вам добрых людей из моего народа, первых в вере и первых в (религиозном) знании: обходитесь с ними хорошо, как им подобает. И мир вам, и милость Божия, и Его благословение» (Хишам, с. 955–957; Йа‘куби, II, с. 87–89; Табари, I, с. 1718, стр. 4 — с. 1720, стр. 6).

Я привёл этот документ полностью, потому что он содержит полезные фактические сведения о способе взимания и размере податей в самые первые времена ислама, хотя позволительно сильно сомневаться в его подлинности. Балазури, с. 70, приводит краткое письмо Пророка к Зур‘е б. Зу Язану (сокращённую версию предыдущего), в котором он извещает его о прибытии Му‘аза б. Джабаля и его товарищей, приказывая химьяритскому князю передать Му‘азу сумму всех податей, ибо узнал от его посла Малика б. Мурары ар-Рахави, что Зур‘а и его товарищи стали мусульманами и порвали всякие отношения с идолопоклонниками. Балазури, с. 71, добавляет к именам царей Химьяра также Шарха б. Абд Каляля (читай: Куляля).

§ 62. — Существует ещё одна версия ответа Магомета царям Химьяра: её приводит Ибн Са‘д уже не со ссылкой на аль-Вакиди, а на аль-Мадаини, от Язида б. Ийяза, от Ибн Шихаба аз-Зухри. Текст письма, написанного Пророком, иной: он содержит лишь цитаты из Корана и никаких точных предписаний об обязанностях новых мусульман. Иные и имена князей Химьяра: аль-Харис, Масрух и Ну‘айм б. Абд Кулял. Затем у нас есть некоторые сказочные подробности о том, как письмо Пророка было доставлено царям Химьяра особым послом Пророка по имени Айяш б. Абу Раби‘а аль-Махзуми: опускаем этот рассказ, ибо он, несомненно, легендарен, отмечая лишь то,

чему справедливо придаёт значение Велльхаузен, а именно упоминание о трёх посохах — одном из тамариска бело-жёлтого цвета, одном, полном сучков, и одном, чёрном, как эбеновое дерево, у которых химьяр собирались и к которым обращали свои молитвы. Эти три посоха были публично сожжены и уничтожены на рынке. Это известие — одно из немногих, какие у нас есть о редкой форме идолопоклонства, называемой рабдолатрией, или поклонением деревянным палочкам, которая могла родиться из палочек заклинателей (рабдомантии). По этому поводу Велльхаузен приводит место Библии: Осия, IV, 12, где упоминается посох, который вопрошают и который даёт ответ. Айяш б. Абу Раби‘а исполнил свою миссию без происшествий (Са‘д, с. 21, § 56).

§ 63. — Ибн Са‘д намекает и в третьем месте на письмо, написанное Магометом царям Химьяра, но с обычным беспорядком говорит, что оно было обращено к народу Йемена (*ахль аль-Йаман*) и что подателями его были Малик б. Мурара (ар-Рухави) и Му‘аз б. Джабаль. Письмо содержало наставления о религиозных обязанностях новых мусульман и о характере и размере податей, которые мусульмане должны были платить. Затем сказано: «И Мухаммад написал множеству людей Йемена, указав их по именам; написал, то есть, между прочим также аль-Харису б. Абд Кулялю, Шурайху б. Абд Кулялю, Ну‘айму б. Абд Кулялю и ан-Ну‘ману, князю (*кайль*) Зу Язана, Ма‘афира и Хамдана; (написал также) Зур‘е Зу Ру‘айну, одному из первых среди химьяр, обратившихся в ислам: всем им он приказал собрать сумму податей, *ас-садака* и *аль-джизья*, и передать её в руки двух послов, Му‘аза б. Джабаля и Малика б. Мурары, за обоих которых он прибавил рекомендации». Малик б. Мурара уже был послом йеменцев к Магомету, и потому тот назначил его своим особым послом. Магомет написал по этому случаю также бану му‘авия, ветви кинда, в том же смысле, что и химьяр. Написал равным образом бану амр, ветви химьяр, приглашая их принять ислам. Письмо написал Халид б. Са‘ид б. аль-Ас (Са‘д, с. 6–7, § 11; Йа‘куби, II, с. 84; Шпренгер, III, с. 449; Асир, II, с. 221; ср. также *Хамис*, II, с. 153–154)[240].

§ 64. — (Вероятно, спустя довольно долгое время после предыдущих писем.) Магомет написал письма Зу-ль-Куля‘у б. Накуру б. Малику б. Хассану б. Тубба‘у и Зу Амру (оба химьяриты), приглашая их принять ислам: подателем послания Пророка был

[240] Трудно дать уверенное суждение об исторической ценности преданий, содержащихся в трёх предыдущих параграфах, ибо предания о *ридде* 11 и 12 г. х. не помогают нам установить их истинность. Документы все весьма сомнительной подлинности и имеют сильный апокрифический привкус, кажась сочинениями позднейших эпох. Во всяком случае можно сказать, что химьяр не приняли никакого деятельного участия в событиях 11 и 12 г. х., и из молчания лучших источников следует заключить, что они были одним из многочисленных родов, которые в 12 г. х., после смерти Магомета, мирно приняли ислам, не оказав серьёзного сопротивления новому порядку вещей, но и ничего не сделав, чтобы помочь мединскому правительству. Примечательно, однако, что химьяр числятся среди первых жителей Йемена, присоединившихся к завоеваниям в Сирии. Так по крайней мере утверждают несколько источников, но, к сожалению, не лучшие, так что известие следует принимать с некоторой оговоркой. Известно ведь, что после завоеваний в Сирии переселялись преимущественно йеменские арабы (ср. *Futuh Lees*, с. 12, стр. 5–7): отсюда и родилось у сирийских передатчиков желание показать, что тем же йеменцам принадлежит и слава завоевания; из того же чувства родилась затем и потребность показать, что йеменцы обратились ещё при жизни Магомета. Заметим, что Галеви (*ZDMG*, XXXII, с. 175) настаивает на том, что йеменцы не участвовали в первых завоеваниях в Сирии. Тем не менее, если не считать предания настоящих §§ совершенно апокрифическими, мы, быть может, можем с относительной уверенностью полагать, что какой-нибудь влиятельный вождь химьяр, быть может, по причинам, аналогичным тем, о которых мы упоминали в связи с Бахрейном, тайно вёл переговоры с Пророком. Но то, что утверждает Бухари (ср. § 65, прим. 2), даёт основание подозревать, что содержание всех этих параграфов может быть в значительной мере вымыслом передатчиков, чтобы придать исламское благородство героям завоеваний.

Джарир б. Абдуллах аль-Баджали, из рода баджила, который добился того, чего хотел Пророк, и склонил обоих йеменцев стать мусульманами, обратив также жену Зу-ль-Куля‘а, Дурайбу бинт Абраха б. ас-Саббах (то есть дочь абиссинского правителя Йемена, разбитого и убитого в Походе слона сто лет назад!) (ср. Шпренгер, III, с. 450, прим. Обращение этих йеменцев, по Шпренгеру, там же, было вынужденным, ибо они не могли не повиноваться требованиям Пророка: он не даёт, однако, источников этого известия). Мусульманский посол Джарир б. Абдуллах оставался при дворе этих йеменских князей до времени смерти Пророка (в 11 г. х.), когда, получив от Зу Амра известие, что Мухаммад скончался, тотчас вернулся в Медину (Са‘д, с. 7–8, § 13; Йа‘куби, II, с. 84)[241].

§ 65. — От Ибн Хаджара (I, с. 1007, № 2493) мы узнаём, что, когда Зу-ль-Куля‘[242] обратился в ислам, он отпустил на свободу 4000 (?) рабов. В том же источнике говорится затем, что он пришёл в Медину (во времена Умара) с другими четырьмя тысячами рабов и освободил и этих по настоянию халифа. О его имени в тексте Ибн Хаджара царит большая неопределённость, и утверждают, что его звали Асмайфа‘, или Самайфа‘, или Айфа‘ б. Бакура; говорят, что он был сыном Хаушаба б. Амра б. Я‘фура б. Язида б. ан-Ну‘мана аль-Химьяри и носил кунью Абу Шурахбиль[243], или Абу Шарахиль. — Источники этих известий весьма подозрительны.

Посольства хамдан

§ 66. — Ибн Исхак рассказывает, что посольство хамдан пришло в Медину после похода на Табук; но некоторые предания сомнительной подлинности, сохранённые Ибн Са‘дом со ссылкой на малонадёжный авторитет Ибн аль-Кальби [† 204 г. х.], намекают на отношения, существовавшие между хамдан и Магометом ещё с того времени, когда Пророк проповедовал толпам язычников, собиравшимся в Мине во время ежегодных празднеств в Мекке, до Бегства[244]. Утверждают, что по этому случаю один хамданит по имени Кайс б. Малик б. Са‘д б. Малик б. Ла’и аль-Архаби аль-Хамдани принял ислам и, вернувшись затем в лоно своего племени, обратил многих, которые взяли обыкновение омываться перед молитвами в долине аль-Махура и молиться, обратившись в направлении *киблы* (не сказано — к Мекке или к Иерусалиму: ср. 2 г. х., §§ 24–27). Затем (тоже до Бегства) Кайс вернулся к Пророку, рассказал ему о случившемся и получил из его рук грамоту, вверявшую ему духовное руководство хамдан, то есть различными ветвями этого племени, называвшимися ахмур и гарб, а также смешанными (*хала’ит*) и клиентами. Вместе с тем он приказывал всем хамдан

[241] Имя Джарира бросает, однако, тень на это предание, ибо его обращение произошло в 10 г. х. (ср. 10 г. х., § 27), незадолго до смерти Пророка.

[242] Этот Зу-ль-Куля‘, согласно, впрочем, малонадёжным источникам, сражался за мусульман во время завоевательных войн и был одним из воинов Ярмука: несомненно, однако, что он был убит в битве при Сиффине в 37 г. х., сражаясь за Му‘авию во главе войск Химса (Хаджар, там же; см. также о Зу Амре аль-Химьяри у того же автора; Хаджар, I, с. 1006, № 2491).

[243] Шурахбиль, сын Зу-ль-Куля‘а, был убит в битве при аль-Хазире в качестве начальника сирийских йеменцев, а его семья, Аль Зу-ль-Куля‘, или аль-Куля‘ийун, жила в окрестностях Химса (или Эмесы) (Табари, II, с. 480, стр. 9; Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, с. 106, прим. 2). По Бухари (III, с. 63), Зу Амр и Зу-ль-Куля‘ ещё не были мусульманами во время смерти Магомета (ср. Wellhausen, там же).

[244] Хамдан населяли в Южном Йемене область, граничившую с округом Сан‘а, в гористой местности к востоку от этого города (Wüstenfeld, *Register*, с. 200).

повиноваться Мухаммаду и обеспечивал всем покровительство Бога и Пророка, пока они совершают молитву и платят подать бедным (*закят*). Наконец, он назначил Кайсу доход в 300 *фараков* (йеменская мера объёма), из которых двести *фараков* должны были поставляться ему с имения Хайван, половина — *рабиб*(?) и половина — *зурра*, а сто *фараков* должны были поступать ему из Умран аль-Джауфа, все пшеницей (*бурр*). Ибн аль-Кальби, сообщая эти известия, добавляет, что род ахмур состоял из племён кудам, Аль Зу Мурран, Аль Зу Ля‘ва и Азва Хамдан (то есть других хамданитских племён). Род гарб, по тому же авторитету, состоял из следующих племён: архаб, нихм, шакир, вади‘а, ям, мурхиба, далан, хариф, узар и хаджур. Нечто подобное Ибн аль-Кальби рассказывает и о другом хамданите, Абдуллахе б. Кайсе б. Умм Газале аль-Архаби, который тоже будто бы обратился во время проповедей Магомета племенам, собравшимся в Мине, до Бегства, но мы узнаём также, что он был убит одним зубайдитом по возвращении домой (Са‘д, с. 64–65, § 124).

§ 67. — Подлинное же посольство хамдан пришло в Медину после похода на Табук; в него входили: (1) Малик б. Намат; (2) Абу Саур Зу-ль-Миш‘ар (или Зу Миш‘ар) (из следующего текста, однако, следовало бы, что (1) и (2) — одно лицо); (3) Малик б. Айфа‘; (4) Димам б. Малик ас-Сальмани; (5) Умайра б. Малик аль-Харифи (или Амира б. Малик); (6) Хамза б. Малик из Зу Миш‘ар. Послы явились в Медину, одетые в короткие туники (*хибарат*) и в аденские тюрбаны, и Ибн Са‘д добавляет, что на тканях одежд были парчовые вышивки (*дибадж*); у них были сёдла из дерева *майс* и ехали они на знаменитых верблюдах Махры и Архаба. Малик б. Намат как глава миссии обратился с речью к Пророку и возвестил об обращении племени, которое также восхвалил в напыщенных выражениях. Затем Магомет вручил Малику б. Намату писание следующего содержания: «(Во имя Бога милостивого и милосердного.) Писание Мухаммада, Расуль Аллах, *михляфу* (жителям округа) Харифа и жителям Джанаб аль-Хадб (склонов горы аль-Хадб) и Хикак ар-Рамль (песчаных холмов), через их посла Зу-ль-Миш‘ара Малика б. Намата и тех из его народа, кто стал мусульманином. Условия таковы: они будут иметь право на владение высотами и низинами (страна хамдан была гористой), пока будут совершать молитву и платить подать бедным (*закят*): они смогут потреблять свой корм и гонять на пастбища свой скот (без помех). За это у них договор (‘*ахд*) Бога и покровительство (*зимам*) Его Посланника. Свидетели — *аль-мухаджирун* и *аль-ансар*» (Хишам, с. 963–964; Са‘д, с. 65, § 124, не даёт текста писания, но излагает его вкратце и уточняет, что оно относилось к *михляфу* Хариф, Ям, Шакир, к жителям аль-Хадба и к Хикак ар-Рамль хамдан. Ср. также Шпренгер, III, с. 456 и сл., который добавляет, что это обращение хамдан произошло до обращения сакиф Таифа и что хамдан получили позволение нападать на сакиф и угонять весь их скот, удалявшийся от города; Табари, I, с. 1732, стр. 5 и сл., относит обращение хамдан к 10 г. х., вследствие прихода Али в Йемен, но авторитеты предания слабы, а текст имеет явно тенденциозный характер; ‘*Икд*, I, с. 134, даёт текст с лёгкими вариантами; Йа‘куби, II, с. 89).

Письмо к Ма‘дикарибу

§ 68. — Магомет написал также Ма‘дикарибу б. Абрахе (в Йемене) и заверил его, что он может, обратившись в ислам, сохранить все свои владения в стране Ард Хаулан (Са‘д, с. 8, § 13).

Отношения с племенем бану-д-дар (лахм)

§ 69. — (Письмо для Ну‘айма б. Ауса ад-Дари.) Магомет написал документ в пользу Ну‘айма б. Ауса ад-Дари, брата Тамима б. Ауса ад-Дари: Ну‘айму и всем его потомкам должны были принадлежать Хибра и Айнун в Сирии, то есть гора, долина, источник, возделанные поля, крестьяне-крепостные (*анбатуха*, или набатеи этой области)[245] и животные: никто не должен был оспаривать у них этого права, и никто не мог без права вторгаться во владение: кто причинит им несправедливость или присвоит вещь, принадлежащую им, навлечёт на себя проклятие Бога, ангелов и людей. Документ написал Али (б. Абу Талиб) (Са‘д, с. 8, § 19; ср. также Хишам, с. 777, где Ну‘айм и его брат Тамим упомянуты среди тех членов племени ад-дар, которые получили часть хайбарской добычи, и, стало быть, их обращение будто бы произошло раньше, в 7 г. х.; у Вакиди — Велльхаузена, с. 287, бану-д-дар вообще упомянуты среди участников хайбарской добычи; Якут, II, с. 195; Хаджар, III, с. 1166–1167, № 8278; Шпренгер, III, с. 432; Wüstenfeld, *Register*, с. 441, где есть биография Тамима)[246].

§ 70. — В другом месте Ибн Са‘д противоречит содержанию предыдущего параграфа и, сам того не замечая, показывает малую или никакую его ценность.

(Аль-Вакиди и Хишам б. Мухаммад аль-Кальби.) При возвращении Магомета из Табука в Медину явились послы бану-д-дар, всего десять человек, а именно: (1) Тамим б. Аус б. Хариджа б. Савад ад-Дари; (2) Ну‘айм б. Аус б. Хариджа, его брат; (3) Язид б. Кайс б. Хариджа б. Савад ад-Дари (забытый или опущенный Велльхаузеном в его переводе); (4) аль-Факих б. ан-Ну‘ман б. Джабала б. Саффара; (5) Джабала б. Малик б.

[245] Племя ад-дар принадлежало к роду лахм, уже давно обращённому в христианство, но, несмотря на это, утверждают, что ад-дар были среди первых, кто послал послов в Медину после похода на Табук с целью признать Пророка (Шпренгер, III, с. 432; Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 108). По ан-Навави (с. 179), прозвище ад-Дари произошло от *дайр*, монастыря, в который племя имело обыкновение ходить молиться: в подтверждение этой этимологии добавляют, что Тамима называли также Тамим ад-Дайри. Другие производят прозвище от предка ад-Дара, а вероятнее всего (как справедливо предполагает Велльхаузен, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 108, прим. 1), что прозвище происходит от имени идола и имело вначале форму Абд ад-Дар. Бану-д-дар жили, вероятно, в той же области, что и лахм, то есть на Аравийском плоскогорье вдоль границ Сирии, в соприкосновении с узра и кальб.

[246] Присутствие в этом документе двух названий, Хибра и Айнун, — для меня доказательство того, что документ апокрифичен. Велльхаузен (там же) справедливо отождествил Хибру с Хевроном в Палестине, к югу от Иерусалима, а Айнун должен быть Αἰνών, упоминаемым и в Евангелии от Иоанна, III, 23. Мы имели бы, таким образом, в этом документе пожалование Пророком земель и прав, которые он не имел власти жаловать, ибо и Хибра, и Айнун находились ещё в пределах Римской империи, под сильным правлением Ираклия. Весьма маловероятно, чтобы Пророк дал себя уговорить сделать такое пожалование *in eventum* в момент, когда никто, а Пророк, быть может, меньше всех, не помышлял о том, что должно было случиться через несколько лет. Более правдоподобно, на мой взгляд, предположить, что это акт, подделанный какими-то владельцами из племени ад-дар, чтобы отстоять свои мнимые права. Упоминание о потомках весьма подозрительно, ибо оно обычно отсутствует в других документах подлинного характера. Пожалования были большей частью личными и *pro tempore*, с ограничениями и условиями. И фраза о проклятии ангелов и т. д. кажется мне подложной по своему характеру. Мы не знаем, чтобы ангелы проклинали: у мусульманских авторов нет упоминания об этом. Наконец, имя Али как писца вызывает законные сомнения. Ср. то, что рассказано в прим. 1 к следующему параграфу.

Саффара; (6) Абу Хинд б. Зарр (Абдуллах) б. Разин б. Аммит ад-Дари; (7) ат-Тайиб (Абдуллах) б. Зарр (Абдуллах) б. Разин б. Аммит; (8) Хани б. Хабиб; (9) Азиз (Абд ар-Рахман) б. Малик б. Савад б. Джазима; (10) Мурра б. Малик б. Савад б. Джазима. Все они стали мусульманами, и Магомет переменил имя ат-Тайиба на Абдуллах, а имя Азиза — на Абд ар-Рахман. Хани б. Хабиб поднёс в дар Пророку бурдюк вина, шитую золотом одежду, которую затем продал аль-Аббас за 8000 *дирхамов*, и несколько коней. Тамим сказал Пророку, что у их племени на территории есть соседи-греки, владеющие двумя селениями, Хибра и Байт Айнун, и просил Магомета, когда Бог дарует ему власть над Сирией, подарить ему эти два места. Магомет ответил: «Они твои». И халиф Абу Бакр действительно подарил ему эти места и написал ему писание об этом владении (*катаба ляху бихи китабан*). Посольство даритов оставалось в Медине до смерти Пророка, который, говорят, завещал им ежегодную пенсию в сто *васков* фиников. (Известно, напротив, что Магомет умер, не оставив завещания!)[247] (Са‘д, с. 66–67, § 126; Wüstenfeld, *Register*, с. 441; ан-Навави, с. 178–180, говорит, что обращение Тамима б. Ауса произошло уже в 7 г. х. и что он поселился в Иерусалиме лишь после смерти Усмана, то есть после 35 г. х. Ан-Навави не упоминает об акте дарения: эти два факта подтверждают апокрифический характер мнимого документа; Хаджар, I, с. 372, № 832, где упомянуто пожалование Айнуна Тамиму; I, с. 457, № 1078; III, с. 1166–1167, № 8278; III, с. 1363, № 8806, где упомянуто завещание Магомета в сто *васков* ежегодно; IV, с. 401, № 1180, где Ибн Хаджар упоминает документ и говорит, что писал о нём в сочинении, озаглавленном *аль-Джана аль-джалиль би-хукм баляд аль-Халиль*; III, с. 393, № 1070; III, с. 1226, № 8428; II, с. 1009, № 9562; и II, с. 1136, № 9889. Не отмечаю

[247] Если сравнить между собой эти две версии, сохранённые Ибн Са‘дом, мы можем лишь утвердиться в своих сомнениях относительно подлинности дарения, приписываемого Пророку. Эти сомнения находят косвенно веское подтверждение и в следующих известиях, собранных у Wüstenfeld, *Register*, с. 441. Описав прибытие даритского посольства с теми же подробностями, что даны выше, Вюстенфельд продолжает: Тамим б. Аус ад-Дари выступил с просьбой: «Мы живём на границах греков, которые владеют там двумя местами, Хибра и Байт Айнун: когда Бог позволит через тебя завоевать Сирию, подари нам эти два места!» Магомет согласился на просьбу и, взяв кусок кожи от сандалии Али б. Абу Талиба, велел написать на нём следующий акт дарения: «Во имя Бога милостивого и милосердного. Вот что Мухаммад, Пророк Божий, подарил Тамиму ад-Дари и его братьям: Хибру, аль-Мартум, Байт Айнун и Байт Ибрахим и то, что лежит между этими местами. Я беру их под свою защиту и по своей прямой воле уступаю эти места им и их потомкам: кто им поможет, тому да поможет Бог; кто им навредит, того да проклянёт Бог». Свидетели: Атик б. Абу Кухафа, Умар б. аль-Хаттаб, Усман б. Аффан. Писец и свидетель: Али б. Абу Талиб. Когда последовало завоевание Сирии, Абу Бакр подтвердил Тамиму б. Аусу ад-Дари владение этими землями, которые его потомки, ставшие затем весьма многочисленными в Хевроне под именем ад-дариюн, спокойно удерживали до 490 г. х., когда правитель Сирии оспорил это владение и вынес вопрос на рассмотрение ханафитского учёного Абу Хамида аль-Харави, *кади*, или судьи, Иерусалима. Дариты основывали свои права главным образом на акте дарения Пророка, но судья объявил его недействительным, ибо Магомет будто бы подарил вещь, которая ему не принадлежала. Тогда правитель созвал и других законоведов, и Абу Хамид аль-Газали, находившийся в Иерусалиме, высказал иное мнение: «Этот *кади* впал в ошибку: Пророк сказал: мне вручена Богом вся земля; Пророк делал дарения (мест) в раю и назначал такому-то и такому-то такой-то и такой-то замок: то, что обещал Пророк, действительно, и то, что он подарил, справедливо». Правитель и *кади* удалились пристыженные, и семья Тамима б. Ауса ад-Дари сохранила пользование своими землями. Халиф аль-Мустанджид (555–566 г. х.) впоследствии купил драгоценный документ дарения и поместил его в свою библиотеку в Багдаде. Вюстенфельд приводит среди своих авторитетов, помимо упомянутых нами, также следующие: аль-Макризи, Лейденская рукопись № 1865 (660, 5); аль-Улайми, *История Иерусалима*, Лейденская рукопись № 652 (82) и № 553 (339, a b). Но эти номера совершенно не совпадают с номерами каталога Дози: здесь какая-то ошибка. Апокрифический документ даритов должен, однако, быть составлен в довольно древнюю эпоху, ибо у нас есть известие о нём у Ибн Са‘да, который, как известно, жил примерно на триста лет раньше аль-Газали. Кто пожелает глубже рассмотреть всю проблему, пусть прочтёт длинную и обстоятельную критику этих преданий у Мёдникова (I, с. 328–363), который приводит много других изданных и неизданных текстов по этому предмету.

многочисленных вариантов в именах даритских послов, встречающихся в малоисправном тексте Ибн Хаджара; Табари, I, с. 1687, где посольство ад-дариюн помещено до похода на Табук, без указания, однако, даты).

Посольства фазара и мурра

§ 71. — Когда Магомет вернулся из похода на Табук, два могущественных племени — фазара и мурра (населявшие центр Неджда к северу от Медины, в области Хайбара) — каждое отдельно отправили посольство для переговоров с Магометом. Посольство фазара состояло из десяти человек, ехавших на тощих и изголодавшихся верблюдах, сильно пострадавших от продолжительной засухи в той области, где они паслись. Среди послов упоминаются Хариджа б. Хисн и аль-Хурр б. Кайс б. Хисн, второй из которых был также самым младшим в отряде. Согласно преданию, послы не только принесли Пророку заявление о том, что их племя обратилось в ислам, но и просили Магомета заступиться перед божеством, чтобы прекратилась засуха, губившая скот племени и ставившая под угрозу также урожай фиников. С той же просьбой обратилось к Пророку посольство мурра, состоявшее из тринадцати человек во главе с аль-Харисом б. Ауфом[248]. Утверждают, что Магомет внял молитвам обоих посольств и что по заступничеству Пророка выпали такие обильные дожди, что потребовалось новое вмешательство Пророка, чтобы остановить потоп. Благодатные дожди выпали не только в землях фазара и мурра, но и в Медине. Послам мурра Пророк велел вручить в дар по десять *авак*, или унций серебра, каждому члену посольства, выказав, однако, предпочтение главе, аль-Харису б. Ауфу, которому пожелал подарить двенадцать (Са‘д, с. 32–33, §§ 80–81; Табари, I, с. 1720; Асир, II, с. 221).

К этим же фактам должны относиться некоторые предания, сохранённые Бухари (I, с. 258–259); но единственный авторитет, на котором они переданы, — подозрительный Анас б. Малик [† 93 г. х.] (ср. Введение, § 26, прим. 1; см. также Шпренгер, III, с. 425–426, где справедливо отмечается, что, несмотря на мнимые чудеса, ислам не пустил прочных корней в лоне обоих племён, которые участвовали в восстании 11 г. х., через два года после своего мнимого обращения).

Смерть Абдуллаха б. Убайя (зу-ль-ка‘да)

§ 72. — В месяце зу-ль-ка‘да произошло событие немалой важности, а именно после болезни, длившейся около двадцати дней, скончался знаменитый Абдуллах б. Убайй, глава так называемых «лицемеров», составлявших партию оппозиции Пророку в Медине. По Ибн Исхаку, Магомет ограничился тем, что долго молился над гробом Абдуллаха и проводил похороны, присутствуя при всех действиях погребения и даже

[248] Этот аль-Харис б. Ауф уже известен нам по участию, которое он принял в осаде Медины, и потому, что его имя упоминается также во время похода на Хайбар (ср. Вакиди — Веллхаузен, с. 204, 209, 270, 299). Примечательно, что в этих преданиях не упоминается пресловутый Уйайна б. Хисн аль-Фазари, знаменитый враг Пророка, которого мы нашли без последователей (и, быть может, не обращённым!) среди тех, кто сопровождал Магомета в походе на Мекку и Хунайн. Что он не был обращён, следует из того, что его имя фигурирует в числе *му’аллафа кулубухум* (ср. 8 г. х., §§ 164, № 14; 165, № 28). Из событий 11 г. х. можно заключить, что это предание чудесного характера должно быть подозрительной подлинности и придумано с целью скрыть истинный (*исключительно политический*) характер отношений между этими племенами и Пророком.

лично помогая опускать тело в могилу: аль-Вакиди сообщает другие подробности, которые, если они верны, представляют значительный интерес. Прежде всего утверждают, что Магомет ходил каждый день навещать Абдуллаха б. Убайя во время его болезни и что больной заклинал Пророка присутствовать на его похоронах. Аль-Вакиди рассказывает, кроме того, что в момент погребения произошли бурные сцены между верными мусульманами и лицемерами, друзьями Абдуллаха б. Убайя[249]; утверждают даже, что дошло до рукопашной и что один из лицемеров по имени Да‘ис вышел из неё с разбитым и окровавленным носом. Мусульмане взяли верх благодаря главным образом неистовству Убады б. ас-Самита, и Абдуллах был погребён тремя виднейшими ансарами, а именно сыном покойного, благочестивым мусульманином, Са‘дом б. Убадой и Аусом б. Хаули. Умерший был человеком большим и грузным: его ноги торчали из носилок, на которые его положили. Все женщины аус и хазрадж присутствовали на похоронах вместе с Джамилей, дочерью покойного, и подняли, по древнему языческому обычаю, громкие вопли плача, говоря: *ва джабаляху, ва рукнаху* («о гора наша, о опора наша»), и никто не сделал им замечания[250]. У Ибн Исхака есть, наконец, подробность особого интереса: Умар б. аль-Хаттаб не счёл подобающим, чтобы Пророк долго молился над гробом человека, столь открыто боровшегося с исламом и его Апостолом, и захотел напомнить Магомету все обиды, понесённые мусульманами по вине Абдуллаха б. Убайя, друга евреев и всех врагов ислама. Магомет настоял на молитве за покойного, но впоследствии (и здесь снова видно влияние Умара) Пророк обнародовал откровение (Коран, IX, 85), в котором ему запрещалось впредь молиться над телом «лицемера» и останавливаться у его могилы[251]

[249] Среди них, говорит аль-Вакиди, были несколько из бану кайнука‘ (евреев) и многие мединцы, из которых он приводит следующие имена: Са‘д б. Хунайф; Зайд б. аль-Лусайт; Саляма б. аль-Хумам; Ну‘ман б. Абу Амир; Рафи‘ б. Хармала; Малик б. Абу Науфаль; Да‘ис и Сувайд.

[250] Все языческие возгласы, употреблявшиеся на войне и на похоронах, были запрещены Магометом (ср. Goldziher, *Muh. Stud.*, I, с. 60–68). В настоящем случае мы имеем примечательный факт: мусульманские женщины пользуются возгласами скорби языческого происхождения, имеющими поэтому идолопоклоннические значения, чтобы проводить предположительно мусульманина в последнее жилище. Мусульманская традиция полна скрытых язычеств. Характерны в этом отношении подробности столкновения между халифом Умаром и знаменитой сулаймитской поэтессой аль-Хансой, которая, хотя и обратившись, продолжала публично оплакивать на языческий лад своих братьев, погибших в эпоху *джахилии*. Ср. *Диван аль-Хансы*, Бейрут, 1896, во Введении, и Ибн аль-Араби, *Мухадарат аль-абрар*, I, с. 332.

[251] Из совокупности таких известий, всех более или менее тенденциозных, мы извлекаем два главных факта. Первый — явная попытка со стороны мусульман заставить Абдуллаха умереть истинным и добрым верующим, и это, быть может, под влиянием его сына, который был благочестивым мусульманином, а быть может, и главным образом, по желанию всех потомков ансаров изгладить всякую память о языческой оппозиции Магомету в Медине и тем увеличить заслуги предков перед исламом; существование сильной партии оппозиции в Медине, пока там жил Пророк, стало впоследствии действенным оружием в руках хулителей политической и религиозной партии, имевшей главное местопребывание в Медине и ожесточённо боровшейся с правлением Омейядов. Полезно вспомнить то, что показал Гольдциер (*Muh. Stud.*, I, с. 78–100), а именно что великий антагонизм между так называемыми северными и южными арабами тесно связан с соперничеством, возникшим в Медине между эмигрантами (северными арабами, или измаильтянами) и ансарами (южными арабами, или йеменцами). Поэтому все известия о смерти Абдуллаха следует читать, имея в виду выводы Гольдциера и политические страсти, вспыхнувшие примерно через полвека после смерти Пророка. Весьма вероятно, однако, что Магомет со своим тончайшим политическим тактом стремился сломить мединскую оппозицию, заставив поверить, что глава лицемеров перед смертью искренне стал мусульманином, и тем похвалиться победой, которая, будь она истинной или считай её истинной (что сводилось к тому же), означала бы навсегда конец партии лицемеров в Медине. С другой стороны, лицемеры, друзья Абдуллаха б. Убайя, поняли ловкий ход Пророка и попытались создать противоположное впечатление; поскольку словесных доводов показалось недостаточно, дошло (если аль-Вакиди говорит правду) до насилия на кладбище. Происшествие с Умаром представляет затем особый интерес, ибо он,

(Хишам, с. 927; Вакиди — Велльхаузен, с. 414–415; Табари, I, с. 1717; Асир, II, с. 222–223; *Хамис*, II, с. 155–156).

Паломничество 9 года

§ 73. — После похода на Табук Пророк больше не трогался из Медины, и когда приблизилось время великого ежегодного паломничества, то есть к концу месяца зу-ль-ка‘да, он снарядил караван паломников и дал начальство над паломничеством Абу Бакру. Мединских паломников было всего триста человек, и Магомет, вверив Абу Бакру двадцать отборных верблюдов для жертвоприношения, пожелал собственными руками повесить животным обычные знаки и пометить их на правом плече. И другие богатые мусульмане послали верблюдов для жертвоприношения, а животные Пророка были вверены надзору Наджии б. Джундаба аль-Аслами. В Зу-ль-Хулайфе (то есть на первой длинной стоянке от Медины) Абу Бакр облачился в *ихрам*, то есть надел обрядовую одежду и стал соблюдать особые правила, которым следует подчиняться при совершении паломничества (см. Burckhardt, *Travels*, с. 88–90). Когда он прибыл в аль-Аредж, его догнал Али б. Абу Талиб, ехавший на верблюдице аль-Касва (или аль-Адба, по Ибн Исхаку), принадлежавшей Пророку, и пришедший по приказу Магомета с поручением возвестить паломникам, собравшимся в Мине, о некоторых великих новшествах. Рассказывают, в самом деле, что после выступления Абу Бакра из Медины Пророк ниспослал суру, озаглавленную «Бара’а» (IX, а именно 1–12, 28 и 36), в которой Бог повелевал Магомету порвать всякие отношения с идолопоклонниками, если только они не заключат с ним особых договоров. После этого года ни один идолопоклонник уже не имел права присутствовать при паломничестве к Ка‘бе, и никто не должен был больше бегать нагим вокруг святилища, как было в обычае до тех пор (ср. Введение, § 122): вместе с тем общий договор, существовавший между Магометом и язычниками и согласно которому все язычники могли безопасно посещать Ка‘бу в священные месяцы, был отменён, и в силе должны были оставаться лишь особые договоры, заключённые между Пророком и немусульманскими племенами. Эти последние, если у них был особый договор, могли оставаться в безопасности до истечения его срока, по прошествии которого, если они его не возобновляли, подвергались всем опасностям и как немусульмане считались враждебными племенами. Немусульмане могли заключать с Пророком новые договоры, подчиняясь, однако, обязанности платить подать, или дань (*аль-джизья*). Язычники, присутствовавшие на паломничестве и не имевшие особых договоров с Магометом, могли ещё рассчитывать на четыре месяца перемирия, чтобы вернуться домой и известить единокровных о том, что Магомет возвестил языческой Аравии. Паломничество совершилось без происшествий, и в тексте аль-Вакиди можно прочесть подробности торжественного обряда, как Абу Бакр пожелал его совершить согласно наставлениям, полученным от Пророка. В Мине, у аль-Джамры

человек более жёсткий и суровый, чем Пророк, не понимал необходимости тех политических тонкостей, которыми с таким искусством пользовался Магомет среди противоборствующих страстей, разделявших Медину. Замечания Умара, однако, возымели желаемое действие на Пророка, который после исчезновения Абдуллаха б. Убайя признал, что партия лицемеров уже не может вредить, и потому велел предписать себе в откровении больше не молиться над гробом лицемера. Он достиг своей цели: Абдуллах умер как мусульманский святой, обёрнутый в рубаху, которую носил Пророк, и снабжённый всеми необходимыми благословениями и молитвами.

(ср. Азраки, с. 33–35), Али б. Абу Талиб публично возвестил о новшествах в паломничестве и о расторжении общего договора между Пророком и язычниками. Впоследствии, добавляет Ибн Исхак, Бог повелел Магомету сражаться с язычниками, нарушившими условия заключённых с ними договоров (Хишам, с. 919–929, где находится и комментарий к суре IX; Вакиди — Велльхаузен, с. 416–417; Табари, I, с. 1720–1721, приводит предание на малонадёжный авторитет ас-Судди, согласно которому Абу Бакр, огорчённый тем, что Магомет поручил Али возвестить верующим и язычникам суру «Бара'а», вернулся в Медину и просил Магомета о другом особом откровении, подобном данному Али. Магомет ответил отказом и утешил Абу Бакра, напомнив ему, что тот был его товарищем в пещере горы Саур и во время Бегства. Абу Бакр успокоился и снова отправился догонять караван. Историйка, неизвестная Ибн Исхаку и аль-Вакиди и обнаруживающая явное шиитское происхождение, кажется мне совершенно апокрифической; Асир, II, с. 222; Бухари, III, с. 162, посл. стр.; *Хамис*, II, с. 156–157; Йа'куби, II, с. 82).

Обращение бану укайль б. ка'б (амир б. са'са'а)

§ 74. — В Медину пришли, чтобы обратиться в ислам, также несколько групп бану укайль б. ка'б (одной из многих ветвей бану амир б. са'са'а [хавазин], населявших юго-западную часть Ямамы): они пришли, однако, отдельными группами, а не все вместе. А именно, пришёл Абу Разин Лакит б. Амир б. аль-Мунтафик б. Амир б. Укайль, обратился в ислам и получил от Пророка пожалование колодца, называемого ан-Назим: Абу Разин присягнул на верность Пророку и от имени всей своей семьи.

Прибыли в Медину также аль-Хусайн б. аль-Му'алла б. Раби'а б. Укайль и Зу-ль-Джаушан ад-Дибаби, которые оба объявили себя мусульманами. Затем пришёл Абу Харб Хувайлид б. Амир б. Укайль и велел самому Пророку изложить ему Коран, но, не вполне убеждённый, захотел ещё прибегнуть к древнему арабскому обычаю — бросить жребий стрелами, прежде чем решить свою судьбу. Он взял две стрелы и на одной написал «ислам», а на другой — «древняя религия». Он трижды испытал жребий, и трижды выпадала стрела древней религии. Смущённый таким совпадением, которое по древнему языческому обычаю казалось ему предостережением большой важности, он не захотел становиться мусульманином и предпочёл вернуться домой к брату Икалю (или Укалю) б. Хувайлиду, чтобы ещё посоветоваться с ним. Абу Харб рассказал брату о случившемся, добавив, однако, что если бы он обратился в ислам, Магомет обещал дать ему в пожалование аль-Акик, плодородный оазис, богатый водой и пальмами, в Наджране. Икаль, более расторопный, чем брат, тогда поспешил в долину аль-Акик, провёл копьём черту поперёк её нижней части и, формально завладев верхней частью, побежал к Магомету, чтобы получить пожалование этого места. Так, говорит Ибн Са'д, Абу Харб остался во владении лишь нижней половиной аль-Акика: но контекст предания не вполне ясен и, как видно из следующего известия, по-видимому, противоречит другим преданиям.

Действительно, нам сообщают, что к Магомету в Медину явилась делегация бану укайль, среди которых упоминаются: (1) Раби' б. Му'авия б. Хафаджа б. Амр б. Укайль; (2) Мутарриф б. Абдуллах б. аль-А'лам б. Амр б. Раби'а б. Укайль; (3) Анас б. Кайс б.

аль-Мунтафик б. Амир б. Укайль. Они обратились в ислам, и в награду Магомет пожаловал им аль-Акик, то есть Акик бану укайль, участок страны, богатый водой и пальмами, следующим писанием, составленным на куске красной кожи: «(Во имя Бога милостивого и милосердного.) Вот что жалует Мухаммад, Расуль Аллах, Раби‘у, Мутаррифу и Анасу. Он жалует им аль-Акик, пока они будут совершать молитву, платить подать бедным (*закят*), слушать и повиноваться. Он не пожаловал им, однако, ничего, на что имеет право мусульманин». Документ остался в руках Мутаррифа (Са‘д, с. 36–37, § 87, где, однако, не объясняется, как следует согласовать два противоречащих друг другу известия о владении аль-Акиком; Шпренгер, III, с. 512–513, находит произвольный способ согласовать обе версии, но я не вижу, как он мог бы вывести его из фактов, содержащихся в тексте: он утверждает, что Икаль, вернувшись в Медину слишком поздно, нашёл, что попытка завладеть аль-Акиком не удалась, ибо во время отсутствия Абу Харба Пророк пожаловал весь аль-Акик Мутаррифу и двум его товарищам. В тексте Ибн Са‘да нет известия об этом согласовании преданий: это, быть может, предположение Шпренгера, которое он выдаёт за исторический факт, извлечённый из источников).

Обращение бану килаб (амир б. са‘са‘а)

§ 75. — В 9 г. х. в Медину прибыли послы бану килаб (ср. 9 г. х., § 1), ветви амир б. са‘са‘а, населявшей обширную область в Неджде (Wüstenfeld, *Register*, с. 267), всего тринадцать человек, среди которых Лабид б. Раби‘а и Джаббар б. Сульма: их поместили в доме Дар Рамла бинт аль-Харис, и сподвижник Ка‘б б. Малик, уже знавший Джаббара, взял их под свою личную защиту и представил Пророку. Послы рассказали Магомету, что в их племени появился ад-Даххак б. Суфьян, наставляя в учении ислама и читая Коран, и что эта пропаганда побудила племя стать мусульманским. Ад-Даххак даже собрал подать *ас-садака* с богатых племени и распределил её сумму между бедными того же племени (Са‘д, с. 34–35, § 85, который не даёт других сведений).

Обращение бану ру’ас б. килаб (амир б. са‘са‘а)

§ 76. — Бану ру’ас б. килаб (ветвь племени, упомянутого в предыдущем параграфе) тоже обратились в ислам (вероятно, в этом же году) благодаря влиянию Амра б. Малика б. Кайса б. Нуджайда б. Ру’аса б. Килаба б. Раби‘и б. Амира б. Са‘са‘и, который побывал в Медине и уже обратился. Но прежде чем совершить формальный акт подчинения и принятия ислама, племя настояло на том, чтобы отомстить за набег, которому подверглось от соседнего племени бану укайль (уже обращённого в ислам). Так был снаряжён набег, в котором бану ру’ас б. килаб смогли угнать у бану укайль часть скота, но во время преследования один из ру’ас б. килаб, а именно мусульманин Амр б. Малик, убил одного укайлита по имени Раби‘а б. Мунтафик б. Амир б. Укайль (тоже мусульманина), навлекши тем на себя гнев Пророка. Наш источник рассказывает, что Амр б. Малик затем снова отправился в Медину (предположительно, чтобы принести Пророку весть об обращении и подчинении своего племени), но за совершённое злодеяние был дурно принят Магометом, который не хотел даже смотреть на него. Из контекста предания, однако, не видно, чтобы против виновных были

приняты какие-либо меры, — быть может, потому, что Амр б. Малик уже принёс приятную весть об обращении всего племени (Са‘д, с. 35, § 86).

Обращение бану джа‘да (амир б. са‘са‘а)

§ 77. — Бану джа‘да (другая ветвь бану амир б. са‘са‘а) тоже обратились в ислам и послали в Медину (своего посла) ар-Раккада б. Амра б. Раби‘у б. Джа‘ду б. Ка‘ба, которому Магомет пожаловал имение аль-Фалядж писанием, находившимся ещё во владении бану джа‘да во времена Ибн аль-Кальби [† 204 г. х.], которому мы обязаны этим известием (Са‘д, с. 37, § 88).

Обращение бану кушайр б. ка‘б (амир б. са‘са‘а)

§ 78. — После битвы при Хунайне, но до Прощального паломничества, то есть между концом 8 и концом 10 г. х., в Медину пришли несколько представителей племени кушайр б. ка‘б, другой ветви бану амир б. са‘са‘а. Среди них упоминается Саур б. Урва б. Абдуллах б. Салима б. Кушайр, которому при его обращении Магомет пожаловал участок земли и подтвердил ему это особым писанием. Пришёл в Медину также Хайда б. Му‘авия б. Кушайр в сопровождении Курры б. Хубайры б. Салимы аль-Хайра б. Кушайра, которому Магомет дал полосатый цветной плащ и должность сборщика податей у его народа (Са‘д, с. 37, § 89; Шпренгер, III, с. 515, добавляет, что Хайда впоследствии вошёл в милость у мединских фанатиков-мусульман, перебрался во время завоеваний в Хорасан, жил там, пользуясь обширными богатствами, и оставил там, говорят, тысячу потомков, живших в день его смерти. Эти известия почерпнуты у Хаджара, I, с. 751–752, № 1886).

Обращение бану-ль-бакка (амир б. са‘са‘а)

§ 79. — В 9 г. х. в Медину прибыли несколько представителей племени бану-ль-бакка, другой ветви бану амир б. са‘са‘а, и обратились в ислам. Среди них особо упоминаются: (1) Му‘авия б. Саур б. Убада б. аль-Бакка, которому было тогда сто лет (глава миссии); (2) Бишр б. Му‘авия, сын предыдущего, которого по просьбе отца Пророк благословил, погладив по лицу, и которому подарил также несколько коз с бело-рыжеватым руном; (3) аль-Фуджай‘ б. Абдуллах б. Джунда‘ б. аль-Бакка, которому, по Ибн аль-Кальби [† 204 г. х.], Магомет дал следующее писание: «От Мухаммада ан-Наби к аль-Фуджай‘у, к тем, кто следует за ним, к тем, кто принял ислам, совершает молитву, платит подать бедным (*закят*), повинуется Богу и Его Посланнику, отдаёт пятую часть добычи как долю Бога, оказывает помощь Пророку (*ан-Наби*) и его сподвижникам, приводит свидетелей в доказательство своего обращения в ислам и отделяется от идолопоклонников: все они в безопасности под защитой (*аман*) Бога и под защитой Мухаммада»; (4) Абд Амр аль-Асамм аль-Бакка’и, которому Магомет переменил имя на Абд ар-Рахман и даровал особое писание в подтверждение владения колодцем Зу-ль-Касса, которым Абд Амр пользовался в момент, когда стал мусульманином. Впоследствии он стал одним из сподвижников, называемых *асхаб аз-зулля*, или *асхаб ас-суффа*, то есть тех бедных мусульман,

которые жили в мечети Медины на средства Пророка, а затем халифов (ср. 1 г. х., § 32; Са‘д, с. 37–38, § 90; Шпренгер, III, с. 405–406; Табари, I, с. 1720; Асир, II, с. 228).

Обращение бану хиляль б. амир (амир б. са‘са‘а)

§ 80. — Пришли в Медину также несколько членов племени бану хиляль б. амир (одной из главных ветвей амир б. са‘са‘а и хавазин): одним из послов был Абд Ауф б. Асрам б. Амр б. Шу‘айса б. аль-Хузам б. Ру’айба, и при его обращении Магомет переменил ему имя на Абдуллах. Упоминается также Кабиса б. Мухарик, долги которого Магомет уплатил частью суммы податей, собранных с племени хиляль б. амир после их обращения. Другой член того же племени, по имени Зияд б. Абдуллах б. Малик б. Буджайр б. аль-Хузам б. Ру’айба б. Абдуллах б. Хиляль б. Амир, тоже пришёл в Медину, и так как его мать Гурра бинт аль-Харис была сестрой Маймуны бинт аль-Харис, жены Пророка, он проник в дом тётки, прежде чем познакомился с Пророком и прежде чем стал мусульманином. Магомет внезапно вошёл в комнату жены и, увидев рядом с ней чужого человека в доверительной беседе, сильно встревожился и вышел из комнаты с весьма раздражённым видом: жена догнала его, объяснила ему, что юноша — её племянник, и Магомет, удовлетворённый объяснением, вернулся и согласился погладить юношу по лицу. Этот последний эпизод, если он правдив, показывает нам, что обращение хиляль б. амир б. са‘са‘а произошло в течение 9 г. х. или самое большее в конце 8 г. х. (Са‘д, с. 41–42, § 95).

Посольство таглиб

§ 81. — В степях, простирающихся справа и слева от нижнего течения Евфрата, жили кочевые племена таглиб, единокровные бакр б. ва’иль и граничившие с ними с южной стороны, тогда как к западу они соприкасались с тайй. Немалое число этих племён было обращено в христианство[252] и оставалось христианским долгое время и после смерти Пророка. Это показывает, что лишь небольшая часть племён, быть может, те, что жили глубже внутри Аравии, на границе тайй, сочли уместным для своей безопасности вступить в отношения с Пророком Медины (Шпренгер, III, с. 433–434).

Посольство из шестнадцати человек пришло, говорят, в Медину, и христианские члены миссии явились к Пророку с золотыми крестами, подвешенными на груди. Их поместили в доме Дар Рамла, и языческие члены миссии приняли ислам: христиане же заключили с Магометом договор, по которому сохраняли свою веру, но обязывались не

[252] Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 156, прим. 1) приводит следующие источники в доказательство того, что таглиб оставались христианами долгое время после арабских завоеваний в Ираке: Barhebraeus, *Chron. Eccles.*, I, с. 295, где упомянут епископ таглиб; *Агани*, VII, с. 183, стр. 9–12; там же, VII, с. 181, стр. 25; 182, стр. 6 (?), и Асир, IV, с. 256, стр. 3, где в одном стихе упоминается крест как знамя, носимое на войне. Более точные сведения о яковитском христианстве таглиб содержит статья о. H. Lammens, *Un poète royal à la cour des Omiades de Damas*, в «Revue de l’Orient Chrétien», 1903–1904, с. 26 и сл.

крестить детей, которые у них родятся[253]. Мусульманским членам миссии Магомет сделал обычные подарки (Са‘д, с. 46, § 100).

Обращение бану туджиб (кинда)

§ 82. — Бану туджиб, киндитское племя, населявшее верхний Хадрамаут (Южная Аравия) (Шпренгер, III, с. 464), отправили в 9 г. х. в Медину посольство из тринадцати человек, которые, стремясь войти в милость Пророка, явились, принеся не только исповедание мусульманской веры, но и всю сумму податей, которые им как мусульманам надлежало уплатить. Магомет, весьма довольный этим, приказал обходиться с послами с более чем обычной щедростью, осыпав их подарками, когда они собрались уезжать. Новая их делегация участвовала в паломничестве следующего года, *Хаджжат аль-вада‘*, а впоследствии, во время великого восстания 11 г. х., племя осталось верным исламу (Са‘д, с. 52–53, § 104).

Обращение бану бахра

§ 83. — Пришло также в Медину посольство бахра, состоявшее из тринадцати человек, которые попросили и получили гостеприимство в доме аль-Микдада б. Амра, в квартале бану джадила. О них предание не может рассказать ничего представляющего какой-либо интерес: они стали мусульманами, научились совершать молитвы и через несколько дней, получив обычные подарки от Пророка, вернулись в свои жилища (Са‘д, с. 57, § 115; Табари, I, с. 1720; Шпренгер, III, с. 433, говорит о жительстве бахра в провинции Химс в Сирии, тогда как текст Ибн Са‘да ясно указывает Йемен как местопребывание племени бахра: несомненно, однако, что бахра жили в областях, близких к танух и таглиб, на крайнем севере: они действительно были христианами, как танух и таглиб; Халликан, I, с. 48, стр. 19; Халликан — Вюстенфельд, № 46, с. 60).

Письмо к бану хадас (лахм)

§ 84. — Магомет обратил письмо к тем из бану хадас[254], ветви бану лахм, кто хотел обратиться, говоря, что если они, став мусульманами, будут соблюдать предписания молитвы, милостыни и добычи и отделятся от язычников (своего же племени?), они будут иметь право на покровительство (*зимма*) Бога и Пророка. Кто отречётся от ислама, теряет всякое право на покровительство Бога и Пророка. Всякий,

[253] Это условие темно: Магомет никогда не принуждал христиан принимать ислам и, ведя дела с различными народами, подчинявшимися исламу и его Пророку, всегда давал выбор между обращением и уплатой дани *аль-джизья*, налагаемой подушно на немусульман. Вероятно поэтому, что в настоящем случае христианские семьи таглиб по собственному почину впоследствии, из соображений экономии, перестали крестить детей, чтобы не платить большей подати, и так уступили исламу, позволяя детям принимать новую религию. Здесь, стало быть, перед нами один из многочисленных случаев установлений, приписываемых Пророку, но бывших на деле делами позднейших поколений. Есть, однако, основание подозревать, что посольство таглиб — вымысел передатчиков, как явствует из того, что мы расскажем при завоевании Месопотамии при халифе Умаре, когда тот наложил то, что здесь приписывается Пророку. Таглиб договорились с халифом платить двойную подать *садака*, чтобы не подвергаться унижению платить дань; ср. Яхья, с. 10, стр. 9 и сл.; 11, посл. стр.

[254] Бану хадас-лахмиты жили на севере Аравии и принадлежали к сирийским лахмитам: имя Хадас, кажется, произошло от названия местности (Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 107, прим. 6). Вероятно, документ намекает на события, происшедшие после похода на Табук.

кто может привести мусульманина в свидетели своего обращения, в безопасности под покровительством Мухаммада, ибо он отныне один из мусульман. Документ написал Абдуллах б. Зайд (Са‘д, с. 8, § 16; Хишам, с. 797; Якут, II, с. 221; Шпренгер, III, с. 425).

Миссия бану шайбан (бакр б. ва’иль) (ср. 10 г. х., §§ 43 и сл.)

§ 85. — Над этой мнимой миссией сгущается много темноты и путаницы в тексте Ибн Са‘да, трактующем о посольствах племён к Магомету. Под заголовком «Посольство шайбан» мы читаем вместо этого длинный и многословный рассказ о некой Кайле, вдове Хабиба б. Азхара из бану джанаб (тамим) (ср. выше § 49), которая пошла к Пророку и при этом помешала Хурайсу б. Хассану аш-Шайбани, послу бакр б. ва’иль (ветвью которых являются шайбан), присвоить великую пустыню ад-Дахна, которая была, напротив, жилищем бану тамим с тех пор, как это племя было вынуждено бежать перед персами. Магомет принял протест Кайлы и не признал права бану бакр б. ва’иль на пользование Дахной. Смысл всего длинного параграфа неясен (Са‘д, с. 47–50, § 102). Легендарный и непонятный характер этого многословного предания служит доказательством того, что шайбан не обратились до смерти Магомета и что их обращение относится ко времени мусульманского завоевания Аравии в 12 г. х.; действительно, если бы они в самом деле обратились, у нас были бы более точные и заслуживающие доверия известия. Шайбан населяли область, близкую к Ямаме и Бахрейну, недалеко от границ Персидской державы, и впоследствии, в 12 г. х., именно они побудили Халида б. аль-Валида вторгнуться в Персидскую державу.

Письмо к бану курра (тайй) (ср. 10 г. х., §§ 45 и сл.)

§ 86. — Магомет послал письмо бану курра б. абдуллах б. абу наджих ан-набхани (ветви тайй, ср. *Lubb*, с. 260), которым жаловал им в качестве заповедного пастбища (*хима*) для их скота всю аль-Музаллялу — землю, воду, гору и долину. Документ написал Му‘авия (б. Абу Суфьян) (Са‘д, с. 9, § 21)[255].

Обращение и посольство сумала и аль-худдан (азд)

§ 87. — После взятия Мекки пришли в Медину Абдуллах б. Алас ас-Сумали и Муслия б. Хиззан аль-Худдани с несколькими людьми обоих племён и, став мусульманами, присягнули Пророку на верность от имени всего рода. Магомет дал им следующее писание: «Это писание Мухаммада, Расуль Аллах, для кочевников (*бадия*) пустынных степей (*асйаф*, побережий?) и для жителей оазисов (*аджваф*, мн. ч. от *джауф*, или низина, богатая водой), находящихся вокруг Сухара. Они не обязаны

[255] Этот документ также упомянут и переведён Шпренгером (III, с. 371, прим. 2), но неполно и без того, чтобы было отмечено необычное употребление термина *хима* в хозяйственном смысле, тогда как известно, что этот термин употреблялся в Аравии в древности для обозначения тех участков земли вокруг мест, посвящённых какому-нибудь идолу, на которые никто не имел права выгонять скот на пастбище. О *химе* можно прочесть все сведения и замечания, собранные Велльхаузеном (*Reste*, с. 106), и исследования Robertson Smith (*Religion of the Semites*, с. 112, 142, 144, 156, 157) и Lagrange (*Études sur les religions sémitiques*, Paris, 1905, с. 180–187). В документе, приводимом Ибн Са‘дом, выражение употреблено в более новом смысле, ибо Магомет упразднил заповедные ограды вокруг мест, прежде посвящённых идолам. В современной Аравии сохранились не только обычай, но и название *хима*; см., например, Doughty (II, с. 246): «there are circuits of the common soil about the desert villages where no nomads may drive their cattle upon pain of being accused to the amir; such township rights are called h’ma».

(платить подати) по оценке урожая, ещё висящего на деревьях, ни по точной мере (?), но плоды будут ссыпаны на землю, и с каждых десяти вьюков они должны будут отдавать один. Писцом был Сабит б. Кайс б. Шаммас, а свидетелями — Са‘д б. Убада и Мухаммад б. Маслама» (Са‘д, с. 24–25, § 69; с. 74, § 138). Шпренгер, III, с. 323, говорит, что сумал были, вероятно, ветвью азд шану’а и жили на побережье Красного моря к югу от Мекки, быть может, близ Байша. Он, однако, не переводит последней части документа, в которой упомянуты город Сухар и способ уплаты податей. Название Сухар, столицы далёкого Омана, показывает, что Шпренгер ошибается и что эти два племени должны принадлежать не к азд шану’а, жившим в Йемене, а к азд Омана. Действительно, у Абу Мусы (с. 187, стр. 11 и сл.) сказано, что, по Ибн Хубайбу, худдан были среди хамдан (Йемен), но что Ибн аль-Кальби [† 204 г. х.] причисляет худдан к асд (азд). В *Lubb*, с. 76, сказано, что у худдан был квартал в Басре, без уточнения, однако, к какому роду они принадлежали, тогда как на с. 57 мы видим, что сумала принадлежали к азд. Мы можем поэтому заключить, что эти два племени были уроженцами Восточной Аравии и весьма вероятно двумя ветвями азд Омана.

Письмо к семье Аль Зи Мархаб

§ 88. — Магомет написал письмо Раби‘е б. Зи Мархабу аль-Хадрами, его братьям и дядьям по отцу, в котором гарантировал им спокойное владение всем имуществом и всем движимым и недвижимым добром, включая и находящееся на реке Зафир Ха’ит аль-Малик, текущей в направлении владений Аль Кайс. Поручителями исполнения слова документа были Бог и Его Посланник (*расуль*). Документ составил Му‘авия (б. Абу Суфьян) (Са‘д, с. 8, § 15; ср. также перевод, с. 107, и примечания).

Об этой семье я не нашёл других известий: не исключена возможность, что Ибн Са‘д списал какой-нибудь апокрифический документ, составленный, чтобы узаконить какое-нибудь мнимое право собственности: ср. предыдущий случай бану-д-дар в §§ 69 и сл.)[256].

Пожалование аз-Зубайру б. аль-Авваму

§ 89. — И Магомет написал: «Во имя Бога милостивого и милосердного. Это писание Мухаммада, Расуль Аллах, аз-Зубайру б. аль-Авваму. Я пожаловал ему верхнюю часть и нижнюю часть Шавака: никто не должен оспаривать у него этого права». Документ составил Али (б. Абу Талиб) (Са‘д, с. 14, § 36).

Пожалование Джамилю б. Ризаму аль-Адави

§ 90. — Магомет написал рукой Али (б. Абу Талиба) Джамилю б. Ризаму аль-Адави, пожаловав ему ар-Рамду и запретив кому бы то ни было оспаривать у него это право (Са‘д, с. 14, § 37).

[256] Если, однако, документ подлинен, текст, который мы имеем у Ибн Са‘да, несомненно, вольное изложение оригинала и его содержания; по одной фразе — «и все мусульмане обязаны оказывать помощь семье Аль Зи Мархаб» — можно было бы почти заподозрить, что эта семья вела переговоры с Пророком, оставаясь языческой и не приняв ислама даже для вида.

Пожалование банат Кайла

§ 91. — Самый длинный параграф в тексте Ибн Са‘да о посольствах — это уже упомянутый, носящий заголовок «Посольство шайбан». На самом же деле он говорит о шайбан лишь косвенно (ср. выше § 85), и весь параграф содержит длинный и странный рассказ, ведущийся большей частью от первого лица некой Кайлой бинт Махрама ат-Тамимией, вдовой Хабиба б. Азхара из бану джанаб и, стало быть, тамимиткой, которая из-за некоторых обид, нанесённых ей деверем, захотела посетить Пророка в Медине и потому сопровождала туда посольство бану бакр б. ва’иль. В заключение Магомет велел составить на куске красной кожи писание в пользу женщин банат Кайла (*нисва банат Кайла*), запрещая кому бы то ни было беспокоить их, нарушать их права и принуждать какую-либо из них вступить в брак против её воли: всякий мусульманин должен был считать их сёстрами, пока они будут вести себя хорошо (Са‘д, с. 47–50, § 102; ср. также длинный параграф в *‘Икд*, I, с. 137–138)[257].

Письмо к бану зухайр б. укайш

§ 92. — «Во имя Бога милостивого и милосердного. От Мухаммада ан-Наби к бану зухайр б. укайш, стану (*хайй*, или малому племени) укль: если они объявят, что нет иного божества, кроме Бога, и что Мухаммад — Посланник Божий, и будут держаться вдали от идолопоклонников, и признают обязанность пятой части добычи сверх доли (*сахм*) Пророка и его особой привилегии (*сафийй*, или права предпочтительного выбора сверх доли), тогда они будут в безопасности под защитой (*аман*) Бога и Его Посланника».

Этот документ, говорят, был написан на куске кожи и найден неким Абу-ль-Аля и неким Мутаррифом в руках одного бедуина на рынке Басры спустя несколько лет после смерти Пророка (Са‘д, с. 18–19, § 48; *Агани*, XIX, с. 158; Шпренгер, III, с. 238, прим., где добавлено, что укль жили в горах к северу от Джураша в Йемене; ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 122)[258].

Смерть Шахрбараза

§ 93. — В этом году, говорят, персы убили своего царя Шахрияра Абу Ширвайха (*sic*) и избрали государыней царевну Буран бинт Кисра (*Хамис*, II, с. 157, стр. 18)[259].

---

[257] Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 161, прим. 4) правильно рассматривает этот параграф как смутный и тёмный отголосок о каком-то арабском племени, ещё жившем по системе матриархата. Я не привёл подробностей текста, потому что он длинен и скучен, не имеет никакого исторического значения и в значительной части непонятен.

[258] В этом документе особенно примечательно, что в нём нет никакого упоминания об обязанности молиться и что содержание его полностью фискальное и военное, хотя племя прямо объявлено мусульманским. Поэтому, если документ подлинен, он показывал бы, как мало был строг Пророк в наложении обрядовых обязанностей на бедуинов и как он вначале довольствовался обязанностями политическими и фискальными. Велика была бы поэтому историческая ценность этого документа, если бы было возможно доказать его безусловную подлинность.

[259] Известие ошибочно: вместо Шахрияр следует читать Шахрбараз, то есть тот полководец, который воевал против Ираклия и который, после того как царь Ширвайх умер от чумы в 628 г. н. э. и на престол взошёл ребёнок Ардашир в 629 г., по соглашению с Ираклием, отстранив младенца, провозгласил себя царём Персии. После царствования, длившегося всего два месяца, Шахрбараз был убит, и ему наследовала царевна Буран. Это происходило в первые дни 630 г. н. э., то есть около середины 8 г. х. (ср. Justi, с. 238; Nöldeke, *Aufsätze*, с.

Побиение камнями женщины-прелюбодейки

§ 94. — Рассказывают, что одна женщина из бану гамид пришла в этом году в Медину и призналась Пророку в том, что виновна в *аз-зина*, или блуде (ср. выше § 58, прим. 1), но объявила, что раскаивается в совершённом грехе и желает очиститься. Магомет, говорят, отсылал её целых три раза, не желая ничего предпринимать, и наконец, уступая её настояниям, приказал, чтобы она родила дитя, которое носила во чреве, и кормила его грудью до отнятия; затем он примет о ней решение. Женщина повиновалась, и когда она вернулась с отнятым от груди сыном и повторила Пророку просьбу очистить её от совершённого проступка, тогда, говорят, Магомет велел передать ребёнка одному из присутствовавших мусульман и, приказав вырыть яму, велел опустить в неё женщину по грудь, повелев побить её камнями до смерти. Жестокая процедура была тотчас исполнена, и утверждают, что Халид б. аль-Валид выказал такое кровожадное рвение, бросая камни в несчастную, что её кровь брызнула ему на одежду. Не довольствуясь этим, Халид будто бы ещё и осыпал женщину бранью, побивая её камнями, но говорят, что Пророк прервал его и запретил ему оскорблять её, ибо она раскаялась в совершённом проступке (*Хамис*, II, с. 154)[260].

Умайя б. Абу-с-Сальт

§ 95. — Абу Усман Умайя б. Абу-с-Сальт Абдуллах б. Раби‘а б. Ауф б. Укда б. Гияра б. Ауф б. Сакиф ас-Сакафи, знаменитый стихотворец из сакифитского рода, считался самым искусным поэтом своего племени: он умел читать и писать и был

129; Patkanian, *JA*, сер. VI, т. VII, с. 220–222). Последний период Сасанидской державы, то есть от смерти Хосрова II 29 февраля 628 г. до воцарения Йездегерда III 16 июня 632 г., — один из самых тёмных, ибо целых двенадцать лиц были возведены на престол, а затем насильственно низвергнуты: это было в истории Персии предсмертное исступление, предшествующее смерти (ср. Geiger, *Grundriss*, II, с. 545).

[260] Предание, несомненно, апокрифично. В Коране в двух местах упоминается способ наказания за прелюбодеяние и блуд: а именно либо заточить женщину заживо и так уморить её голодом (IV, 19 и сл.), либо подвергнуть обоих виновных ста ударам плетью в присутствии некоторого числа верующих (XXIV, 2). Стало быть, очевидно, что Магомет никогда не предписывал в Коране побивать прелюбодейку камнями до смерти. Тем не менее у Ибн Са‘да, III, ч. I, с. 242, стр. 6–9 (ср. также Nöldeke, *Qurân*, с. 185–186), есть предание, согласно которому Умар, будучи халифом, настаивал перед мединцами, чтобы они не погибли, оставив «стих о побиении камнями прелюбодейки» (*аят ар-раджм*). «Я видел, — заставляют сказать Умара, — как Пророк приказывал побиение камнями (прелюбодейки), и мы побивали (её) по его приказу…, ибо мы читали в Книге: „Пожилого (взрослого) мужчину и пожилую женщину, если они совершат прелюбодеяние, побейте камнями!“». Это своеобразное предание (восходящее к Язиду б. Харуну, от Яхьи б. Са‘ида, от Са‘ида б. аль-Мусаййиба) хотело бы доказать, что наказание побиением камнями было некогда в Коране, а затем стих, предписывавший его, был отменён, хотя закон всегда оставался в силе. Этот тезис передатчиков не может быть верным: Мьюр (I, с. XXV, прим.) справедливо утверждает, что такой закон, столь важный для человеческого общежития, раз войдя в Коран, едва ли мог быть из него изъят. В этом случае мы, несомненно, имели бы о том известия из других источников. Молчание же всех источников заставляет предположить, что упомянутое предание апокрифично. Вероятно, наказание побиением камнями, употреблявшееся евреями как обычный способ предания смерти преступников (ср. Исход, XVII, 4; Левит, XX, 10; Лука, XX, 6; Иоанн, X, 31; Деяния, XIV, 5) и предписанное особенно в случае прелюбодеяния (Второзаконие, XXII, 21–24), было принято Умаром как наказание для прелюбодейки; а так как это могло показаться новшеством (ср. Са‘д, III, ч. I, с. 242, стр. 7–8), был придуман коранический стих и утверждалось, что он был одним из отменённых или изъятых. Об прелюбодеянии у арабов ср. Freytag, *Einleitung*, с. 205–206, 455–456, а у евреев: *Jewish Encyclopedia*, т. I, с. 216–218. У древних арабов не существовало никакого наказания для прелюбодеев; тяжесть этого преступления была понята мусульманами лишь после завоеваний: сознавая превосходство нравственности других народов над своею, они попытались исправить дело, переняв еврейский обычай. Вот почему вопрос о побиении камнями прелюбодея — столь щекотливый и спорный предмет среди мусульманских правоведов (ср. 4 г. х., § 19).

человеком весьма образованным. Родившись до появления Магомета как пророка, он имел матерью Рукайю бинт Абд Шамс б. Абд Манаф, отличался своим благочестием, почитая, говорят, память Авраама, Исма‘ила и ханифов, иудео-христианских единобожников, исповедовавших, говорят, так называемую религию Авраама (ср. Введение, §§ 178 и сл.): он никогда не пил вина, носил власяницу *мисх* (или *масух*) и воздерживался от поклонения идолам. И отец его, и сын аль-Касим б. Умайя были поэтами. Мусульманское предание утверждает, что он вычитал в книгах предвестие о скором пришествии пророка и надеялся, что именно ему будет вверена эта божественная миссия. Поэтому, когда Магомет объявил себя Пророком Божиим, наш Умайя, обманутый в своих надеждах, не пожелал принять ислам и возненавидел Магомета, противясь ему всегда до самого дня своей смерти. Такова мусульманская версия, освобождённая от легендарных подробностей, которые вскоре расцвели вокруг жизни и смерти Умайи; вероятно же, напротив, что Умайя как человек образованный и умный не мог слепо верить утверждениям Магомета и всегда оставался скептическим наблюдателем его учения и недоброжелательным зрителем политического поприща пророка-курайшита, к которому уже Умайя как сакифит не мог питать никакой симпатии. После знаменитой битвы при Бадре во 2 г. х. он прочитал элегическую *касыду* в честь язычников, павших в этом случае: хотя она была сочинена противником ислама и во славу врагов новой веры, хотя Пророк запретил повторять эти стихи, мусульмане всех времён выражали величайшее восхищение ею, и она осталась знаменитой в арабской литературе[261]. Дело в том, что, хотя он и не желал принять учение Магомета, Умайя чувствовал и мыслил как добрый мусульманин, то есть имел возвышенное понятие о Боге и вере и высказывался на эти темы в столь благородных и праведных выражениях, что, говорят, Магомет сказал: «если сердце его было неверующим, то стихи его были верующими!» (Хаджар, I, с. 263, стр. 10).

Он воздержался от участия в борьбе между язычниками и мусульманами и удалился в Таиф, свой родной город. Сам Пророк, если верить некоторым преданиям, восхищался его стихами и цитировал их, что доказывает своеобразное положение, в котором оказался этот поэт, превосходивший людей и цивилизацию своего времени, стремившийся, быть может, к нравственному и религиозному улучшению своего народа, но который, то ли из соперничества племён, то ли по другой неизвестной причине, не пожелал присоединиться к великому новатору из Мекки. Он умер в 9 г. х. в Таифе, некоторые говорят — во время осады города, после битвы при Хунайне, верный до конца собственному религиозному учению, которое мусульмане называют верой

[261] Другие его стихи, как отмечал уже аль-Асма‘и, были большей частью посвящены описанию будущей жизни. Грамматик Мухаммад б. Хабиб [† 245 г. х.] собрал их в *диван*, или сборник, который Абд аль-Кадир аль-Багдади в XI веке н. э. цитирует в своей *Хизане*, но который дошёл до нас лишь в отрывках, многие из которых, всего 136 стихов, сохранены в *Китаб аль-бад’ ва-т-та’рих* (ср. Балхи, I, с. 65, 153, 156, 166, 160, 190–191, 196; II, с. 7, 22, 133; III, с. 26, 42, 60, 66, 67, 84, 127, 196). Шейхо, собрав их и из других древних источников, недавно расклассифицировал их по различным библейским преданиям, к которым они относятся, или по содержащимся в них намёкам на Ветхий и Новый Завет (ср. вып. 11, 12, 13 и 14 *Machriq*, 1904). Юар, вновь рассмотрев их, пожелал доказать, однако, быть может, не слишком убедительно, что поэзия Умайи, вдохновлённая эбионитскими учениями, служила посредником между ними и исламом, составляя прямой источник Корана (ср. *JA*, 1904, сер. X, т. IV, с. 125–129). Весьма интересно известие, найденное Гольдциером (*Philol.*, I, с. 213), согласно которому Умайе б. Абу-с-Сальту, когда он спал, демон рассёк живот, спрятал у него во внутренностях некую вещь, а затем всё вернул на место, как было прежде (ср. также Шпренгер, I, с. 116). Это легенда, тождественная легенде о Магомете (ср. Введение, § 128).

аль-ханафия (Хаджар, I, с. 261–264, № 548). Об Умайе б. Абу-с-Сальте ср. также 3 г. х., § 65; Brockelmann, I, с. 27–28; *Агани*, III, с. 186–192 и XVI, с. 71–81; Мубаррад, с. 48, 239; *Хамаса*, с. 282, 354, 776; Кутайба, *Табакат*, с. 279–281; *Шу‘ара*, с. 219–237; *Хизана* (по указателю, составленному Гуиди), I, с. 118–122, 274, 358, 442, 484; II, с. 43, 76, 187, 346; III, с. 183, 286; IV, с. 4, 70, 243, 377, 380, 412, 433; Навави, с. 164; Дурайд, с. 184, стр. 14 и сл.; Кутайба, с. 29, 44; Якут, I, с. 394; II, с. 587; III, с. 59, 118, 669; IV, с. 53, 130, 583, 621; Абу-ль-Фида, I, с. 89; Мас‘уди, I, с. 136–142; III, с. 101, 160; Шпренгер, I, с. 76, 84, 110, 169, 193; II, с. 112, 311, 367, 404, 406, 413; Hammer, *Lit. Ar.*, I, с. 427–431.

Часть 5. 10 г. х.

10 г. х. (9 апреля 631 — 28 марта 632)

Таблица соответствия дат, помещённая в оригинале перед текстом года, воспроизведена в пересчёте (1 мухаррама 10 г. х. = вторник, 9 апреля 631 г.; месяцы попеременно по 30 и 29 дней, зу-ль-хиджжа — 30 дней).

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
1	9 апр. вт	9 мая чт	7 июня пт	7 июля вс	5 авг. пн	4 сент. ср
2	10 апр. ср	10 мая пт	8 июня сб	8 июля пн	6 авг. вт	5 сент. чт
3	11 апр. чт	11 мая сб	9 июня вс	9 июля вт	7 авг. ср	6 сент. пт
4	12 апр. пт	12 мая вс	10 июня пн	10 июля ср	8 авг. чт	7 сент. сб
5	13 апр. сб	13 мая пн	11 июня вт	11 июля чт	9 авг. пт	8 сент. вс
6	14 апр. вс	14 мая вт	12 июня ср	12 июля пт	10 авг. сб	9 сент. пн
7	15 апр. пн	15 мая ср	13 июня чт	13 июля сб	11 авг. вс	10 сент. вт
8	16 апр. вт	16 мая чт	14 июня пт	14 июля вс	12 авг. пн	11 сент. ср
9	17 апр. ср	17 мая пт	15 июня сб	15 июля пн	13 авг. вт	12 сент. чт
10	18 апр. чт	18 мая сб	16 июня вс	16 июля вт	14 авг. ср	13 сент. пт
11	19 апр. пт	19 мая вс	17 июня пн	17 июля ср	15 авг. чт	14 сент. сб
12	20 апр. сб	20 мая пн	18 июня вт	18 июля чт	16 авг. пт	15 сент. вс
13	21 апр. вс	21 мая вт	19 июня ср	19 июля пт	17 авг. сб	16 сент. пн
14	22 апр. пн	22 мая ср	20 июня чт	20 июля сб	18 авг. вс	17 сент. вт
15	23 апр. вт	23 мая чт	21 июня пт	21 июля вс	19 авг. пн	18 сент. ср
16	24 апр. ср	24 мая пт	22 июня сб	22 июля пн	20 авг. вт	19 сент. чт
17	25 апр. чт	25 мая сб	23 июня вс	23 июля вт	21 авг. ср	20 сент. пт
18	26 апр. пт	26 мая вс	24 июня пн	24 июля ср	22 авг. чт	21 сент. сб
19	27 апр. сб	27 мая пн	25 июня вт	25 июля чт	23 авг. пт	22 сент. вс
20	28 апр. вс	28 мая вт	26 июня ср	26 июля пт	24 авг. сб	23 сент. пн
21	29 апр. пн	29 мая ср	27 июня чт	27 июля сб	25 авг. вс	24 сент. вт
22	30 апр. вт	30 мая чт	28 июня пт	28 июля вс	26 авг. пн	25 сент. ср

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
23	1 мая ср	31 мая пт	29 июня сб	29 июля пн	27 авг. вт	26 сент. чт
24	2 мая чт	1 июня сб	30 июня вс	30 июля вт	28 авг. ср	27 сент. пт
25	3 мая пт	2 июня вс	1 июля пн	31 июля ср	29 авг. чт	28 сент. сб
26	4 мая сб	3 июня пн	2 июля вт	1 авг. чт	30 авг. пт	29 сент. вс
27	5 мая вс	4 июня вт	3 июля ср	2 авг. пт	31 авг. сб	30 сент. пн
28	6 мая пн	5 июня ср	4 июля чт	3 авг. сб	1 сент. вс	1 окт. вт
29	7 мая вт	6 июня чт	5 июля пт	4 авг. вс	2 сент. пн	2 окт. ср
30	8 мая ср		6 июля сб		3 сент. вт	

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
1	3 окт. чт	2 нояб. сб	1 дек. вс	31 дек. вт	29 янв. ср	28 февр. пт
2	4 окт. пт	3 нояб. вс	2 дек. пн	1 янв. ср	30 янв. чт	29 февр. сб
3	5 окт. сб	4 нояб. пн	3 дек. вт	2 янв. чт	31 янв. пт	1 марта вс
4	6 окт. вс	5 нояб. вт	4 дек. ср	3 янв. пт	1 февр. сб	2 марта пн
5	7 окт. пн	6 нояб. ср	5 дек. чт	4 янв. сб	2 февр. вс	3 марта вт
6	8 окт. вт	7 нояб. чт	6 дек. пт	5 янв. вс	3 февр. пн	4 марта ср
7	9 окт. ср	8 нояб. пт	7 дек. сб	6 янв. пн	4 февр. вт	5 марта чт
8	10 окт. чт	9 нояб. сб	8 дек. вс	7 янв. вт	5 февр. ср	6 марта пт
9	11 окт. пт	10 нояб. вс	9 дек. пн	8 янв. ср	6 февр. чт	7 марта сб
10	12 окт. сб	11 нояб. пн	10 дек. вт	9 янв. чт	7 февр. пт	8 марта вс
11	13 окт. вс	12 нояб. вт	11 дек. ср	10 янв. пт	8 февр. сб	9 марта пн
12	14 окт. пн	13 нояб. ср	12 дек. чт	11 янв. сб	9 февр. вс	10 марта вт
13	15 окт. вт	14 нояб. чт	13 дек. пт	12 янв. вс	10 февр. пн	11 марта ср
14	16 окт. ср	15 нояб. пт	14 дек. сб	13 янв. пн	11 февр. вт	12 марта чт
15	17 окт. чт	16 нояб. сб	15 дек. вс	14 янв. вт	12 февр. ср	13 марта пт
16	18 окт. пт	17 нояб. вс	16 дек. пн	15 янв. ср	13 февр. чт	14 марта сб
17	19 окт. сб	18 нояб. пн	17 дек. вт	16 янв. чт	14 февр. пт	15 марта вс
18	20 окт. вс	19 нояб. вт	18 дек. ср	17 янв. пт	15 февр. сб	16 марта пн
19	21 окт. пн	20 нояб. ср	19 дек. чт	18 янв. сб	16 февр. вс	17 марта вт
20	22 окт. вт	21 нояб. чт	20 дек. пт	19 янв. вс	17 февр. пн	18 марта ср

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
21	23 окт. ср	22 нояб. пт	21 дек. сб	20 янв. пн	18 февр. вт	19 марта чт
22	24 окт. чт	23 нояб. сб	22 дек. вс	21 янв. вт	19 февр. ср	20 марта пт
23	25 окт. пт	24 нояб. вс	23 дек. пн	22 янв. ср	20 февр. чт	21 марта сб
24	26 окт. сб	25 нояб. пн	24 дек. вт	23 янв. чт	21 февр. пт	22 марта вс
25	27 окт. вс	26 нояб. вт	25 дек. ср	24 янв. пт	22 февр. сб	23 марта пн
26	28 окт. пн	27 нояб. ср	26 дек. чт	25 янв. сб	23 февр. вс	24 марта вт
27	29 окт. вт	28 нояб. чт	27 дек. пт	26 янв. вс	24 февр. пн	25 марта ср
28	30 окт. ср	29 нояб. пт	28 дек. сб	27 янв. пн	25 февр. вт	26 марта чт
29	31 окт. чт	30 нояб. сб	29 дек. вс	28 янв. вт	26 февр. ср	27 марта пт
30	1 нояб. пт		30 дек. пн		27 февр. чт	28 марта сб

Смерть Ибрахима, сына Пророка (раби‘ I)

§ 1. — Во вторник 10 раби‘ I[262] этого года скончался Ибрахим, сын Пророка и наложницы Марии аль-Куптии, родившийся в месяце зу-ль-хиджжа 8 г. х. (ср. 8 г. х., § 196), и был погребён на кладбище аль-Баки‘. По другим источникам, ребёнку было, однако, то ли семнадцать, то ли восемнадцать месяцев. Передатчики много хлопотали по поводу этой смерти, и многие утверждали, что если бы Ибрахим остался жив, он тоже был бы пророком[263] (Са‘д, VIII, с. 155, стр. 25; *Хамис*, II, с. 162, стр. 12 и сл.; Хаджар, I, с. 186–189, № 394).

Солнечное затмение (раби‘ I?)

§ 2. — В этом году, в день, когда умер Ибрахим (так говорят предания), произошло солнечное затмение, и суеверные люди сочли, что затмение случилось из-за

[262] 10 раби‘ I 10 г. х. — не вторник, а воскресенье, 16 июня 631 г. н. э., так что, вероятно, число месяца ошибочно: память о дне недели может быть верной, а число месяца, вероятно, — результат какого-то позднейшего расчёта.

[263] По утверждению Аиши, ребёнок прожил всего 18 месяцев, по другим — 17 месяцев и восемь дней. Мусульманское предание хочет, чтобы архангел Гавриил возвестил Магомету о рождении сына. Когда он умер, над ним не прочитали заупокойных молитв, быть может потому, что он был слишком мал (Хаджар, I, с. 186, № 394). Другие отрицают этот факт или пытаются как-то его объяснить, но все эти предания основаны на авторитете «слабых», или малонадёжных, передатчиков, тогда как первое восходит к Аише через Урву б. аз-Зубайра и Абдуллаха б. Абу Бакра и потому, по мнению мусульман, бесспорно подлинно (Хаджар, I, с. 187). Он был погребён на кладбище аль-Баки‘ близ Медины, и благочестивое мусульманское предание утверждает, что кормление младенца было завершено в раю (Хаджар, там же). Из смерти этого ребёнка ортодоксальная традиция пожелала заключить, что Бог явил свою волю, чтобы после Магомета никогда не было иного пророка, ибо лишь сын Магомета был бы достоин этой высокой миссии. Если бы он жил, у него, несомненно, была бы пророческая миссия (Хаджар, I, с. 188). Говорят, что он был очень похож на отца, несмотря на нежнейший возраст (Хаджар, там же). Другие передатчики, как Ибн Абд аль-Барр [† 463 г. х.], с негодованием отвергают предание, будто бы, оставшись в живых, Ибрахим тоже был бы пророком, и, приводя пример еврейских пророков, как Ной, доказывали нелепость того, что дети пророков непременно должны быть пророками (Хаджар, I, с. 188). Предания, относящие смерть Ибрахима к зу-ль-хиджже 10 г. х., ложны, говорит Ибн Хаджар, ибо Ибрахим умер в Медине в присутствии отца, а в месяце зу-ль-хиджжа Магомет находился в последнем паломничестве в Мекку (*Хаджжат аль-вада‘*). По аль-Байхаки [† 458 г. х.], он прожил всего восемь месяцев (Хаджар, I, с. 189).

смерти Ибрахима. Пророк возразил против этих слухов и утверждал, что затмения, как лунные, так и солнечные, — проявления воли и могущества Бога и не имеют ничего общего со смертью кого-либо. Он наказал последователям, напротив, пребывать в молитве всё время затмения. Некоторые говорят, что затмение произошло 28 или 29 раби‘ I (4 или 5 июля 631 г. н. э.)[264] (*Хамис*, II, с. 162–163).

Поход Халида в Йемен и обращение бану-ль-харис б. ка‘б (раби‘ I)

§ 3. — В месяце раби‘ I 10 г. х. Магомет послал Халида б. аль-Валида с 400 людьми к бану-ль-харис б. ка‘б в Наджран (Йемен) с указанием трижды пригласить их принять ислам, а если не согласятся, применить оружие. Халид исполнил приказы Пророка, и бану-ль-харис (язычники) охотно приняли предложения мусульманского полководца. Халид поселился среди обращённых, чтобы объяснить им новую религию: затем отправил послом Биляля б. аль-Хариса аль-Музани возвестить Пророку о скором обращении бану-ль-харис. Магомет остался весьма доволен удачным исходом похода и ответил Халиду б. аль-Валиду, приказав ему вернуться в Медину, приведя с собой посольство племени. Тогда Халид пустился в обратный путь в сопровождении посольства, среди членов которого упоминаются имена следующих: (1) Кайс б. аль-Хусайн б. Язид б. Шаддад б. Канан Зу-ль-Гусса, или Ибн Зи-ль-Гусса; (2) Абдуллах (или Язид) б. Абд аль-Мадан (или Абд аль-Хаджар); (3) Язид б. аль-Мухаджжаль; (4) Абдуллах б. Курад (или Курайз) аз-Зияди; (5) Шаддад б. Абдуллах аль-Канани; (6) Амр б. Абдуллах ад-Дибаби; (7) Абда б. Мусхир аль-Хариси.

Послы поселились в доме Халида б. аль-Валида в Медине и явились к Пророку как добрые мусульмане, приветствуя его подобающим образом, как истинные верующие. Они пробыли некоторое время в Медине, и при их отъезде, в месяце шавваль 10 г. х., или в течение зу-ль-ка‘ды, всего за четыре месяца до смерти Пророка[265], Магомет сделал им обычные подарки: каждому из послов подарил по десять унций серебра, а Кайсу б. аль-Хусайну, которого назначил главой бану-ль-харис б. ка‘б, дал двенадцать с половиной унций (Са‘д, с. 63–64, § 123; Хишам, с. 958–960, где приведён текст письма Халида б. аль-Валида Магомету и ответа Пророка своему полководцу. Я опустил их перевод, ибо они не содержат ничего исторически ценного и весьма вероятно являются позднейшими подделками. Всё предание, рассказанное Ибн Исхаком, тоже сильно переработано и полно интерполяций. Примечательно лишь выражение, употреблённое Магометом, едва он увидел послов, не зная, кто они: «Кто

[264] Все даты в источниках ошибочны, ибо единственным затмением в 631 г. н. э. было весьма малое затмение 8 августа 631 г. в половине третьего пополудни, видимое на юге Испании и в Центральной Африке. Поэтому в Медине его не видели. Другое солнечное затмение было 27 января 632 г. н. э. в половине седьмого утра, видимое в Восточной Африке и Центральной Азии и, стало быть, также в Аравии (ср. *L’Art de vérifier les dates* etc., Paris, 1818, I, с. 310). Но 27 января 632 г. н. э. соответствует 28 шавваля 10 г. х., и, стало быть, дата в арабских хрониках ошибочна на семь месяцев. Вероятно, между смертью Ибрахима и солнечным затмением прошло немало времени и лишь позднее, вследствие народных толков о тесной связи между смертью Ибрахима и затмением, явилась мысль, что затмение случилось в самый день смерти сына Пророка. — [Добавим, что, по современным расчётам, затмение 27 января 632 г. было кольцеобразным и полоса его проходила через Аравию; многие нынешние исследователи именно с ним связывают предание о дне смерти Ибрахима. — *Прим. пер.*]

[265] Стало быть, ислам не мог успеть распространиться в племени до смерти Магомета, и логично полагать, что, когда вспыхнули междоусобные войны, большинство было ещё верно древним верованиям.

эти люди, похожие на индийцев?» На юге Аравии, стране плодородной и цивилизованной, существовала гораздо более развитая культура и гораздо большее довольство, чем у племён центра и севера, живших в пустыне почти в состоянии варварства. На мусульман, покрытых лохмотьями, должна была производить впечатление барская пышность богатых южных арабов; Табари, I, с. 1724, относит поход к раби‘ I, или к раби‘ II, или к джумаде I; Шпренгер, III, с. 508 и сл., утверждает, что немало из следующих документов (ср. § 4 и сл.) должны принадлежать к периоду, более раннему, чем 10 г. х.; Вакиди — Велльхаузен, с. 21, № 71, и с. 417, прим. 1, содержит заголовок «Поход Халида б. аль-Валида против Абд аль-Мадан в раби‘ I 10 г. х.», но текст опущен. О нём косвенно упоминается на с. 420, стр. 15, но вместо Халида б. аль-Валида там стоит (по ошибке) Халид б. Са‘ид б. аль-Ас; Асир, II, с. 223; *Хамис*, II, с. 159–160, где сказано, что, по некоторым источникам, выступление Халида состоялось в раби‘ II или в джумаде I; Халаби, III, с. 387; Бухари, III, с. 158–159).

Письма к девяти ветвям бану-ль-харис

§ 4. — (1) Письмо к бану-д-дибаб. Магомет написал бану-д-дибаб, ветви бану-ль-харис б. ка‘б, пожаловав им Сариху и прилегающий Рафи‘ (*Рафи‘аха*) и запретив кому-либо беспокоить их во владении, пока бану-д-дибаб остаются добрыми мусульманами, исполняют обязанности, налагаемые на всех верующих, и держатся отдельно от идолопоклонников. Документ составил аль-Мугира (б. Шу‘ба) (Са‘д, с. 9, § 22; Шпренгер, III, с. 511, прим. 1, читает Сария и Дубаб вместо Дибаб).

§ 5. — (2) Письмо к Язиду б. ат-Туфайлю аль-Хариси. Магомет написал Язиду б. ат-Туфайлю аль-Хариси, объявляя, что Язид может сохранить владение всей аль-Маддой и никто не имеет права оспаривать у него пользование имением, пока Язид остаётся добрым мусульманином, молится, подаёт милостыню и противится язычникам. Документ написал Джухайм б. ас-Сальт (Са‘д, с. 9, § 22; Шпренгер, III, с. 511, прим. 1).

§ 6. — (3) Письмо к бану-ль-канан б. са‘лаба. Магомет написал бану-ль-канан б. са‘лаба, ветви бану-ль-харис, объявляя, что признаёт их владение Махсой (? MHSA, произношение неуверенно, название неизвестно), обещая своё покровительство их имуществу и лицам. Документ составил аль-Мугира (б. Шу‘ба) (Са‘д, с. 9, § 22; Йа‘куби, II, с. 84–85; Шпренгер, III, с. 511, прим. 1, читает Мухасса)[266].

§ 7. — (4) Письмо к Абд Ягусу б. Ва‘ле аль-Хариси. Магомет написал Абд Ягусу б. Ва‘ле аль-Хариси, признавая за ним законное владение всем имуществом, которым он пользовался, когда обратился в ислам, но пожалование действительно лишь пока Абд Ягус будет верно соблюдать свои обязанности мусульманина, то есть молитву, милостыню (*закят*), и будет отдавать пятую часть добычи: вместе с тем освобождает его от обязанности платить десятину и сгонять свой скот для пересчёта сборщиком десятин[267]. Те же условия должны были действовать для тех из его народа, кто за ним

[266] Так как в письме не упоминаются обязанности доброго мусульманина, возможно, что здесь речь идёт о племени, оставшемся языческим.

[267] В тексте стоит выражение *ля ‘ушр ва ля хашр*, буквально: «никакой десятины, никакого сгона». Ибн Са‘д хотел бы доказать, что это выражение означает, что скот не следовало сгонять с пастбищ в пустыне больше

следует. Документ написал аль-Аркам б. Абу-ль-Аркам аль-Махзуми (Са‘д, с. 9, § 22; Шпренгер, III, с. 511, прим. 1, читает Абд Ягус б. Ри‘ля).

§ 8. — (5) Письмо к бану зияд (ветви аль-харис). Магомет написал бану зияд б. аль-харис, объявляя, что признаёт и подтверждает их владение Джаммой и Азнабой, и обещая своё покровительство, пока они совершают молитвы, платят милостыню (*закят*) и сражаются с идолопоклонниками. Документ составил Али (б. Абу Талиб) (Са‘д, с. 9, § 22; Шпренгер, III, с. 511, прим. 1, читает Джама).

§ 9. — (6) Письмо к Язиду б. аль-Мухаджжалю аль-Хариси. Магомет написал Язиду б. аль-Мухаджжалю аль-Хариси, объявляя, что признаёт и подтверждает за ним владение землями и водопоями Намиры и Вади ар-Рахман посреди болотистых низин Намиры: признавал также за Язидом и его потомками право начальствовать над своим племенем бану малик, с освобождением от уплаты десятины и от обязанности сгонять скот для уплаты подати (ср. выше § 7, прим.). Документ составил аль-Мугира (б. Шу‘ба) (Са‘д, с. 9–10, § 22; Шпренгер, III, с. 510, прим. 2).

§ 10. — (7) Письмо к Кайсу б. аль-Хусайну б. Зи-ль-Гуссе. Магомет написал Кайсу б. аль-Хусайну б. Зи-ль-Гуссе, даруя ему охранную грамоту (*амана*, безопасность) для членов его племени, бану-ль-харис, и для бану нахд (его союзников) и объявляя, что они находятся под покровительством (*зимма*) Бога и Пророка, что они не обязаны платить десятину и сгонять скот для уплаты подати (ср. выше § 7, прим.), пока совершают молитву, платят милостыню (*закят*), держатся отдельно от идолопоклонников и могут привести свидетелей, чтобы подтвердить истинность своего обращения в ислам; наконец, что всегда должно существовать право мусульман на их имущество[268] (Са‘д, с. 10, § 22; Шпренгер, III, с. 510, прим. 2, тоже не понял последней фразы, которую ошибочно переводит: «Die Moslime können Unterstützung beanspruchen»).

§ 11. — (8) Письмо к бану канан б. язид. Магомет написал бану канан б. язид из бану-ль-харис, подтверждая им владение Мизвадом и местами водопоя в этой местности, пока они будут совершать молитвы, платить милостыню (*закят*), держаться отдельно от идолопоклонников, обеспечивать безопасность дорог и смогут привести свидетелей, чтобы доказать искренность своей исламской веры (Са‘д, с. 10, § 22; Шпренгер, III, с. 511, неточный перевод).

§ 12. — (9) Письмо к Асиму б. аль-Харису аль-Хариси. Магомет написал Асиму б. аль-Харису аль-Хариси, подтверждая ему владение Наджмой, округом Ракиса (*Наджма мин Ракис*), и приказывая, чтобы никто не смел оспаривать это владение. Документ написал аль-Аркам (б. Абу-ль-Аркам аль-Махзуми) (Са‘д, с. 10, § 22; Шпренгер, III, с.

одного раза в год, ибо никто не должен был платить десятинную подать больше одного раза в год. Я согласен со Шпренгером (III, с. 362, прим.) в том, что текст следует, напротив, толковать буквально, в том смысле, что некоторым племенам Пророк в виде особой уступки даровал освобождение от десятинной подати со скота: об этом предмете мы уже говорили. Действительно, среди документов, собранных Ибн Са‘дом, есть ещё три, в которых также упоминается это освобождение, а именно в письме к бану джу‘айль (ср. 9 г. х., § 18, прим. 2), в письме к Нахшалю б. Малику аль-Ва’или (ср. 9 г. х., § 8) и в другом — к Язиду б. аль-Мухаджжалю аль-Хариси (ср. 10 г. х., § 9). О сгоне скота к местам водопоя для обложения его податью — обычае, ещё сохранившемся в Аравии, — см. Doughty, II, с. 301.

[268] Неясно, что означает последняя фраза, ибо это право мусульман на собственность бану-ль-харис и бану нахд, их союзников (*хуляфа’*), иначе не описано и не уточнено.

511, прим. 1, читает по своей рукописи Лахма вместо Наджма и переводит, быть может не вполне правильно, что Магомет подарил это место Асиму).

Отправка Му‘аза б. Джабаля и Абу Мусы аль-Аш‘ари в Йемен (раби‘ I)

§ 13. — В этом году, до Прощального паломничества, Магомет послал в Йемен двух сподвижников, Му‘аза б. Джабаля[269] и Абу Мусу аль-Аш‘ари, распространять ислам в Южной Аравии: оба сподвижника выступили в месяце раби‘ I, и Магомет, давая особые наставления по управлению предназначенными им странами, сказал: «Делайте дела лёгкими, а не трудными, приносите добрые вести, а не дурные, будьте дружелюбно, а не враждебно расположены (к жителям)». Каждому из двух сподвижников было поручено управлять одним *михляфом* (термин, означавший на языке Йемена полосу страны, равнозначную *аль-кура*, или *аль-иклим*, или *ар-рустак*): Му‘аз б. Джабаль получил верхний *михляф* (*аль-‘алия*), простиравшийся до Адена и включавший город аль-Джанад с его знаменитой мечетью (то есть гористую область Йемена); Абу Муса аль-Аш‘ари получил *михляф* нижней части Йемена (то есть побережье) (Хишам, с. 957; ср. также Бухари, III, с. 156–158; *Хамис*, II, с. 157–158).

О посылке Му‘аза б. Джабаля в Йемен существует огромное число преданий, ибо на наставлениях, данных Пророком (или по крайней мере приписанных ему) по этому случаю, законоведы последующих поколений основали свои правовые системы: поэтому полезно привести здесь их текст, не входя пока в щекотливый вопрос об их сомнительной подлинности. Когда Му‘аз б. Джабаль был избран Пророком для миссии в Йемен, Магомет задал ему несколько вопросов, чтобы выяснить, знает ли он все правила, которым надлежит следовать при исполнении должности. «Как ты будешь выносить приговор, когда тебе представится дело для суда?» — спросил Пророк. «Я буду судить по Книге Божией». — «А если не найдёшь (правила) в Книге Божией?» — «Тогда я буду сообразовываться с *сунной* Посланника Божия». — «А если не найдёшь и в *сунне* Посланника Божия?» — «Тогда буду судить по собственному разумению (*аджтахиду ра’йи*) и не стану колебаться (*ва ля алу*)» (*Хамис*, II, с. 158, стр. 27–29, где сказано, что предание почерпнуто из сборников преданий ат-Тирмизи, Абу Давуда и ад-Дарими; ср. Goldziher, *Zâhir.*, с. 8 и сл., о том, как им пользовались позднейшие законоведы; ср. также Балазури, с. 70, стр. 11; 71, стр. 13 и сл.).

Наставления для Амра б. Хазма

§ 14. — Если верить Ибн Исхаку, после того как послы бану-ль-харис б. ка‘б покинули Медину, чтобы вернуться на родину (в Наджран), Магомет послал вслед за ними Амра б. Хазма ан-Наджжари аль-Ансари, подателя особого писания, которое должно было служить для их наставления (*йуфаккихухум*) в религии (*фи-д-дин*), чтобы учить их *сунне* и учению ислама. Амр должен был вместе с тем взыскивать подать *садака* со всех обращённых племён. Как ни странно, этот документ, который, будь он

[269] По некоторым источникам, Му‘аз б. Джабаль был подателем письма к химьяритскому князю Зур‘е б. Зи Язану с указанием взыскать все подати области. *Иснад* этого известия, однако, слаб. Другое предание говорит, что Му‘азу б. Джабалю было поручено взимание податей *садакат* в Йемене с указанием взыскивать налоги с урожая пальм, с пшеницы, ячменя и винограда, свежего или сушёного (Балазури, с. 70). Иные указания — на с. 72, стр. 17.

подлинным, имел бы величайшее значение для истории раннего ислама, приведён полностью Ибн Хишамом [а не Ибн Исхаком — обстоятельство, подрывающее его подлинность], тогда как Ибн Са‘д (Са‘д, с. 9, § 18) лишь мимоходом упоминает о нём, не приводя текста и добавляя лишь, что он был написан Убаййем б. Ка‘бом, разумеется, по приказу Магомета. Мы приводим ниже полный перевод документа, каким находим его у Ибн Хишама, предпослав лишь, что Хаджар (II, с. 1264, № 10211), упоминая о нём, но не цитируя, добавляет, что Амр б. Хазм был послан Пророком как его представитель в Наджран. Вероятно поэтому, что в этом документе мы имеем, правда в сильно расширенном виде, одно из многих наставлений, написанных Пророком для своих представителей у различных племён. Поэтому документ представляет особый интерес, будучи единственным в своём роде, хотя предыдущие замечания и рассмотрение содержания показывают, что мы не можем принять его как современный исторический документ[270]. «(Во имя Бога милостивого и милосердного.) Это ясное изложение (*байан*) Бога и Его Посланника. О вы, которые уверовали, исполняйте договоры (Коран, V, 1): (это) предписание (‘*ахд*) Мухаммада ан-Наби, Расуль Аллах, Амру б. Хазму, когда он послал его в Йемен. Он повелел ему бояться Бога во всяком своём деле, ибо (Бог) с теми, кто (Его) боится, и с теми, кто поступает хорошо (Коран, XVI, 128). И повелел ему поступать по справедливости во всём, что повелел ему Бог, и возвещать людям благое и приказывать им творить его. Он должен был учить людей Корану и наставлять их (*йуфаккихухум*) в нём, запрещая, однако, людям касаться Корана иначе как в состоянии чистоты[271]. Он должен был сообщать людям, каковы их права и каковы их обязанности. Он должен был обходиться с ними благосклонно, когда они поступают по справедливости, и поступать с ними сурово, когда они грешат (*фи-з-зульм*), ибо Бог ненавидит грех (*аз-зульм*) и запрещает его. Он сказал: „Разве не на

[270] Сильнейшие доводы против текстуальной подлинности документа таковы: 1) молчание Ибн Исхака, всегда сокрушительный довод против предания, если Ибн Хишам не приводит его на авторитет учителя (ср. предыдущие случаи: Введение, § 281; 6 г. х., § 45 и т. д.); 2) отсутствие документа среди приводимых Ибн Са‘дом: тот знал о его существовании, но не счёл его достойным войти в своё собрание; 3) мелочные обрядовые подробности, содержащиеся в тексте, совершенно чуждые широкому и общему характеру подлинных документов Пророка, приведённых нами полностью во многих предыдущих местах; 4) и, быть может, самый решающий довод: в *Китаб аль-харадж* Абу Юсуфа Я‘куба [† 182 г. х.] этот документ упомянут со ссылкой на Ибн Исхака [† 151 г. х.] и составлен в иных выражениях: «говорит Абу Юсуф: рассказал мне Мухаммад б. Исхак, что Пророк написал для Амра б. Хазма, когда посылал его в Наджран (следующий документ): Во имя Бога милостивого и милосердного. Это охранная грамота, данная Богом и Его Посланником. О вы, которые уверовали, исполняйте договоры! Это предписание (‘*ахд*) Мухаммада ан-Наби Амру б. Хазму, когда он послал его в Йемен. Он повелел ему бояться Бога во всяком своём деле и делать (то) и делать (это) [*ва ан йаф‘аля ва йаф‘аля*]; брать из добычи пятую часть Бога и то, что наложено на истинных верующих относительно *садаки* с плодов» (Юсуф, с. 40–41). Отсюда мы можем установить, каковы и сколь многочисленны интерполяции, внесённые в документ поколением передатчиков, к которому принадлежал Ибн Хишам [† 213–218 г. х.].

[271] Если это место наставлений не интерполировано по подсказке коранического стиха LVI, 77–78, оно представляет большой интерес, ибо показывало бы, что представители Пророка не отправлялись в провинции учить Корану просто устно, читая те части, которые знали наизусть, а везли с собой письменный текст, список уже обнародованных откровений. Это известие, если верно, имело бы немалое значение для истории Корана, ибо показывало бы, что ещё до смерти Пророка в различных частях полуострова должны были существовать многие списки священного текста. Историйки о том, что Коран был записан на клочках кожи, на костях, на камнях, на пальмовых ветвях и т. д., не следует принимать в буквальном смысле: так могло быть с некоторыми отдельными отрывками, при некоторых исключительных обстоятельствах, но вся совокупность преданий о посольствах и о писаниях Пророка к различным племенам показывает, что письмо было в Медине в гораздо большем употреблении, чем хотели бы заставить нас поверить передатчики первого века, утверждавшие (ошибочно), будто Магомет запрещал пользоваться письмом для сохранения стихов Корана, своих изречений и учений. Ср. наши заметки о письменной составлении Корана под 11 г. х.

нечестивцах (*аз-залимун*) проклятие Божие?" (Коран, XI, 21). Он должен был возвещать людям рай и его признаки и предостерегать от огня (адского) и его признаков и быть близким с людьми, пока они не научатся вере. Пусть учит их правилам (*ма'алим*) паломничества, его *сунне* и его закону (*фарида*) и тому, что Бог повелел относительно него, и великому паломничеству, *аль-хаджж аль-акбар*, и малому паломничеству, то есть *аль-умре*. Пусть запрещает людям молиться в одежде другого, слишком малой, если только нельзя перекинуть оба её конца на оба плеча, и пусть запрещает кому-либо облачаться в одежду другого, открывая свои срамные части небу[272]. Запрещать, чтобы кто-либо заплетал волосы в косы на плечах, и он должен был запрещать, чтобы, когда среди людей поднимается смятение, мужчины употребляли боевой клич племён (*ад-ду'а иля-ль-каба'иль*)[273] или семей. Они должны призывать лишь Бога, у которого нет сотоварищей. Если же кто не призывает Бога, а употребляет боевой клич племён или семей (*аль-'аша'ир*), их следует подрезать (*йактифу*) мечом, пока они не станут призывать лишь Бога, у которого нет сотоварищей. И он должен был приказывать людям совершать омовение лица, рук до локтя, ног до лодыжки и обтирать также голову — всё это предписания Бога, который установил молитву в положенные для неё времена, и простираться и смиряться совершенно, когда наступает утро и когда полуденное солнце начинает клониться к западу: послеполуденная молитва (должна совершаться), когда солнце спускается к горизонту (*фи-ль-ард мудаббара*, обращается спиной к земле), и вечерняя молитва — когда надвигается ночь, но не следует медлить до появления звёзд на небе, а ночная молитва (должна совершаться) в первую часть ночи. И Бог повелел, чтобы люди спешили к пятничной молитве (*аль-джуму'а, sic*), когда к ней призывают[274], и чтобы омывались, прежде чем идти на неё. Пусть берут из

[272] В Аравии до времён Магомета царила полная распущенность нравов и отсутствовало чувство стыда: вероятно, чтобы обуздать такое бесстыдство, Магомету пришлось не только упорядочить законы брака, но и установить, чтобы женщины ходили под покрывалом и чтобы мужчины не показывали публично обнажённого тела. Об этом последнем неприличии, особенно во время молитвы, у нас много преданий (Бухари, I, с. 103, стр. 8 и сл.; 122, стр. 16 и сл.; 166, стр. 7 и сл.; 210, стр. 6 и сл. и т. д.; ср. также ниже § 40), из которых мы узнаём, что арабы ходили одетыми весьма легко и в столь коротких плащах (по причине своей крайней бедности), что, наклоняясь вперёд во время молитв, открывали зад тем, кто молился позади них. Так мы лучше понимаем удивление, вызванное в Медине роскошью одежды, которой щеголяли арабы, пришедшие из богатейших областей Южной Аравии, и которая встретила неодобрение Пророка. Большинство сподвижников ходило в лохмотьях, и, чтобы не возбуждать их зависти, Магомет был побуждён запретить роскошь в одежде (ср. Бухари, I, с. 107, стр. 4 и т. д.; см. также о посольстве кинда в § 34).

[273] О языческих боевых кличах, употреблявшихся племенами как призыв о помощи или как средство узнать друг друга на поле битвы, см. Goldziher, *Muh. Stud.*, I, с. 61, и Robertson [Smith], с. 44, прим. Причина запрета употреблять языческий боевой клич, по Гольдциеру, в том, что в нём, вероятно, был какой-то религиозный привкус или следы какого-то языческого суеверия. Предположение славного критика подтверждается этим местом, ибо иначе трудно было бы понять смысл следующего: призывания абсолютного единства Бога и необходимости подрезать их мечом, как образно сказано в тексте, пока не будут искоренены все виновные. По понятию Пророка, употреблять языческий *ду'а* было равносильно главнейшему акту неверия. Это значит, что в боевом кличе заключался настоящий призыв о помощи к языческому божеству.

[274] Примечательно, что в этот первоначальный период ислама обычай призывать верующих к молитве существовал лишь для пятницы, и именно лишь для самого торжественного обряда, то есть полуденной молитвы, подобно обычному христианскому обычаю воскресного богослужения, к которому людей созывает звон колоколов. См. сказанное по этому поводу под 1 г. х., § 54, и особенно под 2 г. х., §§ 11 и сл. Боюсь, однако, что эта часть документа подверглась многим интерполяциям и исправлениям: здесь мы действительно имеем единственный случай документа, по видимости современного Пророку, который точно указывает часы и число молитв. Если бы эта часть документа была подлинной, следует предположить, что Бухари должен был бы включить её в своё собрание преданий о часах молитвы (Бухари, I, с. 141 и сл.). Отсутствие, однако, *иснада* в подтверждение подлинности документа могло отвратить Бухари от включения его в своё собрание. Весь документ, особенно если сравнить его с приведённым в прим. 1, носит отпечаток

добычи пятую часть Бога и те подати (*садака*), которые назначены верующим, (то есть) десятину с угодий, орошаемых источниками и дождевой водой, и половину десятины (двадцатую часть) с (тех угодий), которые орошаются вёдрами: с каждых десяти верблюдов (должны давать) двух овец, а с каждых двадцати — четырёх овец, и с каждых сорока коров — одну корову, а с каждых тридцати коров — *таби‘ джаза‘* (бычка по третьему году) или *джаза‘а* (тёлку по третьему году). С каждых сорока овец (должны давать) одну большую овцу, пасущуюся самостоятельно, ибо это закон Бога (*фаридат Аллах*), который Он предписал мусульманам в подати *ас-садака*. Кто даёт больше, делает благо самому себе. Те евреи и христиане, которые полностью и добровольно принимают ислам и честно исповедуют религию ислама, тоже принадлежат к верующим и имеют те же права и обязанности, что и они. Кто же остаётся в христианской или иудейской вере, того не должно принуждать отречься от своей веры (*ля йурадду‘ анха*)[275], но каждый мужчина или женщина, свободный или раб, должен платить полный динар или его стоимость тканями. Кто исполняет эти обязанности, имеет право на покровительство (*зимма*) Бога и на покровительство Его Посланника, а кто противится им, тот враг Бога, и Его Посланника, и всех верующих. Милость Божия на Мухаммаде, и мир ему, и милосердие Божие и Его благословение» (Хишам, с. 961, стр. 4 — с. 962, стр. 14; Табари, I, с. 1727, стр. 10 — с. 1729, стр. 10, где добавлено известие, что, по аль-Вакиди, Амр б. Хазм был ещё представителем Пророка в Наджране, когда Магомет скончался; Балазури, с. 70, стр. 13 и сл., утверждает, что наставления, данные Амру б. Хазму, были для Йемена). Ср. также ниже §§ 59 и сл.

Обращение бану хаулан (шаабан)

§ 15. — В месяце шаабан 10 г. х. в Медину пришли десять послов хаулан (ветви мазхидж), населявших территорию Хаулан в Йемене (Шпренгер, III, с. 457). Они принесли Пророку исповедание веры своего племени, были лично наставлены Магометом в исламском учении и обещали уничтожить идола Амм Анас, которому поклонялись до того дня. После того как их приютили в Дар Рамла бинт аль-Харис за счёт Пророка, они получили также, при отъезде, обычный дар в двенадцать с

многочисленных интерполяций.

[275] Этот особый пункт наставлений имеет большой интерес и значение, ибо ещё раз показывает нам, каков был истинный дух терпимости, вдохновлявший первых мусульман при обращении и покорении племён. Никто не должен был быть принуждён стать мусульманином: обращение должно было следовать совершенно добровольно, и единственной обязанностью немусульманина было подчиниться уплате подушной подати, налагаемой на тех, кто хотел остаться христианином или евреем (а быть может, и язычником), если только политические и стратегические причины не требовали мер великой строгости (см. обращение с евреями Медины и многочисленные военные походы). Следует помнить, что эти наставления были для народов, независимых от Пророка, и потому было выгоднее привлекать их мирными способами, нежели применением силы. Тем не менее полезно иметь в виду этот факт, чтобы судить обо всей последующей эволюции ислама. Обращение с язычниками со временем стало гораздо суровее: христиане и евреи, будучи уже отчасти обладателями истины, явленной в Священном Писании, пользовались значительной привилегией по сравнению с язычниками, к которым ислам был суровее: в этих наставлениях язычники даже не упоминаются. Видно, что предполагалось, будто их уже не должно существовать, или же очевидно, что стремились закрыть глаза на некоторые неправильности и считать многие тысячи арабов истинными мусульманами, тогда как они знали об исламе, быть может, едва лишь его имя. И в кратком упоминании о некоторых мнимых наставлениях, письменно данных Пророком Му‘азу б. Джабалю, когда тот находился в Йемене, сказано между прочим, что он не должен был принуждать евреев отрекаться от своей религии (*ля йуфтану йахуди ‘ан аль-йахудия*) (Балазури, с. 71, стр. 12).

половиной унций (*укийя*) серебра (Са‘д, с. 53, § 105; Табари, I, с. 1740; Асир, II, с. 227–228).

Приход Ади б. Хатима ат-Таи (шаабан)

§ 16. — В месяце шаабан этого года пришёл наконец в Медину Ади б. Хатим ат-Таи и стал мусульманином: о причинах этого обращения см. 9 г. х., § 20 (Табари, I, с. 1740, стр. 5; *Хамис*, II, с. 157, говорит, что Ади пришёл либо в первые дни 10 г., либо в шаабане 9 г. х.).

Поход Али в Йемен (рамадан)

§ 17. — В месяце рамадан 10 г. х. Магомет снарядил поход против йеменских племён великой группы мазхидж (анс, мурад, са‘д аль-ашира, джу‘фи, зубайд, наха‘ и т. д.), которые ещё не приняли ислама и не признали светской и духовной власти Пророка. Отряды, около трёхсот[276] всадников, были собраны на смотр в предместье Медины Кубе, где Магомет при выступлении размотал тюрбан и привязал его как знамя к острию копья: Али он дал затем особые наставления действовать с величайшей мягкостью по отношению к йеменцам, от которых хотел лишь принятия ислама. Итак, Али отправился к месту назначения и прежде всего напал на мазхидж, застав врасплох лагерь племени и захватив множество женщин и скота, для надзора за которыми Али поставил Бурайду б. аль-Хусайба. Тогда сбежались арабы, чтобы отомстить за нападение и отбить женщин и скот, решив кроваво сражаться. Али, согласно полученным приказам, попытался умиротворить врага, предложив ему обращение в ислам, но арабы отвергли всякое предложение и захотели прибегнуть к оружию. Али передал знамя, данное ему Магометом, в руки Мас‘уда б. Синана и пожелал встать в боевой строй вместе с другими. Перед общей схваткой был один из обычных поединков, в котором аль-Асвад б. Хуза‘и ас-Сулями убил своего противника-мазхиджита: затем дошло до рукопашной. Враг не смог устоять перед натиском мусульман и наконец, потеряв около двадцати убитыми, обратился в бегство, оставив знамя в руках победителей. Али не захотел преследовать их, но повторил им приглашение стать мусульманами, и на этот раз с успехом: мазхидж объявили себя мусульманами, прислали представителей в лагерь Али и уплатили сумму причитавшихся податей.

Али остался теперь среди обращённых в ислам племён Йемена и послал Абдуллаха б. Амра б. Ауфа аль-Музани в Медину возвестить Пророку о своей победе над мазхидж и об обращении племён. Магомет велел ответить ему, чтобы он оставался в Йемене до времени празднества (*аль-маусим*, паломничества к Ка‘бе), когда он встретится с ним в Мекке. Поэтому Али задержался в Йемене до последних дней зу-ль-

[276] Столь ничтожное число войск, посланных для покорения столь многочисленных и могущественных племён, кажется мне подробностью, способной бросить тень сомнения на достоверность прочих утверждений. И передатчики путались в отношении этого похода, о котором царит большая неясность. Страсть передатчиков представить весь Йемен обращённым до смерти Пророка — причина этих ошибок и преувеличений. Велльхаузен, *Sk. u. Vorarb.*, VI, с. 28–29, справедливо описывает этот поход как «eine unbedeutende Razzia», и весьма вероятно, что речь шла вовсе не об обращении племён, а просто о том, чтобы взять немного добычи.

ка‘ды, когда направился в Мекку и соединился с Магометом во время празднеств паломничества. При выделении пятой части добычи, причитавшейся Пророку, все начальники имели обыкновение в прошлом действовать весьма свободно и позволяли участникам походов пользоваться вещами и животными, принадлежавшими к пятой части, докладывая затем Пророку и испрашивая у него задним числом одобрения. Али пожелал действовать иначе и приказал, чтобы доля Пророка оставалась целой и неприкосновенной: он запретил своим даже ездить на верблюдах, входивших в пятую часть. Во время обратного похода Али, желая опередить своих, двинулся вперёд с большей поспешностью начиная от аль-Футука и оставил начальство над отрядами Абу Рафи‘у. Тот повёл себя менее строго и в пути позволил воинам пользоваться животными и вещами пятой части. Но, прибыв в ас-Сидру, Али вернулся назад, чтобы соединиться с войском прежде, чем войти с ним в Мекку: увидев вольность, допущенную Абу Рафи‘ом, он пришёл в великий гнев, дойдя до того, что сорвал с некоторых бывшие на них йеменские одежды, и резко упрекал Абу Рафи‘а. Тогда нашлись такие, кто пошёл к Магомету жаловаться на поведение Али, но Пророк дал им выговориться и не ответил на жалобы. Во время пребывания Али в Йемене произошло обращение в ислам впоследствии знаменитого еврейского раввина Ка‘ба аль-Ахбара. Тот, однако, не тронулся из Йемена и пришёл в Медину лишь во времена халифа Умара (Вакиди — Велльхаузен, с. 417–419; Табари, I, с. 1752; Хишам, с. 967–968, 999; Табари, I, с. 1731, рассказывает события несколько иначе: а именно, когда Халид б. аль-Валид (а не Али! и, стало быть, этот поход связывается с рассказанным выше в § 3) провёл шесть месяцев в Йемене, приглашая племена обратиться, но не сумев обратить ни одного, тогда Магомет послал также Али б. Абу Талиба с приказом вернуть в Медину Халида б. аль-Валида со всеми его отрядами. Если же некоторые хотели остаться в Йемене, они могли это сделать, лишь бы соединились с Али. Многие остались с ним, и он безотлагательно и с таким счастливым успехом приступил к проповеди ислама, что, едва он предстал перед вождями йеменцев, великое племя бану хамдан (ср., однако, выше 9 г. х., §§ 66–67) обратилось всё в один день, а по примеру этого и все прочие племена поспешили обратиться, к великой радости Пророка, когда он получил его письмо, возвещавшее о счастливом исходе похода. Предание, однако, имеет явно тенденциозный и апокрифический характер: *иснад*, восходящий к аль-Бара’у б. Азибу, не внушает никакого доверия. И Велльхаузен, *Sk. u. Vorarb.*, VI, с. 29, считает эту версию «legendarisch»; ср. также Бухари, III, с. 158; Асир, II, с. 229; *Хамис*, II, с. 160; Халаби, III, с. 388–389).

§ 18. — Говорят, что Магомет при выступлении похода Али постановил, что если положение дел в Йемене станет опасным, Али должен соединиться с Халидом б. аль-Валидом (или Са‘идом, см. выше § 3) и принять на себя верховное начальство над мусульманскими отрядами. Предвиденный Магометом случай не наступил, и у нас нет известия, чтобы два похода соединились (Хишам, с. 999; Вакиди — Велльхаузен, с. 420). Известие само по себе малоправдоподобно, ибо требовало бы пребывания Халида б. аль-Валида в Йемене, по-видимому без всякой цели или результата, с месяца раби‘ I почти до конца года, то есть по меньшей мере восемь месяцев. Известия об этих двух походах 10 г. х. весьма неопределённы. Во время пребывания в Йемене Али руководил,

говорят, взиманием податей, причитавшихся с обращённых в ислам. Предания на этот счёт, одно из которых есть у Вакиди — Велльхаузена (с. 420), кажутся мне не заслуживающими никакого доверия (авторитет — Абу Са‘ид аль-Худри, подозрительный передатчик): как бы то ни было, из них, кажется, можно заключить, что Али действовал с большой осторожностью и в действительности ничего путного не добился: несколько месяцев спустя в Йемене поднялся лжепророк, вся страна взялась за оружие, бросившись в междоусобную войну: обо всём этом Магомет не проявил ни малейшей заботы. Это показывает, что страна не была мусульманской и пользовалась полной независимостью.

Положение о взимании подати *аз-закят*

§ 19. — В рассказ о походе Али в Йемен аль-Вакиди вводит текст документа, который мы приводим ниже целиком, ибо он имеет известное значение для понимания характера и размера подати бедным, *закят*, которую Магомет наложил на всех мусульман, по видимости для уравнения участи бедных с участью богатых, но которая в действительности должна была быть переходной ступенью от вольной системы языческих племён к правильному фискальному и политическому устройству, при котором сумма податей шла бы уже не исключительно на пользу бедных, а на покрытие общих расходов зарождающегося государства. Текст, говорят, находился записанным в книге, которую Яхья б. Шибль прочёл у Абу Джа‘фара. Кто эти двое (передатчиков), не могу сказать с уверенностью, ибо о первом я не нашёл сведений, а о втором можно было бы предположить, что это Абу Джа‘фар аль-Мадани, ученик Абу Хурайры [† 59 г. х.] и Абдуллаха б. Амра [† 65 г. х.], умерший во время халифата Марвана II [† 132 г. х.]. Как бы то ни было, вот документ: «(Во имя Бога милостивого и милосердного.) Вот что Мухаммад, Посланник Божий, предписывает как подать бедным, взимаемую с мусульман за их пасущийся скот: (1) с овец до 120 голов — одна голова; до 200 — две головы; до трёхсот — три головы; и так далее ещё по одной голове за каждую сотню сверх того. (2) С верблюдов до 24 голов — одна овца с каждых пяти верблюдов; с 25–35 — одна верблюдица *бинт махад* (молодая верблюдица старше года, мать которой снова жерёба) или *ибн лябун закар* (молодой верблюд-самец от двух до трёх лет); с 46–60 — одна *хикка* (молодая верблюдица трёх лет); с 61–75 — одна *джаза‘а* (верблюдица пяти лет); с 76–90 — две *бинт лябун* (верблюдицы-самки от двух до трёх лет); с 91–120 — две *хикки*, покрытые жеребцом; сверх того с каждой следующей группы в 50 верблюдов — одна *хикка* или с каждой группы в 40 — одна *бинт лябун*. (3) С крупного рогатого скота до 30 — ничего, с 30 и выше — один *джаза‘* или одна *джаза‘а*, а с 40 и выше — одна *мусинна* (корова нескольких лет от роду). (4) Козы и животные, ослабевшие от старости или с изъяном, не принимаются: собранные вместе стада не могут быть разделены для удобства сборщика, а разделённые животные не должны соединяться. (5) С земли, орошаемой небом или проточной водой, следует брать десятину, с орошаемой же искусственно — двадцатую часть. Из евреев и христиан, остающихся в своей религии, каждый взрослый мужчина должен платить один динар или равноценное количество ма‘афирских тканей» (Вакиди — Велльхаузен, с. 419–420).

Посольство гамид (рамадан)

§ 20. — Существует также известие о посольстве гамид, ветви азд, состоявшем из десяти человек, которое прибыло в Медину в рамадане (10 г. х.?) и расположилось лагерем в Баки‘ аль-Гаркад. Послы, надев свои лучшие одежды, явились к Магомету, приветствовали его по-мусульмански и исповедали веру в его руки. Магомет составил для них особое писание, содержавшее статьи ислама, а Убайй б. Ка‘б, искусный знаток Корана, наставил их в священном тексте. Когда они уезжали, Магомет сделал им обычные денежные подарки (Са‘д, с. 68, § 128; Табари, I, с. 1729). Ср. также ниже § 22.

Посольство азд (рамадан?)

§ 21. — В этом году пришёл в Медину некий Сурад б. Абдуллах аль-Азди вместе с десятком людей своего племени (азд шану’а, уроженцы Йемена) в качестве послов, и они поселились в доме Фарвы б. Амра, у которого были почётно приняты в течение десяти дней. Магомет признал, что Сурад — лучший человек в посольстве, и назначил его главой (*аммараху*) тех из его племени, кто обратится в ислам, с поручением воевать с языческими племенами, соседствующими с его племенем в Йемене. Сурад б. Абдуллах тотчас исполнил наставления Пророка и во главе обращённых в ислам азд осадил город Джураш, в котором укрепились многие йеменские племена (азд): на его приглашение принять ислам защитники Джураша ответили отказом, и поэтому Сурад б. Абдуллах простоял лагерем под стенами месяц: тем временем он угнал весь скот осаждённых племён, пасшийся в окрестностях. В конце месяца Сурад б. Абдуллах отступил от стен Джураша и занял позицию на горе Шакар: осаждённые, полагая, что отступление Сурада б. Абдуллаха означает поражение, вышли из города, чтобы преследовать и разбить его: поэтому они были весьма поражены, когда внезапно оказались лицом к лицу с объединёнными и сильными отрядами мусульман, которые, обрушившись на них с сильнейшим натиском, обратили их в бегство с кровавым избиением. Во время избиения йеменцев азд захватили двадцать вражеских коней и тотчас сели на них, пользуясь ими, чтобы теснить беглецов и рассеять их. Пока на юге происходили эти события, два посла йеменских племён, живших в Джураше, отправились от имени жителей города вести переговоры с Магометом: предание хочет, чтобы Пророк возвестил обоим о горестном поражении, нанесённом их единокровным Сурадом, и послы, испуганные известием, поспешили вернуться на родину. Когда жители Джураша узнали, как Магомет чудесным образом получил известие о разгроме на горе Шакар, у них не осталось больше сомнений в его божественной миссии, и они тотчас отослали двух послов обратно в Медину, чтобы те принесли Пророку их покорность и принятие ислама. Магомет принял их весьма благосклонно, воздал хвалу йеменским родам, объявив их прекраснейшими, храбрейшими, красноречивейшими и наиболее достойными доверия, и дал им боевой клич *мабрур*[277]: вместе с тем он пожаловал им заповедную землю (*хима*) вокруг города, границы которой были

[277] О боевых кличах вообще ср. выше § 14, прим. 4. Об особом кличе *мабрур*, употреблявшемся азд, ср. Табари, II, с. 374, и Асир, IV, с. 71, стр. 18.

отмечены явными знаками (Са‘д, с. 62–63, § 121; ср. Хишам, с. 954 и сл.; Табари, I, с. 1729; Асир, II, с. 225; Шпренгер, III, с. 467 и сл.)[278].

§ 22. — У Ибн Са‘да у нас есть известие и о других переговорах между Магометом и азд: вероятно, однако, что между следующими и предыдущими известиями может быть некоторая связь и что те и другие могут относиться к одним и тем же событиям, ибо известия предыдущего параграфа даны аль-Вакиди, а те, что мы теперь добавляем, доходят до нас через Ибн аль-Кальби. А именно, рассказывают, что Пророк написал Абу Зубьяну аль-Азди из племени гамид, приглашая его и его людей обратиться в ислам (ср. выше § 20). Абу Зубьян благосклонно принял предложения Пророка и пришёл в Мекку (быть может, во время Прощального паломничества?) в сопровождении отряда своих товарищей, среди которых были Михнаф, Абдуллах и Зухайр. Затем прибыл, тоже в Мекку, другой отряд азд, насчитывавший около сорока человек, и среди них упоминаются имена аль-Хаджжана б. аль-Муракки‘а, Джундаба б. Зухайра, Джундаба б. Ка‘ба и аль-Хакама б. Мугаффаля. Все они обратились в ислам, и Магомет велел составить особое писание для Абу Зубьяна, но текст его не сохранился. Абу Зубьян дожил до времён халифа Умара (Са‘д, с. 19, § 49).

Подчинение Джураша и Табалы в Йемене

§ 23. — Одновременно с походом Сурада б. Абдуллаха, как хотят заставить поверить, произошло подчинение и (номинальное) обращение двух городов Йемена: Джураша и Табалы.

(Авторитет: Ма‘мар, от аз-Зухри.) Жители Джураша и Табалы приняли ислам без того, чтобы против них было применено оружие (ср. выше § 21), и Пророк в награду за это подтвердил за ними владение всем, что у них было в момент обращения, но установил, что каждый взрослый еврей или христианин, находящийся в этих двух городах, должен платить ежегодную дань в один динар с головы. Вместе с тем он наложил на жителей обязанность давать приют проезжающим там мусульманам. Пророк назначил Абу Суфьяна б. Харба своим наместником в Джураше (Балазури, с. 59).

(Авторитет: Муслим б. аль-Хаджжадж.) Подчинение двух городов Йемена приходится на 10 г. х., по Якуту, I, с. 816, где нам сообщается также, что между Табалой и Меккой было расстояние в 52 *фарсаха*, равное примерно восьми дням пути, а между Табалой и Бишей — всего один (Якут, I, с. 817, стр. 3 и сл.). В другом месте (Якут, II, с. 60, стр. 20) снова упоминается о подчинении Джураша Магомету в 10 г. х. по особому договору, согласно которому жители должны были платить десятину (с земель, естественно орошаемых ручьями) и двадцатую часть (с земель, искусственно орошаемых колодцами). О точном местоположении этих двух городов в источниках царит явная неопределённость (ср. также Бакри, с. 191 и 238; *Марасид*, I, с. 196).

[278] Весь этот длинный рассказ имеет вид исламской переработки местного происшествия, не имевшего никакого отношения к распространению ислама. В следующем § 23 у нас есть известие об обращении Джураша «без того, чтобы против жителей было применено оружие!» И это известие доходит до нас из превосходного источника — от Балазури.

Табала была знаменита культом идола Зу-ль-Халаса, существовавшего в окрестностях города (Хамдани, с. 127, стр. 1). От этого автора мы знаем, что Табала находилась у границ между Неждом и Йеменом (Хамдани, с. 84, стр. 19; 127, стр. 19; 165, стр. 24), а именно в 21 миле от Биши, или в 23 днях пути от Сан‘ы, что равно 276 арабским милям от Сан‘ы (Хамдани, с. 187, стр. 4). В Табале пересекались пути караванов, шедших из Хадрамаута в Мекку, а также тех, что шли из Ирака и Ямамы (Хамдани, с. 189, стр. 13). Джураш (по Хамдани, с. 117, стр. 21 и сл.) был селением, *кура*, верхнего Неджда (*Наджд аль-‘Улья*) и находился в стране анз, живущих вокруг него. Йа‘куби, *Бульдан*, с. 316, стр. 12, говорит, что жителями Табалы были хас‘ам; ср. также там же, с. 320, стр. 6, где Табала причислена к городам Йемена.

Письмо к членам племени азд

§ 24. — Магомет написал письмо Халиду б. Димаду аль-Азди, в котором перечислял ему обычные обязанности всякого доброго мусульманина (веровать в единого Бога, в миссию Мухаммада, совершать молитвы, подавать милостыню, соблюдать пост рамадана, паломничество и не давать убежища злодеям и мятежникам); в награду за исправное исполнение этих обязанностей он обещал ему защиту жизни, имущества и семьи и позволение продолжать пользоваться недвижимыми владениями, которыми тот обладал как язычник. Документ написал Убайй (б. Ка‘б аль-Ансари) (Са‘д, с. 8–9, § 17; ср. Шпренгер, III, с. 468).

Письмо к Джунаде аль-Азди

§ 25. — Магомет написал писание (*катаба китабан*) Джунаде аль-Азди, его народу и тем, кто следует за ним: «пока они будут совершать молитву, платить милостыню (*закят*), повиноваться Богу и Его Пророку, отдавать пятую часть добычи Бога и долю Пророка (*сахм ан-наби*) и держаться отдельно от идолопоклонников, им будет даровано покровительство (*зимма*) Бога и покровительство Мухаммада б. Абдуллаха». Документ написал Убайй (б. Ка‘б аль-Ансари) (Са‘д, с. 11, § 25; Шпренгер, III, с. 468).

Посольство бану гассан (рамадан)

§ 26. — В собрании посольств, составленном Ибн Са‘дом, у нас есть также упоминание о посольстве нескольких гассанидов в Медину в месяце рамадан 10 г. х. Предание дано со ссылкой на аль-Вакиди, но *иснад* его весьма слаб, и весь рассказ, лишённый точных имён лиц, оправдывает подозрение, что это может быть известие, придуманное в позднейшую эпоху каким-нибудь потомком гассан, чтобы показать, что и его племя посылало посольство к Пророку, — что весьма маловероятно. Правда, гассанидское княжество было упразднено персами во время нашествия 613 или 614 г. н. э. (Nöldeke, *Ghassân*, с. 42) и что, вероятно, Ираклий после своих побед в 629 г. не восстановил княжества Джафнидов (гассан) (там же, с. 45); но племя всегда оставалось благочестиво верным христианской религии и преданным Византийской империи, имея главной задачей сдерживать и отражать всё, что приходило из пустынной и языческой Аравии. История же учит нас, что в первых войнах на греческой границе арабы-

христиане гассан составляли один из крупнейших контингентов греческих войск. Гассан были последними из арабов, живших в Аравии, кто подчинился политическому господству ислама и признал новую веру. Предпослав это, перейдём теперь к преданию, которое, стало быть, рассказывает, как трое гассанидов (неназванных), хотя и зная, что их племя не хочет становиться мусульманским, пришли в Медину в рамадане 10 г. х., были приняты в Дар Рамла бинт аль-Харис, стали мусульманами и при отъезде получили обычные подарки от Пророка. Вернувшись же к своему племени, они поняли, что благоразумнее скрывать своё обращение в ислам: двое из них умерли до арабского завоевания, а третий дожил до времён халифа Умара, когда, открывшись как мусульманин, предложил свои услуги полководцу Абу Убайде и участвовал в битве при Ярмуке (Са‘д, с. 63, § 122; Табари, I, с. 1729; Шпренгер, III, с. 433, прим. 1; Асир, II, с. 225, где следует читать Гассан вместо Губсан).

Посольства бану баджила (рамадан)

§ 27. — У нас есть известие о двух различных посольствах бану баджила, но вероятно, что текст Ибн Са‘да малоисправен и подвергся позднейшим тенденциозным переработкам. Заметим, например, что среди наставлений, данных Магометом баджила, было будто бы и наставление повиноваться его представителю (*вали*), «даже если это раб-абиссинец». Такая интерполяция тесно связана со всей той группой преданий, придуманных много лет спустя после смерти Магомета, когда возникли раздоры между арабами и неарабами или когда ортодоксальная (неарабская) партия пыталась утверждать, будто Магомет постановил полное равенство всех верующих в вере и упразднение расовых различий. Так, например, у Бухари мы находим предание: «Слушайте и повинуйтесь, даже если тот, кто дан вам в начальники, — абиссинец, у которого голова похожа на гроздь изюма!» (Бухари, I, с. 181, стр. 11; Юсуф, с. 6, стр. 1–2). Биляль, первый *муаззин* ислама, любимый сподвижник Пророка, был абиссинцем, и из этого ортодоксы (неарабы) извлекали довод в защиту тезиса о полном равенстве между арабами и неарабами, чеканя изречения, вложенные в уста Пророка, о равенстве между Билялем и прочими мусульманами Аравии (ср. ниже § 77, в речи Магомета). Приведём теперь отчёт о двух посольствах, как он находится в тексте.

Джарир б. Абдуллах аль-Баджали пришёл в 10 г. х. (в месяце рамадан, говорит Табари со ссылкой на аль-Вакиди) в Медину в сопровождении 150 членов племени баджила (населявшего к югу от Мекки среднюю часть Тихамы [Wüstenfeld, *Register*, с. 101–102]), и вся делегация совершила торжественный акт подчинения Пророку, повторив исповедание мусульманской веры. Магомет обратился к ним с речью и в ходе своих наставлений упомянул, говорят, о необходимости повиноваться его наместнику, даже если бы тот был рабом-абиссинцем. Джарир б. Абдуллах поселился в Медине у Фарвы б. Амра аль-Баяди, и когда настал момент отъезда, Магомет повелел ему уничтожить идола Зу-ль-Халаса: приказ, который Джарир тотчас привёл в исполнение, приняв начальство над отрядом в двести человек. Посреди этого рассказа в тексте Ибн Са‘да мы находим вставленный рассказ о другом посольстве, во главе которого стоял Кайс б. Азра аль-Ахмаси и которое состояло из 250 человек из ахмас аль-лат, которым Магомет переменил имя на ахмасаллах. (Так по крайней мере я толкую текст, следуя

остроумным указаниям Велльхаузена, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 184, прим. 2) (Са‘д, с. 69–70, § 130; Шпренгер, III, с. 466; Табари, I, с. 1763; *Хамис*, II, с. 161; Якут, II, с. 461, стр. 17, упоминает об уничтожении идола Зу-ль-Халаса, принадлежавшего баджила, даус и хас‘ам: он был сожжён Джариром в Табале; об идоле Зу-ль-Халаса ср. также Wellhausen, *Reste*, с. 45 и сл.; Kremer, *Studien*, III, с. 5; Якут, III, с. 462, стр. 23, и 463, стр. 20, упоминает о странном обычае арабских женщин посещать идола и, задрав одежды, тереться голым задом о камень идола. О рассмотрении этого обычая ср. Kremer, там же).

Посольство хас‘ам

§ 28. — После того как Джарир б. Абдуллах уничтожил идола Зу-ль-Халаса (ср. выше § 27) и убил нескольких хас‘амитов, племя хас‘ам отправило двух послов для переговоров с Магометом в Медину: это были Ас‘ас б. Вахши и Анас б. Мудрик, и они пришли со свитой других хас‘ам: было условлено обращение племени в ислам, и Магомет велел составить следующее писание: «Это писание Мухаммада, Расуль Аллах, хас‘ам — как тем, кто живёт оседло в Бише, так и тем, кто кочует по пустыне. Всякая месть за дела крови, пролитой вами в языческие времена, должна быть упразднена[279]. Кто из вас добровольно или по принуждению принял ислам и имеет возделанное поле нарциссов и дынь, орошаемое (только) дождевой водой или росой (*ас-сара*, или просачивающейся водой), урожай которого легко погибает даже в незасушливые годы, тот может наслаждаться благоуханием (нарциссов) и есть (дыни), не платя подати. Со всех земель, орошаемых проточной водой, следует взимать десятину, а со всех орошаемых водой, черпаемой из колодцев, — половину десятины (двадцатую часть). Присутствовали как свидетели Джарир б. Абдуллах аль-Баджали и прочие присутствующие» (Са‘д, с. 24, § 68, и с. 70, § 131; Шпренгер, III, с. 469).

Посольство бану саламан (шавваль)

§ 29. — В месяце шавваль 10 г. х. в Медину прибыли семь послов племени саламан (ветви куда‘а) из аль-Джанаба[280], среди которых был Хабиб б. Амр ас-Саламани. Они встретили Пророка, когда тот выходил из мечети, чтобы проводить похороны, и Магомет сделал знак слуге Саубану, чтобы тот позаботился об их помещении в Дар Рамла бинт аль-Харис, пока он не вернётся с погребения. После полуденной молитвы Магомет дал аудиенцию послам саламан, сидя во дворе мечети, между кафедрой и дверью своего дома. Саламан задали ему много вопросов, на которые он ответил подробно: затем послы объявили себя мусульманами и перед

[279] Я перевёл, следуя переводу Велльхаузена, ибо выражение *кулль дам асабтумуху* не допускает иного значения. Примечательно, однако, что Магомет, запрещая другим мстить за преступления, совершённые хас‘ам, не упоминает о возможной мести, на которую хас‘ам имели право за полученные обиды, равным образом запрещённой исламом. Быть может, однако, выражение следует понимать в широком и взаимном смысле, и оно некоторым образом включает обе стороны запрета, как прямо утверждено Магометом в его речи к паломникам в Мекке (ср. 8 г. х., § 67, и ниже 10 г. х., § 77).

[280] Область к северу от Медины, между Хайбаром и Вади-ль-Кура (Якут, II, с. 120, стр. 6): есть и другие Джанаб (в Йемене и в Ямаме), но данный должен быть на севере, ибо куда‘а населяли именно пустыню к северу от Вади-ль-Кура. В аль-Джанабе жили также бану мазин (Якут, там же).

отъездом получили обычный дар в пять унций серебра (Са‘д, с. 58–59, § 118; Табари, I, с. 1729; Хаджар, I, с. 630–631, № 1586; Шпренгер, III, с. 428, прим. 1; Асир, II, с. 225).

Посольство бану-с-садиф

§ 30. — Пришло также посольство бану-с-садиф[281], состоявшее примерно из десяти человек, ехавших на быстрых верблюдах, одетых в длинные плащи *изр* (ср. Dozy, *Vêtements*, с. 24 и сл.) и в верхние накидки (*ардия*, отсутствует в словаре Дози). Они встретили Пророка в месте (в мечети) между его домом и кафедрой и уселись во дворе храма, даже не поздоровавшись с ним. Магомет, видя незнакомцев, спросил их, мусульмане ли они. Тогда, поняв, что повели себя невежливо, они встали, говоря: «Мир тебе, о Пророк, и милость Божия!» Магомет вернул приветствие, а затем, когда они спросили его о молитвах и о часах, в которые их следует совершать, дал все требуемые сведения (Са‘д, с. 56, § 111; Шпренгер, III, с. 465–466; Табари, I, с. 1740, утверждает, что это случилось в 10 г. х. и что делегация садиф присутствовала на Прощальном паломничестве).

Посольство зубайд

§ 31. — Прибыл в Медину также Амр б. Ма‘дикариб аз-Зубайди с десятью людьми из зубайд[282], и их поместили в доме Са‘да б. Убады, главы мединского племени бану амр б. ауф. Он и все его люди приняли ислам и после краткого пребывания в Медине вернулись в свои края. Во время великого восстания племён в 11 г. х. Амр б. Ма‘дикариб отрёкся от ислама и взялся за оружие против мусульман, но затем покорился и храбро сражался в битве при аль-Кадисии и в других последующих (Са‘д, с. 55–56, § 109; Хишам, с. 951–952, добавляет, что Амр б. Ма‘дикариб, вернувшись из Медины в свою страну, встретил сильное противодействие распространению ислама и что оно направлялось его противником и соперником Кайсом б. Макшухом аль-Муради; Табари, I, с. 1732 и сл.; Шпренгер, III, с. 471–472; Асир, II, с. 227).

Посольство мурад

§ 32. — Незадолго до появления ислама в Хиджазе в Йемене произошло страшное столкновение между двумя великими и знаменитыми родами хамдан и мурад, и в день ар-Радм (или ар-Разм) (ср. Якут, II, с. 776, и IV, с. 1023) хамдан под начальством аль-Аджа‘а б. Малика почти истребили мурад. По этой причине в Южной Аравии ещё царили неприязнь и трения, из которых ислам извлёк немало выгод: Фарва б. Мусайк аль-Муради отделился теперь от своих союзников, князей (*мулюк*) кинда, и пришёл

[281] Мне неизвестно, где жило это йеменское племя: но так как есть память о том, что некогда у них был конфликт с гассан, мне кажется, что их можно с уверенностью причислить к северным арабам, жившим вдоль сирийской границы. Затем они почти все переселились в Египет и Северную Африку (ср. Wüstenfeld, *Register*, с. 143, и Халликан, II, с. 625, стр. 14 и сл.).

[282] Зубайд населяли окрестности Сан‘ы в Йемене и были в большой части оседлыми племенами, ибо владели несколькими укреплёнными селениями (Wüstenfeld, *Register*, с. 474). Они были среди самых ожесточённых противников ислама в Йемене во время смут 11 г. х. и были усмирены лишь после страшного избиения, почти уничтожившего их род. Из контекста настоящего предания очевидно, что племя не обратилось в ислам: то же можно сказать и о двух племенах, упомянутых в двух предыдущих §§, и, вероятно, также о племени следующего.

прямо в Медину к Пророку, чтобы стать мусульманином. В награду Магомет назначил его своим представителем над мурад, зубайд и мазхидж. Вместе с тем он послал с ним в Йемен Халида б. Са‘ида б. аль-Аса как управляющего податью бедным (*закят*), и тот оставался там до смерти Пророка (Хишам, с. 950–951, где из приведённых стихов, с. 951, стр. 4 и сл., следовало бы, что Фарва б. Мусайк, прежде чем прийти в Медину, искал помощи князей кинда против хамдан; но, будучи ими покинут и пренебрегаем, решил обратиться за помощью к Магомету, надеясь на «щедрую награду и достаток»; Якут, IV, с. 1023, стр. 5–6, называет битву битвой при ар-Разме (а не Радме) и говорит, что она произошла в тот же день, что и битва при Бадре, в которой Магомет разбил курайшитов (2 г. х., §§ 30–80); Са‘д, с. 55, § 108, рассказывает, что Фарва б. Мусайк во время пребывания в Медине изучал Коран с Са‘дом б. Убадой и узнал от него также особые предписания (*фара’ид*) и общие законы (*шара’и‘*) ислама. При отъезде Пророк подарил ему двенадцать унций серебра, верблюда и праздничный плащ, сотканный в Омане; Табари, I, с. 1734 и сл.; *Агани*, XIV, с. 26; Шпренгер, III, с. 470, описывает страну, населённую мурад в Йемене. А именно, они жили к западу от линии, соединяющей Наджран с Ма’рибом, в низине, называемой Джазр, а также Джауф, орошаемой двумя речками Сарат и содержавшей несколько селений и богатые пастбища; Асир, II, с. 225–226)[283].

Обращение Сумамы б. Усаля аль-Ханафи

§ 32, А. — Упоминая об отправке писем Магомета к князьям Аравии и Азии, Ибн Хишам утверждает (Хишам, с. 971, стр. 15–16), что Пророк написал также двум ханифитским князьям (*малякай аль-Ямама*), Сумаме б. Усалю и Хаузе б. Али, приглашая их принять ислам. Это известие, как известно (ср. 6 г. х., §§ 45, 46 и 55), не восходит к Ибн Исхаку, а дано прямо Ибн Хишамом, получившим его от «человека, достойного доверия», который будто бы узнал его от Абу Бакра аль-Хузали (ср. Хишам, с. 971, стр. 3–4). Упоминание имени Сумамы б. Усаля как соправителя Хаузы в управлении Ямамой отсутствует как у Табари, так и в собрании посланий Пророка: поэтому мы можем рассматривать утверждение Ибн Хишама как позднейший узор, придуманный с целью придать большую значимость лицу Сумамы, одного из немногих ханифа, принявших ислам. Самое большее, он был главой какой-то небольшой части великого племени. Преувеличение Ибн Хишама станет нам весьма очевидным, когда, говоря о событиях 11 г. х., мы увидим, как Сумама встал во главе партии, противостоявшей лжепророку Мусайлиме, и потому попросил и получил помощь Медины. Поэтому мне кажется, что не имеют основания недоумения Шпренгера, который, принимая слишком буквально выражения преданий, не может объяснить себе, какие отношения могли существовать между царём Сумамой и царём Хаузой (ср. Шпренгер, III, с. 302, прим. 1).

[283] И из этих известий очевидно, что племя мурад не обратилось в ислам, кроме, быть может, некоторых членов меньшинства, которые могли интриговать с Пророком в надежде не быть подавленными большинством. Отношения были всегда политического характера, но очевидно, что Магомет не выказывал никакого живого желания прямо и энергично вмешиваться в дела Йемена, ибо ничего не сделал, чтобы с силой поддержать этих интриганов и недовольных, обращавшихся к нему лишь для удовлетворения низких личных интересов.

В другой части текста Ибн Хишама, а именно среди собранных им известий, не переданных Ибн Исхаком, у нас есть рассказ о том, как Сумама б. Усаль стал мусульманином (Хишам, с. 996, стр. 18 и сл.). Предание дано на обманчивый авторитет Абу Хурайры (ср. Введение, §§ 26, 27), передавшего его Абу Са‘иду аль-Макбури. Во время одного из набегов всадников Магомета был захвачен Сумама б. Усаль аль-Ханафи и приведён в Медину. Пророк, к великому удивлению сподвижников, оказывал пленнику величайшее внимание и, хотя велел тщательно его стеречь[284], пожелал, чтобы ему в изобилии доставлялись все кушанья, какие ему больше всего нравились. Он пожелал даже, чтобы каждое утро и каждый вечер к Сумаме приводили верблюдицу, чтобы он сам её доил и вволю насыщался молоком. Магомет неоднократно объяснял ему учение ислама, по-видимому, однако, не добившись его обращения. Наконец Магомет переменил способ и приказал без дальнейших разговоров отпустить пленника на свободу, не требуя от него ни обращения, ни уплаты выкупа. Сумама, едва получив свободу, отправился к колодцу на кладбище аль-Баки‘ и, омывшись и очистившись, вернулся к Пророку, объявив себя мусульманином в присутствии всех сподвижников, поражённых случившимся. Утверждают даже, что, став мусульманином, он прямо отправился совершить паломничество к Ка‘бе, где курайшиты, обвинив его в отступничестве, будто бы держали его в плену и грозились наказать. Эта последняя подробность, несомненно, апокрифична, ибо в 10 г. х. курайшиты были уже все мусульманами. Если же известие было бы верно, оно заставило бы нас отнести обращение Сумамы к времени до 8 г. х. Тем не менее, поскольку это известие неизвестно ни Ибн Исхаку, ни Ибн Са‘ду, ни Табари и поскольку оно опирается лишь на предание великого лжеца Абу Хурайры, полагаю, что мы вправе не придавать ему никакой ценности, отрицая всякую его правдивость. Предание может быть, как бесчисленные другие, порождением ощущавшейся позднее потребности отнести ко времени до смерти Магомета обращение многих лиц, ставших знаменитыми после его смерти. Таков неизменный случай всех тех наиболее влиятельных вождей, которые отличились во время великого конфликта 11 г. х. (как в Йемене, так и в Ямаме, в Омане и в других местах) и лишь тогда стали мусульманами. Сумама впервые появился в истории в 11 г. х. как глава ханифитского меньшинства, которое из ненависти к Мусайлиме соединилось с мусульманами. Естественно, что старались заставить поверить в гораздо более раннее его обращение в силу той необходимости исказить весь истинный характер событий 11 г. х., которую нам предстоит показать дальше, подводя итог последним годам Пророка. Заметим также ту странность, что те, кто составил предание о посольстве бану ханифа (ср. следующий §), не включили имени Сумамы в число послов. Это соображение, ускользнувшее от Шпренгера, опрокидывает всю его гипотезу о том, что обращения среди ханифа были делом Сумамы: ибо в таком случае он был бы главой посольства и представил бы Пророку тех, кого обратил. Отсутствует также всякое упоминание об официальной миссии, данной Магометом Сумаме, тогда как известно, что все принявшие ислам, возвращаясь в свои края,

[284] У Бухари (I, с. 127, стр. 6, и 129, стр. 9), но опять же лишь на обманчивый авторитет Абу Хурайры, рассказано, что Сумама был привязан к одной из колонн мечети. Предания о Сумаме собраны у Хаджара, I, с. 412–413, № 956, и у Асира, *Усд*, I, с. 246–248.

получали от Пророка поручение подготовить и возглавить там мусульманскую пропаганду.

Можно поэтому заключить, что Сумама никогда не приходил в Медину и что его подлинное обращение относится к 11 г. х., а именно ко времени, когда он соединил свои силы с силами Халида б. аль-Валида после битвы при Бузахе в 11 г. х. Это не исключает, однако, возможности того, что он, даже не приходя в Медину и не становясь мусульманином, находился в тайных сношениях с Пророком, интригуя сначала против могущественного Хаузы б. Али, а затем против его преемника, Мусайлимы.

Посольство бану ханифа

§ 33. — Мы рассказали под 6 г. х., § 55, как, по некоторым малодостоверным источникам, Магомет послал арабам (христианам) бану ханифа приглашение обратиться в ислам и как их царь, могущественный Хауза б. Али аль-Ханафи, христианин, отказался принять ислам, если только Пророк не предоставит ему широкого участия в правлении. Во время похода на Мекку, в 8 г. х., Магомет узнал, что Хауза умер (Са‘д, с. 5, § 7), и со смертью этого князя, говорят, прекратилось у его людей главное противодействие исламу. Действительно, немного времени спустя (ср. Балазури, с. 86, посл. стр. и сл., который, однако, не приводит своих источников) посольство бану ханифа[285] явилось к Магомету в Медину (в 10 г. х., по Табари) для переговоров с ним о подчинении и обращении племени. Посольство состояло примерно из десятка человек, среди которых упоминаются: (1) Раххаль (или Раджжаль) б. Унфува; (2) Салима б. Ханзала ас-Сухайми, который был главой посольства; (3) Тальк б. Али б. Кайс; (4) Хумран б. Джабир из бану шамир; (5) Али б. Синан; (6) аль-Ак‘ас б. Маслама; (7) Зайд б. Абд Амр; (8) Мусайлима б. Хайюб (или Хабиб, или Сумама) аль-Каззаб, впоследствии знаменитый лжепророк, пытавшийся соперничать с Магометом в верховенстве над арабами. К этому списку, извлечённому из Ибн Са‘да, мы можем добавить: (9) Муджжа‘у б. Мурару, упоминаемого лишь Балазури (с. 87, стр. 1) как получившего пожалование необработанной земли (*ардан маватан*), данное ему по его

[285] Предание об этом посольстве приводится Ибн Са‘дом на превосходный авторитет аль-Вакиди, а так как Ибн Хишам упоминает о нём на столь же надёжный авторитет Ибн Исхака, нет причины не считать посольство историческим фактом. Не всё, однако, что содержится в предании, верно. Прежде всего делегация представляла ханифитское меньшинство, находившееся в конфликте с партией, стоявшей у власти, представленной сначала Хаузой, а после его смерти — Мусайлимой и двумя его приспешниками, Раххалем и Мухаккамом. Во-вторых, из числа имён следует вычеркнуть по меньшей мере имена Раххаля и Мусайлимы. Явное намерение предания — именно выставить в дурном свете тех ханифитских вождей, которые больше всего отличились в кровавом столкновении с исламом в 12 г. х., и потому оно стремилось представить их «отступниками», тогда как в действительности они никогда не были мусульманами. Поэтому мы находим в числе послов имя Раххаля, который был одним из самых пылких сторонников Мусайлимы. Введение имени Мусайлимы происходит из той же побудительной причины; из всего контекста преданий очевидно, что Мусайлима был преемником Хаузы после смерти последнего в конце 8 г. х.; ибо если бы между смертью Хаузы и приходом Мусайлимы над ханифа царствовали другие, мы имели бы о том известие. Выдающееся положение последнего во время *ридды* исключает к тому же возможность того, что он за несколько месяцев, среди людей столь гордых и аристократических, поднялся от недостойных обязанностей сторожа верблюдов до сана государя великого и могущественного племени. Мусайлима был человеком довольно преклонного возраста, когда был убит в 12 г. х., и его выдающееся положение должно было начаться задолго до его появления в качестве государя и пророка.

просьбе Пророком[286]. Посольство пришло в Медину, было помещено в обычном доме, Дар Рамла бинт аль-Харис ан-Наджжария, и щедро принято Магометом, который пожелал, чтобы оно каждый день получало в изобилии хорошую пищу, финики, хлеб и масло. Послы приняли ислам, и есть известие, что Раххаль б. Унфува выучил наизусть несколько сур Корана, среди которых длиннейшую — «аль-Бакара» (II). Пока шли переговоры, предание хочет, чтобы впоследствии знаменитый Мусайлима оставался вне города стеречь верблюдов посольства и не участвовал в переговорах. Учителем послов в изучении Корана во время краткого пребывания в Медине был сподвижник Убайй б. Ка‘б, один из лучших знатоков священного текста, список которого он хранил в рукописи (ср. Шпренгер, III, с. XLV). Когда настал момент возвращения, Магомет приказал, чтобы каждому из послов был сделан обычный прощальный дар (*джава’из*), состоявший в данном случае из 5 *укийя* (унций серебра). Тогда послы напомнили Пророку, что один из них (Мусайлима) всё время оставался стеречь верблюдов, и попросили для него такого же обращения: Магомет согласился, добавив, говорит предание, роковые слова: «Раз он стерёг вашу поклажу и ваших верблюдов, он не худший среди вас»[287]. Отъезжающим Пророк вручил сосуд, полный воды, которой он пользовался для омовений, и приказал, чтобы, разрушив (христианскую) церковь в своей земле, они окропили это место водой и затем построили на нём мечеть. Так и было сделано, и Тальк б. Али стал *муаззином* мусульманской общины в Ямаме. Священник (*рахиб*, собств. «монах»)[288], стороживший христианскую церковь в Ямаме, должен был удалиться из страны (Хишам, с. 945–946; Са‘д, с. 46–47, § 101; Балазури, с. 86–87; Табари, I, с. 1737–1739; Асир, II, с. 227. Ср. ниже 10 г. х., § 67).

§ 33, A. — О мнимых отношениях между Магометом и Мусайлимой у нас есть также следующее предание, представляющее известный интерес, ибо оно происходит, быть может, из утраченного труда аль-Вакиди, озаглавленного *Китаб ар-ридда ва-д-дар*.

---

[286] У Балазури (с. 93, стр. 5 и сл.: от аль-Касима б. Саллама, от аль-Хариса б. Мурры аль-Ханафи, от Хишама б. Исма‘ила) есть текст мнимого документа, по которому Пророк будто бы пожаловал в лён (*акта‘тука*) Муджжа‘е после его прихода в Медину угодья аль-Гура, Гураба и аль-Хубаль (аль-Гура было селением аль-гурабат, граничившим с Карат). Впоследствии Муджжа‘а пришёл с миссией к халифу Абу Бакру и получил в лён аль-Хидриму. То же сделал он во времена халифа Умара и получил в лён ар-Рийю: от халифа Усмана он получил, наконец, ещё один лён, название которого, однако, не сохранилось. Этот Муджжа‘а приобрёл затем печальную известность своим участием в покорении Ямамы (ср. 12 г. х.). Поэтому его имя в числе послов — показатель процесса интерполяции, которым составлялись списки имён мнимых послов: а именно, вписывали все имена лиц, ставших затем наиболее знаменитыми во время *ридды*, в том или ином смысле.

[287] Некоторые источники хотят, чтобы уже по этому случаю, то есть во время мнимого пребывания Мусайлимы в Медине, лжепророк предложил Пророку Медины разделить с ним господство над Аравией: Мусайлима будто бы обещал Магомету присягнуть ему на верность и признать его пророком, если тот признает его своим преемником. Магомет гордо отверг предложение (Балазури, с. 87, стр. 4). Все эти историйки — басни, придуманные с целью представить главу ханифа в 11 г. х. злодеем, заслуживающим страшного наказания, наложенного на него кровожадным Халидом б. аль-Валидом в знаменитой битве при аль-Ямаме в 12 г. х.: сам Ибн Исхак (Хишам, с. 946, стр. 5) сохраняет память о преданиях, отрицающих правдивость этого мнимого разговора.

[288] Учёный ориенталист о. H. Lammens S. I. справедливо находит в этом известии подтверждение своей гипотезы, что распространение христианства в Аравии было делом преимущественно монахов, ввиду уважения, которое кочевники питали к их образу жизни (Lammens, с. 8). В другом месте (там же, с. 136 и сл.) он также талантливо излагает, как огромное большинство виноторговцев и кабатчиков в Аравии были арамеями-христианами и как вино было одним из орудий христианской пропаганды в недрах древней Аравии. Это подтверждается арамейским происхождением столь многих арабских слов, относящихся к вину и кабакам; ср. Fraenkel, с. 171–173, и Huart, с. 6 и 29.

(Аль-Вакиди.) Один ханифит, принявший ислам, был послан Магометом к Мусайлиме, чтобы побудить того прийти в Медину. Итак, ханифит отправился к Мусайлиме, часто его навещая: всякий раз, как находил его одного, он подолгу обсуждал с ним предложение Магомета. Мусайлима, прежде чем решиться, захотел, однако, выслушать мнение Раджжаля (Раххаля) б. Унфувы и других, которые отговорили его принять приглашение, внушив ему, что Магомет непременно предаст его смерти. Наконец Мусайлима отослал посланца Пророка, дав ему в спутники двух ханифитов, на которых мог положиться, чтобы они по возвращении доложили о речах посланца. Оба ханифита, придя в Медину, говорили с Магометом, и когда тот объявил, что не может верить тому, что они рассказывают ему о Мусайлиме, оба обратились в ислам и оставались в Медине до смерти Пророка. Затем оба вернулись на родину, и тогда как один сражался за Мусайлиму и был убит при аль-Акрабе, другой выдал Халиду слабые места ханифа. Утверждают, между тем, что, когда посланец Магомета рассказал Пророку, что Мусайлима был бы готов прийти в Медину, если бы Раджжаль (Раххаль) не отговорил его, Магомет проклял обоих (Хубайш, л. 7r–v) [H.][289].

Посольство кинда

§ 34. — Затем пришло из Йемена также посольство кинда: а именно, аль-Аш‘ас б. Кайс[290] пришёл с восемьюдесятью всадниками (Ибн Са‘д говорит, что их было всего десять *руккаб*, или всадников на верблюдах) к Пророку в Медину. Арабы-киндиты были тщательно причёсаны, подвели под глазами чёрную сурьму и были одеты в богатые полосатые плащи с шёлковой вышивкой, а поверх них носили парчовые ткани с золотыми блёстками. Магомет не одобрил этой чрезмерной роскоши, и когда послы приняли ислам, им пришлось по его приказу снять эти пышные одеяния (Хишам, с. 953–954; Са‘д, с. 56, § 110; Табари, I, с. 1739; Шпренгер, III, с. 463; Асир, II, с. 227; Wüstenfeld, *Register*, с. 89; Навави, с. 160–161; Кутайба, с. 169–170).

---

[289] Это предание, как и приводимое в другом месте (ср. § 67 и сл.), даже если оно лишь отчасти верно, стремится показать, что задолго до смерти Магомета Мусайлима уже занимал господствующее положение в Ямаме и что, стало быть, он не только не был простым сторожем верблюдов, но и никогда не приходил в Медину.

[290] Этот аль-Аш‘ас зловеще знаменит в летописях *ридды* своим предательством во время осады ан-Нуджайра (ср. 12 г. х.), и нам ещё придётся подробно говорить о нём впоследствии. Предание основано на двух авторитетах, Ибн Исхаке и аль-Вакиди, поэтому трудно было бы с вескими доводами утверждать, что оно не хранит памяти об историческом событии: но, даже признавая реальность посольства, это не доказывает, что все кинда обратились: сама скудость содержащихся в нём известий справедливо заставляет подозревать, что речь шла лишь о заключении какого-то политического соглашения, основой которого была уплата ежегодной дани со стороны какой-то части всего рода. Действительно, в другом отрывке *Китаб ар-ридда* аль-Вакиди, сохранённом Ибн Хубайшем, мы находим предание (аль-Вакиди, от Абдуллаха б. Касира, от Абдуллаха б. Абу Бакра б. Хазма), согласно которому посольство состояло из одних бану вали‘а (б. ма‘дикариб), небольшой семьи кинда (ср. Wüstenfeld, *Gen. Tab.*, 4, 27). Между кинда и Магометом был заключён письменный договор, в котором Пророк наложил на арабов уплату дани плодами (финиками). Когда кинда вернулись на родину в Хадрамаут, Магомет послал с ними своего представителя, Зияда б. Лабида аль-Баяди аль-Ансари. Наконец, сказано, что их *садака* состояла из плодов, верблюдов (*хуфф*), верховых животных (*машия*), вьючных животных (*кура‘*) и десятин (*‘ушур*, с доходов угодий) (Хубайш, л. 28v). Очевидно, что положение этой области Аравии по отношению к Магомету было аналогично положению Бахрейна и Омана. Именно жадность мусульманского сборщика в 12 г. х., доведя жителей до отчаяния, вызвала затем кровавое восстание.

Посольство бану тайй

§ 35. — В этом году (10 г. х.) прибыло в Медину посольство бану тайй[291], во главе которого стоял их вождь (*ра’исухум ва сайййдухум*) Зайд аль-Хайль б. Мухальхаль (Велльхаузен читает Мухальхиль) из бану набхан (ветви тайй). В состав посольства входили также следующие: (1) Вазар б. Джабир б. Садус б. Асма’ ан-Набхани; (2) Кабиса б. аль-Асвад б. Амир из джарм тайй; (3) Малик б. Абдуллах б. Хайбари из бану ма‘н, ветви тайй; (4) Ку‘айн б. Хулайф из джадила; (5) один человек из бану булан (или баулан). Эти послы, прибыв в Медину, когда Магомет находился в мечети, въехали в неё на своих верблюдах, которых привязали в самом дворе храма. Затем они явились к Пророку и выслушали от него изложение основных начал ислама: тайй обратились все, и Магомет подарил каждому из них по пять *авак*, или унций серебра. Вождю же Зайду аль-Хайлю он подарил 12½ унций и пожелал, чтобы тот переменил имя Зайд аль-Хайль на Зайд аль-Хайр. Магомет выразил своё особое уважение к Зайду аль-Хайру, объявив, что только его одного из всех арабов нашёл превосходящим свою славу, и поэтому пожелал пожаловать ему Файд и ещё два участка земли; а чтобы утвердить это право, снабдил его писанием, или актом дарения. На обратном пути Зайд аль-Хайр скончался в местности, называемой аль-Фарда, и его жена взяла и сожгла всё, что ему принадлежало, включая и документ, написанный Пророком (Са‘д, с. 50–51, § 103; Табари, I, с. 1747–1748; Асир, II, с. 228; Хаджар, II, с. 65–67, № 2926, говорит, что Зайд пришёл в Медину в 9 г. х. и что, по некоторым, он умер в царствование Умара [13–23 г. х.]; Асир, *Усд*, II, с. 241–242).

Письма к бану тайй

§ 36. — (1. Письмо к бану му‘авия б. джарваль ат-таиюн.) Магомет написал бану му‘авия б. джарваль, ветви тайй, обещая тем, кто примет ислам и будет тщательно соблюдать обязанности доброго мусульманина (молитву, милостыню, повиновение Богу и Пророку, пятую часть добычи[292], отделение от идолопоклонников и свидетельства о подлинности обращения), безопасность (*аман*) Бога и Его Пророка: те владения, которые были у них в момент обращения, должны были оставаться в их

[291] Говорят, что тайй жили некогда в Йемене и что, когда произошло великое переселение племени на север вследствие прорыва плотины Ма’риба (*сайль аль-‘арим*, который современные историки относят к периоду между I и VI веками по Р. Х.; ср. De Sacy, *Mémoire où l’on examine l’autorité des synchronismes établis par Hamza Isfahani*, Acad. des Inscript., т. X, с. 1–30; ср. также т. XXIX и XLVIII; Glaser, *Die Abessinier in Arabien und Afrika*, München, 1895, гл.: *Die sabäischen Damminschriften*), они переселились на север, поселившись в Неджде у двух знаменитых гор Аджа и Сальма и изгнав из этой плодородной области асад б. хузайма, ставших впоследствии их соседями и союзниками. Им принадлежал также богатый оазис Тайма (Wüstenfeld, *Register*, с. 436–438; Казвини, II, с. 49; Якут, I, с. 122; III, с. 120). Число документов и известий об обращении тайй исключает всякое сомнение в их присоединении к исламу, хотя оно не было искренним, как явствует из событий 11 г. х.

[292] Относительно добычи царит малая ясность или по крайней мере малое единообразие выражений: здесь у нас, например: *хумс Аллах ва сахм ан-наби*, то есть пятая часть добычи, причитающаяся Богу, и доля Пророка. В другом месте у нас, напротив, *хазз Аллах ва хазз ар-расуль*, то есть доля Бога и доля Пророка (Са‘д, с. 8, § 16), или же (Са‘д, с. 76, § 142) *хумс Аллах ва хумс набиййихи ва сафиййуху*, то есть пятая часть Бога, и пятая часть Его Пророка, и предпочтительная доля Пророка. Вероятно, все эти различные выражения означают одно и то же, ибо маловероятно, чтобы Магомет предлагал различным племенам различные условия относительно добычи после того, как способ раздела был установлен кораническим откровением. Остаётся, однако, неоспоримый факт, что различные приведённые нами выражения, взятые каждое в своём буквальном и точном смысле, означают несколько различное понятие раздела.

владении, *ва-ль-ганам мабита*[293]. Документ написал аз-Зубайр б. аль-Аввам (Са‘д, с. 10, § 23).

§ 36, А. — (2. Письмо к Амиру б. аль-Асваду ат-Таи.) Магомет написал Амиру б. аль-Асваду б. Амиру б. Джувайну ат-Таи и его народу из бану тайй, объявляя, что признаёт за ними владение теми землями и теми водами (то есть колодцами), которыми они пользовались, когда обратились в ислам, пока они будут совершать молитву, платить милостыню и держаться отдельно от идолопоклонников. Документ написал аль-Мугира (б. Шу‘ба) (Са‘д, с. 10, § 23).

§ 37. — (3. Письмо к бану джувайн из тайй.) Магомет написал бану джувайн, ветви тайй, объявляя, что тот, кто исполняет свои обязанности доброго мусульманина (вера в единого Бога, молитвы, милостыня, отделение от идолопоклонников, повиновение Богу и Пророку, свидетели подлинности обращения, пятая часть добычи и доля Пророка), имеет право на защиту и безопасность (*аман*), даруемую Богом и Мухаммадом б. Абдуллахом, и может оставаться в пользовании и владении всем, чем владел в момент обращения в ислам, и пользоваться тем пастбищем, которое овцы, выпущенные утром, оставляют за собой, возвращаясь вечером домой (ср. § 36, прим. 2). Документ написал аль-Мугира (б. Шу‘ба) (Са‘д, с. 10, § 23).

§ 38. — (4. Письмо к бану ма‘н ат-таиюн.) Магомет велел составить для бану ма‘н, ветви бану тайй, документ того же содержания, что и предыдущий, добавив лишь к обязанностям обязанность охранять безопасность общественных дорог. Документ написал аль-Аля, который был также свидетелем (Са‘д, с. 10–11, § 23).

§ 39. — Среди тех, кто приходил повидать и расспросить Пророка в Медине, упоминается один член племени тайй по имени Амр б. Мусаббих б. Ка‘б б. Амр б. Асар б. Ганм б. Хариса б. Сауб б. Ма‘н ат-Таи, которому было тогда сто пятьдесят лет. Этот Амр был самым искусным стрелком из лука, какой был тогда в Аравии: утверждают, что на него намекал великий поэт Имру’улькайс в двух стихах (*Диван*, изд. Альвардта, 29, 1) (Са‘д, с. 52, § 103; *Агани*, VIII, с. 73, 2)[294].

---

[293] Это тёмное выражение буквально гласит: «мелкий скот; место возвращения в стан на ночь». Обычно употребляемый термин — *мабит*, в форме существительного мужского рода и со значением места, где скот проводит ночь после дневного выпаса. В настоящем случае у нас необычная женская форма, которая поэтому могла бы относиться как прилагательное к *ганам*, собирательному имени, управляющему женским родом (Caspari, *Grammatica araba*, с. 154, § 290, разд. 1). Велльхаузен перевёл это место следующим образом: «в их владении должен остаться весь участок страны, который пройдут овцы, выпущенные утром, когда вечером они вернутся домой». К этому переводу Велльхаузен добавляет в примечании (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 110, прим. 5): «Я полагаю, правда, что угадал смысл тёмных и трудных слов согласно тому, что говорит схолия, но не могу за это ручаться. Предполагается, что круг (выпаса) имеет постоянный центр и что владельцы стад имеют постоянное место жительства, куда овцы всегда возвращаются вечером. Сколько земли при этой предпосылке смогут пройти за день овцы, вышедшие рано утром, столько и будет принадлежать как пастбище жителям этой определённой стоянки». Ср. также следующий § 37.

[294] У нас есть известие и о другом члене рода тайй, принадлежавшем к семье бану бухтур, а именно об аль-Валиде б. Джабире б. Залиме б. Харисе б. Аттабе б. Абу Харисе б. Джудайе б. Тадуле б. Бухтуре, который, явившись к Пророку в Медину и приняв ислам, получил от Магомета писание, долго хранившееся затем семьёй, жившей на двух горах (двух параллельных горных хребтах Аджа и Сальма, между которыми обитали тайй) (Са‘д, с. 19, § 51).

Письмо к бану асад о защите тайй

§ 40. — И Магомет написал: «(Во имя Бога милостивого и милосердного.) От Мухаммада ан-Наби к бану асад. Мир вам. Я возношу за вас хвалу Богу, кроме которого нет иного Бога. Итак: держитесь вдали от вод и земли бану тайй, ибо их воды вам не дозволены (то есть вы не можете ими пользоваться), и никто не должен входить в их страну, кроме того, кого они сами впустят. Кто поступает против приказов Мухаммада, теряет его покровительство: Куда‘и б. Амр должен руководить их делами»[295]. Документ написал Халид б. Са‘ид, а Куда‘и б. Амр был в то время начальником (‘*амиль*, представителем Пророка) у бану асад, хотя сам принадлежал к бану узра (Са‘д, с. 11, § 24; Шпренгер, III, с. 400).

Обращение бану джарм (куда‘а)

§ 41. — Племя джарм (ветвь куда‘а, жившая, стало быть, на севере полуострова) обитало у источника на весьма оживлённом караванном пути: среди мальчиков племени рос некий Абу Язид Амр б. Салима аль-Джарми, который имел обыкновение расспрашивать проходивших там путешественников, узнавая новости о Медине: так он узнал, что в Медине появился пророк, и выучил наизусть от путешественников те стихи Корана, которые те слышали и умели повторить по памяти. Так случилось, что мальчик, хотя его племя было ещё языческим, знал наизусть многие места Корана. Арабы джарм долго оставались в нерешительности, как вести себя по отношению к Магомету, и выжидали окончательного исхода борьбы между ним и курайшитами: они говорили между собой: «Будьте внимательны! Если он их победит, значит, правда на его стороне и он — пророк!» Победа Магомета над курайшитами и взятие Мекки наконец побудили джарм отправить делегацию для переговоров с Магометом. В состав делегации входил Салима, отец мальчика Абу Язида (по одному преданию, и сын участвовал в миссии), и послы вернулись в стан джарм у источника с наставлениями, полученными прямо от Магомета. Пророк приказал, чтобы тот из джарм, кто знает больше Корана, был призван руководить другими в молитве. Оказалось, что маленький Абу Язид — лучший знаток Корана и что следует взять его руководителем молитв. Он был ещё так молод, что не одевался как мужчины, и плащик, который он носил, едва мог прикрыть ему плечи. Случилось теперь, что, когда он, молясь, простирался впереди собрания мусульман, он открывал всем собравшимся свой зад: женщины закричали, и пришлось дать ему рубаху (*камис*), которая лучше его прикрывала (ср. 10 г. х., § 14, прим. 3).

Есть известие и о двух других членах племени джарм, а именно об аль-Аска‘ б. Шурайхе б. Сурайме б. Амре б. Рияхе б. Ауфе б. Амире б. аль-Хуне (Хауне?) б. А‘джабе б. Кудаме б. Джарме из бану-ль-хаф б. куда‘а и о Хаузе б. Амре б. Язиде б. Амре б. Рияхе аль-Джарми, которые пришли в Медину, стали мусульманами и привезли особое писание от Пророка. Аль-Аска‘ получил начальство над двумя ветвями кудама, а именно над тарид и аджаб (Са‘д, с. 60–62, § 120; Шпренгер, III, с. 429).

[295] Этот документ, имеющий, по-видимому, признаки подлинности, был, как видно, вызван трениями между тайй и асад, притязавшими на пользование колодцами в пустыне, принадлежавшими тайй.

Обращение бану уджа

§ 42. — (Авторитет: Ибн аль-Кальби.) Некий Хабиб б. Амр аль-Уджа’и пришёл послом к Пророку и получил от него следующее писание: «Это писание Мухаммада, Расуль Аллах, Хабибу б. Амру, члену бану уджа[296], и тем из его народа, кто принял ислам и платит подать бедным (*аз-закят*): он имеет право на своё имущество и на свои источники, где ныне находятся как оседлые (*хадир*), так и кочевые (*бади*) члены его племени: за это они имеют обещание (*‘ахд*, или договор) Бога и покровительство (*зимма*) Посланника Божия» (Са‘д, с. 19, § 50; Шпренгер, III, с. 392).

Переговоры с бану бакр б. ва’иль

§ 43. — (Авторитет: аль-Мадаини.) Рассказывают, что Магомет написал бану бакр б. ва’иль, приглашая их принять ислам и обещая безопасность, если они согласятся. Когда прибыло послание Магомета, доставленное Зубьяном б. Марсадом ас-Садуси, никто из бакр б. ва’иль не был в состоянии прочесть писание. Наконец нашли одного, кто оказался на это способен, члена племени бану дубай‘а б. раби‘а: он прочёл письмо Магомета, и его потомки получили поэтому прозвище бану-ль-катиб, или «сыны писца» (Са‘д, с. 20–21, § 54; Шпренгер, III, с. 268)[297].

Посольство бакр б. ва’иль

§ 44. — (Авторитет: аль-Мадаини.) Затем пришло в Медину и посольство бакр б. ва’иль, в котором были: Башир б. аль-Хасасия, Абдуллах б. Марсад, Хассан б. Хаут и Абдуллах б. Асвад б. Шухар (?) б. Ауф б. Амр б. аль-Харис б. Садус. Этот последний продал своё имущество в Ямаме и поселился в Медине, поднеся в дар Пророку мешок фиников и получив за это его благословение (Са‘д, с. 46, § 99)[298].

Писание для аш-Шу‘айра б. Адды

§ 45. — (Авторитет: аль-Мадаини.) Есть известие о писании, посланном Мухаммадом, Посланником Божиим, аш-Шу‘айру б. Адде, в котором рассказывается, что Магомет сказал: «Я жалую тебе право сопровождать людей, путешествующих через

---

[296] О бану уджа см. *Агани*, XIX, с. 127, стр. 15 и 28; 128, стр. 23. Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 123, прим. 2) прав, отвергая как ошибочное предпринятое Шпренгером производство имени уджа от знаменитой горы Аджа, принадлежавшей тайй, в Северной Аравии.

[297] Это обрывочное известие должно принадлежать к группе не биографических известий о Магомете, а генеалогических — о членах различных племён. Бакр б. ва’иль жили у границ Персии (Wüstenfeld, *Register*, с. 110): очевидно, что они не приняли ислама при жизни Магомета; их обращение началось лишь около 12 г. х., когда началось вторжение в Персидскую державу.

[298] Эти известия весьма отрывочны и неполны: в другом месте того же автора (Са‘д, с. 48, стр. 17) упоминается также другой посол бакр б. ва’иль по имени Хурайс б. Хассан аш-Шайбани. Это, быть может, память о каком-то бакрите, поселившемся в Медине при жизни Пророка: это не доказательство того, что племя обратилось.

ар-Рухайх, и назначаю тебе прибыль, которую ты получишь от путников»[299] (Са‘д, с. 21, § 55; Якут, II, с. 772, стр. 1).

Переговоры с Хадрамаутом

§ 46. — Рассказывают ещё, что Магомет написал князьям (*акьял*) и вельможам (*‘узама’*) Хадрамаута, среди которых упоминаются: Зур‘а, Кахд, аль-Баси (?), аль-Бухайри, Абд Кулял, Раби‘а и Хаджар. Ибн Са‘д, сообщая это известие (Са‘д, с. 22, § 58), ничего больше не добавляет и не говорит, ответили ли они Пророку благосклонно, хотя из двух приведённых стихов следовало бы, что они приняли ислам. Следует, однако, заметить, что Зур‘а и Абд Кулял — собственные имена химьяр, как и княжеское звание *акьял*.

§ 47. — Из другого места Ибн Са‘да мы узнаём, что в Медину прибыло посольство жителей Хадрамаута одновременно с посольством кинда. Посольство состояло из бану вали‘а, царей (*мулюк*) Хадрамаута, по имени Хамда, Михвас б. Ма‘дикариб б. Вали‘а, Мишрах и Абда‘а: все они приняли ислам, и утверждают, что Магомет чудесным образом исцелил также судорогу языка у Михваса, мешавшую ему говорить не заикаясь. Магомет пожаловал также последнему пенсию из доходов Хадрамаута (Са‘д, с. 70–71, § 133; ср. Хаджар, II, с. 540, № 8662).

§ 48. — Пришёл в Медину также гордый Ва’иль б. Худжр аль-Хадрами, который объявил, что пришёл лишь по горячему желанию принять ислам: так как он был вождём, пользовавшимся большим влиянием в своей стране, Магомет был весьма рад его обращению и, проповедуя в мечети, пожелал особо упомянуть о нём. Му‘авии (б. Абу Суфьяну) Пророк поручил оказать ему гостеприимство, но хадрамаутец вёл себя по отношению к своему хозяину с величайшим высокомерием: однажды во время прогулки он отказал Му‘авии в пользовании своими сандалиями, хотя Му‘авия просил одолжить их ему, потому что песок обжигал ему ноги. Хадрамаутец ответил ему: «Йеменцы не должны услышать, что какой-нибудь простой человек носил сандалию царя; но если хочешь, я замедлю шаг моего верблюда и позволю тебе идти в тени животного». Когда Му‘авия попросил позволения тоже сесть на верблюда и поместиться позади него, хадрамаутец тоже ответил отказом и добавил: «Тень моего верблюда — достаточная для тебя честь!» Пророк не придал значения этим проявлениям высокомерия, и когда Ва’иль б. Худжр собрался вернуться на родину и попросил писание, подтверждающее его права и владения, Пророк велел вручить ему следующую грамоту: «Это писание Мухаммада ан-Наби Ва’илю б. Худжру, князю (*кайль*) Хадрамаута. Ты стал мусульманином, и я гарантирую тебе владение теми землями и замками, которые у тебя во власти. С тебя будет взиматься подать по одному с каждых десяти, и об этом позаботится беспристрастный человек (*зу ‘адль*): я гарантирую тебе, что никто не учинит тебе несправедливости в твоих делах, пока будет стоять религия: и Пророк (*ан-Наби*) и верующие — помощники (*ансар*) в этом» (Са‘д,

[299] Право сопровождать путников по какой-либо полосе страны и гарантировать их безопасность — древний и известный источник доходов для вождей кочевых племён. Магомет не отменил его, хотя оно противоречило началам ислама. Имя Шу‘айр заслуживает внимания, ибо оно тождественно имени одного идола аназа: жаль, что наш источник не говорит нам, к какому племени принадлежал этот Шу‘айр б. Адда (ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 126, прим. 3).

с. 71–72, § 133). Существует, однако, и другая версия того же документа (Са‘д, с. 25, § 71), текст которой не имеет заметных вариантов, кроме того что оценка облагаемого скота должна была производиться не одним, а двумя знатоками. Кроме этого документа, в том же параграфе мы находим текст ещё одного писания, которое тоже будто бы продиктовано Пророком для Ва’иля б. Худжра, но текст весьма испорчен, смысл тёмен и, кажется, намекает на некоторые фискальные льготы. Состояние документа таково, что не стоит приводить здесь его перевод (ср. Шпренгер, III, с. 461)[300].

Посольство бану мухариб

§ 49. — Во время Прощального паломничества к Магомету (в Мекке) явились послы бану мухариб[301], всего десять человек, среди которых Сава б. аль-Харис и его сын Хузайма б. Сава. Они принесли Пророку заявление о том, что их племя приняло ислам, и потому были приняты на содержание за счёт Магомета. Никто из паломников не был грубее и неотёсаннее этих послов в обращении с Пророком во время обрядов паломничества, хотя у них были наилучшие намерения. Они проводили Пророка до Медины и получили жильё в доме Дар Рамла бинт аль-Харис. Когда они собрались уезжать, Магомет приказал, чтобы они получили обычные подарки, даваемые всем послам племён при прощании (Са‘д, с. 34, § 83; Табари, I, с. 1739; Асир, II, с. 227; Шпренгер, III, с. 515, прим. 1, добавляет, что присутствие бану мухариб на Прощальном паломничестве означало особое торжество Пророка, ибо это племя, населявшее пастбища вокруг Рабазы, к востоку от Медины, было до тех пор упорно враждебно исламу).

Посольства джу‘фи (мазхидж)

§ 50. — И некоторые члены йеменского племени джу‘фи б. са‘д ашира б. мазхидж были увлечены последовать примеру стольких других племён и принять ислам (в 10 г. х.?). Так пришли в Медину два джу‘фита по имени Кайс б. Салима б. Шарахиль (из бану мурран б. джу‘фи) и Салима б. Язид б. Машджа‘а б. аль-Муджамми‘, оба сыновья одной матери, Мулайки бинт аль-Хульв б. Малик (из бану харим б. джу‘фи), и стали мусульманами. Так как у этого племени было суеверие, что никогда нельзя есть сердце животных, Магомет, чтобы испытать искренность их обращения, велел им съесть в его присутствии жареное сердце (овцы): приказ был исполнен двумя джу‘фитами, дрожавшими от страха, и Пророк, удовлетворённый испытанием, даровал Кайсу б. Салиме следующий документ: «Писание от Мухаммада, Расуль Аллах, Кайсу б. Салиме б. Шарахилю: я назначил тебя главой мурран и их клиентов, харим и их клиентов, и кулаб и их клиентов, которые все совершают молитву и платят подать бедным (*закят*) и подать *ас-садака* со своего имущества». Кулаб были конфедерацией племён,

[300] Есть также упоминание о некоем Кулайбе б. Асаде б. Кулайбе аль-Хадрами, который пришёл в Медину повидать Магомета, принёс ему в дар плащ, сотканный для него матерью Тахнат бинт Кулайб, и получил благословение (Са‘д, с. 71–72, § 133).

[301] Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 142, прим. 1) добавляет: мухариб б. хасафа упоминаются у Вакиди — Велльхаузена, с. 99, вместе с са‘лаба б. са‘д (обращёнными в 9 г. х.); по *Агани* (XII, с. 124, стр. 26), они жили отчасти в той же области, что и это племя, но, по-видимому, были частью гатафан и асад (ср. *Агани*, X, с. 24, стр. 29 и сл.).

образованной зубайд б. са‘д ашира, ауд б. са‘д ашира, джаз б. са‘д ашира, зайдаллах б. са‘д ашира, а’изаллах б. са‘д ашира и бану сала’а из бану-ль-харис б. ка‘б. Клиенты, на которых намекает документ, говорит Шпренгер (III, с. 460, прим. 1), — это жители селений и городов, бывшие клиентами кочевых племён в обмен на защиту, которую кочующие по пустыне племена обеспечивали оседлым жителям.

После счастливого заключения этого соглашения, продолжает Ибн аль-Кальби, у двух джу‘фитов возникло сомнение: они снова явились к Пророку, патетически описали ему добродетели их общей матери, покойной Мулайки бинт аль-Хульв, и спросили наконец, какова её участь в иной жизни, напомнив, что она (согласно древнему арабскому обычаю) по хоронила заживо одну из их новорождённых сестричек. Магомет безжалостно ответил, что и мать, и заживо погребённая дочь осуждены на адский огонь. Оба джу‘фита пришли в смятение от этого ответа и, в ярости отрекшись от ислама, который заставлял их есть сердце животных и признать свою общую мать навеки осуждённой на ад, удалились из Медины. В пути они встретили верблюдов, которых гнали в Медину в уплату податей соседних племён, одолели сподвижников Пророка, сопровождавших животных, и угнали скот. Тогда Магомет произнёс против них проклятие, подобное тому, которое он произносил в другие разы против ри‘ль, заквана, усаййа и лихьян (ср. 4 г. х., § 5). Утверждают также, что он заключил их всех в одно проклятие (Са‘д, с. 53–54, § 106; Шпренгер, III, с. 459–460)[302].

§ 51. — Пришли, однако, другие вожди джу‘фи, которые не выдвигали стольких трудностей и приняли учение ислама. Так у нас есть упоминание об Абу Сабре Язиде б. Малике б. Абдуллахе б. аз-Зуайбе б. Салиме б. Зухле б. Мурране б. Джу‘фи, который вместе с двумя сыновьями, Саброй и Азизом, явился к Пророку в Медину и стал мусульманином. Сыну Азизу Пророк переменил имя на Абд ар-Рахман. Утверждают также, что Магомет чудесно исцелил Абу Сабру от опухоли, образовавшейся у него на тыльной стороне руки. Магомет пожаловал ему также *вади* его племени в Йемене, называвшийся Хурдан (Са‘д, с. 54, § 106; Шпренгер, III, с. 461).

§ 52. — Есть упоминание и о другом члене са‘д аль-ашира, некоем Зубабе из племени анасаллах б. са‘д аль-ашира, который пришёл повидать Пророка в Медине. Он, едва услышав, что Магомет начал проповедовать, отправился прямо в то место, где поклонялись идолу са‘д аль-ашира, называемому Фаррад, разбил его на куски и пошёл затем представиться Пророку, исповедуя ислам. Сын этого Зубаба, Абдуллах б. Зубаб аль-Анаси, сражался за Али в битве при Сиффине в 37 г. х. (Са‘д, с. 66, § 124; Шпренгер, III, с. 459).

[302] Авторитет Ибн аль-Кальби, приводимый Ибн Са‘дом, столь часто повторяющийся эпизод Магомета, осуждающего языческих предков на адские муки, и вся совокупность предания заставляют меня подозревать, что эпизод может быть если не весь, то по крайней мере в значительной части апокрифичен и что он не имеет исторической ценности иначе как память о том, что часть джу‘фи (большинство?) не приняла ислама. Быть может, он был придуман впоследствии как попытка оправдать враждебное поведение племени по отношению к исламу при жизни Пророка. Весьма примечательно, однако, упоминание о двух мужчинах по видимости разных семей, которые тесно и прочно связаны между собой памятью об общей матери и которые в вопросах об участи родителей ограничиваются тем, что спрашивают Магомета об общей матери и вовсе не упоминают отца. Мы имеем здесь чёткий и точный отголосок эпохи, когда в племени джу‘фи господствовал матриархат: эта часть предания, то есть та, что косвенно проступает из контекста рассказа, — быть может, единственная действительно подлинная и имеющая историческую ценность.

Посольство ар-рухавиюн (мазхидж)

§ 53. — В течение 10 г. х. в Медине появились пятнадцать человек из ар-рухавиюн (членов племени ар-руха, ветви рода мазхидж, уроженцев Йемена), которые поселились в Дар Рамла бинт аль-Харис, принеся подарки для Пророка; они поднесли также коня, на котором проехали перед Магометом и который ему очень понравился. Пророк отправился навестить их в их жилище и имел с ними долгую беседу, окончившуюся обращением делегатов в ислам. Они пробыли некоторое время в Медине, чтобы выучить Коран и законы (*аль-фара’ид*), налагаемые новым учением. Магомет сделал им различные подарки — от наибольшего в 12½ унций серебра до наименьшего в 5 унций. Затем послы вернулись домой, но часть их снова появилась на Прощальном паломничестве и следовала за Пророком во всех обрядах. В награду за это Магомет завещал, чтобы ар-рухавиюн пользовались ежегодной пенсией в 100 *васков* фиников из имения аль-Катиба в Хайбаре (ср. 7 г. х., § 42). Наследники этой пенсии продали её затем во времена халифа Му‘авии [† 60 г. х.] (Са‘д, с. 67–68, § 127; Вакиди — Велльхаузен, с. 287; Табари, I, с. 1739; Асир, II, с. 227; Якут, II, с. 877, стр. 2)[303].

Посольство анс (мазхидж)

§ 54. — И племя анс, ветвь мазхидж, притязало на то, что у него было посольство: один из их племени, которому Ибн Са‘д не даёт имени, а Ибн Хаджар называет Раби‘а б. Рава, будто бы пришёл в Медину, был принят и ужинал с Пророком, прежде чем тот пригласил его стать мусульманином. По окончании трапезы Магомет пригласил его принять ислам, и ансит согласился, объявив, что делает это не из страха и не в надежде на выгоду, а потому, что почувствовал внутренний голос, неодолимо побудивший его исповедать веру. Человек оставался с Магометом некоторое время, и когда собрался в обратный путь, Пророк снабдил его всем, что могло ему пригодиться. Он не смог, однако, принести новую веру своим единокровным на юг Аравии, ибо умер в дороге от лихорадки (Са‘д, с. 66, § 125; Шпренгер, III, с. 471, прим. 1). Мы можем поэтому заключить, что никто из анс не обратился в ислам.

Посольство азд Омана (ср. 8 г. х., §§ 190–192)

§ 55. — (Авторитет: аль-Мадаини.) Жители Омана тоже стали мусульманами, и Магомет послал к ним аль-Аля б. аль-Хадрами[304], чтобы тот изложил им основные начала ислама и собрал подати.

Тогда пришли послы (азд Омана) навестить Магомета в Медине, среди которых упоминается имя Асада б. Ябруха ат-Тахи, и изложили Пророку свою нужду в человеке, который руководил бы их делами и восстановил порядок. Тогда выступил вперёд некий Махраба аль-Абди, собственное имя которого было Мудрик б. Хут, и просил Магомета послать его представителем в Оман, ибо в битве при Джануб (азд

[303] Есть упоминание и о другом рухавите по имени Амр б. Субай‘, который будто бы пришёл в Медину сам по себе и стал мусульманином. Утверждают также, что он получил из рук Пророка знамя, которым пользовался в битве при Сиффине в 37 г. х., сражаясь на стороне Му‘авии против Али (Са‘д, с. 68, § 127).

[304] Это известие ошибочно, ибо мы знаем, что в Оман был послан Амр б. аль-Ас, а аль-Аля был послан, напротив, в Бахрейн (ср. 8 г. х., § 190).

Омана) даровали ему жизнь и он желал выказать им свою признательность: Пророк согласился и послал его в Оман. Позднее появился в Медине также некий Салима б. Айяз аль-Азди с несколькими товарищами, и все вместе они обратились в ислам (Са‘д, с. 72–73, § 134).

Посольство гафик

§ 56. — Пришли в Медину также Джулайха б. Шаджжар б. Сухар аль-Гафики и несколько других членов племени гафик[305], обратились в ислам и добровольно принесли Пророку сумму податей, которые им полагалось платить. Среди членов делегации был также Ауз б. Сарир аль-Гафики (Са‘д, с. 73, § 135; Шпренгер, III, с. 461).

Посольство барик

§ 57. — Пришли в Медину также делегаты барик, ветви азд, приняли ислам и присягнули Пророку на верность. Он велел составить для них следующее писание: «Это писание Мухаммада, Расуль Аллах, барик. Их плоды не должны срываться, пока они незрелы, а их земли не должны стравливаться во время весенних дождей (*марба‘*) и во время летних дождей (*масиф* в одном тексте и *сайиф* или *сайф* в другом)[306] без позволения барик. Если же мусульмане будут проходить через их страну во времена голода или засухи, барик обязаны давать им приют три дня. А когда плоды созреют, путник сможет сорвать их столько, сколько сможет съесть, но ничего не сможет положить в карман». Свидетелями были Абу Убайда б. аль-Джаррах и Хузайфа б. аль-Яман: документ написал Убайй б. Ка‘б (Са‘д, с. 25, § 70; с. 73, § 136; Шпренгер, III, с. 256, говорит, что барик, независимая ветвь хас‘ам, имели свои жилища у подножия гор к северу от Джураша)[307].

Посольство махра

§ 58. — Пришли в Медину послы махра во главе с Махри б. аль-Абьядом и, приняв ислам, получили от Пророка писание следующего содержания: «Это писание Мухаммада, Расуль Аллах, Махри б. аль-Абьяду относительно тех из махра, кто стал верующим: их не должно пожирать (то есть обескровливать податями) и угнетать, но они должны соблюдать законы (*шара’и‘*) ислама: кто от них отклонится, вступает в конфликт с Богом, а кто верует в Него, будет иметь право на покровительство (*зимма*)

[305] Мне не удалось установить, где жило это небольшое племя, которое затем, как известно из одного места Якута (III, с. 900, стр. 7), отчасти переселилось в Египет.

[306] О точном значении терминов *раби‘* и *марба‘* Велльхаузен справедливо заметил, что в различных частях Аравии были в употреблении различные понятия, а именно: в одних областях считалось, что этим терминам соответствует весеннее время, в других — осеннее (Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, III, с. 93, и IV, с. 131, прим. 3). Что касается выражения *сайф* в данном случае, мы должны помнить, что документ написан для жителей южной области Аравии, Йемена, в горах которого муссон, дующий над Индийским океаном в начале лета, приносит самые обильные и благодатные дожди (ср. D. G. Hogarth, *The Nearer East*, с. 106, 114). На эти дожди летнего муссона, несомненно, намекает термин *масиф*, так что, думаю, здесь не может быть никакого сомнения в истинном значении слова. Добавим к тому же, что в Южной Аравии осень крайне засушлива (см., например, R. Manzoni, *El Yemen*, ч. I, и отчёт Глазера в *Petermann’s Mittheilungen*, т. XXX, с. 170–183, 204–213), и потому *раби‘* в данном случае может означать лишь весну.

[307] Заметим, что документ не содержит никакого намёка на исламскую веру барик, которые поэтому, как и большинство азд, вероятно, остались язычниками, несмотря на противоположные утверждения, предпосланные документу Ибн Са‘дом.

Бога и на покровительство Пророка. Найденная вещь должна быть возвращена, и следует заявлять о заблудившемся скоте. Нечистота — злое дело, и любовные излишества — грех». Написано Мухаммадом б. Масламой аль-Ансари.

Затем пришёл также из далёкой области, населённой махра (на юго-востоке Аравии), некий Зухайр б. Кирдим б. аль-Уджайль б. Кабас б. Камума аль-Махри, житель аш-Шихра, и Пророк, похвалив его за долгое путешествие, предпринятое ради веры, подарил ему, между прочим, коня и вручил ему писание (Са‘д, с. 24, § 67; с. 75, § 141; Шпренгер, III, с. 385 и прим. 1).

Договор с христианами Наджрана в Йемене (ср. также § 14)

§ 59. — О договоре, заключённом между Магометом и христианами Наджрана[308], Ибн Са‘д сохранил различные известия в трёх особых параграфах, в каждом из которых отчасти повторяется, а отчасти дополняется сказанное. Чтобы не впадать в утомительные и бесполезные повторения, мы сольём три параграфа вместе и дадим единый рассказ, опустив бесполезные повторения. Первым начал переговоры Магомет, который написал жителям Наджрана (не сказано, каково было содержание письма) и тем побудил их принять решение и отправить посольство из 14 знатных людей своей страны для переговоров с ним. Делегация христиан, двинувшаяся теперь в Медину, состояла, между прочим, из следующих лиц: аль-Акиб Абд аль-Масих аль-Кинди, Абу-ль-Харис б. Алкама из рода раби‘а, его брат Курз б. Алкама, ас-Сайид б. аль-Харис, его брат Аус б. аль-Харис, Зайд б. Кайс, Шайба, Хувайлид, Халид, Амр, Убайдаллах и другие, не упомянутые. Делегацией руководил комитет из трёх: аль-Акиб Абд аль-Масих, исполнявший обязанности их *амира* и председателя народного совета (*сахиб машваратихим*); по делам религиозным (их епископ, раввин и *имам*, как говорит текст) был Абу-ль-Харис б. Алкама, занимавший также должность руководителя их школ; наконец, ас-Сайид б. аль-Харис исполнял обязанности начальника каравана и путешествия (*сахиб рихлатихим*). Задачей послов было получить от Магомета наилучшие возможные условия, но тайные наставления гласили, что христиане не имеют никакого намерения отрекаться от своей веры. Послы пришли в Медину и вошли в мечеть, облачённые в плащи из ткани *аль-хибара*[309] и в накидки, обшитые шёлком (*ардия макфуфа би-ль-харир*), и наконец стали молиться, обратившись на восток[310] (то есть пренебрегая направлением *киблы*, которая в Медине была обращена на юг). Магомет приказал оставить их в покое, но когда христиане обратились к нему, он повернулся к ним спиной и не захотел с ними говорить. Усман (б. Аффан)

[308] Миссия христиан Наджрана должна была состояться вскоре после обращения бану-ль-харис б. ка‘б, рассказанного выше (ср. 10 г. х., §§ 3 и сл.), и вследствие похода Халида б. аль-Валида. [Сама сцена приглашения к взаимному проклятию (*мубахала*) связывается в предании с Кораном, III, 61. — *Прим. пер.*]

[309] Одежда *аль-хибара*, а не *аль-хабира*, как пишет Велльхаузен, была родом плаща, изготовлявшегося в Йемене, весьма больших размеров и с цветными полосами (ср. Dozy, *Vêtements*, с. 133 и сл.).

[310] Древним обычаем первых христиан было обращаться в молитве к востоку (Huart, *Lit. Ar.*, с. 48), и на это намекает также христианский поэт, знаменитый аль-Ахталь, в одном хорошо известном стихе (*Диван*, с. 154, стр. 4, изд. Сальхани). Учёный ориенталист о. H. Lammens в своей прекрасной работе об этом поэте (Lammens, с. 86) утверждает, что этот обычай оказал большое влияние на ориентацию христианских церквей: место аль-Ахталя, по его мнению, намекает на мессу. — К этим замечаниям Ламменса добавим, что и мединский поэт Абу Кайс Сирма б. Малик, уже известный нам (ср. Введение, § 203, № 2, и Табари, I, с. 1247), намекает в одном стихе на «христиан, обращающихся в молитве к солнцу» (Балхи, I, с. 69).

предупредил христиан, что Пророка оскорбил их способ одеваться[311]. Тогда христиане удалились и на следующее утро появились снова, одетые как монахи (или отшельники): на этот раз, когда они приветствовали Пророка, Магомет соизволил ответить и пригласил их принять ислам. Христиане не захотели обратиться, и по этому пункту вспыхнул живейший спор, который не утих даже тогда, когда Магомет прочёл им некоторые места из Корана. Наконец Пророк, раздосадованный, отпустил их и сказал, что тогда обе стороны вольны проклясть друг друга. Ночью, однако, христиане лучше обдумали свои интересы, и когда взошло солнце, глава христиан аль-Акиб Абд аль-Масих, снова явившись к Магомету с двумя наиболее рассудительными из своих товарищей, сделал новые предложения: «Мы решили не позволять себя склонить к проклятию тебя, но готовы принять те условия, которые ты захочешь нам наложить, лишь бы иметь с тобой мирный договор»[312]. Таким образом был заключён по всей форме мирный договор, полный текст которого Ибн Са‘д притязает дать нам со ссылкой на аль-Вакиди (Са‘д, с. 8, § 14; с. 25–26, § 72; с. 76–77, § 143; Табари, I, с. 1740, который относит приход аль-Акиба и ас-Сайида к 10 г. х.; Бухари, III, с. 167–168).

§ 60. — (Мирный договор между Магометом и христианами Наджрана.) «Это писание (*китаб*) Мухаммада ан-Наби, Расуль Аллах, жителям Наджрана[313]. Он был полным хозяином всех их плодов, жёлтых, белых или чёрных, и их рабов[314]. Он, однако, щедр к ним и уступает им всё за ежегодную поставку в дань 2000 одежд, уплачиваемых по 1000 в каждый месяц раджаб и по 1000 в каждый месяц сафар: каждая одежда должна иметь стоимость одной *укийи*, и будет учитываться, если одежды будут иметь стоимость больше или меньше одной *укийи*. Панцири, или кони, или верблюды, или снаряжение, которые будут взяты, тоже будут оценены. Они должны будут давать приют на двадцать дней моим представителям (*русуль*) или на меньший срок, но не будут обязаны содержать их дольше месяца. Когда в Йемене война, они должны будут давать взаймы тридцать панцирей, тридцать коней и тридцать верблюдов, а за то, что будет потеряно или уничтожено, мои посланцы дадут поручительство до полного возмещения. И наджранцы вместе со своей свитой (*хашиятухум*) пользуются

[311] Дози (там же) приводит различные цитаты, чтобы показать, что плащ *аль-хибара* был тем, который Пророк предпочитал всем, и утверждают даже, что Магомет был завёрнут в *хибару*, когда сподвижники собрались хоронить тело своего Учителя. Пророка оскорбило, если верить другим преданиям, отвращение, приписываемое Магомету, к употреблению шёлковых и роскошных одежд (ср., например, Коран, XXXIII, 33 и *passim*, и Бухари, I, с. 107, стр. 4; см. также 10 г. х., § 34).

[312] О христианах Йемена вообще и в частности о христианах Наджрана ср. Duchesne, *Missions*, с. 96–112; Wright, с. 26–100, 145–189; Harnack, *Die Mission*, с. 447; статьи Блау и Фелля в *ZDMG*, XXIII, 1869, и XXXV, 1881, и статьи Галеви в *Revue des études juives*, XVI, 1889. Их история, однако, весьма темна и неопределённа из-за недостатка документов и известий.

[313] Ибн Са‘д в § 14 точнее указывает, кому было направлено письмо Магомета, а именно епископу бану-ль-харис б. ка‘б, епископам Наджрана, их священникам и их монахам.

[314] Достойный д-р Дж. Габриели справедливо замечает мне, что это объявление Магомета полным хозяином всего имущества наджранцев, которым открывается договор, весьма подозрительно. Действительно, оно отсутствует во всех прочих договорах и документах, приписываемых Магомету. Оно, несомненно, внушено замыслом извинить поведение халифа Умара по отношению к наджранцам, когда он изгнал их из Аравии. Подозрения в подлинности настоящего документа подтверждаются и другим наблюдением. Обещанная защита свободного отправления христианской религии, церквей, обрядов и богослужения кажется подозрительным предвосхищением тождественных уступок, оговорённых впоследствии в договорах с христианами Иерусалима и Египта Умаром и Амром б. аль-Асом. Ср., например, Lane-Poole, *The first Mohammadan Treaties with Christians*, в *Proceedings of the R. Irish Academy*, 1904, т. XXV, с. 227–256, и Мёдников, I, с. 538 и сл.

покровительством (*дживар*) Бога и защитой (*зимма*) Мухаммада для своих лиц, для своей религии, для своей земли, для своих владений, для присутствующих и для отсутствующих, для своих церквей, для своих обрядов и для своего богослужения. Не дозволено принуждать ни одного епископа, ни одного монаха, ни одного *вакифа* (смотрителя?) оставить своё состояние. (И пользуются покровительством Бога и защитой Мухаммада) за всё, что у них в руках, как малое, так и многое, лишь бы это не был ростовщический процент или цена крови языческих времён. Если между двумя возникает тяжба, между ними должно состояться справедливое соглашение, так чтобы никто не терпел и не причинял ущерба. Отныне у того, кто берёт ростовщические проценты, я отнимаю своё покровительство. Никто не должен отвечать за зло, совершённое другим. Согласно содержанию этого писания они имеют право навсегда на покровительство Бога и на защиту Пророка, доколе Бог не придёт со своим повелением[315], лишь бы они оставались верны, поступали праведно в исполнении своих обязательств и обязанностей; и их не должно несправедливо угнетать. Свидетели: Абу Суфьян б. Харб, Гайлян б. Амр, Малик б. Ауф ан-Насри, аль-Акра‘ б. Хабис, аль-Муставрид б. Амр, брат бали, аль-Мугира б. Шу‘ба и Амир, *мауля* Абу Бакра». Документ написал аль-Мугира б. Шу‘ба (Са‘д, с. 25–26, § 72 [авторитет: аль-Вакиди]; текст письма Магомета находится в § 72, а в двух других уже упомянутых параграфах (ср. выше § 59) у нас лишь изложение письма, повторённое дважды; Шпренгер, III, с. 502; Балазури, с. 63–66; Хишам, с. 401; Асир, II, с. 223; *Агани*, X, с. 143; Йа‘куби, II, с. 89, даёт другую версию писания, весьма краткую и без примечательных подробностей; ср., однако, о других документах Йа‘куби, II, с. 90–92)[316].

§ 61. — Христианские жители Наджрана держались этих условий до смерти Пророка, и никто их не тревожил: когда халифом стал Абу Бакр, их положение не подверглось изменениям, и халиф, умирая, оставил в завещании точные указания относительно них (гарантируя, то есть, покровительство правительства) (Юсуф, с. 41). Дела приняли иной оборот во время халифата Умара (Са‘д, с. 77, § 143, с. 193 перевода).

Отправка Абу Убайды б. аль-Джарраха в Наджран

§ 62. — Говорят, что в этом году Пророк по просьбе (христианских) жителей Наджрана послал в эту страну сподвижника Абу Убайду Амира б. аль-Джарраха, чтобы он, живя среди них, охранял их интересы (*Хамис*, II, с. 161–162).

---

[315] Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, т. IV, с. 133, прим. 1) справедливо высказывает сомнение, что эта маленькая фраза — позднейшая интерполяция в тексте, чтобы извинить нарушение слова, данного Пророком, халифом Умаром, когда тот изгнал христиан из Наджрана (ср. 13 г. х.). Я вполне согласен с Велльхаузеном, ибо смысл фразы шёл бы гораздо лучше, если бы эту вставку убрать: очевидно и противоречие между содержанием вставки и содержанием письма.

[316] Абу Юсуф [† 182 г. х.] в своём *Китаб аль-харадж* сохранил со ссылкой на Ибн Исхака [† 151 г. х.] другую версию этого же текста (Юсуф, с. 41, стр. 2 и сл.): эта версия в общем согласуется с версией аль-Вакиди [† 207 г. х.] (Ибн Са‘д), но содержит много вариантов, частью ошибки переписчиков, частью небольшие добавления в виде пояснений. Это примечательно в тексте, который должен был бы иметь признаки большей древности. Не упоминая всех расхождений, ограничимся замечанием, что в тексте Ибн Исхака вместе с епископами и монахами упоминаются прорицатели (*кахин мин киханатихи*) вместо *вакиф*. Если версия Ибн Исхака исправнее, мы увидели бы, что христианство Наджрана было сильно пропитано арабским язычеством.

Письмо к Нуфасе б. Фарве ад-Ду’или

§ 63. — Магомет написал также Нуфасе б. Фарве ад-Ду’или, князю (*малик*) самава[317] (Са‘д, с. 22, § 59; Шпренгер, III, с. 233, который называет его, неизвестно на каком основании, «царём кальбитов из правящего рода гассан»).

Письмо к Утбе б. Фаркаду

§ 64. — «Вот что Пророк (*ан-Наби*) дарит Утбе б. Фаркаду: дарит ему, то есть, место для постройки дома (*дар*) в Мекке у аль-Марвы: никто не сможет оспорить у него этого права; кто его оспорит, не имеет никакого права: его (Утбы) право — (единственное истинное) право. Написал Му‘авия» (Са‘д, с. 23, § 64).

Письмо к Са‘иду б. Суфьяну ар-Ри‘ли

§ 65. — «Вот что Посланник Божий дарит Са‘иду б. Суфьяну ар-Ри‘ли: дарит ему, то есть, пальмовую рощу Суварикии с крепостью (*каср*): никто не сможет оспорить у него этого права; кто его оспорит, не будет иметь никакого права: его (Са‘ида) право — (единственное истинное) право. Написал Халид б. Са‘ид» (Са‘д, с. 23, § 63; Шпренгер, III, с. 460; Якут, III, с. 180, даёт много сведений об ас-Суварикии).

Посольство джайшан

§ 66. — К посольствам причисляется также приход нескольких членов племени джайшан, среди которых некий Абу Вахб аль-Джайшани, которые спросили Пророка, дозволено ли пить два перебродивших напитка — *аль-бит‘* (из мёда или фиников) и *аль-мизр* (пиво из пшеницы или ячменя, *ша‘ир*). Магомет, прежде чем ответить на вопрос, захотел узнать, опьяняют ли эти два напитка, и когда Абу Вахб сказал, что да, если пить их в изобилии, тогда Пророк запретил их употребление (Са‘д, с. 77, § 144). Об опьяняющих напитках ср. De Sacy, *Chrestomathie Arabe*, I, с. 150–154.

Первые антиисламские движения в Аравии: лжепророк Мусайлима

§ 67. — Ещё до того, как умер Пророк, и, быть может, даже до конца 10 г. х., начались первые сепаратистские движения в Аравии, руководимые теми, кто захотел подражать примеру Магомета и добиться тех же материальных выгод, которые Магомет приобрёл посредством политико-религиозной пропаганды. Первым был тот Мусайлима[318], о котором мы уже говорили, рассказывая о посольстве бану ханифа (10 г. х., § 33). Предание хотело бы, чтобы уже во время мнимого прихода Мусайлимы с посольством в Медину произошло первое словесное столкновение между Магометом и его будущим соперником, ибо Мусайлима будто бы требовал условий, которых Пророк никоим образом не хотел даровать. Ибн Исхак (Хишам, с. 946, стр. 5), однако, приводит

[317] О самава ср. Хамдани, с. 48, стр. 8; *Агани*, XIV, с. 143, стр. 9; Табари, II, с. 1796, стр. 7. Этот Нуфаса не может быть одним из кинанитских ду’иль; следует считать, что он из ханифитских ду’иль (ср. Асир, IV, с. 225, стр. 19, и 226, стр. 6; Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, с. 127, прим. 6).

[318] По Йа‘куби, II, с. 146, стр. 8, Мусайлима начал объявлять себя пророком (*танабба’а*) в 10 г. х. Вероятно, однако, что его публичному выступлению предшествовала долгая подготовка: арабы не были людьми (пример Магомета тому учит!), которые сразу принимали утверждения того, кто выдавал себя за пророка.

другие предания, из которых можно заключить, что эти известия апокрифичны. Мы не считаем вероятным, что Мусайлима приходил в Медину, хотя возможно, что он изучал приёмы, которыми пользовался Магомет, чтобы стать господином Медины, слышал кое-что из Корана, а затем задумал подражать ему. Говорят, что, вернувшись из Медины в аль-Ямаму, свою родину, он принялся тоже сочинять откровения мнимо божественного происхождения, объявил себя пророком и увлёк за собой своё племя, которое охотно отреклось от Мухаммада-чужеземца ради национального пророка в надежде добыть себе те материальные выгоды, которых курайшиты и мединцы достигли благодаря Магомету. Мусайлима начал читать рифмованной прозой (*йасджа‘ ас-саджа‘ат*) и, подражая Корану, сочинил, говорят, между прочим, следующие изречения, сохранённые Ибн Исхаком (Хишам, с. 946, стр. 14): «Бог даровал милость беременным: вывел из них живое существо, которое движется, (вышедшее) из того, что находится между кожей живота (*сифак*) и внутренностями (*хаша*)»[319]. Он позволил своим последователям пить вино и свободное соединение полов (*зина*)[320] (Хишам, с. 946; Табари, I, с. 1738–1739, который, однако, в другом месте, I, с. 1749–1750, приводит предание на авторитет Сайфа б. Умара, что три самозванца — Мусайлима, аль-Асвад и Тулайха — взялись за оружие против ислама все трое вместе, после возвращения Магомета в Медину из Великого паломничества и вследствие слухов, что он болен (*таханнала бихи ас-сайру*: он был сильно ослаблен тяготами пути); Бухари, III, с. 167; Балазури, с. 87, добавляет, что одним из первых последовал за Мусайлимой ар-Раджжаль (Раххаль) б. Унфува (ср. выше § 33)).

§ 68. — Пропаганда Мусайлимы имела вначале счастливый успех, и когда он увидел, что число последователей растёт, он испробовал приёмы, уже употреблённые

[319] Невозможно с уверенностью сказать, подлинна эта цитата или нет, ибо мы должны помнить, что мусульмане всеми способами старались выставить лжепророка на посмешище и, конечно, позаботились о том, чтобы до нас не дошли лучшие изречения того, кого они считают обманщиком и подражателем Магомета. Возможно также, что они придумали его стихи, чтобы показать, как смешно было то, что он проповедовал, и насколько ниже Корана. Можно, наконец, сомневаться, был ли Мусайлима более пророком, чем государем: к этому предмету мы вернёмся в другом месте, рассказывая о событиях 11 и 12 г. х.

[320] Желание передатчиков — представить Мусайлиму в наихудшем возможном свете: но если, чтобы осудить его перед потомством, передатчики сумели собрать лишь эти два пункта обвинения, позволительно предположить, что Мусайлима не мог быть столь злым и пагубным человеком, каким мусульмане хотят его изобразить. Позволение пить вино могло казаться преступным ортодоксальным мусульманам II века хиджры, но полезно помнить, что до времён Магомета потребление вина в Аравии было весьма велико и вполне дозволено (ср. Lammens, с. 36–44; Jacob, *Arab. Dicht.*, III, с. 96–109): добавим, что в течение I века хиджры большинство мусульман, несмотря на Коран, были большими любителями вина (ср. Goldziher, *Muh. St.*, I, *passim*) и что халиф Умар, чтобы обуздать злоупотребление им, должен был прибегать к жестоким телесным наказаниям, не достигнув, однако, своей цели (Lammens, с. 39). Обвинение же в блуде и общности жён (*зина*) — пустая клевета без основания. Достаточно напомнить то, что мы уже сказали в другом месте (ср. 9 г. х., § 58, прим. 1) об истинном значении слова *зина*: оно означает в данном случае не продажную проституцию больших азиатских городов, какая развилась впоследствии и в мусульманском обществе, а то патриархальное, первобытное отсутствие твёрдых законов о браке, которое существовало в Аравии до Магомета и которое допускало временные браки, *аль-мут‘а*, запрещённые впоследствии ортодоксальной мусульманской школой, но сохранённые шиитами и практикуемые ими и поныне в Персии. Обвинение оказывается пустым и потому, что передатчики не приводят ни одного факта, ни одного доказательства в подтверждение этого утверждения. Наконец, великое старание передатчиков представить нам Мусайлиму подражателем Магомета, быть может, имеет некоторое основание истины, но заслуживает того, чтобы его принимали с большой осторожностью. Действительно, не исключена вероятность того, что появление Мусайлимы — явление в значительной мере независимое от Магомета и ислама и что оно было гораздо более явлением политическим, нежели религиозным. Представляя нам политическую деятельность Мусайлимы как антимусульманскую ересь, передатчики гораздо лучше оправдывают перед потомством наступательную политику Абу Бакра и страшное избиение ханифа в «Ограде смерти» в 12 г. х.

Магометом, послав Пророку Медины письмо, в котором, говорят, было написано следующее приглашение разделить с ним господство над арабами: «От Мусайлимы, Расуль Аллах, к Мухаммаду, Расуль Аллах. Мир тебе! Итак: (знай), что я стал твоим соправителем во власти и что половина земли — нам, а половина земли — курайшитам, но курайшиты — народ злой».

Два посла доставили писание Магомету, и утверждают, что тот ответил следующим образом: «Во имя Бога милостивого и милосердного. От Мухаммада, Расуль Аллах, к Мусайлиме аль-Каззабу (обманщику). Мир тому, кто следует прямым путём. Итак: земля принадлежит Богу, который оставляет её в наследство кому хочет из своих рабов: конечная награда будет для тех, кто боится Бога». Написано Убаййем б. Ка‘бом. Послам он сказал, что, если бы их звание не было священным, он обезглавил бы обоих. Это происходило к концу 10 г. х. (Хишам, с. 965; Са‘д, с. 47, § 101; Табари, I, с. 1748–1749; Асир, II, с. 228–229, где сказано, однако, что, по некоторым, мусайлимитская пропаганда началась после Прощального паломничества, когда распространилась весть о смертельной болезни Пророка; Балазури, с. 87, рассказывает, что послом Мусайлимы в Медину, подателем письма, был Убада б. аль-Харис ибн ан-Нававаха, один из бану амир б. ханифа, который позднее был казнён в Куфе Абдуллахом б. Мас‘удом, когда обнаружилось, что он и другие и после окончания восстания продолжали верить во лжи Мусайлимы. Это показывает, что ереси 11 г. х. продолжали жить в тени и после окончательного и полного торжества ислама. Секретарём Мусайлимы был Амр б. аль-Джамуд аль-Ханафи).

§ 69. — Существует и другая версия отношений между двумя арабскими пророками. Магомет написал Мусайлиме Обманщику (*аль-Каззаб*), чтобы пригласить его принять ислам, и послал письмо через Амра б. Умайю ад-Дамри. Мусайлима ответил, говоря, что он пророк (*наби*) наравне с Магометом, и пригласил его разделить с ним землю, намекая на курайшитов как на людей, поступающих несправедливо. Посланник Божий (*расуль Аллах*) воскликнул в ответ: «Проклинайте его! Да проклянёт его Бог!», а затем написал ему: «Дошло до меня твоё лживое писание и хула на Бога. Земля принадлежит Богу, и Бог даст её в наследство кому хочет из своих рабов. Конец всего (*аль-‘акиба*, конечная награда) будет для тех, кто боится Бога, и мир тем, кто следует прямым путём». Ответное письмо Магомета было послано через ас-Са’иба б. аль-Аввама, брата аз-Зубайра б. аль-Аввама (Са‘д, с. 13–14, § 33; Асир, II, с. 228–229). Отправка письма Мусайлимы произошла, говорят, в конце 10 г. х. (ср. Байхаки, *Махасин*, с. 32, стр. 13, и *Хамис*, II, с. 175, стр. 17)[321].

§ 69, А. — Быть может, уместно добавить здесь несколько замечаний относительно того, что написал Шпренгер о лжепророке Мусайлиме и о его отношениях с Магометом. Шпренгер (III, с. 304–310) справедливо отвергает все

[321] Единодушие источников относительно переписки между Магометом и Мусайлимой не позволяет считать предание совершенно апокрифическим. С другой стороны, однако, следует помнить, что позднейшие поколения верили, будто у Магомета была всемирная миссия, и потому всеми возможными способами старались доказать этот тезис; между прочим, они старались заставить поверить, что Магомет не мог, не изменяя обязанностям своей миссии, терпеть независимую позицию и пророческий характер, принятые Мусайлимой. Из этого чувства могло родиться предание о переписке между двумя пророками, в правдивости которой у меня большие сомнения.

злонамеренные инсинуации мусульман относительно Мусайлимы, и следует согласиться с ним, что Мусайлима, отнюдь не выступая злым обманщиком, прибегавшим к пошлым фокусам, чтобы обмануть народ и заставить его поверить в божественную миссию, предлагал нравственное и религиозное учение, которое, кажется, было не лишено достоинств. Он справедливо замечает, что мусульмане считали ислам истиной, очевидной сама по себе и благодаря истинным чудесам, им совершённым, тогда как вера других, по их мнению, должна покоиться на обмане: приняв этот тезис, придумывали историйки, чтобы с ещё большей очевидностью показать природу обманов, будто бы употреблявшихся. Там же, где Шпренгер доходит до того, что утверждает, будто степень нравственности, проповедовавшейся Мусайлимой, была даже гораздо выше нравственности ислама, мы уже не можем за ним следовать: о Мусайлиме мы знаем слишком мало, чтобы дать точное суждение о его мнимых учениях. Кроме того, даже принимая гипотезу, что Мусайлима был религиозным проповедником и начал пропаганду в весьма отдалённую эпоху, мы должны отвергнуть утверждение, будто он начал проповедь уже в 618 г. н. э., то есть за четыре года до того, как Магомет пришёл в Медину! (Шпренгер, III, с. 305, стр. 21, где, однако, ссылка ошибочна и вместо I, 200 следует читать II, 200). Предание, на котором он основывает это утверждение, несомненно, апокрифично. Где же Шпренгер, на наш взгляд, теряет всякое чувство исторической реальности, так это когда доходит до предположения, что между Мусайлимой и Магометом состоялось тайное соглашение и что эти два человека молчаливо разделили господство над Аравией. И не довольствуясь этим, Шпренгер хотел бы даже утверждать, что Магомет, чтобы получить поддержку и нейтралитет Мусайлимы, обещал ему преемство в мусульманском государстве! Поэтому он принимает и предание о том, что Магомет перед смертью просил бумагу и перо, чтобы написать (ср. 11 г. х., § 31), — именно с целью оставить письменный приказ своим признать Мусайлиму главой общины (ср. Шпренгер, III, с. 552, третья стр. снизу). Гипотеза, на мой взгляд, столь нелепа, что не заслуживает даже обсуждения. К сожалению, биографический труд Шпренгера, имеющий такую ценность благодаря великой учёности, в нём проявленной, роковым образом испорчен многими подобными теориями, к сожалению ложными и лишёнными основания: огорчает также замечать в его труде резкую, недоброжелательную, часто несправедливую оценку личности и характера Магомета, которая побуждает его неоднократно искажать факты. Прав поэтому Велльхаузен, считая биографию Магомета Шпренгера «опасной книгой».

Обращение Файруза ад-Дайлами (ср. § 80)

§ 70. — В этом году, говорят, пришёл в Медину перс Файруз ад-Дайлами, тот самый, который в следующем году убил лжепророка аль-Асвада аль-Анси (*Хамис*, II, с. 163, стр. 15). Это известие, данное без указания источников, не заслуживает доверия, а принадлежит к тому кругу тенденциозных преданий, которые имеют целью доказать, что борьба между арабской и персидской партиями в Йемене до мусульманского завоевания тесно связана с распространением ислама на юге полуострова. В действительности Файруз, когда убил лжепророка (ср. ниже 11 г. х.), был ещё последователем персидской официальной религии, маздеизма (ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, с. 28).

Отправка представителей к мусульманским племенам (ср. §§ 80 и сл.)

§ 71. — (Авторитет: Ибн Исхак.) В течение этого года, а быть может, и предыдущего, Магомет послал своих представителей к племенам, принявшим ислам, чтобы они собирали там подати (*ас-садакат*). Этими *умара' ва 'уммаль* (начальниками и агентами) были, говорят, следующие: (1) аль-Мухаджир б. Абу Умайя б. аль-Мугира, посланный в Сан'у, против которого затем восстал самозванец аль-Асвад б. Ка'б аль-Анси (см. 11 г. х., § 136); (2) Зияд б. Лабид, один из бану баяда, аль-Ансари, отправившийся представителем в Хадрамаут, чтобы собирать там *садакат*; (3) Ади б. Хатим, посланный к тайй как представитель и сборщик *садакат*, а также для надзора за бану асад; (4) Малик б. Нувайра аль-Ярбу'и получил поручение собирать *садакат* бану ханзала (тамим); двоим другим было поручено собирать *садакат* бану са'д (тамим): а именно (5) аз-Зибрикану б. Бадру — в одной области (*нахия*) бану са'д и (6) Кайсу б. Асиму — в другой; (7) аль-Аля б. аль-Хадрами, посланный представителем в Бахрейн; (8) Али б. Абу Талиб, приставленный к взиманию *садакат* и *джизьи* в Наджране (Хишам, с. 965; Табари, I, с. 1750; Асир, II, с. 229).

У аль-Йа'куби у нас есть, кроме того: (9) Аттаб б. Асид б. Абу Умайя был послан представителем в Мекку; (10) Абу Суфьян б. Харб — в Наджран; (11) Язид б. Абу Суфьян — в Тайму; (12) Халид б. Са'ид б. аль-Ас — в Сан'у [см. выше № (1)], в область между Наджраном, Зама'ом и Забидом; (13) Амр б. Са'ид б. аль-Ас б. Умайя — в селения Кура Арабия (ср. Бакри, с. 657–658); (14) Абан б. Са'ид б. аль-Ас б. Умайя — в аль-Хатт в Бахрейне; (15) аль-Валид б. Укба б. Абу Му'айт — к бану-ль-мусталик; (16) аль-Аля, *халиф* Са'ида б. аль-Аса, — в аль-Кутайф в Бахрейне; (17) Му'айкиб б. Абу Фатима ад-Дауси назначен надзирателем над добычей (*'аля-ль-гана'им*) (Йа'куби, II, с. 81, который не говорит, откуда почерпнул эти известия, большей частью фантастические или хронологически неверные, как нам предстоит ясно показать впоследствии: поэтому нет нужды останавливаться здесь на рассмотрении их ошибок. Достаточно сказать, что аль-Мухаджир при жизни Магомета никогда не ступал ногой в Йемен (ср. § 82, № 11). Эти предания принадлежат к кругу тех, что упомянуты в предыдущем §; Халдун, прил., II, с. 59, говорит, напротив, что аль-Мухаджир (№ 1) был послан к бану му'авия б. кинда).

Хаджжат аль-вада‘: Прощальное паломничество (зу-ль-ка‘да)

§ 72. — В предыдущие годы, 6, 7, 8 г. х., как мы уже рассказывали, Пророк по причинам, которых предание не уточнило, ни разу не участвовал в великом паломничестве в установленное обычаем время, то есть в месяце зу-ль-хиджжа; но предпочитал совершать то, что называлось малым паломничеством, или *умрой*, в форме, можно сказать, почти частной, до того как начиналось великое общественное паломничество, на котором все имели право присутствовать. Причины такого предпочтения неизвестны, ибо предание не даёт ни малейшего указания на мотивы, и весьма вероятно, что сам Магомет воздерживался от их разглашения по своим особым причинам, которые мы попытаемся исследовать в другой части нашего труда. Можно, однако, с относительной уверенностью сказать, что причины должны были быть не только религиозными, но и нравственными и политическими. Действительно, мы видим, что в предыдущем, 9 г. х. он предпочёл послать одного Абу Бакра, чтобы изучить обстановку и вблизи наблюдать настроения толп, стекавшихся на паломничество. Быть может, дипломатической тонкостью, истинная цель которой от нас ускользает, было и то, что знаменитый запрет, чтобы отныне ни один язычник не мог больше посещать святилище Ка‘бы, объявивший её тем самым исключительно мусульманским храмом, был возвещён толпам через Али, а не через Абу Бакра, официального главу паломничества. Возможно, что Магомету было противно совершать обряды (языческого привкуса) вместе с идолопоклонниками и он хотел дождаться момента, когда язычников больше не будет и, окружённый одними верующими, он сможет свободно, без помех установить, какие обряды следует совершать и какие места посещать. Стоит в этой связи привести предание, сохранённое аль-Вакиди, которое, говорят, происходит от Са‘ида б. аль-Мусаййиба [† 94 г. х.]: согласно ему, Ибн аль-Мусаййиб будто бы сказал, что *Хаджжат аль-вада‘* (Прощальное паломничество) было единственным, совершённым Пророком с тех пор, как он был призван принять пророческую миссию (Вакиди — Велльхаузен, с. 422, стр. 6). Это утверждение, если оно верно, доказывало бы, что в период пропаганды в Мекке Магомет воздерживался от участия в обрядах паломничества с того времени, как начал свою религиозную реформу: уже полное молчание Корана во весь меккский период об обязательности и заслугах паломничества к Ка‘бе подтверждает сдержанное отношение Пророка к святилищу и подкрепляет утверждение Ибн аль-Мусаййиба.

Среди политических причин, которые могли повлиять на Магомета, чтобы побудить его наконец совершить великое паломничество в традиционный месяц, было, быть может, желание руководить торжественными обрядами с одними мусульманами, в присутствии тысяч верующих, недавно обращённых и подчинённых его уже абсолютной власти; это было зрелище, которое оставило бы неизгладимое впечатление во всех присутствующих и было бы своего рода общим смотром сил ислама, слава о котором разнеслась бы по всей Аравии и обуздала бы те элементы беспорядка, которые в различных местах уже одновременно угрожали поколебать престиж нового мусульманского государства и его основателя.

Мы приведём ниже с великим обилием подробностей предания о *Хаджжат аль-вада‘*, ибо оно было во многих отношениях великим историческим событием, и мусульмане справедливо вспоминают его как одно из величайших событий чудесного поприща их Пророка. К этому присоединяется драматический элемент великого обряда 10 г. х., который был первым, которым руководил Пророк в Мекке, уже (номинально) мусульманской, и который по судьбе — не можем сказать, промыслительной или роковой, — был и последним. Поэтому особый интерес связан с воспоминаниями о трёх проповедях, произнесённых по этому случаю в Мекке, в Арафе и в Мине, в которых Магомет перед лицом племён, стекавшихся со всех концов Западной и Центральной Аравии, не только подвёл итог и изложил в окончательной форме своё учение, но и произнёс, сам того не желая, то, что через несколько дней все арабы, его преданнейшие сподвижники, сочли и вспоминали как своего рода общественное и религиозное завещание чтимого и грозного Учителя. Как таковые отрывочные воспоминания о проповедях занимают выдающееся место в *хадисе*, и хотя, быть может, сильно переработаны и интерполированы, они всё же должны в основе представлять некоторые из главных мыслей, высказанных Магометом при этом достопамятном обстоятельстве.

§ 73. — Итак, в течение десятого года от Бегства Пророк решился наконец лично участвовать в великом паломничестве в Мекку. В предыдущие годы, утверждают, в день жертвоприношения, *йаум аль-адха* (10 зу-ль-хиджжа), он всегда праздновал торжественную годовщину в Медине соответствующими жертвоприношениями, как мы уже имели случай рассказать в другом месте (ср. 2 г. х., § 101). В этом году он наконец решил отпраздновать эту годовщину, главный праздник паломничества, участвуя в нём лично и завершив обряды обычными жертвоприношениями в традиционное время и в традиционном месте, то есть в долине Мины, 10 зу-ль-хиджжа. Весть об этом намерении, распространившаяся среди обращённых племён, побудила гораздо большее, чем обычно, число людей принять участие в великом ежегодном событии; многие сбежались и в Медину, чтобы проделать весь путь вместе с Пророком. Выступление из Медины, после того как все приготовления были окончены, произошло (говорит аль-Вакиди, и это подтверждает Ибн Исхак) в субботу, когда оставалось ещё пять ночей зу-ль-ка‘ды, то есть в субботу 22 февраля 632 г. н. э. (Примечателен и нечаст тот факт, что день недели по преданию точно совпадает с нашими хронологическими таблицами: доказательство правильности предания.) Магомет оставил своим представителем в Медине, по одним, Абу Дуджану ас-Са‘иди, а по другим — Сиба‘а б. Урфуту. В первый день он сделал лишь короткий переход, ибо, прибыв в Зу-ль-Хулайфу около полудня, разбил там шатры и, по обычаю, ждал там, пока соберутся все, кто намеревался совершить паломничество. В Зу-ль-Хулайфе Магомет простоял до полудня следующего дня, когда, надев обрядовый плащ, вступил в состояние, называемое *ихрам*, предписанное для того, чтобы можно было предпринять паломничество: предание сообщает также подробность, что Пророк, пока находился в состоянии *ихрама*, пользовался двумя сухарийскими плащами, *изаром* и *рида’*. В Зу-ль-Хулайфе, в ночь той же субботы, Пророка догнали все жёны[322], которых он на этот раз пожелал взять с

[322] Все они догнали его ночью в Зу-ль-Хулайфе в сопровождении Абд ар-Рахмана б. Ауфа и Усмана б. Аффана (Са‘д, VIII, с. 149, стр. 2 и сл.) и следовали за Пророком во всё паломничество.

собой, а с ними прибыли затем и другие паломники и животные (верблюды), приготовленные для жертвоприношения в Мине. После полуденной молитвы следующего воскресенья (23 февраля) Пророк, согласно суеверному обычаю древних арабов, сам пошёл пометить на правом боку верблюдов, предназначенных для жертвоприношения, и повесил на шею каждому пару сандалий. Затем, сев на своего верблюда, он дал сигнал к выступлению и пошёл дорогой на возвышенность аль-Байда’[323].

Пройдя через Малаль и через холм ас-Сайййяла, караван паломников рано утром в следующий понедельник (24 февраля) прибыл в Ирк аз-Забья, где Магомет остановился для молитвы там, где потом воздвиглась мечеть (ср. 9 г. х., § 30), по правую руку от дороги. Другая остановка была в ар-Рауха: послеполуденное время и вечер того же понедельника прошли в Мунсарифе, но на следующее утро, во вторник, прибыв рано в аль-Асайю, где он остановился для молитвы, он продолжил путь до стоянки в аль-Арадже. На пути между аль-Асайей и аль-Араджем верблюд, нёсший припасы Пророка и Абу Бакра, был потерян погонщиком, так что, когда Пророк прибыл в аль-Аредж, он обнаружил, что потерял все свои личные вещи по небрежности слуги. Магомет сохранял спокойствие, но верный Абу Бакр потерял всякое терпение и в порыве гнева, схватив погонщика, хотел дать ему палкой заслуженный урок. Магомет рассмеялся, глядя на эту сцену, и воскликнул: «Посмотрите на паломника и на то, что он делает!» Затем приказал Абу Бакру прекратить урок, ибо в этот момент в лагерь входил Сафван б. аль-Му‘атталь, ведя потерянного верблюда со всеми нетронутыми вещами Пророка и Абу Бакра. Пройдя через Лахй Джамаль, где Магомету пустили немного крови (весьма распространённый в пустыне обычай), он в следующую среду (26 февраля) прибыл в ас-Сукью, а утром в четверг — в аль-Абву’. Здесь он молился на месте, где потом воздвиглась мечеть, по левую руку от того, кто идёт к Мекке, а к вечеру остановился по той же причине под деревом *самура* у дороги. Первую утреннюю молитву пятницы 1 зу-ль-хиджжа (28 февраля) Пророк совершил на месте мечети Санийят Арак, перед аль-Джухфой. В этом последнем месте он провёл весь день пятницы, а когда снова двинулся в путь, остановился для молитвы на месте мечети Хумм, по левую руку от дороги. В субботу он прибыл в Кудайд, вечером молился на месте мечети аль-Мушаллаль, а затем, пройдя дальше, — на месте мечети за Лифтом. В воскресенье (1 марта) он прибыл в Усфан и, выступив оттуда к закату солнца, в понедельник (2 марта) достиг Марр аз-Захрана. Здесь он снова остановился до заката, когда, совершив последнюю вечернюю молитву, снова двинулся в путь и продвигался ночью так, чтобы до рассвета прибыть к месту между двумя холмами (*санийятайн*) Куда и Када. На следующее утро (вторник 5 зу-ль-хиджжа = 3 марта 632 г. н. э.), совершив омовения, он вступил в Мекку (Вакиди — Велльхаузен, с. 422–425; Хишам, с. 966; Табари, I, с. 1751–1752; Асир, II, с. 230; *Хамис*, II, с. 164–165, ошибочно относит прибытие в Мекку к четвергу 4 зу-ль-хиджжа; Халаби, III, с. 457–463).

[323] Подробное описание пути, пройденного паломниками между Мединой и Меккой, см. Wüstenfeld, *Med. Hauptstr.*, с. 18–42, где можно будет увидеть также, как во всех местах, где, говорят, Пророк останавливался для молитвы, воздвиглась потом мечеть: подобное же произошло на пути между Мединой и Табуком; ср. 9 г. х., § 30.

§ 74. — Верхом на верной верблюдице аль-Касва Магомет теперь торжественно и триумфально вступил в Мекку с бесчисленными толпами паломников, стекавшихся из самых отдалённых частей его царства, все устремлённые к тому, чтобы взглянуть на уже знаменитого человека и увидеть, что он сделает и какие соблюдения установит, чтобы сделать паломничество действительным и законным. Мы приведём здесь подробности, сохранённые преданием, ибо, даже если они и не все подлинны, они представляют то, как Магомет, а после него его виднейшие сподвижники, установили ход обрядов в торжественный праздник. Выступив из Куды, всё так же на верблюдице, Магомет миновал аль-Абатих (низины Мекки), проник в верхнюю часть города и направился к Ка‘бе: едва увидев грубые стены столь почитаемого святилища, он поднял руки к небу и помолился, чтобы почитание этого места всегда возрастало. Совершая этот акт, он уронил поводья, которые затем поспешил подхватить левой рукой. Предание добавляет, что Пророк продвинулся до ворот Баб бани Шайба, стоявших и стоящих, как известно, в непосредственной близости от Ка‘бы; но эта подробность — анахронизм, ибо, как мы уже отмечали в другой раз, во времена Магомета вовсе не существовало никакой ограды и никаких входных ворот для доступа на тесную площадку вокруг храма (ср. Введение, § 35, прим. 1, и 8 г. х., § 67, прим. 1). Как бы то ни было, Пророк приступил теперь (несомненно, пешком, хотя это и не сказано в источнике) к обычным обходам вокруг Ка‘бы и, подойдя к Чёрному камню, поцеловал его, восклицая: «Во имя Бога! Бог превелик!» Затем прошёл быстрым шагом три или четыре раза между Чёрным камнем и камнем, называемым «южным», делая непрестанные благочестивые восклицания, затем совершил молитву в два земных поклона за Макам Ибрахим и наконец вернулся к Чёрному камню и коснулся его. (Снова сев на верблюдицу) он вышел через ворота Баб бани Махзум (ещё один анахронизм предания!) и направился к ас-Сафе, где совершил семикратный бег между этим местом и аль-Марвой, оставаясь всё время сидящим на верблюде. Наконец, ступив на землю, он поднялся на ас-Сафу и семь раз возгласил там *такбир*: то же он сделал и на аль-Марве, и этим действием закончились обряды, предписанные на день прибытия в Мекку. Пророк не пожелал поселиться ни в каком доме, но предпочёл остаться со своими в шатрах в аль-Абатихе: то же он сделал и после, когда вернулся из Мины, закончив всё паломничество (Вакиди — Велльхаузен, с. 425–426).

§ 75. — В течение двух дней отдыха (6 и 7 зу-ль-хиджжа), которые Магомет провёл в Мекке, прежде чем совершить остальные дополнительные обряды, которые должны были начаться с дня *Йаум ат-тарвия* (8 зу-ль-хиджжа), то есть в среду и четверг, Пророк отправился посетить Ка‘бу и пожелал также, чтобы ему открыли дверь, и проникнуть внутрь. Крыша здания, как известно, поддерживалась шестью деревянными колоннами, расположенными в два ряда по три колонны вдоль длины храма (ср. Азраки, с. 112); утверждают, что Магомет совершил молитву между двумя первыми колоннами. Он дал, однако, понять, что не считает этот обряд обязательным, ибо заметил, как трудно было бы всей несметной толпе паломников последовательно совершать молитву в этом теснейшем месте. Магомет позаботился также покрыть Ка‘бу новым покровом из полосатой цветной ткани. Размеры храма (говорит аль-Вакиди) были тогда 18 × 18 *зира‘*, или локтей (Вакиди — Велльхаузен, с. 426).

§ 76. — В четверг Магомет произнёс в Мекке первую проповедь, и говорят, что вторую он произнёс в день Арафы, в полдень, перед молитвой, а третью — на следующий день в Мине после полуденной молитвы, традиционный текст которой мы приведём ниже. 8 зу-ль-хиджжа, называемого *Йаум ат-тарвия*[324], начались обряды собственно паломничества: Магомет начал рано утром, повторив семь раз обход вокруг Ка‘бы, и приказал своим подражать ему и быть к полуденной молитве в Мине. Затем, сев на свою верблюдицу, Пророк отправился в Мину и остановился в этом месте там, где потом (во времена аль-Вакиди) воздвигся Дар аль-Имара. Здесь он оставался остаток дня, совершая там полуденную, послеполуденную, вечернюю и ночную молитвы и, наконец, также первую молитву следующего утра. Жена его Аиша хотела бы соорудить шалаш из ветвей и листьев, чтобы Магомет укрывался в нём во время дневной жары, но он запретил ей это делать. На следующий день, 9 зу-ль-хиджжа, Магомет выступил из Мины до восхода солнца и направился в сторону Арафы: самые жаркие часы полудня он провёл в Намире под шерстяным шатром или, по другим, в тени скалы. Затем он продолжил путь к долине Урана, куда, как утверждают другие, он прибыл около полудня и произнёс там проповедь перед полуденной молитвой: сразу после этой молитвы он совершил и другую, послеполуденную. Затем снова двинулся в путь, возвестив верующим, что они должны совершить стояние (*маукиф*) в Арафе.

Прибыв к знаменитому холму, Магомет остановился на возвышенностях, *аль-хидаб*, Арафы и объявил, что вся Арафа — место стояния (*маукиф*), кроме долины Урана, и что поэтому верующим, чтобы паломничество было действительным, нужно войти в круг, установленный Магометом как *маукиф*. Вместе с тем Пророк объявил, что вся аль-Муздалифа также место стояния (*маукиф*), кроме долины аль-Мухассир. Магомет выпил чашу, полную молока, поднесённую ему женщиной, Умм аль-Фадль, и говорят, что это случилось, когда он проповедовал толпам. (Стало быть, мы находим упоминание о двух проповедях, произнесённых в Арафе: в тексте аль-Вакиди, как обычно, путаница и повторение известий.) Во время стоянки в Арафе Магомет отдыхал в ущелье, называемом аль-Изхир, по левую руку от дороги между двумя ущельями аль-Мазимайн, и не совершил полуденной молитвы: не совершил там и двух молитв — вечерней и ночной, ибо совершил их обе вместе и сокращённо позднее, когда прибыл в аль-Муздалифу. Магомет не трогался из Арафы, пока солнце было видно над горами, оставаясь всё время сидящим на своём верблюде: после заката он двинулся из Арафы к Джам‘у, направляясь в ночном пути по свету огня, горевшего, как обычно, в аль-Муздалифе (со времён Кусайя; ср. Введение, § 79). Прибыв ночью в аль-Муздалифу, Магомет остановился там вблизи огня на Кузахе и не позволил никому трогаться, пока не стали видны первые проблески зари следующего дня, 10 зу-ль-хиджжа.

Выступив до восхода солнца, Магомет двинулся теперь к Мине, бросил обычные камни (ср. Введение, § 120) и, прибыв на место, где обычно совершались

[324] «День водопоя» (?). О значении этого тёмного слова много спорили, ибо и сами арабы никогда не умели дать ему удовлетворительного объяснения. Это показывает по крайней мере его великую древность. Кто пожелает узнать различные объяснения, предпринятые арабскими филологами, пусть прочтёт Dozy, *Israel.*, с. 110–114, где они все изложены и рассмотрены. Его собственное объяснение остроумно, но не убеждает: на с. 110 внизу следует исправить «der siebente» на «der achte Tag»: день тарвии приходится на 8 зу-ль-хиджжа. Ср. также Hughes, с. 628.

жертвоприношения, собственными руками заколол тридцать шесть верблюдов ножом, называемым *харба*, употреблявшимся для этих жертвоприношений. Затем велел отрезать по куску мяса от каждого убитого животного и приказал, чтобы все куски положили вариться в котёл: затем съел кусок варёного мяса и отхлебнул немного бульона. Подражая примеру Пророка, сподвижники принесли в жертву и остальных животных, и мясо было роздано как милостыня бедным. Окончив жертвоприношения, Магомет велел обрить себе голову, и утверждают, что при этом знаменитый полководец Халид б. аль-Валид завладел несколькими волосками, упавшими со лба Пророка, и спрятал их в свой шлем, где и хранил их, пока жил. Некоторые паломники не захотели брить головы, а лишь подстригли волосы. Магомет своим молчанием сначала, казалось, не одобрял такого поведения некоторых, не следовавших верно его примеру, но после некоторых настояний сподвижников согласился даровать благословение и тем, кто лишь подстриг волосы (Вакиди — Велльхаузен, с. 426–430. Я постарался слить в непрерывный рассказ мозаику мелких преданий текста, сгладив некоторые незначительные противоречия; ср. также Хишам, с. 970, и Табари, I, с. 1755–1756).

§ 77. — Окончив эти обряды и совершив полуденную молитву, Магомет снова сел на верблюдицу и, собрав вокруг себя верующих, произнёс наконец ту знаменитую речь, древнейшую версию которой мы теперь приводим полностью словами самого текста. (Версия Ибн Исхака.) Во время этого паломничества Магомет научил последователей священным обычаям и обрядам, которые следует совершать в эту ежегодную годовщину, и произнёс проповедь, в которой объяснил ещё многое другое. Воздав хвалу Богу, он продолжал: «О люди! Слушайте мои слова, ибо я не знаю, встречу ли я вас ещё когда-нибудь после этого года в эту годовщину. О люди! Ваша кровь и ваше имущество должны быть для вас священны (*харам*), пока не встретите вашего Господа, — священны, как священны этот ваш день и этот ваш месяц, ибо однажды вы должны будете встретиться с вашим Господом, который спросит вас о ваших делах. Ныне я исполнил мою миссию. У кого есть на хранении имущество, вверенное его попечению, пусть вернёт его тому, кто ему его вверил. Все проценты на капиталы, данные в долг, отменены, но капитал остаётся долгом, и вы не должны совершать никакой несправедливости: тогда и вы не потерпите никакой. Бог установил, что никакие проценты больше не должны платиться, и все проценты, причитавшиеся Аббасу б. Абд аль-Мутталибу, погашены и ничтожны. Равным образом отменены все кровные мести времён варварства (*аль-джахилия*): первая кровная месть, которую я отменяю среди вас, — месть за Раби‘у б. аль-Хариса б. Абд аль-Мутталиба (*злодеяние, совершённое хузайль в языческую эпоху, после которого все права мести были отменены*). Затем: о люди! Сатана утратил отныне всякую надежду, что ему когда-либо снова будут поклоняться в этой вашей стране; если же некоторые повинуются ему в других делах помимо этого, тогда он всё же остаётся доволен вашими злыми делами: поэтому остерегайтесь его ради вашей веры. О люди! *Наси* (*вставка месяцев для согласования лунного года с солнечным, ср. 1 г. х., §§ 9–15*) есть тоже дело неверия, которым заблуждаются неверующие, объявляя месяц священным в один год и объявляя его свободным в другой год: притязая сравняться с тем, что освятил Бог, они оскверняют

то, что Бог освятил, и освящают то, что Бог оставил свободным. Время совершило свой круг, вернувшись таким, каким было в день, когда Бог сотворил небеса и землю: число месяцев у Бога — двенадцать, из которых четыре священны: три из них следуют один за другим (зу-ль-ка‘да, зу-ль-хиджжа и мухаррам, а четвёртый) — раджаб мудар — стоит между двумя джумадами и шаабаном. Затем: о люди! Вы имеете права на ваших жён, но и они имеют права на вас. Вы имеете право требовать от них, чтобы никто, кто вам не по душе, не попирал вашего ложа и чтобы они не совершали никакого явно непристойного дела. Если же они это делают, Бог позволяет вам удалить их от вашего ложа и наказать их умеренно: если же они воздерживаются от этого, вы обязаны им в подобающей мере пищей и одеждой. Обходитесь хорошо с жёнами, ибо они ваши помощницы и сами по себе ничем не могут владеть. Вы должны брать их как имущество, вверенное Богом вашему попечению, и по слову Бога вам дозволено ложиться с ними. Обдумайте хорошо, о люди, мои слова, ибо я исполнил мою миссию и оставил среди вас то, чего достаточно, чтобы вы, если будете держаться этого, никогда не могли впасть в заблуждение; я оставляю вам, то есть, ясное и явное повеление — Книгу Божию и пример Его Пророка (*сунна набиййихи*). О люди! Слушайте мои слова и обдумайте их хорошо: знайте, что всякий мусульманин — брат всякому другому мусульманину: все мусульмане — братья: никому не дозволено брать у брата то, чего тот не дал по доброй воле: не совершайте несправедливости себе во вред. О Боже! Разве я не исполнил моей миссии?» И говорят, что люди ответили: «О Боже! Да!» На что Магомет добавил: «О Боже! Будь свидетелем!» (Хишам, с. 968, стр. 7 — с. 970, стр. 11)[325].

Такова версия Ибн Исхака, которая, однако, не притязает быть ни полной, ни точной, ибо Ибн Хишам добавляет и другие слова, произнесённые Пророком, которые являются повторениями в несколько иной форме того, что находится в предыдущей речи. У нас есть также некоторые предания о словах, сказанных Пророком в ходе паломничества в дни, предшествовавшие дню Мины; Ибн Исхак добавляет, например, что в Арафе Пророк сказал также: «О люди! (Знайте), что Бог даровал своё право каждому человеку, имеющему своё право: пусть наследство не ускользает от естественного наследника: дети принадлежат ложу: прелюбодеев следует побивать камнями (ср. 9 г. х., § 94 и прим.). Кто отречётся от своего отца или своего клиента, чтобы стать сыном или патроном другого, на того падёт проклятие Бога, ангелов и всех людей, и Бог не примет за эту вину ни возмещения, ни выкупа» (Хишам, с. 970, стр. 6–8; Табари, I, с. 1753, стр. 5 — с. 1755, стр. 2; Вакиди — Велльхаузен, с. 430–432, даёт

[325] В редакции Ибн Хишама у нас, как обычно, одинокий поручитель: «сказал Ибн Исхак» (Хишам, с. 968, стр. 5), тогда как Табари (Табари, I, с. 1753, стр. 6), у которого та же версия, добавляет, что Ибн Исхак слышал её от Абдуллаха б. Абу Наджиха. Приведённая версия, несомненно, ближе всего к истине, ибо одно её прочтение показывает, что она в сущности лишь собрание без ясного порядка множества основных идей, уже высказанных там и сям в Коране, которые Магомет вполне мог повторить и подытожить при этом обстоятельстве. Равным образом несомненно, однако, что он должен был сказать много другого, забытого его слушателями, и, наконец, вполне несомненно, что некоторые фразы были интерполированы впоследствии. Достаточно остановиться на фразе, что все мусульмане — братья, фразе, отражающей страсти гораздо более позднего времени, когда мусульмане-неарабы, расширяя и обобщая значение двух коранических стихов (XLIX, 10 и 13), начали борьбу за утверждение того, что обращение в ислам уравнивает всех людей, к какой бы национальности они ни принадлежали. Этот предмет уже превосходно рассмотрен Гольдциером (*Muh. Stud.*, I, с. 59 и сл.), и потому бесполезно возвращаться к нему здесь (ср. также Kremer, *Streifz.*, с. 22, 23). Интерполирован и приказ побивать камнями прелюбодеев.

версию на авторитет Ибн Аббаса [† 68 г. х.], которая обнаруживает следы позднейших поправок, ибо имеет небольшие добавления и исправления и более продуманное расположение, чтобы придать разрозненным мыслям версии Ибн Исхака лучший вид связной речи. Ввиду немногих вариантов, лишённых ценности, нет нужды давать перевод текста; Асир, II, с. 230; Бухари, I, с. 435, стр. 13 и сл.; Халаби, III, с. 474–475). Версия, даваемая *‘Икдом* (II, с. 157–158), — более новая переделка и сильно отходит от приведённой в настоящем параграфе.

§ 78. — Окончив речь, Магомет в тот же день вернулся в Мекку и расположился лагерем в аль-Хадбе, который был самым удобным местом, чтобы снова пуститься в путь на Медину. Он совершил ещё несколько других мелких обрядов вокруг Ка‘бы, среди которых ещё один *таваф* в семь обходов, а затем простился со святилищем, собираясь вернуться в Медину. Обратный путь совершился без происшествий, так что в источниках мы не находим известий об этой части Прощального паломничества (Вакиди — Велльхаузен, с. 432). Нам сообщают, однако, что во время паломничества заболел сподвижник Магомета, впоследствии знаменитый Са‘д б. Абу Ваккас, и так тяжело, что не мог больше подняться с ложа и должен был быть оставлен в Мекке. Перед отъездом Пророк пошёл проститься с ним и дал ему разные советы на случай, если он умрёт, о способе распределения своего наследства, которое было огромным. У Са‘да б. Абу Ваккаса была всего одна дочь, и потому он хотел оставить две трети своего достояния на дела благотворительности, но Пророк приказал ему не отводить на это больше трети, чтобы не слишком обеднить его естественных наследников. Болезнь была так тяжела, что Магомет даже опасался немедленной смерти Са‘да б. Абу Ваккаса и дал распоряжения о месте и способе его погребения. Утверждают затем, что Пророк посоветовал больному обратиться за советом к знаменитому (языческому) врачу аль-Харису б. Каладе ас-Сакафи (жившему в Таифе), который предписал ему растереть вместе с косточками семь фиников наилучшего лекарственного сорта и проглотить эту кашицу[326] (Вакиди — Велльхаузен, с. 432–433; Кифти, с. 161–162; Усайби‘а, I, с. 110–112). В течение месяца зу-ль-хиджжа Магомет вернулся в Медину, откуда больше не трогался до своей смерти, последовавшей три месяца спустя (Табари, I, с. 1794).

Смерть Райханы бинт Зайд, жены Пророка

§ 79. — Едва Магомет вернулся в Медину с Прощального паломничества, скончалась его жена Райхана бинт Зайд б. Амр б. Ханафа ан-Надария, которая была принята Пророком в его гарем после избиения бану курайза. Райхана была еврейкой, вдовой одного из пленных, преданных смерти по приказу Са‘да б. Му‘аза с согласия Магомета (ср. 5 г. х., § 51). Её брак был совершён в мухарраме 6 г. х. сразу после её первых месячных (Са‘д, VIII, с. 92–94).

[326] Предание о болезни Са‘да и о советах Магомета имеет немалое значение в мусульманской традиции, ибо касается прецедента жизненно важного для мусульманского общества I и II веков хиджры: оно установило, что мусульманин может советоваться по вопросам медицины и здоровья (а позднее и по спорным пунктам любого технического или научного учения) с тем, кто не был мусульманином. Чтобы оценить значение этого, следует помнить, что более двух веков хиджры все искуснейшие врачи на Востоке, любимые и опасаемые при дворе халифов, были христианами или евреями.

Другие обращения в Йемене

§ 80. — (Авторитет: аль-Вакиди.) В этом году явился в Йемен Вабар б. Юханнас (от имени Пророка?), чтобы пригласить *абна’*[327] обратиться в ислам. Вабар поселился у *банат ан-Ну‘ман б. Бузурдж*[328], которые приняли ислам. По наущению того же Вабара был обращён также Файруз ад-Дайлами (ср. § 70): Вабар вошёл также в сношения с Маркабудом, с его сыном Ата’ом б. Маркабудом и с Вахбом б. Мунаббихом (которые стали мусульманами). Первыми собрали Коран (*джама‘а аль-Куръан*) в Сан‘е Ата’ б. Маркабуд и Вахб б. Мунаббих. В этом году принял ислам также (перс) Базан, сасанидский правитель Сан‘ы, и послал известить Пророка о своём обращении (Табари, I, с. 1763; ср. следующий параграф).

Смерть Базана; обращения и назначение наместников в Йемене (ср. § 80)

§ 81. — В настоящем году скончался Базан, персидский правитель Йемена, и Магомет разделил тогда управление провинцией между (1) Шахром б. Базаном (поставленным над Сан‘ой); (2) Амиром б. Шахром аль-Хамдани (Хамдан); (3) Абу Мусой аль-Аш‘ари (Ма’риб); (4) Халидом б. аль-Асом (область между Наджраном и Забидом); (5) Я‘лой б. Умайей (аль-Джанад) и (6) Амром б. Хазмом (Наджран). Он послал (7) Зияда б. Лабида в Хадрамаут и послал (8) Уккашу б. Саура представителем к ас-сакасик и ас-сакун, тоже двум племенам (*хайй*) Йемена (*Хамис*, II, с. 170, стр. 22 и сл.; Халдун, II, прил., с. 59, добавляет ещё: (9) ат-Тахир б. Абу Хала (акк и аш‘ар); Асир, II, с. 254, стр. 21; ср. также § 82).

§ 82. — (Авторитет: Табари, без *иснада*.) В 10 г. х. обратился в ислам (перс) Базан и послал известить об этом Пророка в Медину (Табари, I, с. 1763, стр. 17; ср. предыдущий параграф). Вследствие обращения Базама (*sic*)[329] Магомет вверил ему управление всем Йеменом, ни в чём не умаляя его власти и не давая ему никаких

---

[327] Когда персидский царь по наущению Сайфа Зу Язана послал поход изгнать абиссинцев из Йемена, около 570 г. н. э. (ср. Введение, § 111, прим. 1), многие персы поселились в Йеменской Аравии, главным образом в городе Сан‘а, соединились с арабскими женщинами различных племён и имели детей-метисов, которые, не будучи уже ни арабами, ни персами, образовали особый разряд, резко отличавшийся от арабов страны. Тогда последние дали метисам прозвище *аль-абна’*, то есть «сыны» (своих матерей), не будучи в состоянии причислить их ни к какому племени, ибо их матери принадлежали к самым различным племенам (*Тадж аль-‘арус*, X, с. 48, стр. 8). Все абна’ были последователями религии своих персидских предков, то есть зороастрийской религии. Мнимое их частичное или полное обращение в ислам — сказка передатчиков (ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, с. 28). Равным образом фантастично и лишено ценности утверждение, что Базан стал мусульманином: эти известия были придуманы с главной целью представить междоусобные войны в Йемене, вспыхнувшие незадолго до смерти Магомета (ср. 11 г. х., §§ 133 и сл.), как столкновения между мусульманами и отступниками и тем изобразить те политические партии Йемена, которые соединились с мусульманами, давнишними мусульманами.

[328] Ещё одно вероятное воспоминание о племени, жившем по первобытной системе матриархата. Примечательно, что это племя находилось в Йемене, где цивилизация была гораздо более развита, чем в других местах Аравии. Быть может, речь идёт об одном из кочевых племён, переселившихся в Йемен в период упадка древних минейского и сабейского государств.

[329] Так прямо в тексте Табари, хотя не может быть сомнения, что хронист имеет в виду то же лицо и что различие написания зависит от различия произношения, обусловленного различным происхождением отдельных известий. Персидские имена в Йемене современники лишь слышали, и память о них передавалась устно, а не письменно.

соправителей в управлении провинцией. Затем (в 10 г. х.) Базам умер, и Магомет разделил управление между несколькими сподвижниками[330] (Табари, I, с. 1851).

(Авторитет: Сайф б. Умар: от Убайда б. Сахра б. Лузана аль-Ансари ас-Салами, мнимого очевидца, и от Кураса аль-Лайси.) После Прощального паломничества, вследствие смерти Базана в Йемене, Магомет произвёл следующее распределение должностей (ср. § 81): (1) Шахр б. Базам получил управление Сан‘ой; (2) Амир б. Шахр аль-Хамдани держал управление племенем хамдан; (3) Абу Муса Абдуллах б. Кайс аль-Аш‘ари — управление Ма’рибом; (4) Халид б. Са‘ид б. аль-Ас — область между Наджраном, Рима‘ом и Забидом; (5) ат-Тахир б. Абу Хала получил наместничество у акк и аш‘ариюн; (6) Я‘ля б. Умайя — управление аль-Джанадом; (7) Амр б. Хазм — управление Наджраном; (8) Зияд б. Лабид аль-Баяди — управление Хадрамаутом; (9) Уккаша б. Асгар аль-Гауси — наместничество у сакасик, сакун и му‘авия б. кинда; (10) Му‘аз б. Джабаль был послан учить исламскому учению всех людей двух стран — Йемена и Хадрамаута; (11) аль-Мухаджир б. Абу Умайя б. аль-Мугира должен был отправиться к му‘авия б. кинда, но заболел в момент назначения и потому остался в Медине, пока не умер Пророк: Зияд б. Лабид исполнял его должность до халифата Абу Бакра, когда аль-Мухаджир по приказу халифа отправился на своё место (Табари, I, с. 1851–1853; противоречия, содержащиеся в списке, обусловлены вторым преданием Сайфа б. Умара, которое притязает восходить к Курасу аль-Лайси)[331].

---

[330] Следующий список назначений следует принимать *cum grano salis*: подчинение Базана, или Базама, Магомету, если оно верно, должно было быть чисто номинальным, а его правление Йеменом было фактом, которого Магомет не мог ни даровать, ни отнять, ибо влияние Пророка распространялось на страну лишь отчасти. Позволительно также сомневаться, мог ли Базан, или Базам, вообще быть мусульманином, ибо его обращение в ислам поколебало бы его положение среди персов Йемена, *абна’*, ещё не обращённых; лишь в этом году, говорят, Вабар б. Юханнас отправился проповедовать среди них ислам (ср. выше § 80). Обращение Базана было благочестивым вымыслом мусульманских передатчиков, чтобы придать ортодоксальный привкус номинальному подчинению Базана власти Магомета. Подлинное подчинение Йемена исламу произошло трудами Абу Бакра в 12 г. х., и предлогом к нему послужила междоусобная война, вспыхнувшая в стране вследствие пророческих и политических притязаний аль-Асвада аль-Анси, лжепророка Йемена, и вследствие конфликта между арабами и персами (ср. 11 г. х., §§ 133 и сл.). Нет сомнения, что первое имя настоящего списка, Шахр б. Базам, — имя перса-зороастрийца, который вместе с Амиром б. Шахром притянут мусульманскими передатчиками потому, что они были среди противников лжепророка (ср. также Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, с. 36–37). Список имён можно было бы, однако, рассматривать как перечень миссионеров, посланных Пророком вести исламскую пропаганду в Йемене среди тех меньшинств, которые интриговали с Мединой: исключая, разумеется, номера (1) и (2), которые, как мы уже сказали, введены произвольно, чтобы придать желаемый тенденциозный характер преданиям о движениях в Йемене. Заботы Пророка о деятельности аль-Асвада аль-Анси никогда не существовали, ибо он ничего не сделал, чтобы её подавить. Аль-Асвад аль-Анси никогда не был мусульманином и потому несправедливо обвиняется в отступничестве. В Йемене было много христиан и евреев, и поэтому монотеистические понятия были распространены среди населения провинции задолго до того, как услышали о Магомете (ср. Grimme, *Arabien*, с. 36–41). Раздел Йемена после смерти Базана был, вероятно, обусловлен внутренними расколами между различными слоями населения, а не административным распоряжением Магомета. На истинное положение Йемена по отношению к Магомету явно намекают некоторые выражения, употреблённые в другом предании (авторитет: Сайф б. Умар; от Абдуллаха б. Файруза ад-Дайлами), ибо в нём сказано: «(лжепророк) аль-Асвад аль-Анси обрушился на царя Йемена (*малик аль-Йаман*) и убил его, женившись затем на его жене. Базам умер ещё раньше, и его сын наследовал ему в управлении (*фа-халафа ибнуху ‘аля амрихи*)» (Табари, I, с. 1864, стр. 6–7).

[331] Обо всех этих мнимых назначениях царит большая неопределённость, и известия противоречат друг другу: по одним, Магомет назначил Халида б. Са‘ида б. аль-Аса *амиром* Сан‘ы и её территории; другие же утверждают, что это назначение было сделано в пользу аль-Мухаджира б. Абу Умайи аль-Махзуми, который будто бы находился в Сан‘е, когда умер Магомет; есть затем версия, что аль-Мухаджир был назначен халифом Абу Бакром, а Халид б. Са‘ид имел управление некоторыми более северными областями Йемена (*махалиф а‘ля аль-Йаман*). Эти известия доходят до нас на авторитет аль-Вакиди (Балазури, с. 69), и столь

Смерть Абу Амира ар-Рахиба

§ 83. — В этом году скончался Абу Амир ар-Рахиб (ср. 1 г. х., § 66, и 3 г. х., § 31), нераскаянный мединский язычник (христианин?), находившийся при дворе императора Ираклия. Кинана б. Абд Ялиль и Алкама б. Уласа спорили о наследстве покойного, но в конце концов было решено (Магометом?), что оно должно достаться Кинане б. Абд Ялилю (Табари, I, с. 1740; ср. Хишам, с. 412; Асир, II, с. 223, относит его смерть к 9 г. х. и к Абиссинии, при ан-Наджаши; *Хамис*, II, с. 170).

Обзор последних пяти лет Магомета

§ 84. — Два уже изученных нами периода предшествующей общественной жизни Магомета — меккский период (ср. Введение, §§ 348 и сл.) и первое пятилетие в Медине (ср. 5 г. х., §§ 60 и сл.) — имели особое значение, ибо объяснили: один — как Магомету удалось создать свою религиозную власть, другой — как он, завоевав уже авторитет признанного пророка, заложил основы теократической власти и создал ядро великой военной силы. В третьем и последнем периоде его общественной деятельности, который нам теперь предстоит рассмотреть, мы приходим к его заключительной фазе, к фазе, в которой Пророк религиозным, политическим и военным оружием, отточенным долгой и терпеливой подготовкой, сумел покорить большую часть Аравийского полуострова и оставить преемникам элементы, необходимые для совершения глубокой религиозной революции и для создания огромной и славной империи.

Мы видели в другом месте, как направление великого реформатора, вначале чисто нравственное и религиозное, подвергшись влияниям новой среды и непредвиденным требованиям борьбы за существование, претерпело глубокое и плодотворное преобразование. В первоначальное, исключительно религиозное ядро исламской системы, как мы видели, с каждым днём всё сильнее проникали политические элементы и материальные интересы, коренным образом изменившие первоначальный облик мусульманского движения. В первое мединское пятилетие мы проследили быстрые фазы перехода от религии к политике, рассмотрели нравственную эволюцию общины, которая от мыслей, с суровой настойчивостью обращённых к загробной жизни и сверхъестественным предметам, перешла с восточной быстротой к непосредственному искательству диких земных наслаждений и к необузданному удовлетворению худших страстей. Религиозные истоки исламского движения оставили, правда, глубокий отпечаток на мусульманской общине, окрасили, так сказать, всё неизгладимым цветом; но проникновение столь многих новых элементов, всё более грубых и воинственных, не дисциплинированных и не исправленных тягчайшими испытаниями долгой меккской подготовки, стремилось с каждым днём всё явственнее усиливать чисто языческую

многочисленные противоречия, которые мы находим, — доказательство того, что они представляют предположения или, быть может, даже настоящие вымыслы различных школ передатчиков. Например, Хишам ибн аль-Кальби и аль-Хайсам б. Ади утверждают, что аль-Мухаджир был представителем Пророка у кинда и ас-садиф. Когда умер Магомет, Абу Бакр вверил наместничество у кинда и ас-садиф Лабиду аль-Баяди аль-Ансари, присоединив его к тому, что тот уже имел в Хадрамауте (Балазури, с. 69). Другие утверждают, напротив, что Абу Муса аль-Аш‘ари имел управление Забидом, Рима‘ом, Аденом и побережьем, *ас-сахиль*; Му‘аз б. Джабаль — управление аль-Джанадом с руководством всей судебной частью Йемена и взиманием там всех податей *ас-садакат* (Балазури, с. 69). Бесполезно приводить другие расхождения, поскольку их историческая ценность ничтожна.

окраску, которую вначале Магомет так старался ослабить. Языческое влияние, всецело материальное и политическое, взяло наконец верх над всеми прочими тенденциями и стало к концу пятого года хиджры настолько сильным, что увлекло и самого Пророка, и тогда он сам с великой прозорливостью взял на себя руководство им и ускорил его движение. Это был роковой процесс, от которого никто не мог уклониться: раз арабы не хотели вполне склониться перед исламом, исламу приходилось склониться перед ними, чтобы осуществить желаемый и необходимый переход от старого мира к новому. Раз ислам не мог восторжествовать, совершенно разрушив древний арабский мир, нужно было, чтобы он основал новое на этом древнем и принял многие из тех начал, которые составляют неизменный характер языческой арабской натуры. Хотя порой несколько меняя облик и несмотря на вечное движение, толкающее всякое общество к новым формам и новым идеалам, некоторые первичные этические и психологические элементы остаются у всех народов всегда тождественными, переживая распад всех древних организмов.

Все религии, ни одна не исключая, чтобы одолеть препятствия, задерживавшие их продвижение, должны были вступать в сделку с теми силами, против которых боролись, и должны были отчасти принимать те самые элементы, искоренение которых было причиной их возникновения. Гарнак в своих учёнейших трудах об эволюции христианского учения (ср. особенно его знаменитую *Dogmengeschichte*) показал не только, что история христианства была внутренней эволюцией, сопровождавшейся усвоением суеверий и даже языческих культов и понятий, но даже показал, как, сколь это ни странно, христианство вначале никогда не могло победить опасную ересь, не приняв части её «заблуждений». Кажется почти, остроумно замечает он в одном месте (ср. Harnack, *Die Mission*, с. 68, прим. 1), что это был настоящий процесс профилактики: в здоровые учения вводили в слабом растворе языческие тенденции и ереси, как бы чтобы таким образом предохранить себя от острой инфекции. Ислам, возникший, чтобы исправить заблуждения и недостатки арабов, победил лишь тогда, когда усвоил в разбавленной и видоизменённой форме те самые элементы, подавление которых было вначале его главной миссией.

§ 85. — Европейские биографы, находясь, быть может, во власти исторической концепции *hero-worship*, или исключительного признания героического и индивидуального фактора человеческой истории, имели обычно склонность приписывать Магомету всю ответственность за такое преобразование, за это мнимое ухудшение или искажение ислама: как будто всё религиозное направление и всё общественное законодательство народа может безусловно и целиком зависеть от произвола одного человека; как будто Магомет мог, если бы захотел, превратить кочевых арабов, кровожадных невежественных разбойников пустыни, в секту кротких поклонников Бога, сделать из них, словом, что хотел. Правда, что после первых двух лет в Медине никакой новый догмат, никакое новое учение не пришли расширить уже открытое; лишь обряд приобрёл, быть может, большую угловатую жёсткость вследствие утверждения обычаев, стремившихся превратиться в законы. Правда также, как следует из контекста преданий, что Магомет считал открытое учение системой полной и совершенной, которой не недоставало ничего, кроме распространения среди

арабов; но правда и то, что остановка в развитии догматического и вероучительного ислама произошла не, как хотели бы некоторые, от нравственного упадка Пророка, а от других причин, гораздо более сложных и гораздо более отдалённых. Когда Магомет проповедовал своим немногим последователям в Мекке, он вскоре исчерпал то, что требовалось для нравственных нужд, и без того скудных, крошечной общины. Частые повторения меккских сур показывают, насколько тесен был круг идей, в котором жили Пророк и его первые сподвижники. И тогда, казалось, была остановка: застой исламского движения в последние годы в Мекке — факт, которого не смогло скрыть даже предание. Магомет подошёл к кануну Бегства, не сознавая многочисленных пробелов и несовершенств своей религиозной системы. Когда же он наконец вступил со всем своим скарбом на гораздо более широкое поприще Медины и расширил свой кругозор, он почувствовал многочисленные недостатки собственного учения и тотчас попытался восполнить их, вдохновляясь учреждениями, действовавшими у еврейских племён этой области. Религиозный мечтатель открылся тогда искусным творцом нового общественного и теократического законодательства и с удивительной проницательностью приспособил свою религиозную и общественную систему к требованиям нового общества, совсем не похожего на то, в котором он до сих пор жил.

Но новых потребностей было не так уж много: арабское население Медины, за исключением меньшинства ревнителей, не имело очень живых религиозных чувств, и большая часть обращённых могла бы, быть может, без труда отказаться от многих религиозных установлений Пророка. Поэтому неизбежно, едва закончилось, и весьма поверхностно, обращение Медины, наступил новый застой в вероучительной эволюции новой веры; и исламское движение должно было сообразоваться с тем мирским направлением, которое лучше подходило к чувствам новообращённых, к требованиям момента и к условиям, созданным великими политическими событиями. Это движение определилось ещё яснее, когда Магомет, побуждаемый отчасти собственной энергией, а главным образом обстоятельствами борьбы с курайшитами, распространил свою власть на кочевые племена, которые ещё меньше мединцев ощущали нужду в возвышенных религиозных понятиях.

§ 86. — Магомет был человеком политическим и оппортунистом по преимуществу, проницательным наблюдателем своих современников и несравненным судьёй истинных нужд и истинных чувств своих последователей, как и своих врагов. Когда он заметил, что последователи дошли до того, что не требуют больше никакого религиозного наставления, он, не будучи праздным мечтателем, а человеком практичным и осмотрительным, переменил мерку и обратил всю свою деятельность на укрепление своей теократической системы, расширяя свои политические функции. Ощущавшаяся Магометом необходимость придать такое материалистическое направление, происходившая от местных условий мединского общества, доказывает ложность теории тех биографов, которые хотели обнаружить в Центральной и Западной Аравии сильное религиозное движение, предшествовавшее движению Магомета. Остановка догматической эволюции и отсутствие в исламе большей части тех нравственных сторон, тех идеалов, которые делают христианство религией самых образованных и цивилизованных народов, религией по преимуществу, зависели

главным образом от того факта, что в кочевой Аравии не ощущалось истинной нужды в новой религии. Тем немногим религиозным нуждам, следы которых есть в Аравии Магомета, ислам удовлетворил более чем достаточно; а Пророк не был человеком, чтобы тратить время на праздные слова и увещания, когда опасался не найти отклика. Если бы Магомет проповедовал среди людей более образованных и цивилизованных, одушевлённых истинным религиозным чувством, исламское учение имело бы совсем другой облик, гораздо более полное развитие, и была бы менее ощутима догматическая и идеальная бедность духа Магомета. Его учения, состоявшие большей частью из смутно услышанного и часто плохо понятого (ср. Nöldeke, *Qur.*, с. 2–15), не удовлетворили бы слушателей, и Пророку пришлось бы выступить с гораздо более высоким нравственным и вероучительным снаряжением. Восполнить такие недостатки попытались лишь те неарабские народы, обладавшие более высокой культурой и большей нравственной и умозрительной энергией, когда ислам стал впоследствии их религией. Но в Аравии был возможен лишь этот первобытный ислам. Суровая жизнь пустыни налагает на людей, живущих в ней, необходимость свести к минимуму свои потребности: а материальным потребностям народа всегда в равной мере соответствуют и нравственные потребности. Ислам верно отражает низшие условия арабского общества, для которого был создан. Все те предания, которые мы находим в канонических собраниях *хадиса* и в которых выводятся арабы, приходящие просить у Пророка краткое изложение новой религии и расспрашивающие его о мелочных формальностях обряда, — большей частью литературные произведения позднейших богословов. Магомету всегда была противна синтетичность и всякая форма общей абстракции (ср. Nöldeke, *Qur.*, с. 4), как доказывает Коран, исключительно бедный общими определениями и обрядовыми предписаниями. Для всех арабов, пока жил Магомет, ислам имел мало привлекательности как религиозное учение, но вызывал большой интерес как политическое средство; и если столь многие терпели отвратительные повинности, стеснявшие личную свободу (молитвы, подати, посты и т. д.), это происходило либо из личного страха перед Пророком, либо в надежде на значительные материальные вознаграждения. Ислам, таким образом пренебрегаемый как богословская система и нравственное учение теми, кто его принял, остался верой несовершенной и первобытной, достаточной для нужд первобытного народа, но полной пробелов, противоречий и темнот, которые все в последующие века породили бесконечные споры, ереси и кровавые конфликты у тех народов, которые приняли новую веру уже не как верное средство грабежа, а как божественно открытый путь к искуплению от греха[332].

§ 87. — Безрелигиозность арабов была не единственным фактором, повлиявшим на несовершенную эволюцию ислама. Решающим образом этому содействовали также роковой ход политических событий и требования борьбы за существование. Всякая новая религия агрессивна: такой характер неизбежен во всякой религиозной реформе. Даже кроткое христианство, проповедовавшее мир между людьми и полагавшее

[332] Примечательно, что среди изречений, приписываемых Пророку, есть и такое, которое обнаруживает у составивших его передатчиков ясное сознание истинных чувств «обращённых» арабов. Магомет будто бы сказал: «Мой народ будет счастлив, пока не станет смотреть на веру как на добычу, а на подать бедным — как на ненавистный долг» (Мас‘уди, IV, с. 169).

любовь основой праведной жизни, было настолько агрессивным, что устрашило представителей древнего мира и подвигло их на жестокие гонения. Должны ли мы поэтому удивляться, что религия, возникшая среди народа воинов и разбойников, по необходимости стала воинственной и драчливой? Такой военный и агрессивный характер был роковым, неизбежным следствием среды, и мы находим его в тождественных формах и у других арабских пророков — Тулайхи, Саджах, Мусайлимы и аль-Асвада аль-Анси, — ввергнувших Аравию в великие междоусобные войны, продолжавшиеся с конца 10 до середины 12 г. х., о чём мы скоро расскажем. Аналогичное явление произошло и у евреев в Палестине: там, как и в Аравии, по сходным причинам религия приняла теократическую и военную форму (ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, с. 19). Политические судьбы ислама были поэтому роковым и логическим следствием предпосылок и, рассматриваемые в своих общих чертах, обозначают восходящее, непрерывное движение, достигающее высшей точки при осаде Медины. Всего через пять лет Магомет, изгнанник из Мекки, глава немногих и жалких изгнанников, стал настолько грозен, что защитники старого порядка сочли необходимым собрать 10 000 человек, чтобы раздавить его. Но попытка пришла слишком поздно: десяти тысяч человек уже было недостаточно: ислам торжествующе выдержал испытание, гордо подняв голову, более грозный и угрожающий, чем когда-либо. Одержанная победа была огромна; ничто уже не могло её умалить.

Как это случилось, никто не мог толком сказать: от нескольких мелких походов ради добычи случайно дошло до кровопролитного сражения, в котором победа улыбнулась мусульманам, хотя они были гораздо малочисленнее. Из этого военного события, в свою очередь, вспыхнула губительная и опасная война против богатой и могущественной общины, которая, чтобы обеспечить свободный проход своих товаров и отомстить за оскорбление и понесённый урон, пустила в ход все мощные средства, бывшие в её распоряжении. После четырёх лет бесплодной борьбы курайшиты ничего не добились от докучливого противника и должны были признать себя совершенно побеждёнными и лишёнными уже почти всякого военного престижа. Унижение было тем жгучее, что было нанесено тем самым согражданином, которого они всего пять лет назад так презирали, а затем так жестоко изгнали. Осада Медины обозначила наивысшее усилие курайшитов, и если значительное число вооружённых язычников, собранных ими перед укреплениями Медины, давало меру великого влияния главных нападавших, то неудача столь многих сил была тем более унизительна, что имела последствия, равные поражению. Следствием этой несчастной осады было то, что силы, враждебные исламу, казалось, сломились, утратив всякое, даже малейшее единство. Курайшиты, казалось, поникли под бременем испытанного позора, и различные единицы, прежде союзные, отделились теперь одна от другой, вялые и бездеятельные, позволяя последовательно себя одолеть не только как лишённые всякой силы сопротивления, но и, по-видимому, свободные от всякого желания сопротивляться.

Карта территории Медины для иллюстрации военных походов Магомета (вклейка в оригинале)

§ 88. — Несмотря на то что этот выдающийся триумф, дух последователей, условия среды, слабость врагов и случаи, предоставлявшиеся политическим положением, давали значительные преимущества, почти толкая Пророка по пути, чётко начертанному судьбой, они не делали всё же так, чтобы трудности, ещё остававшиеся непреодолёнными, не были многочисленны и серьёзны. Правда, престиж курайшитов был сильно поколеблен громкой неудачей осады; правда, большая часть союзных кочевых племён, в которых заключалась военная мощь курайшитов, покинула их с чувством раздражения и отвращения: но правда и то, что положение Пророка имело много тёмных сторон. Тот факт, что он не смог или не осмелился выйти из укреплённой ограды Медины и разбить противников, мог быть истолкован кочевыми племенами как

признание слабости или недостатка мужества; так, действительно, всего через несколько месяцев после исчезновения союзников мы имеем явные признаки беспокойства племён, некоторые из которых, включая даже те, что участвовали в осаде (фазара), снова появляются близ Медины и угоняют скот Пророка (6 г. х., § 3). Караваны мединцев, направлявшиеся в Сирию, не раз подвергаются нападению и грабежу с избиением сопровождавших их мусульман (ср. 6 г. х., §§ 5 и 15). Другие кочевники, пришедшие в Медину под разными предлогами, едва получив желаемые мелкие выгоды, убивают пастуха-мусульманина и угоняют другой скот (ср. 6 г. х., § 21). Словом, у нас много верных признаков, чтобы полагать, что племена, вообразив после событий осады, что настал удобный момент, чтобы с верной выгодой напасть на двух истощённых противников, Магомета и курайшитов, и грабить их в надежде на безнаказанность, хотели мелкими попытками испытать, осторожно прощупать почву и оценить силы и настроения Магомета. При первом признаке слабости или страха эти волки пустыни появились бы всё более многочисленными толпами, чтобы безжалостно растерзать того, у кого уже не было силы или мужества защищаться.

Поэтому момент требовал быстрого и энергичного почина, который отнял бы всякую иллюзию противиться силам и намерениям Пророка. Нужно было показать, что ислам как военная сила вышел из испытаний осады сильнее, чем когда-либо. Магомет понял необходимость положения и ответил на неё быстрым и действенным образом действий. Хотя не представлялось случая ни предпринять большой поход, ни восторжествовать в генеральном сражении, всё же в течение одного лишь 6 г. х. было снаряжено целых семнадцать различных походов, брошенных во всех направлениях — либо с целью отомстить за оскорбления, либо наказать грабителей, либо держать в узде беспокойные племена. Некоторые походы доходили до окрестностей Мекки (против бану лихьян, ср. 6 г. х., § 2), другие проникали в центр полуострова (против фазара, ср. 6 г. х., § 3), третьи — на север Аравии (против джузам, ср. 6 г. х., § 11): были убиты евреи, известные тем, что интриговали против ислама (ср. 6 г. х., § 20); были схвачены и варварски изувечены арабы, виновные в жестокостях против мусульман (ср. 6 г. х., §§ 28 и 21), и был даже захвачен врасплох и взят богатый курайшитский караван, возвращавшийся из Сирии по новому пути, избранному именно для того, чтобы быть в безопасности от мусульманских нападений (ср. 6 г. х., § 8). Магомет не ограничил своей деятельности этими предприятиями, в которых мог проявить лишь материальное превосходство своего оружия: он прибег также к другим искусствам, гораздо более тонким, проницательным и порой более действенным, чем само оружие, а именно к искуснейшей политике интриг и дипломатических переговоров, в которых он обнаружил совсем особый талант, заслуживающий того, чтобы его изучили с некоторым вниманием, ибо многие биографы, как Шпренгер и Мьюр, недостаточно учли его при изучении характера и дела Пророка.

§ 89. — Вероятно, уже с первых лет, проведённых в Медине, Пророк обратил внимание на кочевые племена её окрестностей и старался привлечь их в свою орбиту; но известия о его дипломатической деятельности в этот первый период весьма неполны и отрывочны, и есть риск впасть в неточности и ошибки, слишком на них полагаясь.

Тем не менее об этом периоде высочайшей важности у нас, к счастью, есть некоторые документы — приведённые нами полностью в предыдущих летописях, — истинное значение которых ускользнуло от мусульманских авторов с той обычной критической слепотой, которая их отличает, ибо иначе вероятно, что они бы их уничтожили. Действительно, великая ценность этих документов в том, что они открывают истинную природу дипломатии Магомета. Пророк, отнюдь не будучи непримиримым, вначале обращался с язычниками на условиях полного равенства, оставляя в стороне всякое религиозное соображение и почти признавая право кочевников сохранить языческую веру: таким образом Магомет в документах прямо признаётся, что военные и политические вопросы некогда пользовались безусловным первенством перед всеми прочими. Эти договоры едва ли можно считать замаскированными попытками склонить племена к исламу, ибо в них слишком явно выражение того, кто нуждается в помощи и ищет её любой ценой, не заботясь, откуда она придёт.

Мы можем, например, быть уверены, что между Магометом и его соседями-кочевниками — музайна (ср. 5 г. х., § 16), дамра, джухайна, гифар, аслам, хуза‘а и другими — были заключены соглашения, быть может устные, а не письменные[333], сущность которых состояла со стороны кочевников в обещании нейтралитета, данном в обмен на неприкосновенность от мусульманских грабежей, ибо нам ни по какому преданию не известно, чтобы между этими племенами и Магометом когда-либо был вооружённый конфликт. Мы имеем, однако, основание полагать и то, что кочевники, всегда осторожные, недоверчивые и действовавшие лишь из соображений материальной выгоды, не делали общего дела с Пророком в его первых военных предприятиях, а сблизились с ним лишь позднее, после первых побед, когда он доказал, что он искусный и удачливый вождь. Но и тогда племена не присоединились к нему открыто как коллективные единицы, а держались в состоянии благосклонного выжидания, тогда как отдельные их члены, самые смелые, предприимчивые и беспокойные, непрерывным потоком переселялись в Медину и, присоединяясь как клиенты к исламизированным племенам, участвовали на равных условиях как в опасностях, так и в добыче мусульман.

Уже в числе мусульман, присутствовавших при Бадре (ср. 2 г. х., § 85), мы находим много имён клиентов и союзников из самых различных племён[334], которые

[333] Различные документы, приведённые нами в другом месте (ср. 5 г. х., §§ 84, 87, 92, 93, 93, A и 94), свидетельствуют о реальности дипломатических отношений между Пророком и различными языческими племенами, которые остались идолопоклонниками и после заключённых с ним соглашений: эти документы первого мединского периода относятся к дамра, джухайна, гифар, абд б. ади и ашджа‘ — всем племенам, пастбища которых граничили с территорией Медины: документы доказывают, что Пророк, лишь бы достичь своих целей, довольствовался вначале одними политическими обязательствами, не выдвигая никакого религиозного требования. Это очевидно и в его отношениях с племенами в позднейшие времена, ср., например, с аслам и хуза‘а (8 г. х., § 22, прим. 3).

[334] Не рассматривая всего списка мусульман, присутствовавших при Бадре (ср. 2 г. х., § 85), из одного лишь списка 87 так называемых мекканских эмигрантов мы обнаруживаем, что около половины были чужеземцами-клиентами или союзниками и, стало быть, мекканцами по имени и по симпатии, но не по крови. Происхождение некоторых неясно; среди прочих у нас есть члены следующих племён: кальб (A. 4), гани (A. 7), асад (A. 17–25, 47), сулайм (A. 26–28), тайй (A. 29), хуза‘а (A. 43, 64), бахра (A. 49), хузайль (A. 41), тамим (A. 44, 60), мазхидж (A. 53), бакр б. ва’иль (A. 61, 62), анз б. ва’иль (A. 63), лайс (A. 64–68) и т. д.: заметим, что среди стольких имён фигурирует лишь одно (мазхидж) из племён Йемена и одно (бахра) с севера: все

свидетельствуют об обильном притоке немединских элементов и о большом численном росте мусульман, вызванном добровольным вступлением самых беспокойных и воинственных людей из племён Центральной и Северной Аравии. Этот приток был следствием искуснейшей политики интриг, которой Пророк сумел подготовить себе благоприятную почву почти у всех окрестных племён и у многих других, более отдалённых.

В этой особой отрасли его общественной деятельности наш долг — признать самые выдающиеся и самые гениальные качества Пророка как общественного деятеля, ибо именно в этой отрасли он утвердил себя непревзойдённым мастером. Магомет не был человеком оружия и не имел кровожадных инстинктов: хотя с его согласия совершались страшные избиения и по его приказу было проведено бесчисленное множество военных походов, хотя его деятельность породила затем в Аравии самое острое и свирепое состояние войны, какое там существовало за многие века, всё же, хорошо изучив характер человека, следует ради истины признать, что он не был ни настоящим полководцем, ни человеком, увлечённым военными делами и ратными занятиями. Воинственная сторона его поприща и военные, агрессивные наклонности ислама были продуктом среды и обстоятельств, и воля Пророка имела в них лишь самую малую долю (ср. также Müller, I, с. 138). Его великой страстью было очаровывать людей словом и увлекать их за собой своим причудливым арабско-библейским красноречием, красноречием, порой надутым риторикой и ещё чаще многословным, но в те времена и в тех местах в высшей степени действенным. Его истинной природой была природа государственного мужа, дипломата и политика, который живёт, пользуясь людьми как фигурами на шахматной доске. Причины его огромного успеха следует искать почти исключительно в изумительном искусстве, с каким он умел соблазнять, вести и повелевать людьми, соединяя их всех в одну связку и создавая почти незаметно для себя огромный людской поток, который, полный жизненной силы и неспособный оставаться в прежних берегах, должен был по необходимости однажды выйти из берегов на окружающий мир и затопить его.

Хотя он родился в пустыне и вырос вдали от всякого культурного центра, природа щедрой рукой наделила его всеми теми дарами, которые более всего подобают пастырю народов в обществе ещё почти диком, но богатом великими нравственными и умственными силами, ещё не развившимися из-за неблагоприятных условий среды. О его личном обаянии на тех, кто находился в постоянном общении с ним, мы уже кратко говорили (ср. 5 г. х., §§ 74 и 76), но те его качества, которые очаровывали сподвижников, проявились ещё гениальнее, когда он применил их в долгих, трудных и запутанных дипломатических переговорах с алчными и строптивыми племенами пустыни, для привязывания которых требовались совершенно исключительное

остальные — из Центральной Аравии. В списке ансаров доля чужеземцев-союзников и клиентов несколько меньше, но всё же значительна и показывает, как ислам с первых времён укреплялся непрерывным и сильнейшим притоком разнообразных элементов, которые, сохраняя всё же некоторую связь с родным племенем, становились, сами того не замечая, сторонниками, бессознательными миссионерами дела Магомета, а стало быть, и ислама. Пестрота элементов, составлявших исламскую общину, — одна из самых выразительных черт эволюции ислама, которой она таким образом бессознательно придаёт тот кафолический и вселенский характер, которому предстояло затем облегчить ему завоевание душ в самых различных и отдалённых частях мира.

искусство и непрестанное внимание. Никто никогда, ни до, ни после Магомета, не знал лучше истинной природы арабов, никто лучше не знал и не применял искусство обращаться с этими грубыми сынами пустыни, людьми самыми независимыми, самыми эгоистичными и самыми скептичными на всём Востоке, и укрощать их искусными переговорами[335]. Один этот факт освещает самую величественную сторону фигуры Магомета: он сумел с относительной лёгкостью совершить то, на что никто другой никогда не был способен. Арабам бесполезно было говорить о религии, ибо они её не понимали, не хотели и смеялись над ней[336]. Чтобы укротить их, нужно было пользоваться особыми искусствами, искусно смешивать твёрдые и действенные устрашения с выгодными предложениями, вести переговоры непосредственно с каждой отдельной семьёй или группой семей и постоянно интриговать, чтобы поддерживать внутренние раздоры, пока племена не будут полностью обращены или покорены. В этих запутанных происках Магомет проявил утончённейшее искусство опытного мастера в самых сложных искусствах политики; в этой деятельности он находил особое наслаждение: наделённый душой, совершенно свободной от мелких страстей и предрассудков, он всегда с холодным спокойствием рассчитывал выбор средств. То он выказывал суровость, чтобы обуздать опасные движения (ср. Müller, I, с. 139), то заводил предложения соглашений и, предлагая значительные материальные выгоды, умел искусно сеять недоверие, ревность и подозрения между племенами, проявлявшими склонность объединиться между собой или желание быть совершенно независимыми; то, наконец, тайно разжигал старую злобу и ревность партий и семей в

[335] «Привычки и обычаи кочевой жизни сделали арабов народом грубым и свирепым. Грубость нравов стала для них второй натурой, состоянием, в котором они находят удовольствие, ибо оно обеспечивает им свободу и независимость… Они всегда готовы похищать силой, искать богатства с оружием в руках и грабить без меры и без удержу» (Халдун, *Пролегомены*, I, с. 310). «Из всех народов арабы наименее расположены к подчинению. Ведя почти дикую жизнь, они приобрели грубость нравов, гордость, высокомерие и дух ревности, которые восстанавливают их против всякой формы власти» (Халдун, *Пролегомены*, I, с. 313).

[336] Безрелигиозность бедуинов — факт, прямо признаваемый и Кораном (IX, 98): «Арабы пустыни столь закоснели в своём нечестии и своём лицемерии, что понятно, почему они не знают предписаний, которые открыл Бог!» Дурная слава кочевых арабов сохранилась и позднее и вошла почти в поговорку: знаменитый омейядский наместник Ирака аль-Хаджжадж б. Юсуф [† 95 г. х.] мог обвинить кого-то в безрелигиозности и нечестии, сказав ему: «Ты вернулся вспять, ты *обедуинился*!» (Халдун, *Пролегомены*, I, с. 260). Та же безрелигиозность встречается и у бедуинов нашего времени, хотя их речи полны призываний Бога (Doughty, I, с. 265); но и половина кочевников Центральной Аравии не умеет прочесть молитву (там же, I, с. 238). Очень многие бедуины никогда не молятся, несмотря на все усилия ваххабитов вывести кочевников из их религиозной лени (Burckhardt, *Bed.*, с. 160–161). Единственные настоящие фанатики в делах религии — жители селений, заражённые страстями ислама за пределами Аравии. Бедуины ничего не знают и ничуть не заботятся узнать то, что не касается их непосредственных материальных нужд (там же, I, с. 423–424), и многие из тех, с кем говорил Даути, никогда не слыхали о другой жизни после смерти! (Doughty, I, с. 446). В действительности кажущийся фанатизм и религиозный дух арабских племён, столь готовых убить чужеземца, — не что иное, как варварская форма патриотизма, дикая форма той исключительности, того отвращения к чужеземцу, которые свойственны всем азиатам, и в особенности монголам и семитам. Тому, кто пожелает углубить изучение безрелигиозности кочевых арабов, советуем внимательно прочесть сведения, собранные и остроумно проанализированные Гольдциером (*Muh. Stud.*, I, с. 4 и сл.), где он талантливо показывает, как религиозная миссия, принятая Магометом, объявившим себя Пророком и Посланником Божиим, была именно той, что меньше всего взывала к чувствам бедуинов. Само имя пророка, *наби*, слово, заимствованное из арамейского (ср. Fraenkel, *Aram.*, с. 158, 232; Guidi, *Sed. Pop.*, с. 36), было для них тёмным и почти непонятным. Знаменит среди прочих эпизод, рассказанный Ибн Исхаком (Хишам, с. 433). Один бедуин, узнав, что Магомет утверждает, будто он пророк, обращается к нему со словами: «Тогда скажи мне, что во чреве этой жерёбой верблюдицы!» Другой бедуин, из самой свиты Пророка, побуждаемый присутствующими испросить и получить тоже прощение всех грехов, грубо отвечает, утверждая, что ему важнее найти своего потерянного верблюда, чем получить все отпущения Мухаммада (Goldziher, *Muh. Stud.*, I, с. 7; Муслим, V, с. 348; Вакиди — Велльхаузен, с. 246; ср. также Freytag, с. 338 и сл.).

недрах многочисленных и сильных племён и предлагал свои услуги, по видимости бескорыстные, всегда партии меньшинства и никогда — партии большинства. Такими искусствами он разрознил все силы, поднявшиеся, чтобы бороться с ним, и медленным, верным и роковым шагом, ни разу не совершив ошибки и не выдав слабости, восторжествовал над всеми врагами и укротил доселе неукротимых арабов.

§ 90. — Слияние этих искусств искуснейшей политики со смелой и удачной тактикой малых военных походов быстро принесло те плоды, которых ожидал от них Магомет: крупнейшие и наиболее опасные племена прекратили беспокойства, а более мелкие, как бы очарованные или ослеплённые, после временного отпадения, вызванного появлением союзников, снова стали группироваться вокруг неутомимого новатора, опасаясь быть раздавленными в конфликте, если не примкнут к сильнейшему. Так начался тот поистине удивительный процесс группирования племён вокруг личности Пророка, которому предстояло затем принять столь обширные размеры, чтобы охватить большую часть полуострова. Это движение, обозначившееся ещё весьма неуверенно и с повторными остановками в первый мединский период, окрепло сразу после осады Медины. Для историка, ищущего причин великих человеческих событий, это центростремительное движение доселе разрозненных молекул арабского общества — из всего этого периода то явление, которое больше всего привлекает его любопытство и вызывает его изумление, ибо при ближайшем рассмотрении оно оказывается самым подлинно личным и самым изумительным делом всей деятельности Пророка. Тогда как в его религиозной системе мы вынуждены признать слабое и несовершенное подражание еврейской религии с небольшими христианскими добавлениями; тогда как в его военной деятельности мы видим победы и поражения, зависящие от случайностей, стратегических ошибок, неосторожностей или проявлений недисциплинированности, — в его дипломатическом и политическом деле мы различаем всю оригинальность и всю мощь гения великого арабского реформатора. В этом деле он действует один и с непогрешимой проницательностью, преодолевая все многочисленнейшие трудности не случайными поворотами и не смелыми внезапными ударами, а чистой и простой силой ума, который очаровывает и связывает души, который умеет с удивительной лёгкостью выпутываться из самых сложных и трудных положений, который никогда не совершает ошибки и не упускает ни одного преимущества, предоставленного ему ошибками противников.

Хронологическая неопределённость, царящая во всех сведениях о соглашениях, состоявшихся между Магометом и языческими племенами до осады Медины, не позволяет нам много полагаться на эти ненадёжные источники. Тем не менее почти несомненно, что начиная с битвы при Бадре между Магометом и окрестными племенами были заключены весьма точные соглашения, ибо из всего контекста преданий с неоспоримой очевидностью следует, что между Пророком и меньшими племенами Северного Хиджаза царило доброе согласие, никогда не нарушавшееся никаким конфликтом. Свобода и безопасность, с которыми Магомет бродил в окрестностях Медины, охотясь за курайшитскими караванами, свидетельствуют о том, что окрестные племена находились в полном согласии с мусульманами и присутствовали с нейтралитетом, полным сочувствия, при первых военных

приключениях мусульманской общины. Магомет, ещё занятый обращением Медины, просил вначале у кочевников лишь этого благосклонного нейтралитета (ср., например, 5 г. х., § 93, A), и, вероятно, не мог бы получить большей поддержки ввиду постоянной угрозы курайшитов, удерживавшей племена, всегда осторожные и корыстные, от открытого союза с тем, кто ещё не давал верного залога конечного торжества[337]. По некоторым документам мы имели бы почти основание предполагать, что какое-то племя обязалось, оставаясь языческим, оказывать Пророку вооружённую помощь; но полное и единодушное молчание других преданий побуждает думать, что если кочевники и заключили с Пророком какой-то наступательный и оборонительный договор (ср. 5 г. х., § 93, A), то со своим обычным вероломством не сдержали данных обещаний[338]. Следуя букве предания, следовало бы заключить, что при осаде Медины ни одно из соседних племён не пришло на помощь Магомету; но из того же молчания преданий мы должны вывести, что ни одно и не примкнуло к союзникам. Оборону Медины, стало быть, по видимости вели одни мединские элементы. Но это верно лишь отчасти, ибо в рядах мусульман насчитывалось много переселенцев из соседних племён, и я не думаю, что мы будем далеки от истины, если сочтём, что добрая часть военных сил Магомета состояла из немединских клиентов и союзников, стекавшихся поодиночке, чтобы участвовать в приключениях Пророка в надежде на прибыль. Это наше предположение подкрепляется содержанием преданий обо всех военных предприятиях начиная с 4 г. х. Действительно, тогда как о первых походах нам подробно сообщается, были ли их участники мекканцами или мединцами, впоследствии такие сведения совершенно отсутствуют, и мы начинаем понимать, что огромное большинство мусульманских войск состояло из кочевников и безвестных искателей приключений. По разным признакам мы можем заключить, что старейшие сподвижники отныне сражались скорее как начальники, чем как простые воины; если у них не было начальства, они предпочитали оставаться дома[339]. Основная масса мусульманских войск с этого момента состоит из безвестных элементов, людей без положения, без имени и без рода, безвестных искателей приключений из кочевых племён. При Муте, например, в 8 г. х., было убито всего восемь сподвижников: обо всех прочих, погибших в избиении, нет даже упоминания. Если бы среди убитых были другие сподвижники, мы имели бы о них известие, как имеем для предыдущих битв при Бадре и Ухуде и для последующих во время завоеваний (Ямама, Аджнадайн, Ярмук и т. д.). Стало быть, огромный приток этих элементов, которые мы могли бы назвать

[337] «Свирепая природа арабов сделала их породой грабителей и разбойников. Всякий раз, когда они могут унести добычу, не подвергаясь опасности и не выдерживая борьбы, они не колеблются сделать это и затем с величайшей поспешностью возвращаются в ту часть пустыни, где пасутся их стада» (Халдун, *Пролегомены*, I, с. 309).

[338] Договор, например, с гифар (ср. 5 г. х., § 92) может принадлежать к периоду до Осады, и всё же во время неё эти бедуины не пришли на помощь Магомету. Предание действительно совершенно исключает какое-либо прямое участие кочевых племён как коллективных единиц в военных предприятиях Пророка в первое пятилетие, проведённое в Медине. Лишь в течение 6 г. х. у нас есть известие о прямых обращениях Пророка к целым группам языческих племён, чтобы они присоединились к нему (ср. 6 г. х., §§ 25–26; Вакиди — Велльхаузен, с. 242, стр. 18). Примечательно также, что племена ответили отказом на первые предложения Пророка, ибо «считали предприятие слишком рискованным!» (Вакиди — Велльхаузен, с. 242, стр. 21).

[339] Я, разумеется, делаю исключение для крупных походов, которыми лично командовал Пророк: когда он выступал, прочие сподвижники большей частью были обязаны следовать за ним. Известно, однако, что немало оставались дома и в этих случаях.

чужеземными, был явлением величайшей важности для последующего развития исламской политики[340], ибо из этого скопления людей, стекавшихся из самых различных областей Аравии, Пророк выбирал тех, кто служил ему затем шпионами, миссионерами, послами, подстрекателями, посредниками у племён, которые он стремился поглотить: так возникла великая человеческая мастерская, в которой Магомет с изумительным искусством ковал действеннейшее оружие для торжества своих идей и своей державы.

§ 91. — Полная независимость, которой пользовался в Аравии каждый член племени по отношению к коллективному целому, в котором родился, позволила Магомету собрать под своим началом множество таких оторвавшихся единиц, этих одиноких искателей приключений, пришедших в Медину искать счастья, без того чтобы племена, из которых они происходили, находились в прямых отношениях с ним или были вовлечены коллективно действиями отдельных членов: эти последние, переселившись в Медину и присоединившись к одному из многих племён города, становились мединцами в той же мере, что и коренные жители, с полным равенством прав и обязанностей и, по крайней мере в теории, порывали всякую связь с первоначальным племенем, в котором родились[341]. В действительности же эти переселенцы, если они не покинули своего племени из-за кровавых преступлений, всегда поддерживали связь с единокровными, оставшимися в пустыне: и не только увлекали и других последовать их примеру, но и содействовали возникновению симпатии и интереса к мусульманскому делу среди тех, кто ещё не вошёл в орбиту Магомета: вместе с тем они держали Пророка в курсе чувств и настроений независимых племён, позволяя ему таким образом найти особый способ вести переговоры с каждым, чтобы склонить его войти в великую мусульманскую конфедерацию.

Мусульманская община приняла поэтому облик, всё более резко отличавшийся от облика всех прочих коллективных групп полуострова, утрачивая те особые черты, которые делали одно племя ненавистным другому, и становясь организмом, в котором все, откуда бы и из какого племени они ни приходили, находили не только друзей, знакомых и единокровных, но и благосклонный приём и среду, полную

[340] Пёстрый облик и род людей, сплотившихся вокруг Пророка, всегда были одним из излюбленных пунктов обвинения врагов Магомета. Мекканский посол в аль-Худайбии мог справедливо сказать, что свита Пророка состоит из сборища безвестных людей неизвестного происхождения (*аубаш*) и людей с никогда прежде не виданными лицами (ср. 6 г. х., § 30; Вакиди — Велльхаузен, с. 250, стр. 26). Человек, стоявший рядом с Пророком во время переговоров в аль-Худайбии, был беглым сакифитом, виновным в тринадцати убийствах (там же). Личность и деятельность Пророка оказывали могущественнейшее обаяние на этот пришлый разряд людей, и он не колебался вербовать в свои ряды даже большие шайки грабителей и профессиональных злодеев (ср. 7 г. х., §§ 1 и 2). Все беспокойные бродяги, жаждавшие новизны, наживы и приключений, стекались к нему со всех концов полуострова; но, находя в страстной и полуразбойничьей жизни новой общины лёгкую пищу для своих алчных и кровожадных инстинктов, члены этого разряда, в некоторых отношениях, конечно, худшего в арабском обществе, подвергаясь всё же личному обаянию, благотворному и нравственно исправляющему влиянию Пророка, мало-помалу становились — это надо признать — людьми порядочными, спокойными, послушными последователями и верными сподвижниками. Если бы Магомет ничего другого не сделал, одного этого было бы достаточно, чтобы доказать великое нравственное влияние, которое он сумел оказывать на людей.

[341] Мало значит, говорит Ибн Халдун, в каком племени человек родился: в действительности он принадлежит к тому племени, судьбу которого разделяет и законы которого соблюдает (Халдун, *Пролегомены*, I, с. 273–274).

привлекательности, общность стремлений и верные обещания крупных выгод, за которыми, что важнее всего, следовало их полное исполнение. Медина стала, таким образом, крупнейшим центром интриг всей Аравии, и Пророк, даже не трогаясь с места, мог поэтому тайно, но всегда весьма действенно расширять нити великой сети, которую он с редким искусством плёл вокруг курайшитов, чтобы поймать их в неё. По отношению к этим кочевым арабам, весьма отличным по чувствам и занятиям от оседлых жителей Мекки и Медины, Пророк со своим тонким чутьём держался совсем иначе, чем руководствовался в своём поведении сначала в Мекке, а затем в Медине. Оставив мысль возвысить их до себя, внушив им высокое религиозное чувство, ибо к нему они не были способны, он предпочёл со своей известной гибкостью характера спуститься до их уровня, приспособиться к тому, что им лучше подходило, и привязать их к своему делу способами и интересами, менявшимися смотря по случаю, но большей частью всегда остававшимися в области политической и материальной и лишь редко включавшими также возвышенные религиозные основания. Главные побудительные причины оставались поэтому долгое время исключительно политическими: проникновение религиозных элементов в его пропаганду произошло лишь после достижения политической власти и как действеннейшее орудие, чтобы покрепче заклепать золотые цепи и сломить анархические языческие элементы, составлявшие постоянную угрозу распада. Поэтому мы видим, что вначале, лишь бы привлечь новые силы к своему делу, Пророк никогда не давал себя удержать пуританским сомнениям или предрассудкам: по этой причине в своих отношениях с кочевниками он проявлял даже больше широты в принципах, чем прежде со своими согражданами-мединцами. Раз кочевники не хотели знать о религии, он пока оставил её в стороне, существенно изменив направление своей реформаторской деятельности.

Из рассмотрения документов, приведённых в другом месте (ср. § 89, прим. 1), мы узнаём также, что Магомет уже до 5 г. х. наметил общие линии своей военной политики против курайшитов (ср. 6 г. х., § 45); она состояла из двух основных замыслов, определявших всю его деятельность: подчинения курайшитов и завоевания меккского святилища. Его военное бездействие после того, как битва при Хунайне в 8 г. х. окончательно обеспечила ему владение Меккой и повиновение курайшитов, как и другие соображения, которые мы изложим ниже, создают убеждение, что Пророк во всей своей великой двадцатилетней борьбе никогда не стремился ни к чему иному, кроме теократического господства над Хиджазом, и что, достигнув его в 8 г. х., он считал свою миссию оконченной. Всё, что затем произошло в Аравии, было излишком, мы готовы сказать, нежеланным и почти неприятным Пророку, уже уставшему и удовлетворённому своим делом. С первого дня его прибытия в Медину завоевание Мекки было его великой идеей, было стержнем, на котором покоилась вся его деятельность: в упомянутых договорах с языческими племенами он действительно просит их помощи, даже если поводом к войне будет религия — то есть против курайшитов, врагов ислама, — а в одном, даже заключая договор о полном нейтралитете, он предусматривает лишь случай конфликта с курайшитами (ср. 5 г. х., § 93, А).

Исходя из этих соображений, все те отдельные факты, сохранённые нам преданием, которые кажутся мозаикой картинок, лишённых всякой связи между собой, следует, напротив, изучать как фрагменты единого великого политического и стратегического плана, задуманного и приведённого в исполнение Пророком с высшей целью завоевания Мекки. Но это завоевание после жестокого урока Ухуда (ср. 3 г. х., §§ 13–62, и 5 г. х., §§ 75 и сл.) должно было по возможности быть достигнуто без применения оружия и без пролития крови: оно должно было быть конечным и роковым следствием сочетания умных ходов, направленных на то, чтобы парализовать противника и отнять у него всякую возможность сопротивляться. Ничто не могло лучше послужить достижению этой цели, чем та совокупность искусных интриг, которыми независимые племена держались в узде, а силы врага тайно разделялись, развращались и ослаблялись.

§ 92. — К сожалению, недостаёт документов, чтобы шаг за шагом следить за Пророком в развитии его дипломатических интриг среди племён, но по разным признакам мы можем косвенно составить себе представление об обширности основы, на которой он ткал великую политическую ткань, в несколько лет распространившуюся до самых отдалённых уголков Хиджаза и Неджда. Нет сомнения, например, что неудача осады Медины была в значительной мере обусловлена тайными происками Пророка, начатыми не только во время осады, но главным образом ещё до прибытия союзников. Лихорадочная деятельность, обнаруженная им в период между Ухудом и осадой, была обусловлена знанием тайных планов курайшитов, стремившихся раздавить его общим союзом союзных племён; и все ухищрения и дипломатические интриги Пророка имели целью лишь разорвать великую сеть, которой противники замышляли опутать его, чтобы покончить с ним. Так искусно сумел он предупредить своих противников, что, когда враги наконец закинули эту свою великую сеть, думая, что поймали его, они с горестным изумлением обнаружили, что он уже порвал её главные петли и легко спасся. Искусными происками, обещаниями, злонамеренными наветами и тому подобным он смог во время осады посеять недоверие и раздор между союзниками, сделать невозможным всякое хорошо согласованное действие и непоправимо разбить сплочённость нападающих сил. Благодаря близости вражеского лагеря он смог интриговать ещё действеннее, увеличивая тем взаимное недоверие союзников; и мы знаем, что курайшиты покинули наконец лагерь с такой стремительной поспешностью, что это казалось почти бегством. Ободрённый таким успехом, Пророк развернул теперь с ещё большей смелостью свою дипломатическую деятельность, и по разным смутным и противоречивым намёкам преданий мы обнаруживаем, что, всегда ища новых союзников против курайшитов, он послал, быть может, какого-то тайного агента и на север Аравии, к арабским христианским племенам греческой границы, откуда, быть может, отчасти и родилась басня о посольстве к императору Ираклию (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 234–235; ср. 6 г. х., §§ 45 и сл.). Эти последние попытки остались, однако, без результата: не исключена и вероятность того, что известия ложны или по крайней мере сильно искажены позднейшими влияниями.

Но фактом, превосходящим все прочие по значению и наиболее явно обнаруживающим скрытую работу интриг, подрывавшую силы, враждебные исламу,

является знаменитейший поход в аль-Худайбию, снаряжённый Магометом всего через год после отступления союзников от мединских окопов.

Никакое событие этого периода не выставляет в более ярком свете, какие тяжёлые последствия имели победоносное отражение курайшитов и беспощадное избиение курайза (ср. 5 г. х., §§ 21–52, 79–82). Этими триумфами было прочно укреплено военное братство мекканских эмигрантов и ансаров и столь же утверждена и признана верховная власть Пророка над всем городом Мединой. Лишь теперь, любимый и послушный в городе, страшный и уважаемый в пустыне, он мог задумать смелый замысел вернуться в родной город не только паломником, но и государем. Предание утверждает, что Магомет решился предпринять поход с видимой целью, или под предлогом, мирного паломничества к меккскому святилищу по внушению, полученному во сне. Но он уже не был настолько простодушен и настолько легковерен, чтобы предпринять столь важное и столь рискованное предприятие по такой причине: это утверждение находится в открытом противоречии с всегда практическими и материальными побуждениями каждого его действия. Он мог, быть может, официально объявить сон решающим мотивом, как будто в нём можно было усмотреть божественное внушение: но истинная причина была совсем иной природы. Хотя о ней предание хранит полное молчание, нетрудно всё же косвенными известиями восполнить этот пробел и найти объяснение этой попытке, которая должна была казаться почти безумной и обречённой на неудачу. Если принять во внимание беспощадный характер войны, которую курайшиты вели против Магомета целых четыре года, придётся согласиться, что мысль мирно вернуться в Мекку во главе 1500 вооружённых людей и с согласия тех курайшитов, которые всего несколько месяцев назад собрали 10 000 человек, чтобы раздавить его, должна была казаться прямо нелепой. У Магомета, несомненно, были особые и тайные причины, неизвестные преданию или замалчиваемые им, которые позволили ему задумать подобный замысел с некоторой надеждой на успех.

Каковы были эти причины? Некоторые биографы предполагали, что Пророк рассчитывал на традиционное почитание священных месяцев (зу-ль-ка‘да, зу-ль-хиджжа и мухаррам), когда территория Мекки становилась неприкосновенной и там царил мир Божий, гарантировавший безопасность всех паломников от всякого насилия. Это предположение не может устоять. Прежде всего караван из 1500 врагов, даже если его члены заявляли, что они лишь паломники, нельзя было считать ничем иным, как войском; а вероломство в Аравии было столь всеобщим, что курайшиты имели полное право не доверять словесным заверениям. Более того, в ходе долгих переговоров, происходивших в аль-Худайбии, мусульмане ни в одном случае не выдвигали этого права на мир Божий, и речь шла всегда и только о том, чтобы вырвать у курайшитов особую уступку. Несмотря на священные месяцы, мусульмане и курайшиты более двадцати дней стояли друг против друга с оружием в руках, и были даже стычки, без того чтобы кто-либо поднял протест против нарушения мира Божия. Объяснение следует, стало быть, искать в другом месте.

С тех пор как Магомет приказал своим молиться, обратившись к Мекке, а не к Иерусалиму (ср. 2 г. х., § 24), никто уже не мог обольщаться тем, что это распоряжение

не заключает в себе политической программы помимо религиозного предписания, и курайшиты имели теперь больше, чем когда-либо, право подозревать истинные намерения Магомета и желать, чтобы он держался подальше от святилища, ставшего теперь явной целью его стремлений. Поэтому всё, что, насколько нам известно, произошло в течение последних четырёх лет, от Бадра до договора в аль-Худайбии, должно было по необходимости сделать ещё более трудной и нелепой попытку, задуманную Магометом, если бы не вмешались особые причины, побудившие его действовать с такой смелостью.

§ 93. — К нашему счастью, рассказ о долгих переговорах в аль-Худайбии (ср. 6 г. х., §§ 26–37), изложенный преданием с значительной обстоятельностью, содержит среди обычных вымыслов некоторые фактические элементы, драгоценные для решения проблемы. Истинную ценность этих косвенных указаний можно, однако, оценить, лишь вернувшись назад, чтобы упомянуть о некоторых предшествующих фактах, о которых мы до сих пор умалчивали.

Из преданий о борьбе между Магометом и курайшитами в меккский период и о событиях до битвы при Бадре нам известно, что двумя самыми могущественными семьями тогда в Мекке были бану махзум и бану умайя. Хотя первая не была собственно курайшитской семьёй, ибо не происходила от патриарха Кусайя (ср. Введение, § 41, табл. № 1, и § 54, прим. 1), тем не менее по численности, богатству и умной энергии своих членов она приобрела в Мекке господствующее положение, быть может, превосходившее положение подлинно курайшитских семей, среди которых первенствовал дом Умайи. Между махзум и умайя, однако, не было доброго согласия, и раздоры и колебания, приведшие к поражению при Бадре, следует в значительной мере приписать силе этой неприязни и соперничества семей. Поражение при Бадре, в котором обе названные семьи понесли жестокие потери, дало спасительный урок: бану махзум потеряли своих самых видных вождей (ср. 2 г. х., § 88, № 24 и сл.), так что, ослабленные, смущённые и жаждущие мести, они временно оставили старое соперничество и позволили бану умайя, менее пострадавшим от несчастья, отчасти вернуть своё прежнее влияние. В битве при Ухуде, год спустя, мы находим курайшитов объединёнными под начальством Абу Суфьяна, главы бану умайя (ср. 3 г. х., §§ 13, 30 и 50), тогда как Халид б. аль-Валид, один из самых влиятельных вождей махзум, действенно содействует обеспечению победы. Стремительное отступление показывает, однако, что согласие между мекканскими вождями было ещё весьма непрочным и поверхностным и что, едва миновала непосредственная опасность, между ними снова вспыхнуло обычное соперничество.

Бездействие курайшитов в течение двух лет, прошедших между Ухудом и Осадой, должно было иметь происхождение в тех же причинах; и когда наконец в 5 г. х. союзники появились перед Мединой, из известий преданий, хотя и неполных и отрывочных, мы не только с неоспоримой уверенностью обнаруживаем, что в мекканском лагере раздоры и соперничество между семьями царили живее, чем когда-либо (ср. 5 г. х., §§ 33, 38 и 39), но нам также возможно наблюдать, как, ввиду неспособности махзум и умайя договориться между собой и действовать с действенной энергией на пользу общины, другие семьи между тем приобрели большое влияние в

мекканских советах. Иными словами, видно, что вследствие ошибок, совершённых в прошлом, и вследствие неудачи военных кампаний против Магомета традиционный авторитет подлинно курайшитских семей, происходивших прямо от патриарха Кусайя, был в полном упадке и что торговая община, раздражённая понесёнными потерями, охотнее прислушивалась к тем присоединённым, не подлинно курайшитским семьям, которые отстаивали неотложную необходимость энергичных мер против Пророка Медины, нежели к сторонникам мирных соглашений. Какие семьи представляли партию войны до конца и были душой похода 5 г. х., источники об Осаде прямо нам не говорят, но этот пробел можно отчасти восполнить преданиями о переговорах в аль-Худайбии. Поскольку во время Осады лишь смутно упоминаются Абу Суфьян и Халид б. аль-Валид, два главных представителя умайя и махзум, тогда как нам говорят, что начальство над войсками держали последовательно все мекканские вожди, вероятно, что в тот момент величайшей путаницы партий ни одна семья ещё не приобрела безусловного преобладания и что уже началось более ощутимое влияние тех семей, которые мы видим первенствующими в Мекке во время переговоров в аль-Худайбии.

В ходе этих переговоров (ср. 6 г. х., §§ 27–34) мы устанавливаем, стало быть, весьма знаменательный факт, что как бану умайя, так и бану махзум исчезли со сцены, как будто перестали существовать, и что всю непримиримую оппозицию Магомету возглавляют уже не самые знатные курайшитские семьи, больше всего пострадавшие при Бадре и Ухуде, а две ветви одной мекканской семьи, доселе почти неизвестной, а именно бану амир б. луайй[342]. Они, по генеалогам, происходили от отдалённого предка Кусайя, который, однако, вероятнее, принадлежал к одной из тех многих семей, которые присоединились к патриарху Кусайю, когда он основал город Мекку, и которые затем вследствие долгого совместного проживания с подлинными курайшитами стали с лёгкой и удобной генеалогической фикцией тоже считаться курайшитскими (ср. Введение, § 54, прим. 1). Тем не менее неудача Осады имела столь смущающие последствия в недрах мекканской общины, столь горестны были последствия великого неудавшегося похода, что вследствие чувства отвращения и усталости, угнетавшего купцов, даже партия войны до конца не смогла приобрести полного господства над общественным мнением в Мекке. Когда поэтому мы подходим к договору в аль-Худайбии, бану амир б. луайй, хотя по видимости говорили и действовали от имени всей общины, не опирались на многочисленное и сплочённое большинство, и их непримиримость должна была в конце концов склониться перед требованиями сильного меньшинства тех, кто отстаивал мирную политику и

[342] Главой непримиримой мекканской партии в аль-Худайбии был Сухайль б. Амр из бану малик б. хисль б. амир б. луайй (ср. Wüstenfeld, *Gen. Tab.*, O. 21), тот, кто подписал договор в аль-Худайбии от имени мекканцев как их глава и представитель и кто два года спустя, при взятии Мекки, был единственным, оказавшим Пророку ожесточённое сопротивление. Двумя другими делегатами были: (1) Хувайтиб б. Абд аль-Узза из того же племени, двоюродный брат Сухайля (Wüstenfeld, *Gen. Tab.*, O. 21), и (2) Микраз б. Хафс б. аль-Ахьяф (нет у Wüstenfeld, *Gen. Tab.*) из племени бану ма‘ис б. амир б. луайй (ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 43, стр. 18). Весьма значительный факт в этой связи — то, что произошло в Мекке сразу после смерти Магомета, когда попытка мекканцев отпасть от ислама и от мединского правительства была предотвращена именно энергичными протестами названного Сухайля б. Амра (ср. 11 г. х., § 70). Из этого факта мы устанавливаем, что и после окончательного подчинения Мекки и Хиджаза исламу партия бывших мекканских непримиримых была той, что, быть может, ещё пользовалась наибольшим влиянием. Умайя — быть может, потому, что в большой части переселились в Медину, — вовсе не появляются во время *ридды* и продолжают безвестно держаться в стороне.

соглашение с Магометом. Вождями этого меньшинства были, как ни странно, две семьи — умайя и махзум, то есть именно те, которые должны были бы быть самыми ожесточёнными противниками Пророка. Роли, стало быть, переменились, и так полностью, что из этой перемены мы легко можем заключить, сколь тяжёлыми и глубокими должны были быть последствия, вызванные военной удачей и политическим гением Магомета.

§ 94. — Какое объяснение можно дать этой внутренней революции мекканской общины? Военные события и громкая неудача наступательной политики, отстаивавшейся некогда умайя и махзум, могут объяснить упадок господства этих двух семей, но не являются достаточными причинами, чтобы они, главные жертвы Пророка, становились косвенно сторонниками его политической программы в Мекке.

Главную причину следует искать в интриганской деятельности Пророка, который своими дипломатическими искусствами, тайно распространяя в Мекке всякого рода мирные заверения и обещания, давая мелькнуть надежде на выгодные уступки и особые милости, сумел с высшим мастерством ускорить процесс внутреннего политического разложения и подготовить торжество своего дела. Мюллер (I, с. 141) верно угадал, что агентом Пророка в этих тайных происках был дядя аль-Аббас и что через него ислам начал уменьшать неприязнь тех горожан, которые были нравственно утомлены и финансово разорены пятью годами несчастной войны. Интриги Магомета начали, стало быть, воздействовать на мнения мекканцев в тот момент, когда умайя и махзум, утратив прежний престиж, оказались в меньшинстве, перешли, так сказать, от правления в оппозицию и в силу обычного соперничества и ревности семей побуждались либо противиться замыслам большинства, либо с презрением воздерживаться от всякого участия в общественной жизни. А так как большинство было тем, что отстаивало непримиримое сопротивление, то по случайному совпадению оказалось, что по многим пунктам существовала общность интересов и желаний между Пророком и партией меньшинства в Мекке, с которой делали общее дело умайя и махзум. Великое искусство Магомета состояло в том, чтобы воспользоваться таким хаотическим состоянием партий в Мекке, чтобы подорвать основы антимусульманской партии и обеспечить себе симпатии тех, кто либо из подлинного желания мира, либо из ревности к власти были противниками непримиримой партии, господствовавшей в Мекке. Как далеко заходили эти тайные переговоры и какого точно рода были словесные соглашения, нам неизвестно. Но согласие между сторонами должно было быть более полным, чем думают, если принять во внимание крайне двусмысленное поведение умайя и махзум во время переговоров в аль-Худайбии, обращение Халида б. аль-Валида, приход Абу Суфьяна в Медину перед взятием Мекки, новое появление его в лагере Магомета накануне сдачи и ту покорность, с какой Мекка сдалась почти без удара в 8 г. х.

§ 95. — Исходя, стало быть, из этих посылок, в истинности которых невозможно сомневаться, позволительно прийти к выводу, что Магомет, отправляясь из Медины в Мекку в конце 6 г. х. с видимой целью мирного паломничества, действовал согласно тайным соглашениям, заключённым со своими мекканскими друзьями, которые, быть может, дали ему понять, что момент благоприятен для прямого вмешательства в дела

Мекки. Предлог паломничества мог удобно и легко прикрыть истинные намерения Пророка, который по своим особым причинам счёл выгодным сделать попытку, которая ободрила бы его сторонников, показала бы истинную мирную природу его притязаний и вместе с тем позволила бы ему испытать численную силу и действительное влияние крайней мекканской партии. Даже малейшая дипломатическая выгода принесла бы его делу огромную пользу и была бы целиком за счёт его политических противников. Уверенность, с какой Магомет возвестил своим счастливый исход похода, порождает подозрение, что он, покидая Медину, обманывался насчёт средств сопротивления своих врагов и действительно верил, что добьётся сразу свободного доступа к святилищу для себя и своих. Предание было бы сдержаннее в своих утверждениях и, несомненно, постаралось бы лучше завуалировать ошибочные предвидения Пророка, если бы тот перед выступлением не возвестил прямо посещение как дело верное. Замечания его сподвижников, упрекавших его в ошибке, и слабые объяснения, приведённые им, подтверждают нас в этом предположении. Но когда Магомет появился перед Меккой во главе 1500 человек, вооружённых мечами, мекканское население пробудилось от оцепенения, в которое впало как от тайных искусств Магомета, так и от истощения долгой борьбы. Присутствие Магомета в аль-Худайбии, всего в одном дне пути от Мекки, показалось актом устрашения, который вновь разжёг дремавшие старые страсти и увеличил число и сплочённость непримиримой партии, отчасти парализовав сторонников мира и соглашения.

Едва прибыв в аль-Худайбию и оказавшись перед по видимости непреодолимой преградой вооружённых мекканцев, решивших силой противиться всякому дальнейшему продвижению, Магомет тотчас понял, что произошло. Быстро переменив решение, он с высшим искусством постарался теперь выйти из исключительно трудного положения, вырвав всё же у противников какое-нибудь значительное преимущество, которое могло бы вознаградить его за испытанное разочарование. Тогда начался запутанный дипломатический поединок, в котором Пророк проявил удивительную умеренность и дипломатическую проницательность и в котором под видом поражения вырвал у противников победу. Главных трудностей было две: одна — слепое, непримиримое противодействие мекканских представителей, отказывавшихся даже вести переговоры; другая — недовольство последователей, которые, не терпя неизбежных промедлений и раздражённые тем, что надежда на паломничество рассеивается, критиковали теперь с арабской прямотой всё, что не казалось соответствующим мусульманским интересам. Вначале трудности были таковы, что заключение какого бы то ни было соглашения казалось невозможным, но после повторных попыток Пророк не замедлил обнаружить слабые места противника и, не имея возможности взять его в лоб, нашёл способ обойти его с тыла и роковым образом сломить его оборону.

§ 96. — Средством, которым воспользовался Пророк, чтобы одолеть противодействие непримиримых, было возобновление тайных переговоров со своими друзьями в Мекке, запуганными и парализованными шумными протестами и обвинениями в трусости и измене, бросаемыми им непримиримыми. Агентом Пророка в этом случае был Усман б. Аффан, тесно связанный родством со всеми умайя,

который, посланный по видимости вести переговоры с непримиримыми, воспользовался, напротив, своими многочисленными родственными связями, чтобы ходатайствовать за дело Магомета среди своих единокровных и добиться, чтобы они ободрили оппозиционную партию и приняли новые условия Пророка. Тот отказывался в текущем году от посещения святилища, но хотел заключить настоящий и правильный договор, который позволил бы ему прийти в следующем году с мирным паломничеством в Мекку. Магомет наконец достиг своей цели, и на этих новых основах начались новые переговоры. Тем не менее переговоры затянулись так долго, что, быть может, в какой-то момент казались готовыми провалиться. Тогда Магомет счёл уместным подготовить эффектную сцену, которая ободрила бы его последователей, раздосадованных бесплодными и скучными переговорами, и вновь разожгла бы их чувства преданности его особе; вместе с тем он захотел произвести такое впечатление и на мекканцев, чтобы ускорить заключение соглашения. Быть может, случайно, но вероятнее с попустительства Пророка, по мусульманскому лагерю внезапно распространилась весть, что посол Усман предательски убит курайшитами.

Живейшее волнение, вызванное этой вестью, было искусно усилено приближёнными Пророка, который в момент наибольшего возбуждения созвал общее собрание присутствовавших последователей и после обычного наставления пригласил всех вновь присягнуть ему на верность и объявить себя готовыми победить или умереть (ср. 6 г. х., § 33). Знаменитая присяга, принесённая с оглушительными и воинственными криками в руки Пророка, стоявшего под историческим деревом аль-Худайбии, возымела желаемое действие, ибо не только пробудила упавший дух сподвижников, но эхо её в мгновение ока долетело до Мекки как тягчайшая угроза неминуемого вооружённого нападения на город. Мекканцы встревожились, опасаясь, что перегнули палку в своих притязаниях и истощили терпение противника. Сторонники мирного соглашения увлекли за собой большинство горожан, а непримиримые, тоже смущённые возможностью военного бедствия, уступили течению и открыли переговоры. Вероятно, к этому результату привели и угрозы союзных племён, *ахабиш*, которые, по-видимому (ср. 6 г. х., § 30), питали тайные симпатии к Магомету и ни за что не хотели вступать с ним в бой. Итак, благодаря этой искусной театральной сцене, дополнившей и упрочившей интриги, сплетённые Усманом, переговоры были начаты на благоприятных для Пророка основах; и он, извлекая выгоду из малейших обстоятельств и искусно соединяя умеренность, твёрдость и хитрость, вырвал наконец у униженных мекканцев знаменитый договор, который казался по видимости победой курайшитов, но в действительности был великим торжеством Пророка.

§ 97. — Есть, однако, веские основания предполагать, что окончательные условия договора не вполне совпадали с желаниями Пророка и что он был вынужден в последний момент к гораздо большим уступкам, чем желал бы; особенно потому, что в мусульманском лагере начало недоставать съестного и был риск быть вынужденными отступить любой ценой, чтобы не остаться без средств к существованию (ср. 6 г. х., § 38). К этой серьёзной трудности присоединилось и дурное настроение последователей, которым полученные условия так сильно не понравились, что на мгновение возникла

даже опасность раскола между Магометом и партией, которая была как раз самой суровой и самой ревностной среди его последователей (ср. 6 г. х., § 35). Последние, руководимые Умаром, не хотели смириться с тем, чтобы вести переговоры на равных условиях с злейшим врагом ислама, и считали заключённые условия слишком выгодными для язычников и слишком унизительными для мусульман. Магомет пережил весьма трудный и мучительный момент, ибо, быть может, никогда ещё дух оппозиции не утверждал себя с такой силой среди лучших и виднейших его сподвижников. Никогда, быть может, Пророк не мог лучше показать своё высшее искусство в сохранении собственного престижа среди людей, ещё полных древнего неукротимого духа неповиновения и ещё не привыкших к слепому пассивному послушанию. Магомет не был человеком, отчётливо прозревавшим далёкое будущее, но никто лучше его не умел судить о требованиях настоящего и выбирать лучший путь к торжеству своей воли. Сильный своими убеждениями и сознавая полученные выгоды, он сумел в этом памятном случае с ясной твёрдостью устоять против бури недовольства и успокоил огорчение сподвижников своей бесстрашной уверенностью в собственном будущем и в правильности своей политики.

В день, когда он подписал договор (ср. 6 г. х., § 34), Магомет мог, быть может, казаться побеждённым менее проницательным из последователей и всем мекканцам, но он был единственным, кто угадал скрытые выгоды договора, от которого, как показали последующие события, курайшиты ничего не выиграли, тогда как Пророк всего два года спустя смог завладеть Меккой. Для Магомета было торжеством неоценимого значения то, что он смог вырвать у курайшитов признание своего политического положения, забвение всей пролитой крови и позволение посетить меккское святилище в следующем году со всеми последователями. Изменник отечеству, изгнанный беглец был признан равным и ровней главам мекканской общины; все племена были свободны присоединяться к нему, без того чтобы это считалось враждебным курайшитам актом, и Магомет выступал облечённым официальной санкцией в осуществлении власти, приобретённой силой оружия во имя новой религии. Полученная выгода была равнозначна выгоде революционной партии, которой удаётся добиться признания себя законной не только нейтральными державами, но даже правительством, против которого она взялась за оружие.

§ 98. — Тогда как, с одной стороны, разочарованные и раздражённые мусульмане удалялись из аль-Худайбии, несовершенным образом завершив там те жертвоприношения и обряды, которые по обычаю должны были бы торжественно совершить вокруг Ка‘бы и в исторической долине Мины, — с другой стороны, курайшиты, возвращаясь в свой город, обольщались тем, что вышли из конфликта победителями. Но как они ошибались в своих оценках и при Ухуде, и при Осаде, так и теперь не замедлили обнаружить ошибку, в которую впали. Последствия договора оказались совсем не такими, какие они предполагали. Могущественное племя хуза‘а, жившее в окрестностях Мекки, объявило себя теперь союзником Магомета, парализовав и без того слабые военные силы курайшитов и создав враждебный центр интриг в самом городе Мекке, где у хуза‘а был даже собственный квартал (ср. 8 г. х., § 40). Поэтому курайшитам пришлось вскоре убедиться, что их военный престиж

уменьшился настолько же, насколько вырос престиж Магомета; если бы им пришлось помериться силами с оружием в руках, они роковым образом оказались бы слабее численностью и силой. Они не замедлили также сделать горестное открытие, что особое условие о выдаче перебежчиков в мусульманский лагерь (ср. 6 г. х., § 34) должно было остаться мёртвой буквой.

В договоре было сказано, что мусульмане обязаны отсылать в Мекку тех перебежчиков, которые покинут семьи без позволения опекунов и старейшин: это условие имело особое значение, ибо обуздывало все молодые и беспокойные элементы города, препятствуя их бегству в Медину, и держало в почтении рабов, которым вздумалось бы бежать, чтобы получить свободу, объявив себя мусульманами и призвав защиту Магомета. Тот верно соблюдал условие и, если верить букве предания, даже велел выдать некоторых перебежчиков, когда их потребовали опекуны (ср. 6 г. х., § 35; 7 г. х., § 1): наибольшую трудность встретили, напротив, сами курайшиты, заставляя соблюдать его тех, для кого оно было заключено, ибо никто из перебежчиков не захотел ему подчиниться. Желавшие соединиться с Магометом легко нашли способ обойти обязательства договора, ибо, не имея возможности открыто присоединиться к Пророку в Медине, они образовали своего рода небольшое мусульманское отделение, которое под началом Абу Басира (ср. 7 г. х., § 1) обосновалось в области близ Медины, между этим городом и морем, и, предавшись разбою, особенно избрало своей целью караваны курайшитов. К первому ядру мекканских изгнанников и разбойников, номинально мусульман, присоединились затем многие другие мятежные элементы соседних племён, образовав многочисленную шайку разбойников, наводившую ужас на всю страну. Без сомнения, эта шайка была в тайном согласии с Пророком, ибо мы знаем, что она тревожила лишь курайшитские караваны и никогда — мусульманские, а также имеем завуалированное известие о тайной переписке между Пророком и главой грабителей (ср. 7 г. х., § 2). Курайшиты, напуганные уроном, наносимым их торговле, и в страхе избегая крайних средств, жаждая покоя и мира, малодушно склонили голову перед враждебной судьбой и попросили Магомета заступиться перед разбойниками, чтобы прекратить грабежи. Магомет согласился с преступной готовностью: по первому его знаку все разбойники пришли в Медину, вступив в мусульманское войско и прекратив разбой.

Таким образом курайшиты по своей политической и военной бестолковости сами уничтожали единственное условие договора, которое было им действительно выгодно, и фактически признавали за всяким, кто пожелает, право покинуть Мекку и соединиться с Магометом. Другим явным признаком политического краха курайшитов было высокое общественное положение лиц, прежде столь враждебных исламу, которые теперь покидали приходящую в упадок родину, чтобы соединиться с победоносным мединским реформатором. Обращение Амра б. аль-Аса и Халида б. аль-Валида (ср. 8 г. х., §§ 1–2), двух из самых выдающихся мекканцев, последовавшее именно в этот период, — факт большого исторического значения; один стал, быть может, величайшим полководцем, какого когда-либо породила Аравия, и, быть может, одним из величайших военных гениев в истории мира; другой был одним из самых прозорливых и хитрых государственных людей своего времени, — оба величайшие

строители великой арабской империи, которой через несколько лет предстояло распространиться на Азию. Велико должно было быть недоверие в мекканском лагере, если люди такого достоинства считали уместным удалиться от шатающегося здания.

§ 99. — Не все благотворные последствия договора, однако, могли быть сразу оценены современниками, и Пророк, сознавая, какое горькое разочарование ещё точило алчные души последователей, вернувшихся с пустыми руками из аль-Худайбии, счёл уместным предложить им надлежащее материальное утешение завоеванием богатой еврейской колонии, жившей в плодородных долинах Хайбара, недалеко от Медины.

Уничтожение еврейских колоний Северного Хиджаза, совершённое Магометом методическим и правильным процессом, — факт, заслуживающий особого внимания: рассмотренная в своих общих чертах, эта антииудейская политика обнаруживает применение практического принципа варварской политики, которому предстояло оказаться в высшей степени действенным в особых условиях среды. Как после победы при Бадре Пророк бросил своих против евреев кайнука‘, так после Ухуда мы видим, как он нападает на надир, а после осады Медины истребляет несчастных курайза: теперь, наконец, после аль-Худайбии, мы видим, как он предлагает ненасытным аппетитам своих последователей богатую и лёгкую добычу Хайбара. В этой систематической правильности поведения кроется постоянный принцип, имевший целью в каждом отдельном случае либо закрепить нравственные последствия победы, либо изгладить горечь и страдания неудачных походов предложением других крупных и лёгких материальных вознаграждений. Невоинственный характер евреев Хиджаза удивительно подходил для применения такого принципа, который был одним из действеннейших средств, употреблённых Пророком, чтобы убедить своих в выгодах, которые можно было получить от исламской теократии, и чтобы расширить её пропаганду. Особенно интересно в этой связи наблюдать, как при выступлении из Медины в поход на Хайбар Магомет позволил участвовать в новой кампании лишь тем, кто сопровождал его в аль-Худайбию, а тем племенам, которые отказались прийти в аль-Худайбию, он в наказание запретил следовать за ним (ср. 7 г. х., § 9). Предприятие против Хайбара в действительности не представляло никакой серьёзной военной трудности: и оно предлагалось последователям как верное обещание оргии крови, женщин и добычи, предложенной в награду тем, кто показал себя лучшими мусульманами.

Такой принцип, публично признанный во всей своей оскорбительной грубости как средство укрепить основу теократической системы и увеличить обращающую силу новой веры, и огромное одобрение, которое он встретил у всех современников Магомета, дают нам драгоценнейший документ для суждения о том, сколь варварскими должны были быть условия арабского общества, сколь диким тот дух, которым пропиталась новая религия, если её торжество было вверено подобным средствам. Ничто лучше не рисует нам мутных истоков ислама, ничто лучше не объясняет его врождённых несовершенств. Ислам в грубых умах того времени рассматривался не как искупление от заблуждения и греха, а как средство, щедро предложенное Богом, чтобы «утолить голод». «Лишь после Хайбара, — сказала Аиша, — мы стали достаточно богаты, чтобы есть досыта!» (ср. 7 г. х., § 7, прим. 1).

Бедуин — человек, живущий в постоянных страданиях от голода и жажды: месяцами во время палящей летней жары, когда вымя верблюдиц почти не даёт ни капли молока, он проводит самые душные часы дня под шатром во сне, похожем почти на обморок, всегда мучимый тяготами и острыми спазмами голода, который он никогда не может утолить (Doughty, I, с. 222, 244, 403, 441–443, 452–453 и т. д.). Среди этих людей, для которых жизнь имеет лишь два излюбленных занятия (*аль-атйабан*, ср. Goldziher, *Muh. Stud.*, I, с. 19–20) — утолять вечный голод пустыни и удовлетворять пылкую похоть, — религия, проповедуемая Магометом, представлялась не нравственным учением, ибо в нём они не ощущали ни малейшей нужды, а формой военной и общественной организации, которая делала возможным и лёгким осуществление самых пленительных снов о гастрономических и чувственных оргиях, какие они когда-либо видели под чёрными волосяными шатрами (*буйут аш-ша‘ар*) в долгие часы полудрёмы и истомы знойных летних дней, когда песок раскалённо горит под босыми ногами оборванных бродяг *аль-ха’ля* (пустого запустения аравийской пустыни). Таковы были люди, которым Магомет в обмен на некоторые утверждения, для них тёмные, и на обещание строгого повиновения его приказам предлагал бесконечное поле материальных удовлетворений.

§ 100. — С такими началами и надеждами Магомет и его люди двинулись теперь против еврейских колоний Хайбара (ср. 7 г. х., §§ 9 и сл.). Ожидания лёгкого завоевания и оргии женщин и добычи вполне подтвердились: несмотря на преувеличения, впрочем вполне естественные, преданий, известно, что евреи Хайбара оказали слабейшее сопротивление, будучи лишены всякого политического единства и проявив малую или никакую волю к бою: каждая группа семей была одолена в своих замках, и никто из остальных не подумал или не осмелился прийти на помощь. Единственной настоящей опасностью для мусульман могла быть помощь, обещанная гатафан евреям Хайбара; но искусные интриги Пророка сумели парализовать этих кочевых арабов (ср. 7 г. х., §§ 12 и 35) и дать мусульманам свободу и полную безопасность в действиях вокруг Хайбара. Мелкие военные и личные подробности похода не представляют для нас в этом месте большого интереса, ибо в них почти невозможно отличить историческое от легендарного: величайшее значение для нас имеет, напротив, участь побеждённых. Раздел хайбарской добычи, представившийся в совершенно новых обстоятельствах, вынудил Магомета установить прецедент, которому предстояло иметь последствия неисчислимого значения для всех народов, подпавших позднее под мусульманское господство. Нормы, установленные Магометом в Хайбаре, были теми, которые более или менее прямо вдохновили все последующие отношения между мусульманами-завоевателями и завоёванными немусульманами во всём исламе до наших дней. Поэтому исключительное значение события налагает на нас обязанность краткого, но тщательного рассмотрения.

В трёх случаях (ср. 2 г. х., §§ 94 и сл.; 4 г. х., §§ 10 и сл.; 5 г. х., §§ 44 и сл., 73, 77 и 82), когда Пророк — изгнанием или поголовным избиением побеждённых — упразднял еврейские общины, он просто отнимал у побеждённых их движимое и недвижимое имущество, чтобы лично распределить его между своими последователями, которые затем, работая собственными руками или нанимая работников за плату, извлекали из

этого имущества необходимое для жизни. Так как пальмовые рощи и поля пшеницы и ячменя мединских евреев были все вблизи города, материальный раздел угодий и их обработка не влекли за собой ни рассеяния сподвижников, ни вытекающей отсюда изоляции Пророка. Условия же, представлявшиеся владением Хайбаром, были совсем иными[343]: расстояние от Медины делало невозможным применение там той же системы, если только не переселить туда добрую часть мединского населения. Но это было бы весьма неосторожно в военном отношении и материально вредно для местных интересов Медины, ибо обезлюдило бы территорию, которая, будучи заселена и обработана лишь отчасти, ещё нуждалась в сильном притоке переселенцев: кроме того, протяжённость возделанных угодий Хайбара была так велика, что сподвижники, уже бывшие владельцами и возделывателями угодий в Медине, не смогли бы занять и обработать более чем ничтожную часть новой территории. Добавим, наконец, что многие из мусульманских завоевателей были кочевыми искателями приключений, вставшими под знамёна Магомета, чтобы грабить, а не чтобы становиться мирными земледельцами. У последних не было никакого намерения к методическому труду, недоставало и всяких технических знаний, необходимых для выгодной обработки земли. Если бы евреям Хайбара навязали участь их мединских единоверцев, богатейшие долины этой страны, производившие бесчисленное множество зерна, овощей и фиников, быстро превратились бы в пустыню.

Пророк, желавший, напротив, сохранить доходы Хайбара, чтобы обеспечить их вечное пользование сподвижникам, придумал новую комбинацию, которая давала мусульманам все выгоды без хлопот и забот прямого владения землёй.

§ 101. — Согласно преданию, Магомет договорился с евреями не убивать их и не отправлять в изгнание, лишив всего, что у них было, а оставить их на их территории, но при условии, что они уступят мусульманам, и навечно, половину всего валового дохода с земли. Предание хотело бы утверждать, что это соглашение состоялось в конце похода, по просьбе евреев и по милостивой уступке Магомета, уже приговорившего их к изгнанию. Эта версия, однако, плохо согласуется с контекстом повествования, и в другом месте (ср. 7 г. х., §§ 33–34) мы показали ошибку, допущенную преданием, и её причины. Вероятно, напротив, что с самого начала похода евреям, под угрозой смерти и по ясной воле Пророка, было навязано условие уступать навечно половину урожая[344]. Пророк, принимая эти распоряжения, имел в виду лишь, со своим обычным практическим здравым смыслом, обеспечить себе и своим доходы Хайбара, пренебрегая, как обычно, выводить из этих частных фактов какое-либо заключение общего порядка и ничуть не заботясь об установлении основных понятий,

[343] Ван Берхем в своём ценнейшем исследовании *La propriété territoriale et l'impôt foncier sous les premiers Califes* (Genève, 1886) поэтому не вполне прав, говоря (с. 8, посл. стр.), что «les territoires de Khaibar et de la tribu juive des Benû Quraiza, enlevés de vive force, sont partagés entre les combattants après le prélèvement du quint». В Хайбаре раздел был произведён с оставлением за евреями-земледельцами половины урожая и как за собственниками земли, тогда как имущество евреев курайза целиком пошло в пользу новых владельцев после истребления прежних хозяев.

[344] Хотя Магомет не объявил этого прямо, условия, навязанные евреям, низводили их до положения крепостных: они не были рабами, номинально были свободными людьми, но в действительности были прикреплены к земле, которую не могли покинуть и которую должны были возделывать. Во времена Магомета ещё не существовало правовой науки, и мы тщетно искали бы достоверных сведений о правовом положении земельной собственности Хайбара до смерти Пророка.

определяющих правовое положение евреев Хайбара. Были ли собственниками земли, хотя и обременённой повинностью в половину урожая, евреи, или же собственниками были мусульмане, а евреи — арендаторами? Всё заставляет думать с почти абсолютной уверенностью, что Магомет по этому вопросу никогда не выносил никакого решения, ибо в том никогда не возникало необходимости. Логически, однако, следовало бы полагать, что первые мусульмане смутно считали, будто отняли у евреев в награду за победу половину дохода с земли, и что поэтому в первоначальном и неясном представлении Пророка и его людей евреи оставались истинными хозяевами земли, обременённой, однако, наложением постоянного ежегодного оброка в половину всего урожая. Уже двумя годами ранее, на основании подобного представления, Магомет начал переговоры с гатафан во время Осады (ср. 5 г. х., § 36): это была, следовательно, одна из обычных форм соглашения между племенами. Пока евреи исправно выплачивали мусульманам половину урожая, пока они точно соблюдали условия, они имели право оставаться во владении землёй.

Что таково было и истинное представление Пророка, доказывается позднейшими событиями, ибо арабы, распространяя затем свои завоевания на народы, не принявшие ислама, при определении условий побеждённых строили своё поведение, вдохновляясь нормами, установленными Магометом при взятии Хайбара (ср. Berchem, 8–9; von Tornauw, ZDMG, 1882, т. XXXVI, 298). С богатыми провинциями Передней Азии поступили подобно тому, как с долинами Хайбара: жители были оставлены на своих землях, в мирном отправлении своей религии, но обязаны были платить тяжёлую дань, которая в действительности была суммой двух различных податей, то есть поземельной подати и подушной (*харадж* и *джизья*)[345]. Дань определялась различным образом в зависимости от разных обстоятельств сдачи, от числа и зажиточности жителей, от протяжённости территории и т. д.: не принимая пока в расчёт общих принципов, придуманных впоследствии мусульманскими правоведами, фактически оказывается, что в фискальном устройстве первых халифов господствовало представление, будто побеждённые были в известном смысле совладельцами земли вместе с мусульманами, в том, однако, смысле, что мусульманское государство имело право на часть дохода с земли, а прежние жители оставались собственниками земли (ср. Йусуф, 26, стр. 2). Эта система была приведена в исполнение и усовершенствована в своих частных применениях, исходя из фактических условий, практически установленных Пророком в Хайбаре. Но если он мог, как обычно, довольствоваться совершившимися фактами, пренебрегая всякой теорией и всяким общим понятием, ибо не должен был отдавать никому отчёта в основных причинах отдаваемых им приказов, то не могло этого мусульманское государство, которое, чтобы правильно выполнять свою административную задачу, должно было, принимая более законченную форму, точнее установить свои законы, определить основные принципы, на которые намеревалось их опереть, и определить формы и основания своих административных, фискальных и

[345] Единственными землями, которые были конфискованы и объявлены собственностью мусульманского государства, были казённые (как византийские, так и сасанидские) и земли крупных вельмож греческого и персидского двора, которые не пожелали подчиниться арабскому владычеству и, покинув страну, последовали за участью своего государя. Эти земли назывались *савафи* (Йахья, 8, стр. 4–5; Табари, I, с. 2371, стр. 8 и сл.).

правовых функций. Так было установлено правовое положение побеждённых немусульманских народов и определены основные принципы, лежавшие в основе их условий. Тогда лучше определили, что такое побеждённые и в чём состоит дань, и было установлено правовое положение земель и их жителей, обременённых данью совместно и нераздельно[346].

Однако по необходимости случилось, что в ходе такого развития за пределами Аравии многие понятия, приобретая большую точность, незаметными переходами удалились от первоначальных систем Пророка. Так настало время, когда между принципами, применявшимися, так сказать, бюрократически в мире за пределами Аравии, и фактическим положением евреев Хайбара уже не было полного соответствия, и обнаружилось, сколько неясного и неопределённого было в правовом и официальном положении евреев Хайбара. Условия, установленные на деле по воле Пророка без оглядки на какой-либо общий административный и технический принцип, не позволяли понять, какова природа земель Хайбара — как по отношению к тем, кто их возделывал, так и по отношению к тем, кто пользовался половиной их плодов[347]. Халиф Умар и его советники, улаживая это дело, воспользовались неопределённостью общих условий Хайбара, чтобы извлечь из неё то толкование, которое лучше подходило к обстоятельствам и интересам момента; и пришли, по причинам, которые мы опишем далее, к тому, чтобы считать мусульман собственниками, а евреев простыми арендаторами: так несправедливо была произведена конфискация земли евреев (ср. 13 г. х.).

§ 102. — Необходимо было сделать это отступление о завоевании Хайбара, чтобы устранить многие ошибки, тенденциозно внесённые в предания с целью оправдать или объяснить конфискацию, приказанную впоследствии Умаром, а затем главным образом для того, чтобы точно установить отправную точку целого обширного процесса правового и политического развития — то есть отношений между побеждёнными и завоевателями и правового положения земельной собственности, которые будут многократно служить предметом рассмотрения во многих будущих параграфах, когда

---

[346] Лишь позднее возникло представление, что следует различать два вида подати: одну с лиц (*джизья*, то есть подушная подать) и одну с земель (*харадж*, то есть поземельная подать), — различие, совершенно неведомое Пророку. Об этом развитии нам придётся говорить далее. В высшей степени примечателен тот факт, что в преданиях о взятии Хайбара нет ни малейшего намёка на подать *джизья*. В другом, более раннем предании, о взятии Думат аль-Джандаля (ср. 9 г. х., § 46), мы имеем прямое указание на подать *джизья*. Вероятно, однако, как мы уже отмечали, слово в том месте употреблено неправильно, ибо это была не правильная ежегодная дань по стольку-то с человека (Дума была отвоёвана ещё два раза), а военная контрибуция, наложенная один раз остриём меча и не оставлявшая обязательства на будущее. Хайбар был первой немусульманской страной, подпавшей под владычество ислама, и евреи Хайбара были первыми немусульманскими подданными исламской империи. Такова, быть может, причина, по которой у нас нет упоминания о письменном договоре: соглашение было заключено лишь устно, патриархальным и первобытным образом. Лишь позднее, чтобы избежать неудобств, порождённых этой несовершенной системой, сочли лучшим всё оформлять письменно. Ср. пример договора с жителями Наджрана (ср. 10 г. х., § 60), заключённого несколько лет спустя, текст которого не может считаться подлинным, но который по крайней мере доказывает, что существует память о письменном договоре.

[347] В действительности хайбарский договор знаменует переходную ступень между экспроприацией, или подлинной конфискацией имущества мединских евреев, и условиями, предоставленными народам за пределами Аравии, в которых признавалось, что побеждённые суть собственники земли, но обязаны данью. Черты сходства, которые хайбарский договор имел поэтому как с мединскими конфискациями, так и с законами о земельной собственности, изданными Умаром для арабских стран, породили всю ту путаницу понятий и ошибки, которые мы находим в преданиях о правовом положении хайбарских евреев.

мы будем говорить о внутренних конфликтах Арабской империи. Если хорошо понять первые шаги, сделанные мусульманской общиной в устройстве положения побеждённых, легко будет найти объяснение многих запутанных исторических проблем первого века хиджры. Пока достаточно сделанного здесь указания, чтобы подчеркнуть историческое значение взятия Хайбара: в нём впервые практически был установлен принцип, что немусульмане имеют право на существование лишь при условии, что они унизятся до низшей степени крепостных и будут истощать все свои жизненные силы в вечном производстве тучных доходов всецело и исключительно в пользу мусульман; единственным вознаграждением за это рабство было позволение жить. Мир существовал лишь для пользования и наслаждения добрых мусульман, избранников Божиих, и единственным смыслом существования немусульман было облегчать мусульманам пользование *космосом*. Взятие Хайбара содействовало поэтому тому, чтобы всё более выдвигать на первый план блага этого мира в стремлениях каждого мусульманина, и среда, в которой жил Пророк, более чем когда-либо опьянилась наслаждением настоящим, отдаляясь от трансцендентных соображений и мыслей, обращённых к будущей духовной жизни. Все стремления общины всё более жадно сходились теперь к необузданному наслаждению благами настоящими и осязаемыми: чистая религия отступала перед политикой, и ислам всё более увлекал новообращённых к соображениям политическим и материальным, тогда как нравственные и религиозные не только отходили на второй план, но почти совершенно исчезали.

§ 103. — Взятие Хайбара имело весьма глубокие и обширные последствия: оно посеяло панику среди остальных еврейских общин Северной Аравии (Фадак, Тайма и Вади-ль-Кура) и побудило их предложить Пророку те же условия, какие были навязаны евреям Хайбара. В то же время последователи Пророка вернулись в Медину с просветлёнными и довольными душами, удовлетворённые полученными выгодами: последние следы горечи и разочарований аль-Худайбии исчезли, а узы между Магометом и его людьми, всё более крепнувшие, давали большое приращение политическому авторитету и нравственному престижу Пророка. В период между хайбарским походом и сроком, установленным в договоре аль-Худайбии для мусульманского паломничества к Ка‘бе, политическая и военная деятельность Магомета продолжалась ещё неутомимее, чем когда-либо, и разные отряды, посланные во всех направлениях, всё более содействовали усилению чувства ужаса, смешанного с восхищением, с которым вся Аравия взирала на почти чудесное поприще Пророка. Вооружённые мусульманские отряды не только проникали в области, близкие к Мекке, но доходили и до сердца Аравии и до севера полуострова (ср. 7 г. х., §§ 60–67, 77, и 8 г. х., §§ 3–5), и уже не как разбойники, а как агенты государя, стремящегося сдерживать или карать беспокойные племена и заставить уважать свою власть.

Помимо этих мер, носивших, так сказать, полицейский характер, Магомет продолжал с величайшей энергией и с несказанной действенностью сложную работу политических интриг, особенно в Мекке, с целью сломить антимусульманскую оппозицию. Поэтому, когда наконец настал условленный момент для торжественного совершения столь желанного паломничества к Ка‘бе после семи лет изгнания, Пророк приступил к посещению не как смиренный паломник, получивший милость от хозяев

святилища, но со всей пышностью государя, который со спокойствием и полной уверенностью посещает собственное владение. Когда Магомет прибыл в Мекку во главе своих последователей и вступил в город, оставленный курайшитами на три дня, установленные договором, его торжественный въезд был настоящим вступлением во владение. Между тем каждый проходивший день придавал всё большую силу делу Пророка, тогда как курайшиты впадали во всё большее военное бессилие. Значительная часть кочевых племён, пасших свои стада в самих окрестностях Мекки, заключала тем временем с Пророком оборонительный и наступательный союз, быть может, даже отчасти принимая его религию (ср. 8 г. х., §§ 20 и сл.). С столь очевидной утратой прежнего влияния на племена и со всё более живым сознанием своего военного упадка граждане Мекки всё менее были расположены пытаться найти насильственное и гибельное решение; и, устав от бесполезных войн, от потерь людей и караванов, с каждым днём всё более склонялись слушать советы партии мира. В то же время мысль присоединиться к Пророку и стать участниками материальных выгод, которые он открыто и теперь уже наверняка гарантировал последователям, встречала с каждым днём всё большее сочувствие среди тех самых мекканцев, которые прежде были самыми ожесточёнными противниками Пророка. Источники не дают никаких указаний о числе и качестве лиц, подпавших под чарующее влияние Пророка, так что мы вынуждены делать простые догадки по событиям последующих лет, когда Магомет занял Мекку без единого удара. События 8 г. х. не были бы возможны, если бы почва не была весьма деятельно и весьма искусно подготовлена самим Пророком после договора аль-Худайбии, и в особенности во время его посещения Мекки в 7 г. х.

Мьюр (IV, 92) замечает, что успех Магомета среди его прежних сограждан был обязан также отсутствию умных вождей у курайшитов: это неверно, ибо такие люди, как Амр б. аль-Ас, Халид б. аль-Валид, Абу Суфйан, Му‘авия, его сын, и многие другие, отличившиеся впоследствии, были людьми большой ценности, наделёнными всеми качествами, необходимыми для того, чтобы успешно вести войско и руководить партией. Средний уровень среды, способной произвести людей такой ценности, должен был быть очень высок: курайшиты были душой всего великого общественного и политического движения после смерти халифа Умара. В последних фазах борьбы против Пророка все ценные люди в Мекке были обездвижены, доведены до бессилия нравственным состоянием целого гражданства — дезорганизованного, утратившего веру в себя, глубоко потрясённого великой внутренней революцией: дело было не в том, что они ничего не могли сделать, чтобы остановить течение, но истина была в том, что они ничего не хотели делать, ибо, одарённые тонким политическим чутьём и осмотрительной торговой благоразумностью, они поняли, кто отныне хозяин будущего и какое поведение наиболее уместно, чтобы обеспечить себе наибольшие выгоды от неминуемого переворота.

Поэтому паломничество 7 г. х. прошло с величайшей правильностью (ср. 7 г. х., §§ 69 и сл.), без единого происшествия, которое нарушило бы заранее установленный порядок вещей: курайшиты с одной стороны и мусульмане с другой соблюдали условия со скрупулёзной точностью; Магомет желал бы остаться в Мекке ещё несколько дней, но когда курайшиты попросили его уйти в установленный срок, он не стал возражать и

удалился в условленный момент, желая верно сдержать данное слово. Заметим, что теми, кто явился напомнить Пророку об условии ухода по истечении третьего дня, были уже известные нам вожди непримиримой партии — Сухайль б. Амр и Хувайтиб б. Абд аль-Узза. Проявленная ими поспешность была следствием тревоги, пробуждённой среди немногих непримиримых мекканцев, которые видели растущую силу партии Магомета в Мекке и большой успех, достигнутый Пророком во время посещения родного города политической умеренностью его поведения. Номинально непримиримые ещё держали в руках управление Меккой, но фактически они уже не господствовали над большинством. Прежнего равновесия больше не существовало, всё существенно изменилось, и достаточно было бы малейшего толчка, чтобы опрокинуть весь старый порядок. Предания о браке Магомета с Маймуной (ср. 7 г. х., § 74) во время паломничества представляют для нас интерес, ибо это первые достоверные известия о близких и сердечных отношениях, уже существовавших втайне и теперь ставших явными, между Пророком и благосклонной к нему языческой партией в Мекке, которую возглавлял аль-Аббас, мнимый дядя Пророка.

§ 104. — С этими фактами мы приходим наконец к знаменитому 8 году хиджры, который знаменует, быть может, исторический момент наибольшего значения во всём политическом поприще Магомета, ибо это был год, когда Пророк увидел осуществление самых честолюбивых своих мечтаний. Мы уже указывали в другом месте (ср. 6 г. х., § 45; 10 г. х., § 91), что деятельность Магомета с первых начал проповеди в Мекке и в течение всего его пребывания в Медине имела целью не обращение всех арабов, как полагают некоторые, а лишь обращение курайшитов[348]. В мекканский период он требовал от курайшитов простого принятия своих учений: теперь же, после перенесённых испытаний, он стремился и к полному политическому подчинению родного города; этим замыслом вдохновлялась вся его политика; все действия, совершённые им в Медине и вне её, должны толковаться как части единой программы, имевшей единственной целью завоевание Мекки. Обращение мединцев было не столько частью замыслов Пророка, сколько необходимостью, навязанной враждебностью курайшитов, и средством, предложенным судьбой Магомету, чтобы иными путями прийти к своей истинной и единственной цели. Поэтому обращения мединцев и всех прочих окрестных племён Магомет добивался и достиг не как цели, а как средства.

Договором аль-Худайбии Магомет открыто отказался на десять лет от всякой мысли о взятии Мекки, но Пророк достаточно хорошо знал своих людей, своё время и непрочную природу подобных договоров в Аравии, где отдельные единицы всегда сохраняют величайшую свободу, чтобы понимать, что договору не суждена долгая и

[348] В другом месте (ср. 6 г. х., § 45) мы упомянули о нелепом притязании позднейших преданников, будто Магомет проповедовал ислам как новую веру, которая должна была искупить всё человечество. К замечаниям Гримме, приведённым в том месте, мы могли бы теперь добавить, что вообще все пророки Израиля, мысля по-семитски, всегда по-семитски исключали, что все люди равны перед Богом и что, следовательно, высшее благо откровенной истины должно быть даровано всем людям без различия племени. У семитских народов каждый пророк являлся единственно для искупления собственного племени, а иногда лишь собственного рода. Еврейские пророки всегда посвящали свои вдохновения одному народу Израиля, обрушиваясь на всех прочих язычников, как будто было немыслимо, чтобы учение о едином Боге когда-либо было предложено как средство искупления и не-евреям. Не-евреи для них никогда не существовали. Бог думал лишь о спасении своего избранного народа, о других никогда не заботился и никогда не посылал пророков для их искупления.

надёжная жизнь: он сознавал, что вскоре не замедлит представиться случай, достаточный повод, чтобы объявить его отныне недействительным. Отказ на десять лет имел к тому же значение чисто номинальное, ибо Магомет с каждым днём всё более распространял свою власть на племена к западу и востоку от Мекки и сознавал, что подчинение этих полчищ кочевников превратит независимость Мекки в политическую фикцию. Он был так полон этой мыслью, что после возвращения из Хайбара больше не двигался из Медины, а когда, чтобы удовлетворить хищные наклонности и вечное беспокойство последователей, счёл уместным отправить в начале 8 г. х. злополучный поход на Му’ту (ср. 8 г. х., §§ 6 и сл.), предпочёл остаться в Медине, чтобы не упустить первого случая вмешаться во внутренние дела Мекки. Мы не говорим здесь о мелких походах 8 г. х., ибо это второстепенные эпизоды той уже не раз указанной нами деятельности, которая своей захватнической и наступательной склонностью должна была приводить к мелким неудачам повсюду, где мусульмане, ослеплённые прошлыми победами, не принимали необходимых предосторожностей: это объясняет нам, почему некоторые из этих походов имели несчастный исход, никак, однако, не повлияв на успехи мусульманского дела.

Иначе обстоит дело со знаменитым походом на Му’ту, в котором мусульмане потерпели тягчайшее поражение и весьма злосчастно начали свои отношения с византийским миром. Об этом походе, представляющем большой исторический интерес, у нас изобилие бесполезных известий, но недостаёт точных сведений, которые позволили бы восстановить истинный ход событий.

Этот чисто семитский дух очевиден даже при возникновении христианства: Гарнак с удивительной убедительностью и ясностью показал (ср. *Die Mission und Ausbreitung des Christentums in den ersten drei Jahrhunderten*, с. 25–30), что в Евангелиях нет ни одного подлинного места, которое могло бы доказать высказывание Иисуса во вселенском смысле. Обращение не-евреев никогда не замышлялось Иисусом: в избрании и посылке 12 апостолов нет никакого намёка на миссию ко всем народам, но имеется в виду лишь народ еврейский (ср. Мк. 3:13 и сл.; 6:7 и сл.; Мф. 10:1 и сл.). В одном месте Матфея (10:5–6) Иисус выражается с неоспоримой ясностью, запрещая апостолам обращаться к язычникам и самарянам и повелевая посвятить себя исключительно погибшим овцам дома Израилева («Εἰς ὁδὸν ἐθνῶν μὴ ἀπέλθητε, καὶ εἰς πόλιν Σαμαρειτῶν μὴ εἰσέλθητε· πορεύεσθε δὲ μᾶλλον πρὸς τὰ πρόβατα τὰ ἀπολωλότα οἴκου Ἰσραήλ»). Ср. также Мф. 15:24 и Деян. 13:48. Не входя в бóльшие подробности, достаточно, наконец, лишь упомянуть об историческом конфликте между двумя величайшими апостолами — между Петром, который представлял буквальное толкование оставленных Иисусом наставлений и хотел христианства только для евреев, и Павлом, который, проникнувшись глубоким и вселенским значением нового учения и его огромной нравственной ценностью, смело постиг необходимость проповедовать его всем народам, возвысив его со ступени маленькой иудейской ереси до ступени единственной вселенской религии.

Ислам претерпел тождественный процесс преобразования: проповеданный вначале исключительно для курайшитов, он ограничился тем, что вовлёк в свою реформу лишь те племена, без содействия которых была невозможна исламизация

мекканского святилища и его наследственных хранителей; возвышение до мировой религии произошло лишь впоследствии, после завоеваний, быть может, отчасти под прямым воздействием христианства, которое ислам притязал заменить, и в большой мере как логическое следствие завоеваний: мировое владычество халифов превратило в мировую и сделала, так сказать, кафолической и веру, которую они исповедовали, когда в ислам обратились и неарабские народы, а покорённые племена захотели во всём сравняться со своими победителями.

§ 105. — Мотивы похода на Му’ту, цель, которую поставили себе мусульмане, и истинный исторический ход событий остаются окутанными величайшей тьмой. Всему, что рассказывает нам предание, мы должны решительно не доверять, ибо об этом походе, как и о последовавшем за ним походе на Табук, бывшем его следствием, по не вполне ясным причинам у нас недостаёт всех известий, которые имели бы подлинный исторический интерес, и, напротив, изобилуют анекдотические и личные подробности и героические эпизоды, проливающие мало или никакого света на то, что мы действительно желаем знать. Предположение Мьюра (IV, 94) имеет некоторую вероятность быть верным: он утверждает, что первой причиной похода на Му’ту был поход на Зат аль-Атлах на сирийской границе (ср. 8 г. х., § 4), окончившийся избиением всех пятнадцати мусульман, его составлявших. Это случилось в раби I 8 г. х. Мьюр замечает, что существует большое сходство имени между начальником этого похода и тем послом Пророка (Абу Умайр), который, по Ибн Са‘ду, был убит на сирийской границе и послужил (согласно преданию) поводом к походу на Му’ту. Можно полагать, что известие о мусульманском после к гассанидскому князю, убитом арабским вождём, правившим близ Му’ты (Шурахбиль б. Амр) (ср. 8 г. х., § 6), есть лишь позднейшее украшение, прибавленное преданниками, чтобы по возможности связать поход на Му’ту со всеми легендами о посольствах и, следовательно, соединить его со славными событиями завоеваний. Это последнее соображение имеет большой вес, ибо мы никогда не должны забывать, как и насколько позднейшие события постоянно отражаются на повествовании обо всех предшествующих происшествиях: преданники, рассказывая нам древнейшие предания, тенденциозно их окрасили и нарочно исказили, ибо пытались создать вымышленные и произвольные связи между различными событиями начал ислама и событиями завоеваний.

Поэтому совершенно ошибочно мнение некоторых, по которому поход на Му’ту следовало бы рассматривать как один из первых признаков программы мировой экспансии, которая должна была начаться с завоевания Сирии. У Магомета никогда не было подобных грандиозных замыслов до взятия Мекки: до подчинения родного города все его мысли были обращены к этой единственной цели, и значило бы плохо понимать осторожную и умеренную натуру Пророка — приписывать ему идеи, которые в тот именно момент (до падения Мекки), когда Магомет повелевал сравнительно небольшим числом племён, были бы безумно смелыми и логически нелепыми. Впоследствии, когда обширная часть Аравии повиновалась его знаку, мысль двинуть оружие в Сирию и взять священный город Иерусалим, быть может, смутно мелькнула перед его глазами; но не существует никакого прямого доказательства, никакого документа, чтобы это доказать, тогда как все косвенные указания, которые можно

извлечь из контекста преданий, доказывают противное и склоняют нас к убеждению, что Пророк не помышлял даже о завоевании и обращении всей Аравии.

Мотив похода был, следовательно, чисто случайным, а поводом — неудача при Зат аль-Атлахе: после неё Магомет охотно лелеял замысел карательного похода в бо́льших, чем обычно, размерах, надеясь дать уместный выход беспокойным страстям самых воинственных последователей и вместе с тем добиться какой-нибудь новой победы и прибыльной добычи, которые всё более увеличили бы престиж его имени. Число участников похода, вероятно, преувеличено преданниками под внушением позднейших фактов: но даже если подсчёты были точны, возможно, что величина похода объяснялась числом людей, для которых Магомет должен был найти привлекательное занятие, а не значением военной цели. Последнее было столь мало, что Магомет не захотел даже сопровождать поход. Ему было гораздо важнее наблюдать вблизи за делами Мекки в ожидании желанного случая вмешаться во внутренние дела города. Говорят, что выступило 3000 человек: но каково бы ни было их истинное число, лишь малую часть составляли мединцы и мухаджиры. Огромное большинство состояло, как обычно, из сборных элементов, искателей приключений, кочевников, пришедших неизвестно откуда, которые не давали никакой гарантии ни верности, ни доблести на поле битвы. Плохое качество ополчения и явная неуверенность командования содействовали неудаче похода, который, будучи направлен против очень далёкой страны и должен был пройти обширнейшую область Аравии, населённую племенами, весьма несовершенно подвластными Медине, должен был быть подготовлен с большим вниманием и со всеми возможными предосторожностями. Из Феофана мы знаем, напротив, что мусульмане, преданные одним арабом (быть может, курайшитом!), вместо того чтобы застигнуть греков врасплох, сами были застигнуты врасплох и подавлены силами, собранными врагом, готовым и обо всём предупреждённым. Битва кончилась весьма тяжким избиением мусульман, которые оставили поле покрытым мёртвыми, среди них — трёх знаменитых сподвижников Пророка, начальников самого похода.

Представляется установленным, что победителями мусульман были по большей части христианские арабы пограничья, собравшиеся в подавляющем числе, чтобы остановить нападающих. Эта подробность порождает подозрение, что за походом на Му’ту скрывалась, быть может, также какая-то тёмная сеть интриг, сплетённая Магометом среди христианских племён севера, и что поход имел также мотивом отомстить за какую-то болезненную дипломатическую неудачу. Объединение христианских племён непременно должно было произойти под нависшим давлением тяжкой общей опасности, которая уже некоторое время готовилась против них и о которой они знали. Маловероятно, чтобы в битве участвовали греческие войска: гарнизоны на границах империи в сторону Аравии все состояли из наёмников из местных христианских племён, которые благодаря привычке жить в пустыне и близкому знанию страны были особенно пригодны для её обороны. Регулярные византийские войска, бесполезные и бессильные в пустыне, использовались только в гарнизонах внутри страны.

Поражение мусульман было полным; Халид, у которого, по-видимому, было совершенно второстепенное командование, с трудом смог спасти часть своих и привести её обратно в Медину: я полагал бы, однако, что лишь немногие вернулись до самой Медины, а большая часть сборных полчищ после разгрома рассеялась во все стороны.

Удар был очень болезненным для Магомета: помимо поражения, которое в известной мере уменьшало его военный престиж, он терял того из сподвижников, который был, быть может, его любимцем, — своего приёмного сына Зайда б. Харису, человека смелого и великодушного, который, если бы пережил Пророка, несомненно изменил бы многое в истории ислама. Магомет, быть может, больше ценил мнение таких людей, как Абу Бакр и Умар, но питал более живую симпатию и привязанность к тому, кто уже 35 лет был его верным сподвижником и чей воинственный и предприимчивый дух нравился Пророку. Из всех мусульманских военачальников Зайд б. Хариса был тем, кто при жизни Пророка чаще всех командовал походами. Не следует также забывать, что Зайд, член христианского племени сирийского пограничья, имел, быть может, также величайшее влияние на религиозное направление Магомета в первые годы подготовки и проповеди ислама (ср. Введение, § 226; Шпренгер, I, с. 398–406).

Удар, нанесённый мусульманскому оружию, грозил тяжело подорвать престиж Магомета среди племён сирийского пограничья, и вскоре в Медину стали приходить известия, что толпа бану куда‘а (из бали, узра и бахра) (ср. 8 г. х., §§ 30 и сл.) собирается на севере, чтобы попытать какой-нибудь удар во вред мусульманам. Нельзя было терять времени, и Магомет, менее чем через месяц после поражения при Му’те, послал новый отряд к границам Сирии и произвёл военную демонстрацию, бескровную, правда, но действенную, которая остановила наступательное движение северных племён.

Весьма примечателен тот факт, что неудача при Му’те оказала мало или никакого нравственного воздействия на племена, обитавшие в центре Аравии, и мы имеем теперь известия о том, как началось великое движение племён в пользу ислама. К этому периоду следует отнести первые открытые переговоры с разными племенами Центральной Аравии и даже с некоторыми ветвями бану сулайм (ср. 8 г. х., §§ 23–29), которые доставили Пророку столько хлопот и которые через несколько дней после паломничества предыдущего года перебили небольшой мусульманский отряд (ср. 7 г. х., § 77). Мы имеем известие о какой-то неясной попытке соглашения с накха‘, жившими к югу от Мекки (ср. 7 г. х., § 82), с амир б. са‘са‘а, жившими к востоку от этого города в сердце полуострова (ср. 8 г. х., § 18); подтверждаются и лучше определяются отношения с полуязыческими союзниками из хуза‘а и аслам (ср. 8 г. х., §§ 20 и сл.); есть также упоминание о каком-то дружественном соглашении с одним йеменским племенем, суда (ср. 8 г. х., § 199), и с небольшой ветвью зубйан (гатафан), жившей в сердце полуострова (ср. 8 г. х., § 200); наконец, в этом году закладываются основы соглашения с некоторыми племенами Бахрайна и Омана (ср. 8 г. х., §§ 177 и сл.). Есть также смутное упоминание о переговорах и обращениях среди са‘д хузайм и джузам в Северной Аравии, но предания о них заслуживают мало доверия (ср. 6 г. х., §§

13–14). Возможно, что некоторые посольства прибыли в Медину после взятия Мекки, но во всяком случае причины, побудившие племена начать переговоры с Пророком, действовали на умы язычников прежде, чем взятие Мекки громогласно подтвердило их доверие к Магомету. С этим упоминанием о посольствах мы вступаем, однако, в новый предмет большого исторического интереса, который нужно будет рассмотреть с несколько бóльшим вниманием, когда мы подойдём к знаменитому году посольств. Здесь достаточно мимоходом указать на центростремительное движение племён, сильно обозначившееся ещё до взятия Мекки, и перейдём теперь к краткому рассмотрению великого завоевания священного города в рамадане 8 г. х.

§ 106. — Предание старательно рассказывает подробности, приведшие к расторжению договора аль-Худайбии и к завоеванию Мекки (ср. 8 г. х., §§ 38 и сл.). Это особое старание, быть может, оправдывается тем, что занятие Мекки знаменует величайшее и славнейшее торжество Пророка-изгнанника; но вероятно также, что обилие подробностей и мелочные объяснения проистекают из ощущавшейся преданниками необходимости устранить всякое возможное подозрение в честности и верности Пророка в соблюдении условий договора. Так рождается законное сомнение, что в этом пункте, как столь часто в других местах, предания имели задачей скрыть от нас, а не рассказать истину фактов.

Весьма невероятно, чтобы в столь критический момент, когда все мекканцы и все их союзники так явно сознавали своё военное бессилие, когда всем было уже очевидно, что Магомет стремится к одной цели — завоеванию родного города, — невероятно, говорю я, чтобы союзники курайшитов, в согласии с ними, избрали столь неподходящий момент, чтобы отомстить за старые обиды, дав тем самым Магомету желанный предлог для расторжения договора. Предание, преувеличивая и раздувая всё с обычным отсутствием всякого исторического чутья, захотело утверждать, что всё племя бакр вероломно замыслило злодеяние и пользовалось сочувствием и прямой помощью курайшитов: иными словами, предание стремилось — распространяя ответственность за конфликт на всех бакр и всех курайшитов и представляя нам поэтому взятие Мекки как справедливое наказание за вину всех жителей — исключить подозрение, будто действие Магомета не вполне согласовалось со справедливостью.

Тенденциозный дух повествования побуждает нас считать, что события развивались, напротив, совсем иначе. Мы окажемся ближе к истине, если, как во многих других случаях, сделав должные скидки на обычные преувеличения, будем считать, что в происшествии, доставившем Магомету желанный предлог расторгнуть договор аль-Худайбии, были замешаны не все племена бакр и курайшитов, а лишь одна ветвь первых. В Аравии племя ответственно перед другими племенами за всякое деяние, совершённое одним из его членов во вред другим. Поэтому достаточно было, чтобы хоть один из бакр убил одного из хуза‘а, союзников Пророка, чтобы *casus belli* был налицо и Пророк получил право протестовать против нарушения договора и в возмещение и вознаграждение ущерба считать себя свободным мстить, поступая, как сочтёт лучшим. Пророк мог бы, если бы хотел, великодушно признать злодеяние делом личным, одного лица, не вовлекая в ответственность всё племя и всех его союзников; но обязан к этому он никоим образом не был. В его воле было, напротив, привлечь к

делу всё племя и всех его союзников как солидарно ответственных за нарушение договора. Происшествие личного и индивидуального характера, мы могли бы почти сказать частного, Магомет рассматривал как событие общественное и политическое, ибо так подходило его замыслам; он, естественно, не хотел упустить представившегося ему благоприятного случая.

Это несколько двусмысленное происхождение конфликта, приведшего к взятию Мекки, никоим образом не могло подходить мегаломании мусульманских преданников, которые поэтому приспособили факты по-своему, вышив на них все те анекдоты, краткое изложение которых мы дали в другом месте. Какова бы ни была ценность нашего предположения, несомненно, что близ Мекки произошло какое-то прискорбное происшествие между несколькими хуза‘а и несколькими бакр и что вина пала скорее на последних, чем на первых, то есть союзники курайшитов оказались неправой стороной. Была драка и убитый. Случай, однако, не был тяжёлым; в самом деле, хуза‘а, вместо того чтобы искать скорой мести оружием, весьма спокойно отправились в Медину изложить Пророку понесённые обиды. Спокойное и таинственное поведение Пророка, который никому не открыл, что он намеревался сделать, ещё подтверждает сделанное предположение, что происшествие было почти частного характера и без заранее обдуманного попустительства всех бакр и курайшитов. Пророк хотел иметь полный досуг, чтобы рассмотреть положение дел и решить, что ему лучше всего сделать. Если бы был настоящий заговор и явное и умышленное нарушение договора с оскорблением Пророка, Магомет должен был бы действовать совсем иначе. Заметим, наконец, что во время событий, приведших к взятию Мекки, бакр совершенно исчезли и не оказали курайшитам ни малейшей помощи; и после взятия Магомет не потребовал от бакр никакого возмещения убытков. И хуза‘а не выдвинули никакого требования о вознаграждении, на которое имели бы полное право, тем более что взятие Мекки было мотивировано происшествием, а от бескровного занятия города хуза‘а не извлекли никакой материальной выгоды. Мы знаем, напротив, что хуза‘а, вместо того чтобы отомстить бакр, сразу после взятия Мекки жестоко отомстили — преступлением и за другие дела — другому племени (хузайль), не имевшему никакого отношения к тем, о которых мы говорим.

Каков бы, однако, ни был размер *casus belli*, у Пророка был в пользу его факт, который, использованный с дипломатическим искусством, давал ему желанное оправдание, чтобы действовать с полной свободой и освободиться от уз, наложенных на него договором аль-Худайбии; словом, он имел право требовать нравственного и материального удовлетворения за происшествие, которое мог по своему полному произволу толковать в том смысле, какой был для него наиболее выгоден.

§ 107. — Велики были искусство и такт, с которыми Магомет принялся за дело; ему мало было вернуть себе свободу действий как раз в тот момент, когда это могло быть ему наиболее выгодно, и недостаточно было, что Мекка в военном отношении оказалась в его власти: завоевание города и святилища, которое ему теперь было дозволено предпринять, должно было совершиться особым образом, который отнял бы у вооружённого занятия оскорбительный смысл насилия и унижения. Он хотел войти в священный город, свою родину, и стать его хозяином, не осквернив святилища

пролитием человеческой крови, но как бы встреченный приветственными кликами как избавитель. Поэтому весь период, предшествующий завоеванию Мекки, был временем, когда Пророк развернул величайшую и действеннейшую дипломатическую и интриганскую деятельность, и потому он же пробуждает наш величайший интерес, хотя наши исследования затруднены прискорбным недостатком надёжных и подлинных известий. Когда в его руках оказалось доказательство деяния — или преступления, как угодно, — совершённого бакр, Магомет, вместо того чтобы несвоевременно торопить события с грубой резкостью сильнейшего, со светлым спокойствием человека, уверенного в себе и в исходе своих планов, окутал себя глубочайшей тайной и принялся втайне лучше вынашивать свои замыслы и подготавливать почву в Мекке для последней фазы великой драмы.

Предание, по своим особым и самим по себе очевидным причинам пытавшееся завуалировать эту, мы могли бы сказать, таинственную сторону деятельности Пророка, описывает, однако, всю поспешность, с которой Абу Суфйан прибыл в Медину, публично, по видимости, чтобы вырвать у Магомета какое-нибудь мирное заверение, которое успокоило бы взволнованные умы мекканцев. Рассказывают поэтому, что Пророк, храня достойное и загадочное молчание, отказался произнести хотя бы одно слово — мира или угрозы; изобилуют более или менее подлинные подробности, чтобы показать, что с Абу Суфйаном обошлись — по крайней мере публично — с учтивостью, но холодной и пренебрежительной, и что он вернулся в Мекку осмеянным, униженным и опозоренным. Но, судя по последующим событиям, мы вправе считать такое повествование тенденциозно искажённым: то есть позволительно с некоторой уверенностью заключить, что путешествие Абу Суфйана в Медину было частью искусной комедии, сговорённой между Пророком и его сторонниками в Мекке.

Абу Суфйан, как мы уже сказали, более двух лет принадлежал к партии меньшинства, которая хотела мира с Пророком, чтобы свободно заниматься торговыми делами; нам известно, однако, и то, что эти умеренные были отстранены от прямого участия в общественных делах мекканской общины. Непримиримые, возглавляемые Сухайлем б. Амром, говорили и действовали в тот момент от имени общины. При этом невероятно, чтобы партия, стоявшая у власти в Мекке, избрала своим представителем перед Пророком именно вождя противной партии: это значило бы признать собственное поражение. Если же предание нас не обманывает и если в этом случае действительно был избран Абу Суфйан, а не Сухайль б. Амр или кто-либо из непримиримых, представителем Мекки в мирном посольстве к Пророку, то мы должны вывести из этого несколько заключений.

Во-первых, мы вынуждены полагать, что мекканцы избрали Абу Суфйана, потому что в Мекке считали его лицом, более угодным Пророку[349], чем Сухайль б. Амр, и

[349] Полезно напомнить в этой связи, что одной из жён Магомета была Умм Хабиба (ср. 6 г. х., § 53; 7 г. х., § 58), дочь Абу Суфйана. Почему Пророк пожелал соединиться с этой уже немолодой женщиной, матерью и вдовой человека, отрёкшегося от ислама, женщиной, которую он не видел уже около двенадцати лет, — загадка, если не считать, что Пророк заключил этот брак по расчёту, чтобы снискать расположение её отца Абу Суфйана. Поэтому весьма вероятно, что одним из путей, через которые Пророк вступил в тайные переговоры с Абу Суфйаном, была именно Умм Хабиба. Интерес представляют поэтому те предания (ср., например, Са‘д, VIII, с. 70, стр. 17–23), в которых преданники, с подробностями сомнительной подлинности рассказывая, как Умм Хабиба дурно приняла отца в Медине, хотят отвести всякое подозрение в тайных

потому полагали, что через него легче получить какое-либо мирное заверение. Из этого факта мы должны, следовательно, вывести, во-вторых, что со времени договора аль-Худайбии психологическая эволюция мекканских партий шла уже столь быстро, что меньшинство сторонников мира, втайне сторонников Пророка, действительно стало большинством вследствие явной дипломатической и военной неудачи непримиримой партии, которая не смогла или не сумела спасти город от конца, неотвратимо теперь его ожидавшего. Поэтому посольство Абу Суфйана представляет некоторые особые стороны, которые побуждают нас смотреть на него подозрительным оком. Если иметь в виду поведение непримиримых во время военного занятия Мекки, трудно допустить возможность, чтобы Абу Суфйан был уполномоченным всей Мекки. Абу Суфйан был, вероятно, не столько представителем всей Мекки, сколько добровольным посредником, предложившим себя сам с явной целью уладить возникший спор с Пророком, но в действительности — тайным соучастником Магомета. Во всяком случае, прибытие Абу Суфйана в Медину есть верный признак того, что в Мекке уже в большей части совершилась бескровная революция, которой Пророк так жадно желал. Что бы ни говорило предание в противоположном смысле, весьма вероятно, что Абу Суфйан, возвращаясь в Мекку, привёз тайные мирные заверения Пророка, который обещал многое и великое, как мы увидим далее, если курайшиты не возьмутся за оружие. Две знаменитые встречи Пророка с Абу Суфйаном решили участь Мекки.

§ 108. — Когда Магомет счёл, что настал момент действовать, он созвал все зависевшие от него племена и во главе 10 000 человек[350] двинулся на Мекку. Он желал бы произвести сосредоточение с такой быстротой, чтобы застигнуть курайшитов врасплох, прежде чем непримиримые успеют принять мужественное решение или подготовить действенную оборону. По этой причине отрядам разных племён было приказано присоединяться к войску во время его похода и по пути.

Благодаря тщательным приготовлениям мусульманское войско, наибольшее, какое когда-либо выступало против Мекки, в кратчайшее время, всего за семь-восемь дней пути, достигло стоянки Марр аз-Захран, в одном переходе от священного города. Курайшиты были осведомлены о передвижениях Пророка прежде, чем он прибыл в Марр аз-Захран, но нападение было столь внезапным и подготовлено со столь превосходящими силами, что курайшиты остались как парализованные. За исключением меньшинства, доведённого уже до крайности, все партии и все семьи города, каковы бы ни были их истинные чувства к Пророку, убедились, что всякое сопротивление бесполезно и безумно. Покоряясь судьбе, все, кто не был уже втайне в согласии с Магометом, попытались прийти к соглашению с победителем; но ни у кого не хватало смелости сделать это открыто, чтобы не быть потом названным изменником родины. Из уважения к стольким щепетильностям был разыгран тот второй акт

интригах между отцом и дочерью с одной стороны и Пророком с другой.

[350] Целью же собрания столь большого числа вооружённых людей, хотя Магомет имел основания надеяться на мирное занятие, было напугать последних непримиримых и убедить их в полной бесполезности всякого сопротивления против столь превосходящих сил. Можно также заключить, что Магомет намеревался произвести этим походом своего рода общий смотр всех сил, которыми он мог располагать.

искусной комедии, представленный аль-Аббасом и Абу Суфйаном, которым Магомет, делая вид, будто дарует условия сдачи, добился мирного занятия священного города[351].

Последняя группа крайней непримиримой партии — Сафван, Сухайль и Икрима б. Аби Джахль — попыталась, правда, оказать краткое сопротивление, в котором, говорят, погибло несколько язычников и двое мусульман; но так как никто из непримиримых вождей не лишился в нём жизни и все потом нашли способ укрыться в безопасности и получить наконец от Пророка полную амнистию и многие дары, мы склонны думать, что и это столкновение не было серьёзно организовано, а было лишь попыткой непримиримых спасти видимость перед лицом общего развала антимусульманской партии. Это предположение подтверждается и позднейшими фактами: Сухайль и его партия непримиримых были теми, кто в 11 г. х. более всего содействовал обузданию у курайшитов всякого мятежного поползновения.

Поэтому Магомет смог вступить торжествующим, как истинный государь, в собственный город и совершить с совершенно особой торжественностью обычные обряды паломничества. Предоставляя романисту воскрешать, каковы могли быть чувства Пророка, когда он вновь вступал господином в тот город, из которого восемь лет назад бежал жалким изгнанником вне закона, мы можем, однако, легко понять состояние довольства его души по политическим действиям, которыми отличилось его вступление в Мекку. Нечто вроде полной амнистии было даровано всем врагам, и исключение было сделано лишь для четырёх лиц, особенно ненавистных Пророку по личным причинам, которых он приговорил к смерти. Во всём остальном он действовал с мудрой и необычайной умеренностью, и взятие Мекки не было омрачено ни одной из обычных сцен крови и грабежа, столь частых в мрачных летописях арабского народа до ислама.

Весьма вероятно, что число немало преувеличено, но у нас нет данных, чтобы проверить его точность. Большое значение для нас имеет, напротив, перечень племён, пополнивших ряды мусульман. А именно: аслам, джухайна, гифар, дамра, ашджа‘, музайна, сулайм и хуза‘а (ср. 8 г. х., § 51). Изучая эти имена топографически по карте, приложенной к настоящему тому, мы видим, что теперь впервые к Пророку присоединяются все племена, жившие в ближайших окрестностях Медины, большинство тех, что жили между Меккой и Мединой, но ни одного из северных и ни одного даже из большой группы гатафан, кочевавшей в центре полуострова. Эти указания драгоценны, чтобы знать, сколь ограниченной и узкой была ещё политическая власть Пророка. Мусульманская территория, начерченная на карте, оказывается по сравнению с остальным полуостровом ещё весьма небольших размеров: едва ли двадцатой частью полуострова; полезно иметь в виду этот факт, чтобы не дать себя обмануть преувеличениям преданников о протяжении власти Пророка в Аравии в два коротких последующих года.

§ 109. — Многие биографы придают большое значение щедрости и великодушию, проявленным Пророком, простившим курайшитам все оскорбления и обиды прошлого; они справедливо утверждают также, что хотя в интересах Магомета было изгладить

[351] Ср. веские доводы, собранные Мьюром, IV, 120, прим., чтобы доказать, что весь эпизод аль-Аббаса и Абу Суфйана был лишь комедией; ср. также Müller, *Islam*, I, 162–163.

всякую память о перенесённых обидах, такое прощение требовало тем не менее великой и благородной души. Не умаляя добрых чувств Пророка, следует напомнить, что обращение, дарованное Магометом прежним согражданам, было, весьма вероятно, более актом политической необходимости, навязанной обстоятельствами момента, чем актом чистой и бескорыстной щедрости. Общая амнистия была, несомненно, также одним из условий, не раз предлагавшихся Магометом гражданам Мекки в ходе долгих и запутанных интриг, чтобы побудить их принять власть Пророка. Его великодушное поведение было, следовательно, скорее верным соблюдением необходимого обещания, нежели самопроизвольным актом, который он был бы волен изменить. Курайшиты не сдались бы с такой кротостью, и Абу Суфйан не согласился бы тайно исполнять роль посредника, если бы Пророк потребовал безоговорочного подчинения и если бы существовала возможность избиения главных врагов Магомета.

Но этого мало: чтобы объяснить уступчивое поведение курайшитов, по необходимости нужно допустить, что между Магометом и его сторонниками в Мекке существовало настоящее соглашение с точными условиями. Правоверное предание сохранило об этом глубочайшее молчание из страха, что признание тайного соглашения могло бы дать повод к недоброжелательным или неудобным толкованиям и выводам. Нескольких соображений будет, однако, достаточно, чтобы доказать необходимое существование этого договора и содержание двух главных его предметов: обращения курайшитов и обращения со святилищем.

Преданники, исходя из позднейших понятий, порождённых главным образом жестокими расправами великого восстания 11 г. х., считали и утверждали апокрифическими речениями Пророка, что в отношениях между ним и языческими арабскими племенами всегда существовало лишь одно правило, а именно: или обращение, или смерть[352]. Поэтому они считали, что в весьма многих случаях, когда между Пророком и племенами заключались договоры простого политического и военного союза, в них всегда заключалось, как первое безусловное условие, обращение союзников. Такое обращение считалось затем фактом совершенно несомненным и бесспорным в случае тех языческих племён, которые — как теперь курайшиты — были вынуждены уступить превосходящей силе оружия.

Рассматривая документы о союзных договорах, заключённых между Магометом и языческими племенами, мы видели (ср. 10 г. х., § 89, прим. 1), что это представление совершенно ошибочно, ибо самые первые договоры были, напротив, природы исключительно политической и ничуть не религиозной: многие племена присоединялись к Магомету, оказывая или обещая ему военную помощь, но сохраняя свою прежнюю языческую веру. Вероятно даже, что до времени взятия Мекки присоединение большей части арабских племён было природы почти исключительно политической и что обращение в ислам и строго религиозные отношения между Пророком и племенами были событиями гораздо более поздними, по большей части естественными следствиями соприкосновения с исламом, а не прямым повиновением

[352] Ср., напр., Йусуф, 33, стр. 13–14; 37, стр. 27; 39, стр. 3. К этому ошибочному представлению нам придётся вернуться, говоря о *Ридде*, и мы увидим, что это было не повеление Пророка, а формула, придуманная позднейшими преданниками на основании договоров Ридды, изученных с ошибочной точки зрения.

воле Пророка. Тщеславие последующих поколений, соревновавшихся в похвальбе готовностью предков принять новую веру, естественно породило легенду, будто первые дружественные отношения между Пророком и племенами заключали в себе одновременно полное и совершенное обращение этих самых племён. Такой вымысел, возможный для мелких и безвестных племён, имена которых не были связаны ни с каким важным историческим фактом, был невозможен в случае курайшитов вследствие тесной связи, существовавшей между их обращением и некоторыми знаменитыми историческими событиями.

В самом деле, все предания согласно признают, что большая часть курайшитов осталась языческой после взятия Мекки с полного согласия Пророка. Хотя город, согласно преданию, сдался по видимости безоговорочно победителю, силой оружия, а не по договору, остаётся фактом, что курайшиты сохранили языческую веру, не платили, как того требовал бы исламский закон, никакой дани и оказались, таким образом, в единственном и привилегированном положении. Наше удивление возрастает, когда предания сообщают нам, что обращение курайшитов совершилось весьма неправильным образом, по их собственному произволу, в разное время, и что те, кто более всего упорствовал в перемене веры, стали предметом совершенно особого внимания Пророка и даже были так безмерно осыпаны дарами и почестями, что в конце концов продали своё обращение на выгодных условиях. Предание сохранило даже память о том, что эти закоренелые язычники получили от Пророка количество даров, намного превышающее полученное даже лучшими из сподвижников, и что это вызвало сильнейшее недовольство, для успокоения которого потребовался весь авторитет Пророка (ср. 8 г. х., §§ 164 и сл.).

Мы легко найдём причину подобных аномалий и этого вознаграждения наоборот, единственного в своём роде в истории ислама, если обратимся к доводу, указанному выше, — что между Магометом и курайшитами до взятия Мекки непременно должен был существовать настоящий тайный договор с некоторыми важнейшими условиями. Условия эти состояли в том, что Магомет должен был уважать не только жизнь и имущество, но и веру курайшитов и что курайшиты, свободные от всякой дани или подати, могли свободно отправлять дедовский культ. Этому мы находим особое подтверждение в некоторых последующих событиях, которые преданники не позаботились нам объяснить. Хотя мекканское святилище уже несколько лет было объявлено в Коране Домом Божиим на земле и, следовательно, священнейшим местом всего мира; хотя идолопоклонство было некогда осуждено как величайшая из мерзостей и страшнейший из грехов; хотя, наконец, святилище со взятием Мекки стало наконец собственностью мусульман, — тем не менее Магомет более года и в течение двух целых паломничеств дозволял всем язычникам свободный доступ в храм и идолопоклоннический культ, сам избегая совершать великое паломничество в предписанный срок именно для того, чтобы не совмещать своих обрядов с обрядами неверных. Лишь в конце 9 г. х., когда он купил на вес золота обращение всех главных курайшитов и когда в Мекке не осталось никого, кто заботился бы или имел средства действенно протестовать против полной исламизации Ка‘бы, лишь тогда Ка‘ба была

объявлена исключительным святилищем мусульман и лишь тогда Пророк осмелился запретить язычникам доступ к ней (ср. 9 г. х., § 73, и 10 г. х., §§ 72 и сл.)[353].

§ 110. — Из таких соображений позволительно было бы, следовательно, заключить, что Магомет, вступая во владение Меккой, тайно обязался перед курайшитами ничего не менять в святилище и оставить нетронутым его чисто языческий характер[354]. Принимая такие утверждения и выводы за истинные, мы гораздо лучше понимаем кроткое и невоинственное поведение курайшитов и удивительную лёгкость взятия Мекки. Так перед нами в ещё более очевидной и выразительной форме вновь выступает та обычная искуснейшая политика Пророка, который всегда имел вид, будто делает уступки, тогда как на деле их вырывал. Лишь бы достигнуть своей ближайшей цели, Пророк всегда был готов делать обширные уступки на будущее, ибо в высшей степени владел тончайшим искусством в короткое время и незаметно вернуть себе всё, что он делал вид, будто уступил при заключении договоров.

Так договор аль-Худайбии, который современникам мог казаться поражением, превратился в победу; так безграничные уступки, сделанные курайшитам ради немедленного мирного обладания Меккой, были все искусно уничтожены в короткий срок одного года покупкой совести самых упорных противников обращения. Это торгашество в делах веры ничуть не оскорбляло тогда чувств арабов-современников и последователей Пророка, ибо они в огромном большинстве были мусульманами лишь по имени, людьми скептическими, корыстными и материалистами по преимуществу, у которых на уме не было ничего, кроме собственной личной выгоды, и которые лишь ради этого обратились в ислам. Не так нравственно огрубели впоследствии неарабские мусульманские поколения, и предание было вынуждено смягчить и завуалировать некоторые факты, которые могли бы оскорбить более тонкие чувства более

[353] Поэтому следует принимать с большой осмотрительностью рассказ о разрушении идолов вокруг храма тотчас после взятия Мекки (ср. 8 г. х., § 66) — рассказ, выдуманный для того, чтобы по возможности скрыть терпимость Магомета к язычникам в двух паломничествах 8 и 9 гг. х. Самое большее можно допустить, что Магомет произвёл очистку от некоторых малых божеств отдалённых племён, не принадлежавших непосредственно курайшитам, упразднение которых ничуть не могло оскорбить чувств или предрассудков мекканцев. Но и это лишь простое предположение, которое плохо вяжется с умеренной, терпимой и осторожной политикой Пророка по отношению к ещё не покорённым племенам и вовсе не согласуется с оставлением Ка‘бы для свободного культа язычников и после завоевания. Если бы Магомет мог безнаказанно разрушить древних идолов, он мог бы также безнаказанно запретить доступ в храм тем язычникам, которые поклонялись идолам. Как обычно, предание сгустило в один день то, что в действительности было делом нескольких лет и постепенного оставления в ходе великих событий последующих лет, когда подавляющее большинство паломников состояло из неарабов, преданных и пылких прозелитов новой веры, гнушавшихся малейшим следом древнего арабского идолопоклонства. — Наконец, скажем, что вовсе не доказано, будто вокруг Ка‘бы существовало такое великое множество идолов: предания, утверждающие это, основаны на весьма слабых авторитетах.

[354] Это подтверждается и особым образом одним известием, на которое мы уже указывали в другой раз, но которое тем не менее заслуживает того, чтобы его выделить: его сообщает аль-Балазури (со слов Шайбана б. Фарруха, от Абу Хиляля ар-Расиби, от аль-Хасана). Рассказывается, что халиф Умар хотел однажды (когда был халифом, между 13 и 23 гг. х.) завладеть сокровищем Ка‘бы, *канз аль-Ка‘ба*, чтобы употребить его на дело Божие. Против этого замысла решительно возразил Убайй б. Ка‘б аль-Ансари, утверждавший, что если бы это было дозволено, два его сподвижника и предшественника (Магомет и Абу Бакр) сделали бы это (Балазури, с. 43, стр. 1–4). Предание ничего больше не прибавляет, но, по-видимому, Умар последовал совету Убайя и тоже оставил сокровище Ка‘бы нетронутым. Оно было, как известно, языческого происхождения, ибо ни Магомет, ни кто-либо из его сподвижников никогда не делали даров Ка‘бе. Следовательно, Магомет нашёл в Ка‘бе сокровище и, хотя оно было языческого происхождения и посвящено языческим божествам, не захотел, чтобы его трогали, и этот прецедент уважался его преемниками.

цивилизованных народов Передней Азии: так были созданы те рассказы о разрушении идолов (ср. 8 г. х., § 65) — прозрачные покровы, которыми пытались приспособить истину к нравственным требованиям других времён, окрашивая эпизоды полуварварской и чисто языческой жизни правоверными красками, скрывавшими ереси и инославие Пророка.

§ 111. — Хотя события, непосредственно последовавшие за взятием Мекки, имеют характер преимущественно военный, в них всё же есть элементы более общего значения, заслуживающие рассмотрения. Предание, как обычно, весьма скупо на объяснения о возникновении конфликта с воинственными племенами хавазин, которые населяли гористую страну к востоку от Мекки и были тесно связаны с сакиф, жителями Таифа. Оно довольствуется тем, что рассказывает нам факты, давая лишь их внешнюю сторону и никогда не указывая истинных и сокровенных мотивов отдельных событий. Так, рассказав с большим обилием подробностей различные происшествия, приведшие к взятию Мекки, и обряды, которыми Пророк отметил великое событие, предание без долгих предисловий сообщает нам о сборе многочисленного войска хавазин в широкой долине Аутас к востоку от Мекки. Затем мы узнаём, как Магомет двинулся против него, выиграл великую битву при Хунайне и попытался осадить Таиф, где укрылись многие уцелевшие в битве и где существование весьма посещаемого святилища богини аль-Лат, уже обречённого исламом на упразднение и разрушение, порождало в душе жителей чувство особой неприязни к исламу и его основателю.

Почему собрались хавазин, каковы были их намерения, какие причины побудили Пророка принять энергичное и важное решение напасть на кочевников и рискнуть величайшей битвой всего его пророческого поприща, — вопросы, о которых предание хранит самое абсолютное молчание. Все биографы Магомета могли лишь строить более или менее удачные догадки. Но когда Мьюр довольствуется предположением, что вооружённый сбор хавазин возник либо от наступательного действия Халида против джазима, либо из страха перед захватнической политикой Магомета, либо из зависти к его непрерывным успехам, которые, казалось, ставили под угрозу их независимость (Мьюр, IV, 136), мы сразу замечаем, что эти скудные объяснения не заслуживают даже этого имени и оставляют прежнюю тьму.

В самом деле, рассматривая историю событий, мы находим несколько тёмных мест, вызывающих наши сомнения в точности их традиционной версии. Представляется несомненным, что Магомет, предпринимая завоевание Мекки, не имел в мыслях никакого другого замысла: это вполне естественно, если учесть, что взятие Мекки составляло высшую вершину его ближайших стремлений; поход на Хунайн против хавазин был неожиданностью для всех мусульман и даже для Пророка. Равным образом несомненно, что хавазин собрали в Аутасе всё своё имущество и все свои семьи, ибо нам известно, что они попали в руки победителей при Хунайне: если бы хавазин собрались с явным намерением напасть на Магомета, они, конечно, не совершили бы неосторожности подвергнуть всё, чем более всего дорожили, опасности стать добычей врага в случае неудачи. Если бы у них были наступательные намерения, они, вместо того чтобы вести все семьи и весь скот к Мекке, конечно, отправили бы всё в противоположном направлении, в место, безопасное от всяких случайностей. Чтобы

ответить на это столь естественное возражение, бросившееся в глаза даже преданникам, прибегли к уловке, выдумав рассказ о старике, который порицает сбор женщин в лагере в Аутасе, и о начальнике хавазин, который, напротив, отстаивает противоположное мнение и считает присутствие женщин побуждением для мужчин сражаться с бо́льшей доблестью (ср. 8 г. х., § 114).

Поэтому причины, которые могли побудить хавазин собраться в Аутасе со всеми семьями и скотом, окутаны величайшей тьмой. Мнимое традиционное объяснение, на которое мы только что намекнули, мы можем отбросить как басню. Мнение, будто вождь хавазин Малик мог заставить всех членов племени подвергнуть столь великой опасности всё, чем они владели, вовсе не выдерживает критики, ибо арабские вожди могли приказывать прочим членам племени лишь то, что тем было угодно принять. Поэтому сбор в Аутасе был возможен лишь потому, что произошёл с единодушного согласия всех членов племени. Если бы существовало опасение тяжкой опасности, нет сомнения, что большинство отказалось бы подвергать все свои земные блага риску их утраты ради того, чтобы доставить себе своего рода ободрение перед врагом.

Имея в виду эти соображения, мы вправе думать, что традиционная версия либо скрывает, либо исказила истину. Вероятно поэтому, что хавазин, вовсе не намереваясь нападать на Магомета и бросать ему вызов в момент его величайшего торжества и величайшего могущества, были, напротив, сами подвергшимися нападению. Весьма вероятно, что и теперь, в этом случае, Пророк действовал так, как не раз поступал в прошлом, по тому уже изложенному нами в другой раз принципу — предлагать последователям значительное материальное вознаграждение после того, как они оказали ему какую-либо важную услугу, то есть либо принесли ради его дела какую-нибудь великую жертву человеческими жизнями, либо отказались от чувственных радостей насилия и грабежа. Узнав, что недалеко от Мекки находится многочисленный лагерь хавазин с семьями и стадами, Магомет, вероятно, истолковал или счёл уместным истолковать сбор этих кочевников как угрозу и тотчас задумал внезапный удар, который, сломив военные силы могущественного и грозного племени, вознаградил бы добычей побеждённых его алчных последователей за умеренность, проявленную при бескровном и бесплодном взятии Мекки. Сам Пророк сильно нуждался в деньгах и средствах, чтобы привести в исполнение свои обширные замыслы обращения курайшитов — обращения, которое он намеревался совершить на вес золота (ср. 8 г. х., § 87). Существуют поэтому веские основания предполагать, что поход на Хунайн имел мотивы совершенно иного и гораздо менее благородного порядка, чем тот, который хотело бы внушить нам предание. Во всяком случае, несомненно, что Магомет напал первым, выступив из Мекки и отправившись искать хавазин вплоть до долины Аутас, и несомненно также, что знаменитое внезапное нападение в долине Хунайн было со стороны хавазин актом законной обороны против нападающего врага. Немногого недоставало, чтобы смелость хавазин превратила внезапное нападение при Хунайне в страшное бедствие для мусульманского оружия; но в конце концов Пророк победил так полно, что захватил весь лагерь, скот и семьи кочевников (ср. 8 г. х., §§ 113 и сл.).

§ 112. — Величина победы превзошла всё, на что Магомет осмеливался надеяться, ибо он, вопреки обычаю, велел отложить раздел добычи на потом и, увлечённый

величием собственного торжества, приказал без промедления напасть на город Таиф, в иллюзии, что взятие этого города, несмотря на его знаменитые укреплённые стены, не может представить ему серьёзной трудности (ср. 8 г. х., §§ 139 и сл.). В рядах Магомета было несколько южных арабов, опытных в искусстве осады крепостей и в употреблении осадных машин, так что Пророк думал, что после такого бедствия, как при Хунайне, где погибло и много граждан Таифа, город окажет не большее сопротивление, чем евреи Медины и Хайбара, и тешил себя иллюзией лёгкого его завоевания. Он не замедлил обнаружить свою ошибку, когда увидел, что сакиф одушевлены воинственными чувствами, весьма отличными от чувств изнеженных евреев Хиджаза. Ни число его людей, ни употребление осадных машин не принесли никакой пользы, и все приступы были победоносно отбиты со значительными потерями. Вскоре убедившись в неуместности упорствовать в ошибке, Магомет через несколько дней снял осаду, отступив со своими людьми в долину аль-Джи‘рана, где была собрана вся добыча битвы при Хунайне. Раздел всего добра должен был послужить действенным утешением за неудачу под Таифом, на которой мусульманские летописцы не любят долго останавливаться.

Изобилуют, напротив, сильно искажённые подробности о том, что произошло в аль-Джи‘ране. Если бы мы должны были принять за абсолютную истину большую часть того, что рассказывается по этому случаю, мы были бы вынуждены допустить, что последователи Магомета, внезапно преобразившись, заставили умолкнуть свои свирепые инстинкты, став вдруг все до одного дивными примерами бескорыстной щедрости и слепого повиновения малейшим желаниям Пророка.

В источниках рассказывается, что после раздела добычи хавазин явились к Пророку в аль-Джи‘рану и, предлагая подчинение и обращение, добились возвращения женщин и детей. Магомет, имея возможность распоряжаться лишь женщинами, находившимися в его собственном владении, объявил себя готовым уступить их и обещал сделать всё возможное перед прочими мусульманами, чтобы и они согласились на возвращение своих пленников. Рассказывается затем, что вследствие настояния Пророка все (за исключением, однако, некоторых тамим и фазара) согласились на возвращение без выкупа доставшихся им по жребию женщин. Победителям было оставлено лишь обладание скотом и захваченным добром.

Таково повествование о фактах по преданникам: в нём, несомненно, есть основа истины, в которой нельзя сомневаться, но несомненно также, что народное предание сильно расшило эту тему для прославления ислама, Пророка и первых мусульман. Нет сомнения, что возвращение пленных женщин было лишь частичным и в небольшом числе. Что они были возвращены не все, доказывается тем, что сам Магомет удержал нескольких (по меньшей мере трёх) для себя и подарил их некоторым из самых верных сподвижников (ср. 8 г. х., § 163), и нам не известно, чтобы они были затем все возвращены. Пример Пророка и его приближённых не был, следовательно, таким, чтобы склонить хищных сподвижников к великодушию по отношению к врагам. Несомненно также, что хавазин, пришедшие вести переговоры с Магометом в аль-Джи‘рану, были лишь частью племён, разбитых при Хунайне; чтобы убедиться в этом, достаточно рассмотреть перечень племён, прибывших в Медину для обращения в

течение 10 г. х. (ср. 9 г. х., §§ 74 и сл.), а среди них много второстепенных племён великого рода хавазин (все — ветви амир б. са‘са‘а); те хавазин, что поспешили в аль-Джи‘рану, принадлежали, вероятно, к племенам, жившим ближе к Мекке, и, конечно, каждый человек говорил от имени своей семьи, а не как посольство всего рода. Полезно напомнить, что Пророк после аль-Джи‘раны начал особые переговоры с вождём хавазин и купил его обращение дарами и возвращением его имущества: поэтому несомненно, что многие другие хавазин не были представлены на собрании в аль-Джи‘ране.

Возможность же столь великодушного поведения со стороны всех мусульман сводится к нулю, если хорошо иметь в виду отвратительные сцены, происшедшие при разделе добычи, когда сам Пророк был помят толпой мусульман, алчной и не терпевшей дальнейшего промедления (ср. 8 г. х., §§ 161–162). Если люди были столь алчны и грубы, что сорвали даже плащ с плеч Пророка, как можем мы слепо допустить, что все мусульмане стали образцами кроткой пассивности и по одному слову Пророка, без сожаления или протеста, согласились отказаться от столь всегда желанной части добычи, какой было обладание пленными женщинами?

Итак, если действительно имело место возвращение женщин врагу (а доказать противное было бы трудно), такое возвращение должно было совершиться в размерах весьма скромных, в количестве ничтожном по сравнению с массой остальной добычи в предметах, в скоте и — насколько можно судить — также в серебре в слитках[355].

§ 113. — Во всяком случае, возвращение женщин, мало их было или много, не изменило ощутимо действительной суммы добычи, ибо все присутствовавшие при битве получили значительные доли, а Магомет со своей пятой частью оказался обладателем огромного капитала. Мало жаждавший богатств для себя, но в высшей степени стремившийся достигнуть своей великой политической и религиозной цели, он немедленно употребил приобретённые богатства на то, чтобы осыпать дарами и милостями языческую знать Мекки и вырвать у неё на вес золота исповедание мусульманской веры. Перед соблазнами богатства ни один курайшит не смог долго устоять, и так велики были щедрость Пророка и наёмная алчность мекканских купцов, что Магомет вполне достиг своей цели, покупая одну за другой совести всех курайшитов. Такое пристрастие к прежним врагам подняло, с другой стороны, грозную бурю в рядах верных последователей, которые проливали кровь за его дело и видели теперь, что их вознаграждают за услуги, оказанные исламу, в мере гораздо меньшей, чем врагов веры за то, что они ей противились. Магомет вышел из этого весьма трудного положения посредством заявлений столь откровенно искренних, что притупил острое оружие своих критиков, которые с арабской прямотой высказывали ему свои мысли. Он выдвинул смелое положение, что истинные мусульмане уже не нуждаются в ласках или приманках, чтобы оставаться верными исламу, тогда как Бог хочет, чтобы обратились и язычники, утверждая, что таков указанный ему Богом способ добиться желанного обращения. Такая прямота со стороны Магомета, не делавшего никакой тайны из истинных мотивов своей несправедливой щедрости, — драгоценный документ

[355] Из этих соображений рождается подозрение, что в битве при Хунайне мусульмане захватили не всех женщин хавазин и что в подсчёте пленников, данном преданием, есть обычное численное преувеличение.

для суждения о натуре Пророка, который всегда предпочитал жестокую правду вялому обману. Ответ на жалобы верующих сохранился даже в тексте Корана (IX, 60) и есть для нас драгоценное доказательство тяжести обвинения и поспешности, проявленной Пророком в своём оправдании. Перед божественным откровением верные сподвижники склонили голову, не отвечая.

Уладив столько трудностей, разделив добычу и удовлетворив или успокоив всех, Магомет после нового посещения мекканского святилища вновь пустился в путь в Медину, довольный не только тем, что добился большого политического успеха и большой военной победы, но и тем, что счастливо унял многие недовольства среди последователей и преодолел тягчайшие трудности, перед которыми люди менее искусные и менее сильные, чем он, пали бы духом.

§ 114. — Спокойно возвращаясь в Медину с душой, удовлетворённой славным торжеством, Магомет, весьма вероятно, мало понимал, или, быть может, даже не заботился понять, какие тягчайшие последствия должна была произвести в будущих судьбах ислама его терпимая политика последних трёх лет, начиная с осады Медины.

Чтобы добиться политического слияния кочевых племён под своей властью и обладания Меккой, Магомет сделал многие и важные уступки, вследствие которых мусульманская среда готовилась претерпеть глубокое преобразование. Достаточно напомнить, что большое войско примерно в 10 000 человек, с которым он выступил для завоевания Мекки, состояло по большей части из тех самых племён, которые всего за два года до того сопровождали курайшитов против Медины; но этого мало: эти племена были ещё фактически языческими, и среди них находились кочевые арабы (сулайм), которые всего за несколько месяцев перед тем перебили отряд мусульман. Этим убийцам без жалоб простили пролитую кровь, и им была даже поручена тонкая и трудная обязанность авангарда войска. В подобной орде людей, столь непрочно и случайно собранных вместе волей и гением одного человека, среди которых, за исключением всеобщей жажды добычи, совершенно недоставало подлинного общего чувства, старые подлинные мусульманские элементы — верные мекканские мухаджиры и группа ревностных мединцев — составляли теперь, численно говоря, меньшинство, с каждым днём всё более ничтожное.

Новые мусульмане были мусульманами лишь по имени. Беспорядочные толпы новых элементов нисколько не применились к чувствам, вкусам и обычаям первых мусульман: кочевники вошли в ислам без воодушевления, движимые лишь либо страхом расправы, либо жаждой наживы, ничуть не изменив своих языческих чувств и обычаев; так что у новых элементов не было ничего общего со старыми. Преобразовательная деятельность Пророка в первые годы пребывания в Медине создала партию мекканских мухаджиров и древнейших мединских сподвижников — партию, представлявшую группу истинных мусульман, в которых привязанность к Пророку и восхищение им, их учителем и вождём в течение стольких лет, внушали твёрдую и слепую веру в его слова и учения. В этой группе были немногие ревнители, люди типа Абу Бакра, Умара, Усмана б. Маз‘уна (ср. 2 г. х., § 108), Абдаллаха б. Мас‘уда, Абу Зарра аль-Гифари и других, которые, приняв ислам с большой

сознательностью и соблюдая с мелочной скрупулёзностью обрядовые предписания и ловя каждое слово Учителя, повиновались ему и подражали ему во всём, что он делал. Кроме этих немногих, которые, преувеличивая Пророка, были в известном смысле бо́льшими мусульманами, чем Магомет, было большинство прочих мединских сподвижников и мухаджиров, то есть тех, кто был менее религиозен, но были ветеранами всех битв, сподвижниками и свидетелями всех превратностей судьбы первоначального ислама: люди, которые, даже если не были одушевлены большим религиозным чувством, всё же с течением времени, благодаря непрерывному общению с Пророком, привязанности к нему и той почти врождённой склонности людей подражать всему, что они любят и чем восхищаются, прониклись религиозностью и вкладывали в повиновение Пророку, в исполнение религиозных обязанностей и в непрерывное подражание действиям Учителя верное старание и показное тщеславие; оно ещё более возросло, когда они захотели отличаться от с каждым днём растущих толп новых мусульман. Эта старая партия, которую мы всегда будем называть мединской, потому что в ней настоящие мединцы составляли подавляющее большинство, несмотря на сравнительно малое число её членов — быть может, всего менее тысячи человек, — пользовалась совершенно исключительным достоинством и положением и образовывала подлинную и единственную основу нового порядка вещей. Они были истинными нравственными наследниками Пророка, будущими апостолами ислама, верными хранителями всего, что Магомет открыл людям от Бога. В этих людях благодаря непрерывному общению с Пророком и привязанности к нему действительно утвердился новый образ чувств и мыслей, более возвышенный и более цивилизованный, чем прежде: они действительно стали лучше во всех отношениях, и блестящее доказательство, которое они дали впоследствии как государственные люди и полководцы в труднейшие моменты завоевательных войн, с неоспоримой очевидностью показало, что идеи и учения Магомета были семенем, брошенным в плодородную почву, и произвели класс людей поистине исключительных достоинств. Они были хранителями священного коранического текста, который одни знали целиком; они были ревнивыми стражами памяти обо всём, что Пророк говорил и приказывал, были *trustees*, «хранителями», нравственного наследия Магомета. Эти люди уже составляли почтенный корень ислама, из которого однажды должна была родиться доблестная плеяда первых правоведов, первых богословов и первых преданников мусульманского общества.

Вокруг этого малочисленного, но сплочённого и крепчайшего ядра скопились, вследствие событий, кратко изложенных нами в предыдущих параграфах, из самых разных областей и племён полуострова всё более многочисленные группы кочевых арабов. Между новоприбывшими и старыми сподвижниками сразу обозначилась противоположность, глубокое нравственное различие, расколовшее их на два совершенно отличных класса. Тогда как ядро мединской партии состояло из купцов и земледельцев, людей оседлых, с цивилизованными и почти утончёнными наклонностями, к тому же глубоко изменённых и улучшенных личным общением с Пророком и непрерывным и правильным исполнением новых нравственных, религиозных и общественных предписаний, новоприбывшие были, напротив,

грубейшими кочевниками пустыни, которые гнушались всякой оседлой, цивилизованной и спокойной жизнью и имели вкусы и чувства, совершенно отличные от вкусов и чувств старых сподвижников. Более того, они подчинились исламу весьма неохотно; большинство, быть может, даже не знало Пророка в лицо и жило в пустыне, никогда его не видя: они боялись его и терпели его, ибо согласно считали его человеком необыкновенным и творцом великих дел, но не любили его, а многие, быть может, даже ненавидели как того, кто положил конец абсолютной, анархической свободе пустыни. На них Пророк никогда, даже ненадолго, не мог направить своего преобразующего и цивилизующего влияния, ибо никогда не имел прямых и личных отношений ни с кем, кроме вождей: толпы, оставшиеся дома, жили в тех же грубых языческих условиях, что и прежде, ничуть не улучшившись, ничуть не изменившись.

Формальное заявление некоторых вождей племён официально возвестило присоединение различных родов к исламу; их члены, ворча, внесли, и притом неправильно и не все в равной мере (ср. 8 г. х., § 185, прим. 2; 9 г. х., § 8, прим. 2 и § 18, прим. 2; 10 г. х., §§ 7 и 9), некоторые суммы денег или головы скота в качестве податей. С такими поверхностными формальностями племена считались мусульманскими, но фактически оставались столь же языческими, как прежде. Чтобы стать мусульманами на деле, нужно было, между прочим, выучить текст Корана, и некоторые посланцы Медины пытались ввести в умы этих разбойников начальные понятия новой религии и новых обрядовых обязанностей. Эта религиозная проповедь оставалась, однако, всегда весьма неполной, мимолётной и поверхностной. Из преданий не видно даже, чтобы Магомет посылал много миссионеров в племена: самой обычной формой было обратить — весьма поверхностно — одного из членов племени курсом религиозного наставления, который иногда длился всего несколько дней, и послать новообращённого распространять веру среди единокровных. Обращённый имел об исламе лишь поверхностное понятие: новое учение не могло войти ему в кровь и в душу. Поэтому то, чему он мог научить, было весьма немногим, и, имея дело с собственными родичами, он, вероятно, действовал с большой широтой принципов и с благосклонной терпимостью, не слишком настаивая перед теми, кто не понимал или не хотел понимать необходимости обрядовых и фискальных обязанностей. Отсюда следовало, что, когда новое нравственное слово, проповеданное в Медине, доходило до последних ветвей племён, рассеянных и погребённых в непроницаемых глубинах аравийской пустыни, оно было так разбавлено, что вкус новой умственной пищи почти уже не ощущался. Сам Магомет, знавший лучше кого бы то ни было истинную природу своих новых последователей, никогда не хотел мучить их чрезмерными требованиями[356]; и если он

[356] Уступчивое и терпимое поведение Пророка по отношению к обращённым племенам было не только следствием искусной и расчётливой политики, но в известном смысле необходимостью. Это было поистине проявлением истинного характера отношений между божеством и людьми у семитов-язычников — отношений, описанных с такой проницательностью Робертсоном Смитом (*The Religion of the Semites*, 59–64). Природа кочевых семитов нетерпима ко всякому строгому божественному вмешательству, и кочевые арабы обладали этим характером в форме ещё более резкой, чем прочие их двоюродные братья-семиты. По их воззрению, божество племени жило со своими верными в лёгких и сердечных отношениях, и его власть не была ни безграничной, ни притеснительной или слишком требовательной. Действие божества по отношению к верным считалось подобным действию *саййида*, или вождя племени, то есть имело функции руководить, помогать и советовать, но не повелевать: и Магомет вначале выступал просто как советчик и увещатель (ср. Введение, §§ 197, 198). Языческий бог считался существом сверхъестественным, которое, правда, поощряло к доброму поведению, но в действительности не имело ни средств вознаградить его, ни — по молчаливому

получал со сравнительной правильностью сумму податей, то довольствовался этим внешним и весьма материальным проявлением исламской веры и закрывал глаза на всё остальное, рассчитывая, быть может, на время, чтобы ввести новые преобразующие соки в старый языческий организм.

Все племена, за исключением, быть может, некоторых из ближайших окрестностей Медины, уже довольно давно подвергавшихся прямому и цивилизующему влиянию великого преобразователя, продолжали, неизменные и неизменяемые, обычную жизнь пустыни в тех же условиях, что и прежде, как если бы Магомета никогда не существовало.

§ 115. — Положение дел, созданное захватническим прозелитизмом и экспансионистской деятельностью Пророка, стремившегося к завоеванию Мекки, было поэтому в лоне ислама главной причиной образования нового класса мнимых мусульман, совершенно отличного от старого, который мы описали выше, то есть от мединской партии. Новая партия, которую мы можем назвать бедуинской, сразу приобрела огромное историческое, военное и нравственное значение в судьбах ислама. Немногочисленные вначале, бедуины-мусульмане после осады Медины росли с такой быстротой, что численно затопили своими тысячами маленькую мединскую партию и глубоко изменили направление ислама. Примем в самом деле во внимание, что к этому классу принадлежали по большей части воины, усмирившие племена в 11 г. х., и что именно они исключительно завоевали мир в последующие годы: именно они наводнили Вавилонию, Сирию, Египет, Африку и Испанию обильным потоком переселения, неся арабский язык, нравы и кровь и отчасти имя, предания и учения Пророка, с одной стороны, до подножия Пиренеев и Атлантического океана, а с другой — до берегов Инда и степей Средней Азии.

Они, однако, повторяю, были мусульманами лишь по имени и по соображениям политического оппортунизма: а так как благодаря своему подавляющему числу они держали в руках действительную власть, то они придали исламу уже с последних лет Пророка то направление, которое более всего подходило их воинственным, хищным и языческим вкусам. Под их влиянием ислам одичал, утратив в последние годы жизни Магомета многие религиозные стремления и став не столько новой верой, сколько

признанию — даже средств строго внушить его соблюдение: поэтому он допускал большую свободу и по необходимости был снисходителен к заблуждениям верных. Против этого языческого духа, который мы по праву можем определить как безнравственный и опасный, пророки Израиля метали свои красноречивейшие обличения, и подобным же образом действовал потом Магомет, особенно в последний мекканский период, когда пытался поднять энергичный протест против самого этого духа, возвещая близость мировой катастрофы, утверждая существование ада для злых и грозя вечными муками упорствующим. Все эти утверждения были, однако, совершенно новыми для кочевников Аравии, которые поэтому испытывали величайшее отвращение к тому, чтобы им поверить. Это отвращение было столь живым, что Магомет, переходя из Мекки в Медину, должен был отчасти уступить преобладающему чувству времени и людей, среди которых жил, и умерить требования своего Бога: Магомет был слишком прозорлив и проницателен, чтобы пытаться сделать невозможное, и в коранических стихах, открытых в Медине, легко заметить, насколько меньше резкость языка против язычников и как исчезает мрачная угроза мировой катастрофы. Ислам суровый, непреклонный, строго регулирующий все действия человека, есть произведение неарабских поколений, гораздо более поздних, чем Магомет; это преувеличенное применение первоначальных монотеистических учений под величайшим влиянием, которое оказали иудаизм и средневековое правоверное христианство на развитие ислама вне Аравии, наложив на него не один из своих недостатков.

новой и действенной формой военного деспотизма, смягчённой лишь неудержимыми демократическими наклонностями арабской натуры.

Не совсем правильно, однако, говорить, будто ничто не изменилось в существовании этих толп язычников, лишь номинально исламизированных. Изменилась природа политических отношений между различными племенами, и это изменение составляло в жизни бедуинов новый элемент, превосходивший по значению всякий другой факт. Те, кто прежде терзал друг друга, как дикие звери, теперь прекратили братоубийственную вражду и, из страха быть уничтоженными новой военной силой, созданной гением Магомета, сгруппировались вокруг того, кого более всего боялись, и так, желая от него защититься, всё более увеличивали его силу и престиж. Чем больше росла эта сила, тем поспешнее другие племена, устрашённые мыслью остаться в одиночестве, сбегались подчиниться: так что создалось центростремительное движение, роковое, неудержимое, всё более усиливающееся и ускоряющееся, которое стремилось, как слепая и неодолимая сила природы, увлечь за собой всё. Ничто уже не могло остановить объединительного движения, и необычайное явление *посольств*, стекавшихся в Медину со всех концов Аравии в течение 9 и 10 гг. х., было дивным следствием того процесса, который мы теперь попытались описать.

Наконец, скажем, что как логическое следствие этого нового политического положения впервые в истории Аравии возникло, правда, ещё в весьма смутной форме, чувство национального существования и понятие политического и этнического единства по отношению к прочим азиатским народам. Это чувство, на время нарушенное бурными судорогами восстания 11 г. х., утвердилось с завоеваниями, когда арабы почувствовали себя хозяевами мира. Поэтому арабы обязаны Магомету чувством своего национального единства, откуда произошло затем и представление об их превосходстве над всеми прочими народами земли.

Поэтому было бы ошибкой думать, будто немногие племена, обращённые уже несколько лет назад, — я говорю только о первых, — не были также нравственно изменены новым образом жизни: события 11 г. х. блестяще доказывают, что племена, вошедшие в состав мусульманской общины как неотъемлемая её часть (ср. ниже, § 120, прим. 1), то есть обращённые в первые 8 или 9 лет хиджры, честно сдержали своё слово и не скупясь проливали свою кровь за дело ислама. Поэтому мы должны признать, что эти люди, сколь бы грубыми, сколь бы поверхностно и номинально мусульманами они ни были, всё же вследствие учений и постановлений Пророка и постоянных сношений с ним приобрели новое, более высокое и более широкое понимание своего положения. Они почувствовали себя уже не разрозненными единицами, затерянными в бесконечности, а неотъемлемой частью большего единства, с весьма определёнными отношениями к нему и к тем, кто не принадлежал к исламу. Чувства, которые они некогда питали лишь к членам собственной семьи и собственного племени, постепенно, благодаря благотворному действию цивилизующего дела Магомета, распространились на членов всей мусульманской общины. В момент великой опасности, в 11 г. х., все откликнулись на призыв и никто не отпал.

Это слияние чувств, совершенно новое в Аравии, было одним из самых непосредственных и самых дивных следствий личного влияния Магомета и составляет одну из величайших его заслуг. В этом нравственном слиянии душ — хотя, к несчастью, длившемся менее четверти века — заключается вся тайна первых торжеств ислама. Если Магомет не смог образовать подлинно нового религиозного сознания в душах тех, кто не понимал нравственного превосходства, которое вера в единого Бога давала над идолопоклонниками, он смог тем не менее создать новое нравственное состояние и внушить анархическому обществу чувство великого этнического единства и сознание взаимных обязательств и обязанностей, которых до него никогда не существовало. Он смог убедить всех своих последователей — мухаджиров, мединцев, бедуинов и курайшитов, — что ислам есть великая семья, созданная для общего блага всех, в сохранении и процветании которой все были крайне заинтересованы участвовать.

§ 116. — К бедуинской партии, которая уже в конце 8 г. х. представляла, быть может, гораздо более трёх четвертей мусульманской политической общины, — ср. число участников похода на Мекку, — теперь со взятием Мекки присоединилась третья партия высшего исторического значения, то есть образованная аристократическим классом крупных мекканских купцов, — курайшитская партия, которая благодаря уму, знатности рода, практической сметливости в делах и большим богатствам своих членов не только сразу заняла видное место в мусульманской общине, но смогла в короткий срок лет захватить и удержать за собой все важнейшие материальные и политические выгоды великого исламского движения. Курайшиты — те, кто стал хозяевами хозяев мира, сначала как халифы династии Омейядов, а потом как те, кто образовал династию Аббасидов.

Уже с самого начала сами знаки внимания Пророка, дары и милости, которыми он почти подавил курайшитов, великое значение, которое он придавал их присоединению к исламу, в высшей степени содействовали установлению этого первенства курайшитов, наложив на них с момента их обращения неизгладимую печать привилегированного класса — печать, которой они никогда не утратили и которая так содействовала их будущему мировому могуществу.

Но кто были эти курайшиты? Это были самые ожесточённые, самые давние и упорные противники ислама, те, кто сделал всё возможное, чтобы задушить новую религию и уничтожить её избиением её основателя и его последователей. Невозможность сопротивляться превосходящим силам Пророка, желание мира и возобновления прежней прибыльной торговли привели к тому, что эти осмотрительные люди, одарённые тончайшим политическим чутьём, в конце концов более покорно склонили шею под исламское ярмо и убедились, что для них гораздо выгоднее присоединиться к исламу, чем бороться с ним. Последние трудности были наконец преодолены почти безграничными уступками, сделанными им Пророком в домогательстве их подчинения. Вовсе не исключена к тому же вероятность, что уже в те дни курайшиты провидели все огромные выгоды, которые можно было извлечь из новых политических условий: знаки внимания, которыми осыпал их Магомет, убедили их, что в новой общине они займут столь же видное положение, как в прошлом в

собственном родном городе, и они были слишком купцами, чтобы не понимать, что гораздо выгоднее стать первыми в империи, чем оставаться первыми в одиноком городе.

Такие убеждения и такие надежды были главной причиной, по которой курайшиты, едва войдя в состав мусульманского государства, столь действенно поддержали дело ислама и политическое единство мусульманской общины, противодействуя начинавшемуся развалу, наступившему тотчас после смерти Пророка. В большой мере твёрдости курайшитов и верности, сохранённой ими мединскому правительству, следует приписать то, что империя, основанная Магометом, благополучно пережила бурный кризис 11 г. х.

Эта могущественная группа людей, наделённых большими нравственными и материальными средствами, стала поэтому, едва войдя в мусульманскую общину, одной из её деятельных сил, внеся в неё все свои добродетели, а также все свои недостатки. Новая религия была для них удобной вывеской, чтобы маскировать свою истинную природу, свои истинные политические и мирские стремления: о религии они не думали ни малейшим образом и остались алчными, скептическими и корыстными язычниками древности; под сенью великих событий, ознаменовавших начало распространения ислама в Азии, они захватили желанные выгоды и, когда пришёл подходящий момент, схватили сильной рукой власть, без колебаний попирая с беспощадной строгостью, когда того требовали политические соображения, всё, что мешало их целям. Резня в битве при аль-Харре близ Медины в 63 г. х., в которой погиб цвет старой мединской партии, и две осады Мекки, 64 и 73 гг. х., в которых священнейший храм мусульманского мира был отчасти сожжён и разрушен, дают нам осязательно почувствовать, каков был истинный дух, внесённый курайшитами в лоно ислама.

Но если бедуины, несмотря на свою драгоценную подмогу доблестными и воинственными людьми, внесли в новое государство и крайне беспокойные и опасные общественные элементы, то курайшиты, напротив, несмотря на своё лицемерие, принесли в него драгоценные силы порядка и начала политической осмотрительности; элементы эти должны были принести величайшую пользу нравственному и материальному развитию великой империи, которой вскоре предстояло возникнуть на развалинах сасанидской Персии и христианской Византии. Принесли они, однако, и свои недостатки; и история Омейядского халифата — династии, вышедшей из подлиннейшего курайшитского корня, — есть в большой мере история добродетелей и недостатков, славы и преступлений владычества курайшитов над величайшей империей, какую когда-либо знала Азия.

§ 117. — Итак, в конце восьмого года хиджры мы находим уже чётко различимыми эти знаменитые три партии, игра внутренней политики которых — сначала в благородном и воинственном соревновании, потом в свирепой зависти и ненависти, наконец в кровавых столкновениях — составляет историю первого века хиджры. Пока жил Магомет, различные несогласные элементы, сплавленные воедино, я сказал бы почти — очарованные, властной фигурой Пророка, казалось, могли мирно

сосуществовать, чтобы трудиться согласно ради общего благополучия. Но условия политического равновесия были столь непрочны, разлагающие силы нового политического организма столь живы и отдельные части столь недоставало взаимной сплочённости, что даже при жизни Пророка, особенно в последние месяцы его жизни, ощутимы были первые признаки великого кризиса, которому предстояло яростным движением реакции ввергнуть весь полуостров в страшную братоубийственную борьбу. Могущество Мусайлимы среди ханифа на крайнем востоке полуострова и восстание аль-Асвада аль-Анси на крайнем юге — два тягчайших признака такого положения вещей, которое, даже если бы Пророк прожил гораздо дольше, весьма вероятно, не могло бы долго продолжаться: сам Магомет по необходимости должен был бы наложить на арабский народ то жестокое крещение кровью, лишь с которым Аравия окончательно приняла нововведения, пришедшие из Медины, и начала то чудесное движение народа, которое ещё и ныне пробуждает наше изумление.

Мы только что сказали, что Магомет, возвращаясь в Медину после торжеств в Мекке и при Хунайне, не отдавал себе отчёта в тяжких последствиях, которые для будущего его веры однажды проистекут из свободного допущения в лоно ислама элементов столь различных, несогласных и опасных. Это наше предположение подтверждается всем, что мы знаем о природе, образе действий и мыслей Пророка, который никогда не заботился о будущем и всегда жил в настоящем. Можно, однако, с уверенностью утверждать, что он весьма ясно понимал истинную и различную ценность разных классов арабов, которых он силой покорил и сбил в кучу как попало под тонким мусульманским лаком. В этом отношении особый интерес для нас представляет то, что источники согласно рассказывают об отказе Магомета поселиться в Мекке после её взятия. Ласковые слова, обращённые им к мединцам (ср. 8 г. х., §§ 89 и 173), когда те на мгновение испугались, что он их покинет, чтобы остаться на родине, показались преданникам достаточным объяснением, и они поэтому не сообщили нам, не содействовали ли другие мотивы, менее сентиментальные и более практические, тягчайшему решению Пророка, чтобы столицей исламской теократии была Медина, а не Мекка — сам город Божий и центр мира! Магомет сделал и больше: он запретил кому бы то ни было из мухаджиров возвращаться на родину, отдав строгие приказы, чтобы никто из сподвижников не оставался в Мекке более трёх дней по совершении паломничества (Са‘д, III, с. 297, стр. 16–17, 21–22). Это чувство было в нём столь живо, что передалось сподвижникам, и у нас есть память о двух, которые, тяжело заболев в Мекке после Хунайна, заклинали Пророка заступиться перед Богом, чтобы Он не дал им умереть на родине, как будто это уменьшило бы нравственную ценность их бегства в Медину ради новой религии. Пророку влагают даже в уста следующее восклицание: «О Боже! Дай моим сподвижникам продолжить их Бегство и не возвращай их вспять» (Са‘д, III, 1, с. 207, стр. 16; ср. также Бухари [Каир], II, с. 309, стр. 23 и сл.; Бухари, III, с. 49, стр. 12).

Эти известия бесспорной подлинности имеют прямое отношение к предмету, рассмотренному нами в предыдущих параграфах; собранные там соображения объясняют нам то, что может показаться странным и непонятным в отношении Пророка к собственной родине и к тому месту, которое он сам возвысил до степени

единственного и высшего святилища в мире, истинного Дома Божия на земле. Преданники не поняли истинных мотивов Пророка, предпочитавшего Мединy Мекке, и потому полагали, будто его волей было сохранить нетронутой заслугу ухода в изгнание ради веры. Не исключено, что Магомет позволил распространиться такому объяснению, но истинное совершенно иное. Фактические условия, созданные присутствием бедуинов и курайшитов в лоне ислама, и допущение в него элементов по существу антиисламских в числе, столь превосходящем действительно исламизированных, не ускользнули от проницательного Пророка, который лучше всех знал своих людей, их недостатки и слабости. Это доказывается с неоспоримой очевидностью несколькими фактами, только что нами рассказанными. Удивление, которое мы испытываем, видя, как Пророк поступает столь неожиданно по отношению к тому священному городу, обладание которым было высшей целью всей его политической деятельности, исчезает, когда мы размыслим, что Пророк действовал так с целью действительно спасти своих верных и лучших сподвижников от гибельной заразы мирских и языческих или антиисламских чувств курайшитского общества. Он понял, что, чтобы сохранить плод двадцати лет проповеди, чтобы сохранить нетронутыми собственный личный престиж и тот особый исламский дух, созданный в сподвижниках мединской группы повседневной близостью к Пророку, необходимы были обособление и постоянное неразрывное единение самых верных. Мединская среда стала для Пророка обществом-образцом, тип которого он хотел ревниво сохранить в надежде, что однажды по нему будут равняться и остальные так называемые мусульмане. Он чувствовал, что, если позволит сподвижникам рассеяться, раствориться в теперь уже огромной массе дурных мусульман, он потеряет самую давнюю и самую надёжную опору, не получив никакого соответствующего возмещения. Маленькая образцовая группа мусульманского общества исчезла бы, быть может, не оставив по себе следа, в с каждым днём растущем потоке новых мусульман, и не только ислам, каким и как его понимал Магомет, рисковал бы погибнуть, но и он сам затерялся бы в буйной, беспокойной толпе новых и незнакомых людей, над которыми его личный престиж был бесконечно меньше.

Но ислам, задуманный Магометом, — государство женатых монахов, как, быть может, более остроумно, чем точно, захотел определить мединскую среду один даровитый немецкий ориенталист — Захау, — не был тем, что господствовало потом в Азии, и уже всего через пятьдесят лет после смерти Магомета партия верных мединцев считалась прогрессистами Сирии древностью, почтенной, правда, но неудобной и реакционной, и помехой ультрамирским стремлениям имперского халифата Дамаска. Кровавая трагедия, разыгравшаяся на каменистой равнине Харры близ Медины, была страшной ценой, заплаченной членами мединской партии, когда они попытались повлиять на политическое поведение Омейядов. Мусульманское общество всё более забывало своего Пророка и основателя и шло своей дорогой, попирая ногами всех тех, кто, даже будучи сподвижниками Пророка, хотел вернуть его на путь, первоначально им начертанный.

§ 118. — Иному, быть может, покажется чрезмерно длинным наше отступление о зарождающихся партиях в исламе; оно было, однако, совершенно необходимо в нашем

случае, когда предания о жизнеописании Пророка составляют не цель труда, а собраны нами как введение к остальным *Анналам*. Поэтому в этом общем обзоре мы должны больше выделять факты, имеющие наиболее тесное отношение к фактам последующих лет и способные помочь нам понять запутанные вопросы, которые на каждом шагу встают на нашем пути. Без ясного понимания внутренних условий мусульманской общины — насколько документы позволяют нам видеть — мы накануне смерти Магомета рискуем превратно понять всё истинное значение так называемой *Ридды*, или отступничества и восстания племён в 11 г. х., а затем и внутренних распрей, которые между различными партиями скрыто развивались в лоне ислама со времени избрания Усмана, 23 г. х., и отчасти даже раньше, ещё при жизни Умара.

Сказанное нами, однако, может лишь отчасти пролить свет на последующие факты, и в особенности на Ридду 11 г. х.; нужно ещё добавить в этом месте несколько подробное рассмотрение самого своеобразного явления последних двух лет Магомета — я хочу сказать, посольств, или депутаций, племён (*аль-вуфуд*). Этот предмет тесно связан с проблемой мусульманских партий: лишь рассмотрение всего ряда партий и посольств может дать нам ключ к истинному объяснению знаменитого события, так называемой Ридды, или отступничества, весьма ошибочно названного этим именем, о котором многие писатели по мусульманской истории, исходя из ложных начал и из преданий либо апокрифических, либо тенденциозно искажённых, высказывались несоответственно истине.

§ 119. — Явление посольств есть исторический факт наибольшего значения в последние два года миссии Магомета, которая после взятия Мекки быстро клонится к своему последнему концу. С возвращением в Медину в конце 8 г. х. Пророк закрыл своё славное военное поприще. В течение последних двух лет он действовал уже не как завоеватель, одушевлённый честолюбивыми замыслами, а скорее как мирный государь, который, почивая на достигнутых лаврах и довольный своим делом, стремится спокойно наслаждаться его плодами и устроить новое государство, умеряя и направляя его огромные скрытые силы. Мы имеем, правда, в этот период бескровный и непонятный поход на Табук — предприятие бесполезное и тягостное, вызвавшее много недовольства и принёсшее Магомету весьма жалкие выгоды в возмещение огромного аппарата сил, подготовленных для него. Но то был эпизод второстепенного значения, который преданники, сознавая, что находятся на неблагодарной почве, окутали и затемнили тысячью праздных подробностей и легендами, лишёнными исторического интереса[357].

Магомет был уже стар: годы начинали уже тяготить его плечи, роковым образом сказываясь на сильном и выносливом организме Пророка. Он, всегда живший

[357] Прочие немногие военные походы, которые находятся в *Анналах* 9 и 10 гг. х., имеют лишь второстепенный и местный интерес, и сам Магомет не придавал им никакого действительного значения. Доказательство тому — ничтожное число людей, посылавшихся в каждом случае, и скудость достигнутых результатов. На все эти факты к тому же ложится туманный покров неопределённости, затрудняющий правильную оценку известий. Это сказано в особенности о походе Халида в Йемен, за которым последовал поход Али, где версии запутаны, противоречивы, неполны и представляются нам скорее придуманными либо для того, чтобы скрыть неудачу, либо для того, чтобы раздуть факты, не имевшие никакого значения. Нужно также помнить, что предания об этих второстепенных военных делах все тенденциозно внушены желанием заставить поверить, будто вся Аравия исламизировалась до смерти Магомета. А это неверно, как мы сейчас докажем.

настоящим, легко забывавший прошлое и всегда безразличный к будущему, мало заботился о том, чтобы беречь собственные силы и собственное здоровье; следуя общему обычаю своих современников, он никогда не думал умерять полного удовлетворения половых чувств. Его частые браки и число жён, с которыми, как известно, он продолжал почти ежедневно возлежать до самого кануна смерти — несмотря на свои 60 лет, — с течением времени подточили ту жизненную силу и притушили ту неутомимую энергию, которые так блистали в героический период его поприща. Поэтому после взятия Мекки мы имеем бесспорные признаки периода покоя, даже настоящей остановки в процессе военного расширения, которое до того времени было его постоянной и высшей мыслью. Чтобы убедиться в этом, достаточно заметить, как после взятия Мекки уменьшаются военные походы: их немного в 9 г. и совсем мало в 10 г. х. Какая разница между этим спокойствием и непрерывной военной деятельностью предшествующих лет!

Эта остановка была обусловлена различными причинами, и прежде всего состоянием здоровья и преклонным возрастом Пророка, сделавшими для него чрезмерно тягостными лишения и труды военных походов в пустыне. Во-вторых, мы имеем уже указанный нами факт, что со взятием Мекки Магомет действительно считал завершённой свою преобразовательную миссию, как он поставил её себе в первые времена проповеди (ср. 6 г. х., § 45).

Он ввёл новую веру в отечественное святилище, обратил всех членов своего племени и вдобавок обратил ещё добрую часть Западной Аравии. Далее этого предела Магомет никогда не стремился, и если непредвиденные события его дивного поприща, быть может, смутно указывали ему другие огромные поля деятельности и проповеди — то есть обращение и других частей Аравии (ср. 10 г. х., § 128 и прим.) и, быть может, даже Передней Азии, — нам никак не известно, чтобы он об этом заботился. Несомненно, что он никогда не выражал никакой надежды подобного рода; несомненно, что он никогда не составлял никакого замысла и не оставил сподвижникам и преемникам никакого наставления или какой-либо программы для исполнения в этом смысле. Абсолютное молчание Корана, в котором ведь отражается душа Пророка, есть сильнейший довод в пользу наших утверждений, которые, быть может, иным покажутся новыми и малонадёжными. Но священный текст ислама ясен: он занимается лишь курайшитами, мединцами и племенами, соседними с двумя городами — Меккой и Мединой; и столь же полное молчание преданий — ибо я не принимаю в расчёт апокрифических преданий — удостоверяет нас, что Пророк не помышлял даже об обращении всей Аравии[358]. Теперь то, чего он достиг, удовлетворяло его вполне, а об

[358] Существует неопровержимый довод, доказывающий, что программа, поставленная себе Пророком, не простиралась далее взятия Мекки и что это торжество знаменовало высшую вершину его политических и религиозных стремлений; этот факт, ещё недостаточно выделенный историками Магомета, состоит в том, что Пророк, взяв Мекку, объявил: «После завоевания Мекки нет больше хиджры!» (Бухари [Каир], II, с. 300, посл. стр.; Хаджар, III, с. 368, стр. 12; с. 1231, стр. 2). Иными словами, пока Мекка была в руках язычников, признавалась особая заслуга оставить свою страну и уйти в изгнание в Медину ради веры. Когда Мекка стала мусульманской, Магомет объявил, что эта заслуга не имеет больше смысла. Следовательно, мы можем заключить лишь одно: Магомет имел в виду лишь обращение курайшитов, признавал заслугу лишь за курайшитами, покидавшими родину, чтобы соединиться с ним в Медине. Если бы он стремился к обращению всей Аравии и желал привлечь к исламу и прочие племена полуострова, он не лишил бы огромное большинство арабов особой чести быть *мухаджирами*. Для араба из Бахрайна или Йемена должно было быть

остальном мире, совершенно ему неведомом, он вовсе не заботился. Ибо, оставляя в стороне возможные причины похода на Табук[359], второй поход на Му’ту, приказанный накануне его смерти, следует рассматривать не как признак программы мирового завоевания, а как простой набег, имевший единственной целью отомстить за трагическую смерть его любимого приёмного сына Зайда б. Харисы, случившуюся в 8 г. х. Весьма вероятно, что и в походе на Табук Пророк скрывал под более видными причинами это же самое намерение мести. Выбор сына убитого начальником второго похода на Му’ту и данные ему наставления не оставляют никакого сомнения в истинной природе этого военного предприятия. Магомет желал теперь лишь мира и покоя и хотел вкусить всю сладость плодов своих долгих трудов. Маленький мединский двор, несмотря на крайнюю простоту и патриархальную грубость, имел в себе нечто важное, строгое и, я сказал бы почти, величественное, что внушало почтение всем приближавшимся. Уже теперь здесь вокруг Магомета веяла та атмосфера уважения и почитания, которой предстояло иметь потом столь многие последствия в развитии его учений.

К этим двум мотивам, удерживавшим Пророка в Медине, присоединился третий. Я хочу указать на факт, который, даже освобождённый от всех обычных преувеличений преданников, принял столь обширные и неожиданные размеры, что отнял у Пророка всякий повод возобновлять прежнюю политику неутомимого, непрерывного военного наступления: я разумею посольства, стекавшиеся в Медину из самых различных частей Аравии, чтобы увидеть Пророка и вести с ним переговоры. Магомет, дух общительный и открытый, нрава мало воинственного, рождённый жить среди людей и спорить и поучать себе подобных, нашёл в этом новом занятии — принимать послов и вести с

по меньшей мере столь же — если не более — тягостно покинуть свою страну и прийти в Медину, как для курайшита оставить Мекку и присоединиться к стольким единокровным, друзьям и знакомым в Медине. Единственное логическое объяснение прекращения права *хиджры* состоит в том, что программа Пророка была теперь исполнена. Если другие хотели прийти обратиться, они могли это сделать, но Магомет этого уже не требовал. Так мы понимаем, почему он оставался совершенно равнодушным к поведению лжепророков Мусайлимы (в Ямаме) и аль-Асвада аль-Анси (в Йемене). Если бы он считал себя Пророком *всех* арабов, он энергично подавил бы этих своих подражателей и соперников: между тем Ямама и Йемен не входили в *его* Аравию, и он не думал о них ни малейшим образом: эти две области были для него равнозначны любой другой области Азии. Нужно помнить, что у арабов во времена Магомета совершенно отсутствовало понятие национального единства, отечества. В арабском языке нет слова, соответствующего нашему «Аравия»: позднее они прибегли к описательному выражению и назвали свою страну «Полуостровом арабов» (*Джазират аль-‘араб*; собств. «остров», как страна, которая, долгие века не пересекаемая историческими путями, оставалась отделённой от остального мира): каждый араб знал лишь одно политическое единство — своё племя и самое большее свою область (Хиджаз, Йемен, Ямама и т. д.), но ничего далее. Так думал и Магомет: для него Аравией был его Хиджаз, и ничего более. Его религиозная мысль была лишь областной: как у Христа и как у всех еврейских пророков. И учёный отец Х. Ламменс S. J. признаёт чисто областной характер первоначального ислама (Lammens, 28).

[359] В другом месте (ср. 9 г. х., § 24) мы указали на вероятные причины, побудившие Магомета снарядить поход на Табук, и видели, что Пророк выступил, встревоженный ложными слухами о большом сборе греческих войск, намеревавшихся на него напасть. По Якуту (III, с. 825, стр. 6 и сл., со слов Ахмада б. Йахьи б. Джабира), действительно собралось много греков с арабами из амила, лахм и джузам, но при приближении Магомета враги рассеялись. Балазури (с. 69, стр. 11 и сл.) правильнее утверждает, что Магомет выступил вследствие слухов, но не говорит, что этот сбор врагов действительно произошёл. Место у Якута есть, вероятно, цитата из того же источника, из которого черпал Балазури, но последний — не приводящий *иснада* — быть может, на основании содержания других источников счёл нужным исправить версию Ахмада б. Йахьи б. Джабира. Как бы то ни было, поход на Табук был снаряжён Пророком с единственной целью обороны, а не с мыслью напасть на Сирию или вторгнуться в неё. Это очевидно из контекста преданий и из возвращения мусульман, когда враг не был найден. Предание, естественно, скупо на известия, ибо не хотело выделять ошибку Магомета.

ними переговоры, спорить и интриговать, — нашёл, говорю я, то, что более всего подходило его характеру и вкусам; и, сложив оружие, он продолжал преобразовательное дело этим новым способом, который предлагала ему судьба и при помощи которого он, по долгому опыту непревзойдённый мастер в тонком искусстве очаровывать людей, был уверен, что сможет добиться всего, чего хотел.

Поэтому будет весьма уместно рассмотреть теперь особо это явление, ибо оно послужит нам руководством, чтобы с большей точностью выяснить, насколько точно было обширно и насколько действительно реально владычество Магомета над племенами; насколько мнимая исламизация Аравии до смерти Магомета соответствует действительности и насколько она целиком вымышлена преданиями. Так мы подготовим почву для правильного понимания фактов, происшедших непосредственно после смерти Пророка.

Об этом походе у нас, как ни странно, ненормальное обилие преувеличенных известий. Мы уже заметили (ср. 9 г. х., § 27, прим. 2), сколь нелепо утверждение преданий, будто с Магометом выступило 30 000 человек и столько же отпало. Такой сбор 60 000 вооружённых был материально невозможен близ Медины, а мятеж 30 000 человек, отказавшихся повиноваться Пророку, был бы для него настоящей нравственной катастрофой. Предание, однако, имело склонность ненормально преувеличивать некоторые подробности этого похода. У одного гораздо более позднего писателя, Ибн Халдуна, мы находим (*Пролегомены*, I, 334) поразительное утверждение, будто Магомет пошёл на Табук со 120 000 человек (!). Нет сомнения, что подобные преувеличения происходят от стремления связать поход на Табук с завоеваниями трёх лет спустя. Хотят заставить поверить, будто уже в 9 г. х. Магомет располагал огромными силами, потому что владычествовал над всей Аравией. Ложность этого представления будет доказана в следующих параграфах. Ложность же числа 30 000 доказывается известием, что Халид б. аль-Валид отправился к Думат аль-Джандалю всего с 420 всадниками (ср. 9 г. х., § 45): если у Магомета было столько сил в распоряжении, почему он не послал большего числа для столь трудного и рискованного предприятия против многолюдного и хорошо укреплённого оазиса? Ответ может быть лишь один: он не мог послать больше, не ослабив слишком отрядов, оставшихся при нём, чтобы охранять его на обратном пути в Медину. Это заставляет подозревать — имея в виду предания о многочисленных отпадениях, — что при нём было лишь несколько тысяч человек: быть может, вместо 30 000 следует читать *три* тысячи. Преданники щедры на добавление нулей к цифрам; мы будем иметь много тому примеров в завоевательных войнах.

§ 120. — Главные причины центростремительного движения различных арабских племён, или, быть может, точнее, многих членов различных племён, уже изложены нами (ср. 5 г. х., § 78, и 10 г. х., §§ 89 и сл.), и нет нужды возвращаться к этому предмету: это был процесс отчасти самопроизвольный, но в большой мере почти роковой и неудержимый, навязавшийся племенам или отдельным их членам как мера предосторожности и обороны перед появлением в Аравии новой военной силы, казавшейся уже неодолимой. К этим общим причинам присоединились многие местные и личные, которые также нужно будет принять во внимание для правильного

понимания последующих событий. К нашему счастью, мы обладаем в великом историческом труде Ибн Са‘да особой частью, или разделом, посвящённым письмам, написанным Пророком различным племенам или главам семей, и другой, посвящённой посольствам, отправленным племенами или состоявшим из частных лиц, которые являлись к патриархальному двору Магомета в Медине. Из этого драгоценного собрания мы постоянно черпали при составлении *Анналов*, в текст которых ввели целиком материал этих двух частей. Это собрание несравненно полезно для понимания состояния Аравии при смерти Пророка и истинной природы так называемой Ридды, или отступничества племён в 11 г. х.

Ценность двух частей, или разделов, неодинакова. Первая, основанная на данных, сообщённых учителем Ибн Са‘да аль-Вакиди, содержит, несмотря на некоторые пропуски и несмотря на многие, к сожалению, неполные известия, иногда запутанные, а иногда весьма искалеченные и искусственные, — содержит, говорю я, воспоминания и выдержки из документов большой ценности. Вторая часть, о посольствах, основанная главным образом на данных, сообщённых аль-Мадаини, источником гораздо менее надёжным, чем аль-Вакиди, имеет ценность гораздо меньшую и содержит наряду с некоторыми надёжными сведениями много апокрифических известий, иные легендарного характера, а иные даже непонятные (ср. 9 г. х., § 85). Как дополнительным авторитетом для второго раздела, Ибн Са‘д широко пользуется Ибн аль-Кальби, уже известным нам как авторитет крайне подозрительный и как собиратель, а также плодовитый творец преданий, генеалогий и фактов, не имеющих никакой исторической основы. Поэтому мы вынуждены с самого начала придавать первой части значительно большую ценность, а содержание второй принимать с большей осмотрительностью и осторожностью. Это основное положение нужно постоянно иметь в виду при рассмотрении, к которому мы теперь приступаем.

Невозможно входить здесь в слишком подробное изучение отдельных частей этого мнимого собрания документов, продиктованных Пророком[360]: многие подробности о них уже рассмотрены нами там, где мы даём их перевод в *Анналах* (ср. годы 5–10 г. х.) и где отмечены некоторые особые стороны различных документов. Кто захотел бы глубже рассмотреть проблемы, связанные с этими документами, может обратиться также к вводному исследованию Велльхаузена. Мы опустим, кроме того, в нашем рассмотрении упоминание тех документов первой части, которые относятся к древнейшему периоду политического поприща Магомета: на них мы уже указывали в другом месте — ср. примечание к настоящему параграфу, — где в примечаниях к самим документам добавили те наблюдения, которые лучше всего выделяют историческую ценность документов. Равным образом мы опускаем рассмотрение тех документов чисто частного порядка — пожалований земель в лен и разграничений, — которые образуют значительную группу документов первой части, или раздела. Эти документы чисто личного и частного порядка отчасти апокрифичны, а те, что, быть может, подлинны, имеют для нас ценность лишь для того, чтобы установить, что большинство тех, кто поспешил в Медину засвидетельствовать почтение Пророку,

[360] Полезно дать в этом месте краткий хронологический обзор главных известий об отношениях между Магометом и племенами, как они вытекают из преданий, приведённых в параграфах *Анналов*.

двигались лишь мотивами частного и материального интереса, а не религиозными чувствами. Распространившееся теперь в Аравии чувство приближения великих событий, быть может, огромной катастрофы, побуждало многих — в стране, где не существовало ни законов, ни права, а господствовала одна грубая сила, — обеспечить свои недвижимые имущества, получив разрешение или узаконение тех имуществ, которыми они владели. Эти робкие владельцы весьма мало думали об исламе: о новой вере в этих документах нет ни слова, и если многие соглашались платить налагаемые исламом подати, они делали это неохотно и лишь как средство оградить себя от бóльших бед, то есть от утраты имуществ, которыми пользовались.

При этом мы ограничим наши наблюдения лишь теми фактами и документами общего порядка, которые лучше всего помогут нам понять политику Пророка, его отношения с арабскими племенами и протяжение его действительного владычества в Аравии.

До битвы при Бадре (ср. 2 г. х., §§ 30–80) мы ничего не знаем об отношениях Магомета с кочевниками. Во 2 г. х. говорится, что Магомет начал переговоры с узра, но что его посланец был убит в пути (ср. 2 г. х., § 105). Известие, однако, не заслуживает большого доверия, ибо узра жили на крайнем севере полуострова; между ними и Мединой было бесконечное множество языческих и независимых племён, и непонятно, почему Магомет мог обратиться к ним, а не к другим, гораздо более близким племенам. — В 3 г. х. в Медину пришли несколько членов племени абс (ср. 3 г. х., §§ 66, 67) и получили особые льготы, но остальное племя осталось языческим. — В 5 г. х., говорят, произошло обращение са‘д б. бакр (ср. 5 г. х., § 18), но известие, сообщённое Ибн Аббасом, заслуживает мало доверия, ибо мы знаем, что са‘д б. бакр сражались против Магомета при Хунайне в 8 г. х. Обращение музайна в 5 г. х. представляется гораздо лучше засвидетельствованным и подтверждается также последующими событиями (ср. 5 г. х., §§ 16–18). — Затем у нас есть, без точной даты (между 3 и 5 гг. х.): союзный договор с дамра (кинана) (ср. 5 г. х., § 84), обращение нескольких членов племени джухайна (ср. 5 г. х., § 85) и политические договоры с языческими племенами, то есть с джухайна (ср. 5 г. х., § 87), гифар (ср. 5 г. х., § 92) и ашджа‘ (ср. 5 г. х., § 94), и с абд б. ади (ср. 5 г. х., §§ 93–93 А); наконец, обращение ашджа‘ (ср. 5 г. х., § 95). — В 6 г. х. мы знаем о попытке Магомета обратить са‘д хузайм и джузам (ср. 6 г. х., § 14), но неясно, какой был достигнут результат. Другие предания (ср. Якут, III, с. 825, стр. 8) из хорошего источника правильно помещают джузам среди врагов Пророка в 9 г. х.; следовательно, предание об обращении апокрифично. В том же 6 г. х. мы имеем частичное обращение аслам (ср. 6 г. х., § 23; ср. также 8 г. х., § 22) и союз хуза‘а с Магометом (ср. 6 г. х., § 35), за которым последовало их частичное обращение (ср. 8 г. х., § 20). — В 7 г. х. в Медину приходят несколько семей из Йемена (даус; ср. 7 г. х., § 35), и центростремительное движение распространяется всё более, передаваясь от племени к племени, хотя не везде в равной мере и степени, ибо у большинства это было лишь обращение некоторых семей, в весьма различных числах, и лишь у немногих — далеко не у большинства — обращение полное. В самом деле, до взятия Мекки мы имеем лишь частичные обращения хушайн (ср. 7 г. х., § 52), накха‘ (ср. 7 г. х., § 82) и сулайм (ср. 8 г. х., §§ 23 и сл.). — Во взятии Мекки участвовали части следующих

племён: аслам, джухайна, гифар, дамра, ашджа‘, музайна, сулайм и хуза‘а (ср. 8 г. х., § 51), с немногими (?) членами тамим, кайс и асад (ср. 8 г. х., § 104). Среди этих союзников было, однако, много язычников (ср., например, Уйайну б. Хисна; ср. 8 г. х., § 52, и 9 г. х., § 71, прим.): в самом деле, о дамра и гифар мы знаем, что они заключили договоры с Пророком (см. выше), но не имеем ни одного предания об их обращении. Число в 10 000 воинов, якобы участвовавших в походе на Мекку, быть может, также преувеличено. Обращение хавазин (ср. 8 г. х., §§ 171–172) было в действительности лишь актом политического подчинения. Затем у нас есть политико-религиозные соглашения с некоторыми племенами Бахрайна (ср. 8 г. х., §§ 179 и сл.) и Омана (ср. 8 г. х., §§ 190 и сл.) и подчинение суда (ср. 8 г. х., § 199). — В течение 9 г. х. посольства умножаются в числе, а наравне с ними и обращения (подчинения), из которых, однако, — опуская наиболее сомнительные — частичны обращения са‘лаба (ср. 8 г. х., § 200), тамим (ср. 9 г. х., §§ 3 и сл.), бахила (ср. 9 г. х., § 7), асад (ср. 9 г. х., § 12), узра (?) (ср. 9 г. х., § 14), кальб (?) (ср. 9 г. х., § 48), кинана (ср. 9 г. х., § 54), химйар (ср. 9 г. х., §§ 60 и сл.), хамдан (ср. 9 г. х., § 64), лахм (?) (ср. 9 г. х., §§ 69 и 84), фазара и мурра (ср. 9 г. х., § 71), таглиб (?) (ср. 9 г. х., § 82), а полны лишь обращения бахила (ср. 9 г. х., § 16), сакиф (ср. 9 г. х., §§ 56 и сл.) и, быть может, амир б. са‘са‘а (ср. 9 г. х., §§ 74 и сл.). — В последний год, 10 г. х., если мы тщательно изучим бесчисленные предания о посольствах, мы должны признать, что, за исключением, быть может, тайй (ср. 10 г. х., §§ 36 и сл.), все прочие известия — среди которых многие весьма сомнительной подлинности — относятся в действительности лишь к соглашениям почти частного характера, иногда даже не семей, а лишь отдельных лиц. Во многих случаях очевидно, что простые дипломатические сношения по политическим вопросам были впоследствии искажены в акты обращения (читай: подчинения). В заключение: после взятия Мекки прямое политическое владычество Пророка над целыми племенами распространилось ненамного, но безмерно возросло число его друзей и сторонников в недрах всех независимых племён. Интриги этих последних, внезапно прерванные смертью Пророка, были одной из причин великой реакции 11 и 12 гг. х.

§ 121. — Нет сомнения, что те, кто принялся составлять собрание мнимых документов, продиктованных Пророком, и записи о посольствах, исходили из тезиса — на котором основаны предания обо всех фактах 11 г. х., — будто вся Аравия признала Магомета Пророком и исламизировалась до его смерти. Причину этого тезиса следует искать в желании позднейших поколений возвеличить дело Пророка, придав ему мировой характер. Перед необходимостью доказать это общее представление составители жизнеописания Магомета, преданники II века хиджры, которым мы обязаны всеми нашими известиями, заставив умолкнуть всякое иное соображение, стремились заставить нас поверить, будто всё явление посольств, помимо того что было природы преимущественно нравственной и религиозной, охватывало также весь полуостров. Лишь бы удовлетворить требованиям подобных предпосылок, преданники не колебались изображать нам отступниками всех тех, кто в 11 г. х. сражался против мединских войск. О прочих причинах, побудивших мусульманских преданников дать подобное толкование фактам 11 г. х., мы будем говорить в другом месте, рассуждая о Ридде. Пока мы можем сказать с абсолютной уверенностью, что тщательное

рассмотрение документов, собранных и переданных Ибн Са‘дом, приводит, напротив, к весьма иному заключению и в некоторых частях побуждает нас установить положение вещей, диаметрально противоположное предпосылкам преданников. А именно оказывается, что явление посольств и дипломатические отношения между Магометом и племенами были событиями природы по существу политической и что центростремительное движение племён было далеко от того, чтобы охватить всю Аравию.

Лишь часть племён, вступивших в соприкосновение с Магометом, фигурирует в числе документов, и это не самые значительные, а по большей части племена отдалённые, малоизвестные, имена которых редко встречаются, а иные даже ни разу, в событиях поприща Магомета и завоеваний. Многие из имён самых знаменитых и самых могущественных племён бросаются в глаза своим отсутствием. Многие документы адресованы неизвестным лицам, не принимавшим никакого участия в политических событиях ни при жизни Магомета, ни впоследствии. Документы к тому же распределены весьма неравномерно и своеобразно, ибо у нас их много относящихся к племенам, наиболее отдалённым от Медины, то есть к племенам крайнего востока полуострова (абд аль-кайс, азд шану’а и т. д.) и крайнего юга (харис б. ка‘б, мазхидж и т. д.), и к некоторым даже с крайнего севера (узра, кальб и т. д.): мало, напротив, документов, имеющих отношение к племенам, наиболее замешанным в событиях первых десяти лет хиджры. Те немногие, что к ним относятся, — по большей части документы личные, выданные различным членам отдельных племён, чтобы обеспечить им владение разными землями, но вовсе не договоры, заключённые со всем племенем (ср. Са‘д, § 30, о джухайна; §§ 34 и 35, о сулайм). Совершенно отсутствуют документы, относящиеся к хуза‘а (упомянуты лишь аслам, § 29, которые притязали быть ветвью хуза‘а), к асад[361], гатафан, хавазин, амир б. са‘са‘а[362], фазара, музайна и т. д., то есть имена тех племён, которые лучше всего известны по событиям, рассказанным нами за предшествующие десять лет, и по участию, принятому ими в событиях 11 г. х. Вообще можно сказать, что большая часть документов относится к племенам окраины, а племена центра, с которыми Магомет гораздо чаще имел соприкосновение, почти совершенно отсутствуют.

Этот своеобразный факт имеет лишь три возможных объяснения. Молчание Ибн Са‘да следует толковать как доказательство того, что не сохранившиеся документы либо были уже утрачены в его время, либо никогда не существовали, либо преданники намеренно ими пренебрегли, потому что их содержание не соответствовало общим систематическим представлениям, которыми они хотели проникнуть предания о

[361] Упоминание асад (ср. Са‘д, § 34) сделано лишь для того, чтобы предостеречь их не беспокоить тайй: из содержания параграфа ничего нельзя вывести, чтобы ясно установить отношения между Магометом и асад. Мне кажется, однако, что Пророк проявляет большую заботу о тайй и обращается к асад как к кочевникам, которые не входили в мусульманскую общину и которых Пророк считает необходимым предостеречь, чтобы они не совершали грабежей во вред добрым мусульманам (тайй были обращены).

[362] В случае этого племени мы имеем своеобразное явление: согласно преданию, целых семь его ветвей отправили посольства в Медину (ср. 9 г. х., §§ 74 и сл.), но ни от одного не осталось документа какого бы то ни было рода. Утрата малейшего воспоминания о каком-либо документе, относящемся к стольким подразделениям столь великого, столь знаменитого племени, — факт неестественный: либо предания о посольствах апокрифичны и документы никогда не существовали, либо чисто политическое содержание их побудило преданников умолчать, чтобы не скомпрометировать свой общий тезис об обращении всей Аравии.

поприще Магомета. Быть может, именно поэтому они сочли их апокрифическими и потому уничтожили или оставили в стороне.

Рассматривая первый случай, мы не можем отрицать, что он должен был иметь место во многих обстоятельствах, но всегда остаётся весьма подозрительное совпадение, что сохранились именно документы, относящиеся к безвестным и неизвестным племенам, а не документы самых знаменитых и самых могущественных племён. Логически мы должны были бы считать совершенно противное и думать, что документы самых знаменитых и самых многочисленных племён должны были иметь больше вероятности сохраниться. С другой стороны, однако, мы не можем отрицать существования соглашений между Пророком и различными племенами центра Аравии, например гатафан, некоторые племена которых вели переговоры с Магометом в Хайбаре и после 7 г. х. больше не беспокоили Пророка. Это племя слишком знаменито, чтобы можно было говорить о забвении или утрате воспоминаний о договорах, заключённых с ним: поэтому мы вынуждены подозревать, что в этом случае, например, было преднамеренное уничтожение — уничтожение, вытекавшее из того, что содержание договоров было природы, не подходившей к идеям и систематическим представлениям преданников II века. Другой случай подобного уничтожения обнаружился для нас в нашем критическом рассмотрении взятия Мекки и тайных соглашений с курайшитами (ср. 10 г. х., §§ 109 и сл.). Позволительно с большой уверенностью предположить, что то же самое произошло и с гатафан. В самом деле, если мы обратимся к рассмотрению второй части Ибн Са‘да — той, что о посольствах, — в поисках других известий о гатафан, мы найдём предание чудесного содержания о небольшой группе фазаритов (ветвь гатафан) (ср. Са‘д, § 80) и предание о группе из девяти абситов (другая ветвь гатафан) (ср. Са‘д, § 79), из которого узнаём, что обращённых было всего девять и что для пополнения числа до десяти им пришлось присоединить к себе одного мекканского мухаджира. Остальное племя не обратилось. О других ветвях гатафан и о гатафан вообще — ни слова.

Тем не менее мы знаем, что гатафан образовывали сильную и сплочённую конфедерацию, которая некогда заключила союз с евреями Хайбара (ср. 7 г. х., § 12); их поведение во время кровавых событий 11 г. х. показывает нам, что конфедерация гатафан была сплочённой, сильной и послушной приказам могущественных вождей, за которых они доблестно сражались. Они обладали некоторой первобытной формой политико-военного устройства, превосходившей, например, устройство тайй и тамим и других племён Центральной Аравии: политически они имели большое сходство со своими соседями ханифа, которые тоже были крепко объединены в единый пучок. С этой конфедерацией мусульмане имели непрерывные столкновения до 7 г. х.; после этого года между гатафан и Магометом царит вечный мир: ни арабы не беспокоят Медину, ни Пророк не делает никакой попытки ни покорить их оружием, ни обратить. Следовательно, между Магометом и гатафан несомненно существовал договор, тайный или открытый. Поэтому двойное умолчание Ибн Са‘да о столь знаменитом в истории зарождающегося ислама племени не может быть случайным, не может быть следствием забвения: оно намеренно.

§ 122. — Рассмотрим теперь случай асад б. хузайма — другого весьма знаменитого племени, тесно связанного с гатафан политическими узами, которое во время так называемой Ридды, в 11 г. х., имело собственного антипророка и сражалось с величайшим ожесточением против мединских войск. В документах первого раздела собрания Ибн Са‘да мы имеем лишь косвенный намёк на асад, который, как мы уже отметили в другом месте (ср. 10 г. х., § 40, и § 121, прим. 1), скорее склонял бы к доказательству того, что асад не входили в мусульманскую общину и даже беспокоили некоторые обращённые племена. Во второй части мы имеем (Са‘д, § 77) два кратких предания: в одном говорится о группе из 10 асадитов, пришедших увидеть Пророка в Медину, но содержание его, по-видимому, указывает, что между Магометом и ними дошло до перебранки, ибо Пророк нашёл их надменными и разгневался, что они похвалялись своим приходом к нему в Медину как оказанной ему милостью (ср. 9 г. х., § 12). Во втором предании есть лишь рассказ о мнимом чуде, совершённом Пророком: поэтому мы можем оставить его в стороне как чистую легенду. Ни в одном из двух преданий не сказано, что асад приняли ислам; и даже обращение послов не утверждается прямо, хотя оно подразумевается[363]. Таким образом, мы необходимо приходим к заключению, что вся та группа племён Центральной Аравии, то есть гатафан (включавшие фазара, абс и зубйан) и асад б. хузайма, вовсе не была обращена в ислам и что их отношения с Пророком были природы исключительно политической и к тому же весьма непрочной и неудовлетворительной. Поэтому преданники не захотели сохранить о них памяти. Как мы увидим далее, всё ведёт к представлению, что отношения между этими племенами и Пророком были лишь личными; то есть что существовало своего рода соглашение между этими кочевниками и Магометом как простым господином Медины, а не как Пророком или главой новой религии. По смерти Магомета это соглашение совершенно особого рода фактически перестало существовать, как естественно расторгается договор со смертью одного из договаривающихся. Такая сторона политических условий Аравии никоим образом не могла подходить к воззрениям и общему тезису преданников II века, и поэтому всякая память об истинных отношениях между Пророком и племенами Центральной Аравии была предана забвению и попытались скрыть истину, утверждая без доказательств, что все были обращены. Ценность такого заключения имеет совершенно особое значение для знания фактов, развернувшихся в 11 г. х.; и когда мы увидим его подтверждённым бесчисленными другими указаниями и косвенными доказательствами, оно послужит нам для того, чтобы совершенно изменить традиционное представление о Ридде — представление, принятое даже всеми европейскими историками начал ислама. Поэтому будет хорошо продолжить наше исследование и рассмотреть одно за другим различные племена полуострова в том самом порядке, в каком мединский халифат вступал с ними в конфликт в течение названного 11 г. х. В этом году, после разгрома союзных племён в центре Аравии, победоносное войско Халида проникло в страну тамим, лежавшую к востоку от асад и гатафан.

[363] Следует, впрочем, добавить, что один из послов, Дирар б. аль-Азвар, был мусульманином, сражавшимся за ислам в 11 г. х. против собственных единокровных. Из этого факта, однако, мы заключаем, что во всяком случае Дирар пришёл в Медину от себя и от своей семьи, не будучи представителем даже одного подразделения своего рода.

§ 123. — В первой части собрания Ибн Са‘да, той, что о письмах и документах, нет никаких данных о тамим: это уже указание большого веса, ибо нужно помнить, что тамим в большом числе переселились в Ирак, обосновались в Басре, играли весьма видную роль в завоеваниях и политических событиях I века и долго сохраняли, даже в Басре, почти самостоятельное существование под собственными вождями, верные своим доисламским преданиям. Член их племени, Сайф б. Умар, есть к тому же один из обильнейших наших источников по истории Ридды и завоеваний. Поэтому, если бы они когда-либо получили от Пророка документ, подтверждающий их обращение до Ридды, они, без сомнения, ревниво сохранили бы о нём память и похвалялись бы им. Перейдём ко второй части: там (Са‘д, § 78) мы имеем рассказ об уже известных нам фактах (ср. 9 г. х., §§ 3 и 4) о случайном столкновении нескольких мусульман с небольшим племенем тамим, которое, кочуя, зашло в пределы территории, непосредственно зависевшей от Магомета, где он собирал подать в пользу бедных. Это столкновение было причиной тамимитского посольства, пришедшего в Медину вовсе не для обращения, а лишь для выкупа пленников, попавших в руки Магомета. Преданники тем не менее хотели бы исказить рассказ о встрече и заставить нас поверить в обращение послов и племени. Им это не удалось, ибо память о знаменитом посольстве долго оставалась живой и истинный его характер нельзя было затемнить. Поведение тамим по отношению к Пророку было каким угодно, только не смиренным и примирительным: имея в мыслях лишь выкуп пленников, они думали, что могут навязать себя Пророку шумным, назойливым и докучливым поведением; но Магомет оскорбился этим, и так велик был его гнев, что он нарочно для них открыл стихи Корана (XLIX, 1–5), в которых Бог упрекает тамим в грубых и дерзких манерах. Встреча свелась в конце концов к поэтическому состязанию между поборником тамим и официальным поэтом Магомета Хассаном б. Сабитом. Преданники, как вполне естественно, утверждают, что в состязании победа осталась за мусульманской стороной, — утверждение, которое позволительно подвергнуть сомнению, ибо хорошо известно, сколь велики были вялость и бедность вдохновения Хассана. Но даже допуская победу мусульманского поборника, всегда остаётся нелепость притязания преданников, будто вследствие этой победы сначала послы, а затем и всё племя были побуждены обратиться. Тамим, быть может, и признали превосходство мусульманского поэта, но трудно допустить, чтобы эти столь дерзкие и надменные арабы, столь полные заносчивого тщеславия и столь мало почтительные к Пророку, могли так покорно признать поэтическое поражение и вследствие его даже обратиться и убедить племена последовать их примеру. Весь рассказ имеет неправдоподобный характер, обусловленный акробатическими усилиями преданников скрыть истину вопреки историческим фактам, которых они не могли обойти молчанием. Какова же была тогда природа соглашения, заключённого между тамим и Пророком? Предание не говорит прямо об обращении всего племени, но старается дать его подразумевать, поскольку в событиях 11 г. х. наши источники изображают нам тамим отступниками; нужно сказать, однако, что сами события, рассмотренные вблизи, ведут, напротив, к противоположному заключению. Соглашение должно было быть лишь политическим, вырванным у тамим в возмещение за уступку пленников; это был, вероятно, какой-нибудь договор о нейтралитете и номинальном подчинении, отягчённый уплатой лёгкой дани, какие Магомет заключал и

с другими племенами. Позволительно также иметь сомнения насчёт имён членов посольства, ибо в нём мы находим многих из тех, кто отличился потом в Ридде своим быстрым принятием владычества Медины. Их подлинное подчинение было следствием страшного разгрома асад при Бузахе и полной анархии, в которую впали тамим вследствие появления пророчицы Саджах. Поэтому, строго говоря, нельзя говорить об отступничестве тамим, но следует скорее сказать, что смерть Пророка прекратила совершенно личное соглашение, заключённое с Господином Медины, и побудила их политически освободиться от преемника Пророка: обращение — так сказать, ибо это было скорее политическое подчинение — тамим мы имеем лишь в 11 г. х., как непосредственное следствие битвы при Бузахе.

§ 124. — Продолжая рассмотрение в уже указанном порядке, мы переходим к ханифа, на которых обрушился победоносный Халид — в 12 г. х. — после подчинения тамим. И они, по преданникам, были отступниками; но в этом случае легко доказать ложность такого утверждения. Что мы находим о ханифа в двух разделах Ибн Са‘да? В первом (Са‘д, § 33) мы имеем упоминание о двух письмах Пророка так называемому лжепророку Мусайлиме. В одном утверждается, что Магомет предлагал Мусайлиме новую веру: следовательно, если предание об этом письме верно, Мусайлима не был мусульманином и его последователи не были отступниками. Такое признание предания для нас драгоценно, даже если известие само по себе заслуживает мало доверия и есть, вероятно, вышивка позднейших времён. Второе письмо Магомета, в котором он проклинает Мусайлиму за то, что тот, говорят, притязал на равные с Магометом права во владычестве над землёй, даже если оно не подлинно, несомненно доказывает своим содержанием, что вопросы, обсуждавшиеся между Магометом и Мусайлимой, — если вообще было обсуждение, — были природы лишь политической. Нужно, однако, всегда иметь в виду, что преданники исказили всякий факт Ридды в религиозном смысле и что, чтобы поставить Мусайлиму в наихудший свет и тем оправдать ужасную резню ханифа в кровавой битве при Ямаме, они пытались изобразить его нам гнусным и смешным обманщиком, отступником, проклятым Пророком. Так они достигают драматической цели — объяснить его кровавый конец на поле битвы как неизбежное следствие проклятия.

Те же сомнения обступают нас со всех сторон, когда мы рассматриваем известия о ханифа, содержащиеся во втором разделе Ибн Са‘да (ср. Са‘д, § 101), где рассказано о мнимом посольстве ханифа. И в этих известиях явно желание представить нам Мусайлиму в наихудшем свете: поэтому его имя включено в число послов. Так как же мнимое утверждение, будто Магомет и Мусайлима виделись и говорили друг с другом, лишено было всякого основания, преданники нашли наивную уловку — заставить Мусайлиму прийти в Медину простым сторожем верблюдов и тем самым держать его в стане послов за городом. Такая детская уловка не выдерживает рассмотрения: преданники, например, не объяснили, как этот молодой лагерный слуга, приставленный к самым низким работам, едва вернувшись на родину, стал любимым и почитаемым вождём всего огромного племени ханифа, насчитывавшего, говорят, 40 000 воинов. Положение Мусайлимы среди ханифа, уже вполне обозначившееся и выдававшееся в середине 10 г. х., высокая культура ханифа — по большей части земледельцев, живших

за каменными оградами, — и признаваемый самими мусульманами факт, что он наследовал предыдущему царю ханифа, Хаузе, уже в 8 г. х., исключают возможность того, чтобы Мусайлима когда-либо был приставлен к столь низкому занятию: следовательно, Мусайлима не мог в столь аристократическом обществе быть сторожем верблюдов накануне своего избрания государем. Движение среди ханифа, олицетворённое в Мусайлиме, если оно действительно было отчасти религиозным движением и подражанием мединскому Пророку, должно было потребовать долгой подготовки, ибо ханифа, как все арабы-христиане, не так легко меняли религию: это доказывается тем, что за свою веру и свою независимость они все предпочли умереть с оружием в руках в битве при Ямаме, оставшейся знаменитой в летописях ислама как самая кровопролитная, какая когда-либо происходила в Аравии. Что Мусайлима никогда не ступал ногой в Медину, просвечивает и из предания о том ханифите Раххале, который, говорят, выучил Коран в Медине и затем помогал Мусайлиме в его обмане, руководя им своим знанием священного текста. Это значит, что Мусайлима наверняка не приходил в Медину.

Так как предание о посольстве ханифа покоится на авторитете аль-Вакиди, его невозможно объявить совершенно апокрифическим, и следует допустить вероятность того, что группа ханифа могла прийти для переговоров с Пророком: но мы никоим образом не можем принять утверждения, будто они представляли всё племя и будто появление этой горстки следует рассматривать как доказательство полного обращения ханифа. Известно, что ханифа были по большей части христианами; известно, кроме того, что все арабы-христиане всегда и повсюду оказывали сильнейшее сопротивление торжеству ислама; христиане Наджрана предпочли быть изгнанными с родины, нежели обратиться; таглиб, тоже христиане, сохраняли свою веру до II века хиджры; арабы-христиане Хиры также остались верны своей вере. То же следует сказать об арабах-христианах севера, которые с большой доблестью сражались вместе с греками против войск Абу Бакра и Умара. И ханифа упорно держались своей веры и хотели и сумели за неё умереть. Не существовало к тому же никакой причины, по которой они приняли бы учения Магомета. В военном отношении Пророк им не угрожал: между ними и Мединой кочевало в пустыне много почти независимых племён; сами они насчитывали, как сказано, тысячи храбрых воинов, которые в знаменитой битве при Ямаме сумели показать всю свою доблесть и весь благородный порыв, с которым были готовы умереть за своих вождей, за свою веру и за свою независимость. Это неоспоримо доказывает, что это не были люди, имевшие причины бояться Пророка; а их поведение в 12 г. х. обнаруживает в них воинов сильных и храбрых, а вовсе не людей лёгкого и переменчивого нрава: недопустимо, чтобы они могли трижды переменить веру за два года — то есть обратиться в ислам в 10 г., отречься от него в первые дни 11 г., чтобы последовать за Мусайлимой, и вернуться в ислам в начале 12 г. х. после бедствия при Ямаме.

§ 125. — Работа по разрушению ложного, предпринятая нами в этих параграфах, не может быть ни лёгкой, ни совершенно убедительной и очевидной: нам недостаёт самых надёжных оснований, на которые можно было бы опереть наши рассуждения. Всё, что мы знаем о Магомете, об арабах и об обращении племён, дошло до нас лишь с

мусульманской стороны, и всё было единодушно искажено в одном и том же смысле: поэтому у нас совершенно нет даже самого отдалённого рода проверки, какой были бы иные, неарабские или немусульманские источники. Такое невыгодное положение отнимает у наших рассуждений, быть может, многое из того убедительного характера, который один только может нести с собой убеждённость. Но если иметь в виду превосходные критические исследования Гольдциэра о мусульманской науке преданий (*Muh. Stud.*, II, 1 и сл.) и признать справедливость его выводов, доказывающих, до какой степени преданники фальсифицировали и выдумывали от начала до конца всё, что подходило их интересам или предрассудкам, я не сомневаюсь, что, когда другие критики, более даровитые и проницательные, чем я, смогут смело разорвать затемняющий покров правоверного предания и лучше проникнуть в проблему древнейшей истории ислама, они найдут многие другие веские основания, чтобы прийти к тем же заключениям, а именно, что исламизация Аравии при смерти Пророка была гораздо и гораздо менее обширна, чем хотело бы утверждать предание. При таком общем представлении события 11 г. х. окажутся гораздо яснее и легче для понимания, и в связи фактов, ставшей более логичной, мы найдём новое доказательство наших заключений.

Итак, мы можем утверждать, что все те воинственные племена центра Аравии, которые доставили столько забот Магомету и которые сражались столь доблестно против Халида б. аль-Валида в 11 г. х., вовсе не были исламизированы и никогда не были ими в прошлом. Кое-где главы семей, как частные лица, имели близкие отношения с Пророком, принимая и его учения, но великие племена в целом, как общественные единицы, ислама не признали. Некоторые племена, как, например, гатафан и, быть может, также асад, заключили какое-нибудь политическое соглашение — быть может, лишь устное, — взаимно гарантировавшее обе стороны от нападений или беспокойств; быть может, с некоторыми частями этих племён был и своего рода военный союз. Но в этих соглашениях совершенно отсутствовали религиозные элементы: это были политические соглашения исключительно личного характера, заключённые с Магометом как царём Хиджаза, а не как Пророком Божиим[364]. Когда Магомет умер, эти соглашения оказались фактически расторгнутыми смертью одного из двух договаривающихся, и племена вернули себе свободу. Преданники, то ли не понимая, то ли не желая понимать такое положение вещей, исказили и извратили все известия: небольшие группы арабов, пришедших от себя увидеть и послушать Пророка, были возведены в степень посольств целых племён; обращение некоторых их членов было извращено и раздуто в обращение всего племени; политические соглашения Пророка были превращены в религиозные соглашения и массовые обращения. Вследствие этого они с неосторожной фальсификацией, пользуясь некоторыми единичными фактами, утверждали, будто вся кровавая борьба 11 г. х. была религиозным отступничеством и политическим мятежом. Между тем это не было ни тем, ни другим. Это было простое возвращение к старому: это было прекращение договоров, заключённых Магометом, по той простой причине, что главный из двух

[364] Совершенно нет никакого доказательства и не существует даже утверждения преданников, которое позволило бы говорить о соглашении со *всем* племенем гатафан, или асад, или тамим: вероятно, соглашения были лишь с некоторыми их частями.

договаривающихся перестал жить. Как женщина становится свободной в день, когда умирает её муж, так и племена по смерти Магомета сочли себя законно свободными от обязательств, принятых перед ним, и только перед ним.

Те племена, которые действительно обратились, например джухайна, музайна, бали, курайшиты, кинана, тайй и другие, то есть вся та группа племён, что пасла своих животных в Хиджазе и в некоторой части Неджда, от северной области Йемена к югу от Мекки до самых границ Сирии и территории христианских племён, — те, говорю я, действительно переменив веру и составляя неотъемлемую часть мусульманской общины, не отреклись от ислама и остались верны — хотя некоторые и без воодушевления, например тайй, — спасая таким образом ислам и теократию Магомета. Благодаря им, одушевлённым и руководимым изумительной энергией мединской партии и людьми силы и ума Абу Бакра, Умара и Халида б. аль-Валида, стало возможным совершить в 11 и 12 гг. х. великое завоевание Аравии и подготовить почву для завоевания мира.

За неизбежными исключениями и некоторыми единичными случаями малого значения, те племена, которые связали себя с Магометом помимо политических договоров ещё и религиозными узами, не переменили чувств по смерти Пророка: не столько потому, что сознавали, что обязательство было принято не перед простым смертным, но перед Богом, сколько потому, что благодаря продолжительному общению с Магометом поняли, что их счастье тесно связано со счастьем ислама. Они дали доказательство не только честности своих намерений, но и великой действенности преобразовательного дела Магомета, которое пережило его, неподвижное и прочное, и после его смерти. Никакое доказательство доброкачественности дела Магомета не могло быть драгоценнее твёрдости обращённых племён, оставшихся верными и после исчезновения Пророка. Великая братоубийственная борьба 11 г. х. была неизбежным столкновением между арабами-мусульманами, прогрессистами, и арабами-язычниками, консерваторами, между миром старым и новым: победа осталась за сильнейшим и достойнейшим.

§ 126. — Желая теперь добросовестно оценить дело Магомета, мы невольно приходим к вопросу: какие же племена действительно обратились? Мы с уверенностью отвечаем: лишь те, которые не взялись за оружие против Медины во время событий 11 г. х.[365] Смутное упоминание о казнях, совершённых по приказу Халида над отступниками в Неджде (ср. 11 г. х.), есть точная память о наказаниях, наложенных на тех немногих, кто отрёкся от ислама, и доказывает, что прочие, огромное большинство, никогда его не принимали. Наказания Халида поразили лишь тех отдельных членов племён, рассеянных там и сям по стране, которые действительно были обращены и которые, увлечённые антиисламским движением огромного большинства, оставили

[365] Племена, соединённые вначале с Пророком лишь политическими узами, а затем постепенно, почти незаметно обращённые неодолимым нравственным и политическим влиянием мединской общины, были следующие: джухайна (Са‘д, §§ 27, 118); музайна (там же, §§ 30, 31, 46, 76); аслам (там же, §§ 29, 139); хуза‘а (там же, § 132); сакиф (там же, §§ 62, 97); бали (там же, §§ 28, 114); сулайм (там же, §§ 34, 66, 94); гифар (там же, § 39); дамра (кинана) (там же, §§ 40, 46); ашджа‘ (там же, §§ 35, 92); кинана (там же, §§ 46, 91); бахила (там же, §§ 61, 93); и, быть может, также аль-харис б. ка‘б (мазхидж) (там же, §§ 22, 128) и хас‘ам (?) (там же, §§ 68, 131).

религиозные обряды, предписанные Магометом, усердно стараясь побудить других мусульман своих племён последовать за ними в отпадении от ислама.

Действительно исламизированной частью Аравии была, следовательно, лишь та обширная территория грубо треугольной формы, основанием которой служат берега Красного моря примерно от 200 километров к югу от Мекки почти до начала Акабского залива и которая упирается вершиной за горы Сальма и Аджа, где жили тайй. К северу от этого треугольника простирались христианские и полухристианские племена, совершенно независимые от Магомета как в религиозном учении, так и в политическом отношении. К востоку от того же треугольника простирались, напротив, полунезависимые (и не обращённые) племена асад, гатафан и тамим и независимые — ханифа.

Остаётся теперь рассмотреть, в каком положении находилась остальная часть Аравийского полуострова — восточная и южная, — о которой у нас столько известий не только у Ибн Са‘да, но и в других источниках.

Лишь частично следующие: кальб (?) (Са‘д, §§ 66, 119); узра (?) (там же, §§ 60, 116); са‘д хузайм (куда‘а) (?) (там же, §§ 26, 60, 113); баджила (там же, § 130); аш‘ар (там же, § 132); джузам (?) (там же, § 140), к которым нужно добавить тех, кто колебался, но не отделился от Медины в 11 г. х., то есть тайй (Са‘д, §§ 23, 51, 103), хавазин и амир б. са‘са‘а (там же, §§ 95, 96). Их сомнительное поведение даёт основание подозревать, что их исламизация была ещё весьма поверхностной и не сопровождалась подлинным религиозным убеждением. Эти племена в самом деле обратились, так сказать, ибо фактически были покорены силой оружия и принуждены принять новую веру в последние годы Магомета. Племена же первого списка, то есть те, что не колебались в 11 г. х., обратились, напротив, за одним-двумя исключениями, все добровольно — либо незаметно, последовательным обращением всех отдельных членов, либо все вместе, убедившись, что им выгодно стать мусульманами.

О прочих великих племенах, не включённых в список, можно с уверенностью сказать, что обращены были лишь отдельные лица и некоторые отдельные группы семей. Если в некоторых племенах можно, быть может, допустить существование мусульманской партии (например, среди абд аль-кайс в Бахрайне и среди азд в Омане), она составляла лишь небольшое меньшинство, которое, утратив личную поддержку Магомета, оказалось во власти реакционного большинства и в некоторых случаях было бы уничтожено без своевременного вмешательства победоносных мусульманских полководцев, которые при поддержке дисциплинированных сил Медины беспощадно сокрушили сторонников старого порядка.

§ 127. — Отношения между Магометом и населением крайнего востока — Бахрайна и Омана — и крайнего юга — Йемена и Хадрамаута[366] — были природы

[366] Я опустил имя арабов Махры, потому что содержание преданий неоспоримо показывает, что эта крайняя Фула Аравии, где племя, язык и нравы весьма отличались от остального полуострова, не испытала при жизни Магомета никакого воздействия исламской проповеди. Нет подлинных имён жителей Махры, обратившихся в ислам при жизни Магомета, и нет никакого упоминания о посылке туда мусульманских наместников. Предания о мнимом посольстве (ср. Са‘д, § 141, и 10 г. х., § 68) покоятся лишь на авторитете аль-Мадаини и Ибн аль-Кальби, авторитетах обманчивых, когда недостаёт, как в настоящем случае, подтверждения аль-Вакиди. Я считаю их апокрифическими и вставленными преданниками, чтобы имена всех областей Аравии

своеобразной и весьма отличной от тех, которые мы пытались описать в предыдущих параграфах, говоря о племенах центра полуострова.

Прежде всего эти племена находились в нравственных, политических и религиозных условиях, весьма отличных от остальной Аравии. Большая часть населения была оседлой, занималась земледелием и, насколько мы немного знаем, находилась в экономических условиях гораздо лучших, чем бедные кочевники центра. Огромное большинство племён на востоке было христианским, ибо, как мы увидим далее, господствующей религией в Месопотамии и Вавилонии, а также в арабских областях вдоль течения Евфрата было христианство. Христианство сделало большие успехи во всей этой области и распространялось с гораздо большей быстротой и упорством, чем официальная персидская религия — маздеизм, уже находившийся в полном упадке. Тем не менее и эта последняя вера имела многих последователей в Восточной Аравии и в Йемене, средоточии древнейшей цивилизации и родине древних вер, благодаря присутствию в этих областях многих переселившихся персов и немалого числа метисов или персизированных арабов, собранных особенно в наиболее многолюдных центрах. Одновременное присутствие этих двух вер есть неопровержимый довод, доказывающий, что во всей этой области религиозные вопросы гораздо больше занимали население, чем в центре полуострова, где племена отличались крайним скептицизмом, проистекавшим не только из их особой природы, но и из варварских и первобытных условий их идолопоклоннической веры — веры, намного уступавшей уму и степени нравственного развития самих этих племён.

Этому душевному состоянию, более расположенному к религиозным вопросам, соответствовало также у населения, рассеянного вдоль аравийского побережья от устьев Евфрата и Тигра до Йемена, политическое положение, отличное от положения племён, с которыми Магомет до тех пор имел дело. Племена побережья были объединены в бóльшие группы и имели элементы политического устройства менее первобытные, чем их братья центра и запада. Часть области номинально зависела от правительства Сасанидов; почти весь Йемен и часть Бахрайна (побережье) были официально провинциями Персидской империи, хотя фактически их правители пользовались почти полной независимостью: политическая и военная дряхлость клонящейся к упадку сасанидской империи при последних неспособных царях династии и страшные поражения, понесённые от славного Ираклия, расшатали империю и превратили арабско-персидские провинции в почти самостоятельные сатрапии. На всём названном аравийском побережье, за исключением, быть может, Махры и Хадрамаута, было множество персидских купцов; и персидские обычаи, слова и многие идеи проникли в язык, нравы и религиозные верования немалого числа арабских племён: даже в Коране у нас есть некоторые выражения персидского происхождения.

По этим причинам природа отношений между мединским преобразователем и этим населением должна была быть совсем иной, чем рассмотренная только что, когда мы говорили о племенах центра. Бóльшая религиозность восточных арабов, из которых

фигурировали в числе посольств. Подлинное введение ислама произошло лишь после завоевания провинции, в течение 12 г. х.

весьма немногие оставались язычниками, придала введению ислама характер менее политический и более явно религиозный. Огромное расстояние, отделявшее Бахрайн и Оман от Медины, существование между ними независимых воинственных племён делали крайний восток Аравии ещё недоступным для оружия Пророка. Сам Магомет утратил всякое желание далёких и трудных походов и никогда не думал воздействовать оружием на чувства этого отдалённого населения: поэтому с ним он переменил систему и прибегнул, в ответ на их предложения, к одним лишь мирным искусствам религиозной проповеди, всегда, однако, искусно сплавленной с политическими интригами.

§ 128. — В областях, о которых мы теперь говорим, существовали, как это всегда бывало в Аравии, да и в других местах, две партии: одна — большинства, пользовавшаяся всеми выгодами власти, и другая — меньшинства, завидовавшая привилегиям первой и находившаяся с ней в отношениях всегда более или менее враждебных[367]. Когда имя Магомета распространилось по всему полуострову, неся с собой славу, быть может, и преувеличенную, о его торжествах, почти во всех партиях меньшинства на восточном и южном побережье Аравии самопроизвольно возникла мысль искать нравственной опоры и материальной помощи у могущественного господина Медины. Более живое религиозное чувство этого населения ещё более возбудило любопытство и интерес: в Медину приходили посольства, которые расспрашивали Пророка и вели с ним переговоры и, возвращаясь на родину, приносили весьма благоприятное впечатление о человеке и его учениях; путешественники были поражены также явными проявлениями великой военной силы и нравственного авторитета Пророка; они поняли, что, соединяясь с ним, приобретают могущественного и полезного союзника, от которого в не очень далёком будущем могли надеяться на поддержку своих притязаний по отношению к большинству. Магомет ответил с благосклонной готовностью на почин этих почитателей: обошёлся с ними с той же простой, но достойной гостеприимностью, которую расточал всем, кто сбегался в Медину, и таким образом весьма искусно основал многочисленные маленькие ядра собственной партии в четырёх провинциях — Бахрайне, Омане, Хадрамауте и Йемене. Уже в конце 8 г. х., а быть может, вернее, в начале 9 г. х. — ибо предание всегда любит опережать события, — Пророк послал двух представителей в Бахрайн и Оман; год спустя, победив какое-то северное племя Йемена, он послал своих представителей и в эту область. Эти посланцы имели сложные функции миссионеров, послов и политических интриганов: они должны были устраивать зарождающиеся

[367] Первый случай таких внутренних распрей между партиями — большинством и меньшинством — в недрах племён мы уже имели в Медине, где Магомет начал свою проповедь при поддержке меньшинства, которое однажды в свою очередь стало большинством. Второй случай мы изучили в домашних событиях в Мекке до взятия города. В преданиях о Ридде 11 г. х. мы увидим ясно обрисованной эту глухую борьбу двух враждебных партий в Ямаме, в Омане и также — хотя в форме менее очевидной — в Хадрамауте: и в Йемене у некоторых племён можно проследить наличие таких конфликтов, хотя туда ислам проник меньше, чем куда-либо: появление и смерть лжепророка аль-Асвада были событиями, в которых ислам не имел никакого прямого участия, ибо борьба развернулась целиком между язычниками, и ислам вступил как политический фактор лишь после убийства аль-Асвада. Подобные события показывают, однако, всегда, что и в Йемене непрерывно возникали внутренние конфликты между различными частями племён и как недовольство побеждённых меньшинств бросало их в объятия ислама и подготовляло почву для распространения мединской теократии. Последняя была вынуждена вмешиваться в такие конфликты, когда к ней обращались с призывами о помощи.

мусульманские общины, возникавшие среди враждебной страны, наставлять прозелитов в учениях и обязанностях новой веры — главной из всех была уплата подати в пользу бедных — и внушать также новые, весьма определённые политические обязанности. События Ридды в 11 и 12 гг. х. показывают, однако, что эти мусульманские ядра были немногочисленны, ещё несовершенно устроены и без большого влияния на поведение великих племён.

Такая посылка официальных политических агентов под видом миссионеров была большой новостью[368]. С кочевниками Западной и Центральной Аравии Магомет следовал совсем иному поведению: он довольствовался простым исповеданием веры вождей и в большинстве случаев оставлял самим членам племени всю ответственность за сбор податей, довольствуясь в некоторых случаях назначением своим представителем одного из вождей. Известия, которые мы имеем в источниках даже о таких назначениях, не все безусловно подлинного характера: чаще всего, особенно вначале, Магомет оставлял кочевникам большую свободу, избегая раздражать их фискальными притеснениями, тем более ненавистными, что для них они были совершенной новостью. Лишь в начале 9 г. х. мы имеем память о посылке к племенам сборщиков податей: но перечень, быть может, и апокрифический (ср. 9 г. х., § 1, прим.), упоминает лишь некоторые из племён, а не все, и к тому же поручение сборщиков было лишь временным: приняв подать, они должны были тотчас вернуться с ней в Медину. Наместники же, посланные в Бахрайн и другие места, имели функции настоящих постоянных послов, облечённых, говорят, широкими полномочиями, в том числе военными. Столь резкое различие можно отчасти объяснить отдалённостью этих стран от Медины, но выбор посланных лиц показывает, что господствующая мысль Пророка была более политической, чем религиозной, и что речь шла скорее о создании воинствующей мусульманской партии, нежели о распространении простых религиозных учений. Амр б. аль-Ас, аль-Аля б. аль-Хадрами, Абу Муса аль-Аш‘ари и прочие были новыми мусульманами, весьма мало знавшими об исламских учениях, а по их поведению в последующие годы их можно считать людьми, оставшимися в сердце всегда по существу язычниками и одушевлёнными прежде всего политическими стремлениями и безмерным честолюбием. Один из этих полководцев-послов, Амр б. аль-Ас, проявил себя впоследствии как один из самых могучих политических и военных умов поколения, совершившего завоевание Азии и Египта: его назначение наместником в Оман не было, следовательно, случайностью, ибо Пророк весьма хорошо знал великие достоинства этого человека и в одном памятном случае предпочёл

[368] В этом новом роде деятельности Пророка мы имеем, быть может, единственный признак того, что в душе Магомета в этот последний период его миссии, быть может, зародилась какая-то смутная мысль распространить свою реформу за пределы области, в которой он родился и жил. Это не означает, однако, что он замышлял охватить своей теократической проповедью всю Аравию. Он действовал лишь в ответ на самопроизвольные призывы тех племён, которые к нему обращались, а не по собственному почину: к тем, кто не просил его поддержки, он агентов не посылал. Можно, однако, с уверенностью сказать, что новая форма его деятельности, при которой он совершенно отказывался от применения своей прежней системы — силы — и ограничивался употреблением одних мирных средств, ясно указывает, что он действовал теперь с представлениями, весьма отличными от прежних: с другой стороны, однако, она показывает лишь, что он замышлял распространить своё преобразовательное действие на более обширное поле, чем прежде, и ничего более. Весьма многочисленны были ещё племена, особенно на севере, на которые он вовсе не обратил своего внимания. Поэтому ещё нет оснований предполагать, что он стремился к обращению всех арабов: подобная мысль могла бы прийти к нему, лишь если бы он прожил ещё много лет.

его даже древнейшим из сподвижников (ср. 8 г. х., §§ 30 и 31). Его выбор на пост в Омане есть поэтому указание одновременно и на трудность поручения, требовавшего человека таких достоинств, и на значение, которое придавал ему Пророк. Местные условия Омана, как показывают события 11 г. х., были особенно трудными, и мусульманская партия была там слабее, чем где-либо. Речь шла не о мирном сборе податей, а о том, чтобы политически и военно устроить партию, насчитывавшую ещё лишь немногих последователей, умножить её силы и подготовить её к тому, чтобы с уверенностью в успехе вступить в предстоящую борьбу против консервативного большинства[369].

§ 129. — Все эти соображения приводят, однако, к единственному заключению, что исламизация аравийского востока при жизни Магомета должна была находиться ещё в своих первых стадиях и что поэтому предание тяжко заблуждается, когда хотело бы утверждать, будто обращение этих племён было уже завершено и будто наместники Пророка отправились в провинции с теми же функциями, что и аббасидские правители II века хиджры, современники преданников, сохранивших нам память об этих событиях. Преданники не знали или притворились, что не знают: во-первых, что наместники Магомета имели власть лишь над обращёнными; во-вторых, что последние составляли лишь небольшое меньшинство; и в-третьих, что смерть Пророка не только немедленно положила конец функциям наместников, но уничтожила все плоды совершённой работы, поскольку большинства сочли, что враждебные им партии не могут более рассчитывать на материальную поддержку Медины. Преданники не заметили, что дело этих наместников должно было быть весьма мало действенным, если смерти Пророка оказалось достаточно, чтобы произвести хаос 11 г. х.

Итак, ислам при смерти Пророка находился в провинциях востока и юга Аравии по отношению к жителям этих мест приблизительно в тех же условиях, в каких находилась маленькая мусульманская община в Мекке в десятилетие перед Бегством: в этих провинциях по смерти Магомета произошло приблизительно то же, что произошло бы в Мекке, если бы Магомет внезапно умер, не переселившись в Медину. Великая ошибка правоверного предания состояла в том, что оно верило и утверждало,

[369] Посылка Амра б. аль-Аса и его товарищей была, однако, лишь указанием на то, что Пророк действовал как человек, пользующийся представившимся ему удобным случаем и старающийся извлечь из него всю возможную выгоду. Уже старый и слабый здоровьем, он не чувствовал себя более расположенным начинать великие и рискованные предприятия: то, что он сделал для этих далёких областей, было ему подсказано другими, он не брал на себя непосредственно почина. Магомет уже достиг всего, чего желал в дни наибольшего воодушевления своей проповеди; он достиг даже большего, чем когда-либо мечтал, ибо, как истинный семит, его взор никогда не простирался далеко за пределы собственной страны и за круг своих единокровных. Его равнодушное поведение по отношению к тем племенам, которые не желали исламизироваться и которых он никак не старался беспокоить, есть явное подтверждение того, что мы утверждаем. Хозяин Мекки и Медины, Пророк был доволен своим делом: радуясь возможности дать ислам тому, кто его об этом просил, он уже не заботился навязывать его тому, кто его не хотел: поэтому мы видим, как он действенно помогает тем, кто желал его поддержки на крайнем востоке Аравии, и совершенно пренебрегает проповедью среди тех племён, что жили между ним и далёким востоком, и среди тех, что закрывали ему пути доступа в Сирию. Он навязал ислам всем тем, в чьём содействии нуждался: о прочих, едва достигнув своей высшей цели — обращения курайшитов и исламизации мекканского святилища, — он не заботился. Если бы он прожил гораздо дольше, он, быть может, изменил бы свои представления, быть может, всё более расширил бы свою программу: обстоятельства навязали бы ему это как историческую необходимость, как навязали её его наследникам и преемникам. Но у него не было времени постичь эту истину, и он умер, не ведая неизбежных последствий, которым роковым образом суждено было проистечь из его дела.

будто целые народы, упорно привязанные к дедовским преданиям, могли переменить веру за несколько месяцев с той же лёгкостью, с какой человек меняет одежду. Оно никогда не подозревало, сколь мало мусульманами были арабы при смерти Магомета и сколько ещё требовалось времени, чтобы вера, во многих отношениях столь противная всему, что арабы любили и чего хотели (ср. Goldziher, *Muh. Stud.*, I, 1 и сл.), могла войти в ум и сердце современников Пророка. Оно, наконец, не знало, что ислам сверстников Магомета был во многих отношениях весьма отличен от ислама II века хиджры. Многое, что казалось естественным при Аббасидах, было невозможно во времена Магомета.

§ 130. — Чтобы завершить наше краткое исследование исламизации Аравии, нам остаётся лишь дать понятие об общих условиях племён, обитавших на севере[370], к северу от описанного нами в § 126 исламского треугольника. Об этих племенах речь коротка. Из Медины мысли Магомета были обращены главным образом на юг, к Мекке, и его внимание к племенам центра было необходимостью, навязанной ему ради достижения своей цели. Север всегда представлял для него мало интереса; лишь малая часть военных предприятий имела это направление, и поэтому весьма невелики были успехи ислама с этой стороны. Трудности были к тому же больше: область была полна еврейских общин, обосновавшихся почти во всех самых плодородных и богатых центрах, а пустыня была населена племенами, в огромнейшем большинстве обращёнными в христианство; прибавим ещё, что последние все были весьма воинственной природы и связаны крепкими нравственными и материальными узами с Византийской империей, от которой многие получали твёрдое ежегодное жалованье. Но, быть может, величайшим препятствием для ислама была вера, исповедуемая племенами, ибо известно, что при жизни Магомета ислам встречал благосклонность лишь у язычников. Есть даже превосходные основания полагать, что после разрыва отношений между Магометом и евреями в Медине Магомет навсегда оставил всякую мысль обратить евреев и христиан и обратил все свои мысли лишь к своим соплеменникам-язычникам, и прежде всего к единокровным.

Военные вылазки на север были реже, чем в других направлениях, а их следствия мимолётны и поверхностны, прерываемые долгими периодами затишья. Например, на Думат аль-Джандаль нападали трижды, но трижды он возвращался в прежнее независимое состояние. Тайй были обращены лишь в предпоследний год жизни Магомета, и ислам в начале 11 г. х. пустил среди них ещё столь мало корней, что племя лишь с трудом удалось удержать от присоединения к сепаратистскому движению прочих племён. Известия, которые мы имеем о прочих группах севера — джузам, кальб, узра, куда‘а и многих других, среди которых особенно гассан, — так неясны и до того затуманены тенденциозными вставками, что внушают нам весьма мало доверия: из них видна попытка скрыть тот факт, что ислам встретил на севере мало или никакой благосклонности. Исторические данные это подтверждают: кровавое поражение мусульман при Му’те в 8 г. х. было нанесено арабами-христианами, которые обнаружили при этом случае крепкую организованность под покровительством

[370] Об особых условиях Йемена мы будем говорить далее, когда придётся рассказывать предания о лжепророке аль-Асваде аль-Анси, поэтому мы опускаем рассуждение о нём в этом месте.

Византийской империи и деятельную враждебность исламу. Поход на Табук показывает, что это место находилось ещё в 9 г. х. за пределами мусульманской Аравии, и есть точное и драгоценное указание на её пределы в сторону севера. В великих битвах, происходивших в Сирии в 13, 14 и 15 гг. х., арабские христианские племена сражались против мусульман с большим порывом: византийская конница почти исключительно состояла из арабов-христиан пограничной области между Пальмирой и Акабским заливом, то есть именно из арабов гассан, лахм, куда‘а, кальб, джузам и т. д., среди которых тем не менее правоверное предание утверждает, будто ислам был почти повсеместно принят и признан. Мы можем даже добавить, что сопротивление, оказанное этими арабами введению ислама, намного превосходило сопротивление оседлого населения Сирии, которое приняло владычество и веру новых господ с изумительной готовностью. Христианские племена Северной Аравии стали действительно мусульманскими лишь по окончании завоеваний: они последними приняли новую веру.

§ 131. — Этими общими соображениями мы надеемся достаточно выделить важнейшие стороны исламской проповеди в наиболее отдалённых провинциях Аравии, ибо в другом месте, в ходе *Анналов*, давая перевод подлинных преданий, мы имели случай войти в бóльшие подробности. Прочие мелкие события последнего двухлетия Пророка не заслуживают в этом месте особого упоминания, ибо имеют природу скорее биографическую, чем историческую, так что мы наконец подошли теперь к концу нашего критического рассмотрения жизни и прямого и личного дела Пророка в том, что имеет отношение к последующим событиям.

Наши заключения оказались весьма отличными от тех, каких хотело бы предание и какие общепринято у историков ислама. Вместо Аравии, целиком, от края до края, подвластной Пророку, мы нашли, что он действительно владычествовал лишь над одной областью, охватывавшей, быть может, даже менее трети всей поверхности Аравии. Эта часть была единственной, завоёванной и подчинённой новым идеям: остальной полуостров находился в политических и религиозных условиях, весьма мало отличных от тех, что существовали до появления ислама. Новые идеи проникли и в часть Аравии, не подвластную Медине, но особые условия среды и ещё совсем недавняя дата их введения препятствовали всякому заметному изменению в пользу ислама, и обращения ограничивались малыми частями племён. За пределами прямого владычества Пророка ислам был ещё новостью, весьма враждебно оцениваемой огромным большинством, по отношению к которому он находился в условиях, подобных условиям самого ислама по отношению к курайшитам в мекканский период. Он был причиной домашних и общественных столкновений, порождал новые обиды, обострял старые и, как всегда бывает, когда пытаются ввести великие и коренные новшества, временно создавал гораздо больше зла, чем блага. Но вместо внутреннего столкновения, ограниченного маленьким городом, как Мекка, беспокойство, порождённое новыми идеями в течение двух лет, 9 и 10 гг. х., распространилось более или менее по всей Аравии, возбуждаемое наступательным высокомерием мусульманских меньшинств, беспокойных и смелых благодаря нравственной и материальной поддержке Медины. Консервативные большинства весьма неохотно

смотрели на введение учений, столь противных их вековым преданиям, и если почти во всей Аравии слава непобедимости, которой пользовался грозный Пророк, долго препятствовала взрыву вооружённого столкновения, то большинства отнюдь не перестали втайне готовиться к свирепому реваншу, как только судьба предоставит им желанный случай. Он пришёл с неожиданной быстротой в тот день, когда по всей Аравии молнией пронеслась весть, что Магомета больше нет. Великую бурю, разразившуюся в 11 г. х., сдерживало лишь существование Пророка, воля которого внушала ужас его противникам. Величина же и сила напряжения ясно видны из тяжких признаков, проявившихся среди асад, тамим и прежде всего в Йемене, где ещё при жизни Магомета вспыхнули кровавые междоусобные войны.

В другом месте нам придётся говорить о формах и превратностях движений 11 г. х.; их описание составляет часть последующей истории. Но прежде чем закончить настоящее рассмотрение и прежде чем проститься с великим преобразователем, которому предстояло сойти в могилу в первые месяцы 11 г. х., будет, быть может, необходимо добавить несколько кратких замечаний, имеющих прямое отношение ко всем предметам, обсуждённым в предыдущих параграфах.

Арабские племена во времена Магомета (вклейка в оригинале)

§ 132. — В изучении Пророка и его изумительной преобразовательной деятельности мы старались, в меру наших сил, всегда вдохновляться самой чистой беспристрастностью: избегая выдвигать слишком общие тезисы, мы имели единственной целью представить, в пределах возможного, Пророка таким, каким он был в действительности, с его добродетелями и недостатками, в свете, отбрасываемом документами и подлинными преданиями, не пытаясь писать апологий и не внушая недоброжелательных оценок. Насколько было нам возможно, мы стремились восстановить простую истину фактов одним лишь разрушением ложного и апокрифического, ибо нам казалось, что мы делаем дело более полезное, выделяя хотя бы одну истину, чем высказывая благовидные гипотезы или умножая более или менее оригинальные оценки. Укоренившийся в подобных трудах обычай требовал бы теперь,

чтобы мы открыто сказали, каково сложившееся у нас мнение о человеке и его деле. Необходимо будет, однако, объяснить, по каким мотивам мы не сочли нужным во всём сообразоваться с обычаем.

Бесконечно сложная природа исламской проблемы и великая лёгкость, с которой в нашем случае можно впасть в ошибочные оценки, — главные причины, удерживающие нас от того, чтобы в настоящий момент сформулировать окончательное суждение и попытаться дать критический синтез: с повествованием о событиях 11 г. х. поистине начинается наш труд, и поэтому мы вправе отложить своё суждение до того дня, когда — если нам будет дано — мы завершим наш долгий и утомительный путь. Магомет был человеком, столь безмерно превозносимым и почитаемым одними, столь яростно и несправедливо критикуемым и оклеветанным другими, его дело было столь обширно и сложно, а произведённые им следствия столь необъятны во времени и пространстве, охватывая тринадцать веков истории и обширную часть известного мира, что высказать о нём правильное суждение кажется нам предприятием крайне трудным и, быть может, даже невозможным. Желать судить о деле Магомета, не принимая в расчёт почти тринадцати веков мировой истории, которые служат ему мощным комментарием, было бы притязанием бесплодным и ошибочным, ибо дело Магомета интересует нас прежде всего бесконечными следствиями, которые оно имело и продолжает иметь на судьбы столь значительной части человечества. Поэтому критический синтез столь необъятного материала сможет, быть может, стать менее трудной задачей лишь в тот день, когда у нас за плечами будет тщательное рассмотрение тех девяти веков мусульманской истории, которые мы поставили себе целью осветить.

Недоверие, внушаемое этими соображениями, увеличивается чтением всех уже высказанных суждений о загадочной личности, основавшей могущественнейшую из религий после христианской. Не найдётся и двух писателей, согласных между собой, и прямо противоречащие друг другу мнения стольких авторов почти склоняли бы к заключению, что все они ошибочны. Высказанные суждения представляют направление различных школ и критических мнений и лишь в ничтожнейшей части отражают исторические истины[371]. Следует, однако, признать, что рассмотрение литературы о Магомете обнаруживает весьма ясными признаками фазы целой эволюции, одну из вершин которой, быть может, знаменует настоящий момент. Новое поколение, приступая к подлинно научному изучению ислама на совершенно беспристрастных началах, проявило дух благожелательного интереса, знаменующий огромный прогресс по сравнению с недоброжелательными предрассудками предшествующих поколений, и это потому, что такая симпатия есть следствие гораздо более углублённого и надёжного знания происхождения, развития и нравственной ценности ислама. Из числа крупнейших представителей этой новой школы мы

[371] Тягчайшая ошибка, в которую впали старые критики Магомета и ислама, состояла в убеждении, будто нынешнее мусульманское учение есть то самое, которому учил Магомет в Медине. Исследования Кремера, Снук-Хюргронье и в особенности Гольдциэра доказали ложность этого представления. Ислам претерпел долгий и плодотворный процесс преобразования, который необходимо хорошо иметь в виду, судя о деле Магомета, чтобы не совершить ошибки, приписав ему то, что было делом и добавлением позднейших поколений и неарабских народов, одушевлённых чувствами и движимых потребностями, совершенно отличными от чувств и потребностей сподвижников Магомета и кочевых племён Аравии в VII веке христианской эры.

довольствуемся упоминанием лишь двух имён — Гольдциэра и Захау, — ничуть не желая умалить заслуги других, которых опускаем ради краткости. Им принадлежит заслуга настоящего переходного периода: им мы должны быть признательны за то, что они указали нам, сколь безмерно обширен предмет изучения и сколь рискованно поспешное суждение прежде, чем каждая сторона проблемы будет подвергнута добросовестному рассмотрению.

При этих соображениях, с правильностью которых, я думаю, трудно было бы не согласиться, мы считаем себя вправе уклониться от того, чтобы входить теперь в предмет, который, будучи рассмотрен с необходимой полнотой, мог бы дать материал для доброго тома. Тем не менее да будет мне позволено добавить несколько кратких соображений, лишь в порядке опыта, подсказанных мне великим только что обсуждённым предметом и заключающих в себе нравственную сторону наибольшего значения самого этого предмета. Они суть попытка беспристрастного ответа на великий вопрос: был ли Магомет обманщиком или нет?

§ 133. — В одной части Введения к настоящему труду (ср. Введение, §§ 189 и сл.) мы попытались, опираясь на классические исследования Гольдциэра, представить своего рода решение трудной проблемы так называемых откровений, которыми Магомет диктовал законы последователям и составил Коран. В тех параграфах мы кратко рассмотрели вопрос, имея в виду лишь стороны первой фазы мекканской проповеди: теперь наш долг — дополнить его применительно ко всему поприщу Пророка, и в особенности применительно к мединскому периоду, в котором хулители Пророка думали найти почву, более благоприятную для своих обвинений в обмане. Выдвинутое Магометом притязание на получение божественных откровений было излюбленным оружием, употреблявшимся и злоупотреблявшимся всеми биографами старой школы, чтобы доказать, что он был обманщиком: поэтому, если бы можно было найти логическое объяснение его поведения, мы совершили бы справедливое дело реабилитации одного из самых знаменитых людей истории и сняли бы с ислама и его основателя самое бесчестящее из пятен. Мы попытаемся теперь дать объяснение поведения Магомета не в качестве апологии, а лишь потому, что тщательное и беспристрастное изучение его дела приводит к убеждению, что он был действительно искренен, и потому, что, по нашему разумению, в действительности существует, подсказанный самими фактами, способ раскрыть эту тайну.

Магомет родился в обществе, которое верило в прямые откровения сверхъестественных существ: это был образ мыслей, свойственный обществу ещё весьма первобытному, которое не могло иначе объяснить себе некоторые явления человеческой души: при жизни Магомета было много таких, кого арабы считали вдохновлёнными. Были ли некоторые из них обманщиками, нас не касается, ибо арабская толпа не считала их таковыми и верила, что это люди добросовестные; с другой стороны, нет сомнения, что многие «вдохновлённые» были искренни, ибо добросовестно приписывали чисто человеческому явлению поэтического вдохновения сверхъестественное происхождение. Сам Магомет считал их вдохновлёнными и без сомнений принимал народное мнение, что поэты, прорицатели и вещуны всякого рода, кишевшие в суеверной языческой Аравии, имели каждый своего демона, *джинна*, или

сверхъестественное существо, которое таинственно подсказывало поэту стихи, а прорицания — тем, кого приглашали предсказать будущее или разрешить вопросы, предоставленные их третейскому суду. Наш долг — признать, что такое объяснение, к которому пытались прибегнуть варварские и невежественные арабы, было при их уровне культуры самым логичным, ибо мы сами ныне при всей нашей науке не нашли удовлетворительного объяснения тому, как приходит вдохновение к поэту и к композитору. Когда Магомет почувствовал свою душу взволнованной мыслями и стремлениями, которые не были мыслями и стремлениями его сверстников и происхождения которых он сам, изумлённый, не понимал, он добросовестно убедился, что и он вдохновлён. Но отличие его мыслей и отвращение, испытываемое им к грубому идолопоклонству соплеменников, соединившиеся с монотеистическими началами иудаизма и христианства, смутно распространёнными и рассеянными в самых многолюдных центрах Аравии, породили в нём убеждение, что сверхъестественное существо, волновавшее его, было не одним из обычных арабских демонов, но одним из тех высших духов, или ангелов, которые занимают столь видное место в народных верованиях, и в особенности в тех выродившихся формах иудаизма и христианства, которые одни были распространены в Аравии и одни были известны Магомету. В начале своей проповеди Магомет и сам не был уверен, который из духов был его духом, и намёки на него неясны и неопределённы (ср. Введение, § 193); но он оставался твёрд в своём убеждении, что дух, которому он был обязан чувствами и идеями, столь глубоко волновавшими его душу, был духом гораздо высшим, чем обычные демоны, и, быть может, прямым истолкователем воли того единого и высшего Бога, о котором он знал, что ему поклоняются евреи и христиане. Честно и искренне убеждённый в этом, он, человек безвестный, неизвестный, низкого и бедного происхождения, уже миновавший лучшие годы жизни, возраст самых пылких увлечений, начал с дивным мужеством свою трудную проповедь в обществе, наименее расположенном принять его религиозные проявления. Встреченное сопротивление, перенесённые страдания, возбуждённая вражда и особенно первые маленькие успехи всё более утверждали его в его убеждениях. Как и почему он пришёл к этой абсолютной уверенности — великая тайна, которую он унёс с собой в могилу и которой никто никогда не сможет узнать; но всегда остаётся совершенно истинным тот факт, что без этого непоколебимого чувства доброты и истинности собственных утверждений он изнемог бы в жесточайшей борьбе мекканского периода. Эта абсолютная уверенность была величайшей силой его характера, той, которая, соединённая с дивными дарованиями его ума и его натуры, очаровывавшей людей, обеспечила в конце концов торжество его идей. Поэтому мы не колеблемся утверждать, что те биографы Пророка, которые, поверхностно судя о деле Магомета после хиджры, хотя и признают его искренность в Мекке, притязают найти доказательства преднамеренного обмана в его поведении в Медине, показывают лишь, что они не позаботились беспристрастно рассмотреть все стороны проблемы.

Правда, факты, как они рассказаны в предании, позволяют поверхностному наблюдателю заключить, что Пророк действовал в Медине совсем иначе и имел побуждения менее возвышенные и менее бескорыстные: в особенности мы, цивилизованные христиане XX века, имеем о Высшем Божестве понятие столь

возвышенное, что бываем смущены, читая, как Магомет призывал Бога положить конец мелким домашним скандалам и ссорам, а в одном случае даже удовлетворить недозволенную любовную прихоть шестидесятилетнего Пророка. Но если мы подумаем, сколь низко и скромно у народов полуварварских, как арабы, общее понятие божества и к каким пошлым и патриархальным функциям оно часто приспособляется, то нам будет легче попытаться не апологию дать, а из простой любви к истинному и справедливому найти разумное объяснение поведения Магомета.

§ 134. — Первый довод в нашу пользу, которому мы считаем нужным по справедливости придать большой вес, состоит в том, что никто из современных противников Магомета никогда не сомневался, что он действительно вдохновлён: никто из них, хотя некоторые весьма живо нападали на содержание откровений, никогда не заподозрил в Магомете обмана, когда он утверждал, что говорит по вдохновению. Если евреи называли его обманщиком, это не вредит нашему рассуждению, ибо они принадлежали к вере и племени, отличным от арабов: вспомним, что евреи распяли Иисуса как еретика и обманщика; мы занимаемся лишь арабами-язычниками, среди которых одних Магомет нашёл последователей. Если бы язычники обвиняли его в том, что он обманывает людей ложью и обманами, память об этом нашлась бы как в Коране, так и в *хадисе*. Коранические стихи мекканского периода суть документальное доказательство того, что ставили в вину Магомету его враги: его называли поэтом, прорицателем, колдуном и даже безумным (*маджнун*, то есть вдохновлённым джиннами), но никто не называл его обманщиком в том смысле, что его притязание на вдохновение не было истинным. Понятие вдохновения так прочно укоренилось в народной душе, что даже так называемые лжепророки, соперники Магомета, появившиеся в Аравии в то время, когда Магомет перестал жить, все признавались вдохновлёнными — злыми духами — даже их противниками и самими мусульманами: если их впоследствии называли *каззаб*, или обманщиками, это происходило не потому, что сомневались во вдохновении, но потому, что считали их вдохновлёнными дьяволом, чтобы вводить людей в заблуждение ложными утверждениями. Следовательно, если бы Магомет был предметом обвинений в обмане, это было бы тягчайшим из всех обвинений: он был бы вынужден защищаться самым энергичным и торжественным образом, то есть коранических откровениями, и мы имели бы точную память о доводах, употреблённых для опровержения хулителей и сокрушения страшной клеветы. Ценность этого соображения весьма велика, если принять в расчёт, что число врагов и сила их неприязни к Магомету всё более возрастали, когда после Бегства Пророк столь расширил поле своей деятельности и прибег к *ultima ratio* оружия.

Поэтому можно с уверенностью заключить, что никто из тысяч язычников, знавших ислам и следовавших ему или боровшихся с ним, никогда не ставил под сомнение добросовестность Магомета, называвшего себя вдохновлённым: ислам мог считаться некоторыми злым созданием недоброжелательного духа, но никогда — человеческой мистификацией. Нельзя также сказать, что Магомет проповедовал среди невежественных дикарей, которым можно было внушить любую искусную ложь. Деятельность Магомета имела то дивное следствие, что совершила отбор лучших

элементов арабского общества и собрала вокруг него людей самого высокого ума и самого цельного характера, какие были в стране. Возможно ли, чтобы такие люди, как Абу Бакр, Умар, Абд ар-Рахман б. Ауф, Абу Убайда б. аль-Джаррах, Са‘д б. Аби Ваккас и столько других, то есть те люди, которые руководили завоеваниями и создали обширную империю халифов, несомненно величайшие люди своего времени, могли быть столь слепы, столь мало прозорливы, чтобы не раскрыть обмана Магомета? Если же допустить, что они провидели обман и молчали, то как объяснить столь вопиющую недобросовестность и двуличие у людей, которые в общественной жизни, в самых разнообразных и трудных обстоятельствах, проявляли адамантовую цельность характера, всегда утверждая, что строят своё поведение по примеру Пророка? И это не было пустым утверждением, ибо единообразие их вкусов и нравов есть доказательство того, как честно они старались подражать примеру, к которому питали величайшее уважение и восхищение. Допуская поэтому обман со стороны Магомета, мы нашли бы прямо неразрешимой проблему, представляемую поведением таких последователей, как упомянутые нами. Примем во внимание также, что вокруг Магомета не было недостатка в людях острого ума, лишённых всякого нравственного чувства и всякой тени уважения к Пророку или к вере, которую он проповедовал. При этих обстоятельствах невозможно поддерживать тезис, что, если бы Магомет действовал и говорил недобросовестно, это могло бы ускользнуть от сверстников и сподвижников: его обман так или иначе вышел бы на свет, и не было бы недостатка в протестах, в расколах: Магомет кончил бы, как все обманщики. Между тем в изучении жизнеописания Магомета мы видим, что верность и привязанность, предметом которых он был при жизни, не только с каждым днём возрастали в силе у его приближённых, но и круг лиц, готовых повиноваться каждому его знаку, всё расширялся до последнего дня его жизни в непрерывной прогрессии[372].

Поэтому мы заключаем, принимая во внимание природу людей, последовавших за Магометом, и принимая во внимание также возвышенную природу нравственных явлений, порождённых примером человека, у которого никогда ни от кого не было тайн и который привык жить во дворе, в комнатах без дверей, постоянно на глазах у всех[373], — *во-первых*, что Магомет не мог бы сплести обман, не будучи с течением времени раскрыт и разоблачён; *во-вторых*, что точная память об этом обмане так или иначе дошла бы до нас.

---

[372] Косвенное доказательство добросовестности Магомета заключается в том, что один из самых известных его биографов, Мьюр, который ведь не стесняется в словах, порицая Магомета, в действительности убеждён в его искренности. С другой стороны, не имея возможности принять за истину утверждения Магомета, он оказался перед дилеммой и, чтобы объяснить явление, придумал невероятную гипотезу, что Магомет был действительно вдохновлён, но не Богом, а сатаной. Иными словами, он принял языческое объяснение подобных нравственных явлений. Мьюр, конечно, впоследствии раскаялся в этой минутной утрате исторического чутья; и не выдерживает критики его рассуждение, будто искушение Иисуса Христа в пустыне может служить доводом в пользу того, что сатана действительно искушал и соблазнил мекканского Пророка. Для нас, однако, всегда примечательно, что автор с чувствами Мьюра вследствие добросовестного рассмотрения деятельности Пророка должен был признать, что Магомет был искренен и, быть может, заблуждался, но не был обманщиком. И Карлейль с дивной прозорливостью отстаивал совершенную искренность Магомета.

[373] Примечателен тот факт, что немало вдохновений и «откровений» приходило к Пророку на глазах у жён и приближённых, но также в присутствии всех верующих, среди бела дня: например, во время возвращения из похода на Мурайси‘.

Поскольку сподвижники считали Магомета добросовестным и верили в него, мне кажется, следовательно, трудно утверждать, что Магомет не был действительно искренен и по намерению честен в том, что говорил и делал.

§ 135. — Но как же тогда объясняется поведение Пророка? Возможное объяснение вопроса существует: но, предупреждаю, нить рассуждения так тонка, что, быть может, не все захотят за ней следовать.

Ни один беспристрастный биограф аравийского Пророка — я указываю лишь на новейших и лучших — не отрицал, что Магомет действовал вначале вследствие истинного и честного убеждения и считал, без тени обмана, что его собственные волнения проистекают от прямого влияния какого-то сверхъестественного существа. В этом пункте, мне кажется поэтому, не может быть сомнений. Предание сохранило также отчётливую память о периоде, когда Магомет получал эти вдохновения с большим трудом и потому впадал в тягостное уныние. Утверждается ещё, что в течение некоторого периода их у него не было вовсе и что его душа терзалась несказанными муками. Эти предания были сохранены верными мусульманами и искажены позднейшими преданниками, ибо в век ожесточённых богословских споров с христианами и другими они казались действенным доводом, доказывавшим, что Магомет получал откровения не тогда, когда их просил, а лишь тогда, когда Бог соглашался их ему даровать. Тем не менее я считаю, что эти предания можно рассматривать как отдалённую память о времени, когда религиозные проявления души Магомета по своей новизне с трудом находили непосредственное выражение в слове. Его понятия не были ясны, он не понимал хорошо, чего хотел, и его душа, ещё неопытная, блуждала в лабиринте смутных стремлений и запутанных идей. Это был первый, самый тёмный период, когда он ещё сомневался в себе, в своих силах, а иногда и в собственном вдохновении. Есть даже память — в предании, однако, недостаточно засвидетельствованном — о своего рода попытке самоубийства: так велика была, говорят, тоска его души.

Условия, однако, не замедлили измениться. Сила его ума, неукротимое упорство его характера, никогда не признававшего себя побеждённым, и искренняя и глубокая природа его внутреннего волнения, соединившись, победили материальные трудности, мешавшие его духу проявиться. Идеи приобрели бо́льшую точность, слово стало ему послушнее и действеннее: откровения следовали одно за другим с бо́льшей частотой и лёгкостью. Все поэты, композиторы и писатели имели период трудного испытания, прежде чем приобрести опыт, необходимый для свободного и полного проявления их дарования и мысли. В случае Магомета и другие обстоятельства облегчили ему вдохновения. Началась борьба с язычниками: предмет откровений уже не ограничивался поэтому заумными выражениями о незримом божестве, но, часто развёртываясь в полемическом тоне, охватывал теперь и ответы на определённые вопросы и колкие обвинения. Материальные факты жизни и борьбы привлекли к себе внимание Пророка и придали бо́льшую точность его мыслям, легче доставляя ему предмет для спора и помогая ему определить поле, форму и содержание своих идей. Этот факт имел особое значение для гения Магомета, которому будущее было противно

во всех своих формах и который, равнодушный ко всему прочему, всегда жил, устремив внимание на нужды настоящего.

Откровения умножались в числе с ростом потребностей в борьбе против язычников: непрерывное повторение этих нравственных явлений, которые Магомет приписывал сверхъестественному внушению, начало порождать своего рода привычку, всё возрастающую свычку, так что если вначале он считал истинной формой вдохновения лишь плод сосредоточенного размышления, то впоследствии смешал с этими проявлениями и самопроизвольные, мимолётные проявления своего чувства. Это смешение, или самообман, как угодно, совершившееся в Пророке, становилось тем больше, чем больше стиль и мысли откровений приближались к обычным понятиям повседневной жизни. Сами сподвижники Пророка не раз — как, например, в аль-Худайбии (ср. 6 г. х., § 36; Хишам, с. 747; Вакиди — Велльхаузен, с. 255) — уже не умели отличить проявлений Магомета как человека от проявлений его как Пророка[374]. Коран — верное зеркало этой бессознательной эволюции, продолжавшейся почти без перерыва до дня смерти. Стиль, порой тёмный, часто риторический, но нередко трепещущий истинной поэзией, — особенность древнейших мекканских сур — показывает, как глубоко размышлял Пророк в тот первый период и скольких трудов стоило ему каждое откровение. Но с того времени стиль и мысли, выраженные в Коране, постоянно всё более приближались к стилю и мыслям обыденной речи, несмотря на то что в последний период своей жизни он старался держаться особого, своего стиля, скучного, полного риторических повторений. Словом, мы видим, что откровения уже не стоили ему никакого труда, не были уже плодом особого возбуждения его души, не были плодом трудного усилия ума, не имели уже отличительных черт первоначального откровения.

§ 136. — Внимательно следуя этим путём за эволюцией духа Магомета, мы поражаемся прежде всего слепотой, с которой он ей отдался, и почти невероятным доверием и уверенностью в себе, которые не только никогда не заставляли его сомневаться в себе самом, но ни на миг не внушали ему сомнения, что сподвижники могли бы хоть в малейшей подробности усомниться в нём. Перед таким удивительным поведением Пророка ещё удивительнее поведение последователей. В самом деле, тогда как в мекканский период, то есть когда абсолютная искренность Пророка просвечивает яснейшим образом, мы имеем точное упоминание о многочисленных отпадениях и отступничествах, они почти совершенно прекращаются в позднейший период, когда поведение Пророка было порой такой природы, что допускало некоторое сомнение в его искренности. Чтобы объяснить эту кажущуюся аномалию, мы вынуждены предположить, что Магомет обладал в мере, бесконечно превосходящей всё, что мы можем знать или вообразить, редчайшими качествами истинного пастыря народов, то

[374] Мы можем привести среди многих следующее характерное предание, показывающее, как в конце концов в уме сподвижников человек смешался с Посланником Божиим: (Йахья б. Адам, от Исраиля, от Симака б. Харба, от Мусы б. Тальхи, от его отца) Однажды Пророк, прогуливаясь с Тальхой, увидел, что какие-то люди взбираются на пальмы, и спросил, что они делают: «Соединяют цветы мужской пальмы с цветами женской, чтобы получить оплодотворение плодов». — «Не думаю, — заметил Магомет, — чтобы это могло хоть сколько-нибудь помочь». Когда работники услышали эти слова, они прекратили работу. Заметив это, Пророк добавил: «Если эта работа может принести им какую-нибудь пользу, пусть делают: я высказал лишь мнение и не говорил, что это сказал Бог. Я не притязаю, будто Бог сказал то, чего Он не говорил» (Йахья, 79–80).

есть недосягаемым знанием человеческой природы, соединённым с тончайшим врождённым искусством пленять мысли, привязанность и волю людей и господствовать над ними. Счастливые достигнутые успехи всё более утверждали его в убеждениях, и, всё более успокаиваемый опытом, он не знал уже пределов в и без того безмерной уверенности в себе и в абсолютном доверии к истинности собственных учений. Это проступает не только почти из каждого стиха коранического текста, где честно предполагается, что все слушатели должны тотчас преклониться перед откровенным словом, но и из смелости всей его политической и религиозной программы: завоевание мекканского святилища и слияние и подчинение племён, никогда в истории не имевших и не признававших господина.

Такое безмерное и смелое доверие, о котором не знаешь, следует ли определить его как безумное или как возвышенное, — никто не может этого отрицать — заразительно в высшей степени, даже когда оно — как в случае Магомета — черпает силу не в одном лишь религиозном чувстве. Солдаты всегда с порывом следуют за полководцем, который побеждает и даёт почувствовать, что в сердце у него уверенность в победе. Сподвижники были охвачены заразой: восхищение, почитание, привязанность и слепое доверие слились в одно чувство и побудили сподвижников последовать за ним в изгнание и оставаться ему твёрдо верными через тягчайшие испытания и перед лицом самых серьёзных опасностей, которые не раз, казалось, ставили под вопрос самое существование мусульманской секты и будущее веры.

Так случилось, что Пророк и последователи, все ослеплённые одним и тем же чувством, не только не заметили преобразования целей и природы ислама, который из чисто религиозного в Мекке стал явно теократическим и политическим в Медине, но не заметили даже различия в чувствах и поведении Пророка и человеческого вырождения божественных откровений[375]. Как Пророку, так и его последователям казалось совершенно естественным, что Бог вмешивается и в тривиальные происшествия домашней, повседневной жизни: разве Магомет не был избранником из избранников Божиих, Его Посланником, последним и высшим из Пророков?

§ 137. — В этом общем ослеплении действие было взаимным: поведение и чувства Пророка воздействовали на сподвижников, а чувства, пробуждённые в них, отражались в свою очередь на поведении и духе Пророка, который более чем когда-либо утверждался в собственных убеждениях. Это было взаимное действие, которое заставило действующих лиц всей этой драмы утратить точное чувство действительности. Незаметными переходами Пророк пришёл к убеждению, что не только его официальные откровения — коранические откровения, — но и всякое его действие, всякое проявление его воли должно быть выражением воли божественной. Типичен в этом отношении эпизод в аль-Джи‘ране, когда Магомет по чистому своему произволу купил обращение курайшитов, то есть своих величайших и давнишних

[375] Если допустить эту слепоту, легче понять поведение Магомета, когда он в различных случаях отменял или изменял прежние откровения, не замечая непостижимости мысли, что Бог мог ошибаться или менять мнение. Проблема отменённых стихов доставила много хлопот мусульманским богословам и толкователям в гораздо более поздние эпохи, когда введение философских сочинений греков отточило оружие исламского богословия и обнаружило слабые стороны и неразрешимые противоречия, в которые впал этот простой сын пустыни, не знавший даже имени логики и философии.

врагов, лишив, напротив, самых верных сподвижников вознаграждения, которое они вполне заслужили драгоценными услугами, оказанными Пророку и вере. На протесты сподвижников Пророк дал изумительный ответ, что он поступил сообразно с волей Божией. Мы имеем, следовательно, прямое признание Пророка, что он действовал по вдохновению и что поэтому ему не было нужды, прежде чем действовать, оправдываться откровением. Если в первые времена откровение предшествовало действию, то позднее оно следовало за ним, если это было нужно, или же вовсе обходились без него. На этом пути сподвижники последовали за ним без протеста, и создалось убеждение, что все речи и все действия Пророка суть проявления воли Божией. Все действия и слова Магомета стали приниматься без обсуждения.

Когда родилось это убеждение — которое было, однако, сформулировано и установлено как догмат лишь в позднейшие времена, — почти совершенно исчез всякий мотив оправдываться перед последователями, а следовательно, и всякий повод для новых откровений. Так мы имеем своеобразный факт, которому, быть может, до сих пор не придавали достаточного значения, что в последние два года жизни, за исключением указа, запрещавшего язычникам доступ к мекканскому святилищу, и другого, которым он установил лунный год, Магомет больше не делал откровений. Он достиг великой цели своего существования — обращения родного города; никто больше не обсуждал и не оспаривал его учений: враги ислама были все далеко, за пределами уже обширного царства: какая нужда была ещё в откровениях? Бог умолк, и смерть, наступившая вскоре затем, помешала этому молчанию когда-либо прерваться. Последние проявления мысли Пророка известны нам лишь через несовершенное посредство *хадиса*, которому мы обязаны памятью о знаменитой речи, произнесённой им во время Прощального паломничества, последнем публичном выражении великого преобразователя накануне его схождения в могилу.

При таком объяснении поведение Магомета предстаёт в форме естественной и логичной, без перерыва непрерывности, без резких переходов от искренности к обману; историческая картина аравийского Пророка становится целым ясным и органичным, со всеми своими частями, тесно, даже необходимо связанными между собой. Религиозный визионер первых лет превращается в проповедника, который в свою очередь становится, по внутреннему убеждению в истинах, им выраженных, вдохновлённым пророком и божественным посланником: в долгой борьбе четверти века мирские и человеческие элементы постепенно берут верх над духовными и божественными, и если мы шаг за шагом проследим нравственную эволюцию человека в воинственном обществе Аравии, мы не сможем найти повода ни для удивления, ни для порицания, видя, как религиозный проповедник испускает последний вздох государем могущественной военной теократии.

§ 138. — Из предыдущих соображений и из простого сравнения, которое можно было бы провести, с одной стороны, между делом, средствами и достигнутыми Магометом следствиями и, с другой, между делом, пошлыми уловками мистификации и несчастным концом стольких настоящих и пошлых обманщиков, нам кажется оправданным тезис, что Магомет всегда действовал с честной и первобытной искренностью и с абсолютной добросовестностью. Поэтому мы не сомневаемся, что,

даже если наше рассуждение не сумеет убедить всех читателей, конечный результат изучения происхождения ислама не приведёт к заключениям, весьма отличным от наших.

Магомет, несомненно, совершал ошибки, одни невольные, другие нет, но задачей исторической критики будущего будет выяснить, докуда простирается личная ответственность Пророка и где, напротив, его действия следует рассматривать как безответственное выражение особых условий общества, ещё находившегося на первобытной стадии своего развития. Мы думаем, что большую часть ошибок и недостатков Пророка и созданной им религиозной системы следует приписать среде, в которой он жил и лучше которой он знал другую лишь в весьма несовершенной степени.

Человек велик в истории лишь в той мере, в какой он мыслит и действует выше среднего уровня людей своего времени. Но чтобы быть справедливыми в наших оценках, мы не можем требовать от простого смертного более того, что по-человечески возможно. Если Магомет не увидел и не постиг некоторых истин, которые ныне составляют общее достояние среднего человека, ибо суть наследие вековой цивилизации, мы не можем ставить ему этого в вину, и наш долг — признать, что Магомет был велик в истинном смысле слова, поскольку его фигура возвышается, как фигура великана, над всеми его современниками и в Аравии, и вне её. Большинство самых выдающихся его последователей были в свою очередь велики и знамениты лишь постольку, поскольку сохранили истинный гениальный дух великого учителя и верно следовали его примеру.

Магомет создал новое общество и основал новую веру, и то и другое намного выше существовавших прежде в его стране. Мерой этого превосходства служит огромный успех, который она имела в мире у народов, бывших ведь наследниками древнейших цивилизаций. Хотя он был простым сыном пустыни, который, быть может, никогда не покидал родины и никогда не знал никакой части необъятного мира, его окружавшего, он всё же создал религиозную систему столь гениальную, столь соответствующую при некоторых особых условиях общества истинным потребностям человеческой природы, что и ныне, почти через тринадцать веков, его система есть вера сильная, деятельная и живая у 200 000 000 людей и ежегодно приобретает тысячи прозелитов в сердце двух великих материков, в Азии и в Африке.

Никогда не существовало другого человека, о котором можно было бы сказать то же и который оставил бы столь великий и столь прочный след в судьбах себе подобных.

Жёны Пророка

§ 139. — Все мусульманские источники по жизнеописанию Пророка, дойдя до последней болезни, которой предстояло унести Магомета, прилагают длинные перечни того, чем владел Пророк, среди которых в первую очередь — жёны[376]. О числе их

[376] Большое число жён и обильные известия о чувственности Пророка доставили материал для одного из доводов, наиболее часто и наиболее широко употреблявшихся, чтобы выставить в неблагоприятном свете великого врага христианства. Несколько кратких соображений помогут, надеюсь, выяснить, как много в этом

источники не согласны, ибо некоторые утверждают, что он был помолвлен с 15 женщинами; нам сообщают, однако, что в действительности он женился лишь на 13 или 14 и возлежал лишь с одиннадцатью из них (Табари, I, с. 1766; Са‘д, VIII, с. 156–160). Некоторые умерли раньше него, других он отверг, так что, когда он перестал жить, у него их было всего девять. Мы обладаем, однако, 26 (с вариантами число возрастает до 40) именами женщин, называемых его жёнами или невестами, и даём здесь их полный перечень, располагая имена, насколько возможно, в хронологическом порядке браков. Следует, однако, заметить, что в действительном существовании многих позволительно серьёзно сомневаться: неясно к тому же, сколько из них были лишь наложницами и сколько действительно жёнами; в этом вопросе источники оставляют много неопределённости. Из имён следующего списка лишь первые тринадцать достоверны. О жёнах, имевших историческое действие и значение, мы дадим краткие жизнеописания в годы их смерти.

(1) **Хадиджа бинт Хувайлид**, от которой он имел восемь детей: аль-Касим, ат-Тайиб, ат-Тахир, Абдаллах, Зайнаб, Рукайя, Умм Кульсум и Фатима (ср. Введение, § 151; Табари, I, с. 1766–1767; Асир, II, с. 233; Халаби, III, с. 536; Са‘д, VIII, с. 7–11; Кутайба, с. 65; Хаджар, IV, с. 537–542, № 333; Асир, *Усд*, V, с. 431 и сл.). Она умерла до переселения в Медину.

(2) **Сауда бинт Зам‘а б. Кайс б. Абд Шамс** [† 54 г. х.]. (Ср. Введение, § 331; Табари, I, с. 1767, 1769; Асир, II, с. 233–234; Са‘д, VIII, с. 35–39; Кутайба, с. 65; Хаджар, IV, с. 650, № 602; *Хамис*, I, с. 364, стр. 9; Асир, *Усд*, V, с. 484–485).

(3) **Аиша бинт Аби Бакр ас-Сиддик** [† 58 г. х.]. (Ср. Введение, § 331, и 1 г. х., § 77; Табари, I, с. 1767–1770; Асир, II, с. 234; Са‘д, VIII, с. 39–56; Кутайба, с. 65–66; Хаджар, IV, с. 691–695, № 699; Асир, *Усд*, V, с. 501–504).

(4) **Хафса бинт Умар б. аль-Хаттаб** [† 45 г. х.]. (Ср. 3 г. х., § 10; Табари, I, с. 1771; Асир, II, с. 234; Са‘д, VIII, с. 56–60; Кутайба, с. 66; Хаджар, IV, с. 520–523, № 294; Асир, *Усд*, V, с. 425–426).

(5) **Умм Салама Хинд бинт Аби Умайя б. аль-Мугира аль-Махзумийя** [† 59 г. х.]. (Ср. 4 г. х., § 16; Табари, I, с. 1771; Асир, II, с. 234; Са‘д, VIII, с. 60–67; Кутайба, с. 67; Хаджар, IV, с. 885–890, № 1301; *Хамис*, I, с. 524; Асир, *Усд*, V, с. 588–589).

(6) **Зайнаб бинт Хузайма б. аль-Харис б. Абдаллах** [† 4 г. х.] (ср. 4 г. х., §§ 16 и 22), из бану амир б. са‘са‘а, первая жена, умершая раньше Пророка (Табари, I, с. 1775–1776; Асир, II, с. 234; Са‘д, VIII, с. 82; Кутайба, с. 66). Она была женой всего два или восемь месяцев (Хаджар, IV, с. 604–606, № 473; Асир, *Усд*, V, с. 466–467).

(7) **Джувайрийя бинт аль-Харис б. Аби Дирар б. Хабиб б. Малик аль-Хуза‘ийя** [† 50 или 56 г. х.]. (Ср. 5 г. х., § 9; Табари, I, с. 1772; Асир, II, с. 234; Са‘д, VIII, с. 83–85; Кутайба, с. 68; Хаджар, IV, с. 505–507, № 260; *Хамис*, I, с. 533; Асир, *Усд*, V, с. 419–421).

недоброжелательного преувеличения и что поведение Магомета имеет некоторые смягчающие обстоятельства.

(8) **Зайнаб бинт Джахш б. Ри’аб б. Я‘мар аль-Асадийя** [† 20 г. х.]. (Ср. 5 г. х., § 20; Табари, I, с. 1772–1773; Асир, II, с. 236; Са‘д, VIII, с. 71–82; Кутайба, с. 66; Хаджар, IV, с. 600–603, № 467; Асир, *Усд*, V, с. 463–465).

(9) **Умм Хабиба Рамля бинт Аби Суфйан б. Харб** [† 44 г. х.]. (Ср. 6 г. х., § 53, и 7 г. х., §§ 53 и 58; Табари, I, с. 1772; Асир, II, с. 234; Са‘д, VIII, с. 68–71; Кутайба, с. 67; Хаджар, IV, с. 584–587, № 432; Асир, *Усд*, V, с. 573–574).

(10) **Мария аль-Кибтийя** [† 16 г. х.], рабыня-коптянка, присланная, говорят, в дар Мукаукисом Египетским (ср. 6 г. х., § 49; Табари, I, с. 1775; Асир, II, с. 236; Хаджар, IV, с. 779–780, № 976; Асир, *Усд*, V, с. 543–544).

(11) **Сафийя бинт Хуйайй б. Ахтаб б. Са‘йа** [† 50 или 52 г. х.]. (Ср. 7 г. х., §§ 36 и 48; Табари, I, с. 1773; Асир, II, с. 236; Са‘д, VIII, с. 85–92; Кутайба, с. 68; Хаджар, IV, с. 666–669, № 646; Асир, *Усд*, V, с. 590–591; *Хамис*, II, с. 62).

(12) **Маймуна бинт аль-Харис б. Хазн б. Буджайр б. аль-Хузам аль-Хилалийя** [† 61 г. х.]. (Ср. 7 г. х., § 74; Табари, I, с. 1773; Асир, II, с. 235; Са‘д, VIII, с. 94–100; Кутайба, с. 67–68; Хаджар, IV, с. 793–796, № 1018; *Хамис*, II, с. 70, 71–72; Асир, *Усд*, V, с. 550–551).

(13) **Райхана бинт Зайд ан-Надарийя** [† 10 г. х.]. (Ср. 10 г. х., § 79; Табари, I, с. 1775; Са‘д, VIII, с. 92–94; Хаджар, IV, с. 591–593, № 444; Асир, *Усд*, V, с. 460–461). Вторая жена, умершая раньше Пророка.

(14) **ан-Нашат бинт Рифа‘а**, из бану килаб б. раби‘а, союзников бану рифа‘а б. курайза. Другие называют её Сана бинт Асма б. ас-Салт ас-Суламийя; другие — Саба бинт Асма б. ас-Салт из бану харам, ветви бану сулайм (Табари, I, с. 1774); Асир (II, с. 235) называет её ан-Наша. Это разнообразие имён происходит лишь от ошибок древнейших переписчиков; вероятно, речь идёт об одном лице. Са‘д (VIII, с. 100) прибавляет ещё другие имена: Фатима бинт ад-Даххак б. Суфйан аль-Килабийя; Амра бинт Язид б. Убайд аль-Килабийя; аль-Алийя бинт Забйан аль-Килабийя. Среди стольких неопределённостей и разнообразия имён одно кажется почти несомненным, а именно, что она была килабиткой. Хотя она была выдана за Пророка, она так и не захотела возлечь с ним, и он её отверг. Это случилось, говорят, в зу-ль-ка‘де 8 г. х. (Са‘д, VIII, с. 101, стр. 5–8).

(15) **аш-Шанба бинт Амр аль-Гифарийя**, или, по некоторым, еврейка из бану курайза. В день её свадьбы у неё наступили месячные, так что Пророк её не коснулся, а прежде чем она очистилась, умер Ибрахим, сын Пророка. Аш-Шанба воскликнула тогда: «Если бы он был действительно Пророком, не умер бы тот, кто ему дороже всех!» Магомет, услышав эти слова, отверг её, не коснувшись (Табари, I, с. 1774; Асир, II, с. 236). Весьма вероятно, это та же, что и в предыдущем номере.

(16) **Газийя бинт Джабир**, из бану аби бакр б. килаб. Магомет услышал о красоте её черт и её тела и пожелал взять её в жёны: он просил её руки через Абу Усайда аль-Ансари, и просьба была принята родителями; но девушка, приведённая к Пророку, так открыто выразила своё отвращение к браку с ним, сказав ему это

даже прямо в лицо, что он отослал её обратно к её семье (Табари, I, с. 1774–1775; Асир, II, с. 235, называет её Араба, что может быть ошибкой переписчика вместо Газийя: ср. также ниже, § 141, № 5).

(17) **Асма бинт ан-Ну‘ман б. аль-Асвад б. Шурахбиль аль-Киндийя**. Когда он возлёг с ней в первую ночь, Магомет обнаружил, что у неё есть изъян (*баядан*, пятно проказы?); поэтому он заключил с ней временный брак, называемый *мут‘а* (*матта‘аха*), а затем отослал её домой к её семье с вознаграждением. Другие версии рассказывают, что она выказала неприязнь и отвращение к тому, чтобы возлечь с Пророком, и была поэтому им отвергнута, не будучи тронутой (Табари, I, с. 1775; Асир, II, с. 236; Са‘д, VIII, с. 102–105). Для её отвержения приводятся те же причины, что и для килабитки (ср. выше, № 14); быть может, обе — одно и то же лицо.

(18) **Шараф бинт Халифа**, сестра Дихьи б. Халифы аль-Кальби (Табари, I, с. 1776. Ср. § 141, № 9).

(19) **аль-Алийя бинт Забйан**, из бану аби бакр б. килаб, с которой Пророк заключил временный брак (*матта‘аха*, то есть заключил с ней брак *мут‘а*), а затем отослал её домой (Табари, I, с. 1776; Асир, II, с. 235). Это известие кажется переделкой данного в № 17, и потому она могла бы быть тем же лицом, что и в № 14 и 17.

(20) **Кутайла бинт Кайс б. Ма‘дикариб**, сестра аль-Аш‘аса б. Кайса, с которой, однако, Магомет не смог завершить брак, ибо умер до свадьбы. Она по смерти Пророка отреклась от ислама вместе с братом. (Табари, I, с. 1776; Асир, II, с. 235; Са‘д, VIII, с. 105–106).

(21) **Фатима бинт Шурайх**. (Табари, I, с. 1776; ср. имена, данные в № 14).

(22) **Хауля бинт аль-Хузайль б. Хубайра б. Кабиса**. (Табари, I, с. 1776; Асир, II, с. 236; ср. § 141, № 8).

(23) **Амра бинт Язид**, из бану ру’ас б. килаб аль-Килабийя; так у Табари, I, с. 1777, но это, вероятно, та же женщина, что и в № 14; ср. Са‘д, VIII, с. 100, стр. 25.

(24) **Мулайка бинт Ка‘б аль-Лайси**. (Са‘д, VIII, с. 106; ср. 8 г. х., § 194: быть может, то же лицо, что и в № 14).

(25) **Дочь Джундаба б. Дамры аль-Джунда‘и**. Известие, однако, ненадёжно: Магомет никогда не возлежал с ней (Са‘д, VIII, с. 106).

(26) **Саба бинт ас-Салт б. Хабиб б. Хариса ас-Суламийя**. Умерла прежде, чем Магомет смог возлечь с ней (Са‘д, VIII, с. 106–107); быть может, то же лицо, что и в № 14.

О жёнах Магомета ср. также *Хамис*, I, с. 299–305; Халаби, III, с. 536–552; Йа‘куби, II, с. 92–95; *‘Икд*, II, с. 247, стр. 8 и сл.; Навави, с. 35.

1° Общество, в котором жил Магомет, было многоженным, и немногие не имели нескольких жён. Непрерывные военные предприятия и похищения женщин наполняли гинекеи наложницами сверх законных жён. В Аравии было столь естественно, что

хозяин возлежит со своими рабынями, что обычно этому не придавали никакого значения. Когда хозяину надоедала женщина, он продавал её и покупал или похищал другую. Походы Магомета наполнили Медину рабынями, переходившими от одного мужчины к другому.

2° В Аравии был ещё весьма распространён обычай так называемого брака *мит‘а* или *мут‘а*, по которому мужчины и женщины вступали во временные союзы на год, два или даже на несколько месяцев, по истечении которых, если обе стороны были согласны, они возобновляли договор, а иначе расходились, и женщина была свободна вступить во второй брак, с кем пожелает. Этот безнравственный обычай, равнявшийся свободному союзу полов, был запрещён лишь во времена халифа Умара. Магомет по неизвестным причинам не принял относительно него никакого решения: быть может, в Медине и в Мекке он был менее част, чем в пустыне.

3° Брачные узы были весьма слабы, и лёгкость развода была крайней: мужчина из простой прихоти мог отвергнуть женщину. Известен случай аль-Мугиры б. Шу‘бы, который развёлся с женой, потому что однажды утром застал её чистящей зубы щепкой. Столь же легко в доисламскую эпоху было и отвержение мужа женой.

4° Следствием таких условий в отношениях полов было полное равнодушие к домашней нравственности и необузданная, полная преданность наслаждению плотскими чувствами, отнюдь не считавшаяся безнравственной или неприличной. Прибавим ещё, что природа арабов была (и, быть может, остаётся) одной из самых пылких, какие известны. Даже посредственное знакомство с огромной сокровищницей арабских слов обнаруживает существование поистине чрезмерного числа слов, относящихся к соитию и к естественным частям мужчины и женщины. Необычайное обилие этих слов показывает, что внимание арабов было сильно поглощено мыслями, которым эти слова соответствуют. Быть может, ни один язык в мире, кроме санскрита, не обладает таким обилием непристойных выражений, как арабский. Но если у древних индийцев чувственность была проникнута ощущением изнеженной и выродившейся преданности чувствам, то у арабов она была, напротив, выражением огромной юношеской силы, неутолимой жажды обладания; она была одной из сторон той изумительной жизненной силы, которая повлекла их непобедимыми завоевателями до пределов известного мира. Эта мощь выражалась всеми способами — в языке, в действии, в отношениях с женщиной и на поле битвы. Привожу из тысячи лишь один пример из словаря: глагол *фада* в IV породе, *афда*, означает, по Казимирскому (*Dictionnaire Arabe-Français*, Paris, 1860; ср. т. II, с. 609, первая колонка), увечье, причинённое женщине насилием при соитии. Никакой другой язык, быть может, не может привести подобного выражения! (Ср. также Lane, *Arabic-English Lexicon*, ч. VI, с. 2411, первая колонка, внизу, и *Тадж аль-‘арус*, т. X, с. 281, стр. 35).

5° Все сподвижники Магомета, даже самые выдающиеся, имели, как мы увидим далее, большое число жён и брали новых и молодых даже в глубокой старости; так было с Абу Бакром, с великим Умаром, с семидесятилетним Усманом и со многими другими, которых место не позволяет нам упомянуть и о которых мы скажем в *Анналах*.

6° Мужская сила человека высоко ценилась в пустыне, как уже в мифическую эпоху Греции и Индии (ср. миф о Геракле и всю ведическую мифологию), и человек, который мог возлечь с несколькими жёнами в одну ночь, возбуждал восхищение: это воззрение отразилось в преданиях о Пророке, которому хотели приписать все добродетели, наиболее ценимые его современниками. Уже во Введении (ср. § 115, прим. 8) мы упомянули о великой мужской силе Пророка: такие подробности суть также выражение чувства, что чувственность и крепкая мужская сила Пророка, остававшаяся деятельной до шестидесяти с лишним лет, были божественным даром, пожалованным как милость Посланнику Божию. Так, у Са‘да, VIII, с. 139, у нас есть особая глава об этом предмете и утверждение, что у него была мужская сила сорока мужчин: до миссии же, говорят, он был почти бессилен.

7° Восхищение Пророком и почитание его побудили преданников сохранить память о самых ничтожных подробностях о нём: поэтому они заблудились в лабиринте праздных эпизодов об отношениях между Пророком и жёнами (ср. Са‘д, VIII, с. 121–160) и составили списки жён, путая даже имена, а быть может, и выдумывая их. Если имя какой-либо женщины было неопределённо и существовало в нескольких версиях, они в конце концов воображали, что каждое имя есть имя другой жены.

8° Следует также заметить, что браки Магомета не все надо приписывать пошлой чувственной страсти. Многие союзы были определены политическими побуждениями — привлечь симпатии некоторых племён или теснее привязать к себе некоторых последователей. К этому разряду принадлежат браки с пожилой вдовой Саудой, с тоже вдовой и пожилой Умм Хабибой, с Маймуной и некоторыми другими. Его браки с дочерьми Абу Бакра и Умара также имели оппортунистические причины. Так он сильнее привязывал к себе своих верных сподвижников или пользовался супругой, чтобы влиять на душу отца, если тот был его противником: Умм Хабиба, несомненно, была посредницей между своим мужем, Пророком, и своим отцом Абу Суфйаном в переговорах, приведших к взятию Мекки. Велльхаузен показал к тому же (ср. *Ehe bei den alten Arabern*, 435), что у древних арабов победа не считалась полной и настоящей, пока дочь побеждённого не вступала в гинекей победителя. Это объясняет нам многие браки Пророка на поле битвы.

9° Наконец, можно добавить (ср. Margoliouth, *Mohammed*, 177), что Магомет, весьма вероятно, очень желал иметь сына. У нас есть и другие указания (ср. Харири, 430) на арабов, бравших одну жену за другой, чтобы иметь сына.

Из этих замечаний легко понять, как западные биографы и религиозные полемисты, не знавшие истинных условий Аравии, могли с видимостью правды описывать нам Пророка как похотливого сатира. В действительности он был человеком чувственным, ни более ни менее, чем его сверстники. Но благодаря своему высокому положению он имел больше соблазнов, чем другие, и, поскольку нравственное чувство времени это допускало и в известном смысле даже этим восхищалось, Магомет порой уступал страсти. Он, однако, действовал открыто, без лицемерия, и никто никогда не ставил ему этого в упрёк. Было бы к тому же легко показать, что он был одним из тех

людей, которые всегда и лучше всего сохраняли власть над собой и над собственными страстями.

§ 140. — У нас есть, кроме того, отдельный список женщин, на которых Магомет хотел жениться и даже сватался, но брак с которыми не был заключён по разным причинам: (1) Умм Хани бинт Аби Талиб (Табари, I, с. 1777); (2) Дубаʻа бинт Амир б. Курт б. Салама б. Кушайр, из бану амир б. саʻсаʻа (там же); (3) Сафийя бинт Башшама, сестра аль-Аʻвара аль-Анбари (там же); (4) Умм Хабиб бинт аль-Аббас б. Абд аль-Мутталиб, молочная сестра Пророка (там же); (5) Джамра бинт аль-Харис б. Аби Хариса, больная проказой (там же; ср. § 139, № 14).

§ 141. — В тексте Ибн Саʻда (Саʻд, VIII, с. 107–115) есть список, несколько отличный от предыдущего. Прилагаем его, опуская многочисленные лишённые интереса подробности, которые Ибн Саʻд даёт при каждом имени: (1) Лайля бинт аль-Хатим б. Ади б. Амр аль-Аусийя, мединка, сестра Кайса б. аль-Хатима; (2) Умм Хани бинт Аби Талиб, двоюродная сестра Пророка и сестра Али; (3) Дубаʻа бинт Амир б. Курт аль-Амирийя, из племени амир б. саʻсаʻа: женщина, знаменитая своей великой красотой и весьма дородная, вдова нескольких мужей и прославленная прежде всего тем, что, «когда садилась, покрывала большое пространство земли!» (Саʻд, VIII, с. 110, стр. 1); (4) Сафийя бинт Башшама б. Надла аль-Анбарийя, сестра аль-Аʻвара б. Башшамы; (5) Умм Шарик Газийя бинт Джабир б. Хаким, из бану амир б. луʼайй: неясно, однако, к какому племени она принадлежала (ансары, даус и т. д.); это та же, что № 16 в § 139; (6) Хауля бинт Хаким б. Умайя б. Хариса ас-Суламийя; (7) Умама бинт Хамза б. Абд аль-Мутталиб, двоюродная сестра Пророка; (8) Хауля бинт аль-Хузайль б. Хубайра б. Кабиса ат-Таглибийя (ср. § 139, № 22); (9) Шараф бинт Халифа б. Фарва аль-Кальбийя, сестра Дихьи б. Халифы (ср. § 139, № 18).

Известия, даваемые о каждой из этих женщин, весьма неясны и противоречивы. Несомненно, здесь преувеличенное умножение и смешение имён.

Клиенты Пророка

§ 142. — Источники дают также следующий перечень мнимых клиентов (*мавали*), или вольноотпущенников, Пророка: (1) Зайд б. Хариса, известнейший сподвижник, убитый в битве при Муʼте (ср. 8 г. х., § 15, № 2); (2) Усама б. Зайд б. Хариса, сын предыдущего; (3) Саубан, умерший в 54 или 57 г. х. в Химсе или Рамле (Табари, I, с. 1778; Асир, II, с. 236; Кутайба, с. 72); (4) Шукран, абиссинец, настоящее имя которого было Салих б. Ади: некоторые считают, что он был персом (Табари, там же; Асир, там же; Кутайба, с. 72); (5) Абу Рафиʻ Рувайфиʻ, настоящее имя которого было либо Аслам, либо Ибрахим (Табари, I, с. 1778–1779; Асир, там же; Кутайба, с. 71–72); (6) Сальман аль-Фариси (Табари, I, с. 1779; Асир, II, с. 236–237); (7) Сафина, перс (Табари, I, с. 1779–1780; Асир, II, с. 237; Кутайба, с. 72); (8) Абу Мусарриха Аняса, рождённый от матери-абиссинки и отца-перса (Табари, I, с. 1780); (9) Абу Кабша Сулайм, умерший в 13 г. х. (Табари, I, с. 1780; Асир, II, с. 237; Кутайба, с. 73); (10) Абу Мувайхиба Рувайкиʻ (Табари, там же; Асир, там же; Кутайба, с. 73); (11) Рабах аль-Асвад (Табари, там же; Асир, там же); (12) Фадала, поселившийся потом в Сирии (Табари, там же; Асир, II, с.

237, и Кутайба, с. 73, называют его Фудала); (13) Мид‘ам, подаренный Магомету Рифа‘ой б. Зайдом аль-Джузами и убитый в Вади-ль-Кура в 7 г. х. (Табари, там же; Асир, там же; Кутайба, с. 73); (14) Абу Думайра, перс, потомки которого притязали на обладание особым письмом Пророка, которое было потом показано аль-Махди [† 169 г. х.] потомком Хусайном б. Абдаллахом и продано халифу за триста динаров (Табари, I, с. 1781; Асир, там же; Кутайба, с. 73); (15) Михран, передававший предания от Пророка (Табари, там же; Асир, там же); (16) Ясар, нубиец, жестоко убитый аль-урания (ср. 6 г. х., § 21; Табари, там же; Асир, II, с. 237, называет его *йунани*, то есть греком; Кутайба, с. 72, называет его Яссар); (17) Мабур, евнух, присланный аль-Мукаукисом из Египта (ср. 7 г. х., § 78; Табари, I, с. 1781–1782; Асир, II, с. 237, называет его Мабуз; ср. Халаби, III, с. 553–554); у Кутайбы (с. 73) есть, кроме того, клиент по имени (18) ан-Нубайх; *‘Икд* (II, с. 247, третья стр. снизу и сл.) говорит, что (19) Абу Аниса был клиентом Пророка, исполнявшим обязанности *хаджиба*, камергера или привратника. Затем добавляет, что (*a*) Анас б. Малик аль-Ансари был его слугой, *хадим*, и казначеем, *хазин*; (*b*) Му‘айкиб б. Аби Фатима хранил печать для писем; (*c*) Билял и (*d*) Ибн Умм Мактум были двумя его *муаззинами*; (*e*) Са‘д б. Зайд аль-Ансари, (*f*) аз-Зубайр б. аль-Аввам и (*g*) Са‘д б. Аби Ваккас — тремя его личными телохранителями, *хуррас*.

Писцы Пророка

§ 143. — У Магомета не было постоянных писцов или секретарей, но он имел обыкновение пользоваться то одним, то другим из сподвижников: наиболее известные имена среди них следующие: (1) Усман б. Аффан; (2) Али б. Аби Талиб; (3) Халид б. Са‘ид; (4) Абан б. Са‘ид; (5) аль-Аля б. аль-Хадрами; (6) Убайй б. Ка‘б, который, говорят, первым исполнял обязанности секретаря Пророка, а когда Убайя не было, Магомет пользовался преимущественно также (7) Зайдом б. Сабитом; (8) Му‘авией б. Аби Суфйаном, со взятия Мекки и далее (Балазури, с. 473, стр. 15)[377]; (9) Ханзалой б. ар-Раби‘ аль-Усайиди (или Асади) ат-Тамими, и, наконец, (10) Абдаллахом б. Са‘дом б. Аби Сархом, который, как известно, отрёкся потом от ислама и едва спас свою жизнь, вновь приняв ислам при взятии Мекки (ср. 8 г. х., § 79; Табари, I, с. 1782; Асир, II, с. 237–238; Халаби, III, с. 554–555).

У Йа‘куби (II, с. 87) мы находим ещё следующие имена писцов Пророка: (11) Амр б. аль-Ас б. Умайя; (12) Шурахбиль б. Хасана; (13) аль-Мугира б. Шу‘ба; (14) Му‘аз б. Джабаль; (15) Джухайм б. ас-Салт; (16) аль-Хусайн ан-Нумайри.

В *Мукль*[378] (II, с. 207, предпосл. стр.) в число секретарей Магомета включены также: (17) Умар б. аль-Хаттаб и (18) Абу Са‘ид б. аль-Ас (ср. также *‘Икд*, II, с. 247, стр. 29 и сл., где сказано, что секретарями, записывавшими откровенные стихи, были №№ 7, 8, 9 и 10). О прочих вариантах и подробностях ср. *Танбих*, с. 282–283; Балазури, с. 473.

[377] Рассказывают о Му‘авии, что однажды Пророк послал за ним, чтобы написать письмо, а Му‘авия замешкался с повиновением, потому что ел: Пророк будто бы сказал тогда: «Да не насытит Бог никогда его чрева». Молитва Пророка возымела действие, и этим хотели объяснить необычайный аппетит Му‘авии, который имел обыкновение есть до семи раз в день (Балазури, с. 473, стр. 16, где, однако, как предупреждает сам издатель, следует исправить *асба‘* на *ашба‘*).

[378] Так в оригинале (*Mqcl*); по-видимому, искажённое сокращение. — *Прим. пер.*

Имена верховых животных, скота и оружия, принадлежавших Пророку

§ 144. — Я мог бы ещё продолжить ряд этих перечней, переводя дословно восточных биографов и давая целиком перечни, которые мы находим в источниках. Оставим эту задачу биографу Пророка и удовольствуемся приложением краткой заметки о различных перечнях, даваемых биографами: (1) имена коней, принадлежавших Пророку: ад-Дарис [ас-Сакб], Лизаз, аз-Зариб, аль-Лухайф и аль-Я‘суб (Табари, I, с. 1782–1783; Асир, II, с. 238); ат-Тирф (ср. 7 г. х., § 20); (2) имена мулов, принадлежавших Пророку (Табари, I, с. 1783–1784; Асир, II, с. 238; Кутайба, с. 73–74); (3) имена дорожных верблюдов, принадлежавших Пророку (Табари, I, с. 1784; Асир, II, с. 238–239; Халаби, III, с. 559–562); (4) имена дойных верблюдиц (*ликха*), принадлежавших Пророку (Табари, I, с. 1784–1785; Асир, II, с. 239); (5) имена верблюдиц, данных Пророку в пользование (*мана’их*) (Табари, I, с. 1786; Асир, II, с. 239); (6) имена мечей, принадлежавших Пророку: Баттар, аль-Хатф, аль-Михзам, Расуб, аль-Адб и Зу-ль-Факар (Табари, I, с. 1786; Асир, II, с. 239); (7) имена его луков (Табари, I, с. 1787; Асир, там же); (8) имена его щитов (Табари, I, с. 1787–1788; Асир, там же; Халаби, III, с. 557–559); (9) перечисление его чудес (Халаби, III, с. 487–512); (10) его внешние (телесные) качества и т. д. (Халаби, III, с. 562–568); (11) его внутренние (нравственные) качества (Халаби, III, с. 568–579) и т. д.

Облик Пророка

§ 145. — Существует много преданий об этом предмете, но все они явно апокрифической природы. В самом деле, Ибн Исхак не передал никакого описания наружности Магомета, а то, которое мы находим в редакции Ибн Хишама, есть его вставка, которую он, по его словам, получил от Умара, клиента Гуфры, который в свою очередь узнал его от Ибрахима б. Мухаммада б. Али б. Аби Талиба как описание, сделанное Али б. Аби Талибом (Хишам, с. 266). В тексте Табари у нас есть подобное описание Пророка, но с более правильным *иснадом*, а потому тем более несомненно апокрифическое (ср. Введение, §§ 12 и сл.): Ибн аль-Мусанна, от Ибн Аби Ади, от аль-Мас‘уди, от Усмана б. Абдаллаха б. Хурмуза, от Нафи‘а б. Джубайра, от Али б. Аби Талиба. Несмотря на апокрифический характер, мы даём свободный перевод двух преданий, соединённых вместе, ибо они по крайней мере составляют древнейшее описание наружности Магомета и, несомненно, должны содержать некоторый правдивый элемент.

Посланник Божий не был ни высок, ни низок, имел большую голову, с волосами ни слишком курчавыми, ни слишком волнистыми, с жёсткими волосами на руках и ногах, широкими плечами и лицом белого цвета с румянцем; у него были длинные волосы на груди: когда он шёл, он двигался энергично, словно спускаясь по склону. У него были чёрные глаза, длинные ресницы и крупный и крепкий костяк (Табари, I, с. 1789; Хишам, с. 266; Асир, II, с. 232).

Существует, однако, и другое предание, также приписываемое Али б. Аби Талибу и с не менее явными апокрифическими чертами, в котором повторено с добавлениями и лёгкими вариантами сказанное выше: а именно, у него была обильная и густая борода,

и когда он шёл, он, казалось, бросался вперёд, словно спускаясь по склону, а когда оборачивался, оборачивался всем телом (Табари, I, с. 1789–1790).

Заметим по поводу этих преданий, что все они происходят, говорят, от Али б. Аби Талиба: между тем мы знаем, что древнейший преданник Ибн Сирин считал все предания с *иснадом*, доходящим до Али б. Аби Талиба, лживыми (ср. Бухари, II, с. 436, стр. 3–4; ср. также Nöldeke, ZDMG, т. LII, с. 28, прим. 3).

Часть 6. 11 г. х., §§ 1–185: смерть Магомета, избрание Абу Бакра, Ридда в Центральной Аравии

11 г. х. (29 марта 632 — 17 марта 633)

Предуведомление автора. С концом 10 г. хиджры завершается вводная часть нашего труда; собственно он начинается с 11 г. х.: поэтому отныне Анналы составляются по системе несколько более подробной и слегка отличной от той, что лежала в основе предшествующих лет. До конца 10 г. х. я во многих случаях стремился сливать различные известия в одно повествование, сглаживая различия и восполняя пробелы, чтобы по возможности дать непрерывный рассказ о каждом отдельном событии. Теперь же, желая яснее представить исследователям первичный материал истории, каждый параграф — за исключением особых случаев — будет содержать сжатый перевод одного-единственного предания, в начале которого в скобках будет указан авторитет преданников, на котором оно основано, а источник, из которого взято каждое отдельное предание, приводится в конце параграфа с обычными сокращениями. Если указано несколько источников, это означает, что предание находится дословно или почти дословно в каждом из них. Вслед за этими указаниями, с новой строки и с сокращением «ср.», добавлены прочие источники, в которых те же известия находятся в форме, словесно отличной, но тождественной по содержанию. Если к ссылке не прибавлено никакой подробности, это значит, что варианты не имеют никакого значения. Существенно же отличающиеся всегда особо упоминаются, а в важнейших случаях приводятся целиком — либо в отдельных параграфах, либо в примечаниях. Прочие мелкие изменения столь очевидны, что не заслуживают особого упоминания. Буква Р., приложенная к одному из дней в каждой хронологической таблице, означает, что в этот день христиане праздновали Пасхальное воскресенье.

Таблица соответствия дат, помещённая в оригинале перед текстом года, воспроизведена в пересчёте (1 мухаррама 11 г. х. = 29 марта 632 г.; месяцы попеременно по 30 и 29 дней). Пометка Пасхи в пересчитанной таблице не воспроизводится. — Прим. пер.

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
1	29 марта вс	28 апр. вт	27 мая ср	26 июня пт	25 июля сб	24 авг. пн
2	30 марта пн	29 апр. ср	28 мая чт	27 июня сб	26 июля вс	25 авг. вт
3	31 марта вт	30 апр. чт	29 мая пт	28 июня вс	27 июля пн	26 авг. ср
4	1 апр. ср	1 мая пт	30 мая сб	29 июня пн	28 июля вт	27 авг. чт
5	2 апр. чт	2 мая сб	31 мая вс	30 июня	29 июля	28 авг. пт

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
				вт	ср	
6	3 апр. пт	3 мая вс	1 июня пн	1 июля ср	30 июля чт	29 авг. сб
7	4 апр. сб	4 мая пн	2 июня вт	2 июля чт	31 июля пт	30 авг. вс
8	5 апр. вс	5 мая вт	3 июня ср	3 июля пт	1 авг. сб	31 авг. пн
9	6 апр. пн	6 мая ср	4 июня чт	4 июля сб	2 авг. вс	1 сент. вт
10	7 апр. вт	7 мая чт	5 июня пт	5 июля вс	3 авг. пн	2 сент. ср
11	8 апр. ср	8 мая пт	6 июня сб	6 июля пн	4 авг. вт	3 сент. чт
12	9 апр. чт	9 мая сб	7 июня вс	7 июля вт	5 авг. ср	4 сент. пт
13	10 апр. пт	10 мая вс	8 июня пн	8 июля ср	6 авг. чт	5 сент. сб
14	11 апр. сб	11 мая пн	9 июня вт	9 июля чт	7 авг. пт	6 сент. вс
15	12 апр. вс	12 мая вт	10 июня ср	10 июля пт	8 авг. сб	7 сент. пн
16	13 апр. пн	13 мая ср	11 июня чт	11 июля сб	9 авг. вс	8 сент. вт
17	14 апр. вт	14 мая чт	12 июня пт	12 июля вс	10 авг. пн	9 сент. ср
18	15 апр. ср	15 мая пт	13 июня сб	13 июля пн	11 авг. вт	10 сент. чт
19	16 апр. чт	16 мая сб	14 июня вс	14 июля вт	12 авг. ср	11 сент. пт
20	17 апр. пт	17 мая вс	15 июня пн	15 июля ср	13 авг. чт	12 сент. сб
21	18 апр. сб	18 мая пн	16 июня вт	16 июля чт	14 авг. пт	13 сент. вс
22	19 апр. вс	19 мая вт	17 июня ср	17 июля пт	15 авг. сб	14 сент. пн
23	20 апр. пн	20 мая ср	18 июня чт	18 июля сб	16 авг. вс	15 сент. вт
24	21 апр. вт	21 мая чт	19 июня пт	19 июля вс	17 авг. пн	16 сент. ср
25	22 апр. ср	22 мая пт	20 июня сб	20 июля пн	18 авг. вт	17 сент. чт
26	23 апр. чт	23 мая сб	21 июня	21 июля	19 авг. ср	18 сент. пт

День	Мухаррам	Сафар	Раби‘ I	Раби‘ II	Джумада I	Джумада II
			вс	вт		
27	24 апр. пт	24 мая вс	22 июня пн	22 июля ср	20 авг. чт	19 сент. сб
28	25 апр. сб	25 мая пн	23 июня вт	23 июля чт	21 авг. пт	20 сент. вс
29	26 апр. вс	26 мая вт	24 июня ср	24 июля пт	22 авг. сб	21 сент. пн
30	27 апр. пн		25 июня чт		23 авг. вс	

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
1	22 сент. вт	22 окт. чт	20 нояб. пт	20 дек. вс	18 янв. пн	17 февр. ср
2	23 сент. ср	23 окт. пт	21 нояб. сб	21 дек. пн	19 янв. вт	18 февр. чт
3	24 сент. чт	24 окт. сб	22 нояб. вс	22 дек. вт	20 янв. ср	19 февр. пт
4	25 сент. пт	25 окт. вс	23 нояб. пн	23 дек. ср	21 янв. чт	20 февр. сб
5	26 сент. сб	26 окт. пн	24 нояб. вт	24 дек. чт	22 янв. пт	21 февр. вс
6	27 сент. вс	27 окт. вт	25 нояб. ср	25 дек. пт	23 янв. сб	22 февр. пн
7	28 сент. пн	28 окт. ср	26 нояб. чт	26 дек. сб	24 янв. вс	23 февр. вт
8	29 сент. вт	29 окт. чт	27 нояб. пт	27 дек. вс	25 янв. пн	24 февр. ср
9	30 сент. ср	30 окт. пт	28 нояб. сб	28 дек. пн	26 янв. вт	25 февр. чт
10	1 окт. чт	31 окт. сб	29 нояб. вс	29 дек. вт	27 янв. ср	26 февр. пт
11	2 окт. пт	1 нояб. вс	30 нояб. пн	30 дек. ср	28 янв. чт	27 февр. сб
12	3 окт. сб	2 нояб. пн	1 дек. вт	31 дек. чт	29 янв. пт	28 февр. вс
13	4 окт. вс	3 нояб. вт	2 дек. ср	1 янв. пт	30 янв. сб	1 марта пн
14	5 окт. пн	4 нояб. ср	3 дек. чт	2 янв. сб	31 янв. вс	2 марта вт
15	6 окт. вт	5 нояб. чт	4 дек. пт	3 янв. вс	1 февр. пн	3 марта ср
16	7 окт. ср	6 нояб. пт	5 дек. сб	4 янв. пн	2 февр. вт	4 марта чт
17	8 окт. чт	7 нояб. сб	6 дек. вс	5 янв. вт	3 февр. ср	5 марта пт
18	9 окт. пт	8 нояб. вс	7 дек. пн	6 янв. ср	4 февр. чт	6 марта сб
19	10 окт. сб	9 нояб. пн	8 дек. вт	7 янв. чт	5 февр. пт	7 марта вс

День	Раджаб	Шаабан	Рамадан	Шаввал	Зу-ль-ка‘да	Зу-ль-хиджжа
20	11 окт. вс	10 нояб. вт	9 дек. ср	8 янв. пт	6 февр. сб	8 марта пн
21	12 окт. пн	11 нояб. ср	10 дек. чт	9 янв. сб	7 февр. вс	9 марта вт
22	13 окт. вт	12 нояб. чт	11 дек. пт	10 янв. вс	8 февр. пн	10 марта ср
23	14 окт. ср	13 нояб. пт	12 дек. сб	11 янв. пн	9 февр. вт	11 марта чт
24	15 окт. чт	14 нояб. сб	13 дек. вс	12 янв. вт	10 февр. ср	12 марта пт
25	16 окт. пт	15 нояб. вс	14 дек. пн	13 янв. ср	11 февр. чт	13 марта сб
26	17 окт. сб	16 нояб. пн	15 дек. вт	14 янв. чт	12 февр. пт	14 марта вс
27	18 окт. вс	17 нояб. вт	16 дек. ср	15 янв. пт	13 февр. сб	15 марта пн
28	19 окт. пн	18 нояб. ср	17 дек. чт	16 янв. сб	14 февр. вс	16 марта вт
29	20 окт. вт	19 нояб. чт	18 дек. пт	17 янв. вс	15 февр. пн	17 марта ср
30	21 окт. ср		19 дек. сб		16 февр. вт	

Посольство бану-н-накха‘ (15 мухаррама — ср. 7 г. х., § 76)

§ 1. — (Авторитет: аль-Вакиди, без иснада). 15 мухаррама этого года в Медину пришло посольство бану-н-накха‘ — ветви мазхидж, жителей Йемена, — во главе с Зурарой б. Амром: это было последнее посольство, представшее в Медине при жизни Пророка (Табари, I, с. 1868–1869).

§ 2. — (Авторитет: аль-Вакиди). Последним посольством, представшим перед Магометом, было посольство накха‘, ветви мазхидж (йеменцев), уже давно обратившихся в ислам. Всего их было двести человек, прибывших в Медину из Йемена 15 мухаррама 11 г. х. — 12 апреля 632 г. н. э., — и они остановились в доме Дар Рамля бинт аль-Харис. Затем они посетили Магомета, чтобы вновь подтвердить исповедание веры, хотя уже прежде, в Йемене, присягнули на верность Пророку в руки Му‘аза б. Джабаля (ср. 10 г. х., §§ 13 и 82, № 10). Среди них находился Зурара б. Амр. Другие (то есть Ибн аль-Кальби) называют его Зурара б. Кайс б. аль-Харис б. Адда и говорят, что он был христианином (Са‘д, с. 69, § 129)[379].

Ср. также *‘Икд*, I, с. 134; *Хамис*, II, с. 171, стр. 15.

Приготовления к походу Усамы в аль-Балку

§ 3. — (*а*) (Авторитет: Ибн Исхак, без иснада). Последним походом Магомета был тот, который он приказал совершить Усаме б. Зайду б. Харисе против Сирии, в округ

[379] Эта миссия была, вероятно, одним из первых следствий миссии Му‘аза б. Джабаля, отправившегося в Йемен за несколько месяцев перед тем. Вероятно, если бы Магомет прожил дольше, мы имели бы много других подобных посольств. Предание хотело бы заставить нас поверить в уже совершившееся обращение Йемена: истина же в том, что этот процесс начинался как раз в те дни, когда Магомет перешёл в иную жизнь.

аль-Балка и ад-Дарум в Палестине: даже старейшим мухаджирам было приказано встать под начало юного военачальника (Хишам, с. 999; Табари, I, с. 1794).

(*b*) Согласно другому преданию (авторитет: Сайф б. Умар, с иснадом, восходящим к Абу Мувайхибе, вольноотпущеннику Пророка), Усама получил от Магомета приказ отправиться в Абиль аз-Зайт, один из *машариф*, или округов, Сирии, в аль-Урдунне (Табари, I, с. 1794–1795).

(*c*) Аль-Вакиди говорит, что Усама получил приказ внезапно напасть на рассвете на Убну, чтобы отомстить за убийство отца (Вакиди — Велльхаузен, с. 433; ср. также с. 435).

(*d*) Аль-Бакри отмечает, что Убна была местом (*мавди‘*) в краю (*нахия*) аль-Балка в Сирии, и, приводя предание аз-Зухри [† 124 г. х.], утверждает, что она была целью похода Усамы. Он напоминает, однако, что некоторые называют это место Убла, и утверждает, что это ошибка переписчиков, ибо Убла была в Неджде. Затем он приводит *Муснад* Абу Дауда [† 275 г. х.], в котором Убна названа целью похода Усамы. По Абу Мусхиру, Убну следует называть Йубна в Палестине, а поход в аль-Балку был не походом Усамы, а другим, 8 г. х., под начальством Зайда б. Харисы (ср. 8 г. х., §§ 6 и сл.), то есть походом на Му’ту (Бакри, с. 66–67; De Goeje, *Mém.*, 18).

(*e*) По Ибн аль-Асиру (De Goeje, 18) и Йа‘куби (Йа‘куби, *Булдан*, с. 329, стр. 4–6), целью Усамы была Йубна.

(*f*) У Мас‘уди упомянуты два похода Усамы: один против Йубны и Аздуда в Палестине (*Танбих*, с. 273, стр. 18), а другой на Азри‘ат в аль-Балке и на Му’ту, в земле Дамаска (*ард Димашк*) в Сирии (*Танбих*, с. 277, стр. 16–17; объяснение этого ошибочного удвоения ср. Медников, *Палестина*, I, 383).

(*g*) У Йа‘куби (II, с. 125–126) мы находим Йубну, селение Палестины, на которое Усама должен был внезапно напасть на рассвете и сжечь его, или же, по другим, совершить конный набег на аль-Балку.

(*h*) Халдун (II, прил., с. 61, стр. 8) говорит, что Усама должен был совершить конный набег на пограничные округа (*тухум*) аль-Балки и ад-Дарума вплоть до аль-Урдунна, в Палестине, и на *Машариф аш-Шам*.

(*i*) По ад-Дийарбакри, поход должен был направиться на Убну, место (*мавди‘*) в провинции аль-Балка (*Хамис*, II, с. 171, стр. 21–22).

§ 4. — Рассмотрев все эти предания, де Гуе (*Mém.*, 18–19) приходит к заключению, что древние переписчики, неверно читая переписываемые тексты, смешали три имени — Убна, Йубна и Абиль. Поэтому он утверждает, основываясь на предании из книги Насра аль-Искандари [† 560 г. х.] (Якут, I, с. 99, стр. 21), что целью Усамы была Убна (Абиль), место близ Му’ты (в аль-Балке), и что Дарум у Ибн Исхака — не крепость к югу от Газы, а округ этого имени, лежащий на юго-востоке Палестины, о котором так часто говорят Евсевий и святой Иероним и который Якут (II, с. 525, стр. 8) упоминает в сирийской форме Даруме.

Проблема рассмотрена с гораздо большей подробностью Медниковым (*Палестина*, I, 363–384), который приводит и сопоставляет между собой все известные

источники по этому предмету. Учёный русский ориенталист ясно доказывает, что Йубна, то есть Ямния греков (Иавнеил Книги Иисуса Навина, 15:11), несомненно ошибка. Этот город, лежащий, как известно, в сердце Палестины, к югу от Рамлы, недалеко от Средиземного моря, был весьма знаменитым местом, некогда средоточием известной раввинской школы (ср. также Couret, 9; Reland, *Palaestina*, кн. III, s. v. Jabne, 822–824)[380], и одним из главных еврейских центров того времени в Палестине (ср. Couret, 68). Чтобы дойти до этого города, арабы должны были бы пересечь хорошо укреплённую и многолюдную область Южной Палестины, воздерживаясь от разграбления многих других населённых центров, богатых и незащищённых, и рискуя, что один из пограничных гарнизонов отрежет им путь назад, как только тревога о вторжении распространится по стране. Нет к тому же никакой мыслимой причины, по которой Магомет избрал бы целью своей мести именно этот город из стольких городов Палестины, ибо он решительно ничего не имел общего ни с арабами, ни с бедствием при Му’те. Целью похода Усамы должна была быть единственно месть за убийство Зайда, отца Усамы; такова была и особая причина, по которой Пророк пожелал дать командование совсем юному Усаме, сыну Зайда (его приёмного сына и любимейшего из всех сподвижников). При этом целью Усамы могло быть лишь место в области к востоку от Мёртвого моря, а именно в аль-Балке, где произошло бедствие при Му’те и где погиб его родитель. Продолжая свой проницательный анализ, Медников весьма убедительно доказывает, что все различные чтения, которые мы находим в текстах относительно точного места, куда дошёл поход Усамы, — то есть Убна, Йубна, Абиль, Убла и другие, встречающиеся в рукописях, — суть все порчи переписчиков и искажения имени Убна. Это безвестное место, быть может, маленькое селение, было почти никому не известно, так что переписчики, каждый по своему разумению или по своим географическим познаниям, имея, быть может, к тому же перед собой плохо написанный текст без диакритических точек, заменяли неизвестное имя более известным, казавшимся каждому из них более близким или правдоподобным. Поэтому одни написали Йубна, другие — Абиль. А чтобы закрепить свою версию текста, вставили к первому имени: «в Палестине», ибо думали о Ямнии, а ко второму — «в аль-Урдунне», думая о том месте Абиль, которое существует и поныне в этой провинции, немного к югу от среднего течения Ярмука. Все эти исправления произошли, однако, без того, чтобы переписчики вспомнили, что поход Усамы был направлен не в Палестину и не в аль-Урдунн, а в аль-Балку, где произошла трагедия при Му’те, за которую Усама должен был отомстить. Медников удачно пытается теперь установить точное место этой Убны (Абиль) в аль-Балке. Напомнив, что в одном предании Сайфа б. Умара (ср. § 3 [*b*]) упоминается Абиль аз-Зайт, он приводит также другое предание Сайфа о походе Халида б. Са‘ида, в котором упоминается Абиль близ Зизы и Касталя в аль-Балке (ср. Табари, I, с. 2081, стр. 14–15). Внимательно изучая карту Палестины,

[380] Иавнеил, Йебна, или Ямния, был расположен на возвышенности на западной стороне долины Вади Рубин, в часе пути от морского берега. Римляне построили там красивый мост с высокими арками из камней больших размеров, существующий и поныне. Позднее мусульмане сделали его весьма посещаемым местом паломничества, ибо возникла легенда, что там погребён Рубин (Рувим), сын Иакова. Крестоносцы воздвигли там крепость Ибелин, или Хибелин, которая должна была защищать от нападений египтян пути сообщения между Иерусалимом и Яффой (*Fundgruben des Orients*, II, 138; Robinson, *Biblical Researches*, II, 66, № 5, и 227, № 2).

составленную на средства Palestine Exploration Fund, он находит именно два места в аль-Балке, ещё носящие имена Зиза и Касталь, а поблизости от них — место, называемое Хан аз-Зайт: он справедливо замечает, что окончание «аз-Зайт» заставляет думать о месте Абиль аз-Зайт, упомянутом Сайфом, и, приводя другие веские доводы, изложить которые нам не позволяет место, приходит к заключению, что этот Хан аз-Зайт и должен быть Убной (= Абиль = Абиль аз-Зайт), на которую напал и которую сжёг Усама в ходе своего карательного похода. Наконец, он заключает своё учёное изложение рассудительным замечанием, что Магомет, давая наставления Усаме, не мог назвать никакого точного места для нападения, а лишь повелел отправиться в страну, где был убит его отец, и каким-нибудь образом отомстить за его смерть. Зиза, Касталь и Му'та были укреплёнными местами, и Усама не мог даже мечтать об их осаде: поэтому он направился к аль-Балке и, следуя границе области со стороны пустыни, обрушился на то беззащитное место (то есть Убну), где был более уверен в успехе, а затем, едва нанеся удар, *more Arabum* исчез в пустыне. Позднее, из инстинктивного прославления Пророка, Магомету приписали даже то, что он указал Усаме особое селение, на которое тот должен был напасть, тогда как в действительности имя места, разграбленного и сожжённого мусульманами, стало известно в Медине лишь после возвращения Усамы из похода.

§ 5. — (Аль-Вакиди). Пророка всё время жгло воспоминание о поражении, постигшем его оружие в битве при Му'те (ср. 8 г. х., §§ 6 и сл.), и он не забыл утраты своего любимого приёмного сына Зайда б. Харисы и своего двоюродного брата Джа'фара б. Аби Талиба. В понедельник, за четыре дня до конца сафара [*sic*][381], он призвал мусульман готовиться к внезапному нападению на греков. В следующий вторник он позвал Усаму б. Зайда б. Харису и вверил ему командование походом, чтобы тот имел случай отомстить за убийство отца. В среду (1 раби I = 27 мая 632) у Магомета начались головная боль и лихорадка[382]. В четверг утром Пророк сам своими руками привязал знамя для Усамы и дал ему остальные наставления: он должен был продвигаться в величайшей тайне, избегать настоящей битвы, но совершить конный налёт, обрушившись при первых проблесках зари на жителей Убны. По некоторым, целью похода должна была быть Убна, а не Му'та. Усама велел Бурайде б. аль-Хусайбу аль-Аслами отнести знамя к нему домой, а затем отправился со своими стать лагерем на сборном месте в аль-Джурфе, там, где позднее был водопой Сулаймана[383]. Кто закончил

[381] Указание неверно, ибо четвёртый от конца день сафара, то есть 26 сафара, есть суббота (23 мая 632 г. н. э.). Вероятно, имеется в виду 28 сафара, бывшее понедельником (26 мая 632 г. н. э.): дням недели можно доверять с гораздо большей уверенностью, чем дням месяца (ср. также *Хамис*, II, с. 171, стр. 25 и сл., где находится та же дата и добавлено, что наставления, данные Усаме, состояли в том, чтобы отправиться на место, где был убит его отец, и отомстить там за его смерть; Мирхонд, II, с. 221, стр. 19).

[382] Халдун (II, прил., с. 61, стр. 25) говорит, что болезнь началась 27 сафара; Мирхонд (II, с. 221, стр. 21) относит начало болезни к среде (*чахаршанбе*) 28 сафара.

[383] Слово *аль-джурф* означает те отложения наносной земли, которые оставляют дождевые потоки у выходов узких долин, там, где вода разливается по гораздо большей поверхности и откладывает материалы, вынесенные из узких долин. Аль-Джурф находился, следовательно, в месте, соответствовавшем этим условиям, в трёх арабских милях к северу от Медины, на дороге, ведшей в Сирию. Известно, что наиболее возвышенная местность Медины находится к югу от города и что поэтому дождевые воды области все стекают с юга на север. Напомним, что в битве при Ухуде курайшиты обошли Медину и стали лагерем именно к северу от города, где благодаря притоку вод почва богаче и легче орошается. В аль-Джурфе (который должен быть вблизи другого места, называемого Ирд, упоминаемого как раз в преданиях об Ухуде, ср. 3 г. х., § 21) находились два колодца — Би'р Джушам и Би'р Джамаль (или Хамль). В аль-Джурфе

приготовления дома, поспешил присоединиться к Усаме; прочие ускорили улаживание своих дел и поторопились тоже поскорее оказаться на месте сбора (Вакиди — Велльхаузен, с. 433–434).

Болезнь Магомета

§ 6. — (Ибн Исхак, без иснада). Магомет заболел, когда шли приготовления к походу Усамы б. Зайда против Сирии[384]: начало болезни проявилось либо в последние дни сафара, либо в первые дни раби I. Рассказывают, что Магомет в те дни однажды ночью отправился на кладбище Баки‘ аль-Гаркад, чтобы испросить милость Божию всем своим сподвижникам, там погребённым. После этой ночной прогулки он почувствовал недомогание, от которого уже не оправился. Болезнь началась сильными головными болями, которые порой заставляли его даже кричать от боли, но, согласно одному особому преданию[385], это не помешало ему в первые дни продолжать возлежать поочерёдно со всеми своими жёнами. Такие излишества сразу отяготили болезнь, и, когда Магомет находился ещё в жилище Маймуны[386], наступил кризис со столь острыми страданиями, что он должен был уступить болезни. Созвав всех жён, он попросил перенести его в жилище любимой жены Аиши, откуда затем больше не двигался[387] (Хишам, с. 998–1000; Табари, I, с. 1799–1801).

Ср. также Са‘д, VIII, с. 121, стр. 10–14, предание аль-Вакиди, где сказано, что Магомет дал жёнам понять своё желание быть перенесённым в жилище Аиши и что все женщины вместе добровольно отказались от своих прав очерёдности в её пользу[388].

(*b*) Примечательно, что во всех этих преданиях Пророк гордо отвергает названный диагноз болезни и объявляет его ложным, ибо эта болезнь, говорит он, «от дьявола», и потому Бог никогда не позволил бы такому недугу овладеть им, Его Пророком (Табари, I, с. 1809, посл. стр., и с. 1810, стр. 8).

мединцы имели много владений, и там были некоторые имения Умара б. аль-Хаттаба (Якут, II, с. 62, стр. 16–20; Якут, *Муштарик*, с. 100).

[384] Согласно преданию Сайфа б. Умара, Пророк начал чувствовать недомогание уже на обратном пути из Мекки в Медину после Прощального паломничества, ибо переносил тяготы пути лишь с большими трудами и страданиями. Состояние здоровья Пророка было замечено всеми присутствующими, и весть мгновенно распространилась по всей Аравии: в Йемене она ускорила восстание аль-Асвада, в Билад аль-Асад, или стране бану асад, — восстание Тулайхи, а в Ямаме — восстание Мусайлимы. Прежде чем перестать жить, Магомет был осведомлён обо всех этих мятежных движениях (Табари, I, с. 1796, 1797, стр. 4). Другое предание, тоже Сайфа б. Умара (с иснадом, усечённым до Хишама б. Урвы, от Урвы б. аз-Зубайра), рассказывает, что болезнь началась уже в последние дни мухаррама (Табари, I, с. 1795, стр. 11). Аль-Вакиди (Табари, I, с. 1795, стр. 13) даёт 27 (когда оставалось два дня) сафара как день, когда началась настоящая болезнь.

[385] Эти известия даны Ибн Исхаком с иснадом: от Йа‘куба б. Утбы, от аз-Зухри, от Убайдаллаха б. Абдаллаха б. Утбы б. Мас‘уда, от Аиши. Длинный иснад не соответствует обычаю Ибн Исхака (ср. Введение, §§ 12 и сл.) и обнаруживает позднейшие манипуляции.

[386] По Абу Михнафу (с иснадом, восходящим к *фукаха ахль аль-Хиджаз*), Магомет заболел в последние дни сафара, когда находился в жилище Зайнаб бинт Джахш (Табари, I, с. 1799).

[387] Ср. также Бухари, I, с. 172, посл. стр.; III, с. 186, стр. 12, — в несколько иной версии; III, с. 187, стр. 6; с. 189, стр. 1; Асир, II, с. 240; с. 241, стр. 1; *Хамис*, II, с. 171, стр. 16 и сл.; Халаби, III, с. 579, стр. 27.

[388] (*a*) Те, кто ухаживал за Пророком, считали, что он страдает плевритом, *зат аль-джанб* (Табари, I, с. 1809, стр. 19; из предания, переданного Ибн Исхаком с иснадом до Урвы б. аз-Зубайра, от Аиши). Это подтверждается и другим преданием, переданным Абу Михнафом с иснадом до *фукаха ахль аль-Хиджаз* (Табари, I, с. 1810, стр. 2 и сл.). Шпренгер (III, 562) предполагает, что болезнь была злокачественной лихорадкой, за которой последовала закупорка селезёнки.

(*c*) Другие предания (аз-Зухри, от Урвы б. аз-Зубайра, от Аиши) утверждают, что Магомет, умирая, выражал убеждение, что погибает от действия яда, проглоченного в Хайбаре (ср. 7 г. х., § 37) (Бухари, III, с. 184, стр. 18). Вероятно, однако, что это утверждение было выдумано из ненависти к евреям и чтобы поставить Магомета в свет мученика, умершего, сражаясь за веру, ибо убит врагами ислама. Ср. также Мирхонд, II, с. 224, стр. 10, и Хондемир, т. I, ч. III, с. 7, стр. 23.

(*d*) (Ибн Са‘д, от аль-Вакиди, от Мухаммада б. Мусы, от Мухаммада б. Умара б. Али б. Аби Талиба). Пророк Божий не мог умереть, пока ему не было дозволено возлечь со всеми женщинами, с какими он хотел (Са‘д, VIII, с. 140, стр. 16–17, и с. 141, стр. 4–6). Это предание представляет интерес, ибо, быть может, обнаруживает, что в школах преданников существовало убеждение, будто смерть Пророка была ускорена любовными излишествами в преклонном возрасте. Ср. также предания, собранные Ибн Са‘дом (Са‘д, VIII, с. 139), которые хотели бы доказать, что Пророк обладал мужской силой сорока мужчин.

§ 7. — (Ибн Исхак, с иснадом, одинаковым с приведённым в прим. 2 к предыдущему параграфу). Магомет чувствовал себя очень плохо: он вошёл в комнату Аиши, поддерживаемый двумя людьми, Али б. Аби Талибом и аль-Фадлем б. аль-Аббасом, с головой, обёрнутой тканью, и с ногами столь ослабевшими, что едва держался на ногах. Едва войдя в комнату, он впал в первый обморок, знаменовавший ухудшение болезни. Придя в себя, он велел вылить на себя семь бурдюков холодной воды, ибо хотел немного набраться сил и ещё обратиться с речью к верующим. Ухаживавшие за ним жёны усадили тогда Магомета в чан, или корыто, *михдаб*, жены Хафсы[389] и начали лить на него воду, но он вскоре закричал: «Довольно! довольно!» (Хишам, с. 1005–1006; Табари, I, с. 1801, 1808).

Ср. также Халаби, III, с. 582, стр. 3 и сл.

§ 8. — (Ибн Исхак, от аз-Зухри, от Айюба б. Башира). Обернув голову тканью, Магомет взошёл на кафедру мечети и начал там долгую молитву за павших при Ухуде[390]. Абу Бакр, говорят, стоял так близко к нему, что мог слышать всё, что тот говорил, и верный сподвижник заплакал, когда услышал, как Пророк сказал: «Бог дал своему рабу выбор между этим миром и будущим, и он предпочёл тот, что вблизи Бога». Абу Бакр прервал Учителя: «Мы охотно отдали бы самих себя и наших детей за

[389] Поздние предания (апокрифические?) утверждают, что этот чан, или кадка, был каменный или медный, *нухас* (Халаби, III, с. 585, стр. 29 и сл.).

[390] Существует предание (от Ибн Исхака, от аз-Зухри, от Абдаллаха б. Ка‘ба б. Малика), согласно которому в этом случае Магомет будто бы также наказал мухаджирам хорошо обращаться с мединскими ансарами. «Другие люди, — сказал Магомет, — умножатся, ансары же останутся, каковы они есть, и не умножатся: они были убежищем, к которому я обратился: будьте благосклонны к тем, кто благосклонен к ним, и карайте тех, кто будет к ним враждебен» (Хишам, с. 1007, стр. 7 и сл.). Тенденциозный характер предания не только обнаруживает его апокрифическую природу, но выдаёт и эпоху его образования, то есть когда ещё существовала партия лиц, которые могли называть себя потомками ансаров и видели себя отстранёнными от управления государственными делами вследствие преобладания иных элементов в администрации империи. Оно отражает, то есть, чувства первых омейядских времён, и в особенности периода между 61 и 64 гг. х., когда омейядский халиф Язид [† 64 г. х.] подавил в крови восстание Медины и учинил резню мединцев, по большей части потомков ансаров, в злосчастной битве при аль-Харре. Предание, следовательно, осуждает Омейядов, но не называет их прямо: это доказательство большой древности предания, ибо предания после прихода Аббасидов более откровенны в осуждении Омейядов. Существуют и другие предания на ту же тему, созданные в ту же эпоху (ср. Бухари, I, с. 235, стр. 14; Асир, II, с. 242, стр. 1; Мирхонд, II, с. 126, стр. 21 и сл.).

тебя!» — «Тише! тише!» — ответил ему Пророк и затем добавил: «Посмотрите на эти двери, ведущие в мечеть[391]; закройте их все, кроме той, что ведёт в жилище Абу Бакра, ибо никто из всех моих сподвижников не дал мне больших доказательств своей привязанности» (Хишам, с. 1006).

Согласно другой версии (там же), Магомет будто бы сказал: «Если бы я должен был избрать себе истинного друга, *халиль*, среди людей, я взял бы в друзья Абу Бакра; но он остаётся моим сподвижником и братом по вере, пока Бог не соединит нас у себя»[392].

Ср. Табари, I, с. 1803–1804, 1808; Асир, II, с. 241, стр. 10 и сл.; Халаби, III, с. 582, стр. 22 и сл., который делает выбор из многочисленных версий слов, произнесённых Пророком по адресу Абу Бакра; Самхуди, с. 121, стр. 9 и сл.; Бухари, II, с. 418, стр. 3 и сл. и стр. 15 и сл.

(*b*) У Йа‘куби, II, с. 146, стр. 1–4, сказано, что у Абу Бакра было два дома: один в ас-Сунхе, вне Медины, где он держал жену Хабибу бинт Хариджа, и другой дом в Медине, где жила другая жена, Асма бинт Умайс. В этом последнем он поселился во время халифата. Не сказано, однако, что у этого дома была дверь в мечеть.

(*c*) Некоторые источники (ср. Самхуди, с. 121, стр. 19–20) отрицают, что у Абу Бакра было жилище при мечети, тогда как другие (напр., Умар б. Шабба, ср. Самхуди, с. 121, стр. 21 и сл.) утверждают, что у Абу Бакра был дом, примыкавший к мечети: но авторитет этих известий заслуживает мало доверия. Оно произошло, быть может, от утверждения некоторых, что «Дар аль-Када», расположенный к западу от мечети — в более новые времена, — был жилищем Абу Бакра (ср. Самхуди, с. 121, стр. 25 и сл.).

§ 9. — (Ибн Исхак, от Мухаммада б. Джа‘фара б. аз-Зубайра, от Урвы б. аз-Зубайра). Внезапная болезнь Пророка вызвала между тем сильное смятение в рядах верующих: приготовления к походу Усамы претерпели значительные задержки, ибо участники его хотели удостовериться, какой оборот примет болезнь, прежде чем удалиться из города. Задержка дала повод и к толкам и критике, одной из самых серьёзных из которых был выбор начальника похода в лице Усамы б. Зайда, ещё неопытного юноши, облечённого Магометом командованием предпочтительно перед всеми старшими и более опытными сподвижниками[393]. Эти толки дошли до самого

[391] (*a*) Магомет не мог сказать этих слов, ибо единственными жилищами, имевшими дверь во двор мечети, были комнатки, в которых жили жёны Пророка. Абу Бакр жил, как известно, в ас-Сунхе, предместье Медины (ср., напр., Хишам, с. 1010, стр. 17; *Агани*, VII, с. 124, стр. 23; Са‘д, III, ч. I, с. 123, стр. 19). Он перенёс своё жилище в Медину лишь после своего избрания халифом (Са‘д, III, ч. I, с. 132, стр. 14 и сл.). Это, следовательно, ещё одно доказательство ложности этого предания. Об ас-Сунхе ср. ниже, § 18, прим. 1. Некоторые источники, принимающие предание за истинное, прилагают большие усилия, чтобы объяснить истинный смысл слов, приписываемых Пророку; но все они ошибаются, и их объяснения лишь увеличивают путаницу. Шииты, хотя и считают этот эпизод подлинным, естественно, заменили имя Абу Бакра на Али. Предмет подробно обсуждается у Халаби, III, с. 583, стр. 26 и сл.

[392] Все эти предания, почти излишне предупреждать, имеют тенденциозное суннитское происхождение и хотели бы доказать, что преемство Абу Бакра в диктаторской власти над всеми мусульманами после смерти Магомета соответствовало тайной воле Пророка, который, как утверждают, предпочитал Абу Бакра всем сподвижникам. Цель вымыслов — отрицать всякую силу за мнимыми правами Али на халифат.

[393] Толки, критиковавшие выбор Усамы, начались (по Сайфу б. Умару) ещё до болезни Магомета, с самого момента назначения (Табари, I, с. 1795; Асир, II, с. 240). Затем (по другому преданию, тоже Сайфа б. Умара, с иснадом до Ибн Аббаса) они стали живее, чем когда-либо, когда болезнь Пророка расстроила приготовления к походу и когда в Медину пришли точные известия о восстаниях в Йемене, в Ямаме и в стране бану асад

Пророка, который, как утверждают, так озаботился ими, что нарочно взошёл на кафедру мечети с головой, повязанной тканью, и призвал верующих быть послушными и покорными его воле: «Если у вас есть что сказать против посылки Усамы, скажите это тогда и против его отца до него; он достоин вас, как был достоин его отец!»[394] Слова Пророка возымели желаемое действие: приготовления к походу вновь ускорились, вооружённые люди собрались, и Усама, покинув город с отрядами, стал лагерем в аль-Джурфе, в трёх милях от Медины[395]. Между тем, однако, болезнь Магомета ещё более усилилась до такой степени, что выступление было отложено «в ожидании того, что Бог установит относительно своего Посланника» (Хишам, с. 1006–1007).

Оставляя в стороне нравственные причины, которые могли побудить Магомета вверить командование столь юному и неопытному Усаме, не может быть сомнения, что осторожный Пророк, устраивая поход, знал, что приказывает предприятие малозначительное и лёгкое для исполнения. И этот факт склоняет к доказательству того, что Пророк никогда не помышлял о завоевании Сирии. Если бы такая смелая мысль явилась среди его замыслов и если бы он послал поход Усамы как подготовку к завоеванию, он, без сомнения, избрал бы человека гораздо более даровитого и опытного в военном искусстве. Ср. эпизод 8 г. х., §§ 30–33, когда для рискованного похода на север Магомет избрал новообращённого Амра б. аль-Аса, дав ему командование даже над древнейшими и вернейшими сподвижниками.

§ 10. — (Муса б. Укба, от Салима, от его отца). Когда Пророк дал командование походом Усаме б. Зайду, сподвижники стали говорить об этом между собой (критикуя). Пророк сказал: «Я узнал, что вы обсуждаете Усаму и говорите, что я люблю его больше всех прочих людей» (Бухари, III, с. 192, стр. 9; ср. также там же, II, с. 440, стр. 8 и сл.).

§ 11. — Аль-Вакиди, как обычно, даёт больше подробностей. Все мекканские мухаджиры получили приказ участвовать в походе, но многие из них были вовсе не довольны тем, что командование держит Усама. Аййаш б. Абу Раби‘а открытее всех выразил это недовольство. Умар поспешил известить об этом Пророка, который поэтому с повязанной головой и с плечами, закутанными в плащ, взошёл на кафедру и произнёс весьма горячую речь, с тем чтобы заставить умолкнуть ропот и успокоить недовольство. Была суббота 10 раби I[396]. Затем он приказал сподвижникам

(Табари, I, с. 1796). Другое предание (с иснадом до Абдаллаха б. Умара) изображает нам Магомета, заставляющего умолкнуть ропот сподвижников, энергично утверждая, что Зайд, отец Усамы, был человеком, созданным для военного командования, и что после Зайда самым дорогим ему человеком был действительно его сын Усама (Бухари, III, с. 192, стр. 11). По аль-Вакиди, Усаме было всего 20 лет (*Хамис*, II, с. 171, стр. 24–26). У Йа‘куби (II, с. 120, стр. 2) сказано, что ему было не более 17. Ср. также Шахрастани, с. 11, стр. 8 и сл.

[394] Если эти слова подлинны, оценка Пророка была ошибочной, ибо впоследствии Усама, хотя и совсем молодой, больше не заставлял говорить о себе. Его выбор начальником был обусловлен единственно великой любовью, которую Магомет питал к его покойному отцу, павшему храбрецом на поле Му’ты (ср. 8 г. х., § 15, № 2), и желанием, чтобы сын мог отомстить за смерть родителя. Слова, вложенные в уста Пророка, суть выражение в традиционной форме того, что, как знали сподвижники Магомета, было мыслью Учителя.

[395] Говорят, что Усама покинул Медину в воскресенье (*sic*) 10 раби I (Мирхонд, II, с. 222, стр. 1). Но 10 раби I есть пятница = 5 июня 632 г. н. э.

[396] И это указание не сходится, ибо 10 раби I есть пятница. В настоящем случае, однако, день месяца несомненно ошибочен: верен лишь день недели. Ибн Исхак, наш древнейший источник, не даёт даты смерти Магомета, но точно упоминает дни недели. Вероятно поэтому, что число дня месяца есть позднейшее добавление аль-Вакиди или вычислено систематическими хронографами. Вместо 10 раби I следует поэтому читать 11 раби I, то есть 6 июня 632 г. н. э.

повиноваться, сказав: «Ступайте совершить поход Усамы!»[397] То же самое он сказал матери Усамы б. Зайда, Умм Айман, когда она просила его отложить отправку похода до его полного выздоровления (Вакиди — Велльхаузен, с. 434).

Ср. также Табари, I, с. 1796–1797; *Хамис*, II, с. 171, стр. 31 и сл.

§ 12. — (Сайф б. Умар, от Хишама б. Урвы, от Урвы б. аз-Зубайра). В первые дни своей болезни Магомет продолжал заниматься делами, и его мысли были привлечены прежде всего тяжкими известиями, приходившими из Йемена. Он захотел тотчас принять меры, посылая письма и послов к своим друзьям, последователям и представителям в Йемене, к бану тамим, к бану кайс и к абна (персидским метисам Саны в Йемене), призывая их объединиться против мятежников. Следствием этих побуждений Пророка было убийство претендента аль-Асвада за день до смерти Пророка[398] (Табари, I, с. 1798).

Некоторые, заметив эту аномалию, сочли нужным добавить (ср. Асир, II, с. 240, стр. 22–23), что Пророк созвал сподвижников и призвал их сражаться с отступниками. Это чистый вымысел: так называемые мятежники не были отступниками.

§ 13. — (Ибн Исхак, от аз-Зухри, от Абдаллаха б. Ка‘ба б. Малика). В комнату больного непрерывно стекались люди (как всегда принято на Востоке): некоторые из жён, среди них Умм Салама и Маймуна, и разные другие женщины сбежались ухаживать за знаменитым больным, и предание хочет, чтобы среди присутствующих был и дядя аль-Аббас; эти женщины во время одного из обмороков Пророка решили между собой дать ему лекарство, которое аль-Аббас вызвался дать ему принять: так и было сделано. Магомет, придя в себя после того, как проглотил лекарство, заметил, что ему дали какое-то питьё, и разгневался на присутствующих за то, что ему дали его, когда он был без сознания: чтобы наказать женщин, он заставил их всех выпить по глотку, и лишь дядя аль-Аббас был от этого освобождён[399] (Хишам, с. 1007). Больше ничего не прибавляет это странное предание, истинный смысл которого остаётся тёмным, если только не предположить, что Магомет подозревал попытку отравления. Он, видно, не доверял даже собственным жёнам!

Ср. Табари, I, с. 1809, где две слегка различные версии; Бухари, III, с. 190, предпосл. стр.; Асир, II, с. 243, стр. 10; Халаби, III, с. 593, стр. 20 и сл.

§ 14. — (Ибн Исхак, от Са‘ида б. Убайда б. ас-Саббака, от Мухаммада б. Усамы б. Зайда б. Харисы, от Усамы б. Зайда). Встревоженный известиями, приходившими в лагерь в аль-Джурфе, Усама б. Зайд вернулся в Медину с несколькими спутниками и

[397] Утверждают, что это была последняя публичная речь Пророка: назавтра, в воскресенье, болезнь усилилась, и в понедельник он перестал жить (*Хамис*, II, с. 172, стр. 5–6; от аль-Вакиди).

[398] По Асиру (II, с. 240, стр. 12) — списывающему Сайфа б. Умара, — в дни, когда началась болезнь Пророка, в Медину пришли известия о смутах, вспыхнувших в Йемене по вине аль-Асвада аль-Анси, в Ямаме по вине Мусайлимы и среди бану асад по вине Тулайхи; утверждают также, что он имел известие о лагере мятежников, собравшихся в Сумайре. Неправдоподобно, однако, чтобы эти известия пришли все вместе. Магомет, несомненно, знал о них задолго до того, как заболел: тем не менее он рассматривал все эти известия как местные события, его непосредственно не касавшиеся (ср. 10 г. х., § 119), и доказательство тому — посылка похода Усамы в Сирию, а не против этих претендентов и лжепророков.

[399] Предание, имеющее тенденциозную цель показать, что Пророк не доверял никому, кроме своего дяди аль-Аббаса, кажется мне весьма подозрительным: быть может, главный факт верен, а тенденциозные подробности вставлены.

нашёл, что Пророку уже трудно говорить: Магомет, увидев его, растрогался и делал знаки рукой, чтобы выразить свою мысль; то есть поднял её к небу, а затем коснулся плеча юноши, сына своего любимого Зайда. Усама утверждал потом, что этим жестом Магомет хотел сказать, что молится за него (Хишам, с. 1008).

Ср. Вакиди — Велльхаузен, с. 434; Табари, I, с. 1810; Асир, II, с. 243, стр. 13 и сл.; *Хамис*, II, с. 172, стр. 7 и сл.; Мирхонд, II, с. 222, стр. 3 и сл., где этот эпизод отнесён к 11 раби I.

§ 15. — (Ибн Исхак, от аз-Зухри, от Хамзы б. Абдаллаха б. Умара, от Аиши). Но прежде чем болезнь довела его до того, что он не мог говорить, Магомет, чувствуя, что не в силах руководить молитвой, приказал Абу Бакру возглавлять собрание верующих и руководить молитвами (Хишам, с. 1008)[400].

§ 16. — О назначении Абу Бакра руководителем общественной молитвы существует огромное множество преданий, по большей части все апокрифических, ибо это пересказы или многословные и пустые вариации предания, содержащегося в предыдущем параграфе, все выдуманные с целью показать, что Магомет считал Абу Бакра человеком, наиболее пригодным в тот момент занять место, которое он сам всегда сохранял за собой. За десятилетие, проведённое в Медине, мы ни разу не имеем известия, чтобы Пророк был доведён до такого состояния, что не мог лично руководить общественной молитвой. Другие руководили молитвами, когда Пророк отсутствовал во время походов, но никогда — когда он присутствовал. Этот раз был, следовательно, первым, когда Пророк дал себя заменить в высочайшей функции, которая в мединском обществе, каким оно было тогда устроено, представляла высшую должность, как всегда занимавшаяся Магометом. Сунниты придают этому факту величайшее значение, ибо толкуют его как точное проявление мысли Магомета и доказательство того, что он считал Абу Бакра лучшим из сподвижников и своим истинным преемником. Совершенно бесполезно приводить здесь все разнообразные версии, придуманные, чтобы лучше расцветить подробности факта и по возможности доказать правильность значения, которое ему приписывают. Подробности разнообразны и несогласны между собой, но все сходятся в главном факте, то есть в назначении Абу Бакра *имамом*. Известие имеет для суннитских летописцев большое историческое значение, ибо назначение, сделанное Магометом *in articulo mortis*, было, по их мнению, одной из сильнейших причин, повлиявших на избрание Абу Бакра халифом (ср. Табари, I, с. 1811). Чрезмерное число этих преданий показывает нам, что некогда этот эпизод составлял один из самых действенных доводов, противопоставлявшихся суннитами притязаниям шиитов, которые хотели поставить выше права Али б. Аби Талиба[401].

[400] (Хусайн б. Али аль-Джу‘фи, от За’иды, от Абд аль-Малика б. Умайра, от Абу Бурды, от Абу Мусы). Когда болезнь усилилась, Пророк сказал: «Велите Абу Бакру руководить молитвой людей!» — Аиша ответила: «О Посланник Божий! Абу Бакр — человек слишком кроткой души (*рафик*): если он займёт твоё место, ему не удастся заставить людей повиноваться!» Пророк повторил приказ, и ему повиновались (Са‘д, III, ч. I, с. 126, стр. 17 и сл.). В другом предании (от аль-А‘маша, от Ибрахима, от аль-Асвада, от Аиши) добавлено, что Аиша описала своего отца Абу Бакра как человека слишком чувствительного (*асиф*) и советовала Магомету избрать Умара. Магомет не дал себя убедить (Са‘д, III, ч. I, с. 126, посл. стр. и сл.).

[401] О последних событиях жизни Магомета, связанных с назначением Абу Бакра руководителем молитвы, у нас есть многочисленные предания с лёгкими вариантами (ср. Бухари, I, с. 172, стр. 8; с. 176, стр. 15; с. 178, стр. 16; с. 186, стр. 7; с. 194, стр. 16 и т. д.; Асир, II, с. 243, стр. 19; Халаби, III, с. 586, стр. 10 и сл.; *‘Икд*, II, с. 248, стр. 23 и сл.).

Живость политических и религиозных споров об этом щекотливом пункте породила такое обилие суннитских преданий, против которых шииты не смогли привести в поддержку своего тезиса других, равных по подлинности тем, на которых сунниты основывали законность преемства Абу Бакра. Основным авторитетом суннитских преданий почти всегда является Ибн Шихаб аз-Зухри. Мы не должны, однако, принимать в расчёт разнообразия восходящих к нему иснадов, ибо все они, вероятно, апокрифичны. Остаётся, однако, бесспорно истинный факт, что высший исторический и традиционный авторитет конца I и начала II века хиджры подтвердил всем весом своей учёности и авторитета преданника, что Магомет перед смертью уполномочил Абу Бакра представлять его в качестве руководителя молитв в собрании верующих[402].

В другом месте сказано, что завещанием Магомета был Коран и что ни в чём другом не было нужды (Бухари, III, с. 191, стр. 7 и сл., и Шахрастани, с. 11, стр. 5).

§ 17. — Согласно преданию, данному аль-Вакиди, Абу Бакр будто бы руководил молитвами верующих целых семнадцать раз («семнадцать молитв», то есть три с половиной дня) (Табари, I, с. 1812, стр. 3). Другое предание из того же источника определяет время, в течение которого Абу Бакр исполнял функции *имама*, всего в три дня[403] (Табари, I, с. 1812, стр. 7–8), то есть 15 раз.

Ср. также Асир, II, с. 244, стр. 3; Са‘д, III, ч. I, с. 127, стр. 21 и сл.

Смерть Магомета (13 раби I)

§ 18. — (Ибн Исхак, от аз-Зухри, от Анаса б. Малика). В понедельник, в который он перестал жить, Магомет (быть может, почувствовав себя несколько лучше) ещё раз появился на утренней молитве. Подняли занавес и открыли дверь, так что он смог показаться, стоя на ногах у двери комнаты Аиши. В этот момент верующие, совершавшие молитву, готовы были прервать её от великой радости вновь увидеть Пророка. Но он сделал знак продолжать и улыбнулся от удовольствия, видя их молящимися в своём положении, и, прибавляет Анас б. Малик, «никогда Магомет не казался мне прекраснее, чем тогда». Затем Магомет удалился в своё жилище, и собрание разошлось в уверенности, что болезнь счастливо преодолена. Абу Бакр (одушевлённый той же надеждой) не остался при Пророке, а вернулся в свой дом в ас-Сунхе[404] (Хишам, с. 1009).

---

[402] Шиитские летописцы не знают этого факта и утверждают, что, когда Магомет почувствовал себя слишком слабым и больным, чтобы руководить молитвами, он послал верующим приказ молиться без него (Мирхонд, II, с. 222, стр. 26–27). Позднейшие поколения, у которых сочувствие к Али было в огромном большинстве во всём восточном мусульманском мире, пытались доказать, что Магомет назначил Али своим наследником и преемником. Против этого утверждения сочинили много преданий. Мы находим, например, у Бухари предание (Азхар, от Ибн Ауна, от Ибрахима, от аль-Асвада), согласно которому однажды при Аише, вдове Пророка, упомянули о мнимом назначении Али наследником и преемником Магомета: Аиша при этом будто бы отвергла известие как ложное, сказав, что она одна присутствовала в последние минуты Пророка, который внезапно умер на её руках, не дав никаких наставлений (Бухари, III, с. 191, стр. 3 и сл.). Следует, однако, помнить, что Аиша была мало щепетильна в отношении истины и была великим врагом Али (ср. события 35 и 36 гг. х.).

[403] Это известие, если оно точно, показывает, что в течение многих дней недомогание Магомета не было тяжёлым и что конец наступил с неожиданной быстротой: все предания, хотя и искажённые, склоняют к доказательству того, что никто не ожидал близкой смерти Пророка.

[404] (*а*) Ас-Сунх был одним из кварталов, *маназиль*, ансарского племени аль-харис б. аль-хазрадж и находился в одной арабской миле от жилища Пророка, в верхней части Медины (*Авали аль-Мадина*, то есть к югу от

Об этом последнем появлении Пророка тоже существует бесконечное разнообразие преданий, почти все столь сильно переработанные, что древнее ядро в них уже не прослеживается. Уже Ибн Исхак (ср. Хишам, с. 1010) даёт нам различные версии с другими иснадами: в одной из них, характера, однако, мало надёжного и едва ли подлинного, рассказывается, что, когда Магомет появился у двери комнаты, Абу Бакр руководил молитвой и, видя волнение, вызванное присутствием Учителя, сделал движение, чтобы отступить и оставить ему первое место. Утверждают, однако, что Магомет заставил его остаться там, где он находился. Предание даже говорит буквально, что Магомет похлопал его по спине, чтобы он остался на своём месте. В этом мы можем несколько сомневаться после того, что рассказано в других преданиях, и принимая во внимание, что несколько часов спустя Магомет перестал жить; он не мог поэтому иметь силы пересечь двор мечети до кафедры, у которой Абу Бакр руководил общественной молитвой (ср. Табари, I, с. 1813).

Другие, слегка отличные версии ср.: Бухари, I, с. 172, 175, 178, 185, 194 и т. д.; там же, III, с. 188, стр. 14; Асир, II, с. 243–244; Халаби, III, с. 587, стр. 6 и сл., где даны многие многословные новые версии с бесконечным числом подробностей явно апокрифического характера.

(*b*) Арабская миля (*аль-миль*) была неопределённым расстоянием, исчислявшимся приблизительно в 3500 или 4000 *зира‘*, или локтей. *Зира‘* исчислялся длиной в 24 пальца (*асба‘*), а ширина каждого пальца должна была составлять шесть ячменных зёрен (*ситт хаббат ша‘ир*), положенных одно возле другого так, чтобы спинка одного касалась брюшка другого. Другие утверждают, что арабская миля была третьей частью *фарсаха*, который в свою очередь состоял из 12 000 шагов (*хатва*), а каждый шаг считался за полтора локтя (*зира‘*) (*Хамис*, II, с. 165, стр. 4 и сл.). О мере *зира‘* ср. Sauvaire, *J. A.*, сер. VIII, т. VIII, 489 и сл., о *фарсахе* — там же, 520 и сл., и о *миле* — там же, 533.

§ 19. — (Ибн Исхак, от Йа‘куба б. Утбы, от аз-Зухри, от Урвы б. аз-Зубайра, от Аиши). Вернувшись домой после того, как показался верующим, Магомет снова лёг на землю, опершись на лоно Аиши: в этот момент вошёл человек из семьи Абу Бакра (а следовательно, двоюродный брат Аиши; другие версии говорят, что это был Абд ар-Рахман б. Ауф), который держал в руке одну из тех веточек (лавсонии?), которые служат в Аравии для чистки зубов. Магомет так посмотрел на предмет, который держал человек, что дал Аише понять, какова его мысль. Аиша попросила дать ей кусочек дерева, очистила зубами его конец от коры и, разжевав его, чтобы размягчить, подала зубочистку умирающему. Медленно Магомет потёр себе зубы, а затем, устав, положил предмет на землю. Слабость умирающего возрастала с каждым мгновением, и Аиша чувствовала, что Пророк всё более опускается на неё, ибо ей казалось, что он всё тяжелее давит на её колени, где Магомет держал голову. Аиша взглянула ему в глаза и увидела, что его взор обращён вверх и что он бормочет что-то невнятное о рае.

города, ибо сток вод в Медине идёт приблизительно с юга на север). Абу Бакр поселился в этом жилище, когда вступил в брак с мединкой Мулайкой, или Хабибой бинт Хариджа б. Зайд б. Зухайр, именно из племени аль-харис б. аль-хазрадж (Якут, III, с. 163, стр. 13–17; *Агани*, VII, с. 124, стр. 23).

Несколько мгновений спустя Магомет перестал жить (Хишам, с. 1011; Табари, I, с. 1814)[405].

(*b*) Существуют также различные предания (с разными иснадами, восходящими все к Са‘иду б. Джубайру, от Ибн Аббаса), утверждающие, что умирающий Магомет попросил у присутствующих дощечку и принадлежности для письма, ибо хотел «написать писание, после которого невозможно было бы более заблуждаться после его смерти, и которое помешало бы верующим впасть в распрю между собой». Присутствовавшие верующие не поняли, что говорит Пророк, и, полагая, что он бредит, не подали ему того, что он просил (Табари, I, с. 1806–1807; ср. также Шахрастани, с. 11, стр. 2 и сл., где сказано, что Умар запретил давать Пророку средства для письма). Об этом апокрифическом предании много фантазировал Шпренгер (III, 306–307, 552–553), говоря о смерти Пророка: заключения, к которым он приходит, невозможны и не имеют никакого основания в истине. Мы уже говорили об этом в другом месте (ср. 10 г. х., § 69 A). См. также ниже, § 30.

(*c*) Сунниты тоже выдумали различные предания, в которых рассказывается, что Магомет в агонии попросил плоскую кость (*катиф* = лопатку), чтобы написать на ней приказ повиноваться Абу Бакру (Са‘д, III, ч. I, с. 127–128).

§ 20. — (Аль-Вакиди). Утром в понедельник (13 раби I?) Пророк почувствовал себя настолько лучше, что жёны от радости принялись причёсывать волосы и наряжаться. Даже Абу Бакр осмелился покинуть его, отправившись к себе домой в ас-Сунх, повидать жену, дочь Хариджи, чья очередь была в этот день возлечь с мужем. Усама, полный радужных надежд, простился с Пророком около полудня, готовясь тотчас выступить со своими людьми (ср. выше, §§ 3 и сл.); но в тот момент, когда, прибыв в аль-Джурф, он собирался отдать приказ сниматься с лагеря, мать спешно дала ему знать, что Пророк в агонии. Усама поспешил вернуться в Медину вместе с Умаром и Абу Убайдой, и они нашли Пророка при последнем издыхании. Магомет перестал жить в полдень понедельника 12 раби I (*sic*, читай: 13 раби I) (Вакиди — Велльхаузен, с. 434).

Ср. также *Хамис*, II, с. 172, стр. 11 и сл.; Халаби, III, с. 591, стр. 23 и сл.

§ 21. — (Ибн Исхак, от аз-Зухри, от Абдаллаха б. Ка‘ба б. Малика, от Абдаллаха б. Аббаса). В тот же день Али б. Аби Талиб, оставив Магомета, удаляясь среди людей от жилища Пророка, отвечал всем, кто его расспрашивал: «Ему легче, хвала Богу!» Тогда дядя аль-Аббас схватил его за руки и сказал ему: «О Али, клянусь Богом, через три дня ты будешь рабом общины: я вижу смерть на лице Магомета, как всегда видел её на лицах сынов Абд аль-Мутталиба. Пойдём со мной к Магомету: так мы узнаем, останется ли это дело (власть) в наших руках или же наше дело перейдёт к другим. Он сможет поручить нас людям». Али ответил: «Клянусь Богом, этого я не сделаю, ибо если власть будет нам отказана Магометом, никто после него не захочет нам её даровать». Пророк умер в тот же день, когда солнце начинало клониться, но было ещё

[405] (*a*) О других преданиях об этих событиях ср. Бухари, III, с. 180, стр. 10 и сл. и посл. стр.; Асир, II, с. 244, стр. 11; Халаби, III, с. 593, стр. 8 и сл. Предания, по которым Фатима, дочь Пророка, была возле отца во время агонии, находятся лишь в позднейших источниках и все носят апокрифический отпечаток; ср., напр., *‘Икд*, II, с. 3, стр. 30 и сл.

высоко в небе (около полудня или вскоре после) (Хишам, с. 1010–1011; Табари, I, с. 1807–1808)[406].

Ср. также *Хамис*, II, с. 172; Бухари, III, с. 188, стр. 5; Асир, II, с. 243; Халаби, III, с. 581, стр. 5 и сл.

§ 22. — (Ибн Исхак, от Йахьи б. Абдаллаха б. аз-Зубайра, от Аиши). Как только Аиша увидела, что Магомет больше не живёт, она положила его голову на подушку и побежала возвестить о смерти другим женщинам, начав вместе с ними кричать, плакать и бить себя по лицу и груди, по обычаям того времени (Хишам, с. 1011–1012).

Ср. Jacob, *Arab. Dicht.*, III, 139–140.

§ 23. — Как только узнали, что Пророка больше нет, все воины, стоявшие лагерем в аль-Джурфе для похода под началом Усамы, вернулись в Медину. Бурайда б. аль-Хусайб аль-Аслами пошёл и водрузил знамя перед дверью комнаты, в которой лежало тело (Вакиди — Велльхаузен, с. 434).

§ 24. — (Ибн Исхак, от аз-Зухри, от Са‘ида б. аль-Мусаййиба, от Абу Хурайры). Весть о смерти, мгновенно распространившаяся по городу, произвела такое впечатление удивления и оцепенения, что некоторые не хотели этому верить. Умар прямо отказался верить, что Магомета больше нет, и, говорят, заявил: «Некоторые лицемеры утверждают, что Магомет умер; но, клянусь Богом, Магомет не умер; он ушёл к своему Господу, как сделал Моисей, и вернётся, как вернулся Моисей. Тем, кто говорит, что Магомета больше нет среди живых, сам Магомет велит отрубить руки и ноги!» Узнав злосчастную весть, прибежал и Абу Бакр и, подойдя к двери мечети, нашёл, что Умар в сильном возбуждении держит речь к народу. Не обращая на него внимания, Абу Бакр бросился в комнату Аиши и увидел Пророка, лежащего на земле, покрытого полосатым цветным плащом: приблизившись к телу, он приподнял угол плаща, покрывавший лицо, и, поцеловав помертвевшие черты Учителя, сказал: «Ты был мне дороже отца и матери: ныне ты вкусил смерть, после которой станешь бессмертным!» Покрыв лицо Пророка, он медленно вышел из комнаты и, пересекая двор мечети, подошёл к Умару, который всё ещё говорил. Он прервал его и попросил успокоиться: «Тише, Умар! Выслушай меня!» Умар не хотел молчать и слушать, но продолжал возбуждённо говорить к толпе. Абу Бакр не смутился, но сделал знак, что тоже хочет говорить. Благоговейная толпа обратилась к нему и больше не обращала внимания на Умара, который тогда прекратил речь и предоставил слово Абу Бакру. Тот, начав говорить среди всеобщего молчания и внимания, сказал: «О люди! Кто поклоняется Магомету, пусть знает, что Магомет умер; кто же поклоняется Богу, пусть знает, что Бог жив всегда и никогда не умрёт!» Затем он начал читать стих Корана (III, 138): «Магомет — не более как посланник (Божий): до него тоже ушли другие посланники (Божии): неужели, если он умрёт или будет убит, вы повернёте вспять на своих пятах (= отступите)? Кто сделает это, ничем не повредит Богу, а Бог вознаградит благодарных»[407]. Эти слова произвели на слушателей странное действие, ибо всем показалось, что этот стих никто никогда не слышал до этого момента: все, однако, его

[406] Это предание суннитского правоверного происхождения и имеет тенденциозную цель показать, что при смерти Магомета Али не только не выдвигал никакого права на преемство, но и опасался, что не имеет никакого.

приняли, и сам Умар, услышав его, почувствовал, что силы его оставляют, и понял наконец, что Магомет действительно умер[408] (Хишам, с. 1012–1013; Табари, I, с. 1815–1817).

Ср. Асир, II, с. 245, стр. 2; Абу-ль-Фида, II, с. 204; Шахрастани, с. 11, стр. 14 и сл.

Последние слова, произнесённые Пророком

§ 25. — Лучшие предания (ср. предыдущие параграфы) заставляют Магомета умереть, не сказав ни единого слова, которое открыло бы, каковы были его последние мысли (ср. особенно § 16, прим. 2). Это молчание повергло в мучительное недоумение преданников, которые не сумели дать ему удовлетворительного объяснения. Если Магомет знал всё, почему он не предупредил сподвижников о своём близком конце? Почему не дал своих последних наставлений, которые избавили бы ислам от стольких кровавых междоусобных войн? — Из этого всеобщего в мусульманском мире чувства родились поэтому многие предания, несомненно апокрифические, в которых даются различные версии последней воли умирающего: все они представляют тенденциозные выражения, выдуманные, чтобы заставить умолкнуть спорные вопросы между политическими партиями и мусульманскими богословскими школами II века.

Бесполезно приводить их здесь полностью: одно из них (восходящее по иснаду к Ибн Аббасу, обычному ненадёжному источнику) рассказывает, как больной и умирающий Пророк велел отвести себя на кафедру мечети, обратился с речью к верующим и пригласил всех, кому он причинил зло, требовать возмещения, «ибо ненависть не в моей природе и не в моих намерениях, и поистине тот, кто требует от меня то, что ему причитается, мне милее всех среди вас!» Тогда встал один человек и потребовал возвращения трёх дирхамов, которые Магомет немедленно велел ему вручить. По приглашению Пророка многие присутствующие исповедали также свои грехи, и на всех Магомет призвал божественное прощение; а когда при исповеди одного из присутствующих Умар возвысил голос, протестуя против услышанного, Магомет, улыбаясь, обратил к нему следующие слова: «Умар со мной, и я с Умаром, и истина после меня будет с Умаром, где бы он ни был» (Табари, I, с. 1801–1803)[409].

§ 26. — Согласно другому преданию (с апокрифическим иснадом, восходящим к Абдаллаху б. Мас‘уду), за месяц до смерти Пророк будто бы возвестил своим близкий конец, произнёс длинную речь к верующим, собравшимся в доме Аиши (!), и дал наставления о том, как обращаться с его телом после смерти и как его похоронить,

---

[407] Этот стих, в котором фигурирует имя Магомета, есть, по Гиршфельду (116 и 138 и сл.), один из стихов интерполированных и не подлинно продиктованных Пророком. И текст предания составлен в двусмысленных выражениях, из которых можно было бы почти заключить, что стих был выдуман Абу Бакром по этому случаю. Если рассуждения Гиршфельда, быть может, достаточно убедительны, чтобы принять их благосклонно, всегда остаётся большое сомнение в правдивости Абу Хурайры, знаменитого мистификатора, относящего момент выдумки и вставки к тому памятному мгновению, когда смерть Пророка повергла в смятение души верующих. Эпизод, как он рассказан (говорят!) Абу Хурайрой, производит на меня впечатление одного из бесчисленного множества рассказов, созданных преданниками для удобства коранической экзегезы, которыми полно введение к настоящему труду.

[408] Те же события рассказаны с лёгкими вариантами у Бухари, III, с. 190, стр. 5 и сл.

[409] Ср. также Асир, II, с. 241, стр. 18 и сл.

описав также порядок, образ, число и имена ангелов, которые сойдут молиться у его тела, и т. д. (Табари, I, с. 1804–1806).

Ср. также Асир, II, с. 242, стр. 3 и сл.; Халдун, II, прил., с. 61–62.

В шиитских текстах у нас есть другие наставления, данные умирающим Пророком, заслуживающие упоминания по своей нелепости: Али, обмыв тело Магомета, должен был выпить капли воды, оставшиеся в углублении пупка и в уголках глаз, ибо тогда он унаследовал бы знание пророков всех времён[410]. Мирхонд, II, с. 223, стр. 4, и с. 224, стр. 12.

§ 27. — (Ибн Исхак, от Салиха б. Кайсана, от аз-Зухри, от Убайдаллаха б. Абдаллаха б. Утбы, от Аиши). Утверждают, что во время последней болезни, за несколько мгновений до смерти, Магомет сказал две вещи величайшей важности: прежде всего, утверждают, Магомет выразил пожелание, чтобы Бог убил тот народ, который превращает гробницы своих пророков в места поклонения; другим изречением, произнесённым умирающим, будто бы было то, что на Аравийском полуострове не должно существовать двух религий (Хишам, с. 1021; Табари, I, с. 1797, 1834; Асир, II, с. 240, стр. 18)[411].

(*b*) Ложность второго изречения доказывается также двумя фактами, ускользнувшими от преданников и опровергающими утверждение, будто в те времена уже думали об исключении немусульман из Аравии. Первый тот, что знаменитая христианская церковь Саны в Йемене продолжала существовать до времён аббасидского халифа Абу Джа‘фара аль-Мансура [† 158 г. х.] (ср. Введение, § 117, прим. 4), а это показывает, что христиане продолжали мирно жить в Аравии и беспрепятственно отправлять там свой культ до II века хиджры. Другой факт тот, что еврейская община Вади-ль-Кура, в трёх днях пути от Медины, и община Таймы, расположенной несколько севернее, не были изгнаны со своих мест (ср. 7 г. х., § 48 и прим. 7). Следовательно, если бы Пророк приказал изгнать немусульман из Аравии и если бы Умар захотел привести этот приказ в исполнение, были бы упразднены христианские церкви Саны и изгнаны евреи Вади-ль-Кура и Таймы. Нет к тому же сомнения, что если бы Магомет дал такой приказ, халиф Абу Бакр уже распорядился бы об этом. Поистине, исключение немусульман с Аравийского полуострова было порождением религиозного фанатизма II и III веков хиджры. Это чувство было ещё

[410] Мусульманские преданники взяли на себя труд объяснить, как и почему Магомет не оставил завещания и не выразил перед смертью, какова его последняя воля: поэтому они сложили предание (апокрифическое), восходящее к Ибн Аббасу, в котором рассказывается, как Пророк, будучи при смерти, послал за Али и как Аиша и Хафса, обе ревнуя к этому, послали — одна за отцом Абу Бакром, а другая за отцом Умаром. Благодаря уловкам этих женщин Али пришёл не один, а в сопровождении двух других сподвижников, вследствие чего Магомет, увидев их всех вместе, отослал всех троих обратно, сказав, что если будет в них нуждаться, пошлёт за ними (Табари, I, с. 1810–1811). Цель предания — заставить поверить, что если бы Али пришёл один, Пророк дал бы ему точные наставления и избрал бы его преемником, но, видя, что трое пришли вместе, отложил важнейшие признания до другого раза, а пока избрал Абу Бакра, как старейшего из троих, руководить временно молитвами.

[411] (*a*) Это предание содержит в зародыше два пророчества «задним числом» и намекает на позднейшие события, которых Магомет никоим образом не мог предвидеть. Два изречения отражают: одно — попытку более либеральных богословских школ помешать возникновению культа личности Магомета, подобно тому как у христиан возник культ личности Христа; другое — желание оправдать Умара, когда он, став халифом, приказал изгнать евреев и христиан из Аравии (см. ниже, 23 г. х.; ср. Балазури, с. 66, стр. 19, где, однако, иснад восходит лишь к Умару б. Абд аль-Азизу [† 101 г. х.]).

преждевременным во времена Магомета, когда, быть может, более четырёх пятых арабов ещё не были мусульманами.

(*c*) Наконец, достойно внимания, что в берлинском фрагменте Мусы б. Укбы [† 141 г. х.] находится следующее предание: «Муса б. Укба, от Нафи‘а, от Абдаллаха б. Умара: (Халиф) Умар не позволял евреям, христианам и *маджус* (маздеистам) оставаться в Медине более трёх дней, соразмерно делам, которые у них были. Он имел обыкновение говорить: „Две религии не могут существовать вместе (в Аравии)“. И поэтому он изгнал евреев и христиан с Аравийского полуострова» (Sachau, *Musa*, 14 и 22). Из этого предания, древнейшего из всех приведённых нами, мы видим, что понятие о запрете сосуществования двух различных вер в Аравии исходило от Умара и что затем, обычным процессом опережения событий, оно было приписано Пророку с целью защитить действия халифа по отношению к евреям и христианам.

§ 28. — (Абу Авана, от Хиляля аль-Ваззана, от Урвы б. аз-Зубайра, от Аиши). В последнюю болезнь Магомет сказал Аише: «Бог проклял евреев за то, что они превратили в места поклонения гробницы своих пророков!» (Бухари, III, с. 187, стр. 1 и сл.). Осуждение апофеоза или культа пророков, по видимости обращённое к евреям, имеет значение предостережения для мусульман, как ещё яснее видно из другого места того же Бухари (с. 187, предпосл. стр.), где к тем же словам прибавлено: «Остерегайтесь того, что они делают!»

§ 29. — (Са‘ид б. Джубайр, от Ибн Аббаса). Последнее, что сказал Пророк перед смертью, было следующее: «Изгоните идолопоклонников с полуострова арабов (*джазират аль-‘араб*) и принимайте посольства с дарами приблизительно так, как принимал их я». Он хотел добавить ещё третье, но потом умолк; «или же я это забыл!» — прибавляет Ибн Аббас[412] (Бухари, III, с. 185, стр. 7 и сл.).

Ср. также Асир, II, с. 242–243; Халдун, II, прил., с. 62, стр. 12; Мирхонд, II, с. 225, стр. 16; Хондемир, I, ч. III, с. 79, стр. 15.

§ 30. — Другое предание, столь же апокрифического содержания (Ма‘мар, от аз-Зухри, от Убайдаллаха б. Абдаллаха б. Утбы, от Ибн Аббаса), утверждает, что Магомет, будучи при смерти, попросил у присутствующих необходимое для того, чтобы написать «писание, после которого вы уже не сможете заблуждаться!» Присутствующие подумали, что Пророк бредит, и, тогда как некоторые были того мнения, чтобы исполнить просьбу умирающего, другие протестовали, говоря, что Магомет от болезни уже не в своём уме и что, поскольку есть Коран как достаточный руководитель для людей, нет нужды в этом другом писании. Мнения об этом, однако, не сходились, и люди в доме Магомета перебранивались между собой, поднимая такой шум, что Пророк, раздражённый, в конце концов приказал им уйти и отказался от мысли написать свои последние наставления[413] (Бухари, III, с. 158, стр. 10 и сл.).

[412] Хотят заставить поверить, что третье наставление содержало бы назначение преемника и что неизвестные причины, быть может сверхъестественного происхождения, воспрепятствовали его открытию.

[413] О других версиях этого факта ср. также Халаби, III, с. 580–581; Мирхонд, II, с. 225, стр. 10 и сл.; Хондемир, I, ч. III, с. 79, стр. 7. Все шииты придают этому (апокрифическому!) преданию большое значение, ибо хотели бы заставить поверить, что Магомет намеревался назначить Али своим преемником. Об употреблении, которое сделал из него Шпренгер, и о его неправдоподобных гипотезах ср. 10 г. х., § 69 A, и Шпренгер, III, 552–553.

§ 31. — В другой версии (аз-Зухри, от Са‘ида б. аль-Мусаййиба, от одного учёного, от Аиши) сказано, что однажды Пророк поведал своей любимой жене Аише, что каждый пророк перед смертью получает от Бога милость увидеть рай и уже выбрать место, на котором он предпочёл бы пребывать (*мак‘адаху*, букв.: своё ложе). Поэтому, когда Магомет находился в агонии с головой на коленях Аиши, утверждают, что он имел от Бога сверхъестественное видение рая и, выбирая предпочтительное место, сказал громким голосом: *ар-рафик аль-а‘ля* (высочайший товарищ! = архангел Гавриил), подняв взор к потолку комнаты (Бухари, III, с. 186, стр. 5 и сл.; с. 191, стр. 15)[414].

§ 32. — Существуют и другие версии последних слов, произнесённых Пророком (ср., напр., Бухари, III, с. 189, предпосл. стр.), но они не имеют исторического интереса: это по большей части поздние вышивки преданников на ту же тему. Мы можем, однако, заключить, что Пророк, уступая болезни, быть может в бреду, произносил отрывочные бессмысленные слова, слышанные лишь Аишей, которая держала его на коленях: можно также предположить, что она позднее, когда поняла всю важность последнего мгновения Пророка, пыталась найти смысл в этих бессвязных словах и выдумала не одну версию его последних речений.

Настойчивость преданий, однако, неопровержимо устанавливает, что смерть Магомета наступила внезапно и что Аиша, единственная присутствовавшая в последние мгновения, немало помедлила, прежде чем заметила, что Магомета больше нет и что вместо мужа она держит на коленях мертвеца.

Дата смерти Пророка (13 раби I = 8 июня 632)

§ 33. — В источниках нет расхождения относительно дня недели, в который Магомет перестал жить: все согласны, что он скончался в понедельник раби I; но мнения расходятся в определении, в который понедельник месяца это произошло. Существуют две главные версии, но в обеих день месяца ошибочен.

(*a*) (Абу Михнаф, от *фукаха ахль аль-Хиджаз*): в полдень понедельника 2 раби I; и Абу Бакр был провозглашён халифом в тот же самый день. Ср. также ниже, § 41.

(*b*) (Аль-Вакиди): понедельник 12 раби I, а Магомет был погребён назавтра, во вторник, около полудня, когда солнце уже начинало клониться (Табари, I, с. 1815)[415].

(*b*) У Йа‘куби, II, с. 129, стр. 6, сказано, что Пророк умер 2 раби I, в понедельник, после четырнадцати дней болезни, в сирийском месяце (*шахр аль-‘аджам*) Азар (или Адар, то есть март; ср. Мас‘уди, III, 410). Евтихий, 1091, говорит, что Магомет умер в понедельник 2 раби I после тринадцати дней болезни. В *Фахри*, 102, смерть Пророка и избрание Абу Бакра помещены в 12 г. х. (*sic!*) без указания дня и месяца. Исправление

[414] Ср. также с лёгкими вариантами: Бухари, III, с. 189, стр. 18 и сл.; Асир, II, с. 243, стр. 16; *Хамис*, III, с. 591, стр. 28 и сл.; с. 593, стр. 3 и сл.; Мирхонд, II, с. 222, стр. 18–21.

[415] (*a*) Ср. также Асир, II, с. 244, посл. стр.; Абу-ль-Фида, I, с. 186; Халаби, III, с. 595, стр. 21 и сл., где приведён ас-Сухайли в подтверждение того, что понедельник не мог быть 12-м, а только 13-м или 14-м раби I, если вести расчёт от 9 зу-ль-хиджжи 9 г. х., которое, по его утверждению, пришлось на пятницу. Замечания ас-Сухайли отчасти верны: 9 зу-ль-хиджжи 9 г. х. приходится, однако, на субботу, и второй понедельник раби I есть поэтому 13-е число месяца. Это и должен быть точный день смерти Магомета.

на 11 г. х., предложенное Деранбуром, с. 41, не правомерно ввиду скрупулёзной точности переписчика (ср. De Sacy, *Chrest. Ar.*, II, изд. I, 32) и почти автографической ценности рукописи, по которой выполнено парижское издание.

(*c*) Дата смерти 2 раби I, если она верна, давала бы Пророку болезнь всего в три или четыре дня, ибо он заболел в последние два дня сафара (ср. выше, § 6). Эта версия, хотя и отвергаемая большинством, имеет свои достоинства как хронологическое известие. Другая же допускает болезнь примерно в 14 дней, в течение около одиннадцати из которых Магомет продолжал обходить жён (ср. Халдун, II, прил., с. 61). Это малоправдоподобно. Продолжительность болезни Пророка была преувеличена преданниками: быть может, некоторое время Магомет чувствовал себя не вполне здоровым, но весь смысл преданий признаёт, что острая фаза болезни наступила внезапно, а смерть — скоропостижно, прежде чем стало возможным принять какие-либо меры для устройства преемства.

(*d*) В *Танбих*, с. 281, стр. 3 и сл., читается сводка различных версий о дате смерти Пророка: помимо предыдущих, упоминается понедельник 9 раби I (четверг); добавлено затем, что Магомет умер на 16-й день персидского месяца Исфандармах (ср. Бируни, *Хронология*, 52 и 82, — то есть последнего месяца персидского года, начинавшегося с весеннего равноденствия) в 1380 г. эры Бухт-Нассара (Навуходоносора), что соответствует 3-му числу месяца хазиран (сирийского календаря, соответствующего июню) 943 г. эры Александра (то есть Селевкидов), через сто лет после того, как Ануширван взошёл на персидский престол.

§ 34. — Предание, приписываемое Ибн Умару, говорит, что Пророк умер в раби I (Табари, I, с. 1836; Халаби, III, с. 596, стр. 1). Это известие поистине самое надёжное, ибо Ибн Умар — авторитет, которому можно доверять. Бóльшие подробности следует принимать с осторожностью: самое большее можно принять, что он умер в понедельник, хотя мы должны отнести к басням утверждение Ибн Аббаса, будто Магомет родился в понедельник, стал пророком в понедельник, в понедельник поднял Чёрный камень, бежал из Мекки и прибыл в Медину и в понедельник, наконец, перестал жить (Табари, I, с. 1255–1256, 1836; *Хамис*, I, с. 380; Халаби, II, с. 60). Два различных предания утверждают, наконец, что тело было погребено в ночь со вторника на среду, следовавших за понедельником смерти[416] (Табари, I, с. 1837).

§ 35. — Единственный писатель, дающий верную дату смерти Магомета, — Ибн Абд Раббихи [† 328 г. х.], который утверждает, что Пророк перестал жить в понедельник 13 раби I 11 г. х., то есть 8 июня 632 г. н. э. (*‘Икд*, II, с. 248, стр. 4–5, где прибавлено, что погребение состоялось в полночь, *фи джауф аль-лайль*, между вторником и средой).

Из западных писателей приведём Вейля (I, 1), который относит смерть Магомета к 7 или 8 июня, и Шпренгера (III, 554), дающего 8 июня, не приводя причин этого выбора. Ту же дату принимают также Мюллер (I, 170), Мьюр (*Annals*, 1, и *Mahomet*, IV, 280, прим.) и все наиболее авторитетные исследователи ислама.

[416] Согласно одному преданию (Ибн Исхак, от Салиха б. Кайсана, от аз-Зухри, от Убайдаллаха б. Утбы, от Аиши), смерть Пророка последовала ровно 12 раби I, то есть в десятую годовщину его прибытия в Медину после Бегства, так что он прожил в Медине ровно 10 полных лет (Табари, I, с. 1834).

Избрание Абу Бакра (13–14 раби I = 8–9 июня 632)

§ 36. — (Ибн Исхак, без иснада). Когда Магомет испустил последний вздох, мединские мусульмане, ансары, побежали собраться у Са‘да б. Убады во дворе (*ас-Сакифа*, то есть преддверии) бану са‘ида; между тем Али, Тальха и аз-Зубайр в смятении находились в жилище Аиши; прочие мухаджиры отправились к Абу Бакру, и к ним присоединился Усайд б. Худайр с бану абд аль-ашхаль[417]. В этот момент к Абу Бакру и Умару пришёл некто, принёсший тяжёлую весть: «Эта ветвь ансаров, — сказал он, — собралась с Са‘дом б. Убадой во дворе бану са‘ида, и они уже сделали с ним общее дело. Если вы поэтому стремитесь к власти, отправляйтесь к ним, прежде чем дело станет серьёзнее». Магомет лежал ещё непогребённый в своём жилище, и даже приготовления к погребению ещё не были закончены: семья покойного заперла дверь. Умар сказал тогда Абу Бакру: «Пойдём к нашим братьям, ансарам, и посмотрим, что они намерены делать» (Хишам, с. 1013). К сожалению, Ибн Исхак не продолжает повествования о событиях, и в текст Ибн Хишама вставлено длинное, многословное предание сомнительной подлинности, которое, говорят, восходит к Ибн Аббасу и притязает дать повествование о знаменитом собрании ансаров и об избрании Абу Бакра, однако так, что внушает весьма мало доверия (ср. следующий параграф).

В тексте Йа‘куби (II, с. 137, стр. 18–19) Усайд ошибочно назван хазраджитом.

§ 37. — (Ибн Исхак, от аз-Зухри, от Убайдаллаха б. Абдаллаха б. Утбы б. Мас‘уда, от Абдаллаха б. аль-Аббаса, от Умара б. аль-Хаттаба). После длинного и многословного вступления — не имеющего непосредственного отношения к нашему предмету и потому опускаемого нами — текст продолжает рассказывать (Умар говорит от первого лица от начала до конца рассказа: подозрительная подробность), как перед малодушным поведением Али, аз-Зубайра и их приверженцев, удалившихся в сторону[418], Умар решил соединиться с Абу Бакром и действовать энергично, прямым вмешательством в собрание ансаров, в надежде предотвратить возможные расколы в мусульманской общине. Когда двое бежали (вероятно, с несколькими сподвижниками-мухаджирами и несколькими мединцами-ашхалитами, см. выше) ко двору бану са‘ида, они встретили двух достойных людей (Увайма б. Са‘иду и Ма‘на б. Ади аль-Аджлани:

---

[417] Попытка мединцев утвердить свои мнимые права на прямое участие в управлении провалилась прежде всего из-за памяти о старинной вражде между аус и хазрадж. Поскольку почин исходил от хазрадж, аус не захотели за ним последовать и, скорее чем подчиниться хазраджитскому господству, присоединились к курайшитской партии. Все аус были с Усайдом б. Худайром. См., напр., Халаби, III, с. 600, стр. 23 и сл. Против согласного слияния этих двух элементов (курайшитов и аус), поддержанных молчаливым согласием прочих мусульман, хазрадж ничего не смогли, и партия согласия восторжествовала над приверженцами древнего партикуляризма.

[418] Заметим прежде всего малодушное поведение Али, Тальхи и аз-Зубайра, людей малого политического ума и слабого характера, которые дали себя подавить безмерности утраты и не сумели взять в руки руководство мекканской партией. Драгоценно затем известие, данное Ибн Исхаком, что в этот момент высшей важности ансары не забыли старинной вражды и что менее многочисленная партия аус под началом Усайда б. Худайра поспешила сделать общее дело с Абу Бакром и Умаром, лишь бы не иметь преемника из хазраджитского рода. Нет сомнения, что разъединённость мединцев составила главнейший фактор политической победы мекканских изгнанников, искусно и энергично руководимых соединёнными усилиями Абу Бакра и Умара, которые, вместо того чтобы удалиться по домам, смело встретили бурю и победоносно её одолели. Не менее примечательно, наконец, видеть, как в момент, когда Пророк перестал жить, разнуздались все страсти и все честолюбия: пока кипело столкновение стольких честолюбий, ещё тёплое тело столь почитаемого и грозного Учителя лежало забытым или заброшенным в жалкой комнатке, в которой он перестал жить.

Хишам, с. 1016–1017; Табари, I, с. 1824), которые, узнав, что Абу Бакр и Умар направляются к месту собрания ансаров, хотели отговорить их продолжать путь, опасаясь, быть может, какого-нибудь столкновения. Умар настоял, чтобы не менять намерения, и он с Абу Бакром смело проник во двор, в среду собравшихся там ансаров. Едва войдя, они, говорят, тотчас заметили среди собрания человека, закутанного в плащ, имевшего вид весьма страдающего: они узнали, что это Са‘д б. Убада, кандидат мединцев-хазраджитов, который в тот критический момент чувствовал себя тяжело нездоровым. Когда двое сподвижников вошли, говорил мединский оратор, который, между прочим, принялся также поносить мекканских мухаджиров, обвиняя их в желании захватить всю власть и в нежелании признать все великие услуги, оказанные делу ислама мединцами. Умар, всегда порывистый, хотел тотчас ответить оратору и решительно опровергнуть обвинения, но, к счастью, был удержан Абу Бакром, который, более рассудительный и осторожный, взял слово в спокойном и примирительном тоне. Успокоив разгорячённые умы обширными и искусными признаниями неоценимых услуг, оказанных мединцами, он твёрдо настаивал на мысли, что лишь власть курайшита будет признана прочими арабами. Затем он закончил свою речь, пригласив присутствующих присягнуть на верность и повиновение либо Умару, либо Абу Убайде б. аль-Джарраху, которые в тот момент находились рядом с ним. Тогда один мединец встал, чтобы предложить избрать двух вождей, курайшита и мединца, но предложение не встретило благосклонного приёма, и разгорелся живейший спор: все кричали разом. Умар испугался, что смятение перейдёт в настоящее столкновение, и, улучив подходящий момент, выступил вперёд, взял протянутую руку Абу Бакра и, первым отказавшись от предложенной ему чести, первым же и присягнул на верность и повиновение Абу Бакру, провозгласив его преемником Пророка[419]. Примеру Умара тотчас последовали многие присутствующие, которые увлекли за собой всех сподвижников и многих мединцев. Большинство[420] провозгласило Абу Бакра избранным. В неописуемом смятении момента нашёлся такой — говорят, Умар, — кто предложил убить Са‘да б. Убаду за то, что он захотел притязать на преемство, но этого не последовало (Хишам, с. 1015–1016; Табари, I, с. 1820–1823).

Ср. также Асир, II, с. 247, стр. 3 и сл.

---

[419] (*а*) Это предание, приписываемое Ибн Аббасу, следует принимать не как подлинное повествование о случившемся, а как весьма древнюю попытку восстановить памятную сцену, которой предстояло решить судьбы ислама. Видно, что избрание Абу Бакра прошло весьма бурно, и известно, что впоследствии некоторые выражали сомнения в законности избрания, совершённого столь поспешно. Некоторые в самом деле считали, что это была неожиданность (*фальта*), своего рода экспромт, который затем пришлось утвердить (*фа-таммат*) (Хишам, с. 1014, стр. 1). Предание составлено с тенденциозной целью показать, что порядок был совершенно правильным и законным. Излишне добавлять, что предание производит на нас противоположное действие: избрание Абу Бакра, достигнутое не единодушным голосованием всех верующих, а беспорядочным провозглашением меньшинства, случайно собравшегося в частном доме, не могло быть вполне правильным и законным. Не существовало никакого прецедента, который мог бы дать норму, и поэтому горстка людей в момент безумного возбуждения, лишённых всякого полномочия, облекла Абу Бакра должностью, которая до тех пор никогда не существовала и которую поэтому они не имели ни малейшего права даровать.

[420] Не все одобрили избрание. У нас есть разные списки имён тех, кто отказался признать избрание Абу Бакра (по Йа‘куби, II, с. 138, стр. 17 и сл.): (1) Али б. Аби Талиб; (2) аль-Аббас б. Абд аль-Мутталиб; (3) аль-Фадль б. аль-Аббас; (4) аз-Зубайр б. аль-Аввам; (5) Халид б. Са‘ид; (6) аль-Микдад б. Амр; (7) Сальман аль-Фариси; (8) Абу Зарр аль-Гифари; (9) Аммар б. Ясир; (10) аль-Бара’ б. Азиб и (11) Убайй б. Ка‘б. К ним мы можем добавить также (12) Са‘да б. Убаду (ср. § 39, прим. 2) и (13) Тальху (ср. § 44).

Ср. также Халаби, III, с. 605, стр. 20 и сл.

(*b*) Несмотря на все уловки преданников, ещё жива память о том, что избрание Абу Бакра было актом поспешным и не вполне законным. Из содержания рассказанных фактов явствует, что Абу Бакр был провозглашён халифом небольшим меньшинством сподвижников, почти все мединцы. Поэтому естественно, что прочие мекканские мухаджиры, среди которых в первую очередь Али, аз-Зубайр и другие, не участвовавшие в собрании, — все люди весьма честолюбивые, стремившиеся к высшей власти, — испытали живое огорчение или вначале не хотели принять решения частичного собрания, составленного из элементов, недостаточных, чтобы показать, что избрание было выражением воли всех сподвижников. Чтобы оправдать поспешные действия Умара и Абу Бакра, некоторые писатели, как Нур ад-Дин аль-Халаби, пытались доказать (Халаби, III, с. 610, стр. 7 и сл.), что существовали превосходные политические причины, оправдывавшие действия тех сподвижников, которые совершили памятное избрание в Сакифе бану са‘ида. Признание, что поступок Абу Бакра нуждался в оправдании (*‘узр*), есть для нас драгоценное указание для выяснения истинной природы происшедших фактов.

(*c*) Об избрании Абу Бакра есть также краткое предание Абу Ма‘шара, не дающее других важных сведений, но подтверждающее версию Ибн Исхака в её существенных чертах: фраза, вложенная в уста Абу Бакра, «из нас избираются *умара* (эмиры, или князья), из вас — *вузара* (визири, или министры)», есть, однако, позднейшая вставка, ибо *вазир* — слово персидское (по Дармстетеру, *Études Iraniennes*, I, 58 и прим. 3, оно происходит от пехлевийского *вичир*, от *вичир-д*, «решать»; ср. также Browne, *Lit. Hist.*, 255–256; по Нёльдеке, *Perser*, 53, 444–446, оно, напротив, имело бы, быть может, арабскую этимологию; ср. M. Enger, *Ueber das Vezirat*, ZDMG, XIII, 1859, с. 240), известное и употреблявшееся арабами лишь во втором веке хиджры. В этом предании различим и тенденциозный шиитский характер, ибо в нём утверждается, что часть ансаров хотела провозгласить халифом только Али и никого другого (Табари, I, с. 1817–1818).

Ср. также Асир, II, с. 246, стр. 9 и 13.

(*d*) Из предания настоящего параграфа, но особенно из другого (ср. Табари, I, с. 1819, стр. 7–8), казалось бы, что ансары никогда не задумывали избрать мединца государем всей мусульманской общины, а с самого начала стремились назначить собственного представителя, который действовал бы в согласии с представителем курайшитов, руководя делами мусульманского государства. Предание говорит: «Ансары собрались под навесом (*зулла*) бану са‘ида, чтобы провозгласить повиновение одному человеку из своей среды, говоря: „Пусть будет избран из нас *амир* и из курайшитов *амир*“». В этом же предании (иснад: Закарийя б. Йахья ад-Дарир, от Абу Аваны, от Дауда б. Абдаллаха аль-Ауди, от Хумайда б. Абд ар-Рахмана аль-Химйари) речь, вложенная в уста Абу Бакра, содержит среди прочего много лестных намёков для ансаров, так что Абу Бакр в конце концов вырывает у самого Са‘да б. Убады признание превосходства курайшитов и заявление, что ансары могут быть лишь *вузара*. Предание заканчивается упоминанием слуха, будто аз-Зубайр, узнав об избрании Абу Бакра,

обнажил меч, дав обет не вкладывать его в ножны, пока халифом не будет провозглашён Али: Умар велел отнять меч и приказал сломать его о камень. Вследствие угроз Умара и видя бесполезность всякого сопротивления, Тальха и аз-Зубайр в конце концов присягнули Абу Бакру, хотя весьма неохотно (Табари, I, с. 1818–1820).

(*e*) Существует много преданий суннитского происхождения, которые хотели бы доказать, что избрания Абу Бакра желал и хотел Пророк. Но так как совершенно нет подлинных известий о том, что Магомет когда-либо думал назначить своего преемника, преданники отчеканили легенды, в которых рассказывается, как Пророк перед смертью «описал своего преемника столь точно, что это равнялось тому, как если бы он сказал (*халла када йакулу*): „мой преемник — Абу Бакр!“». Хубайш (Лейденская рукопись, л. 7 об.) [со слов Йа‘куба б. Мухаммада б. Исы б. Абд аль-Малика?], от Джабира б. Абдаллаха.

(*f*) Об этих мнимых наставлениях, оставленных Пророком, существует множество преданий, все одного покроя, приводить которые не стоит, ибо все они отчеканены позднее, чтобы установить законность избрания Абу Бакра. Не имея возможности утверждать это прямо, ибо это было бы слишком явной ложью, пытались косвенным путём заставить поверить, будто Магомет несомненно намекал на преемство, не называя его открыто. Излишне говорить, что всё это противоречит природе и обычаям Магомета, который никогда не думал о будущем и никогда не делал загадочных предсказаний в роде обычных языческих прорицателей, от которых он всегда хотел решительно отличаться.

Ср. также *‘Икд*, II, с. 250, и ниже, 11 г. х., §§ 43 и сл. О прочих отношениях между Али и Абу Бакром ср. ниже последние параграфы 11 г. х.

Мас‘уди, IV, с. 183, стр. 6 и сл., утверждает, что никто из бану хашим не признал назначения Абу Бакра до смерти Фатимы.

§ 38. — Большой интерес представляет следующее предание: (Хишам Ибн аль-Кальби, от Абу Михнафа, от Абу Бакра б. Мухаммада аль-Хуза‘и). (Когда избрание Абу Бакра было ещё неопределённо) прибежали (к Сакифе бану са‘ида) аслам (которые, как известно, ср. 8 г. х., § 159, были враждебно расположены к мединцам и, напротив, дружественны Магомету и бану хашим) в таком числе, что на улицах (ведших к месту собрания) не осталось места: они провозгласили избранным Абу Бакра. Умар сказал: «Я был не уверен в исходе, пока не увидел аслам: тогда я был уверен в победе» (Табари, I, с. 1843, стр. 5–8).

Иными словами, мы узнаём, что избрание Абу Бакра было делом прежде всего тех «мусульман», которые не принадлежали ни к курайшитам, ни к мединским ансарам.

Ср. также Weil, I, 4–5 и прим.

§ 39. — (*a*) Существует и другое, ещё более многословное предание (Хишам Ибн аль-Кальби, от Абу Михнафа, от Абдаллаха б. Абд ар-Рахмана б. Аби Амры аль-Ансари), составленное из материалов уже приведённых преданий и со вставками и добавлениями, обнаруживающими попытку превратить различные разрозненные предания в непрерывное историческое повествование. Среди прочего в нём есть

длинная речь Са‘да б. Убады к мединцам, собравшимся в Сакифе бану са‘ида, о заслугах ансаров и об основательности доводов в их пользу, чтобы взять на себя почин избрать себе вождя в этот критический момент. Са‘д б. Убада был, однако, болен и, чтобы обратиться к присутствующим — до появления на сцене Абу Бакра, — воспользовался другом или родственником, которому говорил фразы вполголоса, а тот повторял их громко, чтобы все могли слышать. Мы устанавливаем, однако, из всего рассказа, что решение, принятое ансарами до вмешательства Абу Бакра и Умара, состояло не в притязании на верховного вождя, избранного из мединцев, ибо ансары знали, что на это курайшиты никогда не согласятся; но поскольку услуги, оказанные ансарами, были по меньшей мере равны услугам мухаджиров, они желали, чтобы руководство делами было вверено двум людям, облечённым равной властью, мединцу и мекканцу: иными словами, мусульманским государством должен был управлять дуумвират. Речь, вложенная в уста Абу Бакра, чтобы убедить мединцев изменить решение, длинна и многословна, литературное произведение позднейших эпох: она не содержит ничего примечательного, но включает, напротив, такие выражения, как *вазир* и *султан Мухаммад*, которые обнаруживают позднюю эпоху сочинения. После речи Абу Бакра у нас, однако, есть новость: встал мединец аль-Хубаб б. аль-Мунзир, чтобы опровергнуть доводы Абу Бакра, и, говоря с большой резкостью, подстрекал ансаров скорее прибегнуть к оружию, нежели уступать свои права чужакам. Драматический колорит, вставленный в предание, явствует из эпизодов, рассказанных далее, когда в споре принимают участие Умар, Абу Убайда б. аль-Джаррах и Башир б. Са‘д и последний из них, Башир, хотя и мединец, встаёт, чтобы протестовать против затягивания обсуждения мирских интересов и воззвать к лучшим чувствам собравшихся, дабы они отложили личные честолюбия и признали законное первенство курайшитов и рода Пророка. В тот момент, когда присутствующие были ещё под впечатлением благоразумных слов Башира, быстро выступил Абу Бакр и предложил присутствующим избрать либо Умара, либо Абу Убайду. Остальное известно, ибо тождественно тому, что рассказано в другом месте[421]: у нас есть лишь точное указание, что слова Башира б. Са‘да и ревность аус к хазрадж, в особенности Усайда б. Худайра, вождя аус, обеспечили победу курайшитской партии. Утверждают, что в суматохе, последовавшей за провозглашением Абу Бакра, Са‘д б. Убада едва не был задавлен ногами присутствующих, бросавшихся пожать руку Абу Бакру в знак признания и присяги на верность. Несколько дней спустя Са‘д б. Убада тоже присягнул в руки Абу Бакра[422] (Табари, I, с. 1837–1844).

[421] Множество других подробностей об избрании Абу Бакра, по большей части весьма сомнительной исторической ценности и явно позднего покроя, находится у Халаби (III, с. 600, стр. 22 и сл.). В *‘Икд* (II, с. 158) у нас есть весьма поздняя и искусственная версия речи Абу Бакра к ансарам во время бурного заседания. В другом месте (‘*Икд*, II, с. 249, стр. 15) читается также полный и подробный рассказ о том же факте.

[422] (*а*) Другие известия утверждают противное: Са‘д б. Убада никогда не забыл испытанной досады и в течение нескольких лет держался враждебно ко всем своим товарищам, голосовавшим за Абу Бакра. Он больше не приходил на общественные службы в мечети, не хотел здороваться со встречавшимися сподвижниками. Даже во время паломничества он всё время держался в стороне. Когда халифом стал Умар, Са‘д продолжал жить так же: встретившись однажды с Умаром на улицах Медины, халиф остановил его и заговорил с ним с иронической благосклонностью. Са‘д ответил резко и расстался с Умаром ещё более озлобленным, чем прежде. Как он отказался признать Абу Бакра, так сделал и с Умаром, а после перебранки с халифом отправился сражаться в Сирию, найдя там славную смерть в 15 г. х. (Халаби, III, с. 604, стр. 11–19; ниже, в стр. 19–20, сказано со слов Сибта Ибн аль-Джаузи, что Са‘д никогда не присягал двум халифам).

(*b*) Другое предание, данное Сайфом б. Умаром, прибавляет ещё драматического (и апокрифического) колорита к сцене, рассказанной Абу Михнафом, утверждая, что, когда аль-Хубаб б. аль-Мунзир встал, чтобы отвергнуть доводы Абу Бакра, Умар резко вмешался и вырвал у пылкого мединца меч, который тот держал обнажённым в руке с угрожающим видом (Табари, I, с. 1844–1845). Все эти анекдотические подробности — позднейшая вышивка.

Ср. также Асир, II, с. 248, стр. 20 и сл.

Ср. также Халдун, II, прил., с. 63, стр. 15 и сл., и с. 64, стр. 2 и сл., и Шахрастани, с. 12, стр. 5 и сл.

(*b*) Ср. также *‘Икд*, II, с. 250, стр. 28 и сл., где утверждается, что Умар послал человека в Хауран, чтобы принудить Са‘да к присяге, и что перед решительным отказом мединца посланец Умара его убил.

(*c*) У Захаби (Парижская рукопись, I, л. 117 об.) утверждается, что Са‘д б. Убада умер в Сирии до смерти Абу Бакра, то есть в 12 г. х. О жизнеописании Са‘да ср. 16 г. х.

§ 40. — Почти во всех речах, вложенных в уста Абу Бакра во время памятного собрания ансаров, утверждается начало, что лишь человек, вышедший из рода курайшитов, может управлять мусульманской общиной, и это потому, что Магомет принадлежал к этому роду (ср. также Йа‘куби, II, с. 137, стр. 6–7). Но невозможно, чтобы подобное рассуждение было употреблено Абу Бакром, ибо оно могло быть обращено против него и против избрания любого сподвижника, не бывшего близким родственником Пророка. В самом деле, если из всех арабов лишь курайшиты, как единокровные Магомета, могли принять руководство общиной, то тем более, коль скоро установлено первенство уз родства, из всех курайшитов лишь ближайший родственник Пророка мог притязать на халифат. Между тем известно, что никто из бану хашим не участвовал в собрании под навесом бану са‘ида и, узнав об избрании Абу Бакра, они отказались его признать, ибо считали себя истинными наследниками власти (ср. Йа‘куби, II, с. 138, стр. 2–3).

Поэтому мы можем заключить, что все речи, приписываемые Абу Бакру в этом случае, суть литературные сочинения гораздо более поздних времён, когда преемство халифата было одним из самых жгучих вопросов дня и когда Алиды, с одной стороны, и Аббасиды, с другой, боролись за престол, отстаивая тезис, что Омейяды — узурпаторы и что лишь члены семьи Магомета имеют право на халифат.

§ 41. — (Са‘ид б. Зайд, от Амра б. Хурайса). Абу Бакр был избран халифом в тот же день, в который перестал жить Пророк (Асир, II, с. 251, стр. 14; Халаби, III, с. 604, стр. 22). Ср. также § 33 (*a*).

§ 42. — (Ибн Исхак, от аз-Зухри, от Анаса б. Малика). На следующий день после избрания Абу Бакра в халифы было большое собрание верующих в мечети, и Абу Бакр взошёл на кафедру, чтобы руководить службой; прежде чем он взял слово, встал Умар и обратился к толпе, приглашая её присягнуть на верность Абу Бакру; превознося его, он объявил его лучшим из сподвижников. Весь народ единодушно возобновил присягу на верность, уже данную на собрании накануне во дворе бану са‘ида. Вслед за

провозглашением встал Абу Бакр и тоже обратился с речью к верующим, объявив, что не признаёт себя лучшим среди них, хотя и избран их главой: «Если я поступаю правильно, окажите мне вашу поддержку, если же я поступаю дурно, наставьте меня на правый путь! Правдивость — верность, ложь — измена. Слабый среди вас силён для меня, пока я с помощью Божией не добуду ему того, что ему причитается по праву; а сильный среди вас слаб для меня, пока я с помощью Божией не заставлю его дать отчёт в своих делах. Все народы, отказавшиеся сражаться на пути Божием, впали во всеобщее презрение, и всякий народ, совершавший злые дела, подпадал затем под всеобщее наказание, наложенное Богом. Повинуйтесь мне, пока я буду следовать повелениям Бога и Его Посланника, но если я поступлю вопреки их воле, вы не должны мне более никакого повиновения. Встаньте все на молитву! Да будет Бог милостив к вам!»[423] (Хишам, с. 1017; Табари, I, с. 1828–1829).

Ср. также Халаби, III, с. 604, стр. 23 и сл.

Ср. также Асир, II, с. 251, стр. 17 и сл.; *‘Икд*, II, с. 158, стр. 31 и сл.

Версия, данная в этом параграфе, вероятнее всего приближается к содержанию подлинных слов, произнесённых Абу Бакром в этом памятном случае. В самом деле, самое выдающееся место речи — то, где он утверждает, что хочет верно следовать преданиям Пророка. Как мы вскоре лучше увидим, эта мысль есть основное начало, вдохновившее создание халифата.

§ 43. — Другое предание, данное Сайфом б. Умаром (Табари, I, с. 1824–1825), утверждает, что после избрания Абу Бакра не было никакого сопротивления ни со стороны ансаров, ни со стороны мухаджиров и что все поспешили присягнуть халифу, без того чтобы кого-либо принуждали к этому силой. Другое предание того же происхождения сообщает, что, едва Али узнал об избрании Абу Бакра, он, хотя на нём была лишь *камис* и ничего более и он был, следовательно, почти полуобнажён, тоже бросился из дому присягнуть халифу и велел принести себе одежду, сидя возле Абу Бакра и поздравляя его и радуясь с ним (Табари, I, с. 1825; ср. § 37 и прим. 3)[424].

(*b*) По аз-Зухри, помимо Али, все бану хашим и аз-Зубайр отказывали Абу Бакру в признании в течение шести месяцев: но когда умерла Фатима, все присягнули ему (Асир, II, с. 251, стр. 16; Халаби, III, с. 605, стр. 26 и сл., где предмет подробно обсуждается, чтобы оправдать одновременно избрание Абу Бакра и поведение Али).

(*c*) Существуют, однако, предания, которыми хотели бы утверждать, что Али присягнул халифу, но что вследствие раздора из-за наследства отказался более его признавать (Халаби, III, с. 609, стр. 20 и сл.).

[423] Существует гораздо более длинная версия вступительной речи Абу Бакра, данная Сайфом б. Умаром (от Абу Дамры, от его отца, от Асима б. Ади), но она несомненно апокрифична: это многословная редакция, полная мрачных увещаний о бренности земных благ, о тщете мирского, о близости смерти, об исчезнувших славе и богатствах прошлых поколений и т. д. Она не заслуживает того, чтобы приводить её полностью, разве что как пример арабской литературной прозы II века хиджры, не лишённой некоторых художественных достоинств (Табари, I, с. 1846–1847).

[424] (*a*) Сайф б. Умар, как мы увидим далее, — представитель той школы преданников, которая стремилась прославить ислам и арабов и скрыть, насколько возможно, слабости, вины и ошибки тех, кто основал империю. Из других же источников мы знаем, что Али отказывал Абу Бакру во всякой форме признания более шести месяцев (Асир, II, с. 246, стр. 18), то есть до смерти Фатимы: см. ниже последние параграфы 11 г. х.

§ 44. — Согласно тенденциозному преданию с подозрительным иснадом (Ибн Хумайд, от Джарира, от Мугиры, от Зайда б. Кулайба), тотчас после избрания Абу Бакра Умар побежал к дому Али, где находились Тальха, аз-Зубайр и разные другие мухаджиры, и пригрозил поджечь его, если все они не выйдут, чтобы отправиться присягнуть Абу Бакру. При этом требовании аз-Зубайр обнажил меч и бросился на Умара, но, споткнувшись на ходу, выронил меч из руки: друзья навалились на него и обезоружили, прежде чем он мог причинить вред (Табари, I, с. 1818).

§ 45. — (Мухаммад б. Усман б. Сафван ас-Сакафи, от Абу Кутайбы, от Малика б. Мигваля, от Ибн аль-Джара). По некоторым, когда Абу Бакр был провозглашён халифом, Абу Суфйан предложил Али свои услуги людьми, оружием и конями, чтобы отстоять его права; но Али, говорят, отверг предложение того, кто так долго был самым непримиримым врагом ислама (Табари, I, с. 1827).

§ 46. — (Мухаммад б. Усман б. Сафван ас-Сакафи, от Умайи б. Халида, от Хаммада б. Салимы, от Сабита). Когда Абу Суфйан узнал об избрании Абу Бакра, он воскликнул: «Что нам до отца телёнка (*Абу Фасиль*, презрительное искажение имени Абу Бакр): вот они (то есть Али и Аббас) — бану абд манаф!» Когда же ему сообщили, что Абу Бакр дал командование его сыну (Язиду б. Аби Суфйану), он воскликнул иронически: *Васалатху рахимун!* (У него дрогнуло нутро! Он признал узы крови!) (?)[425] (Табари, I, с. 1827).

Ср. также Асир, II, с. 246–247.

Вероятно, однако, что назначение Язида б. Аби Суфйана начальником одного из войск, двинувшихся затем против греков в Сирию в 12 г. х., было действительно весьма мудрым политическим актом старого халифа, послужившим тому, чтобы обеспечить преданность и подчинение могущественного курайшита. Что же до последнего выражения, вложенного в его уста, *васалатху рахимун*, или *васалат рахимаху*, — оно относится к тому, кто чтит в себе обязательства крови. Ср. Балазури, *Glossarium*, 108, и Балазури, с. 141, стр. 4; с. 467, стр. 16.

Ср. также Weil, I, 6–7.

[425] На эту же тенденциозную тему (имеющую целью очернить родоначальника омейядской династии) у нас есть и другие предания явно апокрифического характера, которые хотели бы доказать, что Абу Суфйан по смерти Пророка и после избрания Абу Бакра пытался разжечь междоусобную войну и натравить Али на Абу Бакра, насмехаясь над ним и над аль-Аббасом за то, что их отстранили как людей слабых и бесполезных. Абу Суфйан будто бы даже предложил провозгласить Али халифом и присягнуть ему. Али, однако, будто бы гордо отверг коварные предложения, угадав в нём желание погубить дело ислама; и, напомнив своему искусителю, сколько лет тот враждовал с исламом, сказал, что мусульмане не нуждаются в его советах (Табари, I, с. 1827–1828).

Погребение Пророка

§ 47. — (Ибн Исхак, без иснада)[426]. Во вторник (то есть в день публичного провозглашения Абу Бакра) приступили к погребению Магомета. Али, Аббас, аль-Фадль б. аль-Аббас, Кусам б. аль-Аббас, Усама б. Зайд и Шукран, *мауля*, или клиент, Пророка, совершили последние приготовления к погребению. Али, аль-Аббас и двое сыновей поддерживали и поворачивали тело покойного, тогда как прочие лили на него воду для погребального омовения. Из почтения к умершему, однако, с него не сняли рубахи, так что нагота Магомета не была выставлена напоказ нескромным взорам. Тело было затем обёрнуто в три одежды, то есть в два плаща (*сауб*) рода, называемого *сухари*, и в плащ с цветными полосами (*бурд хибара*) (Хишам, с. 1018–1019; Табари, I, с. 1830–1831).

Ср. Асир, II, с. 245, стр. 1: Магомет был погребён около полудня следующего за смертью дня; II, с. 252, стр. 2–3, говорит, что он был погребён во вторник, а там же, стр. 15, — что его опустили в могилу в ночь со вторника на среду; ср. также Халаби, III, с. 597, стр. 18 и сл. — *‘Икд*, II, с. 248, стр. 6 (Магомет был погребён в полночь между вторником и средой).

§ 48. — (*a*) (Ибн Исхак, от Хусайна б. Абдаллаха, от Икримы, от Абдаллаха б. Аббаса). Когда речь зашла о погребении Пророка, мнения расходились о месте, куда положить его останки: одни хотели похоронить его в мечети, другие — подле уже умерших сподвижников (на кладбище аль-Баки‘). Спор был прекращён Абу Бакром, который заявил, что Магомет сказал: «Каждый пророк погребается там, где перестал жить». Поэтому подняли ковёр в комнате, вырыли под ним глубокую яму, и в ночь со вторника на среду тело было опущено на его последнее ложе. В течение дня, до погребения, мужчины, женщины и дети толпами сбегались, чтобы ещё раз взглянуть на то, что осталось от почитаемого Учителя (Хишам, с. 1019–1020; Табари, I, с. 1832).

Ср. также Асир, II, с. 252, стр. 12; Халаби, III, с. 612, стр. 5.

Шахрастани, с. 11, посл. стр., даёт более позднюю версию: слова Абу Бакра положили конец разногласию, возникшему среди мусульман, не знавших, следует ли похоронить Пророка в Медине, как хотели ансары, или в Мекке, как желали мухаджиры, или же, по предложению других, в Иерусалиме, где были погребены пророки и откуда началось его вознесение на небо (*ми‘радж*) (ср. Введение, §§ 220 и сл.).

---

[426] Отсутствие иснада в этом предании (ср. Введение, §§ 12–14) есть для нас ручательство того, что оно должно быть одним из подлинных и достоверных преданий Ибн Исхака: следовательно, это авторитет первого порядка. Следует заметить, что в настоящем месте мы видим явно опущенным всякое упоминание во время похорон как Абу Бакра, так и Умара; невозможно, чтобы они пренебрегли последними заботами о покойном, если принять во внимание выдающееся положение Абу Бакра и Умара как старших сподвижников Магомета и их глубокую искреннюю привязанность к великому Учителю. Примечательно, что и в следующих преданиях о погребении не упоминается ни Абу Бакр, ни Умар; поэтому несомненно, что их не было (ср. § 49). Так как ночь, предшествующая дню, включается арабами в следующий за ней день, неопределённое выражение Ибн Исхака «вторник» можно толковать так, что Магомет был погребён в ночь с понедельника на вторник. Прочие предания о погребении, хотя и относят его к следующей ночи, все, кроме одного, утверждают, что оно произошло ночью. Отсюда можно было бы заключить, что хашимитские члены семьи Магомета, в досаде на избрание Абу Бакра, похоронили Пророка келейно, чтобы халиф не мог принять участия в похоронах. Быть может, в этом следует видеть и причину погребения Пророка в той самой комнате, в которой он перестал жить. Так велика была уже страсть различных партий в лоне ислама!

§ 49. — Согласно другому преданию (Ибн Исхак, от Абдаллаха б. Аби Бакра, от Фатимы бинт Умара, от Амры бинт Абд ар-Рахман б. Са‘д б. Зурара, от Аиши), Пророк был опущен в могилу поспешно и внезапно, так что даже женщины не знали об этом, хотя по стуку кирок, копавших землю, поняли, что делается. Поэтому при самом погребении присутствовали немногие; плащ, которым пользовался Пророк, был разорван на куски его клиентом Шукраном и брошен в могилу, чтобы никто им больше не пользовался (ср. 9 г. х., § 9). Аль-Мугира б. Шу‘ба утверждал позднее, что был последним, кто касался Пророка, ибо, когда тело лежало на дне могилы и прежде чем на него набросали землю, он снял кольцо и бросил его на тело; но это утверждение решительно отрицается другими. Когда могилу засыпали землёй, комнату замуровали так, чтобы никто больше не мог туда войти[427] (Хишам, с. 1020; Табари, I, с. 1833).

§ 50. — Как явствует из предыдущих преданий, есть некоторая неопределённость относительно точного дня, в который было погребено тело Пророка. Помимо уже приведённых известий, есть и другие, согласно которым похороны состоялись утром в среду: другие утверждают, что между смертью и погребением прошло три дня[428] (Табари, I, с. 1830). Другая версия — что он был погребён в ночь со вторника на среду (Табари, I, с. 1832, стр. 15). Это известие, данное со слов Ибн Исхака, остаётся всегда наиболее правдоподобным.

Наследство Пророка

§ 51. — (Ибн Са‘д, от аль-Вакиди, от Исраиля, от Джабира б. Амира). Пророк не оставил по завещанию ничего, кроме домов каждой из своих жён: всё своё недвижимое имущество он оставил как *садака*, то есть как вклад в общественную казну (Са‘д, VIII, с. 120, стр. 1–3).

§ 52. — В другом предании (Кутайба, от Абу-ль-Ахваса, от Абу Исхака, от Амра б. аль-Хариса) утверждается, что Пророк, умирая, не оставил ни золотой монеты, ни серебряной, ни раба, ни рабыни. Он оставил лишь белую мулицу, на которой имел обыкновение ездить, своё оружие и имение, доходы с которого он предназначил как *садаку*, или подать в пользу бедных, на содержание путников (*ибн ас-сабиль*)[429] (Бухари, III, с. 191, стр. 8).

§ 53. — Пуританские склонности, пробуждённые в правоверных кругах необузданной роскошью халифов как Дамаска, так и Багдада, тенденциозно окрасили все известия о крайней простоте и бережливости Пророка и его сподвижников. Этим

[427] Из весьма скудных подробностей о похоронах Магомета выносишь впечатление, что погребение совершилось наспех и без особых церемоний. Странно сказать, мы не находим никакого намёка на то, молился ли кто-нибудь, как было уже установленным обычаем, над покойным, прежде чем его закопать. Кажется почти, что читаешь между строк, что политические заботы момента были столь неотложны, что ни у кого не было ни времени, ни охоты заниматься смертными останками недавно всемогущего Господина Аравии.

[428] Описание гробницы Пророка ср. у Самхуди, с. 149 и сл., где на с. 152 можно видеть также попытку плана, переделанного и исправленного Вюстенфельдом (ср. Wüstenfeld, *Samhudi*, 80).

[429] Известие неверно, ибо известно, что Магомет не сделал никакого завещания: халиф Абу Бакр, толкуя волю Пророка, не раз выраженную при его жизни, установил, что всё имущество Магомета есть общественное достояние и что доходы с него должны целиком идти на пользу мусульманской общины. Поэтому он отказал Фатиме в каком бы то ни было праве на какую-либо часть имущества, которым владел её отец (ср. ниже параграфы в конце года).

склонностям мы обязаны преданием (Суфйан [ас-Саури], от аль-А‘маша, от Ибрахима, от аль-Асвада, от Аиши), согласно которому Пророк, умирая, держал свою кольчугу в залоге за тридцать дирхамов у одного еврея (Бухари, III, с. 192, стр. 6–8).

Возраст Пророка

§ 54. — Существует разноречие известий о точном возрасте Пророка в момент смерти. Различные предания, приписываемые Ибн Аббасу, Са‘иду б. аль-Мусаййибу и аз-Зухри (от Урвы, от Аиши), утверждают, что ему было 63 года (Табари, I, с. 1834–1835)[430]. Два предания, одно также приписываемое Ибн Аббасу, другое — генеалогу Дагфалю (знаменитому мистификатору!), дают Пророку 65 лет от роду (Табари, I, с. 1835). Наконец, два других предания дают ему всего 60 лет, и одно из них тоже приписывается Ибн Аббасу (Табари, I, с. 1836).

Обзор и разбор преданий о смерти Пророка и об избрании Абу Бакра

§ 55. — Предания, содержащие историю последних мгновений Пророка и избрания Абу Бакра, собранные нами в предыдущих параграфах в том беспорядке и с теми противоречиями, которые мы находим в источниках, требуют краткого разбора, чтобы по возможности установить, каков был истинный ход событий.

Происхождение и природа болезни, которой поддался Пророк, суть два неизвестных, которые источники не позволяют нам разгадать: это была болезнь, которой предшествовало общее недомогание, длившееся, по-видимому, несколько дней, почти две недели, но в начальной стадии не представлявшая ни симптомов, ни неудобств, ни тревожных признаков, ибо утверждается, что Пророк тем не менее продолжал возлежать поочерёдно со всеми жёнами в порядке очерёдности, давно установленном обычаем. Хотя в этом последнем известии остаётся некоторое сомнение, несомненно, однако, что в определённый момент болезнь, привязавшаяся к организму уже старому и ослабленному излишествами, внезапно проявила тягчайшие симптомы, с высоким жаром и сильными головными болями, и имела столь быстрое течение, что смерть явилась для всех неожиданностью. Сам Пророк никогда не отдавал себе отчёта в тяжести своей болезни, и есть веские основания думать, что он умер, не сознавая, что пришёл к роковому концу своего бурного поприща.

Источники согласны в том, что начало болезни пришлось на последние дни сафара, но неясно, началось ли в эту дату лишь общее недомогание или острая и смертельная фаза[431]. До трёх дней перед смертью Магомет был в состоянии заниматься

[430] Ср. также Бухари, III, с. 192, стр. 4 и сл. (63 года жизни); Асир, II, с. 253, стр. 21 (списывает Табари); Бухари [Каир], II, с. 301, стр. 8; *‘Икд*, II, с. 218, стр. 7.

[431] В первом случае были бы правы источники, относящие смерть к понедельнику 12 (исправь: 13) раби I, тогда как во втором случае бóльшую ценность имело бы предание, относящее смерть к 2 раби I. Против этой последней версии стоит, однако, серьёзное возражение, что 2 раби I не понедельник, а четверг. Источники все прямо и все единодушно утверждают, что смерть последовала в понедельник: в этом, следовательно, не может быть сомнений. В те времена, однако, не существовало точной системы счёта времени, и большинство свидетелей смерти Пророка запомнило лишь день недели, в который Магомет испустил последний вздох. Даты были вычислены позднее систематическими летописцами: самыми правильными были расчёты, установившие дату 12-го, ибо они ошиблись лишь на один день. Некоторые же, как Ибн Абд Раббихи, произвели свои расчёты с удивительной точностью и обнаружили, что понедельник смерти пришёлся на 13 раби I (ср. §§ 33–35). Это, следовательно, та дата, которую мы должны принять: 13 раби I 11 г. х.,

всеми своими делами, как домашними, так и общественными: когда кризис разразился с необычайной силой, он должен был отказаться от обычного обхода жён, затворился в комнатке Аиши и уполномочил Абу Бакра своим представителем в руководстве общественными религиозными обрядами. Этому назначению *in articulo mortis* мусульманские летописцы придали огромное значение, толкуя его как доказательство того, что Магомет считал Абу Бакра лучшим своим представителем и истолкователем. Это представление совершенно неточно. В течение десяти лет в Медине мы видели, что Магомет всегда имел обыкновение назначать представителя в Медине для руководства религиозными обрядами, когда он по какой-либо причине удалялся из города. Эти назначения не имели никакого внутреннего значения, и примечателен тот факт, что его представители избирались всегда из лиц, не имевших никакого значения и общественного влияния. Должность руководителя общественной молитвы ещё не приобрела в мусульманской общине никакого высокого положения, ибо сам Магомет не придавал ей такового. Чтобы убедиться в этом, достаточно составить список имён тех, кто руководил молитвами в Медине вместо Пророка[432]. Выбор Абу Бакра был поэтому, быть может, в большой мере случайным и, пожалуй, не имел столь большого непосредственного влияния на его избрание халифом, как хотели бы заставить поверить источники. Избрание было обязано главным образом другой причине, а именно смелому почину Абу Бакра в момент высшей опасности и тревоги и дивным качествам государственного человека, которые он обнаружил в этом случае, высоко поднявшись над всеми своими товарищами. Это не мешает, однако, тому, что Магомет питал к Абу Бакру величайшее уважение, вверив ему уже руководство паломничеством в 9 г. х.; не исключено даже, что, если бы Магомет мог избрать преемника, он, быть может, предпочёл бы Абу Бакра всем прочим. Наконец, можно сказать, что назначение Абу Бакра руководителем молитвы имело в себе то особенное, что впервые сподвижник руководил молитвами при живом и присутствующем Пророке. По-видимому, до того дня он никогда не оказывался в положении, когда не мог лично руководить молитвами[433] общины, находясь вблизи и присутствуя.

соответствующее понедельнику 8 июня 632 г. христианской эры.

[432] Са‘д б. Убада (ср. 2 г. х., § 18); (2) ас-Са’иб б. Усман б. Маз‘ун (ср. 2 г. х., § 18 А); (3) Зайд б. Хариса (ср. 2 г. х., § 19); (4) Абу Салама б. Абд аль-Асад (ср. 2 г. х., § 20); (5) Ибн Умм Мактум, или Абу Лубаба (ср. 2 г. х., § 42, прим.); (6) Абу Лубаба (ср. 2 г. х., § 99); (7) Сиба‘ б. Урфута, или Ибн Умм Мактум (ср. 3 г. х., § 1); (8) Усман б. Аффан (ср. 3 г. х., § 6), оставленный потому, что тогда сочетался браком с дочерью Пророка; (9) Ибн Умм Мактум (ср. 3 г. х., § 8); (10) Ибн Умм Мактум (ср. 3 г. х., § 59, прим.); (11) Усман б. Аффан, или Абу Зарр (ср. 5 г. х., § 1); (12) Сиба‘ б. Урфута (ср. 5 г. х., § 4); (13) Ибн Умм Мактум, или Нумайла б. Абдаллах аль-Лайси (ср. 6 г. х., § 25); (14) Нумайла б. Абдаллах аль-Лайси, или Сиба‘ б. Урфута (ср. 7 г. х., § 10); (15) Увайф б. аль-Адбат ад-Дили (ср. 7 г. х., § 69); (16) Абу Рухм Кульсум аль-Гифари (ср. 8 г. х., § 51); (17) Сиба‘ б. Урфута, или Мухаммад б. Маслама (ср. 9 г. х., § 29); (18) Сиба‘ б. Урфута, или Абу Дуджана ас-Са‘иди (ср. 10 г. х., § 73).

[433] Чтобы хорошо понять значение этих замечаний, нужно иметь в виду, что в достоинстве, связанном с должностью руководителя молитвы, следует усматривать процесс развития. Преданники исходят из представления, которое существовало об этой должности более чем через век после смерти Магомета и которого она не имела при его жизни. Пророк в Медине подавал добрый пример как верующий и совершал в своём частном дворе молитвы в установленные часы — о числе их ср. Введение, § 219, прим. 1. — Когда он молился, многие сподвижники, как присутствовавшие, так и другие, приходившие нарочно, ибо знали, что застанут его в этот час, молились вместе с ним, оставляя ему, как подобало его сану, отличное и первенствующее положение в скромном обряде.

Можно принять общие черты преданий, описывающих обманчивое улучшение состояния Пророка утром в день смерти, его появление у порога комнаты Аиши и волнение верующих при виде черт почитаемого Учителя. Впечатление было столь хорошим, что все сочли Магомета на пути к верному и быстрому выздоровлению: успокоенный Абу Бакр вернулся домой, в ас-Сунх, в предместье города. Но появление Магомета было последним усилием той мощной натуры, которая не хотела и не верила, что умирает. Вернувшись в комнату, когда он положил голову на колени Аиши, отдыхая и посасывая одну из тех веточек, которые и поныне служат в Аравии для чистки зубов, он был охвачен своего рода великой слабостью, за которой последовал обморок, во время которого, вероятно, сердце, не выдержав силы болезни, перестало биться. Пророк скончался спокойно, не проявив ни судорог, ни боли, и даже так кротко, что сама Аиша не заметила, что Магомета больше нет.

Это присоединение сподвижников не было обязательным, а добровольным, почти случайным; это было собрание близких. Обязательным для всех был лишь еженедельный пятничный обряд, ибо после полуденной молитвы Пророк — в *мусалле*, а не в так называемой мечети — произносил проповедь сподвижникам. Функция руководства молитвой возникла, следовательно, естественно из того факта, что Магомет был политическим и духовным главой общины и единственным, кто знал, как должен совершаться обряд. При его жизни никто никогда не имел подлинных функций духовного наместника: у Магомета никогда не было ни наместников, ни министров: у него были лишь начальники отрядов и сборщики податей, и лица, облечённые этими должностями, занимали их лишь временно, для определённой цели и на ограниченный срок, по истечении которого выбывали из должности и возвращались в положение прочих верующих. Безвестность имён большинства тех, кто, говорят, руководил молитвами во время отсутствия Пророка в Медине, есть поэтому факт, полный значения. Например, имя, весьма часто встречающееся, Ибн Умм Мактум, принадлежит лицу весьма безвестному, собственное имя которого неизвестно, о котором почти ничего не знают и который вдобавок был ещё и слеп! (Кутайба, с. 148). Та же неопределённость царит насчёт Абу Лубабы (Хаджар, IV, с. 315–316), имя которого тоже так часто возвращается в списке руководителей молитв. Это сразу проливает много света на представление, которое Пророк хотел вложить в эту должность: для него она не имела никакой ценности, ибо при его жизни *никто* не мог представлять его в его духовных функциях. Эти наместники имели поэтому весьма скромные функции и положение: вероятно, они председательствовали лишь на еженедельном пятничном обряде в *мусалле* и назначались с единственной целью внести некоторый порядок в этот обряд, и ничего более. При жизни Пророка никто, кроме него, не проповедовал людям. Поэтому мы должны представлять себе, что в отсутствие Пророка в Медине происходило лишь одно еженедельное собрание верующих, а когда он был в городе, то, поскольку он молился в установленные часы, сколько раз он молился, столько происходило и случайных собраний верующих. Когда он заболел так, что не мог молиться во главе верующих, Магомет понял, что прекратится столь дорогой ему обычай пяти (?) ежедневных собраний во дворе его дома. Тогда он подумал уполномочить кого-нибудь занять его место, чтобы собрания продолжались без

перерыва: отсюда назначение Абу Бакра, который по этим причинам первым занял должность, в действительности никем никогда не занимавшуюся. В этом смысле факт, следовательно, имел своё значение, но нужно хорошо помнить, что функции, принятой на себя Абу Бакром, было придано совершенно особое значение лишь в последующие годы, именно вследствие того, что глава арабской теократии присвоил себе эту функцию после назначения Абу Бакра накануне смерти Пророка. Должность приобрела значение благодаря случайным обстоятельствам её первого возникновения. Сам Магомет в тот момент не придавал ей никакого значения для будущего, ибо и не помышлял, что находится при смерти. В дальнейшем нам предстоит проследить последующее развитие этой новой должности в политико-религиозной жизни ислама.

§ 56. — Итак, Магомет умер, не простившись со своими верными сподвижниками и не оставив никакого наставления относительно будущего созданной им общины. Смерть наступила столь молниеносно, что ни он, ни кто-либо из сподвижников не имел ни малейшего подозрения, что конец так близок. В последний момент, быть может под действием бреда, Магомет произнёс какие-то нечленораздельные звуки или невнятные слова, которых Аиша, тогда ещё девушка всего 18 лет, единственное присутствовавшее лицо, не поняла, но которые она позднее пыталась восстановить, чтобы извлечь из них какой-нибудь смысл. Попытка имела столь ребяческие результаты, что приписываемые ей предания носят весьма мало удовлетворительный характер, обнаруживая, я сказал бы почти, их женское и обманчивое происхождение. Ничего более он не сказал: его умственные способности затуманились прежде, чем он отдал себе отчёт, что умирает, и Аиша долго не замечала, что на её коленях покоятся уже не плечи и голова мужа, а лишь бренные останки человека, который несколькими минутами прежде был могущественнейшим государем Аравии.

Как только она заметила страшное несчастье, постигшее её и всех мусульман, она в испуге убежала и с криками подняла тревогу среди других женщин: в мгновение ока страшная весть разнеслась по всему городу. Из связи преданий очевидно, что первое известие о непредвиденном бедствии повергло в несказанное смятение всю общину, не подготовленную встретить и разрешить великую проблему преемства власти. Последовал момент хаотического смятения, в котором все элементы, соединённые вместе ценой стольких огромных трудов великим преобразователем, едва не отделились насильственно друг от друга, возвращаясь к прежней кровавой анархии. Когда исчез этот дивный человек, неотразимое обаяние которого смогло сплавить в одно тело элементы столь несходные и несогласные, на миг показалось, что община утратила всякую сплочённость: в одно мгновение возродились уснувшие соперничества, и казалось, что Медина накануне того, чтобы впасть в те самые гибельные условия, из которых Магомет силой своего политического гения с трудом поднял её десять лет назад. Всё дело двадцати с лишним лет казалось под угрозой полного крушения.

Первыми зашевелились мединцы, которые как владельцы и коренные жители страны были более всего заинтересованы в скорейшем разрешении затруднения. Из мединцев первыми пришли в волнение хазрадж, самый многочисленный род ансаров; они побежали собраться, чтобы решить, что нужно сделать для защиты своих

материальных и нравственных интересов. Они хотели, чтобы были признаны несравненные услуги, оказанные ими исламу, и боялись, что поднимающийся прилив новых мусульман затопит их числом и попрёт их права на привилегированное положение среди всех верующих. Пришли в движение и аус, но гораздо менее явно: они не сделали общего дела со своими старыми противниками и, ещё помня древние братоубийственные раздоры, предпочли занять выжидательную позицию; несомненно, однако, что вожди аус тайно совещались между собой, ибо Усайд б. Худайр, вождь аус и ашхаль, тотчас появляется на сцене и действует в согласии с Абу Бакром против старых соперников и врагов, хазрадж. Маленькая группа старых мекканских мухаджиров, состоявшая, быть может, всего из 50 человек[434] и уже довольно давно переставшая существовать как отдельная группа, оказалась почти подавленной и парализованной: упав духом, она ничего не сумела сделать, и отдельные её члены затворились по своим домам. Ближайшие родственники покойного, Али и семья Аббаса, напротив, поспешили к телу. Остальное население, это пёстрое скопление верующих, пришедших со всех концов Аравии, единицы, лишённые всякой внутренней сплочённости, жившие в большой мере даровыми раздачами съестного, производившимися Пророком, и для которых личность и деятельность Магомета были единственным смыслом существования, тоже осталось без вождей, словно оцепенев от изумления, неспособное думать и действовать.

Никто не знал, какое решение принять, к кому обратиться за помощью, советом или руководством. Магомет внезапно отправился в то долгое таинственное путешествие, из которого нет возврата, оставив свою семью верующих без единого наставления, даже без прощания.

§ 57. — Положение вещей было глубоко драматическим, но вместе с тем крайне опасным: к счастью для ислама, среди сподвижников Магомета были три великих человека — Абу Бакр, Умар и Абу Убайда б. аль-Джаррах. Все трое при первом известии бросились к жилищу покойного, где женщины хором испускали те пронзительные вопли фальцетом, которые и поныне употребляются на Востоке в подобных случаях и где собралась толпа любопытных и благочестивых, чтобы удостовериться, правдива ли страшная весть. Первым прибыл на место Умар: Абу Бакр, живший в ас-Сунхе, вне застроенной части Медины, прибыл гораздо позднее. Умар, подстёгиваемый горем, уступая своей пылкой и порывистой натуре, начал говорить к верующим, собравшимся в маленьком огороженном дворе, говоря вещи, которые, — если можем верить преданиям, — обнаруживали скорее глубину чувства, нежели политическую проницательность или ясное присутствие духа. По-видимому, в сознании многих Пророк был уже предметом такого почитания, что его смерть считалась почти невозможной. Внезапный характер катастрофы к тому же особенно смутил умы. Если Магомет был столь близок к Богу, если он был вдохновляем Богом в

[434] К ним следует причислять лишь оставшихся в живых из сподвижников, переселившихся с Магометом из Мекки во время Бегства, список которых, содержащий 69 имён, мы дали в другом месте (ср. 1 г. х., § 16). Некоторые из этих имён, быть может, вставлены: многие погибли в битвах и от болезней. При Бадре погибли 6 (ср. 2 г. х., § 87, № 1–6); при Ухуде 10 (ср. 3 г. х., § 54 А); у Би’р Ма‘уна 3 (ср. 4 г. х., § 6); при ар-Раджи‘ 2 (ср. 4 г. х., § 7) и при Му’те 4 (ср. 8 г. х., § 16); всего 25, которые, будучи вычтены из первоначальных 69, оставляют самое большее лишь 44 мухаджира, живых и присутствовавших, когда умер Магомет.

каждом слове и в каждом действии, как мог он так внезапно покинуть своих верных, без предупреждения и хотя бы без последнего наказа? Почему Бог, позаботившийся о стольких мелочах домашней жизни Пророка, пренебрёг теперь известить его о близости смерти? Почему же Учитель не оставил верным хотя бы какого-нибудь точного указания о том, как им следует держаться, когда они останутся лишёнными его могучей поддержки? У многих была почти уверенность, что Магомет не мог умереть.

Единственным человеком, не потерявшимся в этот момент жестокой тревоги, был старый Абу Бакр, который, поцеловав лоб того, кто более двадцати лет был его любимым Учителем и товарищем, вернулся в мечеть и, твёрдо и энергично заставив умолкнуть взволнованного Умара, с острым и спокойным красноречием человека сильного и уверенного в себе тотчас успокоил и очаровал присутствующих, внушив им столь желанное чувство уверенности и надежды на будущее. Он в немногих словах объявил, что Магомет действительно умер, умер без возврата, как умерли все пророки до него; и с торжественной твёрдостью, покорившей всех, кто его слушал, призвал к спокойствию и к соблюдению законов, открытых Богом.

§ 58. — Тем не менее спокойствие было лишь минутным: пришло известие, что хазрадж собрались для совещания, и пронёсся даже слух, что они хотят избрать себе вождя и занять независимое положение по отношению к прочим мусульманам. Это известие равнялось первому шагу к междоусобной войне: это было начало внутреннего раскола, роковое возвращение к старому порядку, против которого Магомет боролся всю жизнь. Абу Бакр не потерял ни мгновения, но в сопровождении Умара и Абу Убайды и, быть может, никого другого из мухаджиров побежал в преддверие бану сa‘ида, где собрались хазрадж, в надежде спасти единство мусульман, пока не поздно. Никто, однако, не знал, что случится, никто не понимал, что следует делать. Всё было хаосом. Почин хазрадж имел, впрочем, уже первое доброе следствие: он напомнил аус, старым врагам хазрадж, все ужасы междоусобных войн (ср. Мас‘уди, IV, с. 189, стр. 7); и Абу Бакра, когда он в великой спешке бежал к месту собрания, догнал Усайд б. Худайр, верный вождь аус, который заверил его в поддержке своих единокровных. Это заверение, пришедшее после благосклонного приёма верующих во дворе мечети, означало уже шаг к счастливому разрешению конфликта и придало духу храброму сподвижнику Пророка. Сильный этой новой поддержкой, Абу Бакр смело и уверенно вошёл во двор, где шумели хазрадж, взволнованные и несогласные, смутно стремившиеся к чему-то, не умея хорошо ни определить своих чувств, ни облечь в конкретную форму своих желаний и опасений. Предания, хотя неясные и неполные, — высшее возбуждение, которому все были подвержены, не позволило сохранить точной памяти о событиях, — дают нам, однако, достаточно света, чтобы понять, как Абу Бакр в течение этих кратких мгновений уже усмотрел решение проблемы: нужно было избрать наместника Пророка, который любой ценой сохранил бы единой и сплочённой мусульманскую общину, оберегая предания Учителя, отстаивая его идеи и учения и продолжая его славное дело. Он задумал провести избрание собранием всех верующих либо Умара, либо Абу Убайды — двух людей, которые, по его справедливому мнению, были наиболее пригодны для высокой должности.

Дело пошло, однако, не так, как предвидел и хотел Абу Бакр. Его твёрдое красноречие, питаемое здравым смыслом и мужественной силой, произвело большое впечатление на хазрадж: человек с ясными и добрыми мыслями всегда властвует над толпами, которые умеют лишь кричать и, неспособные мыслить, следуют более чувству, нежели разуму. Тем не менее Абу Бакр восторжествовал не без сильного сопротивления: часть хазрадж ещё некоторое время упорно держалась мелочных родовых понятий и не хотела уступить тому, что считала узурпацией своих прав. Но в конце концов, после долгой и ожесточённой борьбы, которая, вероятно, затянулась до позднего часа, до глубокой ночи, мужественное и чарующее красноречие и благородная и честная фигура почтенного старца, который своим поведением и своими мыслями давал неоспоримое ручательство силы и справедливости, подчинили наконец страсти шумящих толп и вернули их к спокойствию и разуму. Хазрадж заметили к тому же, что против них подавляющее большинство верующих; за своей спиной они слышали гневные голоса мусульман-немединцев, прежде всего аслам, так что наконец, видя, что Абу Бакр выражает чувства лучших сподвижников, начали уступать его настояниям. Но когда он выступил вперёд и, прося присутствующих избрать преемника Пророка, предложил Умара или Абу Убайду, первый, угадав чувство большинства, великодушно отказался от предложенной ему чести, обратил доводы товарища против него самого и пригласил присутствующих всем высказаться за Абу Бакра и вверить ему высшее поручение продолжать дело Пророка и спасти ислам от преждевременного конца. Одним из тех внезапных движений толпы, которые невозможно точно разобрать, когда люди охвачены живейшими волнениями, предложение Умара было принято с восторгом почти всеми присутствующими.

§ 59. — Избрание Абу Бакра не было законным в подлинном смысле слова: он был провозглашён преемником Пророка группой мединцев, собравшихся в частном доме, без участия остального населения, которому одному принадлежало право решать свою судьбу. Дома Медины были малы, и можно полагать, что при избрании первого халифа ислама присутствовали лишь главы семей хазрадж, и то, быть может, не все. Из аус там был, быть может, один Усайд б. Худайр, из мекканских мухаджиров, быть может, никто, а из прочих мусульман-немединцев, составлявших теперь большинство, весьма немногие могли находиться в тесном дворе: самое большее, какое-нибудь ядро чужаков — аслам — дошло, быть может, до узких и извилистых переулков вблизи дома, но едва ли могло участвовать в обсуждении.

Магомет умер некоторое время спустя после полудня, когда солнце уже начало клониться к западу: это должно соответствовать приблизительно 2 или 3 часам пополудни по нашему способу деления дня. Сцены, кратко описанные нами, заняли последние часы дня, вечер и, быть может, часть ночи. Известие, что Абу Бакр провозглашён преемником Пророка хазрадж с молчаливого согласия аус, могло распространиться по Медине лишь после захода солнца. Час провозглашения не передан преданием, но так как средства освещения у арабов были весьма первобытны, вероятно, ночная тьма содействовала сокращению споров. Тем не менее тот, кто путешествовал на Востоке и в пустыне среди арабов, вспомнит, как порой из-за вопросов выгоды эти грубые бедуины могут спорить, сидя на корточках вокруг

лагерного костра, почти до зари. Наше предположение, что провозглашение Абу Бакра последовало, вероятно, после захода солнца, при неверном свете маленьких масляных светильников или при тусклом отблеске костра из пальмовых листьев, находит подтверждение в том, что Абу Бакр был официально провозглашён и избран халифом всеми верующими лишь на следующее утро. Это значит, что поздний час первого провозглашения, несмотря на огромную неотложность дела, помешал всенародному провозглашению в тот же день, в который перестал жить Пророк.

Между тем в скромной комнатке, где лежало ещё тёплое тело Пророка, разыгрывалась драма высочайшего интереса, но такой щекотливой природы, что предание сделало всё возможное, чтобы скрыть её от потомков: к нашему счастью, изглаживание не было полным, и ещё возможно проследить истину фактов.

Интересы мусульманской общины, подвергнутые столь тяжкому риску внезапным исчезновением Пророка, заставили забыть о личности, бывшей высшей причиной всеобщего волнения. Пока вся Медина трепетала от страстного столкновения бесчисленных нравственных и материальных интересов, ища с порывистостью утопающего немедленного и действенного решения тяжкой проблемы, тело Магомета оставалось почти забытым в жалкой комнатке, окружённое лишь вдовами и ближайшими членами семьи. Что действительно происходило в этих четырёх глинобитных стенах, какие чувства волновали свидетелей этой сцены смерти, никто никогда не узнает с уверенностью; но по следам запутанных и искажённых преданий мы можем ещё разглядеть в смутном мерцании домашнюю драму, которая разыгралась там во тьме, в скорби и в горечи обманутых надежд.

Очевидно, что был момент, когда при остром волнении всех верующих о собственном будущем никто, кроме членов семьи, не думал о покойном. Али, Аббас и их сыновья и клиенты оказались подавлены бедствием и, бедные умом и духом, ничего не сумели сделать, кроме того, чтобы собраться вокруг тела и, потрясённые и трепещущие, оказать ему первые заботы, какие оказывались умершим. Запершись в этой комнатке, они остались чужды грандиозной драме, развёртывавшейся вокруг них, подобно горным пастухам, которые укрываются под скалой, пока на вершинах, окутанных тучами и молниями, бушует буря. Они не поняли ни значения, ни смысла происходившего, не почувствовали себя способными вступить в борьбу человеческих страстей, которую Абу Бакр с изумительным мужеством и гениальной проницательностью в тот момент встречал и побеждал, — борьбу, которая навсегда останется одним из эпических эпизодов в истории мира.

Когда в конце дня скорби и смятения вместе с печальной ночной тьмой в комнату Аиши дошли первые слухи о том, что происходило в Сакифе бану са‘ида, члены семьи Магомета поняли, что дорогая надежда, иллюзия, лелеемая, быть может, давно, жестоко рушится, и все были мучительно уязвлены в самой чувствительной части своей души. Али тешил себя иллюзией, что тесное родство с Магометом и брак с Фатимой, дочерью Магомета и матерью двух сыновей, единственных живых внуков Пророка, обеспечивают ему нравственное первенство среди сподвижников и указывают на него как на естественного наследника как имущества, так и власти его тестя-двоюродного

брата. В этой иллюзии его поддерживали хитрые и склонные к интригам члены семьи Аббаса, которые господствовали над слабым Али и надеялись извлечь из него много материальных выгод: поэтому и они остались глубоко уязвлёнными. Внезапный конец Пророка уничтожил, таким образом, всякую надежду на желанные почести и выгоды, и тело, лежавшее перед ними, было уже не более как бремя и помеха.

Поскольку при избрании преемника Магомета семья покойного не была принята ни в какой расчёт и поскольку избрание было внушено совсем иными понятиями, родственники Пророка осознали, что со смертью его они утратили власть и теряли в будущем все бесчисленные выгоды, на которые рассчитывали. Это был момент безмерной горечи, от которой, чтобы немного оправиться, хашимитам понадобилось более шести месяцев: их ожесточение толкнуло их совершить теперь странный поступок, весьма слабо завуалированный преданием, но выставляющий в грубом свете действительности чувства и страсти того времени. Члены семьи, то ли из досады на всех прочих мусульман, избравших Абу Бакра, то ли потому, что, уступая порыву реакции, старались избавиться от неудобного присутствия тела, которое уже ничем не могло им помочь, решили немедленно позаботиться о погребении и совершить его тайно и частным образом, лишив тем самым всех прочих удовлетворения присутствовать на похоронах и торжественно почтить память великого Пророка.

По очевидным причинам древним обычаем в Медине и во всей Аравии было хоронить умерших за городом. Это вполне естественно в стране, где дома малы — простые одноэтажные лачуги, — где не существует храмов для богослужения и где не знали ни мраморных склепов, ни свинцовых гробов. Магомет должен был бы поэтому быть отнесён на следующий день на кладбище аль-Баки‘ с обычным обрядом всех мусульман, умерших за десятилетие в Медине, и должен был бы сойти на последнее ложе возле гробницы дочери Рукайи, сына Ибрахима и стольких других своих сподвижников. Этот торжественный обряд привлёк бы всё население Медины, и среди всех первенствовал бы новоизбранный государь[435]. Уступая, быть может, порыву досады, члены семьи решили всё это расстроить. В великой тайне они обмыли тело и, так как не осмеливались двигать его с места, где оно лежало, из страха быть обнаруженными, выкопали могилу в спальне Аиши, там, где он умер, и в полночь опустили его туда и засыпали землёй в присутствии одних лишь членов семьи и немногих близких. Даже любимая вдова Аиша, на коленях которой умер Пророк, — быть может, именно потому, что была дочерью новоизбранного халифа, — не знала об этом замысле и поняла, что хоронят её мужа, лишь когда в ночной тишине услышала стук кирок и лопат в соседней комнате (Табари, I, с. 1837, стр. 9–10). Единокровные, следовательно, вопреки обычаю удалили даже вдов и действовали без их ведома. Магомет был погребён втихомолку, не как государь или Пророк Божий, а почти как жертва гонения или как злодей. Ни Абу Бакра, ни Умара, ни других не было: они узнали об этом лишь на следующий день, когда уже ничего нельзя было сделать: погребение — дело членов семьи: вскрыть могилу было бы осквернением, о котором

[435] Об обычаях погребения у древних арабов и об их понятиях о смерти, могиле и почестях, воздаваемых умершим, ср. Freytag, 218–224; Wellhausen, *Reste*, 177 и сл.; Jacob, *Arab. Dicht.*, III, 139–141; Goldziher, *Muh. Stud.*, I, 229 и сл.; Goldziher, WZKM, т. XVI, 307 и сл.

никто не посмел подумать[436]. Свершившийся факт был принят, и, по-видимому, из этого не сделали большого дела: по крайней мере об этом предание хранит глубокое молчание.

Погребение Магомета в его собственной комнате, это необычное исключение из общего обычая того времени, было поэтому не особым проявлением почтения, а следствием особых и непредвиденных обстоятельств. Предание, приведённое в § 48, есть позднейший вымысел, чтобы скрыть истину и изгладить последние следы этой столь интимной драмы, бросающей мрачный свет на оставшихся в живых сподвижников и на семью Пророка.

§ 60. — Иному наше толкование событий, быть может, покажется новым и не очень убедительным, но мы не колебались предпринять эту реконструкцию забытого эпизода истории, ибо предания, даже искажённые, дают нам о нём достаточные указания. Как объяснить иначе четыре факта, согласно признаваемые преданиями: (1) погребение Пророка через несколько часов после смерти; (2) в его собственной комнате; (3) руками тех, кто отказал в присяге новоизбранному халифу; (4) в самый тёмный час ночи, в отсутствие всех древнейших сподвижников и без ведома вдов? Следует иметь в виду, что единственным погребённым таким таинственным образом был халиф Усман после своего убийства в 35 г. х. Мыслимо ли, чтобы преданные и верные сподвижники, как Абу Бакр, Умар, Абу Убайда, Абд ар-Рахман б. Ауф, Са‘д б. Аби Ваккас, аз-Зубайр, Тальха и другие, столь явно пренебрегли священнейшим долгом всякого доброго мусульманина? Магомет, борясь с прискорбным языческим обычаем — равнодушием к умершим, — старался всеми средствами, и в особенности примером, внушить своим почитание к ним, всегда молясь над носилками умерших и всегда провожая сподвижников к последнему жилищу. Обычай, которому следовал Пророк в подобных случаях, составляет предмет бесчисленных преданий, и халифы в последующие годы почти рабски следовали и подражали всему, что Пророк имел обыкновение делать в этих случаях, тоже провожая умерших на кладбище, молясь над их носилками и присутствуя при всех обрядах погребения. Почему же поэтому сподвижников не было на погребении Пророка, то есть почему они не исполнили того, что должно было быть священнейшим из всех их обязанностей в этом случае, раз Магомет был достойнейшим подобных почестей из всех, кто умер после него? Единственное возможное объяснение этой аномалии — то, которое мы попытались дать, а именно, что погребение произошло без ведома сподвижников. Если это допустить, прочие наши заключения вытекают как естественные следствия. Можем добавить, что весьма вероятно борьба, которую вёл Абу Бакр и двое его товарищей против сепаратистских стремлений мединцев, и трудность достичь согласия в избрании преемника Пророка потребовали весьма долгого времени, гораздо более долгого, чем видно из преданий, и что успех счастливого почина Абу Бакра был обеспечен лишь в поздний час ночи, когда родственники Пророка, тайно осведомлённые о том, что затевалось, уже обмыли и похоронили тело и отняли у первого преемника желанную

[436] Предания колеблются, произошло ли погребение в ночь с понедельника на вторник, то есть непосредственно следующую за смертью, или же в следующую ночь, то есть со вторника на среду. Это расхождение для нас не имеет значения: погребение было совершено ночью, без ведома всех и в самой комнате покойного, чтобы никто, кроме ближайших единокровных, не мог присутствовать при обряде.

честь исполнить первый и священнейший долг по отношению к великому преобразователю и Учителю.

Средневековые легенды о гробнице Магомета

§ 61. — В Средние века в Европе весьма мало знали о Магомете: совершенно не знали подробностей его жизни и точного содержания его учений. Зато заинтересованные лица позаботились распустить много басен, чтобы показать, что он был пошлым обманщиком, прибегавшим к низким уловкам, чтобы обманывать легковерных последователей. Так родились многие недоброжелательные легенды, лучшим и наиболее полным изложением которых до сих пор остаётся исследование нашего Д'Анконы, переиздание которого готовится: *La leggenda di Maometto in Occidente* (ср. *Giornale Storico della Letteratura Italiana*, т. XIII, вып. 38–39). Да будет нам позволено добавить несколько заметок к этому столь интересному предмету. Самая распространённая из всех басен в Европе того времени, и поныне известная в народе, — та, согласно которой Магомет посредством сильного магнита, укреплённого на вершине купола, будто бы добился того, что после смерти его железный гроб поднялся в воздух на глазах у всех верующих и остался висеть под сводом. Другие легенды утверждали, что весь купол, покрывавший гробницу Магомета — в Мекке! — был построен из магнитных камней, так что железный гроб Пророка, притягиваемый одинаково со всех сторон, остался висеть в воздухе.

Д-р М. Штейншнейдер показал (ср. ZDMG, 1851, т. V, 378–379), что эта легенда восточного происхождения весьма древняя и намного старше Магомета. Уже у Плиния (XXXVI, 15) упоминается подобный факт. Архитектор Динохар, говорят, получил от Птолемея Филадельфа приказ построить для его сестры и жены Арсинои свод из магнитного камня так, чтобы железная статуя Арсинои могла висеть в воздухе, но смерть Птолемея положила конец замыслу. И в Талмуде (Синедрион 107 b; Сота 47 a) есть намёк на слугу Илии, который, прикрепив магнит к изображению идола Иеровоама, сумел поднять его между небом и землёй. На Востоке же утверждают, что Махмуд [† 421 г. х.], когда при вторжении в Индию взял город Сомнат, нашёл в знаменитом индийском храме этого места изображение местного божества, висевшее в воздухе, и что он, осведомлённый о хитрости жрецов, велел разрушить часть свода храма: тогда идол упал на землю и разбился на тысячу кусков. Подобное верование находится и в других иудейских писаниях, приводимых Штейншнейдером, так что позволительно заключить, что легенда древнейшего происхождения и, переселяясь из одного конца мира в другой, служила орудием религиозной полемики не одной вере. Это показывает также, что народ обладает не столько творческой способностью, сколько подражательной склонностью: так мы видим, как особая форма легенды проходит века и материки и на сто ладов служит всем делам и всем верам.

§ 62. — К заметкам Штейншнейдера, быть может, не бесполезно будет добавить некоторые утверждения, содержащиеся в знаменитом и любопытном сочинении Мараччи: *Alcorani Textus universus… summa fide descriptus… Eademque fide… ex Arabico idiomate in Latinum translatus… auctore Ludovico Marraccio…* Patavii MDCXCVIII. В первом томе этого любопытного труда, в котором учёный церковник из конгрегации

регулярных клириков и некогда духовник папы Иннокентия XI предпринял богословское опровержение ислама, есть длинный *Prodromus*, или введение, содержащее всё, что тогда знали учёные о Магомете и о мусульманской религии. На с. 29 (2-я колонка) приводится сочинение марсельца Габриэля Бремона, озаглавленное *Descrizioni esatte dell'Egitto superiore et inferiore*, где в кн. I, гл. 30, подробно приведено описание гробницы Магомета, какой она была в начале XVII века христианской эры. Подробности исходят от «дворянина… который видел её много раз, ибо служил в том храме»[437]. После многих подробностей о мечети Медины, украшенной двадцатью тысячами лампад и колоннами из драгоценного мрамора, он переходит к описанию того, как в той же мечети покоились останки Магомета в часовне, «сделанной в виде башенки, или круглого строения, с куполом, который магометане называют *турбе* (*турба*)», окружённой маленькой галереей, или балюстрадой, и стеной, полной окон с серебряными решётками. Посреди этой часовни, в которую обыкновенные паломники не имели доступа, но лишь «те, кто живёт в Медине, по милости могут её видеть и входить в неё», помещалась знаменитая гробница Пророка. «Итак, эта гробница из тёсаных камней, облицованных тончайшим мрамором, поставлена посреди этой башни на ровном полу, длиной в семь футов, шириной в четыре: у изголовья у неё колонна из рифлёной яшмы, на которой зелёный тюрбан, а у ног — другая такая же: и на этой гробнице непрерывно воскуряют сладчайшие благовония, как бальзам и алойное дерево[438]. Над этой гробницей, к середине её, есть кусок мрамора, который тайно поднимается, а под ним отверстие, через которое может пройти рука и зажжённая свеча, чтобы увидеть внутри череп, у которого лишь четыре зуба. Кость бедра и голени и несколько источенных червями позвонков лежат отдельно: и это остаток тела Магомета… С южной стороны часовни, в стене под галереей, которая выступает наружу, чтобы поддерживать балюстраду, есть магнитный камень толщиной в три пальца, в два фута в квадрате, прикреплённый четырьмя толстыми серебряными крючьями: а под ним видна золотая луна-полумесяц рогами вверх, посреди которой железный гвоздь толщиной с палец, который, притягиваемый магнитом, держится

[437] (*a*) «Дворянин», приводимый Бремоном, был, по-видимому, каким-то христианским ренегатом, уроженцем Европы, ибо в другом месте тот же Бремон, приводимый Мараччи (т. I, с. 30, вторая колонка), утверждает, что это был «дворянин, достойный доверия, который прожил семь лет в Мекке и Медине на службе у короля-шерифа, отрёкшись от веры: и которому я в Дамаске помог спастись».

[438] С этим описанием сходится описание знаменитого болонского путешественника Лудовико ди Вартема (Vartomanus), который посетил Медину между 1501 и 1507 гг.: «Ab altera delubri parte in priori loco Meschitae turris visitur ambitu quinque passuum quaquaversum testudinata, pannoque contecta sericeo: ea crate aerea faberrime facta fulcitur distantia duorum passuum, abque adeuntibus quasi per transennam conspicitur. Laevorsum angusta porta itur ad turrim; et quum eo perveneris, rursum angustiore ianua admittendus es. Ostium huiusmodi hinc et hinc complures codices, bibliothecae instar, honestant: alterum latus viginti alterum vero quinque et viginti condecorant: illi enim Mahumetis sociorumque traditiones foedissimas, tenoremque vitae eius continent. Intra dictam portam sepulcrum visitur, id est defossus locus, ubi adstruunt conditum esse Mahumetem, sociosque eius, Nabi videlicet Bubacar et Othomar, Aumar et Fatoma» [«С другой стороны святилища, в передней части мечети, видна башня (= гробница Магомета), в пять шагов в окружности со всех сторон, сводчатая и покрытая шёлковой тканью: её ограждает искусно сделанная бронзовая решётка на расстоянии двух шагов, и приходящие видят её как бы сквозь ограду. Налево узкая дверь ведёт к башне; а когда дойдёшь туда, тебя снова впускают через ещё более узкую дверь. Этот вход по обе стороны украшают, наподобие библиотеки, многие книги: одну сторону — двадцать, другую — двадцать пять: в них содержатся гнуснейшие предания Магомета и его сподвижников и описание его жизни. Внутри названной двери видна гробница, то есть выкопанное место, где, как утверждают, погребены Магомет и его сподвижники, а именно Наби, Абу Бакр и Усман, Умар и Фатима»]. Издание Fr. U. Calixtus, Lipsiae, 1764, c. 114–115.

висящим в воздухе между магнитом и гробом. В этот полумесяц вделаны алмазы и другие драгоценные камни великой цены. Таково столь прославленное чудо гробницы Магомета, которое у невежественных и наиболее ревностных магометан вызывает неистовые восторги: ибо иные дают себе выколоть глаза, чтобы после этого не видеть ничего».

Это описание, хотя и «подтверждённое другими лицами, достойными доверия», внушает нам мало доверия: некоторые подробности устройства кажутся происходящими из хорошего источника, но тенденциозный дух писателя слишком очевиден, чтобы его можно было принять как надёжный авторитет. В самом деле, Мараччи, вдохновляемый ненавистью к исламу и к его основателю, добавляет, что немногие останки тела Магомета показывают, как, пока народ шумел из-за избрания преемника, «nullo illius cadaver interim custodiente, fuisse a canibus delaceratum, cum jam triduo, vel quatriduo expositum corrumpi ac foetere coepisset» [«так как никто тем временем не охранял его тело, оно было растерзано собаками, ибо, пролежав уже три или четыре дня, начало разлагаться и смердеть»]. Это пример антиисламской литературы и того духа, который одушевлял изучавших мусульманские предметы в Европе в течение всех Средних веков и Нового времени, почти до наших дней.

(*b*) Короли-шерифы — это алидские правители двух священных городов, Мекки и Медины, владычество которых, более или менее обширное, началось около конца X века христианской эры (ср. Snouck Hurgronje, *Mekka*, I, 54 и сл.; Wüstenfeld, *Die Chroniken der Stadt Mekka*, т. IV, 222 и сл.).

(*c*) Кто захотел бы узнать, какова гробница Магомета в наши дни, помимо фотографии, приложенной к настоящему тому, пусть обратится к: Keane, *My journey to Medinah*, London, 1881, с. 108–109; R. F. Burton, *Personal Narrative of a Pilgrimage to al-Madinah and Meccah*, Memorial Edition, London 1893, т. I, 304 и сл., где находится весьма подробное описание гробницы вместе со многими ценными историческими сведениями.

Гробница Магомета в Медине (вклейка в оригинале)

Происхождение и истинная природа халифата[439] в начале ислама

§ 63. — Смерть Магомета была событием, быть может, смутно предвиденным кем-нибудь из сподвижников, но о непосредственных последствиях которого никто не подумал позаботиться: по-видимому, среди последователей Пророка было как бы чувство бессознательной уверенности, порождённое представлением о его функциях Пророка и почитанием великого Учителя, а именно, что его смерть не может походить на смерть прочих смертных и что Пророк, так же как позаботился о стольких других общественных, религиозных и политических нуждах основанной им самим общины, позаботится и о её будущем после своего исчезновения[440]. Поэтому, пока жил Магомет, никто из сподвижников никогда не имел причины думать о далёком будущем, никто не чувствовал ни обязанности, ни права предвидеть его смерть и принимать на этот случай меры. Это принадлежало лишь Богу и Его Пророку. Иначе обстояло дело во многих племенах, живших в политической зависимости от Медины и среди которых ислам сделал мало или никаких успехов: в них большинство, ещё привязанное к древнему язычеству и сдерживаемое лишь военной мощью Пророка, вздыхало о дне освобождения от мусульманской опасности и мусульманского рабства; несомненно, что племена с тревогой желали этого события, хотя никто никогда не надеялся на столь скорое исполнение языческих чаяний. Но об этом мы будем говорить в другом месте; чувства покорённых племён нас ещё не касаются: это были смутные чувства, скрытая общественная сила, которой предстояло принять определённую форму и деятельную и наступательную энергию лишь в ходе позднейших событий, которых ещё никто не мог предвидеть.

Как для мусульман, так и для кочевых арабов смерть Магомета, наступившая с молниеносной быстротой, была великой неожиданностью, к которой никто не был готов; последователи после краткой тревоги за пошатнувшееся здоровье Пророка обманулись насчёт тяжести болезни и сочли выздоровление близким и верным (ср. § 18): в странах, далёких от Медины, известие о смерти пришло одновременно с известием о болезни Пророка.

§ 64. — В Медине смятение среди сподвижников было велико, особенно велико и тяжко, ибо внезапное исчезновение Пророка, не оставившего даже слова — ни прощания, ни совета — верным последователям, было такого рода, что потрясало саму

---

[439] Неизвестно с уверенностью, принимал ли когда-либо Абу Бакр титул *халифа*, или преемника, наместника, заместителя Пророка; если его и называли этим именем, это был не столько титул верховной власти, сколько прозвание, данное ему запросто сподвижниками вследствие особых функций продолжателя преданий и дела Магомета. Впоследствии обычай освятил употребление прозвания и сделал из него титул. Вероятно, однако, что лишь во времена Умара [23 г. х.] был официально установлен титул *халифа*, ибо известно, что Умар первым установил эти подробности и официально принял также второй титул *Амир аль-му'минин*, или Князь (или повелитель) верующих (ср. Табари, I, с. 2748, стр. 6–7). Следует, однако, заметить, что титул *халифат расуль Аллах* был природы, так сказать, скорее литературной или канцелярской и что подлинным титулом государя впоследствии всегда был *Амир аль-му'минин*. Этот, и никогда никакой другой, употребляли все, кто обращался к государю: его всегда безразлично предпочитали все мусульмане, к какой бы секте они ни принадлежали (ср. Халдун, *Пролегомены*, I, 461–468; ср. также там же, I, 387).

[440] Доказательство такого чувства мы имеем в многочисленных апокрифических преданиях, в которых преданники притязали дать последнюю волю Пророка. Они имеют интерес и историческую ценность, ибо дают нам осязать существовавшее среди мусульман чувство, что Магомет, как Пророк своего народа, должен был бы предупредить сподвижников о близкой кончине и дать необходимые наставления для правильного хода общины, созданной волей Божией для распространения и сохранения истинной веры среди людей.

их веру в Учителя: смерть казалась внезапным, необъяснимым бегством, оставлением, тем более непонятным, что в последнее десятилетие Бог через своего Пророка помогал, советовал и руководил своими преданными почитателями даже в мельчайших подробностях и в самых пустяшных происшествиях повседневной домашней жизни. Первым непосредственным следствием смерти было поэтому нравственное смятение высочайшей тяжести, глубоко потрясшее все души и грозившее ослабить те новые религиозные и нравственные узы, созданию которых Магомет посвятил всю свою жизнь и которые ещё не овладели целиком обращёнными арабами. Всеобщая растерянность возродила с удивительной остротой древние партикуляристские страсти, которые неутомимая деятельность Пророка смогла усыпить, но не вполне угасить. Поэтому тотчас вспыхнул конфликт. Экономические и политические условия, созданные Магометом, были такого рода, что вполне удовлетворяли интересы большинства последователей: его смерть, грозя стать концом всего и, следовательно, повредить всем этим великим и различным интересам, тотчас с резкой отчётливостью обнаружила существование в Медине трёх главных партий, которые до тех пор жили в добром согласии, но перед вероятностью переворота все инстинктивно имели одну мысль — действенно оградить свои материальные и нравственные интересы.

Первой партией была партия мекканских мухаджиров, второй — партия мединцев и третьей — партия чужаков, сбежавшихся к Магомету со всех концов Аравии, которые, хотя и были номинально связаны узами клиентелы с теми или другими из мухаджиров и мединцев, в действительности образовывали отдельную партию, ибо имели иные чувства и интересы и вошли в мусульманскую общину, чтобы следовать за Магометом, а не из желания принадлежать в качестве клиентов к той или иной семье. Из этих трёх партий лишь вторая, мединская, действительно сохранила старое устройство по семьям и племенам: поэтому она была и наилучше организованной и наиболее готовой действовать для защиты своих интересов. Поэтому она же была единственной из трёх, которая, едва узнав о смерти Магомета, тотчас приняла сепаратистское и независимое направление. Двум другим партиям недоставало, напротив, подобной сплочённости: это были отдельные единицы, брошенные вместе как попало случаем и созидательной деятельностью Магомета; единственной действенной общей связью была личность и прямое повседневное влияние Пророка: он оказывал на всех своё неотразимое обаяние, он один был главной причиной их сосуществования и слияния стольких различных стремлений и склонностей, порой даже противоположных и враждебных друг другу. Сознание общей веры было чувством ещё слишком новым, чтобы иметь подлинное действие на души обращённых: это было ещё чувство второстепенного порядка. Члены мединского теократического государства были более последователями Магомета, чем мусульманами, так что исчезновение любимого и грозного вождя и учителя грозило подвергнуть тяжкому испытанию прочность учений, проповеданных покойным. В последние годы опасность общего развала возросла вследствие столь явно политического направления, принятого Пророком, и допущения в ислам стольких чуждых, немусульманских элементов, подорвавших сплочённость и однородность маленького теократического государства.

Члены двух других партий, то есть мекканские мухаджиры и немединцы, поселившиеся в Медине, образовывали поэтому две группы лиц, у которых старые патриархальные узы уже не действовали, а новые, созданные общей верой, ещё не смогли приобрести достаточной прочности, чтобы заменить старые. Иными словами, эти группы представляли переходную ступень в развитии от старого к новому. Поэтому все они на время впали в состояние полного бессилия, без организации, без вождей и без мыслей, когда не стало того, кто держал их вместе.

Казалось, наступил момент общего развала, когда каждый думает о себе: члены семьи Пророка поспешили к покойному, чтобы оказать телу первые обычные заботы. Прочие мухаджиры, сведённые к весьма малому числу, затворились в своих жилищах, взаимно подозрительные и завистливые. Группа немединцев, подавленная несчастьем, осталась как бы отупевшей, неспособной действовать, неподвижным зрителем событий, которые должны были произвести либо общий развал, либо продолжение ислама: никто из них не подал признаков жизни в те немногие часы, что прошли от смерти Магомета до избрания Абу Бакра. Оно стало свершившимся фактом, прежде чем кто-либо успел действовать и почти даже подумать.

§ 65. — Таким образом, в течение немногих часов мусульманская община в весьма критических и трудных обстоятельствах, без необходимой подготовки, без единого прецедента и не имея возможности опереться ни на одно слово, ни на одно наставление великого учителя, была призвана разрешить и действительно разрешила труднейшую и опаснейшую проблему всего своего краткого существования. Как бы ни быть далёким от того, чтобы приписывать отдельным лицам то, что было заслугой народов, или делом времени, или великих исторических процессов, было бы тягчайшей ошибкой не признать, что в этом случае политические доблести двух людей, Абу Бакра и Умара, взявших на себя почин, которому предстояло своими следствиями потрясти весь тогда известный мир, спасли мусульманскую общину от неминуемого бедствия. Эти двое были единственными, кто в тот высший момент не потерял головы: понимая всю опасность впасть в старое с пробуждением партикуляристских страстей мединцев и угадывая, каково истинное чувство всех благомыслящих, они поставили себе целью спасти любой ценой гибнущую общину, руководимые господствующей мыслью сохранить нетронутым положение вещей, оставленное Пророком. Они были единственными, кто в эту тягостную минуту имел в виду высшие и истинные интересы новой веры, готовые пожертвовать своими собственными и личными интересами ради общих интересов всех мусульман: они были единственными, кто действительно показал, что им дороги сохранение дела Пророка и соблюдение духа и буквы оставленных им учений.

На безрассудные крики тех, кто явно хотел вернуться к старому, они ответили твёрдо, призывая мединцев ничего не менять, увещевая их оставаться верными законам Пророка и едиными и согласными с прочими мусульманами. Доказав все выгоды и даже необходимость сохранить установления, основанные Пророком, они предложили, чтобы один из присутствующих временно руководил общественными делами в духе и смысле, выраженном Магометом во стольких случаях. Они настаивали лишь на настоятельной необходимости сохранить нетронутым то, что создал Магомет: об

остальном позаботились бы время и судьба: ничего не должно быть изменено, и все обязаны содействовать тому, чтобы распоряжения, данные Пророком, были в точности исполнены и неизменно сохранены. Бесспорная цельность обоих людей, абсолютная честность их намерений, всеобщее убеждение, что они действуют, вдохновляемые лишь желанием общественного блага, прозрачная ясность и убедительная простота их рассуждений, доступных всем, взяли верх над мелкими интересами и узкими партикуляристскими страстями ещё несовершенно исламизированных элементов мусульманской общины. Те, кто так шумно кричал, не были к тому же согласны между собой и по неопределённости и различию своих мыслей должны были уступить перед ясной и убедительной логикой и конкретными и справедливыми предложениями двух сподвижников. Мелкие личные ревности ослабили реакционную оппозицию, и Абу Бакр и Умар счастливо одержали величайшую и славнейшую победу всей своей жизни. Когда голоса присутствующих единодушно сошлись на личности Абу Бакра, это было следствием порыва самопроизвольного восхищения, порождённого доказательством характера, величия души и силы ума древнейшего и лучшего сподвижника Пророка, того, кто, быть может, в тот момент лучше всякого другого олицетворял все те добродетели и все те качества, которыми так восхищались в покойном Учителе, того, кто в тот момент давал наибольшие гарантии неизменного сохранения исламских установлений[441].

Мединцы, первыми двинувшиеся в партикуляристском направлении, были поэтому и первыми, кто признал заслуги Абу Бакра и провозгласил его достойным продолжателем дела Магомета. Присоединение прочих — за немногими исключениями — было столь же быстрым и готовым, ибо им нечего было противопоставить лучшего решению, достигнутому двумя лучшими людьми общины, и ибо осуществлённое решение удовлетворяло важнейшим интересам мусульманского государства. Менее чем через двадцать четыре часа после исчезновения Магомета Абу Бакр был признан всеми мусульманами в Медине главой мусульманской общины, законным преемником Пророка[442].

---

[441] Не следует придавать никакой веры тем преданиям гораздо более позднего времени, которыми хотели бы утверждать, будто среди доводов, приведённых Абу Бакром на этом бурном собрании, была необходимость избрать одного из курайшитов и невозможность добиться присоединения арабов иначе как к князю из курайшитского рода. Абу Бакр был избран не за свои родственные связи, а за свои нравственные качества, благодаря которым он пользовался таким влиянием у Пророка. Он был одним из древнейших мусульман и потому лучше всякого другого знал дух и букву новых установлений. Знатность курайшитов, превосходящая знатность всех прочих арабов, есть понятие чисто мусульманское, вовсе не существовавшее при жизни Магомета. Каждое арабское племя было убеждено, что оно знатнее всех. Высшая знатность курайшитов утвердилась лишь впоследствии — во-первых, потому что Магомета считали курайшитом, и во-вторых, потому что к курайшитскому роду принадлежали как халифы Омейяды, так и Аббасиды. Если бы избрание первого халифа ислама было внушено понятиями родства, избиратели должны были бы соединить свои голоса на том, кто был ближайшим родственником Пророка, — на Али или Аббасе, — а не на Абу Бакре, который в самом строгом смысле слова не был даже настоящим курайшитом, ибо не происходил от Кусайя (ср. Введение, § 36, прим. 3; § 41, генеал. табл. № 1; § 54, прим. 1).

[442] Вечером того дня, когда умер Магомет, Абу Бакр получил голоса мединцев: при публичном провозглашении следующего утра именно голоса немединцев окончательно обеспечили избрание почтенного сподвижника. Поведение же мухаджиров ясно указывает, что смелый почин Абу Бакра и Умара не встретил их сочувствия и что ревность и личные честолюбия удерживали многих от принятия свершившегося факта. Нет сомнения, что многие мухаджиры считали себя столь же древними и авторитетными сподвижниками, как Абу Бакр, и к тому же были более близкими родственниками Пророка. Поэтому, по понятиям, бывшим тогда в ходу в Аравии, они более Абу Бакра имели бы право на руководство мусульманами. Это объясняет нам

§ 66. — Подобный случай никогда не представлялся современникам и последователям Магомета, и, вверяя Абу Бакру власть над всеми прочими мусульманами, избиратели сами того не зная создавали новое политическое и религиозное установление, которому после Римской империи и папства суждено было остаться самым прославленным и самым знаменитым в истории мира. Избиратели Абу Бакра имели перед собой лишь один прецедент — древний арабский обычай признавать за одним из членов племени власть, высшую по сравнению с прочими его членами. Эта власть была, однако, весьма ограниченной и простиралась лишь на единокровных: тот, кто был облечён подобной честью, имел больше обязанностей, чем прав и привилегий: повиновение единокровных было более номинальным, чем действительным, и свобода отдельных членов в действительности всегда оставалась абсолютной и полной (ср. Nallino, *Sulla costituzione delle tribù arabe*, *Nuova Antologia*, V, 1893). Избиратели Абу Бакра по видимости вверяли ему те же непрочные полномочия обычного *саййида*, вождя племени[443], но в действительности создавали совершенно новую должность. Прежде всего они облекли человека главенством над скоплением весьма различных этнических элементов, какого никогда не видали в Аравии; кроме того, они избрали не вождя племени, а государя значительной области Аравии, избрали главнокомандующего многочисленного и дисциплинированного войска и окончательного судью в правовых вопросах, облечённого в действительности исполнительной властью с весьма широкими полномочиями: наконец, они назначили верховного первосвященника новой религии[444].

поведение некоторых из древних и уважаемых мекканских сподвижников Пророка и показывает, что Абу Бакр был по существу избранником мединцев и мусульман-немединцев. Какую роль играли курайшиты, вошедшие в лоно ислама после взятия Мекки, из которых немало поселилось в Медине, источники ясно не говорят. Во всяком случае, мы должны отвергнуть как тенденциозные предания, согласно которым Абу Суфйан будто бы пытался возбудить внутренние раздоры (ср. §§ 45 и 46). Это противоречит всему, что мы достоверно знаем о курайшитах: вожди самой непримиримой и враждебной исламу партии первыми в Мекке отстаивали необходимость действовать в согласии с Мединой и признать избрание Абу Бакра (Хишам, с. 1021). Курайшиты были слишком прозорливы, чтобы не понимать всех выгод, которые они могли извлечь из сохранения теократического государства, в котором их святилище признавалось единственным в мире и в котором они как его хранители занимали *ipso facto* весьма привилегированное и прибыльное положение.

[443] Это настолько верно, что даже древнейшие сподвижники Пророка, как Али, Тальха, аз-Зубайр, разные мухаджиры и многие члены семьи бану хашим, отказались признать избрание и многие месяцы держались в стороне, не давая согласия ни на одно из действий халифа, вступая даже с ним в конфликт и отказывая ему во всяком почтении и всяком акте повиновения. Поведение этих людей — внушённое в действительности лишь низкими личными мотивами — не вызвало никакого соблазна, прошло совершенно незамеченным, и никто никогда не думал принуждать несогласных к подчинению. Присоединиться к новому порядку вещей приглашались лишь те, кто имел к тому желание или считал в своих интересах дать своё согласие. Ни на ком не было и тени обязанности: понятие обязанности явилось лишь впоследствии.

[444] Предание рассказывает лишь об избрании Абу Бакра небольшой группой мединцев в Преддверии бану са‘ида: затем кратко упоминает об официальном провозглашении Абу Бакра перед собравшимся народом (вероятно, в *Мусалле*, а не в так называемой мечети; ср. 2 г. х., § 7), но решительно ничего не сказано о многочисленных мусульманских племенах, от бали на севере до хас‘ам на юге, которые не участвовали в голосовании, не были об этом спрошены и, по-видимому, даже не были приглашены признать халифа. Лишь в Мекке, по-видимому, произошло своего рода провозглашение (Хишам, с. 1021). Тем не менее ни одно из действительно мусульманских племён не стало чинить затруднений: все исправно присылали свои военные отряды, платили подати и оставались верно и спокойно мусульманами, не проявляя никакого сепаратистского поползновения или какого-либо желания вмешательства и участия в управлении государственными делами: такое пассивное и послушное поведение — одно из тёмных мест этого исторического момента, и объяснить его можно, лишь допустив, что, подобно немединцам в Медине, и прочие арабы-мусульмане вне города признали в избрании Абу Бакра наилучшее решение для своих интересов и мирно его приняли.

Обо всём этом избиратели не имели понятия: Абу Бакр был провозглашён главой мусульманской общины без того, чтобы как-либо были определены природа его функций и пределы его власти. Абу Бакр был избран с одним лишь договором, с одним лишь условием, то есть со священной миссией сохранять в положении *statu quo ante* нравственное и материальное наследие Пророка. Всё остальное было предоставлено произволу судьбы в весьма неопределённых выражениях. Лишь последующие обстоятельства лучше определили атрибуты и функции халифата — должности одновременно политической и религиозной, которая имела долгое и сложное развитие, никогда не оставаясь одной и той же со дня, когда она была создана мусульманами в Медине, до дня, когда она пала, упразднённая монгольским варварством после более чем шести веков истории.

Поэтому Абу Бакр, приняв на себя руководство делами, поставил себе одну лишь цель: во всём следовать примеру, данному Пророком, заставлять соблюдать открытые им законы и, наконец, привести в исполнение те военные и политические замыслы, которые смерть Магомета внезапно прервала. Эта мысль была господствующей в его речах к несогласным мединцам и в его обращении к народу в день официального провозглашения (ср. § 42): её он с характерным упорством непреклонно держался в течение своего краткого халифата.

Не может быть сомнения, что поведение этих сподвижников скорее укрепило, чем ослабило нравственное положение первого халифа, ибо уверило его избирателей, что он не станет держать сторону своих единокровных и мекканских друзей, раз те первыми от него отреклись. Это последнее соображение объясняет сокровенный смысл саркастических слов Абу Суфйана (ср. § 46 и прим. 1).

§ 67. — На этом пункте необходимо настаивать, если мы не хотим совершенно превратно понять весь истинный смысл избрания Абу Бакра. Следует помнить, что это избрание было временной мерой, придуманной в течение нескольких часов двумя энергичными людьми перед лицом непредвиденных обстоятельств и перед неминуемой опасностью рокового внутреннего раскола мусульман. Причины, побудившие этих двух людей действовать, были очевидны: подлинные интересы всех мусульман действительно состояли в продолжении, насколько возможно, тех самых условий, при которых они объединились вокруг Магомета. Большинство мусульман исламизировалось, потому что находило в условиях, предложенных Магометом, реальную материальную выгоду, а для некоторых — хотя они были ещё в огромном меньшинстве — в исламе было и нравственное удовлетворение. Ислам, который новичкам представлял мало привлекательные стороны и, казалось, навязывался как ярмо и рабство, давал тому, кто лучше усваивал его дух и направления, и тому, кто видел его практические результаты, большие и неоспоримые выгоды. Быстрый рост мусульманской общины в последние годы Магомета не мог бы осуществиться, если бы ислам не обеспечивал значительных и верных вознаграждений тому, кто его принимал и кто принимал его обязанности. Соображения материальной выгоды, имеющие вес во всякой стране и во всякое время, имели особое значение в настоящем случае, ибо речь шла о таком народе, как арабский, у которого материальные интересы имеют абсолютное преобладание над нравственными соображениями. Магомет создал,

следовательно, в Медине и в своём маленьком царстве Западной Аравии политическое государство и материальное и общественное положение, во всех отношениях выгодное тем, кто в него входил. Мекканские мухаджиры, пришедшие в Медину почти нищими, стали богатыми владельцами земель и скота. Мединцы, прежде раздираемые гибельными раздорами, получили мир внутри и заметное приращение богатства добычей с еврейских общин: они наслаждались теперь периодом великого процветания, в продолжении которого были живо заинтересованы. Наконец, немединцы, сбежавшиеся со всех концов Аравии, все бездомные и безродные, эти искатели приключений, хлынувшие в Медину, тоже нашли себе приятное занятие и обеспечили себе удобное и лёгкое существование с верными и постоянными доходами.

Оставляя пока в стороне чувства племён, живших вне Медины, все, кто находился в самом городе, могли иметь лишь одну цель — сохранить положение вещей, созданное Магометом, чтобы продолжать пользоваться теми же выгодами, что и прежде. Сами мединцы в своём по видимости сепаратистском почине были побуждены к действию вовсе не желанием отделиться от мусульманской общины, а страхом потерять приобретённые выгоды и желанием оградить свои интересы. Смерть Магомета казалась им событием столь тяжким, что они опасались от него общей перемены своего положения, озабоченные прежде всего с каждым днём растущим числом немединцев, которые составляли теперь абсолютное большинство и могли бы ограбить мединцев или принести их интересы в жертву своим.

Волнение среди последних совершенно прекратилось, чтобы никогда более не возродиться в будущем, как только Абу Бакр и Умар приняли формальное обязательство, что ничего не будет изменено и что они будут и впредь сохранять неприкосновенными и неприкосновенными навсегда предания Пророка. Поскольку в этом пункте в Медине все без различия были согласны и поскольку Абу Бакр и Умар были из всех двумя людьми, дававшими наибольшую гарантию удовлетворения этого всеобщего желания, теперь понятно, как и почему в тот памятный вечер пришли к столь полному согласию между сторонами, и понятно также, как и почему заключённое соглашение могло с самого начала иметь столь сильное действие и столь прочную природу. Халифат в только что описанном смысле действительно представлял осязаемое выражение величайших интересов и сильнейших стремлений мусульманской общины[445].

[445] В преданиях об избрании Абу Бакра мы не находим вполне точного выражения этой мысли, ибо её общая природа ускользнула от тех, кто передал известия о происхождении халифата. Тем не менее доказательства изобилуют: в самом деле, эта мысль господствует во всей последующей истории ислама как в политической области, так и в религиозной и нравственной. Она выступает во всей своей ясности в политике Абу Бакра: так, по его воле мы имеем выступление бесполезного похода Усамы в Сирию и его настойчивость в желании оставить командование походом тому неопытному юноше, которому его вверил Пророк, вопреки противоположному совету лучших сподвижников. Ещё более отчётливое выражение этого начала мы находим в преданиях об избрании Усмана в 23 г. х., когда выбор Абд ар-Рахмана пал на Усмана лишь потому, что тот обещал следовать буквально распоряжениям, оставленным Магометом и двумя его непосредственными преемниками, тогда как Али был сочтён недостойным должности, ибо притязал действовать с бо́льшей свободой (ср. Табари, I, с. 2794). Та же мысль вновь выступает с не меньшей силой, когда начались недовольства против халифа Усмана, когда он, вопреки своему обещанию, ввёл некоторые невинные новшества в обряд (Табари, I, с. 2833–2834). Непоколебимое упорство, с которым первые два халифа хотели следовать буквально этому руководящему началу, порой даже вопреки здравому смыслу, есть доказательство того, что это было с их стороны формально и торжественно принятое обязательство. В нём

§ 68. — Это основное начало управления, хотя и высшей действенности в первый момент, должно было впоследствии, применяемое с суровой и слепой дисциплиной, поставить тягчайшее препятствие прогрессивному и здоровому развитию исламской системы. Магомет патриархальными способами позаботился обо всех потребностях жизни в Медине: он жил, так сказать, сегодняшним днём, часто забывая прошлое, но никогда не устремляя взгляда в будущее. Он был оппортунистом в самом широком смысле слова, не намеренно, а потому, что таков был особый характер его натуры: если бы он прожил гораздо дольше, он, несомненно, изменил бы ещё многое в своей системе и, быть может, даже в своих учениях, особенно если бы пришёл в соприкосновение как завоеватель с народами вне Аравии. В некоторых предыдущих параграфах (ср. 5 г. х., §§ 60 и сл.; и 10 г. х., §§ 84 и сл.) мы попытались установить последовательные фазы непрерывной прогрессивной эволюции ислама как религии и прежде всего как политического установления в десятилетие его наибольшего развития. Из этого рассмотрения следует извлечь среди прочих одно главное заключение, а именно, что Магомет обладал в высшей степени прогрессивным духом, всегда готовым изменять, улучшать и приспособлять свою систему к всегда новым требованиям среды, показывая во всяком обстоятельстве своей жизни, что никогда не стремился к вечной кристаллизации своих учений, и доказывая, что никогда не чувствовал себя связанным прошлой ошибкой, чтобы не принять и не ввести исправления или улучшения как в вопросах веры, так и в общественных вопросах. Одна из величайших заслуг Магомета заключается именно в гибкости его системы и в лёгкости, с которой он следовал эволюционному движению собственной реформы, всегда держась на уровне своего времени, постоянно сохраняя самое ясное понимание истинных нужд момента и, несмотря на дивные успехи своего дела, успехи, не известные дотоле в древней арабской истории, никогда не теряя верного чувства вещей и людей, никогда не давая себя отклонить от той мудрой умеренности, которая вдохновляла каждый его политический акт. Так он достиг в стране, резко антирелигиозной, как Северная Аравия, того, что никогда не было возможно другим, ни до, ни после него, — создания и признания сильного теократического государства.

Смерть внезапно прервала этот эволюционный процесс: Магомет был в самом деле единственным, кто имел право и средства руководить им. Никто из последователей не наследовал функций пророка, которые совершенно прекратились после его смерти, и те, кто взял на себя задачу продолжать его дело, имели право ставить себе лишь сохранение последнего выражения его воли[446]. Но таким образом

заключалась нравственная сила и наибольшее влияние двух первых халифов, и из их поведения мы понимаем истинные причины, которые держали вместе столь сплочённо маленькое мединское государство и придали ему столько наступательной жизненной силы.

[446] Эта склонность, доведённая позднейшими мусульманами до крайнего преувеличения, имела гибельное следствие — установление как незыблемого закона скрупулёзного соблюдения даже тех повседневных действий Пророка (то есть всех обрядовых и иных предписаний, содержащихся в *хадисе*), которым он не придавал никакого особого значения и которые поэтому не считал нужным закреплять особыми божественными откровениями. Иными словами, то понятие, которое было вполне оправдано для всего, что, будучи кораническим откровением, следовало соблюдать со строгой верностью как прямое проявление божественной воли, было применено и к самым тривиальным действиям частной и повседневной жизни Пророка. Последствия этого казуистического направления были весьма тяжкими для будущего. В самом деле, из следующих преданий о завоеваниях видно, как последователи Магомета, и первым среди них халиф Умар, хотя с суровой совестливостью уважали названное начало, не впадали в нелепые преувеличения и там, где

нравственные наследники Магомета наложили на себя как священную обязанность остановку всякого развития и достигли рокового результата — кристаллизовали его учения, отняв у них всякую возможность прогресса и непрерывного улучшения соответственно вечно меняющимся условиям последующих времён. Те самые начала, которые спасли ислам как теократическое установление в начале его долгого пути, то есть при смерти его основателя, были теми, которым суждено было однажды стать тягчайшим препятствием к его прогрессу. Так случилось, что последователи религии Магомета, желая оставаться добрыми и добросовестными верующими, вынуждены сообразовывать свою жизнь и свои начала с условиями цивилизации, неизменно закреплённой на низшей ступени на все будущие времена.

Всё дело Магомета доказывает, что такое руководящее начало было совершенно чуждо его образу мыслей и действий; доктринальная остановка ислама была поэтому не делом основателя, как неудачно утверждают его хулители, а роковым следствием непредвиденных обстоятельств и основных понятий, с которыми его последователи, лишённые точных наставлений, пытались, как лучше умели и могли, продолжать его дело и сохранить драгоценное наследие, которое он оставил.

§ 69. — На этом предмете, охватывающем общие стороны ислама и, быть может, из всех самом плодотворном для обширных и важных размышлений, невозможно распространяться в этом месте, не увеличивая безмерно объём наших заметок. Да будет мне, однако, позволено добавить лишь одно соображение, служащее в известном смысле дополнением к тому, что мы обсудили в некоторых предыдущих параграфах (ср. 10 г. х., §§ 114 и сл.).

Из сказанного очевидна несправедливость рассуждений, которыми некоторые хотели бы доказать прямую ответственность Магомета за то, что он оставил ислам в таком состоянии, которое сделало невозможной его непрерывную и здоровую эволюцию: исходя из этой ошибочной предпосылки, немало лиц пыталось провести сравнение с христианством и нашло таким образом по видимости действенный довод для осуждения веры Магомета. Нескольких кратких размышлений будет достаточно, чтобы доказать, что, будучи поставлено в таких выражениях, сравнение между христианством и исламом совершенно невозможно и потому всякий вывод ошибочен и ложен.

Главная вина неподвижного характера ислама, по мнению большинства, заключается в ошибке, совершённой Магометом, когда он вводил божественный элемент откровения и в вопросы мимолётного или местного интереса, не поднимаясь над потребностями момента и не имея в виду возможных требований других времён и других людей. Прежде всего, в другом месте мы уже рассмотрели общие стороны местной и временной окраски, с которой ислам возник среди идолопоклоннической Аравии (ср. 10 г. х., § 84): там мы показали, что склонность к неподвижности

было необходимо, умели проявлять просвещённый почин и независимое и новое направление. Но когда ислам распространился среди прочих семитских народов Передней Азии, в душе которых по вековому наследию различных древних цивилизаций религия была не чем иным, как сводом обрядов и формальных законов, казуистическая и мелочная страсть этих народов взяла абсолютный верх в исламском направлении и, подготовив почву для глубокого раскола между арабами и неарабским мусульманским миром, содействовала быстрому упадку мусульманской цивилизации.

свойственна не одному исламу, но всем религиям, и в особенности семитским религиям, и прежде всего иудаизму, а также христианству в его начале. Иудаизм всегда оставался религией одних евреев, а христианство стало мировой верой, религией по преимуществу всего цивилизованного человечества лишь по особым историческим причинам и после эпической борьбы, в которой Павел, счастливо постигнув и энергично отстаивая мировой характер новой веры, победил наконец отсталые и мелочные склонности маленькой иерусалимской церкви.

Если Магомет считал, что говорит и действует от имени Высшего Божества и как его особый посланник, к этому его увлёк пример всех прочих основателей религий у семитских народов, и, поскольку он был искренен и действительно имел иллюзию, что говорит от имени Бога, мы не можем упрекать его в этом, даже если не верим в него. Если из слов, открытых Магометом, не проистекли те дивные следствия, которые родились из вдохновенного слова Иисуса, это не всецело вина Магомета. Различное развитие, помимо особой природы исламских учений, соответствовавших условиям общества почти варварского по сравнению с иудейским обществом I века христианской эры, проистекло особенно из природы людей, среди которых оно было проповедано, и тех, кто его принял.

Христианство родилось, правда, из слов, из примера и из трагического конца Иисуса, но христианство, каким мы обладаем им ныне, было также делом христиан, которые его приняли и сделали из него то, что наилучшим образом соответствовало их потребностям, не слишком заботясь об истинном духе учений Иисуса. Так от простых слов, столь полных любви к людям и веры в Бога, бедного и смиренного назаретского проповедника, мы пришли после долгой эволюции к тем изумительным, грандиозно театральным зрелищам, которые созерцают католические паломники в великом языческом храме святого Петра в Ватикане. Соответствуют ли они намерениям и надеждам великого Основателя? Так и ислам, каким мы наблюдаем его в наши дни, не целиком дело Магомета, а в большой мере преувеличенное толкование последователей, которые, чтобы сохранить нетронутым наследие Пророка, должны были исказить самый дух, с которым Магомет начал и применял свою великую реформу.

Есть, однако, и относительно самого учения двух вер соображение, которое делает праздным всякое сравнение между ними, если проводить его с намерением отстоять превосходство христианства. Иисус проповедовал людям конец мира и призывал своих соплеменников — и только их — умереть в Боге и приготовиться к непосредственному пришествию Царства Небесного и Мессии. У Марка (13:6–27) мы имеем слова Иисуса, которыми описаны условия неминуемой мировой катастрофы. У Марка (9:1), у Матфея (16:28) и у Луки (9:27) Иисус выражается об этом языком необычайной ясности: *Amen dico vobis, quia sunt quidam de hic stantibus, qui non gustabunt mortem, donec videant regnum Dei veniens in virtute* [«Истинно говорю вам: есть некоторые из стоящих здесь, которые не вкусят смерти, как уже увидят Царствие Божие, пришедшее в силе»]. Поэтому понятно, что Иисус при подобных основных понятиях считал второстепенным предметом всё, что не имело прямого отношения к близкому концу. Всё для него есть приготовление к концу, все люди должны были готовиться к нравственному очищению в предвидении близкой неизбежной встречи с Творцом, который отделит добрых от

дурных, праведных от злых. Христианство было поэтому вначале скорее приготовлением к смерти, чем к жизни.

Магомет начал свою проповедь с теми же склонностями, которые свойственны всем гонимым религиям. Подобно тому как христианство, когда из гонимой религии стало торжествующей государственной религией, оставило неудобный тезис о конце мира и принялось жить с характерной энергией, так и Магомет, увлечённый обстоятельствами совершенно иной жизни и среды, когда из гонимого проповедника стал царствующим государем, тоже оставил пессимистическое понятие о конце мира и призвал последователей не умирать, а жить. Поэтому уже Магомет должен был входить в подробности человеческой жизни, которых Иисус ни на миг не принимал во внимание, ибо имел перед глазами совсем иные цели. Иными словами, можно сказать, что ислам в течение самой жизни своего основателя преждевременно прошёл целую фазу, которую христианство преодолевало три с половиной века.

Установив таким образом это первое основное различие, делающее невозможным всякое сравнение достоинств обеих вер, перейдём теперь ко второму пункту, имеющему прямое отношение к предмету настоящего отступления.

После исчезновения Иисуса апостолы и последователи имели те же основные начала, что и последователи Магомета. Они решили то есть сохранять со скрупулёзной точностью и с той страстью к мелочам, которая свойственна особенно азиатским народам, соблюдение учений, проповеданных Учителем, и, толкуя их в самом узком и ограниченном смысле, апостолы стремились сделать из христианства иудейскую секту. Так мы имеем в истории христианства тот печальный, тёмный и бесплодный период между исчезновением Иисуса и внезапным появлением величественной фигуры Павла, животворящего гения христианства, того, кто с неслыханной смелостью сокрушил многовековые иудейские националистические предания и уничтожил искусственные узы, созданные апостолами, людьми широкого сердца, но ограниченного ума. Павел истолковал христианство по-своему и, освободив его от величайшей угрожавшей ему опасности, придал ему ту свободу движений, которая должна была обеспечить ему господство над цивилизованным миром: он первым объявил христианство всеобщей религией. Он оторвал христианство от иудейского корня и пустил его свободным по миру начать своё грандиозное развитие ко всё более высоким целям, всегда способное к новым успехам. Гениальный почин Павла был тем, что в конце концов произвёл в XVI веке, с протестантской реформой, плодотворнейшее возрождение истинного христианского духа.

Ислам не был так счастлив: никто из последователей Магомета не обладал возвышенным мужеством или гением Павла: они взяли букву, а не дух учений Магомета и, ослеплённые особой формой, в которой Пророк закреплял свои распоряжения, они, а не Магомет, начали кристаллизацию ислама, обрекши его оставаться верой сильной, правда, но первобытной, которая и ныне держит в своих узах около шестой части человечества[447].

[447] И у ислама были свои реформы, самой знаменитой и самой новой из которых была реформа ваххабитов в Центральной Аравии в середине XVIII века. Чрезвычайно интересно, однако, заметить, что все реформы, имевшие наибольшую жизненность и успех, были те, что с наибольшей силой возвращались к древнему

Но если последователи в известной мере ответственны за направление, принятое исламом, тем не менее из любви к справедливому и истинному следует признать, что их дело было наилучшим возможным при обстоятельствах момента; и равным образом мы должны признать, что, если бы они действовали иначе, исламская теократия, по крайней мере в своих политических сторонах, умерла бы в колыбели.

Источники о событиях мусульманского завоевания Аравии в 11 и 12 гг. х.

§ 70. — Хотя критику источников настоящих *Анналов* мы откладываем до особого труда, невозможно уклониться от самого краткого упоминания о происхождении и относительной ценности тех из них, которые служили нам в последующем составлении.

Древнейших и важнейших исторических сочинений, которые можно ныне привлечь о событиях, непосредственно последовавших за смертью Пророка, три: аль-Йа‘куби [около 278 г. х.], затем аль-Балазури [† 279 г. х.] и, наконец, Табари [† 310 г. х.][448]: последний, хотя и самый поздний, даёт нам гораздо более обильный материал, чем прочие, и имеет особую ценность, ибо всегда с точностью указывает источники, из которых черпал, тогда как Балазури, черпая, быть может, из лучших источников, почти всегда опускает их указание и тем весьма затрудняет отбор его известий на хорошие, посредственные и дурные. Этот недостаток, или пробел, в повествовании Балазури тем более достоин сожаления, что Табари по не вполне ясным причинам питал особое пристрастие к полуисторическим, полуроманическим преданиям иракской школы (Сайф б. Умар). Можно сказать, что это пристрастие Табари — одно из величайших несчастий для познания мусульманской истории, ибо этот великий летописец жил в век, когда все лучшие источники были ещё доступны, и он мог бы дать нам и сохранить исторический материал величайшей ценности. Пример, данный Табари, имел также прискорбные следствия для позднейших летописцев, которые почти все с рабским подражанием держались его примера и, быть может обманутые славой великого историка, списывали его текст и пренебрегали лучшими источниками, когда те были ещё отчасти доступны; это роковое предпочтение иракских преданий имело прискорбное следствие, что драгоценные сочинения мединской исторической школы о Ридде и о завоеваниях почти все утрачены. Вероятно также, что леность историков последующих времён побуждала их предпочтительно пользоваться великой компиляцией Табари, удерживая от новых и собственных разысканий в других источниках. Единственным и драгоценным исключением является испанский историк Ибн Хубайш [† 584 г. х.], который в своей «Китаб аль-Газават», хотя и гораздо более поздний, чем Табари, имел здравый смысл воспользоваться тем, что было, быть может, единственным хорошим и надёжным источником по истории Ридды, то есть драгоценным сочиненьицем «Китаб ар-Ридда» аль-Вакиди [† 207 г. х.], которым мы более не обладаем. Мы не знаем, однако, какую часть этого сочиненьица он опустил,

понятию Абу Бакра и Умара, то есть к отрицанию всякого новшества, всякого прогресса, и были выражениями самой абсолютной и слепой реакции и стремления педантично соблюдать обычаи, которым следовал Пророк в VII веке. Такова природа людей, принявших ислам: естественно поэтому, что их вера собирает в себе все их недостатки.

[448] Особая ценность этих трёх авторов состоит в том, что все они черпали непосредственно из первоначальных источников и независимо друг от друга. Первый, аль-Йа‘куби, к сожалению, весьма краток и пропитан шиитскими предвзятостями.

предпочтя пользоваться другими источниками, среди которых он приводит один, до сих пор неизвестный, — «Книгу» Йа‘куба б. Мухаммада аз-Зухри [† около 220 г. х.][449] — и другой, несколько более известный, «Книгу» Йахьи б. Са‘ида аль-Умави [† 179 или 194 г. х.][450]. Каков был особый предмет этих двух сочинений, мы не знаем, ибо оба утрачены, а первое из них не упоминается ни одним другим источником. Вероятно, однако, что они повествовали о политических событиях ислама начиная со смерти Магомета. Во всяком случае очевидно, что это два хороших и весьма древних источника: отрывки, сохранённые из них Ибн Хубайшем, имеют большую ценность и дополняют и освещают многие тёмные места и многие пробелы текста Табари.

О прочих источниках, которыми мы пользовались, не стоит особо упоминать, ибо все они, одни больше, другие меньше, для истории Ридды довольствовались текстом Табари, приспосабливая его на свой лад и выбирая из этого драгоценного собрания то, что им более нравилось, не различая относительной ценности различных известий. Нового они дают нам мало или ничего.

Ридда по не вполне ясным причинам осталась всегда весьма неясной и тёмной исторической фазой, и предания иракской школы, которые мы находим у Табари, все сильно искажены позднейшими националистическими склонностями, стремившимися скрыть истину. Мы только что упрекнули Табари за его пагубное пристрастие к исторической школе, представленной Сайфом; но, с другой стороны, мы должны из любви к истине признать, что, насколько нам известно, первоначальных источников о Ридде всегда было мало. По-видимому, эта краткая и кровавая фаза внутренней истории Аравии не привлекала сочувствия позднейших поколений, когда, сколь ни живо было исламское религиозное чувство, не встречало благосклонности прославление ислама за счёт сильнейшего национального чувства и гордости. В самом деле, единственный подлинный историк Ридды, которым мы обладаем почти целиком, Сайф б. Умар, автор «Китаб ар-Ридда ва-ль-Футух» (ср. De Goeje, *Mém. sur le Fotouh’s-Scham*, прил., с. III), был членом рода тамим, то есть того племени, которое меньше всех прочих пострадало от последствий кровавого конфликта и потому могло вспоминать о нём, не подвергаясь жгучим унижениям у потомков. Сайф б. Умар сумел к тому же ещё более смягчить то, что могло оскорбить чувства его единокровных.

§ 71. — Поэтому мы можем утверждать, что Табари не располагал в своё время большим обилием источников, и нас не должно удивлять, если его выбор пал на один из менее хороших, как на тот, который давал большое обилие подробностей и лучше прочих скрывал вины и ошибки арабов.

Нам, например, не известно, чтобы Ибн Исхак оставил какую-либо запись о Ридде (ср. Wüstenfeld, *G. A.*, № 28; *Фихрист*, с. 92)[451]. Сам аль-Вакиди, составивший столько исторических сочинений (ср. Wüstenfeld, *G. A.*, № 43; *Фихрист*, с. 98), оставил, по-

[449] Об этом авторе почти ничего не известно. Нам известно лишь, что он был одним из учителей Абу Йа‘куба Исхака б. Аббада б. Мусы аль-Хаттали аль-Багдади [† 251 г. х.], и потому должен был процветать около 220 г. х. (Якут, II, с. 403, стр. 10–11).

[450] Об этом писателе ср. Кутайба, с. 267; Захаби, VI, с. 77; *Махасин*, I, с. 563; Хаджжи Халифа, V, с. 617, № 12164. Его сочинение «аль-Магази» часто приводится Ибн Хаджаром (ср. Хаджар, I, с. 770; II, с. 1507, 1114, 1221 и т. д.; ср. также Wüstenfeld, *G. A.*, № 38). Он должен был написать и книгу о Ридде, ибо та, что упоминается Хаджжи Халифой, трактовала лишь о походах Магомета.

видимому, лишь одно сочинение на этот предмет, а именно «Китаб ар-Ридда ва-д-Дар»[452], упоминаемое в *Фихристе* (с. 99, стр. 2): впрочем, неизвестно, следует ли считать его отдельным сочиненьицем или заглавием раздела, или главы, более крупного исторического труда. Остаётся фактом, что это сочинение аль-Вакиди не приводится ни в одном печатном историческом труде (кроме Хаджара, насколько мне известно, лишь в двух местах: III, с. 66, стр. 15; IV, с. 198, стр. 19). Один лишь Ибн Хубайш широко им пользовался, хотя и в скупой мере: во всяком случае, он — единственный известный летописец, который пользуется авторитетом аль-Вакиди для событий Ридды.

Добавим к тому же, что прочие знаменитые историки, менее удалённые от великого события, которое нас занимает, как аль-Хайсам б. Ади [† 207–209 г. х.] и Абу Убайда Ма‘мар [† 209 г. х.] (ср. Wüstenfeld, *G. A.*, № 44 и 45; *Фихрист*, с. 53 и 59), тоже не оставили, насколько нам известно, особых сочинений о Ридде, хотя список заглавий их трудов содержит более ста пятидесяти различных заглавий.

Можно было бы заметить, что Табари должен был знать сочинение Усаймы б. Мусы [† 237 г. х.], озаглавленное «Китаб ар-Ридда» и трактовавшее исключительно об отступничестве арабов в 11 г. х., — сочинение весьма известное и цитируемое даже во времена Ибн Хаджара [† 853 г. х.] (ср., напр., Хаджар, т. I, с. 762, 768, 775, 776 и т. д.; III, с. 383, 385, 706, 740 и т. д.). Но по неизвестным причинам Табари не упоминает его ни разу.

Из сочинений аль-Мадаини [† 215, или 225, или 231 г. х.] (ср. Wüstenfeld, *G. A.*, № 47, и *Фихрист*, с. 101–104) несколько касались отступничества арабов, и из них изредка черпал Абу-ль-Фарадж аль-Исфахани [† 356 г. х.] в своей знаменитой «Китаб аль-Агани» (ср., напр., XII, с. 155, стр. 30), но и этим автором Табари по столь же неизвестным причинам пользуется весьма редко (ср. I, с. 1868, стр. 12; с. 1870, стр. 2). Так же было и с Ибн аль-Кальби [† 146 г. х.], который тоже оставил много известий о Ридде (ср. I, с. 1887, стр. 11; с. 1888, стр. 11 и 15; с. 1889, стр. 4, 6, 9; с. 1890, стр. 2; с. 1906, стр. 13; с. 1919, стр. 5).

Все печатные источники, которыми мы пользовались для составления преданий о Ридде, восходят по большей части к Сайфу б. Умару: исключение составляет лишь Балазури [† 279 г. х.], который, как видно, черпал из иных и более древних источников. К сожалению, при повествовании о событиях — кроме некоторых частных известий — он не указывает своих источников, а довольствуется их изложением, предпосылая простое «сказали» (*калу*) (ср. Балазури, с. 86, 94, 100, 105). Его известия носят, однако,

[451] Немногие цитаты из Ибн Исхака у Табари (I, с. 1850, стр. 10; с. 1903, стр. 14; с. 1905, стр. 3; с. 1906, стр. 11; с. 1927, стр. 7) все носят характер биографических эпизодов о современниках Пророка, а не исторических известий о Ридде.

[452] Неясно, на что намекает слово «ад-Дар», то есть дом оседлых арабов. Единственное возможное объяснение — что оно относится к событиям, приведшим к убийству халифа Усмана в его собственном доме в Медине в 35 г. х. и обнимавшимся затем обычно под именем «Йаум ад-Дар» (ср. Хаджар, III, с. 404, стр. 20; *‘Икд*, I, с. 180, стр. 24; Халдун, *Пролегомены*, I, 422, прим. 3). Непонятно, однако, какая органическая связь могла существовать между событиями 11 г. х. и событиями 35 г. х., ибо единственная общая точка — мятеж против центральной власти в Медине. Если это предположение верно, вероятно, содержанием названного сочиненьица было собрание преданий и сравнение двух событий: или же заглавия двух различных сочинений слились по ошибке переписчиков в одно.

все правдивый и надёжный отпечаток мединской исторической школы, о которой мы скоро будем говорить.

Соображения места не позволяют нам глубже входить в рассмотрение источников о Ридде в настоящем труде. Это упоминание должно служить лишь предупреждением, что мы вступаем теперь в весьма тёмный период мусульманской истории. Мы сделали всё возможное, чтобы пролить на него свет: читатель рассудит, удалось ли нам это.

Хронология событий Ридды (11 г. х. — 13 г. х.)

§ 72. — Прежде чем подробно изложить предания о событиях, последовавших за смертью Магомета, необходимо кратко рассмотреть трудную проблему хронологии этого периода и обосновать порядок, данный нами материалу.

Тогда как в ходе военных походов Пророка мы находим обильнейшие хронологические известия, которые позволяют нам устанавливать почти месяц за месяцем его занятия и военную деятельность мусульман, как только Магомет перестаёт жить, мы обнаруживаем в преданиях существование большого хронологического пробела, несовершенно заполненного смутными косвенными указаниями, на которые можно весьма мало полагаться, ибо они весьма неопределённы и часто несогласны между собой, хотя в тот краткий период так называемой Ридды, или отступничества племён, произошли великие битвы и события высочайшего исторического значения. Здесь не место глубоко рассматривать причины этого пробела в источниках, ибо предмет немало сложен и заставил бы нас глубоко войти в запутанный вопрос об исторических источниках этого периода — предмет, который мы рассмотрим в другом труде. Подводя итог, мы можем, однако, сказать, что среди причин пробела в этом месте нас более всего интересуют следующие четыре.

(1) Так называемая Ридда, или восстание племён, была, как вполне понятно, по самой природе конфликта, предметом, лишь частично привлёкшим внимание систематических летописцев и хронологических упорядочивателей преданий (в первую очередь среди них — аль-Вакиди). Они предпочли сосредоточить все изыскания и всю учёность на мединском жизнеописании Пророка и на славных завоеваниях вне Аравии, пренебрегая кровавым позором великой борьбы исламской Аравии против Аравии языческой.

(2) Второй определяющей причиной пробела является злосчастное предпочтение, проявленное, к сожалению, Табари (нашим главнейшим источником для этого периода) к преданиям Сайфа б. Умара, который, одержимый пылким воображением романиста и лишённый холодного и критического ума историка, с систематическим равнодушием пренебрегал строгими хронологическими узами. Стремясь прежде всего развлечь своего читателя (или слушателя) и дать ему грандиозную и чарующую картину славных событий, приведших арабов к завоеванию мира, он совершенно пренебрёг исторической истиной и хронологическими мелочами как сухими и неудобными помехами драматическому и нередко искусственному развитию своего тезиса. Далее, в

хронологии завоеваний, нам, к сожалению, придётся воочию убедиться в пагубном влиянии Сайфа на историю и хронологию первого периода завоеваний.

(3) Мусульманская эра была установлена Умаром лишь в 17 или 18 г. х. (ср. 1 г. х., §§ 1 и сл.). Патриархальный обычай датировать факты лишь числом месяцев, прошедших от Бегства, мог, быть может, сохраняться в течение десяти лет мединской жизни, когда события следовали по отдельности и было легко сохранить память об их хронологическом порядке. Сколько было сподвижников Магомета, столько было и свидетелей почти всех событий; отсюда возникло некоторое единообразие преданий, весьма полезное разысканиям летописцев. Затем, по смерти Магомета, налетел возмущающий циклон восстания 11 г. х., за которым непосредственно последовал судорожный бред великих завоеваний. Сцена событий расширилась от скромного мединского поля сначала до необъятного Аравийского полуострова, а потом до всей Передней Азии. Великие события развёртывались одновременно в местах, отстоящих на тысячи миль одно от другого, от южной оконечности Аравийского полуострова до границ Сирии, и с такой головокружительной быстротой и с такими чудесными последствиями, что смущали ум самих современников, которые, не имея точной нормы для установления дат, не оставили потомкам никакого надёжного хронологического известия. Большинство дат, которые мы имеем для всего этого периода, вычислены *a posteriori* хронологами, а не переданы участниками драмы. Поэтому велики были трудности, встреченные систематическими летописцами, даже столь тщательными и мелочными, как аль-Вакиди, при распределении во временном порядке событий после смерти Магомета, тогда как упорядочение известий о жизни Пророка было делом сравнительно лёгким.

(4) Наконец, ещё прежде, чем в Аравии кончились междоусобные войны племён вследствие Ридды, начались мусульманские набеги и за пределы границы, в Персию; Халид б. аль-Валид вторгся в Ирак, когда в Южной Аравии ещё пылала братоубийственная война живее, чем когда-либо. Когда же внутренние конфликты окончились и вся мусульманская Аравия хлынула за Евфрат и Сирийскую пустыню, уже с первых времён завоеваний поток бедуинов-захватчиков разделился по географической необходимости на два чётко различимых течения: то, что обрушилось на персов в Вавилонии, и то, что ворвалось к грекам в Сирию. Оба вторжения совершались совершенно различными племенами, и, за весьма немногими исключениями, те, кто сражался в Персии, никогда не ступали ногой в Сирию, и наоборот. Оба потока действовали независимо друг от друга и весьма редко по общему плану или под единым руководством. Отсюда ошибки, путаница и противоречия преданников и, следовательно, абсолютная невозможность органически и правильно упорядочить всё спутанное вавилонское столпотворение неточных и несогласных известий[453].

[453] Такова запутанность хронологической проблемы, что большинство западных историков даже не пыталось её разрешить и спокойно успокоилось на ошибках восточных летописцев, скромно оставляя в стороне всякую трудность.

- Вейль, например (ср. I, 10–37), рассказывает всю Ридду и первую кампанию в Ираке, не давая ни одного хронологического указания, кроме утверждения, что Халид выступил из Ямамы к персидской границе в мухарраме 12 г. х. И он, и Мьюр (*Annals*, 17–65) совершают серьёзную ошибку, включая все события Ридды в 11 г. х. И Мюллер (I, 177–183) впадает в ту же ошибку: он относит, например (ср. с. 181), умиротворение Йемена к концу 11 г. х., что совершенно ложно, как будет видно из фактов, собранных в следующем параграфе. Даже тщательный и проницательный Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, VI, 37) помещает всю Ридду в 11 г. х. и вскользь намекает на некоторые события 12 г. х., но не придавая им никакого значения. Необходимость исправить эти и другие ошибки фактов и понятий заставила меня обратить на события Ридды особое внимание и сделать из них полное и, надеемся, окончательное исследование.

§ 73. — Эти и другие, ещё более частные причины, на которых здесь не место останавливаться, — среди прочих, например, склонность в позднейшую эпоху превращать историю завоеваний в причудливый героический роман: Псевдо-Вакиди и т. д., — породили самую неразрешимую хронологическую путаницу в мусульманских летописях начиная с 11 г. х., создав, быть может, самую трудноразрешимую проблему во всей истории ислама.

Ограничивая пока наше изучение событиями так называемой Ридды, полезно будет сначала собрать и рассмотреть немногие хронологические данные, которые удалось подобрать в мешанине анекдотов, рассказанных в следующих параграфах, стараясь соединить их в органическое целое и установить их порядок и приблизительные временные пределы. Так мы предпримем попытку восстановить скелет, к которому позднее прибавим мясо и мякоть.

Для событий 11 г. х. нашей отправной точкой является смерть Магомета, последовавшая почти наверняка 13 раби I, хотя эта дата оставляет место некоторой неопределённости и хотя многие события, которые преданники тенденциозно связали со смертью Пророка, отнеся их на время после неё, независимы от неё и даже предшествуют ей. Почти все антиисламские движения, которые были попытками не вернуться к старой вере, а освободиться от политического влияния Медины и курайшитов, начались ещё до смерти Магомета: предание же, желая отвести подозрение, что он терпел существование так называемых лжепророков, старалось поместить появление последних, насколько возможно, после его смерти. Верно, однако, то, что весть о том, что Пророка больше нет, нарушила неустойчивое равновесие аравийских партий, расшатав силы мусульманской партии и разжегши враждебность антимединских партий. Всё огромное недовольство, которое ползло по полуострову, внезапно вышло наружу с величайшей силой: угли, скрытые под пеплом, вспыхнули жарким пламенем. Оставляя пока хронологическое рассмотрение фактов каждой отдельной области, мы ограничимся на время установлением порядка и времени событий, которые нас более всего интересуют, то есть военных действий Халида б. аль-Валида, составляющих для нас хребет, основной костяк всей хронологии 11 г. х. Элементы, с помощью которых мы можем восстановить хронологию настоящего года,

суть следующие, которые для большей ясности мы даём ниже под последовательными номерами.

(1) Магомет умер в первые дни (13-го) месяца раби I (ср. §§ 33–35).

(2) Выступление Усамы из лагеря в аль-Джурфе во второй поход на Му’ту произошло, по аль-Вакиди, 1 раби II (Вакиди — Велльхаузен, с. 436). Другие относят его, напротив, к последним дням раби I, что менее вероятно.

(3) Продолжительность похода была, говорят, либо 35 (Вакиди — Велльхаузен, с. 436), либо даже 70 дней (ср. §§ 111 и 112).

(4) Поэтому возвращение людей Усамы в Медину следует относить к течению месяца джумада I, и предпочтительно к его концу или даже позднее (ср. § 112, где сказано, что Усама вернулся в джумада II), если принять в расчёт большое расстояние от Медины (2000 километров туда и обратно) и различные операции, совершённые Усамой.

(5) После возвращения Усамы, и следовательно, вероятно, к середине или концу джумада II, если не позднее, последовало дело при Зу-ль-Кассе.

(6) Отдых, который следовало дать войскам, вернувшимся из Сирии, и приготовления к новому походу против асад и гатафан должны были занять некоторое время, так что Халид не мог выступить с войском ранее конца того же месяца джумада II: вероятно, однако, что этот период был ещё дольше и что выступление следует относить к первым числам раджаба, если не ещё позднее[454]. Из одного предания, приводимого ниже, можно было бы заключить, что Халид выступил 27 джумада II.

(7) Поход Халида к аль-Бузахе — в сердце Неджда — с небольшими неудачами, понесёнными мусульманами, которые потребовали переговоров с тайй и отклонения на север, чтобы добиться их содействия, не мог длиться менее месяца, и битва при аль-Бузахе против асад и гатафан можно с некоторой уверенностью отнести к концу раджаба или к началу шаабана (Са‘д, III, ч. I, с. 64, стр. 11, относит эту битву к 12 г. х.!).

(8) Мы знаем, что Халид задержался в аль-Бузахе около месяца, совершая походы в окрестные края, чтобы завершить подчинение племён области; и так мы должны прийти приблизительно к концу месяца шаабан. Возможно поэтому, что Халид не двинулся из аль-Бузахи раньше рамадана.

(9) После остановки в аль-Бузахе у нас следующие события, которые должны были длиться немалое время: многочисленные мелкие походы против различных групп мятежников в центре полуострова, вторжение в страну тамим, остановка в лагере в аль-Бутахе, поездка Халида в Медину, чтобы оправдаться в убийстве

[454] Если же, как мы считаем несомненным (ср. § 74, прим. 2), битва при Ямаме произошла в первые три месяца 12 г. х., выступление Халида из Медины могло произойти и позднее, или же кампания в Центральной Аравии велась с большой медлительностью. Отсюда мы неизбежно выносим впечатление, что в Медине, как только Абу Бакр был провозглашён халифом, исчезло всякое чувство тревоги перед внешними опасностями. То, что Медина находилась в опасности, есть, несомненно, раздувание позднейшей эпохи, когда хотели увеличить славу первых мусульман и окрасить ещё более драматическими красками начало выборного халифата и периода великих завоеваний.

Малика б. Нувайры и получить разрешение вторгнуться в Ямаму, возвращение Халида в лагерь в аль-Бутахе, его остановка в этом месте в ожидании прихода подкреплений из Медины, всё время, потребовавшееся на сбор подкреплений и отправку их до аль-Бутаха, наступление против лжепророка Мусайлимы, победа при Акрабе и подчинение ханифа. Принимая в расчёт столько разнообразных событий и их сложную и трудную природу, всё названное не могло, по всей вероятности, длиться менее двух или трёх месяцев, если предположить (что маловероятно), что всё происходило с величайшей поспешностью и без каких-либо помех и остановок, столь частых и естественных во всякой большой военной операции: в последнем случае период стал бы ещё гораздо длиннее, быть может, пять или шесть месяцев, как казалось бы из других данных, которые мы приведём ниже. Из этих расчётов мы считаем себя вправе прийти с подчинением ханифа не ранее конца 11 г. х. и почти с абсолютной уверенностью к началу 12 г. х. (январь — март 633 г. н. э.) (ср. следующий параграф, прим. 2). Выражение, дважды повторённое в преданиях Сайфа (ср. также Халдун, II, прил., с. 76, стр. 1), что после битвы при Акрабе было уже время глубокой зимы, то есть месяцы декабрь и январь, склоняло бы, быть может, к подтверждению наших предыдущих расчётов. Тем не менее выражение, употреблённое Сайфом, не только неопределённо и подозрительной подлинности, но и образ и повод, в которых оно встречается, неясны и не оправданы (Табари, I, с. 1954, стр. 2 и 17). Поэтому я счёл бы позволительным не принимать одного лишь авторитета Сайфа в слишком точном смысле: он питает отвращение к исторической точности и весьма часто и охотно жертвует ею ради драматического колорита. И Велльхаузен отвергает как ложное утверждение Сайфа (*Sk. u. Vorarb.*, VI, 37). В самом деле, известия, извлечённые из свидетельства других надёжных источников, не только вполне подтверждают наши предыдущие расчёты, но заставляют думать, что кампания против восставших арабов длилась дольше, чем вытекает из наших слишком скупых расчётов.

§ 74. — Наши предыдущие расчёты находят весьма веское подтверждение в известии, данном превосходным источником, который всегда из всех заслуживает величайшего доверия, то есть Ибн Исхаком. У Табари (I, с. 1976, стр. 4) мы читаем: «Сказал Абу Джа‘фар (ат-Табари): существует расхождение мнений о хронологическом порядке событий (*ma’pux*) войны этих мусульман (он намекает то есть на мусульман, завоевавших Южную Аравию); сказал Ибн Хумайд, от Саламы, от Мухаммада б. Исхака: завоевание (*фатх*)[455] Ямамы, Йемена и Бахрайна, а также отправка войск в Сирию произошли в 12 г. х.».

Ср. также Асир, II, с. 284; Балазури, с. 90, стр. 16.

Нашими предыдущими расчётами мы пришли к заключению, что победа Халида над Мусайлимой в кровавой битве при Ямаме должна приходиться на конец 11 г. х. или, скорее, на начало 12 г. х.: теперь из этого указания Ибн Исхака мы видим правильность наших сомнений, а именно, что военные операции Халида потребовали

[455] Достойно внимания, что Ибн Исхак причисляет эту часть аравийской кампании к «завоеваниям» (*аль-футух*), как будто и он признаёт, что это не случай подавления мятежа, а настоящее завоевание.

ещё большего времени и что победу при Ямаме можно даже отнести к первой половине (быть может, к сафару или раби I) 12 г. х. Это ясно утверждается также таким числом хороших источников, что не оставляет тени сомнения[456].

Правда, против этого известия стоит прямое утверждение Абу-ль-Хасана аль-Мадаини (от Абу Ма‘шара), поддерживаемое также другими, меньшими преданниками (Табари, I, с. 1976, стр. 7–11), что все военные дела Ридды развернулись в 11 г. х. Но авторитет Ибн Исхака бесспорно превосходит все прочие, как мы часто замечали в предыдущих параграфах и как нам не раз придётся установить в ходе *Анналов*. Если к этому прибавить логические требования наших предыдущих наблюдений, мы должны прийти, я думаю, к верному заключению, что кампания против Ридды в Аравии не может за абсолютным недостатком времени быть вся включена в 11 г. х., а что Южная Аравия была покорена лишь в течение 12 г. х., а быть может, отчасти и в 13 г. х.[457]

И другие весьма веские соображения косвенно подтверждают, что подчинение Южной Аравии не было завершено до начала завоеваний в Персии и Сирии. Логика фактов требовала бы, чтобы после изумительных побед, одержанных над мятежниками в битвах при аль-Бузахе, Зафаре и Акрабе, тот полководец, который проявил столь высшую доблесть в командовании, был поставлен и во главе остальной кампании в Аравии. Логично ли, чтобы Халид после Акрабы многие месяцы оставался со всем своим войском в Ямаме, бездеятельно ожидая, пока другие соберут славные лавры и огромную добычу? Почему бы он не двинулся на Персию иначе как тогда, когда другие закончили бы завоевание Южной Аравии? Но этого мало: из преданий не видно, чтобы Халид оставался бездеятельным в Ямаме. Мы знаем, что он в течение недолгого времени в 12 г. х. содействовал подчинению аль-Хатта, или прибрежной области Бахрайна, откуда был отозван халифом, чтобы предпринять вторжение в Персию. Для своих храбрых воинов он имел на недалёком расстоянии поле действий и добычу бесконечно более богатую, чем сухие пустыни Южной Аравии: у него под рукой были плодородные равнины и богатые города Вавилонии, лежавшие почти без защиты во власти смелой и быстрой шайки грабителей. Халид, победив Мусайлиму, немедленно начал вторжение в Персидскую империю. Сам Сайф (Табари, I, с. 2016, стр. 2) утверждает, что Халид, как только завоевал Ямаму, получил приказ вторгнуться в Ирак: предание, подтверждаемое аль-Вакиди (Табари, I, с. 2016, стр. 11). Наконец, Умар б. Шабба (Табари, I, с. 2016, стр. 6–10) относит выступление Халида в Персию к мухарраму 12 г. х.

Такое согласие мнений приводит нас к уверенности, что Халид, как только победил Мусайлиму, и после краткого набега на Бахрайн бросился на богатые равнины Вавилонии и что это произошло в первой половине 12 г. х., быть может, между раби II

[456] Йа‘куби, II, с. 147, стр. 6, относит убийство Мусайлимы к раби I 12 г. х. (май — июнь 633 г. н. э.).

[457] Балазури, с. 84, стр. 20, прямо утверждает, что восстание в Бахрайне не было ещё подавлено в 12 г. х. и что аль-Аля ещё осаждал мятежный город аль-Хатт в Бахрайне, когда Халид начал в 12 г. х. вторжение в Персию. Якут (II, с. 537, стр. 20–21) относит к 12 г. х. взятие Дарина (Бахрайн), к тому же году — взятие Сухара (Оман) (Якут, III, с. 369, посл. стр.) и замка ан-Нуджайр в Хадрамауте (Якут, IV, с. 762, стр. 12–13). У Захаби (Парижская рукопись, I, л. 117 об.) есть предание Ибн Исхака, согласно которому битва при Джуваса и завоевание Омана произошли в 12 г. х. У Балазури, с. 85, стр. 12 и сл., читаются, наконец, разные драгоценные известия, из которых видно, что в 13 г. х., а быть может, и в 14 г. х. ещё сражались с «отступниками» в Бахрайне.

и раджабом. С другой стороны, если мы рассмотрим связь преданий о завоевании Южной Аравии, мы можем прийти лишь к одному заключению, а именно, что все эти события последовали после битвы при Ямаме; а поскольку последняя произошла, несомненно, в 12 г. х., все прочие события Бахрайна, Омана, Махры, Хадрамаута и последние события Йемена должны поэтому по необходимости приходиться все не ранее 12 г. и отчасти даже на 13 г. х.

Битва при Ямаме отнесена к 12 г. х. также у Якута, IV, с. 1027, стр. 16–17; *Танбих*, с. 286, стр. 7; Хаджар, II, с. 828, стр. 9; с. 1186, предпосл. стр.; III, с. 704, посл. стр., и постоянно у Са‘да во всех многочисленных упоминаниях о битве (ср. III, ч. I, с. 60, стр. 1; с. 275, стр. 19 и т. д.). Ср. также Балазури, с. 84, стр. 18 и сл.; с. 94, стр. 3 и сл.; с. 98, стр. 14–15; с. 219, стр. 24–25 и т. д.

В длинном описании битвы при Ямаме, приписываемом самому Халиду б. аль-Валиду, сказано, что ночь перед битвой была очень холодной (Хубайш, л. 13 об.). Это известие не может быть истолковано как указание на зиму.

§ 75. — Существует, кроме того, внутренняя причина, объясняющая нам, как возникла мысль, что всё развитие Ридды следует заключить в пределах 11 г. Арабские летописцы, исходя из твёрдого (и ошибочного) предубеждения, что вся Аравия была подвластна Магомету и почти полностью обращена в ислам в момент смерти Пророка, хотели изобразить нам все военные операции так называемой Ридды как законное восстановление права и как возвращение утраченного. Из этих предпосылок они пришли к тому, чтобы рассматривать все военные дела великого конфликта так, как если бы они были приказаны и направлены из Медины, обходя поэтому скромным молчанием истинный облик этой братоубийственной борьбы. Между тем, за исключением, разумеется, кампании Халида от аль-Бузахи до Акрабы, переворот 11 г. был самопроизвольным движением антиисламской реакции и мусульманской контрреакции, вспыхнувшим в различных провинциях не по воле мединского правительства, а вследствие местных условий. Кроме значительной части Центральной Аравии и незначительной части Йемена, вся остальная часть полуострова, покорённая мусульманским оружием при халифате Абу Бакра, была прежде фактически независима от Магомета, и потому борьба не может быть определена как подавление мятежа, но как чистая и подлинная завоевательная война. Этот основной факт совершенно ускользнул от летописцев, которые хотят, чтобы в Аравии была лишь *Ридда*, или отступничество, а *аль-Футух*, или завоевания, начались лишь тогда, когда Халид перешёл границы Аравии и вступил в Персию.

Из совокупности этих ошибочных предпосылок преданники заключили, что по различным логическим, политическим и стратегическим причинам необходимо считать Ридду совершенно подавленной, прежде чем Абу Бакр мог подумать о завоеваниях за аравийскими пределами. Но так как первый набег на Персию произошёл уже в начале 12 г. х., летописцы пришли к заключению, что вся Ридда родилась и умерла в пределах 11 г. х. и что *аль-Футух* начались непосредственно вслед за ней. Восстанавливая теперь правильную хронологию Ридды, мы находим, напротив, что в своей последней части она была одновременна с началом *аль-Футух*, и всё это представляется нам простым и

естественным, когда мы вспоминаем, что события в Южной Аравии никоим образом не могли стеснять действий халифа, ибо, как мы увидим, там, в Южной Аравии, не было ни одного мединского воина, сражавшегося за дело ислама.

§ 76. — Так как нам предстоит теперь рассказать со всеми дошедшими до нас подробностями о различных фазах Ридды, или отступничества племён, необходимо будет точно установить хронологический порядок, данный нами материалу, ибо многие события происходили почти одновременно в самых различных областях Аравии, не имея между собой никакой связи. Поэтому невозможно дать о них синхронное и непрерывное повествование, и нужно будет разделить материал по областям, в которых развёртывались события. Географическое и хронологическое распределение материала будет следующим.

В 11 г. х. мы поместили:

(1) Мятежные движения в окрестностях Мекки и Таифа и их подавление; (2) Поход Усамы б. Зайда к границам Сирии; (3) Восстание в Центральной Аравии и столкновения с мятежниками в окрестностях Медины; (4) Кампанию Халида против мятежников Центральной Аравии (асад и тамим); (5) Йемен до смерти Пророка; (6) Восстание и убийство аль-Асвада аль-Анси.

В 12 г. х. мы рассказываем, напротив:

(1) Завоевание Ямамы; (2) Завоевание Южной Аравии; (3) Конец смут в Йемене; (4) Кампанию Халида в Ираке; (5) Отправку первых мусульманских войск в Сирию.

Установив таким образом хронологию, нам остаётся лишь кратко рассмотреть источники этого периода и непосредственно следующего, чтобы определить их относительную ценность, дабы можно было ясно разобраться в клубке противоречивых известий, с которыми мы теперь сталкиваемся в ходе наших изысканий.

Общие соображения об относительной ценности преданий об арабских завоеваниях

§ 77. — Дойдя до начала так называемого «Отступничества племён» (*ар-Ридда*), с которым тесно связан знаменитый период *аль-Футух*, то есть мусульманских завоеваний за пределами Аравии («Gesta Dei per Arabes», как удачно определил их Велльхаузен, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 4, прим. 2), необходимо, прежде чем изложить в систематической форме исторический материал по этому предмету, предпослать несколько кратких замечаний о порядке, данном преданиям, и об общих понятиях, которыми вдохновлялась наша критика их.

В первоначальных источниках, повествующих о появлении арабов на великой политической и военной арене Передней Азии, мы находим — по причинам, рассматривать которые здесь не место, — смешение известий, и истинных, и ложных, находящихся между собой в самом абсолютном несогласии, совокупность которых составляет, быть может, самую трудноразрешимую проблему всей истории ислама. Желать ясно разглядеть сквозь спутанный клубок немногих истин, смешанных со многими вымыслами и бесчисленными ошибками, — дело крайне трудное и тонкое; и

ныне, несмотря на труды наших лучших ориенталистов, пролитый свет лишь частичен и несовершенен. Если бы мы попытались дать обзор первоначальных источников в том вавилонском беспорядке, в котором они находятся, и без ясной руководящей критической мысли, мы рисковали бы породить в уме читателя путаницу, равную той, что существует в источниках, если не большую.

За должным исключением трудов де Гуе[458], Велльхаузена[459] и Медникова[460], все европейские писатели об этом историческом периоде столь высокого интереса не поняли хорошо ни истинной природы проблемы, ни условий, в которых она ставится, ни истинного способа попытаться её решить. Найдя первичный материал в самом хаотическом беспорядке, полный резких противоречий, которые невозможно согласовать, они каждый по-своему, без точных критериев, придумали более или менее удачное решение, смешивая по прихоти истинное и ложное и потому прибавляя новые ошибки к тем, что уже находятся в источниках. Более того, сливая воедино материал и извлекая из него ясное и непрерывное повествование, они выбирали те известия, которые лучше подходили к задуманному решению, прямо уничтожая, как будто их не существует, все те, что с ним не сходились.

По этим причинам все наиболее популярные исторические изложения периода, начинающегося с конца 11 г. х. и кончающегося взятием Египта в 20 г. х. (ср. Caussin de Perceval, III, 341–524; Weil, I, 1–122; Muir, *Annals*, 66–140; Müller, I, 226–245)[461], все без исключения дают нам тенденциозную и ошибочную картину событий. Тягчайшая ошибка, в которую впали названные писатели, состояла в убеждении, что все

[458] Ср. *Mémoires d'Histoire et de Géographie Orientales*, par M. J. de Goeje, № 2, *Mémoire sur la Conquête de la Syrie*. Второе издание этого мастерского труда вышло в Лейдене в 1900 г. со многими полезными добавлениями и ценными исправлениями. Мы всегда будем приводить страницы II издания. За исключением весьма маловероятного случая, что будет обнаружен какой-нибудь новый документ, этот знаменитый мемуар всегда останется величайшим и драгоценнейшим критическим вкладом в изучение настоящего периода. Выражаю живейшее сожаление, что де Гуе не написал равным образом мемуара и о событиях, развернувшихся одновременно в Ираке и позднее в Египте.

[459] Ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, Sechstes Heft, Berlin 1899, где на с. 3–16 у нас есть превосходное критическое исследование исторического труда Сайфа б. Умара (излюбленного источника Табари) под заглавием «Prolegomena zur ältesten Geschichte des Islams». Начиная со с. 37, изучая предания Сайфа о периоде завоеваний, Велльхаузен рассматривает всю историю ислама от конца Ридды до Верблюжьей битвы в 36 г. х. После мемуара де Гуе труд Велльхаузена — самый ценный критический вклад, которым мы обладаем, и мы будем широко им пользоваться в ходе нашего труда.

[460] В мастерском и объёмистом труде, озаглавленном *Палестина от завоевания её арабами до крестовых походов по арабским источникам*, С.-Петербург, В. Киршбаум, 1897–1902, в двух томах (издание Императорского Православного Палестинского Общества), Медников перевёл на русский язык все места арабских авторов, относящиеся к Палестине от мусульманского завоевания до крестовых походов, предпослав учёнейшее введение, в котором с мелочной, острой и порой поистине гениальной критикой изучает все источники и исторические проблемы, ими представляемые. В этом исследовании, которое было для нас величайшей пользой и которым мы будем широко пользоваться далее, он сводит и подвергает проницательному и удачному рассмотрению всё, что было написано по этому предмету. Его труд составляет эпоху в изучении арабско-мусульманской истории; и так как, будучи написан по-русски, он доступен весьма немногим, мы сочли уместным во многих местах изложить его рассуждения, стремясь шире распространить результаты его исследований. Говоря о трудах Велльхаузена и де Гуе, мы были более кратки, ибо их ценнейшие сочинения, одно на немецком, другое на французском, гораздо легче доступны. Остаётся лишь пожалеть, что он пользовался лишь I изданием мемуара де Гуе, и потому в некоторых пунктах его рассуждения либо бесполезны, либо ошибочны, ибо он не знал различных документов высокой ценности, найденных позднее одним де Гуе.

[461] Первым де Гуе, а затем Велльхаузен точно установили относительную ценность различных источников. В этом особом пункте труд Велльхаузена был нам, быть может, полезнее, чем труд де Гуе; труд Медникова — ещё полезнее обоих предыдущих.

источники имеют приблизительно равную ценность и что нет необходимости в строгом отборе их прежде, чем восстанавливать историю завоеваний. Поэтому каждый историк даёт картину, отличную от картин других, и каждая картина, рассмотренная вблизи, представляется прихотливой мозаикой, составленной из немногих хороших элементов и из многих ошибочных и ложных. Сам материал, чтобы приспособиться к общему плану писателя, оказывается к тому же столь искажённым его тенденциозными понятиями, что читатель не только получает ошибочное впечатление о событиях, но, если бы и захотел, не имеет никакого средства проверить предлагаемую ему версию и не может составить собственного независимого суждения о запутанном вопросе.

§ 78. — Наученные опытом стольких знаменитых предшественников, мы поставим теперь своей задачей изложить и обсудить проблему по совершенно иной системе, задуманной так, чтобы, даже если предпринятое нами решение покажется читателю не во всём соответствующим исторической вероятности, он имел в своём распоряжении необходимые элементы, чтобы решить вопрос по-своему.

Исходя из этой мысли, наш труд наложил на нас следующие основные обязанности: во-первых, собрать ниже весь лучший исторический материал, существующий по этому предмету в первоначальных источниках, рассматривая с равной полнотой как хорошее, так и посредственное и дурное, но с необходимой классификацией по чётко различным разрядам сообразно происхождению отдельных преданий: так получается первое деление, весьма облегчающее критическую задачу. Во-вторых, мы должны были мелочно рассмотреть все отдельные известия, сравнить их между собой и, освещая их замечаниями всех критиков, которых мы могли привлечь, попытаться точно отличить истинное от ложного. Наконец, из материала, таким образом обработанного и подготовленного, мы попытались извлечь краткий синтез, заключающий то, что, по нашему мнению, является наиболее вероятной версией событий.

§ 79. — По самой природе проблемы невозможно уклониться в этом месте от рассмотрения, хотя бы в сжатой и общей форме, характера и ценности источников настоящего периода: без некоторых ясных понятий об этом первостепенно важном предмете невозможно предпринять никакого решения. Мы удовольствуемся, однако, тем, что начертим лишь некоторые общие линии, и в той мере, какой достаточно для обоснования многих наших заключений.

Ни участники, ни современники великой драмы, развернувшейся в Азии от смерти Магомета до конца великих завоеваний, не оставили письменных записей о чудесном движении арабско-мусульманской экспансии. Воспоминания о событиях сохранялись почти все устным путём и передавались таким образом в течение нескольких поколений, прежде чем возросшее состояние цивилизации самопроизвольно произвело класс особых исследователей и учёных, который с любовным и похвальным усердием принялся собирать воспоминания славного прошлого, упорядочивать их в систематической форме и сохранять о них письменно тщательные известия.

Обширность мусульманской империи, которая уже через век после смерти Магомета простиралась от одного конца известного мира до другого, и огромная масса

известий всякого рода (обряд, литургия, экзегеза, биография, генеалогия, филология, поэзия и т. д.), накоплявшаяся в умах, имели следствием рождение бесконечного числа школ, и малых, и больших, и весьма различной ценности, сообразно большим или меньшим заслугам различных основателей[462]. Особая природа ислама, в котором богословие, обряд, юриспруденция и политика суть элементы, неразрывно связанные между собой, побуждала вначале и школы охватывать более или менее весь исламский материал. Дифференциация на различные школы по отдельным дисциплинам осуществилась лишь позднее. Поэтому мы можем рассматривать древнейшие юридические и традиционные школы как центры, в которых собирался и исторический материал и из которых произошли затем те две исторические школы, которые мы для удобства выражения будем называть школой Хиджаза, или мединской, и школой Ирака. Эти центры учёности были свободными и самопроизвольными порождениями частного почина, следствием глубокого чувства, одушевлявшего руководящие классы, и живейшей нравственной потребности, волновавшей бесчисленные толпы новых мусульман, жаждавших знания.

Древнейшим, некогда лучшим, а впоследствии самым консервативным центром был тот, что сложился в Медине[463]. Два священных города Хиджаза, даже когда местопребывание правительства переселилось за пределы Аравии, сначала в Куфу, потом в Дамаск и, наконец, в Багдад, всегда оставались местами, посещаемыми с глубоким благоговением толпами верующих, всё более многочисленными по мере того, как число мусульман увеличивалось с ежедневным расширением завоеваний. Среди паломников, мы должны допустить, находились лучшие по уму и характеру люди из всех, принявших новую религию. Многие, одушевлённые искренним религиозным рвением, поселились в священных городах навсегда.

Но потому, что Магомет избрал своим местопребыванием Мединy предпочтительно перед Меккой (ср. 8 г. х., § 89, и 10 г. х., § 117), а быть может, также

[462] Все школы более или менее притязали на то, что основаны сподвижниками Пророка, переселившимися за пределы Аравии и обосновавшимися в различных городах, где они рассказывали своим многочисленным слушателям всё, что видели и слышали при жизни и после смерти Пророка. В великих биографических компиляциях о сподвижниках Пророка мы находим обильные известия об этих сподвижниках, от которых различные провинциальные школы притязали получить свои предания непосредственно. По большей части это, однако, имена безвестные и неизвестные, большинство которых имеет явный апокрифический привкус, как будто они были выдуманы, чтобы придать больше блеска различным школам. Для нашего предмета это имеет мало значения, и приводимые известия имеют для нас ценность лишь потому, что открывают нам, каковы были главные центры, в которых собирали и изучали (а также и выдумывали!) предания.

[463] В Медине школа образовалась, можно сказать, при самой смерти Пророка: она была самопроизвольным произведением всей среды, пропитанной памятью об Учителе. Здесь был составлен текст Корана: здесь остались все самые прославленные сподвижники Пророка: их сыновья, сплочённые в сильную религиозно-политическую партию, были важным фактором в междоусобных войнах начиная с 36 г. х. Не занимаясь пока великими правоведами, которые жили, учились и учили в Медине, достаточно будет упомянуть, что все крупнейшие преданники ислама жили и учились в Медине: Убайй б. Ка‘б [† 30 г. х.], Абдаллах б. Умар [† 73 г. х.], Абдаллах б. Амр б. аль-Ас [† 69 г. х.], Са‘ид б. аль-Мусаййиб [† 94 г. х.], Ибн Шихаб аз-Зухри [† 124 г. х.], Абан б. Усман [† 105 г. х.], Урва б. аз-Зубайр [† 94 г. х.], Шурахбиль б. Са‘д [† 123 г. х.], Муса б. Укба [† 141 г. х.], аль-Кальби [† 146 г. х.] и его сын Хишам [† 206 г. х.] (жившие, впрочем, долго в Куфе), Ибн Исхак [† 151 г. х.], Абу Ма‘шар [† 170 г. х.], аль-Вакиди [† 207 г. х.], аль-Мадаини [† 215–231 г. х.] и Ибн Са‘д [† 230 г. х.], то есть вся мусульманская наука преданий в своих крупнейших представителях вела своё происхождение из Медины, которую весь исламский мир считал источником знания. Перед этой внушительной фалангой знаменитых имён иракская традиционная школа, представленная одним Сайфом б. Умаром, приводит ряд имён прямо неизвестных и одно лишь известное имя — аш-Ша‘би [† 106 г. х.], авторитет к тому же малонадёжный.

потому, что теперь личность Пророка и память о нём оказывали всегда гораздо более сильное обаяние, чем полуязыческое и безличное мекканское святилище, Медина с самого начала всегда была гораздо бóльшим центром притяжения. Уже в весьма древнюю эпоху у нас есть известие, что жилище Пророка, мединская мечеть, было местом рождения знаменитой юридико-богословской и традиционной школы, к которой принадлежали самые прославленные учёные того времени. Особый характер среды придал этой школе особую физиономию, которую она долго сохраняла и в которой ни одна другая школа не могла с ней соперничать.

Неизгладимая память о Пророке, о котором, казалось, хранил воспоминание каждый камень Медины, почти полная обособленность среди пустыни вдали от шума оружия, вдали от развращающей пышности дворов, от терзаний междоусобных войн, обагрявших кровью мир за пределами Аравии, а быть может, и её бедность, спасли Медину от гибельных влияний, превращавших города Ирака в средоточия страшного разврата и в очаги непрерывных и безумных восстаний против центрального правительства. Тогда как Дамаск и омейядский двор подверглись неодолимому влиянию византийской культуры и образованных и зажиточных классов Сирии, тогда как Басра и Куфа, а позднее и Багдад и аббасидский двор целиком подпадали под обаяние персидской культуры и цивилизации, Медина осталась свободной от заразы и долгое время сохраняла тот простой, практический и строгий характер, свойственный патриархальной жизни, в которой жил и учил Пророк. В Медине все жили спокойно, с мыслью, погружённой в прошлое, которое в своём величии и величавости требовало строгой верности преданию и изгоняло всякое новшество как ересь[464].

В Мисре, столице Египта, была процветающая школа, ибо многие сподвижники переселились туда с завоеванием (ср., напр., Хаджар, I, с. 300, 379, 389, 401, 428, 458, 483, 502, 567 и т. д.; II, с. 29, 37, 129 и т. д.; III, с. 417, 452, 871; IV, с. 250).

В Сирии главным центром был Химс, быть может, потому, что присутствие в Дамаске омейядского двора побуждало многих преданников предпочитать соседний Химс. Известно, что все учёные принадлежали, за редкими исключениями, к партии антиомейядской оппозиции. О Химсе см. Хаджар, I, с. 168, 301, 380, 414, 428, 479, 502–503, 556, 563 и т. д.; II, с. 37, 128, 169 и т. д.; III, с. 452, 1156, 1177, 1186.

Нет, однако, недостатка в указаниях на существование и в Дамаске (аш-Шам) традиционной школы (Хаджар, I, с. 77, 109, 145, 319, 336, 372 и т. д.; II, с. 20, 24, 141, 196 и т. д.; III, с. 409, 412, 923), и мы знаем также, что существовала палестинская школа, хотя не сказано, в каком городе Палестины она имела местопребывание: быть может, в Рамле или Иерусалиме (Хаджар, I, с. 114, 312, 414, 496 и т. д.; II, с. 175 и т. д.; III, с. 417; IV, с. 3).

Другие у нас есть в Месопотамии (Хаджар, I, с. 91, 474–475 и т. д.; II, с. 34).

[464] Но и мединская традиционная школа не свободна от ошибок и тенденциозных изменений преданий: этому у нас будут разные доказательства в следующих параграфах. И не все авторитеты мединской школы имеют равную ценность: лучшие — Ибн Исхак и аль-Вакиди, последний особенно в хронологии, основателем которой его можно назвать. Весьма обманчивы оба Кальби, отец и сын, которые, долго прожив в Куфе, переняли порок этого места и начинили многие драгоценные воспоминания множеством других, апокрифических. Эти два авторитета, к сожалению, портят во многих местах драгоценный текст Балазури.

Наибольшее число имён приходится на сподвижников, обосновавшихся в Басре (Хаджар, I, с. 53, 66, 74, 76, 130, 138, 296, 318, 327, 336, 342 и т. д.; II, с. 6, 28, 31 и т. д.; III, с. 441, 443, 446, 464, 896, 952, 957, 1178) и в Куфе (Хаджар, I, с. 154, 179, 325, 338, 395, 482 и т. д.; II, с. 105, 125; III, с. 367, 394, 397, 407, 415, 452, 461, 474, 865, 915, 941; IV, с. 31); но такое обилие, если рассмотреть его внимательно, обнаруживается как произведение причудливой работы вымысла. Ирак всегда был одним из величайших центров, производивших ереси, вымыслы и обманы.

У нас нет известий о сподвижниках, обосновавшихся в Северной Африке, и, странно сказать, даже в Персии, хотя она была завоёвана гораздо раньше Африки. Вероятно, столь явно шиитские склонности персов, для которых существовали лишь Али и его сыновья, тогда как все прочие сподвижники были неверными и злодеями, помешали возникновению вымысла о традиционных школах, основанных сподвижниками в Персии.

Скажем кратко, что и христианство III и IV веков притязало на то, что основание различных религиозных центров было делом апостолов или их непосредственных учеников. Так притязали, что святой Павел проповедовал в Испании; равным образом хотят, чтобы епископская кафедра Селевкии-Ктесифона была основана святым Фомой. Ср. об этом предмете Labourt, с. 9 и сл. Эта потребность облагородиться — чисто человеческая.

§ 80. — Когда и в Ираке возникли традиционные и юридические школы и в этой области сложилось и местное историческое предание, оно с самого рождения имело характер, весьма отличный от великой материнской школы Медины. Иные условия климата, вавилонская смесь племён и религий, сменявших там друг друга в течение веков, больший приток людей, огромные богатства, привлечённые ослепительной пышностью двора, всеобщая испорченность, роковым образом проистекавшая из всего этого, обильная примесь персидской (арийской) крови, для которой всё — воображение и фантазия и для которой поэтому всякая новизна, всякое преувеличение имеют особую привлекательность, — все эти факторы и многие другие, которые ради краткости мы опускаем, придали по необходимости иракским школам вообще, и в особенности преданиям местной истории, характер, глубоко отличный от характера мединской школы.

Тогда как в последней виден добросовестный дух исследователей, стремящихся лишь сохранить известие о фактах в его неукрашенной простоте, тогда как мы замечаем в ней всю простоту семитского духа, бедного воображением, чуждающегося чудесно-сверхъестественного и чрезмерных преувеличений, сохраняющего память о фактах ради самих фактов без иной непосредственной цели, — в иракской школе мы видим, напротив, господство совсем иного чувства. В исторических преданиях этой школы виден весь избыточный богатый размах арийского воображения, развращающего грубую семитскую простоту арабов. Мы уже не в истории, мы переходим уже в легенду, я сказал бы почти — в роман. Это смешанный народ Ирака взял себе воспоминания прошлого, обработал их по-своему, украсив анекдотами и многословными подробностями, окрасив их драматически и прежде всего раздувая всё

до исполинских размеров. Стычки становятся битвами, битвы превращаются в титанические схватки бесчисленных полчищ: битвы повторяются в тех же местах с теми же подробностями в разные годы. Халифы в своём бесконечном разуме знают и предвидят всё, устанавливая в Медине подробный план кампании, который полководцы исполняют в точности. В описании сражений, добычи, избиений врагов, необъятных богатств, попавших в руки оборванных грабителей пустыни, народное воображение предаётся самым смелым полётам, и кажется почти, что читаешь эпизоды, целиком взятые из «Тысячи и одной ночи». Обаяние этого иракского народного предания весьма велико, но, если рассмотреть его хладнокровно, мы на каждом шагу замечаем, сколь ненадёжна почва, на которую ступает наша нога.

Исторические предания мединской школы суть плод терпеливых изысканий учёных: если в них и нет недостатка в вымыслах, они всегда в порядке реальных и возможных фактов. Предания иракской школы суть, напротив, плод разнузданной народной фантазии, которая, ткая по тончайшей исторической основе, прибавила бесчисленные подробности с сильной сверхъестественной, или чудесной, окраской[465].

О внутренней ценности этой школы, представителем которой является Сайф б. Умар, нет нужды более настаивать в этом месте: бесчисленные ошибки её ясно раскрыты и доказаны Велльхаузеном в его дивном исследовании, уже приведённом нами. Тщательный исследователь следующих параграфов легко отдаст себе отчёт в относительной ценности наших источников, и ему нетрудно будет следовать по той узкой тропе, по которой мы попытаемся выйти из лабиринта.

Беспристрастно и тщательно рассматривая предания, даваемые Сайфом, следует признать, что основная мысль их — прославление арабов, халифов и ислама, патриотически-националистическая страсть, возвышающаяся над всеми мелочными вопросами партий и сект. Поэтому, когда мы дойдём до событий, происшедших в Куфе между 30 и 35 гг. х., тогда как предания мединской школы откровенно говорят горькую правду о некоторых позорных делах и чернят многих сподвижников Пророка и всех Омейядов, в преданиях Сайфа пытаются завуалировать безобразное и превозносят как халифа, так и его противников, оправдывают или смягчают вины наместников и пытаются описать восстание против Усмана как дело нескольких безумцев и злодеев, а не как народное движение. Сайф прославляет всё и представляет первый шаг от истории к историческому роману: он стремится украсить и возвеличить всё *ad maiorem Arabum gloriam*, с намерением дать добрым мусульманам пример и побуждение соревновать славе и подвигам предков. Он — весьма древний выразитель того самого патриотического, национального и религиозного направления, которое тремя веками позже, в Сирии, во время крестовых походов, приняло литературную форму в исторических романах Псевдо-Вакиди.

[465] Особое достоинство традиционной школы, представленной Сайфом б. Умаром, — почти полное отсутствие скрытых религиозных и политических склонностей, искажающих исторические факты в шиитском смысле. В самом деле, мы увидим далее, когда станем рассказывать о событиях, приведших к убийству халифа Усмана в 35 г. х., что Табари не осмелился дать мединскую версию фактов, ибо считал её слишком пристрастной и враждебной Омейядам, и удовольствовался тем, что привёл одного Сайфа как источник, показывающий себя более благосклонным к халифу и членам его семьи (ср. Табари, I, с. 2868, стр. 12–16). Этот факт весьма примечателен для того, кто учитывает, что Ирак был колыбелью шиитских верований и средоточием наибольшей враждебности к дамасскому правительству.

В Ираке школа, представленная Сайфом, не имела продолжения, ибо была затоплена шиитскими течениями, пришедшими из Персии. В Сирии же правоверные исторические предания держались живыми гораздо дольше, и если первоначальные источники сирийской исторической школы, к сожалению, утрачены, названные романы Псевдо-Вакиди представляют одну из последних эволюционных фаз той школы, которая, оставаясь всегда народной, выродилась в роман. Поэтому Псевдо-Вакиди будет нам гораздо менее полезен для истории Сирии, чем Сайф б. Умар для истории Ирака.

§ 81. — После этих замечаний станет очевидно, каков должен быть порядок, придаваемый материалу. Для каждого события или группы событий нашим долгом будет сначала собрать материалы, доставленные лучшей исторической школой, мединской (Ибн Исхак, аль-Вакиди, аль-Мадаини, Ибн аль-Кальби и т. д.), а затем материалы менее заслуживающей доверия школы, иракской (Сайф б. Умар). К этим двум группам, где это уместно, мы добавим другие известия, происходящие от различных более поздних летописцев, которые не указали точно источников, из которых черпали. Эта система, которая покажется скучной тому, кто хочет читать историю лишь для удовольствия, будет, напротив, весьма полезна тому, кто будет пробегать эти страницы с целью изучения и поиска истины. Историк тотчас заметит, что уже одного расположения материала в указанном порядке достаточно, чтобы из него немедленно вытекли некоторые основные истины, почти без нужды в доказательстве и весьма облегчая главную цель нашего труда — поиск и изложение истины.

Надеясь, что дал этим первичным материалам истории ясное и логичное устройство, я не скрываю от себя многочисленных трудностей, возникающих из подобной совокупности вследствие запутанности противоречивых известий и сбивающего с толку разнообразия хронологических данных; так что лишь тот, кто уже несколько сведущ в вопросе, сумеет ориентироваться в сплетении следующих параграфов.

Следуя примеру де Гуе, я искал света для преданий о завоевании Сирии и в исторических романах, приписываемых аль-Вакиди, хотя они заведомо литературные произведения гораздо более поздней эпохи. Но так как подделыватели аль-Вакиди несомненно пользовались подлинным Вакиди или другими, более древними историческими источниками — не столько для подробностей, сколько для построения общей структуры своего военно-исторического романа, — в них можно кое-где подобрать какое-нибудь полезное известие, которое может служить подтверждением во многих тёмных местах.

Мусульманские наместники в Центральной Аравии и в Йемене в начале 11 г. х. (ср. 10 г. х., §§ 71, 80–83, и 11 г. х., § 89)

§ 82. — (Сайф б. Умар, от Тальхи, от Икримы; или от Сахля [б. Юсуфа], от аль-Касима б. Мухаммада). Когда умер Пророк:

(1) Аттаб б. Асид был наместником в Мекке и среди кинана.

(2) Ат-Тахир б. Аби Хала — среди акк и аш‘ар.

(3) Усман б. Аби-ль-Ас — среди оседлых племён (*ахль аль-мадар*) в краю Таифа.

(4) Малик б. Ауф ан-Насри — среди кочевых племён (*ахль аль-вабар*) а‘джаз хавазин, то есть хавазин, живущих в областях, наиболее отдалённых от Таифа.

(5) Амр б. Хазм и (6) Абу Суфйан б. Харб — в Наджране: первый руководил молитвой, а второй собирал подати *садакат*.

(6) Халид б. Са‘ид б. аль-Ас — в стране между Рима‘ и Забидом, до границ Наджрана.

(7) Амир б. Шахр — среди всех хамдан.

(8) Файруз ад-Дайлами при содействии Задавайха и Кайса б. аль-Макшуха был наместником в Сане.

(9) Я‘ля б. Умайя — в аль-Джанаде.

(10) Абу Муса аль-Аш‘ари — в Ма’рибе.

(11) Му‘аз б. Джабаль над всеми предыдущими представлял высшую судебную и религиозную власть в Йемене и был тем, к кому все должны были обращаться в сомнительных случаях (Табари, I, с. 1982–1983)[466].

На список Сайфа, однако, нельзя никак полагаться. См. то, что мы сказали о нём в другом месте (ср. 10 г. х., § 82 и прим.). Сайф любит давать много точных подробностей, которые, однако, по большей части суть позднейшие реконструкции: многие, ставшие наместниками халифа Абу Бакра после завоевания, были сочтены наместниками, назначенными уже Пророком перед смертью. Отсюда ошибки, неопределённости и противоречия без конца. Балазури, например, на превосходном авторитете аль-Вакиди утверждает, что Халид б. Са‘ид (№ 7) был наместником в Сане, но допускает, что другие приписывают эту должность аль-Мухаджиру б. Аби Умайе, а третьи относят это назначение ко временам халифа Абу Бакра (Балазури, с. 69, стр. 8 и сл.; ср. также ниже, 12 г. х.; там же, с. 69, стр. 17, есть и другая версия списка назначений в Йемене). Эти различия имеют столь малое значение, что мы их опускаем (Халдун, II, прил., с. 66, стр. 16 и сл.).

Последствия смерти Магомета: первые антиисламские движения (версия мединской школы)

§ 83. — (Ибн Исхак, без иснада). Когда умер Магомет, велико было несчастье, постигшее мусульман: арабы восстали, иудейство и христианство вновь подняли голову, лицемеры открыто обнаружили себя, а мусульмане из-за утраты Пророка казались стадом овец, вымокших под дождём зимней ночи, пока Бог вновь не собрал их вокруг Абу Бакра.

В Мекке большая часть жителей хотела отречься от ислама, так что Аттаб б. Асид (мусульманский наместник) испугался и скрылся. Его спас от неминуемой опасности курайшит Сухайль б. Амр, некогда один из вождей языческих курайшитов, который

[466] Ср. также Асир, II, с. 254–255, 286.

смело встал говорить и, достойно почтив память Магомета и оплакав его смерть, объявил, что она лишь увеличит силу ислама, и заключил, объявив, что решился тотчас отрубить голову всякому, кто поведёт себя подозрительно. Угрожающие слова Сухайля возымели желаемое действие: устрашённые люди отказались от своего намерения, и Аттаб, вновь появившись из укрытия, тотчас вновь занял своё место и руководство делами (Хишам, с. 1021)[467].

Ср. также Табари, I, с. 1848; Абу-ль-Фида, I, с. 186; Асир, II, с. 252–253; Халдун, II, прил., с. 61; Хубайш (Лейденская рукопись), с. 7.

Примечателен здесь намёк на нравственное влияние, которое оказывали *хутаба* на толпы того времени. Влияние Сухайля б. Амра в Мекке приписывается гораздо более его красноречию, чем его положению главы одного из мекканских родов (ср. Goldziher, *Philol.*, I, 20).

§ 84. — По Ибн аль-Асиру (Асир, II, с. 245, стр. 19), Сухайль б. Амр, видя, что курайшиты готовятся отречься от ислама, будто бы громко закричал от двери Ка‘бы: «О жители Мекки! Не будьте последними, принявшими ислам, и первыми, отрёкшимися от него!»; затем, напомнив слова, некогда произнесённые Магометом на этом месте, напомнил обещание Пророка, что неарабы будут платить дань арабам и что мусульмане завладеют сокровищами царей Персии и греческих императоров.

В других преданиях эти слова вложены в уста Усмана б. Аби-ль-Аса, обращавшегося к народу Таифа и отговаривавшего его от отречения от ислама (Хаджар, II, с. 1098, стр. 16 и сл.).

§ 85. — (Вероятно, от Йа‘куба б. Мухаммада аз-Зухри). Когда Магомет перестал жить, среди арабов образовались две партии: одни говорили: «Если бы Магомет был истинным пророком, он не умер бы», тогда как другие утверждали, что со смертью Магомета прекратилось пророческое состояние и что поэтому после него никто не мог воспрепятствовать отступничеству. Некто сложил даже на эту тему следующие стихи:

«Мы повиновались Посланнику Божию, пока он жил среди нас; но вы, о рабы Божии, что вам за дело до Абу Бакра?

Неужели он оставит (власть) в наследство молодому верблюду (*бакр*) после своей смерти? Это было бы, во имя Божие, страшным бедствием (*касимат аз-захр*)».

Иные из них верили в Бога, иные — и в пророческую миссию Магомета, но все не хотели уступать ничего из своего имущества в уплату податей (преемнику Пророка). Поэтому Абу Бакр решил сражаться с ними[468]. Халиф был того мнения, что следует

[467] По Абд аль-Азизу б. Мухаммаду, Абдаллаху б. Мухаммаду б. Йахье, Ибрахиму б. Са‘ду и другим, при Бадре Умар просил у Пророка позволения вырвать два передних зуба Сухайлю б. Амру, сражавшемуся с курайшитами против Магомета, ибо Сухайль был *хатибом* (оратором), «и непозволительно, чтобы в Мекке был *хатиб*, который мог бы вставать и говорить против Мухаммада». Пророк ответил: «А быть может, однажды он встанет говорить в таком месте, которое тебя порадует!» И действительно, после смерти Магомета он обратился с речью к людям, когда они замышляли отступить и составляли планы (против ислама): и благодаря его словам ни один из них не отступил (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 6–7).

[468] Такова мысль, господствующая во всех преданиях: Абу Бакр решил сражаться с арабами, чтобы заставить их платить дань, которую они не хотели больше платить: что не вполне точно. В самом деле, относительно законности поведения Абу Бакра по отношению к арабам Ридды не всегда было единодушие среди самих мусульман: отдалённая память о спорах и обсуждениях по этому предмету пережила в (апокрифическом)

сражаться со всеми, кто не желал платить дань так, как они это делали при жизни Пророка. Это мнение одобрили и прочие сподвижники[469] (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 8 внизу).

Ср. также Шахрастани, с. 13, стр. 3 и сл., где мы читаем, что некоторые предлагали сражаться со всеми, кто отказывался платить *закят*, и обращаться с ними как с неверными, другие же предлагали не сражаться с ними. Наконец Абу Бакр воскликнул: «Если они откажут мне хотя бы в (одной) пошлине (*‘икаль*) из тех, что давали Пророку, я пойду на них войной за неё!» И Балазури, с. 94, стр. 7 и сл., приписывает Абу Бакру ту же речь. Ср. также § 119.

§ 86. — (Аль-Вакиди, от Абд ар-Рахмана б. Абд аль-Азиза, от Хакима б. Хакима б. Аббада (?) б. Хунайфа, от Фатимы бинт аль-Хашшаш ас-Саламийи, от Абд ар-Рахмана б. ар-Раби‘а аз-Зафари). Пророк послал человека собрать *садаку* с одного из ашджа‘: бедуин отослал посланца Пророка, ничего ему не дав. Когда Магомет узнал об этом от своего агента, он сказал ему: «Вернись к нему, и если он не даст тебе *садаки*, отруби ему голову!» — Сказал аль-Вакиди: Абд ар-Рахман б. Абд аль-Азиз сказал: «Тогда я сказал аль-Хакиму б. Хакиму: я думаю, что Абу Бакр сражался с людьми, называемыми *Ридда*, основываясь лишь на этом *хадисе*»[470]. — Аль-Хаким ответил: «Это так» (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 7).

Предание же, неверно истолковав Ридду, сочло, что Абу Бакр воевал с племенами Центральной Аравии лишь затем, чтобы добиться восстановления дани, и не знало, что почин халифа проистекал главным образом из мер простой обороны, ибо он подозревал, что племена стремятся объединиться, чтобы уничтожить зарождающуюся военную силу Медины, когда её основатель перестал жить. Не зная этого, преданники,

---

предании следующего параграфа, отчеканенном впоследствии, чтобы оправдать поведение халифа. Драгоценна для нас приписка, в которой утверждается, что Абу Бакр счёл себя вправе действовать оружием против так называемых отступников, лишь основываясь на этом единственном прецеденте, установленном Магометом.

[469] В лейденской рукописи Ибн Хубайша это предание весьма искалечено: текст запутан и с разными пробелами. Речь Абу Бакра содержит фразу, в которой халиф говорит: «Вы имеете право высказать своё мнение, ибо это дело, о котором не было откровения»; но из контекста непонятно, намекает ли он на войну против отступников или на просьбу сподвижников отложить поход Усамы. Логический смысл требует непременно, чтобы намекалось на первое, ибо оно без прецедента: второе было приказано Пророком, и потому в его законности не могло быть сомнения. На поход Усамы, однако, намекается там, где написано, что против решения халифа весьма живо высказались Умар, Абу Убайда и Салим, *мауля* Абу Хузайфы.

[470] Позднейшее предание не поняло истинной природы личных отношений между Магометом и племенами, которые по смерти Пророка сочли себя свободными. Оно верило и утверждало, что подати, которые должны были платить эти племена, были характера исключительно религиозного, то есть обязанностями, наложенными исламом. В действительности же многие подати были природы чисто политической, то есть были данями, которые платили побеждённые, но не обращённые племена господину Мекки как единственное средство не подвергаться набегам. По смерти Магомета для необращённых племён прекратилась обязанность платить дань, или по крайней мере племена утверждали, что эта обязанность прекратилась. Какого поведения должен был держаться Абу Бакр по отношению к этим племенам? Очевидно, что он некоторое время колебался, прежде чем решиться: не существовало никакого прецедента, который руководил бы им. Мы видели, что в жизнеописании Магомета нет ни одного предания, которое рассказывало бы о походе Пророка для наказания племён, не плативших исправно податей: подобного случая никогда не представлялось. Поэтому Абу Бакр предпочёл выждать и посмотреть и, послав поход Усамы в Сирию, отложил более чем на два месяца всякое решение относительно неплативших племён. Последние, осмелев от безнаказанности и желая положить конец политической гегемонии Медины, взялись за оружие и принялись вынашивать столь наступательные планы, что Абу Бакр был вынужден напасть на них в порядке обороны, а не из одного лишь желания вновь наложить подати, установленные Магометом.

отстаивая свой тезис, поняли, однако, что Абу Бакр, столь строгий блюститель прецедентов, не имел ни одного, чтобы оправдать своё поведение, которое поэтому могло показаться произвольным и незаконным. Чтобы подавить эти сомнения и колебания и подкрепить свой тезис, возникло приведённое предание, которое не только не затемняет истину, но, напротив, выдаёт и раскрывает её.

§ 87. — (*Общие известия об отступничестве племён*). — (Из «Китаб ар-Ридда» аль-Вакиди). Умар сказал Абу Бакру: «Арабы лишь скупы на своё имущество; прости им *садаку* этого года». Умар, Абу Убайда и Салим, *мауля* Абу Хузайфы, особенно настаивали перед Абу Бакром, стараясь убедить его удержать в Медине войско Усамы, чтобы обеспечить безопасность города: в то же время они старались побудить его действовать благосклонно по отношению к арабам и сохранять согласие, пока дело не решится. Они указывали, что если бы отступила лишь часть арабов, тогда было бы уместно сражаться с отступниками с помощью оставшихся верными; но, к несчастью, все были готовы отступить: одни совершенно отреклись от ислама, другие лишь отказывались платить *садаку*, а остальные выжидали, что решит сделать Абу Бакр. «Твои враги, — сказали они ему, — держат одну ногу впереди, а другая ещё позади». И рассказывают далее (*калу*, то есть авторитеты, приводимые аль-Вакиди): Абу Бакр решил выступить лично, чтобы напасть на отступников. От ислама отреклись следующие племена: (1) асад, (2) гатафан, но не абс[471], (3) часть ашджа‘, (4) тамим, (5) некоторые группы сулайм, (6) удаййа[472], (7) амира, (8) бану хифаф, (9) бану ауф б. имру’улькайс, (10) закван, (11) бану джарийа, (12) все жители Ямамы, (13) жители Бахрайна, (14) бану бакр б. ва’иль[473], (15) дубба (? даба?)[474] из азд Омана, (16) ан-намр б. касит, (17) кальб и их соседи из (18) куда‘а, (19) все бану амир и вождь (20) Алькама б. Уляса б. Ауф б. аль-Ахвас (со своими приверженцами).

Остались же верными исламу племена, жившие между двумя мечетями (то есть между Меккой и Мединой): аслам, гифар, джухайна, музайна, ка‘б и сакиф. Остались верными также тайй[475] вместе с хузайль, людьми ас-Сарата (*ахль ас-Сарат*), баджила, хас‘ам, хавазин, жившими близ Тихамы, наср, джушам, са‘д б. бакр. Кроме того, некоторые из абд аль-кайс под началом аль-Джаруда в Бахрайне и некоторые йеменцы, то есть туджиб, некоторые группы мазхидж, хамдан и абна. В Йемене отступили кинда, хадрамаут, анс, амир, тогда как остались верными жители аль-Джанада, Забида и Зама‘а (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 10–11).

§ 88. — На ту же тему, что и в предыдущем параграфе, существует и другое предание аль-Вакиди, и хорошо будет его прибавить, ибо оно не издано и может

---

[471] Ветвь гатафан. Другие предания, приводимые далее, причисляют, напротив, и абс к отступникам.

[472] Удаййа были ветвью са‘са‘а (хавазин): своё имя они, говорят, получили от имени матери Удаййи, жены Са‘са‘и, которой она родила двух сыновей, Кайса и Ауфа (Wüstenfeld, *Reg.*, 349; Wüstenfeld, *Gen. Tab.*, F. 13).

[473] Предания о начале персидской кампании Халида б. аль-Валида (ср. 12 г. х.) доказывают, что бакр б. ва’иль не были ещё мусульманами и не принимали никакого участия в антиисламских движениях 11 г. х. Они были заняты грабежом персидской границы к западу от Евфрата.

[474] Текст здесь мало исправен. Дубба — место близ Басры, а Даба — рынок в Омане (Якут, II, с. 513–514). Вероятно поэтому, что аль-Вакиди намекает на жителей Дабы в Омане, которые были из рода азд Омана.

[475] Другие предания (Сайфа б. Умара), которые мы приводим ниже, причисляют всех тайй к отступившим племенам, но затем рассказывают, как они дали себя убедить вернуться в лоно ислама, когда увидели, с какой энергией халиф взялся за оружие.

пролить свет на вопрос: текст, однако, испорчен, и в именах путаница. Оно входило в утраченное сочинение «Китаб ар-Ридда» названного аль-Вакиди.

(Аль-Вакиди). Отпали кочевые арабы и жившие на окраинах (*ад-дахийа*) асад и гатафан вплоть до бану абс. Бану амир б. са‘са‘а выжидали, чтобы увидеть, кто будет побеждён. Фазара отпали, собравшись под началом Уйайны б. Хисна: так же поступили ханифа в Ямаме, люди Бахрайна, бакр б. ва’иль, люди Дабы (ср. предыдущий параграф), азд Омана, ан-намр б. касит, кальб и их соседи из куда‘а. Из сулайм отпали некоторые подплемена (*бутун*): удаййа, амира, хифаф, ауф б. имру’улькайс, закван, джарийа.

Верными исламу остались аслам, гифар, джухайна, музайна, ашджа‘, ка‘б б. амр (хуза‘а), сакиф, хузайль, ду’иль, кинана, люди ас-Сарата, баджила, хас‘ам, тайй, хавазин, жившие близ Тихамы, наср, джушам, са‘д б. бакр, абд аль-кайс, а из йеменцев — туджиб, мазхидж, включая бану зубайд, хамдан и люди Саны (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 10–11).

§ 89. — Предание[476], переданное, говорят, аль-Вакиди (?) от Язида б. Аби Хабиба, подтверждает, что туджиб (в Йемене) все остались верными исламу и что, когда весть о смерти Магомета дошла до абна Саны, ни один из них не отрёкся от ислама, а их женщины в знак траура разорвали свои рубахи (*джуюб*) и били себя руками по лицу. Среди этих женщин была и аль-Марзубана (то есть та, что помогла персидским заговорщикам убить тирана и лжепророка аль-Асвада аль-Анси, своего мужа), которая разорвала свою рубаху спереди и сзади[477] (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 11).

§ 90. — (*Сборщики податей при смерти Магомета*). — (Ср. выше, § 82) (Аль-Вакиди, от Утбы б. Джубайры, от Хусайна б. Абд ар-Рахмана б. Амра б. Са‘да б. Му‘аза).

В день, когда появилась новая луна, в мухарраме 11 г. х., Пророк, вернувшийся тогда из паломничества, послал следующих лиц собирать *садаку* с племён.

(1) Икрима б. Аби Джахль был послан к уджз хавазин (к хвосту, или задней части, хавазин, то есть к хавазин, жившим на наибольшем расстоянии от Мекки).

(2) Аль-Минкари был послан к своему племени; (3) Хамийа б. Субай‘ аль-Асади — к своему; (4) Ад-Даххак б. Суфйан аль-Килаби — к килаб; (5) Ади б. Хатим — к асад и к тайй[478]; (6) Малик б. Нувайра — к ярбу‘ (тамим); (7) Аль-Акра‘ б. Хабис

[476] Это предание не заслуживает большого доверия, ибо из других преданий о событиях в Йемене ясно явствует, что абна (сыновья персидских переселенцев от арабских матерей) вовсе не были обращены в ислам, но ещё следовали зороастрийской вере: внутренние движения в Йемене вследствие появления аль-Асвада аль-Анси были событиями совершенно местными, без всякого отношения к Магомету и исламу. Мнимая связь между событиями в Йемене и событиями в Медине — чистое создание преданий и легенды.

[477] Это древнейший обычай, свойственный почти всем семитским народам: раздирание одежд в знак траура было всеобщим обычаем в Вавилонии, в Ассирии и также у евреев: все эти народы имеют для этого одно и то же слово (ассир. *шакку*, евр. *сак*, араб. *шакка*). Это, следовательно, вероятно, древнейший семитский обычай, общий всему племени до рассеяния или переселения из первоначальной прародины. Ср. A. Jeremias, *Hölle und Paradies bei den Babyloniern*, в *D. A. O.*, год I, вып. 3, II изд. (1903), с. 11; ср. также Иоиль 1:8; Freytag, 218 и сл.; Jacob, *Arab. Dicht.*, III, 139 и сл.

[478] (*a*) В этом же предании с большим обилием подробностей рассказано о хитрой уловке, которой Ади б. Хатим смог, вопреки воле собственного племени, сдать Абу Бакру всю сумму подати *садака* тайй. Ади б. Хатим уже собрал всех верблюдов *садаки*, когда пришло известие, что Пророка больше нет. Он немедленно

— к дарим и к племенам ханзала (тамим); (8) Аз-Зибрикан б. Бадр — к своему роду (ауф б. ка‘б б. са‘д, тамим)[479]; (9) Кайс б. Асим — к своему роду (амр б. ка‘б б. са‘д, тамим).

Из этих тамимитских вождей трое, то есть Малик, Кайс и аль-Акра‘, узнав о смерти Пророка, вновь разделили собранные подати между теми, с кого их взыскали. Килаб же предпочли выжидать и поэтому ни отказали, ни дали *садаки*.

(10) Науфаль б. Му‘авия ад-Ду’или получил от Пророка поручение взыскать подать среди своих единокровных, фазара.

По смерти Магомета Хариджа б. Хисн б. Хузайфа б. Бадр встретил Науфаля в аш-Шарабба и отнял у него всё, сказав ему: «Не довольно ли с тебя, что ты унёс собственную душу (самого себя?)». Науфаль бежал и пришёл к Абу Бакру лишь со своей личной долей (? *би-саутихи*). Всё прочее добро, всех верблюдов, которых он собрал в подать, забрал Хариджа б. Хисн и вернул тем, с кого Науфаль их взыскал.

(11) Ирбад б. Сария был послан Пророком к сулайм: по смерти Магомета сулайм отняли у него снова всё, что он собрал, и оставили его лишь с его личной долей (*би-саутихи*), с которой он один пришёл в Медину.

(12) Ка‘б б. Малик аль-Ансари был послан к аслам, гифар, музайна и джухайна: известие о смерти Пророка не произвело никакого действия среди этих племён, которые сдали все подати, которые были должны, и отослали их Абу Бакру. С этими данями Абу Бакру стало затем возможно снарядить поход против племён Центральной Аравии.

(13) Буср б. Аби Суфйан аль-Ка‘би был послан к ка‘б.

(14) Мас‘уд б. Рухайла аль-Ашджа‘и — к ашджа‘.

Оба эти вождя исправно сдали дани Абу Бакру от имени своих племён (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 13).

(*b*) В другом месте мы увидим, что Сайф б. Умар, тамимит, утверждает, будто первой пришла в Медину *садака* тамим, что весьма маловероятно, ибо между тамим и Мединой были все племена, поднявшие оружие против халифа. Поэтому эта версия аль-Вакиди кажется более достойной доверия, хотя и она внушена желанием прославить Ади б. Хатима и тайй. Сайф б. Умар даёт гораздо менее лестную версию поведения тайй после смерти Магомета. Вероятно поэтому, что истина находится

обратился с речью к своим и сумел убедить их подождать, пока не узнают, кто будет преемником Пророка. Так дела и оставались, пока Ади не услышал, что Абу Бакр готовится выступить с войском против племён Центральной Аравии. Тогда Ади приказал своему сыну увести верблюдов *садаки*, делая вид, что он ведёт их лишь на пастбище, но в действительности тайно приказав ему с величайшей поспешностью гнать их в Медину. Когда вечером сын не вернулся с верблюдами, Ади притворился весьма удивлённым и объявил, что хочет немедленно отправиться, чтобы наказать сына. Но он не захотел, чтобы кто-либо его сопровождал, делая вид, что не хочет, чтобы присутствие третьих лиц (?) помешало ему наложить на сына заслуженное наказание. Так Ади догнал сына и вместе с ним пригнал верблюдов в Медину, прибыв со стадом в Батн Канат в то самое время, когда туда прибывал халиф Абу Бакр с войском, которое должно было выступить против отступников. Это была первая *садака*, пришедшая в Медину после смерти Пророка, и она состояла из трёхсот верблюдов (Хубайш, там же).

[479] В этом же предании сказано, что аз-Зибрикан убедил своих соплеменников повременить и не делить *садаки*, пока они не узнают, что случилось в Медине после смерти Пророка (Хубайш, там же).

между двумя версиями. Ибн Хубайш сохранил также предание, которое, по его словам, он списал из *аль-Магази* Ибн Исхака и которого нет ни в тексте Ибн Хишама, ни в тексте Табари. Согласно этому преданию, узнав о смерти Пророка, тайй пришли к Ади б. Хатиму и просили его вернуть плательщикам собранные подати, ибо Магомет умер и ибо другие племена поступали так. Ади тогда долго спорил со своими единокровными, и в предании Ибн Исхака у нас есть мнимый текст его длинной речи, которой Ади будто бы в конце концов убедил своих отступиться и оставить *садаку* в его руках (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 14).

Утверждают, что Ади, сдав халифу *садаку* тайй, получил в дар от Абу Бакра тридцать верблюдов: аш-Ша‘би (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 16).

В другом предании, быть может аш-Ша‘би (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 15), рассказывается, как аз-Зибрикан б. Бадр сдал *садаку* своего племени халифу, получив за это, подобно Ади б. Хатиму, особое вознаграждение.

§ 91. — (*Ади б. Хатим и тайй*). — (Из «Книги» Йа‘куба б. Мухаммада аз-Зухри, с иснадом до аш-Ша‘би). Когда началась Ридда, тайй обратились к Ади б. Хатиму, чтобы обсудить, что следует делать; Ади было нетрудно убедить своих сдать халифу верблюдов и сумму *садаки*. Так он и сделал (ср. предыдущий параграф, прим. 1 *a*). Много лет спустя халиф Умар однажды обошёлся с Ади весьма грубо, так что тот обиделся, запротестовал и сказал ему: «Ты, кажется, меня не знаешь!» Умар ответил: «Знаю тебя! Ты стал мусульманином, когда все прочие были ещё неверными, и ты остался верным, когда прочие замышляли измену!» (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 15).

§ 92. — (*Отступничество амир б. са‘са‘а*). — (*a*) (Из «Книги» Йа‘куба б. Мухаммада аз-Зухри, с его иснадом от аш-Ша‘би). Бану амир б. са‘са‘а отступили и убили представителей Пророка, находившихся среди них, сжигая их живыми в огне. Поэтому халиф Абу Бакр впоследствии написал Халиду б. аль-Валиду — когда тот предпринял кампанию в Центральной Аравии, — что он должен убивать амир и сжигать их в огне.

(*b*) В той же книге аз-Зухри (с иснадом до Мухаммада б. Сирина) сказано: Алькама б. Уляса б. Ауф отступил: отступили и амир б. са‘са‘а, но выжидали, чтобы увидеть, кто останется победителем — Халид б. аль-Валид с мусульманами или (лжепророк) Тулайха. Пророк послал Амра б. аль-Аса своим представителем к двум сыновьям аль-Джуланды (в Омане), и (азд Омана) приняли ислам. Пророк умер, когда Амр б. аль-Ас находился ещё там, в Омане, и первым весть о том, что Магомет перестал жить, принёс Амру один еврей (Хубайш, л. 5 об.; исправь: 4 об.).

§ 93. — (*Возвращение Амра б. аль-Аса в Медину*). — (Аль-Вакиди, от Ибрахима б. Мухаммада б. Тальхи). Амр б. аль-Ас был наместником Пророка в Омане. Однажды к нему явился один оманский еврей и сказал: «Если тот, кто послал тебя сюда, действительно Посланник Божий, то знай, что он сегодня перестал жить!» Амр б. аль-Ас записал день, указанный ему евреем, и выступил вместе с ним, с товарищами и со свитой, направившись в страну ханифа (Ямаму) и взяв с собой также покровителей, или провожатых (*хуфара’*), из племён азд и абд аль-кайс. Миновав так эту страну, он с

помощью другого покровителя проник в землю бану амир (б. са‘са‘а). Там он остановился у Курры б. Хубайры аль-Кушайри, а когда собрался продолжить путь, Курра сказал ему: «У меня есть для тебя совет: ваш товарищ (то есть Магомет), значит, умер: вы, курайшиты, сидите спокойно в вашем *хараме* (= священной области Мекки). Некогда пришёл к нам некто и сказал нам, что один человек из мудар (= Магомет) увлечёт за собой всех людей. Нам тогда нечего было возразить. Теперь он умер, и люди сбегутся к вам, но уже не затем, чтобы вам повиноваться: поэтому удалитесь в ваш *харам*, где по крайней мере будете в безопасности. Если ты не хочешь этого сделать, место твоего сбора (= Медина?) станет [непристойная поговорка][480]». На эти слова Амр б. аль-Ас ответил: «Я отвергаю твой совет: арабы встретят тебя там и растопчут своими конями!» На это Курра сказал: «Не это я хотел сказать!» — и раскаялся в своих словах[481] (Хубайш, л. 3 об.).

Это предание интересно для нас, ибо служит для познания того, где действительно жили племена в Центральной Аравии: чтобы из Омана попасть прямо в Медину, нужно было пересечь Бахрайн, затем Ямаму, потом страну тамим, наконец, страну амир б. са‘са‘а, которые, как видно, жили на границах полностью исламизированной мединской территории. Так мы лучше понимаем кампанию Халида б. аль-Валида: асад должны были находиться к северу от амир б. са‘са‘а и к югу от тайй: присоединение тайй к Халиду и разгром асад при Бузахе вынудили затем и амир присоединиться к исламу: эти три племени граничили на востоке с тамим, и лишь покорив последних, Халид смог проникнуть в Ямаму: завоевание этой последней страны открыло путь в Бахрайн, а Бахрайн — в Оман.

§ 94. — (Аль-Вакиди, от аль-Мунзира б. Джахма). (Покинув страну амир б. са‘са‘а), Амр б. аль-Ас продолжил путь, проходя через Зу-ль-Кассу и замечая, что вдоль его пути все племена отступают. Близ Медины он встретил Уйайну б. Хисна аль-Фазари за городом, как раз в тот момент, когда Уйайна собирался посетить Абу Бакра. Уйайна сказал Амру: «Если ты дашь нам твёрдую долю (в вознаграждение), то мы поможем тебе (*кафайнака*) против того, что позади нас». — «Что это значит?» — «(Я намекаю на) Ибн Аби Кухафу (= Абу Бакра), вожака людей! О Амр! Мы и вы теперь

[480] Вся речь, вложенная в уста Курры, весьма темна; при дословном переводе арабского текста, вероятно испорченного, получается прямо непонятная речь: по этой причине я счёл нужным несколько перефразировать и приспособить слова, чтобы извлечь из них логический смысл. Последнее выражение (*ва-мау‘идука хифшу уммика*), которое должно быть пословичным изречением, остаётся, однако, тёмным. Ясно, что Курра советовал Амру и курайшитам отделиться от Медины и от ислама и удалиться на свою священную территорию, где они могли бы быть в безопасности от отступивших племён, которые теперь были вооружены и угрожали Медине. Именно на этот город, очевидно, намекает выражение «место твоего сбора». Пословичную фразу можно было бы перевести и непристойно, ибо *хифш* — презрительное обозначение женских естественных частей как места, где текут мутные воды (*хафаша*): он намекает, очевидно, на политический и нравственный хаос, который, как справедливо подозревали арабы, должен был разразиться в Медине из-за смерти Магомета, и потому Курра говорит о Медине как о своего рода нечистом месте (ср. *Лисан аль-‘араб*, VIII, с. 176, стр. 3 и сл.; *Тадж аль-‘арус*, IV, с. 300, стр. 12).

[481] Другое предание аль-Вакиди дополняет известия этого параграфа. Амр б. аль-Ас покинул Оман, как только еврей сообщил ему, что Магомет умер: подтверждение известия он получил в Хаджаре в Бахрайне. Затем, когда он со своими провожатыми (*хуфара’*) пересекал страну ханифа, Мусайлима (лжепророк) погнался за ним, и Амру пришлось бежать в сопровождении Сумамы б. Усаля и членов его племени (ветви ханифа). Двое спутников Амра б. аль-Аса попали, однако, в руки Мусайлимы, а именно Хабиб б. Зайд б. Асим аль-Ансари и Абдаллах б. Вахб аль-Аслами. Амр б. аль-Ас благополучно добрался до тамим, где аз-Зибрикан б. Бадр и Кайс б. Асим аль-Минкари взяли его под защиту и проводили до страны амир (б. са‘са‘а). Здесь появился Курра б. Хубайра со ста людьми и благополучно провёл его через свою страну (Хубайш, л. 3 об. — 4).

равны!»[482] — «Ты лжёшь! — закричал Амр. — О сын бесстыднейших из мудар (*йа ибн аль-ахабис мин Мудар*)!» Амр, войдя в Медину, рассказал всё Абу Бакру — как свой разговор с Куррой б. Хубайрой, так и разговор с Уйайной б. Хисном. По этой причине, когда позднее Халид б. аль-Валид выступил с людьми в кампанию против Тулайхи, халиф сказал ему: «Не упусти Курру б. Хубайру!» (Хубайш, л. 5 об.; исправь: 4 об.).

В другом предании (аль-Вакиди?), от ас-Сулами, разговор между Амром и Уйайной перед воротами Медины дан в несколько иной форме: Амр б. аль-Ас, прибыв из Омана, встретил Уйайну б. Хисна за стенами Медины и спросил его, кого мусульмане избрали главой. «Абу Бакра!» — ответил Уйайна. — «Аллаху акбар! (Бог велик!)» — «Мы и вы теперь равны! — сказал Уйайна (раз у вас больше нет пророка, а лишь какой-то глава, как у прочих арабов)». — «Ты лжёшь, — закричал Амр, — о сын бесстыднейших из мудар!» Хубайш, л. 5 об. (исправь: 4 об.).

§ 95. — (*Отступничество среди сулайм*). — (Ибн Исхак, от Абдаллаха б. Аби Бакра). И некоторые из бану сулайм б. мансур восстали против мединского правительства при смерти Пророка и отреклись от ислама. Прочие же под началом Ма‘на б. Хаджиза из бану хариса, наместника Абу Бакра, остались верными исламу и мединскому правительству. Когда Халид б. аль-Валид выступил в кампанию против Тулайхи, он написал Ма‘ну б. Хаджизу, чтобы тот пришёл к нему с оставшимися мусульманами сулаймитами. Ма‘н б. Хаджиз, повинуясь этому приказу, оставил своего брата Турайфу б. Хаджиза представлять его среди сулайм. Отступники же от ислама собрались под началом Абу Шаджары Амра б. Абд аль-Уззы, сына поэтессы аль-Хансы (ср. «Диван аль-Хансы», с. 269), который в одном своём стихотворении, сложенном после того, как он отрёкся от ислама, похвалялся (Табари, I, с. 1906, стр. 8), «что омочил острие своего копья в крови отрядов Халида б. аль-Валида». Позднее Абу Шаджара стал мусульманином и пришёл в Медину повидать халифа Умара, которого застал в мечети за раздачей бедным арабам суммы податей *ас-садакат*, собранных с племён. Абу Шаджара выступил вперёд, тоже прося своей доли и утверждая, что и он в нужде. Умар, прежде чем что-либо ему дать, захотел узнать, кто он. Абу Шаджара смело ответил, открыв своё имя. «Абу Шаджара! — воскликнул удивлённый халиф. — О враг Божий! Не ты ли тот, кто сказал в стихе: „Я омочил острие своего копья в крови отрядов Халида б. аль-Валида”?» — и, схватив свою палку (*ад-дирра*), собрался бить его по голове. Абу Шаджара спасся бегством, взял верблюда, оставленного в Са‘иде бану курайза, и вернулся в страну бану сулайм, на Харрат Шауран[483] (Табари, I, с. 1905–1908, где приведено много стихов Абу Шаджары).

Ср. также Асир, II, с. 267, стр. 5 и сл.; у Хубайша, л. 23, у нас есть предание аль-Вакиди, которое со многими подробностями подтверждает эпизод Абу Шаджары с Умаром. — О личности и стихах Абу Шаджары ср. известия, собранные Шайхо в

[482] Нужно понимать, что Уйайна приглашал Амра б. аль-Аса отделиться от халифа Абу Бакра и сделать общее дело с отступниками: Уйайна объявляет себя готовым сделать это за вознаграждение. Быть может, Уйайна хочет также сказать Амру, что теперь, когда Пророк исчез, все люди равны и Абу Бакр стоит столько же, сколько всякий другой, а мусульмане столько же, сколько отступники.

[483] Эти события рассказаны иначе Балазури, который относит поражение Абу Шаджары ко времени после битвы при Бузахе и приписывает его Халиду б. аль-Валиду. Правильность версии Балазури доказывается содержанием приведённых стихов (ср. Балазури, с. 97–98).

Диване аль-Хансы («Анис аль-джуласа’ фи шарх диван аль-Ханса», Бейрут, 1896, с. 269–271).

§ 96. — Начало отступничества сулайм рассказывается иначе аль-Вакиди (от Абдаллаха б. аль-Хариса б. аль-Фудайля аль-Хатми, от его отца аль-Хариса б. аль-Фудайля, от Суфйана б. Аби-ль-Ауджа’ ас-Сулами, «учёного знатока истории своего племени и человека надёжного и в делах религии»). Один царь гассан послал Пророку караван с дарами — мускусом, амброй и конями, но когда его посланцы прибыли на территорию бану сулайм[484], пришло известие о смерти Пророка. Вследствие этой новости часть сулайм решила завладеть караваном и восстать, тогда как другие утверждали, что если Магомет умер, то Бог ещё жив (и потому не захотели присоединиться к мятежникам). Тогда отступили бану удаййа, бану амира, бану ауф и часть бану джарийа и бану-ш-шарид, которые разграбили караван. Когда Абу Бакр был избран халифом, он назначил Ма‘на б. Хаджиза своим наместником среди сулайм, оставшихся верными исламу: новый наместник сумел собрать вокруг себя многих сулайм-мусульман: прочие же взялись за оружие и принялись грабить людей, проходивших через страну. Но когда Халид б. аль-Валид был послан сокрушить мятежников в Центральной Аравии, Абу Бакр написал Ма‘ну б. Хаджизу, предписывая ему присоединиться к мусульманскому войску и оставить своим наместником среди сулайм брата Турайфу б. Хаджиза (Хубайш, л. 21 об.; во всём прочем предание подтверждает предание предыдущего параграфа).

§ 97. — (*Отступничество в Думат аль-Джандале*). — (Аль-Аббас б. Хишам аль-Кальби, от своего деда Мухаммада б. ас-Са’иба). Когда умер Магомет, Укайдир, находившийся в Думат аль-Джандале, прекратил уплату подати *садака*, нарушил договор, заключённый с Пророком, и, покинув Думат аль-Джандаль, отправился в Хиру, где построил себе жилище, дав ему имя Дума в память о Думат аль-Джандале[485]. Его же брат Хурайс б. Абд аль-Малик объявил себя мусульманином и вступил во владение имуществом, оставленным братом. Впоследствии Язид б. Му‘авия ([† 64 г. х.], ставший халифом после отца Му‘авии) женился на дочери этого Хурайса (Балазури, с. 62, стр. 6 и сл.; Хаджар, I, с. 773, № 1963, где по ошибке стоит Хурайб вместо Хурайс).

---

[484] Это утверждение бросает тень на правдивость предания, ибо известно, что территория сулайм лежала к юго-востоку от Медины: следовательно, караван, шедший из Сирии, где жили гассан, никоим образом не мог пересечь страну сулайм, не делая долгого и бесполезного обхода. Упоминание же о гассанидском князе весьма подозрительно, ибо у нас нет никакого надёжного известия об обращении гассанидов в ислам при жизни Магомета. Речь идёт, вероятно, о каком-то другом мусульманском караване, шедшем с юга, который был разграблен сулайм, ибо известие о смерти Магомета пробудило в племенах убеждение, что ненавистный закон ислама прекратился со смертью Пророка. Что сулайм разграбили мусульманский караван, подтверждается другим длинным преданием, в котором рассказывается, как раскаявшиеся сулайм пришли просить прощения у халифа и обязались возместить стоимость разграбленного добра (Хубайш, л. 23, от Суфйана б. Аби-ль-Ауджа’: вероятно, также от аль-Вакиди).

[485] Не думаю, чтобы можно было доверять этому преданию, которое находится в полном противоречии с другим, данным тем же Балазури (с. 63, стр. 8 и сл.), где рассказывается, как Укайдир и его братья до 9 г. х. жили в Думат аль-Хире и, придя в Думат аль-Джандаль, дали ему имя Думат аль-Джандаль в память о своей первоначальной родине Думат аль-Хире. Де Гуе (*Mém.*, II изд., 11 и 14–15) намекает на оба эти предания, но по неуказанным причинам не отмечает, что одно утверждает совершенно противоположное другому. Я полагал бы, что оба предания ошибочны в том, что два имени должны были сосуществовать и что ни одно из них не обязано своим происхождением другому. Производство, придуманное преданниками, имея две резко противоречащие версии, должно быть ошибочным как в одном, так и в другом смысле: нет никакой причины предпочесть одну версию другой; ср. то, что сказано об этом в другом месте (ср. 9 г. х., § 46).

Первые антиисламские движения (версия Сайфа б. Умара)

§ 98. — (*Столкновения в Хиджазе*). — (Сайф б. Умар, от Тальхи, от Икримы). Аттаб б. Асид, наместник в Мекке, первым написал халифу Абу Бакру, отправив донесение о мятежных движениях в своей провинции. То же сделал затем и Усман б. Аби-ль-Ас, наместник Таифа. В Тихаме, к югу от Мекки, едва разнеслась весть, что Магомет умер, собралось много арабов из рода мудлидж и отдельные группы хуза‘а и кинана, во главе которых стал некий Джундаб б. Салама из бану шанук, ветви бану мудлидж. Аттаб б. Асид немедленно послал отряд людей под началом своего брата Халида б. Асида, и в месте, называемом аль-Абарик[486], дошло до кровопролитнейшей схватки, в которой мятежники были разбиты с большим избиением. Бану шанук понесли наиболее значительные потери; но вождь Джундаб, однако, сумел спастись.

В округе Шану’а[487], зависевшем от Усмана б. Аби-ль-Аса, наместника Таифа, тоже собралось многочисленное скопище недовольных и мятежников против мусульманской власти: по большей части это были арабы из родов азд, баджила и хас‘ам, и вождём их был Хумайда б. ан-Ну‘ман. И это скопище было быстро атаковано и рассеяно благодаря энергии мусульманского наместника: Хумайда должен был искать убежища в пустыне (*фи-ль-билад*).

Серьёзнее двух предыдущих было восстание, вспыхнувшее в той части Тихамы, где жили акк и аш‘ар (к югу от Мекки вдоль йеменского побережья Красного моря), где наместником был Тахир б. Аби Хала. И это восстание было вызвано смертью Пророка, и отдельные группы акк, аш‘ар, хаддам (читай: хакам, см. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 150, прим. *a*; Табари, I, с. 1986, 2; хаддам принадлежали к тамим, а не к Йемену) собрались в аль-А‘лабе[488], на караванной дороге близ моря (*Тарик ас-Сахиль*), где к ним присоединились многочисленные малые отряды и шайки без вождей со всех концов страны. Это сборище злодеев и недовольных было поэтому названо *аль-ахабис*, то есть сбродом, или негодяями: оно в самом деле состояло из всей худшей накипи страны. Тахир б. Аби Хала с войском, составленным из арабов акк, и при содействии вождя аккитов Масрука аль-Акки, оставшегося верным исламу, напал на смутьянов и нанёс им кровавое поражение, вследствие которого вся та полоса страны вокруг аль-А‘лаба, по которой проходила караванная дорога, осталась покрытой трупами. Страшное зловоние их долгое время не давало караванам проходить по этой дороге, которая переменила теперь имя и стала называться Путь негодяев, *Тарик аль-Ахабис* (Табари, I, с. 1984, 1986).

Ср. также Асир, II, с. 286–287, где на с. 286, стр. 20, вместо *абна Кинана* читай: *афна Кинана*; Халдун, II, прил., с. 67, посл. стр. и сл.; Якут, I, с. 158, стр. 9–16.

---

[486] У нас есть упоминание об одиннадцати местах с этим именем (ср. Якут, I, с. 71–72; Якут, *Муштарик*, с. 7); поэтому невозможно уточнить, какое из них имеется в виду в этом месте. Абарик называются именно все те места, где дождевые потоки образовали почву, смешанную из грязи, камней и песка.

[487] Шану’а был одним из округов, *михляф*, Йемена, в 42 фарсахах от Саны: это была страна, давшая имя азд шану’а, одной из четырёх ветвей азд (то есть азд шану’а, азд ас-сарат, азд уман и азд гассан). Якут, III, с. 330, стр. 1 и сл.

[488] Аль-А‘лаб был страной, *ард*, акк б. аднан, расположенной между Меккой или Таифом и ас-Сахилем (побережьем Красного моря) (Якут, I, с. 168, стр. 10, и с. 316, стр. 10). Это, однако, одно из тех многих названий мест, которые упоминает один лишь Сайф б. Умар и которых нет ни в одном другом источнике.

§ 99. — (Ат-Табари, без иснада; вероятно, однако, от Сайфа б. Умара). Вследствие этих событий Абу Бакр приказал Аттабу б. Асиду в Мекке и Усману б. Аби-ль-Асу в Таифе произвести призыв к оружию и собрать с каждого округа (*михляф* — выражение, употребляемое в действительности лишь для округов Йемена), соразмерно числу жителей, некоторое число вооружённых людей, чтобы поддерживать порядок в стране и дожидаться прибытия аль-Мухаджира б. Аби Умайи (полководца, которому затем было поручено вторгнуться в Йемен). Аттаб собрал тогда 500 человек, тогда как Усман призвал по двадцати вооружённых с каждого *михлафа*. Командование мекканским отрядом было дано брату наместника, Халиду б. Асиду, а командование таифским отрядом — Абд ар-Рахману б. Аби-ль-Асу, брату Усмана (Табари, I, с. 1988). Это были затем люди, которые соединились с аль-Мухаджиром и завоевали Йемен (в 12 г. х.).

Ср. также Халдун, II, прил., с. 68, стр. 12 и сл.

§ 100. — (Сайф б. Умар, от Муджалида б. Са‘ида). Во время отсутствия в Медине Усамы б. Зайда (ср. §§ 106 и сл.) все племена полуострова[489], за исключением курайшитов и сакиф, отреклись от ислама, одни отчасти, другие целиком (Табари, I, с. 1871).

§ 101. — (*Отступничество в Неджде*). — (Сайф б. Умар, от Хишама б. Урвы, от Урвы б. аз-Зубайра). Всё (*sic!*) племя тайй соединилось с асад, приняв сторону лжепророка Тулайхи. И гатафан отреклись от ислама, кроме, однако, ашджа‘, и много людей неизвестного происхождения (*афна*) тоже объявили себя за Тулайху и пошли встать под его знамёна. Великое племя хавазин, в окрестностях Таифа, осталось в нерешимости, не зная, какую сторону принять, и довольствуясь пока прекращением уплаты подати *ас-садака*. Сакиф не двинулись, но было много отпадений среди бану сулайм. Племя бану джадила (тайй) осталось в нерешимости, следуя примеру хавазин. У всех племён в различных частях полуострова враждебная исламу партия стала преобладающей, и представители, посланные Пророком для сбора податей, по большей части вновь появились в Медине, не имея возможности дольше оставаться среди восставших или дурно расположенных племён (Табари, I, с. 1871).

Ср. также Халдун, II, прил., с. 65, стр. 21 и сл.

§ 102. — (*Отступничество в Северной Аравии*). — (Сайф б. Умар, от Абу Амра, от Зайда б. Аслама). При смерти Пророка среди куда‘а (в Северной Аравии близ границ Сирии) были следующие представители Пророка: среди кальб — Имру’улькайс б. аль-Асбаг аль-Кальби из бану абдаллах; среди аль-кайн — Амр б. аль-Хакам; среди са‘д хузайм — Му‘авия б. Фулан аль-Ва’или, или аль-Валиби. И в этих племенах многие отреклись от ислама, а именно среди кальб — Вади‘а аль-Кальби со своими друзьями и приверженцами-кальбитами, но Имру’улькайс остался верен договорам, заключённым с Пророком, и пребыл в исламе. Среди аль-кайн отрёкся от ислама Зумайль б. Кутба аль-Кайни со своими друзьями и приверженцами-кайнитами, тогда как Амр б. аль-Хакам остался верен исламу. Среди са‘д хузайм отрёкся от ислама сам представитель Пророка, названный Му‘авия б. Фулан аль-Ва’или. Халиф Абу Бакр тотчас написал тогда Имру’улькайсу, чтобы он держал под наблюдением мятежных кальб под началом

[489] Насколько ошибочно это известие, очевидно из предыдущих §§ 87–89.

Вади‘и; Амру б. аль-Хакаму приказал держать в узде мятежника Зумайля и написал также Му‘авии аль-Узри, чтобы он потрудился для дела ислама[490] (Табари, I, с. 1872).

Ср. также Асир, II, с. 261.

§ 103. — (*Возвращение Амра б. аль-Аса в Мединy*). — (Сайф б. Умар, от аль-Хаджжаджа, от Амра б. Шу‘айба). По возвращении из Прощального паломничества Пророк послал Амра б. аль-Аса послом к Джайфару[491], и, когда Магомет перестал жить, Амр б. аль-Ас находился как раз в Омане. При известии о кончине Магомета Амр поспешил вернуться в Медину. Проезжая через Бахрайн, он застал аль-Мунзира б. Саву на смертном одре и, когда умирающий попросил у него совета, Амр предложил ему оставить недвижимое имение, весь доход с которого служил бы всегда в будущем для уплаты подати *садака* к вечной пользе ислама. Умирающий последовал совету. Пересекши затем страну тамим, Амр проник в страну бану амир и нашёл, что вождь племени, Курра б. Хубайра, колеблется, как поступить по отношению к исламу, отражая в этом и чувства всего племени, которое, за исключением немногих верных, всё колебалось, признать ли или нет новое правительство в Медине и оставаться ли мусульманским. Прибыв в Медину, Амр б. аль-Ас нашёл курайшитов весьма озабоченными оборотом, который приняли события, и на их вопросы о положении Аравии ответил откровенно, сказав, что все арабы вооружаются от одного конца полуострова до другого (от Дабы до Медины). Вследствие этих сообщений многие курайшиты собрались, чтобы обсудить положение дел, и среди присутствующих были Усман, Али, Тальха, аз-Зубайр, Абд ар-Рахман б. Ауф и Са‘д б. Аби Ваккас. Пока они совещались, мимо случайно проходил и Умар, который вступил в разговор и, видя вытянутые и смущённые лица собравшихся, упрекнул их за такое поведение, сказав: «Я боюсь за вас из-за арабов; даже если вы спрячетесь в норы под землёй, арабы, идя по вашим следам, отыщут вас и там! Бойтесь Бога в отношении их!» (Табари, I, с. 1894–1895).

Ср. также Табари, I, с. 1959–1960, где тот же Сайф даёт иную версию смерти аль-Мунзира б. Савы; Асир, II, с. 268.

(*b*) В другом предании (Сайф б. Умар, от Хишама б. Урвы, от Урвы) с большими подробностями рассказано о посещении Амром б. аль-Асом Курры б. Хубайры б. Салимы б. Кушайра, вождя племени (бану ка‘б, ветви) бану амир б. са‘са‘а (хавазин). Курра, приняв Амра с щедрым гостеприимством, открыл ему, что арабы расположены повиноваться мединскому правительству, если оно простит сумму просроченных податей и откажется в будущем от взимания прочих, довольствуясь соблюдением арабами ежедневных молитв. Амр живо протестовал против такого соглашения, и двое дошли до ссоры: Амр в своём негодовании позволил себе даже непристойные

[490] Стоит отметить, что один лишь Сайф упоминает об этих мнимых отступничествах в Северной Аравии. Предания мединской школы не делают о них ни малейшего намёка. Известия, вероятно, — позднейшие создания. Достойно также внимания, что ни одно предание не содержит никакого известия о прочих весьма многочисленных племенах севера. Эти вовсе не были мусульманскими и остались пока совершенно чуждыми тому, что происходило в центре полуострова (ср. 10 г. х., § 126).

[491] (*a*) Сайф б. Умар ошибается: древнейшие источники согласно свидетельствуют (ср. 8 г. х., § 190, в конце), что Амр б. аль-Ас отправился в Оман в конце 8 г. х. и оставался там до смерти Пророка. Сайф часто спотыкается на таких хронологических неточностях, которым соответствуют столь же многие ошибки иного рода.

выражения и угрозы наказаний, если племена не будут соблюдать всех договоров, заключённых с покойным Пророком (Табари, I, с. 1895–1896).

§ 104. — (*Обзор отступивших племён*). — Подводя итог известиям, содержащимся в предыдущих параграфах, и не делая различий между источниками, мы находим, что в племенах, живших под владычеством Медины (как действительно исламизированных, так и ещё недостаточно исламизированных), произошли следующие движения.

Отдельные группы мудлидж, хуза‘а, кинана, азд, баджила и хас‘ам, акк, аш‘ар и хакам (авторитет: Сайф) отреклись от ислама; но из содержания преданий видно, что большинство только что перечисленных племён заняло пассивное и равнодушное положение, не поднимая открыто оружия против Медины, но и не помогая мусульманам. Все эти племена располагались частью к востоку и в большем числе к западу и к югу от Мекки.

Продвигаясь к северу, в области к северо-востоку от Мекки заколебались хавазин, амир б. са‘са‘а и джадила (авторитет: Сайф). Многие из сулайм отреклись от ислама, но племя в целом не двинулось.

И тайй, по Сайфу, будто бы сделали общее дело с врагами ислама, хотя это не согласуется с тем, что сказано в другом месте (ср. §§ 86 и 87), ни с другими фактами, рассказанными далее (ср. §§ 127–129), из которых следовало бы, что лишь часть тайй на короткое время присоединилась к лжепророку Тулайхе.

К северу от Медины среди кальб, аль-кайн и са‘д б. хузайм — всех ветвей куда‘а — было, по Сайфу, много таких, кто взялся за оружие против Медины и ислама, но не сказано, что все племена заняли враждебное положение. Эти известия, однако, не заслуживают большого доверия, ибо даны одним Сайфом: более вероятно, что большинство осталось равнодушным и пассивным.

Поскольку и прочие известия, к сожалению, исходят по большей части от Сайфа и лишь некоторые подтверждаются другими, более надёжными преданиями, мы не можем принять их все за верные: в число отступников он включает различные племена, вовсе не бывшие мусульманскими. Единственное предание Ибн Исхака упоминает об отступничестве некоторых из сулайм б. мансур, но это отпадение было, по-видимому, малозначительным, ибо нет намёка на столкновения между членами племени, и все сулайм оставались столь спокойными, что Халид б. аль-Валид смог приказать сулайм, оставшимся мусульманами, прийти присоединиться к нему в кампании против асад, не нарушив мира между членами племени.

§ 105. — Из драгоценных известий, содержащихся в преданиях аль-Вакиди (ср. §§ 87 и сл.), с уверенностью следует, однако, что отступничества в племенах, непосредственно зависевших от Медины при смерти Магомета, были в действительности весьма ограниченными и частичными и что вся та совокупность племён, которая населяла обширнейшую область от севера Вади-ль-Кура до ста и более миль к югу от Мекки, осталась твёрдой и верной исламу. Отпадения были лишь единичными и частичными, частными действиями, в которых не было замешано

большинство племён, и, если можем принять букву предания, были делом меньшинства смутьянов, тех беспокойных и дурных людей, которых никогда не было недостатка ни в каком обществе. Есть основание предполагать, что эти анархические элементы по большей части покинули страну и побежали присоединиться к вооружённым арабам в центре полуострова, образовав не презренный контингент войск Тулайхи и Умм Зимль, и потому не нарушали порядка и мира на родине.

Подлинное повстанческое движение обнаружилось среди тех несовершенно и частично исламизированных племён, у которых большинство было ещё привязано к старому порядку; среди этих племён были двух родов: связанные с Пророком прежде всего политическими узами (асад, гатафан, тамим) и те, у которых мусульмане составляли ещё ничтожное меньшинство (племена Йемена, Ямамы, Бахрайна, Омана и Хадрамаута), тогда как большинство было ещё языческим и независимым. Племена первого рода по смерти Магомета объявили утратившими силу договоры, заключённые с Пророком, либо избирая себе вождя из своей среды и притязая утвердиться независимыми, либо ведя переговоры с Мединой; но они хотели иных и лучших условий, в особенности отмены податей (эвфемизм для дани).

У племён второго рода языческое консервативное большинство, считая, что ислам кончился, и уступая чувствам глубокого отвращения к новой вере, принялось освобождать страну от досаждений мусульманских прозелитов и попыталось их изгнать. Следует иметь в виду, что эти меньшинства были мусульманскими лишь, так сказать, на словах, то есть в действительности были лишь местными политическими партиями, искавшими поддержки Пророка. Когда он умер, их противники сочли, что настал желанный момент реванша. Более полное рассмотрение преданий ср. ниже в 12 г. х., в критическом обзоре преданий о Ридде.

Поход Усамы в Сирию (версия аль-Вакиди)

§ 106. — (*a*) (Аль-Вакиди). Те, кто более всех настаивал перед халифом, чтобы он отказался от похода Усамы в Сирию, были Умар, Усман, Са‘д б. Аби Ваккас, Абу Убайда и Са‘ид б. Зайд (ср. также § 87); но Абу Бакр стоял твёрдо и хотел, чтобы последняя воля Пророка была в точности исполнена. Единственное изменение, которое он осмелился внести, состояло в том, что он попросил Усаму перед выступлением войск оставить ему Умара. Усама тотчас согласился на просьбу халифа. Абу Бакр особо позаботился о том, чтобы ободрить сподвижников к выступлению: он сказал, что тот, кто попытается уклониться от обязанности, будет в наказание послан пешим. В особенности он обращал увещания к мухаджирам, которые более других злословили об Усаме: ни один из них не получил позволения остаться в Медине. Войско, собранное таким образом в аль-Джурфе, состояло из 3000 человек и 1000 коней.

Усама прошёл сначала по территории дружественных племён, как джухайна и другие племена куда‘а, не отрёкшиеся от ислама: затем из Вади-ль-Кура он послал вперёд Хурайса аль-Узри разведчиком в направлении Убны, местности в Сирии со стороны аль-Балки (ср. Якут, I, с. 99, стр. 19), — ср. выше §§ 3 и сл. Тот вернулся, когда мусульманское войско было всего в двух переходах от назначенной ему цели, и принёс

известие, что жители ничуть не подозревают нападения, советуя поэтому немедленно произвести внезапный налёт. В мусульманском лагере было некоторое обсуждение, справедливо ли нападать на врага, не пригласив его сперва стать мусульманином, как неоднократно приказывал Магомет: Усама прекратил обсуждение, заявив, что в настоящем случае точные приказы Магомета состояли в том, чтобы обрушиться на врага врасплох и отомстить за резню при Му’те. Налёт вполне удался: жители Убны были застигнуты ночью врасплох, так что даже собака не залаяла. Мусульмане ворвались в город, убивая мужчин, захватывая женщин, унося всё, что находили, и, наконец, поджигая дома. По словам одного из пленных, Усама собственноручно убил убийцу своего отца в битве при Му’те.

Усама дал приказ не преследовать бегущих: затем он захотел немедленно приступить к правильному разделу добычи и в тот же вечер пустился в обратный путь, не потеряв ни одного человека[492]. На обратном пути он наказал жителей Кабкаба[493], которые досаждали ему на пути туда, так же как сделали это его отцу двумя годами прежде (Вакиди — Велльхаузен, с. 434–435).

(*b*) Ср. также *Хамис*, II, с. 172, стр. 14 и сл.; Асир, II, с. 253; Халдун, II, прил., с. 61; Суйути, с. 28, стр. 31 (авторитет: Ибн Занджавайх), говорит, что войско Усамы насчитывало всего 700 человек (см. Weil, I, 8, прим.), — число, кажущееся более правдоподобным, чем у аль-Вакиди.

(*b*) Говорят, что греческий император Ираклий, осведомлённый об этом набеге арабов, распорядился, по совету своего брата Сака (*sic*), поставить в аль-Балке гарнизоном конный отряд: это был тот, с которым два года спустя встретились первые отряды халифа Абу Бакра, когда началось вторжение в Сирию (в 12 г. х.) (Вакиди — Велльхаузен, с. 436).

§ 107. — (Аль-Вакиди). Из Вади-ль-Кура Усама отправил в Медину известие о победе и вызвал в городе чувство всеобщей и глубокой радости. Всё население выбежало навстречу войску, рукоплеща военачальнику, который ехал на том самом коне, Сабха, на котором был убит при Му’те его отец: впереди него шёл Бурайда со знаменем. Он направился прямо в мечеть, совершил там свои молитвы, а затем пошёл домой: знамя похода он, однако, пожелал сохранить и держал при себе до дня своей смерти.

Выступление из аль-Джурфа состоялось 1 раби II: поход длился 35 дней, 20 туда и 15 обратно (Вакиди — Велльхаузен, с. 436).

---

[492] (*a*) Вероятно, скрупулёзное соблюдение воли Пророка было для Абу Бакра не единственной причиной посылки Усамы в Палестину. Вейль (I, 7–8) справедливо предполагает, что в решениях халифа скрывалась и веская политическая причина: среди мединцев ползло недовольство избранием Абу Бакра. Ансары в самом деле чинили затруднения при утверждении Усамы в командовании походом (ср. § 109): позднее они показали себя недисциплинированными по отношению к Халиду б. аль-Валиду. Поскольку же участники похода Усамы были по большей части из Медины и окрестностей, было мудрым делом отвлечь их внимание военными предприятиями и приманкой добычи. Праздные дома, они, вероятно, возбудили бы беспорядки или обострили бы недовольство.

[493] Якут (IV, с. 233, стр. 16) упоминает три Кабкаба, но все это названия гор в области между Мединой и Меккой и близ горы Арафат: он не знает этого другого Кабкаба на севере.

Поход Усамы в Сирию (версия Сайфа)

§ 108. — (Сайф б. Умар, от Хишама б. Урвы, от Урвы б. аз-Зубайра). При известии о смерти Магомета арабы как группами, так и поодиночке начали отрекаться от ислама во всех племенах полуострова, и все враги ислама смело подняли голову. Люди сказали тогда Абу Бакру, что не годится удалять из Медины единственное существовавшее тогда мусульманское войско, ибо мусульмане свелись к тем, кто находился тогда в Медине: все арабы отпали и отреклись от ислама. Лучше было держать в Медине немногих людей Усамы, вместо того чтобы посылать их в далёкий и напрасный поход. Но Абу Бакр решительно отказался менять планы Пророка: «Даже если бы я считал, что меня придут растерзать львы, я всё равно послал бы поход Усамы, как приказал его Пророк. Я послал бы его, даже если бы мне пришлось остаться в стране одному!»[494] (Табари, I, с. 1848).

Ср. Асир, II, с. 253.

§ 109. — (Сайф б. Умар, от аль-Хасана б. Аби-ль-Хасана аль-Басри). Как только умер Пророк, сподвижники обсуждали уместность отказа от похода Усамы, чтобы не оставлять халифа одного в Медине, и особенно настаивали ансары, чтобы, если Абу Бакр всё же хочет послать поход, он по крайней мере сменил командование и вверил его лицу более опытному и старшему. Умару было поручено это щекотливое посольство к халифу, который, однако, согласно преданию, пришёл в ярость и, схватив Умара за бороду, спросил его, не лишился ли он разума[495]: как мог он осмелиться

[494] Следует, однако, заметить, что Сайф б. Умар, которому мы обязаны этими известиями, любит расцвечивать факты драматическими элементами, и слова Абу Бакра, данные на единственном авторитете Сайфа б. Умара, не могут быть приняты как исторические истины. Кроме того, неправдоподобно, чтобы уже на следующий день после смерти Магомета в Медине знали, что по всей Аравии племена отреклись от своей зависимости от Медины. Чтобы весть о смерти Магомета дошла до различных частей полуострова, вызвала там повстанческое движение и чтобы, наконец, известие об этом дошло до Медины, должно было пройти много времени, не менее месяца или двух. Поэтому вероятно, что Абу Бакр настоял на отправке похода Усамы, не зная об обширности повстанческого движения в Аравии, и что ни он, ни сподвижники не отдавали себе отчёта в великом риске, которому себя подвергали, лишая себя единственного средства обороны мусульманской общины. Лишь позднее, когда восстание кончилось и хорошо поняли, каковы были пережитые опасности, то, что было счастливо удавшимся приключением, стали считать актом великого мужества и твёрдости духа Абу Бакра и мусульман. Заметим, кроме того, что движение мятежа не могло прочно укорениться ранее чем примерно через полтора месяца после смерти Пророка, то есть когда отряд Усамы был уже на обратном пути, — следовательно, прежде чем кто-либо успел предпринять нападение на город: поэтому последний никогда не находился в непосредственной опасности нападения. Тем не менее если бы Абу Бакр, вместо того чтобы бесполезно посылать людей в Сирию, напал на колеблющиеся племена окрестностей, вероятно, восстание было бы более ограниченным и подавление — более лёгким.

[495] Об отношениях Абу Бакра с Умаром есть предание, заслуживающее упоминания в этом месте, хотя в его исторической подлинности можно несколько сомневаться. (Авторитет: Сайф б. Умар, от ас-Са‘ба б. Атийи б. Биляля, от Атийи б. Биляля). Аз-Зибрикан и аль-Акра‘ (двое тамимитов) пришли к халифу Абу Бакру и попросили его уступить им двоим поземельную подать (*аль-харадж*) Бахрайна, которой они управляли бы и которую гарантировали бы ему, заявив, что, если Абу Бакр согласится, ни один тамимит не отречётся от ислама. Абу Бакр принял предложение и написал в этом смысле грамоту. Посредником был Тальха б. Убайдаллах, и были позваны разные свидетели, чтобы узаконить документ, среди прочих и Умар. Но тот, едва прочитав документ, разорвал его на куски и совершенно уничтожил, воскликнув: «Нет! Клянусь Богом! Никакой щедрости!» (*карама*, ср. Dozy, *Suppl.*). Присутствовавший Тальха пришёл в ярость и побежал к Абу Бакру рассказать о случившемся, резко обратившись к нему со словами: «Ты ли князь, или Умар?» На что Абу Бакр ответил: «Умар! Мне остаётся лишь ему повиноваться!» Тальха умолк, двое тамимитов тем не менее остались с мусульманами и проделали с Халидом б. аль-Валидом все кампании до битвы при Ямаме. Тогда аль-Акра‘ вместе с Шурахбилем отправился в Думу (Табари, I, с. 1920–1921). Подобный эпизод с другими именами рассказан у де Гуе, *Mém.*, 57. Предание может быть отчасти верным, но содержание его тенденциозно: тогда как первое предание Сайфа стремится показать, что Абу Бакр умел противостоять

действовать вопреки ясному приказу Пророка? Поход должен был выступить любой ценой, и никто иной, как Усама, не должен был им командовать. Он объявил, кроме того, что, даже если бы ему пришлось остаться одному в Медине и дать себя пожрать собакам и волкам, он всё же не отменил бы приказа своего Учителя. Тогда Умар вернулся в лагерь в аль-Джурфе[496] и объявил, что халиф непоколебим. Тогда закончили приготовления к выступлению. Сам Абу Бакр пожелал проститься с людьми, провожая их пешком часть пути. Усама ехал верхом во главе всех, и коня его вёл под уздцы Абд ар-Рахман б. Ауф, и, когда он увидел, что халиф идёт пешком, предложил спешиться и отдать своего коня почтенному халифу. Абу Бакр приказал ему оставаться в седле, сказав, что счастлив запылить свои ноги на пути Господнем, и пространно описывал все выгоды, достижимые в этой жизни и в иной тем, кто идёт сражаться за дело Божие. Халиф попросил Усаму лишь о том, чтобы тот позволил Умару остаться с ним в Медине, ибо ему нужен был его совет: на эту просьбу Усама без промедления дал своё согласие. В момент расставания с войском Абу Бакр захотел обратиться к ним в последний раз и, говорят, наказал им главным образом десять вещей: «Не будьте недобросовестны, не утаивайте ничего из общей добычи, не совершайте измены, не уродуйте врагов, не убивайте детей, стариков и женщин, не уничтожайте пальм, не сжигайте их, не рубите плодовых деревьев и не режьте животных (овец, коров и т. д.), разве что для своего пропитания. Вы найдёте отшельников, давших обет оставаться в своих кельях; оставьте их в покое, чтобы они могли исполнять свои обеты. К вам явятся некоторые, принося вам сосуды с различными видами пищи: если будете есть, всегда произносите над ней имя Божие. Вы встретите людей, у которых выбрита макушка головы, оставлен вокруг ряд волос, как тюрбан (тонзурованные, христианские священники): разите их мечом. Ступайте во имя Божие: да охранит Он вас от насильственной смерти и от чумы»[497] (Табари, I, с. 1848–1850).

Ср. также Халдун, II, прил., с. 73, стр. 15 и сл.

Умару, это второе хотело бы показать противное. Такое противоречие означает для нас, что некогда в мире преданников обсуждался вопрос, насколько велико было влияние Умара на поведение Абу Бакра, и одна партия отстаивала тезис, что истинным государем был Умар, другая — противоположный; отсюда выдумка двух преданий. К этому предмету мы вернёмся, говоря об Абу Бакре под 13 г. х.

[496] Это противоречит тому, что сообщается аль-Вакиди (ср. § 23), что при известии о смерти Магомета лагерь в аль-Джурфе был распущен, тогда как это предание предполагает, что войско оставалось неподвижно в аль-Джурфе и после смерти Магомета. Аль-Вакиди как более древний источник заслуживает большего доверия, не говоря уже о том, что смерть Магомета и страсти, разнузданные вопросами политического наследства, должны были привлечь всех родственников в Медину. Без участия вооружённых людей из аль-Джурфа избрание Абу Бакра не могло быть действительным для всех.

[497] (*a*) Эти знаменитые наставления, которым западные историки придали такое значение, имеют сильный апокрифический привкус. В другом месте, говоря о Му’те (ср. 8 г. х., § 7; Вакиди — Велльхаузен, с. 309), мы рассказали, как почти тождественная речь вложена в уста Пророка. И Йа‘куби (II, с. 83) приписывает их Магомету и считает обращёнными к выступавшим на Му’ту. Теперь мы видим, как эти же наставления вновь появляются в устах Абу Бакра, обращённые к воинам Усамы. Так же даёт их Асир (II, с. 254), рабски списывающий предания Сайфа у Табари. У более поздних авторов — Евтихия (1093), Ибн Асакира (л. 31 об. — 33 об.) и, наконец, в романе «Футух аш-Шам» (*Futûh*, изд. Lees, 80) — мы находим их повторёнными халифом Язиду б. Аби Суфйану в момент его выступления в Сирию. Из этих соображений очевидно, что речь есть просто «формула» весьма сомнительной подлинности, восходящая, быть может, к смутной памяти о речи в этом смысле, произнесённой Пророком: так по крайней мере мы находим её в нашем древнейшем источнике (аль-Вакиди); другие, менее достойные доверия (Сайф) и более поздние, нашли удобным вкладывать её в уста другим в различных обстоятельствах. Весьма странно, что де Гуе из трёх только что указанных версий предпочёл последнюю, самую позднюю и наименее достойную доверия (де Гуе, *Mém.*, 22–23, где приведены также два рукописных сочинения Лейденской библиотеки).

(*b*) Мы можем добавить, что у Ибн Асакира находятся различные версии речи, произнесённой халифом Абу Бакром Язиду б. Аби Суфйану в момент выступления в Сирию: одна из них восходит к Юнусу б. Язиду (л. 32), а другая — к Ибн Шихабу аз-Зухри. Ахмад б. Ханбал утверждает, однако, что эта речь есть та, которую «люди Сирии приписывают Ибн Шихабу аз-Зухри, но которую в действительности тот никогда не передавал» (Ибн Асакир, л. 31 об. — 33 об.). Это последнее сведение подтверждает подозрение, что хорошие авторитеты преданий не признавали подлинности речи. Мы с ними в полном согласии, ибо все лучшие предания о выступлении людей из Медины в Сирию (ср. 12 г. х.) не говорят о ней ни слова. Лишь Ибн Исхак (Табари, I, с. 2107, стр. 6) смутно намекает на общие наставления (*васийя*), в конце которых Абу Бакр будто бы сказал: «Приветствую тебя и поручаю тебя Богу!» Ср. Arnold (49–50), доводы которого, основанные, следовательно, на малонадёжном известии, лишены всякой убедительной силы.

(*c*) Ср. также Абу-ль-Фида, I, с. 208; Асир, II, с. 253–254; Халдун, II, прил., с. 64, стр. 18 и сл., говорит, что поход состоял из членов всех племён окрестностей Медины, имевших привилегию *аль-хиджра фи диярихим*, то есть приравненных по религиозной заслуге к мухаджирам. Прочие мусульманские племена, не имевшие такой привилегии, остались охранять территорию выступивших. О племенах, приравненных к мухаджирам, или эмигрантам, ср. 3 г. х., § 67; 6 г. х., § 16.

§ 110. — (Сайф б. Умар, от Хишама б. Урвы). Абу Бакр приказал Усаме скрупулёзно исполнить все приказы Пророка, ничем не сокращая похода; начать с территории куда‘а, а затем отправиться грабить Абиль (аз-Зайт, или Убну, по другому чтению). Усама повиновался во всём; он не пренебрёг ничем из того, что Магомет или Абу Бакр приказали ему сделать, и после отсутствия в сорок дней вернулся в Медину с большой добычей (Табари, I, с. 1851).

Ср. также Халдун, II, прил., с. 65, стр. 20, где у нас: «Убна, место в области аль-Балка». Ср. выше §§ 3 и сл.

§ 111. — (Сайф б. Умар, от Абу Амра, от Зайда б. Аслама). Когда Усама б. Зайд в ходе своего похода прошёл, согласно полученным приказам, через середину страны куда‘а, он пустил конные отряды во все стороны, ободрил оставшихся добрыми мусульманами и побудил их взяться за оружие против отступников и мятежников. Перед энергичным почином Усамы и мусульман области мятежники сочли более благоразумным отступить к Думе (аль-Джандаль), собравшись все под начальством Вади‘и аль-Кальби, главного вождя восставших кальбитов. Усама ворвался в аль-Хамкатайн, напал на ад-дубайб, ветвь джузам, и на бану аль-халиль (? ср. Wüstenfeld, *Gen. Tab.*, 5–16), ветвь лахм, и дошёл затем до Абиля (или Убны). Затем он вернулся целым и невредимым в Медину (Табари, I, с. 1872–1873).

Ср. Асир, II, с. 254, где сказано, что отсутствие Усамы длилось 40 или 70 дней.

События в Медине во время отсутствия Усамы. — Первые сражения с мятежниками. — Битва при Зу-ль-Кассе (версия мединской школы)

§ 112. — (Абу Зайд Умар б. Шабба, от Али б. Мухаммада аль-Мадаини, от Абу Ма‘шара). Во время отсутствия Усамы б. Зайда, длившегося, по одним, 40, по другим — 70 дней, Абу Бакр всё время оставался в Медине. В этот период начали приходить посольства кочевых племён, чтобы заявить халифу, что они готовы продолжать правильное соблюдение молитв, но не хотят больше платить подать *аз-закат*. На эти предложения Абу Бакр всегда отвечал твёрдым отказом, настаивая на том, чтобы скрупулёзно соблюдались все предписания, наложенные Пророком. Энергичные утверждения халифа остались, однако, мёртвой буквой. Науфаль б. Му‘авия ад-Дили (*sic*, исправь: ад-Ду’или; ср. § 90, № 10), посланный Пророком собирать подати среди фазара, когда направлялся в Медину с суммой этих податей, был остановлен в аш-Шарабба[498] Хариджой б. Хисном аль-Фазари и ограблен дочиста. Мятежник позволил представителю Пророка невредимым вернуться в Медину, но вернул всё добро тем из бану фазара, у кого оно было взято в уплату причитавшихся податей. Абу Бакр ничего ещё не мог сделать за отсутствием войск под началом Усамы, но, как только они вернулись — то ли в джумада I, то ли в джумада II, — он назначил Усаму б. Зайда или, по другим, Синана ад-Дамри своим наместником в Медине и лично выступил во главе войска в направлении Зу-ль-Кассы[499] против Хариджи б. Хисна аль-Фазари и Манзура б. Заббана б. Саййара, находившихся вместе в этом месте с племенами гатафан. Вначале мусульмане, наступавшие беспечно, были атакованы и вынуждены отступить перед врагом; но Абу Бакр, отведя свои отряды в лесистое место поблизости, смог привести их в порядок и, снова поведя в атаку, обратить врага в бегство (Табари, I, с. 1870).

§ 113. — ([Аль-Вакиди?], от Йахьи б. Абдаллаха б. Аби Катады и от Усамы б. Зайда б. Аслама). (Пока поход Усамы отсутствовал) к Абу Бакру пришли два вождя, Уйайна б. Хисн аль-Фазари[500] и аль-Акра‘ б. Хабис, вместе с различными другими знатными арабами. Они явились к некоторым из мекканских мухаджиров и сказали, что прочие арабы, от них зависящие, не хотят больше платить никакой подати Медине, как платили прежде Пророку: «Но если вы установите нам нечто твёрдое (? денежное вознаграждение — смысл тёмен), тогда мы обеспечим вам достаточное у наших». Вследствие этих слов мекканские мухаджиры отправились к Абу Бакру и предложили ему сделать двум людям столько подарков (?), чтобы они ушли довольными и таким образом оставили Медину в покое до возвращения Усамы с войском. Абу Бакр ответил, что он, как и они, имеет лишь право высказать совет, ибо относительно этого дела Пророк не оставил ни предписания, ни откровения: но он был того мнения, что следует пойти войной на всякого, кто прекратит уплату дани, будь то хотя бы одна верблюжья

[498] Аш-Шарабба было местом между ас-Салилой и ар-Рабазой, на мекканской дороге, за ан-Накрой, если ехать к Мекке (Якут, III, с. 272, стр. 11 и сл.): эти известия, однако, запутанны и ненадёжны.

[499] Зу-ль-Касса лежал в 24 милях от Медины на дороге, ведшей в ар-Рабазу: по другим же он находился между Забалой и Шукуком, в двух милях за Шукуком (Якут, IV, с. 125, стр. 15 и 20).

[500] Из другого предания, приводимого ниже, следовало бы, однако, что Уйайна б. Хисн оставался значительное время в Медине, до выступления Халида б. аль-Валида (ср. § 117).

привязь (? *‘икаль*)[501]. Это мнение одержало верх над прочими и было принято сподвижниками, которые объявили его наилучшим из всех. Умар сказал: «Вера (? *иман*?) Абу Бакра имеет больший вес, чем вера всей этой общины, в том, что касается сражения с отступниками» (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 9).

§ 114. — (Аль-Вакиди). Халиф Абу Бакр послал гонцов к аслам, гифар, музайна, ашджа‘, джухайна и ка‘б, по всей округе Медины, приказывая арабам взяться за оружие, чтобы сражаться с отступниками, и с величайшей поспешностью прибыть к нему в Медину. Отовсюду пришли тогда многочисленные вооружённые, которые наполнили Медину. Джухайна прислали четыреста человек на верблюдах и конях, а Амр б. Мурра аль-Джухани привёл, кроме того, с собой 400 верблюдов как помощь и запас для мусульман: Абу Бакр разделил этих животных между людьми, сбежавшимися в Медину. Джухайна стали лагерем в (Батн) Канате. Абу Бакр решил, что следует прежде всего напасть на обманщика Тулайху[502] (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 15).

§ 115. — («Рассказывают», то есть авторитеты аль-Вакиди), как Абу Бакр (после возвращения Усамы) выступил с мухаджирами (мекканскими эмигрантами) и ансарами и покинул Медину, имея в виду напасть на гатафан, мухариб, амир, асад и тамим[503]. В Медине он оставил своим представителем, по одним, Абдаллаха б. Мас‘уда, по другим — Мухаммада б. Масламу аль-Хариси (ср. § 112). Абу Бакр двинулся в направлении Бак‘а (в 24 милях от Медины на дороге в Неджд: Якут, I, с. 700, стр. 19–20) и прибыл в это место с (авангардом [?], состоявшим из) 100 мекканских мухаджиров, с которыми совершил вечернюю молитву (*аль-магриб*) в ожидании, пока к нему присоединятся остальные люди. Пока он ждал, наступила ночь, и халиф дал приказ разжечь большой костёр: и когда он был этим занят, вдруг внезапно появились вражеские всадники под началом Хариджи б. Хисна б. Хузайфы б. Бадра, которые врасплох напали на мусульман. Последние в беспорядке отступили, и самому Абу Бакру пришлось искать укрытия в лесу поблизости, под деревом (?), отказываясь (спастись бегством…? [текст

[501] Эти знаменитые слова, приводимые столькими источниками, не вполне, однако, ясны, ибо не вполне установлено значение термина *‘икаль*. Мьюр (*Annals*, 13) переводит: «the tether of a tithed camel», то есть привязь верблюда *садаки*. Арабские лексикографы (ср. Балазури, *Glossarium*, 73) передают, однако, *‘икаль* как *садакат ас-сана*, то есть подать за год. Некоторые, как аль-Вакиди, Малик и Ибн Аби Зи’б, объясняют его как «верблюжью привязь». Против такого значения Абу Убайд возражает и утверждает, что, по большинству филологических авторитетов, у кочевников *‘икаль* всегда имел значение «дани», или годовой десятины. Бухари (I, с. 364, стр. 3; с. 369, стр. 5) вместо *‘икаль* имеет *‘анак*, то есть «козлёнок»: чтение, несомненно, ошибочное, ибо в качестве дани не принимали ни козлят, ни ягнят. Очевидно, однако, что Абу Бакр хочет намекнуть на вещь ничтожнейшей ценности. Не исключено к тому же, что верблюды *садаки* при сдаче сборщикам все имели те грубые привязи из козьей шерсти, обвязанные вокруг головы, которые арабы обычно оставляют привязанными к голове животных, пока, изношенные, те не развалятся на куски. Быть может, Абу Бакр хотел сказать: «Если у верблюдов *садаки* недостанет хотя бы одной привязи, я…» и т. д. Не думаю, чтобы возможно было иное объяснение, ибо привязи не входили в состав дани: последняя у кочевников состояла лишь из скота. Заметим, что другие предания (ср. § 117) не знают этого изречения Абу Бакра.

[502] Из контекста очевидно, что этот призыв к верным племенам следует отнести ко времени после возвращения Усамы из Сирии; быть может, это был приказ снова призвать к оружию тех, кто сопровождал Усаму и вернулся в свои семьи, чтобы повидать жён и детей и вверить им захваченное добро. В этом смысле следует понимать то, что в различных преданиях называется «отдыхом, данным людям Усамы» (ср. §§ 119 и 124). Приведённые известия имеют ценность и для выяснения состава и численности людей, двинувшихся затем с Халидом б. аль-Валидом против Тулайхи: всего несколько тысяч человек, быть может, между 2000 и 4000 (ср. §§ 120 и 123, прим. 2).

[503] Заметим, что и в этом предании не упоминаются вовсе ханифа: к этому пункту мы ещё вернёмся далее.

испорчен]). К счастью для мусульман, Тальха б. Убайдаллах, взойдя на вершину холма, громко возвестил о приближении основных мединских отрядов: услышав это, враги поспешно отступили[504]. Так маленький мусульманский авангард смог без дальнейших происшествий соединиться с остальными войсками, шедшими из Медины. Абу Бакр оставался в Бак‘е несколько дней и обсуждал там со сподвижниками, что следует делать. Умар и Али настаивали перед халифом с такой силой, что наконец побудили его отказаться от намерения лично принять командование войском. Абу Бакр хотел поставить Зайда б. аль-Хаттаба, брата Умара, во главе всего войска и назначить его своим представителем: но Зайд горячо желал сражаться за веру и найти смерть как её мученик, так что просил халифа не давать ему командования, ибо как главнокомандующий он не мог бы бросаться в ряды сражающихся и найти там славный конец, которого так давно жаждал. По тем же причинам отказались от командования также Абу Хузайфа б. Утба и Салим, *мауля* Абу Хузайфы (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 11).

§ 116. — Эти подробности аль-Вакиди подтверждаются преданием, сохранённым Йа‘кубом б. Мухаммадом аз-Зухри. В нём, однако, добавлено, что Бак‘а, где Абу Бакр велел разжечь большой костёр, — другое имя Зу-ль-Кассы (ср. также Якут, I, с. 700, стр. 20) и что халиф прибыл туда, выступив из (Батн) Каната и имея при себе среди ста мекканских мухаджиров знаменосцем Халида б. аль-Валида. Далее следует, что, когда враги под начальством Хариджи б. Хисна б. Хузайфы обратились в бегство при подходе основных сил войска из Медины, Тальха б. Убайдаллах преследовал бегущих и убил одного из них близ (? или у холмов, ср. § 118) Аусаджи (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 15–16).

§ 117. — ([Аль-Вакиди?], от Икримы, от Ибн Аббаса). Умар, Абу Убайда и Салим, *мауля* Абу Хузайфы, настаивали перед халифом, чтобы он простил в этом году кочевым арабам уплату *садаки* и обращался с ними с большим снисхождением и благосклонностью. Но Абу Бакр сказал: «То, что они давали Пророку, они должны давать и теперь, иначе я буду с ними сражаться» (ср. § 113). Поэтому (после возвращения похода Усамы) он выступил со всеми сподвижниками и дошёл до Бак‘а в Зу-ль-Кассе[505]. Там он задержался несколько дней, и Умар вместе с Али сделали всё, чтобы убедить халифа вернуться в Медину. Тогда Абу Бакр дал приказ авангарду мусульманского войска двинуться в путь, заявив, что если в течение следующих двух дней тот наткнётся на врага, он сохранит командование и выступит с главными силами войска; в противном же случае он уступает командование Халиду б. аль-Валиду. Это он сказал с единственной целью, чтобы весть об этом распространилась среди кочевых

[504] Мы устанавливаем, следовательно, что так называемая «битва» при Зу-ль-Кассе была в действительности небольшой стычкой мусульманского авангарда, в которой участвовало всего сто человек. Нет сомнения, что в этом смысле следует толковать известия, данные аль-Мадаини (ср. § 112), и фантастические и романтические преувеличения Сайфа (ср. § 119). Так мы осязаем всю историческую ценность аль-Вакиди как источника: настоящее предание и прочие, почерпнутые у Ибн Хубайша, все не изданы.

[505] В другом предании ([аль-Вакиди?], от Абдаллаха б. Аби Бакра) сказано, что Абу Бакр сопровождал Халида б. аль-Валида до Зу-ль-Кассы, но, когда прибыл туда после вечерней молитвы (*магриб*), Умар убедил халифа вернуться. Тогда Абу Бакр простился с войском и приказал Халиду продолжать путь, пока он (Абу Бакр) его не догонит: Абу Бакр объявил, что направляется в округ Хайбара, и сказал это для того, чтобы кочевники об этом узнали: на самом же деле он вернулся домой со сподвижниками (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 12–13).

арабов и внушила им страх. Затем он дал свои наставления Халиду б. аль-Валиду и приказал ему двинуться в путь: сам же он в сопровождении Умара, Али, Тальхи, аз-Зубайра, Абд ар-Рахмана б. Ауфа, Са‘да б. Аби Ваккаса и многих других вернулся в Медину. Он действовал, однако, так, чтобы сохранялась иллюзия, будто халиф готовится командовать походом. Уйайна б. Хисн (пришедший в Медину вести переговоры с халифом, ср. §§ 93, 94 и 113, прим. 1) вернулся теперь к своим, ничего не добившись, и соединился затем с Тулайхой б. Хувайлидом (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 12).

§ 118 (ср. §§ 112, 115). — (Абд аль-Азиз б. Абдаллах б. Аби Салама аль-Маджишун, от Абд аль-Вахида б. Аби Ауна, от аль-Касима б. Мухаммада б. Аби Бакра, от его тётки Аиши). Халиф Абу Бакр выступил из Медины (после возвращения Усамы) во главе мусульманского войска в направлении Зу-ль-Кассы, места бану мухариб, чтобы напасть там на лагерь мятежников под начальством Хариджи б. Хисна б. Хузайфы б. Бадра аль-Фазари и Манзура б. Заббана б. Саййара аль-Фазари из бану-ль-ушара, из гатафан; и после кровопролитного боя обратил их в бегство. Тальха б. Убайдаллах ат-Тайми преследовал беглецов и, настигнув их под Санайа Аусаджа, убил ещё нескольких: остальные беглецы спаслись[506]. Хариджа б. Хисн, убегая, кричал своим: «Горе арабам от Ибн Аби Кухафы (= Абу Бакра)!» (Балазури, с. 95, стр. 9).

Движения в Центральной Аравии: битва при Зу-ль-Кассе (версия Сайфа)

§ 119. — (Сайф б. Умар, от Сахля б. Юсуфа, от аль-Касима б. Мухаммада). При смерти Пророка около двух третей великих племён асад, гатафан и тайй открыто встали под начало лжепророка Тулайхи. Асад назначили сбор в Самире[507], фазара и гатафан — в Джануб Тайба (место неизвестное), а тайй — у границ своей страны. Са‘лаба б. са‘д, мурра и абс (и зубйан) собрались в аль-Абраке близ ар-Рабазы[508]. К последним присоединились и немало кинана, но так как страна не изобиловала припасами и фуражом, мятежникам пришлось разделиться на два отдельных отряда, из которых один остался в аль-Абраке, а другой отправился стать в Зу-ль-Кассе. Тулайха послал тогда отряд бану асад под начальством Хибаля на помощь мятежникам Зу-ль-Кассы, и многие другие арабы из племён ляйс, ад-диль (? ду’иль) и мудлидж пришли тоже присоединиться к мятежникам лагеря Зу-ль-Кассы. Командование мурра в аль-Абраке было в руках Ауфа б. Фулана б. Синана, а командование са‘лаба б. са‘д и абс — в руках аль-Хариса б. Фулана ас-Субай‘и. Эта группа мятежных племён отправила теперь посольство в Медину с поручением договориться с халифом о новых условиях. Послы остановились в домах главных жителей, за исключением, однако, аль-Аббаса, который никого не принял в свой дом, а затем явились к Абу Бакру, заявив, что племена готовы

[506] Эта версия, подтверждающая в общих чертах версии предыдущих §§ 112 и 116, без сомнения, наиболее близка к истине и своим многозначительным молчанием, не знающим всех вышивок иракской школы, особенно Сайфа б. Умара, данных в следующем параграфе, даёт нам веские основания считать баснями все рассказы о других воображаемых нападениях на Медину и о сражениях при Зу-Хусе (ср. следующие параграфы).

[507] Самира, произносимая также Сумайра, была одной из стоянок на дороге в Мекку (из Басры?) и находилась за Тузом, не доходя до аль-Хаджира (Якут, III, с. 148, стр. 1 и сл.).

[508] Ар-Рабаза была одним из селений Медины, в трёх милях от Зат Ирк, на дороге Тарик аль-Хиджаз, если ехать из Файда в Мекку (Якут, III, с. 749, стр. 6–7).

подчиниться обязанности молитвы, но не хотят больше платить подать *ас-садака*. Халиф гордо отверг предложения, утверждая с большой энергией, что будет сражаться как с неверными со всеми, кто не пришлёт дани целиком, даже если недостанет одной лишь верблюжьей привязи (‘*икаль*)[509]. Послы, вернувшись в лагерь Зу-ль-Кассы, сообщили собравшимся там племенам, что Медина лишена вооружённых людей и что взять её поэтому легко. Абу Бакр, подозревая, что послы доложат племенам о состоянии, в котором находилась Медина, и возбудят в прочих арабах желание напасть на город, лишённый защитников, принимал между тем самые энергичные меры, чтобы привести Медину в оборонительное состояние, предвидя не только дневное нападение, но и попытки ночного налёта. Оборонительные сооружения (*анкаб*) были вверены охране Али, аз-Зубайра, Тальхи и Абдаллаха б. Мас‘уда, а всем мужчинам, оставшимся в Медине и способным носить оружие, было приказано держаться всегда наготове и вместе в мечети. Предвидения Абу Бакра в точности сбылись через три дня после отъезда послов: арабы, собравшиеся в Зу-ль-Кассе, тайно двинулись на Медину и, оставив арьергард, или резерв, в Зу-Хусе (место неизвестное), попытались совершить ночной налёт. Люди, стоявшие в дозоре на оборонительных сооружениях, вовремя предупредили халифа, который, не дожидаясь даже нападения, немедленно двинулся против врага со всеми людьми, какие у него были, посаженными за неимением иных средств на верблюдов, служивших для орошения садов Медины (*ан-навадих*). Враг не выдержал внезапной вылазки халифа и стремительно отступил до Зу-Хусы. Здесь, однако, арьергард приготовился к испытанию, надув воздухом кожаные бурдюки и связав их вместе верёвками. Когда верблюды мусульман приблизились, арабы бросили наземь надутые бурдюки и пинками погнали их в сторону мусульман, наводя страх на верблюдов, непривычных к такой новинке. Верблюды повернули и бросились бежать опрометью, делая тщетными все усилия своих всадников остановить их, и остановились лишь по прибытии в Медину: мусульмане прибыли, однако, в город, не имея ни убитого, ни раненого. Происшествие было разглашено среди племён как известие о поражении мусульман и как доказательство их слабости. Арабы, вернувшиеся теперь в Зу-ль-Кассу, убедились, что от мусульман нечего больше опасаться, и потому пренебрегли принять необходимые меры для обороны лагеря. Этим немедленно захотел воспользоваться Абу Бакр, который подготовил ночной поход против лагеря в Зу-ль-Кассе. Он разделил свои отряды на три части, дал командование правым крылом ан-Ну‘ману б. Мукаррину, левым — Абдаллаху б. Мукаррину, а арьергардом — Сувайду б. Мукаррину. Внезапный удар имел счастливый исход, и, прежде чем на горизонте показался край солнца (*зарра карну аш-шамс*), мусульмане, нежданно обрушившись на спящих арабов, уже обратили их в бегство с большим избиением, завладев их добром и убив даже Хибаля, наместника Тулайхи (ср., однако, § 137). Оставив ан-Ну‘мана б. Мукаррина с некоторыми вооружёнными людьми в Зу-ль-Кассе, халиф вернулся в Медину. Это была первая победа мусульман, и она посеяла большое смятение в рядах мятежников. Абс и зубйан, чтобы отомстить за поражение, перебили всех мусульман, на которых смогли наложить руки: Абу Бакр, узнав об этом, поклялся, что наложит знатное наказание, предав смерти всех виновных в

[509] О других лёгких вариантах этого знаменитого ответа ср. Балазури, с. 94, стр. 7 и сл., и то, что сказано выше в прим. 2 к § 113.

преступлениях и других ещё. Нравственное действие победы было весьма велико и у мусульман, которые воспрянули духом, особенно когда немного времени спустя пришли подати тамим[510], присланные Сафваном, аз-Зибриканом и Ади, и когда после отсутствия немногим менее 60 дней прибыл также Усама с войском, вернувшимся из Сирии. Абу Бакр решил без промедления возобновить наступление: оставив Усаму б. Зайда наместником в Медине и приказав войскам, вернувшимся из Сирии, отдохнуть несколько дней (ср. § 114, прим. 1), он с теми же людьми, что и прежде, приготовился напасть на арабов, стоявших лагерем в аль-Абраке. Сподвижники не хотели, чтобы Абу Бакр лично вёл поход, из-за опасности, что он может быть убит и подвергнет тем мусульманскую общину новым трудностям и опасностям; но Абу Бакр отказался в чём-либо менять свои планы и вопреки всем протестам выступил с войском. Удача была ему вполне благоприятна: поход совершился без того, чтобы враг имел малейшее подозрение о его передвижениях, и мусульмане смогли обрушиться на арабов, стоявших лагерем в аль-Абраке, и легко обратить их в бегство, захватив также поэта аль-Хутай'у. Арабы рассеялись во все стороны. Халиф оставался несколько дней в аль-Абраке, в течение которых решил оставить для коней мусульманских воинов все пастбища области, лишив их са'лаба б. са'д в наказание за их мятеж. Са'лаба были вынуждены пасти свой скот на землях ар-Рабазы. Разбитые абс и зубйан отступили теперь дальше на восток и пошли соединиться с Тулайхой, который, покинув лагерь в Самире, перенёс свою главную квартиру в Бузаху (Табари, I, с. 1872–1879)[511].

Вейль (I, 13 и прим. 2), приводя это предание Сайфа, основываясь на *Камусе*, IV, с. 12, стр. 11 и сл. (ср. *Тадж аль-'арус*, VIII, с. 27, стр. 34 и сл.), ошибочно переводит *'икаль* как «einjähriges Schaaf oder Kameel». Известно, что *'акала* — собственный глагол для обозначения действия, когда привязью связывают переднюю ногу верблюда, лежащего на земле, чтобы помешать ему подняться (ср. *Тадж аль-'арус*, VIII, с. 26, стр. 22–23; *Камус*, IV, с. 12, стр. 1, и Джаухари, II, с. 217, стр. 24), как хорошо может вспомнить всякий, кто путешествовал с верблюдами по Аравии. Следует также заметить, что Вейль ошибочно переводит место из *Камуса*: в самом деле, там сказано, что *'икаль* может означать «сумму годовой подати *закят*»; ср. также Lane, *Arabic-Engl. Lex.*, 2115, где ответ Абу Бакра переведён: «If they refused me a year's poor-rate»; и Джаухари (II, с. 217, стр. 15). Немного выше, однако, тот же Лейн признаёт, что *'икаль* означает «a rope with which a camel's fore shank is bound to his arm, both being folded together and bound in the middle of the arm»; ср. также Джаухари, II, с. 217, стр. 25.

Это предание типично для жанра, свойственного иракской исторической школе. Тогда как в преданиях мединской школы у нас небольшая стычка, у Сайфа — нападение на Медину и три сражения. Изобилуют имена неизвестных лиц (с подозрительной генеалогией *ибн фулан* — «сын такого-то!») и даже два названия мест, неизвестных всем арабским географам. Всё это имеет явно апокрифический характер,

[510] Следует помнить, что повествователь этих фактов, Сайф б. Умар, принадлежал к племени тамим и потому, как нам придётся отметить и далее, не упускает ни одного случая выставить своих единокровных в хорошем свете. В другом же месте (ср. § 90, прим. 1) сказано, что тайй первыми прислали *садаку* после смерти Пророка. Вероятнее, однако, что первыми податями, пришедшими в Медину в царствование Абу Бакра, были подати окрестных племён Медины, как явствует из прямого утверждения аль-Вакиди. Ср. § 90, № 12.

[511] Ср. также Асир, II, с. 261–262, у которого вместо Самира — Сумайра; Халдун, II, прил., с. 65, стр. 20, излагает Сайфа.

бросающий тень на всю совокупность известий Сайфа (ср. выше, § 71). Не может быть сомнения, что Мадаини, Вакиди и Балазури дают версию гораздо более правильную и правдивую.

Начало кампании против отступников (версия мединской школы)

§ 120. — (*a*) (Те же авторитеты, что в § 118). Непосредственно после победы при Зу-ль-Кассе и не возвращаясь в Медину, халиф Абу Бакр послал Халида б. аль-Валида с мусульманскими людьми[512] напасть на лжепророка Тулайху б. Хувайлида аль-Асади, собравшего своих приверженцев в Бузахе, источнике бану асад б. хузайма[513]. Во главе ансаров был поставлен Сабит б. Кайс б. Шаммас аль-Ансари, который затем был убит в битве при Ямаме (Балазури, с. 95, стр. 15 и сл.).

(*b*) Ср. также Якут, I, с. 601, стр. 13–14; Абу-ль-Фарадж, с. 169, стр. 9, утверждает, что войско Халида насчитывало 4500 человек, число, которое должно быть уже преувеличенным. Ср. выше § 114, прим. 1, и ниже § 123, прим. 2.

§ 121. — В предании аль-Вакиди, сохранённом Ибн Хубайшем, сказано, что выступление Халида б. аль-Валида из Зу-ль-Кассы против лжепророка Тулайхи произошло 27-го числа, но, к сожалению, не прибавлено, какого месяца (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 15). Это должен быть, однако, либо джумада II, либо, вероятнее, раджаб 11 г. х. (ср. выше § 73, № 6).

§ 122. — (Аль-Вакиди, от Урвы б. аз-Зубайра). Халиф Абу Бакр дал Халиду б. аль-Валиду следующие наставления (когда облёк его командованием войска): «Бойся Бога и будь добр к подчинённым, ибо с тобой сподвижники Пророка, превосходные люди, как из ансаров (мединцев), так и из мухаджиров (мекканских эмигрантов). Принимай их советы и не спорь с ними. Посылай вперёд лазутчиков, которые должны будут разведывать местность, и продвигайся в добром порядке. Когда схватишься с асад и гатафан, (знай, что) часть их с тобой: они лишь ждут, чтобы увидеть, к кому придёт победа, чтобы присоединиться к нему… (пробел)… Сражаясь (же) с людьми Ямамы, призывай помощь Божию, ибо я узнал, что все они отреклись от веры. Когда Бог даст тебе удовлетворение над жителями пограничных областей (*ад-Дахийа*), наступай на людей Ямамы. Тебе придётся сражаться со стороны пустыни (? толкование неверно!): поэтому в этой пустыне будь полон заботы о своём войске, в котором есть (и некоторые) слабые люди. Сражайся с врагом тем же оружием, которым он действует против тебя: копьё против копья, меч против меча… и т. д. Остерегайся убивать тех, в доме которых услышишь, как читают мусульманский призыв к молитве (*азан*)… и т. д.» (Хубайш, Лейденская рукопись, с. 17).

---

[512] Из этого надёжного источника мы видим, как много вышивок внесено в историю романтической иракской школой: главный из всех вымыслов — мнимая одновременная отправка одиннадцати различных полководцев в одиннадцать различных частей Аравии (ср. §§ 123 и 124): Абу Бакр послал лишь одно небольшое войско под начальством Халида б. аль-Валида.

[513] Рассказывают, что халиф Абу Бакр, прощаясь с Халидом б. аль-Валидом, сказал ему, между прочим: «Беги от славы, и она погонится за тобой! ищи смерти, и тебе будет дарована жизнь!» (*‘Икд*, I, с. 9, стр. 20; с. 38, стр. 7). О других советах общего характера (сомнительной подлинности!), данных Абу Бакром Халиду, ср. также *‘Икд*, I, с. 49, стр. 8; ср. § 109 и прим. 1.

Начало кампании против отступников (версия Сайфа б. Умара)

§ 123. — (Сайф б. Умар, от Харама б. Усмана, от Абд ар-Рахмана б. Ка‘ба б. Малика). После победы Абу Бакра над абс, зубйан и арабами абд манат б. кинана, во множестве присоединившимися к ним в аль-Абраке (ср. § 119), халиф, вернувшись в Медину, собрал всех людей Усамы б. Зайда, недавно прибывших из похода вдоль границ Сирии, и, собрав также все прочие войска, какие было возможно набрать в окрестностях Медины (из окрестных кочевых племён?)[514], приказал всем воинам сойтись в Зу-ль-Кассе, в одном дне пути от Медины в направлении Неджда. В этом месте халиф произвёл смотр отрядам вооружённых и разделил их на одиннадцать отдельных войск с одиннадцатью различными знамёнами под началом одиннадцати различных полководцев, которые должны были каждый отправиться в особую область, чтобы сражаться с врагами ислама и помогать тем арабам, которые в различных племенах остались верными вере и делу ислама[515] (Табари, I, с. 1879–1880).

Единственный источник, проливающий свет на элементы, составлявшие войско мусульман, — тот, что приведён в § 114 (ср. также § 120 *b*). Войска, посланные Магометом в Сирию под начальством Усамы, состояли лишь отчасти из мединцев и мухаджиров; в гораздо большем числе были члены окрестных племён, из страны между Меккой и Мединой, то есть бали, джухайна, музайна, аслам, хуза‘а и т. д., и вероятно, что эти племена составляли и наибольший контингент тех доблестных людей, которые под искусным руководством Халида б. аль-Валида образовали главное ядро маленького войска, вновь завоевавшего мятежную Аравию.

У Мирхонда (II, с. 229, стр. 17) мы находим, что мусульманское войско под начальством Халида б. аль-Валида, когда оно двинулось против Тулайхи, насчитывало 3000 человек. Позднее, при походе против Мусайлимы, оно, говорят (Хондемир, I, 4, стр. 3), возросло до 20 000. Из некоторых преданий, сохранённых одним Ибн Хубайшем, мы узнаём, что войско Халида насчитывало 4000 человек, из которых 400–500 были мединскими ансарами (Хубайш, л. 12). Очевидно, что разделение 4000 человек на одиннадцать войск — нелепость!

---

[514] Согласно преданию, сохранённому одним Ибн Хубайшем, Халид б. аль-Валид будто бы выступил в кампанию в Центральной Аравии ещё до возвращения Усамы б. Зайда из похода к границам Сирии (!). В самом деле, по возвращении Усамы в Медину халиф Абу Бакр послал его с четырьмястами людьми на помощь Халиду, и это подкрепление прибыло к Халиду всего за три дня до битвы при Ямаме (!) (Хубайш, л. 13).

[515] Разделение немногих мединских войск на одиннадцать армий с одиннадцатью различными полководцами есть детский вымысел Сайфа б. Умара или его источников, совершенно противоречащий истине фактов. Ниже (ср. § 132) более надёжное предание Хишама Ибн аль-Кальби (Табари, I, с. 1887, стр. 15 и 17) говорит достаточно ясно, что в Зу-ль-Кассе халиф образовал одно-единственное войско и вверил командование им одному Халиду б. аль-Валиду, который должен был всеми соединёнными силами ислама сокрушить ближайшего и самого грозного врага, Тулайху, в Билад Асад: то же ясно утверждают и авторитеты мединской школы в §§ 120–122. Было бы тягчайшей стратегической ошибкой разделить силы на одиннадцать маленьких отрядов и рассеять их в одиннадцати различных направлениях. Цель иракских преданников — раздуть и прославить всё, а также возвести к Абу Бакру всю заслугу подавления племён, заставляя поверить, что вся кампания была задумана и руководима им во всех подробностях. Между тем он организовал лишь первый большой поход Халида б. аль-Валида против Тулайхи: прочие военные операции в Аравии были отчасти самопроизвольными движениями мусульманской реакции, отчасти отражениями ослепительных побед Халида над лжепророками Восточной Аравии.

§ 124. — (Сайф б. Умар, от Сахля б. Юсуфа, от аль-Касима б. Мухаммада). Разделение всех мусульманских войск на одиннадцать отдельных отрядов произошло после того, как отряды, вернувшиеся с Усамой из Сирии, отдохнули от тягот похода (ср. § 114, прим. 1)[516], и после прибытия многих приношений от оставшихся верными племён, которые тем временем поспешили прислать в Медину сумму податей *садакат* как залог своей верности или подчинения. Мусульманские силы были разделены Абу Бакром следующим образом:

(1) Халид б. аль-Валид получил приказ наступать сначала против Тулайхи б. Хувайлида в Бузахе[517], проходя через аль-Акнаф, где собрались тайй под началом Ади б. Хатима: разбив Тулайху, он должен был разбить Малика б. Нувайру в аль-Бутахе.

(2) Икрима б. Аби Джахль должен был напасть на Мусайлиму в Ямаме.

(3) Аль-Мухаджиру б. Аби Умайе была поручена задача разгромить людей покойного лжепророка аль-Асвада аль-Анси в Йемене, отправившись на помощь абна (арабско-персидским метисам) против Кайса б. аль-Макшуха и его йеменских союзников: затем он имел приказ вторгнуться в Хадрамаут.

(4) Халид б. Са‘ид б. аль-Ас, прибывший в тот момент из Йемена, покинув свой пост, был послан на аль-Хамкатайн, место в *Машариф аш-Шам*, или «Сирийских нагорьях».

(5) Амр б. аль-Ас двинулся против группы мятежников, образовавшейся среди куда‘а под начальством Вади‘и или аль-Хариса (ср. § 102).

(6) Аль-Хузайфа б. Михсан аль-Галфани получил приказ напасть на людей Дабы (в Омане, ср. §§ 87 и 88).

(7) Арфаджа б. Харсама должен был отправиться в Махру, чтобы затем соединиться с аль-Хузайфой.

---

[516] Эта подробность, вероятно истинная, представляет известный интерес, ибо показывает, что в Медине в действительности не тревожились за безопасность города: если бы была подлинная настоятельность, ни Абу Бакр, ни мусульмане не подумали бы отдыхать после краткого похода менее чем в 60 дней. Люди, двинувшиеся против мятежников под начальством Халида, не позволяли себе отдыха во время кампании. Вероятно, до выступления Халида никто в Медине не отдавал себе ясного отчёта в истинном положении дел в Аравии: действительность обнаружилась лишь после совершившихся фактов. Несмотря на столько праздных подробностей, весь настоящий исторический момент весьма тёмен. План войны, приписываемый Абу Бакру, — целиком новый вымысел, составленный *a posteriori* по действительно происшедшим фактам: последние развернулись сами собой, и Халид, подавляя восстание, действовал исключительно по собственному разумению, руководимый лишь обстоятельствами и без заранее обдуманного плана. Каждая победа влекла за собой новые дерзания и новые победы благодаря военному гению того, кто командовал мединским войском, ежедневно возраставшим от присоединения других отрядов. Бедуины не замедлили обнаружить, какая партия сильнее, и поспешили присоединиться к тому, кто давал большие ручательства победы и добычи. Рассматривая с некоторым вниманием список одиннадцати отрядов, будто бы посланных халифом, и сравнивая его с фактами, происшедшими впоследствии, мы замечаем, что Абу Бакр должен был бы с точностью предвидеть точный ход всех событий по крайней мере на два года, что по меньшей мере весьма маловероятно.

[517] У Йа‘куби (II, с. 144, стр. 16 и сл.) у нас есть (шиитское) предание, в котором утверждается, что Абу Бакр имел мысль вверить верховное командование всеми людьми Али и что Амр б. аль-Ас отговорил его, сказав: «Тебе он не захочет повиноваться!»

(8) Шурахбиль б. Хасана должен был идти вслед за Икримой б. Аби Джахлем и, когда Ямама будет покорена, броситься с конницей на куда‘а, нападая с той стороны на отступников.

(9) Турайфа (или Ма‘н) б. Хаджиз имел задачей двинуться против бану сулайм и тех из хавазин, что соединились с ними.

(10) Сувайд б. Мукаррин должен был идти в йеменскую Тихаму.

(11) Аль-Аля б. аль-Хадрами[518] — в Бахрайн[519].

(Табари, I, с. 1880–1881)[520].

Сайф в этом предании соединил все назначения, сделанные Абу Бакром в Аравии во время его халифата (и некоторые, вероятно, вымышленные), и объявил их одновременными, тогда как они происходили последовательно в течение двух лет: например, аль-Мухаджир б. Аби Умайя организовал мусульманские силы в Йемене лишь к середине 12 г. х., то есть целым годом позже.

Есть, однако, у Ибн Хубайша предание, согласно которому утверждается, что халиф Абу Бакр послал из Медины аль-Алю б. аль-Хадрами, но всего с шестнадцатью всадниками, в Бахрайн (Хубайш, л. 24). Это известие драгоценно для понимания того, как родилась басня об одиннадцати походах, посланных халифом, и какими средствами в действительности совершилось завоевание доброй части Аравии, то есть местными элементами, а не людьми, посланными из Медины.

Тот же авторитет даёт нам и текст мнимых наставлений, вручённых каждому начальнику одиннадцати войск. После различных наказов бить мятежников всеми имеющимися в их распоряжении средствами, как открытыми, так и скрытыми, начальники должны были, прежде чем напасть на врага, посылать вперёд приглашение племенам вновь принять ислам: если они повиновались требованию, племена следовало оставить в покое, но если отвечали отказом, нужно было напасть на них и силой

[518] Ибн Исхак прямо утверждает (Табари, I, с. 1969, стр. 11), что халиф Абу Бакр послал аль-Алю б. аль-Хадрами в Бахрайн лишь после того, как получил известие о поражении Мусайлимы от Халида при Акрабе. Вероятно, кроме того, что аль-Аля, бывший представителем Пророка в Бахрайне, находился там ещё при смерти Магомета (ср. Табари, I, с. 1959, стр. 13–14); аль-Аля поэтому, вероятно, вовсе не приходил в Медину, а остался в Бахрайне и по собственному почину собрал там антиязыческие силы, оставшиеся верными делу ислама в особенности благодаря аль-Джаруду (ср. 12 г. х.).

[519] В тексте Табари мы находим со слов Сайфа б. Умара (от Абдаллаха б. Са‘ида, от Абд ар-Рахмана б. Ка‘ба б. Малика) также мнимый текст окружного письма, написанного по приказу Абу Бакра всем племенам Аравии, как верным, так и мятежным, которое, по нашему источнику (Табари, I, с. 1884, стр. 4; ср. также Хубайш, Лейденская рукопись, с. 16–17), было будто бы послано халифом через особых представителей к племенам до прибытия войск как ободрение верным упорствовать и как предостережение и призыв к покаянию для мятежников. Не стоит давать его полного перевода, ибо это несомненно позднее литературное сочинение. Объяснив миссию Магомета, получившего от Бога повеление искупить людей от заблуждения и направить их на правый путь, письмо переходит к повторению тех стихов Корана, из которых следует понять, что Магомет был смертным, как все прочие люди и как все пророки до него (ср. § 25): это не должно было, однако, быть причиной отрекаться при его смерти от ислама, который всегда оставался руководителем людей к истине и к Богу. Затем, подытоживая угрозы, содержащиеся в Коране против тех, кто не хотел верить в ислам, обращается суровый упрёк к тем, кто отрёкся, и возвещается отправка войск для подавления мятежа. Каждому мятежному племени следовало, однако, прежде чем нападать на него, сделать приглашение вновь принять ислам, и в случае утвердительного ответа всё было прощено и забыто; если же мятежники упорствовали в отказе, мужчины все приговаривались к смерти, а женщины и дети обращались в рабство. От отступников не следовало принимать ничего, кроме полного возвращения в ислам.

[520] Ср. также Асир, II, с. 262, стр. 16 и сл.; Халдун, II, прил., с. 69, стр. 18 и сл.

принудить уступить. Если и этого не хватало, чтобы их убедить, следовало истребить их совершенно, избивая всех мужчин железом и огнём (*би-с-силах ва-н-нираи*). Победители имели право на раздел между собой добычи, по отчислении, однако, пятой части, которую следовало посылать халифу (Табари, I, с. 1881–1885).

Ср. также *Агани*, XIV, с. 58, стр. 14–17; Халдун, II, прил., с. 69–70.

Вейль (I, 15–16) переводит целиком тексты этих мнимых наставлений: он не знал, сколь обманчив авторитет Сайфа б. Умара, на котором они покоятся. Он принимает и басню об одиннадцати походах (с. 14); то же делает и Мьюр (*Annals*, 17–18), хотя выражает на этот счёт некоторое сомнение. Мюллер (I, 77) принимает, напротив, Сайфа, ничуть не сомневаясь в его правдивости. Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, VI, 71) первым выделил эту ошибку. — Документы, приводимые Сайфом, вообще все апокрифичны; мы увидим их много далее: примечательны те, что даны в преданиях о завоевании Персии (ср. Табари, I, с. 2655, 2657, 2658, 2660, 2662 и т. д., все апокрифичны; Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 105).

§ 125. — Упоминается (Сайф б. Умар, от Сахля и других) и о другом походе, посланном Абу Бакром. Алькама б. Уляса из племени килаб (ветви бану амир б. са‘са‘а) обратился в ислам при жизни Магомета, затем после взятия Таифа отрёкся от ислама и бежал в Сирию ещё до смерти Пророка. Он был при дворе императора Ираклия и оспаривал перед ним у Кинаны б. Абд Ялиля наследство Абу Амира ар-Рахиба, умершего в Сирии (ср. 10 г. х., § 83). Император, однако, решил, что имущество покойного должно отойти к Кинане (ср. Табари, I, с. 1749, стр. 6–8). Узнав о смерти Магомета, Ибн Уляса, немедленно вернувшись в Аравию, поспешил теперь к своим единокровным, бану ка‘б, и встал во главе тех, кто не хотел больше оставаться под владычеством Медины. Против него Абу Бакр послал поход, вверив командование аль-Ка‘ка‘у б. Амру ат-Тамими[521], который в соответствии с наставлениями, полученными от халифа, внезапно обрушился на лагерь Ибн Улясы и рассеял его приверженцев, взяв в плен жён и дочерей самого Ибн Улясы. Последние, приведённые в Медину и заключённые в доме, жаловались халифу на своё положение, протестуя, что они не ответственны за то, что сделал Ибн Уляса. Наконец Абу Бакр отпустил их всех на свободу, и Ибн Уляса за этот великодушный поступок халифа вновь принял ислам и был помилован (Табари, I, с. 1899–1900; *Агани*, XVII, с. 57, стр. 26 и сл.). Ср. также ниже § 151.

§ 126. — В источниках упоминается и о другом походе, посланном халифом Абу Бакром. При смерти Пророка от ислама отреклись и хауляны в Йемене, и против них халиф Абу Бакр послал Я‘лю б. Мунью, называвшегося так по имени своей матери Муньи: Я‘ля принадлежал к племени бану мазин б. мансур б. икрима б. хасафа б. кайс б. айлан б. мудар, а его отцом был Умайя б. Аби Убайда, потомок Малика б. Ханзалы и *халиф*, или союзник, бану науфаль б. абд манат. Я‘ля разбил хаулян, взял много добычи и многочисленных пленников. Другие версии утверждают, что он не встретил никакого сопротивления и что арабы при первом его появлении вновь приняли ислам (Балазури, с. 100, стр. 7 и сл.).

[521] Ср., однако, § 164, прим. 1, где видно, что Сайф здесь снова ошибается.

Из другого места Балазури (с. 103, стр. 16) явствовало бы, что этот факт произошёл *после* восстания в Хадрамауте, и потому гораздо позднее, быть может, в конце 12 г. х.

Восстание Тулайхи в Билад Асад (версия Сайфа б. Умара)

§ 127. — (Сайф б. Умар; с иснадом, притязающим восходить к одному асадиту, очевидцу). Когда пришло известие о болезни Пророка, за которым вскоре последовала новость, что аль-Асвад восстал в Йемене, а Мусайлима — в Ямаме, во всей стране бану асад вспыхнуло живейшее брожение: Тулайха б. Хувайлид притязал быть тоже пророком и увлёк за собой всех людей своей страны и своего племени, отправившись поставить военный лагерь в Самире[522]. Едва утвердив свою независимость, он, говорят, послал своего племянника Хибаля послом к Пророку, предлагая прийти с ним к заключению особого соглашения. Магомет гордо отверг всякое предложение. Тулайха притязал быть вдохновляемым ангелом (Табари, I, с. 1797).

Согласно другому преданию того же Сайфа б. Умара, известие о мятеже Тулайхи принёс в Медину Синан б. Аби Синан, вождь бану малик (Табари, I, с. 1797–1798).

Первая часть этих известий должна быть точной, ибо подтверждается и Сайфом (ср. § 130): вторая есть позднейший тенденциозный вымысел, созданный, чтобы скрыть факт, — непонятный для мусульман последующих времён, — что Магомет мог терпеть и оставлять в покое так называемых лжепророков Тулайху, Мусайлиму и аль-Асвада аль-Анси.

§ 128. — О содержании учений Тулайхи мы совершенно в неведении, ибо восточные авторы не позаботились сохранить память о его религиозных проявлениях: о нём почти совершенно отсутствуют и предания мединской школы. По тому немногому, что мы знаем, кажется, однако, что он не столько основал новое учение, сколько притязал иметь вдохновения сверхъестественного происхождения и что эти мнимые откровения были по большей части практического содержания и относились к событиям дня, не притязая на утверждение общих отвлечённых нравственных и догматических начал. Существуют предания, не все надёжные, в которых притязают сохранить память о некоторых пророческих откровениях Тулайхи. Содержание их невинного и почти детского рода. Одно из них следующее: (авторитет: Сайф б. Умар, от Сахля б. Юсуфа) в лагере у аль-Гамра один мятежник, допрошенный Халидом б. аль-Валидом, заявил, что считает следующие стихи одними из открытых Тулайхой: «(Клянусь) голубями, и горлицами, и птицей *ас-сурад ас-саввам* (голодным соколом?)[523]: задолго до вас обещано, что наше царство распространится однажды на Ирак и на Сирию!» (Асир, II, с. 265, стр. 6 и сл.; Табари, I, с. 1897).

[522] Тулайха начал волноваться ещё до смерти Магомета (ср. § 134, прим. 2) и, побыв прорицателем, притязал быть пророком: к нему присоединилось много евреев. Сбор в Самире произошёл до смерти Магомета, и утверждают, что последний, едва прослышав о движениях Тулайхи, послал Дирара б. аль-Азвара аль-Асади сражаться с ним. Но у Дирара не было достаточных сил, чтобы напасть на него, и, пока он медлил, умер Магомет. Тогда к Тулайхе присоединились гатафан, хавазин (*sic!*) и тайй, а Дирар бежал в Медину (Халдун, II, прил., с. 70, третья стр. снизу и сл.).

[523] Это род птицы с белыми и чёрными перьями, крупнее воробья, которая охотится на воробьёв. По мусульманским преданиям, это первая птица, соблюдавшая пост (*саввам*) из благочестия к Богу (ср. Kazimirski, I, 1330, и подробнее Lane, *Arabic-Engl. Lexicon*, 1677).

§ 129. — (Сайф б. Умар, от Абу Йа‘куба Са‘ида б. Убайда). Когда после столкновения при аль-Гамре[524] мятежники отошли к Бузахе, Тулайха перед битвой объявил, что получил откровение следующего содержания: «Я повелел, чтобы вы сделали жернов *зат ‘ура* (опустошительный? Мьюр, *Annals*, 26, прим. 1, переводит: „with a handle”), которым Бог поразит, кого хочет поразить; падёт под ним тот, кому суждено пасть!» (Табари, I, с. 1897). Образ жернова, то есть битвы, перемалывающей людей, как жернов[525], возвращается и в том вдохновении, которое, говорят, Тулайха получил во время битвы при Бузахе (см. §§ 137–138). Вероятно, однако, что в этом случае, как, быть может, и в случае Мусайлимы, «откровения» суть позднейшие вымыслы, чтобы осмеять лжепророков.

§ 130. — (Сайф б. Умар, с иснадом, притязающим восходить к асадиту — очевидцу событий). Тулайха начал мятеж и стал выдавать себя за пророка с божественной миссией ещё до того, как Магомет перестал жить. Узнав об этом, Пророк тотчас послал из Медины в страну асад своего представителя по имени Дирар б. аль-Асвад с наставлениями ободрить мусульманскую партию среди асад и с приказами мединским наместникам в этом племени энергично перейти в наступление против обманщика. Вначале всё шло хорошо, ибо мусульмане, видя, что их поддерживает Магомет, начали собираться в лагере у Варидата, становясь с каждым днём многочисленнее, тогда как, с другой стороны, приверженцы обманщика, стоявшие лагерем в Самире, видели, как убывает число их отрядов перед лицом энергии, проявленной агентами мединского правительства. Дирар б. аль-Асвад вскоре почувствовал себя даже настолько сильным, что мог замышлять нападение на мятежников и поставить себе целью сокрушить приверженцев Тулайхи. Случилось так, что в те дни Дирар б. аль-Асвад столкнулся с Тулайхой и имел с ним стычку, в которой Дирар едва не убил лжепророка. Последнему удалось, однако, ускользнуть от мусульман, распустив также слух, что Дирар в бою пытался убить его могучим рубящим ударом меча, но что оружие мусульманского начальника отскочило от тела Тулайхи, не оставив никакого следа. Слух об этом чуде распространился и утвердил во многих мнение, что Тулайха неуязвим. Это много содействовало росту его популярности и увеличению его престижа, ибо считалось доказательством его божественной миссии. В те дни пришло наконец известие, что Пророк скончался, и движение изумления и глубокое волнение, вызванные новостью, имели тяжкие последствия, все во вред мусульманской партии и все на пользу Тулайхе. Зараза переворота распространилась на соседние племена, многие из которых выказали намерение сгруппироваться вокруг нового пророка и образовать в Центральной Аравии государство, подобное оставленному Магометом в Западной Аравии.

---

[524] Об этом сражении (аль-Гамр), о котором у Табари всего два косвенных намёка, царит большая неясность; это, однако, несомненно то военное дело, которое упоминается Балазури как событие, последовавшее за Бузахой (ср. § 157). Сайф здесь снова ошибается. Стих аль-Хутай’и (34, 3, 4) подтверждает, что при Гамре сражались после Бузахи: в Гамре были зубйан (фазара), которые не сражались при Бузахе. Якут (III, 814) следует Сайфу и говорит, что Халид прибыл туда, проходя через Акнаф, после похода против тайй. Ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 11, прим. 1.

[525] Эта метафора, весьма частая и обычная в поэтической терминологии доисламской эпохи, находится также, например, у Schultens, *Excerpta Hamasae*, 326–327; в му‘аллаке Амра, стих 30; в му‘аллаке Зухайра, стих 31, в порядке, данном Нёльдеке, *Fünf Mo’allaqât*, Sitzungsber. der K. Akad. der Wissensch. Wien, Bd. CXL и CXLIV, 1899, 1901. Этим примечанием я обязан любезности д-ра Г. Габриэли.

Одним из важнейших присоединений к делу Тулайхи было присоединение племени тайй. В древности, задолго до ислама, существовала конфедерация между асад, гатафан и тайй: впоследствии, незадолго до миссии Магомета, соединённые асад и гатафан вытеснили тайй (бану джадила и бану-л-гаус) с части их пастбищ, вынудив их жить в изгнании в другом месте. Тогда вмешался Зу-ль-Химарайн Ауф аль-Джузами, который, соединив два разделённых племени тайй и увеличив таким образом их военные силы, смог добиться над асад и гатафан стольких успехов, что вновь отнял у них пастбища, которыми прежде пользовались тайй. Поэтому, когда возник ислам, ещё существовала старая вражда между тайй с одной стороны и асад и гатафан с другой. Смерть Магомета произвела в этом глубокую перемену: Уйайна б. Хисн аль-Фазари стал зачинателем движения к объединению различных племён, предав забвению старые обиды: он предложил сделать общее дело с Тулайхой и объявил, что лучше следовать пророку, принадлежащему к союзному племени, чем повиноваться пророку курайшитов. Притом Магомета больше не было, тогда как Тулайха был ещё жив. Фазара благосклонно приняли предложение своего вождя и соединились с асад под началом Тулайхи. В это движение были увлечены и тайй. Сумама б. Аус б. Лам ат-Та’и, вождь джадила (тайй), собрал около 500 человек в аль-Курдуде и в аль-Аншур Дувайн, тогда как Мухальхиль б. Зайд тоже собрал отряд воинов среди гаус в аль-Акнафе, в Хиял Файд. Оба вождя затем одновременно написали Зу-ль-Химарайну Ауфу аль-Джузами и через него договорились с лжепророком Самиры.

Перед этим самопроизвольным движением стольких объединившихся племён мусульманские представители — Дирар, Куда‘и, Синан и все прочие — должны были бежать в Медину, принеся весть о всеобщем восстании племён. Вскоре после них прибыли также посольства асад, гатафан, хавазин, тайй и куда‘а, которые все имели наставления договариваться с Абу Бакром на основе обещания со своей стороны исправно соблюдать молитвы при условии, что халиф отменит ненавистную уплату податей, *аз-закат*. Абу Бакр твёрдо отверг предложения, отказавшись что-либо менять в том, что приказал Пророк: посольствам пришлось удалиться, ничего не добившись. Абу Бакр не захотел даже по отношению к ним проявить никакого снисхождения, которое могло бы быть сочтено доказательством слабости, и приказал всем послам выйти из города в течение двадцати четырёх часов. Это происходило уже через десять дней после смерти Пророка (Табари, I, с. 1891–1894)[526].

Начало кампании Халида б. аль-Валида: подчинение тайй (версия Сайфа б. Умара)

§ 131. — (Сайф б. Умар, от Сахля б. Юсуфа, от Хишама б. Урвы). Когда абс, зубйан и их друзья и союзники после поражения при аль-Абраке (ср. § 119) отступили к

[526] Хотя и помня, что в рассказе Сайфа мы должны всегда остерегаться вымыслов и преувеличений, в настоящем случае нет причины сомневаться, что превратности отношений между тайй и асад, как они здесь рассказаны, должны быть в большой мере истинными (они отчасти подтверждаются и Ибн аль-Кальби, ср. § 132). При крайней скудости наших источников и подобные предания имеют для нас ценность: из них мы можем заключить, что ещё до смерти Магомета в Центральной Аравии самопроизвольно возникло движение к сосредоточению среди дотоле враждебных племён с целью основать в Неджде государство, подобное мединскому. Этим воспользовался Тулайха, к которому присоединились многие из всех окрестных племён: смерть Магомета ускорила этот процесс сосредоточения.

Тулайхе в Бузаху, тот послал эмиссаров к джадила и гаус (двум главным ветвям тайй), приглашая их с величайшей поспешностью соединиться с ним. Многие откликнулись на призыв и соединились с восставшими. В то же время, однако, Абу Бакр, чтобы обезопасить левый фланг Халида, который должен был двинуться на Бузаху, начал переговоры с тайй, чтобы побудить их вернуться в лоно ислама. Посредником в этих переговорах был Ади б. Хатим ат-Та’и (ср., однако, §§ 90, прим. 1, и 91), и, чтобы ускорить заключение переговоров, Абу Бакр дал понять, будто целью Халида б. аль-Валида должен быть поход против тайй, собравшихся в аль-Акнафе, и будто он сам с другими войсками намерен двинуться на Хайбар, чтобы поддержать с другой стороны нападение Халида. Угрозы возымели желаемое действие; тайй вовсе не хотели подчиняться «отцу отнятого от матки телёнка» (*Абу-ль-Фасиль*), как в насмешку называли халифа (*абу бакр* = «отец молодого верблюда»); но Ади б. Хатим смог явиться к единокровным с действенным доводом угрозы вражеского вторжения и убедить племя сделать общее дело с мусульманами[527]. Тайй попросили тогда, чтобы Халид повременил с наступлением, пока они не успеют отозвать из мятежного лагеря в Бузахе своих товарищей, соединившихся с Тулайхой, ибо боялись, что, если станет известно о соединении тайй с Халидом, Тулайха отомстит за измену племени, либо перебив, либо удерживая заложниками тех та’итов, что находились в его лагере. Халид согласился задержать свои передвижения, и тайй успели отозвать товарищей из лагеря в Бузахе под предлогом, что нуждаются в их помощи против неминуемого нападения мусульман. Целая тысяча всадников обоих племён тайй, отделившись от Тулайхи, пришла теперь соединиться с отрядами Халида (Табари, I, с. 1885–1887).

Кампания Халида против Тулайхи (версия мединской школы)

§ 132. — (Хишам Ибн аль-Кальби, от Абу Михнафа). Когда Абу Бакр решил подавить восстание племён, после возвращения Усамы из Сирии он дал приказ, чтобы все наличные войска собрались в лагере Зу-ль-Кассы, в одном дне пути от Медины в направлении Неджда, и вверил командование всем войском Халиду б. аль-Валиду, дав ему Сабита б. Кайса заместителем и начальником ансаров[528]. Халид должен был напасть

[527] На насмешливое прозвище «отец отнятого телёнка» (*фасиль*), употреблённое тайй, намекая на Абу Бакра, Ади б. Хатим, говорят, ответил: «Скоро придут люди, которые будут насиловать ваших женщин: вам придётся дать ему прозвище разъярённого быка!» (Табари, I, с. 1886, стр. 13–14). Арабы любят такие игры слов. Ср. также Табари, I, с. 1890, стр. 5–6, где Ади говорит тайй, не желающим признать «отца отнятого телёнка»: «Он будет сражаться с вами, пока вам не придётся называть его отцом разъярённого быка». Поэт аль-Хутай’а сказал: «Пророку мы повиновались, но отцу телёнка мы не хотим повиноваться, иначе в конце концов нам придётся повиноваться и самому телёнку!» Ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 7. См. также подобные стихи, приведённые в § 85. — Ср. также Асир, II, с. 263, стр. 11 и сл.

[528] И это предание своим молчанием опровергает басню об одиннадцати войсках, будто бы посланных, по Сайфу, Абу Бакром (ср. § 124). Все войска были соединены под одним командованием, Халида, и он получил лишь приказ напасть на Тулайху. Отклонение на территорию тайй и соединение с этим племенем было также непредвиденным эпизодом кампании, а не исполнением приказа Абу Бакра. Заслуга, по-видимому, целиком принадлежала Халиду, который, заметив, быть может после какой-то лёгкой неудачи, что собственные силы недостаточны, чтобы разбить Тулайху, пригрозил напасть на другие колеблющиеся и более слабые племена и вынудил их выйти из сомнительного положения и решиться за ту или другую сторону. Тайй одни против Халида ничего не могли и, не поддержанные Тулайхой, уступили угрозам, предпочтя рискнуть отдалённой опасностью, чтобы избавиться от опасности близкой и неминуемой. Этим искусным ходом Халид не только перетянул на свою сторону тайй, но и вынудил их дать ему значительные подкрепления, так что его поход на Бузаху походил на снежный ком, который растёт по мере движения. Вероятно, многие другие неназванные части племён тоже сбежались увеличить отряды Халида и что он появился перед Бузахой лишь тогда, когда

на Тулайху с его союзником Уйайной б. Хисном аль-Фазари в лагере Бузахи, источника на территории асад, тогда как Абу Бакр, с целью ещё более устрашить врага, распространил слух, что он с другими людьми намерен наступать со стороны Хайбара, — нападая таким образом на мятежников с двух сторон. — Но как только Халид начал поход на Бузаху, Абу Бакр вернулся в Медину, откуда больше не двигался. Во время наступления на Бузаху Халид б. аль-Валид послал вперёд разведчиками Уккашу б. Михсана и Сабита б. Акрама, одного из бану-ль-аджлан, *халифа* ансаров, которые, слишком приблизившись к врагу, были застигнуты врасплох, убиты и оставлены мёртвыми на земле Тулайхой и его братом Саламой. Когда мусульманское войско, продолжая путь, прибыло на место избиения и внезапно нашло два трупа, оно весьма смутилось. Чтобы ободрить своих, Халиду пришлось переменить дорогу и, отклонившись в сторону, он направился к тайй, стремясь ободрить своих присоединением этого могущественного племени. Халид дошёл до Урука, города на горе Сальма — или, по другим, на горе Аджа, — и при содействии Ади б. Хатима добился наконец, что тайй сделали с ним общее дело против Тулайхи. Среди тайй было большое нежелание соединяться с мусульманами против мятежников, ибо ещё с языческих времён существовала конфедерация (ср. § 130 и прим. 1) между асад и тайй, и последним теперь претило сражаться против старых союзников; но эти трудности были преодолены, ибо между двумя племенами уже не царило прежнего согласия и ещё до появления Халида возникли трения (Табари, I, с. 1887–1890)[529].

§ 133. — (Аль-Вакиди, от Исы б. Умайли аль-Фазари, от его отца Умайли). Халид б. аль-Валид имел правилом без промедления нападать на всякое место, где замечал, что не совершают мусульманского призыва к молитве (*азан*): если же слышал его, то никого больше не беспокоил. Придя теперь в окрестности места, где находился Тулайха со своими приверженцами, он послал вперёд разведчиками Уккашу б. Михсана и Сабита б. Акрама верхом на двух конях, называвшихся один Лизам, а другой Мухаббир. Двое мусульман столкнулись с Тулайхой и его братом Масламой (или Саламой, ср. § 132), которые, оставив войско за спиной, выдвинулись вперёд в поисках сведений[530], тогда как Уйайна б. Хисн аль-Фазари остался в лагере командовать отрядами Тулайхи при содействии своего брата Хариджи б. Хисна. Итак, четверо

имел столь значительные силы, чтобы быть уверенным в победе.

[529] Ср. также Асир, II, с. 263–264, где сказано, что двое мусульманских разведчиков, прежде чем быть убитыми, застигли врасплох и убили Хибаля (ср., однако, §§ 119 и 137), брата Тулайхи (Балазури, с. 95–96; Са‘д, III, ч. I, с. 36–37).

[530] Факт, что полководец и пророк сам несёт службу передовой разведки и сбора сведений, рискуя таким образом собственной жизнью, по меньшей мере малоправдоподобен. Поэтому было бы веское основание считать более правильной версию Ибн Исхака, какова она в предании, приводимом Ибн Хубайшем из «Книги» Йахьи б. Са‘ида аль-Умави. Согласно этому преданию, Уккаша б. Михсан и Сабит б. Акрам были убиты один за другим самим Тулайхой, когда пытались преследовать его после битвы при Бузахе, а не до неё. Утверждают, что Тулайха некогда дал Богу (Аллаху) обет, что никогда не откажется остановиться и ответить, если кто-нибудь позовёт его по имени. Так случилось, что Уккаша, преследуя его, позвал его по имени: «Тулайха!» — и лжепророк, верный своему обету, остановился, но убил своего собеседника. То же произошло с Сабитом б. Акрамом (Хубайш, л. 2 об.). Возможно, тем не менее, что убийство Уккаши и Сабита есть смутное воспоминание о небольшой неудаче, понесённой мусульманами в начале кампании, то есть о мусульманском отряде, одолённом врагом. Это сомнение подтверждается известием Ибн аль-Кальби (ср. § 132), что из-за убийства двух мусульман Халид переменил дорогу и двинулся к тайй. Быть может, авангард Халида потерпел неудачу, и этот прозорливый полководец счёл за благо получить другие подкрепления, прежде чем схватиться с Тулайхой.

встретились, и, пока Тулайха схватился с Уккашей, Масламе легко удалось убить Сабита б. Акрама: освободившись теперь от своего противника, Маслама пришёл на помощь Тулайхе, и они вдвоём убили и Уккашу. Позднее подошли мусульмане под началом Халида б. аль-Валида и с изумлением и скорбью обнаружили трупы Уккаши и Сабита, растоптанные и растерзанные зверями пустыни. Такова была скорбь, испытанная мусульманами при этом зрелище, что всадники стали весьма тяжелы для своих верховых животных: те едва могли поднимать ноги от земли[531] (Хубайш, л. 2 об.).

Битва при Бузахе

§ 134. — Странно сказать, Табари в своей летописи, дойдя до этого места истории Ридды, опускает описание битвы при аль-Бузахе и довольствуется тем, что даёт нам одно лишь предание Ибн Исхака (ср. § 138) об одном эпизоде битвы и ни одного предания Сайфа. Пробел должен быть весьма древним, быть может, забывчивостью самого Табари, ибо мусульманские летописцы, сочинения которых напечатаны, — все, кроме двух, следуют Табари — равным образом опускают описание битвы. К нашему счастью, однако, Ибн Хубайш пользовался для своей истории Ридды другими источниками и сохранил нам различные записи о великой битве, которые, хотя и замутнены тенденциозными вставками, дают нам достаточно ясное описание того, что произошло.

§ 135. — (Аль-Вакиди). Когда Халид б. аль-Валид и Ади б. Хатим, к которому присоединилась тысяча человек из тайй, двинулись против отступников, они дошли до лагеря Бузахи. Джадила, подплемя тайй, когда умер Пророк, хотели отречься от ислама (см. ниже прим. 1), но Микнаф б. Зайд аль-Хайль ат-Та’и произнёс перед ними длинную речь, удержав их от такого намерения замечанием, что они покроют себя позором, отрекшись от ислама, раз ни один другой та’ит этого не сделал. Теперь Халид б. аль-Валид хотел послать Ади б. Хатима напасть на джадила, но Ади отговорил его: «Лучше, — сказал он ему, — сражаться обеими руками (то есть с джадила и гаус, к последним из которых принадлежал Ади), чем одной (гаус)!» Халид дал себя убедить: Ади, отправившись к джадила, пригласил их принять ислам, и они, обратившись, пришли присоединиться к отрядам Халида[532]. Ади б. Хатим хотел, чтобы тайй образовали авангард и передний край мусульманского войска, но Халид не принял этого предложения, ибо опасался, что эти арабы могут бежать в схватке, увлекая за собой всё войско. Поэтому он предпочёл поставить впереди мухаджиров и ансаров. Итак, Халид прибыл (к Бузахе) в таком порядке до места близ лагеря Тулайхи, для которого был поставлен кожаный шатёр, окружённый со всех сторон воинами. В миле расстояния Халид поставил свой лагерь и затем в сопровождении нескольких

[531] Арабское суеверие гласит, что сильное волнение увеличивает вес человека: так, например, в другом месте рассказывается, что, когда Магомет однажды получил откровение, сидя верхом на верблюде, тот едва мог двигаться под тяжестью Пророка, охваченного божественным вдохновением (Вакиди — Велльхаузен, с. 181).

[532] По тому, как выражается текст, казалось бы почти, что джадила до прихода Халида ещё не приняли ислама и что они обратились впервые накануне битвы при Бузахе (ср. также 10 г. х., §§ 35 и сл.), увлечённые примером гаус. Хотя это находится в видимом противоречии со сказанным немного выше о джадила, известие, выведенное из выражений текста, может быть точным, а предшествующие слова могут быть лишь исламизированной версией раздоров, вспыхнувших среди джадила (тайй), когда узнали, что Магомет умер и что родственная ветвь гаус связала свою судьбу с судьбой преемника Магомета.

сподвижников подошёл в окрестности лагеря Тулайхи и сказал: «Пусть Тулайха выйдет ко мне!» Люди лжепророка ответили ему: «Не умаляй имени нашего пророка: его зовут Тальха!»[533] Наконец, однако, Тулайха явился, и Халид от имени халифа пригласил его стать мусульманином и признать Магомета Пророком Божиим: «Тогда мы вложим наши мечи в ножны!» Тулайха ответил: «Я объявляю, что я Пророк Божий, его особый посланник, к которому приходит (ангел) Зу-н-Нун, как Джибриль приходил к Магомету»[534]. Халид после этого ответа вернулся в свой лагерь и назначил Микнафа б. Зайда аль-Хайля и Ади б. Хатима часовыми на всю ночь. На рассвете Халид построил в боевой порядок свои войска, вручив большое знамя (*лиуа'*) Зайду б. аль-Хаттабу: знамя ансаров было вручено Сабиту б. Кайсу: и тайй попросили иметь знамя, и, когда это им было даровано, Ади б. Хатим принял его. Когда Тулайха увидел эти приготовления, он тоже построил своих в боевой порядок: Халид расположил мусульман… (? *'аля риджлайхи*), тогда как Тулайха расположил их… (? *'аля рахаляти-хи*). Когда Халид пошёл в атаку, Тулайха двинулся ему навстречу с 40 молодыми и сильными воинами, на подбородке которых ещё не пробилась борода, и поставил их на своём правом крыле, сказав им: «Работайте руками, пока не дойдёте до левого крыла!» Так они и сделали, и мусульманские отряды на левом крыле, уступив натиску этих юношей, рассеялись, без того, однако, чтобы хоть один человек (из 40 юношей) был убит (?). Тогда Тулайха перевёл тех же юношей на своё левое крыло, и там они достигли того же результата: мусульмане обратились в бегство (Хубайш, л. 1 об.).

В предании Мухаммада б. ас-Са'иба аль-Кальби (Хубайш, л. 2) подтверждается эпизод сорока воинов, избранных Тулайхой, которые обращают в бегство оба крыла мусульман.

(*b*) Зу-н-Нун, или «человек рыбы», встречается в Коране (XXI, 87) как прозвание Юнуса, или пророка Ионы, называемого также *сахиб аль-хут*, или «dominus piscis». Как же он стал именем ангела?

§ 136. — (Аль-Вакиди). Один человек из хавазин, присутствовавший при битве при Бузахе, рассказывал впоследствии, как правое крыло Халида обратилось в бегство, а вскоре после того и левое. Тогда Халид закричал: «О вы, ансары! Бог! Бог!» — и бросился в гущу сражающихся. Увлечённые примером, его товарищи снова повернулись лицом к врагу, собравшись вокруг Халида: два сражавшихся отряда смешались, и мечи скрестились: Халид соскочил с седла своего коня и продолжал

[533] Из этого известия мы устанавливаем, что подлинное имя лжепророка было Тальха и что Тулайха — просто презрительная уменьшительная форма, употреблявшаяся мусульманами, говоря о сопернике и подражателе их Пророка. То же сделали они с Масламой в Ямаме, имя которого умалили в Мусайлиму.

[534] (*a*) В этом месте аль-Вакиди вводит в текст предания свою глоссу, для нас весьма интересную, в которой говорит: «Тулайха, ещё при жизни Магомета, выдавал себя за пророка: когда Магомет узнал об этом, он сказал: „Он упоминает весьма могущественного ангела на небе, которого зовут Зу-н-Нун"». Итак, если это примечание соответствует истине, мы должны были бы вывести из него следующие заключения: (1) что Тулайха принялся пророчествовать ещё при жизни Магомета (ср. §§ 127, прим. 1, и 130); (2) что Магомет не только не оскорбился этим, но даже объяснил своим, каков ангел, которым Тулайха притязал быть вдохновляем; (3) что племена, увлечённые вначале утверждениями Тулайхи, не зависели от Магомета, ибо могли следовать новому пророку, не нарушая никакой обязанности по отношению к мединскому; (4) что Тулайха и его приверженцы были не отступниками от ислама, а простыми язычниками, подражателями или подделывателями Магомета. Его мнимый разговор с Халидом подразумевает равным образом, что Тулайха никогда не был мусульманином, прежде чем стал пророчествовать. Эти выводы имеют большую ценность для рассеяния легендарных и тенденциозных туманов, окутывающих всю историю так называемой Ридды.

сражаться пешим. Когда кто-то сказал ему, что он не должен слишком подвергать себя опасности в схватке, ибо как главнокомандующему войском ему там не место, он ответил: «Я знаю, что вы говорите, но не думаю, что могу оставаться спокойным, когда имею основания опасаться, что мусульмане обратятся в бегство!» (Хубайш, л. 1 об.).

§ 137. — (Мухаммад б. ас-Са’иб аль-Кальби, от Абдаллаха б. Салима ат-Та’и, от его отца Салима). Когда мусульмане начали бежать, один из тайй крикнул Халиду, чтобы тот искал укрытия в горах Аджа и Сальма. Но Халид гордо ответил ему: «Нет, клянусь Богом! Лишь в Боге одном укрытие!» — и затем бросился в схватку, откуда не отступил, пока все сорок юных воинов Тулайхи не были убиты. Он сражался в этом случае двумя мечами, и оба сломались у него в руке. Мусульмане, начавшие бежать, воспрянули духом и вернулись назад: схватка стала кровопролитнее, чем когда-либо. Халид сам взял в плен Хибаля б. Аби Хибаля, и, поскольку тот не хотел быть отосланным к халифу Абу Бакру, Халид отрубил ему голову[535] (Хубайш, л. 2).

§ 138. — (Из «Китаб ар-Ридда» аль-Вакиди: так рассказывает Абдаллах б. Умар, присутствовавший при битве при Бузахе). Во время схватки всем было видно красное знамя Тулайхи, которое держал один из врагов: на него бросился Халид б. аль-Валид и убил его: знамя упало наземь, и верблюды, кони и люди растоптали его. Халид б. аль-Валид принимал деятельное участие в схватке, и с таким порывом, что его люди его за это упрекали. Когда мусульмане воспрянули духом после первого смятения и вновь стали теснить отряды Тулайхи, тот отошёл и завернулся в плащ, предполагая, что к нему теперь придёт откровение. Тем временем Уйайна б. Хисн аль-Фазари воодушевлял людей продолжать схватку, и, когда мусульмане вновь стали ожесточённо их теснить, Уйайна обернулся, чтобы спросить: «Уже пришло (откровение)?» — «Нет! ещё нет!» — ответил Тулайха из-под своего плаща. Когда мусульманские мечи стали производить всё больше жертв, Тулайха приблизился к сражающимся, всё ещё закутанный в плащ: Уйайна, подойдя к нему, заставил его сесть, браня его за то, что он всё ещё не получает откровения: наконец Тулайха, уступая упрёкам Уйайны, ответил: «Я получил откровение: вот оно: „У тебя есть жернов, подобный его жернову, и дело, которого ты, несомненно, не забудешь”». — «Да! — закричал тогда Уйайна. — Бог, несомненно, знает, что придёт дело, которого ты не забудешь! О вы, фазара! Этот, клянусь Богом, обманщик!» На его крик все фазара отошли с ним из схватки: Уйайна был взят в плен, но его брату удалось бежать. Мусульмане взяли много пленных среди фазара (Хубайш, л. 2).

§ 139. — Тот же эпизод с некоторыми вариантами находится также у Табари со слов Ибн Исхака.

(Ибн Исхак, от Мухаммада б. Тальхи б. Зайда б. Руканы, от Убайдаллаха б. Абдаллаха б. Утбы). Когда в Бузахе свирепствовала битва между мусульманскими войсками и войском Тулайхи, Уйайна б. Хисн аль-Фазари, находившийся с лжепророком во главе 700 всадников-фазаритов, сражался в первых рядах, руководя

[535] В одном предыдущем параграфе (§ 119; ср. также § 132, прим. 2) сказано, что этот Хибаль был уже убит в битве при Зу-ль-Кассе: но так как это известие исходит от Сайфа б. Умара, вернее, быть может, держаться настоящей версии аль-Кальби.

военными действиями, тогда как Тулайха, закутанный (*муталаффаф*) в плащ[536], укрывался за оградой своего шатра, всё ожидая, что к нему придёт вдохновение, несущее победу. Три раза во время схватки Уйайна бегал к шатру Тулайхи, чтобы просить у лжепророка откровения о победе, и дважды возвращался в схватку с ответом, что откровение ещё не пришло. В третий раз наконец Тулайха сообщил ему испрошенное вдохновение, которое было, однако, весьма мало удовлетворительного содержания («Поистине, у тебя есть жернов, как его жернов (то есть Халида), и новость, которой ты не забудешь»)[537]; раздосадованный Уйайна вернулся к своим всадникам и, отрекшись от Тулайхи, крикнул своим, чтобы они покинули схватку и спасались. Отступление фазара решило судьбу битвы, окончившейся избиением приверженцев Тулайхи. Все бросились бежать, и толпа беглецов ворвалась в шатёр лжепророка, спрашивая его, что он прикажет делать. Предвидя бедствие, Тулайха уже давно приготовил коня для себя и верховое животное для жены ан-Навар; увидев, что день проигран, он вскочил в седло и обратился в бегство, крича своим, которые просили у него приказаний: «Те из вас, кто может это сделать, пусть последуют моему примеру!» И спасся с семьёй в Сирию. Его отряды рассеялись во все стороны, оставив поле покрытым мёртвыми.

Бану амир (б. са‘са‘а?), находившиеся поблизости и остававшиеся зрителями, чтобы дождаться исхода битвы, увидев победу мусульман, встали теперь на их сторону, объявив и себя мусульманами (Табари, I, с. 1887–1891).

Заметим затем, что другой персидский историк, Хондемир, имеет правильно слово *раха* и переводит текст с совершенной точностью (Хондемир, т. I, ч. IV, с. 4, стр. 9 и сл.).

Ср. также Асир, II, с. 264; Балазури, с. 96, стр. 6 и сл.; Халдун, II, с. 71, стр. 10 и сл.; Мирхонд, II, с. 249–250; Якут, I, с. 601, стр. 14 и сл.; Байхаки, *Махасин*, с. 33–34.

§ 140. — (Из «Книги» Йа‘куба б. Мухаммада аз-Зухри). Увидев, что его люди бегут, Тулайха спросил одного: «Что заставляет вас бежать?» Человек ответил: «Я тебе скажу! Нас толкает к бегству то, что у нас каждый надеется, что его товарищ (*сахиб*) умрёт раньше него: теперь же мы имеем дело с людьми, каждый из которых жаждет умереть раньше товарищей!» (Хубайш, л. 2 об.).

§ 141. — (Мухаммад б. Ибрахим, быть может, из книги аль-Вакиди). Увидев, что его люди убиты и взяты в плен мусульманами, Тулайха бежал вместе со своим братом. Уже давно он приготовил себе коня и держал при себе жену ан-Навар: теперь он вскочил на коня и, посадив жену позади себя, спасся от бедствия, крича тем, кого

[536] Обычаем языческих прорицателей было закутываться в плащ перед откровением и во время него: так делал и Магомет (ср. Введение, § 211). Об истинном значении этого языческого обычая см. проницательные наблюдения Винклера в MVAG, 1901, вып. V, 172, 192.

[537] В источниках, из которых черпал Мирхонд, было написано *раджа* (надежда) вместо *раха* (жернов), так что он не смог понять смысла этих слов и переводит по-персидски: «Твоя надежда не будет озарена, как надежда Халида» (!) (Мирхонд, II, с. 250, стр. 9). Не сумел обнаружить ошибки персидского историка и Рехатсек (ч. II, т. III, 21). Этот английский перевод полон нелепостей: Уйайна превращён в Ghotyah (!), имя, никогда не существовавшее в Аравии (ср. там же, с. 21): а между тем в персидском тексте у нас везде правильно Уйайна. Другие нелепости Рехатсека — Ttolhah вместо Тулайха; Tha’leb вместо Таглиб, Nuyrah вместо Нувайра, Hissah вместо Хасана и т. д. Видно, что Рехатсек переводил вторую книгу Мирхонда, не справившись ни с одним арабским источником.

встречал: «Каждый из вас, кто может это сделать, пусть спасается с семьёй!» Он укрылся в Сирии и поселился среди джафна (гассан) (Хубайш, *л.* 2 об.)[538].

§ 142. — (Из «Книги» Йа‘куба б. Мухаммада аз-Зухри). Халид б. аль-Валид хотел было предать смерти пленника Уйайну б. Хисна аль-Фазари, захваченного Урвой б. Мударрисом б. Ауром б. Харисой б. Ламом ат-Та’и; но достаточно было заступничества одного махзумита, единокровного Халида, чтобы тот отказался от своего намерения. Халид, по-видимому, имел, однако, в мыслях обойтись очень сурово и с попавшими в его власть асад, то есть хотел, чтобы котлы его войска кипели, поставленные не на камни, а на отрубленные головы пленников. Один (мусульманин?) Лаба’ б. Кайс аль-Асади, подрезав поджилки своему коню на глазах у Халида, импровизировал несколько стихов в честь полководца, говоря между прочим, что Бог никогда не позволит, чтобы народ, которым он командует, покрылся из-за него позором. Пылко обращаясь к нему, он заклинал его также не губить славный род мудар. Халид б. аль-Валид дал себя убедить этим обращением и позволил асад вернуться в свои дома и спокойно пользоваться своим имуществом, если они обещают совершать молитву и платить подать в пользу бедных. «Кто принимает эти условия, пусть встанет! и получит безопасность!» Все встали, и так все были помилованы.

Когда распространилась эта весть, амир (б. са‘са‘а) притворились, будто объявляют себя мусульманами. Халид тем временем приказал построить некие ограды и разжечь в них огонь, куда были брошены (некоторые) пленники (асадиты и амириты?). В одну из этих печей был брошен Хамийа б. Субай‘ б. Хашхаш аль-Асади; мать Тулайхи, женщина из асад, была взята в плен, и ей предложили ислам: она, однако, не захотела его принять и добровольно бросилась в пламя, произнося несколько стихов, *садж‘*, смысл которых был: «О смерть! будь желанна! — Я поставила себя перед ней (= предалась ей), — ибо не нашла никакого спасения!»[539] (Хубайш, *л.* 2 об. — 3).

(*b*) Рассказывает Йа‘куб б. Зайд б. Тальха: Халид собрал тогда пленников толпами и, велев разжечь печи, загнал пленников живыми в пламя. Из фазара, однако, никто не был сожжён заживо. Йа‘куб спросил одного учёного: «Почему же Халид велел сжечь заживо членов племени Тулайхи?» — «Потому что Халид слышал изречение (Тулайхи), переданное одним *наси* (вставщиком дней арабского календаря), в котором были оскорбления, брошенные Пророку; и, кроме того, они (асад) остались упорными в своём отступничестве» (Хубайш, *л.* 3).

§ 143. — ([Аль-Вакиди?], от аль-Мунзира б. Джахма). Во вражеском лагере мусульмане нашли большое количество домашней утвари, верблюдов, ослов и

---

[538] О дальнейшей судьбе Тулайхи см. прим. 1 *b* к § 146.

[539] (*a*) Из текста следовало бы, таким образом, что, несмотря на рассказанное вначале (ср. § 109 и прим. 1), мусульмане-победители предались страшным жестокостям против некоторых пленников: быть может, против тех, кто преследовал мусульман и кто, даже побеждённый, не хотел подчиниться новой власти и новой вере. Существует предание аль-Вакиди следующего содержания: когда Тулайха спасся бегством и по окончании битвы мусульмане собрали всех пленников, Халид приказал вырыть рвы (*ахадид*). Его спросили, что он хочет с ними делать, и он ответил: «Сжечь пленников огнём!» Некоторые хотели протестовать против такой меры, но Халид добавил: «Это приказ Абу Бакра; он сказал мне: когда Бог дарует тебе победу, тогда сожги их в огне!»

оружия[540]. После победы Халид послал отряды во все стороны и велел собрать всех разбежавшихся коней побеждённых. Затем Халид произвёл раздел всей добычи, найденной во вражеском лагере (Хубайш, л. 3).

§ 144. — ([Аль-Вакиди?], от ас-Сулами). Когда Бог сделал с людьми Бузахи то, что сделал, Халид б. аль-Валид остановился у двух гор (Аджа и Сальма), принадлежавших тайй, и туда пришли к нему амир и гатафан, приняли ислам и получили безопасность для своих источников и своих земель: сокрушённые и выказывая искреннее раскаяние, они обещали совершать молитвы, платить *закят* и получили позволение заключить с Халидом союз и особый договор, которым обязались привести к присяге все свои семьи (Хубайш, л. 5 об., исправь: 4 об.).

§ 145. — (Из «Книги» аль-Вакиди или из «Книги» Йа‘куба б. Мухаммада аз-Зухри, от Язида б. Шарика аль-Фазари, от его отца Шарика). После битвы при Бузахе Халид б. аль-Валид вынудил асад и гатафан отправить посольство к халифу Абу Бакру, который наложил на побеждённых тяжёлые условия: они должны были стать мусульманами; должны были уплатить как цену крови сто верблюдов, из которых 40 стельных верблюдиц, за каждого убитого мусульманина и сдать всё оружие и коней (*кура‘*). Всё это добро было принято Абу Бакром и хранилось до времён халифа Умара, который наконец согласился вернуть им всё, когда увидел, что они стали мусульманами[541] (Хубайш, л. 4, исправь: 5).

(*b*) Другое предание аль-Вакиди (от Исы б. Умайли аль-Фазари, от его отца Умайли) подтверждает полное разоружение племён, к которым принадлежали побеждённые при Бузахе: оно утверждает, однако, что разоружение было произведено Халидом б. аль-Валидом, который отпустил на свободу лишь тех побеждённых, кто сдал всё оружие: тех, кто не сдал, держали под стражей, пока они не отдали всё имевшееся у них оружие: по сдаче они тотчас получали свободу. Конфискованное оружие использовалось мусульманами в последующих сражениях, а потом (после Ямамы?) было вновь сдано Халиду и им отослано халифу в Медину (Хубайш, л. 5 об., исправь: 4 об.).

§ 146. — (Сайф б. Умар, с иснадом, восходящим к присутствовавшему при битве при Бузахе). Утверждается, что в битве при Бузахе Халид б. аль-Валид не насиловал ни одной женщины асад, ибо женщины (*‘иялат*) бану асад были хорошо охраняемы. Между Масабом и Фалджем[542] находились, однако, женщины кайс б. фалдж и васит, и, так как невозможно было уберечь их от победоносных мусульман, всё племя, из страха расправы и насилия над женщинами, поспешило объявить себя мусульманским[543] (Табари, I, с. 1897–1898).

---

[540] Заметим тот факт, что не упоминаются кони: к этому предмету мы ещё вернёмся далее.

[541] (*a*) Это предание представляет для нас особый интерес: мы имеем именно известие о полном разоружении мятежного племени и имеем прямое заявление, или признание, что побеждённые в действительности не приняли ислама даже по видимости иначе как при следующем халифе, Умаре. Не исключено, впрочем, что и тогда они не стали действительно мусульманами, но что Умар вернул им оружие, поскольку ему уже нечего было от них опасаться, а с другой стороны, ему было выгодно иметь новых людей, чтобы продолжать великие завоевания за пределами Аравии.

[542] (*a*) Масаб был одним из мест на прямой дороге между Куфой и Меккой (Якут, IV, с. 414, стр. 11–12, авторитет: Абу Мансур Мухаммад б. Ахмад аль-Азхари [† 370 г. х.]). По другим, это было имя дороги (*тарик*) между Ямамой и Куфой (Бакри, с. 507, стр. 4–5).

(*b*) Относительно Фалджа царит некоторая неопределённость: по Абу Мансуру аль-Азхари [† 370 г. х.], дорога, ведшая из Басры в Ямаму, называлась Тарик Батн Фалдж: другие говорят, что это была долина между Басрой и Химой Дарийя на мекканской дороге, на территории тамим, а именно между аль-Хазном и ас-Сумманом, в четырнадцати переходах от Мекки. По Абу Убайде Ма‘мару б. аль-Мусанне [† 207–209 г. х.], это было место тамим между аль-Бухайлем и аль-Маджазой в начале Дахны (Якут, III, с. 910, стр. 5–14). Аль-Бакри говорит, что оно находилось на дороге между Басрой и Меккой, между аль-Хуфайром и Зат аль-Ушайра, и было стоянкой (*манзиль*) паломников на территории бану мазин. В Фалдже происходило много сражений между арабами в доисламские времена (Бакри, с. 713–715).

(*b*) О судьбе Тулайхи после битвы при Бузахе у нас следующие известия: (Сайф б. Умар, от Абу Йа‘куба Са‘ида б. Убайда) Тулайха бежал к кальб в ан-Нак‘ и оставался там до смерти Абу Бакра, обратившись в ислам немного времени спустя после собственного поражения, когда получил известие, что асад, гатафан и амир (б. са‘са‘а, хавазин) тоже обратились. Перед смертью Абу Бакра Тулайха собрался совершить малое паломничество (*умра*) в Мекку, и, когда он проходил через округ Медины, нашлись такие, кто пошёл донести халифу о его присутствии. Абу Бакр великодушно ответил доносчику: «Что вы хотите, чтобы я с ним сделал? Оставьте его! Бог направил его к исламу!» Поэтому Тулайха смог совершить паломничество, не будучи обеспокоен, и отличился затем в войнах против персов, в Ираке и при Нехавенде. Когда халифом был избран Умар, он пошёл засвидетельствовать ему подчинение и почтение, и халиф сурово сказал ему: «Ты убийца Уккаши и Сабита: клянусь Богом! я никогда тебя не полюблю!» И Тулайха ответил ему: «О Повелитель верующих! не заботься о двух людях: Бог щедро осыпал их благодеяниями моими руками, тогда как я не был погублен их руками!» Халиф спросил его тогда: «Что осталось от твоего искусства прорицания (*киханатука*)?» И Тулайха ответил: «Одно-два дуновения мехов!» Затем он вернулся к своему племени и оставался там, пока не переселился в Ирак (Табари, I, с. 1898).

Ср. также Асир, II, с. 264; Балазури, с. 96–97, даёт иную версию разговора; Якут, I, с. 602, стр. 3 и сл., говорит, что он жил в Сирии у бану джафна, или гассанидов, до времени после битвы при Аджнадайне; Байхаки, *Махасин*, с. 34, стр. 4–5.

§ 147. — По Балазури (без иснада), после победы при Бузахе Халид б. аль-Валид преследовал беглецов и настиг в Раммане и Абанайне[544] многих, укрывшихся там: те, однако, не оказали мусульманскому полководцу никакого сопротивления и все обратились в ислам (Балазури, с. 97, стр. 5).

(*b*) Абанайн, или Абанан, был, по аль-Асма‘и [† 216 г. х.], местом в Вади-р-Рума, расположенным между двумя горами, Абан аль-Асвад, принадлежавшей фазара, и Абан

[543] (*a*) Ср. также Асир, II, с. 265, стр. 9 и сл., где сказано, что мусульмане не захватили ни одной женщины в битве при Бузахе, ибо приверженцы Тулайхи, едва разбитые, поспешили обратиться, чтобы спасти своих женщин от бесчестья. Халдун (II, прил., с. 71, стр. 17) говорит, что ни одна из асадитских женщин не попала во власть мусульман, ибо мужчины заперли их в крепостях, *хусун*, и обратились прежде, чем мусульмане успели до них дойти.

[544] (*a*) Рамман, по Якуту, был горой в стране тайй, к западу от горы Сальма; он возвышался в песчаном месте, где росли кусты, весьма посещаемые львами (Якут, II, с. 816, стр. 6–7; Бакри, с. 412, стр. 4–6).

аль-Асвад (*sic*) бану асад, отстоявшими на три мили друг от друга (Якут, I, с. 76, стр. 20 и сл., и Бакри, с. 63, стр. 17 и сл.).

§ 148. — (Хаушаб б. Бишр аль-Фазари, от его отца). Некоторые из арабов-отступников, сражавшихся при Бузахе (против Халида), пришли в Медину засвидетельствовать почтение халифу Абу Бакру. Тот поставил условием, чтобы они присоединились к Халиду и его людям: кроме того, он даровал безопасность всем тем, о приходе которых Халид прислал ему извещение. — Аль-Вакиди говорит: Му‘аз б. Мухаммад аль-Ансари, которому я рассказал этот факт, ответил: мне рассказал Абу Бакр б. Абдаллах б. Джухайм (?): эти люди, присоединившиеся к Халиду, были несчастьем для мусульман, ибо трижды обращались в бегство во время битвы при Ямаме, сражаясь за мусульман (Хубайш, л. 8 об.).

§ 149. — (Аль-Вакиди). После битвы при Бузахе Халид б. аль-Валид послал отряды против различных отступивших племён. Но эти арабы, едва получив известие о победе при Бузахе, поспешили сами первыми явиться к Халиду из любви к исламу и из страха перед мечом. Некоторые заявили, встретившись с отрядами Халида, что как раз в этот момент собирались вернуться в лоно ислама: другие же заявили, что удерживали уплату даней лишь из скупости и, поскольку теперь готовы внести причитающуюся сумму, приглашали Халида взять из их имущества столько, сколько ему надлежит взыскать. Другие явились к Халиду и исповедали исламскую веру, хотя у них не появлялось никакого мусульманского отряда, и, наконец, иные арабы отправились прямо к Абу Бакру (в Медину), даже не приближаясь к Халиду (Хубайш, л. 3–3 об.).

Подчинение бану амир б. са‘са‘а (хавазин) (версия аль-Балазури)

§ 150. — (*a*) (Балазури, без иснада). Тотчас после битвы при аль-Бузахе Халид б. аль-Валид послал Хишама б. аль-Аса б. Ва’иля ас-Сахми, брата Амра б. аль-Аса, старого мусульманина, одного из переселившихся в Абиссинию, к бану амир б. са‘са‘а, которые, увидев его приближение (с отрядом вооружённых людей?), не оказали ему никакого сопротивления и тотчас объявили себя мусульманами, вновь введя обычай призыва к молитве (*азан*): тогда Хишам вернулся к Халиду б. аль-Валиду (Балазури, с. 97, стр. 6 и сл.).

(*b*) По другим источникам (Балазури, с. 97, стр. 13), сам Халид вёл этот краткий поход, в котором был захвачен мятежник Курра б. Хубайра аль-Кушайри, союзник Тулайхи[545] (ср. §§ 93, 103, 154 и сл.).

Подчинение бану амир б. са‘са‘а (версия Сайфа)

§ 151. — Два мударитских племени, бану ка‘б и бану килаб (две главные ветви бану амир б. са‘са‘а, хавазин), заняли двусмысленное положение при смерти Пророка. На этот факт мы уже указывали в другом месте (ср. §§ 87–88, 101): теперь мы

[545] (Аль-Вакиди). Известия не согласны о том, что случилось с Куррой б. Хубайрой аль-Кушайри: одни утверждают, что он бежал к Абу Бакру, исповедав в его руках ислам; другие же утверждают, что он был окружён конницей Халида и приведён к мусульманскому полководцу. Иные, наконец, говорят, что он сам пришёл к Халиду как беглец, когда бану амир (б. са‘са‘а) явились к нему и собрались вокруг него. «Это, — говорит аль-Вакиди, — по моему мнению, точная версия» (Хубайш, л. 3 об.).

извлекаем другие подробности из предания Сайфа б. Умара (от Сахля б. Юсуфа): Алькама б. Уляса, вождь бану килаб, уже во времена Пророка отрёкся от ислама после подчинения Таифа[546] и укрылся в Сирии, чтобы спастись от Магомета. По смерти Пророка Алькама поспешно вернулся в своё племя, но нашёл в нём нерешимость, ибо все ожидали исхода конфликта, завязавшегося в другом месте между Халидом б. аль-Валидом во главе всех мусульман и мятежниками под началом Тулайхи (ср. § 92). Другая ветвь бану амир, бану ка‘б, под началом Курры б. Хубайры, тоже колебалась, не зная, какое решение принять. Тем временем, однако, Халид разбил Тулайху при Бузахе, и удача вновь стала улыбаться мусульманам. Тогда Абу Бакр решил действовать энергично и послал аль-Ка‘ка‘а б. Амра[547] напасть на лагерь Алькамы б. Улясы. Мусульмане, наступая с великой быстротой на своих конях, внезапно обрушились на лагерь Алькамы б. Улясы и захватили его женщин и детей. Приведённые к Абу Бакру, они отрицали свою ответственность за то, что сделал Алькама, и Абу Бакр, приняв их доводы, удовольствовался тем, что воспользовался ими как посредниками для достижения обращения Алькамы. Это действительно произошло немного времени спустя, и Абу Бакр охотно принял его, простив ему прошлое (Табари, I, с. 1899–1900)[548].

(*b*) Согласно другому, быть может более правильному, преданию, Алькама б. Уляса продолжал жить язычником и врагом ислама до времён халифа Умара: лишь тогда он принял новую веру: лишь тогда он смог вернуть себе жену, арестованную Абу Бакром и содержавшуюся под стражей в Медине всё то время, пока Алькама продолжал скрываться (Хубайш, л. 5 об., исправь: 4 об.).

§ 152. — (*a*) (Сайф б. Умар, от Абу Дамры, от Ибн Сирина). После победы при Бузахе бану амир, смущённые торжеством мусульман, поспешили присягнуть Халиду б. аль-Валиду на тех же условиях, на которых уже присягнули асад, гатафан и тайй. Халид б. аль-Валид, уверенный теперь в своём неоспоримом превосходстве, отказался принять какой бы то ни было акт подчинения, пока племена (асад, гатафан, хавазин, сулайм и тайй) не выдадут ему в руки всех тех арабов, которые были виновны в убийствах, увечьях и других истязаниях мусульман во время восстания. Виновные были выданы в руки Халида, который, следуя древнему обычаю мести, действовавшему в пустыне, подверг всех тем же мучениям, каким они подвергли свои мусульманские жертвы. Так одни были сожжены заживо, другие раздавлены камнями, или умерщвлены стрелами, или сброшены со скал, или утоплены в колодцах. Затем он велел арестовать также Курру б. Хубайру, вождя бану ка‘б (ветви амир б. са‘са‘а), и отослал его с разными другими пленниками крепко связанным к халифу Абу Бакру в Медину, отправив в то же время донесение обо всех наказаниях, наложенных на виновных (Табари, I, с. 1900).

---

[546] (*a*) Вероятно, однако, что Алькама никогда не был мусульманином и бежал из Аравии, чтобы его не принудили стать им.

[547] Имя этого тамимита кажется мне прямо фантастическим вымыслом Сайфа, ибо из других известий, данных тем же Сайфом (ср. § 164, прим. 1, и Табари, I, с. 1913, стр. 6 и 9), явствует, что Ка‘ка‘ б. Амр находился тогда в стране тамим, в свите пророчицы Саджах, и вовсе не на службе ислама. Ка‘ка‘ б. Амр — один из излюбленных героев Сайфа, как нам не раз придётся отметить в других, последующих местах.

[548] Ср. также *Агани*, XV, с. 57, стр. 26 и сл.; Асир, II, с. 265–266; Халдун, II, прил., с. 71.

(*b*) (Сайф б. Умар, иснад как выше). Абу Бакр ответил Халиду б. аль-Валиду, одобрив всё, что он сделал, и ободряя его продолжать на пути Господнем и ради дела веры. Халид, получив одобрение халифа, остановился в Бузахе на целый месяц, в течение которого посылал отряды во все стороны, чтобы покорить страну и захватить тех, кто стал известен преследованием мусульман. Продолжались затем те же варварские наказания, и все, кто убивал мусульман, были безжалостно преданы смерти той же смертью, что и их жертвы (Табари, I, с. 1900–1901)[549].

§ 153. — (Аль-Вакиди, от Исы б. Умайли, от его отца Умайли). После битвы при Бузахе к Халиду пришли бану амир (б. са‘са‘а): эти арабы не отступили, как тайй (*sic!* ср. выше §§ 87, 88, 90, прим. 1, 91, 130), но остались одной ногой впереди, а другой позади. При их появлении Халид спросил: «Где Курра б. Хубайра аль-Кушайри?» — «Вот я!» — сказал один из присутствующих. — «Схватите его и отрубите ему голову, — приказал Халид, — ты, Курра, тот, кто сказал Амру б. аль-Асу известные слова (ср. выше §§ 93, 103): ты хотел поражения мусульман и собрал свой народ, и они избрали тебя главой (с этой целью), ибо прежде никто никогда тебе не повиновался!» — Курра ответил: «У меня есть в Амре б. аль-Асе свидетель того, что я сказал». — «В Амре б. аль-Асе, да! в том самом, кто передал твои слова Абу Бакру!» (Хубайш, л. 3 об.). См. следующий параграф.

Поведение халифа Абу Бакра по отношению к мятежным вождям Уйайне и Курре

§ 154. — (Ибн Исхак, без иснада). После подчинения бану амир (ср. §§ 150 и сл.) Халид б. аль-Валид отослал в Медину к халифу Абу Бакру двух отступников, Уйайну б. Хисна аль-Фазари и Курру б. Хубайру аль-Амири[550], крепко связанных верёвками. Приведённый к халифу, Курра утверждал, что всегда был добрым мусульманином, и в подтверждение этого заявил, что Амр б. аль-Ас мог бы свидетельствовать в его пользу. Абу Бакр тотчас послал за ним, и Амр перед Куррой б. Хубайрой верно рассказал всё, что произошло между ним и Куррой (ср. §§ 93, 103): когда он дошёл до момента, когда надлежало рассказать о разговоре насчёт податей, встревоженный Курра попросил его остановиться: «Довольно! Довольно! Да помилует тебя Бог!» Но Амр не захотел молчать и закончил рассказ всё, что было сказано между ними, раскрыв таким образом двуличное поведение Курры. Но Абу Бакр не захотел воспользоваться этим очевидным доказательством вероломства мятежника и помиловал его, даровав ему жизнь и свободу (Табари, I, с. 1896).

§ 155. — (Ибн Исхак, от Мухаммада б. Тальхи, от Убайдаллаха б. Абдаллаха б. Утбы, от очевидца). Уйайна б. Хисн аль-Фазари, взятый в плен в битве при Бузахе, был тоже приведён в Медину унизительным образом, с обеими руками, связанными за шеей, тогда как сопровождавшие его юноши (*гулам*) кололи его копьями, чтобы заставить идти, крича ему в то же время: «Не ты ли отрёкся от веры, приняв её?» На эти

[549] Ср. также Асир, II, с. 266.

[550] Уйайна б. Хисн попал в плен в битве при Бузахе (ср. Балазури, с. 96, стр. 12), а Курра б. Хубайра был захвачен Хишамом б. аль-Асом во время его похода против бану амир б. са‘са‘а (ср. Балазури, с. 97, стр. 9, и § 152 *a*), о котором мы говорили в другом месте (ср. § 150). Курра прекратил уплату подати *садака* и оказывал помощь Тулайхе до битвы при Бузахе. Хишам привёл его в лагерь Халида, а тот отослал его в Медину.

упрёки Уйайна отвечал с подлинной бесстыдностью настоящего араба пустыни: «Клянусь Богом! Я никогда не верил в Бога!» И он тоже был помилован Абу Бакром (Табари, I, с. 1897).

Ср. также Асир, II, с. 265, стр. 3 и сл.; Балазури, с. 96, стр. 12 и сл.; Йа‘куби, II, с. 145, стр. 8 и сл.

§ 156. — ([Аль-Вакиди?], от Абдаллаха б. Аббаса). Когда амир б. са‘са‘а собрались вокруг него и поклялись верить в Бога и в Его Пророка, молиться и платить *закят*, Халид б. аль-Валид велел крепко связать Уйайну б. Хисна аль-Фазари и Курру б. Хубайру аль-Кушайри и повёл их с собой в Медину. «Я видел, — рассказывает Ибн Аббас, — Уйайну с руками, привязанными к шее, тогда как мальчишки Медины били его пальмовыми ветвями и кричали: „О враг Божий! ты отрёкся от Бога, уверовав в Него!“» — «Но я никогда не верил в Него!» — отвечал Уйайна. И Абдаллах б. Мас‘уд поносил Уйайну, но тот ответил ему: «Если бы я не находился в этом жалком положении, ты не посмел бы так со мной говорить!» Тогда Ибн Мас‘уд не сказал больше ничего. Когда Курру б. Хубайру привели к халифу Абу Бакру, амирит попросил Абу Бакра спросить о нём Амра б. аль-Аса: «ибо я не был неверным! Когда он пришёл из Омана, я сопровождал его со ста людьми, защищая его, оказывая ему почёт и щедро его угощая». Абу Бакр спросил тогда Амра б. аль-Аса, который подтвердил слова Курры, но в то же время раскрыл мятежные речи, которые Курра ему держал. Курра протестовал против компрометирующих разоблачений, но Абу Бакр не придал им значения и помиловал обоих вождей (Хубайш, л. 5, исправь: 4).

Рассеяние других мятежников Центральной Аравии

§ 157. — У Балазури у нас есть известие о нескольких сражениях, выигранных мусульманами под началом Халида б. аль-Валида после битвы при Бузахе. Мусульманский полководец напал прежде всего на группу асад, гатафан и других, собравшихся в аль-Гамре под начальством Хариджи б. Хисна б. Хузайфы (ср. § 129): другие утверждают, что это было сборище кочевых арабов различных племён, в различных группах, каждая под разными вождями. Мятежники были разбиты с избиением. Из аль-Гамра Халид б. аль-Валид двинулся на Джавв Куракир[551] или, по другим, на ан-Нукру[552], где собрались многие бану сулайм под начальством Абу Шаджары Амра б. Абд аль-Уззы ас-Сулами, матерью которого была поэтесса аль-Ханса (ср. § 95). Сражение было ожесточённым, и многие мусульмане погибли в столкновении, но наконец мятежники были обращены в бегство. Халид, чтобы отомстить, велел сжечь заживо всех отступников, каких смог захватить. Некоторые в Медине протестовали против жестокого поведения Халида, но халиф ответил: «Я не хочу вкладывать в ножны меч, который Бог обнажил против неверных!» (Балазури, с. 97–98).

[551] Де Гуе (Балазури, с. 97, прим. *d*) справедливо исправляет имя на Джавв Мурамир, основываясь на словах аль-Бакри об ан-Нукре, Каркаре и аль-Гамре.

[552] (*a*) Аль-Гамр был источником бану асад (Якут, III, с. 812, стр. 20–21; с. 814, стр. 9–10): аль-Гамр — весьма обычное имя в Аравии, ибо означает место, где воды, собираясь в большом количестве (после дождей), заливают равнину. Одно было в стране бану зубйан (Бакри, с. 696, стр. 22). В другом месте сказано, что аль-Гамр был «красной и длинной горой бану мухасин, ветви асад» (Бакри, с. 718, стр. 12).

(*b*) Джавв Мурамир (*джавв* на наречии бедуинов — место, где долины расширяются) и Джавв Усаль, называемые вместе аль-Джавван, были два обширных участка, окружённые горами (*гайтан*), на территории бану абс (Якут, II, с. 161, стр. 12–13). По аль-Бакри, это было в стране асад (с. 255, стр. 6–7).

(*c*) Ан-Нукра не упоминается у Якута, но аль-Бакри (с. 688, стр. 14 и сл.) говорит, что это было место рудника в стране бану абс.

Восстание Умм Зимль

§ 158. — (Сайф б. Умар, от Сахля б. Юсуфа и от Абу Йа‘куба). Знаменитая Умм Кирфа бинт Раби‘а, уже упоминавшаяся во времена Магомета (ср. 6 г. х., § 18), имела от своего мужа Малика б. Хузайфы б. Бадра целых двенадцать детей, сыновей и дочерей: один из сыновей, Хакама, был убит Абу Катадой в тот день, когда Уйайна б. Хисн грабил окрестности Медины (ср. 6 г. х., § 3). Одна дочь, по имени Умм Зимль Сальма бинт Малик б. Хузайфа, говорят, была захвачена в названном походе на Умм Кирфу и досталась затем Аише как часть добычи: Аиша дала ей свободу и держала при себе. Однажды Пророк, войдя в комнату, где собрались все женщины его гинекея, воскликнул: «Есть среди вас одна, которая заставит лаять собак (*килаб*, племя Умм Зимль) аль-Хауаба!» Предсказание Пророка вполне сбылось: Умм Зимль Сальма, вернувшись к своим, когда вспыхнуло всеобщее восстание племён, следуя примеру Умм Кирфы, принялась возбуждать арабов своей страны, разъезжая на том же верблюде, которым пользовалась её мать, и подстрекая язычников против ислама. Вокруг неё начало собираться много людей в области между Зафаром и аль-Хауабом, и, когда Халид б. аль-Валид победил гатафан и их союзников в великой битве при Бузахе, вокруг честолюбивой женщины сгруппировались многочисленнейшие беглецы и искатели приключений со всех концов страны и из всех окрестных племён. Смелость и энергия женщины привлекли к ней множество арабов, и вскоре в аль-Хауабе собрался столь значительный отряд беспокойных и враждебных мусульманам людей, что Халид начал о нём тревожиться и решил сокрушить новое ядро врагов, прежде чем движение успеет распространиться и стать опасным. Сборная толпа, собравшаяся вокруг Умм Зимль, оказала Халиду ожесточённейшее сопротивление, и последовала весьма кровопролитная схватка, в гущу которой смелая женщина бросилась на своём верблюде, возбуждая своих к бою. Чтобы преодолеть упорное сопротивление врага, Халиду пришлось обещать награду в сто верблюдов тому, кто первым поразит верблюда Умм Зимль. Вокруг Умм Зимль погибло более ста человек, и центр врага был прорван не прежде, чем мусульманская конница смогла добраться до верблюда, подрезать ему поджилки и убить Умм Зимль, когда она упала наземь вместе со своим животным. Известие о победе над Умм Зимль пришло к халифу Абу Бакру примерно через двадцать дней после прибытия в Медину Курры б. Хубайры (ср. § 154) (Табари, I, с. 1901–1903)[553].

Одного авторитета этого преданника, который, как мы лучше увидим далее, выдумывает от начала до конца кампании, полководцев, битвы и громкие победы,

[553] Ср. также Асир, II, с. 266, стр. 12 и сл.; Халдун, II, прил., с. 71–72; Якут, II, с. 353, стр. 8 и сл., которые, однако, все черпают у Сайфа б. Умара.

недостаточно, чтобы придать этому рассказу подлинную историческую ценность. Подозрительно сходство с Верблюжьей битвой, происшедшей в 36 г. х., о которой нам придётся рассказать далее. Важно, кроме того, абсолютное молчание всех лучших источников, включая и Балазури. Можно лишь допустить, что Сайф романтически украсил какой-то небольшой второстепенный эпизод одного из военных дел, упоминаемых Балазури (ср. § 157).

Мелкие эпизоды восстания в Центральной Аравии; казнь аль-Фуджа’и

§ 159. — (*a*) (Сайф б. Умар, от Сахля б. Юсуфа и от Абу Йа‘куба). (В начале восстания) в Медину пришёл некий аль-Фуджа’а Ияс б. Абдаллах б. Абд Ялиль ас-Сулами из племени сулайм и попросил халифа Абу Бакра снабдить его оружием и средствами, чтобы он мог нападать на мятежников и отступников от ислама. Абу Бакр, не подозревая никакого обмана, дал аль-Фуджа’е всё, что могло ему пригодиться. Сулаймит, немедленно вернувшись в свою страну, вместо того чтобы сражаться с язычниками и отступниками, принялся разбойничать, нападая и грабя и мусульман, и язычников, но в особенности первых. Он устроил свой главный лагерь в аль-Дживе[554] и взял себе заместителем некоего Наджбу б. Аби-ль-Майса из бану-ш-шарид: затем распространил свои набеги на сулайм, хавазин и амир (б. са‘са‘а). Абу Бакру пришлось послать против него два похода, один под начальством Турайфы б. Хаджиза (см. выше § 96), а другой — под начальством Абдаллаха б. Кайса аль-Джаси: двое начальников, соединив свои силы, напали на отступника в его лагере в аль-Дживе и после живейшего боя одолели его, убив его заместителя Наджбу б. аль-Майсу: аль-Фуджа’а был настигнут во время бегства и взят в плен. Приведённый в Медину к Абу Бакру, он был по приказу последнего сожжён заживо. Приговор был немедленно приведён в исполнение, и аль-Фуджа’а, крепко связанный верёвками, был брошен на горящую кучу дров в мединской *Мусалле* (Табари, I, с. 1903).

(*b*) Версия Ибн Исхака (от Абдаллаха б. Аби Бакра), данная также Табари (I, с. 1903–1904), подтверждает во всём рассказ Сайфа, хотя упоминает не два похода, а один, опуская поход Абдаллаха б. Кайса аль-Джаси: Ибн Исхак говорит также, что приговор был приведён в исполнение на мединском кладбище, в аль-Баки‘, а не в *Мусалле*, — известие, кажущееся мне более правдоподобным.

(*c*) Ср. также Асир, II, с. 266, стр. 19; Балазури, с. 98, утверждает, что, по некоторым, аль-Фуджа’у захватил Ма‘н б. Хаджиз; Халдун, II, прил., с. 72; Йа‘куби, II, с. 152, стр. 9, упоминает также асадита по имени Шуджа‘ б. Варка, которого Абу Бакр будто бы равным образом сжёг заживо, но в тексте там пробел и недостаёт подробностей события и причин свирепого наказания.

(*d*) В предании аль-Вакиди (от Абдаллаха б. аль-Хариса б. аль-Фудайля аль-Хатми, от его отца, от Суфйана б. Аби-ль-Ауджа’ ас-Сулами) сказано, что Турайфа

[554] Якут (II, с. 135, стр. 17) упоминает Дживу, долину в стране абс или асад в нижних частях Аданы (*асафиль ‘Адана*), и другую — как один из источников ад-дибаб. В одном из этих мест, говорит Якут (II, с. 136, стр. 6), Халид б. аль-Валид разгромил отряд гатафан и хавазин. — Вообще из содержания предыдущих параграфов можно заметить, сколь запутанны и противоречивы известия о военных делах после Бузахи.

послал в цепях вместе с Фуджа’ой ещё десять сулаймитов и что бану джушам (ансары) сожгли мятежника заживо (Хубайш, л. 21 об.)[555].

Пророчица Саджах (версия мединской школы)

§ 160. — Неизвестно с уверенностью, какова была генеалогия пророчицы Саджах: некоторые дают ей полное имя Умм Садир Саджах бинт Аус б. Хикк б. Усама б. Гунайз б. Ярбу‘ б. Ханзала б. Малик б. Зайд Манат б. Тамим. Другие же говорят, что её имя было Саджах бинт аль-Харис б. Укфан б. Сувайд б. Халид б. Усама. Она притязала быть пророчицей (*танабба’ат*) и принялась прорицать (*таказханат*)[556], увлекши за собой часть бану тамим и часть своих дядьёв по матери, бану таглиб. Однажды она, говоря рифмованными фразами (*саджа‘ат*), возвестила, что Господь облаков (*рабб ас-сахаб*) повелевает им напасть на бану-р-рибаб (ветвь тамим). Приверженцы Саджах бросились на рибаб, но были разбиты: никто другой с ней не сражался, и она переселилась в Ямаму, отправившись соединиться в Хадже (менее правильно — Хаджар) с лжепророком Мусайлимой и заключив с ним брак. Она соединила свою религию с религией Мусайлимы, и из двух они сделали одну. Когда Мусайлима был убит, Саджах вернулась к своим братьям и умерла у них. Ибн аль-Кальби утверждает, однако, что она обратилась в ислам и затем переселилась (*хаджарат*) в Басру, показав себя доброй мусульманкой. По Абд аль-А‘ля б. Хаммаду ан-Нарси, когда Саджах умерла, над ней прочитал молитвы по умершим Самура б. Джундаб аль-Фазари, бывший тогда правителем Басры от имени Му‘авии, и это до того, как Убайдаллах б. Зияд пришёл принять управление городом. От Ибн аль-Кальби мы знаем также, что и у Саджах был *муаззин*, которого звали аль-Джанаба б. Тарик б. Амр б. Хаут ар-Рияхи или, по другим, Шабас б. Риб‘и ар-Рияхи[557] (Балазури, с. 99–100).

§ 161. — Эта версия аль-Балазури имеет для нас высший интерес, ибо позволяет проверить многие произвольные утверждения, которые мы находим в следующей версии Сайфа б. Умара (ср. § 163).

Прежде всего мы имеем важнейший факт, что Саджах была таглибиткой лишь по матери и что она не переселилась из Месопотамии, а начала и развернула свою пророческую деятельность в лоне тамим, к которым принадлежала, и следовательно, в Аравии[558]. Сайф б. Умар, чтобы уменьшить ответственность своих единокровных, выдумал, быть может, что Саджах пришла из Месопотамии, воспользовавшись тем фактом, что многие таглиб жили там до мусульманских завоеваний: молчание же и

[555] Согласно преданию Зайда б. Аслама, подавление мятежа среди сулайм было совершено Халидом б. аль-Валидом, которому принадлежала заслуга победы при аль-Дживе (Хубайш, л. 22). Это подтверждается и стихами Абу Шаджары, ср. § 95. Если это известие верно, это должно было произойти после битвы при Бузахе: в предании сказано — после Ямамы, но это, несомненно, ошибка. Есть известие, что Халид б. аль-Валид сжёг заживо и многих сулайм, собрав их вместе в оградах (из пальмовых листьев?) (Хубайш, л. 23, где приведены также имена некоторых сожжённых заживо сулаймитов: Хубайра б. аль-Мирдас, Сурака б. аль-Мирдас [сыновья поэтессы аль-Хансы? ср. *Агани*, XIII, стр. 6], Хамиса б. Динар и т. д.).

[556] Утверждают, что Саджах была христианкой и что она научилась вере у христиан из таглиб (Халдун, II, прил., с. 73, стр. 4). Ср. также Мирхонд, II, с. 251, стр. 4–5.

[557] У Йа‘куби (II, с. 144, стр. 14) путаница имён, и *муаззин* Саджах назван аль-Аш‘ас б. Кайс (аль-Кинди), то есть вождь восстания в Хадрамауте (ср. ниже под 12 г. х.).

[558] В том же смысле следует толковать выражения в *Танбих* (с. 285, стр. 11 и сл.), где сказано, что Саджах принадлежала к ярбу‘, и нет никакого упоминания о её месопотамском происхождении.

точные указания Балазури позволяют заключить, что это неверно, но что она была тамимиткой, честолюбивой прорицательницей, действовавшей лишь в Аравии, и когда, опьянённая первыми счастливыми успехами, она потеряла голову и попыталась распространить своё влияние и оружием, удача от неё отвернулась, и она бежала в Ямаму после первой военной неудачи.

Примечательно также утверждение Балазури, что Саджах оставалась при Мусайлиме в течение всего конфликта против мусульман и покинула его лишь после его смерти и лишь тогда вернулась к своим братьям (тамим), и следовательно, в Аравию, всё время живя там непотревоженной и необращённой долгое время. Её обращение относится лишь к тому времени, когда она вместе со многими другими тамим переселилась в Басру, город, ставший главным местопребыванием тамим в период омейядского халифата.

Принимая таким образом буквально версию Балазури, мы разом упраздняем месопотамское происхождение пророчицы и её возвращение в Месопотамию — два факта, которые в версии Сайфа всегда казались мне малоясными и весьма неправдоподобными. И её переселение в Басру становится теперь лучше понятным (если допустить, что она была тамимиткой, а не таглибиткой), ибо мне не известно, чтобы таглиб селились в Басре, тогда как известно, что Басра стала тамимитским городом по преимуществу как ближайший к той области Аравии, в которой тамим пасли свои стада.

Наконец, примечателен ещё один факт, косвенно вытекающий из предания Балазури. Видно именно, что, несмотря на завоевание Аравии в 11 г. х., исламизация полуострова оставалась всегда весьма несовершенной, так что во многих отдалённых частях восточных и южных краёв многие арабы-немусульмане могли жить в мире, не опасаясь притеснений. Лишь когда из необъятных пустынных просторов они выходили в многолюдные области Вавилонии и Сирии, они по необходимости должны были сообразоваться хотя бы по видимости с исламским обрядом. Если соединить с этим соображением и историческое известие, приводимое ниже (ср. § 166 и также Балазури, с. 87, стр. 12–13), что ещё многие годы среди арабов ханифа существовало множество лиц, следовавших учениям и обычаям, установленным лжепророком Мусайлимой, мы сможем с уверенностью утверждать, что арабы бросились на завоевание мира задолго до того, как стали подлинно мусульманами.

Мы видим, таким образом, что ислам, как и христианство, весьма медлил проникнуть в самые отдалённые уголки населения. Как и после официального торжества христианства изобиловали языческие селения в менее посещаемых частях Римской империи, так и в Аравии в уединённых краях некоторые племена продолжали жить совершенно по-старому, ничуть, даже по видимости, не сообразуясь с исламскими законами.

Странно сказать, в *Агани* (XVIII, с. 165, предпосл. стр. и сл.) приводится предание Сайфа о начале проповеди Саджах, в котором нет никакого упоминания о Месопотамии. Сказано, напротив, что Саджах была тамимитской женщиной и что все

тамимитские вожди приняли её дело, включая в их число аль-Ахнафа б. Кайса и Бадра б. Харису.

Смуты среди бану тамим и пророчица Саджах (версия Сайфа)

§ 162. — О том, что происходило среди бану тамим во время смут настоящего года, у нас есть длинное предание Сайфа б. Умара, которое, однако, как большая часть исторического материала, собранного этим преданником, темно, запутанно, полно противоречий и искусно искажено, чтобы завуалировать истину. Нужно помнить, что Сайф как тамимит собрал лишь те предания, которые выставляли в хорошем свете его единокровных: он постарался смягчить краски и спутать хронологический порядок известий с целью заставить поверить сначала, что все тамим были мусульманами, а затем — что они лишь отчасти участвовали в движении, вызванном появлением пророчицы Саджах. Он хотел бы доказать, что лишь меньшинство тамим заслужило насмешки, которыми их осыпали прочие арабы за то, что они последовали за женщиной. Попытаемся ниже свести с наибольшей возможной ясностью то, что рассказывает Сайф, не обольщаясь, однако, тем, что вполне прояснили запутанное и тёмное повествование о фактах, ещё более затемнённое несколько искусственным языком преданника и выбором малоупотребительных выражений.

§ 163. — (Сайф б. Умар, от ас-Са‘ба б. Атийи б. Биляля, от Атийи б. Биляля и от Сахма б. Минджаба). Во времена, о которых мы говорим, великий род тамим был разделён на несколько отдельных племён, независимых друг от друга и под разными вождями:

(1) Аз-Зибрикан б. Бадр был вождём ар-рибаб (состоявших из дабба и абд манат), ауф и абна (из рода са‘д б. зайд манат).

(2) Кайс б. Асим стоял во главе мука‘ис и аль-бутун (тоже из рода са‘д б. зайд манат).

(3) Сафван б. Сафван — во главе бахда (ветви бану амр б. тамим).

(4) Сабра б. Амр — во главе хаддам (другой ветви бану амр б. тамим).

(5) Ваки‘ б. Малик — во главе бану малик (ветви ханзала, тамим).

(6) Малик б. Нувайра — во главе бану ярбу‘ (другой ветви ханзала, тамим).

(Эти люди, по Сайфу, были также наместниками Пророка и теми, у кого хранились сборы податей *садакат* (называемые поэтому также *муджирун*: Табари, I, с. 1910, стр. 3; с. 1964, стр. 3, и Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 148). Когда пришло известие о смерти Магомета, Сафван б. Сафван (№ 3) лично отправился в Медину, везя с собой сумму податей, собранных среди бану амр (бахда и хаддам) им и его товарищем Саброй б. Амром (№ 4), который остался в стране главой всех бану амр в отсутствие Сафвана, ибо из-за существовавших тогда трений между тамимитскими племенами были основания опасаться нападений со стороны других племён. Прочие тамимитские вожди оставались в нерешимости, как поступить. Кайс б. Асим (№ 2) не хотел действовать, не увидев прежде, что сделает аз-Зибрикан (№ 1): между этими двумя людьми была дурная кровь, ибо Кайс б. Асим ревновал к преобладающему влиянию аз-Зибрикана и

часто терпел от него противодействие и притеснения. Аз-Зибрикан не раз пользовался своим превосходством, чтобы обижать соперника, и Кайс, сознавая это, не знал хорошо, какую сторону принять: если бы он поспешил последовать примеру Сафвана и отправиться в Медину с суммой податей, аз-Зибрикан воспользовался бы этим, чтобы очернить его перед всеми са‘д б. зайд манат (родом, обнимавшим ауф, абна, мука‘ис и бутун). Если же он удержит в своём племени собранные подати, Кайс был уверен, что аз-Зибрикан побежит к Абу Бакру обвинить его в отступничестве. (Несмотря на эти соображения, по причинам, умалчиваемым Сайфом, по-видимому, Кайс решился наконец раньше аз-Зибрикана)[559] и постановил разделить между мука‘ис и бутун собранные у них подати. Этого оказалось достаточно, чтобы решился и аз-Зибрикан, который без промедления поспешил последовать примеру, уже поданному Сафваном, отвезя халифу в Медину подати, собранные среди ар-рибаб, ауф и абна. Так часть тамимитского рода са‘д б. зайд манат осталась верной исламу, а другая часть восстала, объявив себя независимой. Аз-Зибрикан, бывший, как известно (см. выше 9 г. х., § 4), также поэтом, сложил тогда несколько стихов (Табари, I, с. 1910, стр. 3, и с. 1964, стр. 1 и сл.), в которых похвалялся, что верно сдал подати, и поносил тех «злодеев», что удержали дань[560].

Таким образом, продолжает рассказывать Сайф, возросли трения между племенами, и ауф и абна (№ 1) столкнулись с бутун (№ 2), а рибаб (№ 1) — с мука‘ис (№ 2): в то же время хаддам (№ 4) и бахда (№ 3) встали против ярбу‘ (№ 6). (По причинам, неясным из текста, Сайф переходит теперь к объяснению, как, быть может из-за отсутствия вождей, уехавших в Медину), командование бахда в отсутствие Сафвана (№ 3) временно принял аль-Хусайн б. Нийар, тогда как Абдаллах б. Сафван принял командование дабба (ветвью рибаб), а Исма б. Убайр — абд манат (другой ветвью рибаб). Над ауф и абна (са‘д б. зайд манат) встал Ауф б. Баляд б. Халид из бану ганм аль-джушами, и, наконец (прибавляет Сайф, неясно по какой причине), Ши‘р б. Хуфаф был вождём бутун (которые зависели, в свою очередь, от Кайса б. Асима).

Обострение отношений между тамимитскими племенами имело пагубные последствия для мусульманского дела и в других местах: в Ямаме партия, оставшаяся верной мединскому правительству, собралась под началом Сумамы б. Усаля, чтобы сражаться против бану ханифа, последователей лжепророка Мусайлимы: к Сумаме

[559] Объяснение даёт нам аль-Мадаини (*Агани*, XII, с. 152, стр. 1–9). Когда к тамим пришло известие о смерти Магомета, Кайс б. Асим уже собрал и держал в руках сумму всей подати *садака* того года, собранной среди бану мука‘ис и бутун: аз-Зибрикан б. Бадр тоже собрал сумму той же подати среди ауф и абна: тогда аз-Зибрикан обратился к своему товарищу Кайсу и, желая его обмануть, предложил раздать между членами соответствующих племён сумму собранных податей в ожидании того, что произойдёт, ибо, прибавил он, если Абу Бакру удастся утвердить свою власть и арабы согласятся платить ему подати, им будет легко собрать *садаку* во второй раз и отослать её в Медину. Кайс б. Асим, поверив этим уверениям аз-Зибрикана, тотчас раздал *садаку* между своими единокровными; аз-Зибрикан же, едва узнав об этом, немедленно отправился с 700 верблюдами в Медину и сдал Абу Бакру сумму подати, собранной им и не розданной своим. Кайс б. Асим был весьма раздражён обманом, который подстроил ему аз-Зибрикан, и воскликнул: «Если бы аз-Зибрикан заключил договор с собственной матерью, он обманул бы и обобрал бы и её».

[560] Велльхаузен (с. 16, прим. 1) справедливо отмечает, что обвинение аз-Зибрикана несправедливо: и аз-Зибрикан удерживал некоторое время сумму податей и решился наконец сдать её Абу Бакру после немалых колебаний. Впоследствии и Кайс б. Асим, после ещё более долгого периода колебаний, тоже сделал должную сдачу аль-Ала’у, мусульманскому представителю (Табари, I, с. 1910, стр. 5–8; с. 1964, стр. 7): так что аз-Зибрикан мог в лучшем случае похваляться тем, что действовал раньше своего соперника.

присоединились и многие тамим, которые, однако, узнав о смутах, вспыхнувших в их стране из-за соперничества вождей, поспешили вернуться на родину, чтобы помочь единокровным, оставив Сумаму на произвол судьбы. Мусульмане Ямамы, оставшись таким образом без поддержки, ничего больше не смогли сделать, даже когда к ним позднее присоединился мусульманский полководец Икрима б. Аби Джахль, и, хотя он побуждал их вновь перейти в наступление, оставались бездеятельными и нерешительными. Среди тамим, по Сайфу, обозначились, следовательно, три разделённые партии: одна группа племён осталась верной исламу, другая колебалась в нерешимости и медлила сдать дани, третья открыто освободилась от Медины. В этот критический момент явился новый фактор, которому предстояло всё перевернуть: в страну тамим прибыла пророчица Саджах бинт аль-Харис б. Сувайд б. Укфан из аль-Джазиры (или Месопотамии)[561], где её семья принадлежала к (христианскому) племени таглиб и была поэтому в родстве с тамим из племени ярбу‘ (№ 6). Женщина явилась во главе многочисленного отряда, составленного из *афна раби‘а* (сборных людей рода раби‘а), и имела при себе группу бану таглиб под начальством аль-Хузайля б. Имрана, группу бану-н-намр под начальством Укки б. Хиляля, другую группу бану ияд под начальством Зияда б. Фулана и, наконец, группу бану шайбан под начальством ас-Салиля б. Кайса.

До сих пор тамим, хотя и враждовали между собой, не доходили ни до какого насилия; вторжение пророчицы ускорило события и привело к братоубийственным войнам и кровопролитию. Эта женщина после смерти пророка Магомета (так прямо говорит Сайф, ср. Табари, I, с. 1911, стр. 15) притязала быть пророчицей, ведя проповедь среди таглиб в Месопотамии. На её призыв за ней последовал аль-Хузайль б. Имран со своими единокровными, образовав таким образом главное ядро её сил; с ними, войдя теперь в Аравию и дойдя до аль-Хазна, Саджах написала Малику б. Нувайре (вождю ярбу‘, мятежнику против ислама), приглашая его соединиться с ней в силу кровных уз, связывавших её с ярбу‘, и предлагая вместе двинуться против Абу Бакра в Медину. Малик с готовностью согласился соединиться с Саджах, но настаивал, чтобы прежде, чем нападать на Медину, она обратила своё оружие на покорение всех племён тамим. Победа пророчицы означала бы победу её единокровных, ярбу‘, над всеми тамим, а этим Малик дорожил больше, чем завоеванием далёкой Медины. Саджах приняла предложения Малика и тем временем обратилась также к другой родственной ветви, бану малик (№ 5), зависевшей от вождя Ваки‘а б. Малика, который тоже ответил благосклонно на призыв. Немногие оставшиеся верными исламу в этом племени, а именно Утарид б. Хаджиб и разные *сарават* (вожди, всадники) бану малик, бежали под защиту к бану-ль-анбар, где находился Сабра б. Амр, тамимит, оставшийся верным мусульманином. Бежали и мусульмане из племени ярбу‘, ища убежища у аль-Хусайна б. Нийара среди бану мазин.

Две ветви ханзала (малик и ярбу‘) оказались таким образом соединёнными с отрядами Саджах, и новые союзники решили начать военные действия против прочих тамимитских племён. Они оставили в стороне Кайса б. Асима с его племенами мука‘ис

[561] (*a*) Мирхонд (II, с. 249, стр. 11) прямо утверждает, что Саджах начала свою проповедь в Мосуле, но известие не заслуживает никакого доверия.

и бутун, ибо он уже открыто отделился от мединского правительства, и постановили начать с нападения на рибаб. Последние, однако, предупреждённые вовремя, собрались все, разбили пророчицу с большим избиением и взяли в плен многих её приверженцев, среди прочих Сама‘у, Ваки‘а и Ка‘ка‘а. Саджах добилась освобождения пленных, заключив договор с победителями и отступив в другом направлении. Так она пришла со своими месопотамскими отрядами (и без контингента тамим?) в ан-Нибадж[562], где столкнулась с другим тамимитским племенем, бану амр, которыми командовал Аус б. Хузайма аль-Худжайми. В этом столкновении она понесла новые потери, и двое из главных её приверженцев, аль-Хузайль и Укка, попали в руки врага. Чтобы добиться их освобождения, Саджах пришлось заключить договор с тамим и обязаться совершенно покинуть их страну. Отражённая таким образом со всех сторон, Саджах обратилась теперь со своими людьми к Ямаме, где лжепророк Мусайлима становился с каждым днём могущественнее (Табари, I, с. 1908–1915).

(*b*) У Хубайша рассказывается со слов разных рассказчиков, что все таглиб впоследствии признавали, что Саджах была подлинной пророчицей. Она утверждала, что получает откровения, держала при себе глашатая, призывавшего последователей к молитве, и управителя, или привратника (*хаджиб*), и пользовалась кафедрой (*минбар*) (Хубайш, л. 7 об.).

(*c*) В одном месте у Мирхонда пророчица Саджах по ошибке превращена в мужчину и названа Шуджа‘ б. Харис б. Сувайд ат-Тамими (Мирхонд, II, с. 221, стр. 16). В ту же ошибку впал поэтому и его переводчик E. Rehatsek, *Oriental Translation Fund, New Series: I. The Rauzat-us-Safa; or Garden of Purity, containing the Life of Muhammad the Apostle of Allah*, part II, vol. II, p. 701, London 1893. Ошибка тем более непонятна, что далее имя пророчицы Саджах дано правильно как Мирхондом, так и переводчиком.

(*d*) Ибн Халдун, хотя, по-видимому, и излагает текст Табари (Сайф), утверждает, что Саджах после соглашения с Маликом б. Нувайрой продолжала со своими поход на Медину и при ан-Нибадже сразилась с бану худжайм, соединёнными с бану амр, и была разбита, оставив аль-Хузайля и Укку пленниками в руках врага. Тогда Малик б. Нувайра и Ваки‘ б. Малик покинули её, и она, отчаявшись достигнуть своей цели, перешла к ханифа (Халдун, II, Прил., с. 72, стр. 27 и сл.).

Ср. также Асир, II, с. 268–270; Халдун, II, Прил., с. 72; Мирхонд, II, с. 251.

У Хубайша (л. 7 об.) находим, что Саджах двинулась со своими против Мусайлимы, ибо таглиб считали Саджах более достойной, чем он, в пророческом деле (*авля би-н-нубувва*). Впоследствии, однако, когда Саджах и Мусайлима встретились, они пришли к соглашению.

§ 164. — Предыдущий параграф содержит, таким образом, версию Сайфа о событиях, происходивших среди тамим со смерти Пророка. Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, VI, 13–15) справедливо вскрыл все ошибки и подлоги нашего преданника. По Сайфу, к пророчице присоединились будто бы одни бану ханзала (ярбу‘ и малик), и влияние,

[562] Нибадж: из разных мест, носящих это имя, наше должно быть тем, что находилось в Ямаме в десяти переходах от Басры и стало потом одной из стоянок паломников, направлявшихся в Мекку (Якут, IV, с. 735, посл. стр., и с. 736, стр. 2–3). (Ср. также Wüstenfeld, *Bahreïn*, 206–207, и Wüstenfeld, *Bazra*, 55.)

оказанное ею на тамим, было будто бы совершенно частичным и мимолётным: тамим фактически остались будто бы почти незатронутыми присутствием Саджах и её месопотамских отрядов. Такая версия по меньшей мере неточна. Из стихов, приводимых по ходу предания (Табари, I, с. 1911, стр. 11; с. 1913, стр. 9; с. 1914, стр. 9), следует, что почти все главные тамимитские вожди присоединились поначалу к пророчице. Старый преданник Мухаммад аль-Кальби (ср. Табари, I, с. 1919, стр. 5 и сл., и *Танбих*, с. 285, стр. 13–14) прямо говорит, что к пророчице присоединились: аз-Зибрикан б. Бадр, Утарид б. Хаджиб, Амр б. аль-Ахтам, Гайлан б. Хараша и Шабас б. Риб‘и. Первые два имени списка формально опровергают тенденциозную версию Сайфа[563]. Известно затем (ср. Табари, I, с. 1919, стр. 10–12), что кальб и раби‘а насмехались над всеми тамим за то, что они некогда последовали за пророчицей. Знаменит, наконец, стих Утарида б. Хаджиба, приписываемый другими Кайсу б. Асиму (Табари, I, с. 1919, стр. 9 и прим. k; Масуди, IV, с. 188): «Пророчица наша, вокруг которой мы толчёмся, была у нас женщиной, тогда как пророки (прочих) людей были мужчинами».

Прав поэтому Велльхаузен, утверждая, что Сайф даёт нам совершенно ошибочное представление о том, что произошло: раздоры между тамим возникли не до прибытия Саджах, но зависели прямо от её появления. Ханзала, первыми последовавшие за ней, ибо принадлежали к тому же племени, были, быть может, теми самыми, среди которых она впервые приняла пророческое служение, — не после смерти Магомета, но, быть может, ещё до неё, охваченные мятежной заразой, распространявшейся по всей Аравии, потрясённой возникновением ислама, разнузданием стольких страстей и внезапным пробуждением стольких дремавших вожделений. Желание иметь собственного пророка, независимого от Медины, и урвать те же выгоды, что получили арабы Хиджаза, было общим не только у тамим, но и у многих других арабских племён: так было в Йемене, у асад и у ханифа. Если принять версию Сайфа, что Саджах начала пророчествовать лишь после смерти Магомета (Табари, I, с. 1911, стр. 15), то оказывается материально невозможным втиснуть в столь тесные пределы времени всё, что произошло между смертью Магомета и появлением Халида б. аль-Валида в стране тамим. Чтобы известие о смерти Магомета дошло до тамим, чтобы Саджах смогла, пророчествуя, увлечь за собой и таглиб из Месопотамии, чтобы она, наконец, всё перевернула, была разбита, принуждена уйти, отправилась в Ямаму и затем, пробыв и в той области, спокойно вернулась туда, откуда пришла, — для всего этого, мне кажется, недостаёт времени. События были сложны и потребовали, несомненно, гораздо большего времени, чем допускает предание Сайфа. Саджах уже давно исчезла, когда Халид б. аль-Валид прибыл к тамим с мусульманским войском, победителем Тулайхи.

Тамимит Сайф хотел, таким образом, сколь возможно уменьшить вину своих единокровных: он хотел снять подозрение в отступничестве до кончины Магомета, сузить как можно больше круг действия лжепророчицы и приписать прежнему соперничеству, а не присутствию Саджах, кровавые смуты, раздиравшие его

[563] (*a*) Среди приверженцев пророчицы, попавших в плен к рибаб, числится также (Табари, I, с. 1913, стр. 6 и 9) тот Ка‘ка‘ б. Амр, которого Сайф в другом месте (Табари, I, с. 1899, стр. 10 и сл.; с. 2021, стр. 2 и сл.; ср. также Якут, I, с. 602, стр. 12) упоминает как одного из героев ислама, помогавших Абу Бакру подавить отступничество арабов (см. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 11).

единокровных. Поэтому он перенёс (как верно угадал Велльхаузен) в период до прихода Саджах то положение вещей, которое было, напротив, следствием присутствия этой необыкновенной женщины. Вероятно, следовательно, что Саджах выступала пророчицей ещё до смерти Магомета и что ещё до этого события тамим-немусульмане, соревнуя с Хиджазом, Йеменом, ханифа и асад, провозгласили её своей руководительницей незадолго до смерти Магомета. Это обстоятельство, быть может, в наибольшей мере способствовало большому начальному успеху пророчицы, к которой присоединилось большинство тамим, за исключением рибаб. Мужество последних в сопротивлении, удача, позволившая им разбить её отряды, и известие, что мединские войска идут на выручку и разбили асад, всё перевернули: пророчица, покинутая большинством, увидела, как в несколько дней рассыпалось всё её великое, но мимолётное могущество; разбитая и другими племенами (амр), она должна была покинуть страну и искать счастья в другом месте. Так она была побуждена перейти в Ямаму в надежде соединить своё дело с делом Мусайлимы. Единственными, кто остался ей верен, были ярбу‘, связанные с ней кровными узами; но, покинутые и они всеми, они пали жертвой гнева мусульман. Когда же наконец пришло торжество ислама, все захотели похоронить прошлое и отречься от совершённых провинностей.

Появление этой необыкновенной женщины в этой части Аравии не должно нас удивлять. У северных арабов женщины всегда пользовались некогда обширным влиянием. Хорошо известны царицы ариби (арабов-арамеев Северной Аравии) Забибе и Самси, упоминаемые в большой Хорсабадской надписи как Za-bi-bi-e и Sa-am-si с титулом *šarrat māt A-ri-bi*, которые сражались против ассирийцев при Тиглатпаласаре III (745–727) в VIII в. до н. э. (ср. Rogers, *Hist. of Babyl. and Assyr.*, II, 130; Delitzsch Fr., *Wo lag das Paradies?*, Leipzig 1881, S. 295–306; Winckler, *Geschichte Babylon. u. Assyr.*, 229; Winckler, *MVAG*, 1898, I, 16). Среди арабских царей, побеждённых Асархаддоном (680–668), царём Ассирии, упоминаются две царицы, Ja-pa’-a и Ba-i-lu (Delitzsch, *Paradies*, 306; Glaser, II, 265–266). Столь же знаменита Зенобия, арабская царица Пальмиры, сражавшаяся против римского императора Аврелиана. Причины этого господства, предоставляемого женщинам, могут, быть может, иметь отдалённым истоком остаток первобытного института матриархата.

(*b*) Но этого мало: согласно преданию, сохранённому в *Агани* (XII, с. 157, стр. 10), Кайс б. Асим (к которому Сайф так нежен) последовал будто бы за Саджах в Ямаму и был взят в плен Халидом б. аль-Валидом после битвы при Ямаме (!). Кайс спасся от смерти лишь тем, что поклялся, будто находился у Мусайлимы, чтобы выкупить своего сына, попавшего во власть лжепророка. Если бы это было вполне верно, Кайс б. Асим никогда не сдавал бы аль-Ала’у б. аль-Хадрами суммы подати *садака*, и стихи, приписываемые ему Сайфом б. Умаром, были бы подложны.

Лжепророк Мусайлима

§ 165. — Мусульманское предание безжалостно к так называемым лжепророкам, которых оно считает, быть может отчасти справедливо, подражателями Магомету в Аравии; поэтому Мусайлима, Тулайха и аль-Асвад описываются нам как обманщики из обманщиков, самозванцы и в некотором смысле даже злодеи. Их учения считаются

карикатурами или греховными подделками ислама, о которых не стоит поэтому передавать потомкам точный отчёт. Тем не менее до нас дошли кое-какие скудные известия, и мы можем, весьма неполно, но всё же с достаточной ясностью, различить некоторые существенные характерные черты, которыми три названных пророка отличаются друг от друга, устанавливая даже некоторую последовательность. Из этих соперников Магомета наименее достойным уважения был, несомненно, аль-Асвад аль-Анси в Йемене с его грубым и кровавым самозванством, о котором нам вскоре предстоит говорить. Краток был поэтому его триумф и жесток конец, когда последователи раскрыли истинную природу человека, которому на мгновение поверили. С другой стороны, Мусайлима[564] предстаёт нам как лучший из трёх и в некоторых отношениях даже привлекательным, вопреки всем стараниям мусульманских преданников очернить его и изобразить злым орудием Сатаны, обольщавшим толпы фокусническими ухищрениями[565]. Прочный авторитет, приобретённый и сохранённый им среди ханифа, и отчаянная, героическая доблесть, с которой его последователи сражались и умирали за его дело, — достаточные основания относиться к его памяти с уважением и сочувствием.

Обвинение в самозванстве, брошенное ему мусульманами, нас не касается, и мы им не занимаемся: оно бросалось всем пророкам, Магомету и самому Христу. Несомненно ложно обвинение в подражании Магомету в том узком смысле, какой придаёт ему мусульманское предание[566]. Мусайлима в лучшем случае мог быть ободрён славой Магомета к тому, чтобы начать религиозное движение в своей стране, но я считаю ошибочным заходить в предположении гораздо дальше, будто возникновение Мусайлимы могло быть простым подражанием мекканскому Пророку. Весьма вероятно, что появление Мусайлимы тесно связано с теми скрытыми в Аравии причинами, которые составили главную часть центростремительных и объединяющих движений рассеянных арабских единиц в Хиджазе, в Йемене и на всём восточном

[564] Обычно считают, что имя Мусайлима — уменьшительная и пренебрежительная форма подлинного имени ханифитского реформатора, Маслама, выдуманная мусульманами (ср. Шпренгер, III, 306), как из Тальхи они сделали Тулайху (ср. § 136 и прим. 2). Не знаю, верно ли такое предположение: Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, VI, 17–19) о нём не упоминает, но Балазури (с. 422, посл. стр.) утверждает, что бакр б. ва’иль (ветвью которых были ханифа) поносили выражением «братья Масламы» (намекая на Мусайлиму), и в одном стихе Умары б. Акиля лжепророк назван Маслама аль-Каззаб (Мубаррад, с. 443, стр. 5).

[565] (*a*) Говорят, например, что он первым ввёл яйцо в узкое горлышко стеклянной бутылки (Хондемир, I, 4, с. 5, стр. 18 и сл.).

[566] (*a*) В одном предании Сайфа б. Умара (от Тальхи б. аль-А‘ляма, от Убайда б. Умайра, от Усаля аль-Ханафи) (Табари, I, с. 1931–1936) мы имеем явную попытку убедить потомков, что Мусайлима был обезьяньим подражателем Магомета, пытавшимся даже повторять его чудеса. Ложность этих тенденциозных известий настолько очевидна из самой формулировки предания (ср. особенно Табари, I, с. 1934, стр. 6 и сл.), что доказывать её почти излишне. Разные лица одно за другим являются к Мусайлиме и просят его сотворить для них то или иное чудо, уже совершённое Магометом в пользу того или иного лица. Каждый раз Мусайлима спрашивает своего вдохновителя и советника Нахара ар-Раджаля (или ар-Рахаля) и, получив от него рассказ об эпизоде, тотчас повторяет то, что, как утверждалось, сделал Магомет. Но тогда как в случае последнего происходили необычайные и благодетельные чудеса, все попытки Мусайлимы удаются плохо и имеют исход, диаметрально противоположный желаемому: вместо того чтобы творить благо, он приносит несчастье. Колодцы иссякают и не дают больше воды, возделанные земли обращаются в пустыню, дети, которых погладил Мусайлима, покрываются паршой и теряют дар речи и т. д. Эти россказни лишены всякого исторического основания, ибо чудеса, приписываемые Магомету, несомненно все одинаково выдуманы. Хронист, однако, не раз имеет предусмотрительность прибавить, что чудеса наизнанку Мусайлимы сбывались не при его жизни, а после его убиения (Табари, I, с. 1935, стр. 8 и стр. 12 и т. д.). Ср. также Хубайш, л. 7 об.

склоне полуострова, — о них нам предстоит говорить подробнее, когда мы будем изучать общие причины, толкнувшие арабов на завоевание мира. Если бы мы обладали большими подробностями о Мусайлиме, мы получили бы гораздо больше света и на исламское движение, порождённое Магометом. Сходные следствия должны проистекать из сходных причин.

Большая часть, быть может всё племя ханифа, к которому принадлежал Мусайлима, было христианским. Христианство этих грубых обитателей пустыни стояло на уровне варварских условий цивилизации племени и должно было также быть весьма поверхностным, если верно, как кажется, что ханифа последовали за Мусайлимой без труда и без сожаления. Тем не менее одного этого факта достаточно, я думаю, чтобы понять, что Мусайлима не мог далеко отойти от христианства: он не выступал основателем совершенно новой веры, как сделал Магомет для язычников запада, но остался, быть может, простым новатором, корифеем какой-то новой секты, оставшейся, однако, всегда по существу христианской. Вдохновение Мусайлимы шло, следовательно, не от ислама, а от христианства. Черты сходства (ежедневные молитвы, азан)[567] случайны, ибо происходят от одинаковых прообразов.

В пророческих изречениях, приписываемых Мусайлиме, — весьма вероятно составленных из подлинных материалов, хотя и не в истинной первоначальной форме, — мы находим аскетическую направленность и кротость учения, которые выдают несомненный христианский привкус и не имеют ничего общего с мощными чувственными стремлениями и с порывистой и властной энергией ислама. Последователи Мусайлимы — это «чистые люди (*ма‘шар абрар*, Табари, I, с. 1916, стр. 13; с. 1917, стр. 1), которые соблюдают молитвы, воздерживаются от насилия и греха». Они благодарны Богу за милости, которые Он расточает, тому Богу, Который даёт жить спокойно и счастливо, удаляя печаль и одушевляя людей надеждой на счастливое вечное будущее в день воскресения (? *яум динихи*, Табари, I, с. 1916, стр. 12), когда Бог воскресит их и избавит от мук. Состояние нравственной и телесной чистоты должно быть высшей целью верующего, который должен молиться ночью и поститься днём (как мусульмане в рамадан!), должен воздерживаться от общения с женщинами, не пить вина и часто поститься, с позволением, однако, перемежать посты днями обильного питания. Тому, кто достигает ступени чистой жизни (*хаят*, Табари, I, с. 1917, стр. 2), угодной Богу, в награду приходит царство небесное (*мульк ас-сама*, подлинно хри стианское выражение, взятое из Евангелий!), к которому верующий будет вознесён (ср. Табари, I, с. 1916, стр. 10; с. 1917, стр. 2)[568]. Запрет общения с женщинами не был

[567] Мусульманское происхождение *азана*, как оно представляется по преданиям, повествующим о его возникновении (ср. 1 г. х., § 64, и Табари, I, с. 2894), вовсе не доказано содержанием самих этих преданий; ср. также Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 17. И у пророчицы Саджах был *муаззин* (Табари, I, с. 1919, стр. 1): это наименование, однако, лишь облачение в мусульманскую форму учреждения, несомненно известного у немусульман под другим именем. Веллхаузен определяет *муаззина* Мусайлимы как своего рода причетника (*Küster*) (ср. ниже § 166).

[568] (*а*) В другом предании Сайфа б. Умара (Табари, I, с. 1933–1934) находим и другие мнимые откровения Мусайлимы, в которых упоминаются многие факты и предметы, привычные бану ханифа, по большей части земледельцам. Мусайлима называет своих единокровных людьми, стоящими выше *ахль аль-вабар* (людей шатра, кочевников), и перечисляет затем их земледельческие занятия — сев, жатву и молотьбу, — упоминая затем и помол зерна, превращение его в хлеб и затем потребление его в варёной пище. В другом рифмованном стихе он обращается к лягушкам, населявшим пруды страны, и плетёт им хвалы, описывая их

абсолютным, но лишь ограниченным и направленным на то, чтобы обуздать и упорядочить согласно разуму половой инстинкт. Поэтому у нас есть своеобразное предписание, что каждый мужчина мог иметь общение с женщиной (женой?), лишь бы он делал это с целью иметь сына. Когда женщина рожала дочь, муж не должен был больше касаться её, пока жива эта дочь. С того же дня, как у мужчины появлялся сын мужского пола, он не должен был больше вовсе сожительствовать ни с какой женщиной (? толкование малонадёжное; Табари, I, с. 1917, стр. 4–7)[569].

Вероятно, этот закон об отношениях полов имеет своё основание или происхождение, помимо аскетических наклонностей христианства, и в древнейшей практике умерщвления новорождённых девочек (*ва'д аль-банат*), общей для всей Аравии и особенно для юга и запада полуострова. Быть может, это было косвенное средство, придуманное, чтобы обуздать этот ужасный обычай, уменьшая рождаемость в семьях там, куда ещё не дошёл энергичный голос Магомета, осуждавший такую мерзость (Коран, V, 35; VI, 141; XVI, 60–61; XVII, 33; LXXXI, 8–9). Ср. особенно комментарии Байдави и Замахшари к третьей и к последней цитате. — Далее, говоря об общих причинах мусульманских завоеваний, мы будем иметь основание найти и другую вероятную причину этого намеренного уменьшения рождаемости среди ханифа, а именно иссушение и оскудение Аравии.

Ср. также *JRAS*, 1903, с. 484. В *Хамис* (II, с. 174, стр. 21) находим, напротив, что подлинное имя Мусайлимы было Харун б. Хабиб.

(*b*) Рассказывают также, что впоследствии знаменитый аль-Ахнаф б. Кайс ат-Тамими однажды посетил Мусайлиму и, спрошенный о вынесенном впечатлении, ответил: «Это соискатель пророчества, который не говорит правды, и неискусный обманщик» (Байхаки, *Mah.*, 32–33). В *Агани* (XVIII, с. 166, предпосл. стр.) аль-Ахнаф выражается несколько иначе: «Никогда не видел я менее искусного, чем этот пророк!» Аз-Зибрикан б. Бадр, услышав эти слова, воскликнул: «Я передам это Мусайлиме!» Но аль-Ахнаф не смутился: «Клянусь Богом! я поклянусь, что ты лжёшь, и он поверит мне, сочтя тебя лжецом!» Предсказание аль-Ахнафа сбылось.

(*c*) Другие источники утверждают, что прежде чем начать свою проповедь, Мусайлима посещал ярмарки Вавилонии — в Убулле, Бакке (близ Хиры, Якут, I, с. 702, стр. 12), Анбаре и Хире, — чтобы научиться фокусам у фокусников и звездочётов (*Хамис*, II, с. 176, стр. 18 и сл.).

образ жизни в воде и тине и хваля их за то, что они не мешают жаждущим людям пить и не мутят воду. Из этих немногих рифмованных стихов (без размера) мы получаем беглый взгляд на мирные занятия ханифа, которые, как видно, жили в каменных домах, занимаясь большей частью возделыванием полей, питаясь прежде всего зерном (Табари, I, с. 1935, стр. 12; ср. также Табари, I, с. 1930, стр. 14; с. 1931, стр. 4), держа также «чёрных овец», которых доили ради их «белого молока», считавшегося чудесным даром Божьим и потому выпиваемого чистым, без примеси воды (Табари, I, с. 1933, стр. 14).

[569] Ср. также Асир, II, с. 274–276, который копирует и сокращает Табари во всех этих известиях о Мусайлиме; *Икд*, I, 111; *Хамис*, II, с. 175, стр. 22 и сл., где, помимо приведённых стишков, есть и некоторые другие, приписываемые Мусайлиме, которые должны быть подложными, выдуманными, чтобы выставить его на посмешище: говорится о слонах, у которых есть хвост спереди (хобот) и хвост сзади! и т. д. Хубайш (л. 7) тоже приводит рифмованные стишки, приписываемые Мусайлиме, те же, что даны Сайфом, с некоторыми лёгкими вариантами.

(*b*) Таким ребяческим способом думали обойти страшное возражение, которое можно было бы сделать против подобных россказней: если всё, что делал Мусайлима, приносило несчастье, как же объяснить его власть над душами ханифа? Чтобы сделать ещё очевиднее плагиат и обман Мусайлимы, преданники придали особое значение лицу Нахара ар-Раджаля б. Унфувы, мусульманского отступника, который некогда был в Медине, стал мусульманином, изучал Коран, а затем, вернувшись в свою страну, вместо того чтобы интриговать в пользу ислама и против Мусайлимы, открыто встал на его сторону и помогал ему всеми возможными способами. Этот Нахар изображается тайным подсказчиком и всемогущим советником Мусайлимы, который слепо повиновался ему во всём и ни при каких обстоятельствах не мог без него обойтись. Утверждают, кроме того, что успехом своим у ханифа Мусайлима был обязан особенно свидетельству этого Нахара ар-Раджаля, который будто бы заявил, что Магомет признавал пророческую миссию Мусайлимы и допускал его как товарища (Табари, I, с. 1932, стр. 1–13; с. 1941, стр. 4–10, где он назван ар-Рахаль [по Ибн Исхаку]).

(*b*) Ср. Мубаррад, с. 442, стр. 14, где в стихе Джарира ханифа названы «людьми пальм, обнесённых стенами садов и засеянных полей» и осмеиваются за то, что их главная пища, финики, вызывала желудочные расстройства, ветры и урчание в кишках.

§ 166. — (*a*) Из другого предания, переданного Сайфом б. Умаром (от Тальхи б. аль-А‘ляма, от Убайда б. Умайра, от Усаля аль-Ханафи), мы извлекаем иные подробности о Мусайлиме, заслуживающие внимания. Свидетельство Сайфа имеет в этом случае некоторую ценность, ибо из некоторых косвенных намёков (Табари, I, с. 1932, стр. 14 — с. 1933, стр. 9) мы обнаруживаем, что Мусайлима весьма благосклонно обходился с некоторыми тамимитскими племенами (усайид), к которым как раз принадлежал Сайф: поэтому последний, хотя и старается убедить нас, что Мусайлима был обманщиком и подражателем Магомета, всё же, словно из благодарности за его поведение к усайид, подробно описывает нам личность Мусайлимы, как не делает ни для одного другого из лжепророков, и не упускает упомянуть и его добрые черты. Так, нам говорится, что одним из величайших его искусств был тончайший такт, с которым он умел проникать в души своих последователей и обольщать их искусной любезностью (Табари, I, с. 1931, стр. 14–15). Мы узнаём, кроме того, что он учредил в Ямаме священную территорию (*харам*), подобную мекканской, которая, однако, по-видимому, должна была — как у христиан убежище алтаря — служить также убежищем для всякого, кто нуждался в защите (Табари, I, с. 1932, стр. 13 и сл.). И он часто называл Бога древним именем Рахман (Табари, I, с. 1933, стр. 12; с. 1935, стр. 14; с. 1937, стр. 3)[570], утверждал, что после смерти все мы возвращаемся к Богу (Табари, I,

[570] (*a*) Мусайлима называл и себя самого Рахманом, то есть говорил от первого лица, как если бы Бог обращался через него к людям, так же как Магомет в Коране. Отсюда пошло, что его называли Рахманом Ямамы (ср. Табари, *Тафсир*, I, с. 43, стр. 14, и XIX, 17–18). Говорят, что враги Магомета, когда он был ещё в Мекке, обвиняли его в подражании и в том, что его научил «человек из Ямамы по имени ар-Рахман» (Хишам, с. 200, стр. 2–3, со слов Ибн Исхака; ср. Введение, § 255). Некоторые комментаторы приводят это выражение к стиху Корана XXV, 61, а Табари и аль-Байдави утверждают, что в нём намекается на Мусайлиму (ср. *JRAS*, 1903, с. 485, и Hirschfeld, 25, прим. 30): если бы это было возможно, мы имели бы указание, что Мусайлима был, пожалуй, уже известным по всей Аравии новатором за несколько лет до Бегства Магомета. Это кажется мне несколько затруднительным (ср. также *JRAS*, 1903, с. 775), поскольку известно, что Мусайлима наследовал управление Ямамой после смерти царя Хаузы б. Али, последовавшей приблизительно за два года до смерти Магомета, в 8 г. х. (ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, IV, 102; Асир, I, с. 341, 465).

с. 1933, стр. 11), и ободрял своих мужественно защищать свою страну от врага, увещевая их, кроме того, гостеприимно принимать бедных и держать вдали злодеев (Табари, I, с. 1934, стр. 6).

(*b*) Заслуживает также упоминания, что Мусайлима пользовался способом призывать верующих к молитве через *муаззина*, так же как мусульмане (Табари, I, с. 1932, стр. 9), и имел человека, который руководил учреждёнными им правильными богослужениями (взятыми из христианского культа?). Первый помощник звался Абдаллах б. ан-Наваха, а второй — Худжайр б. Умайр[571]. Первый, как известно, остался верен вместе со многими другими (ср. Балазури, с. 87, стр. 13) памяти Мусайлимы многие годы после его смерти, даже после торжества ислама, и потому понёс как еретик и смертную казнь в Куфе. Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, VI, 17 и прим.) справедливо утверждает, что учреждение *азана* не может считаться чисто исламским по происхождению. Мы не должны обманываться мусульманским наименованием, данным этим призывающим к молитве, ибо мусульманские хронисты дали немусульманскому учреждению тот термин своего обряда, который лучше всего соответствовал понятию, которое они хотели выразить. Совершенно нелепо было бы искать и в (неизвестных) учениях пророчицы Саджах подражание исламу. Она тоже в лучшем случае должна была руководить религиозным движением выродившегося христианства. Из всех этих признаков нельзя не вынести хорошего впечатления о Мусайлиме, ибо если устранить тенденциозные и ложные известия, уже рассмотренные нами, во всём остальном мы не находим в его делах или учениях ничего достойного порицания или злого. Весьма примечателен даже факт, признаваемый самим Сайфом (Табари, I, с. 1931, стр. 15), что Мусайлима не старался скрывать своих недостатков и не боялся показываться своим таким, каким был, без обмана и хитрости. Власть его над ханифа была огромна и основана на сильнейших нравственных узах, в силу которых они сражались за него как львы. Он должен был поэтому пользоваться большим и заслуженным обаянием и быть окружён подлинным уважением и почитанием, которых недоставало грубым обманщикам вроде аль-Асвада аль-Анси и других.

(*c*) Скажем, наконец, что из предшествующего мы не можем не считать в некоторой мере подозрительными утверждения мусульманских хронистов, согласно которым Мусайлима притязал на религиозную реформу: вероятнее, я думаю, что Мусайлима был сначала политическим главой своего народа и, облечённый этой должностью, попытался провести какую-то религиозную реформу, чтобы улучшить нравственное состояние своих подданных, — примерно так, как позже должен был поступить в Индии Акбар, Великий Могол. Быть может, он стремился укрепить чисто политическую власть абсолютным теократическим авторитетом. Иными словами, путь Мусайлимы был, быть может, путём Магомета в обратном направлении. Тогда как Магомет пришёл к политической власти через религию, Мусайлима, вероятно, пришёл

[571] Ибн Хубайш приводит следующее предание: в книге Якуба б. Мухаммада аз-Зухри сказано: Худжайр был *муаззином* Мусайлимы, и, призывая ханифа к молитве, он прежде всего объявлял, что Магомет — Пророк Божий, затем прибавлял: «Я свидетельствую, что (и?) Мусайлима — Пророк Божий!» Тогда Мухаккам б. Туфайль крикнул ему: «Кричи: говорят, что Мусайлима — Пророк Божий!» (Хубайш, л. 8, версия неясна). Казалось бы, следовательно: 1) что в Ямаме были некоторые, желавшие признавать двух пророков — одного для Хиджаза и одного для ханифа; 2) что влиятельные люди, как Мухаккам, ревновали к преобладанию Мусайлимы и не вполне были согласны с ним относительно его притязаемой божественной миссии.

к религиозной реформе через политику. Это моё предположение основано на том факте, что о Мусайлиме упоминается лишь после смерти Хаузы, прежнего владетеля Ямамы; отсюда видно, что Мусайлима был законным преемником Хаузы и пришёл к власти не путём переворота. Весьма вероятно, что ещё при жизни Хаузы он стал известен среди единокровных своими религиозными идеями и что затем, когда Хауза умер (около середины 8 г. х., ср. Са‘д, § 8, с. 5), популярность Мусайлимы указала на него как на достойнейшего преемника. В самом деле, его религиозная деятельность стала особенно заметной к концу жизни Магомета, то есть тогда, когда Мусайлима мог придать больший вес своим учениям политической властью, которой был облечён. Вопреки тенденциозным преданиям (рассмотренным нами в другом месте, ср. 10 г. х., § 67), выходит, что отношения между Магометом и Мусайлимой были всегда хорошими или по меньшей мере мирными: очевидно, ни один из них никогда не думал тревожить другого, довольствуясь каждый тем, что имел. Магомет никогда не интриговал среди ханифа, но разные недовольные ханифа приходили в Медину интриговать против Мусайлимы. Неясно, как держался по отношению к ним Магомет.

(*b*) Быть может, разумнее предположить, что термин Рахман, древнее сабейское выражение, воскрешённое, быть может, под христианским влиянием (ибо лишь с христианством утвердилось понятие о бесконечном милосердии Божьем), был обычно употребителен у арабов-христиан Ямамы и Восточной Аравии как термин призывания Бога, и что невежественные язычники пришли отсюда к заключению, будто это собственное имя божества, которому поклонялись христиане. Рахман появляется уже как имя Бога в сабейских надписях 378, 450, 458 и т. д. годов, где имеет несомненно христианское, а также иудейское происхождение, ибо в Талмуде — согласно Grünbaum, *ZDMG*, 1886, XL, 261–263 — означает Бога. И сегодня в химьяритском диалекте кара Бог называется *эррахему*. Ср. Mordtmann, *ZDMG*, 1890, XLIV, 177–178, и Nallino, *Chrestomathia Qoranica*.

(*c*) Примечательно, что и лжепророк аль-Асвад принял прозвание Рахман (ср. Балазури, с. 105, стр. 6). Об употреблении термина Рахман в доисламской Аравии и особенно в Йемене ср. замечания Гримме (*Arabien*, 37, 39 и 52–53), из которых следовало бы, что появление этого термина в Коране обязано йеменским, а не христианским влияниям, как до сих пор полагали разные биографы пророка Магомета.

Существует, однако, и другая версия предыдущего эпизода: когда ханифит Худжайр, *муаззин* Мусайлимы, впервые призвал ханифа к молитве, он сказал: «Свидетельствую, что нет бога, кроме Аллаха, и что Магомет — Его Пророк, и что Мусайлима…» — в этом месте он сделал паузу, пока Мухаккам не крикнул ему: «Скажи: свидетельствую, что Мусайлима — Пророк Божий». Этот случай вошёл у арабов в поговорку. История ханифа была бы предана забвению, если бы в память о случае не осталось поговорочное выражение: *саррих, Худжайр!*, то есть «поторопись, Худжайр!» (Хубайш, л. 7).

§ 167. — (*a*) (Сайф б. Умар, от Хулайда б. Зуфара ан-Намари, от Умайра б. Тальхи ан-Намари, от Тальхи ан-Намари). Тальха ан-Намари отправился в Ямаму и спросил: «Где Мусайлима?» Ему ответили: «Эй! (Скажи:) Посланник Божий!» — «Не скажу,

пока не увижу его!» Тальха прибыл наконец к Мусайлиме и с арабской прямотой обратился к нему: «Ты Мусайлима?» — «Да!» — «Кто тот, кто приходит к тебе?» (то есть: кто тебя вдохновляет?) — «Рахман» (то есть Бог милосердный). — «(Посещает он тебя) при свете или во тьме?» — «Во тьме!» — «Тогда я объявляю, что ты обманщик и что Магомет — истинный пророк (*садик*). Однако обманщик из рода раби‘а (*каззаб раби‘а*) нам милее, чем истинный пророк из мудар!» Тальха после этого заявления присоединился к Мусайлиме и погиб, сражаясь за него, в день Акрабы (Ямама) (Табари, I, с. 1936–1937).

(*b*) Вероятно, версия аль-Кальби, передаваемая тем же Сайфом: «Обманщик из раби‘а мне милее обманщика из мудар», — более правдоподобна (Табари, I, с. 1937, стр. 6 и сл.).

(*c*) Этот анекдот характерен. Может быть, он выдуман, поскольку этот Тальха, если он вообще существовал, быть может, никогда не произносил этих слов; считаю, однако, возможным, что они были сказаны каким-нибудь другим арабом, ибо они в эпиграмматической и резкой форме изображают подлинные чувства арабов к их многочисленным пророкам. Хронисты сохранили изречение, полагая, что оно может бросить тень на противников ислама, не зная, однако, что арабы были все одинаковы по отношению к религии, проповедовал ли её Магомет или другие. Отряды Халида были в душе столь же языческими, как и отряды врагов, и всякий араб всегда предпочитал пророка своего собственного рода пророку чужого. В одном анекдоте, рассказанном Ибн Исхаком (Табари, I, с. 1940, стр. 11–14), Халид расспрашивает нескольких пленных ханифа об их образе мыслей на этот счёт: они откровенно утверждают, что по справедливости каждый должен иметь своего пророка. «Мы говорим: пусть у нас будет пророк, и у вас будет другой!» Итак, для ханифа и для многих других арабских племён основным, главным качеством всякого пророка была принадлежность к племени, среди которого он проповедовал. Откровенность пленных была жестоко наказана: Халид приказал предать их всех смерти (Табари, там же).

§ 168. — Следующее предание, сохранённое Ибн Хубайшем, также заслуживает быть приведённым в этом месте, ибо даёт некоторое указание на происхождение мнимой пророческой миссии Мусайлимы.

В книге (Якуба б. Мухаммада) аз-Зухри со слов Ибн Фадалы сказано: когда незадолго до битвы при Акрабе (Ямама) были захвачены несколько ханифа, Халид б. аль-Валид подверг их допросу, принудив одного из пленных (Муджжа‘у) рассказать ему многое о Мусайлиме и прочесть ему многие из его *раджазов*, или отрывков рифмованной прозы, которые Муджжа‘а знал наизусть. В ответ Халид прочёл ему несколько стихов Корана. Муджжа‘а рассказал, кроме того, что один человек из Бахрейна пришёл и долгое время жил у Мусайлимы: этот чужеземец знал искусство письма и некоторое время был ближайшим советником и другом Мусайлимы. Позже этот человек объявил жителям Ямамы, что Мусайлима — обманщик, которому не следует верить. Узнав, однако, что эти речи были переданы Мусайлиме, человек из Бахрейна бежал. На вопрос Халида, продолжали ли после этого случая ханифа верить

Мусайлиме, Муджжа‘а ответил утвердительно, указав, что иначе Мусайлима не смог бы собрать 10 000 человек[572] для борьбы с мусульманами (Хубайш, л. 9).

§ 169. — Мусульманские преданники, а за ними и все хронисты, включают появление Мусайлимы в так называемую Ридду, или отступничество племён от ислама. Это ошибка. Ханифа никогда не восставали против ислама, ибо никогда не были мусульманами (ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 15 и сл., и 10 г. х., §§ 33, 33,A, 67 и сл.). Столь удачную проповедь Мусайлимы следует рассматривать как событие, одновременное исламу и параллельное ему, порождённое, быть может, причинами, сходными с теми, что способствовали возникновению и торжеству ислама, но почти совершенно самопроизвольное и не являющееся делом подражания. Тем не менее можно сказать, что пример и счастливые успехи Магомета могли придать дополнительный толчок политическому и религиозному движению Ямамы. Среди ханифа учения Магомета были весьма мало известны и мало ценимы: несомненно, в самом деле, что при жизни мекканского Пророка весьма немногие ханифа обратились в ислам.

Так называемые посольства ханифа к Магомету следует принимать *cum grano salis*: известия, касающиеся этих фактов, — тенденциозные выражения мусульманского предания, которое хотело бы заставить нас поверить в исламизацию всей Аравии ещё при жизни Магомета. Отдельные группы немногих лиц, пришедших, быть может, из одного любопытства или от имени какой-нибудь малой семьи, были раздуты неутомимыми преданниками, чтобы они казались торжественными посольствами великих племён. Предания о посольствах ханифа подозрительно противоречат друг другу и заставляют предполагать, что проповедь Мусайлимы гораздо более давнего происхождения, чем хотели бы заставить думать преданники. Вмешательство Магомета в дела той страны было в лучшем случае характера скрытых интриг, возникших по почину не Магомета, а меньшинства, враждебного партии, поддерживавшей Мусайлиму, — меньшинства, ставшего мусульманским лишь для того, чтобы получить действенную поддержку в глухой войне против большинства. Главой недовольных среди ханифа был известный Сумама б. Усаль, хлопотавший в пользу ислама, но со скудными результатами. Мусульман в этих племенах всегда было мало: наши источники единодушно не упоминают, чтобы среди ханифа были мусульманские наместники для сбора податей или чтобы ханифа случайно отказывались их платить. Ни один источник не допускает, чтобы ханифа были обязаны платить какую-либо дань. Это единодушное молчание наших источников, столь явно тенденциозных, — неопровержимое доказательство того, что ханифа не были членами мусульманской общины и не имели ничего общего с Мединой. Военная кампания, начатая в этом году против ханифа Халидом б. аль-Валидом, была поэтому актом произвольного нападения на независимое государство, а не подавлением восстания. Так выходит наружу истина, ещё не вполне выясненная западными историками, а именно что знаменитая Ридда была лишь отчасти актом обороны против мятежников и что самые знаменитые

[572] Из этого предания мы удостоверяемся также, что известие, данное далее Сайфом б. Умаром, будто ханифа насчитывали 40 000 вооружённых в битве при Акрабе, — одно из обычных преувеличений этого обманчивого преданника. Примечательно также, что Халид читает Муджжа‘е стихи Корана; следовательно, Муджжа‘а этого текста не знал и потому не был мусульманином, как утверждают наши источники.

события великой военной кампании с конца 11 г. х. и далее были в действительности актами чистой агрессии и завоевательными войнами со стороны мусульман.

Предания об отношениях между ханифа и Магометом двусмысленны и противоречивы по содержанию, ибо глубоко искажены позднейшими предвзятыми идеями. Приезд Мусайлимы в Медину имеет все признаки сказки, выдуманной, чтобы подкрепить мысль, будто он был лишь грубым подражателем ислама, а мнимые письма, которыми будто бы обменялись Мусайлима и Магомет, — позднейшие литературные сочинения, в которых преданники по-детски выдали единственную и истинную причину конфликта между исламом и Мусайлимой, а именно существование в Аравии двух пророков и двух различных вер, обе притязавших на светскую и духовную власть, и, следовательно, невозможность их мирного сосуществования: то был, словом, вопрос политический, а не догматический и религиозный, который острый и быстрый меч Халида б. аль-Валида готовился разрешить.

Отношения между Мусайлимой и Саджах

§ 170. — Тенденциозный дух, которым проникнуты все известия о Мусайлиме и пророчице Саджах, обнаруживается во всём своём бесстыдстве в той части предания, которая трактует об отношениях между Мусайлимой и Саджах. Когда несчастная тамимитская искательница приключений увидела крушение своих надежд на господство среди единокровных[573], она решила искать счастья в другом месте, а именно в Ямаме, где великие успехи, достигнутые Мусайлимой, казалось, указывали, что среда там благоприятнее для пророков вообще, чем у тамим. Саджах, быть может, задумала соединить своё дело с делом Мусайлимы, и разговор (подложный), вложенный в уста обоих пророков во время встречи (Табари, I, с. 1916, стр. 6–10), касается лишь раздела власти на земле. В этом предание, быть может, не ошиблось, и мы можем поверить, что политические вопросы были единственными, обсуждавшимися на этой своеобразной встрече, быть может единственной в своём роде в истории. Но между пророком и пророчицей никакое соглашение не было возможно: они взаимно боялись друг друга и как соперники по ремеслу, конечно, не любили друг друга. Саджах стремилась исправить гибельные последствия неудавшейся попытки, тогда как Мусайлима, который, быть может, не чувствовал себя слишком сильным и уверенным на родине перед мусульманской угрозой, не имел никакого желания и никакой нужды стеснять свои движения, связав себя с дерзкой, властной и неудобной женщиной, обращавшейся к нему не для того, чтобы ему помочь, а чтобы самой выпутаться из затруднения. Что случилось после встречи двух пророков, неясно. По Сайфу, достаточно было того, что они встретились, чтобы оба поняли материальную невозможность соглашения, и все искусства Мусайлимы были употреблены на то, чтобы удалить Саджах, которая, однако, не захотела уйти, не получив щедрого вознаграждения. На этих основаниях было заключено соглашение, и затем оба расстались сразу после свидания добрыми

[573] В книге Якуба б. Мухаммада аз-Зухри [† около 220 г. х.] сказано: Саджах приняла титул Пророка, но когда Халид б. аль-Валид выступил против тамим, она убедилась, что никто не может быть для неё важнее (? версия неясна) Мусайлимы, и приказала своему *муаззину* провозгласить пророческую миссию Мусайлимы. Тогда она отправилась к нему, чтобы они могли взаимно научить друг друга пророческому искусству, «а затем рассказано то, что мы опустим» (намёк на непристойные стихи, ср. ниже § 172, прим. 1) (Хубайш, л. 8).

друзьями: Саджах, перейдя назад границы, исчезла туда, откуда пришла; Мусайлима остался, как прежде, единственным господином Ямамы. Напротив, предания мединской школы утверждают, что соглашение приняло прочную форму и Саджах оставалась с Мусайлимой до его смерти. Мы вынуждены поэтому отдать предпочтение этой последней версии. Если это верно, мы необходимо должны допустить, что у обоих политические побуждения преобладали над религиозными. В политике соглашение возможно, в религии — никогда. — Вероятно, следовательно, что сильная религиозная окраска всех преданий о двух лжепророках есть в большой мере позднейшая мусульманская прибавка, чтобы очернить противников ислама (ср. § 173, прим. 1).

Великая темнота, окутывающая эту своеобразную встречу пророка и пророчицы, дала мусульманским преданникам повод выдумать целый цикл ложных и непристойных историй; воспользовавшись различием полов, они утверждали, что оба предались в краткие дни свидания непристойной чувственной оргии, своего рода свободному союзу, замаскированному под брак. Подложность этих историй доказывается, во-первых, молчанием Сайфа, который, хотя и не питает нежности к Мусайлиме и старается всячески его опорочить, совершенно не знает непристойных подробностей, сообщаемых другими источниками. Во-вторых, у нас есть тот факт, что гнусные подробности, приводимые Табари, сообщаются нам анонимно, что совершенно ненормально и противно обычаям великого хрониста, столь тщательного в подтверждении своих сведений. Есть поэтому основание предполагать, что непристойные известия — это слухи, ходившие во времена Табари, не подкреплённые никаким серьёзным и заслуживающим доверия авторитетом.

§ 171. — (Сайф б. Умар, от ас-Са‘ба б. Атийи б. Биляля, от Атийи б. Биляля и от Сахма б. Минджаба). После двух поражений, нанесённых ей тамим, и после того, как она добилась освобождения своих приверженцев (аль-Хузайля и Укки) из рук победителей, Саджах приказала своим месопотамским отрядам двинуться к Ямаме. Тамимитские племена, с которыми она прежде была в союзе, не желая больше иметь с ней дела, лишили её своей поддержки и заключили с ней договор, чтобы она больше не проходила через их страну. С другой стороны, могущество Мусайлимы было велико, и вожди людей Саджах (*ру’аса ахль аль-Джазира*) напомнили пророчице обо всех опасностях новой попытки. Она настаивала на своих приказах, повторяя их и в рифмованных фразах (подложных), и люди повиновались. Мусайлима был встревожен известием об этом неожиданном вторжении, ибо у него было уже много врагов дома: у него было враждебное ему меньшинство под началом Сумамы б. Усаля, угрожавшее Хаджру[574], и ему приходилось бороться ещё против мусульман под командованием Шурахбиля б. Хасаны, а также против разных окрестных племён. Он не захотел поэтому навлекать на себя нового врага и отправил навстречу пророчице посла с богатыми дарами просить у неё охранную грамоту, чтобы иметь с ней свидание.

[574] (*a*) Хаджр, или Хаджар, был столицей Ямамы и назывался также аль-Ямама: расположенный в центре плодородной области, производившей превосходные плоды, он должен был быть основан и населён древнейшими и цивилизованными народами, ибо существует предание, что первые ханифа, занявшие это место под началом Убайда б. Са‘лабы, нашли там величественные развалины замков и стен из больших камней: отсюда страна получила имя Хаджр (камень), ибо этими укреплениями ханифа образовали ограду, запретную для чужих (Якут, II, с. 609–610); о других сведениях ср. Wüstenfeld, *Bahreïn*, с. 198–200.

Саджах остановилась со своими людьми в аль-Амвахе и согласилась дать Мусайлиме требуемую охранную грамоту. Мусайлима явился тогда в стан Саджах с сорока (всадниками) из бану ханифа и попытался убедить честолюбивую женщину обратить своё оружие против мусульман; но нашёл в ней женщину, способную с ним состязаться, ибо весьма сведущую в христианских учениях, усвоенных от христиан из рода таглиб. Саджах не поддалась искусствам Мусайлимы и настаивала на получении своей доли в господстве над Ямамой (Табари, I, с. 1915–1916)[575].

(*b*) Это предание имеет особую ценность, ибо связывается с новейшими выводами об истории Древней Азии. Ямама и Бахрейн, вероятно, родина не только *кальду* (= халдеев), которые вторглись в Вавилонию и основали знаменитую халдейскую династию Набукудурриусура (= Навуходоносора) (604–562 до Р. Х.), но, быть может, и вся названная область, как мы вскоре объясним, может считаться вероятной первоначальной родиной всех семитов до их рассеяния.

(*c*) Чтобы понять передвижения Саджах, а затем Халида б. аль-Валида, хорошо помнить в этом месте, что для того, чтобы прийти из страны тамим в Ямаму, нужно спускаться прямо к югу.

§ 172. — В этом месте повествования Табари (I, с. 1917, стр. 7) обрывает предание Сайфа и вводит анонимно некоторые дополнительные известия о встрече Мусайлимы и Саджах, известия явно тенденциозного характера. Когда Саджах прибыла к замку, где жил Мусайлима, тот велел запереть ворота крепости, чтобы не дать ей войти. Саджах пригласила его спуститься, но он осторожно ответил ей: «Удали сначала своих приверженцев!» Когда она их удалила, Мусайлима отважился выйти из крепости и велел поставить большой шатёр, в который удалился вместе с пророчицей. По просьбе Саджах он прочёл несколько отрывков из своих откровений: «Не видишь ли ты, как Господь твой поступает с беременными женщинами? Он выводит из чрева их живое существо» и т. д., переходя затем к упоминанию подробностей и фактов столь грубого натурализма (о соединении полов и зачатии потомства), что они не заслуживают перевода (ср. Табари, I, с. 1917, стр. 15 и сл.; с. 1918, стр. 1–4). Саджах, выслушав слова своего собрата, убедилась, что он истинный пророк, и объявила, что верует в него. Он тотчас ответил ей, предложив вступить с ней в брак, что она немедленно приняла. Тогда Мусайлима продекламировал ещё четыре непристойных стиха[576], предлагая ей в грубейших выражениях немедленно совершить брак, и это произошло без промедления. Свадьба длилась три дня, по прошествии которых Саджах вернулась к своим людям, объявив им, что нашла истину в Мусайлиме и вышла за него замуж. Приверженцы спросили её тогда, каков был её свадебный дар. «Он мне его не дал!» — ответила она.

[575] Ср. Асир, II, с. 270, стр. 11 и сл. У Мирхонда (II, с. 251–252) события рассказаны иначе.

[576] У Абу-ль-Фиды (I, с. 210) находим те же стихи с некоторыми лёгкими вариантами, переведённые и смягчённые Рейске следующим образом: «(1) Surge tandem itaque strenue permolenda: nam stratus tibi torus est. (2) Aut in propatulo tentorio si velis, aut in abditiore cubiculo, si malis; (3) Aut supinam te humi exporrectam fustigabo, si velis, aut, si malis, manibus pedibusque nixam: (4) Aut si velis, eius [priapi] gemino triente, aut si malis totus veniam» [(1) Встань же наконец для усердного дела: ложе тебе постлано. (2) Либо в открытом шатре, если хочешь, либо в укромном покое, если предпочитаешь; (3) Либо навзничь, простёртой на земле, если хочешь, либо, если предпочитаешь, опёршись на руки и ноги; (4) Либо, если хочешь, отчасти, либо, если предпочитаешь, целиком]. Крайне непристойные стихи, быть может народного происхождения, которые недоброжелательство преданников приписало этой своеобразной встрече пророка и пророчицы. Они находятся также в *Агани*, XVIII, 166. Ср. также Асир, II, с. 271.

«Тогда, — сказали ей приверженцы, — вернись и возьми его, ибо было бы позором, если бы наша женщина вернулась без свадебного дара». Саджах вновь явилась перед замком Мусайлимы, который, видя её возвращение, опять велел запереть ворота крепости и вновь отказать ей в доступе. «Чего ты хочешь?» — спросил он её. — «Дай мне мой свадебный дар!» — «Кто твой *муаззин*?» — спросил её Мусайлима. — «Это Шабас б. Риб‘и ар-Рияхи». — «Позови его ко мне!» Когда Шабас б. Риб‘и явился перед замком, Мусайлима сказал ему: «Объяви среди своих товарищей, что Мусайлима б. Хабиб, посланник Божий, даровал вам две из молитв, принесённых вам Мухаммадом, а именно последнюю вечернюю молитву и первую утреннюю»[577] (Табари, I, с. 1917–1919).

Ср. также Асир, II, с. 270–271; *Танбих* (с. 285, стр. 15) утверждает, что *муаззином* Саджах был Амр б. аль-Ахтам ат-Тамими.

У Мирхонда (II, с. 252, стр. 6 и сл.) встреча двух пророков рассказана со многими подложными подробностями, среди которых особенно то, что оргия Мусайлимы и Саджах происходила в том самом обнесённом стеной саду, называвшемся тогда Хадикат ар-Рахман, в котором позднее Мусайлима погиб со всеми своими в битве при Ямаме; и место получило тогда имя Хадикат аль-Маут, или «Сад смерти» (ср. ниже, 12 г. х.).

§ 173. — Другое предание, передаваемое Сайфом б. Умаром (с тем же иснадом, что в § 171), рассказывает дело иначе. Мусайлима, чтобы удалить опасную пророчицу со всеми её отрядами, не думал вступать с ней в грубое блудодеяние, но попытался полюбовно договориться о её уходе за соответствующее вознаграждение. Мусайлима предложил половину урожая Ямамы; но Саджах не объявила себя удовлетворённой, настаивая на получении также половины урожая следующего года, и притом в уплату вперёд. Мусайлиме пришлось уступить и в этом пункте, но, указав пророчице, что невозможно взыскать всю дань разом, он предложил, чтобы она пока взяла половину урожая текущего года и оставила своих представителей в Ямаме, чтобы получить другую половину, как только будет возможно её собрать. Саджах согласилась и, оставив в Ямаме трёх своих наместников — аль-Хузайля, Укку и Зияда, — вернулась в свою страну[578]. Её наместники потом ничего не собрали, ибо вскоре подоспел Халид б. аль-Валид с мусульманским войском и сокрушил могущество Мусайлимы: наместники Саджах рассеялись и исчезли (Табари, I, с. 1919–1920).

О пророчице у нас нет больше упоминаний до Года Воссоединения (*Ам аль-Джама‘а*), то есть 41 г. х., когда халиф Му‘авия соединил в своих руках все провинции империи (ср. 41 г. х.).

Ср. также Абу-ль-Фида, I, 212, по которому Саджах, став доброй мусульманкой, переселилась в Басру и там умерла; Асир, II, с. 271.

[577] Предание ошибочно предполагает, что приверженцы Саджах совершали пять ежедневных молитв, установленных Магометом. Мусайлима как посланник Божий дарует в виде милости облегчение этой ненавистной обрядовой обязанности, сокращая число молитв с пяти до трёх.

[578] С четырьмястами приверженцами (ср. Мирхонд, II, с. 252, посл. стр.; Хондемир, I, ч. 4, с. 5, посл. стр., прибавляет, что она вернулась в Мосул, свою родину). — В признаваемом Сайфом факте, что в отрядах Мусайлимы остались некоторые приверженцы Саджах, можно, быть может, найти подтверждение версии мединской школы, что пророчица оставалась с Мусайлимой до его смерти (ср. § 170).

Недовольство в мусульманском стане и наступление Халида на аль-Бутах

§ 174. — (Аль-Вакиди, от Махмуда б. Лабида). После победы при Бузахе Халид б. аль-Валид объявил войску, что халиф Абу Бакр приказал ему наступать на страну тамим и на Ямаму. Тогда встал Сабит б. Кайс, который командовал ансарами так же, как Халид был командующим всем мусульманским войском, и сказал: «Абу Бакр не давал такого приказа, и мы, ансары, дальше не пойдём[579]: у нас нет больше сил для такого предприятия, мусульмане устали, и животные отощали от трудов». На это Халид ответил: «Я никого из вас не принуждаю: если хотите, идите вперёд, иначе оставайтесь здесь». Халид выступил с войском, сопровождаемый бывшими с ним мухаджирами (мекканскими Переселенцами) и арабами, к стране тамим и к Ямаме. Ансары остались позади на один день, но затем стали упрекать друг друга: если войско Халида будет разбито, вину за это припишут их дезертирству и измене, и позор будет тяготеть над их именем во всю вечность. Даже если Халид победит, ансаров обвинят в том, что они помешали ему одержать большую победу. Из этих размышлений ансары пришли к заключению, что они должны любой ценой соединиться с Халидом: поэтому они послали за ним вслед Мас‘уда б. Синана или, по другим, Са‘лабу б. Ганаму возвестить ему об их приходе. Халид остановился и подождал, пока ансары его догонят, прежде чем продолжать путь[580] (Хубайш, л. 5).

---

[579] Подробности этого предания открывают нам разные факты высочайшего интереса помимо скрытого соперничества между ансарами и мекканцами. Прежде всего мы устанавливаем, что поручение, данное Халиду б. аль-Валиду, состояло лишь в том, чтобы рассеять племена, собравшиеся под Тулайхой в аль-Бузахе, и не более. Все последующие кампании были событиями, не предусмотренными и не желанными для халифа Абу Бакра, но следствиями непредвиденных обстоятельств и честолюбивой и неутомимой энергии Халида б. аль-Валида. Мы обнаруживаем, таким образом, что халиф Абу Бакр считал подлинным мятежом против политической власти Медины лишь отпадение асад, гатафан и окрестных племён. Обеспечив повиновение этих племён, а также племён вдоль берегов Красного моря до Мекки и к северу от Медины, Халиф, как мы удостоверяемся, смотрел безразлично на то, что происходило в остальной части полуострова, как на то, что могло касаться Медины лишь косвенно. Так картина сужается до более верных размеров, и мы воочию убеждаемся, что столь знаменитое всеобщее восстание племён, так называемая Ридда, было событием гораздо меньших размеров, чем думают. Это подтверждает то, что мы сказали в другом месте (ср. 10 г. х., §§ 121 и сл.) о действительном господстве Магомета, господстве, простиравшемся лишь на часть полуострова, а не на весь, как хотели бы заставить поверить преданники. Подлинным восстанием или отступничеством было лишь восстание некоторых племён Центральной Аравии, присоединившихся к Тулайхе. Прочие племена были совершенно независимы, и из них лишь некоторые меньшинства, обращённые в ислам, обязались платить подати. Когда умер Магомет, и даже ещё до этого события, когда вспыхнула великая реакция против ислама и поднялось столько соперников и отчасти подражателей Пророка, меньшинства в племенах были подавлены антиисламскими и сепаратистскими страстями и отреклись от ислама. Поход Халида был направлен против тех племён, которые, обратившись номинально, объявили о прекращении политических уз, наложенных Магометом. Мусульманское предание хочет, напротив, заставить поверить, что Халид был послан против всех племён, ибо все были обращены и все отпали. Оно, то есть, хочет расширить и раздуть всё *ad maiorem prophetae gloriam* [к вящей славе пророка] и превратило меньшинства каждого отдельного племени, описывая их нам как целые племена. Поскольку архитектоническая концепция пророческой миссии Магомета требовала утверждать исламизацию всей Аравии до смерти Пророка, предание старалось представить все события 11 г. х. как акты отступничества, справедливо наказанные мединскими войсками, тогда как политические стороны Ридды систематически оставлены в тени. Ридда была восстанием (или, лучше, реакцией) против политического господства курайшитов в Медине, а не отступничеством от ислама (Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 7), и ограничивалась одной Центральной Аравией. Поэтому, повторяем, лишь первый период военных действий 11 г. х. имел целью законное взыскание должных податей и подавление восстания: после Бузахи большая часть была, напротив, чистым и произвольным завоеванием, которого желали те, кто чувствовал в своих руках военную силу, которой никто в Аравии не мог уже противостоять.

[580] Подробности этого случая все полностью подтверждаются преданием Ибн Исхака, приведённым в «Книге» Яхьи б. Са‘ида аль-Умави и переданным Ибн Хубайшем. Единственное различие в том, что ансары догнали

§ 175. — (Сайф б. Умар, от Сахля б. Юсуфа, от аль-Касима). Халид б. аль-Валид, восстановив господство ислама над асад, гатафан, тайй и хавазин и рассеяв сборные отряды Умм Зимль при Зафаре, вознамерился двинуться из этого места на аль-Бутах, по ту сторону аль-Хазна, где, как он знал, собралось много тамим под началом Малика б. Нувайры, то есть все те, кто наиболее скомпрометировал себя с пророчицей Саджах. Замысел Халида, рассказывает Сайф, встретил живое противодействие у ансаров, составлявших значительную часть мусульманских сил. Мединцы утверждали, что Халид окончил миссию, ради которой был послан халифом Абу Бакром, то есть рассеял мятежный стан в аль-Бузахе: прежде чем продолжать и продвигаться дальше, он должен был дождаться новых указаний от Халифа и получить особое разрешение предпринять новую кампанию. Халид ответил мединцам с большой гордостью: его приказ — идти на врага, он эмир и как таковой считает себя вправе действовать так, как сочтёт лучшим; даже если у него нет письменного приказа Халифа, видя удобный случай, он не намерен его упускать. Он дал ансарам позволение удалиться, если они того предпочитают, ибо у него остаётся достаточно сторонников, чтобы исполнить задуманное. Он выступил поэтому из Зафара, оставив ансаров позади. Те смутились, увидев, что Халид может обойтись без них: они поняли, что если дела Халида пойдут плохо, вину свалят на них за то, что они его покинули, а если он, напротив, добьётся какого-нибудь большого успеха над врагами, они не получат никакой доли в добыче. Раскаявшись в сделанных возражениях, они поспешно бросились вслед за Халидом и догнали его прежде, чем он прибыл в аль-Бутах (Табари, I, с. 1922–1923).

Ср. также Асир, II, с. 272; Балазури, с. 89.

Аль-Бутах. Подчинение тамим (версия мединской школы)

§ 176. — (Аль-Вакиди, от Абдаллаха б. аль-Хариса б. аль-Фудайля, от его отца аль-Хариса б. аль-Фудайля). Когда ансары догнали главные силы мусульманского войска, Халид продолжил путь и вступил в страну тамим, прибыв в аль-Бутах. Отсюда он отправил четыре отряда в четырёх разных направлениях: один под начальством одного махзумита, другой под начальством Абу Катады аль-Ансари, третий под начальством Абдаллаха б. аль-Хариса б. Кайса и четвёртый под начальством Шуджа‘а б. Вахба. Халид простоял в аль-Бутахе два дня, пока не вернулся отряд Абу Катады (Хубайш, л. 5–5 об.).

§ 177. — (В «Книге» Якуба б. Мухаммада аз-Зухри, с его иснадом от (Ибн Шихаба) аз-Зухри). Отряд Абу Катады наткнулся на одного тамимита, которого спросили, кто он: «Я из ханзала (тамим)». — «Где тот, кто собирает *садаку*?» — «Там-то и там-то». — «Как далеко от этого места?» — «День пути». — Тогда Абу Катада со своими отправился в то место и нагрянул врасплох на рассвете. Испуганные ханзала взялись за оружие и закричали: «Кто вы?» — «Рабы Божьи: мусульмане!» Ханзала было всего двенадцать человек, один из которых был Малик б. Нувайра[581]: Абу Катада

Халида, когда он уже прибыл в аль-Бутах (Хубайш, л. 5 об.).

[581] (Аль-Вакиди). Малик б. Нувайра был назначен Пророком своим сборщиком податей среди членов своего племени (ханзала). При смерти Пророка Малик б. Нувайра разделил *садаку* между своими. За то, что он собрал верблюдов *садаки*, единокровные называли его аль-Джафуль (попечитель или хранитель?: ср. *хафала*, III). Затем он отрёкся от ислама (*раджа‘а ан аль-ислам*) и призвал единокровных не признавать преемника

предложил им сложить оружие и сдаться, что они и сделали. Абу Катада привёл их тогда к Халиду в аль-Бутах (Хубайш, л. 5 об.).

§ 178. — (Балазури, без иснада). После побед при Бузахе, аль-Гамре и ан-Нукре Халид б. аль-Валид двинулся к аль-Бутаху и при аль-Ба‘уде, урочище бану тамим, сразился с отрядом тамим, разбил его[582] и убил Малика б. Нувайру, брата Мутаммима б. Нувайры. Малик б. Нувайра был наместником Пророка у бану ханзала (тамим) для сбора подати *садака*, но, когда до него дошло известие о смерти Магомета, раздал всю сумму подати, которая была у него на руках, единокровным, сказав: «О бану ханзала! Делайте что хотите с вашим добром!» (Балазури, с. 98, стр. 13 и сл.).

Аль-Бутах. Подчинение тамим (версия Сайфа)

§ 179. — (Сайф б. Умар, от ас-Са‘ба б. Атийи б. Биляля). Когда пророчица Саджах вернулась в Месопотамию, среди тамим, принявших участие в движении в её пользу, почувствовалось живейшее сожаление и раскаяние в том, что они сделали: Малик б. Нувайра, бывший одним из самых преданных Саджах, был теперь встревожен, думая о возможных последствиях своего поведения, но не сумел занять решительной позиции по отношению к мусульманам. Прозорливее его оказались другие; так, Ваки‘ и Сама‘а, тоже тяжко скомпрометировавшие себя с Саджах, признав ошибки прошлого и теперь безусловно от них отрекаясь, открыто встали на сторону ислама. Они собрали поэтому сумму недоимочных податей, *садакат*, которую ещё держали на хранении (*вада’и‘*, ср. Табари, I, с. 1910, стр. 7, и с. 1922, стр. 4), и вышли навстречу Халиду б. аль-Валиду, сдав ему сумму податей и исповедав ислам и изъявив покорность. Халид спросил их тогда о прошлом и о том, по какой причине они действовали заодно с пророчицей. Они ответили, оправдываясь тем, что хотели отомстить бану дабба, и что то были дни смуты и раздора. Сайф хотел бы заставить нас поверить, что эти акты подчинения произошли прежде, чем Халид прибыл к стану аль-Бутах[583] (Табари, I, с. 1921, стр. 10–11); но из стихов Ваки‘а, приводимых Табари (I, с. 1922, стр. 4), мы видим, что сдача произошла лишь в аль-Бутахе, то есть после того, как Халид достиг сердца тамимитской страны. За исключением арабов, собравшихся вокруг Малика б. Нувайры, все племена бану ханзала (тамим) подчинились Халиду. Малик б. Нувайра оставался со своими станом в аль-Бутахе в великом недоумении и тревоге, пока Халид не собрался двинуться к тому месту; увидев себя прямо под угрозой, Малик отступил и, распустив своих, приказал всем спокойно вернуться по домам[584] (Табари, I, с. 1921–1922).

Пророка: «Пусть он, — сказал он, — радуется тому, что они (ханзала) больше о нём не заботятся (= не думают нападать на него), а он (= Абу Бакр) не придёт требовать ничего из этой *садаки*». Когда Абу Бакру донесли об этих словах Малика, он приказал Халиду обезглавить его: так Халид и сделал (Хубайш, л. 6; ср. также § 180, прим. 2).

[582] Эта версия примечательна, ибо показывает, что подчинение тамим не могло быть столь скорым, как добрый тамимит Сайф б. Умар старается заставить нас поверить своими преданиями. Тем не менее Балазури (с. 98, стр. 17 и сл.) кратко упоминает и другую версию, согласно которой мусульмане лишь совершали набеги на страну и захватили Малика б. Нувайру, который был затем обезглавлен по приказу Халида.

[583] Якут (I, с. 661, стр. 5) утверждает, что аль-Бутах был одним из колодцев асад б. хузайма, где Дирар убил Малика б. Нувайру, но не даёт нам никакого указания, в какой местности он находился.

[584] Из контекста тенденциозного предания Сайфа следовало бы заключить, что тамимитские вожди поспешили явиться к Халиду с недоимками и с исповеданием мусульманской веры прежде, чем мединское войско прибыло в аль-Бутах. Приведённый стих Ваки‘а выдаёт нам, напротив, истинный ход событий, а именно что сдача податей и подчинение исламу произошли в аль-Бутахе. Возможно поэтому, что Халид,

Убиение Малика б. Нувайры

§ 180. — (Сайф б. Умар, от Хузаймы б. Шаджары аль-Укфани, от Усмана б. Сувайда, от Сувайда б. аль-Мас‘абы (?) ар-Рияхи). Прибыв в аль-Бутах, Халид б. аль-Валид нашёл, что там нет больше ни одного тамимита: Малик б. Нувайра, устрашённый приближением мусульман со столь превосходящими силами, приказал своим разойтись по своим владениям и больше не собираться, признав, что восстал и совершил тяжкую ошибку. Сам Малик тоже вернулся к себе домой. Халид ни на мгновение не замедлил воспользоваться настроением тамим, расколотых внутренними раздорами, приниженных неудачей Саджах и устрашённых могучим мединским войском: он немедленно разослал отряды всадников во все стороны, приказав призывать всех, кого встретят, исповедать ислам и платить подати. Если они откликнутся на призыв, совершая молитву, и внесут причитающуюся сумму, их следовало оставить в покое. Если откажутся, их следовало считать врагами. Рассеянные тамим не оказали никакого сопротивления летучим отрядам мусульман. Один из них вскоре вернулся в стан аль-Бутах, ведя с собой пленными Малика б. Нувайру со многими другими из бану са‘лаба б. ярбу‘, убайд и арин. Неизвестно наверное, как держались эти пленные: одни утверждают, что они дали доказательства того, что были добрыми мусульманами, правильно исполняя предписания ислама; другие, напротив, утверждают, что они не были мусульманами. В неуверенности относительно истины, — так рассказывает Сайф, — Халид б. аль-Валид приказал держать их пленными и под стражей. Между тем наступила ночь, и стало так холодно, что Халид приказал прокричать по стану приказ: *адфи’у асракум*, что значило: «Дайте плащи вашим пленным». Случилось, однако, что на наречии (*луга*) кинана для подобного приказа следовало бы употребить слово *дассиру*, ибо *адфи’у* означало у них «убейте». Стражи пленных поняли приказ по-своему и, не медля ни мгновения, бросились на пленных и всех их перебили. Дирар б. аль-Азвар аль-Асади был тем, кто убил Малика б. Нувайру[585]. Халид узнал о случившемся по отчаянным крикам умирающих, но, узнав о недоразумении, удовольствовался восклицанием: «Когда Бог хочет чего-нибудь, Он этого достигает».

прибыв в аль-Бутах, вознамерился дать громкий пример и велел арестовать и предать смерти Малика б. Нувайру как одного из наиболее скомпрометированных в предшествующих смутах. Варварское убиение Малика лишило прочих тамимитских вождей всякой иллюзии относительно участи, ожидавшей их, если они будут медлить с явкой к мусульманскому полководцу; и потому очень многие поспешили явиться в аль-Бутах и сдать недоимки. Все, кто так поступил, даже наиболее тяжко скомпрометированные с Саджах, как Ваки‘ и Сама‘а, были хорошо приняты и оставлены в покое. Подчинение тамим было поэтому не добровольным актом раскаяния, как хотел бы заставить нас поверить Сайф, а следствием обоснованного страха после беспощадного поведения Халида в обращении с отступниками. Некоторые тамимиты, как, например, Кайс б. Асим, опасаясь, быть может, подвергнуться участи Малика, сдали недоимки не Халиду, а аль-Ала’у б. аль-Хадрами (см. Табари, I, с. 1905, стр. 7).

[585] Рассказывают, что мусульмане обезглавили трупы и пользовались головами убитых тамимитов вместо камней, чтобы подпирать котлы, в которых варили пищу. Но тогда как огонь, горевший под котлами, спалил у всех голов волосы и разрушил даже плоть, покрывавшую черепа, волосы на голове Малика б. Нувайры были так многочисленны и густы, что, когда её употребили для того же, огонь не смог добраться до плоти (Табари, I, с. 1927, стр. 4). Ср. также *Агани*, XIV, 68, стр. 3 и сл.; Хубайш, л. 5 об.; Абу-ль-Фида, I, 216.

Избиение пленных, особенно Малика б. Нувайры[586], вызвало живые протесты и в мусульманском стане: Абу Катада аль-Харис б. Риб‘и аль-Ансари из бану салима утверждал невиновность пленных и объявил, что они были добрыми мусульманами, резко напав на Халида. Тот грубо оборвал его, возбудив тем живейшее негодование Абу Катады, который тотчас покинул стан и, вернувшись в Медину, обвинил Халида в том, что он виновник и соучастник преступления, открыв также, что Халид тотчас же обручился со вдовой убитого, Умм Тамим бинт аль-Минхаль[587], нарушив тем самым и древний арабский обычай не касаться женщин во время войны. Абу Бакр был весьма смущён варварским и распутным поведением Халида, и его негодование ещё более разожгла резкость, с которой Умар обрушился на мусульманского полководца, настаивая перед Халифом, чтобы тот сместил и заключил Халида в темницу. Абу Бакр, однако, не захотел применить предложенных Умаром строгих мер, ибо из принципа никогда не смещал и не заключал в темницу своих военачальников или наместников. Он написал вместо этого письмо Халиду, приказав ему немедленно явиться в Медину для оправдания. Так Халид и сделал и сумел объяснить причины своего поведения по отношению к пленным и сохранить командование войсками. Халиф всё же сурово упрекнул его за брак со вдовой убитого (Табари, I, с. 1923–1926)[588].

Ср. также *Агани*, XIV, 66, стр. 20 и сл. (цитирует Табари); Асир, II, с. 272–274; Халдун, II, Прил., с. 73–74; Мирхонд, II, с. 253; Хондемир, I, 4, с. 4–5; Хаджар, III, с. 721–722, № 1809; Якут (I, с. 676, стр. 5 и сл.) утверждает, что Малик был убит в аль-Ба‘уде, колодце бану асад в Неджде, близ аль-Кара; Хубайш, л. 5 об.

(*b*) Говорят, что Малик б. Нувайра был человеком знатнейшим, доблестным всадником и поэтом (*Агани*, XIV, 66, стр. 14, и 68, стр. 11). Враги Халида утверждали, что Малик был истинным и добрым мусульманином и что Халид велел убить его под ложными предлогами, ибо ещё с языческих времён был влюблён в его жену и домогался обладания ею (*Агани*, XIV, 66, стр. 18–19). Среди протестовавших против поведения Халида упоминается и Абдаллах б. Умар (Абу-ль-Фида, I, 216; *Икд*, I, 45, стр. 29).

---

[586] (*a*) Иракское предание, желая оградить героического Халида от обвинения в варварском убийстве, настаивает на том, что с Маликом б. Нувайрой погибли многие другие пленные; но из контекста других преданий следовало бы, напротив, заключить, что убит был лишь один, а именно один Малик. Во всех спорах, возникших впоследствии из-за избиения в аль-Бутахе, всплывает лишь имя Малика, словно он был единственной жертвой Халида. В этом случае вина Халида была бы тяжелее: его действие было бы уже не исполнением жестокой, но безличной политической меры: убиение Малика оказалось бы, напротив, свирепым личным преступлением, ещё более отягчённым немедленным соединением убийцы со вдовой убитого. Если бы это, к несчастью, была истина, Халид оказался бы по меньшей мере столь же злодеем, как лжепророк аль-Асвад аль-Анси в Йемене, о котором мы вскоре будем говорить. Времена были весьма варварские, и, взятые в отдельности, мусульмане были не лучше язычников. Тем не менее истинной причиной убиения Малика была, вероятно, поддержка, оказанная им пророчице Саджах после того, как он был наместником Пророка у ханзала; Малик был подлинным отступником.

[587] Как будто это могло уменьшить вину Халида, предание утверждает, что победитель не коснулся вдовы покойного сразу *propterea quod in menstruis erat* [поскольку у неё были месячные] (Табари, I, с. 1926, стр. 1, и *Агани*, XIV, 67, стр. 25, где, однако, она названа Умм Тамим бинт аль-Мухаллаб).

[588] Брат Малика, Мутаммим, был превосходнейшим поэтом, многие стихи которого сохранились. Самые знаменитые — те, что он сложил на жестокую гибель брата. Кто хочет лучше познакомиться с поэтической стороной этого знаменитого эпизода Ридды, пусть обратится к Nöldeke, *Beiträge* (87–151), где собраны также многие известия о двух братьях и почти все сложенные ими стихотворения с переводом и комментариями.

(*c*) Следует, однако, заметить, что в *Хамасе* (371, стр. 21 и сл.) у нас есть версия, по которой убиение Малика б. Нувайры было совершено во исполнение приказа халифа Абу Бакра (*аль-‘азма мин Аби Бакр*, стр. 24–25; ср. также § 177, прим. 1). Это известие не может быть верным, ибо поход против тамим не был приказан Халифом, как следует из преданий в §§ 174, 175.

Ср. также *Хамаса*, 370–372; *Агани*, XIV, 66–72; *Хизана*, I, 236–238, 446, 482–483; II, 434–435; III, 406, 488, 498, 514; Мубаррад, 7, 52, 66, 107, 147 и т. д., см. указатель на с. 937–938; Кутайба, 136; Кутайба, *Табакат*, 192–196; Hammer, *Lit. Ar.*, I, 459–466; Якут, I, 676, стр. 10 и сл.

Винклер (*MVAG*, 1901, ч. 5, с. 148) делает весьма интересные замечания о мифологическом содержании некоторых стихов, приписываемых Мутаммиму.

§ 181. — Согласно другому преданию того же Сайфа б. Умара (от Хишама б. Урвы, от Урвы), Малик б. Нувайра и его товарищи-тамимиты были преданы смерти, хотя часть людей отряда, захватившего их, заявляла, что пленные правильно исполняли все обязанности добрых мусульман. Взяли, однако, верх доводы других, утверждавших, что всё это вовсе не верно, и пленных повели на казнь. После варварского избиения в Медину прибыл Мутаммим б. Нувайра просить виры за убитого брата и освобождения пленных женщин и детей. На первую просьбу Абу Бакр не согласился, но приказал освободить пленных и вернуть их Мутаммиму. Умар тогда вновь стал настаивать, чтобы Халид был смещён, но Абу Бакр стоял твёрдо, отвечая: «Я не вложу в ножны меч, который Бог обнажил против неверных» (ср. § 157 в конце; Табари, I, с. 1926).

Ср. также *Агани*, XIV, 67, предпосл. стр. и сл.; Абу-ль-Фида, I, 218. Ср. § 109.

§ 182. — В версии Ибн Исхака (от Тальхи, правнука халифа Абу Бакра) о том, как Халид б. аль-Валид предал смерти Малика б. Нувайру, нет никакого упоминания о мнимом диалектном недоразумении, рассказанном Сайфом как причина избиения, — недоразумении, которое, без всякого сомнения, есть тенденциозный вымысел, созданный с целью оправдать Халида. Малик б. Нувайра был предан смерти по приказу Халида, хотя Абу Катада аль-Харис б. Риб‘и из бану салима свидетельствовал, что тамимиты были добрыми мусульманами. Халид же счёл, что Малик лишь пытается обмануть[589], и приказал его убить. Ибн Исхак рассказывает затем, как Халид б. аль-Валид прибыл в Медину оправдываться вследствие живейших протестов Умара, который беспощадно обвинял его перед Халифом[590]. Халид появился в мединской мечети, придя прямо из стана аль-Бутах, закутанный в кафтан (*каба*), весь запятнанный ржавчиной от оружия, с головой, обвитой чалмой, в которой ещё торчали вражеские стрелы, словно он пришёл прямо с поля битвы. Умар, едва увидев, как он входит во двор мечети, подбежал к нему, вырвал стрелы из его чалмы и публично обвинил его в том, что он убил мусульманского вождя и надругался над его женой: «Я хотел бы

[589] Говорят, что Малик б. Нувайра, разговаривая с Халидом, упомянул Магомета как «вашего Господина!» (Табари, I, с. 1928, стр. 6), тогда как должен был бы сказать «нашего Господина!». Из этой обмолвки Халид понял, что Малик не был подлинно мусульманином, и осудил его на смерть. Такова версия Ибн Исхака, столь же неудачная в желании оградить Халида, как и версия Сайфа. Ср. также *Агани*, XIV, 69, стр. 12.

[590] Рассказывают, что Умар, протестуя перед халифом Абу Бакром против поведения Халида по отношению к мятежникам и против убиения Малика, сказал: «Ты послал человека, который предаёт смерти мусульман и казнит огнём!» (Балазури, с. 99).

побить тебя камнями насмерть!» (наказание прелюбодеев). Халид не ответил ни слова на нападки, ибо был убеждён, что халиф Абу Бакр того же мнения, что и Умар. Полководец вошёл тогда в покой Абу Бакра, рассказал ему факты и дал свои объяснения, показавшиеся Халифу удовлетворительными: Халид был оправдан по всем обвинениям. Обрадованный своим успехом у Абу Бакра, Халид вышел из покоя и вновь появился во дворе мечети, где всё ещё сидел Умар. Видя своего обвинителя, Халид торжествующим тоном крикнул ему: «Эй, ко мне, о сын Умм Шамла!» — и Умар в свою очередь не ответил, поняв по тону Халида, что Абу Бакр признал правоту полководца.

Говорят, однако, что Абу Катада, один из главных обвинителей Халида, поклялся никогда впредь не сражаться под его началом. Другие говорят, что убийцей Малика был Абд б. аль-Азвар аль-Асади (Табари, I, с. 1927–1929).

Ср. *Агани*, XIV, 68, стр. 14 и сл.; 69, стр. 1 и сл.; Мирхонд, II, с. 253.

§ 183. — (Комментарий к поведению Халида б. аль-Валида). — Убиение Малика б. Нувайры, несомненно, пятно на имени Халида б. аль-Валида, пятно, которого никакие уловки преданников не в силах стереть или скрыть. Необходимо поэтому рассмотреть обстоятельства, при которых совершилось это событие, чтобы установить его историческое значение и понять причины великого шума, поднявшегося вокруг варварского поступка, который, будучи тогда и впоследствии столь частым в Аравии, не должен был бы считаться чем-то ненормальным. И Магомет при Хайбаре предал смерти одного еврея и тотчас женился на его жене, когда труп был ещё тёпел (ср. 7 г. х., § 36).

После поражения мятежников, собравшихся вокруг Умм Зимль при Зафаре, Халиду был открыт путь на восток, где граничила страна тамим: он знал о появлении пророчицы Саджах и о великом смятении, вызванном ею среди тамим, разделённых между собой и раздираемых внутренними кровавыми раздорами. Халид понял, что ему представляется единственный случай поразить великий род тамим в минуту крайней слабости и вернуть его под исламское господство ещё действеннее, чем прежде. Обстоятельства были столь благоприятны, что он осмелился не считаться с указаниями Халифа: хотя он не имел поручения покорить тамим, он решил это сделать, будучи уверен в счастливом исходе. Появление Халида во главе большого войска, уже победившего в двух больших сражениях, умноженного и укреплённого притоком многочисленных подкреплений от племён, вернувшихся в лоно ислама, посеяло ужас среди тамим и совершенно их сломило. Когда победоносный полководец прибыл в аль-Бутах и разослал свои грабящие отряды по всей стране, многие вожди поспешили изъявить покорность и объявить себя мусульманами, доказывая искренность своих чувств сдачей недоимочных податей. Некоторые, однако, как всегда бывает в подобных обстоятельствах, сознавая совершённые в прошлом ошибки и не зная, какой приём окажет им Халид, остались в нерешимости, не умея решиться на то, что следовало сделать. Это промедление оказалось роковым. Насколько нерешительны были колеблющиеся, настолько же решителен был Халид, который ясно знал, чего хотел, и умел приводить свои замыслы в исполнение с той молниеносной быстротой, которая

сделала его величайшим военным гением, когда-либо порождённым Аравией. Халид решил не идти на сделки с сомневающимися и нерешительными и рассчитывал тем скорее привести прочих тамим к повиновению, чем быстрее и суровее поразит колеблющихся. Нужно было показать, что ислам (или, вернее, политическое господство курайшитов) — не удобная одежда, которую можно надевать или сбрасывать смотря по обстоятельствам или по прихоти. Уже при Магомете самым весомым доводом ислама был меч, ибо только его понимали варварские племена пустыни. Последователи Пророка, сыны своего времени и бессознательные подражатели ему, не колебались пользоваться теми же доводами убеждения, когда им это было выгодно. При тех временах, людях и особых обстоятельствах момента довод грубой силы был самым действенным и скорее всего достигал желаемого действия. Внутренние расколы тамим особенно подходили для применения высшего довода меча: промедление со стороны мусульман могло бы открыть глаза тамим и побудить их заключить союз и действовать заодно; без сомнения, Халид должен был стремиться предотвратить такую случайность.

Он хотел дать пример, не заботясь о том, кровав он и жесток ли: быть может, и красивая жена тамимита сыграла свою роль в решениях полуварварского полководца, и несчастный Малик был принесён в жертву политическим требованиям момента; он пал жертвой своей нерешительности и свирепого варварства своего времени, когда все без различия стремились к одной лишь цели — разнузданному удовлетворению всех страстей. Халид совершил подлинное злодеяние, которое показалось таковым и в его время, ибо он не позаботился даже прикрыть ни политические причины, ни более низкие и пошлые побуждения своей души. Ему нет оправдания, ибо, помимо уже сказанного нами, есть все основания предполагать, что избиение Малика было излишним[591]: тамим склонились бы под власть Медины и без убиения Малика. Видно, однако, что Халид хотел превратить вероятность в уверенность и, имея к тому же в мыслях другие честолюбивые замыслы, стремился к скорому и быстрому развитию событий: чем быстрее склонялись тамим, тем скорее мог он продвигаться на восток и тем сильнее поражать других притязателей на господство над Аравией.

Сколь ни было варварским, несправедливым и кровавым поведение Халида, оно вполне достигло своей цели, и в этом отношении заслуживает всякого внимания поведение халифа Абу Бакра, человека кроткого и справедливого по преимуществу, по отношению к свирепому исполнителю своих приказов. Абу Бакр принял полностью объяснения Халида, оставил его во главе соединённых сил ислама и вверил ему впоследствии и командование кампанией в Сирии. Отсюда мы заключаем, что,

[591] Чтобы быть справедливым к памяти величайшего стратега Аравии, следует сказать это с некоторой оговоркой. Шум, поднятый вокруг поведения Халида, преувеличен и есть плод тенденциозных предубеждений. Поведение Магомета при Хайбаре, на наш взгляд, не менее гнусно, чем поступок Халида. Сам Абу Бакр (ср. § 159) велел сжечь живым одного мятежника, и Халид по его приказу так же наказал других отступников (ср. § 157): и всё же эти свирепые деяния не вызвали никакого ужаса в памяти потомков. Почему поэтому особый случай Малика б. Нувайры был столь выдвинут преданием, хотя и он был отступником, не вполне ясно. Быть может, он был вождём более знатным и знаменитым, чем многие другие; быть может также — и это кажется мне правдоподобнее, — весь шум берёт начало в вопросе, который нам предстоит обсудить далее, а именно в отношениях между Халидом и Умаром, в его поведении как верховного начальника во время завоевания Сирии и в его смещении по приказу халифа Умара во время второй осады Дамаска. Когда мы рассмотрим эту проблему, станет яснее истина о прискорбном случае в аль-Бутахе и об отношении предания к Халиду.

несмотря на весь шум, поднятый вокруг скандального поступка, мединское правительство признало в поведении Халида столь сильные политические основания, что должно было даже принять совершённое преступление. В самом деле, тамим после страшного примера Малика б. Нувайры больше не медлили с подчинением: они стали добрыми мусульманами и даже составили доблестный авангард войска, которое год спустя перешло границы Аравии и обрушилось, как опустошительный циклон, на шатающуюся державу Сасанидов.

§ 184. — Некоторые авторитеты высказали сомнения относительно прибытия Халида в Медину для оправдания своего поведения по отношению к тамим. Некоторым показалось, что этот перерыв в кампании против мятежников Аравии не логичен и не вероятен при тогдашних обстоятельствах. Эти подозрения приобретают, правда, некоторый вес из-за драматического и слишком красочного характера подробностей прибытия, как их рассказывает Ибн Исхак. С другой стороны, полное согласие Сайфа и Ибн Исхака в этом пункте кажется мне слишком веским доводом в пользу прибытия, чтобы можно было без дальнейшего считать его вымыслом. Примем затем во внимание, что возвращение Халида в Медину вероятно и по другим причинам: победами при аль-Бузахе и Зафаре, а также подчинением тамим Халид уже исполнил даже больше своего поручения; мусульмане тем самым уже перешли границы, оставленные Магометом, ибо вся Ямама, где царствовал Мусайлима, никогда не признавала власти мекканского Пророка. Вторгнуться в ту область Аравии было бы актом произвольной агрессии, который никак не мог входить в планы халифа Абу Бакра в начале его правления, когда мысли всех мусульман были направлены не столько на завоевания, сколько на сохранение того, что они держали, и в некоторых случаях на возвращение утраченного. Поход Халида имел следствием скорое и полное покорение мятежных племён Центральной Аравии. Халиду оставалось поэтому лишь вернуться в Медину, следуя в этом обычаям, установленным Пророком, по которым все полководцы, исполнив своё поручение, должны были возвращаться в Медину в ожидании новых указаний.

Споры, возникшие в мусульманском стане (ср. § 174) после битвы при аль-Бузахе и Зафаре, открывают нам, что в отрядах Халида существовали две партии: одна мединская, ревнивая к преобладающей власти курайшитов, которая хотела оставаться верной обычаям, установленным Пророком; другая, гораздо более многочисленная, состоявшая из курайшитов, их сторонников и исламизированных племён, которая, одушевлённая достигнутыми победами и надеждой на другие, ещё большие, и сознавая свою непобедимую силу, жаждала войны до конца против всей Аравии. Главой этой партии был пылкий, неутомимый полководец Халид, и весьма правдоподобно, что он, опираясь на поддержку столь многих, счёл уместным прийти в Медину, чтобы изложить доводы партии войны до победного конца. Существование этой партии — факт, который, хотя и замалчивается хронистами, явно обнаруживается и из многих последующих событий, которые нам предстоит рассматривать по отдельности в следующие годы и в течение всего периода завоеваний. Правоверное предание стремится заставить поверить, что все события 11 и 12 гг. х. были желанными последствиями плана, задуманного и приведённого в исполнение халифом Абу Бакром; всё, напротив, ведёт нас к убеждению, что совокупность великих и удивительных

событий, развернувшихся с головокружительной быстротой в течение двух лет, была отчасти непосредственным порождением обстоятельств и в наибольшей части делом партии, с каждым днём всё более влиятельной среди мусульман, одушевлённой всё более живым стремлением к грабежам и завоеваниям. Абу Бакр, вместо того чтобы руководить и распоряжаться, был руководим и вдохновляем вождями этой партии, которым должен был уступить, ибо чувствовал, что течение сильнее его.

Правоверное предание, то ли не поняв, то ли не желая понять поступательную, эволюционную и приспособительную природу политического распространения ислама, совершенно обошло фактор, который мы могли бы назвать народным, в завоеваниях, ибо его действие и влияние, будучи выставлено в должном свете, быть может, умалило бы обаяние Халифа. Те, кто передал память о Ридде, по своим особым причинам дают картину событий, не соответствующую точной исторической истине. Они включают все факты под общим именем Ридды, или отступничества, тогда как это было так лишь для немногих племён Центральной Аравии и ошибочно прилагается ко всем событиям, последовавшим за двумя первыми победами Халида. Как мы уже не раз отмечали, после аль-Бузахи и Зафара кампания Халида и других мусульманских военачальников была чистым и простым завоеванием, а не возвращением утраченной земли. Прибытие поэтому Халида в Медину отмечает как раз промежуточный момент между концом восстания и началом завоеваний[592]. Разумно поэтому предположить, что отважный полководец пришёл в Медину изложить Халифу желания великой партии, которую он представлял, и убедить его в уместности их удовлетворения в нравственных и материальных интересах как ислама, так и мусульманского государства, основанного Магометом. Абу Бакр, обладавший многими качествами покойного Учителя, признал основательность доводов и согласился на продолжение кампании, вполне оправданной нестерпимым присутствием в Ямаме мнимого Посланника Божьего. Терпеть Мусайлиму, который называл себя, как Магомет, Посланником Божьим, было оскорблением памяти Пророка и самого Бога после ясных утверждений Корана, присваивавших Магомету высшую степень единственной и последней печати Посланников Божьих на земле. В Аравии не могли сосуществовать два пророка и две религии: если коранических откровений было недостаточно, чтобы убедить последователей лжепророков, необходимо было прибегнуть к высшему доводу оружия.

Так великое политико-религиозное движение прозелитизма, созданное Магометом в Медине, уже обнаруживало после его смерти неудержимое стремление распространиться на всю остальную часть полуострова, возрастая в силе по мере того,

[592] В другом предании — которое мы приведём далее целиком — Сайф ясно указывает, что после подчинения тамим начинается целая новая фаза военной деятельности и начинается новая кампания (заранее не предусмотренная). В этом предании упоминается в самом деле (Табари, I, с. 1930, стр. 2) о некоторых событиях, случившихся прежде, чем Абу Бакр послал Халида в Ямаму, а это значит, что прежде Халид не имел указаний продвигаться дальше аль-Бузахи. Несколькими строками ниже (там же, стр. 7) вновь говорится об особой посылке Халида против Мусайлимы и прямо упоминается о сборе новых людей для присоединения в подкрепление к прежним, оставшимся в аль-Бутахе в ожидании предстоящих событий. Ясно, что когда Халид выступил из Медины против мятежников Центральной Аравии, никто в Медине ещё не думал нападать и на Мусайлиму: кампания в Ямаме была задумана вследствие лёгких побед при Бузахе, при Зафаре и бескровного подчинения тамим. Очевидно, следовательно, что Халид пришёл в Медину не столько для того, чтобы оправдаться в злодеянии в аль-Бутахе, сколько для того, чтобы от имени мусульманской военной партии ратовать за войну до конца против всей языческой Аравии и просить подкреплений. Преданники же, поставив возвращение в Медину в связь с убиением Малика б. Нувайры, исказили истинный облик событий.

как росло в широте. Из Центральной Аравии оно уже растекалось по всему востоку полуострова; в самое короткое время, в неудержимом избытке сил, ему предстояло перейти его границы и затопить мир.

§ 185. — Последующие события Ридды все относятся к 12 г. х., как мы показали в другом месте (ср. 11 г. х., § 72 и сл.), и поэтому мы расскажем о них в следующем году. Нам остаётся теперь лишь привести предания о тех событиях в Йемене, которые несомненно произошли в 11 г. х.; последняя их часть будет так же рассказана под 12 г. х.

Часть 7. 11 г. х., §§ 186–243: Йемен и восстание аль-Асвада, наследство Магомета и смерть Фатимы, происхождение арабского письма, составление Корана, некрологи

Продолжение части 6 (§§ 1–185). Настоящая часть доводит перевод до конца 11 г. х. и тем самым до конца первой половины II тома оригинала (с. 661–719). Три фототипические таблицы оригинала воспроизведены на своих местах.

Йемен

§ 186. — Земля Аравии, и ныне носящая это имя, тянется вдоль берегов Красного моря и составляет южное продолжение той самой прибрежной области, отчасти равнинной, отчасти гористой, которая севернее носит имя Хиджаз. Йемен, то есть область, носящая это имя, представлял во времена Магомета нечто вроде прямоугольника, который начинался на небольшом расстоянии от Мекки и Таифа на севере и спускался до самой южной оконечности Аравийского полуострова, граничив на юге с Индийским океаном, на востоке — с великой пустыней Южной Аравии, на севере — с Хиджазом, а на западе — с Красным морем. Климатические условия и географическое строение страны всегда были весьма благоприятны для земледелия, ибо высокие горы внутренней её части задерживают насыщенные влагой воздушные течения, приходящие с океана во время муссона, и заставляют обильно выпадать дождевые воды, необходимые для орошения почвы. Благодатность климата и плодородие почвы, а также уединённое и спокойное положение страны на полпути морского торгового пути между Индией и Египтом с отдалённейших времён благоприятствовали развитию весьма высокой цивилизации. Там действительно процветали знаменитые и могущественные государства уже с последних веков второго тысячелетия до Рождества Христова. Надписи, собранные в Йемене Галеви и Глазером, а в Северной Аравии — Эйтингом, показали, как царству минейцев, охватывавшему всю Западную Аравию от Палестины до гавани Адена, наследовало около середины I тысячелетия до Р. Х. царство сабеев, катабан и Хадрамаута и как, наконец, между первым и вторым веком христианской эры этим государствам последовало государство химйаритских князей. Некогда Йемен был одной из самых цветущих, счастливых и богатых областей Передней Азии; там процветали искусства, ремёсла, торговля и земледелие; вся внутренняя и караванная торговля из Южной и Восточной Аравии в Египет, Сирию и страны Евфрата в течение многих веков находилась в руках йеменцев. Они были посредниками в афро-индийской торговле: слыли людьми богатейшими, имели роскошные города, селения и храмы на великих торговых путях, и в течение многих веков весь северо-запад полуострова (Хиджаз) был колонией главных купцов юга. Среди них процветала и религия, благороднейшие черты которой европейская наука лишь немного лет тому назад отчасти открыла: её столь возвышенный и чистый характер свидетельствует даже о том, что иудейское единобожие обязано многими своими элементами вере древних обитателей Йемена, и ещё предстоит написать книгу,

в которой надлежит будет показать, сколь многим обязаны Йемену и культ Яхве, основанный Моисеем, и культ Аллаха, основанный Пророком Мекки.

Наконец, в Йемене некогда существовала интенсивная обработка почвы с усовершенствованными системами плотин и водохранилищ, в которых собирались дождевые воды в сезон муссонов, чтобы затем можно было постепенно распределять их по оросительным каналам в сухое время года.

Различные нравственные, политические и торговые причины, рассматривать которые здесь не наша задача, совместно произвели в Йемене процесс упадка, всё более усиливавшийся в первые века христианской эры. Кровавые внутренние распри и религиозные столкновения величайшего ожесточения привели к завоеванию Йемена абиссинцами около 525 г. по Р. Х. (ср. Введение, §§ 108 и сл.); за ним вскоре последовало завоевание персами, через немного лет после рождения Магомета. Эти политические перевороты ещё более обострили политический и экономический кризис, терзавший страну, и довели древнее южноарабское население до той крайней степени политического упадка, в которой застал его Пророк, когда начал вести свои интриги в Южной Аравии. Пагубное правление абиссинцев, водворивших в стране почти варварский порядок, сменилось правлением персов, тоже пагубным. Плачевная дряхлость центральной власти в Персии и общий развал Сасанидской державы ещё более вредили стране и умножали страдания йеменского населения, обременённого податями и непрестанно тревожимого в мирных занятиях земледелием.

К бедам, причиняемым чужеземным владычеством, которое стремилось лишь выжать из податных всё до последней капли, в последнее время присоединилось ещё и с каждым днём возраставшее беспокойство кочевых и полуоседлых племён, рассеянных по всему протяжению Йемена, которые росли числом и наглостью и в свою очередь мучили земледельческое население. Власть персидского наместника (во времена Магомета — Базана, или Базама) номинально простиралась на всю провинцию, но фактически, можно сказать, переставала действовать на весьма небольшом расстоянии от стен Саны, где он пребывал. Когда Базан умер, незадолго до Магомета, ещё очевиднее обнаружился окончательный развал персидской власти, и следы этого, тенденциозно искажённые мусульманским преданием, мы находим в мнимом разделе областей Йемена, будто бы произведённом Магометом по смерти Базана (ср. 10 г. х., §§ 81 и сл.). В Йемене существовали, следовательно, различные этнические слои, находившиеся в постоянной борьбе между собой. Были там земледельцы — остатки древнего и пришедшего в упадок коренного населения, то есть потомки минейцев, сабеев и химйаритов. Была сильная община персов, переселившихся сюда с завоеванием и называвшихся *абна*; они жили большей частью в городах, и главным образом в Сане. Наконец, были арабские племена, по большей части кочевые, кахтанидского корня, притязавшие на принадлежность к чистейшему и благороднейшему арабскому племени и позднее более обыденно известные под общим прозвищем йеменцев. Уже некогда, как гласит предание, многие из этих племён, чрезмерно умножившись, покинули обедневший и пришедший в упадок Йемен и большими массами переселились на север: одним из них было племя, называемое бану кайла (то есть аус и хазрадж), которое мы уже встретили в Медине. Многие, однако,

остались на юге, где приобрели господствующее положение среди населения йеменской провинции. Двумя главными группами были азд шану’а и мазхидж, к которым принадлежали также джалд (то есть бану-ль-харис б. ка‘б и накха‘), а также анмар (баджила и хас‘ам), джарм и нахд. В нижних частях морского побережья Йемена обитали ‘акк (притязавшие позднее на исмаилитское происхождение), аш‘ар и хакам. Азд жили более во внутренней части, среди гор, мазхидж же — в области, лежащей более к юго-востоку; но такое расположение соответствует действительности лишь приблизительно, ибо племена много передвигались и, разделённые на бесчисленные ветви, переплелись между собой в великом и непрестанном смешении.

Когда появился ислам, кочевые и полукочевые племена Йемена были совершенно независимы, находились в непрерывной борьбе с персидскими властями и между собой, тогда как древнее коренное население, лишённое всякого политического влияния, было постоянной жертвой и тех и других. С быстрым упадком Сасанидской державы персидский наместник Йемена стал фактически независим от центрального правительства в Ктесифоне, но провинциальное управление было ослаблено теми же разлагающими червями, которые подтачивали силы центрального: дряхлости в метрополии соответствовала такая же дряхлость и в персидских военных колониях, и Йемен вследствие накопления столь многих факторов общественного распада впал в политическое состояние, близкое к анархии.

§ 187. — Подобные условия были весьма благоприятны для вмешательства сильного внешнего фактора, каким была военная и политическая мощь Магомета: в Йемене не было ничего, что могло бы противостоять нападению столь сильного врага, тогда как политический хаос провинции заставлял всех трепетать за собственное существование. С другой стороны, в стране не было и никакой возможной надежды на единение: помимо политического вавилонского столпотворения, там царило и религиозное, столь же тяжкое и разлагающее. Рядом с персами — последователями Зороастра — жили ещё арабы, оставшиеся верными древней сабейской религии; были, кроме того, грубые кочевники-язычники, многочисленные христиане и, наконец, иудейские общины, перемешанные с общинами иудействующих арабов. Различные элементы, из которых состояло население Йемена, были поэтому разобщены между собой расовой и религиозной ненавистью, и последняя пылала живее и глубже, чем в какой-либо другой части Аравии, ибо Йемен был той областью, в которой сильнее и ощутимее всего проявлялись в арабском народе религиозное сознание и стремление к высшему идеалу. Йемен лежал, таким образом, во власти первого дерзкого искателя приключений, который пожелал бы им завладеть.

Пока мекканская олигархия могла утверждать себя перед Магометом, Йемену нечего было бояться честолюбивого преобразователя Медины; но когда в 8 г. х. Мекка стала зависимой от Медины и когда на поле Хунайна был сломлен самый могущественный союз племён, когда-либо осмеливавшийся остановить триумфальное шествие Магомета, вся Южная Аравия оказалась, так сказать, во власти Пророка. Великий шум, поднятый вокруг счастливых успехов Пророка, и невиданное прежде в Аравии могущество, которое он сумел сосредоточить в своих руках, внушили живой

страх жителям Йемена, которые и поодиночке, и группами поспешили заключить соглашения с Владыкой Медины.

Трудно составить себе ясное представление о том, что происходило в Йемене в 9 и 10 гг. х. Предания о мнимом обращении Базана и о посольствах йеменских племён проливают очень мало света и, взятые в их буквальном смысле, дают ошибочное и тенденциозное представление о фактах. То, что Базан обратился в ислам, — басня, родившаяся из смутного воспоминания о некоторых переговорах между персидским наместником и Пророком, переговорах, в которых осторожный перс, быть может, хотел обезопасить себя от мусульманского нападения, которое он считал верным и неизбежным после подчинения Мекки. Так называемые депутации йеменских племён, приходившие в Медину, лишь в виде исключения могли представлять какую-нибудь большую группу племён: по большей части это были дела, я сказал бы, почти частного и личного порядка, проявления личных забот глав семейств. И даже если о некоторых можно утверждать, что они действительно представляли обширную группу семейств, следует помнить, что эти депутации приходили в Медину скорее для того, чтобы разведать почву, снискать расположение и, по возможности, даже обмануть Пророка пустыми исповеданиями веры, нежели из искреннего желания стать мусульманами. Большая часть депутаций являлась не для того, чтобы уступить что-либо Пророку, а для того, чтобы просить и получить какую-нибудь выгоду: природа араба всегда была жадна до приобретения, своекорыстна и озабочена более всего материальными нуждами и вожделениями.

Просматривая скудные известия о посольствах (ср. passim 8, 9 и 10 гг. х.)[593] и так называемые грамоты, или дипломы, данные Пророком арабам Йемена, мы действительно убеждаемся, что большинство приходило для того, чтобы получить подтверждение прав, либо наследственных, либо приобретённых, на отдалённые местности, которые, странно сказать, вовсе ещё не входили под непосредственную власть Магомета. Пожалования делались в предвидении мусульманского вторжения, и желание каждой депутации состояло не в том, чтобы предотвратить это бедствие, а в том, чтобы обеспечить себя от возможных потерь, если вторжение совершится, и притом, по возможности, за счёт и в ущерб всем прочим жителям области. «Каждый за

[593] (*a*) Первое упоминание о йеменцах, пришедших в Медину для переговоров с Пророком, относится к 7 г. х. Тогда приходят два члена племени ан-накха‘ (ср. 7 г. х., § 82) и, по видимости, обращаются в ислам. Тем не менее лишь в 11 г. х., за несколько дней до смерти Пророка, является посольство этого племени (ср. 11 г. х., §§ 1 и 2); но по именам обращённых кажется, что эта миссия не имеет ничего общего с двумя обращениями 7 г. х.: сами источники не знают никакой связи между обоими фактами. Накха‘ были ветвью мазхидж и, следовательно, должны были жить в Северном Йемене. О них затем нет упоминания ни среди восставших племён, ни среди оставшихся верными исламу во время Ридды. Вероятно поэтому, что они во всём следовали своим двоюродным братьям мазхидж и что во время смут и междоусобных войн 11 и 12 гг. х. малочисленное мусульманское меньшинство не давало о себе знать.

(*b*) Племена Йемена начали беспокоиться о Магомете лишь после завоевания Мекки. После этого события явились несколько суда, другой ветви мазхидж, но обращение этого племени было тоже лишь частичным, то есть только меньшинства (ср. 8 г. х., § 199). В 9 г. х. мы имеем упоминание о небольшом набеге мусульман на хас‘ам, обитавших в стране между мазхидж и Меккой (ср. 9 г. х., § 13). Это показывает, что хас‘ам и остальной Йемен ещё нисколько не были затронуты исламом. Вскоре после того, однако, мы имеем достоверное известие о переговорах между некоторыми химйаритскими князьями (жившими на крайнем юге Йемена) и Пророком по почину первых (ср. 9 г. х., §§ 60–65). Очевидно, что плачевное политическое положение Йемена побудило некоторые проигрывавшие партии обратиться к Пророку за помощью против своих противников. Документы, однако, приводимые преданиями (ср. там же), не внушают никакого доверия, и точный фискальный язык, а также неопределённые выражения о религиозных обязанностях отзываются позднейшей интерполяцией. Исламизация химйаритов сомнительна, ибо, тогда как в одном предании говорится об их совершившемся обращении, в другом (§ 62) мы имеем явные доказательства того, что они ещё не были мусульманами. И упоминание о посылке Му‘аза б. Джабаля — анахронизм, разве что отношения между ним и химйаритами относятся к последним месяцам жизни Магомета, и тогда мнимое обращение химйаритов должно быть позднейшим вымыслом. Мы можем лишь с уверенностью сказать, что среди химйаритов была партия, благоприятствовавшая соглашению, прежде всего политическому, с Мединой. Настоящих обращений, вероятно, не было: химйариты оставались совершенно спокойными во время смут 11 и 12 гг. х.; это показывает, что среди них не было глубоких расколов и что их поведение и их вера не внушали ни малейших подозрений язычникам, среди которых они жили. Следовательно, ислам среди них, если и был, должен был быть, так сказать, неощутимым. То же впечатление оставляют в нас предания о переговорах между Магометом и хамдан, соседями химйаритов (ср. 9 г. х., §§ 66–67), для которых сам документ, приводимый преданием, допускает и терпит присутствие язычников в племени: постановления, будто бы данные Магометом, должны иметь силу лишь для тех, кто следует исламу, тогда как язычники оставлены в покое и без притеснений. Это, очевидно, означает, что язычники были большинством и что их не следовало тревожить. Но и приводимый документ не может быть принят как несомненно подлинный.

(*c*) Далее мы имеем смутное указание на какие-то обращения среди туджиб (кинда), живших в Верхнем Хадрамауте и недалеко от Йемена (ср. 9 г. х., § 82), но известие весьма смутно и заслуживает очень мало доверия. Оно может быть лишь воспоминанием о каких-то переговорах между некоторыми членами этого небольшого племени и Пророком, но ничего иного достоверного мы из него вывести не можем. Прочие, тоже смутные, известия о переговорах с небольшим йеменским племенем Аль Зи Мархаб (ср. 9 г. х., § 88) имеют вид переговоров с язычниками, а не воспоминаний о настоящих обращениях.

(*d*) Когда мы доходим наконец до 10 г. х., известия о переговорах с йеменскими племенами внезапно умножаются: даже если бы мы, вопреки стольким верным признакам, пожелали принять большую часть известий за правдивые, мы должны были бы допустить, что исламизация была весьма и весьма поверхностной. Нелогично, чтобы племена, жившие в стране, где ещё оставались неизгладимые следы древнейшей цивилизации и почитаемой вековой веры, так легко и легкомысленно переменили религию за несколько месяцев. Йемен всегда был страной весьма консервативной, и жители его всегда, вплоть до наших дней, считали себя отличными от варваров остальной Аравии и много выше их: они никогда охотно не соглашались, чтобы эти варвары диктовали им закон и учили их истинной вере. Ныне йеменцы все шииты, из

себя, а Бог за всех» — таково, по-видимому, было господствующее начало всех переговоров. В некоторых случаях истинные причины прихода в Медину самые явные, а именно: лишь просьбы о помощи против враждебных племён или желание удовлетворить честолюбивые завоевательные замыслы. Так, например, Джарир б. Абдаллах воспользовался покровительством Магомета, чтобы объединить под своей властью различные роды своего племени (баджила) и напасть на своих врагов, хас‘ам (ср. 10 г. х., § 27). То же следует сказать и о событиях вокруг Джураша (ср. 10 г. х., § 21), которые, по мнению мусульманских преданников, следовало бы считать победами мусульманского дела, но которые в действительности были лишь местными событиями,

---

ненависти к суннитам остальной Аравии.

(*e*) Итак, мы имеем для начала упоминание о небольшом мусульманском походе против бану-ль-харис б. ка‘б [мазхидж] (ср. 10 г. х., § 3), но весьма малое число мусульманских воинов заставляет подозревать либо что Магомет действовал по просьбе благоприятствовавшей ему партии, либо что племя было весьма немногочисленно. Следует, однако, признать, что племя вступило в весьма тесные отношения с Пророком и в большей своей части признало его верховную власть (ср. 10 г. х., §§ 9–12).

(*f*) Затем имеется упоминание о том, что, по нашему мнению, есть факт наиболее важный и наиболее достоверный, а именно о посылке мединских и мекканских агентов в Йемен (ср. 10 г. х., §§ 13–14). Даже допуская, что документы, содержащие мнимые наставления, суть позднейшие и подложные переделки, остаётся несомненным, что Магомет действительно послал своих представителей в Йемен. Тот факт, что он послал мединцев, а не уполномочил людей из йеменских племён, доказывает, что последние ещё не были мусульманами и что посылка агентов была вызвана тайной перепиской лиц, не желавших быть обнаруженными, но всё же желавших и искавших опоры в Медине против своих политических противников и манивших Магомета надеждой на многочисленные обращения. Иными словами, эти посланцы были того же рода и снабжены теми же наставлениями, что и те, которых Магомет послал в Бахрайн и в Оман: то есть они были послами, политическими интриганами и миссионерами, которые должны были по видимости распространять новое слово и устраивать мусульманские общины, но вместе с тем должны были действовать лишь мирными интригами, а не силой. Их действительные обязанности были поэтому довольно неопределёнными, и по многочисленным противоречивым известиям, которые мы имеем о точном их назначении, у нас есть основание думать, что сами преданники действительно не знали, куда должны были направиться эти агенты и каковы были их истинные полномочия. Несомненно, что наставления были тайными и деликатного свойства: после торжества ислама посланцам не было расчёта разглашать их истинный характер.

(*g*) В ша‘бане 10 г. х. некоторые хаулан (тоже мазхидж) пришли договариваться с Пророком и обещали положить конец идолопоклонству, но не сказано, что они низвергли идола племени (ср. 10 г. х., § 16). В рамадане мы имеем небольшой поход Али против мазхидж (ср. 10 г. х., §§ 17–18): известия о нём весьма смутны и окрашены легендарно в такой мере, что внушают мало доверия. Прежде всего столь малое число людей указывает на малую важность похода и на невозможность того, чтобы он был направлен против могущественного племени мазхидж, самого многочисленного и воинственного в Йемене. Затем предание обнаруживает, что, несмотря на мнимые обращения четырёх мазхиджитских подплемён (накха‘, бану-ль-харис б. ка‘б, суда и хаулан), само племя в большей своей части было ещё языческим. Что сделал и чего достиг Али в этом походе, сказать невозможно: вся ткань рассказа так полна неопределённостей и тенденциозных узоров, что ничего достоверного мы вывести не можем. Результаты были, однако, несомненно отрицательными, ибо мазхидж, пока Али удалялся из их страны, почти все следовали за своим лжепророком аль-Асвадом аль-Анси, и ни Али, ни Магомет не обратили на это ни малейшего внимания. Этот факт капитальной важности разрушает одним ударом всё здание преданий о мнимых обращениях различных ветвей мазхидж (‘анс, ср. 10 г. х., § 54; мурад, ср. 10 г. х., § 32; джу‘фи, ср. 10 г. х., § 50; зубайд, ср. 10 г. х., § 31; ар-рухавиййун, ср. 10 г. х., § 53, и четыре упомянутых выше подплемени). В самом деле, если бы все эти известия были правдивы, то было бы невозможно, чтобы при жизни Магомета и без всякого противодействия в собственном племени аль-Асвад аль-Анси утвердился владыкой этого племени и немедленно обратил своё оружие против соседних областей вплоть до Саны. Мы вынуждены сказать, что между Магометом и некоторыми ветвями мазхидж, быть может, велись переговоры, но что из этих переговоров не вышло ничего определённого, несмотря на мимолётное военное появление Али.

(*h*) Предания о мнимом обращении азд шану’а (ср. 10 г. х., §§ 21–25 и 57) также заслуживают мало доверия и, несомненно, суть исламские переодевания местных событий и столкновений, не имевших никакого прямого отношения к Медине и Пророку.

(*i*) Предания о баджила (ср. 10 г. х., § 27) также, по-видимому, сильно искажены позднейшими интерполяциями; но так как баджила жили недалеко от Мекки, мы можем в общем принять, что в этом

а не этапами мусульманской пропаганды. Различные вожди племён — Фарва б. Мусайк (из мурад, ветви мазхидж), Кайс б. Макшух (тоже из мурад), Амр б. Ма‘дикариб (из са‘д аль-‘ашира, мазхидж), Малик б. Мурара (из раха, мазхидж), а также различные князья Хадрамаута, аль-Аш‘ас б. Кайс и Ваиль б. Худжр (из кинда), и другие ещё — поспешили явиться в Медину или прислать письма и послов с единственной целью получить нравственную и материальную поддержку Магомета и вредить друг другу: ислам не имел ничего общего с их просьбами. Все надеялись вырвать у Магомета какую-нибудь уступку, с помощью которой можно было бы затем либо упрочить собственное положение, либо погубить положение противника или соперника. Если они этого добивались, то готовы были и надуть Пророка каким-нибудь пустым исповеданием веры, исходившим из уст, а не из сердца: вопрос веры был для всех них подробностью второстепенной важности.

Магомет, однако, не был обманут видимостью и ясно читал в душах всех послов, которые не замечали, что своими прозрачными домогательствами неизбежно выдают друг друга и все играют на руку могущественному и прозорливому Владыке Медины. Он, уже не безызвестный об политическом и экономическом упадке йеменцев и о земледельческом запустении их земель, некогда столь цветущих и плодородных (ср. Коран, XXXIV, 14–15), начал теперь со своим обычным политическим искусством сложную дипломатию интриг и контринтриг, пользуясь различными вождями, чтобы парализовать их всех одного другим и поставить их в более тесную зависимость от себя, двигая их одного против другого, словно фигуры на шахматной доске. Мы не можем сказать с уверенностью, стремился ли Магомет к присоединению Йемена, но

племени в 11 г. х. существовала мусульманская партия. То же следует сказать, и по тем же причинам, о хас‘ам (ср. 10 г. х., § 28), хотя и среди них последователей новой веры должно было быть весьма немного. Именно близость Мекки и мединских войск держала это племя в узде.

(*k*) Смутны и мало удовлетворительны известия о племенах Хадрамаута (ср. 10 г. х., §§ 34, 46–48), которые, подобно известиям о столь многих других племенах, носят явный отпечаток того, что были составлены задним числом, чтобы окрасить «исламски» все факты так называемой Ридды и связать с исламом то, что было лишь местными эпизодами столкновений между племенами.

(*l*) О христианах Наджрана и их мнимых отношениях с Магометом (ср. 10 г. х., §§ 59–62) мы будем говорить под 23 г. х., когда будем рассматривать внутреннюю политику халифа Умара. Мы можем опустить их в этом месте, потому что во время Ридды об этих христианах не упоминается ни единого раза. Наши замечания будут клониться к тому, чтобы показать, что в мнимых отношениях между христианами Наджрана и Пророком существуют, более чем где-либо, многочисленные следы позднейших переделок и интерполяций.

(*m*) Этим быстрым и кратким обзором мы закончили рассмотрение известий о мнимых обращениях племён Йемена. С прочими второстепенными известиями, приведёнными в другом месте (ср. 10 г. х., §§ 71, 80–82), позволительно считаться ещё меньше, потому что эти списки мнимых посланцев по большей части составлены задним числом на основании событий Ридды и для согласования их с ложным притязанием, будто вся Аравия была мусульманской, когда умер Магомет. Расхождения и противоречия между различными списками доказывают их искусственное происхождение и ненадёжный характер сведений, из которых черпали составившие их преданники. Самое большее, они могут показать, что в Йемене в 11 г. х. бродили многие миссионеры и тайные агенты Медины; но очевидно, что их деятельность за полным отсутствием времени осталась весьма неполной и несовершенной и очень мало повлияла на первые местные столкновения в Йемене. Они могли лишь устранить какое-нибудь препятствие, когда позднее кровавая анархия в Йемене бросила провинцию в объятия мединских наместников.

(*n*) Подводя итог, мы полагаем, что приближаемся к истине, утверждая, что Йемен при смерти Магомета был так мало затронут исламом, что мог ещё считаться весь — за исключением какого-нибудь северного округа — независимым от Медины и что последователей нового учения в нём было весьма немного и они были лишены влияния. Исламизация Йемена совершилась начиная с 12 г. х. и была достигнута главным образом процессом арабского объединения, порождённым завоеваниями. Известно, что йеменцы переселялись преимущественно в Сирию, и желание их потомков облагородить себя в исламском смысле было главной причиной, породившей рассмотренные нами теперь тенденциозные предания.

вероятно, что эта мысль пришла ему, когда он удостоверился в положении дел в Йемене и в лёгкости его присоединения: тем не менее, каковы бы ни были его замыслы, для их осуществления было безусловно необходимо подорвать древний мир и заменить его новым. Надо было сломить древний порядок по родам и племенам, заменив его единственной связью веры с неизбежным её следствием — подчинением Пророку этой веры.

Из совокупности преданий представляется очевидным, что в последний год своей жизни Магомет замыслил обратить Йемен в ислам. Он принялся за это, однако, методами, отличными от тех, которыми пользовался в Хиджазе: два последних года его жизни были по преимуществу мирными — как мы уже заметили в другом месте, ср. §§ 119 и сл., — и его поведение по отношению к йеменцам было особенно мирным и долготерпеливым. Никакого военного значения не имели два небольших похода Халида б. аль-Валида и Али б. Аби Талиба (ср. 10 г. х., §§ 3 и 17–18), над которыми царит большая неясность и которые не оказали почти никакого действия на политическое положение страны. Гораздо важнее была, напротив, посылка группы миссионеров во главе со знаменитым Му‘азом б. Джабалем, о наставлениях которому столько фантазировали преданники и столько спорили богословы и законоведы. Смерть, однако, внезапно пришла прервать замыслы Пророка: проживи он дольше, он, быть может, лучше осуществил бы свои намерения в Йемене. Замечательно, однако, всегда то, что в течение двух целых лет (9 и 10 гг. х.), когда легко было бы завоевать Йемен, Пророк почти ничего не предпринял военными средствами в этом направлении и ограничился мирным искусством дипломатии и интриг, сознавая, быть может, что таким путём обеспечит себе безусловное господство в Йемене, не берясь за меч. Те немногие военные действия, о которых упомянуто, были, быть может, делом весьма деятельной в Медине военной партии, которая показала себя — как мы уже сказали в § 184 — тем более требовательной, как только не стало умеряющего влияния Пророка. Как бы то ни было, внезапное исчезновение Магомета оборвало в Йемене мирное развитие ислама в этом направлении, и последствия мусульманского вмешательства в дела провинции оказались для страны скорее вредными, чем полезными. Страна впала в состояние живейшего брожения, настоящего кипения, которое наконец при первом знаке прорвало все преграды и породило судорожную и кровавую революцию. Буря была неистовой и разразилась с изумительной быстротой, опрокинув все планы, вынашивавшиеся Пророком, и смыв на время всякий след ислама из провинции.

§ 188. — Если бы мы могли верить букве предания, нам следовало бы считать, что Йемен был одной из первых областей, правильно покорённых и управлявшихся центральным правительством, пребывавшим в Медине: для Йемена мы имеем в самом деле длинный и подробный список представителей (ср. 10 г. х., §§ 71, 80–82; 11 г. х., § 193)[594], какого не имеем ни для какой другой области Аравии и который ошибочно

[594] Некоторые авторы, как Балазури (с. 68–69), утверждают, что весь Йемен исламизировался вследствие посольств жителей в Медину и что вся страна была полна агентами Пророка, которые учили толпы новой вере, собирали с мусульман налоги *садакат*, а с христиан, иудеев и последователей магийской, или персидской, религии — подушную подать (*джизья*). Он хотел бы таким образом заставить поверить, что все язычники обратились: утверждение, которое невозможно принять. Заметим к тому же, что Балазури допускает существование необращённых персов: это не могли быть никто иные, как абна Саны: он, следовательно, косвенно признаёт, что предание об обращении абна неверно.

создаёт впечатление, будто Йемен уже стал владением Медины. Велльхаузен (*Sk. u. Vorarb.*, VI, 29) справедливо исправляет это впечатление, настаивая на том, что приводимые имена — это имена эмиссаров и миссионеров, а в некоторых случаях политических резидентов центрального правительства, но что никто из них никогда не исполнял должности наместника или правителя в качестве мединского чиновника. Страна во всех своих бесчисленных подразделениях всё ещё сохраняла свою местную самостоятельность (или анархию), и те немногие группы, которые вступили в договор с Магометом, признавали лишь одну обязанность по отношению к Пророку Медины, а именно — передавать в руки его представителей сумму дани, условленной в качестве платы за покровительство, оказываемое эгидой ислама. Представители Магомета были, следовательно, миссионерами и сборщиками податей и не имели настоящей власти ни над кем, кроме тех, кто искренне становился мусульманином. Но и на этих немногих ислам ложился словно бледный прозрачный лак, сквозь который проступал неизменный цвет древнего язычника; ислам был, словом, более формой, чем действительностью. Во многих случаях Магомет даже не осмелился послать в племена собственного представителя и должен был довольствоваться тем, что поручал кому-нибудь из вождей самого племени быть его представителем и сборщиком. Легко понять, что в этих случаях власть Магомета была даже менее чем номинальной. Три-четыре дня случайной беседы с Пророком в Медине, конечно, не могли быть достаточны для превращения грубого варвара-язычника в мусульманина хотя бы самого низкого качества; с другой стороны, почти излишне добавлять, что при таких условиях, в отсутствие всякого надзора, означенный представитель поступал с данью так, как ему казалось лучше. Число эмиссаров, фигурирующих в упомянутом списке, есть, следовательно, признак не зависимости Йемена, а лишь желания йеменских преданников доказать обращение и подчинение своих предков ещё при жизни Пророка.

Ислам не успел пустить корни в Йемене до смерти Магомета: многие — либо из страха, либо из личных выгод — склонялись, быть может, политически к Магомету, но равным образом у очень многих введение ислама с его скучными и унизительными обязанностями вызывало живое отвращение как выражение чужеземного владычества; революционный характер учения, ниспровергавшего всё древнее в самых существенных его частях, порождал также живые опасения в тех классах, которые считали свои интересы под угрозой в случае победы ислама. Проникновение столь многих новых элементов с наступательными стремлениями в воинственный хаос древних элементов имело поэтому почти немедленные и поразительные последствия. Вмешательство Магомета в дела Йемена сыграло роль огня, поднесённого к пороху: оно вызвало взрыв. Йемен, хотя и был одной из последних областей Аравии, привлёкших внимание Пророка, первым погрузился в тот кровавый круговорот братоубийственных войн, который казался первым следствием распространения ислама и сделал столь зловеще знаменитым злосчастный 11 год.

Сила йеменского восстания, вспыхнувшего первым и окончившегося последним, и молниеносная быстрота, с которой оно распространилось по всей стране, показывают, сколь глубоки и сильно ощутимы должны были быть недуги, терзавшие область. Нельзя сказать, чтобы восстание было собственно антиисламским, по той простой

причине, что в Йемене почти не было мусульман, и потому, что самые кровавые столкновения происходили не между мусульманами и немусульманами, а между язычниками и язычниками. Когда лжепророк аль-Асвад аль-Анси поднял знамя революции, он увлёк за собой всю страну, свергая не мусульманских наместников, а лишь мелких племенных вождей, вступивших в соглашение с Мединой, которые по большей части, увидев, что близкая опасность во сто раз больше опасности далёкой, немедленно отреклись от всяких отношений с Мединой и встали под знамя аль-Асвада, обещавшего стать вторым Магометом, и притом к вящей выгоде Йемена. Те немногие, которые, подобно Шахру б. Базану, возымели безумную мысль сопротивляться стремительному валу, заплатили за безумие ценою жизни. Аль-Асвад восторжествовал с великой лёгкостью, ибо был вознесён на гребень неудержимой и безрассудной волны народного благоволения и ибо во всех была повелительная потребность изменить что-нибудь в древних порядках, уже не выдерживавших столкновения с новым миром. Ислам как чужеземное привозное учение не привлекал больших симпатий, и появление национального йеменского пророка на первый взгляд, казалось, удовлетворяло всем требованиям минуты, хотя повадки обманщика и грубые ухищрения мистификации, которыми он пользовался (см. побоища на площади Саны в § 197), должны были с самого начала открыть глаза людям более проницательным. Чудесные успехи Магомета, достигнутые, по видимости, одним лишь тем, что он выдавал себя за пророка, необходимо должны были разжечь многие честолюбия, и Йемен, где религиозные вопросы всегда были живы, не составил исключения. К несчастью для йеменцев, их пророк не стоил пророка Медины и, едва прошло первое опьянение, явился таким, каким был в действительности, то есть либо жестоким тираном, либо пошлым обманщиком. О нём мы находимся в полной темноте, как легко убедиться из преданий, приводимых ниже, которые содержат всё, что известно об учении и природе лжепророка. Известия, правда, искусно искажены, но из сравнения аль-Асвада с прочими так называемыми лжепророками, возникшими вокруг смертного одра Магомета, мы можем с уверенностью заключить, что он был наименее искусным и наименее честным из всех. Он был слабым подражателем Магомета, и, по-видимому, основной мыслью его системы была его близость со сверхъестественным существом, выступавшим подсказчиком каждого его действия. Эти подсказки были по большей части практического и политического свойства и редко — вероучительного. Предания даже совершенно молчат об этом втором предмете, быть может, именно потому, что он никогда не проповедовал настоящего учения. Замечательно, однако, что мусульманское предание, хотя и утверждает, что он был обманщиком (*каззаб*), не отрицало того, что он имел сношения с демоном: в ходе рассказа о том, как он был умерщвлён персидскими заговорщиками Саны, мы неоднократно встречаем указания на действительность его сношений с демоном. Поэтому аль-Асвад был для мусульман позднейших времён орудием злого духа, стремившегося преградить триумфальное шествие ислама.

Его владычество над Йеменом было кратким; наделённый малым умом и малым образованием, лишённый политического чутья, он не оправдал ни надежд, ни опасений, возлагавшихся на него. Его падение было быстрым и полным, как быстрым было и его возвышение: он исчез, не оставив сожалений.

Йемен — Восстание аль-Асвада (версия мединской школы)

§ 189. — (Из «Книги» Йа‘куба б. Мухаммада аз-Зухри, от Мухаммада б. Ма‘на, от его шейхов [*ашйах*, мн. ч. от *шайх*]). Аль-Асвад б. Ка‘б аль-Анси, выдававший себя за пророка, женился на Марзубане, жене (вдове) Базана, которую принудил к браку, хотя она его ненавидела. Бану-ль-харис в Наджране, которые были тогда мусульманами, пригласили его прийти к ним: когда он явился, бану-ль-харис последовали за ним, отрекшись от ислама. По словам одного уроженца Саны, аль-Асвад отправился с тысячей химйаритов [*sic*: исправь: бану-ль-харис], признавших его пророческую миссию, в Гумдан. Никто из накха‘ или из джу‘фи к нему не присоединился, но, напротив, многие из зубайд, мазхидж, ‘анс, бану-ль-харис, авд, муслия и хакам. По словам Ибн Ма‘на, аль-Асвад пробыл недолго в Наджране, а затем двинулся на Сану во главе 600 всадников и взял город. Абна, не пожелавшие его признать, подверглись от него жестоким притеснениям. Магомет (который был ещё жив) послал тогда одного аздита, а по словам других — одного хуза‘ита, по имени Вабр б. Йуханнас, к абна вследствие действий аль-Асвада. Посланец Пророка тайно проник в Сану и укрылся у Дазавайха. Абна составили заговор с целью убить лжепророка, и Кайс б. Абд Ягус аль-Макшух, Файруз ад-Дайлами и Дазавайх взялись привести замысел в исполнение. Марзубана, глубоко ненавидевшая лжепророка, имела свидание с заговорщиками и условилась с ними о способе избавиться от аль-Асвада. Женщина дала аль-Асваду выпить столько вина, что он совершенно опьянел и заснул так крепко, что казался мёртвым. Тогда Файруз, Кайс и другие вошли (в его жилище) и нашли его словно погребённым в пуховой постели. Файруз не хотел употреблять против него меча и потому, упершись коленом ему в грудь, свернул ему шею, приказав затем товарищам отрубить ему голову: она была потом брошена народу (Хубайш, л. 26 об.).

Ср. также Фурат, л. 9 об.

§ 190. — (Балазури, без иснада). Лжепророк звался аль-Асвад б. Ка‘б б. Ауф аль-Анси, но некоторые утверждают, что настоящее его имя было Айхала; утверждают также, что его имя (прозвище?) аль-Асвад происходило от чёрного цвета его кожи. Он носил также прозвище Зу-ль-Химар (*Dzu-l-Ḥimār*), или «человек с ослом», потому что у него был учёный осёл, который, когда аль-Асвад кричал ему: «Поклонись своему Господу!», становился перед ним на колени. Другие, однако, утверждают, что прозвище было Зу-ль-Химар (*Dzu-l-Khimār*), или «человек с покрывалом»[595], потому что он всегда

[595] Мирхонд (II, с. 247, стр. 18 и сл.) называет его Асвад Иса; не понимаю почему. То же делает и Хондемир (т. I, ч. IV, с. 3, стр. 8 и сл.).

В *Танбихе* (с. 277, стр. 1 и сл.) также рассказано предание об учёном осле.

Хамис (II, с. 173, стр. 7) утверждает, что Химар (*Khimār*) было имя демона-вдохновителя (*шайтануху*) аль-Асвада, который потому и звался Зу-ль-Химар (*Dzu-l-Khimār*).

Dzu-l-Ḥimār («человек с ослом») — ошибка; правильное чтение — *Dzu-l-Khimār*, то есть «человек с покрывалом». Это связано с обычаем арабских прорицателей закутывать голову плащом во время вдохновений. Воспоминание об этом мы имеем и для Магомета по прямому утверждению Корана (ср. Введение, § 211), и в преданиях о Тулайхе (ср. 11 г. х., § 138). Прочтите также замечания Винклера в *MVAG*, 1906, вып. V, с. 191, который связывает этот обычай с древней семитской мифологией, с культом луны как символа божества и с толкованием, которое семиты давали фазам нашего ночного светила. — Заметим, однако, что Винклер впадает в ошибку (с. 192), утверждая, будто Ибн Умм Мактум был назначен заместителем в Медине дважды: в действительности, по-видимому, он занимал эту должность целых пять раз (ср. 11 г. х., § 56, прим. 2).

носил свешивавшееся с головы покрывало, скрывавшее его лицо от глаз черни. Он принял имя Рахман аль-Йаман, как Мусайлима принял прозвище Рахман аль-Ямама[596]. Он начал своё поприще как прорицатель, а затем выдал себя за пророка, и за ним последовало всё его племя, ‘анс, двоюродная ветвь мурад и са‘д аль-‘ашира. Когда он начал свою проповедь, за ним последовали, помимо ‘анс, также многие арабы из других племён. Согласно некоторым источникам, пророк Магомет послал к нему в первые дни 11 г. х. с поручением Джарира б. Абдаллаха аль-Баджали, чтобы склонить его принять ислам, и утверждают, что аль-Асвад отверг предложение. Некоторые преданники, однако, отрицают, что это правда. Аль-Асвад взялся за оружие и взял Сану, изгнав оттуда Халида б. Са‘ида б. аль-Аса (или аль-Мухаджира б. Аби Умаййю), находившегося там в качестве наместника Пророка.

Аль-Асвад был, однако, человеком надменным и высокомерным и вскоре восстановил против себя абна Саны, то есть тех персов, которые по приказу Вахриза пришли в Йемен, чтобы помочь Сайфу Зу Язану изгнать абиссинцев, — вскоре после рождения Пророка, в 576 г. по Р. Х.; ср. Введение, § 111, прим. 1. Аль-Асвад, завладев Саной, женился на аль-Марзубане, жене (вдове!) Базама, наместника персидского царя Абарвиза (*sic*). Против лжепророка Магомет послал теперь Кайса б. Хубайру аль-Макшуха аль-Муради и Фарву б. Мусайка аль-Муради с приказом вести интриги среди абна и привлечь их на свою сторону. Когда эти два человека направлялись к Сане, их настигла весть о смерти Магомета[597]. Тогда оба переменили образ действий: Кайс притворился, что согласен с аль-Асвадом, и добился таким образом того, что беспрепятственно проник вместе со многими арабами из мазхидж, хамдан и других племён в город Сану, тотчас начав интриги. Он начал с Фируза[598] б. ад-Дайлами, одного из абна, уже обратившегося в ислам, и вступил в тайные переговоры также с Дазавайхом, который после смерти Базама стал главой абна и его преемником. Под влиянием Кайса Дазавайх принял ислам, а позднее и Сабит б. Зи-ль-Харра аль-Химйари стал мусульманином и вошёл в заговор. Дазавайх разослал теперь агентов во все части страны, к абна, и сумел составить значительную группу сторонников, которые все приняли ислам и сговорились убить лжепророка. Они наконец достигли своей цели с помощью аль-Марзубаны, персидской жены аль-Асвада, которая согласилась им помочь и, тайно введя их в своё жилище через пролом, сделанный в стене, провела их незадолго до рассвета в покой, где спал, ещё пьяный, лжепророк. Кайс или Дазавайх — неизвестно, который из двух, — бросился на аль-Асвада и перерезал ему горло. Заговорщики, взойдя затем на городские стены на рассвете, показали народу голову тирана и призвали присутствующих изгнать приверженцев убитого. Тогда вспыхнула революция; приверженцы аль-Асвада должны были бежать и, за исключением

[596] Это известие имеет значение, ибо показывает, что выражение *Рахман*, столь часто встречающееся в Коране, было во времена Магомета в большом ходу по всему полуострову (ср. в другом месте по поводу Мусайлимы, § 166 и прим. 1).

[597] В одном примечании Балазури допускает, однако, существование преданий, утверждающих, что смерть аль-Асвада произошла за пять дней до смерти Магомета и что весть об убийстве аль-Асвада пришла в Медину через десять дней после избрания Абу Бакра (Балазури, с. 106, стр. 19 и сл.).

[598] В тексте Балазури, изданном де Гуе, это имя постоянно пишется Фируз, то есть на персидский лад, но в тексте Табари де Гуе предпочёл арабскую форму Файруз. Персидская форма в известном смысле, быть может, более правильна. Это случай, аналогичный случаю Найсабур и Нисабур и т. п. ## Йемен — Восстание аль-Асвада (версия Сайфа)

немногих, которым удалось спастись либо бегством, либо объявив себя мусульманами, были все преданы смерти. О дальнейших событиях, о которых мы расскажем под 12 г. х., Балазури не упоминает: он прибавляет лишь, что существуют подозрения, будто Кайс велел убить Дазавайха и пытался изгнать персов, абна, из Саны, навлёкши тем на себя гнев Абу Бакра, который приказал аль-Мухаджиру б. Аби Умаййе принять управление этим городом и восстановить в нём порядок. Кайс, взятый в плен, был приведён к Халифу, где перед минбаром Пророка пятьдесят раз поклялся, что не убивал Дазавайха: Абу Бакр отпустил его оправданным, приказав, однако, отправиться в Сирию сражаться с греками (Балазури, с. 106–107).

Эта последняя подробность, по-видимому, показывает, что мусульманское вмешательство в Сане должно было произойти лишь в конце 12-го или даже в 13 г. х.

§ 191. — Из рассмотрения этой версии мы можем извлечь некоторые полезные заключения. Прежде всего мы видим подтверждение того факта, что абна, за исключением, быть может, какого-нибудь отдельного случая, в котором позволительно сомневаться, все ещё были последователями официальной персидской религии, а не мусульманами, как хотел бы Сайф. Во-вторых, мы имеем подтверждение истинной природы местного столкновения, а именно: вначале это была победа арабских элементов над персидскими, затем — реакция, в которой последние с помощью мазхидж изгнали ‘анс и приверженцев лжепророка. Следуют трения между персами и их союзниками-арабами, в каковом столкновении арабы пытались изгнать и истребить персов, и борьба была окончена лишь благодетельным вмешательством мусульман, подчинивших и арабов, и персов и принудивших тех и других жить в мире вместе.

О прочих подробностях не стоит говорить; достаточно будет предостеречь от того, чтобы принимать без больших сомнений и оговорок исламский характер, приписываемый в этом предании заговору арабов и персов с целью низвергнуть тирана аль-Асвада, который был, по-видимому, человеком жестоким и несправедливым, возбуждавшим многие вражды своим произвольным и грубым поведением и потому ставшим ненавистным всем без различия. Историческая истинность этой особой черты аль-Асвада доказывается нам сравнением его с прочими лжепророками Аравии, которым мусульмане, при всём своём недоброжелательстве, не приписали подобных обвинений. Движение против него было, следовательно, языческим и местным: исламизация Йемена была позднейшим фактом. Наконец, мы можем заметить, что из контекста повествования Балазури события в Йемене представляются в менее грандиозном виде, чем в преувеличенном повествовании Сайфа (ср. следующий §): в особенности события после убийства аль-Асвада сведены к весьма скромным размерам. Видно, что общественный порядок был нарушен весьма мало и что мусульмане вмешались непосредственно в Сане прежде, чем арабские элементы успели причинить вред персам. Можно почти заключить, что в течение всего 11 г. х. и части 12 г. х. в Йемене царило большое беспокойство, но дело не доходило до больших насилий. Мы имеем, наконец, доказательство того, что поглощение Йемена растущим мусульманским государством произошло почти бескровно лишь в конце 12 г. х. или позднее, когда мусульмане под начальством аль-Мусанны и Халида уже вторглись в персидские провинции по течению Евфрата. — Мусульмане были встречены как

избавители от политического хаоса, и Йемен был одной из областей Аравии, в которой владычество ислама утвердилось с наименьшим пролитием крови.

§ 192 (ср. § 6, прим. 1). — (Сайф б. Умар, с иснадом, который притязает восходить к Файрузу ад-Дайлами, очевидцу). Первым восстанием против ислама (Ридда) было то, которое произошло ещё при жизни Пророка, а именно в Йемене, по почину Зу-ль-Химара Абхалы б. Ка‘ба, более известного под именем аль-Асвад, члена великого рода мазхидж, который взялся за оружие тотчас после Прощального паломничества, вследствие слуха, что Пророк заболел на обратном пути в Медину. Уже с давних пор аль-Асвад был известен в Йемене как прорицатель и фокусник (*ша‘баз*), умевший показывать чудесные вещи и обольщать сердца всех, кто его слушал (чарующим красноречием своего слова)[599]. Движение началось в Кахф Хуббане[600] (Якут, II, с. 397), где у аль-Асвада был собственный дом, где он родился и вырос. Члены племени мазхидж вступили с ним в переговоры, чтобы организовать восстание, обещая ему обладание Наджраном. Уговорившись обо всём, мазхидж внезапно напали на Наджран и изгнали оттуда двух мусульманских представителей, Амра б. Хазма (ср. 10 г. х., § 14) и Халида б. Са‘ида б. аль-Аса, уступив затем аль-Асваду должности, которые занимали оба изгнанника. В то же время Кайс б. Абд Ягус напал на Фарву б. Мусайка, представителя Пророка среди мурад, и тоже изгнал его, присоединившись затем к аль-Асваду, который, завладев Наджраном, обрушился на Сану и овладел ею.

Письма с известием об этих тяжких событиях были немедленно отправлены Пророку, и первой вестью, дошедшей до Медины, была весть об изгнании Фарвы б. Мусайка. Тот между тем со всеми членами племени мазхидж, оставшимися верными мусульманскому делу, отступил в аль-Ахсию; но так как он не начал наступательных действий против мятежников, аль-Асвад его не тревожил. Аль-Асвад в кратчайшее время стал владыкой всего Йемена (Табари, I, с. 1795–1796)[601].

§ 193. — (Сайф б. Умар, от Хишама б. Урвы, от Урвы). Магомет боролся с восстанием в Йемене посылкой послов: некоторых он отправил к абна с письмами, в

---

[599] Более поздние источники, как, например, Абу-ль-Фида, утверждают, что аль-Асвад аль-Анси некогда принял ислам, а затем, позавидовав славе и могуществу Магомета, отрёкся от него (ср. Абу-ль-Фида, I, с. 200; Мирхонд, II, с. 247, стр. 19). Это известия тенденциозные и ложные (ср. выше § 188), которые служат нам лишь для того, чтобы показать, что чем дальше писатели от событий, тем сильнее в них стремление исламизировать всё и представить всех сражавшихся в 11 г. х. отступниками от ислама.

Самое же очевидное доказательство противного, какое мы имеем, — это поход Усамы в Сирию. Так называемый мятеж аль-Асвада продолжался всего четыре месяца (ср. § 198, *b*, и *Хамис*, II, с. 173, стр. 14), и так как он был убит ещё до смерти Магомета, начало его военной деятельности следует поместить почти за два месяца до Прощального паломничества. Кроме того, в *Хамисе* (II, с. 173, стр. 13 и сл.) сказано, что аль-Асвад овладел Саной, как только умер Базан (ср. 10 г. х., §§ 81 и сл.), то есть прежде, чем Пророк отправился в паломничество в Мекку в 10 г. х. Тем не менее Пророк не обратил на это ни малейшего внимания, никого не послал наказать мятежника и обманщика и трактовал все движения в Йемене как посторонние события среди немусульман, в дела и распри которых у него не было никакого основания вмешиваться. Если бы то, чего хотят преданники, было правдой, если бы, то есть, Йемен был мусульманской провинцией, зависевшей от Пророка, он немедленно послал бы поход для усмирения восставших, отступников и обманщиков и не отправил бы, через три месяца после начала йеменского восстания, поход в Сирию. Не думаю, чтобы можно было иметь более убедительное доказательство того, что Йемен никогда не считался Пророком мусульманской страной и находящейся под его властью.

[600] У Халдуна (II, прил., с. 60, стр. 3) местность названа Кахф Хунан, быть может, по типографской ошибке: там, однако, сказано, что аль-Асвад там родился, был воспитан и начал свою проповедь.

[601] Ср. также Абу-ль-Фида, I, с. 200; Халдун, II, прил., с. 60; *Хамис*, II, с. 173 и сл.

которых призывал абна держать обманщика в узде и оказать помощь некоторым людям из бану тамим и бану кайс, которых называл по именам. В то же время он написал этим людям, чтобы они отправились на помощь абна. Приказы были в точности исполнены, и благодаря деятельности этих людей восстание в Йемене осталось ограниченным: между мятежниками возникли трения, и сам вождь восстания, аль-Асвад, был убит за одну ночь, или за один день, до смерти Магомета. Пророк применил ту же тактику по отношению к Тулайхе, Мусайлиме и прочим подобным, восставшим против него, и позаботился о посылке послов и особых эмиссаров, не давая остановить себя силе своего недуга, но до последнего заботясь об «интересах Бога и Его религии». Он отправил множество послов, среди которых Сайф б. Умар перечисляет следующих:

(1) Вабар б. Йуханнас (вероятно, христианин) был послан к Файрузу и Джушайсу[602] ад-Дайлами и к Дазавайху аль-Истахри.

(2) Джарир б. Абдаллах был отправлен к Зу-ль-Кала‘у и Зу Зулайму.

(3) Аль-Акра‘ б. Абдаллах аль-Химйари — к Зу Зуду и Зу Муррану.

(4) Фурат б. Хаййан аль-Иджли — к Сумаме б. Усалю.

(5) Зияд б. Ханзала ат-Тамими аль-Умари — к Кайсу б. Асиму и аз-Зибрикану б. Бадру.

(6) Салсаль б. Шурахбиль — к Сабре аль-Анбари, Ваки‘у ад-Дарими, Амру б. аль-Махджубу аль-Амири и Амру б. аль-Хафаджи из бану амир.

(7) Дирар б. аль-Азвар аль-Асади — к Ауфу аз-Заркани из бану-с-сайда, Синану аль-Асади аль-Ганми и Куда‘и ад-Дайлами (*sic*, следует читать ад-Дуали).

(8) Ну‘айм б. Мас‘уд аль-Ашджа‘и — к Ибн Зи-ль-Лихье и Ибн Мушаймасе аль-Джубайри (Табари, I, с. 1798–1799).

§ 194. — (Сайф б. Умар, от Тальхи б. аль-А‘ляма, от Икримы, от Абдаллаха б. Аббаса). Первым, кто взялся за оружие против лжепророка аль-Асвада аль-Анси в Йемене, был Амир б. Шахр аль-Хамдани в своей области; затем восстали Файруз и Дазавайх, каждый в своей стране, а вслед за тем поднялись и все прочие, кому писал Пророк[603] (Табари, I, с. 1853).

§ 195. — (Сайф б. Умар, с иснадом, притязающим восходить к очевидцу, Убайду б. Сахру). Лжепророк аль-Асвад аль-Анси уже подготовил почву в свою пользу, разослав эмиссаров вести пропаганду в различных частях Йемена: поэтому его успехи были весьма быстры, как только он принялся действовать. Начав в Кахф Хуббане, уже через двадцать дней после того, как взялся за оружие, он во главе семисот всадников разбил и убил при Ша‘убе Шахра б. Базама[604]: на двадцать пятый день мятежа он

---

[602] Вместо Джушайс, как в тексте, правильнее было бы читать Джушнас (ср. Wellhausen, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 33, прим., и 146; Табари, *Addenda et emendanda*, с. DCIV; Nöldeke, *Perser*, 110, прим. 3; Асир, II, с. 256). Имя происходит от *гушнасп*, что по-персидски значит «жеребец»: имя весьма обычное в сасанидское время.

[603] Это и два предыдущих предания имеют целью по возможности затушевать тот факт, что Пророк не беспокоился о Йемене и не считал деятельность аль-Асвада «мятежом» или «отступничеством» (ср. выше 10 г. х., § 119; 11 г. х., § 12 и прим. 1, и § 192, прим. 1).

[604] В *Танбихе* (с. 277, стр. 4) мы имеем, напротив, что аль-Асвад убил «Базама, вождя абна». Это единственный источник, в котором я нашёл это известие.

вступал победителем в Сану. Му‘аз б. Джабаль, эмиссар Пророка, бежал из Саны, где находился, и укрылся в Хадрамауте у сакун, а Абу Муса аль-Аш‘ари тоже поспешно покинул Мариб и, перейдя также пустыню, отделяющую Йемен от Хадрамаута, поселился у сакасик со стороны аль-Мафура. Различные другие эмиры Йемена искали убежища у Тахира б. Аби Халы (в стране ‘акк), кроме Амра б. Хазма и Халида б. аль-Аса, которые бежали в Медину. Восстание распространилось с величайшей быстротой, охватив, как пожар, всю страну, которая вскоре была вся подчинена аль-Асваду. От него зависела отныне вся область ас-Са‘ид, пустыня Хадрамаута и остальная страна вплоть до области Таифа и до аль-Бахрайна близ Адена. Все племена Йемена приняли его сторону, кроме ‘акк в Тихаме, которые оказали ему сопротивление. Его силы росли с каждым днём (и он был вынужден разделить дела своего нового государства между главными своими сподвижниками). Кайс б. Абд Ягус аль-Муради, Муавия б. Кайс аль-Джанби, Язид б. Мухрим, Язид б. Хусайн аль-Хариси и Язид б. аль-Афкаль аль-Азди стали его главными военачальниками; его владычество распространилось на Аср, аш-Шарджу, аль-Хирду, Галафику, Аден, аль-Джанад, Сану и до области Таифа с одной стороны и до аль-Ахсии и Ульяба[605] — с другой. При распределении должностей он вверил начальство над мазхидж, своими самыми могущественными союзниками, Амру б. Ма‘дикарибу, над своим регулярным войском — Кайсу б. Абд Ягусу, а над абна — Файрузу и Дазавайху. Претендент аль-Асвад весьма скоро начал терять голову, опьянённый собственными успехами, и женился на вдове одной из своих жертв, Шахра б. Базама, (персиянке?) двоюродной сестре Файруза. Между тем в Хадрамауте мусульмане сильно опасались, что восстание распространится и на эту часть Аравии, перенесённое туда самим аль-Асвадом или его войском. Му‘аз б. Джабаль в этих обстоятельствах взял жену, женившись на некой Рамле из семейства бану бакра, ветви сакун и единокровных бану занкабиль; и благодаря этому родству род сакун сохранял спокойствие. Тогда пришли письма Пророка, повелевавшие взяться за оружие против обманщика Йемена (Табари, I, с. 1853–1856)[606].

§ 196. — О событиях, приведших к убийству лжепророка аль-Асвада аль-Анси, мы имеем у Табари два длинных предания, переданных Сайфом б. Умаром, одно со слов Джушайса (или Джушнаса, или Джишнаса) б. ад-Дайлами, а другое — со слов Файруза ад-Дайлами, оба изложенные от первого лица, как если бы их рассказывали сами участники мрачной драмы в Сане. Подробности, содержащиеся в обоих этих

[605] (*a*) Аср, говорит Якут (III, с. 615), — местность в Йемене, но более точных сведений не даёт (Бакри, с. 645). Хамдани (с. 54, стр. 11) говорит, что там бывал большой рынок и что она находилась близ морского берега, возле Байша. Весь округ (*михлаф*) носил имя Аср (там же, с. 120, стр. 8).

(*b*) Аш-Шарджа — один из самых северных пунктов Йемена, в начале округа Ассар (Якут, III, с. 675; Хамдани, с. 52, стр. 13, и с. 188, стр. 20).

(*c*) Аль-Хирды нет у Якута. У Бакри (с. 273) упоминается некая Харда, но он не говорит, где она. Хамдани (с. 320, стр. 1) помещает её на морском побережье в Тихаме.

(*d*) Галафика лежала на морском берегу против Забида, гаванью которого была: она отстояла от Забида на пятнадцать миль; все суда, имевшие товары для Забида, выгружали их в Галафике (Якут, III, с. 808; Хамдани, с. 52, стр. 12, и с. 119, стр. 18).

(*e*) Аль-Ахсии нет ни у Якута, ни у Бакри, ни у Хамдани. Это одно из многих неизвестных имён, которые мы находим в преданиях Сайфа.

(*f*) Аль-Ульяб находился в йеменской Тихаме (Якут, III, с. 716, стр. 2). По Бакри (с. 665, стр. 2 и сл.), это была либо долина в Тихаме, принадлежавшая хузайл, либо селение между Меккой и Табалой.

[606] Ср. также Абу-ль-Фида, I, с. 200; Асир, II, с. 255.

преданиях, не вполне согласуются между собой, но расхождения имеют малое или никакое историческое значение, ибо происходят большей частью от интерполяций и ошибок, внесённых в более позднее из двух преданий трудами Сайфа б. Умара или его учеников или учителей. Названное предание первоначально должно было в самом деле тоже быть изложено от первого лица и вложено в уста Файруза ад-Дайлами, ибо тот действительно несколько раз говорит от первого лица в самом предании (ср. употреблённые выражения: с. 1858, стр. 5, где следует помнить, что Азад была двоюродной сестрой Файруза; с. 1859, стр. 15; с. 1860, стр. 14; с. 1862, стр. 6–7), тогда как по непонятным причинам предание начинается так, как если бы его рассказывал от первого лица некий Джушайс (или Джушнас) б. ад-Дайлами (быть может, мнимый сын Файруза ад-Дайлами), хотя приписываемые ему действия — именно те, что совершил Файруз. Из такой ошибки, выдающей нам всю тайную работу подделки профессиональных преданников, родились путаницы и повторения известий, из которых мы приведём лишь одно: дважды повторённое посещение Азад, жены лжепророка (одно посещение, совершённое Джушайсом [исправь: Файрузом]; Табари, I, с. 1858, стр. 4; с. 1860, стр. 7, и одно, правильно, — Файрузом, с. 1861, стр. 1–2).

Ср. также то, что говорит Велльхаузен, *Sk. u. Vorarb.*, VI, 33, прим. 2.

Опуская поэтому скучные и незначительные варианты, мы приводим ниже повествование о событиях так, как оно вытекает из сопоставления обеих версий, которые в некоторых частях, правда, противоречат друг другу, но большей частью повторяют и дополняют одна другую.

§ 197. — Вследствие восстания аль-Асвада аль-Анси в Йемен прибыл, посланный Пророком, Вабар б. Йуханнас аль-Азди с письмом Магомета, которое повелевало Файрузу ад-Дайлами и Дазавайху аль-Фариси, двум вождям абна, или персов, поселившихся в Йемене (которых предание ошибочно хочет выдать за мусульман), взяться за оружие против лжепророка и бороться с ним всеми возможными способами, как явными, так и тайными, как насилием, так и хитростью. Мусульмане, лишь бы низвергнуть его, должны были обращаться ко всякому, кто имел бы желание им помочь. Файруз и Дазавайх решили тогда обратиться к Кайсу б. аль-Макшуху (или Кайсу б. Абд Ягусу) аль-Муради, который командовал войском аль-Асвада, и тотчас нашли, что он вполне принимает их предложения, ибо и сам желал избавиться от тирана, ставшего в кратчайшее время ненавистным всем. Был поэтому составлен заговор, вследствие которого трое заговорщиков принялись теперь увеличивать число людей, расположенных низвергнуть лжепророка, и тем обеспечить успех заговора. Было написано много писем лицам из окрестных областей с призывом объединиться против аль-Асвада. Пока шли эти тайные переговоры, аль-Асвада аль-Анси предостерёг вдохновлявший его демон (*шайтан*), чтобы он не доверял Кайсу аль-Муради, ибо тот злоумышляет против него: «Он думает низвергнуть твою власть, он замышляет обман, и если ты не убьёшь его, он убьёт тебя!» Аль-Асвад тотчас послал за Кайсом и сообщил ему то, что открыл ему демон. Кайс решительно отверг обвинение и, клянясь, что демон лжёт, сказал, что ничто на свете не дороже ему его господина и что всякая мысль о предательстве далека от него. Кайс говорил с таким жаром, что аль-Асвад был поколеблен и отпустил его. Поспешно отправившись к прочим заговорщикам, Кайс

рассказал о сцене между ним и аль-Асвадом и предостерёг товарищей против смертельной опасности, которая могла угрожать им каждое мгновение. Заговорщики оказались в великом недоумении и невыразимой тревоге, не зная, что делать. В эту минуту между тем приходили ответные письма от Амира б. Шахра, от Зу Зуда, от Зу Муррана, от Зу-ль-Кала‘а, от Зу Зулайма и от других *азва* (мн. ч. от *зу*, титула, носимого химйаритскими князьями) с ободрениями продолжать и с предложениями помощи, ибо и они получили письма от Пророка (Медины) и теперь волновались, чтобы попытаться дать отпор лжепророку. Заговорщики Саны немедленно ответили, прося корреспондентов воздержаться от всякого наступательного движения, ибо сами находились в великой опасности и не желали, чтобы дело приняло стремительный оборот прежде, чем они обеспечат свои дела. Так как, однако, следовало действовать быстро, чтобы упредить подозрения аль-Асвада, Файрузу как двоюродному брату княгини Азад, вдовы убитого Шахра б. Базама, а ныне жены тирана аль-Асвада, было поручено отправиться повидать её и разузнать, вступит ли и она в заговор. Княгиня, будучи спрошена, призналась тогда Файрузу, что нет на свете человека, которого она ненавидела бы больше, чем своего супруга, убийцу её первого мужа. Она объявила себя готовой присоединиться к заговорщикам, как только они известят её о том, что надо делать. В ту минуту, когда он уже покидал двоюродную сестру, внезапно появился лжепророк, который, увидев Файруза в дружеской беседе со своей женой, пришёл во внезапный порыв неистовой ревности и бросился на посетителя. Аль-Асвад был человеком весьма крепким и одним ударом по голове Файруза поверг его на землю. Несчастный, без сомнения, был бы убит, если бы не вмешалась княгиня Азад, чтобы объяснить родство, существовавшее между ней и Файрузом, и упрекнуть мужа в живейших выражениях за то, как он обращается с её гостями и её единокровными. Аль-Асвад признал, что неправ, и попросил у перса прощения. Файруз смог таким образом спастись из дворца и невредимым добраться до товарищей.

Между тем подозрения аль-Асвада всё более укреплялись, охватывая, помимо Кайса б. Абд Ягуса, также и Файруза. На большой площади Саны, ар-Рахабе, он созвал большое собрание жителей города и явился среди них с царским оружием (*харбат аль-малик*): велев затем подвести к себе своего царского коня (*фарас аль-малик*), он вонзил железо в бок скакуна. Тот, смертельно раненный, как обезумевший бросился по улицам города, теряя потоками кровь из разверстого бока, пока не пал мёртвым на землю. Затем он велел привести около сотни верблюдов и коров, расставил их всех в ряд и с великой торжественностью провёл перед ними черту на песке площади: затем приступил на глазах у всех тем же оружием, что и прежде, к закланию всех несчастных животных одного за другим. Присутствующие, хотя и объятые ужасом от страшного зрелища, были поражены, наблюдая, что ни одно из животных, даже в предсмертных судорогах и хотя были они свободны и не привязаны, не переступило черты, проведённой на земле. Всё ещё держа в руке окровавленное оружие, лжепророк присел на землю и, приложив ухо к почве, сделал вид, будто слушает голос своего демона, в честь которого было совершено это чудовищное избиение. Подняв наконец голову, аль-Асвад объявил присутствующим, что демон говорил с ним и посоветовал ему отрубить голову Кайсу аль-Муради и отсечь правую ногу и правую руку Файрузу ад-Дайлами,

ибо оба — мятежники. Файруз, бывший тут же, в испуге скрылся в толпе и затем поспешно направился домой. По дороге он встретил одного из людей аль-Асвада, который сообщил ему, что лжепророк желает немедленно его видеть, сопроводив передачу приказа сильным ударом по голове. Файруз не посмел ответить на полученный удар и, уже не сомневаясь, что аль-Асвад намерен его убить, приготовился повиноваться приказу, спрятав, однако, под плащом кинжал, которым намеревался пронзить тирана прежде, чем тот успеет велеть предать его смерти. Аль-Асвад, едва увидев приближающегося Файруза, прочёл в его мрачном взгляде одушевлявшие его свирепые намерения и потому запретил ему приближаться: вместо того чтобы подвергнуть его казни, аль-Асвад приказал Файрузу надзирать за разделкой ста зарезанных на площади животных и раздать их мясо народу. Файруз исполнил полученные приказы, но когда явился тот самый человек, что незадолго перед тем нанёс ему удар по голове, отказался дать ему часть мяса. Когда разъярённый человек пошёл жаловаться аль-Асваду, тиран ответил ему, чтобы он успокоился, ибо на следующий день он зарежет и Файруза. Тот, находясь незамеченным тут же поблизости и услышав слова тирана, теперь более чем когда-либо поспешил довести заговор до успешного конца. Уговорившись надлежащим образом с двумя товарищами, Дазавайхом и Кайсом аль-Муради, Файруз снова побежал к двоюродной сестре Азад и условился с ней убить тирана в ту же ночь. Так как, однако, аль-Асвад жил во дворце, окружённый стражей, и потому невозможно было добраться до него, не одолев сперва стражи, княгиня Азад предложила Файрузу тайно приготовить отверстие в задней стене дворца, там, где он примыкал к пустынному переулку и потому не охранялся. Согласовав план, Азад и Файруз немедленно принялись за работу и с внутренней стороны выдолбили часть стены, чтобы потом облегчить вход заговорщикам ночью: затем Файруз вернулся к товарищам. (Предание повторяет в этом месте случай со встречей Файруза и аль-Асвада, гнев лжепророка и заступничество Азад, спасающей Файруза от смерти.) Прежде чем зашло солнце, заговорщики, дав последние распоряжения сообщникам и друзьям, направились ко дворцу и, проникнув в пустынный переулок с наступлением ночи, расширили отверстие в стене и вошли во дворец. Их было трое: Файруз, Дазавайх и Кайс аль-Муради, но в последний момент мужество начало им изменять, особенно когда они приблизились к покою, где спал тиран. Файруз, самый мужественный из троих, оставив своё оружие у двух товарищей, двинулся один на разведку: руководимый светом лампы, Файруз дошёл до спальни аль-Асвада и нашёл, что тот крепко спит на ковре, на полу, и так закутан в свои одежды, что нельзя было различить, где голова и где ноги. Возле спящего бодрствовала сидя княгиня Азад, сумевшая напоить его и погрузить в глубокий сон в ожидании заговорщиков. Файруз сделал женщине знак руками, спрашивая её, где голова аль-Асвада, и когда она ему её указала, Файруз двинулся в ту сторону. В то самое мгновение, когда Файруз собирался наложить на него руки, аль-Асвад, предупреждённый своим демоном, открыл глаза и начал что-то бормотать на своём особом языке (которым пользовался с демоном). Тогда Файруз, не теряя времени, бросился на тирана, схватил одной рукой голову, а другой бороду (*sic!*) и свернул ему шею, вдобавок с силой ударив его о землю. Файруз, полагая, что задушил аль-Асвада, встал, чтобы пойти позвать двух товарищей; но в ту минуту, когда он удалялся, Азад

показала ему, что аль-Асвад ещё дышит. Перс побежал тогда за мечом и вернулся в сопровождении Дазавайха и Кайса. Между тем демону-покровителю аль-Асвада удалось вдохнуть новую жизнь в почти бездыханное тело тирана, так что, когда трое мужчин появились в покое, он уже приходил в чувство. Двое заговорщиков сели на грудь лжепророку, а третий (Файруз?) перерезал ему горло. В тот же миг аль-Асвад испустил мощнейший рёв, подобный рёву быка, который отдался по всему дворцу и разбудил стражу. Файруз пытался заткнуть ему рот, но не смог, и рёв прекратился лишь тогда, когда он отделил голову от туловища. Стражники, подойдя к двери, принялись между тем стучать, спрашивая, что случилось; но княгиня Азад тотчас успокоила их своим голосом, уверяя, что это голос пророка, беседующего со своим демоном. Успокоенные стражники удалились, а заговорщики провели остаток ночи в беседе с Азад возле трупа аль-Асвада, договариваясь между собой окончательно о способе разгласить весть об убийстве, как только забрезжит день. Перед рассветом трое мужчин вышли из дворца, унося голову аль-Асвада, и вместе с Вабаром б. Йуханнасом в час первой утренней молитвы поднялись на высокую башню, откуда Вабар б. Йуханнас громким голосом начал созывать верующих на молитву по мусульманскому обряду. Велико было изумление и страх тех, кто слышал его с улиц, ибо они полагали, что аль-Асвад немедленно накажет дерзкого мусульманина: но ещё больше было их удивление, когда заговорщики объявили, что аль-Асвад мёртв, и в доказательство бросили голову убитого в середину толпы. Это было знаком к великому народному смятению в противоположном смысле и направлении. Приверженцы аль-Асвада, узнав о смерти своего господина, бросились спасаться от народной ярости, оседлали коней и поспешно приготовились к отъезду и, ища убежища в другом месте, увели с собой в качестве заложников около тридцати детей абна Саны. Случаю, однако, было угодно, чтобы Файруз вовремя открыл эту хитрость и, прежде чем все приверженцы аль-Асвада вышли из города, захватил в свою очередь около семидесяти человек лжепророка, так что их товарищам пришлось затем вступить в соглашение с абна в Сане и произвести обмен пленными.

Так страна была освобождена от тирана, и Му‘аз б. Джабаль, вернувшись в Сану вместе с Вабаром б. Йуханнасом, вновь установил в городе правильное мусульманское богослужение. Убийство аль-Асвада произошло, говорят, за ночь до смерти Магомета, и существует предание, что Пророк, извещённый свыше, сообщил эту весть тем, кто находился при нём в последние минуты (Табари, I, с. 1856–1863, 1863–1868)[607].

§ 198. — (*a*) (Сайф б. Умар, от Убайда б. Сахра). Восстание аль-Асвада продолжалось всего лишь три месяца; ср., однако, § 192, прим. 1.

(*b*) (Сайф б. Умар, от ад-Даххака б. Файруза). Восстание аль-Асвада продолжалось четыре месяца, с того времени, как он взялся за оружие в Кахф Хуббане, до его убийства; но прежде чем он открыто начал свою политическую и военную деятельность, он долго подготавливал почву в свою пользу тайными путями.

[607] Ср. также: Абу-ль-Фида, I, с. 200–202; Асир, II, с. 255–258; Халдун, II, прил., с. 60; Мирхонд, II, с. 247–248; Хондемир, I, ч. IV, с. 3; Хаджар, I, с. 643, № 1282; с. 980–981, № 2403; *Хамис*, II, с. 173. ## Медина — Споры о наследстве Магомета

(*c*) (Умар б. Шабба, от Али б. Мухаммада, от Абу Ма‘шара). Поход Усамы выступил в последние дни раби I, и весть об убийстве аль-Асвада пришла в Медину тоже в конце месяца раби I, но после того, как Усама отбыл в Сирию. Это была первая весть о победе, дошедшая до халифа Абу Бакра (Табари, I, с. 1868).

Ср. также Асир, II, с. 258, стр. 22 и сл.

§ 199. — Последующие события в Йемене так тесно связаны с событиями 12 г. х., что мы объединили их все в следующем году, тем более что хронология событий между убийством аль-Асвада и появлением аль-Мухаджира в Йемене во главе мусульманских вооружённых отрядов (около середины 12 г. х.) окутана величайшей неясностью.

Судебная власть в Йемене

§ 200. — В течение этого 11 г. х. Му‘аз б. Джабаль вернулся из Йемена в Медину, и халиф Абу Бакр назначил Умара б. аль-Хаттаба верховной судебной властью (*истакда… ‘аля аль-кудат*) во всех своих владениях. Умар занимал эту должность в течение всего халифата Абу Бакра (Табари, I, с. 2015).

Ср. также Асир, II, с. 293.

Это известие, однако, преждевременно: первые назначения *кади*, или мусульманских судей, были сделаны лишь после завоеваний и, быть может, даже после смерти Умара (ср. Wellhausen, *Arab. Reich*, с. 17).

Мекка — Ежегодное паломничество

§ 201. — (Аль-Мадаини). По словам одних, ежегодным праздником паломничества руководил в этом году Аттаб б. Асид, наместник Мекки, по особому поручению Халифа. Другие же утверждают, что Абу Бакр уполномочил для этой цели особо своего товарища Абд ар-Рахмана б. Ауфа (Табари, I, с. 2015).

Ср. также Асир, II, с. 293. Иными словами, нам известно, что халиф Абу Бакр оставался в Медине и не руководил ежегодными празднествами вокруг Каабы. Халид ещё не победил всех мятежников, и Халиф не осмеливался удалиться из Медины в столь тревожную минуту.

Мас‘уди (IX, 55), напротив, называет главой паломничества (*хаджжа би-н-нас*) в 11 г. х. Умара б. аль-Хаттаба.

§ 202. — Мы упомянули в другом месте (ср. 7 г. х., § 47), что Магомет пожелал считать своим особым достоянием весь доход, поступавший ему с земель Фадака, потому что жители этого места лично уступили ему половину дохода с земель, без того чтобы какой-либо мусульманин выступил против них войной. Магомет присвоил себе, следовательно, весь доход, но, чтобы объяснить и оправдать своё поведение, дал понять, как мы уже сказали, что посвящает весь этот доход содержанию беднейших из бану хашим и вообще всех *абна сабиль*, или «сынов дороги», то есть нищих, неимущих паломников и тех бродяг по ремеслу, которые столь многочисленны на Востоке[608].

[608] Изгнание евреев из Фадака, о котором будет рассказано далее (ср. 23 г. х.), не изменило назначения, данного доходам с этих земель. Как Абу Бакр, так и его преемники, Умар, Усман и сам Али, неизменно

Когда умер Магомет, его вдовы, и особенно оставшаяся в живых дочь, Фатима, подстрекаемая мужем, Али б. Аби Талибом, притязали на наследство Пророка, и в особенности на доход с земель Фадака, которыми Магомет в последнее время распоряжался весьма произвольно и которые его семья уже считала частной собственностью. Прямая душа халифа Абу Бакра восстала против этих притязаний: он решительно отверг требования вдов и предписал Фатиме доказать свои права свидетельскими показаниями. Фатима нашла собственного мужа Али и женщину Умм Айман, которые показали, что Пророк объявил дочь наследницей; Абу Бакр не признал действительности этих показаний, сказав, что необходимы показания по меньшей мере одного мужчины и двух женщин или двух мужчин[609]. Фатима не смогла удовлетворить этому условию, тогда как Абу Бакр со своей стороны привёл изречение Пророка, противоречившее утверждениям свидетелей, согласно которому Магомет будто бы отказал собственной дочери во всяком праве наследования на доходы Фадака, которые должны были быть посвящены общему благу мусульман (Балазури, с. 30–32).

§ 203. — Из хорошего источника мы имеем многие другие подробности о разладе между Али и Абу Бакром после смерти Пророка. Фатима, дочь Магомета, дала знать халифу Абу Бакру (без сомнения, по наущению своего мужа Али), что желает взять наследство отца, то есть его личное имущество в Медине и в Фадаке, а также то, что оставалось ему из доходов с пятины Хайбара[610] (ср. 7 г. х., §§ 41 и 42). Абу Бакр велел ответить ей, что Пророк сказал: «У нас нет наследников; то, что мы оставляем, — общественное достояние (*садака*)». Абу Бакр допустил, однако, что из этого имущества следует обеспечить приличный доход семье Учителя. Он прибавил наконец, что никогда не изменит распоряжений, оставленных Магометом относительно раздачи милостыни и помощи бедным, и что намерен сохранить всё так, как было при Пророке. Абу Бакр, приняв требования Фатимы и позволив ей забирать для собственного употребления доходы, которыми прежде распоряжался Пророк, отвлёк бы значительный доход, служивший до тех пор общественным благотворительным фондом. «Я буду поступать, — заключил он, — с этими доходами совершенно так же, как поступал с ними Пророк!» Ответ Халифа глубоко оскорбил Фатиму и огорчил её мужа Али до такой степени, что он и его жена избегали видеться с Абу Бакром и воздерживались от всяких сношений с ним. Сам Али не пожелал признать

употребляли доходы Фадака в пользу *абна сабиль*. Муавия, напротив, оставил этот обычай и присвоил доходы Фадака, отдав их в лен, или пользование, Марвану б. аль-Хакаму [65 г. х.], который в свою очередь уступил их своему отцу и сыну Абд аль-Малику б. Марвану [86 г. х.]: последний затем уступил собственность на Фадак своим сыновьям аль-Валиду и Сулейману. Умар б. Абд аль-Азиз [101 г. х.] пожелал положить конец этому нарушению воли Пророка и добился от двух двоюродных братьев, аль-Валида и Сулеймана, уступки их долей. Затем, став Халифом, Умар восстановил всё так, как было прежде, и вновь посвятил доходы тем же целям, которым посвятил их Пророк. Так и оставалось до времён халифа аль-Мамуна, ср. 210 г. х. (Балазури, с. 32; Асир, II, с. 172; Табари, I, с. 1826, утверждает со слов Ма‘мара, от аз-Зухри, от Урвы, от Аиши, что требование наследства было предъявлено Фатимой вместе с аль-Аббасом).

[609] Представление о превосходстве мужчины и о его равноценности двум женщинам встречается там и сям в Коране: особенно IV, 12, 38, 176 и *passim*.

[610] Говорят, что Фатима притязала лишь на личное и частное наследство отца, состоявшее, между прочим, из имущества, оставленного ему обращённым евреем Мухайриком, то есть из семи обнесённых стенами участков (*хава’ит*) на земле бану-н-надир. Другие прибавляют, что Фатима притязала и на имущество Пророка в Хайбаре и в Фадаке. Вопрос подробно обсуждается у Халаби, III, с. 607, стр. 2 и сл.

Из всего вопроса вытекает один ясный факт, а именно, что Магомет в Медине собственно ничем не владел, кроме своего жилища.

действительности избрания Абу Бакра, не присягнул ему на повиновение и удалился к совершенно частной жизни на целых шесть месяцев после смерти Магомета, не принимая никакого участия в политическом руководстве событиями в Аравии. Через шесть месяцев скончалась Фатима, и Али похоронил её ночью, отказав Халифу в позволении присутствовать на погребении. Потеря жены была тягчайшим ударом для авторитета Али, который до тех пор пользовался совершенно особым достоинством как супруг единственной живой дочери Пророка; когда она умерла, Али почувствовал, что, продолжая жить в стороне от всего, он с каждым днём теряет почву и влияние. Он попросил тогда примирения с Абу Бакром и объявил, что желает признать его Халифом и государем. Али пригласил затем Абу Бакра на беседу в присутствии знатных лиц (*вуджух ан-нас*), но дал понять, что желал бы, чтобы Абу Бакр пришёл без Умара, порывистый характер которого был не по душе Али. Умар возражал против такого исключения, утверждая, что не может позволить Абу Бакру отправиться на свидание одному: Халиф посмеялся над опасениями Умара и пошёл один. Али произнёс перед Халифом длинную речь, объявив, что признаёт исключительные его заслуги и не завидует благам, расточённым ему Богом; но утверждал, что его политическое уклонение было вызвано убеждением, что Абу Бакр несправедливо отказал ему в праве, принадлежавшем ему по двойному родству с Пророком. Абу Бакр ответил, что ничто на свете ему не дороже родственников Пророка, и слёзы, выступившие у него на глазах, когда он это говорил, убедили присутствующих в его искренности; «но, — прибавил он, — то, что породило разлад между нами, — это имущество. Я не могу дать ему иного назначения, кроме того, какое давал ему сам Пророк». Позднее, после этой встречи, Халиф руководил полуденной молитвой и, взойдя затем на минбар, обратился к народу с речью, упомянул об уклонении Али и об извинениях, приведённых им в объяснение такого поведения, и объявил о полном прощении; и по его приглашению Али в присутствии народа присягнул на верность Абу Бакру, к великому и явному удовольствию всех мусульман[611] (Бухари, III, с. 131–132; эти события были рассказаны Аишей, очевидицей, Урве б. аз-Зубайру [† 93–94 г. х.], а им — знаменитому преданнику Ибн Шихабу аз-Зухри [† 124 г. х.], затем дошли до Бухари через посредство Укайля, аль-Лайса и Яхьи б. Букайра; Халаби, III, с. 172 и 607, стр. 2 и сл.).

Ср. также различные предания у Са‘да, VIII, с. 18, стр. 7 и сл., подтверждающие подробности настоящего параграфа[612].

[611] Весьма тенденциозно окрашенную в шиитском духе версию даёт нам аль-Йа‘куби. Абу Бакр (тотчас после своего избрания в *сакифе* бану са‘ида) направляется с несколькими из самых видных сподвижников к жилищу Али, то есть к так называемому дому Фатимы, в котором собрались многие ансары и мекканские мухаджиры, сочувствовавшие Али. Тот, однако, едва узнав, что приближается Халиф, выходит ему навстречу с обнажённым мечом, чтобы не дать ему войти: Умар бросается на Али и в рукопашной схватке вырывает у него оружие и ломает его. Абу Бакр и его люди входят тогда в дом, но появляется Фатима и с громкими криками приказывает пришедшим выйти, ибо иначе она откроет лицо и с воплями призовёт на помощь Бога. Абу Бакр перед этой угрозой удаляется, и с ним выходят почти все, кто находился в доме. Народ несколько дней колеблется между двумя мужами, затем один за другим все спешат провозгласить Абу Бакра Халифом, покинув Али, который следует примеру прочих лишь через шесть месяцев (Йа‘куби, II, с. 141, стр. 8 и сл.).

Ср. выше 11 г. х., § 37, прим. 3.

[612] (Абу Хурайра). Когда возник спор между Фатимой и Абу Бакром о наследстве Пророка, Абу Бакр отказался уступить требованиям Фатимы, хотя и утверждал, что охотнее увидел бы в нищете собственную дочь, Аишу, чем её, дочь Пророка; «но это имущество по воле Пророка употребляется на общественную цель, и потому я должен управлять им для этой цели!». Фатима гневно ответила ему: «Я не буду больше с тобой говорить!» — «А я, клянусь Богом, никогда тебя не оставлю!» — «А я буду молить Бога против тебя!» — «А

§ 204. — Из многих тенденциозных узоров, сочинённых преданием об этом разладе между Халифом и дочерью Пророка, — разладе, о котором многие верующие, не понимавшие истинной его стороны, оставались в недоумении и огорчении, — мы удовольствуемся приведением лишь одного.

По словам Сибта Ибн аль-Джаузи, будто бы халиф Абу Бакр по настояниям Фатимы и Али наконец согласился подписать документ, которым предоставлял Фатиме владение Фадаком, признавая его законным наследством дочери Пророка. Когда Умар увидел документ в руке Халифа и был осведомлён о его содержании, он энергично протестовал, объявив, что Абу Бакр не имеет права дарить то, что было общей собственностью мусульман, и разорвал бумагу в клочки на глазах у Абу Бакра. Тот не препятствовал (Халаби, III, с. 605–609).

Эпизод есть подражание другому, сходному, рассказанному в ином месте (ср. 12 г. х., § 49), и имеет целью заставить поверить, будто Абу Бакр был человеком слабым, совершенно подчинённым неистовому Умару, этому пугалу шиитов.

Смерть Фатимы (рамадан)

§ 205. — (*a*) (Абу Бакр б. Абдаллах, от Исхака б. Абдаллаха, от Абана б. Салиха). В ночь с понедельника 2-го на вторник 3-го рамадана скончалась Фатима, дочь Пророка, в возрасте около 29 лет (Табари, I, с. 1869; III, с. 2302–2303; Са‘д, VIII, с. 18, стр. 18; Асир, II, с. 259, стр. 4 и сл.; Навави, с. 851).

(*b*) (Ибн Джурайдж, от аз-Зухри, от Урвы б. аз-Зубайра; также аль-Вакиди, без иснада). Фатима умерла через шесть месяцев после смерти отца (Табари, там же). Другие, менее достоверные, авторитеты (Ибн Джурайдж, от Амра б. Динара, от Абу Джа‘фара) помещают смерть Фатимы всего через три месяца после смерти Магомета (Табари, там же; Са‘д, там же).

(*c*) (Аль-Вакиди). Тело Фатимы омыли её муж Али и Асма бинт Умайс: молитвы над ней прочёл аль-Аббас б. Абд аль-Мутталиб[613], и труп был опущен в могилу аль-Аббасом, Али и аль-Фадлем б. аль-Аббасом[614] (Табари, I, с. 1869; Са‘д, VIII, с. 18, стр. 25).

§ 206. — Подробности о смерти Фатимы изобилуют (Ибн Са‘д, от Язида б. Харуна, от Ибрахима б. Са‘да, от Ибн Исхака, от Али б. Фулана б. Аби Рафи‘а, от его отца, от Сальмы). В день, когда скончалась Фатима, она, сознавая, что конец близок, и желая, чтобы никто не раздевал её трупа, воспользовалась кратковременным отсутствием мужа Али, чтобы омыться вся и облачиться в чистые одежды, с помощью Сальмы, вольноотпущенницы Пророка: едва снова улёгшись на ложе, поставленное в

я буду молить Бога за тебя!» (Балазури, *Ансаб*, Константинопольская рукопись, л. 849 об.).

[613] Молитвы прочёл аль-Аббас, а не халиф Абу Бакр, как было бы естественнее, потому что в те дни между семьёй Али и Халифом царила вражда из-за наследства Пророка. Существуют, однако, и предания (ср. Са‘д, VIII, с. 19, стр. 3 и сл.), утверждающие, что молитвы над покойной прочёл Абу Бакр. Погребение совершилось ночью, весьма частным образом (Са‘д, VIII, с. 18, стр. 7 и сл.). Иными словами, мы имеем, в более скромных размерах, повторение событий, происшедших при смерти Пророка (ср. 11 г. х., §§ 47 и сл.).

[614] Шииты утверждают, что Абу Бакр просил допустить его к ложу умирающей дочери Пророка и попросил у неё прощения за отказ в наследстве. Фатима приняла извинения и умерла, простив Халифа (Халаби, III, с. 608, стр. 10 и сл.).

направлении Мекки, она скончалась, не увидев более мужа. Тот, вернувшись вскоре, нашёл, что жены уже нет: осведомлённый, однако, Сальмой о том, что Фатима сделала в предвидении близкой смерти, он уважил стыдливость супруги и не омывал трупа, похоронив его так, как он был, в одеждах, которые она сама надела (Са‘д, VIII, с. 17–18). Существуют, однако, другие предания, утверждающие, что Али омыл труп жены (ср. Са‘д, VIII, с. 18, стр. 6–7). Летописцы любят задерживаться на этих весьма интимных подробностях.

§ 207. — Личность Фатимы, пока она была жива, никогда не привлекала к себе как к дочери Пророка какого-либо особого почитания со стороны верующих[615]. Поэтому мы и осведомлены, что весьма скоро в Медине уже не знали точно, где находится её могила. Из предания, сохранённого Ибн Са‘дом (от аль-Вакиди, от Абд ар-Рахмана б. Аби-ль-Мавали), мы узнаём, что многие тогда полагали, будто могила Фатимы находится возле маленькой мечети на кладбище аль-Баки‘, где во время похорон верующие имели обыкновение останавливаться, чтобы читать молитвы. Другие, напротив, помещали могилу в совершенно ином месте, а именно в *завии* Дар Укайль, со стороны Дар аль-Джахшиййин, против Харраджат бани Набих в аль-Баки‘, на расстоянии семи локтей (*зира‘*) от дороги (Са‘д, VIII, с. 19, стр. 19–24; ср. также Са‘д, VIII, с. 20, стр. 2–3). Культ лиц, участвовавших в основании ислама, возник в гораздо более позднюю эпоху, и в особенности под влиянием религиозных наклонностей арамеев и персов.

§ 208. — (Ма‘мар, от аз-Зухри, от Урвы б. аз-Зубайра, от Аиши)[616]. Через шесть месяцев после смерти Пророка скончалась его дочь Фатима, жена Али и мать единственных потомков Пророка. Пока она была жива, Али как муж единственной оставшейся в живых дочери Пророка пользовался большим уважением у людей, но когда Фатимы не стало, почтение людей отвратилось от Али. Он, пока чувствовал себя предметом особого уважения, ни за что не хотел признать халифа Абу Бакра; но когда, по смерти жены, увидел, что общественное почтение к нему убывает, покорился судьбе и тоже признал Халифа. Он послал тогда сказать Абу Бакру, чтобы тот пришёл его повидать, прося, однако, никого с собой не приводить, ибо Али не любил Умара, зная, сколь он неистов, и желая переговорить с Абу Бакром наедине. Когда пришло послание Али, Умар возразил и объявил, что не может согласиться, чтобы Абу Бакр отправился один к людям, которые, как он знал, ему не друзья. Абу Бакр, напротив, настоял на том,

---

[615] Мы имеем также известие, что брак Фатимы не был счастливым и что между Али и ею происходили однажды бурные сцены, во время которых Али дурно обошёлся с женой: Фатима побежала искать защиты у отца, и Магомет восстановил мир между супругами (Са‘д, VIII, с. 10, стр. 19 и сл.; ср. также ниже, § 238, *f*).

[616] Даже если иснад носит искусственный и шаблонный характер, имена Ма‘мара и аз-Зухри можно принять как доказательства истинности и как поручительство исторической точности. Тем не менее имя Аиши, столь постоянно возвращающееся во всех этих преданиях, есть вымысел преданников, чтобы придать больший вес иснаду, ибо неправдоподобно, чтобы память о великих событиях тех дней в Медине сохранила лишь молодая женщина всего восемнадцати лет и чтобы никто другой не позаботился рассказать о них последующим поколениям. Мысль, что Аиша как дочь Абу Бакра должна была быть лицом, лучше всех осведомлённым обо всём, что происходило вокруг Халифа, есть начало и порождающая норма всех шаблонных иснадов (аз-Зухри, Урва, Аиша), которые мы встречаем на каждом шагу в преданиях об этом времени. Можно, однако, с относительной уверенностью считать, что более или менее подправленные предания подлинно исходят от аз-Зухри, но что остальная восходящая часть иснада (Урва, Аиша) есть предположительная реконструкция позднейших преданников, переносивших в первоначальные времена ислама систематические, я сказал бы почти бюрократические, правила иснада, как они были придуманы с середины II века хиджры и далее.

чтобы идти одному, утверждая, что никто никогда не осмелится предпринять что-либо против него. Абу Бакр действительно пришёл один в дом Али и нашёл там собравшимися бану хашим, из которых никто, говорят, ещё не признал его Халифом (ср. 11 г. х., § 37, прим. 3). Али почтительно принял почтенного старца и попытался объяснить своё поведение, говоря, что он и его близкие медлили признать его Халифом не потому, что отрицали его достоинства, а потому, что считали себя имеющими права на наследство Пророка в силу близкого родства с ним. Абу Бакр весьма благосклонно ответил Али и, возвращаясь к доводам о наследниках, уже приведённым в другом месте (ср. § 203), утверждал, что Пророк признавал, что ему нечего оставить в наследство, ибо всё, чем он владел, было *садакой*, то есть частью налогов, уплачиваемых верующими, а не его частной собственностью: семья Пророка имела право на содержание за общественный счёт, но не должна была наследовать того, чем Пророк лично не владел. Оба мужа наконец помирились между собой, когда Абу Бакр формально объявил, что во всём этом деле он в полной и честной уверенности, что действовал в точности согласно воле Пророка, а не по своим личным побуждениям. На следующий день в час полуденной молитвы (*аз-зухр*) Али перед лицом народа воздал хвалу Абу Бакру и формально объявил, что признаёт его Халифом. Это заявление встретило всеобщее одобрение: расположение людей вернулось теперь к особе Али, поскольку он «снова приблизился к правому и честному» (Табари, I, с. 1825–1827).

Ср. также Халаби, III, с. 609, стр. 1 и сл.

Смерть Абдаллаха б. Аби Бакра (шавваль)

§ 209. — (Аль-Вакиди, без иснада). В месяце шаввале скончался Абдаллах б. Аби Бакр, сын Халифа, который был ранен Абу Михджаном при осаде Таифа в 8 г. х. и, казалось, оправился от раны: внезапно, однако, в этом году рана загноилась и в короткое время его убила[617] (Табари, I, с. 1869).

---

[617] (*a*) Абдаллах был ещё совсем юн, когда Магомет бежал из Мекки, но говорят, что он приходил вечером осведомлять двух беглецов в пещере о том, что происходило в Мекке вследствие исчезновения Пророка (ср. также 1 г. х., § 20). Он остался в Мекке и позднее, узнав, что Магомет и Абу Бакр прибыли целыми и невредимыми в Медину, тоже переселился, сопровождая семью отца, вместе с Тальхой б. Убайдаллахом. По причине крайней молодости он не мог участвовать в первых походах Магомета, и говорят, что впервые он сражался при взятии Мекки. Затем он бился при Хунайне, но был так тяжело ранен при осаде Таифа, что более не оправился и, долго промучившись, скончался через несколько месяцев после избрания своего отца в Халифы.

(*b*) Он был страстно влюблён в свою жену Атику, до того, что пренебрегал всеми своими обязанностями, и наконец отец принудил его развестись с ней по этой причине. Горе юноши было, однако, так сильно (он сложил о своей скорби несколько стихов, приводимых у Хаджара, II, с. 696, и у Асира, *Усд*, V, с. 498), что растроганный отец позволил ему снова взять её в жёны. Она ухаживала за ним во всё время его страданий до дня смерти. Умирающий попросил её как милости обещать ему никогда больше не выходить замуж за другого. Она дала обещание, но не сдержала его, когда Умар б. аль-Хаттаб менее чем через год, и прежде чем стать Халифом, попросил её руки и получил её в жёны. Али, возмущённый, сурово упрекнул её за неверность памяти мужа. Атика была дочерью Зайда б. Амра и сестрой Са‘ида б. Зайда (Хаджар, II, с. 695–697, № 8939; IV, с. 686–687, № 690; Асир, *Усд*, III, с. 199; V, с. 497–499).

(*c*) Са‘д (VIII, с. 193, стр. 22 и сл.) утверждает, что она получила от умирающего мужа часть наследства под условием больше не выходить замуж. Когда прошёл срок обязательного вдовства, предписанный мусульманским законом, Умар упрекнул её в том, что она лишает себя права, данного ей Богом, и предложил ей вернуть семье покойного мужа полученное в наследство имущество и сочетаться с ним браком. На это она согласилась и вышла за Умара. Согласно другому преданию, будто бы Умар пришёл навестить Атику и совершил над ней насилие (Са‘д, VIII, с. 194, стр. 5 и сл.). ## Происхождение арабского письма

Ср. также Асир, II, с. 259, стр. 8 и сл.

§ 210. — Хотя в летописи Табари [† 310 г. х.] нет никакого упоминания о первой письменной редакции Корана, почти все прочие известные нам источники приписывают Абу Бакру заслугу того, что он первым собрал в один том стихи Корана и составил то, что можно было бы назвать первым официальным изданием священного текста. Критическое рассмотрение этого факта, утверждаемого столькими преданниками, не входило бы собственно в наш труд; оно должно было бы скорее составить часть экзегетического и аналитического исследования коранического текста, исследования, которое никогда не могло бы быть полным, не охватив также рассмотрения другой, весьма тёмной и трудной проблемы, а именно происхождения арабского письма и его распространения во времена Магомета. Тщательное и полное изложение всего, что относится к этому предмету, могло бы само по себе составить содержание прекрасного тома, но в целом оно представляет столь многочисленные и столь великие трудности, что лишь один из величайших ныне живущих семитологов или палеографов, как Нёльдеке или Карабачек, мог бы трактовать этот предмет с подобающей широтой и необходимой точностью. Тем не менее невозможно обойти молчанием в настоящих Анналах предмет столь великой важности, не оставив пробела в программе нашего труда. Даже если мы можем освободить себя от углублённого исследования всей проблемы, мы обязаны в этом месте собрать по крайней мере некоторые из главных известий и результаты последних и лучших научных исследований по этому обширному предмету, чтобы тот, кто пожелает глубже его изучить, мог найти здесь все важнейшие элементы для начала его изучения.

С этой целью мы разделим следующие заметки на три отдельные части: в первой соберём некоторые из главных известий, даваемых арабскими источниками о происхождении и распространении арабского письма до времён Магомета; во второй — результаты последних филологических и эпиграфических исследований, указывающих на истинное происхождение арабского письма; в третьей, наконец, дадим известия об употреблении письма во времена Магомета, о применении его для сохранения Корана и присоединим также лучшую часть преданий, относящихся к письменной редакции Корана, выполненной, как говорят, по приказу халифа Абу Бакра.

Моя задача была бы гораздо легче, если бы я мог черпать из какого-нибудь полного исследования по этому предмету, но до сих пор столь полезного труда совершенно нет: поэтому наш опыт будет лишь попыткой собрать в весьма краткой форме главные пункты сложной проблемы. Желаю, чтобы какой-нибудь молодой ориенталист следующего поколения взялся за этот великий труд и дал нам полное и тщательное изложение всего, что мы знаем об истории арабского письма.

§ 211. — Древнейшее известие о происхождении арабского письма, которым мы обладаем, исходит от аль-Балазури [† 279 г. х.], который рассказывает (ср. Балазури, с. 471, стр. 1 и сл.) со слов Мухаммада аль-Кальби [† 146 г. х.] и аш-Шарки б. аль-Катами следующее. (Незадолго до Пророка) три человека из племени тайй (*Фихрист*, с. 4, стр. 25, говорит, что они принадлежали к бауляну, ветви тайй: ср. Абу-ль-Фида, *Historia anteislamica*, с. 188, стр. 5) собрались в Бакке (местность близ Хиры или же замок в

двух фарсахах от Хита на Евфрате: Якут, I, с. 702, стр. 12–13) и, приспособив и изменив сирийское письмо (*ас-сурйаниййа*), составили арабское письмо. Этих людей звали Мурамир[618] б. Мурра (или Марва), Аслам б. Сидра, или б. Джадара (ср. Дурайд, с. 223, стр. 9, и с. 317, прим.; ср. также *Фихрист*, *Anmerkungen*, с. 2, прим. 7), и Амир б. Джадара. От них арабскому письму научились различные лица из аль-Анбара, и употребление его распространилось также среди жителей Хиры. Бишр б. Абд аль-Малик, брат Укайдира б. Абд аль-Малика, владетеля Думат аль-Джандаля (ср. 9 г. х., §§ 45 и сл., и 11 г. х., § 97), христианин по вере, пришёл в те времена жить в Хиру и там научился арабскому письму, составленному Мурамиром и его товарищами. Затем Бишр отправился в Мекку (по Дурайду, с. 223, стр. 10 и сл., чтобы жениться на ас-Сахбе бинт Харб, сестре Абу Суфьяна б. Харба) и там имел случай часто встречаться с Суфьяном б. Умаййей б. Абд Шамсом и с Абу Кайсом б. Абд Манафом б. Зухрой, которые, заметив, что он пользуется письмом, попросили его научить их. Бишр обучил тогда обоих курайшитов искусству читать и писать по-арабски новыми знаками, и когда трое мужчин отправились вместе в Таиф по некоторым торговым делам, они научили искусству письма также Гайляна б. Саламу ас-Сакафи.

Затем Бишр б. Абд аль-Малик покинул Мекку, отправившись в Дияр Мудар (то есть к мударитским племенам Центральной Аравии), где научил письму Амра б. Зурару б. Удаса, который потому получил имя Амр аль-Катиб («Писец»). Наконец, Бишр отправился в Сирию и там тоже имел различных учеников. Трое арабов (изобретателей нового алфавита) научили письму также одного человека из табиха (кальб), который в свою очередь научил ему одного уроженца Вади-ль-Кура (близ Медины), который

[618] Рехацек (*JRAS of Bombay*, XIV, 176), касаясь этого имени, говорит, что оно составлено из *Мар*, что по-сирийски значит «священник» (*мар* — «святой» в современном арабском языке Сирии), и *Амер*, сирийского собственного имени, и находит в этом подтверждение сирийского происхождения арабского алфавита. Мы увидим, однако, далее, что арабский алфавит, как он употреблялся во времена Магомета, имел происхождение гораздо более древнее, чем этот Мурамир, или Марамер, который, как явствует из настоящего предания, должен был жить в поколении, незадолго предшествовавшем Магомету, если только предание может считаться содержащим элементы исторического факта. Если Мурамир когда-либо жил, он, несомненно, не был изобретателем арабского алфавита, но, быть может, содействовал его распространению среди восточных и христианских арабов, и может быть, что его ученики затем распространили его среди арабов-язычников Западной Аравии. Во всяком случае Мурамир и его товарищи были лишь учителями и наставниками в искусстве письма алфавитом, который уже был в употреблении у северных арабов: позднейшие летописцы, не знавшие этого, ошибочно приписали первому учителю, о котором сохранили память, и заслугу изобретения арабского алфавита.

затем, вернувшись на родину, распространил и там новое письмо[619] (Балазури, с. 471, стр. 1 и сл.).

Ср. также Кутайба, с. 273, стр. 21 и сл.

§ 212. — У Ибн Халликана (Халликан, I, с. 492, стр. 22; изд. Вюстенфельда, № 468; De Slane, II, 284) мы находим повторение событий, рассказанных в предыдущем параграфе, с той разницей, что заслуга изобретения арабского алфавита приписывается одному Мурамиру, названному Мурамир б. Марва, уроженцу Анбара, из племени мурра. Затем алфавит был введён в Мекке Харбом б. Умаййей, который выучил его в Хире во время одного из своих путешествий у Аслама б. Сидры, ученика Мурамира б. Мурры (*sic*).

§ 213. — Ибн Халдун (Халдун, *Пролегомены*, II, 393) тоже принимает то же предание о происхождении арабского алфавита: он даёт, однако, также имя Суфьяна б. Харба и Абдаллаха б. Джуд‘ана как имя первого, кто ввёл арабский алфавит из Ирака в Мекку. Замечательно утверждение Ибн Халдуна (там же, 398), что арабский алфавит происходит от древнейшего алфавита, употреблявшегося химйаритами в Йемене, — утверждение, которое, как мы увидим, совершенно ошибочно (ср. ниже).

О других, менее значительных известиях о происхождении арабского письма ср. также Джаухари, I, с. 398, стр. 23 и сл.; *Лисан аль-‘араб*, VII, с. 18, стр. 18; *Камус*, II, с. 146, стр. 17; *Тадж аль-‘арус*, III, с. 539, стр. 37 и сл.; Руста, с. 191–192.

§ 214. — С помощью этих скудных данных некогда некоторые превосходные ориенталисты, как де Саси (тт. IX и X *Mémoires de l’Institut*) и Коссен де Персеваль (*Essai*, I, 291 и сл.), пытались восстановить происхождение арабского алфавита (ср. также Fresnel, *JA*, 1838, серия III, т. VI, 353 и сл.). Первый утверждал, что он происходит от древнего сирийского маюскульного письма, называемого «эстрангело»

---

[619] (*a*) И в *Фихристе* (с. 4, стр. 25 и сл.) мы имеем краткое упоминание о тех же событиях и предание, подтверждающее известие, что жители Хиры научились искусству письма от лиц, пришедших из аль-Анбара. Нам сообщается к тому же, что из трёх изобретателей арабского алфавита Мурамир придумал форму букв, Аслам установил способ писать их раздельно или слитно, а Амир изобрёл диакритические точки (*аль-и‘джам*). Все эти известия, однако, прямо фантастичны, ибо диакритические точки были изобретены во времена аль-Хаджжаджа [† 95 г. х.].

(*b*) Столь же фантастична история арабского языка, находящаяся в *Фихристе* после этих указаний на происхождение алфавита. В другом месте того же сочинения (*Фихрист*, с. 6, стр. 12) сказано, что жители аль-Анбара изобрели знаки для «алиф», «ба», «та», «са» (ср. также *‘Икд*, III, с. 202–203) и что употребление письма было введено в Мекке Абу Кайсом б. Абд Манафом б. Зухрой или же Харбом б. Умаййей, о которых ср. Кутайба, с. 31, 35, 64, и Дурайд, с. 45, 223; Wüstenfeld, *Register*, 206. В *Фихристе* читается также мнимый текст документа, будто бы написанного рукой Абд аль-Мутталиба, деда Пророка, на куске кожи, который, говорят, находился в сокровищнице халифа аль-Мамуна в Багдаде (ср. *Фихрист*, с. 5, стр. 18 и сл.; Rehatsek, *JRAS of Bombay*, XIV, 178–179). Мы можем, однако, с уверенностью считать, что документ был весьма сомнительной подлинности, хотя, быть может, и написан архаическими знаками и потому плохо понят (ср. *Фихрист*, *Anmerkungen*, с. 3, прим. 14). Рехацек остроумно попытался дать его понятный перевод, но, к сожалению, известно, что Аббасидские халифы имели особое пристрастие к обладанию драгоценными реликвиями весьма сомнительной подлинности.

(*c*) В *‘Икде* (III, с. 202, стр. 25 и сл.) мы имеем много фантастических известий о происхождении арабского алфавита и о тех, кто первыми изобрёл искусство письма. На с. 203, стр. 4, упоминаются Мурамир и его товарищи и приводится перечень немногих лиц, умевших писать, когда появился ислам.

(*d*) Мас‘уди (III, 292) упоминает среди различных мнений о происхождении арабского письма, что бану Абд Дахм б. Ирам б. Сам б. Нух при великих переселениях, последовавших за Вавилонской башней, пришли в Таиф и были, говорят, первыми, кто писал по-арабски и расположил 28 букв алфавита в том порядке, в каком они затем сохранились.

(*серта эвангелойо*, σχῆμα εὐαγγελικόν, эстрангела), а второй, следуя Ибн Халдуну, искал его происхождения в химйаритском алфавите.

Ср. также De Sacy, *Chrestomathie*, II, 311, и *Mémoires de l'Acad.*, т. L, 256, а также De Sacy, *JA*, 1827, т. X, 209–231 (лишь мимоходом упомянем о работах Декке, *ZDMG*, XXXI, 102 и сл., о происхождении семитских алфавитов).

Нёльдеке в своей знаменитой *Geschichte des Qorāns*, излагая историю того, как Коран был записан, с проницательностью человека, одарённого подлинным научным духом, воздержался от того, чтобы входить в вопрос о происхождении арабского письма, ибо во время этой публикации (в 1860 г.) совершенно не хватало удовлетворительных данных, чтобы установить истину хотя бы приблизительно. С одними литературными материалами никогда не было бы возможно открыть происхождение арабского алфавита, ибо сами арабы в ту эпоху, когда начали собирать воспоминания о своём прошлом (II–III вв. х.), уже не имели известия об истинном происхождении своего алфавита[620]. Большая часть известий, сохранённых мусульманскими писателями, суть либо чистые вымыслы, либо легендарные и преданнические переодевания последних фаз в истории арабского письма до Магомета. Единственный примечательный факт, подтверждаемый согласием приведённых нами преданий, состоит в том, что западные арабы научились искусству письма от других арабов, пришедших из восточных областей полуострова, то есть от тех арабских общин, которые благодаря соприкосновению с великими цивилизациями Передней Азии и своему обращению в христианскую веру находились на ступени культуры, намного превосходившей ступень прочих арабов полуострова, исключая, однако, арабов Йемена, хотя эта область после своей блестящей многовековой цивилизации переживала период политического, нравственного и религиозного упадка. Это известие, по видимости верное, оставляет, однако, великую проблему более неразрешённой, чем когда-либо, ибо никоим образом не указывает, каков был алфавит, которым пользовались арабы-христиане областей, граничивших с двумя империями — Персидской и Римской. Свет пришёл с неожиданной стороны и таким образом, какого никто не мог предвидеть.

Одной из особых заслуг минувшего XIX века был великий толчок, данный филологическим и эпиграфическим исследованиям, благодаря которым стало возможно откопать историю народов, о которых до тех пор почти не было никаких достоверных известий. Эпиграфические открытия в Египте, Сирии и Вавилонии позволили с действенной помощью сравнительного изучения семитских языков воскресить историю древних египтян, народов Сирии, или Финикии, и, наконец, также тех, что жили в двойном бассейне Евфрата и Тигра. Эти исследования показали, каким богатейшим источником исторических известий служат для исследователей древней истории Азии даже самые грубые и краткие надписи, и отряд, весьма малочисленный, но избранный, доблестных ориенталистов взялся раскрыть и тайны Древней Аравии с помощью бесчисленных надписей, рассеянных на камнях, в пещерах и на скалах аравийских

[620] Ср. в *Études Sabéennes* Галеви (*JA*, серия VII, т. I, 1873, гл. II: *Langues et écritures* [«*муснад*, *вукуфа*, *закзаб*, *джавиль*, *рашак*»] *des anciennes populations de l'Arabie*) путаные и баснословные известия мусульманских писателей о древних языках Аравии и соответствующих алфавитах.

пустынь, от скал Пальмиры и гор Синая на севере до крайней южной оконечности полуострова. Эти разыскания имели особую ценность, ибо великие трудности, создаваемые не столько негостеприимной пустыней, сколько фанатизмом и невежеством современных обитателей Аравии, долгое время мешали собрать весь материал, необходимый для полного изучения остатков древнейшей арабской цивилизации. В особенности же бесчисленные надписи, открытые в Йемене немногими путешественниками-филологами (Арно, Галеви и Глазер), которым удалось туда проникнуть, всегда возбуждали живейший интерес, ибо древняя история этой знаменитой области, известной древним под именем Счастливой Аравии, всегда оказывала особое очарование на воображение людей со времён Соломона, когда, согласно легенде, царица Савская пришла, говорят, из Аравии посетить блистательного еврейского монарха. Здесь не место излагать историю арабских эпиграфических открытий: достаточно лишь сказать, что изучение надписей, найденных в Йемене, называемых, быть может, не вполне правильно «химйаритскими» (от имени химйар, носимого одним из самых знаменитых и древних народов Йемена), показало, что никоим образом нельзя уже считать верным известие, данное Ибн Халдуном (Халдун, *Пролегомены*, II, 393–394), будто жители Хиры научились алфавиту химйар и что поэтому арабы Хиджаза приняли химйаритский алфавит при посредстве и с изменениями, внесёнными в него арабами, жившими на границах Вавилонии. Форма знаков химйаритских надписей так далека от формы даже самого архаического арабского письма (куфического), что всякая прямая связь между этими двумя алфавитами совершенно несостоятельна. Вначале исследования по семитской эпиграфике, казалось, неопровержимо доказали, что вообще все западносемитские алфавиты произошли от самого архаического типа финикийского алфавита (ср. Halévy, *ZDMG*, т. XXXII, 176), хотя каждая ветвь семитского народа внесла в него те изменения или дополнения, которые были необходимы для выражения своих звуков, не представленных финикийским алфавитом. Так полагали, что химйаритское письмо развилось из архаического финикийского (ср. Müller, *ZDMG*, т. XXX, 522–523); но недостаточность известных тогда эпиграфических материалов, к сожалению весьма ограниченных, не позволила ещё проследить последовательные фазы его преобразования. Такие общие выводы никоим образом не могли определить, какой особый семитский алфавит из многих, происшедших от древнефиникийского, был прародителем древнего монументального арабского письма (куфического)[621] и другого, древнего курсивного, из которого произошло современное арабское письмо. Из всех семитских письменностей известное нам арабское — самое новое; и между ним и его первоначальной матерью, финикийским, должно существовать больше связующих звеньев, чем у других, более древних. Великий пробел между финикийским и куфическим арабским отчасти был заполнен другими эпиграфическими открытиями величайшей важности, начиная с тех, что были сделаны в одной пустынной области

[621] Древнейшее арабское письмо носит имя куфического, от Куфы, города, основанного арабами близ Хиры в начале завоевания. Выражение неточное, ибо письмо, называемое куфическим, существовало уже задолго до основания Куфы: в этом городе, однако, это письмо возделывалось, разрабатывалось, совершенствовалось и украшалось, главным образом трудами омейядского наместника аль-Хаджжаджа б. Юсуфа [† 95 г. х.], и потому распространилось по мусульманскому миру под именем города, где оно было более всего усовершенствовано.

Аравии недалеко от Дамаска между 1858 и 1862 гг., главным образом благодаря фон Грэму, Веттштейну, Ваддингтону и де Вогюэ, а в последнее время — Дюссо и Литтману[622].

§ 215. — На небольшом расстоянии к востоку от плодородной и приятной котловины, в которой лежит почтенный Дамаск, быть может, древнейший в мире из всех существующих городов, находится одна из самых страшных и бесплодных областей Аравийского полуострова, называемая аль-Харра, или Сафа, которая состоит из группы потухших вулканчиков, где вследствие извержений, происшедших в доисторические времена, нагромождено в безумнейшем беспорядке несметное число округлых глыб чёрного базальта величиной от кулака до человеческого тела. В этой унылой области, выжженной и пережжённой подземными огнями, в течение большей части года нет никакого следа растительности, и долгое время, несмотря на её близость к одному из самых населённых центров Передней Азии, путешественники пренебрегали ею, ибо никто никогда не подозревал в ней существования следов исчезнувших поколений. Велико было поэтому изумление тех немногих смельчаков, которые впервые туда отважились, когда они открыли, что эти чёрные камни по неизвестным причинам покрыты бесконечным числом грубых надписей, начертанных неизвестным алфавитом.

Благодаря прежде всего уму и учёности одного из величайших европейских семитологов и путешественников XIX века, знаменитого Ж. Галеви, эти таинственные надписи открыли наконец свою тайну, и удалось с уверенностью установить, что они были начертаны семитским народом, говорившим на арабском наречии, имеющем большое сродство с наречиями семитских народов, живших на краю Аравийской пустыни. Наибольшее для нас значение этих открытий состояло в доказательстве, которое они принесли, что эти арабские кочевники не только пользовались алфавитом, происшедшим также от великого общего прародителя, финикийского, но что этот алфавит сохранил к тому же множество архаизмов графической формы величайшей важности для истории семитских алфавитов вообще и в частности алфавитов Аравийского полуострова. Так было установлено, что сафаитский алфавит был одним из связующих звеньев между архаическим финикийским и химйаритским и в то же время одной из переходных форм от финикийского к собственно арабскому (ср. Nöldeke, *ZDMG*, т. XIX, 638).

Кто пожелает глубже исследовать этот предмет, пусть прочтёт статьи Мюллера, *ZDMG*, т. XXX, 514–524; Галеви, *ZDMG*, т. XXXII, 167–176; может также справиться у Рехацека, *JA*, 1877, 293–450, *JRAS of Bombay*, т. XIV, 173–198, хотя последний объединяет в своём исследовании известия весьма различной ценности, не выявляя степени их относительной подлинности.

---

[622] Ср. Wetzstein, *Reisebericht über Hauran und die Trachonen*, Berlin, 1860; его же 260 сафаитских надписей в *ZDMG*, XXX, 1876, с. 514–524, и, наконец, *Abhandl. d. Berl. Ak. d. Wiss., phil.-hist. Klasse*, 1863; De Vogüé, *La Syrie Centrale: Inscriptions Sémitiques*, Paris, 1869; Dussaud et Macler, *Voyage archéologique au Safâ et dans le Djebel ed-Drûz*, Paris, 1901; их же, *Mission dans les régions désertiques de la Syrie Moyenne*, Paris, 1903; Littmann в *American Journal of Archaeology*, II серия, т. II, 1900; *Zur Entzifferung der Safâ-Inschriften*, Leipzig, 1901; *Publications of an American Archaeological Expedition to Syria*, ч. IV.

Значение подобных открытий для истории арабского алфавита ни от кого не ускользнёт, ибо в них мы имеем первое указание на его истинное происхождение. Нёльдеке (*ZDMG*, т. XIX, 638) первым заметил, что сафаитский алфавит имеет большие черты сходства с древнейшим арабским алфавитом (самым архаическим куфическим), но отсутствие других эпиграфических документов не позволило ему с большей точностью установить фазы, через которые от сафаитского алфавита пришли к древнему куфическому алфавиту, употреблявшемуся арабами в первые времена ислама. Галеви (*ZDMG*, т. XXXII, 174) затем заметил, что отсутствие имён языческих божеств в сафаитских надписях указывает с большой вероятностью на то, что писавшие их были христианами[623]. Поскольку, следовательно, сафаитский алфавит был свойствен арабо-христианскому населению, поселившемуся на краю Сиро-Аравийской пустыни, могло казаться правдоподобным, что употребление его распространилось к югу среди арабов-христиан вдоль Евфрата и, претерпевая всё время лёгкие изменения, наконец проникло из Хиры в Мекку незадолго до ислама[624]. Казалось поэтому, что утверждение преданий, будто арабский алфавит пришёл из Хиры, было по существу правильным и что алфавит, употреблявшийся в Мекке во времена Магомета, был формой, производной от сафаитского алфавита[625].

§ 216. — Не так давно, однако, эти общие представления претерпели значительные изменения, ибо в последние годы XIX века другие эпиграфические открытия пролили больше света на происхождение и взаимную связь западносемитских алфавитов, и стало возможно дополнить и углубить наше знание об их развитии.

---

[623] Галеви, кроме того, остроумно заметил (*ZDMG*, т. XXXII, 174–175), что язык, употреблённый в сафаитских надписях, хотя и чисто арабский, имеет гораздо более тесные связи с северными семитскими наречиями, чем с наречиями юга Аравии, и что поэтому эпиграфические документы, по мнению Галеви, самым решительным образом опровергают, будто арабские племена сирийского пограничья переселились из Йемена, как утверждает мусульманское предание. К этому важнейшему предмету нам придётся вернуться далее, когда мы будем говорить о междоусобных войнах арабов после смерти Муавии в 60 г. х.

[624] Гольдциер (*Muh. Stud.*, I, 111) справедливо замечает, что арабы, жившие в постоянном соприкосновении с персами и греками, поднялись на ступень культуры, намного превосходившую ступень их соплеменников во внутренних частях полуострова, и потому понятно, что Хира оказывала на жителей внутренних областей великое влияние: к ней поэтому обращались наиболее смышлёные арабы, желавшие повысить свою образованность.

Ср. также Rothstein, 26 и сл.; Fraenkel, *Aram.*, 266 и сл.; *Хизана*, I, 412 и сл.; III, 73; Якут, IV, 228; *Агани*, V, 191; Руста, с. 191, стр. 12 и сл.; Wellhausen, *Reste*, 232 и сл.

[625] О фазах преобразования и развития сафаитского письма, пока оно не приняло более новую форму, называемую куфической, здесь не место распространяться. Следует, однако, заметить, что от сафаитского алфавита произошло не непосредственно куфическое письмо, а арабское «курсивное», которое древнее куфического, или официального, письма, употреблявшегося в первых коранических текстах и на древнейших арабских монетах. Позднее, когда куфическое письмо стало употребляться лишь как орнаментальное, курсив занял первое место и был официально принят и освящён в правительственных актах и в переписке священных текстов трудами везира-каллиграфа Ибн Муклы при халифе аль-Муктадире, между 295 и 320 гг. х.

Важнейшими для истории арабского письма являются арабские документы, найденные в Египте и купленные эрцгерцогом Райнером. Учёнейшему их истолкователю, Карабачеку, принадлежит ныне долг составить эту историю. Кто желает видеть образец древнего арабского курсива, ср. Karabacek, *Mitth.*, II, 93 и сл. и табл. III того же тома; кроме того, там же, т. IV, 75 и сл.; ср. также Karabacek, *Führer*, 131 и сл., где имеются и несколько фотографий арабских папирусов.

Первым, кто заметил громадное значение арабо-египетских папирусов, был де Саси, *JA*, 1827, т. X, 209–231: *Nouveaux aperçus sur l'histoire de l'écriture chez les Arabes du Hedjaz*.

Не касаясь запутаннейшего вопроса о происхождении финикийского алфавита[626], ныне является установленным, что семитские (= арамейские) народы Сирии приняли, быть может, ещё до 1000 г. до Р. Х., собственное письмо, весьма сходное с финикийским и, быть может, от него происшедшее. Мы находим этот алфавит в употреблении уже в 800 г. до Р. Х., как свидетельствуют знаменитые надписи Сенджирли, к северу от Никополя (Ислахия), найденные в 1890 г. (ср. Halévy, *Revue Sémitique*, I, 77; D. H. Müller, *WZKM*, т. III, 33 и сл., 113 и сл.; Nöldeke, *ZDMG*, т. XLVII, 96 и сл.; Lidzbarski, *Handbuch*, I, 440). Влияние этого арамейского письма дало себя почувствовать на весьма обширной области, проникнув, помимо Ассирии, также в Аравию в весьма отдалённые эпохи. На глиняных табличках, найденных в Ассирии и Вавилонии, обнаружено много писцовых пометок на арамейском языке и арамейскими знаками; все эти пометки обнаруживают стремление стать курсивными и образовывать лигатуры. То же самое наблюдается равным образом в знаменитой еврейской надписи Силоамского водовода, найденной в 1881 г. (ср. *ZDPV*, тт. III и IV, статьи Социна, Каутча и Гуте), которая восходит, вероятно, ко временам иудейского царя Езекии (ср. *ZDMG*, т. XXXVI, 725 и сл.). Несколько лет спустя трудами Эйтинга (ср. D. H. Müller в *Transactions of the Ninth International Congress of Orientalists*, London, 1893, II, с. 86 и сл.) и Юбера (*Journal d'un voyage en Arabie, 1883–1884*, Paris, 1891) была открыта знаменитая стела из Таймы, в сердце Северной Аравии, которая не может быть позднее V века до Р. Х. и в которой мы имеем древнейший пример арамейского письма в Аравии. На этой стеле, хранящейся ныне в Лувре, увековечено установление культа одного арамейского божества.

Даути, Эйтинг и Юбер открыли также многочисленные надписи в северном Хиджазе, все — веков, непосредственно предшествовавших христианской эре и следовавших за ней, последние памятники того Набатейского царства, которое было упразднено римскими императорами во втором веке по Р. Х. Эти надписи также обнаруживают другую фазу в переходе от арамейского алфавита к арабскому. Они почти современны надписям, найденным на базальтовых камнях Харрат Сафа, только что нами упомянутым, и свидетельствуют о великом распространении искусства письма, усвоенного от арамеев, даже среди бедных и безвестных племён пустыни. Новую фазу перехода от арамейского к арабскому дают надписи, или, лучше сказать, граффити II и III веков христианской эры, находящиеся на скалах Вади Мукаттаб на Синайском полуострове.

Из этих тесно связанных между собой эпиграфических памятников явствует, что арабский алфавит северосемитского происхождения, и с их помощью возможно проследить развитие современного арабского от его предка, арамейского I тысячелетия до Р. Х. Не имея возможности входить в большие подробности, ограничимся

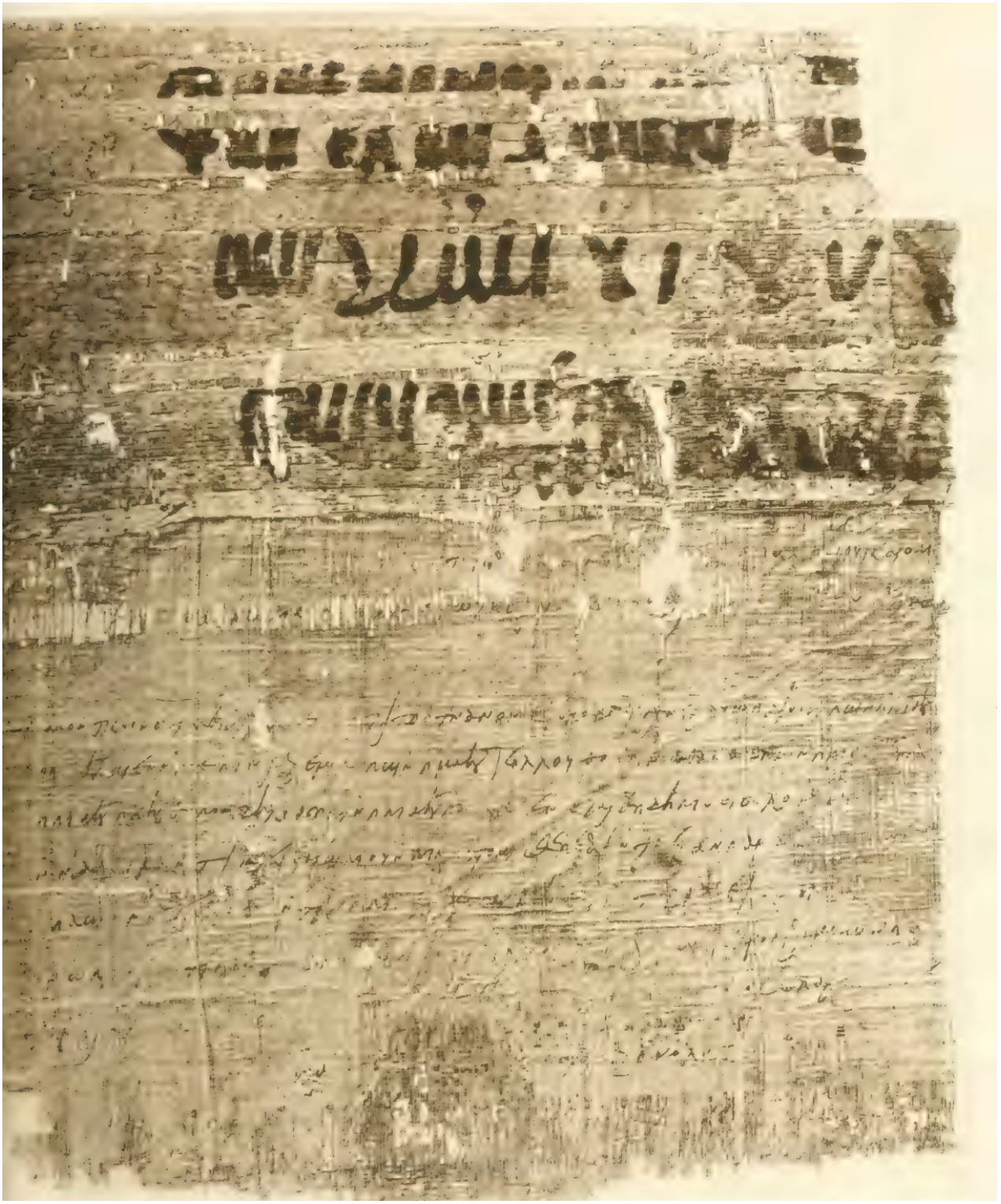
[626] В итоге обыкновенно полагают, что из шумерской клинописи Вавилонии семиты извлекли собственный алфавит, ныне исчезнувший, но некогда употреблявшийся в Восточной Аравии, на Персидском заливе. От этого прототипа будто бы произошли, с одной стороны, южноаравийские алфавиты, а с другой — северосемитские (особенно финикийский): от одного из них (быть может, финикийского) произошёл арамейский, от которого произошли прочие, более новые (набатейский, сафаитский и т. д.), а затем и арабский; ср. Hommel, *Grundriss*, 96 и сл.; 145 и сл.; ср. также Hilprecht, *Explorations in Bible Lands*, 727 и сл., и обе вышеупомянутые статьи Декке, *ZDMG*, XXXI, 1877, о клинописном происхождении первоначального семитского алфавита и о его отношениях с древнеиндийским алфавитом.

замечанием, что из изучения этих надписей видно, как арамейско-арабское письмо, употреблявшееся невежественными бедуинами во всё более курсивной и неряшливой форме, пришло около времени появления Магомета к фазе, в которой многие знаки для различных букв стали почти тождественными по форме и давали повод ко многим смешениям, ошибкам и трудностям чтения. Эти последние с течением времени всё возрастали и стали тягчайшим затруднением, когда установление мединской теократии и необходимость сохранить священный коранический текст в его первоначальной чистоте и вести официальную переписку обширной империи увеличили во сто крат употребление письма в Аравии.

Так весьма скоро, в течение I века хиджры, когда алфавит становился всё более курсивным и вошло в обычай связывать между собой различные буквы одного и того же слова, письмо стало почти неразборчивым, и пришлось прибегнуть к диакритическим точкам, чтобы различать между собой несколько букв, ставших уже одинаковыми по форме (*b, t, th, n, y*, три из которых, соединённые вместе, могли в свою очередь изображать *s, sh*). Но об этом нам придётся говорить далее, рассуждая о реформе аль-Хаджжаджа б. Юсуфа [† 95 г. х.]. Достаточно будет прибавить здесь, что арабское письмо, как оно известно нам по папирусным документам Египта, по монетам и по некоторым надписям, все I и II веков хиджры, обнаруживает два главных типа: один, называемый куфическим, потому что он возделывался и совершенствовался в Куфе, с монументальной наклонностью, и другой, называемый впоследствии *насхи*, или курсивным.

Первый скоро вышел из употребления и остался как письмо орнаментальное и священное, употребляемое обыкновенно в надписях, на монетах и в коранических текстах; второе входило во всё более общее употребление, закрепившись наконец в современном арабском письме. Можно сказать в общем, что *насхи* полностью заменил куфическое письмо также на монетах, в надписях и в тексте Корана около V или VI века хиджры[627].

[627] Драгоценным источником для этих исследований об алфавитах служит Lidzbarski, *Handbuch der Nordsemitischen Epigraphik*. С пользой можно справиться также в: Ph. Berger, *Histoire de l'écriture dans l'antiquité*, Paris, 1891; *Jewish Encyclopedia*, т. I, 439–454, s. v. *Alphabet*, где находятся обильная библиография и сравнительные таблицы различных семитских алфавитов, и в недавнем важнейшем исследовании Литтмана, *Zur Entzifferung der Thamudenischen Inschriften*, *MVAG*, 1904, 1, с полной таблицей южносемитских алфавитов и ценнейшим приложением о знаках-тамгах, *вусум*, знаках собственности и опознания различных племён. ## Распространение искусства письма во времена Магомета

Древнее арабское письмо на греко-египетском папирусе. Фототипия из оригинала

§ 217. — Ниже мы собираем главные известия преданий о распространении искусства письма среди арабов Хиджаза во времена Магомета, предмет немалой важности для познания времён Пророка и среды, в которой он вырос и проповедовал. Преданники хотели бы заставить нас поверить, что во времена Магомета искусство письма было ещё великой новинкой и что владевших им было так мало, что их можно было перечесть и назвать по имени. Я полагаю, однако, что в этом должно быть много преувеличения и что, вероятно, знание письма было гораздо древнее и

распространённее, чем явствует из преданий, в которых не исключено, что скрывается некая тенденциозная мысль (ср. превосходные доводы Винклера в *MVAG*, 1901, вып. IV, с. 59 и сл.). Известно в самом деле, что среди правоверных мусульман возобладало представление, будто пророк Магомет не умел ни читать, ни писать. «Пророк, — говорит Ибн Халдун, — не умел ни читать, ни писать, и это было для него совершенством: его неведение подобало высоте его сана и его достоинству, которым он ставил себя выше занятия ремёслами, простыми средствами пропитания и порождениями цивилизации… Причина в том, что Пророк должен был находиться в общении единственно с Богом, тогда как мы должны помогать друг другу, чтобы обеспечить наше существование в этом мире… Для Пророка, в противоположность нашему случаю, отсутствие этих знаний было совершенством» (Халдун, *Пролегомены*, II, 398–399). Выражения, употреблённые Ибн Халдуном, особенно важны, ибо выдают происхождение и мотив всех преданий, утверждающих, что Магомет не умел читать или писать. Правоверные мусульмане, и в особенности наиболее образованные, сознавали, что значительная часть библейских легенд, содержащихся в Коране, находится также в Священном Писании Израиля и что некоторые из главных мусульманских обрядовых установлений были тождественны иудейским, а другие весьма на них походили (ср. 1 г. х., § 54; 2 г. х., §§ 1, 24–28). Те, кто не верил в божественную миссию Магомета, могли поэтому весьма легко отстаивать положение, что библейские и обрядовые познания Пророка происходили от тайного чтения и знания еврейских текстов. Для наиболее действенной защиты мусульманской веры было безусловно необходимо утверждать, что коранические откровения были чисто божественного происхождения, а отнюдь не человеческого. Чтобы достичь этого результата, было необходимо доказать, что Бог избрал своим пророком человека, несведущего во всех искусствах цивилизации, и воспользовался этим незапятнанным средством, чтобы возвестить свою волю миру. Если бы было возможно доказать, что Магомет, прежде чем начать исламскую проповедь, читал и изучал еврейские книги, враги новой веры имели бы действеннейшее оружие для утверждения, что откровения Пророка были внушены не Богом, а его чтением. Отсюда явилась безусловная необходимость утверждать, что Магомет не знал азбуки и что поэтому всё его знание исходило от Бога: Коран был не человеческой переделкой еврейских текстов, а новым, незапятнанным изданием божественной воли. Как говорит Ибн Халдун в приведённом месте, Магомет должен был находиться в общении единственно с Богом: поэтому то, что он получал от Него, должно было входить в его дух как нечто новое, без опасения, что воспоминания о прочитанном исказят умственные способности Пророка в момент восприятия и проповеди откровений Божьих. Поэтому неведение Пророка было (по мнению правоверных) состоянием совершенства, своего рода нравственной девственностью, которая делала его вернейшим и чистейшим орудием для точной передачи воли Божьей[628].

[628] Один стих знаменитой «аль-Бурды», или поэмы аль-Бусири [† 694–697 г. х.] во славу Магомета, гласит: «Достаточное чудо [то есть, — поясняет аль-Баджури, — «доказательство, или довод, его посланничества»] да будет для тебя столь великое знание в неграмотном (*умми*), в век Невежества, и столь совершенная образованность в сироте». — Ср. *La Burdah du Cheikh El Bousiri*, traduite et commentée par R. Basset, Paris, 1894, с. 127; Gabrieli, *Al Burdatan, ovvero I due poemi arabi del «Mantello» in lode di Maometto*, Firenze, 1901, с. 79.

§ 218. — Это положение имело большой ход в учёном мусульманском мире, ибо было весьма древнего происхождения, восходя к самому Магомету. В одном стихе Корана (XXIX, 47) Бог напоминает Пророку, что до коранического откровения он не читал никакой книги и не писал (или не переписывал) её своей десницей. Отсюда следует, что сам Магомет стремился внушить последователям убеждение, что он никогда ни читал, ни писал и что всё его знание исходило непосредственно от Бога в чистом и незапятнанном виде. Мысль, скрытая в упомянутом месте Корана[629], тенденциозно исказила истину во всех преданиях, которые мы приводим ниже, ибо считалось, что истинный Пророк не мог и не должен был быть человеком образованным, но лишь простым неиспорченным орудием для передачи воли Божьей с неба на землю. Так как, однако, было также желательно, чтобы Магомет не выглядел невеждой по сравнению со своими сверстниками, преданники сочли нужным понизить сверх истины и уровень культуры, существовавший в Мекке и в Медине во времена Пророка.

Если его знание иудейства и христианства происходило из одних лишь устных источников и никогда из письменных, как с вескими основаниями утверждает Нёльдеке (Nöldeke, *Qur.*, 5–14), это никоим образом не доказывает, что Магомет был неграмотен, ибо в то время не существовало арабских переводов Библии или Евангелия и нет ни малейшего основания предполагать, что Магомет знал еврейский или сирийский язык и умел читать еврейские или христианские священные тексты. Поведение Пророка во всём, что касалось чтения или письма, было всегда весьма двусмысленным, и известно, что он постоянно пользовался секретарями для своей переписки, нарочито избегая показываться кому бы то ни было за чтением или письмом. Очевидно, что он стремился ревниво скрывать истину от последователей. Подчёркнутое пользование секретарями было, следовательно, основным правилом всего его поведения[630].

Тщетно поэтому желать удостовериться, умел ли Магомет читать и писать или нет, раз он старался скрыть это даже от своих современников. Я полагаю, однако, что если бы Магомет действительно не знал искусства письма, он нашёл бы великую выгоду в том, чтобы утверждать это перед сподвижниками каким-нибудь более явным и определённым образом. Поэтому вероятно, что он знал это искусство, но не хотел в этом признаваться, хотя, чтобы не сказать лжи перед столькими старыми друзьями, которые, быть может, знали правду, старался своим поведением создать у новых и

[629] Другое место Корана, которым пользуются все, кто утверждает неграмотность Пророка, — это выражение *наби умми*, которым Магомет обозначает себя (VII, 156) и которое обыкновенно толкуют как «неграмотный пророк». Но Нёльдеке указал (Nöldeke, *Qur.*, 10), что это эпитет, противопоставленный *ахль аль-китаб*, или «обладателям священных писаний», и потому обозначающий не неграмотного, а лишь того, кто не читал священных текстов различных народов и черпает истину лишь из непосредственного божественного вдохновения. Ср. Basset, там же, и Gabrieli, там же (ср. пред. §, прим. 1).

[630] По Ибн Исхаку (от Мухаммада б. Джа‘фара б. аз-Зубайра, от Абдаллаха б. аз-Зубайра), Пророк назначил своим секретарём (*истактаба*) также Абдаллаха б. аль-Аркама б. Абд Ягуса и через него отвечал царям (*аль-мулук*), и таково было доверие Магомета к нему, что, когда он приказывал ему написать одному из царей, Абдаллах писал и запечатывал письмо, а Пророк никогда не просил его прочесть. Когда Абдаллаха не было, Магомет пользовался как секретарём также Зайдом б. Сабитом, записывавшим коранические откровения. Если не было и Зайда, Магомет приглашал кого-нибудь из присутствующих быть ему секретарём, обыкновенно Умара, или Али, или Халида б. Са‘ида, или аль-Мугиру, или Муавию. То же подтверждается и другим преданием, в котором Магомет одобряет то, что написал Абдаллах б. аль-Аркам, даже не взглянув на письмо (Хаджар, II, с. 673–674).

молодых сподвижников впечатление, что он неграмотен. [Гримме (II, 4–5) прямо утверждает, что Магомет умел писать] (ср. также 10 г. х., § 143, прим. 2).

Из подобных соображений логично поэтому заключить, что все предания, касающиеся распространения искусства письма в Аравии при жизни Магомета, более или менее внушены тенденциозными и полемическими мыслями и что поэтому они скрывают или искажают истину (ср. Winckler в *MVAG*, 1901, IV, с. 58–63). Искусство письма было в Аравии гораздо более распространено, чем явствует из преданий. Общеизвестно, что в Аравии, хотя она ныне так редко населена, изобилуют надписи. Йемен знаменит огромным числом надписей, высеченных на скалах его гор. Равным образом всем ориенталистам известна знаменитая долина надписей, Вади Мукаттаб, на Синайском полуострове; выше мы упомянули о тысячах надписей, найденных среди убогих скал Харрат Сафа близ Дамаска. Немногие путешественники, пересекавшие с опасностью для жизни огромный полуостров, все единодушно говорят, что надписи изобилуют повсюду, собранные порой в местах, где, казалось бы, менее всего вероятно найти след человека (ср., напр., Даути в указателе т. II, с. 603–604, под словом *Inscriptions*).

Это показывает, что с отдалённейших времён жители полуострова имели обыкновение высекать свои имена на скалах пустыни и что поэтому некогда знание азбуки и искусство письма были там весьма распространены (ср. также Grimme, II, 3–4; J. Euting, *Sinaitische Inschriften*, Einleitung, с. XII). Известно также, что курайшиты были рачительными и смелыми купцами, ежегодно посещавшими Йемен и Сирию, две образованные и цивилизованные страны. Невозможно, чтобы люди столь предприимчивые, ведя столь частые, крупные и трудные дела, не знали искусства письма и ведения счетов. Если мы можем верить аль-Азраки [† 244 г. х.], существует известие, что курайшиты задолго до ислама вели весьма точный учёт своих торговых дел и употребляли даже точные хронологические указания для датирования договоров и долговых обязательств (Азраки, с. 102, стр. 20). Это известие кажется мне верным, ибо немыслимо большое торговое движение без употребления азбуки и какой-нибудь системы, хотя бы и первобытной, ведения счетов и записи статей прихода и расхода[631].

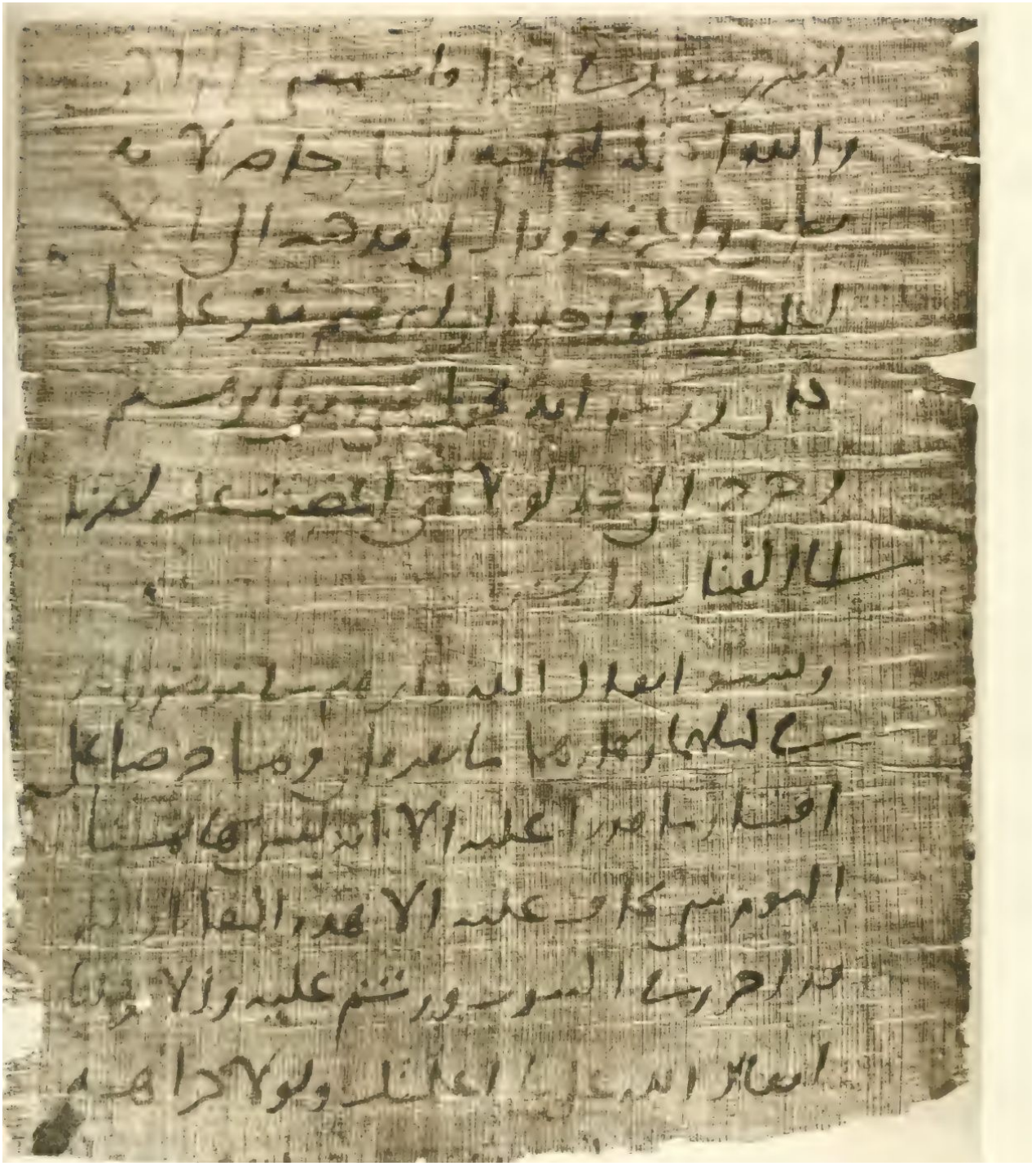
Если же мы рассмотрим списки имён тех, кто, говорят, умел читать и писать в Мекке во времена Магомета, мы увидим, что все это лица весьма высокого и зажиточного общественного положения, к тому же хорошо известные в истории; так что есть основание подозревать, что перечень составлен задним числом и содержит лишь подбор имён с пропуском многих лиц безвестных или низкого состояния. Если предания не лгут, говоря нам, что Магомет принадлежал к благороднейшему роду

[631] Гольдциер (*Muh. Stud.*, I, 110–112 и прим.) был бы, однако, несколько противного мнения: сожалею, что не могу вполне с ним согласиться. Его ссылки на источники представляют, однако, большой интерес. Он приводит *Агани*, V, 101; XIX, 104, стр. 14; Йа‘куби, I, 240; Хишам, с. 32, стр. 6; Kremer, *Ueber die Gedichte des Labyd*, с. 28; Fraenkel, *Die Aramäischen Fremdwörter im Arabischen*, с. 244 и сл.; Якут, I, 311, стр. 18; III, 58, стр. 21.

Согласен с Гольдциером, что тогда, как и ныне ещё, кочевники пустыни презирали искусство чтения и письма, но того же нельзя сказать о жителях многолюдных центров, как Мекка и Медина. В этих двух городах искусство письма было несравненно более развито, чем в пустыне. И во времена Магомета существовало уже большое различие в культуре между арабами-земледельцами и кочевниками, хотя первые, вероятно, тоже происходили от кочевых племён.

среди курайшитов, имя Пророка необходимо должно было бы тоже фигурировать в списке, ибо немыслимо, чтобы он, человек самого могучего ума своего времени в Аравии, был невежественнее своих собратьев-курайшитов. Напротив, мы склонны были бы думать, что соразмерно своему уму он более других жаждал знания и учения и потому более всех прочих желал бы выучить и употреблять азбуку.

В заключение мы вправе считать, что в Мекке и в Медине во времена Пророка было много людей, умевших читать и писать. Но так как богословски было необходимо утверждать, что Магомет был неграмотен, пришлось ради чести Пророка понизить ещё более, чем было истинно и правдоподобно, уровень культуры, существовавший в Мекке и в Медине. Делая мекканцев и мединцев более невежественными и более варварами, чем они были, преданники добились того, что смягчили то, что могло быть оскорбительным в необходимой неграмотности Пророка.

Образец арабского письма на папирусе (конец II в. х.). Фототипия из оригинала

§ 219. — Критически рассматривая следующие предания, выносишь впечатление, что в действительности в обществе, в котором жил Магомет, не только было относительно много умевших писать, но и сам Пророк широко пользовался этим драгоценным искусством. Из числа секретарей, которых имел Пророк (ср. 10 г. х., § 143), очевидно, что ему приходилось вести обильную переписку, и это пространно подтверждается всеми преданиями о посольствах и договорах с племенами, приведёнными нами целиком в предыдущих Анналах. Из следующих преданий явствует также, что Магомет лично поощрял сподвижников писать, и почти возможно утверждать, что он руководил письменным сохранением коранических откровений и распоряжался им. Период коранических откровений охватывает почти четверть века, но

замечательный факт, что до Бегства не существует никакого воспоминания о том, чтобы он заботился о письменном сохранении своих откровений. Единственное упоминание о кораническом списке — то, что содержится в предании об обращении Умара (ср. Введение, § 285); но авторитет, на котором основано это предание, оставляет место величайшим подозрениям относительно подлинности подробностей, даже если мы можем в общем принять содержание рассказа. Заметим в самом деле, что в одной из двух версий нет упоминания о кораническом списке. Следовало бы поэтому считать, что до переселения в Медину Магомет никогда не думал записывать то, что он открывал, и полагался на собственную память и на память сподвижников для сохранения священного текста[632]. Мы ничего не знаем, однако, о том, как он практически разрешал задачу запечатления новых стихов в памяти сподвижников. Во всяком случае нельзя не изумляться тому верному и точному способу, каким сохранилась память о различных открытых местах, ибо в древнейших стихах архаический стиль никоим образом не представляется исправленным или изменённым позднейшими влияниями. Видно, однако, что когда Магомет переселился в Медину и умножились его занятия и поводы, требовавшие новых откровений, он, вероятно, скоро признал величайшую полезность записывания того, что открывалось. Число последователей росло с каждым днём в быстрой и непрерывной прогрессии: материально было невозможно подвергнуть всех долгому и нелёгкому учению заучивания уже открытых стихов наизусть. Сохранилось в самом деле воспоминание, что до убийства халифа Умара в 23 г. х. не было никого, кто знал бы наизусть весь Коран (Суюти, *Иткан*, с. 168, предпосл. стр. и сл.). Различные сподвижники помнили кто одну часть, кто другую священного текста (ср. следующие параграфы, 228 и 233): некоторые стихи удерживались в памяти, по-видимому, лишь одним человеком (ср. Суюти, *Иткан*, с. 134, стр. 13).

§ 220. — (*a*) (Ибн Са‘д, от аль-Вакиди, от Халида б. Ильяса, от Абу Бакра б. Абдаллаха б. Аби Джахма аль-Адави). Когда появился ислам, в Мекке было семнадцать человек из курайшитов, умевших писать: (1) Умар б. аль-Хаттаб, (2) Али б. Аби Талиб, (3) Усман б. Аффан, (4) Абу Убайда б. аль-Джаррах, (5) Тальха (б. Убайдаллах), (6) Язид б. Аби Суфьян, (7) Абу Хузайфа б. Утба б. Раби‘а, (8) Хатиб б. Амр аль-Амири, брат Сухайля б. Амра, (9) Абу Салама б. Абд аль-Асад аль-Махзуми, (10) Абан б. Са‘ид б. аль-Ас б. Умаййа, (11) Халид б. Са‘ид, брат предыдущего, (12) Абдаллах б. Са‘д б. Аби Сарх аль-Амири, (13) Хувайтиб б. Абд аль-Узза аль-Амири, (14) Абу Суфьян б. Харб б. Умаййа, (15) Муавия б. Аби Суфьян, (16) Джухайм б. ас-Сальт б. Махрама и из *халифов*, или союзников, курайшитов также (17) аль-Аля б. аль-Хадрами (Балазури, с. 471–472).

[632] Гримме (II, 3) приводит, однако, два коранических стиха, открытых в Мекке (X, 39, и XI, 16), в которых употреблено слово *сура* как обозначение коранического отрывка. *Сура* — слово еврейское, означающее ряд камней, выложенных в стене; позднее оно равнозначно строкам письма и, наконец, «писанию». В этом смысле употребляет его Пророк, тогда как арабское значение *сура* — «возвышение», а затем «знатность, превосходство» и т. п. (ср. Nöldeke, *Qur.*, 24); отсюда нам следовало бы заключить, что, если бы мекканский характер двух упомянутых стихов был вполне бесспорен, он начал бы записывать часть Корана ещё до переселения в Медину. Из преданий, однако, мы ничего об этом не знаем.

(*b*) Ср. *‘Икд*, III, с. 203, стр. 6 и сл., где упомянут также (18) Усман б. Са‘ид б. Халид б. Хузайфа как брат Абана (№ 10), что ошибочно: текст там испорчен. Имеется смешение между № 3, № 10 и № 11.

§ 221. — Из различных преданий аль-Вакиди, собранных Балазури, мы имеем следующие известия о распространении искусства письма среди женщин — современниц и последовательниц Магомета:

(1) Хафса, жена Пророка, умела писать; равно как (2) Умм Кульсум бинт Укба и (3) Карима бинт аль-Микдад; (4) Аиша, жена Пророка, умела читать книгу *аль-мусхаф* (= Коран), но не умела писать; (5) Умм Салама, жена Пророка, умела читать, но не писать (Балазури, с. 472).

§ 222. — (Аль-Вакиди, без иснада). Когда Магомет пришёл в Медину, первым, кто служил ему секретарём, был Убайй б. Ка‘б аль-Ансари, который ввёл обычай ставить в конце писем надпись «писал такой-то». Если Убайй отсутствовал, Магомет пользовался как секретарём Зайдом б. Сабитом аль-Ансари; и Зайд или Убайй записывали перед Пророком (*байна йадайхи*, может значить также «под диктовку»?) коранические откровения, письма, которые Магомет посылал различным лицам, документы, которыми он жаловал в лен земли, и прочее (Балазури, с. 472–473).

§ 223. — Известно также, как один из писцов Магомета, Абдаллах б. Са‘д б. Аби Сарх, долго служивший Пророку записыванием откровений, будучи обвинён в том, что не записывает верно то, что Магомет ему диктовал, бежал в Мекку, отрекшись от ислама, и подвергся великой опасности быть преданным смерти Пророком, когда тот овладел этим городом (ср. 8 г. х., § 79; ср. также Балазури, с. 473, со слов аль-Вакиди).

§ 224. — (Аль-Вакиди). В Медине у аус и хазрадж, при жизни Магомета, было мало умевших писать по-арабски: евреи умели писать по-арабски и до прихода Магомета давали даже уроки искусства письма (языческим) юношам Медины. Употребление письма сильно распространилось во времена Магомета, и многие мединцы выучились писать; среди них упоминаются: (1) Са‘д б. Убада б. Дулайм; (2) аль-Мунзир б. Амр; (3) Убайй б. Ка‘б и (4) Зайд б. Сабит (который умел писать как по-арабски, так и по-еврейски)[633]; (5) Рафи‘ б. Малик; (6) Усайд б. Худайр; (7) Ма‘н б. Ади аль-Балави, *халиф* ансаров; (8) Башир б. Са‘д; (9) Са‘д б. ар-Раби‘; (10) Аус б. Хаули (Хавали?) и (11) Абдаллах б. Убайй, знаменитый вождь *мунафикун*, или лицемеров[634]. Среди них были некоторые, носившие прозвание *аль-камала* («совершенные»), потому что, кроме искусства письма, умели с великой ловкостью метать стрелы и плавать в воде. Этими совершенными были: Рафи‘ (№ 5), Са‘д (№ 1), Усайд (№ 6), Абдаллах (№

[633] (Исхак б. Аби Исраиль, от Абд ар-Рахмана б. Аби-з-Зинада, от его отца Абу-з-Зинада, от Хариджи б. Зайда, от его отца Зайда б. Сабита). Пророк приказал Зайду б. Сабиту выучить письмо евреев, потому что не доверял им в переписке: Зайд выучил еврейское письмо всего за две недели и с того дня писал для Пророка письма по-еврейски евреям и читал Пророку письма, которые получал от них (Балазури, с. 474).

[634] Среди тех, кто умел писать по-арабски и учил этому искусству в Медине (после смерти Магомета), был, по-видимому, и тот христианин Джуфайна аль-Ибади, уроженец Хиры, который жил в дружбе с Са‘дом б. Аби Ваккасом и которого Убайдаллах б. Умар заподозрил в том, что он был сообщником Абу Лулуа в убийстве Халифа, его отца (ср. 23 г. х.): известно, что Убайдаллах убил его и двух его детей (Балазури, с. 474; авторитет: аль-Вакиди).

11) и Аус (№ 10). И в языческие времена были некоторые, соединявшие в себе все эти качества: это были Сувайд б. ас-Самит и Худайр аль-Катаиб (Балазури, с. 473–474).

Ср. также *‘Икд*, III, с. 203, стр. 9; Кутайба, с. 132, посл. стр.; с. 133, посл. стр.

Письменная редакция Корана

§ 225. — (Ибрахим б. Башшар, от Суфьяна б. Уяйны, от аз-Зухри, от Убайда, от Зайда б. Сабита). Когда умер Пророк, Коран не был собран в один том. И аль-Хаттаби прибавляет, что Магомет не собрал Коран в один том, *аль-мусхаф*[635], потому что опасался, что могут прийти новые откровения, отменяющие уже существующие[636], или что понадобится повторение (*ат-тилава*)[637]. Когда же со смертью Магомета навсегда закрылся ряд откровений, Бог внушил первым Халифам необходимость собрать рассеянные стихи, чтобы обеспечить сохранение священного текста, и это было начато трудами Абу Бакра по совету Умара (Суюти, *Иткан*, с. 133, стр. 6 и сл.).

§ 226. — (*a*) (Абу Са‘ид аль-Худри [† 74 г. х.]). Говорят, что Пророк приказал последователям записывать только коранические откровения и ничего иного из того, что он говорил. Коран был записан целиком до смерти Магомета, но не собран в одном месте [ср. Nöldeke, *Qur.*, 193, прим. 1], и сурам не было дано никакого порядка (Суюти, *Иткан*, с. 138, стр. 13 и сл.).

(*b*) Ср. также Sprenger, *JRAS of B.*, XXV, 304, № 1 и сл., где приведено много преданий в доказательство того, что Магомет запрещал сподвижникам записывать что-либо, кроме Корана: авторитеты, однако, все весьма «слабые», и невозможно принять их содержание. Они суть преданническое выражение того заблуждения, в которое впали мусульманские школы в I и отчасти во II веке хиджры, полагая, что Магомет запрещал употребление записей и предписывал лишь устную передачу. Это не что иное, как ложное толкование уже приведённого нами стиха Корана (XXIX, 47). Позднее это представление было оставлено богословами после ожесточённейшей борьбы против

---

[635] Неизвестно, следует ли говорить *масхаф* или *мусхаф*: «том», или собрание *сухуф*, то есть листов или страниц. Нёльдеке (Nöldeke, *Qur.*, 193, прим. 1) показывает, что слово не чисто арабское, а химйаритского, или эфиопского, происхождения (*сахафа* означало первоначально «копать лопатой», называемой *масхаф*, «выдалбливать», а затем «писать»: эфиоп. ጸሐፈ). Сам Суюти признаёт его эфиопское происхождение, ибо рассказывает в одном месте (Суюти, *Иткан*, с. 120, стр. 12 и сл.), что, когда халиф Абу Бакр окончил собирание Корана, сподвижники попросили его дать имя книге (то есть тому, или материальному и размножаемому экземпляру Книги). Одни хотели, чтобы её назвали *Инджиль*, то есть Евангелием, другие предпочитали, напротив, имя *ас-сифр*, то есть *Сефер* (собственно «свиток», или лист пергамена или кожи, «выскобленный», затем «книга»), как называли свой священный текст евреи, но большинству претило принять еврейское имя. Тогда Абдаллах Ибн Мас‘уд вспомнил, что в Абиссинии видел (священную) книгу, которую абиссинцы называли *аль-мусхаф*, и Абу Бакр принял этот термин. Первые коранические тексты получили, следовательно, имя *аль-Мусхаф* (ср. также Суюти, *Иткан*, с. 135, стр. 19 и сл.; Абу-ль-Фида, I, 270; Goldziher, *Muh. St.*, I, 111, и *ZDMG*, XLVI, 1892, с. 19).

[636] По словам преданников (ср. Бухари, III, с. 396, стр. 4; Бухари, каирск. изд., III, с. 208, стр. 15 и сл.), каждый год ангел Гавриил приходил навестить Пророка и повторял с ним все открытые стихи, чтобы проверить их точность и лучше запечатлеть их в памяти Магомета. Говорят, что это происходило в месяце рамадане: в год перед смертью это повторение повторилось дважды, и из этого, рассказывают, Магомет понял, что смерть близка.

[637] Известно, что Пророк в течение своей жизни отменял некоторые открытые стихи, заменяя их другими, новыми, или же прямо упразднял их без замены другими. Этот предмет, один из важнейших для мусульманских богословов, был предметом многочисленнейших сочинений. За подробностями ср. Nöldeke, *Qur.*, 41 и сл.; Muir, I, с. XXIV–XXVI; Суюти, *Иткан*, с. 514–529; Халдун, *Пролегомены*, II, 464.

сторонников устной школы (ср. Sprenger, там же, 305–314). Чтобы бороться с последней, более новая школа отчеканила множество преданий, доказывающих, что Пророк поощрял и предписывал употребление письма для сохранения памяти обо всём, что он говорил (ср. Sprenger, там же, 314–324).

(*c*) Другие предания, сохранённые аль-Хакимом, утверждают, однако, что Коран был собран письменно уже при жизни Магомета, и есть даже некоторые (притязающие восходить к Зайду б. Сабиту), в которых рассказывается, как Зайд и другие записывали Коран на листах бумаги, *ар-рика‘*, в присутствии Пророка и под его руководством (Суюти, *Иткан*, с. 133, стр. 17 и сл.).

§ 227. — По словам аль-Хариса аль-Мухасиби, Пророк во время своего пребывания в Медине велел записать весь Коран, не в одном томе, а на отдельных листах бумаги (*рика‘*), на костях (лопатках, *аль-актаф*) верблюдов и на пальмовых ветвях[638]. Весь этот письменный материал был найден по смерти Пророка собранным вперемешку в его жилище, и заслугой Абу Бакра было то, что он приказал переписать все записи на листы (одинаковой величины) и соединить их в один том, велев сшить их вместе, чтобы ни один не потерялся (Суюти, *Иткан*, с. 137, стр. 2 и сл.).

§ 228. — Все источники согласно сообщают, что при жизни Пророка весьма немногие сподвижники знали наизусть весь Коран: относительно же имён тех, кто мог прочесть его весь на память, сделав его предметом особого изучения и записав некоторые большую его часть, в источниках есть некоторое расхождение: мы приводим ниже различные списки.

(*a*) Говорят, что Магомет советовал своим учить Коран наизусть особенно у четырёх лиц, а именно у Абдаллаха б. Мас‘уда, Салима б. Ма‘киля, клиента Абу Хузайфы, павшего в битве при аль-Ямаме, Му‘аза б. Джабаля и Убайя б. Ка‘ба (Суюти, *Иткан*, с. 165, стр. 10 и сл.; Бухари, III, с. 396, стр. 14 и сл.).

(*b*) После смерти Салима в битве при аль-Ямаме и Абдаллаха б. Мас‘уда во время халифата Усмана [23–35 г. х.] лучшим знатоком Корана был Зайд б. Сабит, проживший ещё много лет (Суюти, *Иткан*, с. 165, стр. 19 и сл.).

(*c*) По словам Анаса б. Малика, лишь четыре ансара знали весь Коран при жизни Пророка, а именно: Убайй б. Ка‘б, Му‘аз б. Джабаль, Зайд б. Сабит и Абу Зайд (Суюти, *Иткан*, с. 166, стр. 5 и сл.; Бухари, III, с. 397, стр. 8 и сл.).

(*d*) Другие дают, напротив, следующий список: Абу-д-Дарда, Му‘аз б. Джабаль, Зайд б. Сабит и Абу Зайд (Суюти, *Иткан*, с. 166, стр. 9 и сл.).

---

[638] (*a*) Утверждают, что многие стихи были написаны также на верблюжьих рёбрах (*адла‘*), на кусках дерева от верблюжьих вьючных сёдел (*актаб*), на широких кусках кожи (*адим*) и даже на плоских и гладких камнях. Под словом *рика‘*, по аль-Хаттаби, разумелась как бумага, *кагад*, так и пергамен. По мнению некоторых, слово *актаб* означает те куски плоского дерева, которые служили сёдлами и клались на вьючных животных. Список, сделанный Абу Бакром, был написан на листах бумаги, *каратис* (Суюти, *Иткан*, с. 137, стр. 11 и сл.). (*b*) По Ибн Халдуну, в первом веке Халифата для всякого рода писаний употреблялся пергамен (Халдун, *Пролегомены*, II, 407); вероятно поэтому, что список Корана, сделанный по приказу Абу Бакра, и все последующие были написаны на пергамене. Папирусная бумага в Аравии должна была быть величайшей редкостью и гораздо дороже пергамена. Об истории бумаги в Азии ср. Pauthier в *JA*, серия VI, т. XI (1868, апрель–май), с. 495 и сл.; Hoernle в *JRAS*, 1903, с. 663–684, и Jacob, *Arab. Dicht.*, III, 162–163.

(*e*) Бану-ль-хазрадж (ансары Медины) утверждали, что из всех сподвижников лишь четверо знали наизусть весь Коран и что все четверо были хазраджитами, то есть четверо из предыдущего пункта (*c*) (Суюти, *Иткан*, с. 168, стр. 9 и сл.).

(*f*) Некоторые утверждают по различным основаниям, что и Абу Бакр должен был знать весь Коран наизусть (Суюти, *Иткан*, с. 168, стр. 11 и сл.).

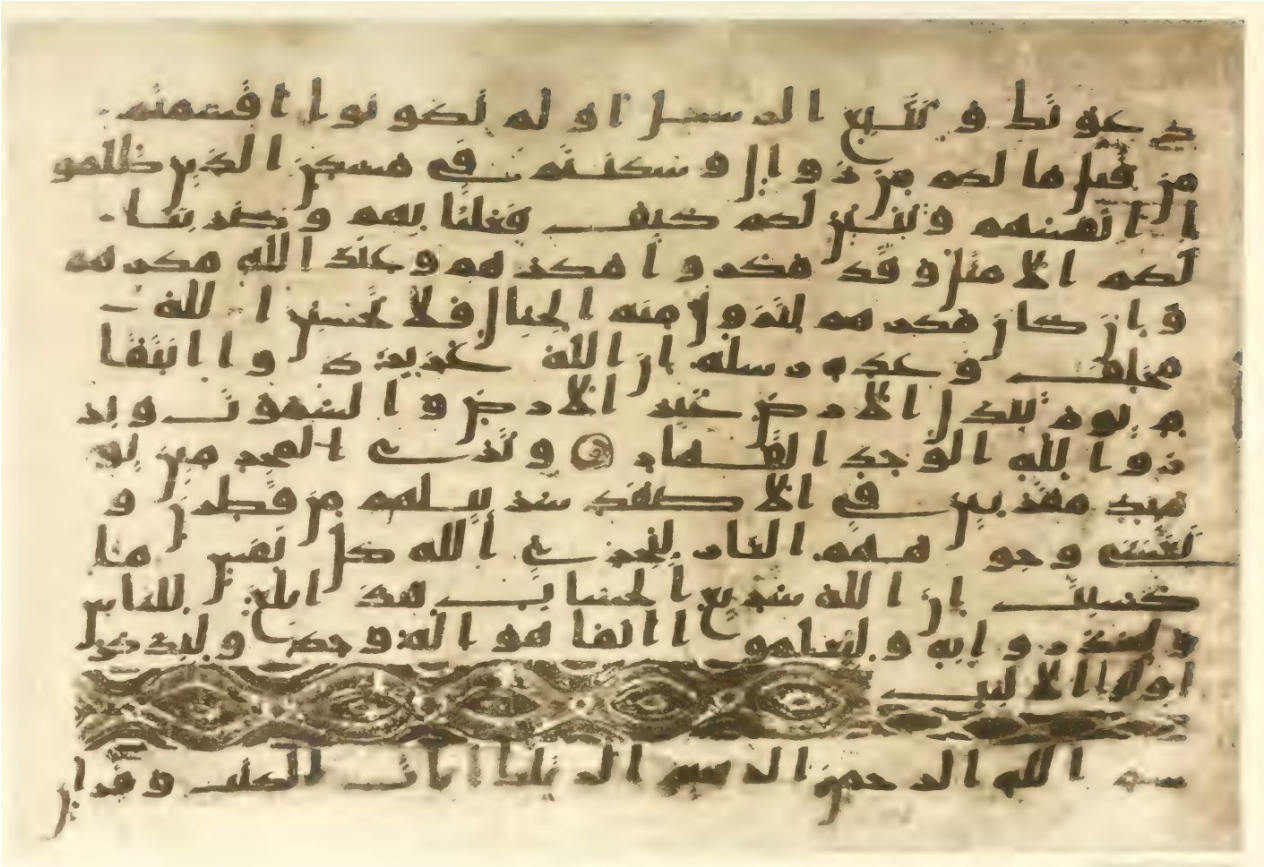
(*g*) По словам Мухаммада б. Ка‘ба аль-Курази, при жизни Пророка весь Коран знали лишь пять человек, а именно: Му‘аз б. Джабаль, Убада б. ас-Самит, Убайй б. Ка‘б, Абу-д-Дарда и Абу Айюб аль-Ансари, все пятеро ансары Медины (Суюти, *Иткан*, с. 169, стр. 5 и сл.).

(*h*) Другие причисляют к знатокам всего Корана также Зайда б. Сабита, Тамима ад-Дари и халифа Усмана б. Аффана (Суюти, *Иткан*, с. 169, стр. 10).

(*i*) Или же Убайя б. Ка‘ба, Зайда б. Сабита, Му‘аза б. Джабаля, Абу-д-Дарду, Са‘да б. Убайда, Абу Зайда[639] и Муджамми‘а б. Джарию, которые знали наизусть весь Коран, кроме, быть может, двух или трёх сур (Суюти, *Иткан*, с. 169, стр. 13 и сл.)[640].

[639] Среди тех, кто «собрал Коран», *джама‘а аль-Кур’ан*, то есть знал его весь, упоминаются Абу Зайд Са‘д б. Убайд б. ан-Ну‘ман, из бану амр б. ауф, аусит, затем Кайс б. Аби Сасаа, хазраджит, тоже носивший прозвище Абу Зайд, и, наконец, также Са‘д б. аль-Мунзир б. Аус б. Зухайр, хазраджит (Суюти, *Иткан*, с. 170, стр. 1 и сл.). Мы имеем здесь один из тех столь частых случаев смешения имён, выпутываясь из которых биографы сподвижников создали столько же различных сподвижников, сколько существует различных версий одного и того же имени.

[640] Весьма примечательно в этих списках почти полное согласие различных источников в том, что изучение Корана гораздо больше возделывалось мединцами, чем мекканскими мухаджирами. Это странное явление заслуживает особого упоминания, ибо из него следует вывести несколько важных заключений: 1) в Медине должна была, быть может вследствие косвенного влияния евреев, существовать ступень культуры выше средней ступени мекканских мухаджиров, переселившихся туда с Магометом; 2) в Медине ещё при жизни Пророка уже образовалось первое ядро религиозной и ревностной партии, которая с любовной преданностью собирала каждое слово и память о каждом действии Учителя (ср. 10 г. х., §§ 114 и сл.); 3) это ядро должно было быть ещё весьма малым, если знатоков Корана было так немного; 4) наконец, мы видим одну из причин, по которым именно в Медине, а не в другом месте, образовались первая исламская школа и первоначальные элементы, вокруг которых впоследствии кристаллизовалась великая мединская школа преданий, первая родоначальница всех прочих школ мусульманского мира (ср. 11 г. х., §§ 79 и сл.). **§ 229.** — По словам Абу Убайда в его «Китаб аль-кира’ат», следующие сподвижники Пророка были публичными чтецами Корана (*курра*): из мекканцев — (1) Абу Бакр; (2) Умар; (3) Усман; (4) Али; (5) Тальха (б. Убайдаллах); (6) Са‘д (б. Аби Ваккас); (7) Абдаллах б. Мас‘уд; (8) Хузайфа б. аль-Яман; (9) Салим; (10) Абу Хурайра; (11) Абдаллах б. ас-Саиб; (12) *аль-Абадила*[^50]; (13) Аиша; (14) Хафса и (15) Умм Салама; из ансаров — (16) Убада б. ас-Самит; (17) Му‘аз б. Джабаль, носивший также прозвище Абу Халима; (18) Муджамми‘ б. Джария; (19) Фадала б. Убайд; (20) Маслама б. Мухаллад (Суюти, *Иткан*, с. 169, стр. 15 и сл.).

Фрагмент Корана куфическим письмом (конец суры XIV и начало суры XV). Фототипия из оригинала

§ 230. — Из другого источника мы узнаём, что среди сподвижников самыми знаменитыми чтецами Корана, или *курра*, были: Усман, Али, Убайй, Зайд б. Сабит, Абдаллах б. Мас‘уд, Абу-д-Дарда и Абу Муса аль-Аш‘ари (Суюти, *Иткан*, с. 171, стр. 7 и сл., со слов аз-Захаби [† 748 г. х.] в его «Табакат аль-курра»)[641].

§ 231. — Рассказывают, что когда халиф Абу Бакр был извещён о тягчайших потерях, понесённых мусульманами в битве при аль-Ямаме (ср. 12 г. х., §§ 22–23), и о числе убитых среди тех, кто знал Коран наизусть, он, опасаясь, что утратится память о священном тексте, отдал приказ собрать все его отрывки, как сохранённые в памяти сподвижников, так и записанные на пальмовых листьях или на кусках кожи. Составив таким образом полный письменный список, он передал его Хафсе бинт Умар, одной из вдов Пророка[642]. Позднее, во времена халифа Усмана, когда начались первые споры о точном чтении священного текста, Халиф приказал переписать текст, хранившийся у

[641] Тот же источник сообщает, что учениками Али в чтении Корана были: Абу Хурайра, Абдаллах б. Аббас, Абдаллах б. ас-Саиб. Их учениками в свою очередь были:

в Медине: Ибн аль-Мусайяб, Урва б. аз-Зубайр, Салим, Умар б. Абд аль-Азиз, Сулейман б. Ясар, Ата б. Ясар, Му‘аз б. аль-Харис, прозванный Му‘аз аль-Кари, Абд ар-Рахман б. Хурмуз аль-А‘радж, Ибн Шихаб аз-Зухри, Муслим б. Джундаб, Зайд б. Аслам;

в Мекке: Убайд, Ата б. Аби Рабах, Таус, Муджахид, Икрима, Ибн Аби Мулайка;

в Куфе: Алкама, аль-Асвад, Масрук, Убайда, Амр б. Шурахбиль, аль-Харис б. Кайс, ар-Раби‘ б. Хайсам, Амр б. Маймун, Абу Абд ар-Рахман ас-Сулами, Зирр б. Хубайш, Убайд б. Фудайла, Са‘ид б. Джубайр, ан-Наха‘и, аш-Ша‘би;

в Басре: Абу-ль-Алия, Абу Раджа, Наср б. Асим, Яхья б. Я‘мар, аль-Хасан (аль-Басри), Ибн Сирин и Катада;

в Сирии: аль-Мугира б. Аби Шихаб аль-Махзуми, Халифа б. Са‘д, товарищ Абу-д-Дарды (Суюти, *Иткан*, с. 171).

Хафсы, и разослать списки во все провинции империи (Абу-ль-Фида, I, с. 212–214, который помещает составление в 11 г. х.)[643].

Ср. также Асир, II, с. 279, стр. 8; Суюти, *Иткан*, с. 133 и сл.; Суюти, с. 30, стр. 5 и сл.; Бухари (каирск. изд.), III, с. 206 и сл.

§ 232. — (Ибн Шихаб аз-Зухри, от Убайда б. ас-Саббака, от Зайда б. Сабита). Когда халиф Абу Бакр получил известие о битве при аль-Ямаме и о числе чтецов Корана, погибших в ней, при этом присутствовал Умар, который выразил тогда опасение, что часть священного текста может утратиться, если умрут все, кто знал его наизусть. Он предложил поэтому собрать в один том всё, что было открыто. Вначале Абу Бакр не хотел принимать этой мысли, ибо Пророк никогда не приказывал ничего подобного. Умар, однако, настаивал на своём предложении, и наконец Абу Бакр уступил и согласился, чтобы было сделано собрание. Халиф послал тогда за Зайдом б. Сабитом, который записывал коранические откровения при жизни Пророка и был человеком, которому можно было вполне доверять, и приказал ему собрать весь Коран. Вначале Зайд б. Сабит испугался этой мысли и сказал, что предпочёл бы перенести гору (чем взвалить на себя столь великое предприятие); но наконец, вдохновлённый Богом, принялся за дело и собрал все коранические стихи, найдя некоторые из них написанными на пальмовых ветвях и на кусках ткани. Последней сурой, которую он нашёл, была IX, хранившаяся у Абу Хузаймы аль-Ансари. Том (*ас-сухуф* = тетради, или листы) был взят на хранение Абу Бакром, который, умирая, оставил его своему преемнику Умару; когда умер и тот, рукопись перешла во владение Хафсы бинт Умар[644] (Бухари, III, с. 392–393; Суюти, *Иткан*, с. 134, стр. 1 и сл.).

---

[642] Все источники помещают первую редакцию Корана в 11 г. х. Следует, однако, заметить, что битва при аль-Ямаме была дана и выиграна в 12 г. х. Возможно поэтому, что связь избиения при аль-Ямаме с письменной редакцией коранического текста есть преданнический вымысел того времени, когда хотели объяснить причину всего. Пробежав затем список убитых при аль-Ямаме (ср. 12 г. х., § 23), приводимый нами целиком под 12 г. х., легко увидеть, что среди них тех, кто мог знать наизусть весь священный текст или его часть, весьма немного; во всяком случае слишком мало по сравнению с ещё живущими, чтобы у Абу Бакра могла быть причина тревожиться. Большинство убитых состояло из новообращённых мусульман, которые знали о Коране мало или ничего. Это подтверждается и преданием, сохранённым Ибн Хубайшем, в котором рассказывается, что когда Сабит б. Кайс во время битвы созывал ансаров, крича: *йа асхаб сурат аль-бакара* (о сотоварищи суры «Корова» [сура II]), один таййит воскликнул: «Клянусь Богом! я не знаю наизусть из неё ни одного стиха!» (Хубайш, л. 13).

[643] По некоторым источникам, мысль собрать в один том коранические откровения исходила от Умара, и Абу Бакр долго медлил, прежде чем дать своё согласие, ибо Пророк никогда этого не делал; но настойчивость Умара вследствие огромных потерь сподвижников в битве при аль-Ямаме побудила наконец Халифа уступить, и он поручил двадцати пяти курайшитам и пятидесяти ансарам собрать и записать том откровений под руководством Са‘ида б. аль-Аса. Другие утверждают, напротив, что первым, кто собрал Коран, был Али б. Аби Талиб, тотчас после смерти Магомета, и что он имел обыкновение всегда носить этот список с собой, даже когда ехал на верблюде. Он, говорят, утверждал, что разделил его на семь частей, *аджза* (Йа‘куби, II, с. 152–154, где дан и перечень сур, содержащихся в каждой из семи частей, или отделов, на которые Али разделил Коран).

Ср. также Суюти, *Иткан*, с. 134, стр. 20 и сл. Этого мнимого списка Корана, написанного Али, быть может, никогда не существовало: Ибн Сирин [† 110 г. х.] тщетно искал его в Медине (Суюти, *Иткан*, с. 135, стр. 11).

[644] (*a*) Эти известия подтверждаются и преданием, восходящим к Мусе б. Укбе [† 141 г. х.] (Суюти, *Иткан*, с. 137–138). Ср. также Бухари, III, с. 394, стр. 3.

(*b*) По известиям, данным Ибн Хаджаром аль-Аскалани, список, сделанный по приказу Абу Бакра, не был собран в один том, а написан на кусках кожи и на пальмовых ветвях. Именно халиф Умар приказал Зайду б. Сабиту сделать полный список в одном томе, *сахифа*. Расположение сур было произведено лишь во времена Усмана [† 35 г. х.] (Суюти, *Иткан*, с. 138, стр. 4 и сл.).

§ 233. — Зайд б. Сабит принялся собирать стихи с величайшей тщательностью и не довольствовался тем, чтобы принимать то, что было написано в тетрадях (*ас-сухуф*), или на деревянных дощечках (*аль-альвах*), или на пальмовых ветвях, но требовал, чтобы каждый стих был ещё удостоверен свидетельством двух лиц, слышавших его от самого Пророка (Суюти, *Иткан*, с. 136, стр. 1 и сл.: авторитеты, однако, слабые). Есть также известие об одном стихе (о побиении камнями прелюбодеев), который Зайд не пожелал принять в собрание, потому что его принёс один лишь Умар и не было никого другого, кто мог бы показать, что слышал, как его читал Пророк (Суюти, *Иткан*, с. 137, стр. 1). Ср. 9 г. х., § 94.

§ 234. — Некоторые утверждают, что первым, кто собрал Коран письменно, был Салим, клиент Абу Хузайфы, но предание не основано на надёжных авторитетах (Суюти, *Иткан*, с. 135, стр. 18–19).

§ 235. — О полном и критическом изложении того, как был собран Коран, ср. Nöldeke, *Qur.*, 189–233. Можно также с пользой прочесть то, что пишет об этом Шпренгер (Sprenger, III, XVIII–LXIV), лишь бы пользоваться этим источником с некоторой осторожностью, ибо его выводы не всегда правильны и не всегда предварены достаточной критикой источников. Ср. также Derenbourg, *Opuscules d'un Arabisant*, Paris, 1905, с. 13–33; Muir, I, I–XIII; Hughes, 486–489; Sell, *Faith*, 8 и сл.; Grimme, II, 1–17. Последний содержит, быть может, лучшее изложение всего предмета.

Медина — Аслам, *мавля* Умара

§ 236. — Умар б. аль-Хаттаб купил в этом году в Мекке раба Аслама[645], впоследствии своего вольноотпущенника, у неких людей из племени аль-аш‘ар (Асир, II, с. 259).

Персия — Избрание царём Йездегерда

§ 237. — Согласно различным авторитетам (Абу Ма‘шар и Ибн Исхак), в том же году, в котором Абу Бакр был провозглашён Халифом в Медине (то есть между 632 и 633 гг. по Р. Х.), Йездегерд взошёл на престол Персии и добился признания царём от народа (*ахль аль-Фарс*) (Табари, I, с. 1869).

Ср. Асир, II, с. 259, стр. 11; Патканян в *JA*, серия VI, т. VII, 226 и сл., помещает избрание Йездегерда в 632 г. по Р. Х. Ср. ниже 12 г. х., где даны более подробные сведения.

[645] Аслам, *мавля* Умара б. аль-Хаттаба [† 23 г. х.], по некоторым источникам, совершил два путешествия с Пророком и потому должен был бы причисляться к сподвижникам. Другие говорят, напротив, что он был куплен Умаром после смерти Магомета и что, когда он умер в возрасте 114 лет, Марван б. аль-Хакам прочёл над ним заупокойные молитвы (Хаджар, I, с. 71, № 129; I, с. 209, № 445). Другие относят покупку Аслама к 12 г. х.; там мы объясним причины этого особого упоминания об Асламе.

Некрологи

Фатима (ср. §§ 202 и сл.)

§ 238. — (*a*) В этом году умерла Фатима, единственная дочь Пророка, оставившая потомство, мать тех двух сыновей Али (аль-Хасана и аль-Хусайна), которым предстояло впоследствии со своим многочисленным потомством сыграть важнейшую роль в политической и религиозной истории ислама: по этой причине стоит описать с несколько большими подробностями тёмные обстоятельства её жизни.

Она родилась от брака Магомета с его первой женой Хадиджей бинт Асад (ср. Введение, §§ 160, 164) в тот самый год, когда курайшиты перестроили Каабу (Са‘д, VIII, с. 11, стр. 21; ср. также Введение, §§ 165–172). Другие, напротив, относят её рождение к более позднему времени и говорят, что она появилась на свет, когда Магомету был 41 год, а её мать была, быть может, уже старше пятидесяти лет (Sprenger, I, 203). Она была младшей из дочерей Магомета (Навави, с. 851, стр. 1).

(*b*) О её браке существует много преданий, но всем им позволительно не доверять, ибо мусульманские преданники считали его событием величайшей важности и передали о нём бесконечное множество известий, которые по большей части должны быть подложными. Между прочим утверждают, что и Абу Бакр, и Умар домогались её руки, но что Магомет отверг их просьбы, приняв лишь ту, что была сделана Али по наущению его родственников. Брак был заключён, и Магомет отдал дочь за брачный дар в 480 дирхемов, которые Али собрал, продав верблюда и кое-какую утварь (Са‘д, VIII, с. 11–12). Другие предания утверждают, что Али был так беден, что не мог предложить будущему тестю ничего, кроме своей кольчуги, называемой аль-Хутамиййа, стоившей всего четыре дирхема (Са‘д, VIII, с. 12, стр. 13 и сл.).

(*c*) О дате брака существует некоторая неуверенность, но он должен был состояться в первые годы после хиджры (Са‘д, VIII, с. 13, стр. 25 и сл.). Ср. 1 г. х., § 72; 2 г. х., § 17. Говорят, что Фатиме было тогда всего восемнадцать лет (Са‘д, VIII, с. 13, посл. стр.).

(*d*) Супруги были так бедны, что вместо постели имели лишь невыделанную овечью шкуру и старое, потёртое шерстяное йеменское одеяло в цветную полоску. На расходы по свадьбе Али добыл средства продажей верблюда, принёсшей ему 480 дирхемов, из которых тридцать пошли на благовония и тридцать на одежду. Та же овечья шкура, что ночью служила супругам ложем, днём употреблялась для того, чтобы класть на неё корм для верблюда, тащившего воду из колодца. В доме у них не было никого, кто бы им прислуживал (Са‘д, VIII, с. 13, стр. 11–20; с. 14, стр. 11 и сл.).

(*e*) Тяжёлым вопросом для супругов было жилище: у Пророка не было для них места в своём доме, и он велел Али искать себе пристанище в другом месте. Али нашёл небольшой участок земли недалеко от жилища Магомета и выстроил там дом: затем Магомет выразил желание иметь дочь и зятя ближе к себе. Не было, однако, никакого места, которое подошло бы супругам, и они не смогли бы найти жилья, если бы мединец Хариса б. ан-Ну‘ман великодушно не уступил своего, возле мечети, где Фатима и поселилась теперь (Са‘д, VIII, с. 14, стр. 1 и сл.).

(*f*) По причине их бедности Али был вынужден проводить день, таская воду из колодца для своего сада, а Фатима ломала себе руки и натирала ладони, перемалывая зерно. Наконец, не выдерживая более тяжести труда, они, хотя и полные стыда, обратились вместе к Пророку за какой-нибудь помощью, но Магомет отказал в ней, ибо иначе ему не хватило бы того, что он имел, чтобы кормить нищих, *ахль ас-суффа*, живших его милостыней (Са‘д, VIII, с. 16, стр. 1 и сл.; Хаджар, IV, с. 729–730).

(*g*) Их имущественное положение значительно улучшилось после взятия Хайбара, когда Пророк пожаловал обоим супругам по триста *васков* зерна и фиников в год (Са‘д, VIII, с. 17, стр. 19 и сл.; ср. также 7 г. х., § 42).

(*h*) Супружеская жизнь Фатимы не была поэтому счастливой, и тяготы существования стали ещё горше от раздоров с мужем, который, говорят, даже дурно с ней обходился (*галуза ‘алайха*). Пророку пришлось вмешаться, чтобы восстановить мир между супругами (Са‘д, VIII, с. 16, стр. 17 и сл.; Хаджар, IV, с. 730, стр. 10 и сл.).

(*i*) Фатима родила мужу четверых детей, двух сыновей, аль-Хасана и аль-Хусайна, и двух дочерей, Умм Кульсум и Зайнаб (Са‘д, VIII, с. 17, стр. 6 и сл.; ср. 2 г. х., § 102; 3 г. х., § 11). О смерти Фатимы мы уже говорили в другом месте (ср. §§ 205 и сл.).

(*k*) О других подробностях о Фатиме ср. Са‘д, VIII, с. 11–20; Навави, с. 850–851; Кутайба, с. 70, 106; Хаджар, IV, с. 724–731, № 823; *Хамис*, I, с. 313 и сл., 407 и сл.; Асир, *Усд*, V, с. 519–525; Sprenger, I, 203.

Сабит б. Акрам

§ 239. — Сабит б. Акрам б. Са‘лаба б. Ади аль-Аджлани аль-Балави, *халиф*, или союзник, ансаров, сподвижник Пророка, сражался при Бадре, при Ухуде и участвовал во всех последующих военных делах; был убит Тулайхой б. Хувайлидом аль-Асади незадолго до битвы при Бузахе (ср. §§ 132 и сл.; Хаджар, I, с. 385, № 867; Са‘д, III, ч. 2, с. 36–37, который на с. 37, стр. 6, утверждает, что это произошло в 12 г. х.; Асир, *Усд*, I, с. 220).

Уккаша б. Михсан

§ 240. — Уккаша б. Михсан б. Хурсан б. Кайс б. Мурра б. Букайр б. Ганм б. Дудан б. Асад б. Хузайма аль-Асади был союзником, *халифом*, бану абд шамс и одним из древнейших мусульман, обратившись в Мекке ещё до Бегства. Он участвовал в битве при Бадре и во всех последующих военных делах и погиб, будучи убит, когда служил разведчиком мусульманского войска под начальством Халида б. аль-Валида, в начале кампании против мятежников в 11 г. х. (ср. §§ 132 и сл.; Хаджар, II, с. 1177, № 9998; Асир, *Усд*, IV, с. 2–3; Кутайба, с. 139).

При жизни Магомета Уккаше было поручено начальство над походом в сорок человек (поход на аль-Гамр, ср. 6 г. х., § 4). Когда он был убит (в 12 г. х., говорит Ибн Са‘д) во время кампании Халида против мятежников под начальством Тулайхи, ему было 44 года (Са‘д, III, ч. 1, с. 64–65).

Сумама б. Усаль

§ 241. — Абу Умама Сумама б. Усаль б. ан-Нуʻман б. Салама б. Утба б. Саʻлаба аль-Ханафи аль-Ямами был взят в плен сподвижниками Пророка в походе, посланном Магометом в Неджд, и приведён в Медину, где обратился в ислам и стал одним из сподвижников Магомета. Он принадлежал к могущественному племени бану ханифа, но при смерти Пророка был одним из немногих в своём племени, кто остался верен мусульманскому делу: он отправился присоединиться к военачальнику аль-Аля б. аль-Хадрами и вместе с ним сражался против мятежных племён Бахрайна. При разделе добычи Абу Умама купил себе всю одежду и оружие одного из убитых вождей мятежников. Некоторые арабы из бану кайс б. саʻлаба, увидев его однажды в этом вооружении, приняли его за убийцу своего вождя и убили его (Хаджар, I, с. 412–413, № 956; Асир, *Усд*, I, с. 246–248; *Хамис*, II, с. 3, утверждает, что его обращение произошло в мухарраме 6 г. х.). Его смерть произошла весьма вероятно в 12 г. х. Ср. 12 г. х., § 56.

Ан-Нуʻман б. Асар (ср. 12 г. х., § 23, № 92)

§ 242. — Ан-Нуʻман б. Асар (или Аср) б. ар-Раби‘ б. аль-Харис б. Адим б. Умайя аль-Балави, *халиф*, или союзник, одной ветви бану амр б. ауф (ансаров), участник битвы при Бадре, был убит во время войны против Тулайхи б. Хувайлида аль-Асади (Хаджар, III, с. 1159, № 8258; однако Асир, *Усд*, V, с. 27, говорит, что он был убит при аль-Ямаме).

Ибн Аби Римса ат-Тамими

§ 243. — Ибн Аби Римса ат-Тамими был лекарем, и в особенности хирургом, современником Магомета, которому однажды (рассказывает Нуʻайм, от Ибн Аби Уяйны, от Ибн Абджара), увидев у него на плече мясистый нарост, названный впоследствии «печатью» пророческой миссии, предложил вылечить его. Но Пророк будто бы ответил ему: «Ты поистине искусный лекарь; но врачеватель — Бог» (Усайбиʻа, I, с. 116).